СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Е. Н. Носов 9

К 80-летию Каринэ Христофоровны Кушнаревой. 11

К 80-летию Клавдии Васильевны Павловой. 12

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Е. Матюхин. Об элементарных способах раскалывания камня в палеолите. 13

В. Я. Шумкин, А. И. Мурашкин. Новые данные о могильнике на Большом Оленьем острове Баренцева моря. 26

О. В. Лозовская, В. М. Лозовский. Типология и функции каменных изделий стоянки Замостье 2 (поздний мезолит-ранний неолит Русской равнины). 31

И. Клементе Конте (Испания), Е. Ю. Гиря. Анализ орудий из ребер лося со стоянки Замостье 2 (7 слой, раскопки 1996-97 гг.). 47

А. Ю. Тарасов. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии. 60

Боряна И. Матева (Болгария). Раскопки поселения среднего энеолита в Северо-Восточной Болгарии (предварительные результаты). 75

М. Холл, С. С. Миняев. Рентгеновский флуоресцентный анализ керамики сюнну. 80

Ю. А. Заднепровский (†). Могильник Уч-ат в Южной Киргизии. 90

А. И. Торгоев. К интерпретации могильника Уч-ат. 104

Л. Б. Кирчо, Г. М. Ковнурко (†). Престижные культовые предметы и украшения Алтын-депе из древнейших искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа). 108

К. Х. Кушнарева, М. Б. Рысин. Новые данные к хронологии памятников эпохи средней бронзы Южного Кавказа. 114

В. А. Папанова. Расписная ойнохоя местного производства из некрополя Ольвии. 128

Р. В.Стоянов. Еще раз об ориентировке и положении костяков в некрополе Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. 131

Х. Г. Ахунбабаев. К проблеме северных границ Греко-Бактрийского царства. 137

Н. В. Семенов. Происхождение иконографии и символика некоторых коптских стел. 143

Т. С. Нунан (†), *Р. К. Ковалев.* Большой клад дирхемов ранней эпохи викингов, найденный в 2000 г. в г. Козельске. 149

Е. М. Пашкин, В. О. Подборская. Исследование нижних частей несохранившейся угловой башни XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря. 164

А. В. Курбатов. «Меры сапожные» и проблематика ремесленного ученичества. 169

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

А. К. Филиппов. Роль орудий труда и символических средств в деятельности человека нижнего палеолита. 183

Н. Ф. Лисицын (†). Финальная пора позднего палеолита на юге Средней Сибири. 203

Г. Бозински. Средний палеолит: 250 000 лет нашей истории. 217

Ю. Е. Березкин. О путях заселения Нового Света: некоторые результаты сравнительного изучения американских и сибирских мифологий. 228

В. А. Кисель. Заметки о специфике рукопашного боя у сарматов. 290

С. В. Харитонов. О средневековом письменном памятнике «Записка готского топарха» в связи с результатами археологических исследований Эски-Кермена и его округи. 305

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Еще раз о стинковском варианте среднего палеолита Приднестровья (ответ на критические статьи А. С. Сытника). Ситник О. С. 1999. Стінківська мустьэрська культура: аналіз та інтерпретація джерел //Археологический альманах, № 8, Донецк. С. 171–191; Сытник А. С. 2000. Новые памятники стинковской индустрии на Днестре и их культурно-историческая интерпретация // Stratum plus, № 1, Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест. С. 332–350. (Рец. Н. К. Анисюткина). 316

Археология и этнография Великих Равнин. Handbook of North American Indians, Raymond J. DeMallie, volume editor. Vol. 13, parts 1–2. 1360 pp. 2001. Washington: Smithsonian Institution. (Рец. Ю. Е. Березкина). ... 320

Новые открытия пакистанских археологов. Farid Khan, J. R. Knox and K. D. Thomas. Explorations and Excavations in Bannu District, North-West Frontier Province, Pakistan, 1985–1988. British Museum Occasional Paper № 80. 170 pages, 71 figures, 21 plates. 1997. London: Department of Oriental Antiquities. (Рец. А. Я. Щетенко). 327

История и археология Новгорода в новом немецком издании. Novgorod: Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands / Hrsg. von Michael Müller-Wille, Valentin L. Janin, Evgenij N. Nosov u. Elena A. Rybina. – Neumünster: Wachholtz, 2001. – 399 c.: ил., карт. – (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd. 1). (Рец. А. Липатова). 332

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

С. А. Васильев. XIV конгресс Международного союза доисторических и протоисторических наук (Бельгия, Льеж, 2–9 сентября 2001 г.). 340

С. А. Васильев. Конференция «Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии» (Санкт-Петербург, февраль 2000). 341

Р. Фуллагар. Памяти С. А. Семенова: археология, трасология и технология. 344

М. Ю. Видейко. Международная конференция «Трипольский мир и его соседи» (Збараж, 20–23 августа 2001 г.). 345

ИСТОРИЯ НАУКИ

Г. В. Длужневская. Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН... 349

С. И. Руденко. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти). 361

Н. И. Платонова. Федор Кондратьевич Волков глазами ученика (к публикации очерка С. И. Руденко). 367

ПЕРСОНАЛИИ

М. Н. Пшеницына, Н. А. Боковенко. Михаил Петрович Грязнов (1902–1984 гг.). К 100 летию со дня рождения. 374

Т. Н. Заднепровская (†), Р. Ш. Левина, Д. А. Мачинский. Памяти Н. А. Винберг (к 100-летию со дня рождения). 379

М. Ю. Вахтина, Ю. В. Виноградов. Памяти друга. 385

Д. Абдуллоев, В. П. Никоноров. Памяти Владимира Ивановича Козлова. 388

БИБЛИОГРАФИЯ

О. Н. Сажина, Р. Ш. Левина. Работы отечественных ученых, опубликованные в зарубежных изданиях (1941–1991 гг.). (продолжение) 390

Список сокращений 421

CONTENTS

Editorial. E. N. Nosov 9

To the 80th Anniversary of K. Kh. Kushnareva. 11

To the 80th Anniversary of K. V. Pavlova. 12

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

A. E. Matyukhin. About Elementary Knapping Techniques in the Palaeolithic Period. 13

V. Ya. Shumkin, A. I. Murashkin. New Evidences about the Cemetery on Bolshoy Oleny Island in the Kola Bay of the Barents Sea. 26

O. M. Lozovskaya, V. M. Lozovskiy. The Typology and Functions of Stone Tools from the Site of Zamostye-2 (Late Mesolithic and Early Neolithic of the Russian Plain). 31

Ignacio Clemente Conte, E. Yu. Giria. L'analyse des outils des cotes d'elan de Zamostje 2 (la septieme couche, la fouilles 1996-1997 annees). 47

A. Yu. Tarasov. A Centre of Manufacture of Stone Macro-Tools of Eneolithic Period in Karelia. 60

Boryana I. Mateva (Bulgaria). Excavation of a Middle Eneolithic Settlement in North-Eastern Bulgaria (preliminary results). 75

M. Hall, S. Minyaev. An Energy Dispersive X-Ray Fluorescence Study of Xiong-nu Pottery. 80

Yu. A. Zadneprovskiy (†). The Cemetery of Uch-at in Southern Kirghizia. 90

A. I. Torgoev. To the Interpretation of the Cemetery of Uch-at. 104

L. B. Kircho, G. M. Kovnurko (†). Ceremonial and Ritual Objects and Adornments from Ancient Artificial Minerals from Altyn-Depe (data obtained by means of roentgenometric analysis). 108

K. Kh. Kushnareva, M. B. Rysin. New Data for the Chronology of the Middle Bronze Age Sites in Southern Caucasus. 114

V. A. Papanova. A Painted Oinochoe of Local Manufacture from the Necropolis of Olbia. 128

R. V. Stoyanov. Once More about the Orientation and Position of Skeletons at the Necropolis of the Tauric Chersonesos of the 5th – 1st Centuries BC. 131

H. G. Akhunbabaev. On the Problem of the Northern Boundaries of the Graeco-Bactrian Kingdom. 137

N. V. Semenov. The Origin of the Iconography of Some Coptic Stelae and their Symbolism. 143

Th. S. Noonan (†), *R. K. Kovalev.* A Large Early Viking-Age Dirham Hoard found in 2000 in the city of Kozel'sk. 149

E. M. Pashkin, V. O. Podborskaya. Investigation of the Lower Structures of a Non-Preserved 16th Century Corner Tower of the Kirillo-Belozerskiy Monastery. 164

A. V. Kurbatov. The «Shoemaking Measures» and Problems of the Handicraft Apprenticeship. 169

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

A. K. Filippov. Role of Tools and Symbolic Means in the Lower Palaeolithic Period. 183

N. F. Lisitsyn (†). The Final Stage of the Late Palaeolithic Period in the South of Central Siberia. 203

G. Bosinski. The Middle Palaeolithic 250,000 Years of Our History. 217

Yuri E. Berezkin. Peopling of the New World: Some Results of Comparative Study of American and Siberian Mythologies. 228

V. A. Kisel'. Notes on Peculiarities of Close Fight of Sarmatians. 290

S. V. Kharitonov. Medieval Document «Report of the Gothic Toparch» and Results of Archaeological Investigations of Eski-Kermen and its Surroundings. 305

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

Once More about the Stinkov Variant of the Middle Palaeolithic Culture of the Dniester Region (answering to the critical essays of A. S. Sytnik). Ситник О. С. 1999. Стінківська мустьєрська культура: аналіз та інтерпретація джерел // Arkheologicheskiy almanakh, № 8, Donetsk. P. 171–191; Сытник А. С. 2000. Новые памятники стинковской индустрии на Днестре и их культурно-историческая интерпретация // Stratum plus, № 1, St.-Petersburg–Kishinev–Odessa– Bucharest. Pp. 332–350. (Rev. by N. K. Anisyutkin). 316

The Archaeology and Ethnography of the Great Plains. Handbook of North American Indians, Raymond J. DeMallie, volume editor. Vol. 13, parts 1–2. 1360 pp. 2001. Washington: Smithsonian Institution. (Rev. by Yu. E. Berezkin). 320

New Discoveries of Pakistan Archaeologists. Farid Khan, J. R. Knox and K. D. Thomas. Explorations and Excavations in Bannu District, North-West Frontier Province, Pakistan, 1985–1988. British Museum Occasional Paper № 80. 170 pages, 71 figures, 21 plates. 1997. London: Department of Oriental Antiquities. (Rev. by A. Ya. Shchetenko). 327

The History and Archaeology of Novgorod in a New German Edition. Novgorod: Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands / Hrsg. von Michael Müller-Wille, Valentin L. Janin, Evgenij N. Nosov, Elena A. Rybina. – Neumünster: Wachholtz, 2001. – 399 pages.: ill., maps. – (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd. 1). (Rev. by A. Lipatov). 332

THE EAST-WEST COOPERATION

S. A. Vasil'ev. XIVth Congress of the International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences (Belgium, Liege, September 2–9, 2001). 340

S. A. Vasil'ev. Conference «Modern Experimental Tracewear and Technico-Technological Developments in Archaeology» (St.-Petersburg, February 2000). 341

R. Fullagar. In honour of S. A. Semenov: Archaeology, Usewear and Technology. 344

M. Yu. Videyko. International Conference «The Tripolye World and its Neighbours» (Zbarazh, August 20–23, 2001). 345

HISTORY OF SCIENCE

G. V. Dluzhnevskaya. The First Directors of the Photo Archive of the Institute of the History of Material Culture RAS. 349

S. I. Rudenko. In Memory of Fedor Kondrat'evich Volkov (50 Years since Death-Day). 361

N. I. Platonova. Fedor Kondrat'evich Volkov in the Eyes of a Pupil. 367

PERSONALIA

M. N. Pshenitsyna, N. A. Bokovenko. Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984). To the 100th Anniversary. ... 374

T. N. Zadneprovskaya (†), *R. Sh. Levina, D. A. Machinskiy.* In Memory of N. A. Vinberg (to the 100th Anniversary). 379

M. Yu. Vakhtina, Yu. V. Vinogradov. In Memory of a Friend. 385

D. Abdulloev, V. P. Nikonorov. In Memory of Vladimir Ivanovich Kozlov. 388

BIBLIOGRAPHY

O. N. Sazhina, R. Sh. Levina. Works of Soviet and Russian Scholars Published Abroad (1941–1991). (continuation). 390

ОТ РЕДАКЦИИ

Вы открываете сборник «Археологические Вести» – уже десятый том издания, подготовленный в Институте истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге. Оно было задумано тогда возглавлявшим ИИМК РАН В. М. Массоном, который считал главной задачей «Вестей» оперативное введение в научный оборот новой археологической информации. Предполагалось публиковать сведения о последних раскопках и исследованиях не только сотрудников ИИМК, но и ученых других стран СНГ и дальнего зарубежья. В. М. Массон полагал, и вполне справедливо, что только так может быть сломана информационная «берлинская стена», воздвигнутая между Западом и Востоком за долгие годы идеологического и организационного отчуждения.

Издание начиналось не легко. Прежде всего, естественно встал вопрос о его финансировании. Первый том был опубликован в 1992 г. при спонсорской помощи коллег из Словакии, прежде всего, доктора Павло Мочалы, тогда работавшего в г. Кошице. Последующие выпуски «Археологических вестей» издавались за счет ИИМК РАН при привлечении средств различных спонсоров. Только когда, начиная с пятого тома, они приобрели твердую поддержку РГНФ и публикационную базу в лице издательства «Дмитрий Буланин», «Археологические Вести» достаточно прочно утвердились в кругу отечественных исторических ежегодников.

За истекшее десятилетие «Вести» превратились в ежегодный том трудов ИИМК РАН, в котором, наряду с сотрудниками института и других археологических учреждений Санкт-Петербурга, широко представлены работы археологов других научных центров России – Москвы, Владивостока, Волгограда, Краснодара, Кяхты, Новгорода, Нововоронежа, Новосибирска, Петрозаводска, Саратова. На страницах издания неоднократно помещались исследования археологов Украины (Киев, Днепропетровск, Донецк, Запорожье, Симферополь, Херсон), различных стран СНГ – Молдовы, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. В «Археологических Вестях» опубликованы труды и информационные материалы, подготовленные учеными Великобритании, Вьетнама, Германии, Греции, Дании, Ирландии, Италии, Латвии, Нидерландов, Норвегии, США, Финляндии, Франции, Швеции, республики Кот д'Ивуар.

Многие обобщающие статьи и сообщения были написаны известными российскими и зарубежными исследователями (полная библиография опубликованных работ в 1–10 выпусках издания подготовлена для очередного выпуска ежегодника). Среди авторов мы находим имена З. А. Абрамовой, Ю. В. Андреева, Ю. А. Заднепровского, И. С. Каменецкого, А. Н. Кирпичникова, Г. Ф. Коробковой, Д. А. Крайнова, К. Х. Кушнаревой, В. П. Любина, Б. И. Маршака, В. М. Массона, С. В. Ошибкиной, Б. Я. Ставиского, А. Д. Столяра, В. Л. Янина (Россия), С. Д. Крыжицкого и П. П. Толочко (Украина), К. М. Байпакова (Казахстан), Т. Нунана (США), Ж. Клотта (Франция), Б. Амбросиани и И. Янссона (Швеция), А. Стальсберг (Норвегия), А. Гвиди (Италия) и других.

Одной из важнейших задач ежегодника стало ознакомление научной общественности России с организацией науки и подготовкой специалистов по археологии в зарубежных странах. За прошедшие годы такие статьи были подготовлены по археологии Вьетнама, Греции, Ирландии, Казахстана, Норвегии, США, Таджикистана, Финляндии

и Франции. В области научного рецензирования подход редакции первоначально заключался в оценке и характеристике, прежде всего, зарубежных монографий и сборников. Это было связано с настоятельной потребностью ознакомления российских ученых с новейшими западными изданиями, поскольку последние, и то далеко не всегда, со значительным опозданием поступают в центральные библиотеки Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, а для археологов других городов России долгое время вообще остаются не известными. Этими же принципами было вызвано внимание редакции к освещению результатов важнейших международных конференций, проходивших как в России, так и за рубежом, при участии российских коллег.

Актуальными рубриками «Археологических Вестей» мы считаем разделы по истории археологической науки, воспоминания о коллегах уже ушедших из жизни. Имеет смысл отметить интересные статьи о научной деятельности таких крупных и неоднозначных фигур отечественной археологии, как

Н. Я. Марр и В. И. Равдоникас, талантливо подготовленные Н. И. Платоновой, а также материалы о творчестве М. И. Артамонова – первого директора ИИМК АН СССР, П. И. Кеппена, митрополита Евгения, Н. Н. Мурзакевича, П. П. Покрышкина, Ф. К. Волкова, С. А. Семенова.

Подготовка ежегодника осуществляется сотрудниками ИИМК РАН, совмещающими научную деятельность с редакторской работой. В период становления сборника редакционный коллектив менялся. В настоящее время сложилась небольшая плодотворно работающая творческая группа.

Мы надеемся, что, опираясь на лучшие традиции российской науки, привлекая к совместному сотрудничеству умудренные опытом признанные кадры отечественной археологии и молодые таланты, при разумном учете опыта западных коллег «Археологические Вести» и в дальнейшем смогут вносить свой посильный вклад в развитие археологических знаний в нашей многонациональной стране в целях познания ее прошлого и культуры.

Е. Н. Носов

Каринэ Христофоровна Кушнарева

К 80-летию со дня рождения

Каринэ Христофоровна Кушнарева родилась в 1922 году. В 1947 году после окончания кафедры археологии Ленинградского государственного университета она была принята в аспирантуру Первобытного отдела Государственного Эрмитажа. По завершении аспирантуры Каринэ Христофоровну пригласили на работу в ИИМК РАН (тогда Ленинградское отделение Института археологии), где она трудится до сих пор, уже более 50 лет. В начале профессионального пути судьба свела Каринэ Христофоровну с замечательными человеком, и блестящим ученым-кавказоведом Александром Александровичем Иессеном, ставшим ее учителем и наставником. Становление Каринэ Христофоровны как археолога-полевика и ученого-исследователя связано с многолетними работами на Южном Кавказе в составе Азербайджанской экспедиции, руководил которой А. А. Иессен.

Работа в Азербайджанской экспедиции определила выбор Каринэ Христофоровной ее дальнейшего творческого пути, – отныне ее научные интересы связаны с археологией Южного Кавказа. За семь лет работы руководителем отряда Азербайджанской экспедиции ИИМК РАН Каринэ Христофоровна прошла серьезную школу полевых работ. Отряд под ее руководством осуществил первые широкомасштабные раскопки поселения эпохи средней бронзы Узерлик-тепе, позволившие восстановить картину комплексного хозяйства того времени.

Венцом многолетней научной работы Каринэ Христофоровны по праву считается монография «Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э.». В этом фундаментальном исследовании Южный Кавказ впервые предстает как единый регион во всем многообразии культур, а их развитие представлено на обширном историческом фоне.

Все, кто знаком с Каринэ Христофоровной, отмечают ее общительный характер. В ее гостеприимном доме за круглым столом собирались и собираются многочисленные друзья. Здесь побывало большинство археологов-кавказоведов из Тбилиси, Еревана, Баку, Сухуми, Махачкалы, Москвы и других городов России и ближнего зарубежья. Многим из них Каринэ Христофоровна оказала помощь и поддержку, общение с ней и ее работы служат ориентиром в сложнейших проблемах кавказоведения для отечественных и зарубежных археологов. Долгих Вам лет жизни и новых творческих успехов, дорогая Каринэ Христофоровна.

Клавдия Васильевна Павлова

К 80-летию со дня рождения

Редакция «Археологические Вести» сердечно поздравляет Клавдию Васильевну Павлову – старейшего сотрудника нашего Института, с замечательным юбилеем. Характер и удивительные человеческие качества – доброжелательная требовательность, принци-пиальность, отзывчивость и чуткость – Клавдии Васильевны сформировались и закалились во время войны. В осажденном Ленинграде, работая медицинской сестрой, она спасла десятки жизней маленьких детей. Ее подвиг равен подвигу солдата на передовой линии фронта. После войны, закончив Ленинградский государственный университет, всю свою трудовую и творческую деятельность она связала с коллективом Института истории материальной культуры РАН. Коллеги высоко ценят ее преданность науке и общим делам института.

Археологические памятники, исследованные Клавдией Васильевной Павловой, раскопаны с большим мастерством и на высоком методическом уровне. Многие годы она посвятила изучению древнерусского городища Осовик. Благодаря ее подвижническому труду материалы, добытые при раскопках, обрели постоянное место хранения, и шаг за шагом вводятся в научный оборот. Статьи Клавдии Васильевны Павловой, подготовленные с особой тщательностью и скрупулезностью, украшают последние издания нашего института.

Мы желаем Клавдии Васильевне доброго здоровья на долгие годы, благополучия и творческих успехов. Искренне восхищаемся силой духа и достоинством, с которыми она идет по жизни.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ СПОСОБАХ РАСКАЛЫВАНИЯ КАМНЯ В ПАЛЕОЛИТЕ

А. Е. МАТЮХИН[1]

Среди различных видов механического воздействия обработка камня с помощью удара получила наибольшее распространение в первобытную эпоху. Уже в самых ранних работах по каменному веку утвердилось мнение о том, что раскалывание камня осуществлялось с помощью отбойника, а обрабатываемый предмет находился в другой руке, то есть на весу (Evans 1860: 289–293; Lyell 1863: 118; Lubbock 1876: 75–82; G. de Mortillet 1883: 79–85; A. de Mortillet 1910: 2–6; Vayson 1920: 441–496).

Наряду с этим основным способом обработки (сложным в технологическом отношении) в литературе уже давно назывались и другие более простые способы. Прежде всего, речь идет о так называемой технике «блок он блок»: раскалывание предметов путем их удара о наковальню (A. de Mortillet 1910: 131; Bordes 1947: 2–3, 1961: 13, 16; Baden-Powell 1949: 38–41). Данная техника предполагает как горизонтальное, так и вертикальное расположение предметов (Матюхин 1977: 7–8, 1983: 137–140). Отдельные авторы (Alimen 1955: 338) связывают использование этой техники с клектонским способом расщепления нуклеусов. Своеобразным способом раскалывания следует признать «биполярную технику»: расщепление с помощью отбойника галек небольших размеров вертикально поставленных на наковальне. Использование этой техники выявлено, например, в Чжоукоудяне (Breuil 1932: 8–10, 1936: 742; Pei Wen Chung 1939: 16–18; Senshui 1985: 158) и ряде памятников Европы (Peretto 1997: 597–615). Кроме этих способов первичного раскалывания многие авторы указывали на существование приемов фрагментации уже снятых отщепов и пластин на отдельные части (Vignard 1933: 72–83; Siret 1933: 120–126; Bordes 1953: 224–226; Любин 1978: 23–32; Гладилин 1985: 24; Матюхин 1994: 62–84). Приводились также примеры грубого разбивания и дробления желваков, плиток, валунов и обломков на наковальне и земле с помощью тяжелых отбойников (Матюхин 1986: 102). Элементарный способ скалывания отщепов с желваков, расположенных на земле или подставке, описан Г. А. Бонч-Осмоловским (1940: 130). О случаях хаотичного разбивания камня упоминали в своих работах и более ранние авторы (Lubbock 1876: 80; Городцов 1923: 130). Отметим также, что такого рода разбивание или, по-другому, дробление некоторые авторы связывают с самым начальным этапом обработки камня: более 2 млн. лет назад (Isaak 1984: 37; Gladilin, Sitlivy 1987: 193–204; Мочанов 1988: 42–45; Гладилин, Ситливый 1990: 8).

В настоящей работе мы намерены рассмотреть элементарные (специфические) способы раскалывания камня с технологической точки зрения. При этом мы будем опираться, прежде всего, на те памятники, материалы которых нам удалось изучить в разные годы. Приводятся также данные экспериментов и литературные источники. В работе использованы материалы памятников Закарпатья и Ростовской области. В последнем случае речь идет об исследованных автором мустьерских и позднепалеолитических мастерских в долине Северского Донца.

Принимая во внимание имеющиеся сведения, кроме основного способа раскалывания с помощью отбойника, можно назвать следующие спо-

[1] Россия. 191186. Санкт–Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

© А. Е. Матюхин, 2003

собы: а) ударом о наковальню, то есть техника «блок он блок»; б) биполярная техника; в) разбивание камня на земле или наковальне с помощью отбойников; г) разбивание камня путем его бросания на другой камень. Прежде чем приступить к описанию археологических материалов, дадим краткую технологическую характеристику перечисленных способов, основываясь на результатах проведенных нами экспериментов. При этом мы не будем касаться «биполярной техники», поскольку в изученных археологических коллекциях она не встречается. Эксперименты в определенной степени описаны автором в ряде работ (Матюхин 1976: 9–13, 1977: 7–9, 1983: 137–147, 1986: 95–104).

Техника «блок он блок». У отщепов, снятых с вертикально расположенных валунов, точка удара представлена в виде отчетливой вмятины, а не конуса удара. Отщепы имеют крупные размеры, небольшую толщину и слабо удлиненные пропорции. Края их нередко тонкие. На брюшковой поверхности отсутствует ударный бугорок. Ударная волна выражена рельефными линиями. Этот прием использовался обычно для начального уплощения исходных заготовок (валунов) или опробования их качества на мастерских и стоянках, приуроченных непосредственно к выходам сырья. Если край валуна в месте удара недостаточно уплощен, то снимаемые сколы будут иметь небольшие размеры и укороченные пропорции. Довольно часто в момент удара отщепы ломаются. У отщепов из изотропных пород, как правило, дробится их проксимальная часть.

С валунов, расположенных горизонтально к поверхности наковальни, удается скалывать довольно крупные отщепы с широкими и скошенными ударными площадками. При этом, часто получаются не собственно отщепы, а обломки–отщепы. Ударные площадки у них широкие (до 15 см). Конус удара нередко раздроблен или даже отсутствует совсем. Точка удара часто представлена в виде вмятины. Она может отсутствовать совсем, если на валуне в месте удара имеются инородные включения, пустоты или толстая валунная корка. «Брюшком» является сильно изогнутый торец, что особенно заметно на дистальном конце. При использовании данного способа нередко возникают также обломки с относительно крутыми торцами.

Следующий способ – разбивание камня на наковальне с помощью тяжелых отбойников. При разбивании валунов, лежащих на земле, конус удара, вмятина или фасетки присутствуют в верхней части торца возникаемого обломка, то есть со стороны отбойника. При использовании наковальни точка удара отмечается как со стороны отбойника, так и со стороны наковальни (рис. 1: 9). Конус удара присутствует далеко не всегда: от сильных ударов он часто выкрашивается. Его удаление может сопровождаться снятием крупной чешуйки или отщепа. У желваков и плиток конус удара сохраняется гораздо чаще, чем у валунов. Кроме того, он может присутствовать на торцах как в зоне контакта и с отбойником, и с наковальней. Близкая ситуация фиксируется и при фрагментации крупных и массивных в сечении отщепов. Ударная волна на торцах обломков при разбивании предметов всех упомянутых типов в большинстве случаев обратная, то есть со стороны наковальни или земли. Наиболее рельефно она проступает у дистальной части торцов. На торцах обломков, полученных при разбивании крупных валунов, ударная волна нередко представлена в виде гребней. В любом случае она заметно рельефная. Поверхность торцов обломков, особенно крупных, обычно неровная, бугристая. На ней часто имеются отчетливые поперечные трещины, образованные крупными или мелкими очень тонкими неснятыми, но очерченными сколами. Характерными являются также многочисленные мелкие образования: трещинки, «складки», «белесые брызги» идущие от места удара, а также образования, напоминающие «усики» и «реснички». Довольно часто валуны, желваки, плитки и обломки раскалывались не в точке удара. В этом случае все перечисленные признаки будут представлены менее отчетливо, а некоторые будут отсутствовать. На торцах таких обломков нет точки удара, крупных поперечных трещин, вмятин, меньше мелких неснятых образований и т. п. Однако ударная волна всегда выразительная. Нередко в момент удара уплощенные валуны и желваки, отдельные плитки и крупные отщепы раскалываются на несколько обломков, часто подтреугольной формы.

Опишем также способ многократного разбивания на наковальне с помощью отбойника некрупных предметов, например, плиток, галек, обломков, желваков (рис. 1: 1–8). При этом удары часто наносятся по неровной, сферической или остроугольной поверхности, под разным углом к обрабатываемым предметам. Такой способ называют собственно дроблением. Морфология продуктов разбивания зависит от ряда причин: степени изотропности пород, толщины корочного покрытия исходных заготовок, формы участков, по которым приходятся удары, наличия инородных включений, пустот, трещин и т. п. Поскольку удары наносятся часто по неудобным, то есть любым местам предметов, то с технологической точки зрения процесс является неконтролируемым, хаотичным. Получается много безрезультатных ударов. В большинстве случаев после ударов (результативных и безрезультатных) появляются отчетливые вмятины (рис. 1: 2–5, 7–8). Они могут быть в разных местах отщепов и нуклеусов. Очертания полученных отщепов неправильные (рис. 1: 2–7). Края их неровные, зубчатые или выемчатые, нередко отчетливо раздробленные. По краям или на концах отдельных отщепов может присутствовать

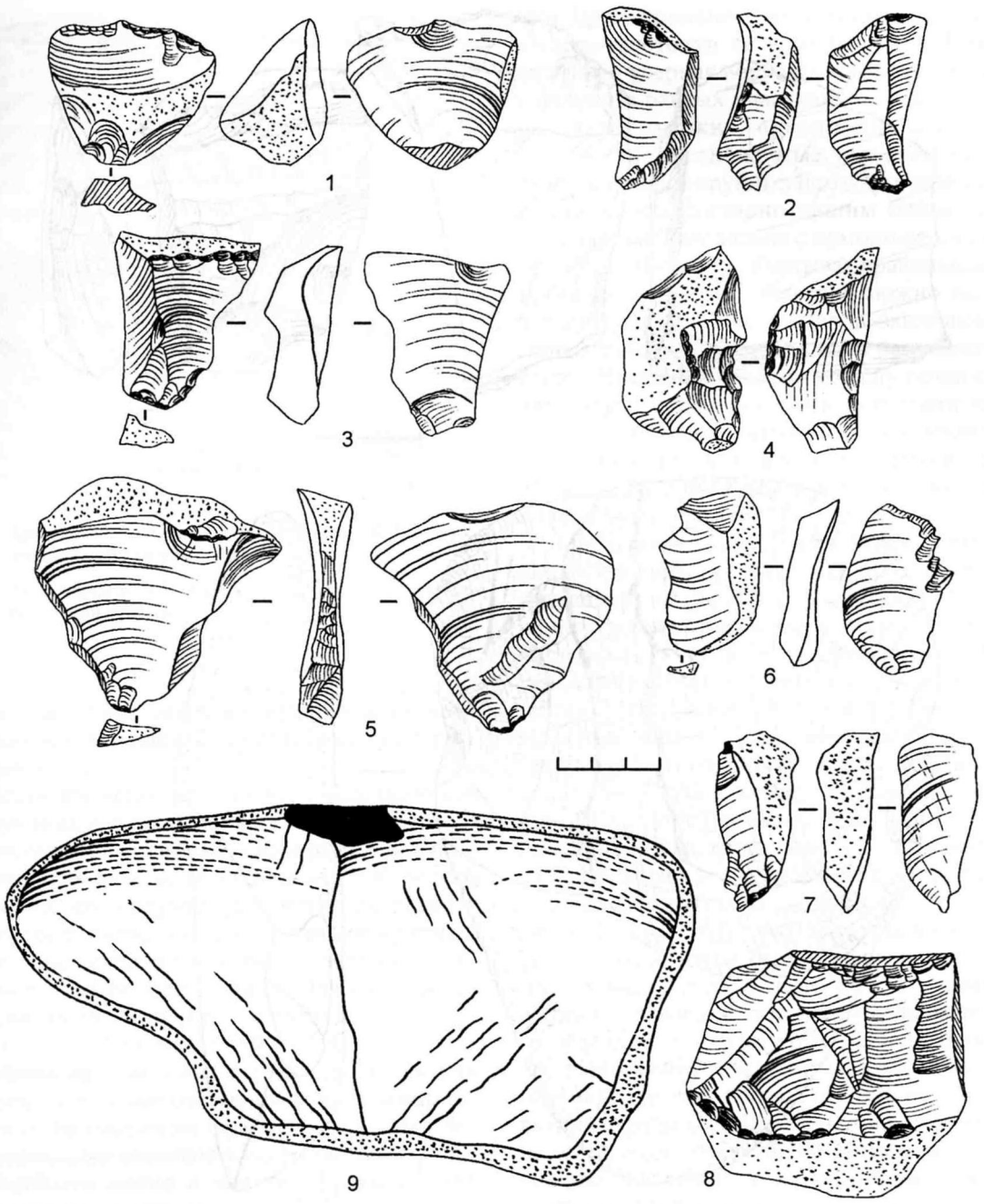
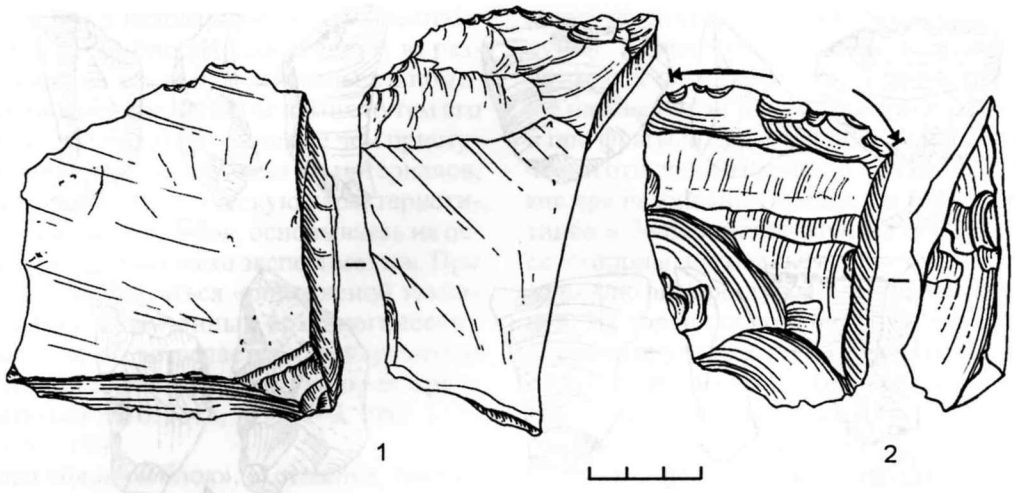


Рис. 1. Эксперименты по моделированию элементарных способов раскалывания. 1–7 – отщепы; 8 – нуклеус; 9 – нуклевидный обломок. 1–8 – кремень; 9 – кварцит.

Fig. 1. Experiments in simulation of elementary knapping techniques. 1–7 – flakes; 8 – core; 9 – core-like fragment. 1–8 – flint; 9 – quartzite.

контрударная ретушь, возникающая от их контакта с наковальней (рис. 1: 1, 4). Снятие отщепов происходит как со стороны отбойника (чаще), так и наковальни. Отметим при этом, что на обоих концах некоторых отщепов наблюдаются вмятины или конус удара (рис. 1: 1–3, 5, 7). Многие отщепы дробятся на ряд бесформенных обломков. Кремневые и кварцитовые отщепы на своей поверхности нередко имеют заметные трещины. Приведем следующие примеры: при раскалывании кремневого желвака (23 х 13 х 9 см) получилось 2 нуклеуса, 32 грубых отщепа с выраженными элементарными признаками, 5 осколков средних размеров, 23 мелких осколка и чешуйки и 57 очень мелких осколков и чешуек. У 12 отщепов конус удара поврежден. Ударные площадки отмечены у 18 экз., у 7 отщепов они повреждены. Ударный бугорок расплывчатый. Кроме грубых сколов получены и относительно выразительные. При хаотичном разбивании мелких галек и отщепов возникает много осколков и мало отщепов. В заключение отметим, что практически на всех предметах расщепления имеется ударная волна, а во многих случаях –



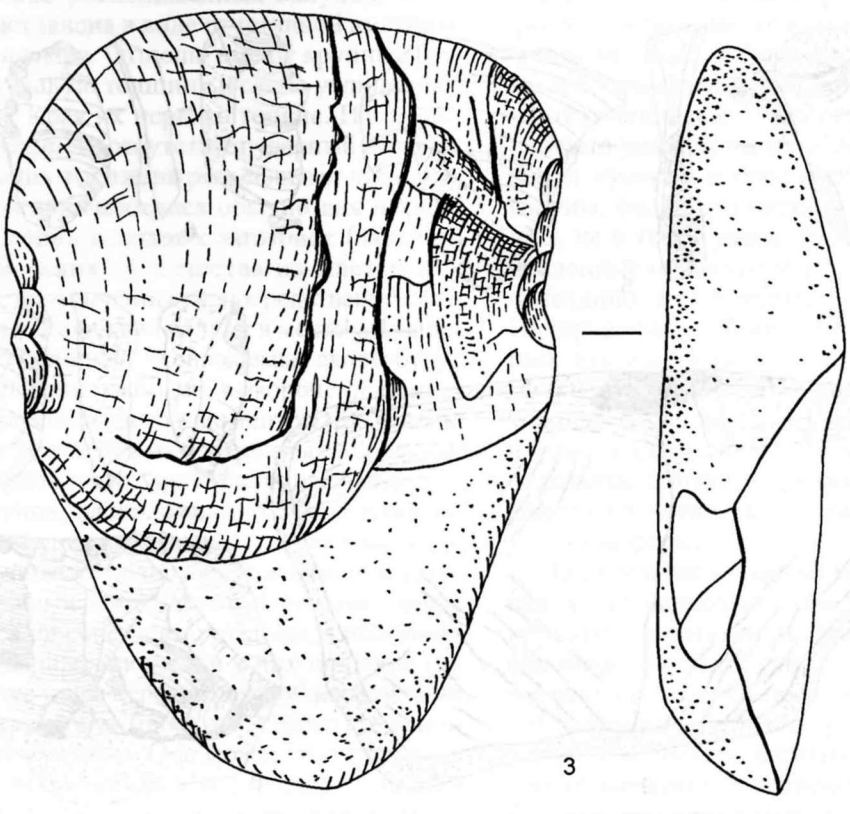


Рис. 2. Археологические материалы. 1–2 – Королево 1 (по: Гладилин, Ситливый 1990, табл. XXVI); 3 – Калитвенка 1в. 1–2 – колуноподобные орудия; 3 – валун с негативами крупных сколов, техника «блок он блок».

Fig. 2. Archaeological finds. 1–2 – Korolevo 1 (after: Gladilin, Sitlivy 1990, pl. XXVI); 3 – Kalitvenka 1в. 1–2 – cleaver-like tools; 3 – cobble with negatives of large flakes, block on block technique.

точка удара, то есть элементарные археологические признаки.

Морфология торцов обломков, которые возникают при бросании крупных валунов на лежащие на земле другие крупные валуны, в целом похожа на описанные выше обломки. Однако все признаки здесь выражены более отчетливо. Обычно фиксируется несколько поперечных трещин, разделяющих единую поверхность торца. Последняя часто неровная, бугристая. В зоне поперечных трещин отмечены крупные и мелкие неснятые, но оконтуренные тонкие сколы. На поверхности торцов много мелких трещин, а также «усиков», «язычков», «ресничек» и т. п. На многих торцах отмечаются участки раздробленной и раскрошенной массы кремня.

К элементарным способам расщепления оправданно относить также раскалывание некрупных отщепов и пластин с помощью отбойника на наковальне или земле (Матюхин 1994: 62–84). Этот способ используется как при изготовлении орудий, прежде всего крупных, так

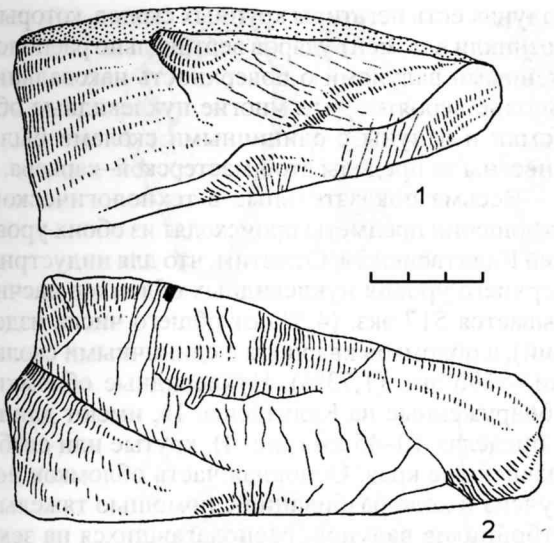


Рис. 3. Археологические материалы. Калитвенка 1б. 1–2 – нуклевидные обломки из кварцита.

Fig. 3. Archaeological finds. Kalitvenka 1б. 1–2 – core-like fragments from quartzite.

и при получении заготовок нужной величины. Данный прием в настоящей статье не будет рассматриваться.

Перейдем непосредственно к описанию интересующих нас предметов из некоторых археологических памятников. Обратимся вначале к материалам ашельского комплекса 5 Королево 1. Речь в данном случае будет идти не о первичном расщеплении, а о фрагментации крупных андезитовых отщепов при изготовлении орудий, названных секачами и сечками. Памятник опубликован достаточно полно (Гладилин 1985: 12–28; Гладилин, Ситливый 1990: 25–65, 1992: 61–76). Лишь на отдельных секачах из ашельских комплексов и позднепалеолитического комплекса отмечена частичная фрагментация – отсечение небольших участков у отщепов–заготовок.

Наиболее полно и заметно фрагментация представлена на сечках (рис. 2: 1–2). Они имеют подпрямоугольные и дивергентные очертания. Преобладают сечки, у которых один край отсечен, а другой обработан сколами или ретушью. Сечек с двумя отсеченными боковыми краями гораздо меньше. Отсеченные края могли быть дополнительно подвергнуты регулярной обработке. Заготовками сечек служили плоские андезитовые обломки, а также (чаще) крупные отщепы. Судя по всему, отщепы раскалывались на 2–3 фрагмента. На некоторых орудиях можно проследить следы дополнительного, обычно частичного отсечения краев у полученных обломков.

На фрагментированных торцах большей части орудий точка удара выражена в виде или конуса, или углубления. На отдельных предметах точка удара отсутствует, что, скорей всего, связано с наличием инородных включений и пустот. Другой причиной является раскол исходного отщепа-заготовки не в точке удара. Наиболее рельефно ударная волна фиксируется на концах торцов. На разных участках последних отмечены также «усики», «реснички» и т. п. Края торцов или заметно крутые, или слегка скошенные. Рассечение крупных исходных отщепов осуществлялось, согласно нашим наблюдениям, на земле или наковальне с помощью достаточно тяжелого отбойника. Учитывая правильные очертания рассеченных обломков, можно полагать, что при фрагментации отщепов–заготовок наносились рассчитанные, а потому результативные удары. Вполне оправдано к числу сечек с преднамеренно отсеченеными боковыми краями относить и такие, на краях которых, кроме ударной волны, никаких других признаков не установлено. Этот факт, как отмечалось выше, имеет свое объяснение.

Обратимся теперь к палеолитическим памятникам в долине Северского Донца. Начнем с Калитвенских мустьерских мастерских. Памятники находятся на территории Каменского района Ростовской области, в окрестностях ст. Калитвенской. Они описаны автором в ряде работ (Матюхин 1987: 83–88, 1995: 24–44, 1996: 10–16). Практически все мастерские приурочены к богатым выходам кварцита. Это Калитвенка 1, 1б, 1в, 2 и 10. Кварциты, залегающие в палеогеновых песках, представлены здесь в виде валунов различных размеров, плит и жил. Скопления валунов имеют в поперечнике от 1 до 12 м. На некоторых памятниках, в частности, Калитвенке 1в, 1б и 2 в ходе раскопок удалось вскрыть скопления, которые были «освоены» древними мастерами. Следует заметить, что кварциты и кремни, лежащие на поверхности, имеют много дефектов и поэтому обладают низкими технологическими свойствами. Первобытные люди, обитавшие в этих местах, стремились использовать кварциты хорошего качества, выкапывая их из песка, то есть из глубины. Интересно, что многие валуны, плиты и жилы под воздействием внешних факторов постепенно распадались на крупные обломки, которые затем могли быть использованы палеолитическими людьми.

Многочисленные нуклевидные обломки (то есть обломки, возникающие при разбивании валунов, плит, желваков и т. п.), валуны и их обломки с единичными сколами обнаружены на Калитвенке 1б. На западном участке памятника они связаны с жилой длиной около 10 м, которая была частично разбита первобытными мастерами. На восточном участке выявлены 2 крупных скопления, которые включают не только перечисленные предметы, но также грубые отщепы (первичные и полупервичные), осколки и пробные нуклеусы. Выразительные отщепы отсутствуют. Судя по всему, на данном участке происходило целенаправленное разбивание валунов для получения заготовок нуклеусов в виде нуклевидных

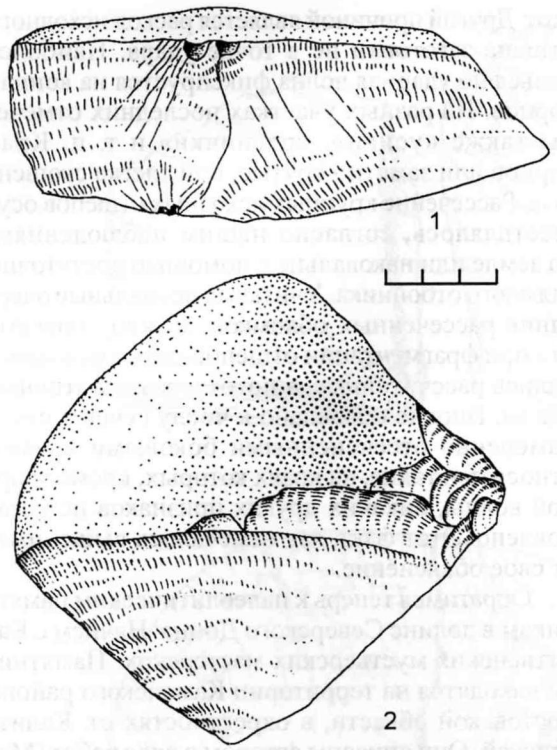


Рис. 4. Археологические материалы. Калитвенка 1в. 1–2 – нуклевидные обломки.

Fig. 4. Archaeological finds. Kalitvenka 1в. 1–2 – core-like fragments.

обломков. В то же время расщепление нуклеусов здесь не проводилось. Кроме крупных скоплений на данном участке отмечены небольшие скопления кварцитов, а также отдельные валуны, как целые, так и преднамеренно разбитые на обломки. От отдельных крупных валунов отбивались лишь небольшие куски, очевидно, для опробования качества породы. В случае дефектов последней дальнейшее раскалывание не проводилось. Длина нуклевидных обломков колеблется в пределах 10–40 см (рис. 3). Учитывая морфологию торцовых частей нуклевидных обломков, можно предположить, что исходные крупные валуны разбивались тяжелыми отбойниками длиной более 20 см, которые в ходе нанесения ударов удерживались двумя руками. На торцах ряда обломков отмечены отчетливые точки удара в виде выкрошенного конуса, вмятины и углубления, фасеток или мелких сколов, а также оконтуренные, но не снятые тонкие отщепы и чешуйки (рис. 3). Имеются и другие характерные признаки. Нуклевидные обломки с такими признаками, исходя из данных экспериментов, скорей всего, возникли при разбивании исходных валунов на земле или наковальне. Кроме собственно нуклевидных обломков обнаружены также обломки-отщепы, которые могли получиться в результате использования техники «блок он блок» (горизонтальная позиция разбиваемых предметов). На отдельных уплощенных валунах есть негативы крупных сколов, которые возникли в момент ударов вертикально расположенными валунами о поверхность наковальни. Вполне вероятно, что многие нуклевидные обломки и валуны с единичными сколами были унесены за пределы этой мастерской–карьера.

Весьма показательные в технологическом отношении предметы происходят из обоих уровней Калитвенки 1в. Отметим, что для индустрии верхнего уровня нуклевидных обломков насчитывается 517 экз. (4,5% от общего числа изделий), а обломков кварцита с единичными сколами – 196 экз. (1,73%). Нуклевидные обломки, обнаруженные на Калитвенке 1в, имеют длину в пределах 10–45 см (рис. 4), крутые или слабо скошенные края. Основная часть обломков получена в ходе разбивания с помощью тяжелых отбойников валунов, располагавшихся на земле или на наковальне (рис. 4: 1). Обломки возникали как непосредственно в месте удара, так и в зоне, удаленной от последнего. Выделено несколько крупных обломков–отщепов, которые получены при использовании техники «блок он блок» (рис. 4: 2).

Нуклевидные обломки имеют прямоугольные или подтреугольные очертания. На торцах многих кусков фиксируется точка удара, представленная в виде конуса, вмятины, углубления, фасеток и сколов. У многих обломков точка удара отсутствует, что можно объяснить расколом валуна не в точке удара или дефектами сырья. Поверхность торцов преимущественно неровная, нередко бугристая. На многих обломках сохранены образования, оконтуренные трещинами. Характерны также «россыпи», «брызги», «реснички», «усики» и поперечные трещины. Выделено немало обломков нуклевидной формы, которые имеют небольшие вмятины непосредственно на их вершинах. Это описанный выше случай, когда в результате удара, нанесенного по центру валуна, последний раскалывается одновременно на ряд обломков указанной формы. Отчетливая ударная волна присутствует на всех обломках. На участках торцов, расположенных ближе к точке удара, она проявляется слабей, чем у дистального конца. Здесь волна представлена нередко в виде гребней. Менее заметна волна на обломках, возникших в ходе непрямых ударов. Нужно обратить внимание на наличие в инвентаре обоих уровней памятника очень крупных укороченных отщепов, длиной 25–45 см и толщиной 10–15 см. Не исключено, что некоторые отщепы были сняты при помощи двуручного отбойника с валунов, расположенных на земле. Скорее всего, такие отщепы скалывались для опробования породы или получения заготовок нуклеусов. Интересны обломки валунов с негативами очень крупных сколов. Точка удара у начала негативов, как правило, отсутствует. Это свидетельствует об использовании техники «блок он блок». С ее помощью, скорее всего,

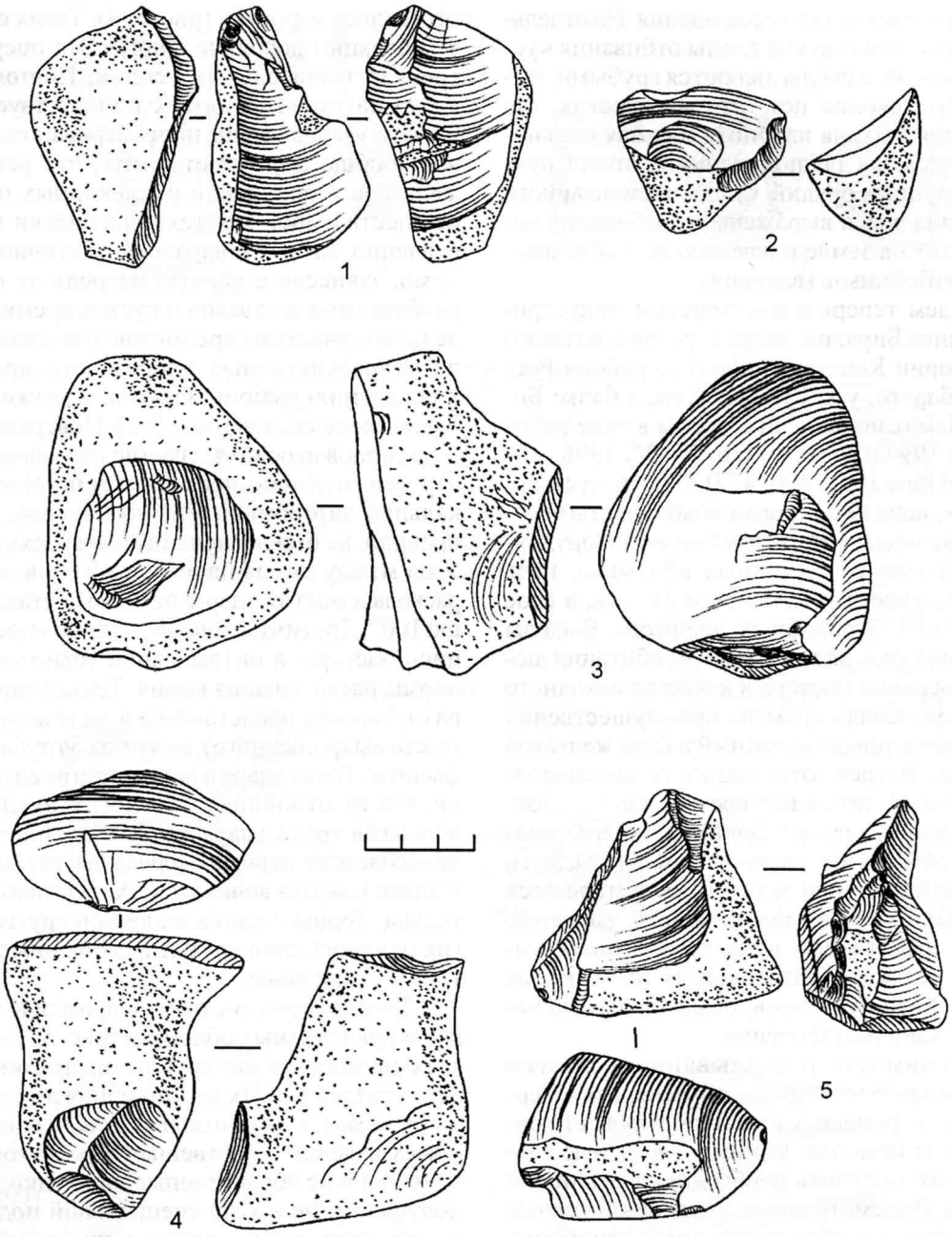


Рис. 5. Археологические материалы. Бирючья балка 2, мустьерские слои. 1–2 – обломки-отщепы; 3 – отщеп; 4–5 – нуклевидные обломки.

Fig. 5. Archaeological finds. Biryuchya Balka 2, mousterian layers. 1–2 – fragment-flakes; 3 – flake; 4–5 – core-like fragments.

были получены и некоторые крупные отщепы. Кроме того, выделено около 10 валунов, у которых в зоне уплощенных краев с двух сторон имеются мелкие и относительно крупные негативы снятий (рис. 2: 3). Вероятней всего с помощью таких сколов происходило опробование качества конкретных валунов. Также вполне уверенно можно говорить о раскалывании на наковальне валунов в вертикальной позиции.

Несколько выразительных нуклевидных обломков (всего их 37 экз.) длиной 7–12 см обнаружено в 9–м горизонте памятника Калитвенка 1. У них относительно крутые, умеренно и заметно скошенные края. Видимо они получались в ходе раскалывания валунов на земле или наковальне с помощью тяжелого отбойника. Не исключено также использование техники «блок он блок» (горизонтальная позиция раскалываемых предметов). У многих обломков на торцах нет точки удара, что также находит свое объяснение (см. выше).

На Калитвенке 2 обнаружено крупное скопление кварцитов, состоящее из массивных валунов и плит. Выявлено большое количество нуклевидных обломков, валунов и их обломков с единичными сколами и нуклеусов, оставлен-

ных в начальной стадии расщепления. На отдельных плитах видны четкие следы отбивания кусков кварцита. Все сколы являются грубыми, выразительных сколов нет. Это мастерская, где проводилась добыча кварцита и самая первичная его обработка для получения заготовок нуклеусов и крупных орудий. Следы элементарного расщепления здесь выражены в разбивании валунов и плит на земле и наковальне с помощью тяжелых отбойников (валунов).

Перейдем теперь к мустьерским индустриям памятника Бирючья балка 2, расположенного на территории Константиновского района Ростовской области, у х. Кременского, в балке Бирючьей. Памятник описан автором в ряде работ (Матюхин 1994а: 4–16, 1994б: 25–37, 1996: 21–24; Matioukhine 1998: 470–477). В пяти мустьерских слоях, наряду с огромным количеством отщепов, осколков, чешуек, нуклеусами и орудиями есть немало нуклевидных обломков. Речь идет, прежде всего, о слоях 5б и 5в. Так, в слое 5б выделено 172 подобных предмета. Выходы сырья находились рядом с местом обитания людей. Мустьерские мастера в качестве исходного сырья использовали кремень преимущественно темного цвета, представленный в виде желваков и обломков. Встречаются разности неоднородного кремня. В целом все кремни имеют удовлетворительное качество. Однако на многих желваках и обломках отмечены трещины, пустоты, инородные включения и т.п. В инвентаре всех упомянутых слоев выделено много умеренно и заметно сработанных нуклеусов, а также выразительных сколов–заготовок. В то же время собрано немало нуклеусов, оставленных на начальной стадии расщепления.

Необходимость раскалывания желваков и обломков кремня, видимо, объяснялась в первую очередь стремлением мастеров провести опробование их качества, удалить дефектные участки, а также получить необходимые заготовки нуклеусов. Просмотренные нами нуклевидные обломки, желваки, обломки кремня с единичными сколами, пробные нуклеусы позволяют сделать вывод, что эта операция проводилась: а) на земле или наковальне с помощью относительно тяжелого отбойника; б) на весу отбойником; в) с использованием техники «блок он блок». Отметим, что последний способ применялся довольно редко, явно преобладали два первых. Разделить их в ряде случаев довольно трудно и даже невозможно. Тем не менее, в отношении многих предметов это вполне реально.

Интересующие нас предметы представлены нуклевидными обломками, обломками-отщепами и очень массивными грубыми отщепами. Рассмотрим вначале нуклевидные обломки (рис. 5: 4–5). Длина их в пределах 5–10 см. Внимательное изучение морфологии торцовых частей приводит к выводу, что разбивание проводилось различным образом. У нуклевидных обломков отсекались отростки (рис. 5: 4). Таких обломков в коллекции довольно много. Эта операция не требует значительных усилий. Поэтому точка удара на таких обломках присутствует редко. Однако ударная волна просматривается отчетливо. Вообще следует отметить, что разбивание желваков и получение нуклевидных обломков осуществлялось как технологически целенаправленно, так и относительно хаотично, что, видимо, зависело в первую очередь от толщины разбиваемых желваков и кусков кремня. По отдельным участкам предметов наносилось немало безрезультатных ударов, что приводило к появлению выбоин, вмятин, а также фасеток и негативов сколов (рис. 5: 5). Поверхность раскола торцов неровная, заметно рельефная. В ряде случаев отмечено несколько зон раскола с локальной автономной ударной волной, что, как правило, не бывает при обычном раскалывании. Угол между двумя плоскостями (поверхностью раскола и местом удара) нередко составляет свыше 100°. Другими словами, налицо «несоблюдение» мастерами оптимальной технологической нормы раскалывания камня. Точка удара на торцах обломков представлена в виде конуса удара (часто выкрошенного), вмятины, углубления или фасеток. Точка удара в большинстве случаев возникала от отбойника. У многих нуклевидных обломков точка удара вообще отсутствует, что объясняется в первую очередь дефектами сырья. Однако ударная волна на всех обломках выразительна. Торцы у одних обломков крутые, у других одновременно крутые и скошенные, а у третьих – скошенные.

Длина обломков-отщепов примерно такая же, как и нуклевидных обломков (рис. 5: 1–2). Не во всех случаях эти две группы предметов удается легко разделить. Их можно принять и за обломки, и за массивные отщепы. Ударная площадка у всех изделий естественная. Кроме того, отмечены гладкие обработанные площадки, которые получались не в ходе специальной подготовки, а в результате предшествующих снятий на нуклеусе. Угол между смежными поверхностями 125°–145°. Поскольку удары наносились по участкам, расположенным далеко от края, то конус получался достаточно крупным. Поверхность раскола (брюшко) у ряда предметов состоит из отдельных участков (рис. 5: 1). Она чаще всего изогнутая, что особенно заметно у дистального конца. Ударная волна, как правило, рельефная, иногда в виде гребней.

Длина отщепов варьирует в диапазоне 4–8 см (рис. 5: 3). Они имеют значительную толщину, грубый облик и неправильные очертания. У всех сколов на тыльной стороне поверхности сохранилась корка, некоторые отщепы имеют трехгранное сечение. Место соединения ударной площадки и брюшка у отщепов неотчетливое. Угол между ними варьирует в пределах 90°–140°. Конус удара может быть выразительным. Брюш-

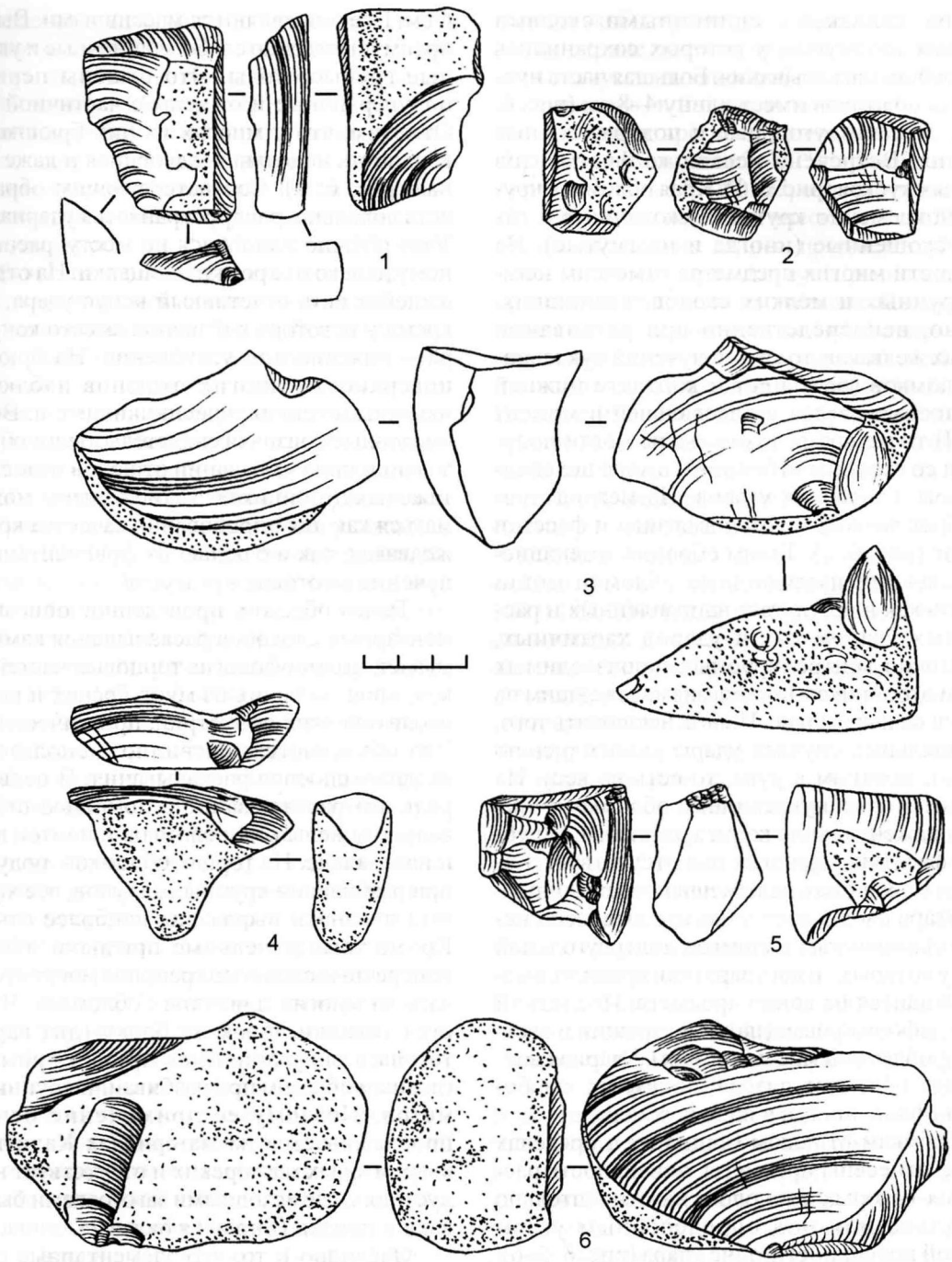


Рис. 6. Археологические материалы. Бирючья балка 2, позднепалеолитический слой. 1–2, 4 – нуклевидные обломки; 3 – отщеп; 5–6 – обломки-отщепы.

Fig. 6. Archaeological finds. Biryuchya Balka 2, Late-Palaeolithic layer. 1–2, 4 – core-like fragments; 3 – flake; 5–6 – fragment-flakes.

ковая поверхность у ряда отщепов не цельная, а состоит из двух участков (рис. 5: 3). Ударная волна всегда представлена в виде отчетливых линий, иногда гребней. На спинке, точней, межнегативных ребрах, а также в зоне ударных площадок у некоторых отщепов отмечены вмятины и фасетки от беспорядочных ударов. Скорей всего, эти отщепы снимались без особого соблюдения правил расщепления достаточно тяжелым отбойником с желваков, располагавшихся на земле или на наковальне. Именно этим объясняется их грубый облик. Отметим, что нуклевидные обломки, обломки–отщепы и грубые отщепы выявлены нами в инвентаре мустьерских горизонтов памятника Бирючья балка 1а.

Наконец, остановимся на позднепалеолитических индустриях Бирючьей балки 2. На восточном участке памятника обнаружено 204 нуклевидных обломка, на южном – 250 экз. Кроме того, необходимо учесть большое количество

обломков желваков с единичными сколами и пробных нуклеусов, у которых сохранились следы грубого раскалывания. Большая часть нуклевидных обломков имеет длину 4–8 см (рис. 6: 1–2, 4), подпрямоугольные и подтреугольные очертания. Встречено несколько фрагментов плитчатых кусков (рис. 6: 1). Края обломков крутые, одновременно крутые и скошенные и отдельно скошенные (иногда и изогнутые). На поверхности многих предметов отмечены негативы крупных и мелких сколов, возникших, вероятно, непосредственно при разбивании исходных желваков, то есть получении нуклевидных обломков (речь идет о контакте нижней поверхности желвака с наковальней в момент удара). В то же время такие сколы могли получиться и со стороны отбойника, в ходе целенаправленного нанесения ударов. На межнегативных ребрах также имеются вмятины и фасетки от ударов (рис. 6: 2). Таким образом, имеющиеся в коллекции нуклевидные обломки могли возникать как в результате направленных и рассчитанных ударов, так и ударов хаотичных, недостаточно контролируемых, производимых тяжелым отбойником по желвакам, лежавшим на земле или на наковальне. Нельзя исключить того, что в отдельных случаях удары наносились по желвакам, зажатым в руке, то есть на весу. На торцах некоторых нуклевидных обломков точка удара выражена в виде конуса, вмятины, углубления и фасетки. У многих она отсутствует. Конус удара может быть целым или поврежденным. В инвентаре слоя 3 всех участков выделено несколько уплощенных обломков подтреугольной формы, у которых точка удара (как правило, вмятина) находится на конце предмета. Последний нередко деформирован (наличие трещин и светлой раздробленной массы кремня). Ударная волна на ряде обломков слабая, на других, наоборот, рельефная, иногда в виде гребней.

К обломкам-отщепам (длина их в пределах 4,5–7 см) отнесены предметы, поверхность расщепления которых расположена относительно вертикально или под определенным углом к смежной поверхности, зоне удара (рис. 6: 5–6). Отмечена и сильная ее изогнутость. У них, как правило, широкое место удара (ударная площадка), нередко имеется и точка удара, хотя она отмечена лишь на некоторых экземплярах. Угол между двумя смежными плоскостями составляет 120°–140°, к тому же их соединение часто неотчетливое, нецелостное (рис. 6: 6). Поверхность раскола бывает раздвоенной. Вполне вероятно, что отсутствие точки удара связано с отделением обломка не в месте удара, а также с особенностями сырья. На тыльной стороне ряда обломков есть вмятины (рис. 6: 5), все это указывает на грубое, не полностью контролируемое раскалывание.

Интересны отщепы (рис. 6: 3). Длина их варьирует в пределах 4–9 см, а толщина – 2,5–6 см. Все они являются массивными. Выделены преимущественно слабо удлиненные и укороченные грубые сколы. Это отщепы первичные, полупервичные и отщепы с частичной коркой. Отметим, что у многих из них брюшковая поверхность нецельная, сдвоенная и даже строенная (рис. 6: 3). Соответствующим образом, то есть локально, распространяется ударная волна. Удар обычно наносился по месту, расположенному далеко от кромки площадки. На отдельных отщепах есть отчетливый конус удара, в то же время у некоторых отщепов вместо конуса удара – вмятина или углубление. На брюшковой поверхности многих отщепов наблюдаются изъянцы, «усики», «реснички» и т. п. Все перечисленные признаки свидетельствуют об использовании при скалывании отщепов относительно тяжелых отбойников. Такие отщепы могли сниматься как для опробования качества кремня на желваках, так и с целью их фрагментации и получения заготовок нуклеусов.

Таким образом, проведенное описание элементарных способов раскалывания камня показывает, что морфология торцовых частей обломков, происходящих из мустьерских и позднепалеолитических индустрий, практически близка. Это объясняется, очевидно, использованием сходных способов раскалывания. В первую очередь это раскалывание с помощью отбойника валунов, желваков, обломков и плиток на земле и наковальне. На торцах обломков, полученных при разбивании крупных валунов, все характерные признаки выражены наиболее отчетливо. Кроме того, отдельные признаки, например, поперечные слоистые трещины могут отсутствовать на многих плитчатых обломках. Что касается техники «блок он блок» (два варианта), то она в силу понятных причин применялась главным образом при разбивании крупных предметов. Поэтому ее применение отчетливо прослеживается на материалах Калитвенских кварцитовых мастерских и отсутствует в тех индустриях, где исходными заготовками были желваки и плитки (Бирючья балка 2).

Очевидно и то, что элементарные способы раскалывания камня могли использоваться там, где были богатые выходы сырья. В этом отношении несомненный интерес представляют мустьерские стоянки Крыма, а также мустьерские и позднепалеолитические памятники Десны, в частности, Бетово и Коршево.

Вполне вероятно, что некоторые способы такого раскалывания камня могут быть установлены для палеолитического памятника Диринг в Якутии. Мы не разделяем мнение Ю. А. Мочанова о его олдувайском возрасте. На наш взгляд речь может идти о палеолитической мастерской, где осуществлялось раскалывание валунов для получения заготовок нуклеусов и орудий. В инвентаре памятника в большом количестве представлены чопперы, в том числе крупные, нукле-

видные обломки и валуны с единичными сколами (Мочанов 1992; Павлов 1992: 20–33). Длина некоторых отщепов больше 10 см. Согласно Ю. А. Мочанову (Мочанов 1988: 47), отщепы *получены* в ходе использования техники дробления, а не деле – при изготовлении чопперов и вообще раскалывании валунов. Наши собственные наблюдения и просмотр рисунков, помещенных в монографии Ю. А. Мочанова (Мочанов 1992), убеждают в том, что снятие отщепов с валунов осуществлялось с помощью отбойника, а также техники «блок он блок». В первом случае по причине большого веса валуны, вероятно, располагались на земле. Но это отнюдь не хаотичная, беспорядочная, а направленная технологическая операция. Не исключено, что некоторые нуклевидные обломки получались в процессе разбивания крупных валунов на земле или наковальне массивными отбойниками–валунами (см. Мочанов 1992: 195, 221–223). На отдельных валунах отмечены негативы крупных сколов с вмятинами в точке удара, которые могли образовываться при использовании техники «блок он блок» в случае вертикального расположения предметов (Мочанов 1992: 182, 201–224).

Все описанные способы являются с технологической точки зрения элементарными действиями по раскалыванию (разбиванию) камня. Способы разбивания с помощью отбойника на земле и наковальне, а также путем бросания одного валуна на другой в целом следует рассматривать как дробление камня. Технологический контроль со стороны мастера здесь, несомненно, ограниченный. В то же время, говоря о первом способе, неверно рассматривать его как полностью хаотичное разбивание. В данном случае речь идет об элементарно контролируемых и целенаправленных действиях. Отметим, что следы бесконтрольного разбивания, то есть многократного нанесения хаотичных ударов отбойником по лежащим на земле или наковальне предметам, в просмотренных нами материалах отмечены лишь в незначительной степени. Однако использование данного способа в каменном веке представляется вполне вероятным. Нужны доказательные приемы выделения предметов подобного рода. Следует полагать, что описанные нами простейшие способы раскалывания камня применялись первобытными мастерами по необходимости или в силу каких-то других причин.

Важно подчеркнуть, что на всех продуктах элементарного расщепления в той или иной степени присутствуют признаки, на основе которых можно судить о преднамеренном разбивании камня. В этой связи нельзя принять мнение тех исследователей (Гладилин, Ситливый 1990: 7–8), которые считают, что существуют изделия (?!) без элементарных археологических признаков, полученные якобы путем дробления камня. Непонятно, на основе чего определяется на таких предметах искусственная обработка? Они, по мнению этих авторов, в большом количестве представлены в инвентаре всех ашельских комплексов Королево 1 (Комплекс 7 – 47%; комплекс 6 – 45%; комплекс 5 – 16,4%). Просмотренные нами в Центральном Археологическом музее Киева огромные коллекции данных предметов убеждают в том, что здесь присутствуют разные по своей природе предметы: естественные обломки, фрагменты отщепов (иногда с недостаточно отчетливой волной, что бывает у многих подлинных отщепов), а также обломки нуклеусов и орудий. Нельзя согласиться с тем, что предметы подобного рода получены в ходе применения техники дробления. Это – бездоказательное суждение. Без всякой аргументации защищается также тезис о том, что многие предметы из олдувайских и так называемых доолдувайских пунктов связаны с техникой дробления (Gladilin, Sitlivy 1987: 193–204; Гладилин, Ситливый 1990: 8). Использование элементарных приемов расщепления камня вполне вероятно на самых ранних этапах палеолита. Но здесь нужно исходить не из логических посылок, а из серьезных доказательств. Наоборот, материалы олдувайских комплексов свидетельствуют об использовании отбойников при изготовлении орудий (в первую очередь чопперов), а также скалывании отщепов с нуклеусов. Об этом же свидетельствуют и многие ашельские памятники. Показательно и то, что в инвентаре последних присутствуют в большом числе нуклеусы радиального и, что существенно, параллельного плоскостного расщепления. В индустриях отдельных памятников Италии, возраст которых составляет свыше 700 тыс. лет, выделены нуклеусы с леваллуазскими и пластинчатыми снятиями (Peretto et al. 1998: 395–433). В итоге можно допустить, что элементарные способы раскалывания камня получили широкое распространение не на ранней, а на средней и поздней стадиях палеолита. Этот предварительный вывод требует различного рода подтверждений. В любом случае очевидным является факт широкого использования в мустье и позднем палеолите этих способов. Неоправданно придавать им простое эволюционное значение. Развитие технологии раскалывания камня происходило довольно сложным путем. Простейшие способы и приемы могли не только удерживаться в практике людей длительное время, но и возникать на разных этапах палеолита. Вопросы, затронутые в данной статье, требуют пристального к ним внимания, прежде всего расширения круга изучаемых индустрий разного возраста и проведения соответствующих экспериментов.

Бонч-Осмоловский, Г. А. 1940. Грот Киик-Коба. Москва–Ленинград.
Гладилин, В. Н. 1985. Ранний палеолит // Археология УССР 1. Киев: Наукова думка.
Гладилин, В. Н, В. И. Ситливый. 1990. Ашель Центральной Европы. Киев: Наукова думка.
Городцов, В. А. 1923. Археология. Т. 1. Москва–Петроград.
Любин, В. П. 1978. О методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите // Проблемы современной археологии: 23–32. Москва: Наука.
Матюхин, А. Е. 1976. Экспериментальное изучение техники изготовления галечных орудий // Советская археология 3: 8–24.
1977. Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
1983. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита: 134–187. Ленинград: Наука.
1986 О галечных псевдоорудиях // Советская археология 3: 95–104.
1994. Многослойный палеолитический памятник Бирючья балка 2 // Донские древности: 4–36. Азов.
1994а. Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // Археологические вести 3: 25–37.
1994б. Технология фрагментации сколов // Экспериментально-трасологические исследования в археологии: 62–84. Санкт-Петербург: Наука.
1995. Палеолитическая мастерская Калитвенка 1в // Донские древности 5: 24–44. Азов.
1996. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Санкт-Петербург.
Мочанов, Ю. А. 1988. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества // Археология Якутии:15–54. Якутск: Наука.
1992. Древнейший палеолит мира Диринга и проблема внетропической прародины человечества. Новосибирск: Наука.
Павлов, А. Г. 1992. Технико-типологическое и планиграфическое описание расколотого валуна из первого скопления Дирингского комплекса древнейшего палеолита // Археологические исследования в Якутии: 20–33. Новосибирск: Наука.
Alimen, H. 1955. Préhistoire de l'Afrique. Paris.
Baden-Powell, D. E. 1949. Experimental clactonian technique // Proceedings of Prehistory Society 15: 38–41.
Bordes, F. 1947. Étude comparative des différentes, techniques, de taille du silex et des roches dures // L'Anthropologie 51/1–2: 1–29.
Bordes, F. 1953. Outils moustériens à fracturée Volontaire // Bulletin de la Société Préhistorique Française 30/2: 224–226.
Breuil, H. 1932. Le feu et l'industrie de pierre et d'os dans le gisement du «Sinantropus» à Cho Kou Tien //L'Anthropologie 42/1–2: 8–10.
1935. L'Etat actuel de nos connaissences sur les industries paléolithique de Choukoutien // L'Anthropologie 45/5–6: 8–10.
Evans, J. 1860. On the occurence of flint implements in indisturbed bed of gravel, sand and clay // Archaeologia: or miscellaneous tracts relating to antiquity XXXVIII. London.
Gladilin, V. N. , V. I. Sitlivy. 1987. On the pre–oldovan development stage of the society // Anthropologie 25/3: 193–204.
Isaak, G. Ll. 1984. The Archaeology of human origins: studies of the lower Pleistocene in East Africa 1971–1981 // Advance in World Archaeology 3: 1–87.
Lubbock, J. 1876. L'Homme Préhistorique. Étude d'après les monuments retrouvés dans le différentes parties du monde. Paris.
Lyell, Ch. 1863. The Geological evidence of the antiquity of man (with remarks on theories of the origin of species by variation). London.
Matioukhine, A. E. 1998. Les ateliers paléolithique supérieur de la vallèe du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // L'Anthropologie 102/4: 466–487.
Mortillet, A. de. 1910. Le travail de la pierre aux temps préhistorique // Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris 20.
Mortillet, G. de. 1883. Le Préhistorique antiquitè de l'Homo. Paris.
Pei wen Chung. 1939. The upper cave industry of Choukoutien // Paleontologia Sinica. New ser. 9: 16–18.
Peretto C., F. O. Amore, A. Antoniazzi, A Antoniazi et al. 1998. L'industrie lithique de Ca'Belvedere di Monte Poggiolo: stratigraphie, matière première, typologie, remontages et traces d'outilisation // L'Anthropologie 102/4: 343–465.
Senshui, Z. 1985. The Early Paleolithic of China // Paleoanthropology and palaeolithic archaeology in the people's republic of China. London: Academic Press: 158.
Siret, L. 1933. Le coup burin moustérien // Bulletin de la Société Préhistoriques Française 30/2: 120–126.
Vayson, A. 1920. Les dénominations de l'outilage du Paléolithique inférieur // Revue anthropologie, An. 37: 441–496.
Vignard, E. 1933. Microburins tardenoisiens du sébilion: fabrication, emplois // Congrès Préhistorique de France: compte rendu de la dixième session, Paris: 72–83.

ABOUT ELEMENTARY TECHNIQUES IN THE PALAEOLITHIC PERIOD

A. E. MATYUKHIN

In the Palaeolithic period existed various knapping techniques for obtaining blank flakes from stone and for tool manufacture. Along with the main technique of using a hammer while the object is held in hand, also other methods were used, particularly those, which are simpler in terms of technology: a) knapping on an anvil or on the ground using heavy hammerstones; b) dropping heavy objects onto large blocks lying on the ground; c) the «block-on-block technique»; d) the bipolar technique. All of these methods in a greater or lesser degree are described in the works concerned with the Palaeolithic. As experiments show, the first two techniques (especially the second) to a considerable degree were non-controllable actions or, actually, shattering of stone. Nevertheless, in the first technique, certain elements of technological control appear. This technique cannot be called an entirely chaotic shattering, in the course of which the objects are subjected to frequent, and often irregular strikes. One should consider the block-on-block and the bipolar techniques fairly controllable, though they also include some elements of technologically accidental and limited character.

In this article, the three first techniques of knapping are examined on the basis of materials from Acheulian site of Korolevo-1 in the Trans-Karpatian region, and from Mousterian and upper Palaeolithic workshops situated in the valley of the Seversky Donets in the Rostov Region. In the industry of Korolevo-1, of interest are the tools resembling cleavers. They were manufactured by various techniques, including those of breaking large flakes into a number of fragments using a hammer on the ground or on an anvil (fig. 2: 1–2). Among the inventory from Mousterian workshops for primary knapping of quartzite, near the railway station of Kalitvenskaya, numerous core-like fragments were identified which resulted from breaking quartzite blocks on the ground or anvil by means of heavy blocks-percussors (fig. 3–4). Certain morphological attributes typical of this technique were discerned on the surface of such fragments. In the first place, well expressed are the impact point and the compression ring. The block-on-block technique was used in a lesser degree, mostly for detaching large flakes 25–40 cm long.

Among the inventory from Mousterian and upper Palaeolithic layers of the site of Biryuchya Balka 2, flint core-like fragments, fragments-flakes and crude heavy flakes, which are of interest in terms of the subject of this paper, were segregated (fig. 5–6). Here, practically a single technique was

used – that of breaking nodules, slabs and blocks by means of hammer on the ground or an anvil, into separate fragments, which were used mostly as core blanks. In addition, the quality of stone was evaluated like this. Breaking nodules, slabs and blocks was conducted, on the one hand, as a technically purposeful operation, but on the other hand, in a fairly chaotic way. That is indicated by peculiar traces of strikes on the surface of the fragments knapped.

Perhaps it will be possible to trace the elementary techniques of knapping on materials from some Mousterian sites of Crimea, the Desna valley and from the site of Diring (in many respects still unclear) in Yakutiya where there are rich outcrops of raw materials.

It is generally supposed that the simplest knapping techniques were widely used on all stages of the Palaeolithic period. As to the earlier stages of the latter, however, the use of these techniques yet needs its confirmations and proofs. It should be stressed that on all products that resulted of application of simple techniques of the knapping of stone, including shattering, elementary archaeological attributes are discernible. Neither a too broad interpretation of the term «shattering technique» is justified when it is expanded to other simple methods, including the «block-on-block technique» and rude knapping of stone with a heavy percussor.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОГИЛЬНИКЕ НА БОЛЬШОМ ОЛЕНЬЕМ ОСТРОВЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ

В. Я. ШУМКИН, А. И. МУРАШКИН[1]

Одним из самых известных памятников Кольского полуострова, без сомнения, является могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (рис. 1). Специфические особенности местных почв способствовали сохранению здесь органических материалов, таких как кость, дерево и др. Это уникальный случай не только для Северо-Запада России, но и для всей Северной Европы. Поселения, на которых сохраняются органические материалы, встречаются здесь крайне редко, а среди погребальных памятников, где были представлены скелетные остатки и орудия из кости такой глубокой древности, широко известен только могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера (Карелия).

В 2001 году Кольская археологическая экспедиция ИИМК РАН после полувекового перерыва продолжила исследование могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе.

Могильник на Б. Оленьем острове был открыт в 1925 г. сотрудниками Имандровской экспедиции Мурманской биологической станции С. Ф. Егоровым и Г. А. Рихтером, которые обнаружили разрушенные погребения и провели раскопки двух из них. Сведения о памятнике и находки из двух погребений тогда же были переданы в Этнографический отдел Русского Музея.

В 1928 г. на могильнике были организованы археологические раскопки палеоэтнологической партией Антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции АН СССР под руководством А. В. Шмидта. Общая площадь раскопов и шурфов, заложенных в восточной части могильника, составила 94 кв. м. Было обнаружено 11 погребений, сопровождавшихся разнообразным каменным и костяным инвентарем. Результаты работ экспедиции были отражены в серии специальных публикаций А. В. Шмидта и других членов экспедиции (Шмидт 1930; Гамберман 1930; Громова 1930; Синицын 1930).

Спустя 20 лет, в 1947–1948 гг. в ходе планомерного обследования всего побережья Кольского полуострова, Б. Олений остров посетила Кольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной. Она считала необходимым проверить, в какой мере могильник был исследован А. В. Шмидтом. Кроме того, на Б. Оленьем и Екатерининском островах были предприняты поиски синхронных могильнику поселений.

Большая часть могильника оказалась разрушенной огромным песчаным карьером. Небольшой раскоп, заложенный у восточного края карьера, позволил обнаружить погребение прекрасной сохранности. Стало очевидно, что экспедиция А. В. Шмидта вскрыла лишь незначительную часть могильника.

Летом 1948 г. работы на могильнике были продолжены. Общая площадь раскопа 1947–1948 гг. составила примерно 56 кв. м, было обнаружено 10 погребений, сопровождавшихся значительным количеством вещей (Гурина 1953).

В ходе первых поездок сотрудников Кольской археологической экспедиции на Б. Олений остров в 1998 и 1999 гг. стало ясно, что площадь могильника не исследована полностью, и что незатронутые раскопками части памятника разрушаются в результате начавшейся эрозии. Тогда же было собрано значительное количество человеческих костей, фрагментов керамики, каменных и костяных орудий.

В 2001 г. главной целью работ Кольской археологической экспедиции было выяснить реальные масштабы разрушения памятника и возможные перспективы дальнейших раскопок. Была проведена инструментальная съемка окрестностей могильника с точной привязкой шурфов и раскопов 1928 г. и 1947–1948 гг., песчаного карьера, других объектов (рис. 1). Одновременно проводился сбор подъемного материала и был просеян отвал у южной стенки раскопа 1948 г.

[1] В. Я. Шумкин. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

А. И. Мурашкин. Россия. 199050. Санкт-Петербург. Менделеевская лин., 5. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

© В. Я. Шумкин, А. И. Мурашкин, 2003

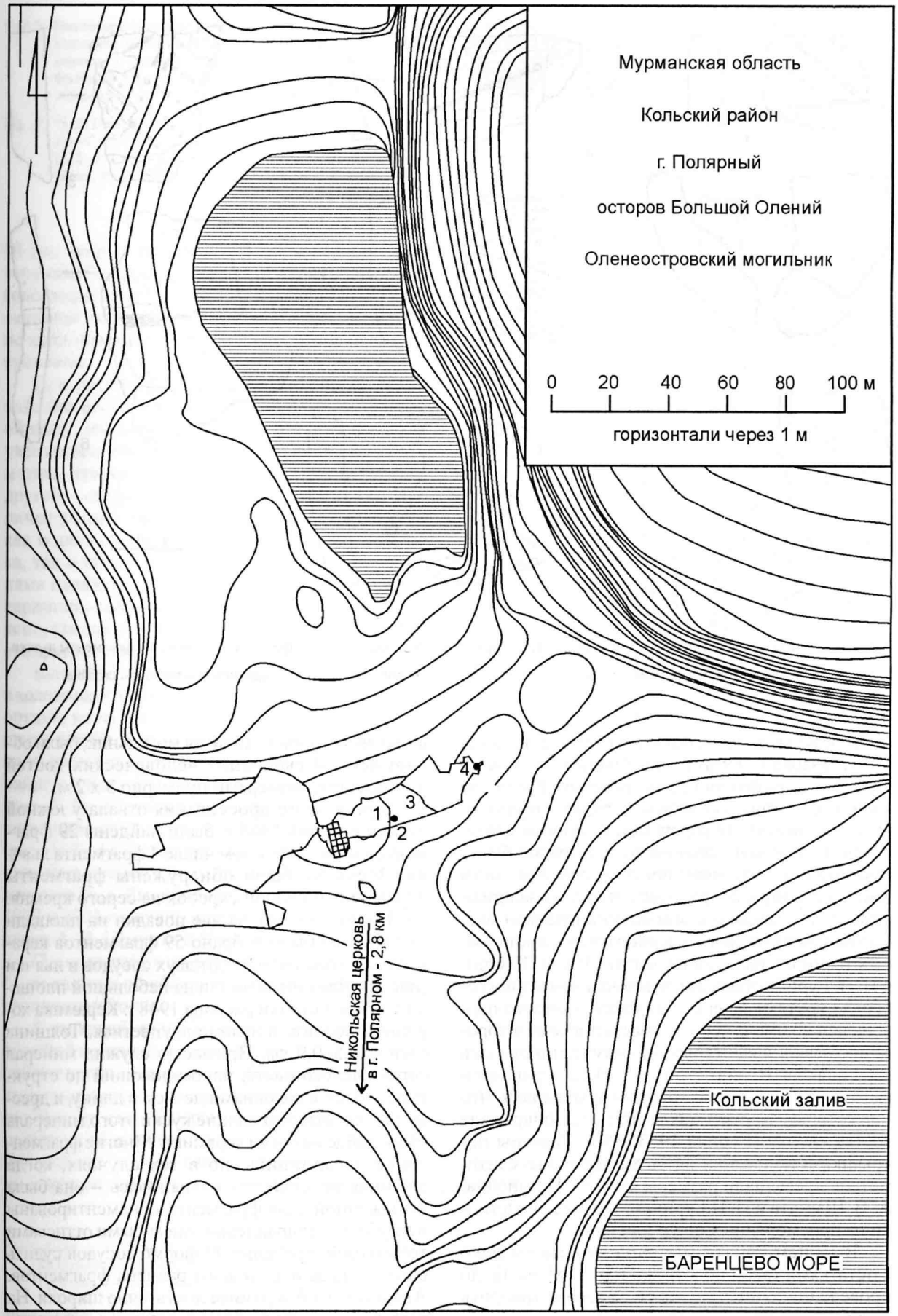


Рис. 1. План могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря.

Fig. 1. Plan of the cemetery on Bolshoy Oleny island in Kola Bay of the Barents Sea.

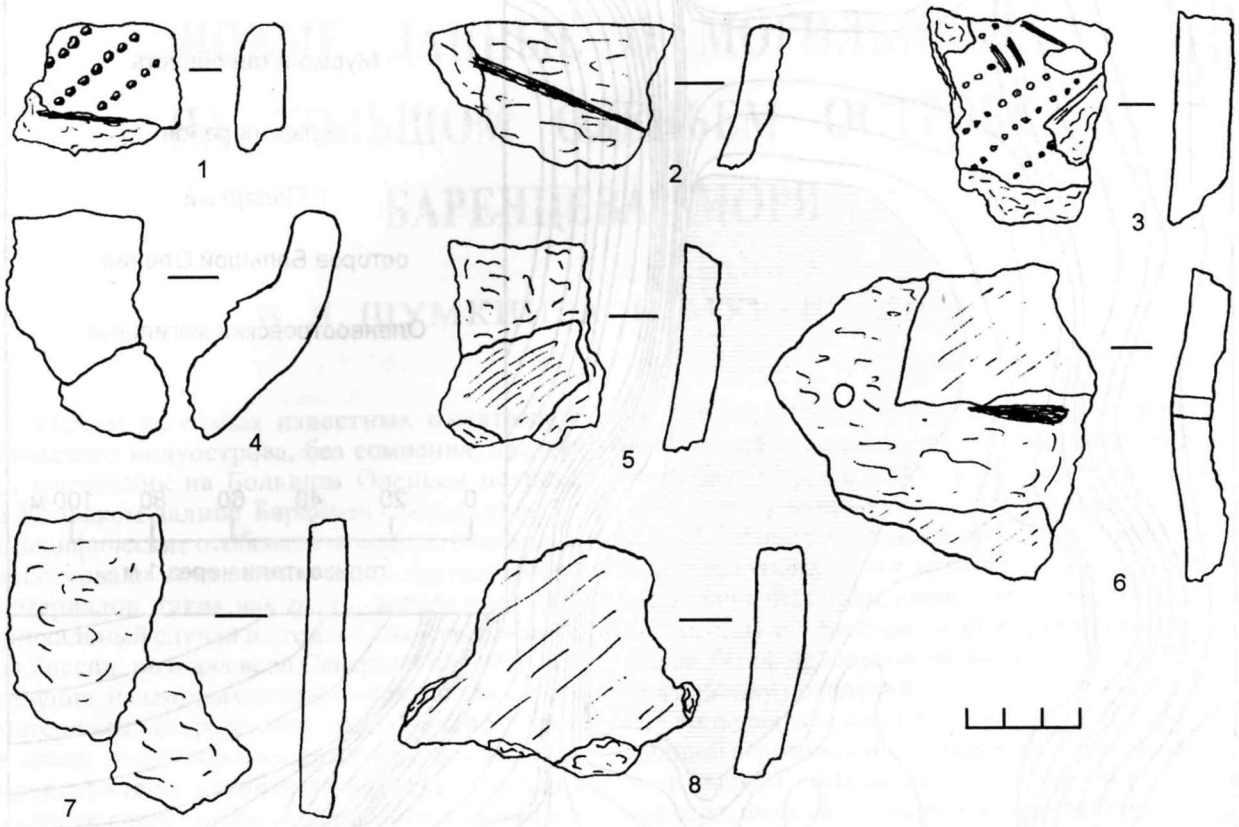


Рис. 2. Керамика Оленеостровского могильника: 1, 2 – фрагменты венчиков; 3, 5–8 – фрагменты стенок; 4 – фрагменты льячки.

Fig. 2. Ceramic ware from the cemetery on Bolshoy Oleny Island: 1, 2 – rims; 3, 5–8 – wall fragments; 4 – miniature crucible.

В результате зачистки южной стенки раскопа 1948 г. в западном углу было обнаружено, по всей видимости, разрушенное погребение. Кости находились не в анатомическом порядке, отсутствовали длинные кости конечностей, тазовые кости, череп. Сопроводительного инвентаря не было. Несмотря на потревоженность погребения, кости имели отличную сохранность. Здесь же залегали фрагменты дерева и какой-то органической массы темно-коричневого и черного цвета, в которой, собственно, и находились кости. И А. В. Шмидт, и Н. Н. Гурина отмечали, что почти во всех погребениях костяки залегали на массе, «которая первоначально имела черный цвет, а после некоторого пребывания на открытом воздухе становилась коричневой» (Шмидт 1930: 132). Н. Н. Гурина описывала эту массу как «бурую» и отмечала, что в некоторых случаях такая же масса покрывала костяк сверху (Гурина 1953: 352). Размеры покрышки и подстилки лишь на несколько сантиметров превышали размеры костяка. По мнению А. В. Шмидта и Н. Н.Гуриной, это были подстилки из просмоленных шкур или кож.

В нашем случае мы, видимо, имеем дело с остатками такой подстилки или одежды, но до проведения точных анализов, уверенно говорить об этом сложно.

Также на месте шурфов и раскопов 1928 г. и в песчаных выдувах в восточной части седловины, на которой находится могильник, были обнаружены 4 скопления человеческих костей и инвентаря, размерами примерно 3 х 2 м.

В результате просеивания отвала у южной стенки раскопа 1948 г. были найдены 29 фрагментов керамики, в том числе 4 фрагмента льячки. Здесь же были обнаружены фрагменты дерева и небольшой скребок из серого кремня.

Таким образом, за две поездки на площади могильника было собрано 59 фрагментов керамики, по крайней мере, от двух сосудов и льячки (рис. 2). Все они залегали на небольшой площади у южной стенки раскопа 1948 г. Керамика хорошего обжига, в изломе двуцветная. Толщина стенок 0,5–0,9 см. Примесью служил минерал серо-зеленого цвета, напоминающий по структуре асбест, с волокнами до 3 см в длину, и дресва. Отдельные небольшие куски этого минерала были найдены среди керамики. Многие фрагменты ее расслоились, но в тех случаях, когда внешняя поверхность сохранилась – она была заглаженной. Два фрагмента орнаментированы неглубокими параллельными косыми оттисками тонкозубой гребенки. О форме сосудов судить сложно из-за небольшого размера фрагментов. Аналогии этой керамике достаточно широки. На территории Карелии такая керамика относится к комплексу так называемой «типичной асбестовой керамики» и датируется второй половиной

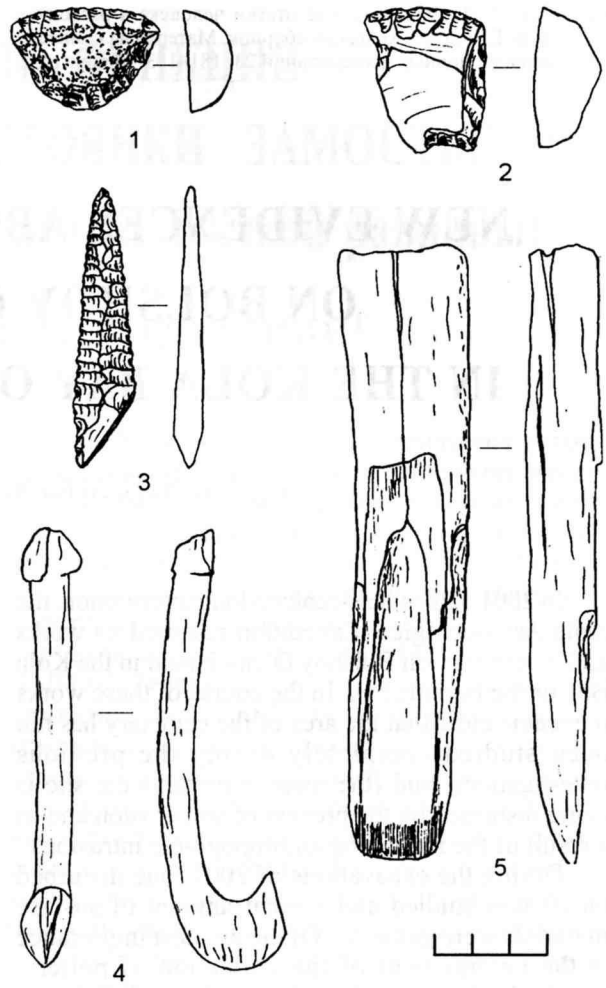


Рис. 3. Инвентарь Оленеостровского могильника и местонахождения «Олений I»: 1, 2 – скребки; 3 – наконечник стрелы; 4 – рыболовный крючок; 5 – тесло. 1–3, 5 – Оленеостровский могильник; 4 – местонахождение «Олений I» (1–3 – кремень; 4–5 – кость).

Fig. 3. Tools from the cemetery on Bolshoy Oleny Island and the site of «Oleny I»: 1, 2 – scrapers; 3 – arrow head; 4 – fish hook; 5 – adze. 1–3, 5 – the cemetery on Bolshoy Oleny Island; 4 – site «Oleny I» (1–3 – flint; 4–5 – bone).

III тыс. до н. э. На Кольском полуострове такая керамика была обнаружена в центральной части (поселения Мыс Семерка II, Ловозеро I–III) и на северном побережье (Нерпичья губа I, Маяк II), но здесь она датируется, видимо, более поздним временем.

При раскопках 1928 и 1947–1948 гг. было найдено всего 5 фрагментов керамики. Таким образом, мы можем говорить о существенном увеличении коллекции. Также необходимо отметить, что встреченная до этого керамика была другой – «вафельной» (Шмидт 1930: 149). Наличие разных типов керамики может говорить как о длительности существования могильника, так и об использовании его разными группами населения. С другой стороны, отношение керамики, собранной нами, к погребениям – не ясно, так как она была обнаружена не в контексте захоронений.

Каменный и костяной инвентарь, собранный в ходе наших работ на могильнике, включает пять орудий, неопределимые фрагменты костей и отщепы кварца. Среди орудий наиболее интересно костяное тесло (до этого на могильнике были найдены лишь сланцевые шлифованные тесла) (рис. 3: 5) и пильчатый наконечник стрелы серого кремнистого сланца с обломанным насадом (рис. 3: 3). Обломок насада такого же наконечника был найден нами около скопления костей в пункте № 2. Два кремневых скребка из сборов 1999 и 2001 г.г. очень похожи на скребки из раскопок А. В. Шмидта и Н. Н. Гуриной.

Помимо работ на могильнике, экспедицией были тщательно обследованы Б. Олений и Екатерининский о-ва.

В западной части Б. Оленьего острова на небольшой песчаной террасе высотой около 10 метров над уровнем моря было обнаружено местонахождение, которое мы обозначили как «Олений I». Здесь, у лисьей норы, был найден костяной рыболовный крючок (рис. 3: 4). На площадке отсутствовали отщепы кварца, фрагменты керамики и другой материал, характерный для поселений. По всей видимости, лисья нора затронула погребение, хотя до проведения раскопок делать выводы о характере памятника достаточно сложно.

На Екатерининском острове нашей целью было установить точное местонахождение двух стоянок, обнаруженных экспедицией Н. Н. Гуриной в 1947–1948 гг. Но из трех обнаруженных нами пунктов, ни один, к сожалению, не соответствует полностью описаниям, данным в публикации и дневнике исследовательницы. По высоте расположения над уровнем моря – 8–11 м – все они могут быть датированы эпохой раннего металла.

Таким образом, в этом районе, на двух соседних островах, находится, по крайней мере, пять хронологически близких памятников разного характера – поселенческие и погребальные. И комплексное исследование этого скопления в будущем может принести несомненно очень важные результаты.

Гаммерман, А. Ф. 1930. Растительные остатки из могильника на Большом Оленьем острове // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований 23: 171–176. Ленинград.

Громова, В. И. 1930. Остатки млекопитающих из могильника Большого Оленьего острова // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований 23: 177–180. Ленинград.

Гурина, Н. Н. 1953. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Материалы и исследования по археологии СССР 39: 347–407. Москва – Ленинград: Наука.

Синицын, С. Д. 1930. Костные отатки человека в раскопках А. В. Шмидта // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований 23: 181–183. Ленинград.

Шмидт, А. В. 1930. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований 23: 119–169. Ленинград.

NEW EVIDENCES ABOUT THE CEMETERY ON BOLSHOY OLENY ISLAND IN THE KOLA BAY OF THE BARENTS SEA

V. YA. SHUMKIN, A. I. MURASHKIN

In 2001, after a half-century-long interruption, the Kola Archaeological Expedition resumed its works at the cemetery on Bolshoy Oleny Island in the Kola Bay of the Barents Sea. In the course of these works it became clear that the area of the cemetery has not been studied completely during the previous investigations, and (the most important) the site is being disturbed by the process of soil erosion and as a result of the increasing anthropoge-nic intrusions.

During the excavations of 2001, one disturbed burial was studied and a great amount of surface materials were gathered. Of the greatest importance is the enlargement of the collection of pottery. In all, 59 fragments have been collected. They all belong to the type of asbestos ware.

During the excavations of 1928 and 1947–48, only 5 fragments of pottery and 1 miniature vessel were found in 23 burials. However, that pottery belonged to the «waffle» type. The presence of different types of ware may indicate that the cemetery either has had a long history or that it was used by different groups of population.

In addition, during examination of Bolshoy Oleny Island and the neighbouring Ekaterinisky Island, four sites, preliminarily dated to the epoch of the Early Metal, were revealed. Excavation of this complex of synchronous sites may yield extremely interesting results.

ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИИ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2

(поздний мезолит – ранний неолит Русской равнины)

О. В. ЛОЗОВСКАЯ, В. М. ЛОЗОВСКИЙ[1]

Стоянка Замостье 2 является одним из базовых многослойных памятников каменного века на территории Русской равнины. Она расположена в 110 км к северу от Москвы, в пойме реки Дубны, искусственное русло которой с юга на север прорезает площадь стоянки. Отложения общей мощностью более 3 м содержат остатки поселений охотников-рыболовов позднего мезолита, раннего и среднего неолита, что позволяет проследить изменения в хозяйстве и орудийном наборе древних жителей Волго-Окского междуречья на протяжении нескольких тысячелетий. Инвентарь стоянки насчитывает тысячи кремневых и каменных изделий, сотни костяных и роговых орудий, а благодаря уникальным условиям залегания в торфе (органогенных отложениях) – десятки изделий из дерева (Lozovski 1996).

Стоянка Замостье 2, найденная случайно в 1960-х годах после проведения широкомасштабных мелиоративных работ, была локализована В. В. Сидоровым в 1987 году. В 1989–91 годах исследовалась экспедицией ИА АН СССР под руководством В. М. Лозовского (вскрыта площадь 134 кв. м), а в 1995–2000 годах изучение памятника было продолжено в рамках Сергиево-Посадского музея-заповедника (20 кв. м).

Палеогеография. В 6–5 тысячелетиях до н. э. территория стоянки представляла собой берег широкой протоки между крупными послеледниковыми озерами. Размеры озер и линия береговой кромки менялись вслед за изменением климатических условий. На основании комплексных естественно-научных анализов (Алекшинская, Лаврушин, Спиридонова 2002) выделяются три основных культурно-стратиграфических горизонта. Первый горизонт (нижний мезолитический слой) связан с началом атлантического периода, когда в ландшафте господствовали бореальные сосново-березовые леса при некотором увеличении разнотравных лугов. Для этого горизонта получены две радиоуглеродные датировки – 7840±90 (ГИН-6195) и 7900±180 (ГИН-6197) лет назад. Второй горизонт (верхний мезолитический слой) имеет хронологические рамки 7400–7300 лет назад и характеризуется согосподствованием сосновых и березовых лесов с большим участием широколиственных пород деревьев; в это время произошло некоторое понижение уровня грунтовых вод. Третий горизонт (верхневолжская культура раннего неолита) относится к середине атлантического периода и датируется 7050±100 (ГИН-6554) и 6850±100 (ГИН-6557) лет назад. В этот период (начало его приходится на 7300–7200 лет назад) создались кризисные условия для произрастания хвойных деревьев (аридизация климата, понижение уровня озерных водоемов), господствующими становятся смешанные, умеренные леса из березы, сосны, дуба, вяза, липы, лещины; со временем количество сосны уменьшается. Последний этап существования верхневолжской культуры на стоянке совпадает с климатическим оптимумом, когда кроме лесов, по берегам рек и озер существовали луга, часть территорий была заболочена (ольха). Абсолютный возраст 6290±40 (ГИН-7985). Начало торфообразования на этой территории датируется средним суббореалом (3900–4000 лет назад).

Хозяйство. Хозяйство жителей поселений мезолитического и ранненеолитического времени не претерпело особых изменений на протяжении почти двух тысячелетий. Основой жизнедеятельности была охота, главным объектом которой был лось (50–80%). Из костей и рогов лося изготовлялось большинство орудий. Второе место занимал бобр, мясо которого шло в пищу, а челюсти с выступающими резцами использовались как орудия. Охотились также на пушных зверей – найдены кости барсука, выдры, куницы. Была одомашнена собака, она помогала на охоте и употреблялась в пищу. В неолите объектом охоты становится кабан (Chaix 1996; Chaix, Velarde, Velarde 1997).

Основу охотничьего вооружения составляли остроги и лук со стрелами, наконечники которых, в основном, делались из кости.

Вторым основным занятием было рыболовство (большая часть костей и чешуи принадле-

[1] Россия. 141300. Московская обл., г. Сергиев Посад, Лавра. Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник.

© О. В. Лозовская, В. М. Лозовский, 2003

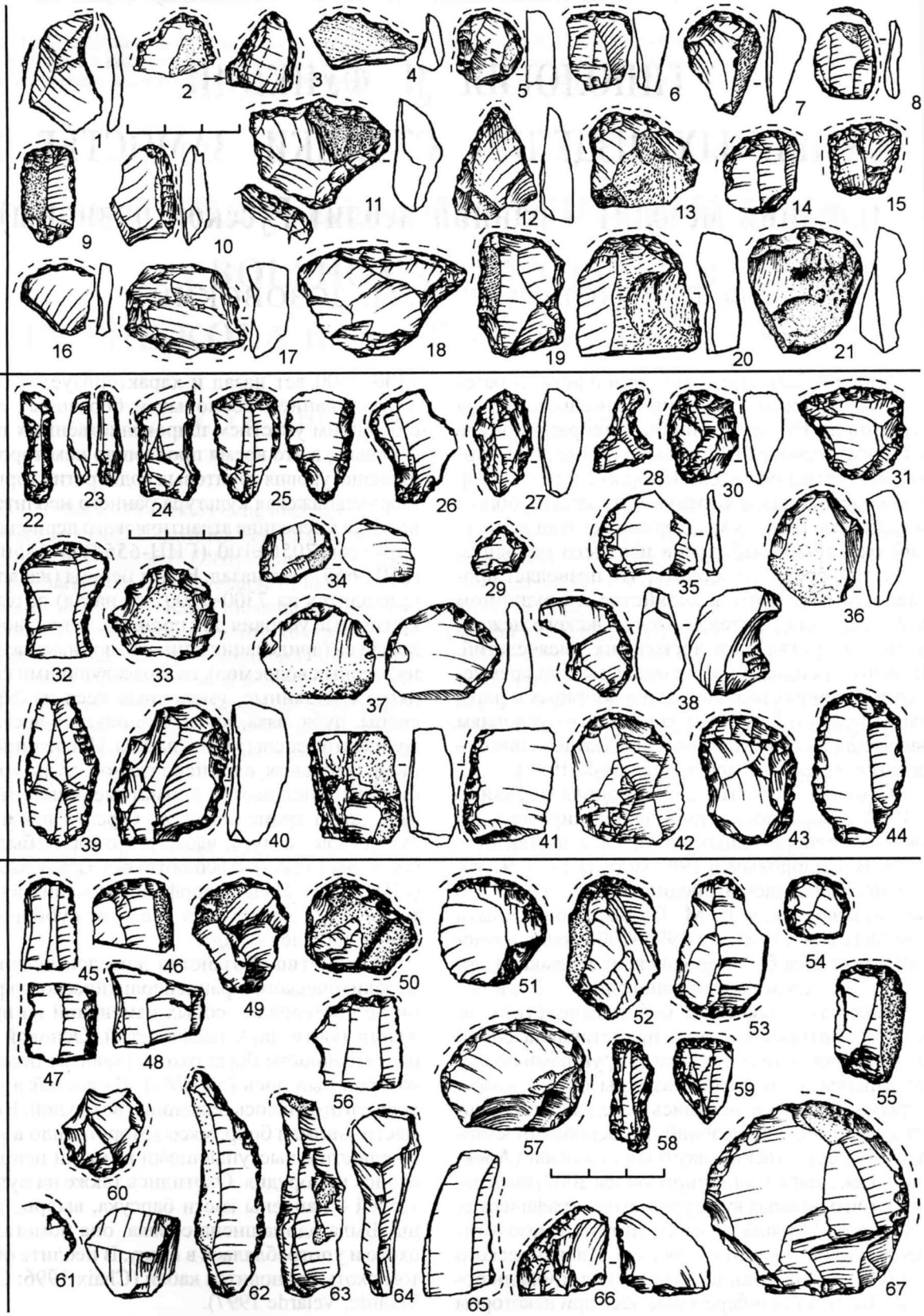


Рис. 1. Замостье 2. Орудия, использовавшиеся для скобления шкур.
Типологическая характеристика: 5–7, 13–16, 20–21, 36, 42–43, 49, 51, 52, 59 – простые скребки; 50, 54, 57, 67 – округлые скребки; 53 – двойной скребок; 4, 17, 33, 40 – зубчато-выемчатые скребки; 37, 66 – скребки с подтеской; 23–24, 32, 45–46, 55, 58 – скребки на пластинах; 9–10 – скребки со струйчатой ретушью; 12, 18 – узколезвийные скребки; 2, 19, 26, 38 – скребок-выемка; 3 – скребок-резец; 24–25 – скребок-сверло; 31 – скребок-проколка; 27–30 – орудия «тип Замостье»; 11 – скребло; 34 – орудие с заостренным выступом, оформленным противолежащей ретушью; 41 – орудие с противолежащей ретушью; 1, 8, 35, 61 – отщепы с ретушью (бисерной); 22, 39, 47, 62 – пластины с краевой ретушью; 48, 63–65 – неретушированные пластины.
1–67 – кремень.

жит щуке). Рыбу ловили на крючок (верхний мезолитический и неолитический слои), били с помощью гарпунов и острог, применяли специальные конструкции – найдены 2 верши и остатки закола.

Собирали ягоды, грибы, лесные орехи (неолит). В ранненеолитическом слое в большом количестве появляется керамика (верхневолжская). Никаких признаков производящего хозяйства на этой территории нет вплоть до начала бронзового века.

Среди других важнейших занятий на стоянке можно назвать производство орудий из кости-рога. Костяная индустрия обеспечивала основные потребности населения в орудиях производства и быта, охотничьем оружии и украшениях. Всего найдено более 3 тысяч готовых орудий и их обломков (189, 1138 и 733 по материалам раскопок 1989–91 гг.).

Производство кремневых орудий занимало свое определенное место в структуре жизнедеятельности, хотя их роль в обеспечении средств существования заметно снизилась. Характерно, что приемы шлифования камня были уже хорошо освоены.

Каменный инвентарь. Типология и технология. Каменный инвентарь трех основных слоев стоянки Замостье 2, нижнего (далее НМ) и верхнего (ВМ) позднемезолитических и ранненеолитического (ВВК), позволяет проследить качественные изменения в орудийном наборе и в технологии расщепления в период перехода от мезолита к неолиту на территории Волго-Окского междуречья. Кремневые коллекции (раскопки 1989–91 гг.) достаточно многочисленны: в нижнем слое найдено более 2 тысяч изделий, в верхнем мезолитическом – более 7 тысяч, в слое верхневолжской культуры – около 3,5 тысяч предметов.

Сырьем для изготовления орудий на всех трех поселениях служил местный желвачный кремень, очень неоднородный по окраске, зернистости и степени пластичности. Преобладают изделия из мелко и среднезернистого кремня темно-серого и коричневого тонов. Из того же материала изготовлялись и шлифованные тесла. Процент использования других пород камня (в том числе сланца) очень мал.

Кремневая индустрия *нижнего мезолитического слоя* характеризуется резким доминированием отщепов (873, обломки без ударной площадки не учитывались) над пластинами (150, включая сечения). Среди пластин преобладают крупные экземпляры неправильных форм, много реберчатых или с остатками корки на спинке (рис. 1: 62–64; рис. 2: 31–32; рис. 3: 35, 37, 39); правильную параллельную огранку имеют не более десятка. Отжимных микропластин мало (15). Это определило и характер орудийного набора, где число орудий на отщепах (197) почти в 5 раз превышает число орудий на пластинах (42). Среди последних 2 обломка наконечников, 20 концевых скребков (в том числе 5 нестандартных) (рис. 1: 45–46, 55, 58), 5 сверел, к которым отнесены изделия с массивным скругленным концом, оформленным ретушью на торцевой грани слома или на обушке; у 15 пластин краевые лезвия оформлены разными типами ретуши (рис. 1: 47, 62; рис. 2: 32; рис. 3: 39).

Среди орудий на отщепах преобладают скребки (122) разных форм и размеров: концевые (рис. 1: 49, 51–52, 59), округлые (рис. 1: 50, 54, 57, 67), мелкозубчатые (рис. 1: 56, 60), с зауженным лезвием. К проколкам (20) отнесены изделия с вытянутым острием и ретушированные жальца на углах сломов (рис. 3: 40). Остальные орудия единичны: 2 сверла, 9 скребловидных орудий (это крупные отщепы с извилистым лезвием, оформленным пологой или крутой ретушью) (рис. 3: 38), 1 резец (рис. 2: 35). Следует отметить 2 орудия с коротким широким выступом, образованным прямыми лезвиями с противолежащей ретушью (рис. 3: 33, 42); этот своеобразный тип орудия встречен во всех слоях стоянки.

Группа шлифованных тесел представлена 12 экземплярами (целые и обломки) – это рубящие орудия, изготовленные двусторонней оббивкой с последующей шлифовкой всей поверхности или участка лезвия. Лезвия – широкие, слабовыпуклые, в профиль асимметричные, угол заострения 30–45°; на противоположном конце изделия оформлен суженный обушок. Выделяются также рубящие орудия – массивные бифасы без шлифовки (15), заготовки бифасов (15), нуклеусы (37) и шлифовальники (15) – обломки крупнозернистых пород камня с выглаженной от длительного использования, чуть вогнутой поверхностью.

Коллекция *верхнего мезолитического слоя* самая многочисленная. Несмотря на некоторые типологические изменения в орудийном наборе, основные характеристики инвентаря в целом сохраняются. Прежде всего, это резкое преобладание отщепов (2190) над пластинами (550, с сечениями). Чуть лучше представлены пластины с правильной огранкой (рис. 2: 22). Микропласт-

Fig. 1. Zamostye 2. Tools for hide scraping.
Types of tools: 5–7, 13–16, 20–21, 36, 42–43, 49, 51, 52, 59 – simple endscrapers; 50, 54, 57, 67 – rounded endscrapers; 53 – double endscraper; 4, 17, 33, 40 – endscrapers with denticulate working edge; 37, 66 – endscrapers with trimmed working edge; 23–24, 32, 45–46, 55, 58 – endscrapers on blades; 9–10 – endscrapers with flat covering retouch; 12, 18 – nosed endscrapers; 2, 19, 26, 38 – endscrapers with a notch; 3 – endscraper/burin; 24–25 – endscraper/drill; 31 – endscraper/borer; 27–30 – tools of «Zamostye»-type; 11 – sidescraper; 34 – tools with alternately bevelled tip; 41 – tools with alternated retouch; 1, 8, 35, 61 – flakes with light retouch; 22, 39, 47, 62 – retouched blades; 48, 63–65 – blades.
1–67 – tools made of flint.

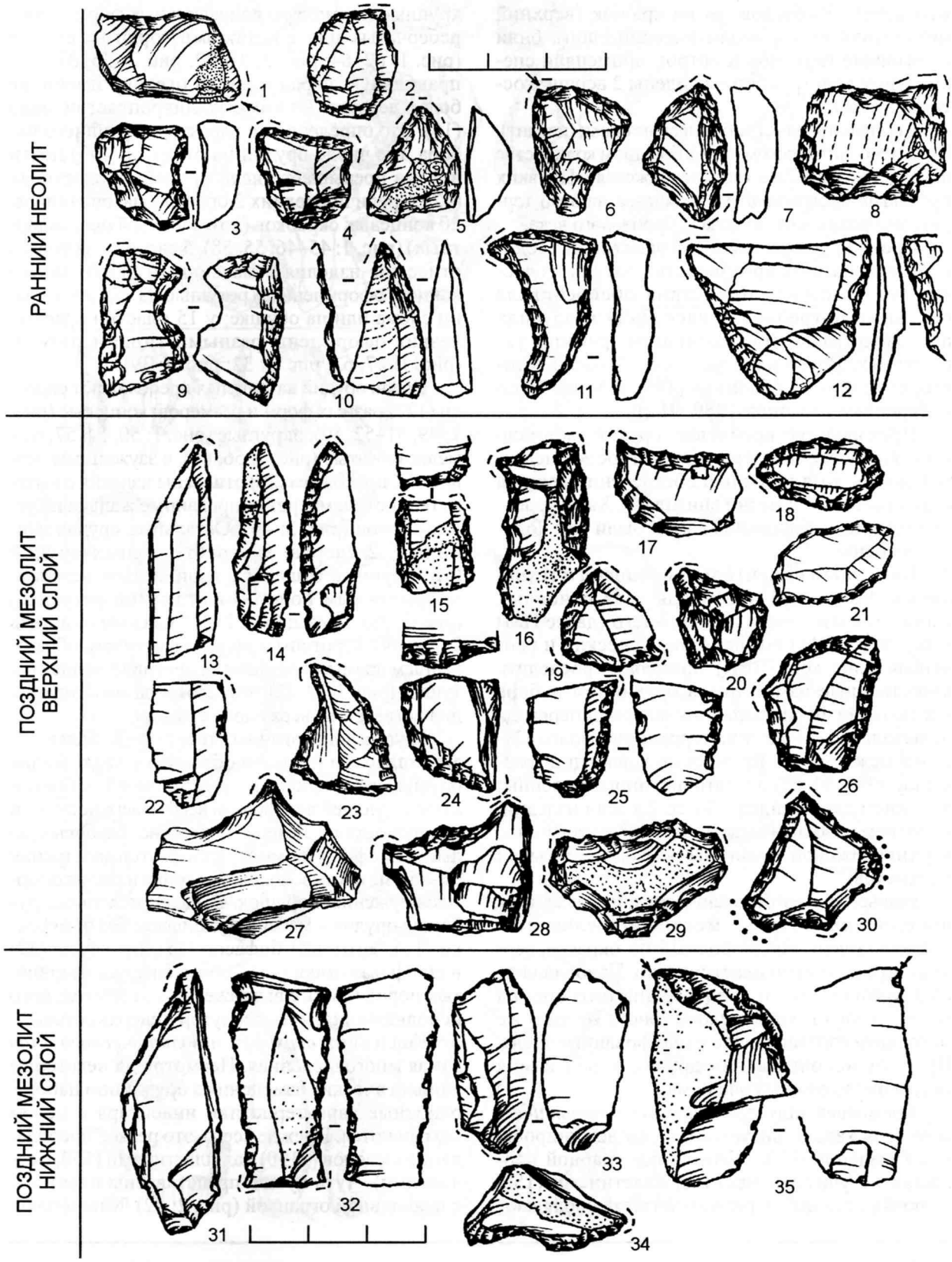


Рис. 2. Замостье 2. Орудия, использовавшиеся в качестве резцов по твердым материалам: 30 – резец + скребок.
Типологическая характеристика: 8 – зубчатые скребок; 2 – узколезвийный угловой скребок; 4, 24 – скребок-проколка; 20, 27 – проколки; 1 – скребок-резец; 35 – резец; 3, 5–7, 11, 16–21, 23, 26, 29–30, 34 – орудия «тип Замостье»; 9 – нож-выемка; 28 – скобель; 15 – орудия с заостренным выступом, оформленным противолежащей ретушью; 14, 25, 32 – пластины с ретушью; 13, 22, 31, 33 – неретушированные пластины.
1–34 – кремень.

тинки единичны (16 сечений). Соотношение орудий на отщепах (842) и пластинах (225) остается примерно тем же. Среди орудий на пластинах 20 наконечников стрел (листовидной формы, с одно- и двусторонней ретушью, с черешком), 68 скребков (рис. 1: 23, 32), в том числе 6 экземпляров с зауженным лезвием, 13 проколок на дистальных концах (7 целых, 6 сечений) (рис. 3: 21), 76 пластин с краевой ретушью разных типов (рис. 1: 22, 39; рис. 2: 14, 25; рис. 3: 22). Увеличивается количество сверел на концах крупных пластин – 36 (рис. 3: 23–24), в том числе 9 комбинированных со скребковым концевым лезвием (рис. 1: 25, 44) и 27 сверел-разверток с ретушированными краями. На одной из микропластинок с ретушью (13) сохранились остатки смолы, 11 сечений найдены in situ в боковых пазах роговых наконечника метательного оружия и охотничьего кинжала.

Если говорить о характере вторичной обработки отщепов, то преобладает крутая «скребковая» ретушь, которая использовалась при изготовлении различных типов орудий. Количество скребков достигает 374 экземпляров, они разнообразны по форме заготовок и оформлению лезвий (в том числе зубчатые (рис. 1: 33, 40), с намеренно зауженным лезвием, с подработкой обушка и др.). За ними следует неизвестная ранее категория комбинированных орудий (146) (рис. 1: 25–26, 31, 38, 44): для них характерно сочетание на одной заготовке (в той или иной пропорции) различных морфологических элементов – скребкового лезвия, пологих выемок, приостренных жальцев. Наиболее яркий пример – орудия «тип Замостье» – оформлены на обломках пластин или отщепов, размером 2–3 см (125), интенсивная крутая ретушь по периметру формирует зоны скребка, проколки или микроскребка, выемки (обычно, маленькой) и иногда микрозубчатого лезвия (рис. 1: 27–30; рис. 2: 16–21, 23, 26, 29–30; рис. 3: 27; рис. 4: 2–7). В группе проколок-острий (37) отмечается большое разнообразие, связанное не столько с выбором нестандартных заготовок, сколько с широким спектром размещения острий (на углах сломов, естественных выступах, дистальных концах, на краевых лезвиях – в этом случае жальца сформированы с помощью выемок) (рис. 2: 27; рис. 3: 19, 25–26, 28, 32). Также выделены 20 орудий с заостренным выступом, образованным противолежащей ретушью (рис. 1: 34; рис. 2: 15; рис. 3: 18, 29–30), 11 сверел, 6 скребел и 10 скобелей с выемчатым лезвием (рис. 2: 28). Остальные типы орудий единичны.

Процент рубящих орудий со шлифовкой и без нее в обоих мезолитических слоях примерно одинаков (1,6–1,9%). Шлифованные тесла (48) более многочисленны, чем бифасы (17). Специфика использования тесел приводила к интенсивному износу (повреждениям) лезвия и частым переоформлениям с повторной шлифовкой. Найдены заготовки и обломки бифасов (51), а также шлифовальные плиты (33) и нуклеусы (36).

При сравнении кремневого комплекса *ранненеолитического слоя* с мезолитическими поражает факт преемственности, который выражается не только в сходном типологическом облике инвентаря, но и в соотношении групп продуктов расщепления, характере вторичной обработки. Так, процент пластин, в основном, плохого качества, еще более уменьшается (115) по отношению к отщепам (1144). Отжимных микропластин – 25. Среди орудий на пластинах (103) – концевые скребки (20), проколки (10) (рис. 3: 7), сверла (5) – все известных форм. Появляется новый тип – косые острия (3) – имеющий культурно-хронологическое значение (рис. 4: 10–11). Среди наконечников стрел (16) есть экземпляры мезолитического облика (иволистной формы, с черешком) и неолитические типы (микрозубчатые, двустороннеобработанные), все меньшего размера и более правильной формы. Пластины с различной краевой ретушью (45) не выделяются в четкие типы, большая их часть фрагментирована.

Среди орудий на отщепах (513) простые и комбинированные скребки остаются самыми многочисленными (всего 220). Их разнообразие еще больше увеличивается – появляются угловые узколезвийные скребки (рис. 1: 12; рис. 4: 20), микроскребки на краю широкого скребкового лезвия (рис. 1: 18), с выступом, скребки с выемкой (рис. 1: 2; рис. 4: 14, 19). Комбинированный скребок-проколка (17) характеризуется расположением проколки на углу скребка рис. 2: 4; рис. 3: 2). Таким образом, мы наблюдаем появление различных переходных форм между простыми скребками и орудиями «тип Замостье», число последних в чистом виде заметно снижается (15) (рис. 2: 3, 5–7, 11; рис. 3: 5, 15; рис. 4: 8). Проколки (20) не отличаются от мезолитических (рис. 2: 10). Сверла (12) – на массивных концах отщепов, обычно, треугольного сечения, ретушированы с брюшка, иногда с 2 или 3 поверхностей (рис. 3: 1, 11; рис. 4: 22). Резцы, единичные в мезолитических слоях, образуют небольшую серию (18), которая включает 4 средин-

Fig. 2. Zamostye-2. Tools for hard material treatment burin/endscrapers: 30 – endscraper/burin.
Types of tools: 8 – denticulated endscraper; 2 – narrow-ended ange endscraper; 4, 24 – endscraper/borer; 20, 27 – borers; 1 – endscraper/burin; 35 – burin; 3, 5–7, 11, 16–21, 23, 26, 29–30, 34 – tools of «Zamostye»-type; 9 – notched knife; 28 – steep retouched blade; 15 – tools with alternately bevelled tips; 14, 25, 32 – retouched blades; 13, 22, 31, 33 – blades.
1–34 – tools made of flint.

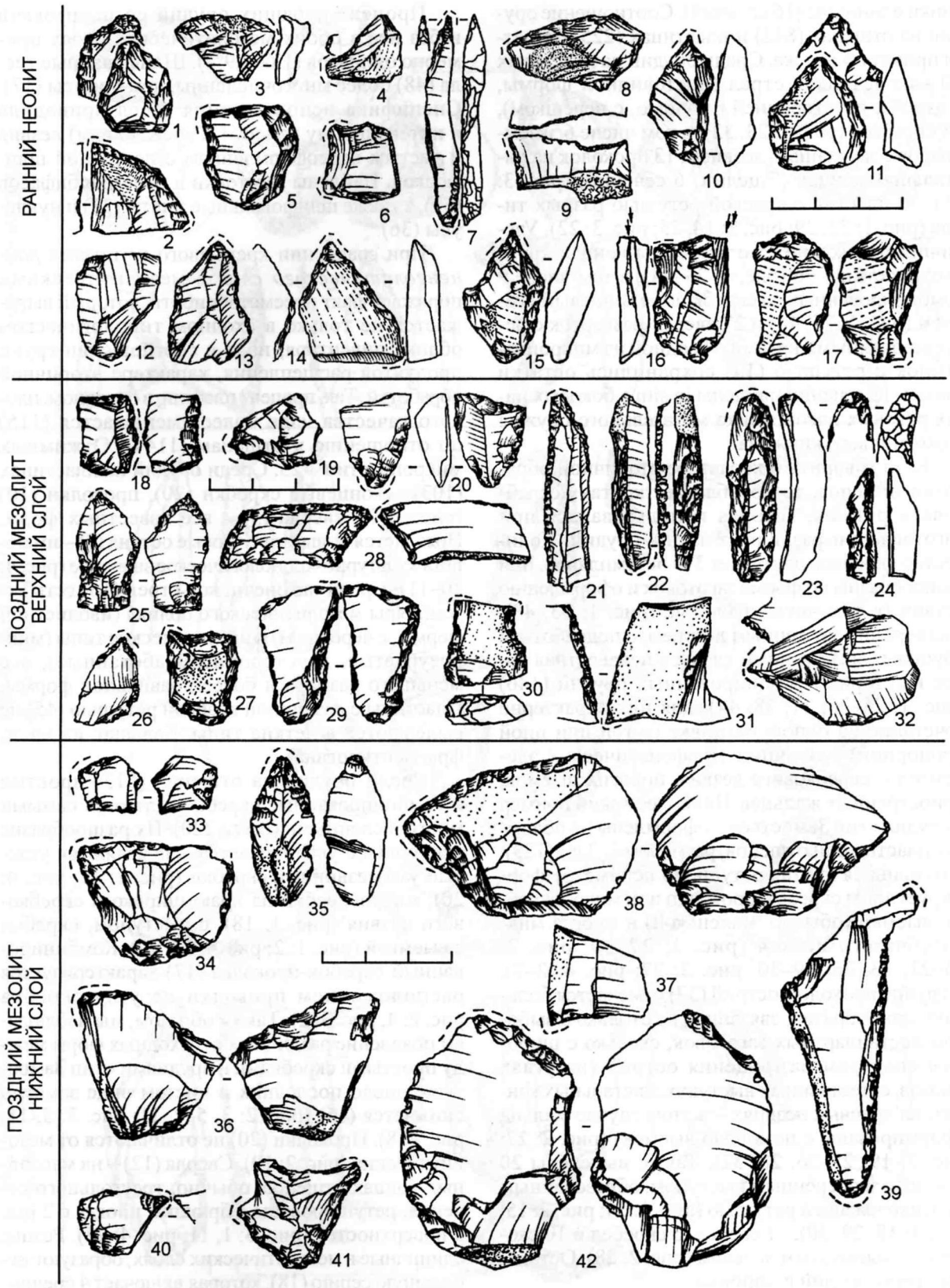


Рис. 3. Замостье 2. Орудия, использовавшиеся для сверления твердых материалов.
Типологическая характеристика: 3, 8 – простые скребки; 2, 6, 13 – скребок-проколка; 4, 7, 10, 14, 19–21, 25–26, 28, 32, 40 – проколки; 16 – узколезвийный скребок-резец; 5, 15, 27, 41 – орудия «тип Замостье»; 1, 11–12, 20 – сверла; 23–24 – сверло на пластине; 38 – угловое скребло с подтеской; 9, 14, 18, 29–30, 33, 42 – орудие с заостренным выступом, оформленным противолежащей ретушью; 17 – орудие с противолежащей ретушью; 31 – отщеп с ножевидным лезвием; 23, 29 – пластины с ретушью; 37 – усеченная пластина; 34, 36 – отщепы с ретушью.
1–42 – кремень.

ных резца, 3 угловых, 1 плоский и 10 «ретушных». Тонкие отщепы с мелкой пологой ретушью отнесены к ножам (8).

В отдельную группу выделены орудия с характерной струйчатой субпараллельной ретушью. Этот тип ретуши, абсолютно неизвестный в мезолитических слоях стоянки, широко распространился в Волго-Окском междуречье к концу бытования верхневолжской культуры и являлся доминирующим в среднем и позднем неолите. Типологически эта группа включает в себя концевые скребки с ровными ретушированными краями (10) (рис. 1: 10; рис. 4: 17, 23) и ножевидное орудие (рис. 4: 18). Этой же техникой обработаны и двусторонние иволистные наконечники стрел.

Количество шлифованных тесел (50 и 13 отщепов, снятых в процессе оживления), как и бифасов-рубящих (22) в неолитическом слое несколько увеличивается; большое разнообразие их форм и размеров объясняется, очевидно, не только более широким спектром применения, но и частым подновлением и переоформлением поврежденных лезвий, осуществляемым за счет бифасиальной оббивки и вторичной шлифовки. Встречаются как бифасы с остатками шлифовки на высоких участках рельефа (вторично оббитые), так и со следами начальной стадии шлифовки (16). Некоторые из рубящих, так же как и в слое ВМ, морфологически могут рассматриваться как заготовки тесел. Представлены также чистые бифасы (88), шлифовальники (27) и нуклеусы (9), а также единственный в коллекции стоянки шлифованный нож из сланца.

Итак, рассмотренные кремневые комплексы показывают типологическое сходство, свидетельствующее о преемственности культурных традиций при переходе от мезолита к неолиту в этом регионе. Среди наиболее характерных общих черт следует отметить резкое преобладание отщепов над пластинами, большое количество скребков и комбинированных орудий при почти полном отсутствии резцов, неустойчивость типологии, наличие шлифованных тесел и бифасов и отсутствие геометрических микролитов.

Технологический анализ, проведенный Е. Ю. Гирей, подтвердил сходство основных черт производства каменных орудий и позволил объяснить некоторые выявленные типологией специфические черты индустрий стоянки (Гиря, Лозовский, Лозовская 1997). Во всех трех индустриях наиболее четко прослеживается цепочка производства рубящих орудий (бифасов) – шлифованных тесел. В ходе оббивки нуклевидных облупней и бифасов эпизодически снимались пластины. Самостоятельного специализированного производства пластин не существовало, поэтому пластины с параллельной огранкой («чистые») составляют меньшинство, а преобладают краевые сколы и сколы с пренуклеусов (реберчатые и т. д.), снятые той же техникой скола (жесткий отбойник, без редуцирования карниза и выравнивания, пришлифовки ребер), что и остальные отходы производства бифасов. Нуклеусы для отжима микропластинок, безусловно, относятся к отдельной технологии – производства вкладышей лезвий составных орудий, но их очень мало (15, 6 и 1). В неолитическом слое появляются продукты расщепления, относящиеся к производству тонких бифасов – принципиально новой технологии; усовершенствуется и технология производства рубящих – больше правильных бифасов, экономичнее их производство.

От нижнего слоя к верхнему уменьшается доля крупных нуклеусов и нуклеусов для отжима микропластин, количество же рубящих и орудий на отщепах растет. Налицо постепенная смена традиций расщепления – регресс производства пластинчатых заготовок (как крупных путем оббивки, так и мелких путем отжима) на фоне становления и развития технологий производства рубящих-бифасов.

Функциональные исследования. Для трасологического анализа были отобраны образцы разных типов орудий со вторичной обработкой и пластин без ретуши из каждого слоя, а также несколько мелких бифасов (заготовок тесел) и изделий со шлифовкой из неолитического слоя (весь материал из раскопок 1989–1991 гг.). В выборку не были включены наконечники, микропластины и отщепы без ретуши. Всего было изучено 390 предметов: 100 орудий из нижнего мезолитического слоя (НМ), на 80 из которых интерпретированы следы использования, 140 орудий из слоя ВМ (108 определены) и 150 из слоя ВВК (111 определены). Исследования проводились в 1991–96 годах в Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН в Санкт-Петербурге и в Сергиево-Посадском музее. Авторы выражают особую благодарность профессору В. Е. Щелинскому за неоценимую помощь, советы и поддержку, без которых эта работа не была бы возможна.

Типология и функция. Достаточно хорошая сохранность поверхности кремня и сильная сра-

Fig. 3. Zamostye-2. Tools for hard material drilling.
Types of tools: 3, 8 – simple endscrapers; 2, 6, 13 – endscraper/borer; 4, 7, 10, 14, 19–21, 25–26, 28, 32, 40 – borers; 16 – narrow-ended endscraper/burin; 5, 15, 27, 41 – tools of «Zamostye»-type; 1, 11–12, 20 – drills; 23–24 – drill on blade; 38 – angle sidescraper with trimming; 9, 14, 18, 29–30, 33, 42 – tool with alternately bevelled tip; 17 – tools with alternated retouch; 31 – flake with cutting edge; 23, 29 – retouched blades; 37 – trumated blade; 34, 36 – retouched flakes.
1–42 – tools made of flint.

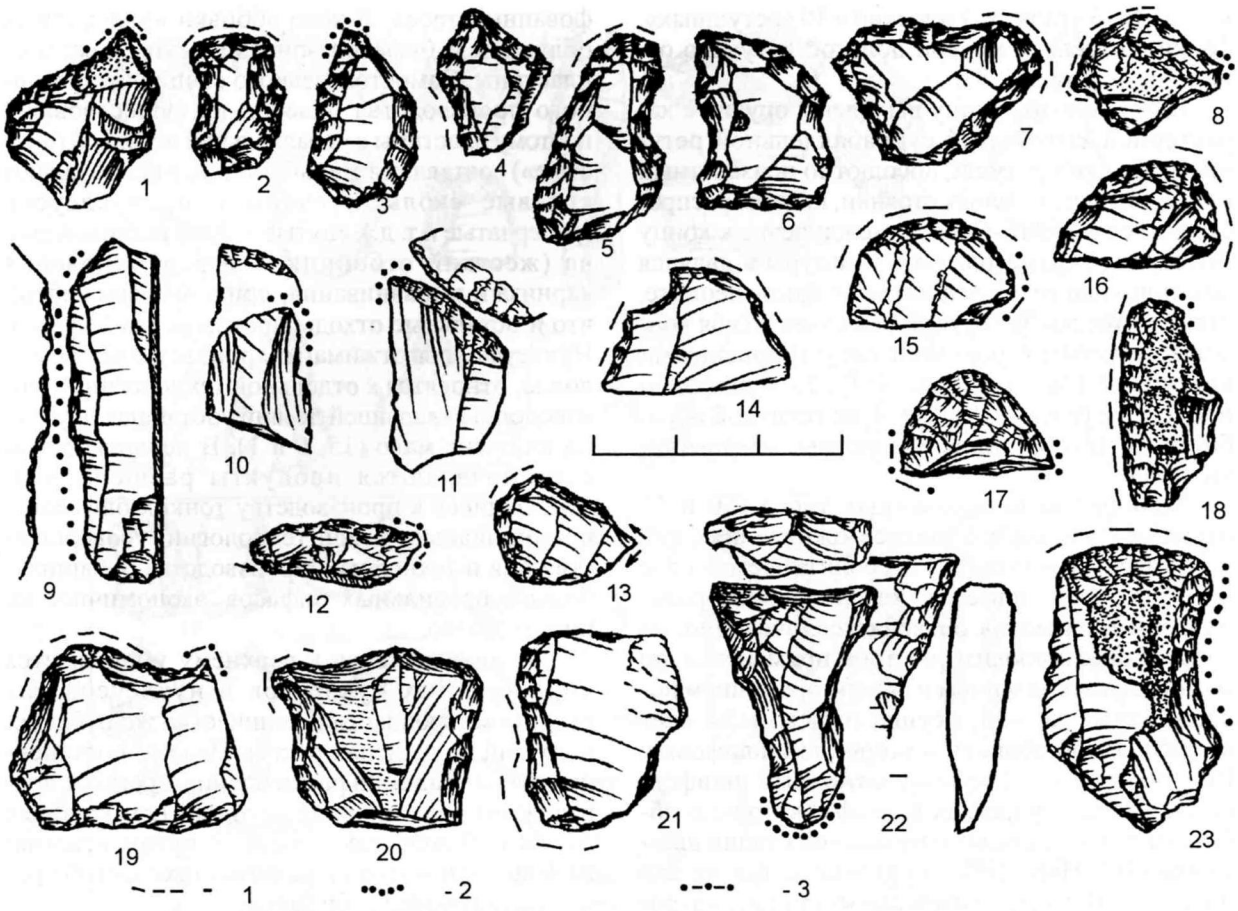


Рис. 4. Замостье 2. Орудия с различными функциями.
1 – поздний мезолит, нижний слой; 2–7 – поздний мезолит, верхний слой; 8–23 – ранний неолит.
1, 3, 10–12, 15, 23 – обработка шкур; 2, 4–5, 7, 9, 13–14, 16, 20, 22 – обработка твердых материалов; 8 – скребок/шкур + резец/кости, 17 – сверло + резец/кости, 18 – скребок + резец/кости, 19 – скребок/шкур + сверло/кости, 21 – скребок/шкур + скребок/кости.
(обозначения: 1 – скребок, 2 – нож или резец, 3 – проколка или сверло.)
Типологическая характеристика: 1–8 – орудия «тип Замостье»; 17–18, 23 – орудия со струйчатой ретушью; 16, 20 – узколезвийный угловой скребок; 15 – скребок-проколка; 12–23 – скребок-резец; 14, 19 – скребок-выемка; 22 – сверло; 21 – скребло; 10–11 – косые острия; 9 – пластина с ретушью.
1–23 – кремень.

Fig. 4. Zamostye-2. Tools for different use.
1 – Late Mesolithic, the lower layer; 2–7 – Late Mesolithic, the upper layer; 8–23 – Early Neolithic.
1, 3, 10–12, 15, 23 – hide treatment; 2, 4–5, 7, 9, 13–14, 16, 20, 22 – hard material treatment; 8 – endscraper for hides + burin for bone treatment; 17 – drill + burin for bone treatment; 18 – endscraper + burin for bone treatment; 19 – endscraper for hides + drill for bone treatment; 21 – endscraper for hides + endscraper for bone treatment.
(Notations: 1 – endscraper, 2 – knive or burin, 3 – borer or drill.)
Types of tools: 1–8 – tools of «Zamostye»-type; 17–18, 23 – tools with flat covering retouch; 16, 20 – narrow-ended ange endscrapes; 15 – endscraper-borer; 12–23 – endscraper-burin; 14, 19 – endscraper-notch; 22 – drill; 21 – sidescraper; 10–11 – oblique points; 9 – retouched blade.
1–23 – tools made of flint.

ботанность большинства орудий позволили определить функции 77% предметов. Отсутствие четкой типологической дифференциации кремневых орудий нашло подтверждение в результатах анализа следов износа (таблица 1). Несмотря на многочисленность комбинированных орудий, число орудий с двойной функцией минимально (13 изделий), что свидетельствует о технической роли (прием оформления) некоторых морфологических элементов (скребковая ретушь, выемки, приостренные жальца).

Наиболее показательны в этом смысле комбинированные *орудия «тип Замостье»*. В работе использовались все рабочие элементы этих орудий, но только два орудия имели две функции. Изделия из слоя НМ служили для прокалывания шкур (рис. 4: 1), а также скобления, сверления (рис. 3: 41) и прорезания пазов в твердых материалах (дерево-кость-рог). Необходимо подчеркнуть, что последние действия (функция резца) – прорезание-выскабливание пазов, гравирование и другие близкие операции – обычно выполнялись, ввиду отсутствия типологических

резцов, заостренными выступами-жальцами, выделенными на круторетушированных лезвиях небольшими выемками (на других орудиях также подправленными углами сломов); резцовые сколы не применялись (рис. 2). Полифункциональное назначение орудий «тип Замостье» прослеживается и в комплексе слоя ВМ: часть орудий использовалась для скобления шкур (5 экз.) (рис. 1: 27–30) или твердых материалов (5 экз.) (рис. 4: 2, 4–5, 7), часть – для резцового резания (9) (рис. 2: 16–21, 23, 26, 30), а также сверления (1 экз.) (рис. 3: 27) дерева или кости и резания шкур (1 экз.). В слое ВВК роль скребков, очевидно, переходит к морфологически близкому типу угловых узколезвийных скребков на ретушированном отщепе, орудия «тип Замостье» продолжают использоваться как резцы (5 экз.) (рис. 2: 3–7) и сверла-развертки (2 экз.) (рис. 3: 5, 15) для твердых материалов и в качестве проколки для шкур.

Наиболее стабильную связь с функциональным использованием показали *простые скребки* и часть комбинированных, что вполне логично: почти все они служили для скобления. Однако, во всех слоях ими обрабатывали как мягкие (шкуры) (рис. 1) (28, 22, 18 для 3 слоев соответственно), так и твердые материалы (11, 10, 7). Использование типологических скребков в другой функции (резца, сверла или проколки для шкур) объясняется наличием других слабо выраженных элементов (естественные выступы, необработанные края сломов).

Достаточно аморфная группа *скребел* (массивные отщепы с круторетушированными неровными боковыми лезвиями) оказалась однородной с функциональной точки зрения: из 9 орудий (3, 4 и 2) 7 использовались для скобления дерева-кости-рога, 2 – для скобления шкур (в том числе 1 имело следы от комбинированного использования – для шкур и кости-рога), и только 1 скребло служило сверлом-разверткой.

Орудия со струйчатой субпараллельной ретушью (слой ВВК), напротив, показали широкое применение: в качестве ножей и скребков для шкур (в том числе одно – рис. 1: 10 – использовалось в двуручной оправе) (рис. 1: 9); скребков, резцов и сверла для кости-рога. Три орудия имели по две функции (рис. 4: 17, 18, 23).

Выступы-шипы (жальца) и острия, использовавшиеся для таких различных операций, как прокалывание шкур, сверление-разворачивание или резцовое резание твердых материалов, в большинстве случаев морфологически не различаются. Так, типологические *проколки* на отщепах или пластинах служили сверлами (2,5 и 3) (рис. 3: 7, 10, 25–26, 32, 40) или резцами по твердым материалам (0, 2, 1) (рис. 2: 10, 13, 27). В свою очередь некоторые типологические *сверла* либо не использовались, как в случае скребков-сверел из слоя ВМ или сверел на ретушированных отщепах из НМ и ВВК, либо ими работали по кости (рис. 3: 24) или мягкому камню (рис. 3: 23); неолитическое сверло на пластине служило для растирания слабоабразивных материалов (шкур, глины).

Изделия с заостренным выступом, оформленным противолежащей ретушью, несмотря на различия в пропорциях и размерах, показали определенную связь с функциональным использованием: в 7 случаях – это были операции по сверлению-развертыванию различных твердых материалов (дерева, кости или камня) (рис. 3: 33, 42), в 2 случаях – с прорезанием пазов. Всего 4 орудия имели следы износа на других краях (скобление разных материалов).

Другие типы орудий не показали предпочтительной функции, их выбор для той или иной работы, вероятно, был случаен. В частности, всего 2 типологических *резца* выполняли свою функцию (рис. 2: 1, 35), остальные 5 резцовых лезвий не использовались.

Среди *пластин*, отобранных для функционального анализа, представлены экземпляры с разной огранкой, целые формы и сечения, без обработки (8, 7, 1) и с краевой ретушью различных типов (8, 14, 4). Полученные результаты свидетельствуют о широком спектре выполняемых ими работ. Так, в слое НМ пластинами с ретушью и без нее обрабатывали мягкие (скребки, ножи) и твердые (скребки, струги, ножи, резцы, сверла) материалы. Одни пластины являлись элементами составных лезвий или были закреплены в рукоятках, у других, напротив, вместо боковых лезвий использовались естественные углы (сломов), в том числе для скобления шкур (5) (рис. 1: 48). Пример такого использования отмечен и в слое ВВК, где все 4 угла фрагментированной пластины служили для скобления и резания шкур. Пластины из слоев ВМ и ВВК также выполняли самые различные функции (дополнительно включая пилки и проколки), 6 орудий имеют признаки закрепления. Отмеченная в слое ВМ тенденция использования пластин без ретуши для режущих операций может быть также результатом случайной выборки. Таким образом, можно говорить о полифункциональном ситуационном применении пластин и об отсутствии четко выраженной направленности их функционального назначения. Такая ситуация может являться следствием или причиной отсутствия налаженного производства стандартных пластин-заготовок в кремневых индустриях стоянки. Косые острия на пластинах (ВВК) можно назвать единственным исключением, они служили ножами для шкур (рис. 4: 10, 11).

Как уже было сказано выше, орудий с 2 функциями мало – всего 13 изделий, 9 из которых относятся к слою ВВК. Из них только 4 обрабатывали два разных материала (0,1 и 3) (рис. 2: 30, рис. 4: 8, 19, 21), что свидетельствует об использовании изделий в два приема. Остальные сочетания по следам износа, например, нож+

скребок для шкур (рис. 4: 23) или скребок+резец для кости (рис. 4: 18), могли входить в одну функциональную задачу. С типологической точки зрения 5 орудий являются простыми (пластина, косое острие, скребок, резец и скребло), 8 – комбинированными (2 – орудия «тип Замостье», 3 – со струйчатой ретушью, скребок-проколка, 2 – скребок-выемка).

Таким образом, трудно говорить о ясной функциональной специализации типов орудий в рассматриваемых индустриях, за исключением классических типов простых скребков и «скребел», использовавшихся для скобления разных материалов. Для того, чтобы оценить функциональную роль неолитических косых острий (в качестве ножей для шкур), полученных данных недостаточно. С другой стороны, использование в функции резца или сверла заостренных выступов на ретушированном лезвии или углов сломов, являющихся элементами разных типов изделий, может рассматриваться как характерная черта. В целом, большинство орудий можно считать универсальными с точки зрения возможности использования одного из имеющихся морфологических элементов («тип Замостье»), но унифункциональными с точки зрения конкретного использования. Более того, большое количество многолезвийных орудий, возможно, и явилось результатом традиции случайного (ситуационного) использования. Проблема переоформления орудий, не менее важная для понимания формирования типов каменных изделий, требует отдельного изучения и в данной работе не рассматривается.

Функция и типология. На основе данных функционального анализа можно достаточно полно реконструировать следующие виды хозяйственной деятельности: обработку шкур и изготовление костяных (или роговых) и деревянных изделий. Мясные ножи достаточно редки даже среди пластин. Инструменты для разделки туш или чистки рыбы либо не представлены в выборке (ими могли быть, например, отщепы без ретуши или микропластины), либо их функции выполнялись орудиями из кости или рога. Никаких свидетельств обработки травы или злаковых нет.

Обработка шкур. Обитатели нижнего мезолитического поселения скоблили шкуры с помощью скребков на отщепах и пластинах, зубчатыми скребками, а также лезвиями пластин и ретушированными краями отщепов (рис. 1). В 5 случаях (4 пластины и отщеп) операция производилась углами (рис. 1: 48, 63). В слое ВМ список функциональных скребков пополнился различными комбинированными скребками и еще тремя типами орудий (резец, орудия с заостренным выступом (рис. 1: 34) и с противолежащей ретушью (рис. 1: 41), имеющими ретушированные края. В неолите добавились новые типы – узколезвийные угловые скребки, скребки со струйчатой ретушью, косое острие. Несколько орудий были закреплены в рукоятке (0,2 и 1) (рис. 1: 15, 24, 27), некоторые являлись вкладышами двуручного скребка (1,2 и 1) (рис. 1: 10, 39, 41, 47). Очевидно, что на разных стадиях обработки шкур использовали зубчатые края, массивные круторетушированные лезвия разной формы и длины, узколезвийные микроскребки, роль которых иногда играли дистальные концы или углы сломов. Обрабатывали как большие шкуры, так и шкурки мелких пушных зверей.

Орудий для резания шкур (или мяса-шкур) значительно меньше во всех трех слоях (3, 4 и 6). В мезолитических слоях использовались фрагментированные пластины, с ретушью и без, некоторые из которых служили элементами составных лезвий. На одной неолитической пластине следы определены на углах сломов. К специализированным орудиям можно отнести косые острия (ВВК), одно из них использовалось на жесткой основе (рис. 4: 10). Следы от резания шкур наблюдались также на орудиях со струйчатой ретушью (ВВК) (рис. 4: 23), «тип Замостье» (ВМ) (рис. 4: 3) и сверле на отщепе (НМ).

Операция прокалывания-провертывания шкур требует наличия у орудия оформленного острия, либо заостренного выступа-шипа, либо другого острого угла. Поэтому этот набор орудий достаточно предсказуем: это типологические проколки на пластинах и отщепах, скребки-проколки, орудия «тип Замостье» (рис. 4: 1) и сечения пластин. Кроме того соответствующие следы обнаружены на скребке-резце (рис. 4: 12) и на массивном наконечнике. Большинство орудий относятся к неолитическому слою, где эта функция представлена лучше (2,2 и 14).

Обработка дерева, без сомнения, занимала важное место в хозяйственной жизни обитателей поселений. Не случайно появление шлифованных тесел уже в мезолите, также как и явная направленность технологии расщепления на производство топоров-рубящих. Нам пока неизвестен весь набор изделий и конструкций из дерева, использовавшихся на стоянке. Однако найденные наконечники стрел, фрагменты ложек и сосудов, крючок, декорированные плашки, зооморфные фигурки, рукояти, муфты, весла и многочисленные колья определенно требовали богатого инструментального набора.

Несмотря на то, что функция части орудий определена суммарно для группы твердых материалов (дерево-кость-рог), набор кремневых орудий для обработки дерева вполне очевиден. Шлифованные тесла являлись специализированными орудиями для тесания и строгания. Для скобления использовались простые и комбинированные скребки, в том числе орудия «тип Замостье» (мезолитические слои) (рис. 4: 7) и узколезвийные угловые скребки (ВВК). Следы скобления были также обнаружены на ретушированных лезвиях некоторых пластин (одна использовалась в руко-

Таблица 1. Функциональное использование разных типов орудий на стоянке Замостье 2.

Типы орудий	**Функции орудий**		
	слой НМ	**слой ВМ**	**слой ВВК**
Пластины без ретуши	-скребок/шкур – 3 (3у, 1к) -нож/ММ – 1 (к) -нож-струг/ТМ – 1 (к) -нож-скребок/кости - 1(у) -нож-вкладыш/? – 1 (к) -резец*/ТМ – 1 (у)	-нож/мяса – 1 -нож/ММ – 1 -нож-вкладыш/ММ – 1 -нож-вкладыш/? – 1 -нож-пилка/ТМ – 1 -резец*/ТМ – 2 (у, о)	-нож+скребок/ММ -1(4у)
Пластины с краевой ретушью	-скребок/шкур – 2 (к, у) -скребок***/шкур – 1 (к) -скребок/дерева – 1 (к) -струг***/дерева – 1 (к) -нож/ММ – 1 (у) -резец*/ТМ – 1 (у) -сверло/ТМ – 1 (у)	-скребок/шкур – 1 -скребок**/шкур – 1 -скребок***/шкур – 1 -скребок/ТМ – 3 -скребок**/дерева – 1 -нож-вкладыш/? – 1 -пилка/кости – 1 -резец/кости – 1 -резец*/кости – 1 -сверло/ТМ – 2 (2у) -проколка/шкур – 1 (у)	-скребок/кости – 1 -пилка/дерева – 1 -резец*/ТМ – 1 (у) -проколка/шкур – 1 (у)
Усеченная пластина	-сверло/ТМ - 1	-нож/ММ - 1	
Косое острие на пластине			-нож/шкур – 1 -нож/шкур – 1 (на жесткой основе) -нож/ММ+скребок/шкур - 1
Концевые скребки на пластинах	-скребок/шкур – 6 -скребок/кости – 2 -скребок/ТМ – 1 -сверло/камня-кости – 1	-скребок/шкур – 2 -скребок/дерева – 2	-скребок/кости – 1
Сверла на пластинах		-сверло/кости – 1 -сверло/ТМ-камня – 1	-орудие для растирания шкур, глины – 1
Проколка на пластинах		-сверло/? – 1 -сверло/дерева – 1	-скребок/дерева – 1 -сверло/кости – 1 (2у) -проколка/шкур – 1
Наконечники			-проколка/шкур – 1
Простые скребки на отщепах (концевые и округлые)	-скребок/шкур – 19 (1у) -скребок/ТМ – 5 -скребок/ТМ∨камыш – 2 -скребок/кости – 1 -скребок+проколка/шкур -1	-скребок/шкур – 11 -скребок/ТМ – 5 -скребок/кости – 2	-скребок/шкур – 12 -скребок/ТМ – 2 -скребок/кости∨камыша - 1 -скребок/кости – 1 -сверло/ТМ – 1 -развертка/ТМ – 1 -ударные действия – 1
Комбинированные орудия тип Замостье	-скребок/дерева – 1 -проколка/шкур – 1 (у) -сверло/ТМ – 1 -скребок-резец*/ТМ -1(у)	-скребок/шкур – 4 -скребок**/шкур – 1 -скребок/ТМ – 5 -резец*/ТМ – 4 -резец*/кости – 5 -нож/шкур – 1 -сверло/ТМ – 1 - резец*+скребок/ТМ – 1	-резец/кости – 1 -резец*/кости – 3 (4у) -резец*/ТМ – 1 -сверло-развертка/кости –1 -развертка/ТМ – 1 -проколка/шкур – 1 (2у) -скребок/шкур(у, к)+ резец*/ кости – 1
Узколезвийные угловые скребки			-скребок/шкур – 1 -скребок**/шкур – 1 -скребок/ТМ – 2 (у) -скребок**/ТМ – 1 (к)

			-скребок-резец*/ТМ - 1 -скребок(резец*)/кости – 1 -развертка/ТМ – 1
Скребки с зубчато-выемчатым лезвием	-скребок/шкур – 2 -скребок/ТМ – 1	-скребок/шкур – 2	-скребок/шкур – 2 -скребок/ТМ – 1 -резец*/кости - 1
Скребковидные орудия со струйчатой ретушью			-скребок/шкур – 1 -скребок***/шкур – 1 -нож/ММ – 1 (?) -нож+скребок/шкур – 1 -резец*+сверло/кости-1(2у) -резец*(у)+скребок/кости -1
Скребок+проколка		-скребок/шкур – 1 -резец*/кости - 1	-резец*/кости – 1 (2у) -развертка/ТМ – 2 -сверло-развертка/кости – 1 (3у) -проколка/шкур – 3 -скребок+проколка/шкур – 1 (у, к)
Скребок+выемка		-скребок/шкур – 4 -скребок/ТМ – 1 -скребок+нож/шкур - 1 (у, к)	-скребок/шкур – 2 -скребок/ТМ – 1 -струг/кости – 1 -скребок/шкур+ сверло/кости – 1 (к, у)
Скребок+сверло		-скребок/шкур – 2	
Проколки	-проколка/шкур – 1 -сверло/ТМ – 2	-проколка/шкур – 1 -сверло/дерева – 1 -сверло/кости – 4 -резец*/кости – 1	-проколка/шкур – 4+1? -сверло/кости – 2 -резец/кости – 1
Сверла на ретушированных отщепах	-скребок/шкур – 1 -нож/шкур – 1	-сверло/камня – 1	-сверло/кости – 2 -сверло/кости-камня – 1 -нож/ТМ – 1
Резцы	-резец/ТМ – 1	-резец/ТМ(у) +скребок/шкур (к) – 1	-скребок/кости – 1
Резец+скребок			-скребок/шкур – 2 (3к) -резец/кости – 1 -проколка/шкур – 1
Орудия с заостренным выступом, оформленным противолежащей ретушью	-сверло/дерева – 1 -развертка/ТМ – 1	-скребок/шкур – 2 -скребок/ТМ – 2 -резец*/ТМ – 1 -сверло/ТМ – 1 -сверло/ТМ-камня – 1 -сверло/? – 1	-резец/ТМ – 1 (у) -сверло/кости – 2 (3у)
Скребла	-скребок/ТМ – 1 -скребок/кости – 1 -сверло-развертка/ТМ -1(у)	-скребок/ТМ – 3 -скребок(+струг)/ТМ – 1	-скребок/шкур – 1 -скребок/шкур+ скребок/ кости – 1
Скобели (орудия с выемчатым лезвием)		-резец*/ТМ – 1 (2у)	
Массивные орудия с противолежащей ретушью		-скребок***/шкур – 1	-сверло/кости – 1 ? (у)
Орудия с заостренным лезвием (ножи)			-скребок/шкур – 2 -скребок/камыша – 1

Нож+выемка			-резец*/кости – 1
Отщепы с бисерной ретушью	-скребок/шкур – 1 (у) -скребок/дерева – 1 -скребок/ТМ – 1	-скребок/шкур – 1 -сверло/ТМ – 1 (2у)	
Отщепы с ретушью	-скребок/шкур – 1 -скребок/ТМ – 1 -сверло-развертка/ТМ – 1 -развертка/кости - 1	-нож-скребок-вкладыш/?-1	-скребок**/шкур – 1 -проколка/шкур – 1 (у)
Бифасы (заготовки тесел)			-скребок/ТМ(у) – 2 -скребок/ТМ – 1 (стержни) -нож-скребок/ТМ – 1
Шлифованные тесла			-струг/ТМ – 1 -струг-тесак**/ТМ – 1 -тесак/дерева – 1
Шлифовальник			-шлифовальник/кости – 1 -шлифовальник/кости-камня (стержни) – 1
Шлифованный нож из сланца			-нож-скребок/? – 1

(у), (к), (о) – рабочим является угол (у), край (к) или дистальный конец (о)
ММ – мягкие материалы (мясо-шкуры)
ТМ – твердые материалы (дерево-кость-рог)
кости – обработка кости или рога
вкладыш – элемент составного лезвия
* - функция резца (выскабливание пазов, гравирование) выполняется элементом без резцового скола
** - орудие закреплено в рукояти
*** - вкладыш двуручного орудия

яти) и отщепов, скреблах, а также на мелких бифасах (ВВК), рассматриваемых ранее как заготовки тесел.

Для пиления дерева использовались только две пластины, с ретушью (ВВК) и без нее (ВМ) (рис. 4: *9*). Следует отметить, что ни на одном из найденных деревянных предметов следов пиления не было обнаружено.

Струги среди орудий на сколах также редки. Отметим мезолитические пластины (НМ), одна из которых была закреплена в двуручной оправе.

Сверление и проворачивание отверстий осуществлялось разными орудиями, имеющими хотя бы небольшое приостренное жальце. Среди них, кроме типологических сверел и проколок (рис. 3: 21, 32), можно назвать орудия с заостренным выступом с противолежащей ретушью (рис. 3: 42), ретушированные пластины и отщепы, скребки всех типов, орудия «тип Замостье», скребло и т. д.

Среди орудий со следами от резцового резания нет ни одного, который был бы связан с обработкой именно дерева, в настоящий момент также не найдены деревянные предметы с пазами. Но орудийный набор мог быть тот же, что и для обработки изделий из кости-рога.

Наконец, следует добавить, что обработка дерева осуществлялась не только каменными, но и костяными (роговыми) орудиями. Речь идет о шлифованных топорах (теслах) из рога или о скошенных орудиях из трубчатых костей лося, имеющих узкое поперечное лезвие, сходное с лезвием резца. Следы износа на этих лезвиях позволяют отнести их к орудиям для резцового скобления или строгания (иногда сверления) мягкого дерева или коры (Лозовская 1997).

Обработка кости и рога. Судя по многочисленным и разнообразным орудиям и предметам искусства, найденным на стоянке, обработка кости и рога в конце мезолита–начале неолита достигла совершенства. Технологическая цепочка изготовления костяных орудий, реконструированная по следам на поверхности законченных изделий, а также заготовок и отходов, включала оббивку эпифизов крупных трубчатых костей, фрагментацию при помощи продольных надрезов, оббивку краев, затем скобление, строгание (резание) и, иногда, шлифовку (заточку). Обработка рогов лося включала также рубку. На некоторых вещах просверливались отверстия или прорезались пазы для вкладышей, а также разными способами (вырезался, процарапывался

и т. д.) наносился орнамент. Все эти операции производились каменными орудиями.

Инструменты для оббивки в выборку не попали. Для тесания и рубки, вероятно, использовались каменные тесла. Операция строгания и резания представлена слабо – можно отметить лишь неолитический скребок-выемку, одну пластину (НМ) и шлифованные тесла. Следы пиления еще более редки, они наблюдались лишь на двух мезолитических пластинах (ВМ).

Скобление кости-рога представлено широко и на самых разных типах орудий. Следы износа обнаружены на простых и комбинированных скребках, орудиях «тип Замостье» (ВМ), скреблах (рис. 4: 21), пластинах и отщепах с ретушью, в неолитическом слое также на угловом микроскребке (рис. 4: 20), скребке со струйчатой ретушью (рис. 4: 18), резце и мелких бифасах. Одним из бифасов скоблили стержневидные предметы.

Для сверления или расширения отверстий в кости использовались как орудия с оформленным острием (проколки и сверла на пластинах и отщепах (рис. 3: 7, 10–11, 15, 19–20, 24–25), орудия «тип Замостье» и с заостренным выступом, оформленным противолежащей ретушью (ВВК)), так и подходящие участки (случайные выступы, углы сломов) других типов орудий (рис. 3: 2–4, 6, 9, 17, 34; рис. 4: 17, 19). Ситуация уже хорошо известная.

Резцовая функция, включающая операции надрезывания (фрагментация), выскабливания пазов и гравирования (орнаментация) и игравшая очень важную роль в процессе оформления костяных орудий, осуществлялась различными типами орудий без резцового скола. Следы износа найдены на пластинах (рис. 2: 14, 25, 31), орудиях «тип Замостье» (рис. 2: 3–8, 18, 23, 26, 29; рис. 4: 8), проколках (рис. 2: 10, 27), зубчатых скребках, скребках-проколках (рис. 2: 19), скребке-резце (ВВК), орудиях с субпараллельной струйчатой ретушью (рис. 4: 17–18) и с заостренным выступом, ноже-выемке (рис. 2: 9) и ретушированных отщепах. Но именно орудия «тип Замостье» могут быть связаны напрямую с этой функцией.

Наконец, шлифовальники служили для заточки и окончательной отделки готовых орудий.

Выводы. На основе типологического, технологического и функционального изучения каменных индустрий стоянки Замостье 2 нам удалось выявить некоторые тенденции общего порядка, касающиеся изменения роли каменного инвентаря в хозяйственной деятельности древних обитателей стоянки. Ясно, что орудия из кремня не могли больше обеспечивать все повседневные потребности людей (например, рыбную ловлю); их роль уменьшается в пользу орудий из костирога. Остается только два вида деятельности, где преимущество кремня было неоспоримым, – обработка дерева и, в особенности, обработка кости (рога). Часть орудий, применявшаяся для обработки шкур, была также изготовлена из кости (проколки, иголки и т. д.). Обработка твердых материалов требовала более или менее прочных лезвий, необходимость в пластинчатых заготовках с прямыми и острыми лезвиями уменьшается (из кости же большинство наконечников метательного оружия), традиции их изготовления слабеют. Развивается и совершенствуется производство топоров и тесел. При отсутствии стандартных заготовок орудия (то есть необходимые рабочие лезвия) изготавливаются из различных отщепов с помощью крутой ретуши, формирующей выемки, заостренные жальца и скребковые лезвия. Поэтому типологическая дифференциация орудий на отщепах (кроме простых скребков) трудна, преобладают комбинированные орудия. Функциональное использование носило в ряде случаев случайный характер. Таким образом, отсутствие типологической четкости, использование орудий разных типов для одной операции и очень низкий процент орудий с двумя функциями позволяют предположить, что оформление орудий, с которыми мы имеем дело, происходило непосредственно в процессе их использования и подправок (переоформления и т. д.). В начале неолита с появлением новых технологических традиций (струйчатая ретушь и тонкие бифасы) ситуация немного меняется.

Алекшинская, А.С., Ю. А. Лаврушин, Е. А. Спиридонова. 2002. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье // Каменный век Европейских равнин. Материалы международной конференции. Сергиев Посад.

Гиря, Е. Ю., В. М. Лозовский, О. В. Лозовская. 1997. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин»: 86–104. Сергиев Посад.

Лозовская, О. В. 1997. О функциональном назначении орудий 45° из мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин»: 74–86. Сергиев Посад.

Chaix, L. 1996. La faune de Zamostje // Lozovski, V. M. 1996. Zamostje 2. Les derniers chasseurs-pùcheurs préhistorique de la Plaine Russe: 85–95. Edition du CEDARC. Treignes.

Chaix, L., I. Velarde, L. Velarde. 1997. Archéologique du site mésolithique de Zamostié: résultats préliminairs // The Stone Age of the European Plains: Objects of Organic Material and Settlement Structure as Reflections of Human Culture: 88–89. International symposium, 1–5 july 1997. Sergiev Possad.

Lozovski, V. M. 1996. Zamostje 2. Les derniers chasseurs-pêcheurs préhistoriques de la Plaine Russe. Edition du CEDARC. Treignes.

THE TYPOLOGY AND FUNCTIONS OF STONE TOOLS FROM THE SITE OF ZAMOSTYE-2 (Late Mesolithic and Early Neolithic of the Russian Plain)

O. M. LOZOVSKAYA, V. M. LOZOVSKIY

The site of Zamostye-2 (the Sergiev-Posad District of the Moscow Oblast) became widely known due to its rich assemblage of bone, horn and wooden objects from settlements of hunters and fishers of the late Mesolithic and early and middle Neolithic periods. Its unique stratigraphic conditions enable us to trace the changes which occurred in the economy and tool kit of the ancient inhabitants of the zone between the Volga and Oka over several millennia.

For the first time the focus of studies is concentrated on the flint tools from the abovementioned site, which are considered in a complex way in terms of their types, technology and functions. On the basis of a comparison of the evidence, an attempt is undertaken to recognise the laws of the formation of these types and to identify the economic role of flint industries in the forest zone of the Russian Plain during the transition from the Mesolithic to Neolithic periods.

For these studies were considered the materials from the three main layers – the lower (LM) and upper (UM) late Mesolithic and the early Neolithic layer of the Upper Volga Culture (UVC) ones from excavations of 1989–91 (The expedition of the Institute of Archaeology AS USSR headed by V. M. Lozovskiy. Now these materials are stored in the Sergiev-Posad Historical and Art Museum-Preserve). The flint collections are quite numerous: in the lower layer over 2 thousand artefacts have been found, in the upper Mesolithic – over 7 thousand, and about 3.5 thousand objects were in the layer of the Upper Volga Culture (UVC).

Types. All of the three flint assemblages showed an undoubted typological resemblance that indicates of the continuance of the cultural traditions during the transition from the Mesolithic to Neolithic. Among the most characteristic common features, one must mention a strong predominance of flakes over blades, and that the latter often has an irregular shape and cut. There is a large number of massive, crested examples and also those with remains of crust. The pressure-flaked microblades are rare. Hence, the tools made of flakes and spalls are 3–5 times more numerous than those of blades. Scrapers of various types are the most numerous in this tool kit, while burins are almost completely absent. We observe a sharp augmentation of the number of combinated tools as a result of making different typological elements on a single blank *e.g.* abrupt retouch like end-scrapers edges, short acute projections, flat depressions, angle microscrapers, and undulated and indented blades. The tool of the «Zamostye type» being the most characteristic example. The points-borers show an extreme diversity that resulted both of the choice of non-typical blanks and of a wide spectre of the positions of the points (on the angles of breaks, on distal ends and on side edges with the tips formed by means of recesses in the latter case). Drills and tools with acute projections, formed by alternate retouch, also stand out. The rest of the tools are typologically inexpressive. In the Neolithic layer, a new type of retouch appears – semi-parallel flat retouch (on points and retouched scrapers), as well as a small group of burins and a new type of tools – oblique points made of blades. In all of the layers, one can note the presence of polished adzes and numerous bifaces, which were their blanks, as well as the complete absence of geometric microliths.

The technological analysis, conducted by E. Girya (Гиря, Лозовский, Лозовская 1997), revealed the existence of two major technologies of cleaving: a technological chain of manufacture of bifaces, chopping and polished adzes that included by-production of blades. Therefore, the amount of «genuine blades» is the minority in all of the three industries, while the lateral ones and spalls from precores, and also the production of pressure-flaked microblades-inserts. In the Neolithic period a new technology appears – the manufacture of thin bifaces. Thus, a gradual change of traditions is evident *i. e.* a regress in production of bladed blanks with simultaneous formation and development of technologies of the production of chopping tools-bifaces.

For the *functional analysis*, samples of reworked tools of various types and blades without retouch were selected from each layer. A total of 390 objects were studied: 100 tools from the lower layer, 140 from UM layer, and 150 from the UVC layer. Wear traces have been interpreted for 77% of the artefacts studied (fig. 1). The most stable relation to the function was identified for simple scrapers and for some of the combinated ones, as well as for a certain amorphous group of scrapers. However, in all of the layers those tools were used for work-

ing both soft materials (skins) and hard ones. The tools with acute projections formed by alternate retouch, notwithstanding their variance in proportions and size, were used mainly for drilling and unwrapping of wood/bone/horn. Many of the technological punches on flakes and blades served as drills or burins for hard materials. Oblique points on blades (UVC) were used as knives for skins. The other types of tools did not show any preference of function – probably their choice for one work or other was accidental. Thus, the blades were used for a wide range of works: for working soft (scrapers and knives) and hard (scrapers, planing tools, knives, burins, drills) materials. Some of them were elements of combined blades or were fixed in hafts, while on the others, on the contrary, their natural angles (breaks) were used *i. a.* for scraping skins. At the same time, some of the combinated tools, especially those of the «Zamostye type», may be considered as tools of a polyfunctional purpose – all their working elements were employed (scraping, puncturing, and cutting skins; scraping, cutting and drilling hard materials), but only two of such tools had two functions each. Therefore it is difficult to talk about any clear functional specialisation of tool types in each of the three industries. Moreover, the large amount of multi-blade tools probably resulted precisely of their accidental (situational) application.

The evidence obtained enables us to reconstruct with a fair completeness the following types of *economic activities* provided with flint retouched tools: working of skins and manufacture of bone (or horn) and wooden articles. There is no evidence of working grass and cereals. Meat knives are fairly rare even among blades. Tools for butchering or scaling fish either are not represented in our sample or tools made from bone or horn were employed for this purpose. In the processing of skins the most completely represented was the function of scraping (fig. 1); cutting knives are rather not numerous and most of the borers come from the UVC layer. It should be added that bone tools (including numerous borers) also were widely used for processing skins. Working of wood took an important place in the household activities of the inhabitants of the settlements under consideration. The appearance of polished adzes or specialised tools for hewing and planing as early as already in Metholithic period is not accidental, nor is the evident orientation of the cleaving technology to manufacture of axes and chopping tools. Flint tools on spalls also were used for scraping and drilling (fig. 3). Saws for wood are rare and traces of sawing are absent on wooden artefacts. On the basis of materials from the site it is known that wood was worked not only with stone tools but also with bone (horn) ones. The latter possibly included polished horn axes (adzes) or oblique tools made of tubular bones of elk with a narrow transversal blade similar to that of a burin (tools 45°). Traces of wear on these tools suggest their belonging to implements for cutting, scraping or planing (sometimes drilling) soft wood or bark (Лозовская 1997). Judging by numerous and diverse tools and art objects found at the site, in the late Mesolithic and early Neolithic, processing of bone and horn achieved its perfection. All of such operations were fulfilled with stone tools. The most completely presented are tools for scraping, drilling (fig. 3) and cutting bone and horn. The cutting function, that comprised operations of making incisions (fragmentation), scraping mortises and engraving (ornamentation), was carried out with various types of tools without burin blows (fig. 2).

Thus we were able to identify some general tendencies concerning the change of the role of stone inventory in the household activities of the ancient inhabitants of the site. It is clear that flint tools could not provide for everyday needs of people anymore; the role of such tools was decreasing in favour of tools made of bone and horn. Only two branches of activities remained where the advantages of flint were incontestable – working of wood and, especially, processing of bone (horn). Working of hard materials demanded more or less strong blades, while the need for blade blanks with straight and sharp edges was lessening and traditions of their manufacture were weakening against the background of the development and perfection of the manufacture of axes and adzes. Working tools are manufactured from various flakes by means of abrupt retouch used for formation of recesses, narrow tips and scraping blades. In a number of cases, the function of a tool had an accidental character. Hence, in view of the absence of typological clearness and functional specialisation of the types and a very low percentage of bi-functional tools, one has to suppose that the shapes of the tools with which we are dealing were formed directly in the process of their employment and touching (reforming *etc.*). In the beginning of the Neolithic period the situation slightly changed with the appearance of new technological traditions (parallel flat retouch and thin bifaces).

АНАЛИЗ ОРУДИЙ ИЗ РЕБЕР ЛОСЯ СО СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2 (7 слой, раскопки 1996–97 гг.)

И. КЛЕМЕНТЕ КОНТЕ, Е. Ю. ГИРЯ[1]

Введение. В статье анализируются артефакты из 7-го (донеолитического) слоя стоянки Замостье 2 (7400–7300 В. Р.), Московская обл., исследуемой В. М. Лозовским и О. В. Лозовской.

Все рассматриваемые предметы представляют собой обломки ребер лося со следами вторичной обработки или же без таковой. Традиционно все эти изделия всегда определялись археологами как «ножи для чистки рыбы». Наше исследование было направлено на выяснение точности такой интерпретации этих орудий.

Методика. Вначале все изделия были изучены трасологически, после чего выявленные комплексы следов коррелировались с формами изделий, на которых они были обнаружены.

Наблюдения макро и микроследов использования и/или изготовления орудий производились с помощью микроскопов МБС-6 (косое освещение, увеличение до 104 раз) и металлографического – Olympus (встроенное освещение, увеличение до 500 раз). Все макро и микрофотографии сделаны с помощью фото камер Olympus.

Для чистки поверхности орудий использовался ацетон и мягкий тампон.

В качестве сравнительного материала использовалась богатая коллекция экспериментальных орудий (эталонов), изготовленных в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН под руководством проф. Г. Ф. Коробковой. Были просмотрены экспериментальные орудия из кости и рога, связанные с обработкой шкур (иглы, проколки, лощила, скобели и скребки), дерева (долота, стамески, скобели), растительности (серпы), керамики (лощила и орнаментиры), кости-рога (сверла).

Кроме того, нами был произведен ряд собственных экспериментов по чистке и разделке рыбы с помощью орудий, изготовленных из ребер коровы. Свежие ребра очищались от мяса кремневым орудием (отщепом), этим же отщепом, путем скобления-строгания, приострялась одна из боковых сторон ребра, которая использовалась в дальнейшем в качестве рабочего края. Из шести изготовленных орудий удалось применить только три. Два использовались как кухонный нож для удаления чешуи (под углом меньшим, чем 45°). Третье орудие использовалось для резки. Общее время использования орудий – 50 мин (30 и 15 мин, 5 мин – соответственно). За это время было обработано более 2 кг карпов, 0,5 кг плотвы, один небольшой окунь и 2 кг лещей. Все указанные сорта рыбы имели различные размеры и степень твердости чешуи. Из-за недостаточного времени использования и малой эффективности орудие для разрезания рыбы не анализировалось.

Нами также были изучены результаты экспериментальных работ по использованию костяных орудий, проводившихся ранее другими исследователями (Meneses Fernandez 1992; Peltier 1986; Stordeur, Anderson-Gerfaud 1985; Le Moine, Genevieve 1997; Коробкова, Шаровская 2001). Следует отметить, что специальных исследований, посвященных использованию костяных орудий для обработки рыбы достаточно мало.

Для выяснения степени повреждения микрорельефа кости во время залегания в слое (post depositional effect) и более точного определения следов износа на костяных орудиях из 7-го слоя стоянки Замостье 2 мы провели общее исследование поверхности костяных предметов не орудийного характера (включая осколки и обломки). Особое внимание уделялось скруглению краев и ребер, пришлифовке, линейным царапинам и микрозаполировкам.

Наблюдения

1. Экспериментальные орудия.

1.1. В результате экспериментов было установлено, что приостренные ребра достаточно эффективно работают при снятии чешуи, но практически бесполезны при расчленении рыбы (размокшее костяное лезвие теряет прочность и остроту). Трудно резать рыбу костя-

[1] Е. Ю. Гиря. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

И. Клементе Конте. Ignacio Clemente Conte. Laboratori d'Arqueologia Institucir Mil i Fontanals – CSIC c/ Egipciaques 15 08001– Barcelona. Spain.

© И. Клементе Конте, Е. Ю. Гиря, 2003

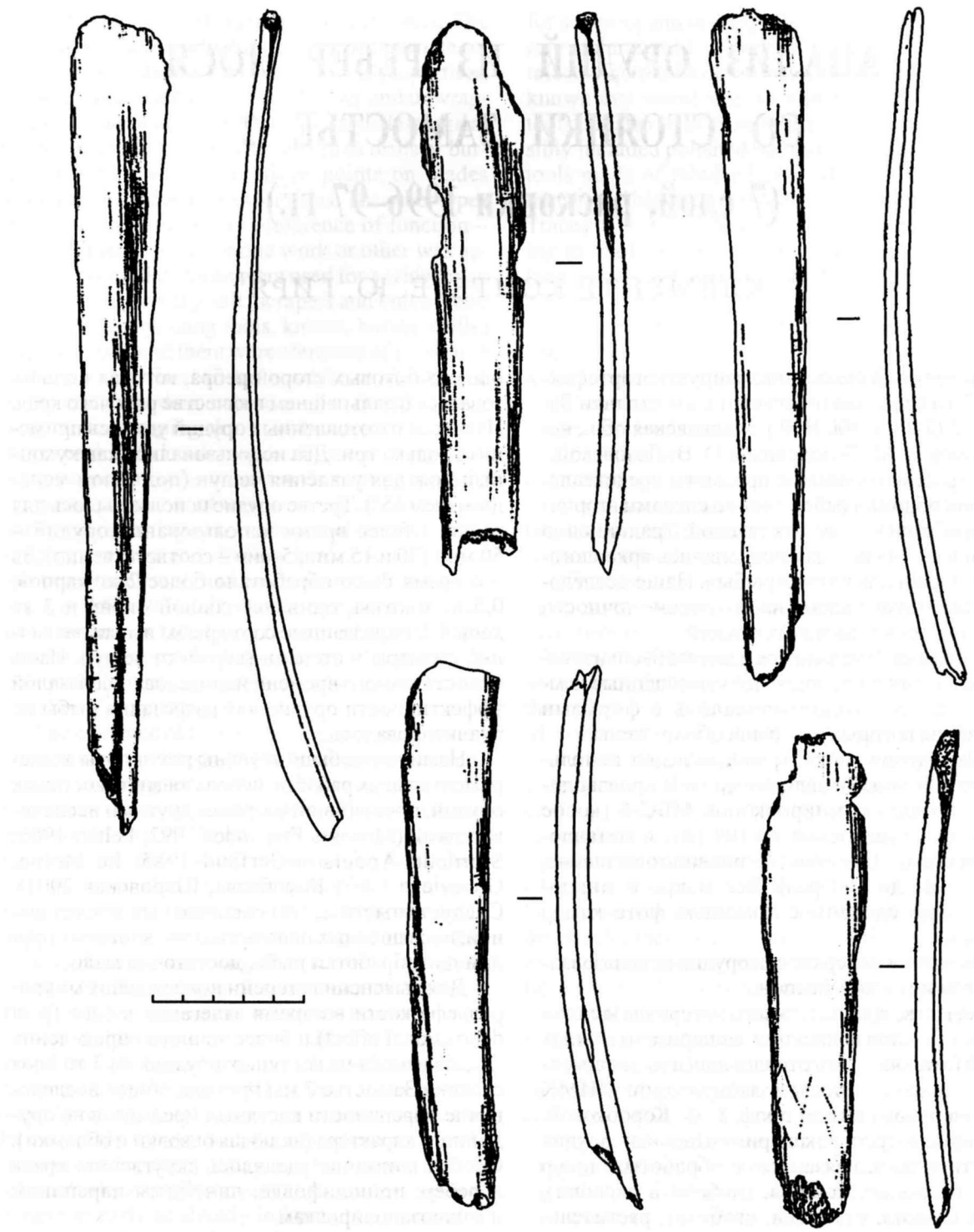


Рис. 1. Замостье 2 (7-ой слой). Орудия из ребер лося связанные с чисткой рыбы (со снятием чешуи).

Fig. 1. Zamostye-2 (layer 7). Tools from elk ribs related to scaling fish.

ным орудием, предварительно использованным для снятия чешуи.

1.2. Несмотря на непродолжительное время использования орудий на их рабочих краях образовалось незначительное скругление. Кромка края, в редких случаях наличия мелких фасеток выкрошенности, приобрела характерную синусоидность в плане. Под бинокуляром четко фиксируется блеск на скругленном крае и на выступающих частях микрорельефа кости в прикромочной зоне. Ширина зоны с микрозаполировкой большая на контактной поверхности орудий. Большей частью, следы располагаются на контактной поверхности и на самой рабочей кромке, часть – заходит на верхнюю сторону ребра.

1.3. С помощью металлографического микроскопа, уже при увеличении 50–100 раз, на заполированных участках различимы тонкие не глубокие, но достаточно четко очерченные линейные следы, расположенные одиночно или группами под различными углами к кромке рабочего края (иногда они пересекаются). Длина отдельных следов равна глубине (удалению) проникновения заполировки от кромки вглубь поверхности орудия. Иной вид линейных следов представляют собой ряды мелких ямочек, соединенных (в цепочку) линейной бороздкой. Эти следы встречаются реже первых, их длина незначительна. Большая часть линейных следов направлена поперечно краю (фото 1).

1.4. При увеличении 100–200 раз, поверхность самой заполировки неровная (фото 1). Эта неровность имеет определенную степень регулярности. Вдоль кромки выстраиваются неровные линии возвышений микрорельефа, разделенных «трещинами» – депрессиями. Это не «настоящие» трещины как на заполировке от кости, раковины или камня, они не имеют четких краев. Это именно изменение высоты заполированного рельефа. При увеличении 200 и более раз, видно, что это «ступенчатая», но, тем не менее, сплошная (непрерывная) зона заполировки. По всей вероятности, механизм формирования этой поверхности близок к таковому при работе по кости, где сама заполировка формируется «волнами» вдоль направления воздействия контактного материала. Трещины на ее поверхности – поперечные движению орудия. Заполировка «растягивается» вдоль направления движения орудия и трескается поперек. В нашем случае, формируются не трещины, а лишь «волны», поперечные «валы» заполировки микрорельефа (подобно тому как волна всегда поперечна ветру). Благодаря этому феномену, депрессии, направленные вдоль кромки, создают впечатление продольной кинематики (хотя все линейные следы направлены поперек кромки). В зонах с неразвитой заполировкой «волнистость» не наблюдается.

1.5. При косом освещении, под бинокулярным микроскопом, эта заполировка выглядит как достаточно яркая, обтекающая и гладкая (как от любых других типов работ костяными орудиями, кроме работы по керамике или рытью земли). При встроенном освещении металлографического микроскопа, при увеличении от 50 до 100 раз, она выглядит бугорчато-ямчатой, с многочисленными линейными следами, но все же относительно яркой.

2. Предметы из 7-го слоя стоянки Замостье 2.

2.1. На всех предметах, включая костные обломки и отщепы были обнаружены следы от залегания в слое:

– это общая матовая заполировка, имеющая особо сильное развитие на выступающих частях микрорельефа (фото 2), где она начинает формироваться. На ней встречаются микроямки нерегулярной округлой формы, широкие и глубокие линейные следы различной длины, без блеска; тонкие, неглубокие, блестящие, отдельные и целыми группами (по три и более вместе) линейные следы. Ориентация всех линейных следов нерегулярная:

– яркая, компактная , «выпуклая» (куполообразная как от дерева на кремне) заполировка с мелкими контрастно-темными ямками, тонкими линейными следами различной глубины, иногда скругляющая кромку слома кости;

– пятна яркой плоской заполировки с многочисленными иногда параллельными узкими и глубокими линейными следами (фото 3).

2.2. На многих предметах обнаружены следы повреждений раскопочными инструментами – широкие полосы яркой плоской заполировки (короткие прямые, длинные изогнутые и даже меандрирующие) с многочисленными параллельными линейными следами различной длины, часто имеющие мелкие поперечные трещины (фото 5).

2.3. На всех изделиях, отобранных для анализа, обнаружены следы обработки кости. Это – следы скобления-строгания. Они очень выразительны и легко определимы. Часть из них, удаляющая лишь самый верхний слой кости, получилась в результате чистки свежей кости от мяса, другая часть – следы обработки, формирующие приострения лезвий и острых концов отдельных орудий.

2.4. Все исследованные археологические предметы (орудия из ребер лося) были разделены нами на группы в зависимости от типа следов микроизноса, обнаруженных на их поверхностях. Таким образом были выделены предметы:

– со следами «как от чистки рыбы»;

– со следами работы по шкуре;

– со сложным, плохо идентифицируемым износом (возможно наложение различных следов);

– не подлежащие анализу (фрагменты ребер, поверхность которых целиком залита клеем в ходе их консервации).

2.5. На пятнадцати предметах обнаружены следы подобные следам от чистки рыбы (удаление чешуи), описанным выше (см. Наблюдения 1.2.–1.5.). В отличие от следов, полученных нами экспериментально, следы на древних орудиях гораздо более ярко выражены (фото 6–9, для сравнения см. фото 14 – скобление шкуры, эксперимент). Кроме того, на них присутствует дополнительный «фон» – следы от залегания в слое и следы от раскопочного инструмента (см. Наблюдения 2.1. и 2.2.). Все эти предметы представляют собой крупные фрагменты узких, иногда подокруглых в сечении ребер (без эпифиза и дистального конца). Локализация этих следов достаточно регулярна: они расположены

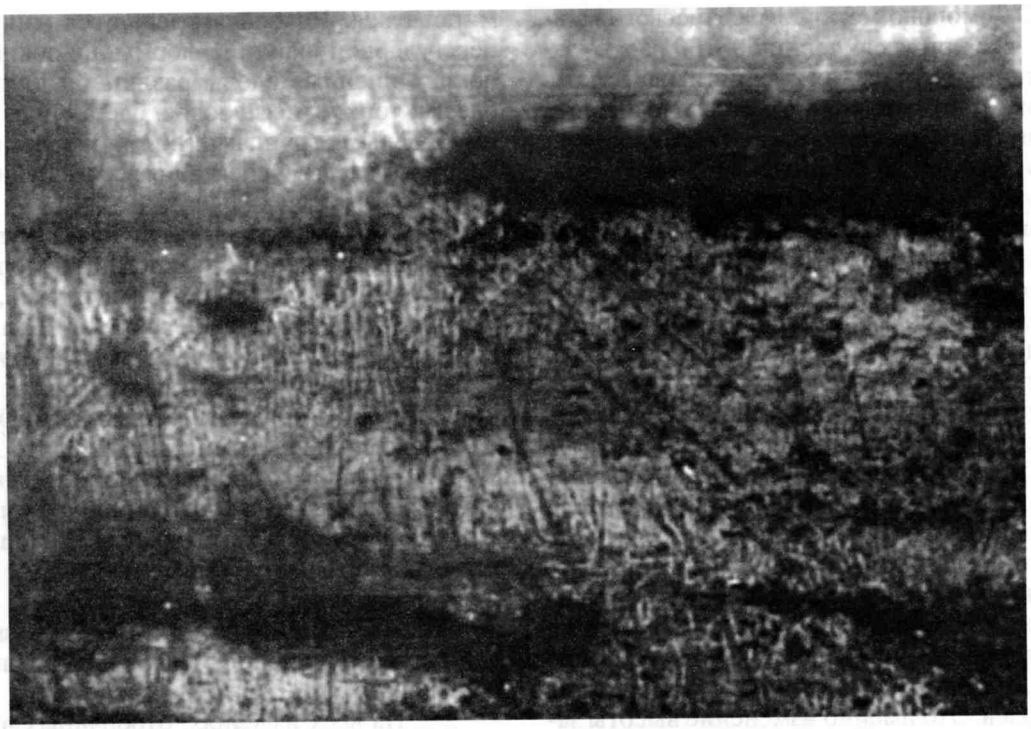


Фото 1. Экспериментальное орудие. Следы от чистки рыбы (снятия чешуи). Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 1. Experimental tool. Traces from scaling fish. Built-in lighting. Magnification X 100.

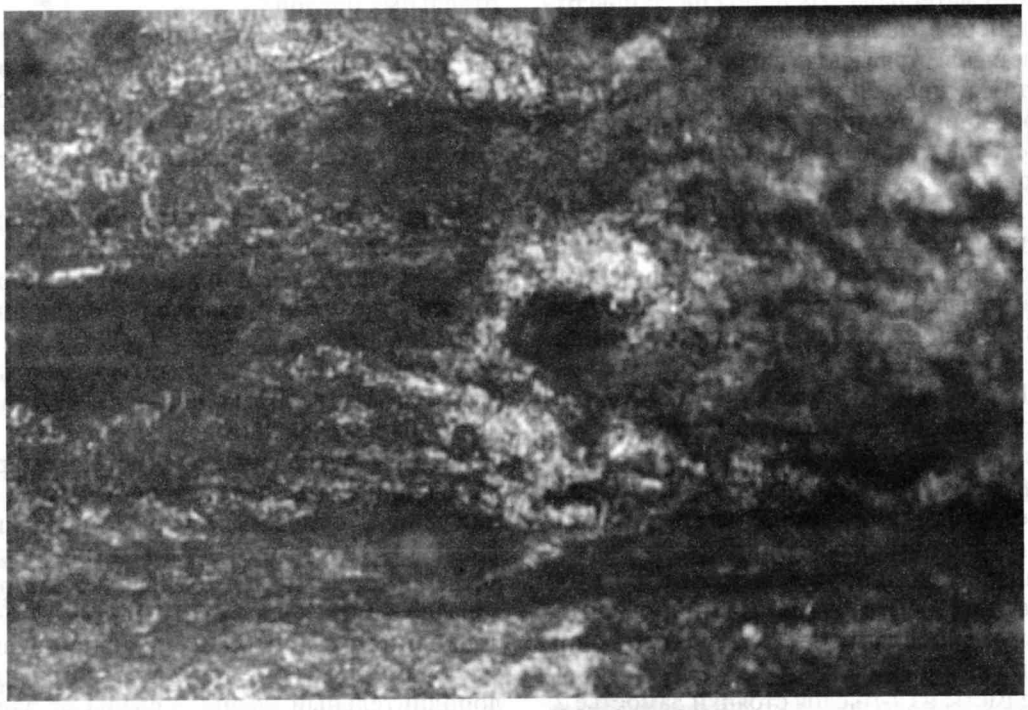


Фото 2. Замостье 2 (7-ой слой). Следы повреждения поверхности костяного орудия, происходящие от залегания в культурном слое. Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 2. Zamostye-2 (layer 7). Traces of damages of the surface of a bone tool caused by depositing in the cultural layer. Built-in lighting. Magnification X 100.

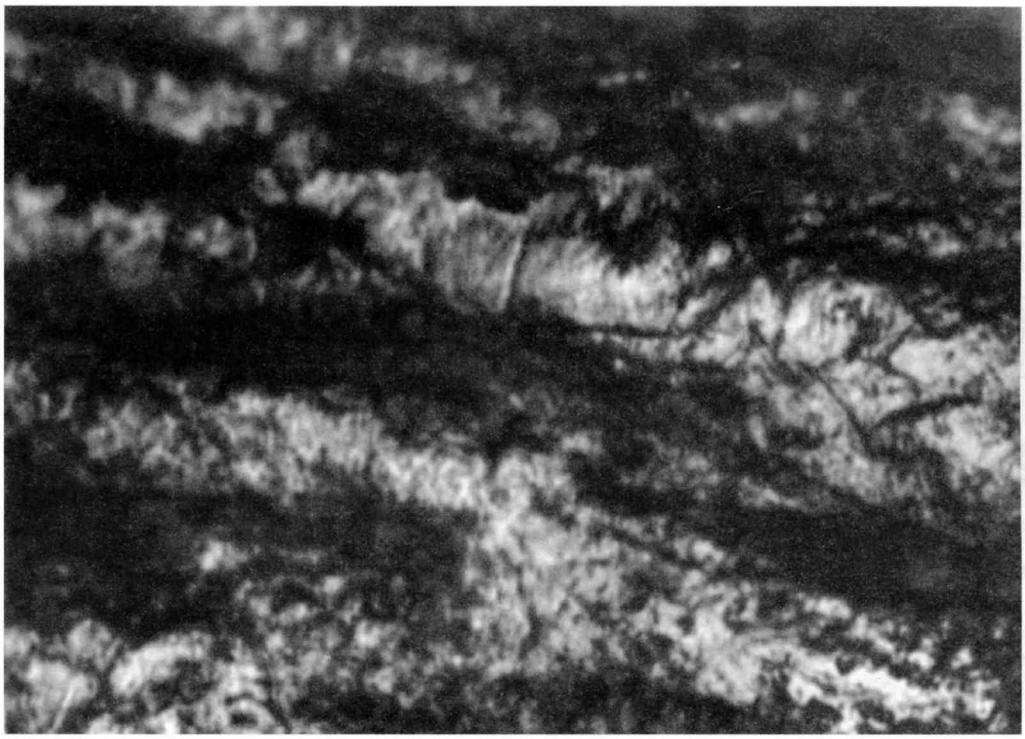


Фото 4. Замостье 2 (7-ой слой). Следы повреждения поверхности костяного орудия, происходящие от залегания в культурном слое. Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 3. Zamostye-2 (layer 7). Traces of damages of the surface of a bone tool caused by depositing in the cultural layer. Built-in lighting. Magnification X 200.

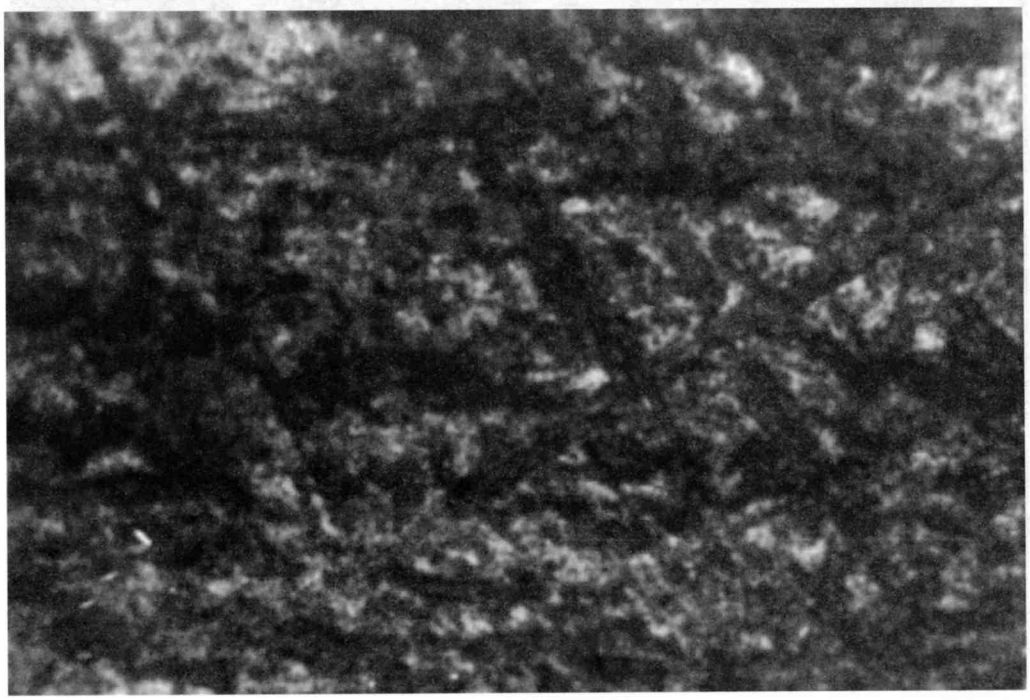


Фото 4. Замостье 2 (7-ой слой). Следы повреждения поверхности костяного орудия, происходящие от залегания в культурном слое. Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 4. Zamostye-2 (layer 7). Traces of damages of the surface of a bone tool caused by depositing in the cultural layer. Built-in lighting. Magnification X 100.

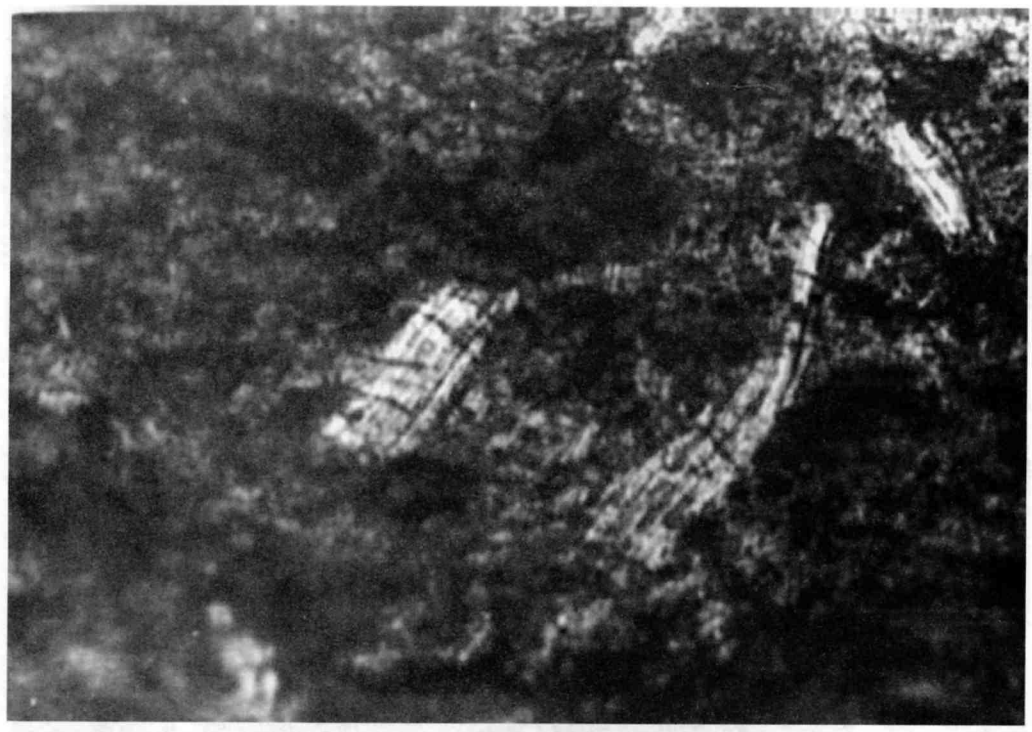


Фото 5. Замостье 2 (7-ой слой). Следы повреждения поверхности костяного орудия, происходящие от контакта с раскопочным инструментом. Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 5. Zamostye-2 (layer 7). Traces of damages of the surface of a bone tool caused by contact with excavation implement. Built-in lighting. Magnification X100.

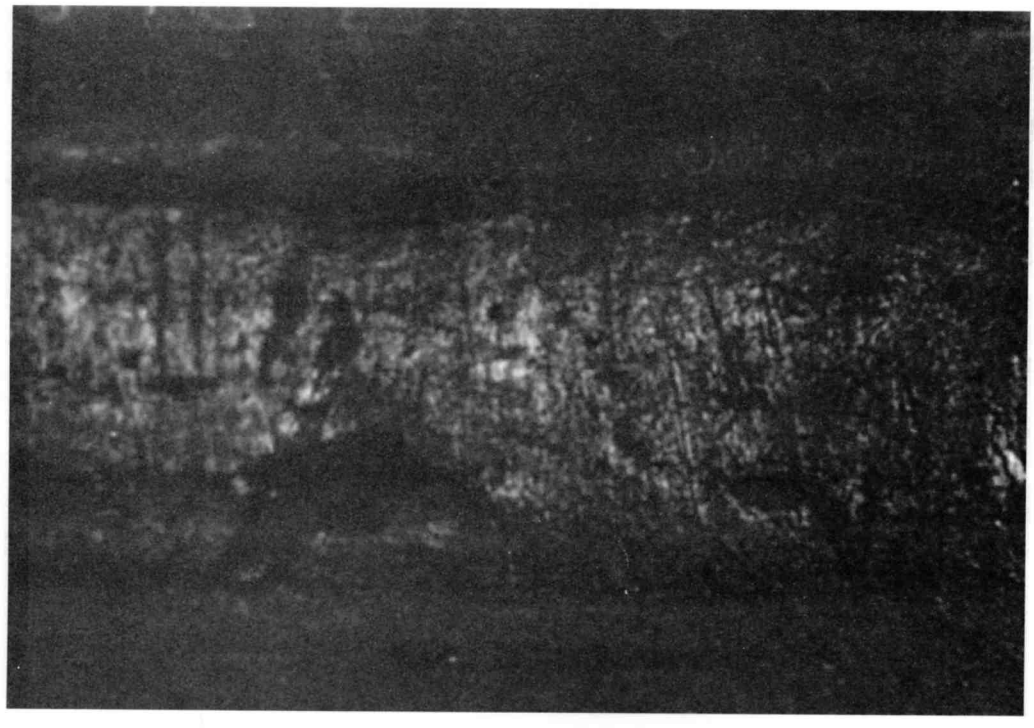


Фото 6. Замостье 2 (7-ой слой). Следы от чистки рыбы (снятия чешуи). Встроенное освещение. Увеличение X 50.

Photo 6. Zamostye-2 (layer 7). Traces from scaling fish. Built-in lighting. Magnification X50.

Фото 7. Замостье 2 (7-ой слой). Следы от чистки рыбы (снятия чешуи). Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 7. Zamostye-2 (layer 7). Traces from scaling fish. Built-in lighting. Magnification X100

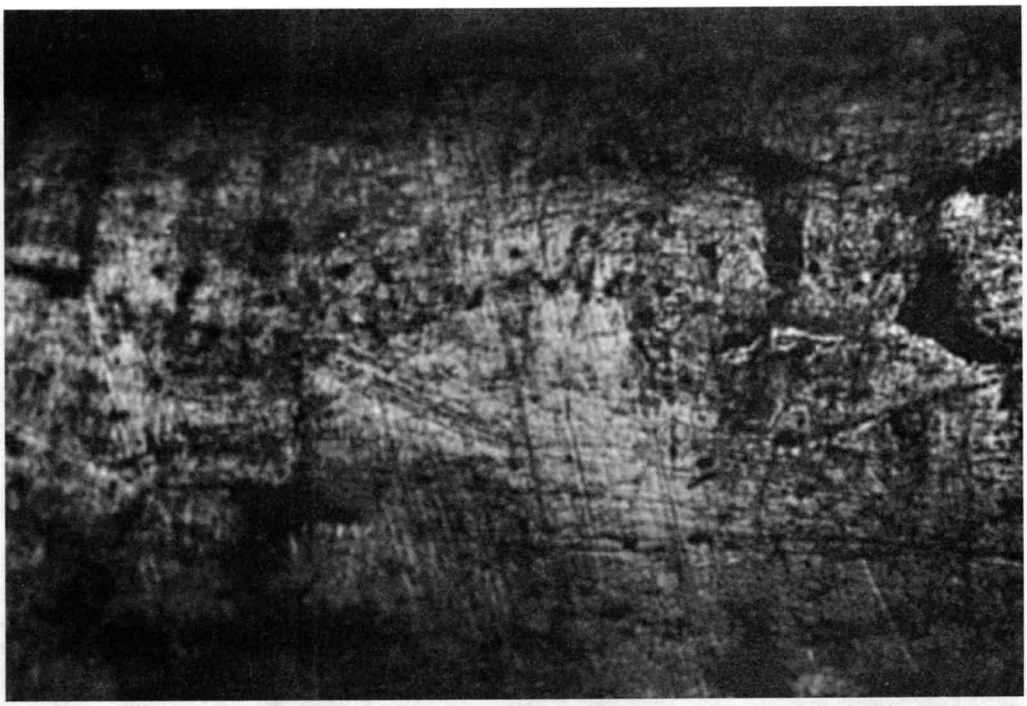


Фото 8. Замостье 2 (7-ой слой). Следы от чистки рыбы (снятия чешуи). Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 8. Zamostye-2 (layer 7). Traces from scaling fish. Built-in lighting. Magnification X100.

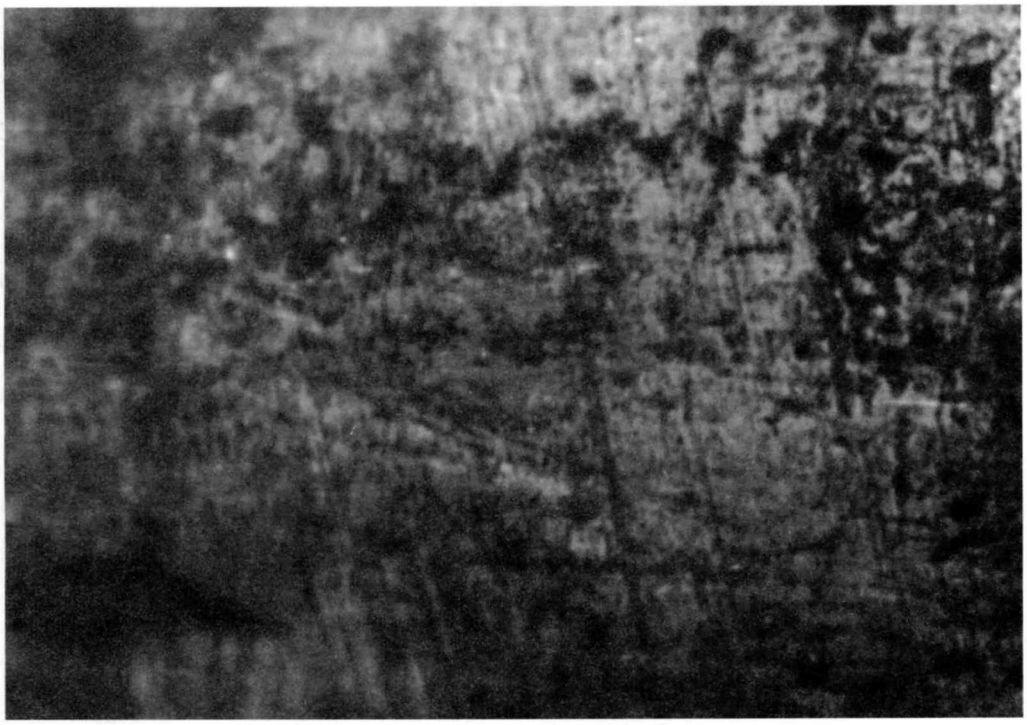


Фото 9. Замостье 2 (7-ой слой). Следы от чистки рыбы (снятия чешуи). Встроенное освещение. Увеличение X 200.

Photo 9. Zamostye-2 (layer 7). Traces from scaling fish. Built-in lighting. Magnification X200.

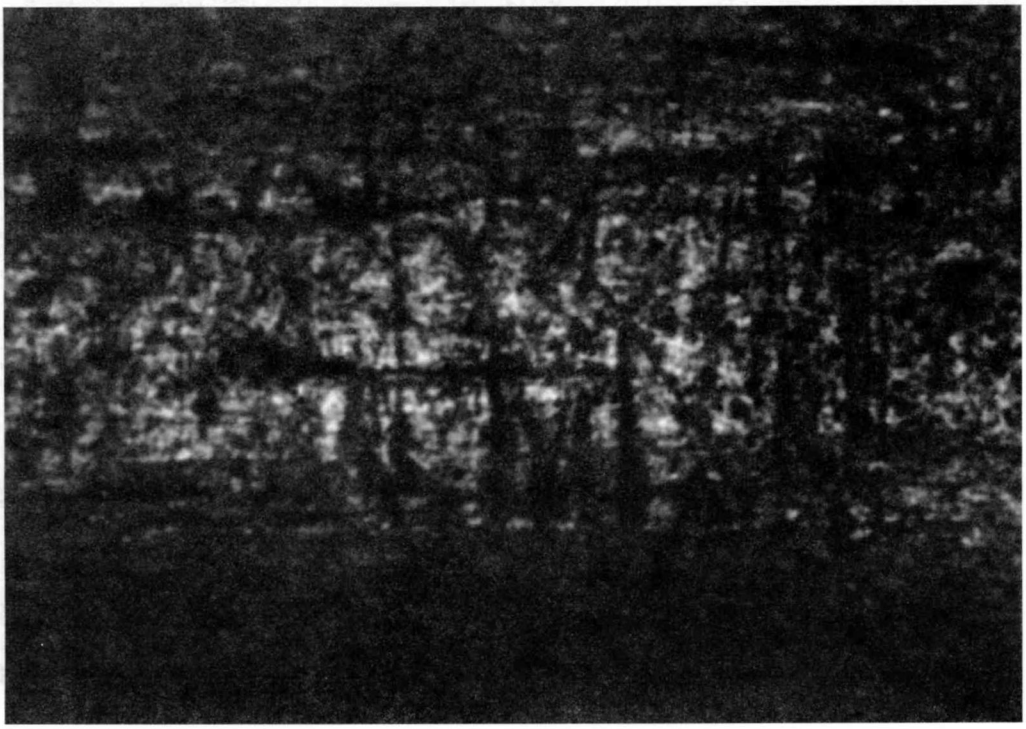


Фото 10. Замостье 2 (7-ой слой). Следы связанные с разделкой туш животных (снятие шкуры и расчленение туши). Встроенное освещение. Увеличение X 50.

Photo 10. Zamostye-2 (layer 7). Marks connected with butchering process (skinning and disarticulation). Built-in lighting. Magnification X 50.

Фото 11. Замостье 2 (7-ой слой). Следы связанные с разделкой туш животных (снятие шкуры и расчленение туши). Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 11. Zamostye-2 (layer 7). Marks connected with butchering process (skinning and disarticulation). Built-in lighting. Magnification X 100.

Фото 12. Замостье 2 (7-ой слой). Следы связанные с разделкой туш животных (снятие шкуры и расчленение туши). Встроенное освещение. Увеличение X 200

Photo 12. Zamostye-2 (layer 7). Marks connected with butchering process (skinning and disarticulation). Built-in lighting. Magnification X 200.

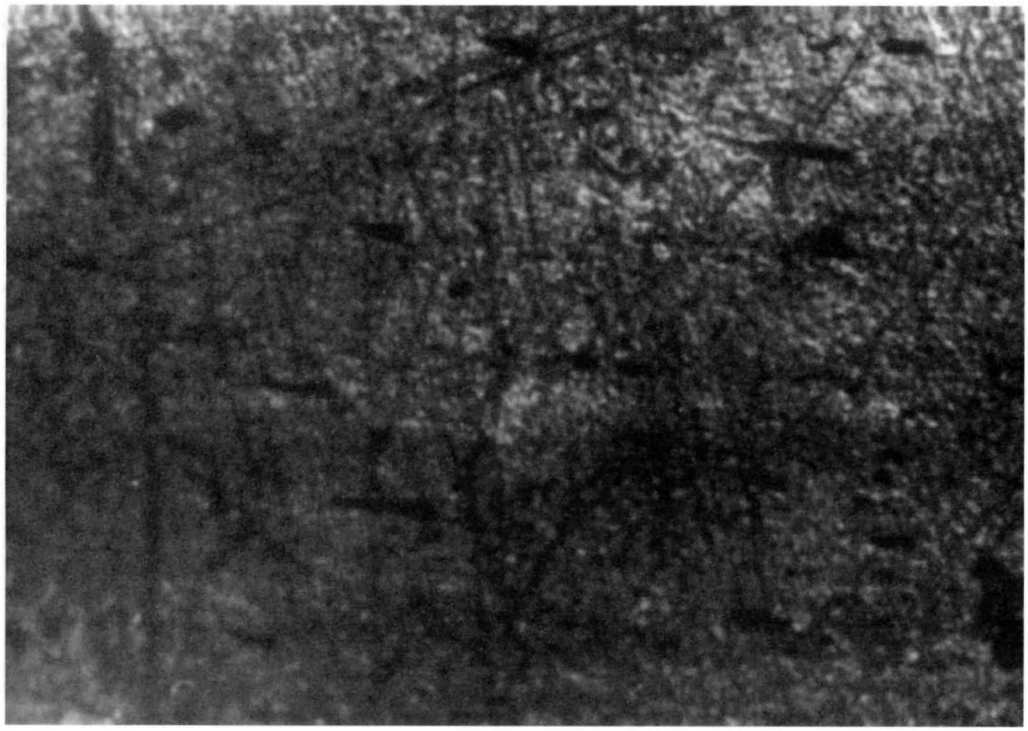


Фото 13. Замостье 2 (7-ой слой). Следы на рукояточной части орудия. Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 13. Zamostye-2 (layer 7). Marks on the haft part of a tool. Built-in lighting. Magnification X 100.

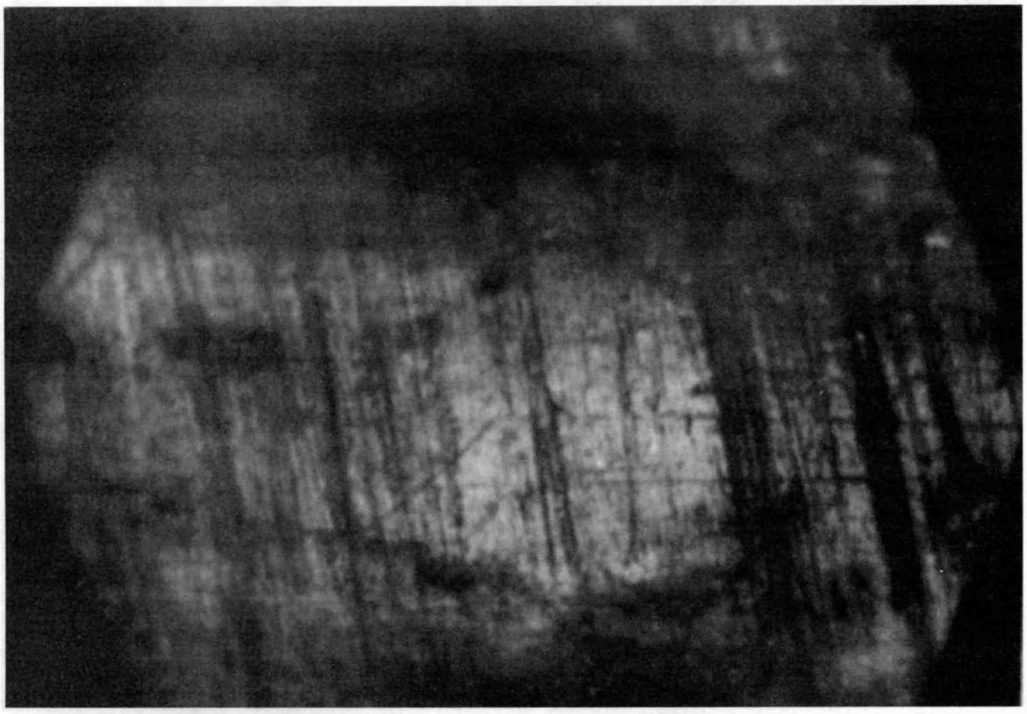


Фото 14. Экспериментальное орудие. Следы от скобления шкуры. Встроенное освещение. Увеличение X 100.

Photo 14. Experimental tool. Traces from scraping hide. Built-in lighting. Magnification X 100.

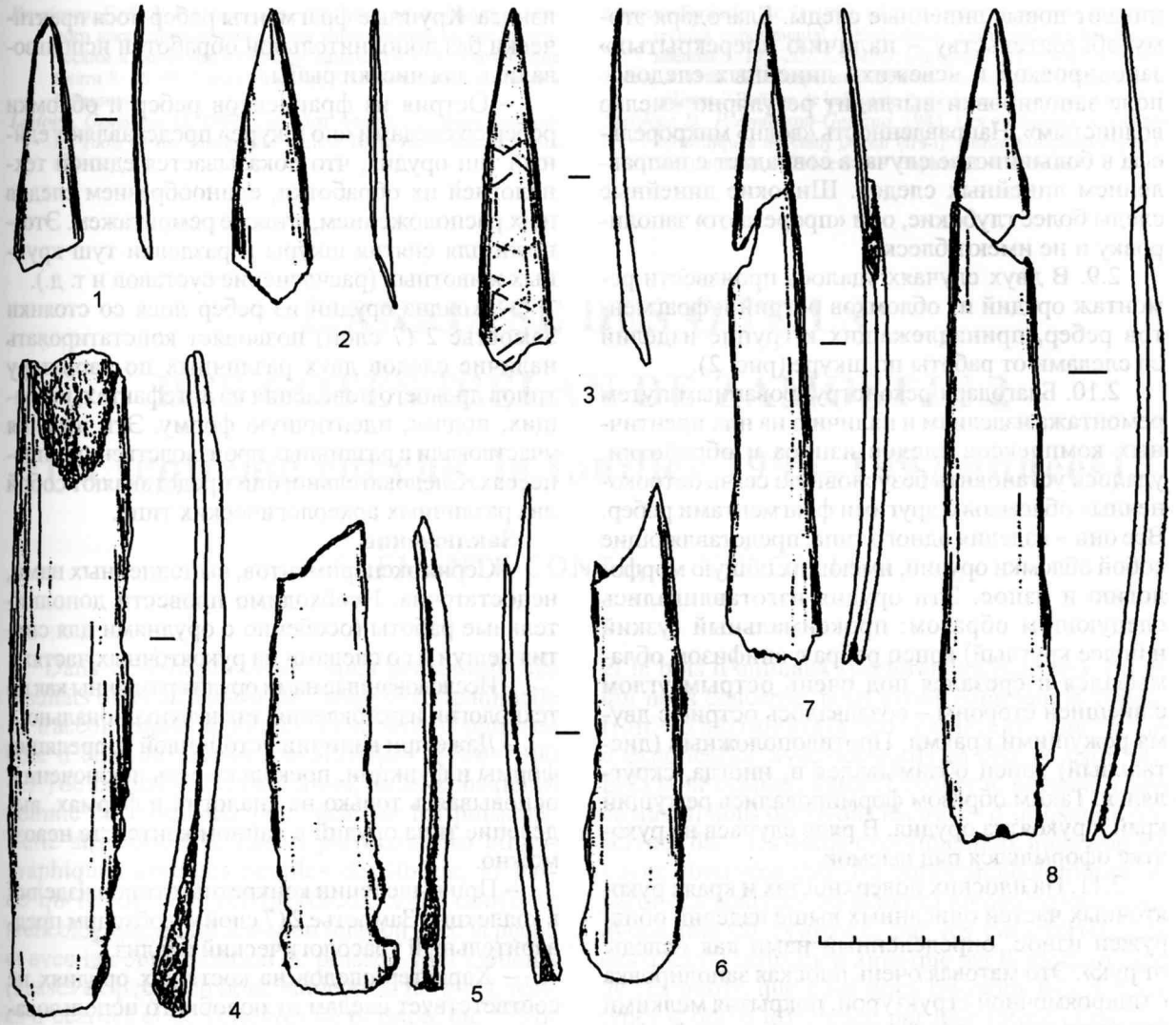


Рис. 2. Замостье 2 (7-ой слой). 1–6 – фрагменты орудий из ребер лося связанные с разделкой туш животных (снятие шкуры и расчленение туши); 7–8 – реконструированные орудия из ребер лося связанные с разделкой туш животных (снятие шкуры и расчленение туши). Ремонтаж осуществлен Игнасио Клементе Конте.

Fig. 2. Zamostye-2 (layer 7). 1–6 – fragments of tools elk ribs related to butchering (skinning and disarticulation); 7–8 – reconstruction of tools from elk ribs related to butchering (skinning and disarticulation). Refitting by Ignacio Clemente Conte.

в третьей четверти длины орудия. Зона износа не достигает конца орудия (см. рис.1). В большинстве случаев износ расположен на двух противоположных краях, а контактной поверхностью является внутренняя (вогнутая) поверхность ребра.

2.6. На сорока девяти орудиях обнаружены следы работы по шкуре. Тридцать пять из них – обломки и осколки острий. Все они имеют следы приострения лезвия и острия путем скобления-строгания. Четырнадцать – обломки ребер (без острых концов), часть из них имеет искусственно закругленный рукояточный конец, продольные края отдельных экземпляров оформлены рядом выемок.

2.7. Под бинокулярным микроскопом наблюдается сильное (макро) скругление кромки. Заполировка яркая, одинаково глубоко заходящая на обе поверхности изделий. Линейные следы направлены параллельно, и, реже, под очень острым углом поперечно краю. Самые крупные линейные следы имеют скругленные (сглаженные) края.

2.8. Под металлографическим микроскопом эта заполировка ямчато-бугорчатая, и она выглядит более матовой, в сравнении с заполировкой от чистки чешуи (фото 10–12). На ее поверхности прослеживается большое количество мелких и относительно крупных ямочек. Мелкие ямки более округлы, чем крупные, имеющие неправильные очертания. При увеличении от 100 и более раз четко различимы многочисленные тонкие линейные следы на поверхности заполированных участков. Причем заполировка перекрывает слой линейных следов, как бы заполняя их, и в то же время на этой же заполировке воз-

никают новые линейные следы. Благодаря этому обстоятельству – наличию «перекрытых» заполировкой и «свежих» линейных следов – поле заполировки выглядит регулярно «мелко волнистым». Направленность «волн» микрорельефа в большинстве случаев совпадает с направлением линейных следов. Широкие линейные следы более глубокие, они «прорезают» заполировку и не имеют блеска.

2.9. В двух случаях удалось произвести ремонтаж орудий из обломков острий и фрагментов ребер, принадлежащих к группе изделий со следами от работы по шкуре (рис. 2).

2.10. Благодаря реконструированным путем ремонтажа изделиям и наличию на них идентичных комплексов следов износа и обработки, удалось установить безусловную связь остроконечных обломков с другими фрагментами ребер. Все они – изделия одного типа, представляющие собой обломки орудий, имеющих общую морфологию и износ. Эти орудия изготавливались следующим образом: проксимальный (узкий и более круглый) конец ребра с эпифизом обламывался и срезался под очень острым углом с внешней стороны – создавалось острие с двумя режущими краями. Противоположный (дистальный) конец обламывался и, иногда, скруглялся. Таким образом формировались режущий край и рукоятка орудия. В ряде случаев на рукоятке оформлялся ряд выемок.

2.11. На плоских поверхностях и краях рукояточных частей описанных выше изделий обнаружен износ, определенный нами как «следы от рук». Это матовая очень плоская заполировка с микроямочной структурой, покрытая мелкими короткими разнонаправленными линейными следами. Она напоминает следы от работы по шкуре, но более плоская, линейные следы и ее локализация на орудии иные (фото 13).

2.12. На всех орудиях со следами износа, связанных с тем или иным видом работ, имеющих общую заполировку «от рук» и/или от использования, следы «от слоя» менее выражены, чем на неиспользованных обломках кости. Вероятно это связано с тем, что уже заполированная поверхность кости более прочная и более эффективно противостоит воздействию агрессивных агентов слоя. Наиболее сильно подвержена влиянию слоя поверхность слома кости, имеющая очень рыхлую фактуру.

2.13. На трех изделиях обнаружены следы иных или смешанных видов использования.

2.14. Четыре изделия не удалось отнести ни к одной из упомянутых выше категорий из-за загрязненности клеем и/или сильного повреждения поверхности.

Выводы.

– Выделено две группы орудий, в каждой из которых установлена достаточно жесткая корреляция между формой изделия и типом следов износа. Крупные фрагменты ребер лося практически без дополнительной обработки использовались для чистки рыбы.

– Острия из фрагментов ребер и обломки ребер со следами «по шкуре» представляют единый тип орудия, что доказывается единой технологией их обработки, единообразием следов и их расположением, а также ремонтажем. Это – ножи для снятия шкуры и разделки туш крупных животных (расчленение суставов и т. д.).

– Анализ орудий из ребер лося со стоянки Замостье 2 (7 слой) позволяет констатировать наличие следов двух различных по характеру типов древнего поведения на артефактах, имеющих, подчас, идентичную форму. Эти изделия участвовали в различных производственных процессах. Следовательно, они представляют собой два различных археологических типа.

Заключение.

– Серия экспериментов, выполненных нами, недостаточна. Необходимо провести дополнительные работы (особенно с орудиями для снятия чешуи и со следами на рукояточных частях).

– Исследованные нами орудия различны как по технологии изготовления, так и функционально.

– Даже при наличии устойчивой корреляции формы и функции, поскольку есть исключения, основываясь только на аналогии в формах, выделение типа орудий в данном контексте невозможно.

– При выделении конкретных типов изделий в коллекции Замостье 2 (7 слой) необходим предварительный трасологический анализ.

– Характер следов на костяных орудиях не соответствует следам от подобного использования на кремневых.

– Следы от залегания в слое возникают на костяных орудиях быстрее, чем на каменных, и сильнее изменяют характер микрорельефа.

Для облегчения дальнейших исследований считаем необходимым:

– не использовать клей, оставляющий пленку на поверхности изделий, или искать другой метод консервации;

– изменить методику чистки орудий, найти не агрессивный метод, который бы не удалял заполировку и возможные органические остатки на поверхности орудий.

На наш взгляд, представляется весьма необычным то обстоятельство, что столь значительная группа орудий могла использоваться для чистки рыбы. По имеющимся у нас этнографическим и археологическим данным, снятие чешуи достаточно редко практиковалось в охотничье-собирательских обществах. Чаще всего, чешуя удалялась в тех случаях, когда рыба предназначалась для какого-либо вида консервации, хотя консервировали рыбу и с чешуей.

Коробкова, Г. Ф., Т. А. Шаровская. 2001. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // Археологические Вести 8: 88–98. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин».

LeMoine, Genevieve M. 1997. Use Wear Analysis on Bone and Antler Tools of the Mackenzie Inuit // BAR International Series 679.

Meneses Ferández, M. D. 1992. El raspado de hueso y asta. Propuesta tecnica experimental // Prehistoire Anthropologie Mediterraneennes 1: 195–207. LAMPO, Universite de Provence-CNRS.

Peltier, A. 1986. Etude experimentale des surfaces osseuses faconnees et utilisees // Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise 83/1: 5–7.

Stordeur, D., P. Anderson-Gerfaud. 1985. Les omoplates encochees neolithiques de Ganj Dareh (Iran). Étude Morphologique et fonctionnelle // Cahiers de l'Euphrates 4: 289–309.

L'ANALYSE DES OUTILS DES COTES D'ELAN DE ZAMOSTJE 2 (la septieme couche, la fouilles 1996–1997 annees)

I. CLEMENTE CONTE, E. YU. GIRIA

Dans ce compte-rendu nous présentons les résultats obtenus á partir de l'analyse fonctionnelle ou tracéologique, appliquée á une série d'outils en côte d'élan du niveau mésolithique (7400–7300 B.P.) de Zamostje 2. Jusqu'alors, on les considérait comme des couteaux pour écailler les poissons. Cette attribution se faisait par analogies ethnographiques avec les peuples de Sibérie, et parce qu'ils ont été récupérés dans un contexte archéologique oú les restes en relation avec la pęche et avec la consommation de poisson sont évidents (nasses de pęche en bois, hameçons, harpons, restes d'écailles et de vertèbres de poisson, etc.). Notre objectif était donc de confirmer ou d'infirmer cette hypothèse de départ á partir de la mise en application d'une méthode analytique scientifique, telle que l'analyse des traces d'utilisation. D'une part, afin de pouvoir réaliser l'analyse tracéologique, nous avons utilisé une importante collection expérimentale du Laboratoire de Tracéologie de l'Institut d'Histoire de la Culture Matérielle (Académie des Sciences de Russie á Saint-Pétersbourg), réalisée sous la direction de G. F. Korobkova. Nous avons donc eu á notre disposition outils expérimentaux en os en relation avec le travail sur diverses matières telles que: la peau (aiguilles, poinçons, grattoirs, racloirs/polissoirs), le bois (herminettes, burins, ciseaux á bois), les plantes non ligneuses (faucilles), la céramique (racloirs et outils pour la décoration) et le bois d'animaux (perforateurs/poiçons). En ce qui nous concerne, nous avons complété la collection expérimentale en réalisant une série d'expériences, avec des outils en côte de bśuf, utilisés pour écailler, vider et couper le poisson. Dans ce travail nous décrivons les traces d'utilisation observées dans les outils expérimentaux ainsi que les traces observées dans les outils archéologiques. A partir des analyses du matériel archéologique nous avons mis en évidence, par les caractéristiques des traces d'utilisation ainsi que par la morphologie de ces outils, que nous nous trouvons face á deux types d'outils différents, par leur forme et par les activités productives spécifiques dans lesquelles ils ont été utilisés. Nous aurions, d'une part, une série de côtes (fracturées au niveau de l'épiphyse et dans la partie distale), dont l'un des bords fût aiguisé moyennant raclage á l'aide d'un outil lithique, et présentant des traces d'utilisation d'écaillage de poisson dans le troisième quart de la longueur de l'outil et spécialement dans la partie intérieure ou concave de la côte qui serait donc celle qui devait ętre en contact avec le matériel travaillé. Le total des outils, de ce niveau archéologique étudié, qui pourraient ętre associés á cette activité s'élève au nombre de 15. Et d'autre part, 49 fragments de côtes qui présentent des traces d'utilisation de contact avec de la peau (et/ou d'autres matières tendres d'origine animale).

ЦЕНТР ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ МАКРООРУДИЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

А. Ю. ТАРАСОВ[1]

Каменные макроорудия трапециевидного поперечного сечения, в свое время обозначенные А. Я. Брюсовым как орудия «русско-карельского типа» (Брюсов 1952; Филатова 1971), являются, наверное, наиболее известными из всего комплекса карельской сланцевой индустрии. Крупные, главным образом, деревообрабатывающие орудия этого типа (топоры, прямые и желобчатые тесла, долота) датируются энеолитическим временем (вторая половина III – начало II тысячелетия до н. э.) (Жульников 1999) и всегда сопутствуют энеолитической керамике с примесью органики и асбеста. Большинство раскопанных поселений этого времени в Карелии, по мнению А. М. Жульникова, исследовавшего этот период (Жульников 1999), были предназначены для проживания преимущественно в зимнее время. Комплекс макроорудий на этих памятниках представлен в основном готовыми формами (вместе с их обломками и сколами с них в качестве практически единственных отходов производства), что возможно свидетельствует об их изготовлении за пределами поселений.

Обработка каменных макроорудий, по мнению исследователя, могла производиться на поселениях Фофаново V и VI, расположенных в низовьях реки Шуя недалеко от г. Петрозаводска. Сведения о существовании подобных поселений в районе реки Шуи были получены еще в начале прошлого века J. Ailio и K. A. Nordman (Кларк 1953). Долгое время эти памятники не привлекали серьезного внимания, и только в последние годы здесь были проведены исследования, в результате которых получены многочисленные материалы.

На данный момент в этом районе известно уже более десятка поселений, 10 из них (Фофаново I–VI, X, XII–XIV) относятся к эпохе энеолита и содержат керамические комплексы с асбестовой керамикой двух типов: Вой-наволок XXVII (третья четверть III тысячелетия до н. э.) и Оровнаволок XVI (последняя четверть III тысячелетия до н. э.) (Жульников 1999). Им предшествовали памятники с ромбоямочной керамикой (Фофаново VII–IX), которые могут датироваться первой половиной III тысячелетия (Витенкова 1996).

В древности поселения района п. Шуя были приурочены к берегу водоема, но в результате тектонических процессов оказались удалены от него на расстояние до 200–250 м. Все они в настоящее время находятся на полях местной агрофирмы, которые подвергаются интенсивному распахиванию, поэтому неразрушенной сохранилась только нижняя часть культурного слоя отдельных памятников. Комплексы энеолитических стоянок района содержат многочисленные заготовки каменных макроформ и тысячи отщепов. Благодаря этому в нашем распоряжении оказался полный технологический контекст данной индустрии. Нам удалось также выполнить ремонтаж одной заготовки макроорудия с Фофаново XIV.

Поселения района устья Шуи не имеют пока аналогов среди энеолитических памятников Карелии. Таким образом, используя также материалы ранее исследованных памятников, мы можем наметить основные черты энеолитической индустрии каменных макроорудий Карелии – индустрии орудий «русско-карельского» типа.

Были проанализированы материалы трех поселений, имеющих наиболее представительные коллекции: сборы со стоянок Фофаново VI и XIII и материалы раскопок Фофаново XIV, проведенных в 2000 г.

О характере поселений можно судить по раскопкам Фофаново XIV (400 кв. м на двух раскопах). Предметы, связанные с обработкой макроорудий, составляют абсолютное большинство среди остальных групп инвентаря: 9583 предмета из 9844, включая 81 шлифовальную плиту. Однако на стоянке найдены также орудия из кремня, лидита и твердого сланца (заготовки наконечников дротиков и стрел, наконечники стрел, ножи, скребки и проколки – всего 57 экз.). О керамическом производстве свидетельствуют массивные куски асбеста и гребенчатые штам-

[1] Россия, Петрозаводск, ул. Пушкинская 11, 185610, Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории, Сектор археологии.

© А. Ю. Тарасов, 2003

Рис. 1. Качество материала макроформ со стоянок Фофаново VI, XIII, XIV.

Fig. 1. The raw material quality of the macrotools from the Fofanovo VI, XIII, XIV assemblages (from left to right: «hardness», «grain», «cleavage»; on each bar graph: «strongly», «middling», «faintly»).

пы из сланца, при том, что количество фрагментов керамики незначительно. По мнению автора раскопок А. М. Жульникова, памятник относится к разряду специализированных сезонных поселений.

Макролитический инвентарь Фофаново XIV состоит из 4 готовых орудий, 43 заготовок макроформ и 9457 отщепов; Фофаново VI – из 5 орудий и 92 заготовок (отщепов среди материалов сборов нет); Фофаново XIII – из 8 орудий и 78 заготовок (сборы отщепов на этом поселении также не производились). Такое соотношение интересно сравнить с распределением готовых форм и заготовок на памятниках другой группы (преимущественно зимних поселениях) на восточном берегу Онежского озера – Вой-наволок XXIV, XXV, XXVII: соответственно 41 и 6, 12 и 6, 81 и 39.

Сырьем для изготовления каменных макроорудий на территории Карелии служили преимущественно разновидности двух горных пород: сланца и алевролита (который очень грубо можно определить как глинистый метаморфизованный песчаник). Алевролиты внешне очень похожи на те разновидности сланцев, из которых изготавливались макроформы, поэтому алевролитовые предметы традиционно описываются как сланцевые. Однако использование карельских алевролитов наряду со сланцами подтверждено данными петрографического анализа (Журавлев, Горлов 1979).

На рассматриваемой территории встречаются многочисленные и разнообразные алевролиты, но известны и проявления глинистых сланцев (Геология Карелии 1987; Кайряк 1973). Поскольку надежно различить сланцы и алевролиты невозможно без проведения петрографического анализа, при оценке качества сырья внимание было сосредоточено на отдельных структурных свойствах, которые определяют как возможности обработки, так и качество готовых изделий. Мы остановили свое внимание на трех из них: твердости, зернистости и сланцеватости (способности расслаиваться на плитки) (Геологический словарь 1978). Эти показатели, основным из которых мы считаем «твердость», были оценены по трехбалльной шкале («сильно», «средне», «слабо»). Показатель «сильно» для твердости соответствует 6–7 по шкале Мооса, «средне» – 4–5 и «слабо» – 2–3. Оценка зернистости и сланцеватости производилась «на глаз». Сланец, твердость которого оценена как «сильно» может столь же успешно, как и кремень, служить сырьем для качественных деревообрабатывающих инструментов. Отдельности, зернистость и сланцеватость которых были оценены как «слабые», также хорошо расщепляются и имеют четкий раковистый излом. Качество сырья большинства изделий может быть оценено как очень высокое (рис. 1), что характерно и для стоянок Вой-наволока, и вообще для всей энеолитической индустрии каменных макроформ Карелии.

Вблизи стоянок не обнаружено выходов коренной породы, как это имело место на одном из древних центров добычи сланца в Заонежье (Вегоручейское и Мегрозерское месторождения) (Журавлев 1988; Журавлев, Горлов 1979). Ближайшие скальные выходы находятся примерно в 10 км, но в окрестностях встречаются валуны (иногда имеющие форму массивных плиток с выветренной внешней поверхностью), которые могли использоваться в качестве сырья.

За небольшим исключением, все изделия были изготовлены по одной технологии, названной нами (по названию типа орудий) также «русско-карельской».Эта технология является основной особенностью орудий «русско-карельского» типа с его главным морфологическим признаком – трапециевидным или треугольным поперечным сечением (Жульников 1999). Технологический анализ по методике Е. Ю. Гири (Гиря 1997) уже проводился на материалах поселения Вой-наволок XXVII (Tarasov 2000) и на экспериментальных кремневых изделиях. Тем не менее,

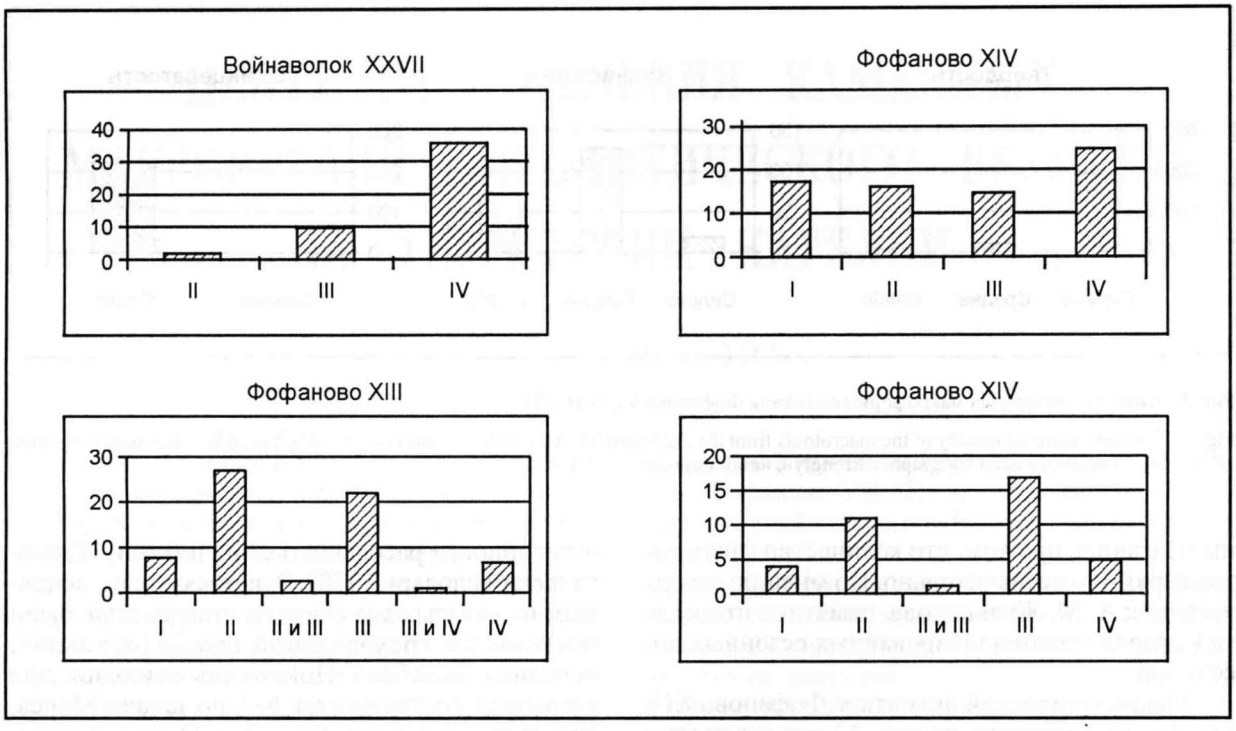


Рис. 2. Соотношение изделий со стоянок Войнаволок XXVII и Фофаново VI, XIII, XIV, принадлежащих к различным стадиям обработки.

Fig. 2. The ratio of wares from the Vojnavolok XXVII and Fofanovo VI, XIII, XIV assemblages, belonging to the different stages of manufacture.

мы считаем, что новые материалы дали полный технологический контекст этой индустрии, позволивший уточнить прежнюю реконструкцию.

Последовательность расщепления является стадиальной. На **первой стадии (I)** из некоей аморфной отдельности сырья (валуна, плитки или отщепа) создавалась самая общая форма заготовки. Ее можно было считать завершенной, как только на всех краях заготовок удалялась естественная поверхность, и образовывались четкие ребра между двумя смежными поверхностями расщепления (рис. 5: 3). Критическим моментом было получение относительно плоского брюшка, или наиболее широкой из всех граней заготовки, которая служила площадкой для снятия сколов с боковых граней. В том случае, когда брюшко становилось выпуклым и образовывалось бифасиальное ребро между брюшком и спинкой (рис. 9: 2), дальнейшая (конкретно-ситуационная) обработка могла происходить в бифасиальной технике с получением двустороннеобработанного орудия (рис. 5: 2, 4). Работа могла производиться как каменным, так и мягким (роговым) отбойником.

У тех изделий, исходной заготовкой для которых послужили отщепы, первой стадии могла предшествовать еще одна – нулевая, для получения отщепов – заготовок. В основном – это массивные отщепы, сколотые с валунов, больше половины их имеет длину 10 см и более (максимальная длина – 18 см). Они могли отделяться с помощью ударов как мягким, так и жестким отбойником с применением бифасной или биполярной техники расщепления.

На **второй стадии (II)** (рис. 5: 5, 6; 9) происходила подготовка к началу серийного расщепления на боковых гранях. Для этого производилось выравнивание линий боковых краев заготовки в плане, уплощение поверхности боковых граней или понижение дистальной части поверхности расщепления на этих гранях. Это могло достигаться либо с помощью сколов, начинающихся на спинке (рис. 9: 1, 5, 6), либо с помощью пластинчатых сколов, берущих начало на одном из торцов заготовки (рис. 9: 3).

Вторая стадиальная форма (если исходная заготовка не была треугольной в сечении) имеет трапециевидную форму сечения и достаточно отчетливое ребро не только между брюшком и боковыми гранями, но также и между этими гранями и спинкой (рис. 5: 5; 9: 4). Угол между боковыми гранями и спинкой составляет обычно около 80°. Однако, если меньший, чем 90° угол на одном боковом крае создается между боковой гранью и брюшком, а на втором – между другой боковой гранью и спинкой (рис. 5, 6), заготовка, как и законченное орудие, хотя и проходит все последующие стадии обработки, но приобретает в сечении форму параллелограмма (рис. 5: 8, 10; 10: 4). Однако подобные формы, как и простые двустороннеобработанные, единичны.

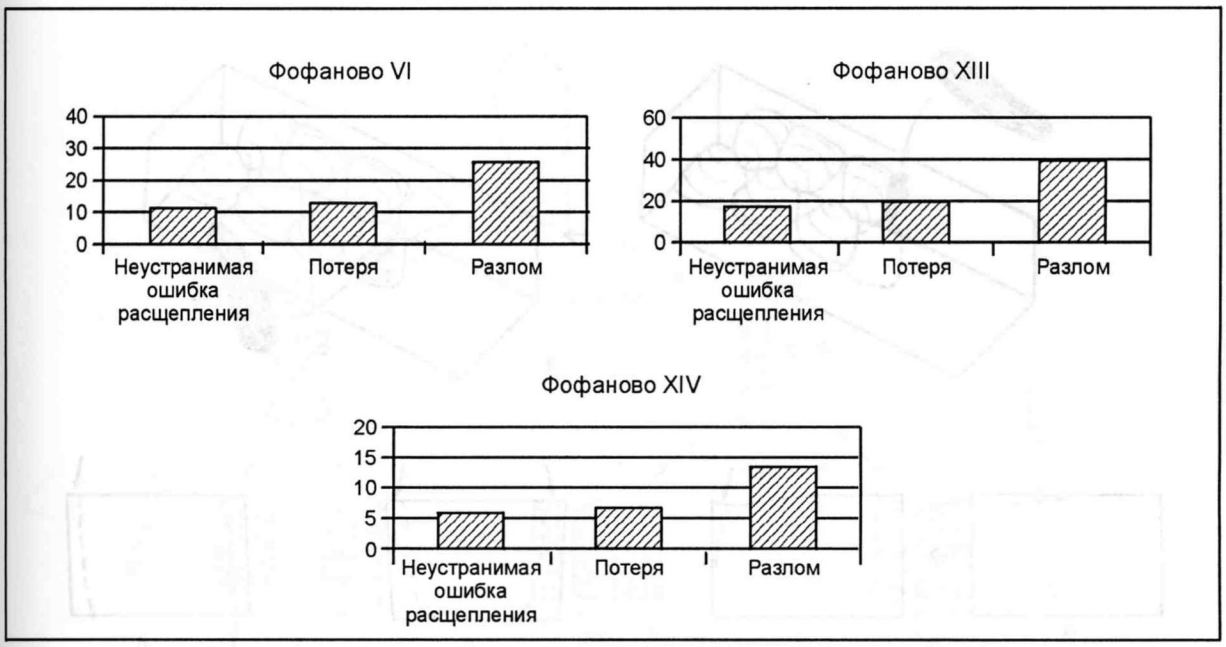


Рис. 3. Причины отказа от дальнейшей обработки заготовок.

Fig. 3. Discard reasons (from left to right on each bar graph: «knapping mistake», «loss», «breaking»).

Расщепление на второй стадии остается конкретно-ситуационным, однако подготовка зон расщепления в виде редуцирования и изолирования начинает играть некоторую роль, как и на всех последующих стадиях.

Основным отличием второй стадии от предыдущей являются изменения в технике скола. На данном этапе исключается использование каменного отбойника, поскольку снятие слишком массивных сколов уже нежелательно. Кроме того, основываясь на некоторых особенностях негативов скалывающих ряда изделий, мы зафиксировали использование удара через посредник (по всей видимости, роговой).

При ударе через посредник возможности контроля над распространением скалывающей в теле предмета расщепления сравнимы с возможностями контроля при использовании отжима, но сила сообщаемого импульса при этом значительно больше. Посредник, который может быть надежно и точно установлен на площадке и наклонен под любым углом к ней, направляет импульс в направлении, необходимом мастеру. Это позволяет снимать достаточно плоские и тонкие сколы при углах скалывания близких или даже больших 90°, снимать сколы с миниатюрных площадок и в целом производить достаточно точно направленное воздействие на предмет расщепления. Об использовании удара через посредник могут свидетельствовать следующие признаки:

1. Выраженные негативы ударных бугорков при небольшом углублении в тело нуклеуса (или предмета, с которого скалываются отщепы) той части негативов, которые следуют непосредственно за негативным бугорком; это выражается и в возникновении высоких «карнизов» на проксимальной части межфасеточных ребер и «зубчатом» очертании линии края нуклеуса.

2. Небольшие по площади негативы сколов, снятых с тупых углов скалывания; на отщепах это выглядит как наличие тупого угла при очень небольшом размере площадки (около 0,5 см в обоих измерениях) (рис. 11: 6).

3. Для отщепов характерно наличие «губы» или невысокого карниза над ударным бугорком в проксимальной части вентральной поверхности. Такой карниз свидетельствует об использовании мягкого отбойника вообще, но на отщепах с углами скалывания, близкими 90°, его появление может означать использование посредника. Площадки некоторых сколов могут иметь сильно вогнутый рельеф (рис. 11, 14). Возможно, это получается благодаря очень сильной нагрузке на сжатие непосредственно под «бойком» посредника в момент нанесения удара.

Применение удара через посредник в описываемой технологии также связано с одним характерным приемом. Он заключался в использовании боковой стенки негатива ударного бугорка, оставшегося после предыдущего скола, в качестве площадки для снятия нового отщепа с соседней поверхности расщепления. Несмотря на то, что эти две соседние поверхности могут быть расположены строго перпендикулярно, или же даже под тупым углом по отношению друг к другу, угол скалывания, с которого снимаются отщепы, оказывается значительно меньше (рис. 4: 1, 2). Тем самым уменьшается риск возникновения сколов со ступенчатыми и петлеобразными

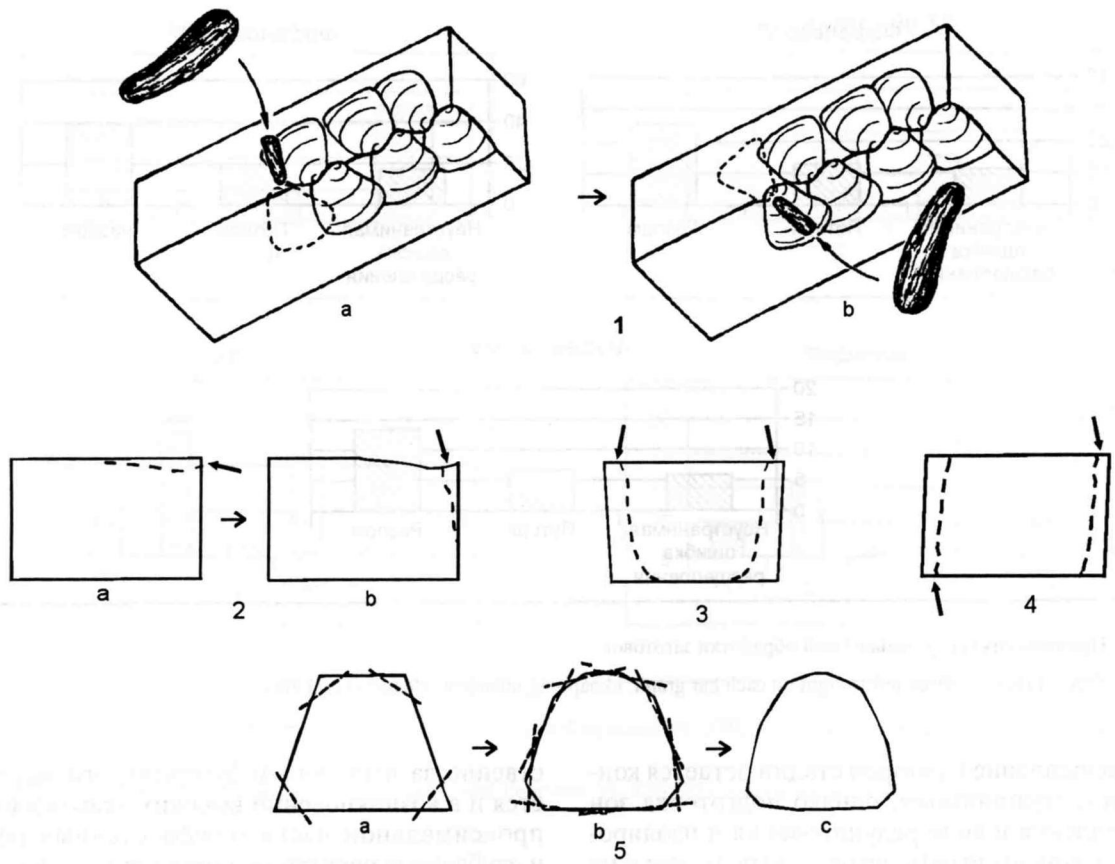


Рис. 4. Некоторые технические приёмы изготовления макроорудий русско-карельского типа. 1 – обработка макроорудия с помощью удара через посредник; 2 – последовательность расщепления при использовании удара через посредник; 3 – оформление трапециевидного поперечного сечения на III-ей стадии обработки; 4 – оформление поперечного сечения в форме параллелограмма; 5 – «многогранная шлифовка». 3–5 – вид поперечного сечения изделий.

Fig. 4. Several technical modes of making macrotools of the Russian-Karelian type. 1 – making a macrotool using the punch technique; 2 – knapping sequence of making a macrotool using the punch technique; making a trapezoid cross-section of a macrotool on the third stage of the manufacturing process; 4 – making a parallelogramm-like cross-section; 5 – «multy-side» grinding. 3–5 – the veiw of the cross-section.

окончаниями (заломов). Площадки отщепов в таком случае обычно имеют две или более фасетки с разделяющим их косым межфасеточным ребром, на боковую стенку которого и устанавливался посредник (рис. 6: 5, 6; 7: 3; 8: a, c; 11). Три «узла», демонстрирующих использование этого приема, нам удалось реконструировать в результате ремонтажа (рис.7: a; 8: a, c).

Известно, что этот прием был характерен для технологии изготовления южно-скандинавских четырехгранных кремневых топоров, которые появились вместе с культурой воронковидных кубков (3900–3350 до н. э.), но продолжали существовать и во II тысячелетии; там он позволял достигать четкой прямоугольной формы сечения орудий. Кроме того, он применялся и в более упрощенных технологиях, использовавшихся на северных территориях Швеции (Olausson 1983; Sundstrom, Apel 1998). Есть основания предполагать, что именно таким образом изготавливались все изделия «русско-карельского» типа, находимые за пределами Карелии (Третьяков 1972), а также, насколько позволяют судить иллюстрации, четырехгранные кремневые («клиновидные») топоры, распространившиеся вместе с фатьяновской культурой во II тысячелетии до н. э. (Крайнов 1972).

Третья (III) стадия (рис. 5: 7, 8; 6–8; 10: 2, 4, 5, 9) отличается переходом к серийному расщеплению, однако степень серийности можно оценить как достаточно низкую, так как на этой стадии не производилось декоративное оформление поверхности орудия, в любом случае предназначенного для шлифования. Обработка была направлена на максимальное уплощение граней и завершение создания формы в плане. Эту стадию можно считать своеобразным аналогом вторичного утоньшения бифасов по Э. Кэллэхэну (Callahan 1979). На третьей стадии по-прежнему используется преимущественно удар через посредник, но при упорядоченном расположении скалывающих. Обработка касается только брюш-

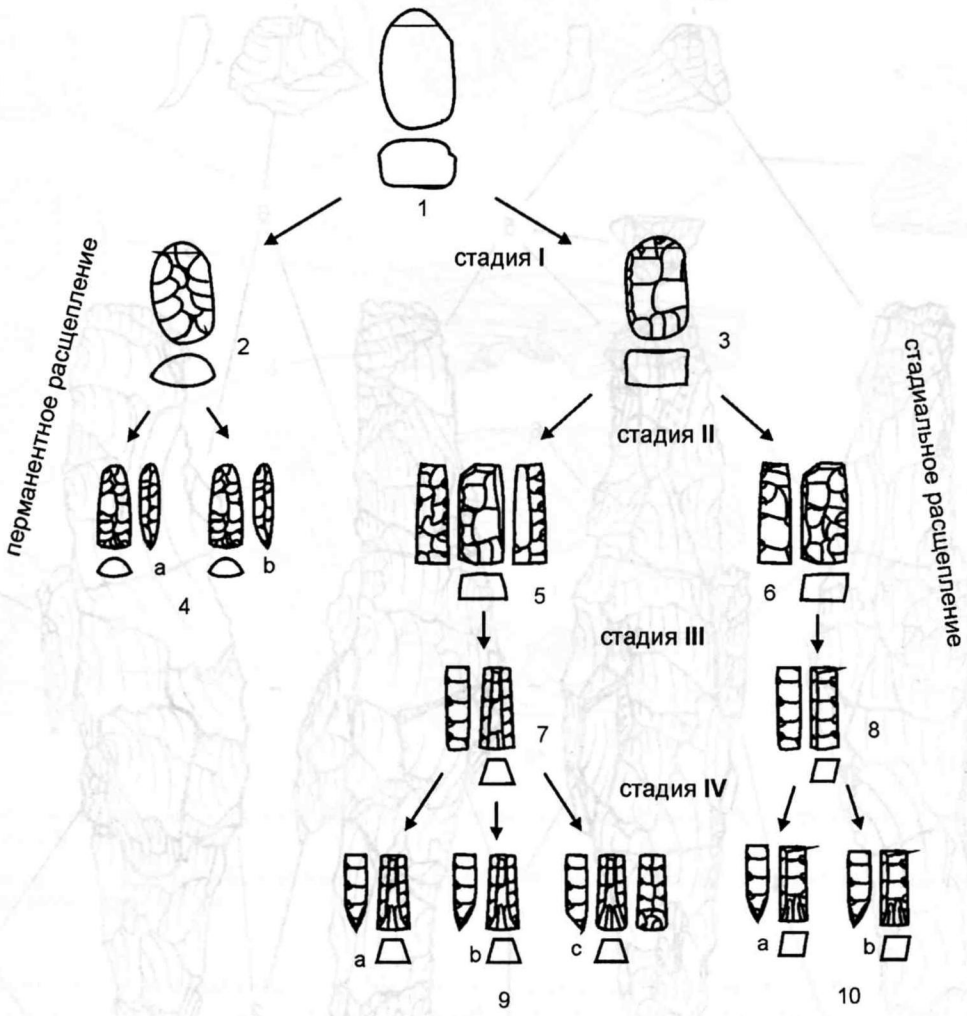


Рис. 5. Последовательность расщепления на стоянках Фофаново VI, XIII, XIV (1 – исходная заготовка; 2 – вторая форма редукционного ряда при бифасиальном срабатывании; 3 – первая стадиальная форма «русско-карельской» технологии, 4 – орудие-бифас готовое к шлифованию (третья форма редукционного ряда); 5, 6 – вторая стадиальная форма «русско-карельской» технологии (варианты с трапециевидным сечением и сечением в виде параллелограмма); 7, 8 – третья стадиальная форма «русско-карельской» технологии; 9, 10 – четвертая стадиальная форма «русско-карельской» технологии – готовое к шлифованию орудие (a – топор, b – тесло, c – желобчатое тесло).

Fig. 5. Knapping sequence of making preforms from the sites Fofanovo VI, XIII, XIV (1 – initial blank; 2 – second shape of the reduction line during bifasial reduction; 3 – first stage shape of the «Russian-Karelian» technology; 4 – preform – biface that is ready for grinding (third shape in the reduction line); 5, 6 – second stage shape of the «Russian-Karelian» technology (examples with a trapezoid and a parallelogram cross-section); 7, 8 – third stage shape of the «Russian-Karelian» technology; 9, 10 – fourth stage shape of the «Russian-Karelian» technology – preform that is ready for grinding (a – axe, b – adze, c – gouge);
The inscriptions: on the left half of the picture: «Permanent knapping»; on the right half: «Stage knapping»; from the top to the bottom on the left half of the picture: «stage I», «stage II», «stage III», «stage IV».

ка и боковых граней орудия с применением описанного выше технологического приема, при попеременном использовании брюшка и боковых граней в качестве площадок.

При этом сколы, снимаемые с брюшка, и сколы с боковых граней несколько различаются. Сколы, снимаемые с боковых граней, имеют длину равную ширине боковой грани и оканчиваются на спинке заготовки. Поскольку точка приложения удара отстоит от края заготовки, и угол скалывания не очень острый (на начальном этапе примерно 80°), то отделяемые отщепы «ныряют» на своем дистальном конце, т.е. на спинке орудия. При этом они срезают ребро между боковой гранью и спинкой заготовки (рис. 4: 3). В этом заключается основное отличие анализируемой технологии от той, что была характерна для орудий Южной Скандинавии, где любой ныряющий скол считался бы ошибкой расщепления. В итоге вместо прямоугольного сечения образовывалось трапециевидное, и возможности дальнейшей обработки спинки значительно ограничивались. Угол между боковыми гранями и брюшком у третьей стадиаль-

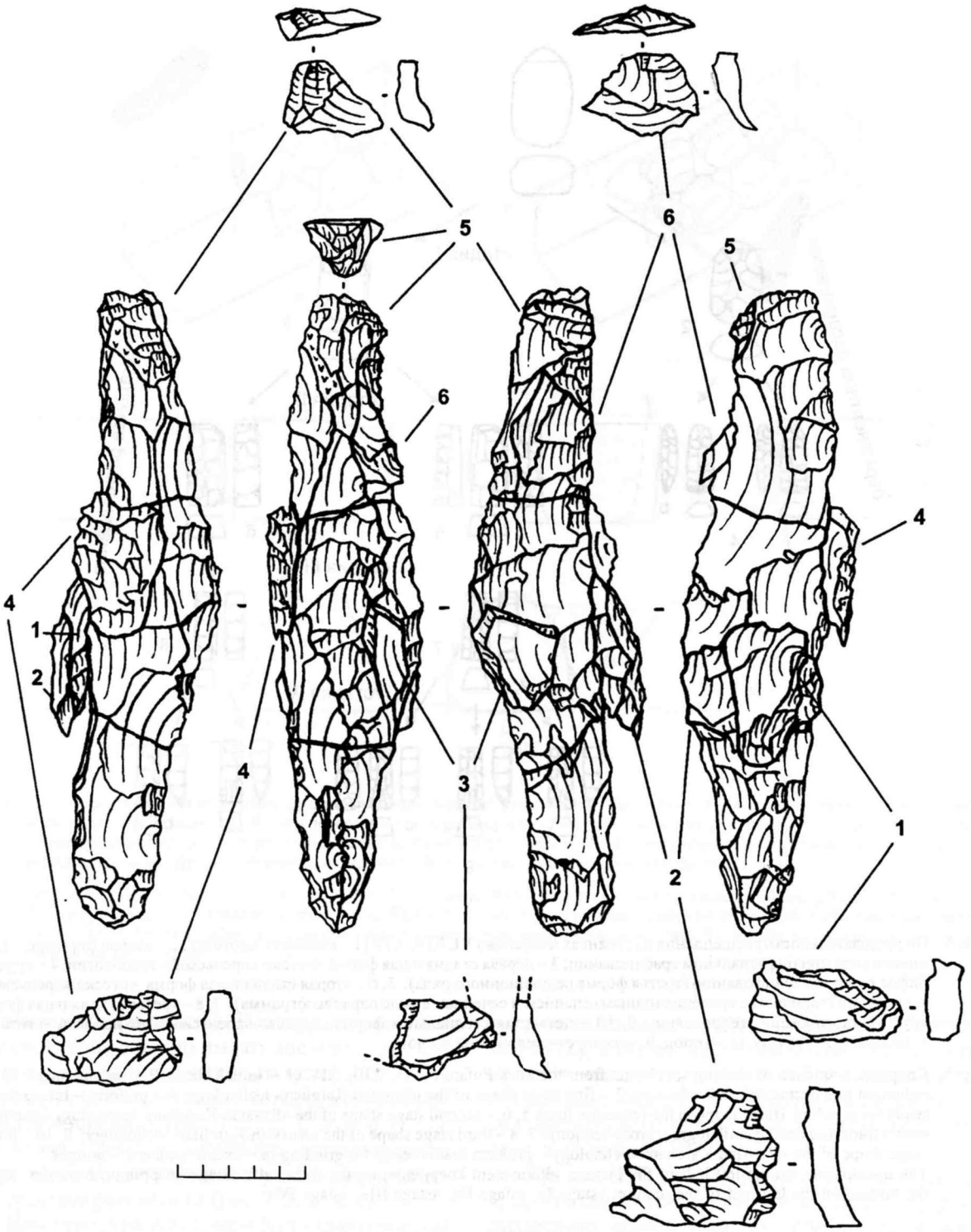


Рис. 6. Ремонтаж заготовки макроорудия русско-карельского типа со стоянки Фофаново XIV. Обработка изделия была прекращена на третьей стадии. Алевролит (?).

Fig. 6. Refitting of a preform of the Russian-Karelian type from the Fofanovo XIV assemblage. The working was interrupted during the third stage of the manufacturing process. Siltstone (?).

ной формы чаще всего составляет 70°. На третьей стадии начальные сколы с боковых граней – массивные ныряющие с широкими площадками и нерегулярной огранкой дорсала (рис.11: 4); последующие – довольно стандартны: тонкие, с небольшого размера площадками, по большей части имеют форму трапеции в плане, заметно отгибаются на дистальном конце в сторону вентральной поверхности. Огранка их дорсальной поверхности обычно образована

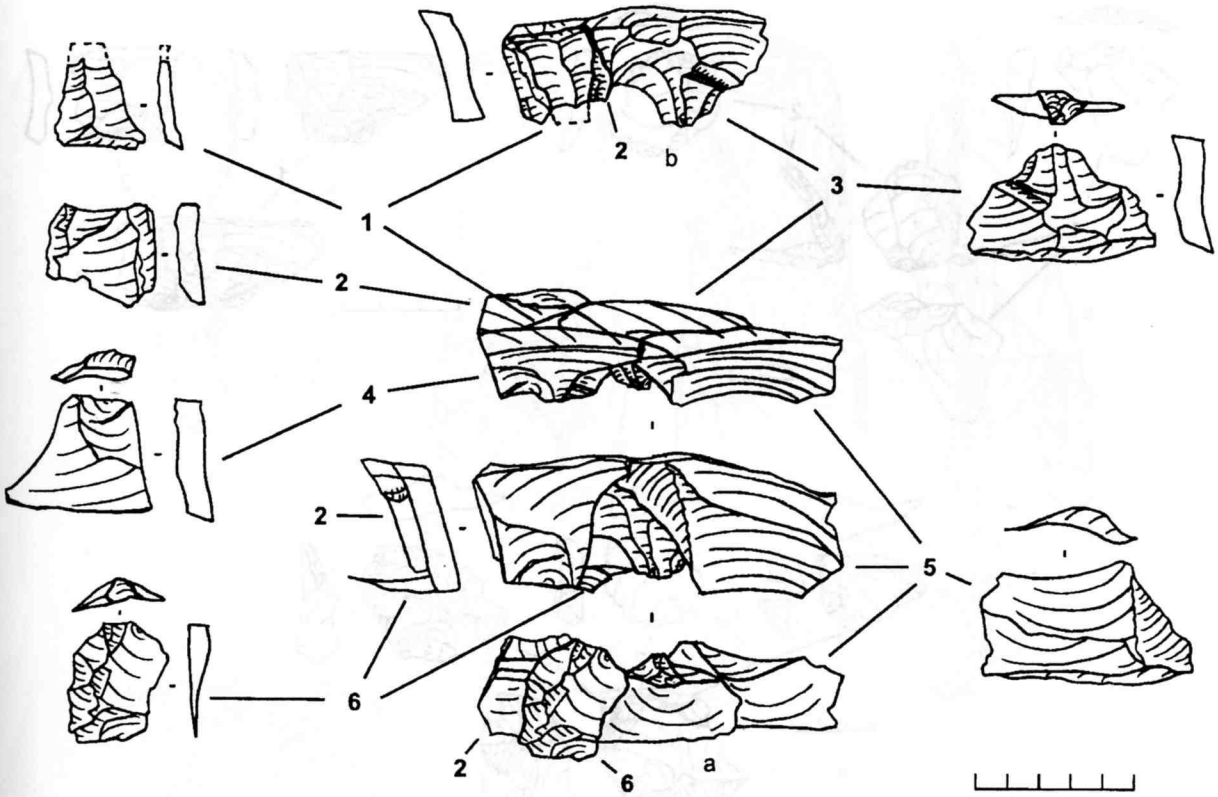


Рис. 7. Ремонтаж заготовки макроорудия русско-карельского типа со стоянки Фофаново XIV (продолжение). Третья стадия обработки. a, b – алевролит (?).

Fig. 7. Refitting of a preform of the Russian-Karelian type from the Fofanovo XIV assemblage (continued). Third stage of the manufacturing process. a, b – siltstone (?).

параллельными негативами двух предыдущих сколов; возможны негативы, оставшиеся от редуцирования (рис. 6: 5, 6; рис.7–8; рис.11: 5, 8, 9, 11–18).

Сколы с брюшка не должны достигать противоположного края заготовки. Поэтому они похожи на сколы утоньшения бифасов (Whittaker 1994), расширяющиеся по направлению к своему дистальному концу и варьирующие по форме в плане (рис.11: 7, 10).

Ошибки расщепления на этом этапе могли повлечь возврат ко второй стадии. Наиболее характерной ошибкой можно считать снятие скола с излишне высоким ударным бугорком. Снятие слишком толстых сколов также может привести к необходимости повторного выравнивания линии боковых краев по всей длине заготовки. Результатом, в свою очередь, может стать ее чрезмерное заужение. Спинка вообще может исчезнуть в качестве отдельной грани и остаться только в виде ребра между боковыми гранями, а заготовка приобретет треугольную в сечении форму (рис. 10: 1, 5, 9).

Именно на этом этапе прекратилась обработка заготовки с Фофаново XIV, ремонтаж которой нам удалось сделать (рис. 6). Оба конца заготовки оказались чрезмерно заужены описанным выше способом, после того, как с нее было снято два-три слоя сколов третьей стадии (рис. 7–8). При этом среднюю часть заготовки не удалось довести до той же ширины. Один из сколов с брюшка (рис. 6: 2) «нырнул» на боковую грань, уничтожив тем самым площадку для ее обработки в этой части. Попытка снятия массивного скола с боковой грани напротив закончилась высоким петлеобразным окончанием скалывающей (рис. 6: 4). Ситуацию пытались исправить с помощью сколов со спинки, начинающихся на узких концах заготовки, там, где сечение имело форму треугольника, и где имелись подходящие зоны расщепления. Не очень ясно, какой именно скол послужил причиной разлома заготовки на три куска, но очевидно, что оба узких конца отломились одновременно. Неудачный удар на одном из концов вызвал эффект, известный как «end-shock», когда плоскость разлома значительно удалена от точки сообщения вызвавшего этот разлом импульса (Гиря 1997).

На **четвертой (IV) стадии** (рис. 5: 9, 10; 10: 1, 3, 6, 7, 10, 11) происходит окончательное оформление лезвия. Строго говоря, лезвие часто начинали оформлять уже в самом начале обработки. Но нередко эту операцию выполняли и в конце. Конечная форма лезвия зависела от функционального назначения орудия. В слу-

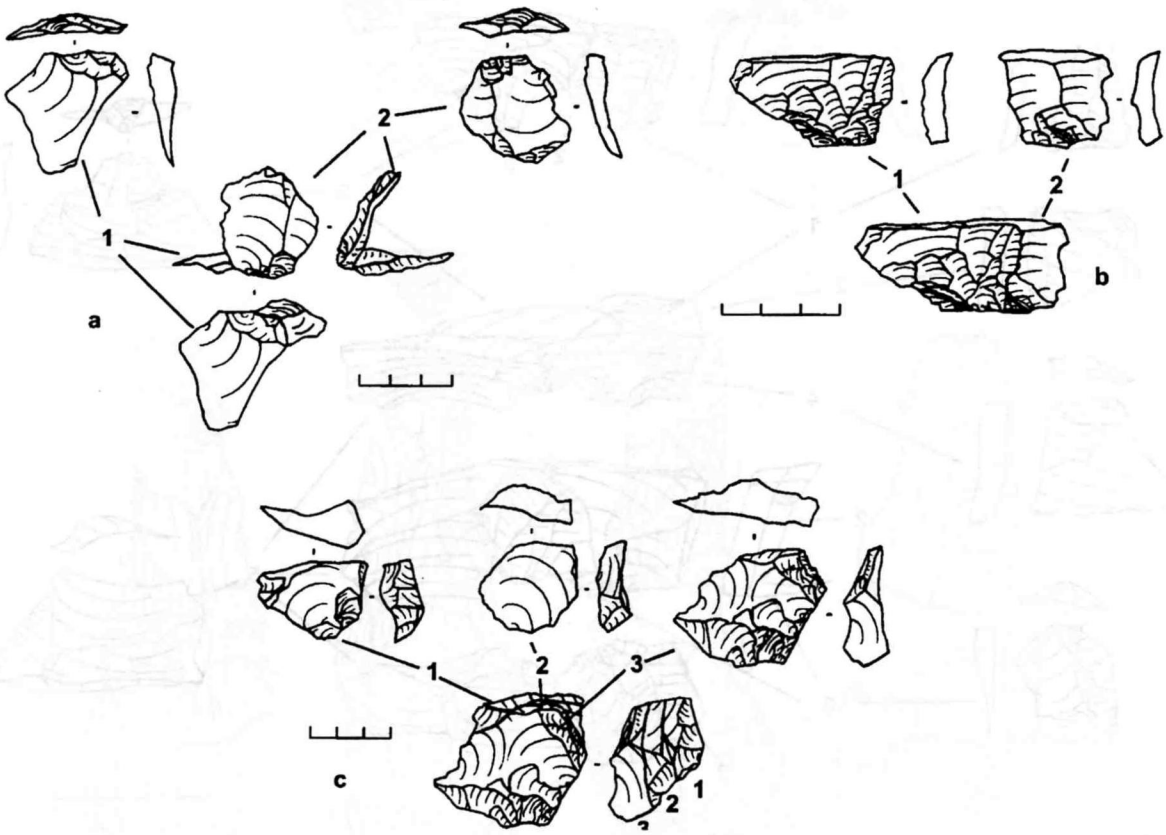


Рис. 8. Ремонтаж заготовки макроорудия русско-карельского типа со стоянки Фофаново XIV (продолжение). Третья стадия обработки. a, b, c – алевролит (?).

Fig. 8. Refitting of a preform of the Russian-Karelian type from the Fofanovo XIV assemblage (continued). Third stage of the manufacturing process. a, b, c – siltstone (?).

чае с топором, долотом и прямым теслом имело место взаимное понижение спинки и брюшка (рис. 5: 4, 9 a, b, 10; 10: 1, 2, 8); лучше всего для выполнения этой операции подходил мягкий отбойник. Если это было желобчатое тесло – оформлялся скос с брюшка на спинку, при этом угол между спинкой и лезвием должен был составить примерно 45° (рис. 5, 9c; 10: 3, 10). Спинка же нередко подправлялась пластинчатыми сколами, начинающимися с лезвия (рис. 10: 3, 10). Удары роговым отбойником и через посредник в этом случае должны чередоваться. Расщепление здесь снова было конкретно-ситуационным. На этой же стадии иногда использовался прием понижения высоты заготовки с помощью длинного пластинчатого скола, удаляющего ребро спинки (на заготовке треугольного сечения) и возвращающего ей трапециевидную в сечении форму (рис. 10: 7, 11). Попытка снятия подобного скола может также привести к эффекту «end-shock».

Оформление лезвия – достаточно сложная операция, и ошибки могли повлечь возврат к предыдущей стадии и чрезмерное уменьшение размеров заготовки (рис. 10: 6, 10).

Пятая стадия – шлифование заготовок – также производилась на этих стоянках. Об этом свидетельствуют многочисленные шлифовальные плиты из песчаника и сланца (Фофаново XIV) и отдельные изделия, шлифовка которых было начата, но прекращена по какой-то причине. Для изделий русско-карельского типа характерно шлифование не менее 2/3 их поверхности, за этим часто следовало полирование (как прием декоративной обработки) всего отшлифованного участка (**шестая стадия**). Как правило, при шлифовании создавалось некоторое число четких узких параллельных граней, покрытых косыми поперечными царапинами от абразивного инструмента (рис. 4: 5; 11: 1). Правильные края и плоскость этих граней [как при аккуратном стачивании напильником] позволяют предположить, что во время шлифования заготовка каким-либо образом (в деревянных тисках?) прочно укреплялась, а небольшую шлифовальную плиту (брусок) держали в руке и водили ею по заготовке. Не исключено также, что при шлифовке использовались механические устройства, о конструкции которых пока невозможно судить.

Законченное изделие русско-карельского типа (тесло, желобчатое тесло, топор или долото) может иметь трапециевидную, прямоугольную или суживающуюся к лезвию форму (у долота), но трапециевидное (рис. 11: 1) (в крайнем случае –

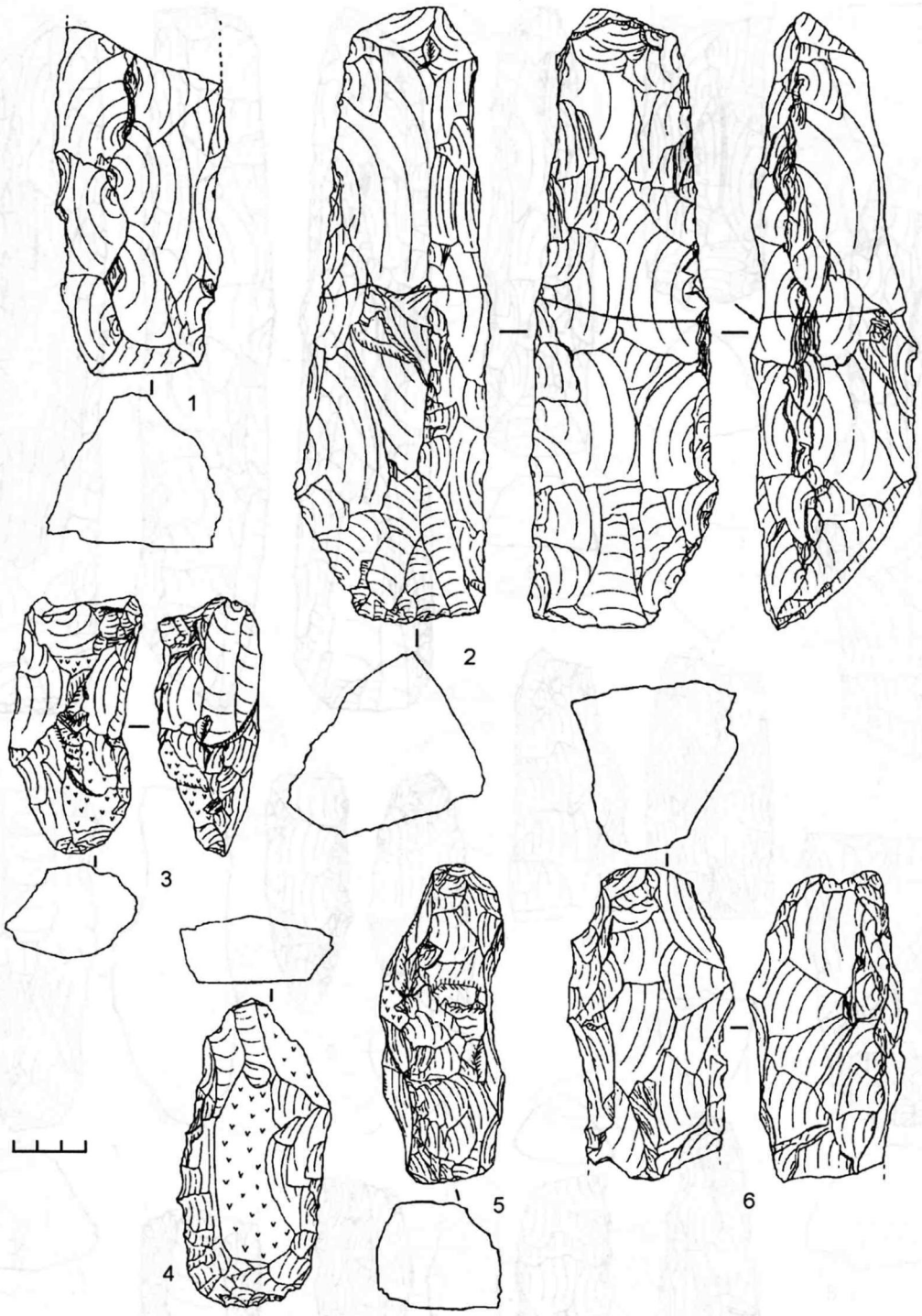


Рис. 9. Заготовки макроформ русско-карельского типа второй стадии обработки.
1, 2, 5, 6 – Фофаново XIV, 3 – Фофаново XIII, 4 – Фофаново VI. 1–6 – алевролит (?).

Fig. 9. Preforms of macrotools of the Russian-Karelian type, second stage of the manufacturing process.
1, 2, 5, 6 – Fofanovo XIV, 3 – Fofanovo XIII, 4 – Fofanovo VI. 1–6 – siltstone (?).

почти полукруглое) или треугольное поперечное сечение. Несколько особый технологический вариант составляют изделия с сечением в форме параллелограмма.

Данных об организации пространства поселения немного, так как большая часть культурного слоя поселения Фофаново XIV повреждена распашкой. Судя по находкам шлифовальных плит, связанных с краем древнего берега, шлифование заготовок происходило вблизи воды (она необходима при абразивной обработке). В то же время основная работа по расщеплению совер-

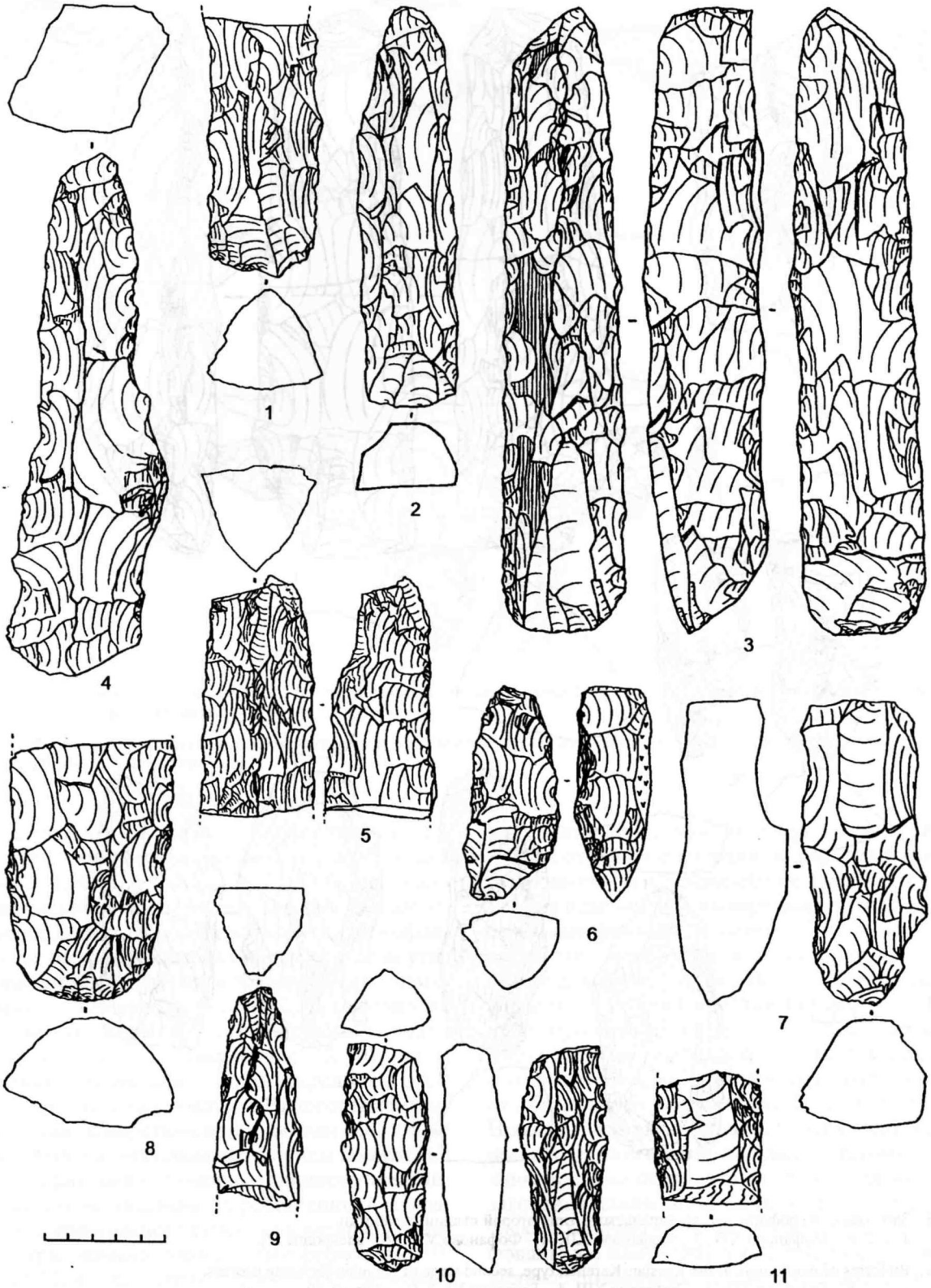


Рис. 10. Заготовки макроорудий русско-карельского типа третьей (2, 4, 5, 9) и четвертой (1, 3, 6, 7, 10, 11) стадий. 3, 6, 10 – заготовки желобчатых тесел; 1, 2, 8 – возможно, тесел. 1, 8, 10, 11 – Фофаново XIV, 2, 3, 5, 9 – Войнаволок XXVII; 4, 6, 7 – Фофаново VI. 1–11 – алевролит (?).

Fig. 10. Preforms of macrotools of the Russian-Karelian type, stage III (2, 4, 5, 9) and IV (1, 3, 6, 7, 10, 11). 3, 6, 10 – preforms of gouges, 1, 2, 8, probably – of adzes. 1, 8, 10, 11 – Fofanovo XIV, 2, 3, 5, 9 – Vojnavolok XXVII, 4, 6, 7 – Fofanovo VI. 1–11 – siltstone (?).

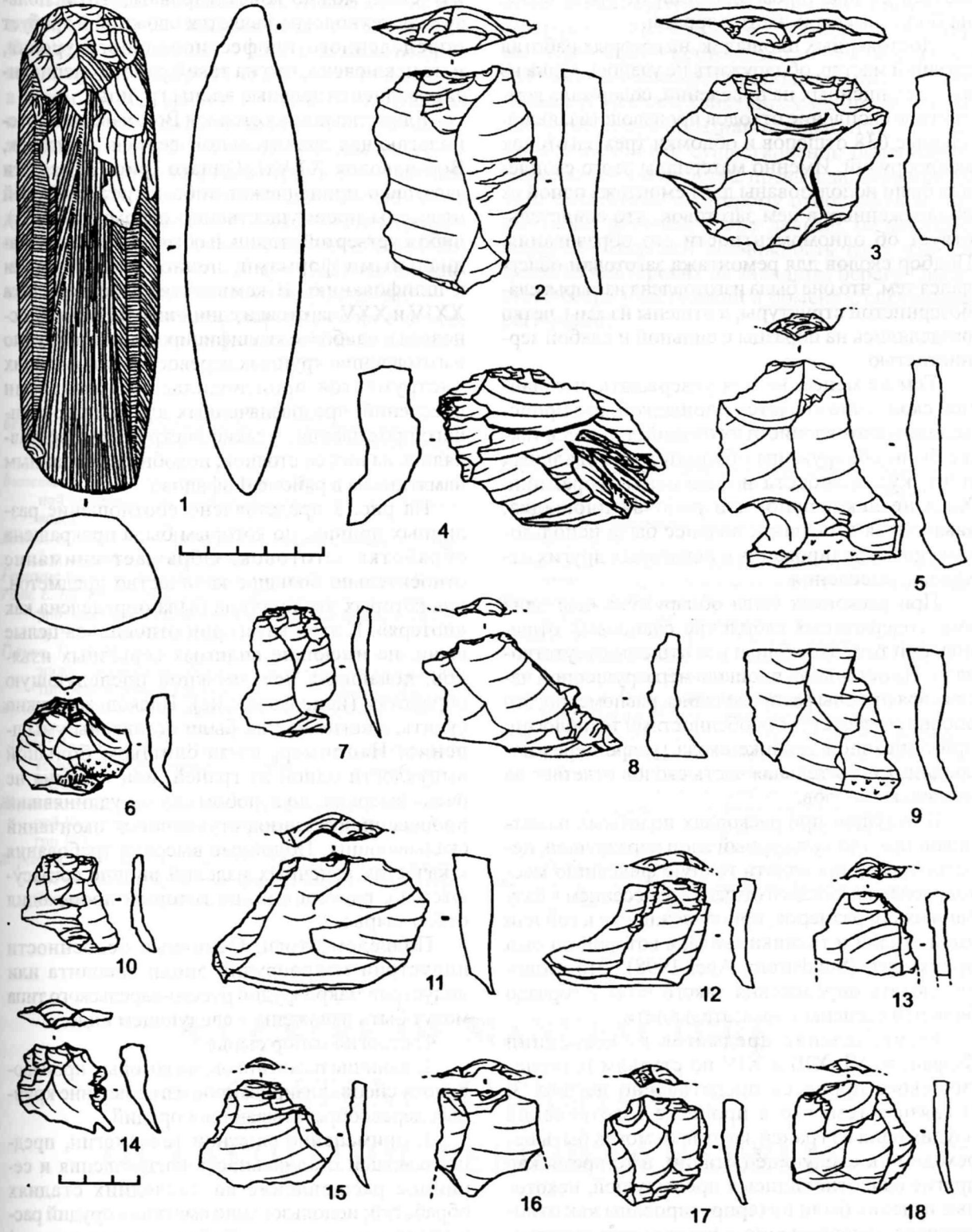


Рис. 11. Готовое орудие (1 – топор, использованный как мотыга) и отходы производства макроформ русско-карельского типа (2–18) со стоянки Фофаново XIV. 2, 3, 6 – сколы второй стадии; 4, 5, 8, 9, 11–18 – сколы третьей стадии; 7, 10 – возможно, сколы с брюшка. 1–18 – алевролит (?).

Fig. 11. A finished macrotool (1 – an axe used as a hoe) and by-products of the manufacture of macrotools of the Russian-Karelian type (2–18) from the Fofanovo XIV assemblage. 2, 3, 6 – flakes produced on the second stage of manufacturing process; 4, 5, 8, 9, 11–18 – flakes of the third stage; 7, 10, probably, – flakes removed from an abdomen. 1–18 – siltstone (?).

шалась на некотором удалении от уреза воды, на более высокой части террасы.

Достоверных площадок, на которых работал древний мастер, обнаружить не удалось. Одна из ям, расчищенных на поселении, содержала компактное скопление отходов производства, включающее 638 отщепов и обломки трех заготовок макроорудий. Именно материалы этого скопления были использованы для ремонтажа одной из обнаруженных в нем заготовок, что свидетельствует об одномоментности его образования. Подбор сколов для ремонтажа заготовки облегчался тем, что она была изготовлена из сырья слабозернистой структуры, а отщепы из ямы четко разделялись на образцы с сильной и слабой зернистостью.

Тем не менее, нельзя утверждать, что данное скопление является площадкой, где происходило изготовление этих орудий, т.к. здесь также были обнаружены обломки шлифовальных плит, куски асбеста и фрагменты керамики. Хотя не исключено, что рабочая площадка, заваленная отщепами, позднее была использована для складирования и некоторых других отходов с поселения.

При раскопках была обнаружена еще одна яма, содержавшая скопление сланцевых отщепов, при том, что вблизи нее отщепы отсутствовали. На остальной площади неразрушенной части слоя отщепы распределялись равномерно; это вполне согласуется с особенностями технологии: при описанной технике скола (ударе через посредник) значительная часть сколов отлетает на несколько метров.

В будущем при раскопках подобных памятников там, где культурный слой неразрушен, целесообразно проводить точную фиксацию местоположения каждого отщепа с занесением в базу данных его размеров, принадлежности к той или иной стадии и техники скола, в которой он был произведен (Sundstrom, Apel 1998). Это позволит делать определения такого рода с гораздо большей степенью доказательности.

Распределение предметов из коллекций Фофаново VI, XIII и XIV по стадиям технологического процесса представлено на рис. 3. В связи с тем, что в процессе изготовления орудия одна из граней заготовки могла быть переходной к следующей стадии, в то время как другие еще относились к предыдущей, некоторые изделия были интерпретированы как относящиеся одновременно к нескольким стадиям. Можно заметить, что количество предметов, выпавших из обработки на первых стадиях расщепления (I и II), примерно равно количеству тех, что были оставлены на последних (III и IV). Это свидетельствует о весьма большой рискованности технологии, производящей в значительном числе бракованные изделия и после того, как в них было вложено много труда и времени. Хотя вопрос этот и требует специального изучения, можно констатировать, что используемая технология является сложной и требует определенного профессионального уровня, и не исключено, что на такой работе специализировались отдельные члены группы.

Единственная из стоянок Вой-наволока, располагающая значительной серией заготовок, Вой-наволок XXVII. Однако (рис. 2) все эти заготовки принадлежат либо к третьей (к ней отнесены преимущественно обломки обухов), либо к четвертой стадии, и обычно являются стадиальными формами, полностью готовыми к шлифованию. В комплексах Вой-наволока XXIV и XXV заготовки единичны. Возможно, основная и наиболее квалифицированная работа по изготовлению крупных деревообрабатывающих инструментов производилась за пределами поселений, предназначенных для долговременного проживания, и такие инструменты доставлялись на них со стоянок, подобных описанным памятникам в районе Фофаново.

На рис. 3 представлено соотношение различных причин, по которым была прекращена обработка заготовок. Обращает внимание относительно большое количество предметов, для которых эта причина была определена как «потеря». К этой категории относились целые вещи, не имеющие видимых серьезных изъянов, делающих невозможной последующую обработку (использование). Насколько можно судить, многие из них были оставлены умышленно. Например, из-за слишком большой выпуклости одной из граней, или наличия не очень высоких, но в любом случае удлинявших процесс шлифования, ступенчатых окончаний скалывающих. Подобные высокие требования к качеству конечных изделий вполне согласуются и с критериями, по которым происходил отбор сырья.

Подведем итоги. Основные особенности индустрии макроорудий эпохи энеолита или индустрии макроорудий русско-карельского типа могут быть изложены в следующем виде:

1. строгий отбор сырья
2. наличие памятников, на которых производилось специализированное изготовление крупных деревообрабатывающих орудий
3. применение сложной технологии, предполагающей стадиальность расщепления и серийное расщепление на последних стадиях обработки; использование «мягких» орудий расщепления (рогового отбойника и посредника) и завершающую качественную абразивную обработку почти всей поверхности изделий
4. в целом очень высокие требования к качеству производимых орудий.
5. вероятная специализация некоторых членов коллектива в данной области деятельности.

Эти особенности резко выделяют ее на общем фоне индустрии каменных макроформ на территории Карелии.

Необходимо остановиться также еще на одной проблеме. По мнению ряда исследователей (J. Ailio, K.A. Nordman, V. Luho), позднее поддержанному Дж. Кларком (Кларк 1953) а также, в целом, Н. Н. Гуриной (Гурина 1974), изделия из района низовьев Шуи, по крайней мере, значительная их часть, были предназначены для обмена на достаточно широкой территории, главным образом, Эстонии и Финляндии. Против этого предположения выступил А. Я. Брюсов, отрицавший наличие каких-либо мастерских и каменоломен в данной местности (Кларк 1952). Новые данные позволяют вернуться к этому вопросу.

Как было сказано, сырьем, скорее всего, служили валуны, поэтому наличие каменоломен совсем необязательно для организации здесь мастерских. Используемая технология, вероятно, требовала специализации. Если к этому добавить возможность использования механических устройств, сводящих к минимуму затраты времени при абразивной обработке, то можно предположить существование более-менее массового производства, превышающего нужды того коллектива, к которому относились мастера. Таким образом, новые данные, по меньшей мере, не отвергают возможность того, что изделия из мастерских на западном берегу Онежского озера участвовали в обмене с соседними регионами.

Брюсов, А. Я. 1952 Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Москва: Издательство АН СССР.

Витенкова, И. Ф. 1996. Ранний период. Культура ромбоямочной керамики // Археология Карелии: 151–161. Петрозаводск.

Геологический словарь. 1978. Геологический словарь. Т. 2. Изд. 2-е, исправл. Москва: Недра.

Геология Карелии. 1987. Геология Карелии. Ленинград: Наука.

Гиря, Е. Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч.2 Санкт-Петербург.

Гурина, Н. Н. 1974. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // Краткие сообщения Института археологии 138: Торговля и обмен в древности: 12–23. Москва: Наука.

Жульников, А. М. 1993. Энеолитическое поселение Войнаволок XXVII // Российская археология 2: 140–154.

1999. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск: Карельский Научный центр РАН.

Журавлев, А. П. 1988. Сырьевая база сланцевых орудий Средней Карелии // Краткие сообщения Института археологии 193: 38–44.

Журавлев, А. П., В. И. Горлов. 1979. Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы // Советская археология 1: 245–248.

Кайряк, А. И. 1973. Бесовецкая серия в онежской структуре. Ленинград: Недра.

Кларк, Дж. Г. Д. 1953. Доисторическая Европа: Экономический очерк. Москва: Изд. Иностранной Литературы.

Крайнов, Д. А. 1972. Древнейшая история Волго-окского междуречья: Фатьяновская культура, II тысячелетие до н.э. Москва: Наука.

Третьяков, В. П. 1972. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Ленинград: Наука.

Филатова, В. Ф. 1971. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // Советская археология 2: 32–38.

Callahan, E. 1979. The basics of biface knapping in the eastern fluted point tradition: A manual for flintknappers and lithic analysts. Eastern States Archaeological Federation.

Olausson, D. S. 1983. Lithic technological analysis of the thin-butted flint axe // Acta Archaeologica 53/1982: 1–118

Sundstrom, L., J. Apel. 1998. An Early Neolithic Axe production and distribution system within a semi-sedentary farming society in Eastern Central Sweden, c. 3500 BC // Proceedings from the Third Flint Alternatives Conference at Uppsala, Sweden, October 18–20, 1996: 155–192.Uppsala.

Tarasov, A. 2000. Technological analysis of the Russian-Karelian type of macrotool production technology // Tillslaget: Umea arkeologi forening tidskrift 1: 34–54.

Whittaker, John C. 1994. Flintknapping: Making and understanding stone tools. Austin.

A CENTRE OF MANUFACTURE OF STONE MACROTOOLS OF ENEOLITHIC PERIOD IN KARELIA

A. YU. TARASOV

New materials from a number of stone macrotool production sites, located in the lower part of the Shuja river on the west coast of lake Onega have made it possible to evaluate the basic traits of the Eneolithic (Halcolithic) slate industry on the territory of Russian Karelia. This industry, which employed the production of large woodworking implements (macroforms) with a trapezoid-like form in cross section, is characterized by: 1) using raw material of high quality (hard and homogenous); 2) division between macrotool production and consumption sites; 3) employing an efficient technology.

It consists of 4 knapping stages and implies serial knapping at the latest stages, as well as utilizing soft percussors like an antler billet and punch, and also a very qualitative final abrasive working; 4) probable specialization of certain members of the collective in producing large woodworking implements (macrotools).

These new materials have allowed to return to the question of exchange of implements produced in this local place over a wide territory.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЭНЕОЛИТА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ

(предварительные результаты)

БОРЯНА И. МАТЕВА[1]

Энеолитическое поселение Чакмака находится в районе г. Исперих, в Северо-восточной Болгарии, в северо-восточной части Лудогорских возвышенностей. Еще в 1898 г. оно было открыто К. и Х. Шкорпилами (Шкорпил К., Шкорпил Х. 1898: 80–103). Поселение находится в центре платовидной возвышенности, в 2,5 км по прямой от ближайшей речной долины. Вокруг него расположены 4 мелких углубления (площадью около 0,2 га каждое) – предположительно, следы древних водоемов, образовавшихся в тех местах, где население копало глину для постройки жилищ. Поселение отличается по своему местоположению. Большинство поселений эпохи энеолита на территории Болгарии находится на речных террасах, и лишь незначительная часть – 4% – имеют иное расположение: это – свайные поселения, пещеры и т. д. (Тодорова 1986). К этим поселениям с нестандартным местоположением можно отнести и Чакмака. На всей площади поселения в больших количествах встречается кремень – нуклеусы, орудия и пр., поэтому место называется Чакмака (по-турецки – «кремень»).

Место, на котором расположено поселение, сильно повреждено обработкой почвы. Начавшиеся в 1995 г. раскопки установили наличие двух строительных горизонтов, относящихся ко времени среднего энеолита. В результате раскопок было полностью изучено одно жилище. Оно имеет обычные для того времени подчетырехугольную форму и размеры приблизительно 5,5 х 3,75 м. Точнее установить размеры не удалось, так как северная и западная стены жилища почти полностью нарушены пахотой. Жилище ориентировано длинной осью по линии север-юг. Хорошо сохранились пол, восточная и южная стены (на высоту 0,15–0,18 м), основание печи (диаметр 1–1,10 м) и глинобитная полка для посуды, идущая вдоль всей восточной стены (высота 0,08 м, ширина 0,45 м). Между полкой и печью было сделано небольшое углубление с бортиком для пепла. Печь примыкает к середине южной стены жилища. Ее основание сделано из плотно утрамбованной глины, уложенной на слой черепков. Под основанием была замурована лепешка из глины, густо перемешанной с зернами злаковых растений. Лепешка имеет четырехугольную форму со скругленными краями. По сохранившимся в основании следам можно сказать, что свод печи был сделан из прутьев, обмазанных толстым слоем глины.

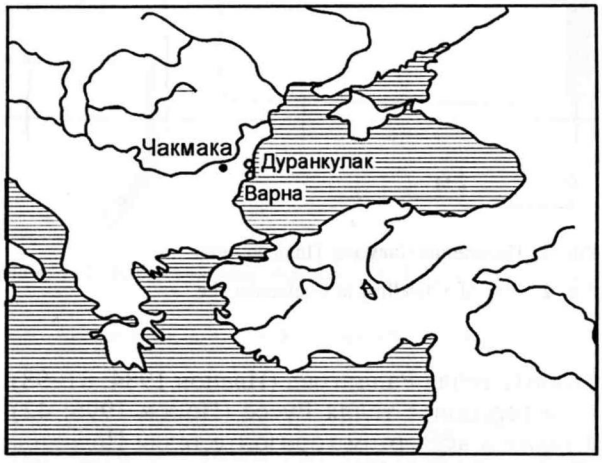


Рис. 1. Расположение поселения Чакмака в Северо-Восточной Болгарии

Fig. 1. Location of Chakmaka site in North-East Bulgaria.

Пол жилища состоял из больших расщепленных бревен, поверх которых лежал настил из плотно пригнанных друг к другу кольев диаметром 0,08–0,12 м, обмазанных глиной, смешанной с большим количеством мелко нарезанной соломы. Стены были сделаны из кольев, связанных со стеблями камыша, и обмазаны толстым слоем глины с соломой так же, как и пол. Колья, составляющие каркас стен жилища, были закреплены между кольями основания пола, а не вбиты в землю. Жилище просуществовало довольно долго, о чем свидетельствуют 7 слоев обмазки пола. Погибло оно в результате пожара. Аналогичные жилища обнаружены во втором го-

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория (стажер-исследователь).

© Боряна И. Матева, 2003

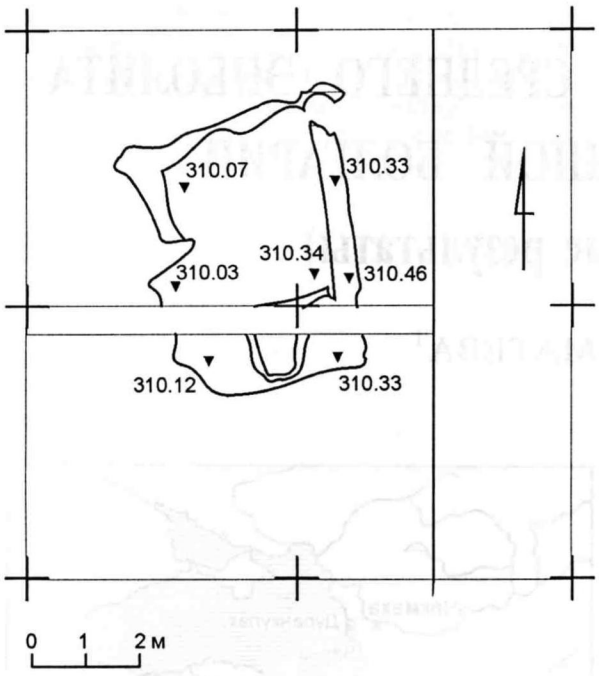


Рис. 2. Поселение Чакмака. План жилища.

Fig. 2. Plan of a dwelling at Chakmaka site.

ризонте телля Радинград (Иванов 1984: 81–98), в 16 горизонте телля Руссе (Попов 1996: 42), а также в четвертом горизонте телля Поляница (Тодорова 1986: 105).

Керамический материал с поселения можно разделить на три группы: керамика столовая, кухонная и посуда для хранения (зерновики с крышками).

В группу столовой керамики входят кубки, биконические (более или менее глубокие) миски и сосуды цилиндро-конической формы. Венчики – отогнутые или прямые, донышки – вогнутые, очень редки сосуды на невысоких ножках. Глина для изготовления керамики этой группы была хорошо очищенной; тесто для самых тонкостенных сосудов не содержало никаких примесей; в тесто для более крупных сосудов добавляли мелко истолченный шамот или смесь мелкого песка и шамота. Толщина стенок варьирует от 2,5 мм у маленьких сосудов до 6 мм у более крупных. Поверхность сосудов темно-серая или черная (у обожженных в пожаре – красная), лощеная.

Орнамент на сосудах обычно располагается в верхних двух третях тулова; основные его мотивы – негативная роспись графитом, горизонтальные каннелюры, у более толстостенных – орнамент типа «кербшнит». Графитная роспись включает: треугольники, линейный орнамент, полукруги и их комбинации; часто роспись графитом сочетается с горизонтальными каннелюрами. Встречаются кубки, изнутри, в районе горла окрашенные красной краской, и миски с росписью графитом или краской так же в верхней части.

К этой же группе керамики можно отнести и куполовидные крышки с цилиндрическим венчиком; поверхность их залощена и расписана графитом.

Группа кухонной керамики включает горшки округло-биконической формы, глубокие миски, мелкие миски грубой выделки, дуршлаги, сосуды для кипячения воды, подставки. Сосуды плоскодонные, венчики у них прямые или загнутые внутрь, толщина стенок – от 6 до 12 мм. В состав глиняного теста входят: шамот и мелко нарезанная солома; песок и солома; очень редко – только солома или только крупный песок с толченым известняком.

Орнаментация этой группы керамики более однообразна, есть немалое количество не украшенных сосудов. Основные типы орнамента: организованный и неорганизованный барботин, лепные ленты с пальцевыми вдавлениями, ямочки, процарапанные и врезные линии. Чаще всего встречаются сочетания барботина и лепной ленты с пальцевыми вдавлениями и барботина с ямочками.

Группа зерновиков представлена двумя типами. Сосуды первого типа имеют форму слегка вытянутых горшков с низким венчиком. Их тулово украшено лепными лентами с пальцевыми вдавлениями вокруг горлышка и грубым барботином. Эти сосуды закрывались крышками с таким же орнаментом. Второй тип включает сосуды бицилиндрической формы с куполовидными крышками; и сосуды, и крышки покрыты орнаментом типа «кербшнит».

Керамика поселения Чакмака имеет почти точные аналогии среди керамики XVI горизонта телля Руссе (Попов 1996: 92–98), II горизонта телля Радинград (Иванов 1984: 90–98) и др. По типологическим характеристикам и орнаментации она относится к IV фазе Б культуры Поляница, т.е. к концу среднего энеолита. Эта фаза культуры Поляница синхронна культуре Боян в Румынии и Марица IV во Фракийской долине (Тодорова 1986, 105).

Поселение Чакмака находится вблизи выходов мелового кремня; и комплекс кремневых изделий этого поселения отличается по количеству, разнообразию и типологии от материалов современных ему поселений. Как установила в своих исследованиях Н. Н. Скакун, в период энеолита в Северо-Восточной Болгарии на многих поселениях кремневые орудия не изготовлялись (Скакун 1987; 1994: 104). На таких поселениях нет отходов производства – там находят только готовые орудия и пластины из качественного добруджанского кремня, вероятно, доставленные с места их изготовления. В научной литературе встречаются отрывочные сведения о существовании таких мест (Георгиев 1958: 369–387), но специально поисками поселений-мастерских никто не занимался. Судя по количеству и разнообразию кремневых изделий, мож-

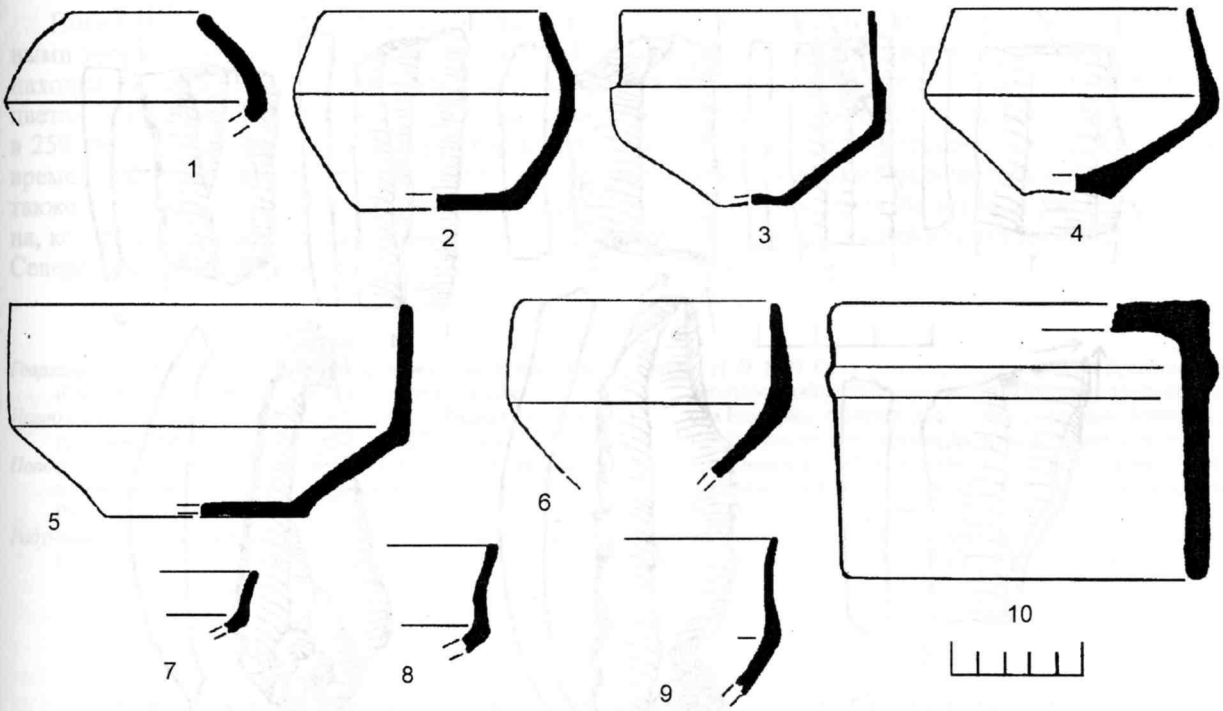


Рис. 3. Поселение Чакмака. Основные формы керамики с поселения: 1, 2, 5, 6 – кухонная керамика; 3, 4, 7, 8, 9 – столовая керамика; 10 – подставка.

Fig. 3. Chakmaka site. Principal forms of pottery from the site: 1, 2, 5, 6 – kitchen ware; 3, 4, 7, 8, 9 – tableware; 10 – support.

но предположить, что Чакмака является одним из поселений-мастерских, откуда готовые изделия распространялись по широкой территории.

В кремневом инвентаре поселения Чакмака представлены все стадии обработки кремня: необработанные гальки, гальки со снятой рабочей площадкой, нуклеусы, ударные орудия на нуклеусах, обломки, осколки и отщепы, неправильные и правильные пластины с галечной коркой и без нее, пластины с ретушью и следами утилизации (целые и расчлененные), орудия и заготовки орудий.

На данном этапе раскопок нуклеусы и их обломки составляют 23% всех кремневых изделий. Форма их – подконусовидная с одной рабочей площадкой или (реже) подпризматическая с двумя рабочими площадками. Ударные площадки в большинстве случаев прямые, пластины снимались со всех сторон нуклеусов. На некоторых нуклеусах заметны следы вторичного использования в качестве ударных орудий.

Отщепы составляют 25,74% от всех находок кремня, орудия труда – 15,28%. Необходимо отметить, что значительная часть отщепов имеет галечную корку, а часть их носит следы утилизации; 11,12% орудий сделаны на отщепах.

Морфологически выделяются следующие типы орудий: скребки, резцы, сверла, проколки на пластинах и отщепах, ретушеры и отбойники, пластины и отщепы с ретушью. Самая большая группа орудий – скребки (свыше 40%), причем около 10% из них не имеют следов утилизации. Довольно высок процент ретушеров и отбойников, соответственно – 5,5 и 3% от общего числа орудий.

Сравнение с ближайшими исследованными поселениями энеолитической эпохи указывает на большие различия как в составе находок, так и в месте их обнаружения. Для поселений Голямо Делчево и Дуранкулак число нуклеусов, отщепов и орудий труда составляет 0,3%, 8% и 40,84%, орудий для обработки кремня – 3,5% (Скакун 1987). Высокий процент нуклеусов, отщепов и камнеобрабатывающих орудий на поселении Чакмака прямо указывает на наличие камнеобрабатывающего производства. Это подтверждается и планиграфическим расположением находок. Большинство из них, включая нуклеусы и гальки, находились вне жилища; меньшее число (причем, только орудия и пластины) – внутри жилища. Такое распределение полностью соответствует этнографическим наблюдениям, касающимся поселений-мастерских для расщепления кремня в XIX веке (Шкорпил 1898: 87).

На других энеолитических поселениях (Радунчева 1976; Иванов 1984) большинство находок происходит из жилищ, мусорных ям и захоронений. Все эти данные подтверждают гипотезу о том, что Чакмака – поселение-мастерская для производства кремневых орудий эпохи среднего энеолита.

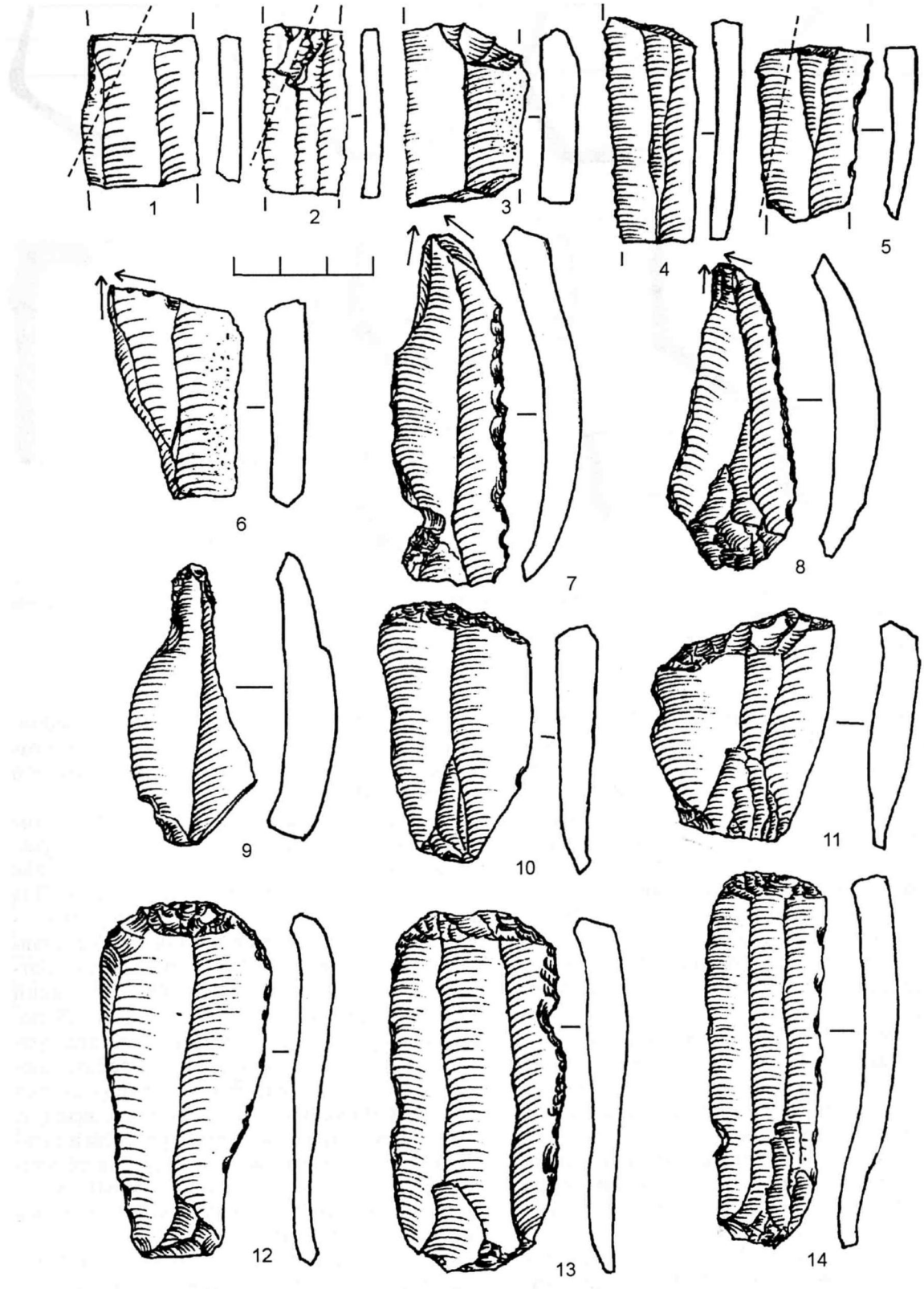


Рис. 4. Основные типы орудий с поселения: 1, 2, 5 – вкладыши серпов; 3, 4 – средние части пластин; 6–8 – резцы; 9 – сверло; 10–14 – скребки.

Fig. 4. Principal types of tools from the site: 1, 2, 5 – inserts of sickles; 3, 4 – middle parts of blades; 6–8 – burins; 9 – drill; 10–14 – endscrapers.

Поселение Чакмака имело связи с отдаленными территориями. Об этом свидетельствует находка топора из слоистой яшмы зеленого цвета, ближайшие выходы которой находятся в 250 км к северо-востоку, на территории современной Румынии. На поселении найдены также заготовки топоров из других пород камня, которые не встречаются в равнинной части Северо-восточной Болгарии.

К настоящему времени поселение Чакмака является единственным для эпохи энеолита в Северо-восточной Болгарии, специализировавшимся на производстве кремневых орудий труда. В процессе его изучения несомненно будут выяснены некоторые новые аспекты проблемы производства и распространения кремневых изделий в эпоху энеолита на Нижнем Дунае.

Георгиев, Г. 1958. За някои оръдия на производство от неолита и енеолита // Сборник в чест на П. Детев. София.

Иванов, Т. 1984. Многослойное поселение у с. Радинград, Разградского района // Studia Prehistorica 7. София.

Попов, В. 1996. Периодизация и хронология на неолитните и халколитните култури по поречието на р. Русенски Лом. Русе.

Радунчева, А. 1976. Виница. Енеолитно селище и некропол. София.

Скакун, Н. Н. 1987. Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Болгарии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.Ленинград.

1994. Результаты исследования производственного инвентаря неолитического поселения Усое I (Болгария) // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. Санкт-Петербург.

Тодорова, Х. 1986. Каменно-медната епоха в България. София.

Шкорпил, К., Х. Шкорпил. 1898. Могили. Пловдив.

EXCAVATION OF A MIDDLE ENEOLITHIC SETTLEMENT IN NORTH-EASTERN BULGARIA (preliminary results)

B. I. MATEVA

This article deals with results of excavation at the site of Chakmaka situated near the town of Isperikh in North-Eastern Bulgaria. On the basis of numerous finds of flint objects and blanks for making tools, as well as outcrops of chalk-flint located not far away, Chakmaka is interpreted as a settlement-workshop of the Middle Eneolithic epoch. This is the first and as yet the single settlement in North-Eastern Bulgaria which is specialized in manufacture of flint tools. Excavation of one of the dwellings at the site enabled to characterize the techniques and materials used during its construction. The ceramic assemblage found during the excavations is divided into three groups: tableware, kitchenware and vessels for storing grain. According to its typological features and decoration, this pottery belongs to the 4th phase B of the Polyanitsa culture, *i.e.* it is dated to the end of the Middle Eneolithic period. The fourth phase of the Polyanitsa culture is synchronous to the Boian culture in Romania and that of Marica IV in the Thracian Valley.

РЕНТГЕНОВСКИЙ ФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ СЮННУ

МАРК ХОЛЛ, СЕРГЕЙ МИНЯЕВ[1]

Введение. Термин «сюнну» используется как для обозначения этнической группы, так и союза кочевых и оседлых племен, населявших степи Центральной Азии начиная с III в. до н. э. до II в. н. э. (Barfield 1989: 32–84; Ishjamts 1994; Minyaev 1985, 1995; Yü 1990). В конце III в. до н. э. первоначальная этническая группа подчиняет ряд регионов Центральной Азии, вынудив местные кочевые и оседлые народы выплачивать дань и войти в состав их племенного союза. В конце I в. н. э. конфедерация сюнну прекращает существование, однако термин «сюнну» используется в китайских летописях вплоть до V в. н. э.

В то время как связям сюнну с империей Хань посвящен ряд исторических исследований (например, Trever 1932, Umehara 1960), природа взаимоотношений внутри конфедерации еще ждет своего исследователя. Данная работа имеет целью положить начало такому изучению. Многочисленные исследования показали важность химического изучения керамики для определения межрегиональных и внутренних связей синхронных поселений (см. например, Bishop, Rands and Holley 1982; Jones 1986; King et al. 1986; Lizee, et al. 1995; Neff, Bishop and Arnold 1986). В данной работе для определения полумикро- и микроэлементного состава образцов керамики с пяти различных археологических памятников сюнну использовался метод энергодисперсионного рентгеновского флюоресцентного анализа (ЭДРФА) (EDXRF). Анализ главных компонентов и метод кластеризации на основе модели были использованы для выделения групп различного химического состава в полученном комплексе данных.

Памятники и археологический материал. Керамика, анализировавшаяся в данном исследовании, происходит как из поселений, так и могильников, датированных сюннуским периодом (прибл. конец II в. до н. э. – конец I в. н. э.). На рис. 1 показано расположение этих памятников, а именно:

1. Дырестуйский сюннуский могильник (8 образцов керамики) и Дырестуйские не сюннуские поселения (5 образцов), расположенные по левому берегу реки Джида (Minyaev 1998).

2. Дурены I (21 обр. керамики) на левом берегу реки Чикой, в 35 км к востоку от города Кяхта. Это поселение растянулось вдоль реки более чем на 5 км (Давыдова 1978).

3. Дурены II прибл. в 1,5 километрах к северу от Дурены I на том же берегу реки Чикой (8 обр. керамики) — многослойный памятник с культурными слоями, датируемыми периодами до и после существования сюннуского племенного союза (Minyaev 1988).

4. Царамский царский могильник, расположенный в 30 км к западу от Кяхты, у ж. д. станции Наушки, недалеко от российско-монгольской границы. Ввиду особых размеров и формы курганов предполагается, что Царамский могильник предназначался для сюннуской знати, возможно, даже для шаньюев (Minyaev 1998a, 2000). Семь образцов керамики происходят из погребального комплекса № 7 могильника: четыре – из центрального кургана комплекса и три образца – из жертвенных погребений, окружавших курган.

5. Двадцать пять образцов происходят из сюннуских гончарных печей в долине реки Юстыд на Алтае (Кубарев и Журавлева 1986).

В настоящее время нет полной ясности о технологии производства керамической посуды в Забайкалье и Монголии сюннуского периода. На Иволгинском городище была раскопана яма с отходами и шлаками гончарного производства (Davydova 1995: 51); можно предполагать, что поблизости находилась гончарная печь. Сюннуские гончарные печи найдены в долине реки Юстыд на Алтае, однако без соотнесенного с ними культурного слоя (Кубарев, Журавлева 1986). Таким образом, по наиболее распространенному мнению гончарное производство осуществлялось в рамках домашнего хозяйства в печах, расположенных на окраинах поселений, и с использованием местных глин и отощителей.

Методы анализа. Полумикро- и микроанализ содержания элементов в исследовавшейся керамике производился с помощью метода энергорассеивающей рентгеновской флюоресценции (ЭДРФА). Элементный анализ проводился в Национальном Музее Японской Истории с исполь-

[1] M. Hall. Arhaeology Department, Niigata Prefectural Museum, Sekihara-cho 1, Gongendo 2247-2, Nagaoka 940-2035, Niigata Prefecture, Japan. E-mail: hall@nbz.or.jp.

С. С. Миняев. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: min@asia.iimc.spb.ru.

© М. Холл, С. Миняев, 2003

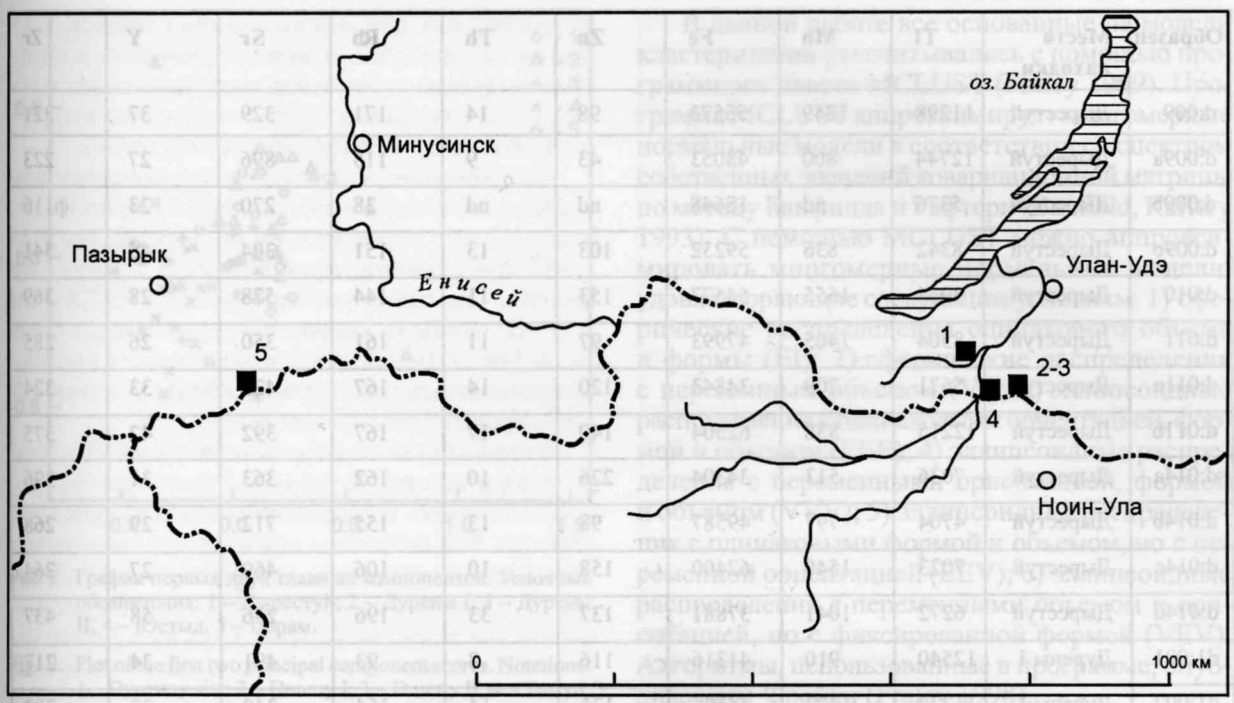


Рис. 1. Карта археологических памятников, упомянутых в статье.

Fig. 1. Map of the archaeological cites mentioned in the article.

зованием ЭДРФ-анализатора типа Philips PV9550, оснащенного родиевой рентгеновской трубкой, алюминиевым фильтром и анализатором рентгеновских спектров EDAX DX4. Для получения рентгеновских спектров галлия (Ga), железа (Fe), свинца (Pb), марганца (Mn), рубидия (Rb), стронция (Sr), тория (Th), титана (Ti), иттрия (Y), цинка (Zn), и циркония (Zr) рентгеновская трубка использовалась при рабочем напряжении 30 кВ и токе 0,30 мА на воздухе с периодами излучения 250 секунд. Диаметр рентгеновского пучка составлял приблизительно 0,75 см. Преобразование интенсивностей рентгеновских линий K_6 и L_6 в значения концентраций производилось с коррекцией при помощи комптоновской матрицы рассеяния и на основе линейно-регрессионной модели, построенной по эталонному набору минералов Геологоразведочной Службы Японии (GSJ) и эталонному набору образцов стекла Национального Института Стандартов и Технологии (NIST). Взаимное влияние элементов учитывалось с помощью поправок Тута (Tooth) и Прайса (Price). В Приложении приведены пороговые концентрации обнаружения, определенные по геологическим эталонам.

Для контроля за работой прибора анализ проводился как для исследуемых образцов, так и для эталонов с известным составом. Полученные сравнительные результаты также приведены в Приложении. Согласно опубликованным определениям (Bishop et al 1990) надежность и точность анализа для большинства микроэлементов превышает 20%.

Облучению подвергались отшлифованные поперечные срезы исследуемых черепков. Конечная гладкость полировки составляла не менее 600 микрон. После шлифовки поверхность каждого черепка очищалась ультразвуком в дистиллированной и деионизированной воде в течение 15 минут и черепки высушивались 48 часов при 35°C.

Математическая обработка. Для компенсации различий величин концентрации микро- и полумикроэлементов первичные данные преобразовывались в центрированные последовательности логарифмов относительных значений (Baxter 1994: 73). Для концентраций меньше порога обнаружения в преобразование подставлялись значения, равные половине пороговой величины.

Для преобразованных химических данных проводился анализ главных компонентов (АГК). Анализ главных компонентов является общепринятым методом в исследованиях состава керамических материалов, так как он позволяет сократить размерность данных и учитывать корреляции переменных (Baxter 1994; Bishop, Neff 1989; Lizee et al 1995). Методы основанной на модели кластеризации также лучше работают на данных с небольшим числом измерений (Fraley, Raftery 2000; Toscano, Marriott 1999); вычисление мно-

[2] В MCLUST определение значения БИК пересмотрено; большинство других авторов и программ минимизируют значение БИК. Причины этого излагаются у Фрейли и Раферти (Fraley, Raferty 1998 a:6).

Образец	Место находки	Ti	Mn	Fe	Zn	Th	Rb	Sr	Y	Zr
d:009	Дырестуй	11298	1849	56573	98	14	171	329	37	321
d:009a	Дырестуй	12744	800	48053	43	9	115	896	27	223
d:009b	Дырестуй	5376	nd	18648	nd	nd	38	270	23	ф116
d:009c	Дырестуй	8342	836	59232	103	13	151	304	45	341
d:010	Дырестуй	3944	1655	54577	153	11	144	578	28	369
d:011	Дырестуй	8504	1405	47993	97	11	161	350	26	285
d:011a	Дырестуй	5671	709	34843	120	14	167	422	33	324
d:011b	Дырестуй	12215	838	62504	140	17	167	392	42	375
d:014a	Дырестуй	7036	513	34304	226	10	162	363	31	396
d:014b	Дырестуй	4704	797	49587	98	13	155	712	29	268
d:014c	Дырестуй	7023	1540	62400	158	10	106	469	27	264
d:014d	Дырестуй	6272	1041	37881	137	33	196	236	58	437
d1:001	Дурены I	12540	910	41316	116	8	93	491	34	217
d1:002	Дурены I	11272	1422	44506	131	14	164	340	37	383
d1:003	Дурены I	5892	726	35065	672	nd	60	387	23	178
d1:004	Дурены I	10397	1103	47333	110	25	142	424	37	342
d1:005	Дурены I	7234	1387	38819	106	12	81	417	20	195
d1:006	Дурены I	8343	1091	48717	108	7	97	564	24	248
d1:007	Дурены I	4257	702	44307	79	8	85	726	24	219
d1:008	Дурены I	5211	1223	49189	112	13	104	494	29	232
d1:033	Дурены I	6481	1346	33284	104	nd	106	312	23	200
d1:034	Дурены I	8457	1133	38832	113	nd	84	399	25	216
d1:035	Дурены I	4478	791	36464	78	nd	82	776	20	137
d1:036	Дурены I	7978	500	29636	49	8	119	276	22	210
d1:037	Дурены I	5420	306	24508	16	nd	51	411	25	134
d1:038	Дурены I	6170	548	34950	77	12	125	385	23	200
d1:039	Дурены I	7802	1202	47579	68	9	90	603	22	195
d1:040	Дурены I	6662	1246	44673	85	nd	78	526	23	179
d1:041	Дурены I	6226	1426	54759	122	8	106	405	34	329
d1:042	Дурены I	8148	643	23989	88	7	52	254	13	114
d1:043	Дурены I	11066	908	59747	117	10	124	578	31	324
d1:044	Дурены I	8179	1456	53374	106	15	131	336	31	332
d1:045	Дурены I	5455	718	35574	64	13	145	399	29	224
d2:046	Дурены II	4629	455	37639	28	25	192	193	37	257
d2:047	Дурены II	6862	1013	40298	79	17	138	261	37	244
d2:048	Дурены II	9565	581	76464	153	10	132	365	34	292
d2:049	Дурены II	11821	671	75937	126	9	118	396	31	316
d2:050	Дурены II	5348	892	31859	141	14	147	222	32	254
d2:051	Дурены II	4500	873	36608	94	20	194	170	45	348

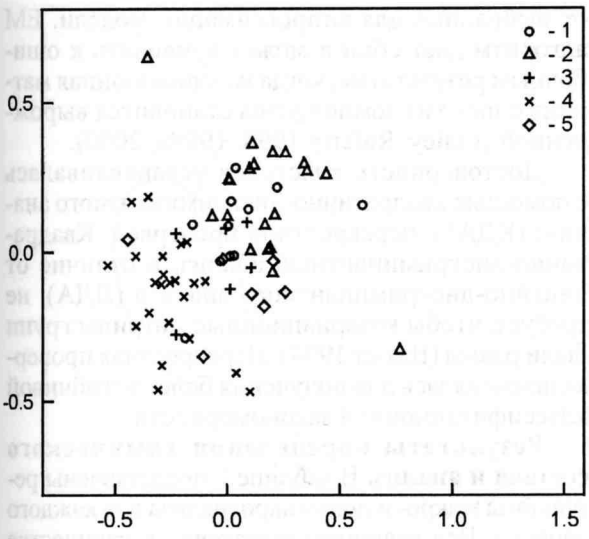


Рис. 2. График первых двух главных компонентов. Условные обозначения: 1 – Дырестуй; 2 – Дурены I, 3 – Дурены II, 4 – Юстыд, 5 – Царам.

Fig. 2. Plot of the first two principal component scores. Notations: 1 – Dyrestuy site; 2 – Dureny I; 3 – Dureny II; 4 – Yustyd; 5 –Tsaram site.

жеств главных компонентов является одним из путей снижения размерности при сохранении соотношений между переменными.

Для определения числа групп во множествах АГП применялся метод кластерного анализа, основанного на модели. Использованная здесь разновидность метода основанного на модели кластерного анализа получила название метода классификации по максимуму правдоподобия. Математическое описание метода классификации по максимуму правдоподобия приводится в ряде работ (Banfield, Raftery 1993; Fraley 1998; Fraley, Raftery 1998a, 2000; Papageorgiou et al. 2000).

В методе классификации по максимуму правдоподобия начальные группировки задаются иерархическим методом агломерирующей кластеризации. Затем используется алгоритм EM для перераспределения выборки с целью их наилучшего соответствия конкретной модели (см. ниже). Перераспределение производится так, чтобы максимизировать условную вероятность того, что данный образец принадлежит определенной группе для заданного числа групп. Для всех возможных групповых конфигураций вычисляется байесовский информационный критерий (БИК), разновидность коэффициента Байеса, для определения обоснованных модели (моделей) кластеризации и числа групп (Kass, Raftery 1995; Fraley, Raftery 2000). Чем больше значение БИК, тем больше оснований для выбора данной модели.[2] При сопоставлении моделей разница в значениях, составляющая от 2 до 6, является достаточным, от 6 до 10 — сильным и свыше 10 — очень сильным основанием для предпочтения одной модели перед другой (Kass, Raftery 1995).

В данной работе все основанные на модели кластеризации рассчитывались с помощью программного пакета MCLUST (Fraley 1999). Программа MCLUST аппроксимирует многомерные нормальные модели в соответствии со спектром собственных значений ковариационной матрицы по методу Банфилда и Рафтери (Banfield, Raftery 1993). С помощью MCLUST можно аппроксимировать многомерные нормальные модели, удовлетворяющие следующим условиям: 1) сферические распределения одинакового объема и формы (EI); 2) сферические распределения с переменным объемом (VI); 3) эллипсоидные распределения с одинаковыми ориентацией, формой и объемом (EEE); 4) эллипсоидные распределения с переменными ориентацией, формой и объемом (VVV); 5) эллипсоидные распределения с одинаковыми формой и объемом, но с переменной ориентацией (EEV); 6) эллипсоидные распределения с переменными объемом и ориентацией, но с фиксированной формой (VEV). Алгоритмы, использованные в программе, опубликованы Фрейли (Fraley 1998).

Одним из преимуществ кластеризации, основанной на модели, является то, что экспериментальные данные аппроксимируются статистически обоснованными моделями. За исключением метода кластерного анализа по Уорду, все остальные методы иерархического кластерного анализа, например кластерный анализ единичных связей или кластерный анализ средних связей, не подгоняют данные к распределению совокупности и не имеют известных статистических моделей (Banfield, Raftery 1993; Fraley 1998; Fraley, Raftery 2000). Более того, как подмечено рядом

Образец Case	Выброс ГК PC Outlier
d:009b	1, 2
d:010	5
d1:003	2, 5
d1:034	4
d1:037	1
j:146	4
j:190	3
j:538	3
t:028	4

Таблица 2. Отклонения, определенные методом box-plot. Первая колонка – номер образца, вторая колонка указывает основные компоненты, содержание которых было определено как значимое отклонение

Table 2. Outliers detected by the box-plot method. The first column contains the case number, while the second column lists the principal components on which it was detected as being an outlier.

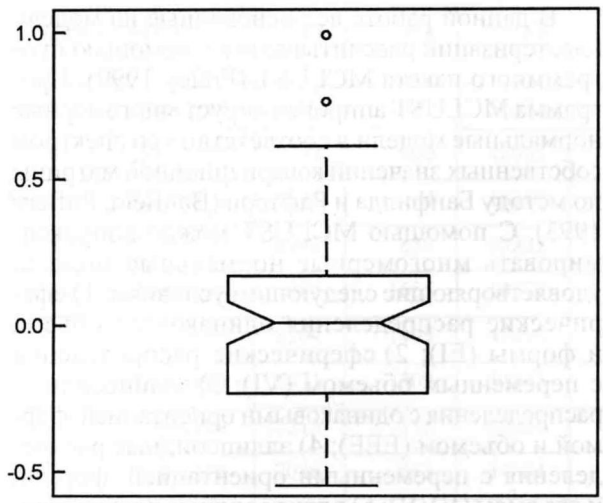


Рис. 3. График для первых 5 главных компонентов (все отклонения удалены из классификации). Пунктирная линия указывает медиану.

Fig. 3. Box-plot for the first principal component. These were created for the first 5 PCs and the outliers removed from the classification maximum-likelihood clustering. The notched line indicates the median.

авторов (Slane et al. 1994; Papageorgiou et al. 2000), из-за корреляций между элементами в данных по химическому составу группы часто имеют в многомерном пространстве удлиненную или эллиптическую форму. Преимущество подхода, использующего классификацию по максимуму правдоподобия, воплощенного в программу MCLUST, состоит в том, что химический состав аппроксимируется эллиптическими распределениями.

У метода классификации по максимуму правдоподобия имеется еще два достоинства. Моделирование, проведенное Банфилдом и Рейферти (Banfield, Raferty 1993), показало что этот метод хорошо работает при поиске кластеров, накладывающихся или пересекающихся в многомерном пространстве. Как отмечено выше, другим достоинством является то, что оценка по БИК обеспечивает статистическую основу для определения числа групп. Более традиционные методы кластерного анализа не обладают возможностью статистически оценивать число кластеров в наборе данных.

Учитывая указанные преимущества, в данной работе было решено использовать метод классификации по максимуму правдоподобия. Справедливости ради, следует указать на некоторые недостатки данного подхода. Хотя с помощью MCLUST можно подбирать эллиптические модели к набору данных с использованием EM алгоритма, такие модели требуют больших вычислительных мощностей (Fraley and Raferty 2000). При большом числе размерностей подобрать модель VVV может оказаться невозможным из-за числа оцениваемых параметров (Fraley, Raferty 1998a). Кроме того, независимо от выбранной для аппроксимации модели, EM алгоритм дает сбои и может приводить к ошибочным результатам, когда ковариационная матрица одного из компонентов становится вырожденной (Fraley, Raferty 1998, 1998a, 2000).

Достоверность кластеров устанавливалась с помощью квадратично-дискриминантного анализа (КДА) с перекрестной проверкой. Квадратично-дискриминантный анализ, в отличие от линейно-дискриминантного анализа (ЛДА), не требует, чтобы ковариационные матрицы групп были равны (Baxter 1994). Перекрестная проверка применялась для получения более устойчивой классификационной закономерности.

Результаты определения химического состава и анализ. В таблице 1 представлены результаты микро- и полумикроанализа для каждого черепка. Все величины выражены в количестве частей на миллион (ppm). В большинстве образцов Pb содержался в количествах ниже порога обнаружения, и данные по нему здесь не приводятся.

АГК ковариационной матрицы логарифмов относительных значений состава показывает, что первые два множества главных компонентов (ГК) охватывают приблизительно 55% от дисперсии набора данных. Диаграмма первых двух главных компонентов представлена на рис. 2. Первые пять компонентов охватывают около 88% от дисперсии.

Из рис. 2 можно сделать вывод о наличии выбросов во множествах ГК. До начала поиска кластеров в данных для множеств первых 5 главных компонентов были построены прямоугольные диаграммы и выбросы исключены из дальнейшего анализа (см., например, рис. 3). На прямоугольной диаграмме все случаи превышения интерквартильного размаха в 1,5 раза идентифицируются как выбросы. В табл. 2 перечислены обнаруженные и исключенные из основанного на модели кластерного анализа выбросы.

Для оставшихся 59 случаев были применены все шесть многомерных нормальных моделей к первым пяти множествам АГК. Для большинства моделей было обнаружено появление вырожденных матриц при аппроксимации более 5–6 кластеров; поэтому программа пере-

Значение БИК BIC value	Модель Model	Номер группы Number of the group
243	EI	2
239	VI	2
229	EI	3

Таблица 3. Три наибольших значения БИК и их ассоциативные модели. Использованные сокращения указаны в тексте.

Table 3. The three largest BIC values and their associated models. See text for the meaning of the model abbreviations.

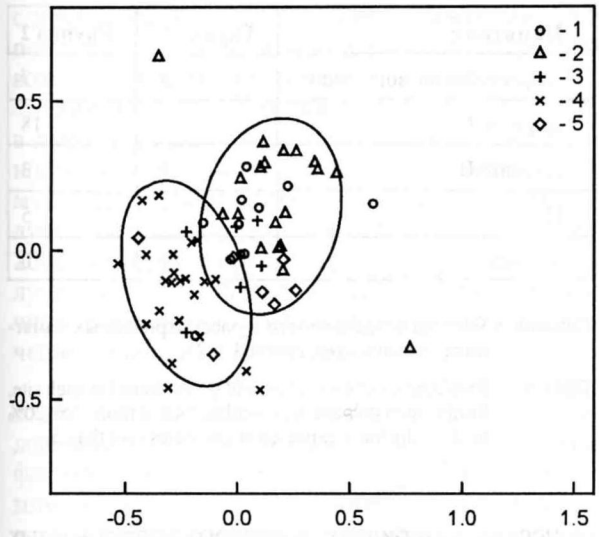


Рис. 4. График значений первых двух главных компонентов с вероятностью 95 % для двух сферических кластеров (EI модель). Условные обозначения см. на рис. 2. Линии уровней вероятностей имеют небольшую сплющенную форму благодаря формату изображения x-y осей.

Fig. 4. Plot of the first two principal component scores with the 95% probability level for the two spherical clusters (EI model) denoted. The key for the symbols is the same as on fig. 2. The probability levels have a slight oblate shape due to the aspect ratio of the x-y axes.

запускалась с заданием возможного числа кластеров от 1 до 5.

Три наилучшие значения БИК и относящиеся к ним модели представлены в таблице 3. Оценки по БИК дают положительный результат для кластерной модели EI с двумя сферическими кластерами одинакового объема. Следующей наилучшей моделью является та, что содержит два сферических кластера с различающимися объемами (модель VI). Модель EI эквивалентна использованию метода Уорда (Ward), который является общепринятым в археометрических исследованиях.

КДА с перекрестной проверкой множеств главных компонентов правильно классифицирует 93,3% всех случаев для двухкластерной модели EI. При использовании данных, преобразованных в логарифмически относительные значения правильно классифицируются 88,3% всех случаев.

На рис. 4 представлена диаграмма для первых двух главных компонентов с помеченными двумя кластерами, полученными классификацией по максимуму правдоподобия. Кружками обозначен 90% уровень вероятности для каждого кластера. Имеется некоторое перекрывание этих двух кластеров; такая же картина наблюдается для других множеств главных компонентов.

В таблице 4 приведен химический состав для каждой группы. Для обоих кластеров при принятии уровня значимости 95% ($f\dot{z}$=0.05) и мощности множества, равной 0,80 ($f\acute{R}$=0.8), двусторонний критерий t показывает, что для содержаний Th, Rb, Sr, Y и Zn имеются значимые расхождения в среднем арифметическом и дисперсии. Кластерная принадлежность для 59 образцов приведена в таблице 5.

Обсуждение. С помощью метода классификации по максимуму правдоподобия найдено, что моделью, наиболее хорошо удовлетворяющей полученным данным, является двухкластерная модель, состоящая из сфер равного объема (EI). Следующей по уровню правдоподобия моделью является модель, состоящая из двух сфер различающегося объема (VI).

В таблице 6 представлена зависимость частот химических групп от памятников, с которых получены образцы. Интересно, что кластер 2 встречается преимущественно для памятников Забайкалья, в то время как кластер 1 сконцентрирован на Юстыдском памятнике. Если действует «критерий распространенности» (Bishop, Rands, and Holley 1982), то можно постулировать, что кластер 2 отражает использование местных залежей глины в Забайкалье, а кластер 1 отражает использование местных залежей глины в Алтайском регионе.

Учитывая вышесказанное, тип распределения, представленный в таблице 6, может означать, что между поселениями сюннуского племенного союза имелось некоторое *ограниченное* перемещение керамики. Причины, вызывавшие такое перемещение, однако, остаются неясными. Как показал Ренфру (Renfrew 1977) на этногра-

Элемент	Группа 1 (n=27)		Группа 2 (n=33)	
	Среднее	Std.	Среднее	Std.
Ti	6591	2148	7861	2531
Mn	875	311	983	357
Fe	44891	8295	45861	12366
Zn	127	44	94	31
Ga	16	4	17	3
Th	15	6	10	4
Rb	152	25	120	30
Sr	182	58	435	161
Y	38	8	28	6
Zr	267	85	263	73

Таблица 4. Средние химические составы для двух групп, определенные максимально вероятностной группировкой. Все значения, включая среднеквадратичное отклонение (std), выражены в миллионных долях (ppm). n – количество образцов.

Table 4. Mean chemical compositions for the two groups found by classification maximum likelihood clustering. All values, including the standard deviation (std), are expressed in parts per million (ppm). n is the number of samples.

Кластер 1 Cluster 1	Кластер 2 Cluster 2
d:009c	d:009
d:014a	d:009a
d:014d	d:011
d2:047	d:011a
d2:050	d:011b
d2:051	d:014b
j:106	d:014c
j:139	d1:001
j:1475	d1:002
j:1624	d1:004
j:216	d1:005
j:3102	d1:006
j:316	d1:007
j:3259	d1:008
j:3313	d1:033
j:3327	d1:035
j:3491	d1:036
j:379	d1:038
j:381	d1:040
j:435	d1:041
j:466	d1:042
j:468	d1:043
j:526	d1:044
j:735	d1:045
j:17	d2:048
t:025	d2:049
	d2:052
	t:025
	t:026
	t:027
	t:029
	t:030
	t:031

Таблица 5. Количественное распределение образцов по двум группам модели EI. d – Дырестуйский могильник, d1 – Дурены-I, d2 – Дурены-II, j – Юстыд, t – Царам.

Table 5. Cluster membership for the two cluster EI model. d – the Dyrestuy cemetery; d1 – Dureny I; d2 – Dureny II; j – Yustyd; t – Tsaram.

Памятник	Группа 1	Группа 2
Дырестуйский могильник	3	7
Дурены-I	0	18
Дурены-II	3	3
Царам	1	5
Юстыд	19	0

Таблица 6. Частота встречаемости в рассматриваемых памятниках химических групп 1 и 2.

Table 6. Frequencies of each chemical group found at each site. Further statistics are not calculated since more than 20% of the cells have expected frequencies less than 5.

фических материалах, в раннегосударственных образованиях имеются различные пути и причины перемещения посуды от поселения к поселению. Учитывая отсутствие достаточно совершенных форм и относительную схожесть керамики в контролируемых сюнну регионах, мы считаем, что посуда не имела какой-то самостоятельной ценности и не могла являться символом социального статуса. Одним из возможных объяснений может быть использование керамики в качестве тары для обмениваемых или перераспределяемых товаров. Одним из таких товаров могло быть зерно. Несмотря на бытующие стереотипы, у любых кочевников продукты земледелия являются необходимой составляющей рациона питания (Di Cosmo 1994; Khazanov 1978). Как свидетельствуют археологические находки плужных лемехов на Иволге и запасы зерна в керамической таре на Ноин-Ула (Trever 1932), по крайней мере, у некоторых из племен сюннуского союза практиковалось земледелие. Две различные группы керамики, обнаруженные в погребениях Царама, могут быть интерпретированы как тара для приношений умершим. Если Царам являлся могильником для шаньюев, то было бы логично предположить, что погребальный инвентарь привозился из разных частей сюннуского союза. Дополнительный анализ образцов керамики возможно даст более содержательную картину.

Дальнейшие исследования необходимо проводить по ряду направлений. Во-первых, необходимо проверить возможность использования анализа методом нейтронной активации или масс-спектрометрии индуктивно удерживаемой плазмы для определения других химических элементов, что поможет добиться лучшего разрешения кластеров. Оба этих метода позволяют измерять содержание редкоземельных элементов, которые невозможно определять с помощью ЭДРФА (EDXRF). Для определения материалов, использовавшихся в гончарном производстве, можно использовать петрографический анализ (Day et al. 1999). Другим направлением исследований является анализ образцов, полученных

с других памятников Сибири и Монголии. Это помогло бы определить направление и характер возможных торговых путей.

Заключение. С точки зрения методологии, в данной работе продемонстрированы возможности метода классификации по максимальному правдоподобию. Аналогично результатам, полученным Папагеоргиу и др. (Papageorgiou, et al. 2000), интерпретируемые результаты можно получить при использовании данных с небольшим числом размерностей при определении и исключении из анализа выбросов.

Представленные здесь результаты кластерного анализа с классификацией по максимуму правдоподобия показывают наличие двух сферических факторов одинакового объема в данных химического анализа. Эти кластеры интерпретированы как использование многочисленными группами сюнну местных источников глины. Характер распределения показывает, что имелось ограниченное перемещение гончарных изделий между восточной и западной частями сюннуского союза. Пока неясно – использовались ли эти изделия в качестве тары для какого-то вида товаров или они перевозились при сезонных кочевых циклах?

Данные результаты являются лишь исходной точкой для дальнейшего изучения торговли и обмена внутри сюннуского союза. Необходимо провести анализ большего количества образцов керамики с поселений и могильников сюнну в регионах Алтая, Забайкалья и Монголии. Кроме того, необходимо привлечение других методов анализа. Петрография могла бы определить типы сырья, использовавшегося в гончарном производстве (см., например, Day et al. 1999; Williams et al. 1974). Использование методов активации гамма-излучением и масс-спектроскопии индуктивно удерживаемой плазмы, которые позволяют определять редкоземельные элементы, могут дать возможность дальнейшего разделения и подразделения выделенных в данной работе групп. После определения производственных мастерских, исследователи могут начать строить более действенные модели взаимодействия между сюннуским союзом и империей Хань в эпоху сюнну, а также взаимодействий внутри самого сюннуского союза.

Благодарности: Финансирование исследований Марка Холла обеспечивалось постдокторантурой Японского Общества Содействия Научным Исследованиям (JSPS). Работа проф. Сергея Миняева финансировалась в 1998 г. Фулбрайтовской постдокторской стипендией Калифорнийского университета в Беркли. М. Бакстер (университет Ноттингем Трент) и К. Фрейли (Вашингтонский университет) внесли полезные замечания при написании данной статьи. Как всегда, любые ошибки — на ответственности авторов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пороговые концентрации в условиях данных исследований, определенные на геологических эталонах, были следующими: Fe — 500 ppm, Mn — 100 ppm, Pb — 30 ppm, Rb —5 ppm, Sr — 20 ppm, Th — 8 ppm, Ti — 500 ppm, Y — 7 ppm, Zn — 15 ppm, и Zr — 7 ppm.

В следующей таблице представлены результаты, полученные параллельно на эталонах и исследуемых образцах. Параллельные определения производились для контроля за точностью и надежностью анализа. Получены следующие результаты:

Элемент	JG2 (данное исследование) n=5	JG2 (Hallet and Kyle 1993)	Точность %
Ti	nd	359	–
Mn	221	232	4.8
Fe	7178	6785	5.8
Zn	nd	13	–
Pb	32	30.6	
Th	31	29.9	4.4
Rb	293	291	0.8
Sr	nd	16	–
Y	86	85	1.2
Zr	91	88	2.6

nd = не определено.

Элемент	JB3 (данная работа) n=9	JB3 (эталоны GSJ)	Точность %
Ti	10712	8600	24.6
Mn	1317	1370	3.8
Fe	89363	82700	8.1
Zn	82	100	18
Pb	nd	5.58	–
Th	nd	1.27	–
Rb	17	15.1	12.6
Sr	389	403	3.5
Y	28	28	0
Zr	96	97.8	1.8

Давыдова, А. В. 1978. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // Краткие сообщения Института археологии 154: 55–59.

Кубарев, В., А. Журавлева. 1986. Керамическое производство Гуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири: 101–119. Новосибирск: Наука.

Banfield, J., A. Raftery. 1993. Model-based Gaussian and non-Gaussian clustering // Biometrics 49: 803–821.

Barfield, T. 1989. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge: Basil Blackwell.

Baxter, M. 1994. Exploratory Multivariate Analysis in Archaeology. Edinburgh: Edinburgh University Press.

2000. Statistical modeling of artefact compositional data. Preprint in Nottingham Trent University, Department of Mathematics, Statistics and Operational Research Report No. 3/00. Forthcoming in Archaeometry.

Bieber, A., D. Brooks, G. Harbottle, E. Sayre. 1976. Application of multivariate techniques to analytical data on Aegean ceramics. Archaeometry 18: 59–74.

Bishop, R., H. Neff. 1989. Compositional data analysis in archaeology // (Allen, R., Ed.) Archaeological Chemistry IV: 57–86. Washington, D.C.: American Chemical Society.

Bishop, R. R. Rands, G. Holley. 1982. Ceramic compositional analysis in archaeological perspective // (Schiffer, M., Ed.) Advances in Archaeological Method and Theory 5: 275–330. New York: Academic Press

Bishop, R., V. Canouts, P. Crown, S. Atley, De. 1990. Sensitivity, precision, and accuracy: Their roles in ceramic compositional data bases // American Antiquity 55: 537–546.

Davydova, A. V. 1995. Ivolga archaeological complex» (Part 1-st). Ivolga fortress // Archaeological Sites of the Hsiungnu 1. St-Petersburg.

1996. Ivolga archaeological complex» (Part 2-nd). Ivolga cemetery // Archaeological Sites of the Hsiungnu 2. St-Petersburg.

Day, P., E. Kiriatzi, A. Tsolakidou, V. Kilikoglou. 1999. Group therapy in Crete: A comparison between analyses by NAA and thin section petrography of Early Minoan pottery // Journal of Archaeological Science 26: 1025–1036.

Di Cosmo, N. 1994. Ancient Inner Asian nomads: Their economic basis and its significance in Chinese history. Journal of Asian Studies53: 1092–1126.

Fraley, C. 1998. Algorithms for model-based Gaussian hierarchial clustering // SIAM Journal on Scientific Computing 20: 270–281.

1999. MCLUST. Source code available from http: // www.stat.washington.edu/fraley/mclust/home.html

Fraley, C., A. Raftery. 1998. How many clusters? Which clustering method? Answers via model-based cluster analysis. University of Washington, Department of Statistics Technical Report No. 329. Seattle: University of Washington. Можно получить по интернету на http://www.stat.washington.edu/fraley/mclust/home.html.

Fraley, C., A. Raftery. 1998a. MCLUST: Software for model-based cluster and discriminant analysis. University of Washington, Department of Statistics Technical Report No. 342. Seattle: University of Washington. Можно получить по интернету на http: //www.stat.washington.edu/fraley/mclust/home.html

Fraley, C., A. Raftery. 2000. Model-based clustering, discriminant analysis, and density estimation. University of Washington, Department of Statistics Technical Report No. 380. Seattle: University of Washington. Можно получить по интернету на http: //www.stat.washington.edu/raftery

Hallet, R. and Philip R. Kyle, P. 1993. XRF and INAA determinations of major and trace elements in Geological Survey of Japan igneous and sedimentary rock standards. Geostandards Newsletter 17: 127–133.

Ishjamts, N. 1994. Nomads in eastern Central Asia // Harmatta, J., Ed. History of the Civilizations of Central Asia 2: 151–168. Paris: UNESCO.

Jones, R., Ed. 1986. Greek and Cypriot Pottery: A Review of Scientific Studies. Athens: The British School at Athens.

Kass, R. and Raftery, A. 1995. Bayes Factors // Journal of the American Statistical Association 90: 773–795.

Khazanov, A. 1978. Characteristic features of nomadic communities in the Eurasian steppes // Weissleder, W. Ed., The Nomadic Alternative. The Hague: Mouton Publishers: 119–126.

King, R., W. Rupp, L. Sorenson. 1986. A multivariate analysis of pottery from southwestern Cyprus using neutron activation analysis data. Journal of Archaeological Science 13: 361–374.

Lizee, J., H. Neff, M. Glascock. 1995. Clay acquisition and vessel distribution patterns: Neutron activation analysis of Late Windsor and Shantok tradition ceramics from southern New England // American Antiquity 60: 515–530.

Minyaev, S. 1985. On the origin of the Hsiung-nu // Information Bulletin 9: 69–78.

1988. Dureny II // Sovetskaya Arkheologiya 2: 228–233.

1995. Les Xiongnu // Dossiers d' Archeologie 212: 74–83.

1998. Derestuj Burial Ground // Archaeological Sites of the Hsiungnu, vol. 3. St. Petersburg: European House.

1998a. The Archaeology of the Xiongnu in Russia. Lecture presented at the East Asian Studies Center, Stanford University on December 9th.

2000. Tsaram-Archaeological Project. Http://www.chat.ru/~hsiungnu/tsaram.htm.

Neff, H., R. Bishop, and, D. Arnold. 1986. Reconstructing ceramic production from ceramic compositional data: an example from Guatemala // Journal of Field Archaeology 15: 339–348.

Papageorgiou, I., M. Baxter, M. Cau. 2000. Model-based cluster analysis of artefact compositional data // Preprint in Nottingham Trent University, Department of Mathematics, Statistics and Operational Research Report No. 15/00. Submitted to Archaeometry.

Renfrew, C. 1977. Introduction: Production and exchange in early state societies, evidence of pottery // Peacock, D., Ed., Pottery and Early Commerce: 1–20. London: Academic Press.

Slane, K., J. Elam, M. Glascock, H. Neff. 1994. Compositional anlysis of Eastern Sigallata A and related wares from Tel Anafa (Israel) // Journal of Archaeological Science 21: 51–64.

Toscano, P. F. Marriott. 1999. Unsupervised classification of chemical compounds // Applied Statitics 48: 153–163.

Trever, K. 1932. Excavations in Northern Mongolia, 1924–1925. Leningrad: The Hermitage.

Umehara, S. 1960. Moko Noin-Ura Hakken no Ibutsu. Tokyo: Toyo Bunko.

Williams, J., D. A., Jenkins, R. Livens. 1974. An analytical study of the composition of Roman coarse wares from the Fort of Bryn y Gefeiliau (Caer Llugwy) in Snowdonia // Journal of Archaeological Science 1: 47–67.

Yü, Y. 1990. The Hsiung-nu // Sinor, D., Ed., The Cambridge History of Early Inner Asia: 118–149. Cambridge: Cambridge University Press.

AN ENERGY DISPERSIVE X-RAY FLUORESCENCE STUDY OF XIONG-NU POTTERY

M. HALL, S. MINYAEV

While there have been art historical studies on the trade and exchange of goods between the Han Empire and Xiong-nu confederacy, a study of the movement of more mundane goods within the Xiong-nu confederacy has yet to be addressed. The purpose of this study is to provide a starting point to remedy this situation. The minor and trace element chemistry of pottery from the sites of Derstui, Dureny, Justyd, and Tzaram was determined using energy dispersive x-ray fluorescence (EDXRF). Model-based clustering using the classification maximum-likelihood approach was used to find clusters in the principal component (PC) scores. After removing the outliers, classification maximum-likelihood cluster analysis indicates that there are two spherical clusters of equal volume in the chemical data. One cluster consists primarily of sherds from the site of Justyd in the Altai; the other group consists of sherds mainly of sites in the Trans-Baikal. These two clusters are interpreted as reflecting regional clay deposits. On the basis of the distribution patterns of the chemical clusters, only a limited amount of pottery movement occurred during the Xiong-nu period.

МОГИЛЬНИК УЧ-АТ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ[1]

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ (†)

Могильник расположен к югу от сел. Иски-Наукат (примерно в 40 км юго-западнее г. Ош) на северном склоне небольшой площадки адыра, ограниченной с западной и восточной сторон лощинами саев (рис. 1). Древние захоронения обнаружены в 1972 г. во время разработки земли для кирпичного завода. В связи с опасностью их полного уничтожения в 1973 г. Ферганской экспедицией ЛОИА АН СССР здесь проведены спасательные работы, продолженные в 1974 и 1976 гг. (Заднепровский 1974; 1975; 1975а).

На поверхности адыра не было заметно никаких внешних признаков могильника. Вскрытые погребения располагаются бессистемно на разных уровнях пологого склона и на значительном расстоянии друг от друга. Всего исследовано 33 могилы, из них одна треть – повторно, после «раскопок» местных жителей. Несколько могил были сильно разрушены, и установить их первоначальную конструкцию невозможно, а на месте четырех после работы бульдозера остались только разрушенные костяки. Всего неизвестно устройство 12 погребальных сооружений. Во всех остальных случаях захоронения совершены в овальной камере-катакомбе, к которой вел короткий дромос. В большинстве случаев дромосы расположены с северной стороны склона и ориентированы строго в меридиональном направлении (10 случаев) или с небольшим отклонением к западу (7) и к востоку (4). В катакомбах 12 и 32 вход находился с восточной стороны.

По погребальному обряду, главным образом, по форме могил и их ориентировке можно выделить две группы могил: 1 – ориентированные по линии запад-восток, дромос вырыт с северной стороны и располагается перпендикулярно камере, костяки лежали вытянуто на спине, головой на запад; 2 – ориентированные в направлении север-юг камеры, которые представляют как бы прямое продолжение дромоса, погребенные обращены головой на север. Возможно, к этой же группе следует отнести и все захоронения с западной ориентировкой, у которых форма могилы не прослежена. Особо выделяется детское захоронение 21, лежавшее в направлении северо-запад – юго-восток, головой на юго-восток. Это единственное погребение с такой ориентировкой. Вход в камеру закладывали крупными валунами, а в семи могилах – сырцовым кирпичом и пахсовыми блоками. Захоронение производили непосредственно на дне камеры или на широкой деревянной плахе. В одной камере костяк лежал на слое мелкой гальки, которой была покрыта вся поверхность дна.

Первая группа. Всего к этой группе относятся 10 из 33 погребений.

Курган 2 (рис. 2: 5) находится почти в центре исследованного участка, раскопан местными жителями. При доисследовании выявлены границы овальной камеры и короткого, широкого дромоса. Дно камеры ниже уровня дромоса на 30 см. Предположительная высота камеры составляет 1,2 м. Размеры камеры – 2,6 х 1,2 м, дромоса – 1,4 х 1,15 м. На глубине 1,5 м от выровненной бульдозером поверхности обнаружен костяк взрослого, лежавшего вытянуто на спине, головой на запад. Череп обнаружен в стороне, в юго-западном углу, а обломок нижней челюсти – в противоположном углу. Левая рука вытянута вдоль тела. Плечевая кость правой руки отсутствует. Ноги соединены в коленях, а стопы обращены в разные стороны. Погребенный был положен на широкую деревянную плаху. Остатки дерева толщиною 3 см сохранились под тазом, а тлен – на остальных участках. Справа у плеча находилось железное кресало в виде полудужки (рис. 8: 3). Под правой голенью найден железный серповидный нож (рис. 8: 5). Возле левого плеча обнаружены мелкие обломки сосуда.

Курган 3 располагался в северо-восточной части могильника. Овальная в плане камера вытянута по линии запад-восток с отклонением к северу. Высота камеры – 1 м. Дромос находил-

[1] Статья Ю. А. Заднепровского была написана в 1980–81 гг. Воспроизводимый здесь текст статьи имел небольшие утраты, которые были восстановлены по отчетам Ю. А. Заднепровского за 1972–1975 гг., хранящимся в ИИМК РАН, а также по разным записям подготовительного характера из домашнего архива Ю. А. Заднепровского. Последние были предоставлены вдовой Ю. А. Заднепровского, Т. Н. Заднепровской, оказывавшей постоянную помощь А. И. Торгоеву в восстановлении и подготовке статьи к печати.

К сожалению, неизвестно местонахождение монет, бронзовых и железных изделий, а также некоторых сосудов из могильника. Таблицы металлических изделий взяты из архива. В таблице 3 «Керамика» воспроизводятся только те сосуды, которые хранятся в фондах ИИМК РАН. Монеты из могильника определялись М. В. Воробьевым, И. Г. Добровольским, О. И. Смирновой. Текст статьи остался в основном без изменений, в авторском варианте. Современное состояние исследования этого весьма интересного могильника отражено в публикуемой ниже заметке А. И. Торгоева.

© Ю. А. Заднепровский, 2003

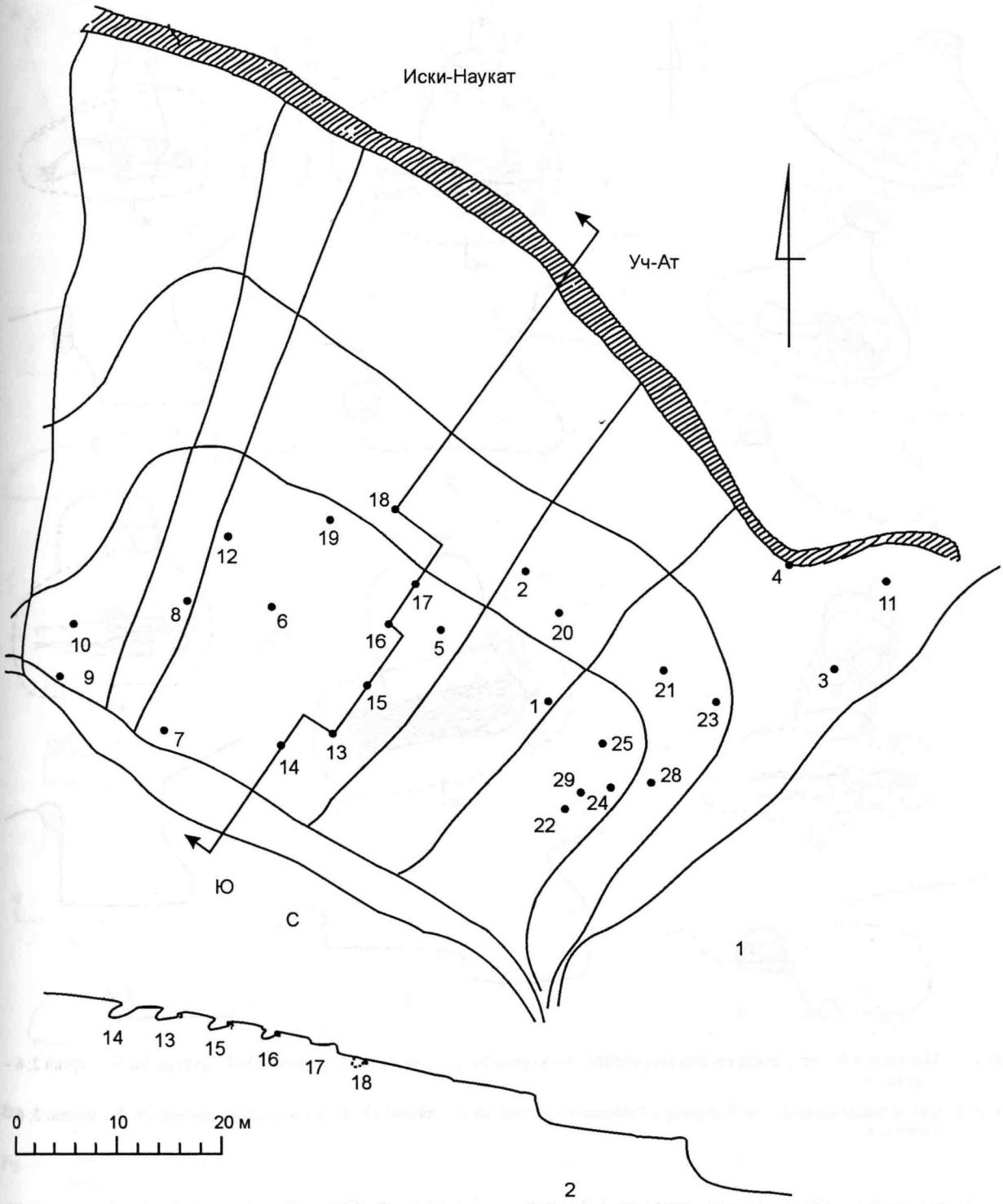


Рис. 1. Могильник Уч-ат: 1 – план; 2 – разрез по линии север-юг.

Fig. 1. Uch-at burial-ground. 1– plan; 2 – north-south section.

ся на 0,5 м выше дна камеры, вход в которую обнаружен в северной стенке камеры. При повторной очистке для уточнения устройства погребального сооружения на дне встречены обломки костей и в западной части черная стеклянная бусина.

Курган 5 располагался в центре могильника. Овальная камера вытянута с запада на восток. Дно ее залегает на отметке 2 м, высота камеры 0,9 м. Заложенный камнями дромос находился на 0,8 м выше дна камеры. При зачистке обнаружен потревоженный местными жителями костяк, а в юго-восточной части камеры небольшой кувшинчик.

Курган 6 располагался в западной части могильника. Овальная камера вытянута с юго-за-

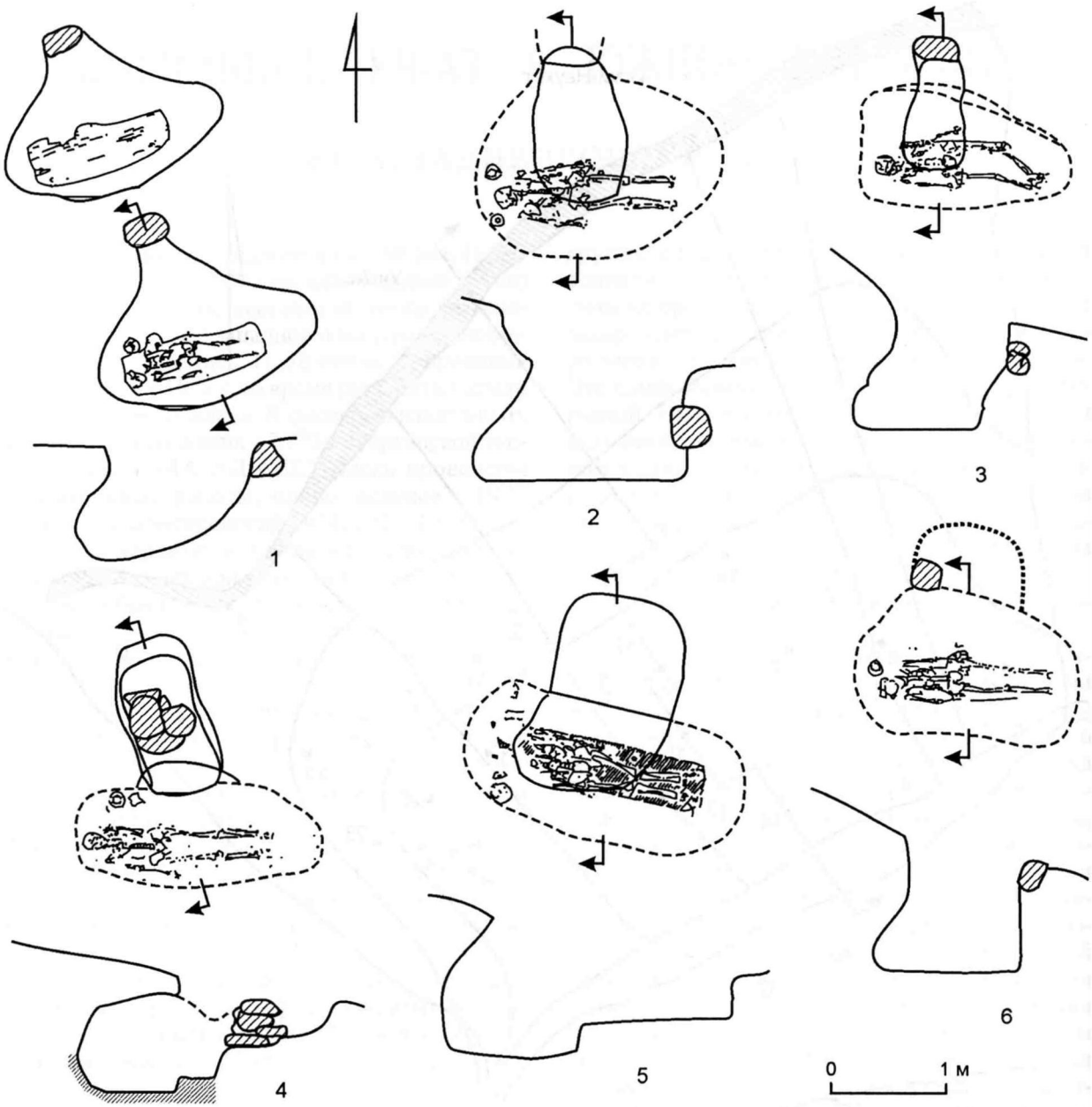


Рис. 2. Могильник Уч-ат. Первая группа погребений: 1 – курган 16; 2 – курган 19; 3 – курган 23; 4 – курган 24; 5 – курган 2; 6 – курган 18.

Fig. 2. Uch-at burial-ground. The first group of graves: 1 – mound 16; 2 – mound 19; 3 – mound 23; 4 – mound 24; 5 – mound 2; 6 – mound 18.

пада на северо-восток. Дромос длиною 1,2 м расчищен целиком. Вход заложен крупным камнем. Дно камеры зафиксировано на глубине 1,7 м, дромос – на 0,6 м выше дна камеры. Высота камеры – 0,8 м. В могиле ничего не найдено.

Курган 15 располагался в юго-восточной части могильника, в 18 м от кургана 2. Овальная, приближающаяся к кругу в плане камера имела размеры 2,1 х 1,7–1,8 м. Дно камеры находилось на отметке 1,4 м от поверхности и на 30 см ниже уровня дромоса. Высота камеры – 1,1 м. Вход в северной стенке завален камнями. Конструкцию дромоса выяснить не удалось. Кости погребенного разбросаны, на месте остались только кости ног. Разрушенный череп обнаружен в западной части могилы, что указывает на западную ориентацию погребенного. Несколько ребер находились на расстоянии более 1 м от первоначального их нахождения. Среди них найден железный серповидный нож с остатками дерева на рукояти (рис. 8: 6). У западной стенки могилы стоял большой кувшин. Слева у черепа найден небольшой кувшинчик.

Курган 16 расположен в 15 м южнее кургана 15 (рис. 2: 1). Камера размером 2,0 х 1,5 м – овальная, приближающаяся в плане к ромбу.

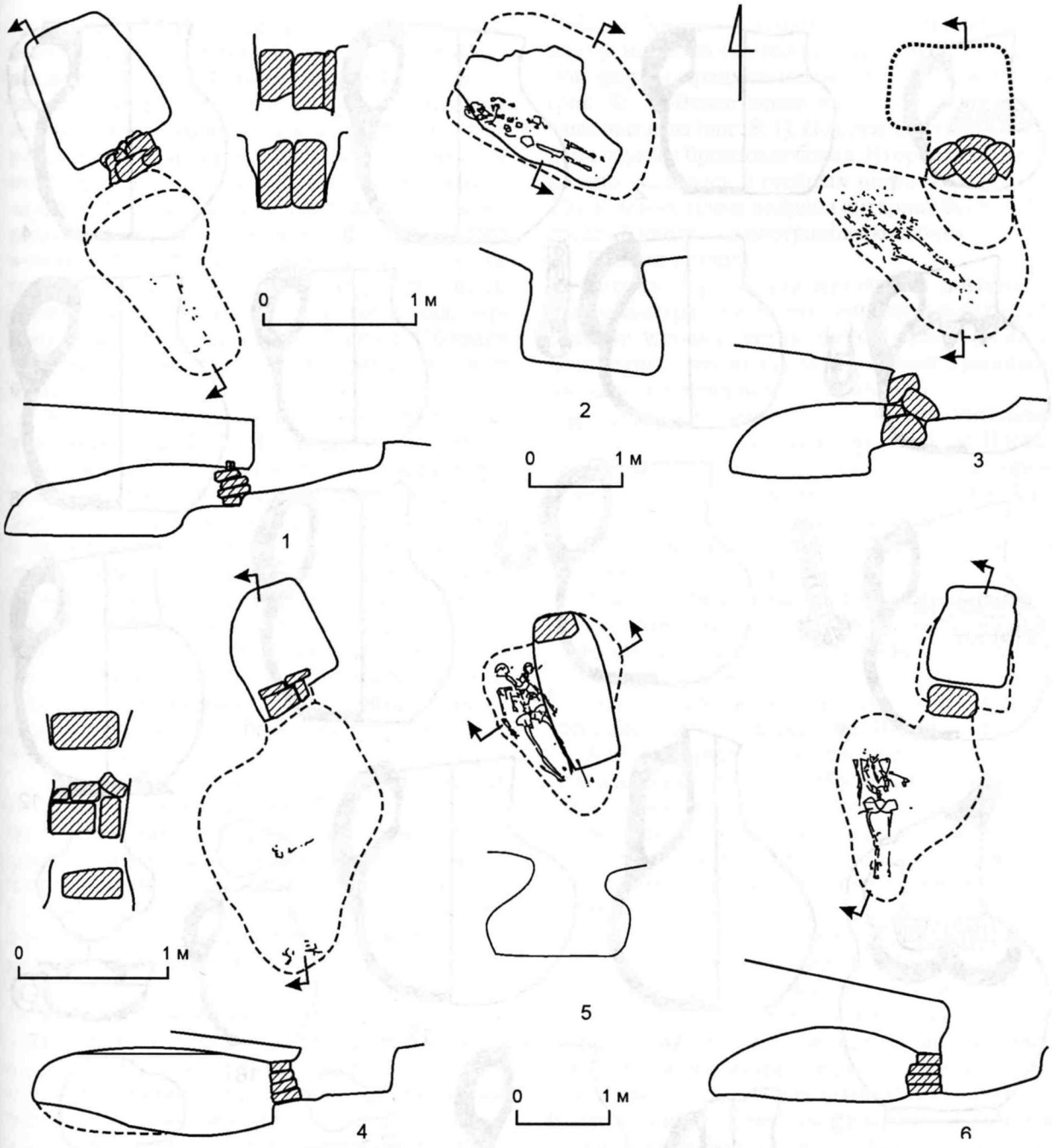


Рис. 3. Могильник Уч-ат. Вторая группа погребений: 1 – курган 27; 2 – курган 4; 3 – курган 29; 4 – курган 26; 5 – курган 13; 6 – курган 10.

Fig. 3. Uch-at burial-ground. The second group of graves: 1 – mound 27; 2 – mound 4; 3 – mound 29; 4 – mound 26; 5 – mound 13; 6 – mound 10.

Дно камеры залегало на 1,2 м ниже разрушенной поверхности. Вероятная высота камеры – 0,8 м. Уровень дромоса на 0,5 м выше дна камеры. В середине северной ее стенки находился заваленный камнями ориентированный на север с отклонением к западу дромос, который не был раскопан. Костяк подростка был положен на деревянную арчовую плаху размером 125 х 43 см вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Плаха сохранилась хорошо, в разрезе имеет форму сегмента, толщина которого в середине достигает 9 см. Вероятно, первоначальные размеры ее были больше, поскольку края разрушены. Хорошо сохранившийся череп лежал на правой стороне, о его первоначальном положении можно судить по нижней челюсти, оставшейся на месте. У северного края доски, напротив черепа стоял кувшин. Второй кувшин лежал на доске у левой плечевой кости, здесь же найден небольшой железный нож серповидной формы (рис. 8: 8). На левой половине грудной клетки обнаружены два тонких железных стержня неясного назначения.

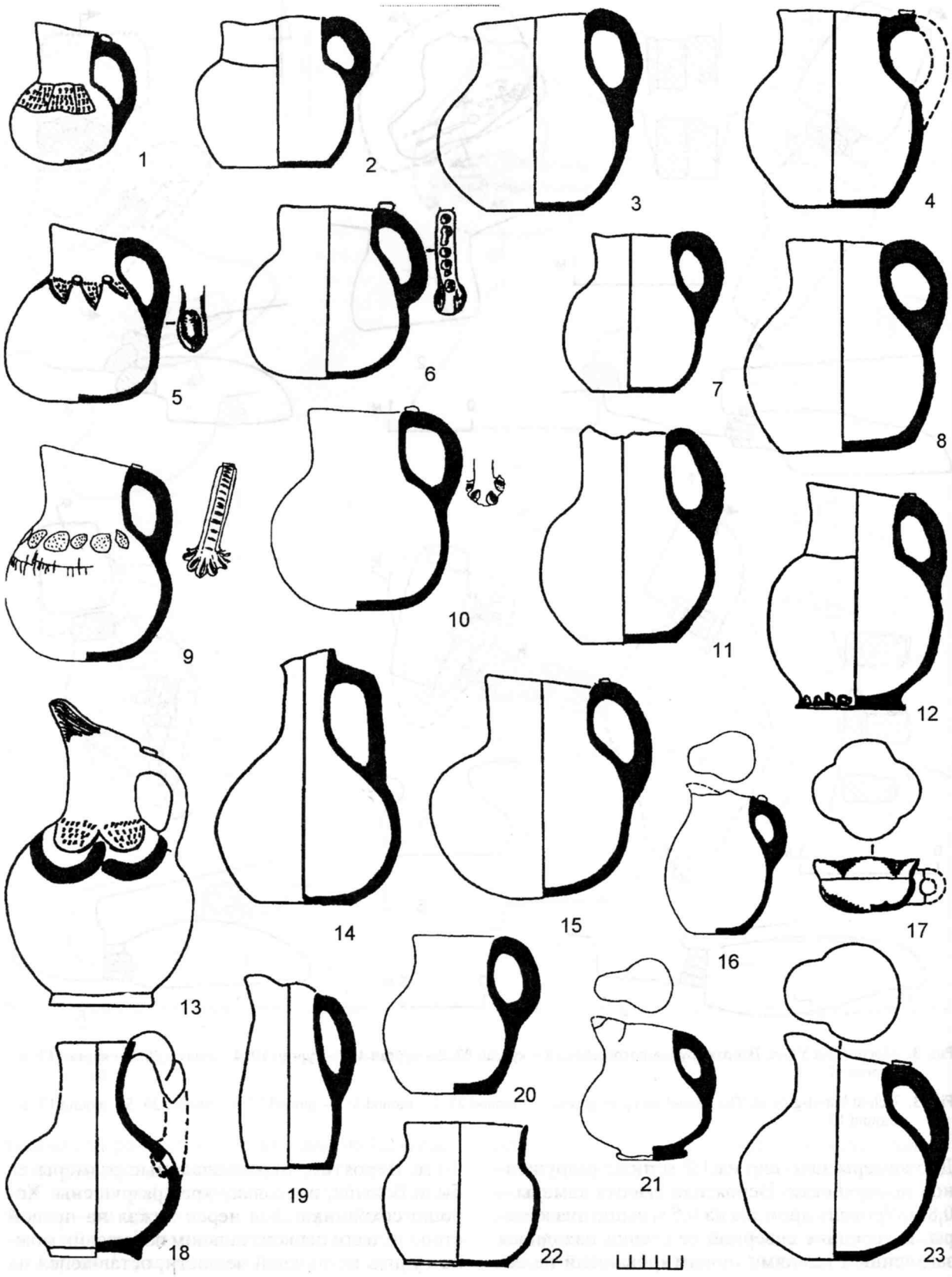


Рис. 4. Могильник Уч-ат. Керамика. 1 – курган 5; 2 – курган 24; 3, 17 – курган 29; 4, 18 – курган 19; 7 – курган 12; 5, 23 – курган 15; 11 – курган 18; 6 – курган 13; 19, 15 – курган 16; 14 – курган 11; 8–10, 12–14, 16, 20–22 – из разрушенных погребений.

Fig. 4. Uch-at burial-ground. Pottery. 1 – mound 5; 2 – mound 24; 3, 17 – mound 29; 4, 18 – mound 19; 7 – mound 12; 5, 23 – mound 15; 11 – mound 18; 6 – mound 13; 19, 15 – mound 16; 14 – mound 11; 8–10, 12–14, 16, 20–22 – from disturbed graves.

Курган 18 находится примерно в 19 м к северо-западу от кургана 16 (рис. 2: 6). Камера овальная в плане, вход в нее находится в северо-западной части. Конструкция дромоса осталась неизвестной. Свод камеры высотой 0,8 м сохранился почти полностью. Дно ее залегает на 1,8 м от поверхности. Дно дромоса выше дна камеры на 0,8 м. Костяк лежал головой на запад, череп раздавлен. В головах у западной стенки стоял кувшин. Под фалангами кисти левой руки найдено круглое зеркало. Около ребер и возле левого плеча лежали кварцевая, янтарная, перламутровая и черного камня бусины. Обломки янтарной бусины обнаружены также у правого колена.

Курган 19 находится в 5 м к западу от предыдущего (рис. 2: 2). Вход в широкую овальную камеру заложен камнями. Точные размеры камеры из-за разрушений установить не удалось. Дно камеры зафиксировано на глубине 1,8 м и находилось на 30 см ниже дна дромоса, который не был раскопан. Высота камеры около 1,1 м. Погребенный ориентирован головой на запад. Левая рука прижата к ребрам, правая – на некотором расстоянии. Под костяком сохранились остатки тлена деревянной доски. По обе стороны черепа стояли два кувшина, у одного из них ручка отбита. У левого бедра найдена черная бусина.

Курган 23 располагался в восточной части, в 20 м юго-восточнее кургана 2 (рис. 2: 3). Овальная в плане камера с прямой западной стенкой сужалась к востоку. В северной стенке обнаружен заложенный камнем вход, несколько сдвинутый к западу. Дно камеры находилось на отметке 1,7 м, высота камеры – 0,8 м, дромос – на 55 см выше дна камеры. Погребенный лежал на спине, головой на запад. Ноги слегка согнуты в коленях. Руки вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Вдоль левой половины костяка выявлены остатки деревянной доски. Под грудной клеткой обнаружена зола. С обеих сторон черепа находилось по бронзовой серьге (рис. 7: 11–12). Между черепом и левым плечом найдено несколько бусин: янтарная, перламутровая и синего камня. Всего после разборки грудной клетки оказалось 23 бусины. Здесь же найдены небольшие кусочки кожи.

Курган 24 находился в 12 м от предыдущего (рис. 2: 4). Короткий, заваленный камнями дромос вел в узкую овальную камеру, дно которой находилось на отметке 1,3 м от поверхности. Высота камеры – 0,8 м. Дромос длиной 1,3 м имел три ступеньки, располагался почти в середине северной стенки камеры, подходя к ней под некоторым углом. Дно камеры выложено слоем мелкой гальки. Погребенный лежал головой на запад с небольшим отклонением к северу. Руки вытянуты вдоль тела и лежали ладонями вниз. Слева от погребенного у северной стенки стоял кувшин и фестончатая кружка. Возле кувшина найдено бронзовое кольцо (рис. 7: 9) и коралловая бусина. В ногах найден железный треугольной формы предмет неизвестного назначения (рис. 8: 7). Возле левой ключицы обнаружена железная игла (рис. 8: 1). Под левой лопаткой найдена круглая бронзовая бляха. Второе бронзовое кольцо оказалось у шейных позвонков (рис. 7: 10). У левого плеча найдена янтарная бусина. На грудной клетке – виноградная косточка.

Вторая группа.

Курган 1 раскопан местными жителями и настолько разрушен, что при повторной расчистке не удалось установить форму могилы. Выяснено, что вход, заложенный камнями, находился в северной части могилы.

Курган 7. Раскопанная местными жителями могильная яма вытянута с севера на юг. В юго-западном углу расчищено углубление, в котором находился детский костяк, лежавший головой на север. Возле него найдено несколько штук бисера. Костяк лежал на глубине 0,7 м, а дно могилы залегало на отметке 1,3 м.

Курган 9. Могильная яма раскопана местными жителями. В её юго-западной части обнаружено захоронение ребенка, лежавшего вытянуто на спине головой на север. Костяк разрушен. Дно могилы находилось на отметке 1,5 м, а погребение – на 0,6 м выше дна. Находок нет.

Курган 10 располагался в юго-западной части могильника (рис. 3: 6). Могильная камера подтреугольной формы вытянута с севера на юг и сужается к югу. Вход находился в северо-восточном углу камеры и был заложен кладкой из четырех сырцовых кирпичей зеленого цвета (размером 50 х 30 х 10–12 см). Дромос в форме прямоугольника размерами 1,3 х 0,8–1,0 м прослеживался на глубине 20–30 см от поверхности. Дно дромоса и камеры залегают на одном уровне. Костяк лежал в западной половине камеры, вытянуто на спине, головой на север с отклонением к западу. Череп разрушен. Левая рука сдвинута, а правая вытянута вдоль тела. Возле черепа найдены две серьги с подвесками оригинальной формы (рис. 7: 16–17). Среди ребер, под ними и около позвонков обнаружены до 200 разных бусин и металлические украшения, в числе которых две фигурки петушков (рис. 6: 7–8), перстень (рис. 6: 4), лировидная подвеска (рис. 6: 30), часть круглой свинцовой пластинки с узором (рис. 6: 17), а также обломки железных предметов неясного назначения и обрывки ткани и меха (?).

Курган 11 сильно разрушен. Овальная камера вытянута с севера на юг. Костяк, очевидно, лежал головой на юг. В северной части камеры найден кувшин с узким горлом, а также серебряная серьга с подвеской (рис. 7: 19) и бронзовый перстень (рис. 6: 5).

Курган 12 находился недалеко от кургана 11 и был раскопан местными жителями, которые передали нам кувшин, происходящий, по их сло-

вам, из этой могилы. Овальная яма вытянута с севера на юг. Вход в камеру находился в восточной стенке и был заложен двумя крупными пахсовыми блоками (размером 46–47 х 26 см). Дно камеры залегало на отметке 1,25 м, дромос выше дна камеры на 0,6 м. Высота камеры – 0,9 м. При дополнительной зачистке найдены 4 бусины и фаланга пальца с окислом от бронзового кольца.

Курган 13 располагался в середине южной части могильника (рис. 3: 5). Овальная камера сужалась к югу и была вытянута длинной осью с севера на юг. Вход в нее вел с северо-востока и был заложен сырцовым кирпичом плохой сохранности. Дно камеры залегало на отметке 1,2 м, высота камеры – 0,8 м. Погребенный лежал в западной половине камеры головой на север с отклонением к западу. Слева у черепа стоял кувшинчик. Около черепа найдена бронзовая серьга, на шейных позвонках – небольшая круглая подвеска с кольцом для подвязывания и с прилипшим кусочком ткани (рис. 6: 23). Слева у позвонков обнаружено 7 бусин и прямоугольная бронзовая скоба (рис. 6: 14).

Курган 14 раскопан местными жителями. Овальная яма, вытянутая с севера на юг, сужается к югу. Вход находился на северо-восточной стороне. При зачистке найдены обломки от 2 или 3 сосудов. По форме могилы и ориентации курган сходен с предшествующими.

Курган 20. Овальная камера вытянута с севера на юг и несколько сужается к югу. Вход с северо-востока, заложен сырцовым кирпичом. Дно камеры зафиксировано на глубине 1 м. Высота камеры – 0,8 м. Костяк разрушен и кости разбросаны. Череп лежал на правой стороне в северной части могилы. Вещей не найдено.

Курган 26 (рис. 3: 4) находился на склоне адыра, который понижается в западном направлении. Камера – грушевидной формы, более широкая у входа. Точные размеры ее установить не удалось. Над ней сохранился участок естественной поверхности холма. Северный край дромоса начинается почти на современной поверхности. Падение с юга на север составляет 30 см. Дромос и камера вытянуты в ряд в направлении север-юг с небольшим отклонением к западу. Дромос имеет трапециевидную в плане форму, размеры 140 х 90–125 см, расширяется в южной части. Дно его постепенно понижается к входу, где глубина его равна 0,9 м. Узкий вход–лаз в южной стенке дромоса заложен пятью рядами сырцового кирпича. Максимальная ширина входа – 0,6 м. Внизу, поперёк входа лежал кирпич размером 55 х 22 х 8 см. Его перекрывали уложенные вперевязку два кирпича (43 х 21 х 8 см; 43 х 22 х 9 см). Третий ряд состоял также из двух кирпичей с обломанными концами, уложенных без перевязки со вторым рядом. В четвертом ряду лежал один кирпич размером 42 х 23 х 9 см. Оставшееся пространство, образующее пятый ряд, было заполнено до потолка обломками кирпича с раствором. В дромосе было две ступеньки, а пол его выше дна камеры на 30 см. На полу камеры лежали нетронутые кости ног, судя по которым погребенный был положен на спину в вытянутом положении, головой на север, с небольшим отклонением к западу. Высота камеры – 0,8 м. Находок не обнаружено.

Курган 27 (рис. 3: 1) прежде раскапывался школьниками. Камера – неправильной сердцевидной формы. Дромос и камера вытянуты по одной линии с юга на север. Дромос – трапециевидный в плане. Западный край его проследить не удалось. Узкий вход заложен сырцовыми кирпичами. Внизу, поперек входа лежал кирпич размером 40 х 24 х 10 см. Выше – два разрушенные кирпича, уложенные один поперёк входа, другой – вдоль. В третьем ряду лежал один кирпич поперек входа (40 х 25 х 9 см), в четвертом – в таком же положении кирпич размером 35 х 20 х 9 см. С внешней стороны приставлены наклонно еще несколько обломков кирпичей. Дромос подходит к северо-восточной части входа. В южной части камеры на месте сохранились кости стоп обеих ног. Костяк, очевидно, лежал головой на север. Почти в центре камеры найдены кости руки с бронзовым браслетом на них (рис. 7: 2). Дно камеры находилось на отметке 1,2 м от поверхности. Школьники передали находки, происходящие из этой могилы: два зеркала; браслет (рис. 7: 1), аналогичный найденному нами; серьги (рис. 7: 14–15); монеты; звенья цепочки (рис. 6: 24–29); железный стержень; каменные бусы и др.

Курган 29 (рис. 3: 3). Овальная камера ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Вход в камеру заложен крупными валунами и смещен от центра к востоку. Форму дромоса, имевшего ступеньки, проследить не удалось. Высота камеры около 75 см. Посередине камеры лежал костяк вытянуто на спине, головой на северо-запад. Возле ног обнаружено большое скопление пресноводных раковин, что впервые отмечено в могильнике. Костяк засыпан землей, обвалившейся со свода. Слева у плеча стояла небольшая кружка с трефовидным (фестончатым – *А. Т.*) краем, а справа лежал на боку кувшин. На грудной клетке – серьга и пластинка в форме погона с узором. В разных местах грудной клетки и под позвонками найдено несколько бусин, костяная поделка с бронзовой петлей (рис. 6: 19), вероятно, привеска к косе, и еще одна бронзовая подвеска (рис. 6: 18). Возле кружки лежала монета с арабской надписью и четырьмя отверстиями для пришивания в качестве украшения. Из этого же кургана происходят два поясных наконечника (рис. 6: 13, 15).

Курган 28. При повторной зачистке не удалось проследить контуры могильного сооружения.

Курган 30. Форма могилы не прослежена, поскольку последняя полностью разрушена буль-

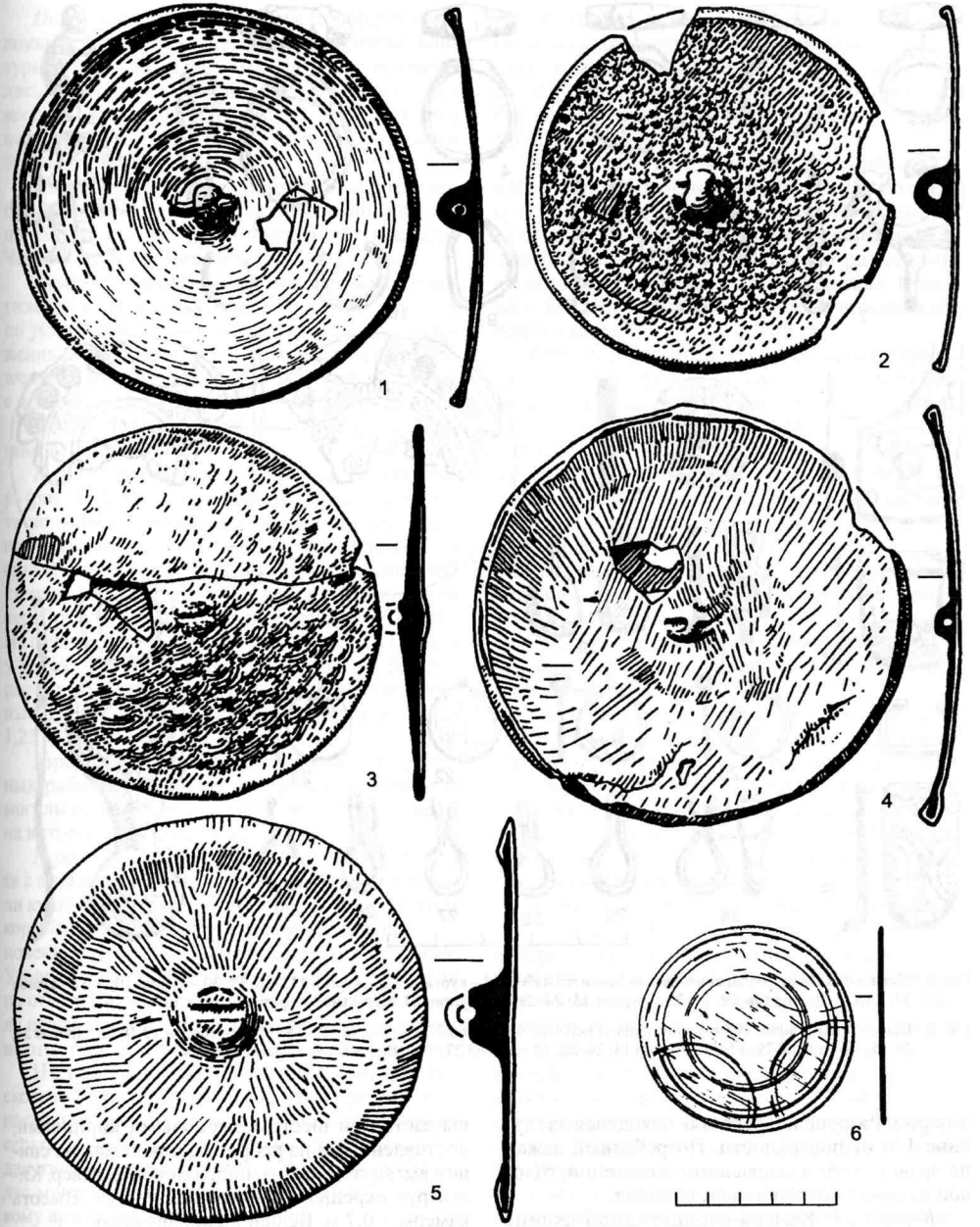


Рис. 5. Могильник Уч-ат. Зеркала: 1 – курган 4; 2 – курган 8; 3-4 – курган 27; 5 – курган 18; 6 – Подъемный материал.

Fig. 5. Uch-at burial-ground. Mirrors: 1 – mound 4; 2 – mound 8; 3-4 – mound 27; 5 – mound 18; 6 – surface finds.

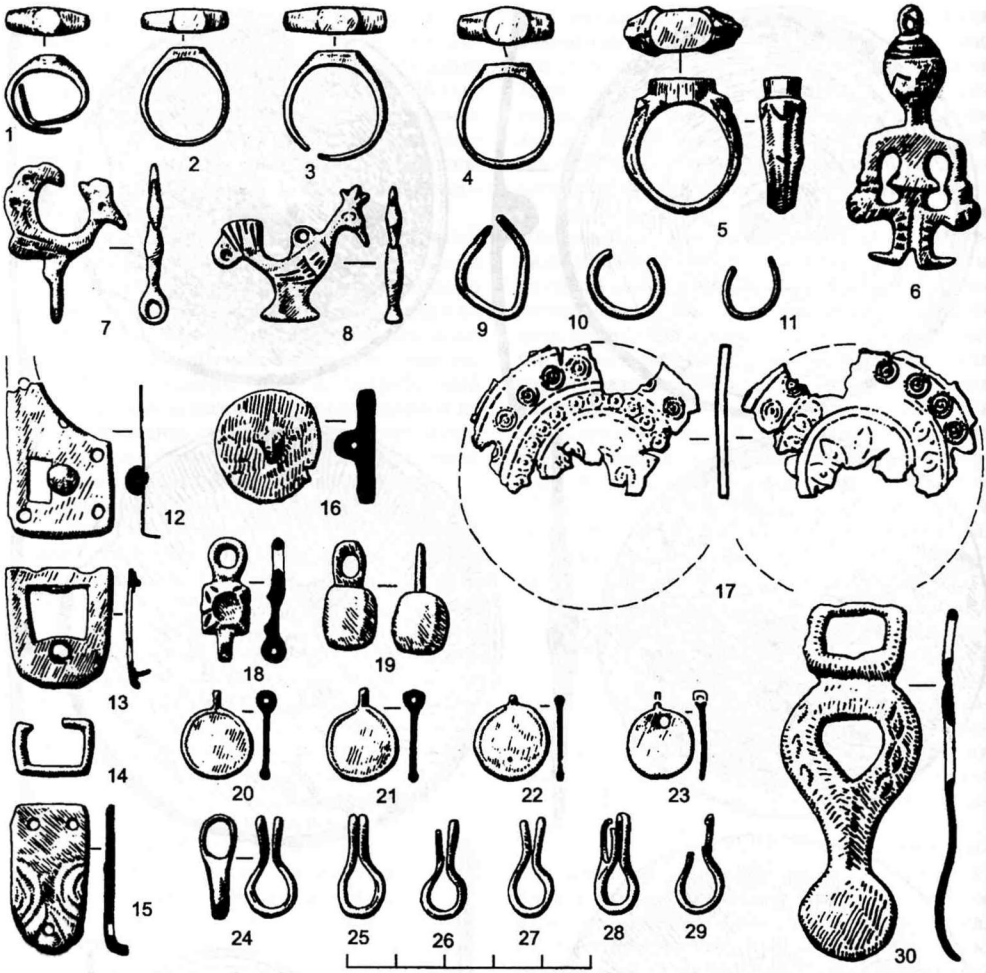


Рис. 6. Могильник Уч-ат. Украшения, детали поясного набора: 4 – курган 27, 5 – курган 11, 7–8, 17, 30 – курган 10, 9–11 – курган 24, 13,15, 19 – курган 29, 14, 23 – курган 13, 24–29,18 – курган 27. Остальное из разрушенных могил.

Fig. 6. Uch-at burial-ground. Adornments, parts of belt sets: 4 – mound 27, 5 – mound 11, 7–8, 17, 30 – mound 10, 9–11 – mound 24, 13,15, 19 – mound 29, 14, 23 – mound 13, 24–29, 18 – mound 27. The other are from disturbed graves.

дозером. Разрушенный костяк находился на глубине 1 м от поверхности. Погребенный лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на север с отклонением на запад.

Курган 31. Камера сердцевидной формы ориентирована по линии север-юг. Вход в северо-восточной стенке завален валунами. При зачистке обнаружены отдельные кости человека и ручка сосуда. Могила раскопана школьниками до нашего приезда.

Курган 32 находился в юго-западной части могильника. Овальная в плане камера размером 2,05 х 0,9 м вытянута в направлении север-юг с отклонением к западу. Вход с восточной стороны заставлен шестью сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на север. Кисти рук скрещены на тазовых костях. Высота камеры – 0,7 м. Вещей не обнаружено.

Курган 33. Камера сердцевидной формы, расширенная в северной части, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Размеры 2 х 0,8–1,25 м. Дно камеры залегало на отметке 0,7 м от поверхности. Могила разрушена. На месте сохранились только бедренная и берцовая кости левой ноги. Находок не обнаружено.

К этой же группе, очевидно, относятся остатки погребений 8, 17 и 25.

Погребение 8. На этом месте найдены обломки черепа, перемещенные бульдозером. Контуры могилы не выявлены. На месте сохранились только кости конечностей, судя по которым костяк лежал головой на север. У правой голени найдено 2 бусины. В 60 см от ног обнаружено бронзовое зеркало.

Погребение 17 располагалось в центре могильника. Расчищен костяк, лежавший на спине, головой на север с отклонением к западу. Череп разрушен. Находок не обнаружено.

Курган 25 располагался в восточной части могильника. Несколько отличается от других по устройству и, главным образом, по расположению входа. На поверхности расчищен разрушенный костяк, лежавший головой на север, с отклонением к западу. Находок нет.

Особое положение, вне групп, занимают курганы 4, 21 и 22.

Курган 4 располагается на краю обрыва адыра (рис. 3: 2). Овальная широкая могила вытянута по линии северо-запад – юго-восток. Вход не обнаружен. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, у юго-западной стенки. С левой стороны черепа обнаружена серебряная серьга с подвеской (рис. 7: 18). На груди – бронзовое зеркало (рис. 5: 1). Справа у бедра найдено кольцо-серьга (рис. 7: 5). При расчистке обнаружена вторая серьга и две бусины. Дно могилы зафиксировано на отметке 1,25 м, высота ее – 0,9 м.

Курган 21. Костяк ребенка после бульдозерных работ оказался на поверхности. Контуры могилы не прослежены. Головой костяк обращен на юго-восток. Находок нет.

Курган 22. Камера овальной формы вытянута с запада на восток. Кости погребенного лежали кучкой в середине могилы. Кости перекрыты коркой лессовидного грунта в результате проникновения воды. Сама камера свободна от земли. Уровень воды достигал высоты 40–50 см, судя по отложениям на стенках. Место входа в могилу не удалось проследить. Дно камеры залегало на отметке 1,8 м, высота ее – 0,9 м. Находок нет.

На поверхности могильника собрано несколько бусин. Местные жители передали нам несколько целых сосудов и серьги. Два сосуда, серьги и монетовидную подвеску передал нам для изучения коллекционер из Москвы. В 1975 г. две монеты были переданы школьниками ошскому археологу Е. В. Дружининой.

Несмотря на разрушение ряда могил и разнообразие погребального обряда, в могильнике Уч-Ат выявлены такие характерные особенности, которые позволяют определить место и время памятника. Обнаруженные в катакомбных могилах захоронения имеют сходство с широко распространенными в Ферганской долине и на соседних территориях могильниками первой половины 1 тыс. до н. э. (Заднепровский 1960: 113–116). Однако они не идентичны им и отличаются по деталям устройства погребальных сооружений и, главным образом, по составу инвентаря. По форме катакомб они ближе всего курганам 15 и 32 могильника Боркорбаз, датируемым III–V вв. н. э. (Сорокин 1961: табл. XIV, XVI).

Могильник дал довольно разнообразный набор вещей. Прежде всего, отметим полное отсутствие предметов вооружения. Железные изделия представлены тремя ножами серповидной формы, различающимися только размерами, а также железными иглами и кресалом. Кроме того, найдена треугольной формы накладка и обломок скобы.

Разнообразны предметы украшения и туалета. Серьги по форме можно разделить на три типа: I – в виде овального несомкнутого кольца из круглой в сечении проволоки – 3 экз. (рис. 7: 3, 10, 13), II – в виде кольца со шпеньком для насадки подвески – 3 экз. (рис. 7: 5–7) и III – в виде кольца со шпеньком, на котором насажен шарик и подвески, напоминающие палицы – 4 экз. (рис. 7: 16–19). В двух случаях (курган 4 и 23) встречено по одной серьге первых двух типов. В кургане 10 найдено две серебряные серьги третьего типа, а в курганах 4 и 11 только по одной. На одной серьге сохранилась веревочка с бисеринкой, привязанная к соединительному штифту (рис. 7: 8).

Имеются три небольших колечка (рис. 6: 9–11). В могильнике собрано четыре однотипных перстня с плоским щитком (рис. 6: 1–4). Серебряный и бронзовый перстни очень близки по форме (рис. 6: 3–4). Имеется массивный «уступчатый» перстень, у которого сохранились литейные швы (рис. 6: 5). Выделяется перстень с несомкнутыми концами (рис. 6: 1).

Большой интерес представляют две литые фигурки петушков, отличающиеся по манере изображения. На одном из них петля для подвешивания сделана на спинке, у второго в нижней части имеется выступ с отверстием для привязывания, и, таким образом, эта фигурка, скорее всего, висела головой вниз. Близкая по форме фигурка имеется в подъемном материале из оазиса Беркут-кала в Хорезме (Толстов 1948: рис. 73). Две металлические фигурки петушков происходят из курганов VIII–IX вв. в Башкирии (Мажитов 1964: рис. 3–12, 14).

Важное значение для определения датировки могильника имеет находка лировидной наремённой подвески, состоящей из 3 частей: прямоугольной рамки, овальной пластинки с сердцевидным вырезом и округлого окончания. Она находит многочисленные аналогии в материалах Северной Киргизии (Бернштам 1950: табл. XLIV, 9), Алтая, Минусинской котловины, Забайкалья, Тувы (Грач 1965), где это изделие достаточно обоснованно датируется VIII – началом IX вв. Кроме того, аналогичные находки известны в Восточном Казахстане (Арсланова 1972:

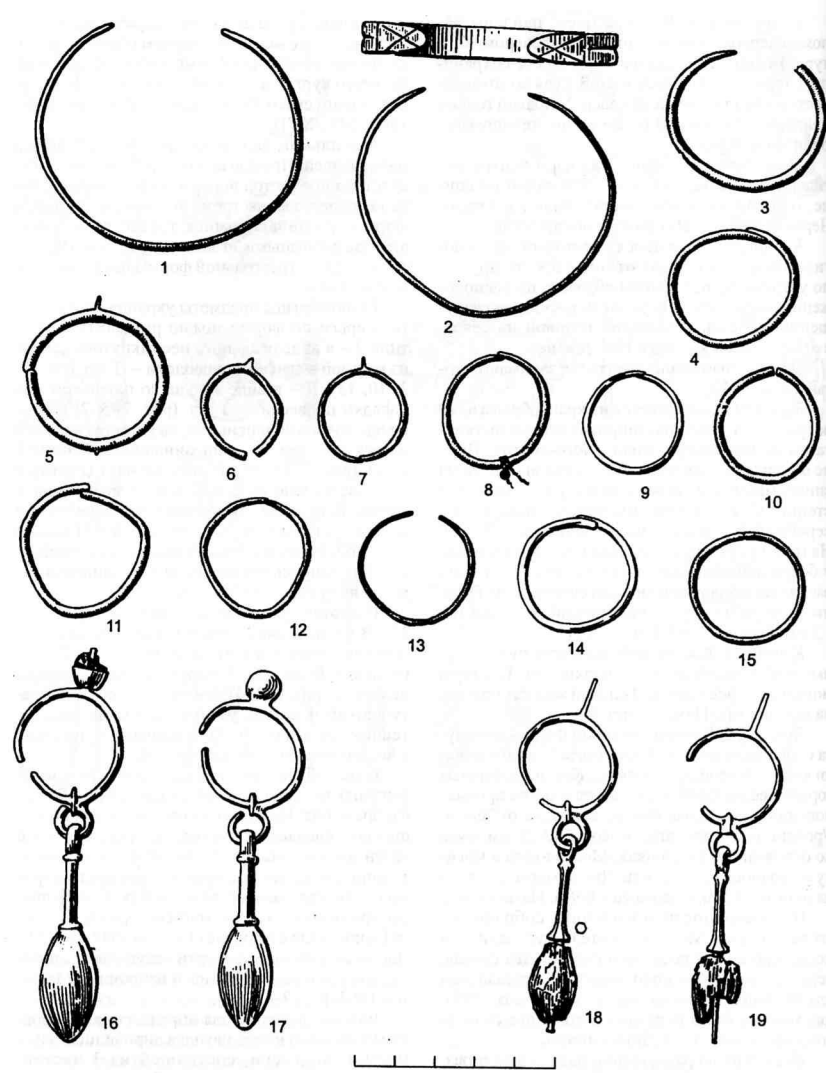


Рис. 7. Могильник Уч-ат. Браслеты, Серьги: 1-2 – курган 27; 3, 7 – курган 4; 10 – курган 13; 11-12 – курган 24; 19 – курган 11; 16-17 – курган 10; 18 – курган 4; 19 – курган 11. Остальное из разрушенных могил.

Fig. 7. Uch-at burial-ground. Bracelets and earrings: 1-2 – mound 27; 3, 7 – mound 4; 10 – mound 13; 11-12 – mound 24; 19 – mound 11; 16-17 – mound 10; 18 – mound 4; 19 – mound 11. The other are from disturbed graves.

табл. VII: 7), в Ташкентском оазисе (Агзамходжаев 1964: рис. 1: 1, 3), а также в долине Иссык-Куля и на территории г. Фрунзе (информация В. П. Мокрынина). Этот перечень показывает обширность территории распространения лировидных подвесок и позволяет расширить ее, прибавив район Южной Киргизии. Находка в кургане 10 лировидной подвески в одном комплексе с серьгами и подвесками оригинальной формы дает основание датировать этим же временем и серьги. Указанный тип серег уникален и не имеет аналогий в Средней Азии и в других областях. Однако конструктивная схема их весьма близка салтово-маяцким украшениям второй половины VIII – начала IX вв. (Мерперт 1951, Амброз 1971: рис. 8).

Всего в могильнике собрано шесть зеркал двух типов: 5 из них – дисковидные с широким выступом по краям и кнопковидной ручкой в центре (рис. 5: 1–5), ко второму типу относится одно небольшое плоское зеркало диаметром 6,8 см с пуансонным орнаментом на внешней стороне (рис. 5: 6). Зеркала, найденные в Уч-Ате, очень близки находкам в Пенджикенте, причем отмечается совпадение пуансонного орнамента (Распопова 1972: рис. 1–4, 5, 9, 10).

В захоронениях найдено около 300 бусин. Среди них выделяются замечательные агатовые бусы, перламутровые, сердоликовые, кварцевые, много янтарных бус.

Особо отметим набор украшений, найденный в кургане 29 и включающий следующие предметы: кольцо (рис. 6: 11), серебряный перстень (рис. 6: 4), кольцевидную серьгу с несомкнутыми концами (рис. 7: 13), бляшки наремённые (рис. 6: 13, 15), подвеску (рис. 6: 18), круглую костяную поделку с бронзовым ушком (рис. 6: 19).

Новую категорию украшений представляют два браслета, найденные в кургане 27. Это пластинчатые, с несомкнутыми концами браслеты с желобком на внешней поверхности. У первого оба конца заострены и имеют резное украшение в виде косого креста на обоих концах, а также поперечную линию, которая как бы ограничивает желобок (рис. 7: 2). Второй браслет имеет такие же размеры, как и первый, но без желобка и украшений (рис. 7: 1).

Своеобразен набор глиняной посуды, представленный 37 сосудами, изготовленными ручной лепкой. В 7 курганах найдено по одному, а в трех – по два сосуда. По форме они подразделяются на кружки, кувшины и горшки. Кружки с трефовидным краем обнаружены в 3 случаях (две во время наших раскопок и одна передана школьниками). Большое значение для определения хронологии могильника и некоторых форм керамики имеет находка в кургане 29 кружки с волнистым трефовидным краем и кувшина широко распространенного в Уч-Ате типа вместе с умейядской монетой VIII в., что позволяет твердо датировать трефовидные

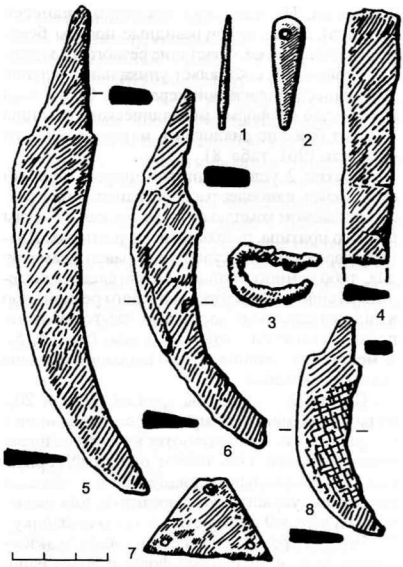


Рис. 8. Могильник Уч-ат. Бытовой инвентарь: 1 – курган 2; 2 – курган 15; 3 – курган 16; 5 – курган 10; 6–7 – курган 24. Остальное из разрушенных могил.

Fig. 8. Uch-at burial-ground. Goods of everyday use: 1 – mound 2; 2 – mound 15; 3 – mound 16; 5 – mound 10; 6–7 – mound 24. The other are from disturbed graves.

кружки не ранее VIII в. При общем сходстве каждая из них отличается в деталях. Кружка наименьшего размера, очевидно, использовалась в качестве курильницы, поскольку стенки ее закопчены (рис. 4: 17).

Ведущей формой являются кувшины, которые, несмотря на разницу в размерах (высота их колеблется от 11 до 30 см), обычно имеют подшаровидное тулово, невысокое горло и дуговидную, подпрямоугольную в сечении ручку, соединяющую венчик с плечиками (рис. 4: 1–12, 15, 18, 20). Внутри этого типа можно выделить следующие подтипы: 1 – кувшины со смятым сливом (рис. 4: 13, 14, 16, 19, 21, 23). В этот тип включены и миниатюрные кувшинчики, имеющие этот признак. Наиболее ярким представителем этого типа является достаточно крупный сосуд с шаровидным туловом, короткой горловиной и дугообразной ручкой с круглой нашлепкой на ее верхней плоскости. Среди кувшинов этого подтипа выделяется узкогорлый кувшин грушевидной формы на дисковидном поддоне (рис. 4: 16). Слив скошен наклонно и фигурно смят. Ручка имеет выемки вдоль гребня. Выемки окружают также основание ручек. Наверху – круглая

нашлепка. На плечиках насечками нанесен орнамент. Ниже его дуговидные полосы бурокоричневой краски. Сочетание резного и крашенного орнамента составляет уникальное явление для раннесредневековой керамики. Сосуд явно воспроизводит форму металлического кувшина и имеет близкие аналогии в материалах Согда (Маршак 1961: табл. 8).

Подтип 2 условно назван широкогорлыми кувшинами, наиболее распространенными в рассматриваемом комплексе и так же, как и сосуды первого подтипа, разнящимися в размерах. Диаметр горла таких сосудов либо равен диаметру дна, либо немного меньше. Особо следует выделить кувшин, на плечиках которого резной узор в виде заполненных насечками треугольных лепестков, загнутых концами влево (рис. 4: 5). В местах соединения треугольников посажены круглые нашлепки.

Подтип 3 – кувшины-кружки (рис. 4: 20); по размерам меньше широкогорлых кувшинов и по пропорциям приближаются к раннесредневековым кружкам. Они имеют округлый корпус, невысокое горло и петлевидную ручку, иногда, у основания, украшенную нарезками, или имеющую на верхней плоскости круглую нашлепку.

Горшки представлены единственным экземпляром (рис. 4: 22), своей формой более напоминающим банковидный сосуд с почти прямыми стенками, невысоким горлом и дисковидным поддоном.

Набор посуды могильника Уч-Ат, в целом, не находит аналогий в комплексах Ферганы раннего средневековья. Кроме одинаковых типов кружек с волнистым краем, можно отметить также сходство форм кувшинов со сливом и прием украшения насечками, которые сходны с керамикой Согда и Семиречья VII–VIII вв. (Распопова 1960: рис. 3).

Определяющее значение для установления датировки могильника имеют монеты. Одна из них оказалась серебряной абассидской драхмой образца бухарских монет, чеканившихся в подражание сасанидским драхмам Варахрана V. Вес ее – 2,6 г, диаметр –2,5 см. Монета относится к типу с надписью ал-Махди, что подтвердила при ее осмотре О. И. Смирнова. Монеты этого типа были в обращении со времени не ранее 761–762 гг. (Смирнова 1963: 72).

Вторая монета найдена мною возле разрушенной могилы. Это круглый бронзовый кружок с квадратным отверстием, весом 5,2 гр., диаметром – 2,6 см. Она относится к танскому чекану с иероглифами на лицевой стороне и гладкой оборотной поверхностью. По заключению М. В. Воробьева, она может относиться к выпускам VII–VIII вв. (Воробьев 1963: 124). Еще одна монета найдена нами в кургане 29. Всего, с учетом вышеописанных абассидской драхмы и китайской монеты Кайюань Тунбао, имеется 11 монет, подразделяющихся на следующие группы:

1) Бухар-худатские VIII в. – 5 экземпляров.
2) Саманидские, Ахмада ибн Асада – 4 экз.
3) Умейядская 711–712 гг. н. э. – 1 экз.

Следует обратить внимание на то, что три определенные саманидские монеты принадлежат чекану Ахмада ибн Асада – первого саманидского правителя Ферганы (в Ахсикете). И хотя годы выпуска на монетах не сохранились, можно с достаточным основанием относить их к середине IX в., ибо 864 – год смерти Ахмада ибн Асада – следует признать как определенную грань для даты могильника Уч-Ат. Регулярный чекан монет в Ахсикете начинается с 247 г. х. (861–862 гг.), когда были выпущены медные фельсы с именем Ахмада ибн Асада (Якубовский 1946: 105). Затем наступил перерыв. Поскольку все три рассматриваемые монеты медные, то вряд ли они находились долго в обращении и довольно скоро могли быть использованы как украшения. Следовательно, на основании монетных находок можно датировать могильник Уч-Ат первой половиной и, быть может, третьей четвертью IX в.

Таким образом, этот памятник позволяет осветить малоизвестные страницы истории Ферганы раннесаманидского периода, археологически еще слабо изученного. Он имеет еще большую ценность потому, что является наиболее поздним памятником среди всех известных катакомбных могильников Ферганы и Средней Азии в целом. Так, могильник Боркорбаз, как упоминалось выше, датирован III–V вв. Самые поздние курганы этого типа в долине Исфары отнесены к V–VII вв. (Литвинский 1972: 64–65). Однако здесь трудно выделить более поздние комплексы, так как конкретные данные в литературе не приведены. Достаточно определенно можно утверждать о большем сходстве с катакомбными курганами могильника Туябугуз в Ташкентском оазисе (находится в 40 км к юго-востоку от Ташкента). Здесь Т. Р. Агзамходжаев раскопал 70 курганов, которые подразделены на три хронологические группы: I–III вв., IV–V вв., VI – начало VIII (VII–VIII) вв. Интересующая нас поздняя группа насчитывает шесть или семь могил. В погребальный инвентарь входит, как правило, один сосуд, железный нож, предметы туалета, монеты (Агзамходжаев 1966: 15). В одном из курганов найден замечательный набор украшений пояса, в состав которого входили уже указанная лировидная подвеска, кувшин с зооморфной ручкой и монета, по определению В. А. Шишкина – VII в. (Агзамходжаев 1964: 90–93). Конструкция могил, состав вещей сопроводительного инвентаря и некоторые одинаковые украшения – все это сближает могильники Уч-Ат и Туябугуз. Впредь до публикации материалов последнего этой констатацией приходится ограничиться и лишь предполагать, что оба памятника относятся к одному периоду и принадлежат одной археологической культуре.

Для понимания исторических процессов и, прежде всего, этногенеза очень важно устанавливаемое по материалам Туябугуза непрерывное развитие традиции катакомбных захоронений в Ташкентском оазисе с первых веков н. э. и до VIII в. В Фергане подобная преемственность на отдельном могильнике до сих пор не прослеживалась. Вот почему особое значение приобретает определение этнической принадлежности населения, хоронившего в Уч-Ате. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что рассматриваемый могильник не мог служить местом захоронения оседло-земледельческого населения Ферганы. С другой стороны, катакомбные захоронения могильника отличаются и от тюркских курганов VII–VIII вв. Из этого следует, что он принадлежал пока неизвестному нам племени или народу, который занимал, судя по сходным материалам Туябугуза, значительную территорию. Наконец, следует обратить внимание на то, что Уч-Ат и Туябугуз синхронны хорошо известным памятникам с катакомбным обрядом захоронения салтово-маяцкой культуры. Малочисленность фергано-ташкентских материалов пока не позволяет определить насколько существенны наблюдаемые между ними соответствия в обряде и материальной культуре. Большой интерес представляет сравнительное изучение могильников с погребальными сооружениями, распространенными у современных среднеазиатских народов и, в частности, с катакомбными захоронениями кыргызов (Абрамзон 1961).

Абрамзон, С. М. 1961. О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов // Краткие сообщения Института археологии 86: 113–116. Москва: Наука.

Агзамходжаев, Т. Р. 1964. Бронзовые украшения Тюябугуза // История Материальной Культуры Узбекистана 5: 90–93. Ташкент: издательство ФАН.

1966. Погребальные памятники Чирчик-Ангренской долины I–VIII вв. н. э. Автореф. канд. ... дисс. Ташкент.

Амброз, А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Советская археология 3: 106–134. Москва: Наука.

Арсланова, Ф. Х. 1972. Курганы с трупосожжением в верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане: 56–76. Алма-Ата: Гылым.

Бернштам, А. Н. 1950. Чуйская долина // Труды Семиреченской экспедиции. Материалы и исследования по ахеологии СССР 26: Москва-Ленинград: Наука.

Воробьев, М. В. 1963. К вопросу определения старинных китайских монет «Кайюань Тунбао» // Эпиграфика Востока XV: 123–146. Москва-Ленинград.

Грач, А. Д. 1965. По поводу рецензии Л. Р. Кызласова // Советская археология 3: 302–306. Москва.

Заднепровский, Ю. А. 1960. Археологические памятники Южных районов Ошской области. Фрунзе.

1974. Работы Ферганской экспедиции // Археологические открытия 1973 г.: 480–482. Москва: Наука.

1975. Исследования в Южной Киргизии // Археологические открытия 1974 г.: 553–554. Москва: Наука.

1975а. Раскопки катакомбного могильника Уч-Ат в Южной Киргизии // Упехи Среднеазиатской археологии 3: 53–55. Ленинград: Наука.

Литвинский, Б. А. 1972. Курганы и курумы Западной Ферганы. Москва: Наука.

Мажитов, Н. А. 1964. Новые материалы о ранней истории башкир // Археология и этнография Башкирии 2: 148–157. Уфа.

Маршак, Б. И. 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII веков // Труды Государственного Эрмитажа 5: 177–201. Ленинград.

Мерперт, Н. Я. 1951. О генезисе салтовской культуры // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 36: 14–30. Москва: Наука.

Распопова, В. И. 1960. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции IV: 138–163. Москва.

1972. Зеркала из Пенджикента // Краткие сообщения Института археологии 132: 65–69.

Смирнова, О. И. 1963. Клад абассидских драхм с Пенджикентского городища // Эпиграфика Востока XV: 58–72. Москва-Ленинград.

Сорокин, С. С. 1961. Боркорбазский могильник // Труды Государственного Эрмитажа 5: 117–161. Ленинград.

Толстов, С. П. 1948. Древний Хорезм. Москва: Наука.

Якубовский, А. Ю. 1946. Об одном раннесаманидском фельсе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XII: 103–112. Ленинград: Наука.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОГИЛЬНИКА УЧ-АТ

А. И. ТОРГОЕВ[1]

Статья Ю. А. Заднепровского «Могильник Уч-Ат в Южной Киргизии» была написана почти 20 лет назад, но подготовлена к изданию только сейчас. Ранее были опубликованы лишь краткие статьи, посвященные этому могильнику (Заднепровский: 1975, 1982, Заднепровский, Дружинина: 1975, 1976). Полная публикация материалов могильника представляется весьма важной ввиду того, что эти материалы ярко отражают процессы культурной интеграции, участницей которых Фергана стала только в раннем средневековье, кроме того, для эпохи развитого средневековья Уч-Ат остается пока единственным памятником с не мусульманским погребальным обрядом.

Полное ознакомление с полевой и отчетной документацией в архиве ИИМК РАН и домашнем архиве Ю. А. Заднепровского, а также с керамикой из могильника, хранящейся в фондах ИИМК РАН, позволило обратиться к проблеме интерпретации могильника Уч-Ат. Сам Ю. А. Заднепровский оставил эту проблему открытой.

Погребальные сооружения и обряд. Из 33 могил конструкцию погребального сооружения не удалось проследить только в двенадцати. Во всех остальных случаях это были катакомбы. Наибольшее сходство катакомбы, изученные в Уч-Ате, имеют с катакомбами 15 и 32 курганов могильника Боркорбаз (Сорокин 1961: табл. 14–15) и катакомбами могильника Ташрават VIII, раскопанного Г. А. Брыкиной и, к сожалению, пока не полностью изданного (Брыкина, Горбунова 1999: рис. 53–54). Ю. А. Заднепровский совершенно справедливо подчеркивал, что Уч-Ат является «наиболее поздним памятником среди катакомбных могильников Ферганы и Средней Азии в целом» (Заднепровский 1975: 55). Для Ферганы это наиболее важно, так как катакомбный обряд захоронения является характерным для носителей кугайско-карабулакской культуры и существует непрерывно вплоть до саманидского времени. Теперь перейдем к характеристике вещевого инвентаря.

Керамика. Всего в Уч-Ате обнаружено 37 сосудов, причем все они изготовлены вручную техникой донно-кольцевого налепа. Тесто сосудов – грубое с большой примесью отощителя.

Ведущей формой сосудов являются кувшины с шаровидным туловом и дуговидной ручкой. На верхней плоскости ручек некоторых сосудов имеется круглый налеп. Нижние концы ручек, на месте соединения с туловом, украшались вертикальными надрезами или же пальцевыми вдавлениями. Несколько кувшинов украшены процарапанным орнаментом в виде треугольных лепестков или полуовалов, заполненных насечками. Такой орнамент, по всей видимости, можно рассматривать как подражание орнаменту на согдийской посуде VII–VIII вв. Ближайшие аналогии ему находятся в керамике верхнего слоя Пенджикента (Бентович 1964: рис. 19: 3; рис. 38: 16–17). Круглый налеп на верхней плоскости ручки тоже, вероятно, заимствован из Согда (Бентович 1964: рис. 22: 3), он также является излюбленным приемом украшения керамики Пайкенда IX–XI вв. (Мухамеджанов и др. 1988: 137). В Семиречье и на Тянь-Шане этот элемент украшения ручек кувшинов появился не ранее IX в. и наибольшее распространение имел в X–XI вв. (Бернштам 1952: 154). Украшение нижних оконечностей ручек нарезками или пальцевыми вдавлениями по середине также характерно для семиреченской керамики X–XI вв. Среди кувшинов Ю. А. Заднепровский выделил тип кувшинов с оттянутым сливом, которые тоже сделаны в подражание согдийским.

Особо следует остановиться на находке трех кружек с фестончатым краем (трефовидные по Ю. А. Заднепровскому). В Фергане находки подобных кружек известны среди материалов с поселений Чун-тепе (Горбунова 1979: рис. 23: 1), Лумби-тепе, Касан (сведения Ю. А. Заднепровского), а также на трассе БФК (Оболдуева 1951: табл. 10: 1), в Зортепинском могильнике (Горбунова 1986: табл. 6; 8), в склепах Мунчактепе (Брыкина, Горбунова 1999: табл. 59), а также в Ахсикете в слое X–XI вв. (Анарбаев, Иневаткина 1990: рис. 4; 5). Несколько иные – крупных размеров чаши найдены в Пайкенде, также в комплексе X–XI вв. (Семенов, Мирзаахмедов 2000: рис. 111: 1). Распространение таких кружек в Фергане можно уверенно связывать с проникновением согдийской керамической традиции. В самом Согде фестончатые кружки появились в начале VIII вв. и, как показал Б. И. Маршак, имели реальные металлические прототипы (Маршак 1961). Ферганские же кружки копируют уже керамические образцы, эта же особенность характерна и для кувшинов.

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа (стажер-исследователь).

© А. И. Торгоев, 2003

Н. Г. Горбунова показала смену керамической традиции в Фергане в VII–VIII вв., связанную с согдийским переселением (Горбунова 1979: 70–71). Керамика указанного времени с городищ Акбуура (Аманбаева, Абдуллоев 2000: рис. 1), Кува (Вархотова 1990), Шортепе (Абдулгазиева 1983: 135) и др. поселений имеет выраженный согдийский облик, хотя и местные традиции керамического производства не забываются.

В керамике из Уч-Ата отразилось знакомство с согдийской посудой, во всяком случае создается впечатление, что прототипом ее была согдийская керамика VII–VIII вв., и уч-атская керамика является дальнейшей переработкой согдийских форм, развитие которых в Фергане и Семиречье задержалось до саманидско-караханидского времени (Распопова 1960: 167).

Бытовой инвентарь представлен изделиями из железа: кресалом, иглами и тремя серповидными ножами. Подобные ножи найдены в Пенджикенте в слоях первой-третьей четвертей VIII в. (Распопова; 1980, рис. 41). Но ножи такой формы бытовали и раньше и позже. Вплоть до этнографической современности народы Средней Азии использовали серповидные ножи как садовые.

Украшения и предметы туалета представлены серьгами, перстнями, кольцами, браслетами и подвесками. Серьги, найденные в Уч-Ате, Ю. А. Заднепровский справедливо разделил на три типа. Первые два типа серег бытовали в Средней Азии достаточно долго. Особый интерес представляют серьги с кольцом и шпеньком, а также подвесками в виде палицы. Конструкция их близка, но не идентична серьгам так называемого «салтовского» типа. По сочленению кольца и подвески эти серьги тождественны серьгам VIII в. из Пенджикента (Распопова 1980: рис. 72: 14,15). Такая же по конструкции серьга была найдена также на городище Кайноват (Оболдуева 1951: табл. 6, 9). В качестве подвески использовалась бронзовая антропоморфная фигурка. Наибольшую близость эта подвеска обнаруживает с подвесками из могильников Кувасай и Охна (Иванов 1991: рис. 1: 20; Иванов 1994: рис. 2: 15). Возможно, функцию подвесок выполняли две литые фигурки петушков. К аналогиям, приведенным в статье Ю. А. Заднепровского, можно добавить находки близких подвесок среди подъемного материала с Краснореченского городища. Перстни и кольца, аналогичные уч-атским, имеют широкое распространение на обширной территории Средней Азии. Из ближайших аналогий можно привести пенджикентские перстни и кольца (Распопова 1980: рис. 76, 77). Интересен крупный уступчатый перстень. Уступчатые перстни с несколько иными пропорциями, с более широким щитком были распространены в Фергане в первых веках н. э. (Горбунова 1984), но уч-атский перстень отличается от них более узким щитком. Наиболее близкие аналогии ему находятся в Дарьялык-куле в Хорезме, где они датируются XI – началом XIII вв. (Неразик 1968: рис. 60: 4–6).

Зеркала из Уч-Ата однообразны, пять из шести найденных зеркал имеют кнопковидный выступ с отверстием для подвешивания и неширокий бортик, которые находят аналогии в пенджикентских материалах, что отмечалось Ю. А. Заднепровским.

Детали наборных поясов. В Уч-Ате были обнаружены детали наборных поясов. Эта категория инвентаря включает два поясных наконечника, обойму и лировидную подвеску. Особый интерес представляет находка лировидной подвески в кургане 10. Первая сводка лировидных подвесок, опубликованная А. Д. Грачом (Грач 1965: рис.1), сейчас существенно дополнена (Овчинникова 1990: 36–37, рис. 8). Д. Г. Савинов разделил лировидные подвески на два основных типа. Подвеска, найденная в Уч-Ате, относится к первому типу «с сердцевидной прорезью и округлой ножкой» (Савинов 1986: 127) и, так как она не орнаментирована, то принадлежит к изделиям «общетюркского облика» (Длужневская 1998: 54). Такие подвески распространены в Южной Сибири, Восточном Казахстане (Арсланова 1972), Семиречье (Бернштам 1950: табл. XLIV: 9). В Средней Азии такие подвески известны только в Уч-Ате и Тюябугузе (Агзамходжаев 1959: рис. 1).

Датируются подвески концом VIII–X вв., причем основной период их существования приходится на IX–X вв., а после X в. эти изделия не встречаются. В Фергане лировидная подвеска вряд ли могла появиться раньше середины IX в. – времени крупных передвижений центральноазиатских кочевников. Во всяком случае, предгорья Ферганы явились самым западным рубежом распространения подобных подвесок. Безусловно прав Ю. А. Заднепровский, сопоставляя подвеску, найденную в Уч-Ате, с подвеской из Тюябугуза. Но пояс из погребения в Тюябугузе по своему декору совершенно аналогичен деталям поясного набора из кыргызского кургана с трупосожжением в могильнике Тепсей-3 (Грязнов, Худяков 1979: рис. 89: 15). Из близких аналогий можно привести еще пояс из Боз-бешика на Иссык-куле (Памятники … 1983: 67–68). На основании этих аналогий погребение в Тюябугузе, ранее датированное VI–VIII в., можно отнести к IX–X вв. Появление в Фергане и Чаче вышеописанных деталей поясного набора можно связывать с проникновением в культуру этих областей элементов, явно связанных с центральноазиатскими кочевниками.

Датировка. На основании находок 3 фельсов Ахмада ибн Асада – первого саманидского правителя Ферганы – Ю. А. Заднепровский датировал могильник в пределах первой – третьей четверти IX в. Причем ко времени помещения

монет в могилы, они, судя по пробитым в них отверстиям, некоторое время использовались в качестве украшений. Кроме вышеназванных, известно еще 5 бухар-худатских подражаний аббасидским драхмам, Омейядская монета 711–712 гг. и китайская монета Кай юань – Тун бао. Учитывая долгий период хождения этих монет и исходя из даты саманидских фельсов Ахмада ибн Асада (861–862 гг.), нижняя дата могильника отодвигается до времени не ранее второй половины IX в. Остальные монеты имели долгий период хождения и не могут расцениваться как надежный хронологический индикатор. Учитывая сложность разделения комплексов IX–X вв. в Средней Азии, верхняя дата могильника отодвигается до X в. С принятием ислама в начале караханидской эпохи на всей территории Средней Азии, подчиненной этой династии, наблюдается унификация погребального обряда, и он повсеместно становится мусульманским. В погребальном обряде могильника каких-либо черт мусульманской погребальной обрядности не наблюдается и, таким образом, могильник Уч-Ат должен датироваться не ранее середины IX – первой половины X вв., хотя не исключена возможность более длительного функционирования могильника, вплоть до XI в.

В. П. Мокрынин, классифицируя типы погребальных сооружений древнетюркского времени в Кыргызстане, выделил особый, уч-атский тип погребений (Мокрынин 1986: 102–103). Он относит этот тип к виду «погребений с традиционными чертами» и считает, что в Уч-Ате захоронено коренное население.

В пользу гипотезы В. П. Мокрынина о захоронении в этом могильнике коренного населения Ферганы говорят несколько фактов: во-первых, отсутствуют характерные элементы древнетюркской погребальной обрядности, а именно – какие-либо данные, которые позволили бы говорить о наличии сопогребенной лошади. Нет и никаких предметов конского снаряжения. Во-вторых, катакомбные захоронения не являются характерными для древнетюркской погребальной обрядности. Катакомбы Уч-Ата генетически связаны с предшествующими катакомбами носителей кугайско-карабулакской культуры. Кроме того, в Фергане известны классические древнетюркские погребения с конем в Арсифе и Дальверзине (Заднепровский 1967: 270–272; Маликов 1999: 12). Приведенные аргументы позволяют согласиться с точкой зрения В. П. Мокрынина.

Подводя итоги, необходимо отметить одну, пожалуй, наиболее важную черту: на материальной культуре коренного населения Ферганы, захороненного в Уч-Ате, ярко отразились два интеграционных процесса. Первый – согдийское влияние, проявившееся в керамическом комплексе; второй – усиливающееся тюркское влияние, хорошо различимое по некоторым украшениям и поясному набору. В заключение надо отметить, что в материалах из ферганских могильников VI–VIII вв. Кок-Таш, Охна и Кувасай тюркское влияние заметно в гораздо меньшей степени.

Абдулгазиева, Б. 1983. Шортепе // История материальной культуры Узбекистана 18: 126–135. Ташкент: Издательство ФАН.

Агзамходжаев, Т. Р. 1964. Бронзовые украшения из Тюябугуза // История материальной культуры Узбекистана 5. Ташкент: Издательство ФАН.

Аманбаева, Б. Э., Д. Абдуллоев. 2000. Доарабский Ош в свете раскопок Ак-бууринского городища (предварительные итоги) // Ош и древности Южного Кыргызстана 5: 6–10. Бишкек: Мурас.

Анарбаев, А. А., О. Н. Иневаткина. 1990. Стратиграфическое исследование шахристана I городища Эски Ахси // История материальной культуры Узбекистана 24: 71–86. Ташкент: Издательство ФАН.

Арсланова, Ф. Х. 1972. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане: 56–76. Алма-Ата.

Бернштам, А. Н. 1950. Чуйская долина // Труды Семиреченской археологической экспедиции. Материалы и исследования по археологии СССР 14. Москва-Ленинград: Наука.

1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР 26. Москва-Ленинград: Наука.

Брыкина, Г. А., Н. Г. Горбунова. 1999. Фергана // Средняя Азия в эпоху раннего средневековья: 93–113. Москва: Наука.

Вархотова, Д. 1990. Керамика VII–VIII вв. с городища Кува // История материальной культуры Узбекистана 24: 144–158. Ташкент: Издательство ФАН.

Горбунова, Н. Г. 1979. О раннесредневековой керамике Ферганы // Успехи среднеазиатской археологии 4: 67–71. Ленинград: Наука.

1983. Об одной группе ферганских перстней // Сборник Государственного Эрмитажа 48: 26–28. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

1986. Зортепинский могильник в Фергане // Древние памятники культуры на территории СССР: 76–86. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

Грязнов, М. П., Ю. С. Худяков. 1979. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее: 146–159. Новосибирск: Издательство Сибирского Отделения АН СССР.

Длужневская, Г. В. 1993. Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв. н. э.) // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc VI: 21–43. Lodz.

Иванов, Г. П. 1991. Кувасайский могильник VII–VIII вв. в Ферганской области // Советская Археология 3: 262–266.

1994. Могильник Охна в долине Шахимардан-Сая // Фергана в древности и средневековье: 49–53. Самарканд.

Заднепровский, Ю. А. 1967. Тюркские памятники в Фергане // Советская археология 1: 270–274.

1975. Раскопки катакомбного могильника Уч-Ат в Южной Киргизии // Успехи среднеазиатской археологии 3: 53–55. Ленинград: Наука.

1982. Некрополь в Южной Киргизии // По следам памятников истории и культуры Киргизстана: 79–87. Фрунзе: «Илим».

Заднепровский, Ю. А., Е. В. Дружинина. 1974. Работы Ферганской экспедиции // Археологические открытия 1973 г.: 480–482. Москва: Наука.

1975. Исследования в Южной Киргизии // Археологические открытия 1974 г.: 553–554. Москва: Наука.

Маликов, А. М. 2000. Тюрки в среднеазиатском междуречье в VI–VIII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд.

Маршак, Б. И. 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII вв. // Труды Государственного Эрмитажа V: 177–201. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

Мокрынин, В. П. 1986. По следам прошлого. Фрунзе.

Мухамеджанов, А. М., Д. К. Мирзаахмедов, Ш. Т. Адылов, Г. Л. Семенов. 1988. Городище Пайкенд. Ташкент: Фан.
Неразик, Е. Е. 1976 Сельские жилища Хорезма (I–XIV вв.) // Труды Хорезмской Археологической Экспедиции IX. Москва.
Памятники... 1983. Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.
Распопова. В. И. 1960. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции 4: 138–163. Москва: Наука.
1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Ленинград: Наука.
1999. Металлические изделия из Пенджикента. Санкт-Петербург.
Савинов, Д. Г. 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
Семенов, Г. Л., Д. К. Мирзаахмедов. 2000. Раскопки в в Пайкенде в 1999 году. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.
Сорокин, С. С. 1961. Боркорбазский могильник // Труды Государственного Эрмитажа 5: 117–161. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

TO THE INTERPRETATION OF THE CEMETERY OF UCH-AT

A. I. TORGOEV

The cemetery of Uch-at was excavated by Yu. A. Zadneprovskiy in 1972–1974. This cemetery is located in the foothills of the Ferghana Valley near v. Iski-Naukat, 40 km south-west from Osh. Excavated at the cemetery were 33 kurgans – some for the second time. All of the funerary structures excavated at Uch-at were catacombs. The graves had a short dromos and a small chamber-catacomb. Two types of the graves differing in their orientation were distinguished.

A fairly varied set of objects was obtained during the excavations. The pottery was exclusively handmade, the predominating forms being small jugs, sometimes with an outstretched spout. A number of festooned mugs also have been encountered. Prototypes of the pottery from Uch-at are found among that from Sogd of the 7th–8th centuries; its parallels are widely represented in the pottery from Semirechye of the 8th–10th centuries.

The adornments include rings, finger rings, pendants in form of cockerels, earrings, lamellate bracelets, temple-rings and numerous beads. The earrings comprised remarkable silver ones close in their design to earrings of the Saltov type.

Of great interest is the find of a belt lyre-shaped pendant and belt tips. The belt adornments found at this cemetery are analogous to belt adornments of Central-Asia nomads of the 9th–10th centuries. The graves contained also various coins: Bukharkhudat imitations of ´Abbasid drachms, Samanian felses of Ahmad ibn Asad of 861–862, and a Chinese coin «Kaiyuan Tongbao».

A comparative study of these finds showed that buried at the cemetery were the indigenous semi-nomad inhabitants of Ferghana whose culture reflected certain processes of cultural integration. On the one hand, the integration process was directed from Sogd and it expressed itself in the pottery, on the other hand, the materials from the cemetery distinctly reflected the influence of Turkic-speaking nomads of the Central Asia. The cemetery under discussion is the latest catacomb site in Middle Asia, and as far as the Samanid period is concerned it is the single cemetery in Mavrannakhar with a non-Moslem funerary rite.

Finds of Samanid felses have limited the lower date of the cemetery by the period not earlier than the middle of the 9th century. A comparison of finds from funerary complexes of Uch-at showed that this cemetery must be dated within the second half of the 9th and the 10th century, though one may not rule out the pos09sibility of shifting the upper date to the 11th century.

ПРЕСТИЖНО-КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И УКРАШЕНИЯ АЛТЫН-ДЕПЕ ИЗ ДРЕВНИХ ИСКУССТВЕННЫХ МИНЕРАЛОВ

(по данным рентгенометрического анализа)[1]

Л. Б. КИРЧО, Г. М. КОВНУРКО (†)[2]

В настоящей работе авторы продолжают изучение минерального состава предметов, происходящих из раскопок Алтын-депе – одного из крупнейших и наиболее изученных поселений эпохи энеолита – бронзы Средней Азии (Кирчо, Ковнурко 1999: 76–85). Объектом исследования явились престижно-культовые предметы (печати, статуэтка) и украшения (бусы, бляшка), изготовленные из светлого (беловато-серого) каменного материала, обычно именуемого археологами гипсом, известняком или пастой. Макроскопическая диагностика минерального состава затруднена тем, что материал имеет микрозернистую или скрытокристаллическую структуру, поверхность предметов пришлифована, свежие сколы отсутствуют. Одной из целей работы явилось получение информации о происхождении каменного материала. Некоторые результаты дифрактометрического анализа находок из погребений Алтын-депе опубликованы ранее (Кирчо, Ковнурко 1999: 78).

Рентгеновское исследование археологического материала проведено сотрудником кафедры кристаллографии геологического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета В. Б. Трофимовым на приборе ДРОН-2,0.

Изученная коллекция состояла из 11 предметов (рис. 1, табл. 1).

На основе полученных рентгеновских данных выделяются по химико-минеральному составу две группы образцов (табл. 2). В одной группе (7 образцов) преобладают кварц и кристобалит, то есть в основе химического состава находится двуокись кремния. Четыре образца другой группы сложены силикатами магния – тальком и энстатитом. В одном из образцов этой группы присутствует клиноэнстатит и форстерит в количестве не более 30 %.

Первую группу предметов, сложенных кремнеземом, можно разделить на две подгруппы. Образцы № 4, № 7 и № 10 более чем на 95 % состоят из кварца, кристаллическая решетка кристобалита обнаружена в образце № 4 в незначительном количестве.

Образец № 5 представляет собой агрегат, состоящий из 85 % кварца и 15 % кристобалита, содержание кристобалита в образцах № 8 и № 9 достигает 40 %, а в образце № 1 – 50 %.

Образцы магнезиального состава различаются по количественному соотношению кристаллических фаз. В образце № 2 резко преобладает энстатит, на долю талька приходится около 5 % его объема. В образце № 3 энстатит и тальк содержатся примерно в равных количествах. На 70 % сложен энстатитом образец № 6, а остальной объем распределен примерно поровну между клиноэнстатитом и форстеритом. В состав образца № 11 входят 60 % энстатита и 40 % клиноэнстатита.

Полученные аналитические данные свидетельствуют, что минеральные агрегаты не являются природными образованиями, а появились при высокотемпературном обжиге. В пользу искусственного происхождения минералов свидетельствуют следующие факты.

1. Соотношение между минеральными фазами непостоянно при одинаковом (близком) химическом составе двух типов образцов. Это непостоянство можно объяснить различиями в температуре и длительности обжига. В природе условия кристаллизации расплава ограничены, высокие содержания кристобалита в кислых горных породах, а энстатита в ультраосновных не характерны.

2. Изделия, сложенные смесью талька и энстатита, имеют белый цвет, в то время как горные породы подобного химического состава

[1] Настоящее исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 00-06-80405 «Формирование технико-технологической основы древнейшей цивилизации Средней Азии (по данным Алтын-депе)».

[2] К сожалению, это последняя работа Г. М. Ковнурко — ведущего специалиста по применению петрографических методов исследования археологических материалов. Г. М. Ковнурко скончался после тяжелой болезни в декабре 2001 г.

© Л. Б. Кирчо, Г. М. Ковнурко, 2003

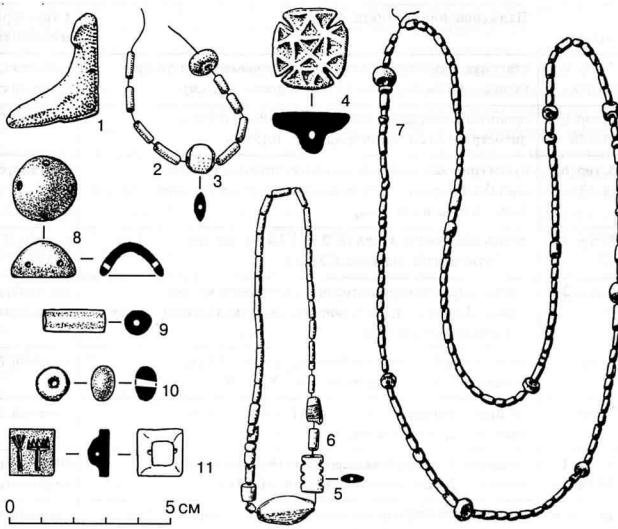


Рис. 1. Алтын-депе, Южный Туркменистан, вторая половина – конец III тыс. до н. э., предметы из искусственных высокотемпературных минералов (номера на рисунке соответствуют номерам образцов в табл. 1 и 2).

Fig. 1. Altyn-Depe, southern Turkmenistan, second half – end of the 3rd mil. B.C., objects made from high-temperature minerals (numbers on the figure correspond to numbers of the samples in tables 1 and 2).

характеризуются зеленовато-черной или черной окраской.

3. Все обнаруженные при рентгеновском исследовании минералы являются хрупкими и обладают высокой твердостью. Высверливание отверстий относительно большой длины при малом диаметре (0,1–02 см) представляет значительные технические трудности.

Таким образом, подтверждается ранее высказанное предположение о том, что исходным материалом для изготовления некоторых предметов явились мягкие горные породы, легко поддающиеся механической обработке – резьбе, сверлению. Примерами пород кремнистого состава могут быть такие осадочные образования как опока, трепел, диатомит. К горным породам магнезиального состава относятся тальковый сланец и другие талькосодержащие породы. В результате обжига происходила перекристаллизация минералов, фазовые переходы.

Технология обжига представляется достаточно сложной. Дело не только в достижении весьма высоких температур. Такие магнезиальные пироксены как энстатит кристаллизуются при температурах, превышающих 1200°С, а температура фазового перехода кварца в кристобалит – выше 1400°С (при нормальном атмосферном давлении). Весьма важными обстоятельствами являются скорость нагревания и охлаждения материала, длительность обжига. Эти условия нужно было подобрать так, чтобы предупредить растрескивание или оплавление вещества. Для отработки такой сложной технологии обжига, по-видимому, требовалось весьма длительное время. Реконструкция технологии потребует дополнительных аналитических наблюдений и привлечения нового фактического материала.

Изученные предметы входили в инвентарь погребений эпохи ранней (№ 1–3, погребения 634–638 – коллективное захоронение в погребальной камере периода среднего Намазга IV) и средней бронзы (№ 4–7 – погребения 413 и 813 – индивидуальные захоронения периода среднего Намазга V). Они также найдены в культурном слое эпохи средней бронзы (№ 9 – периода раннего или среднего Намазга V, № 8, 10, 11 периода среднего или начала позднего этапа Намазга V) и датируются второй половиной – концом III тыс. до н. э.

Соотношение химико-минерального состава и типологической характеристики исследованных образцов показывает, что из пород кремнистого состава (первая минералогическая группа) изготовлены преимущественно предметы, весьма характерные для культурного комплекса Южного Туркменистана эпохи ранней и средней бронзы, причем антропоморфная ста-

№№	Шифр, место находки	Наименование предмета	Структура и цвет материала
1	Раскоп 5, гор. 6, погр. 634–638	статуэтка – изображение сидящей антропоморфной фигуры (длина – 3,0 см, высота – 3,3 см толщина – 1,25 см)	пористый, серовато-бежевый с блестками
2	Раскоп 5, гор. 6, погр. 634–638	пронизка цилиндрическая (тип IA1, длина – 0,85 см, диаметр – 0,35 см, диаметр канала – 0,15 см)	плотный, белый
3	Раскоп 5, гор. 6, погр. 634–638	бусина плоская округлая, подвосьмиугольная в плане (тип IVБ2$_1$, длина – 0,8 см, ширина – 0,85 см, толщина – 0,35 см, диаметр канала – 0,15 см)	плотный, белый
4	Раскоп 5, гор. 3, погр. 413	печать крестовидная (тип IБ, 2,35 х 2,4 см, толщина – 1,25 см, отверстие в ушке овальное, 0,2 х 0,25 см)	пористый, серовато-бежевый
5	Раскоп 5, гор. 3, погр. 413	пронизка плоская прямоугольная с зубчатыми краями (тип IA'2, длина – 1,18 см, ширина – 0,72 см, толщина – 0,3 см, диаметр канала – 0,1 см)	плотный, зеленоватый с блестками
6	Раскоп 5, гор. 3, погр. 413	пронизка цилиндрическая (тип IA1, длина – 0,6 см, диаметр – 0,35 см, диаметр канала – 0,15 см)	плотный, белый
7	Раскоп 9, гор. 2, погр. 813	пронизка цилиндрическая (тип IA1, длина – 0,4 см, диаметр – 0,25 см, диаметр канала – 0,1 см)	плотный, белый
8.	Раскоп 9, гор. 1, двор Б, ЮЗ часть	бляшка выпуклая с 4-мя дырочками (высота – 0,9 см, диаметр – 2,0 см, диаметр отверстий – 0,15 см)	плотный, серовато-зеленоватый
9.	Раскоп 13, гор. 1, пом. 14	пронизка цилиндрическая крупная (тип IA1, длина – 1,9 см, диаметр – 0,8 см, диаметр канала 0,2–0,25 см)	плотный, зеленоватый
10.	Раскоп 9, гор. 1, пом. 71	бусина округлая (тип IVБ1, длина – 0,75 см, диаметр – 1,0 см, канал односторонний, диаметром 0,17–0,22 см)	плотный, зеленоватый
11.	Раскоп 9, гор. 1, пом. 105	печать квадратная (тип 1А) со знаками (1,4 х 1,5 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстия в ушке 0,1 см)	плотный, белый

Таблица 1. Описание предметов из Алтын-депе, отобранных для рентгено-фазового анализа.

Table 1. The list of objects from Altyn-Depe, selected for X-ray phase analysis.

туэтка[3] и крестовидная печать несомненно имеют местное происхождение, а плоские прямоугольные пронизки с зубчатым краем и округлые бусы широко представлены в инвентаре погребений Алтын-депе (первые входили в состав ожерелий, а вторые образовывали пояса или оторочку одежды на бедрах; погребения 41, 131–168, 195, 198, 258, 403–409, 413, 419–422, 424–429, 590–597, 634–638, 813). В эту же группу входят и две цилиндрические пронизки, не имеющие определенной культурно-хронологической привязки, а также единственная на Алтын-депе круглая выпуклая бляшка. За пределами Южного Туркменистана пронизки с зубчатыми краями найдены в Иране в погребении времени Гиссар IIIB–C на Тепе-Гиссар (Schmidt 1937: 231, tabl. LXIX, H 2856) и в погребениях 224, 340, 351 и 362 могильника А в Шахдаде (Hakemi 1997: 393, No. 2767: 517, No. 4097; 528, No. 4194–4199; 539, No. 4284), также датируемых второй половиной III тыс. до н. э. К концу III – началу II тыс. до н. э. относятся находки округлых бус в могильнике Северного Гонур-депе 1 в древней Маргиане (Salvatori 1995: 10, fig. 20, G. 432 9–11), причем автор раскопок определяет материал таких бус как фаянс. Интересно, что уже Э. Шмидт, с присущей немецким ученым педантичностью, указывал, что пронизка с зубчатыми краями и бусина с тремя каналами и с зубчатым оформлением краев изготовлены из фритта (frit) – спекшейся стеклянистой смеси, тем самым выделяя эти бусы по материалу (Schmidt 1937: 231). В этой связи нужно отметить, что наши предметы кварц-кристобалитового состава обычно имеют серовато-бежевый или зеленоватый цвет поверхности, на которой часто заметны мелкие блестки. При этом вещество предметов очень твердое, хотя иногда верхний слой, разрушенный временем, довольно рыхлый.

Во вторую минералогическую группу (породы магнезиального состава) вошли две цилинд-

[3] Антропоморфная фигурка из желтоватого алебастра, найденная на Тепе-Гиссар и близкая южно-туркменистанским каменным и терракотовым миниатюрным статуэткам периода позднего энеолита и ранней бронзы, была ошибочно принята Э. Шмидтом за фигурку птицы (Schmidt 1937: 188, pl. XLVI, H 4096).

рические пронизки, округлая плоская подвосьмиугольная бусина и квадратная печать со знаками. Как было указано выше, цилиндрические пронизки не имеют точной культурно-хронологической атрибуции, округлая подвосьмиугольная бусина – единственная на Алтын-депе, однако здесь представлены близкие по форме округлые бусы из сердолика. Белые каменные плоские округлые бусы найдены в погребениях 221, 340, 351, 362 (Hakemi 1997: 390, No. 21714; 517, No. 4097; 528, No. 4194–4195; 539, No.4284) могильника А в Шахдаде, то есть в инвентаре тех же захоронений, что и плоские прямоугольные пронизки с зубчатыми краями. Наконец, квадратная печать со знаками уже в момент находки была однозначно определена как печать протоиндийского типа (Массон 1977: 147; 1981: 115), являющаяся прямым импортом на Алтын-депе из района цивилизации Хараппа. Наши исследования, показавшие что печать была изготовлена из стеатита и затем обожжена, дополнительно подтверждают эту культурную атрибуцию. Именно из стеатита с последующим обжигом преимущественно изготовляли хараппские печати (Массон 1977: 149).

В древней Индии технология изготовления предметов из мягкого талька (стеатита) с последующим обжигом известна, начиная с неолита (Vidale 1990) и, видимо, именно отсюда распространилась на территорию Ирана и Средней Азии. Однако использование в качестве сырья мягких осадочных пород (опока, трепел, диатомит) с последующим высокотемпературным обжигом и получением кварц-кристобалита в материалах Алтын-депе зафиксировано впервые. Показательно, что предметы из обожженных стеатита и кремнеземов входили в состав одних и тех же комплексов, а инвентарь коллективного захоронения (погребения 634–638) среднего этапа периода ранней бронзы – наиболее раннее проявление такой технологии.

№№ обр.	Шифр, место находки	Наименование предмета	Кварц SiO_2	Кристобалит SiO_2	Полевые шпаты	Тальк (стеатит) $Mg_3[Si_4O_{10}][OH]_2$	Энстатит $Mg_2[Si_2O_6]$	Клиноэнстатит	Прочие
1.	Р. 5, гор. 6. погр. 634–638	статуэтка антропоморфная	50	50	–	–	–	–	–
2.	Р. 5, гор. 6. погр. 634–638	пронизка цилиндрическая	3–5	–	–	~5	>90	–	d=4.05?
3.	Р. 5, гор. 6. погр. 634–638	бусина плоская округлая, подвосьмиугольная в плане	–	–	–	50	50	–	d=4.08?
4.	Р. 5, гор. 3, погр. 413	печать крестовидная	95	≤5	–	–	–	–	–
5.	Р. 5, гор. 3, погр. 413	пронизка плоская прямоугольная с зубчатыми краями	85	15	–	–	–	–	–
6.	Р. 5, гор. 3, погр. 413	пронизка цилиндрическая	сл.	–	–	–	70	5—10	форстерит 10—15
7.	Р. 9, гор. 2, погр. 813	пронизка цилиндрическая	>95	–	–	–	–	–	–
8.	Р. 9, гор. 1, двор Б	бляшка выпуклая с 4-мя дырочками	55–60	45–40	–	–	–	–	–
9.	Р. 13, гор. 1, пом. 14	пронизка цилиндрическая крупная	60	40	–	–	–	–	–
10.	Р. 9, гор. 1, пом. 71	бусина округлая	> 95	–	сл.	–	–	–	–
11.	Р. 9, гор. 1, пом. 105	печать квадратная со знаками	–	–	–	–	60	40	d=4.05?

Таблица 2. Результаты рентгено-фазового анализа предметов из Алтын-депе (содержание кристаллических фаз в %).

Table 2. Results of X-ray phase analysis of objects from Altyn-Depe (contents of crystalline phases in percents).

Кирчо Л. Б., Г. М. Ковнурко. 1999. Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе и вопросы хронологии // Археологические Вести 6: 76–85.
Массон, В. М. 1977. Печати протоиндийского типа из Алтын-депе // Вестник древней истории 4: 147–156.
1981. Алтын-депе // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции XVIII. Л. 176 с.
Hakemi, A 1997. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran // Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Centro Scavi e Richerche Archologiche. Reports & Memoires. V. XXVII. 723 p.
Salvatori, S. 1995. Gonur-depe 1 (Margiana, Turkmenistan): The Middle Bronze Age Graveyard. Preliminary Report of the 1994 Excavation Campaign // Rivista di Archeologia. XIX: 5–37.
Vidale, M. 1990. Early Harappan steatite, faience and paste beads in a necklace from Mehrgarh-Nausharo // East & West. N. 39 (1–4): 291–300.

CEREMONIAL AND RITUAL OBJECTS AND ADORNMENTS FROM ANCIENT ARTIFICIAL MINERALS FROM ALTYN-DEPE (data obtained by means of roentgenometric analysis)

L. B. KIRCHO, G. M. KOVNURKO (†)[4]

We continue here our investigations of the mineral composition of objects obtained from excavations at Altyn-Depe – one of the largest and most studied settlements of the Aeneolithic epoch and Bronze Age in Central Asia (Кирчо, Ковнурко 1999: 76–85). Examined were 11 artefacts made from whitish-grey stone-like material (fig. 1, table 1): seals, a figurine, beads, and a plate. The roentgenometric analysis was carried out by V. B. Trofimov (Chair of Crystallography of the Geological Faculty, Saint-Petersburg State University) using the DRON-2,0 apparatus.

Two groups of samples were segregated on the basis of their chemico-mineral composition as shown by X-ray analysis (table. 2). In one of the groups (7 samples), predominant are quartz and cristobalite, *i.e.* their chemical composition is based on silicon dioxide. Four samples of the other group are composed of silicates of magnesium – talc and enstatite. One of the samples from this second group contains clinoenstatite and forsterite.

The analytical data suggest that these mineral constituents were not formed naturally but appeared during high-temperature firing.

1. The ratio of the mineral phases is not constant while the chemical compositions of the two types of samples are identical (or close). Such inconstancy may be explained by variances in the temperature and duration of firing. In nature, the conditions of crystallisation of a melt are limited, therefore high contents of cristobalite in acid rocks and those of enstatite in the ultra-basic ones are uncommon.

2. The artefacts composed of mixtures of talc and enstatite are white, while greenish-black or black tints are peculiar to natural rocks of similar chemical composition.

3. All of the minerals identified by X-ray analysis are brittle and very hard. Drilling any relatively long holes with a small diameter (0.1–0.2 cm) in them is technically fairly difficult.

Thus the original materials for making our objects were soft rocks that yield easily to mechanical processing – carving and drilling. Examples of siliceous rocks are *inter alia* such sedimentary forms as gaize, bergmeal and diatomite. Rocks of magnesian composition include talc schist and other talc-containing rocks. Firing of the raw materials resulted in re-crystallisation and phase transitions in the constituent minerals.

The technology of firing seems to have been fairly complicated. Such magnesian pyroxenes as enstatite crystallise at temperatures exceeding 1200°C, and the temperature of the phase transition of quartz to cristobalite is over 1400°C (under the normal atmospheric pressure). Of great importance are the rates of heating and cooling of the material and the duration of firing. These conditions must be selected so as to prevent cracking and vitrification of the substance. The development of such a complicated technology of firing took, as it seems, a very long time.

The objects mentioned made part of the grave goods or were found in the cultural layer of the early and middle Bronze Age (middle Namazga IV

[4] Regretfully it is the last work of G. M. Kovnurko — a leading expert in the application of petrographic methods to studies of archaeological materials. In December 2001, G. M. Kovnurko died after a serious illness.

and the beginning of the later stage of Namazga V) and are dated to the second half or the end of the 3rd mil. B.C.

The correlation of the chemical-mineral compositions and typological characteristics of the samples studied shows that from the rocks of siliceous composition (the first mineralogical group) mostly objects peculiar to the cultural complex of southern Turkmenistan of the early and middle Bronze Age were made. Furthermore, the anthropomorphic statuette and cruciform seal undoubtedly are of the local origin, and the flat rectangular spacer-beads with dentated edges and rounded beads are widely represented among the funerary inventory at Altyn-Depe (graves 41, 131–168, 195, 198, 258, 403–409, 413, 419–422, 424–429, 590–597, 634–638, 813). Outside southern Turkmenistan, spacer-beads with dentated edges were found in Iran in a burial dated to the Hissar IIIB–C period at Tepe-Hissar (Śńhmidt 1937: 231, tabl. LXIX, H 2856) and in graves 224, 340, 351 and 362 at cemetery A in Shahdad (Hakemi 1997: 393, No. 2767: 517, No. 4097; 528, No. 4194–4199; 539, No. 4284). The latter graves also are dated to the second half of the 3rd mil. B.C. In ancient Margiana, at the cemetery of the Northern Gonur-Depe 1, one found rounded beads dated to the end of the 3rd and beginning of the 2nd mil. B.C. (Salvatori 1995: 10, fig. 20, G. 432, 9–11). The author of the latter excavations identified the material of those beads as faience. It is interesting that already E. Śńhmidt pointed out that the spacer-bead with dentated edges and the bead with three channels and dentated edges were made from frit, thus distinguishing them by their material (Schmidt 1937: 231).

The second mineralogical group (rocks of magnesian composition) includes two cylindrical spacer-beads, a rounded flattened nearly eight-angled bead and a square seal with signs. The cylindrical spacer-beads have no precise cultural and chronological attribution. The rounded nearly eight-angled bead is the single example at Altyn-Depe, however, several rounded cornelian beads, close to this one in their shape, are represented here. White flat rounded beads were found in graves 221, 340, 351, 362 (Hakemi 1997: 390, No. 21714; 517, No. 4097; 528, No. 4194–4195; 539, No. 4284) at cemetery A in Shahdad – *i.e.* among goods from the same burials as were the flat rectangular spacer-beads with dentated edges. Finally, the square seal with signs, already at the moment of its find was identified with confidence as a seal of the proto-Indic type (Массон 1977: 147; 1981: 115), directly imported to Altyn-Depe from the region of the Harappan civilisation. Our investigations, which showed that the seal had been made from steatite and then fired, confirmed additionally this cultural attribution.

In ancient India, the technology of making objects from soft talc (or steatite) with subsequent firing is known as early as the Neolithic period (Vidale 1990) and, as it seems, it is from there that it spread throughout Iran and Central Asia. However, in materials from Altyn-Depe the use of soft sedimentary rocks (gaize, bergmeal and diatomite) as raw materials with subsequent high-temperature firing in order to obtain quartz-cristobalite has been recorded for the first time. It is indicative that articles from fired steatite and silica constituted one and the same set of complexes, the earliest manifestation of such technology being the inventory from the collective burials (graves 634–638) of the middle stage of the early Bronze Age.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА[1]

К. Х. КУШНАРЕВА, М. Б. РЫСИН[2]

Несмотря на специфику рельефа Кавказа с его мощными горными массивами и обособленностью экологических ниш, в древности весь регион был охвачен густой сетью коммуникаций, пролегавших и дальше, за его пределы. Дороги для колесного транспорта, называемые до недавнего времени в народе «дорогами арбы», караванные и скотопрогонные пути, пешие горные тропы соединяли, казалось бы, несоединимые районы. По этим дорогам передвигались транспорт, люди, скот, вещи, технологии и идеи, что вызывало к жизни передачу различных новаций в экономике, производствах, духовной сфере и формировало единые для всего региона культурные пространства. Расположение кавказского региона на скрещении путей, ведущих из стран Передней Азии и Средиземноморья на Север, в Юго-Восточную Европу способствовало этому процессу. В результате перечисленных особенностей на арене древней истории Кавказа возникали такие феномены, как майкопская или триалетская культуры. Таким образом, Кавказ предстает перед нами не как средоточие разрозненных памятников и отдельных культур, а как множественное целое и один из древнейших центров зарождения и развития производящего хозяйства, мощный очаг металлургии, прошедший сложный и своеобразный путь развития в тесном взаимодействии с окружающим его миром.

Учитывая ключевую роль древнего Кавказа как очага культурогенеза и стимулятора различных новаций, а также его посредническую роль между Югом и Севером, трудно переоценить значение единой периодизации для всего кавказского региона. К сожалению, локальные периодизационные схемы подчас несовместимы, что происходит, во-первых, из-за редкого обращения кавказоведов к общерегиональной проблематике; во-вторых, из-за различных категорий источников, которыми пользуются исследователи при создании этих схем. Важнейшую роль в сложившейся ситуации должны сыграть новейшие материалы, накопленные археологами за последние десятилетия как на Кавказе, так и на Переднем Востоке, если учесть влияния на Кавказ древневосточных цивилизаций, где существуют четкие хронологические «реперы», основанные на достоверных источниках.

В данном случае необходимо обратиться к обоснованию периодизации памятников и культур эпохи раннего металла. Для начала такого анализа мы избрали памятники и культуры среднебронзового периода, в хронологической оценке которых наблюдаются явные расхождения. Это была эпоха интенсификации связей Кавказа, особенно со странами Переднего Востока, наступившая в силу ряда взаимосвязанных причин (аридизация климата, открытие перевалов, этнические передвижения, сдвиги в хозяйстве, резкая стратификация общества, изменения в идеологической сфере) и появления многих новаций, запечатленных уникальными памятниками.

К эпохе средней бронзы относятся так называемые ранние курганы или погребальные памятники бедено-алазанского этапа. Подробному обоснованию их датировки, базирующемуся на новейших материалах, посвящены наши предыдущие работы (Кушнарева, Рысин 2000; 2000а). Комплексы следующего за ними триалетско-кировоканского этапа, названного Б. А. Куфтиным «цветущей порой» триалетской культуры, генетически связаны с комплексами предыдущего этапа. Это указывает на динамичное развитие среднебронзовой курганной культуры, вызванное, в первую очередь, дальнейшим усилением межрегиональных связей Кавказа, а также ускорением процесса культурогенеза в самом регионе.

«Цветущая пора» триалетской культуры характеризующая пик среднебронзового века стала известна по пышным погребениям представителей элиты кавказского общества. Ведущими признаками памятников этого времени являются крупные курганные насыпи, обширны грунтовые могилы или огромные наземные заль

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 01–01–00122а.

[2] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологи Центральной Азии и Кавказа.

© К. Ф. Кушнарева, М. Б. Рысин, 20

индивидуальные захоронения, обряд кремации, жертвоприношения животных, деревянные повозки и погребальные ложа, посуда из драгоценных металлов, парадное оружие, изысканные ювелирные изделия, новые формы керамики, среди которой впервые появляется и расписная.

В результате комплексного подхода к памятникам «цветущая пора» предстает сегодня как многогранный феномен, своего рода ярчайший сплав традиций и новаций, сформировавшийся на втором этапе развития курганной культуры Южного Кавказа, пришедшей, в свою очередь, на смену куро-аракской культурной общности.

Курганная эпоха характеризуется, прежде всего, колоссальными трудозатратами на строительство сооружений заупокойного культа вождей и лидеров разных рангов. Так, площадь основания одного из таких гигантов – раннего кургана около сел. Цнори в Алазанской долине составляла 3 га, объем насыпи – 51 тыс. куб. м; для насыпи были свезены из разных мест 8 тыс. куб. м камня, а для оформления камеры – 200 куб. м древесины; ориентировочные подсчеты трудозатрат только на сооружение земляной насыпи составили 22700 человеко-дней. Не менее внушительны размеры сооружений «цветущей поры». В частности, триалетский курган (Топ-Кар) имел площадь погребального зала 175 кв. м. Каменные стены одного из подкурганных залов в Зуртакети имели высоту свыше 6 м. К другому погребальному залу, площадью 152 кв. м, примыкал дромос длиной 40 м, площадью 276 кв. м

Экономика общества, позволившая высвободить такое количество рабочих рук из сферы добычи продуктов питания и других, необходимых для жизни сфер производства, базировалось, прежде всего, на скотоводстве, различные типы которого, вплоть до альпийского хозяйства, охватили весь Кавказ того времени. Рост экономики также обеспечивала интенсивная эксплуатация богатейших месторождений Западного Кавказа. О размахе добычи меди, сурьмы и мышьяка в рудниках Рачи можно судить по отходам обогащения, отвалы которых достигали почти 100 тыс. тонн. Именно эти две ведущие отрасли производства вывели Кавказ на международную арену. Размещение в этот период у южных границ Кавказа сети факторий с центром в Канише, заинтересованных в торговле металлом, скотом и такой связанной со скотоводством продукцией как шкуры, кожа, шерсть, ткани и пр., стимулировало торговые связи, способствовало обогащению верхушки общества.

В рассматриваемую эпоху произошли коренные преобразования и в сфере общественного устройства, которые на базе крайне выразительного археологического материала приблизительно реконструируются с помощью передневосточных документов и этнографических фактов. В этот период резко возрастает стратификация общества; появляются крупные надобщинные общественные объединения с сильными лидерами во главе; в среде лидеров устанавливается иерархия, при которой наивысшей, фактически неограниченной, властью обладают вожди крупных союзов племен; усиливается роль военного фактора; образуются ремесленная, жреческая и военная касты, обслуживавшие верхние слои общества; формируется дружина, снаряжение которой ложится на плечи оружейников, работающих исключительно на выпуск военной продукции. Элитные гробницы, отражающие новые возможности организации труда, а также все многообразие прижизненных функций похороненных в них вождей, свидетельствуют о достижении того типа общества, в котором политические лидеры использовали все средства для утверждения власти через «монументальную пропаганду», связанную с заупокойным культом. Это был своего рода пик концентрации власти, направленной на возвеличивание представителей высшего сословия общества.

Усилиями исследователей триалетской культуры изучены практически все ее главные аспекты. Однако в силу многогранности и неповторимости этого феномена остаются еще определенные лакуны в трактовке материала, которые постепенно должны быть закрыты. Среди них даты сооружения курганов «цветущей поры», трактующиеся разными исследователями неоднозначно. Б. А. Куфтин, опираясь на известные к тому времени переднеазиатские и эгейские параллели, датировал богатые курганы «цветущей поры» серединой II тыс. до н. э. (Куфтин 1941). О. М. Джапаридзе (Джапаридзе 1969: 270), а вслед за ним (с некоторыми уточнениями) Э. М. Гогадзе, определили время их сооружения в пределах первой половины II тыс. до н. э. В результате появилась «короткая» и «длинная» хронология триалетских курганов. К этой проблеме позднее обращались многие исследователи (Shaeffer 1943; Minns 1943; Kuftin, Field 1946; Мартиросян 1964; Gimbutas 1965; Piggot 1978; Rubinson 1977; подробно смотри: Кушнарева 1993: 93–98). Почти все они отнесли курганы «цветущей поры» к первой половине II тыс. до н. э. Исключение составили С. Пиггот и К. Шеффер: первый нижнюю границу курганов углубил до 2400–2300 гг до н. э., в то время как К. Шеффер верхнюю границу первоначально отнес к 1300–1100 (Late Bronze Age); впоследствии время сооружения триалетских курганов он удревнил до 1550–1400 гг до н. э.

В последние годы наметились определенные коррективы в хронологической оценке памятников второго этапа курганной культуры – так называемой ее цветущей поры – и их взаимоотношения с памятниками родственной им кармирбердской культуры. Вопрос этот возник, когда был установлен факт размещения комплексов данных культурных объединений на одной и той

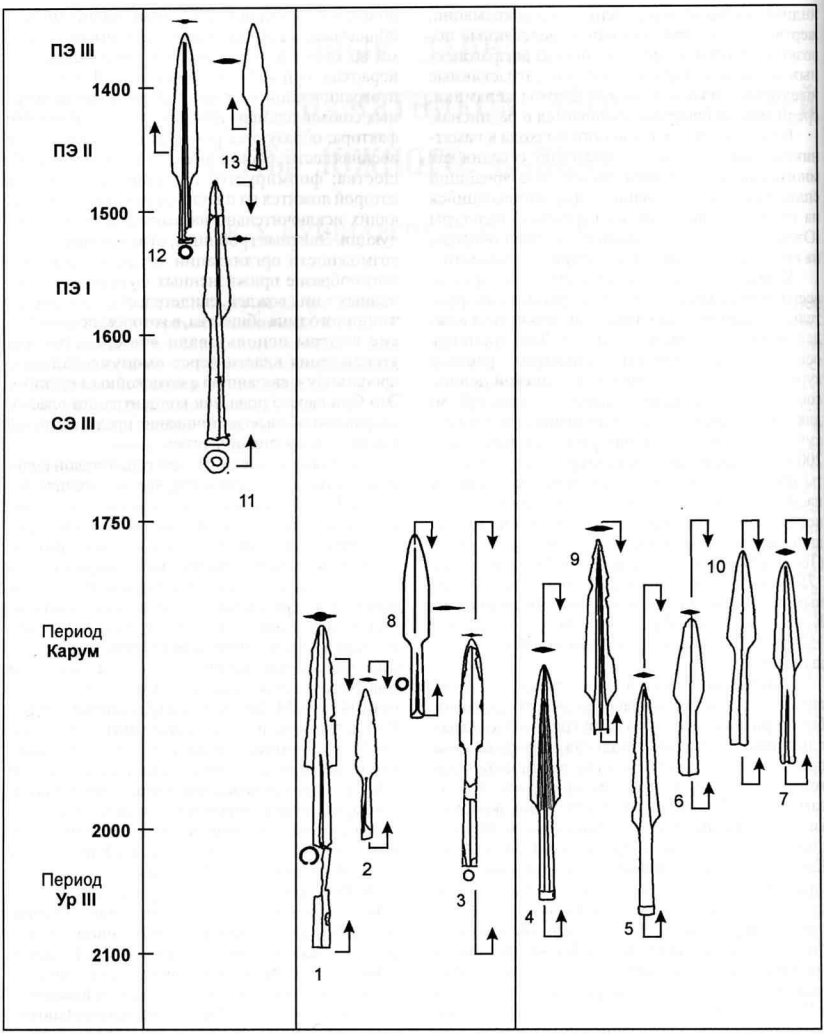


Рис. 1. Втульчатые наконечники копий. 1 – Рас-Шамра; 2 – Кюльтепе II; 3 – Ашшур; 4 – Триалети; 5 – Месхети; 6 – Квасатали; 7 – Нули; 8 – Кюльтепе I b; 9 – Кировакан; 10 – Кистаури; 11 – Микены; 12 – Просимна; 13 – Ялисос. 1 по: Шаффер; 2 по: Ерканал; 3 по: Мюллер-Карпе; 4-6 по: Пицхелаури; 7, 10 по: Абесадзе; 8 по: Озгак; 9 по: Кушнаревой; 11-12 по: Авила; 13 по: Мегре.

Fig. 1. Socketed spear heads. 1 – Ras-Shamra; 2 – Kültepe II; 3 – Ashur; 4 – Trialeti; 5 – Meskheti; 6 – Kvasatali; 7 – Nuli; 8 –Kültepe I b; 9 – Kirovakan; 10 – Kistauri; 11 – Mycenae; 12 – Prosimna; 13 – Yalisos. 1 after Schaeffer; 2 after Erkanal; 3 after M. Müller-Karpe; 4-6 after Picchelauri; 7, 10 after Abesadze; 8 after Ozguc; 9 after Kushnareva; 11-12 after Avila; 13 after Meigret.

же территории – в южной и юго-западной зонах Южного Кавказа, где сравнительно недавно впервые были учтены разрозненные памятники триалетского облика (Кушнарева 1993: 113–127; 1993а; Kushnareva 1997). Объяснение этому факту дал анализ инвентаря серий кармирбердских погребений (Карашамб, Шамирам, Цахкаладж, Арич и др.), в каждом из которых вместе с чернолощенной и красноангобированной посудой, расписанной в характерном кармирбердском стиле, находились типы, маркирующие переходный от средней к поздней бронзе период, а также единичные позднебронзовые сосуды (Арешян и др. 1990; Кушнарева 1995). Тем самым появились основания для омоложения комплексов кармирбердской культуры и перенесения их из первой четверти II тыс. до н.э., как это считалось раньше, во вторую четверть. Следует подчеркнуть, что ни в одном из триалетских погребений подобные сосуды не обнаружены. Вместе с тем единичные находки в кармирбердских погребениях чернолощенных «гидрий» триалетского облика говорят о хронологическом соприкосновении памятников этих двух культур. Таким образом, появились аргументы в пользу удревнения комплексов «цветущей поры» бедено-триалетской культуры и сокращения интервалов между выделенными ранее хронологическими группами триалетских курганов.

При обосновании времени сооружения курганов «цветущей поры» мы в первую очередь опирались на металлические изделия. Известно, что общественный прогресс теснейшим образом связан с прогрессом металлургии, стимулировавшей познание окружающей среды и способствовавшей новым открытиям. Среди продукции металлообрабатывающей индустрии особенно чувствительным к переменам в обществе было оружие, ибо выпуск того или иного вида оружия являлся непосредственным откликом на запросы населения. Производство оружия было во все времена носителем передовых технологий. Из-за постоянной тенденции к совершенствованию его образцы имеют особое значение при решении проблемы датировки и периодизации памятников.

Учитывая ограниченные рамки настоящей статьи, мы для решения поставленной задачи отобрали три ведущих вида оружия, найденных в составе инвентарей курганов «цветущей поры». В процессе анализа также учитывались типологически близкие им изделия, обнаруженные случайно.

Несмотря на скудость информации очевидно, что в сфере вооружения в этот период ситуация качественно меняется – помимо усовершенствования старых видов оружия появляются новые (копья со втульчатым наконечником и мечи-рапиры), которые встречаются не только в могилах верхушки общества (в качестве статусных, престижных экземпляров), но и в рядовых погребениях.

Определяющим аргументом при первоначальной датировке триалетских курганов послужило сходство втульчатого копья из кургана № XVII с микенским оружием из Просимны. Б. А. Куфтин именно на этом основании датировал курганы «цветущей поры» серединой II тыс. до н.э. В дальнейшем эта дата стала традиционной, однако, как будет показано ниже, она требует серьезной корректировки.

Бронзовое копье со свернутой втулкой впервые обнаружено Б. А. Куфтиным в одном из «царских» курганов Триалети (курган № XV; Куфтин 1941: 96, Табл. 106) (рис. 1). Сам контекст находки, серебряное кольцо на втулке и каннелюры на поверхности копья говорили о том, что оно являлось парадным оружием. Позднее была открыта серия погребений этого времени как с парадными копьями в элитных могилах (Месхети – с золотым кольцом, Кировакан, Арич), так и с обычными боевыми экземплярами в могилах рядовых воинов (Нули, Квасатали, Цагвли, Метехи, Кистаури и др.; Picchelauri 1997, T. 70).

Итак, Б. А. Куфтин, а вслед за ним К. Шеффер, М. Гимбутас, К. Рабинсон (Куфтин 1941: 96; Schaeffer 1943: 184; Gimbutas 1965: 92; Rubinson 1977: 247) в качестве первой параллели триалетскому копью указывали на копье из погребения № X в Просимне на Кефаларском холме, относящееся к периоду «позднеэлладский II и III» (XV–XIII вв. до н. э.). К. Рабинсон привела в качестве параллели также копья из погребения № IV в Ялисосе, на Родосе (Rubinson 1977: 247). Названные параллели были приняты и отечественными исследователями. Лишь Г. Л. Кавтарадзе, поставивший задачу удревнения всей «колонки» памятников Южного Кавказа в соответствии с калиброванными датировками по ^{14}C, справедливо указал на существование на Переднем Востоке копий со свернутой втулкой уже в конце III тыс. до н.э. (Кавтарадзе 1983: 131). Однако он не обосновал приведенные им параллели с помощью сравнительно-типологического метода, являющегося основой археологических исследований, поэтому составленная им таблица мало используется археологами и в свое время подверглась обоснованной критике (Андреева 1987).

То обстоятельство, что оценки упомянутых эгейских параллелей за прошедшие 60 лет не подвергались критике, следует объяснить, во-первых, внешним сходством копий, а во-вторых, и это главное, тем, что сопоставлялись лишь единичные экземпляры наконечников – из триалетского кургана № XV, из Просимны и из Ялисоса. К ошибочным результатам могло привести также использование парадных образцов оружия, обычно отличающихся от оружия рядовых воинов. Накопившиеся за прошедшие десятилетия экземпляры копий в эгейском, передневосточном и кавказском ареалах (Avila 1983; Maigret 1976;

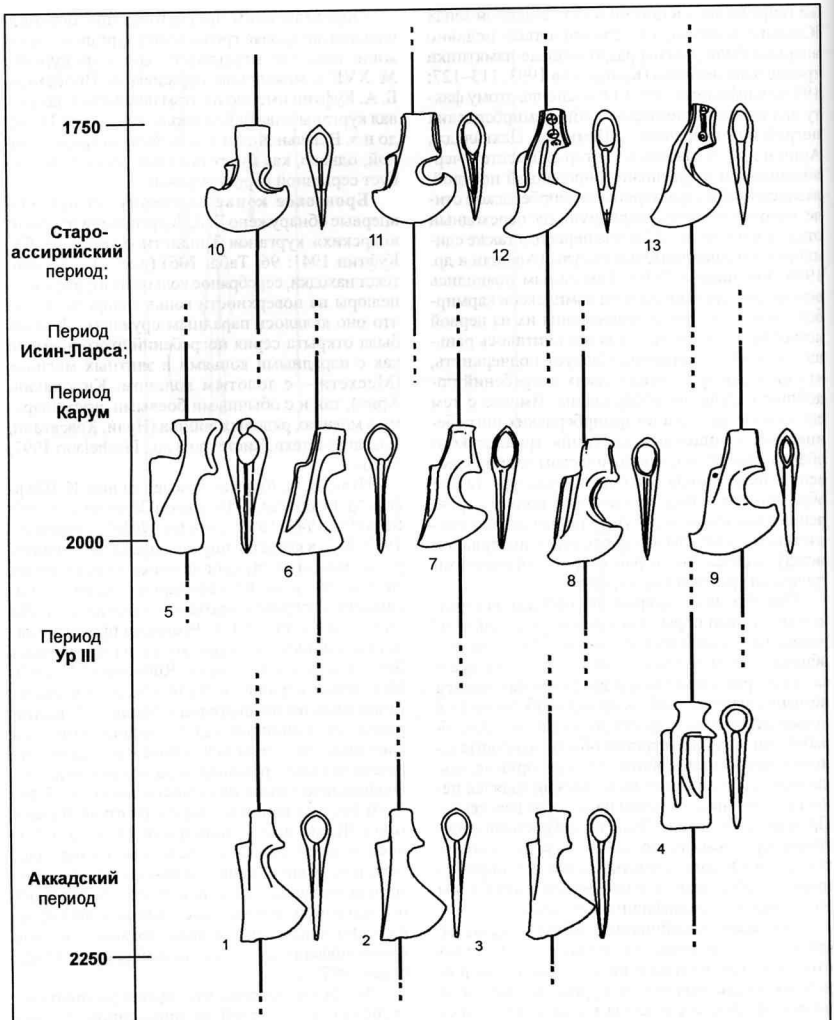


Рис. 2. Проушные топоры (тип Тепе-Гавра). 1 – Карс; 2 – Тепе-Гавра VI; 3 – Билла; 4 – Кюдурли; 5 – Кюльтепе; 6 – Ленинакан; 7, 8 – Навур; 9 – Луристан; 10 – Кировакан; 11 – Хоредж; 12 – Грма-геле; 13 – Бодорна. 1–3 по: Мюллер-Карпе; 4 по: Ахундов; 5 по: Ерканал; 6–8, 10, 12, 13 по: Пицхелаури; 9 по: Дейе; 11 по: В. Г. Котович и В. М. Котович.

Fig. 2. Axes with lugs (Tepe Gawra type). 1 – Kars; 2 – Tepe Gawra VI; 3 – Billa; 4 – Küdurli; 5 – Kültepe; 6 – Leninakan; 7, 8 – Navur; 9 – Luristan; 10 – Kirovokan; 11 – Khorej; 12 – Grma-Gele; 13 – Bodorna. 1–3 after Müller-Karpe; 4 after Akhundov; 5 after Erkanal; 6–8, 10, 12, 13 after Picchelauri; 9 after Deshayes; 11 after V. G. Kotovich and V. M. Kotovich.

Erkanal 1977; Müller-Karpe 1996; Picchelauri 1997) побуждают к их сравнительному анализу.

Эгейские копья отличаются от кавказских и передневосточных по ряду параметров. Первое и принципиальное отличие относится к технологии их изготовления. В эгейском регионе отливалась втулка со шлицей, края которой затем расковывались. На Кавказе, как и на Переднем Востоке, отливали плоскую лопатообразную заготовку, затем широкая ее часть расковывалась и формовалась во втулку (Avila 1983: 81; Müller-Karpe M. 1996: 290).

Принципиально отличается также способ крепления наконечника к древку. Эгейские наконечники имеют в основании втулки литое кольцо, служившее, по мнению В. С. Бочкарева (сообщение В. С. Бочкарева), для стягивания краев втулки, а выше кольца (на расстоянии одной пятой длины втулки) имеются отверстия для штифта, фиксирующего наконечник. У большинства же кавказских копий кольцо отсутствует, а отверстия для штифта располагаются у самого края втулки. Кольца из драгоценных металлов имеются только на парадных экземплярах (Триалети, Месхети), причем штифтовое отверстие здесь расположено, как и у обычных копий рядовых воинов, у самого края втулки, так что штифт проходил через кольцо. Большая часть кавказских копий имеет узкие прорези у основания втулки, служившие, возможно, для пропускания ремня, стягивающего ее края. Такой способ крепления наконечника к древку и стягивания краев втулки более архаичен по сравнению с эгейскими экземплярами. Интересно, что в Нижнем Поволжье, на севере степной зоны Восточной Европы, недавно обнаружен наконечник копья со свернутой втулкой, края которой также фиксировались при помощи кожаного ремня, пропущенного через прорези ее основания (пос. Сторожевка; Лях ов 1996, рис. 2). Такой же архаичный способ фиксации краев втулки отмечен на экземпляре из кургана № 1 у ст. Кондрашинской на Верхнем Дону, относящемся к синташтинской группе памятников (Пряхин, Беседин 1992, рис. 3, 3).

Эгейские наконечники отличаются от кавказских и своими пропорциями: у эгейских (в том числе у копий из Просимны и Ялисоса) длина пера в два-три раза больше длины втулки, а у кавказских перо либо равно втулке, либо длиннее ее максимум в полтора раза. Наконец, эгейские копья отличаются от кавказских формой пера и поперечным сечением центрального ребра. Среди эгейских наконечников по этим двум параметрам выделено девять типов (Avila 1983: 5). Кавказские же наконечники более однородны; их перо имеет удлиненно-подтреугольную форму с выгнутыми боковыми лезвиями, приостренным концом и вогнутыми плечиками; центральное ребро в поперечном сечении подтреугольное, либо округлое. Кавказским копьям по форме пера близки только наконечники типов V и VI (по Р. Авила) из Просимны и Ялисоса, однако последние отличаются от кавказских подтрапециевидным в сечении центральным ребром и пропорциями (Avila 1983: 35–40, Taf. 12, 13, 14). Различаются и такие детали, как каннелюры, украшающие копья из Просимны и из кургана № XV в Триалети: каннелюры на эгейских копьях проходят параллельно до самого конца пера, тогда как на триалетском экземпляре они сходятся вместе к середине длины пера (как и каннелюры на клинках триалетских кинжалов).

Таким образом, из сотни эгейских копий, вошедших в сводку Р. Авилы, лишь единичные экземпляры (Просимна, Ялисос, Навплия) демонстрируют сходство с кавказскими, да и то по единственному признаку – по форме пера с косо срезанными вогнутыми плечиками[3]. Сопоставление деталей кавказских копий с эгейскими приводит к заключению о большей архаичности триалетских образцов, что объясняется принадлежностью сравниваемых изделий к различным эпохам и этапам в развитии металлообработки. Согласно традиционным хронологическим схемам, в эгейском регионе втульчатые наконечники впервые появились в финале среднеэлладского периода (XVIII–XVI вв. до н.э.), а экземпляры, сопоставлявшиеся ранее с триалетским копьем, относятся к позднеэлладскому периоду (XVI–XII вв. до н.э.)[4]. Появлению наконечников с втулкой в эгейском регионе предшествовало их длительное использование и усовершенствование (более 300 лет) на Переднем Востоке. Именно поэтому, технология изготовления и способ фиксации краев втулки эгейских наконечников являются более прогрессивными, по сравнению с передневосточными и кавказскими копьями, изготовлявшимися значительно раньше. Более того, в Греции в позднеэлладский период уже применялся способ изготовления наконечников с литой втулкой, характерный для мастерских Центральной и Юго-Восточной Европы с начала позднего бронзового века (ПБВ). На Южном Кавказе наконечники с литой втулкой в триалетское время были еще неизвестны; первые же их экземпляры появляются здесь также в памятниках ПБВ. Изобретение способа отливки втульчатых наконечников в составной литейной форме с сердечником принадлежит, вероятно, передневосточным металлургам. Здесь, в Библе и Кюльтепе, в слоях начала II тыс. до н.э. обнаружены наконечники копий с литой втулкой (Schaeffer 1962, Fig. 28, J; Ozguc 1959: 58, Fig. 66), а в мастерской № 7 слоя II Карума Кюль-

[3] В Ялисосе вместе с похожими на триалетские копьями обнаружены экземпляры с пером листовидной формы, характерной для кавказских наконечников эпохи поздней бронзы (Picchelauri 1997: Таб. 72-75).

[4] Вероятно, в Грецию втульчатые копья попали из Крита, а на Крит из Переднего Востока (Avila 1983: 81).

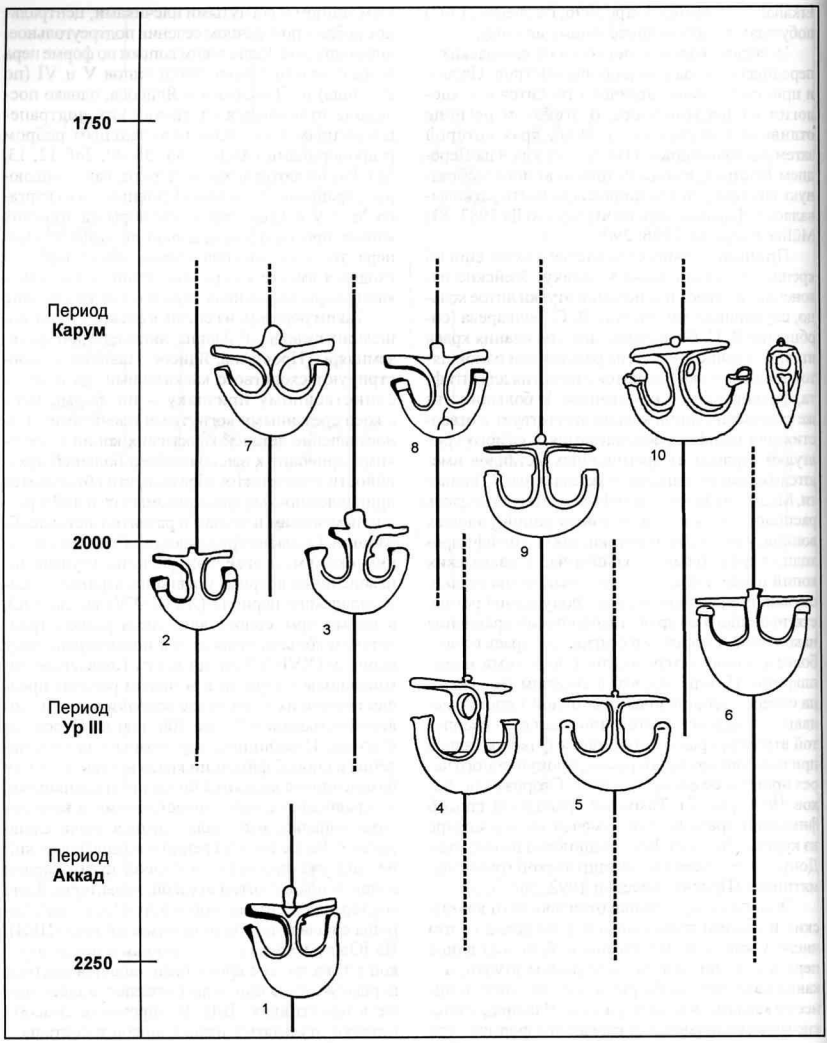


Рис. 3. Якоревидные топоры-секиры. 1 – Ур; 2 – Абидос; 3 – Библ; 4 – Бедени; 5 – Кюдурли; 6 – Луристан; 7 – Хелуан; 8 – Сирия; 9 – Карашамб; 10 – Иджеван. 1–3, 7, 8 по: Табб; 4, 10 по: Пицхелаури; 5 по: Ахундов; 6 по: Кальмье; 9 по: Оганесян.

Fig. 3. Anchor-shaped pole-axes. 1 - Ur; 2 – Abydos; 3 – Byblos; 4 – Bedeni; 5 – Küdurli; 6 – Luristan; 7 – Hulwan; 8 – Syria; 9 – Karashamb; 10 – Idzhevan. 1–3, 7, 8 after Tubb; 4, 10 after Picchelauri; 5 after Akhundov; 6 after Calmeyer; 9 after Oganesyan.

тепе (Каниша) найдена каменная литейная форма для отливки подобных наконечников (Müller-Karpe A. 1994: 150, 212, Taf. 50, 1,2).

Итак, эгейские и триалетские погребения с наконечниками копий принадлежат к различным этапам развития бронзового века, «стержнем» которого являлся прогресс металлообработки (Бочкарев 1995: 29). Таким образом, привлеченные в свое время к триалетскому копью эгейские аналогии в свете новейших данных представляются методически ошибочными. Подобная ошибка, объяснимая недостатком опубликованных к тому времени материалов из Триалети, была допущена К. Шеффером, отнесшим комплексы из Триалети к ПБВ на основании параллелей из эгейских памятников микенского времени. С какими же конкретными центрами связано происхождение кавказских втульчатых копий триалетского типа? Из известных центров производства Переднего Востока, продукция которых сопоставима с кавказской, можно назвать три: сирийский (Рас-Шамра, Библ), малоазийский (Кюльтепе-Каниш) и тесно связанный с последним месопотамский центр (Ашшур). Наибольшую близость по пропорциям, форме пера и поперечному сечению центрального ребра с триалетскими наконечниками демонстрируют экземпляры из Рас-Шамры и Библа (СБВ I – 2100–1900 гг. до н. э.), Кюльтепе (Карум, слой II – 2100 – 1780 гг. до н.э.), Ашшура (староассирийский период – 2100–1750 гг. до н. э.). Копье из Кировакана с подтрапециевидным сечением центрального ребра находит типологическую параллель в парадном экземпляре с золотым кольцом на втулке из слоя I b в Каруме Кюльтепе (Erkanal 1977: 43, Taf. 15, 15). По способу фиксации наконечника на штифте кавказские экземпляры близки к северомесопотамским (Телль Асмар, Телль Сулейма; Müller-Karpe M. 1996, Abb. 31, 7; 32, 4,6), а также к сирийским (Рас-Шамра, Библ; Schaeffer 1962: 224, Fig. 26; Maigret 1976, Abb. 25, 3).

Попытаемся уточнить хронологические рамки периода, когда прототипы кавказских втульчатых копий могли бытовать на Переднем Востоке. Верхняя граница совпадает с концом Карумского периода в Центральной Анатолии (XVIII в. до н.э.), поскольку в хеттскую эпоху здесь распространяются иные, более совершенные типы копий. То же самое можно сказать и о периоде поздней бронзы в Сирии и о старовавилонском периоде в Месопотамии. Нижнюю границу появления прототипов триалетских копий на Переднем Востоке образует начало Карумского периода в Центральной Анатолии, начало СБВ в Сирии и период правления династий Исина и Ларсы в Месопотамии (XXI–XX вв. до н.э.). Более древние наконечники копий со свернутой втулкой на Древнем Востоке (конец III тыс. до н.э.) из Ура (Woolley 1934: Tab. 227, 7), Тепе-Гийяна (Contenau, Ghirshman 1935: Tab. 31, 110), Рас-Шамры (Schaeffer 1962: 458, Abb. 48, A,B) и Мегиддо (Guy, Engberg 1938: Abb. 170, 1) отличаются от триалетских по пропорциям и по форме пера.

Таким образом, сравнительный анализ позволяет установить, что близкие к триалетским наконечники – вероятные их прототипы – выпускались южными мастерскими на рубеже III–II и в начале II тыс. до н.э. Можно также предположить, что прототипы триалетских копий были завезены на Южный Кавказ из ближайших центров, входивших в сеть ассирийской дальнедистанционной торговли (Ашшур, Кюльтепе, Каниш и др.). Вероятнее всего, это падает на период расцвета и активизации этой торговли в начале II тыс. до н.э. Исходя из приведенных нами материалов и доводов, триалетский курган № XV и другие однокультурные памятники со втульчатыми копьями мы предлагаем датировать тем же временем.

Итак, прежняя дата (середина II тыс. до н. э.) втульчатого копья из Триалети нами пересмотрена. К этому времени в соседних районах Переднего Востока, откуда кавказские копья берут свое начало, копья со свернутой втулкой изготовлялись уже пять столетий. При этом следует учесть, что новации в сфере вооружения между Кавказом и странами Переднего Востока распространялись достаточно быстро (Кушнарева, Рысин 2000). Во второй же трети II тыс. до н. э. на Переднем Востоке, в Эгейском мире и в Юго-Восточной Европе были распространены уже копья с литой втулкой, которые повсеместно находят в памятниках позднего бронзового века. Напомним, что первые экземпляры такого оружия появились на Переднем Востоке уже в начале II тыс. до н. э.

Боевые топоры, наряду с другими типами топоров, изготовливались еще на бедено-алазанском этапе. От триалетско-кироваканского периода до нас дошли только боевые топоры. Топоры раннего этапа (узкий «арочный» клин с коротким лезвием) служили для нанесения колющих ударов, в то время как топоры «цветущей поры» (широкий клин с расширенным лезвием) предназначались для рассекающих ударов; то есть являлись боевыми секирами.

Все секиры, кроме экземпляра из «царского» кургана в Кировакане, найдены случайно – в таких пунктах как Ленинакан, Навур, Шамшадин, Карс, Грма-Геле, Бодорна (тип Тепе-Гавра) (рис. 2). Для них характерны овальное отверстие, выступ на спинке перед передней стенкой втулки и ребра жесткости на клине. Их прототипами являлись северомесопотамские экземпляры XXIII–XX вв. до н. э. (Müller-Karpe 1996: Abb. 13, 12, 13). По находкам секир этого типа восстанавливаются древние связи как внутри Кавказа, так и со странами Переднего Востока – Северной Месопотамией (Гавра, Билла), Армянским нагорьем (Карс, Ленинакан, Шамшадин,

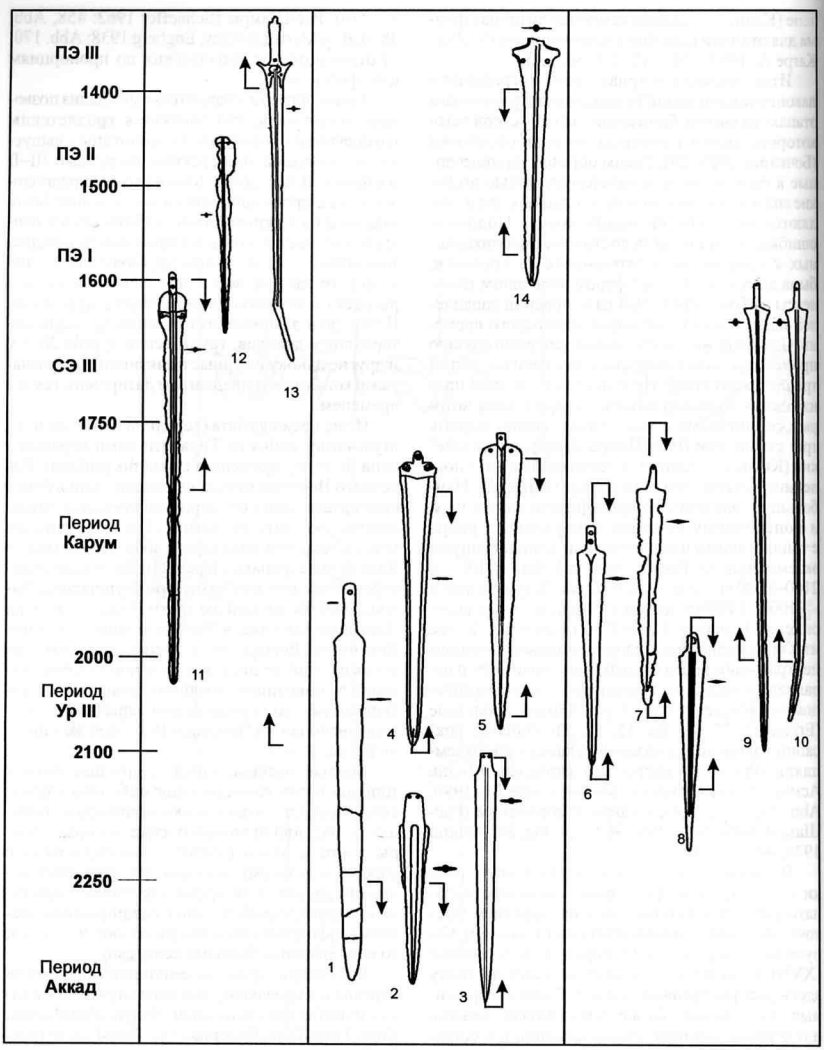


Рис. 4. Мечи и «рапиры». 1–2 – Аладжа; 3 – Хороztепе; 4 – Карум; 5 – Библ; 6 – Дилича; 7 – Садуга, курган 2; 8 – Садуга, курган 3; 9 – Лило; 10 – Самтавро; 11 – Маллия; 12 – Аморгос; 13 – Микены. 1–3, 7, 8 по: Табб; 4, 10 по: Пицхелаури; 5 по: Ахундов; 6 по: Кальмье; 9 по: Оганесян.

Fig. 4. Swords and «rapiers». 1–2 – Alacha; 3 – Khoroztepe; 4 – Karum; 5 – Byblos; 6 – Dilicha; 7 – Saduga, mound 2; 8 – Saduga, mound 3; 9 – Lilo; 10 – Samtavro; 11 – Mallia; 12 – Amorgos; 13 – Mycenae. 1–3, 7, 8 after Tubb; 4, 10 after Picchelauri; 5 after Akhundov; 6 after Calmeyer; 9 after Oganesyan.

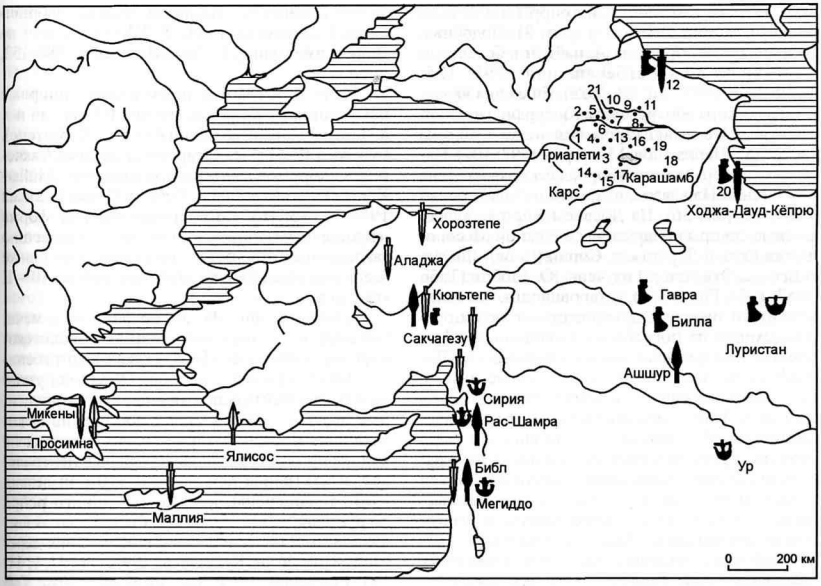


Рис. 5. Карта распространения основных видов оружия на Переднем Востоке и Кавказе. 1 – Месхети; 2 – Квасатали; 3 – Триалети; 4 – Бедени; 5 – Самтавро; 6 – Метехи; 7 – Лило; 8 – Дилича; 9 – Садуга; 10 – Мравалцкали; 11 – Кюдурли; 12 – Хоредж; 13 – Кировакан; 14 – Ленинакан; 15 – Дзорагет; 16 – Иджеван; 17 – Карашамб; 18 – Воротнаберд; 19 – Навур; 20 – Ходжа-Дауд-Кепрю; 21 – Бодорна, Грма-Геле.

Fig. 5. Map of distribution of the main kinds of weapons throughout the Near East and Caucasus. 1 – Meskheti; 2 – Kvasatali; 3 – Trialeti; 4 – Bedeni; 5 – Samtavro; 6 – Metekhi; 7 – Lilo; 8 – Dilicha; 9 – Saduga; 10 – Mravaltskali; 11 – Küdurli; 12 – Khorej; 13 – Kirovakan; 14 – Leninakan; 15 – Dzoraget; 16 – Idzhevan; 17 – Karashamb; 18 – Vorotnaberd; 19 – Navur; 20 – Khoja-Daud-Keprü; 21 – Bodorna, Grma-Gele.

Кировакан), Квемо-Картли (Грма-геле, Бодорна). Один экземпляр через перевалы Большого Кавказа попал даже в Приморский Дагестан (Хоредж).

Типологическая близость кавказских секир (со слабо изогнутым лезвием) с северомесопотамскими позволяет датировать первые также последней третью III тыс. до н. э. Во всяком случае, для отнесения их к середине II тыс. до н. э. нет оснований. В качестве верхней границы их бытования мы разделяем датировку Мюллера-Карпе (XIX–XVIII вв. до н. э.), предложенную для секир из Переднего Востока (Müller-Karpe 1996: 272, 274; Abb. 13). Секира же из «царского» кургана в Кироваканс по ряду типообразующих признаков сближается с экземплярами из Навура, Ленинакана, Шамшадина и др. Кировакан-ская секира (как и близкий к ней экземпляр из сел. Хоредж в Дагестане; Котович, Котович 1973: 81, рис. 2, 3) отличается от них только симметричным расширением клина, напоминающего формой полулунного лезвия секиры поздней бронзы (центральнозакавказский тип). Однако последние симметричны в профиле и лишены характерного выступа клина, как у орудий типа Тепе-Гавра. Скорее всего кировакан-ская секира несколько моложе орудий с асимметрично расширенным клином, верхний хронологический диапазон которых укладывается в староассирийский период (XIX–XVIII вв. до н. э.). Топоры типа Тепе-Гавра распространились во время расцвета ассирийских торговых колоний через Северную Месопотамию до Центральной Анатолии (Кюльтепе-Каниш, Алишар; Erkanal 1977: 19). Один экземпляр был найден в Иране (Deshayes 1960: Pl. LXVI, 9), а другой (с архаичной круглой проушиной) недавно обнаружен в кургане № 13 сел. Кюдурли, в Азербайджане (Алиев 2000). Возможно, именно активизацией различных контактов на путях ассирийской торговли, в которую не мог не быть втянут Южный Кавказ, и объясняется проникновение топоров типа Тепе-Гавра из Северной Месопотамии в этот регион.

В «царском» кургане Карашамба была обнаружена серебряная секира (Оганесян 1990) – так

называемый якоревидный топор (тип В-2 по Maxwell-Hyslop 1949: 119) (рис. 3). Подобный экземпляр, но бронзовый, найден в беденском кургане № 12 (Шатберашвили 1998: 125; Picchelauri 1997: Taf. 10, 102a). Еще одна якоревидная секира обнаружена в Кюдурлинском кургане № 14 с инвентарем беденского облика (Ахундов, Нариманов, Мухтаров 1992: 107). Наконец, четвертая миниатюрная секирка найдена случайно в Иджеване, в Армении (Мартиросян 1964: 72, рис. 36). На Древнем Востоке якоревидные секиры обнаружены в Южной Месопотамии (Ур), в Луристане, Сирии (Библ), Ливане и Египте. Эти топоры изучены Ю. Таббом (Табб 1982: 1–12, Fig. 1, 1–4), установившим, что единственный надежно датированный экземпляр происходит из погребения могильника в Уре средне- или позднеаккадского периода (XXIII–XXII вв. до н. э.; Nissen 1966: 174). Остальные экземпляры не имеют прочных хронологических привязок. Типологическое родство всех древневосточных образцов, архаичный способ насада (круглое проушное отверстие) и ареал находок (Сирия, Египет) позволяют отнести их выпуск к последней трети III – первой четверти II тыс. до н. э., к периоду Среднего царства в Египте и активизации связей Египта с Левантом.

Напомним, что инвентарь бедено-алазанских комплексов синхронизируется с аккадским периодом на Древнем Востоке (Кушнарева, Рысин 2000б). Этим временем соответственно датируются закавказские якоревидные секиры из Бедени и Кюдурли. Учитывая сходство с последними серебряной секиры из Карашамба – типичного комплекса «цветущей поры», нет никаких оснований для ее традиционной датировки серединой II тыс. до н.э. С начала II тыс. до н. э. на Южном Кавказе стали выпускать усовершенствованные боевые топоры с овальной формой проуха. Становится очевидным, что кавказские экземпляры якоревидных секир следует датировать не позднее конца III – начала II тыс. до н.э. Возможно, что по этим показателям курган в Карашамбе допустимо отнести к наиболее ранним элитным погребениям периода «цветущей поры» БТК. Картографирование находок якоревидных топоров также позволяет реконструировать пути связей в древности: из Сирии и Северной Месопотамии через Араратскую долину и среднее течение Куры на Беденское плато, а оттуда через долину Алазани в сторону сел. Кюдурли.

Рубяще-колющие мечи. Первые мечи на Южном Кавказе появились в памятниках триалетско-кироваканского этапа БТК (Дилича, курган 1; Садуга, курган 2). Эти изделия имеют узкий прямоугольный черенок, прямые слегка опущенные плечики и удлиненно-подтреугольный клинок с острым концом; сечение клинка подромбическое; на черенке пробиты отверстия для заклепок, прикрепляющих деревянную рукоятку. Длина меча из Садуги 50 см (Дедабришвили, Русишвили 1984, Т. XXIX: 4); меч из Дилича имел длину 47,5 см (Махарадзе 1986: 132, рис.1).

Мечи с острым концом клинка впервые появляются во второй половине III тыс. до н.э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе). Рубежом III–II тыс. датируются мечи из Сакчегезу и «Корум» в Центральной Анатолии (Müller-Karpe 1994a: Abb. 1) и из Библа в Сирии (Sandars 1961: Pl. 15, 16). По наличию черенка, форме и пропорциям клинка, а также по расположению заклепочных отверстий кавказские мечи ближе всего к центральноанатолийским рубежа III – II тыс. до н.э.

«Рапиры» (рис. 4). Это оружие, как и мечи, найдено в элитных погребениях триалетско-кироваканского этапа БТК, а также в погребениях ПБВ (?) – Талыш, Дагестан. Оно имеет узкий прямоугольный черенок, прямые слегка опущенные плечики; клинок узкий, постепенно суживающийся к острому концу; с обеих сторон вдоль клинка проходит резко выступающее центральное ребро (длина клинка – 90–110 см); лезвия клинка заострены; края центрального ребра закруглены; на конце черенка у некоторых экземпляров имеется отверстие для крепления деревянной рукоятки (Кушнарева 1993: рис. 41, 1; 44, 1–4; Picchelauri 1997: Taf. 36; Burger 1994: Taf. V, VI).

По вопросу происхождения кавказских «рапир» существуют различные мнения. Часть исследователей объясняет их появление заимствованием оружия из эгейского региона, где «рапиры» известны с конца среднеэлладского периода. Однако все больше специалистов склоняется к мнению о независимом от эгейских происхождении триалетских «рапир» (Чубинишвили; Джапаридзе; Ломтатидзе; Гогадзе; Burger). Это подтверждается более архаичным обликом кавказских экземпляров: рукоятка кавказских «рапир» крепилась на одной заклепке, расположенной на краю черенка, не обеспечивая надежного соединения, тогда как уже наиболее древняя эгейская «рапира» из Маллии на Крите периода СМ-II (1800–1700 гг. до н. э.) имела глубоко заходящую на клинок рукоятку, а заклепки располагались на черенке и на плечиках (Sandars 1961: Pl. XVII, 1), что обеспечивало надежное соединение и было прогрессивной новацией. С предположением о том, что подобное высокоспециализированное оружие могло быть спонтанно изобретено кавказскими мастерами путем простого удлинения мечей (Гогадзе 1976), трудно согласиться. По форме черенка, плечиков и по способу крепления рукоятки кавказские «рапиры» действительно сближаются с местным вариантом мечей из Садуги и Дилича. Однако такая характерная для «рапир» деталь, как выступающее центральное ребро, у кавказских кинжалов и мечей отсутствует. Ребро впервые

появилось у оружия второй половины III тыс. до н. э. в центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе; Stronach 1957: 99, Fig. 3, 4; Ozguc, Akok 1958: 58, Pl. XVIII,15), Палестине (Газа, Гидеон; Pritchard 1962: 16, lower row, left), Сирии (Библ; Sandars 1961: Pl.16,6) и Киликии (Соли; Sandars 1961: Pl.16, 4). Именно анатолийские и сирийские мечи могли послужить исходной формой для «рапир» Южного Кавказа. По мнению А. Сандарс, первые эгейские «рапиры» появились на Крите также в результате ближневосточного влияния (Sandars 1961), что подтверждается наличием у «рапир» выступающего черенка. Для эгейского региона (в отличие от передневосточного) были характерны бесчеренковые формы мечей и кинжалов. Мы не можем согласиться с предположением о независимом изобретении «рапир» на Южном Кавказе и потому, что боевое применение колющего меча требовало от воина длительной подготовки и постоянной тренировки. Следовательно, «рапира» была оружием профессионального воина, и появление такого оружия на Кавказе стало возможным только после формирования здесь дружины (профессионального войска), которое завершилось на триалетско-кироваканском этапе БТК (Кушнарева, Рысин 1998: 36; 2000: 84–87). Помимо ряда косвенных признаков, наличие дружины запечатлено в сценах на карашамбском кубке (Оганесян 1988). Сами приемы фехтования при помощи «рапиры» не могли быть изобретены на Кавказе, где не существовало традиции применения рубящих и колющих мечей. Зато, уже со второй половины III тыс. до н.э. эта традиция существовала к югу и западу от Кавказа: в Сирии, Центральной Анатолии и на Армянском нагорье. Очевидно, именно из Переднего Востока навыки фехтования (вместе с прототипами самих мечей) могли распространиться как на Южный Кавказ, так и в эгейский регион.

Проведенный выше анализ позволяет определить хронологические рамки возможного появления «рапир» на Кавказе. В качестве нижней границы мы принимаем датировку передневосточных мечей с острым концом клинка и с выступающим ребром – XXII–XIX вв. до н. э. Верхней границей, на наш взгляд, может служить распространение более прогрессивных «рапир» эгейского типа – XVIII–XVII вв. до н.э.

Подведем краткие итоги проделанного анализа. 1. По уточненным датировкам ведущих видов оружия время сооружения курганов «цветущей поры» или триалетско-кироваканского этапа должно быть перенесено с середины II тыс. до н. э. (точка зрения Б. А. Куфтина и др.) в конец III – начало II тыс. до н. э. 2. Те же данные не дают оснований распространять период создания рассматриваемых курганов на всю первую половину II тыс. до н.э. (точка зрения Э. М. Гогадзе и др.). 3. Результаты анализа показывают, что период «цветущей поры», начавшийся в последних веках III тыс. до н. э., просуществовал несколько столетий и завершился не позднее XVIII в. до н. э. Известно, что в последующие века, вплоть до середины II тыс. до н.э., на юге региона бытовала кармирбердская культура. 4. Предпринятое удревнение памятников «цветущей поры» позволило переосмыслить направление импульсов, стимулировавших формирование основных видов кавказских металлоизделий этого периода. Стало очевидным, что первые импульсы посылались на Кавказ не из эгейского мира, как это предполагалось ранее, а из стран Переднего Востока; в этом процессе большую роль играли передневосточные центры, вовлеченные в международную ассирийскую торговую сеть. Оттуда же направлялись аналогичные импульсы в страны эгейского мира. И лишь впоследствии начали налаживаться связи Кавказа с Эгеидой (рис. 5). 5. Более дробная датировка отдельных погребальных комплексов может быть обоснована лишь после подобного анализа всех видов оружия, а также других металлических изделий, в частности, изделий из драгоценных металлов. Пока можно лишь предположить, что в кругу рассмотренных комплексов Карашамбский курган по времени несколько опережает остальные, ибо в его составе оказался якоревидный топор, известный еще по погребениям первого, бедено-алазанского этапа; в других погребениях «цветущей поры» подобные топоры не обнаружены. С другой стороны представляется, что Кироваканский курган, в составе инвентаря которого находилась секира, тяготеющая по своей форме к боевым топорам позднего бронзового века, был несколько моложе остальных, рассмотренных выше курганов «цветущей поры».

Наши исследования показывают, что разработка проблемы датировки памятников «цветущей поры» еще далека от завершения, и новая информация позволяет пересмотреть некоторые сложившиеся в науке взгляды на эту проблему.

Андреева, М. В. 1987. Рецензия на: Кавтарадзе Г. Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. 153 с., табл. 1983. Тбилиси // Советская археология 4: 273–283. Москва.

Арешян, Г. Е., В. Э. Оганесян, Ф. М. Мурадян, П. С. Аветисян. 1990. Конец среднего бронзового века в междуречье Аракса и Куры // Историко-филологический журнал 1: 53–74. Ереван.

Ахундов, Т. И. 2000. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Махачкала.

Ахундов, Т. И., И. Г. Нариманов, Н. М. Мухтаров. 1992. Новые исследования в Шеки // Материалы научной конференции, посвященной последним результатам археологических и этнографических наук в Азербайджане.: 106–107. Баку.

Бочкарев, В. С. 1995. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: 18–29. Санкт-Петербург.

Гогадзе, Э. М. 1972. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети (на груз. яз.), Тбилиси.

Дедабришвили, Ш. Ш., Р. И. Русишвили. 1984. Среднебронзовый курган № 2 в Садугской долине // Труды Кахетской археологической экспедиции VI: 56–63. Тбилиси.

Джапаридзе, О. М. 1969. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.

Кавтарадзе, Г. Л. 1983. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси.

Котович, В. М., В. Г. Котович. 1973. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности: 77–84. Москва.

Куфтин, Б. А. 1941. Археологические раскопки в Триалети I. Тбилиси.

Кушнарева, К. Х. 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. Санкт-Петербург.

1993а. Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 209: 89–100. Москва.

1995. К вопросу о критериях финального этапа эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзе на Южном Кавказе // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней Азии и Восточной Европы: 65–71. Санкт-Петербург.

Кушнарева, К. Х., М. Б. Рысин. 2000. Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // Сиссития. Памяти Ю. В. Андреева: 70–90. Санкт-Петербург.

2000а. Бедено-алазанская группа памятников Кавказа // Взаимодействие культур и цивилизаций: 60–109. Санкт-Петербург.

Ляхов, С. В. 1996. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос.Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г: 77–84. Саратов.

Мартиросян, А. А. 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.

Махарадзе, З. Э. 1988. Курган № 1 в долине Дилича // Археологические изыскания 6: 125–132. Тбилиси.

Оганесян, В. Э. 1988. Серебряный кубок из Карашамба. // Историко-филологический журнал 4: 145–161. Ереван.

Пряхин, А. Д., В. И. Беседин. 1992. Щитковые псалии.

Шатберашвили, З. 1998. Вопросы беденской культуры // Археологическая конференция Кавказа I: 125–126. Тбилиси.

Avila, A. J. 1983. Bronzene Lanzen-und Pfeilspitzen der griechischen Spätbronzezeit // Prächistorische Bronzefunde v / 1. München.

Brentjes, B. 1962. Zu einigen Problemen der kaukasisch-syrischen Archäologie // Wissenchaftliche Zeitschrift der Martin-Lüther-Universität, Halle-Wittenberg.

Burger, G. 1994. Die Transkaukasischen Rapiere und die Möglichkeit ihrer Verbindung mit anderen Rapierenzentren im Zirkumpontischen Gebiet // Relations Traco-Illyro-Helleniques: 207–218. Bucarest.

Calmeyer, P. 1969. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie 5. Berlin.

Conteneau, G., R. Ghirshman. 1935. Fouilles de Tepe-Giyan pres de Nehavend 1931 et 1932 Paris.

Deshayes, J. 1960. Les Outils de Bronze, de L,Indus au Danube. Paris.

Erkanal, H. 1977. Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien // Prächistorische Bronzefunde IX 8. München.

Gimbutas, M. 1965. Bronze Age Cultur in Central and Eastern Europa. Paris.

Guy P. L. O., R. M. Engberg. 1938. Megiddo Tombs. Paris.

Kuftin, B. A., H. Field. 1946. Prehistoric culture sequence in Transcaucasia // Southwestern Journal of Anthropology 2: 240–260.

Kushnareva, K. Kh. 1997. The Southern Caucasus in Prehistory. Philadelphia.

Maigret, A. 1976. De Le lance nell Asia Anteriore nell eta del bronzo. Roma.

Maxwell-Hyslop, R. Western Asiatic Shaft-Hole Axes // Iraq 11: 90–129. London.

Minns, E. H. 1943. Review of archaeological excavations in Trialety by B. A. Kuftin // Antiquity 17: 129–135. London.

Müller-Karpe, A. 1994. Altanatolisches Metallhandwerk // Offa-Bücher 75. Neumünster.

1994a. Anatolische Bronzeschwerter und Südosteuropa // Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte 16: 431–444. Marburg.

Müller-Karpe, M. 1996. Zu den Erdgrabern 18, 20 und 21 von Assur. Ein Beitrag zur Kenntnis Mesopotamischer Metallgefässe und –Waffen von der Wende des 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 42, 1: 257–352. Mainz.

Nissen, H. J. 1966. Zur Datierung des Königsfriedhofes von Ur // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes 3. Bonn.

Ozguc, T. 1959. Kultepe-Kanis // Turk Tarich Kurumu 19, 5. Ankara.

1986. Kultepe-Kanis II // Turk Tarich Kurumu 41, 5. Ankara.

Ozguc T., Akok M. Horoztepe. An Early Bronze Age Settlement and Cemetery // Turk Tarich Kurumu 5. Ankara

Picchelauri, K. 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archaologie in Eurasien 4. Espelkamp.

Piggott, S. 1968. The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence // Proceedings of the Prehistoric Society 34: 266–318. London.

Pritchard, J. B. 1962. Civil defense at Gibeon // Expedition 5, 1: 10–17.

Rubinson, K. 1977. The Chronology of the Middle Bronze Age kurgan at Trialeti // Bibliotheca Mesopotamica 7: 235–249. Malibu.

Sandars, N. 1961. The first Aegean swords and their Ancestry // American Journal of Archaeology 65, 1: 17–30. New-York.

Schaeffer, Cl. F. A. 1943. La date des Kurganes de Trialeti // Antiquity 17: 183–187. London.

1962. Ugaritica IV. Mission de Ras Shamra // Bibliotheque archeologique et historique 74. Paris.

Stronach, D. B. 1957. The development and diffusion of metal types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies 7: 89–125. London.

Tubb, J. N. 1982. A crescentic axehead from Amarna (Syria) and an examination of similar axeheads from the Near East // Iraq 44, 1: 1–22. London.

*Woolley, C. L.*1934. The Royal Cemetery. Ur excavations 2. London.

NEW DATA FOR THE CHRONOLOGY OF THE MIDDLE BRONZE AGE SITES IN SOUTHERN CAUCASUS

K. KH. KUSHNAREVA, M. B. RYSIN

The authors of this article consider the widely known Trialeti Culture as the second stage (after the Beden-Alazan one) of the dynamically developing kurgan culture of Caucasus that appeared after the disintegration of the Kura-Aras community (middle of the 3rd mil. B.C.) and lasted into about the beginning of the 2nd mil. B.C. The Trialeti reflected the peak of that kurgan culture. Notwithstanding the 60 years of studies of the Trialeti Culture that have resulted in the discovery of many tens of sites and reconstruction of various aspects of the life of the society which left those sites, certain lacunas in our knowledge about this culture still remain. Here, an attempt is made to fill on the basis of some new and the newest evidences one of such lacunas and establish the chronological position of sites of the «blooming period» of the middle Bronze Age culture.

In order to solve the problem stated above we considered first and foremost products of metallurgy, the progress of which determined to a considerable degree the social and economic successes of any society. Of the metalwork, the most sensitive to changes in society were weapons. For this reason we turned our attention to that kind of evidence. In view of the limited volume of this paper we selected for consideration only the three leading kinds of weapons (battle-axe, spear and sword). Comparison of the types of these objects allowed us to propose the following conclusions.

1. According to precise dating of the leading kinds of weapons based on reliably dated objects from the Near East, the period of the construction of kurgans of the «blooming period», or Trialeti-Kirovokan stage, must be shifted from the middle of the 2nd mil. B.C. (as proposed by B. A. Kuftin *et al.*) to the end of the 3rd or beginning of the 2nd mil. B.C.

2. The same evidence gives no grounds to stretch the period of the creation of the kurgans under consideration throughout the entire first half of the 2nd mil. B.C. (as viewed by E. M. Gogadze *et al.*).

3. Our analysis showed that the «blooming period» dating from the late 3rd mil. B.C. continued several centuries and ended not later than the 18th century B.C. It is known that later, until the 16th–5th centuries B.C., the Karmirberd Culture was spread in the south of this region.

4. The attempted chronological shift of sites of the «blooming period» to earlier dates allowed us to reconsider the direction of the impulses which stimulated the formation of the main types of Caucasian metal objects. It became clear that the first impulses were directed to Caucasus not from the Aegean World as supposed before but rather from lands of the Near East; a considerable role in this process was played by those Near Eastern centres that were involved in the international Assyrian trade network. Therefrom, similar impulses were directed to lands of the Aegean World. Only later, establishing connections between Caucasus and Aegeis began.

5. More detailed dating of particular burial complexes may be grounded only after a similar analysis of all kinds of weapons, as well as other metal objects, including articles made from silver and gold. Meanwhile, one may only suppose that the Karashamb kurgan is somewhat earlier than the other burial complexes of the «blooming period», since it contained an anchor-shaped battle-axe known still from burials of the first (Beden-Alazan) stage; in the later burials no such battle-axes have been found. It also seems that the Kirovakan kurgan, which contained a pole-axe resembling in its shape the battle-axes of the late Bronze Age, was slightly younger than the other kurgans considered.

The brief conclusions presented above suggest the necessity of further studies of the problem of periodization and chronology of Caucasian sites of the middle Bronze Age.

РАСПИСНАЯ ОЙНОХОЯ МЕСТНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

В. А. ПАПАНОВА[1]

В гончарных мастерских Ольвии на протяжении всего периода ее существования изготовлялись курильницы, амфоры, кувшины, пелики, кратериски, алабастры, канфары, чашки, чашечки на высоких ножках, сосуды типа диносов и кратеров, ойнохои (Блаватський 1947: 153–160; Блаватский 1953; Зайцева 1962: 184–206; 1970: 109–116; 1974; 1976: 97–108; 1997: 38–53; Книпович 1940: 129–170; 1941: 140–151). Кроме того, во второй половине IV в. до н. э. ольвийские гончары производили и массивные килики на относительно высокой профилированной ножке с чашей полушаровидной формы, имевшие более грубые формы, чем привозные, и с покрытием, которое весьма условно можно назвать лаком (Папанова 2000: 196).

В эллинистическое время в Ольвии стали делать и расписную керамику. Впервые на местную расписную керамику обратил внимание Б. В. Фармаковский (Фармаковский 1903). Позже керамику ольвийского производства стали выделять Т. Н. Книпович и В. Д. Блаватский (Блаватський 1947: 153–160; Блаватский 1953; Книпович 1940: 129–170; 1941: 140–151). В более широком аспекте ольвийскую расписную керамику эллинистического времени рассмотрела К. И. Зайцева (Зайцева 1970: 109–116; 1974; 1976: 97–108).

Однако на сегодняшний день пока еще не разработаны хронологические рамки производства для каждой из групп ольвийских расписных сосудов. К. И. Зайцева датировала производство местной расписной керамики довольно широко – второй половиной IV – серединой II вв. до н. э. (Зайцева 1976: 97). Это связано с тем, что большая часть исследованных ею сосудов была найдена не в закрытых комплексах.

Поэтому особый интерес представляет находка расписной красноглиняной ойнохои местного производства в комплексе тризны на участке семейных захоронений некрополя Ольвии (Папанова 1994; 1997: 156–161; 1996: 82–84). Высота ойнохои 14,3 см, диаметр дна – 5,9 см, диаметр устья – 5,3 см.

Роспись этой ойнохои представляла собой плющевую гирлянду, положенную на плечики. На гирлянде и над ней располагались три розетки из точек. На тулове сосуда под гирляндой нанесены три полосы, а венчик украшен узкой полоской. Широкая полоса обрамляла и низ ручки (рис. 1). Роспись красной краской нанесли после обжига сосуда.

Необходимо отметить, что это лишь второй экземпляр расписной ойнохои, найденный в Ольвии (Блаватський 1947: 153–160; Зайцева 1976: 102). Причем первая расписная ойнохоя была фрагментирована. Но, в отличие от нашего экземпляра, она имела более богатую растительную полихромную роспись, нанесенную поверх белой грунтовки (Блаватський 1947: 153–160).

Описываемую ойнохою обнаружили на месте тризны вместе с чернолаковым киликом типа болсала 430 г. до н. э. (Sparkess, Talcott 1970: fig. № 534, pl. 24, № 534], чернолаковым канфаром третьей четверти IV в. до н. э. (Папанова 2000: 210, рис. 12а; Sparkess, Talcott 1970: № 698, 701) и сетчатым лекифом второй половины IV в. до н. э. (Ure 1946: 67). Несмотря на то, что самый ранний сосуд в комплексе тризны датируется 430 г., по всей видимости, ойнохою изготовили в третьей четверти IV в. до н. э.

Вполне вероятно, что ойнохоя была сделана специально для поминально-погребального обряда. Об этом свидетельствует не только тот факт, что ее оставили на месте тризны, но и ее роспись – гирлянда плюща. Плющ – вечнозеленое растение – символизировал у древних греков бессмертие и вечную жизнь (Купер 1995: 252). В греческой мифологии он посвящен богу Дионису, образ которого был и символом трагической смерти (Велишский 1878: 612; Страшкевич 1874: 37–38).

Интерес представляют не только ойнохоя и другие сосуды, оставленные после либации (libatio), но и само сооружение, возле которого ее совершили. Место для проведения обряда поминовения обозначали двумя сырцовыми стеночками, ориентированными по линии север-юг. Это сооружение напоминало вход в лабиринт. С восточной стороны северной стеночки «лабиринта» лежали вверх дном красноглиняная расписная ойнохоя ольвийского производства, чернолаковые

[1] Украина. 71100. Запорожская обл., г. Бердянск. ул. Урицкого, 3. Азовский региональный институт управления при Запорожском государственном университете. Кафедра истории и теории государства и права.

© В. А. Папанова, 2003

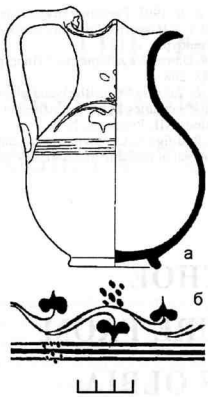


Рис. 1. Расписная ойнохоя ольвийского производства: а – ойнохоя; б – фрагмент орнамента на тулове сосуда.

Fig. 1. Painted oinochoe of Olbian manufacture.

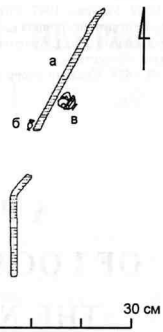


Рис. 2. Тризна: а – сырцовые стеночки; б – сетчатый лекиф второй половины IV в. до н. э.; в – чернолаковые килик и канфар третьей четверти IV в.до н. э.

Fig. 2. Funeral feast.

килик типа болсала и канфар, а с западной стороны – сетчатый лекиф (рис. 2).

Необходимо отметить, что переворачивание сосудов не нарушало прагматики поминально-погребального обряда, а несло иной смысл. Перевернутые сосуды были символом другого физического положения и олицетворяли переход к иному физическому состоянию, что, в свою очередь, знаменовало переход умершего в другой (загробный) мир (Ляшко, Белов 1990: 165). Во время тризн сосуды на землю бросали вверх дном особым магическим жестом (Пе-редольская 1954: 114–122; Сорокина, Усачева 1997: 54).

Весьма интересна и символика сооружения, возле которого совершался обряд поминовения. Лабиринт у древних греков символизировал путь в обитель мертвых, переход между двумя мирами. Он разделял и соединял мир живых с миром мертвых. Лабиринт – это и магическая защита «некоего центра, некоего сокровища, некоего тайного знания» (Элиаде 1999: 201). В данном случае он защищал мир живых от мира мертвых.

Таким образом, производство расписных ойнохой в Ольвии начинается в третьей четверти IV в. до н. э. Вполне вероятно, что расписные ойнохои, как и курильницы, амфоры и кувшины местного производства, специально изготовлялись для поминально-погребального обряда, который имел у ольвиополитов сложную символику.

Блаватський, В. 1947. Поліхромна ойнохоя з Ольвії // Археологія 1: 153–160. Київ.

Блаватский, В. 1953. История античной расписной керамики. Москва: Издательство АН СССР.

Велишский, Ф. Ф. 1878. Быт греков и римлян. Прага.

Зайцева, К. И. 1962. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // Труды Государственного Эрмитажа VII: 184–206. Ленинград.

1970. Расписная курильница-урна из Ольвии // Советская археология 3: 109–116.

1974. Местная расписная керамика Ольвии эллинистической времени (IV–II вв. до н. э.). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ленинград.

1976. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира: 97–108. Москва.

1997. Культовые чаши V–I веков до н. э. из Северного Причерноморья // Труды Государственного Эрмитажа XXVIII: 38–53. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин».

Книпович, Т. Н. 1940. Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия I: 129–170. Киев: Издательсто АН УССР.

1941. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья // Советская археология VII: 140–151.

Купер, Дж. 1995. Энциклопедия символов. Кн. IV. Москва: «Золотой век».

Ляшко, С. Н., А. Ф. Белов. 1990. О месте сосуда в погребениях (по материалам погребений энеолита-бронзы) // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Материалы полевого семинара: 164–165. Тальянки – Веселый Кут – Майданецкое.

Папанова, В. А. 1994. Охранные раскопки на некрополе Ольвии (район Широкой балки) // Научный архив Института археологии НАНУ: 1994/ 8 в.

1997. Поминальный обряд ольвиополитов // Никоний и античный мир Северного Причерноморья: 156–161. Одесса: Издательство «Ветаком».

1996. Семейно-родовой участок ольвийского некрополя // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П. О. Карышковского Тезисы докл. юбил. конференции: 82–84. Одесса: Издательство «Астропринт».

2000. Чернолаковая керамика из семейно-родового участка некрополя Ольвии // Старожитності степового Причорномор'я та Криму VIII: 194–217. Запоріжжя: Видавництво «Дике поле» ЗДУ.

Передольская, А. А. 1954. Об отражении обряда «всезерния» в терракотах V в. до н. э., найденных в Северном Причерноморье // Материалы и исследования по археологии АН СССР 33: 114–122.

Сорокина Н. П., О. Н. Усачева. 1997. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Погребальный обряд. Археологический сборник: 47–57. Москва: «Известия».

Страшкевич , К. Ф. 1874. Краткий очерк греческих древностей. Киев.

Фармаковский, Б. В. 1903. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // Известия Археологической Комиссии 8. Санкт-Петербург.

Элиаде, М. 1999. Одиссей в лабиринте // Иностранная литература 4: 188–208.

Sparkess, B. A., L. Talcott. 1970. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC // The Athenian Agora. Results of Excavitions XII. Princeton, N. J.

Ure, A.-D. 1946. Red-figured Cups with incised and stamped decoration // Journal of Hellenic Studies LXIV: 52–73.

A PAINTED OINOCHOE OF LOCAL MANUFACTURE FROM THE NECROPOLIS OF OLBIA

V. A. PAPANOVA

In this paper the problem of the period of manufacture of painted pottery in Olbia is considered. The production of local painted pottery is dated now to a fairly wide period – from the second half of the 4th century to the middle of the 2nd century B.C. Such wide evaluation is due to the fact that most of the vessels investigated were not found in closed complexes. At present, the chronological frames of the manufacture of each group of Olbian painted vessels still are not developed. Of a special interest therefore is the find of a painted redware oinochoe of local production in the funeral feast complex from the area of family burials on the Olbian necropolis (fig. 1). This oinochoe was left at the place of the funeral feast along with a black-glazed kylix of the bolsal type of the 430 B.C., a black-glazed kantharos of the third quarter of the 4th century B.C. and a lekythos with grid decoration of the second half of the 4th century B.C. (fig. 2). This complex allows us to date the manufacture of the oinochoe to the third quarter of the 4th century B.C.

Also of interest is an unusual structure found on the place of the funeral feast – some likeness of the entrance into a labyrinth. For ancient Greeks labyrinth symbolised the way to the abode of the dead – a passage between the worlds of the living and dead – being a magic protection of the world of the living. The vessels lying bottoms up also symbolised the transition of the deceased into the other world.

Possibly, painted vessels of the local production were specially manufactured for funeral rites which implied a complicated symbolism for Olbiapolitians.

ЕЩЁ РАЗ ОБ ОРИЕНТИРОВКЕ И ПОЛОЖЕНИИ КОСТЯКОВ В НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО V–I вв. до н. э.

Р. В. СТОЯНОВ[1]

Постановка проблемы и историография. До настоящего времени вопросы интерпретации ориентировки и положения костяков в некрополе Херсонеса классического и эллинистического периодов являются во многом спорными. В публикации материалов участка с погребениями, открытого в 1935–36 гг. в северном районе города, Г. Д. Белов предположил, что скорченные костяки могли принадлежать варварскому (таврскому) элементу (Белов 1938: 195). Это предположение исследователь подтверждает в ряде других работ, посвящённых некрополю Херсонеса (Белов 1948: 160;1950: 278; 1978: 51, 52; 1981: 171,178). Интерпретация погребений с костяками в скорченном положении как варварских нашла сторонников среди исследователей (Капошина 1941: 172, 194; Стржелецкий 1948: 95; Пятышева 1949: 122–124; Пятышева 1957: 251–254). В литературе была сформулирована и противоположная точка зрения по поводу этнической принадлежности умерших, костяки которых находились в скорченном положении. Их трактуют как погребения греческого населения города (Кадеев 1973: 108; 1971; Лапин 1966: 212; Козуб 1974: 21). Обе точки зрения имеют своих сторонников, однако «ахиллесовой пятой» обеих является узость круга источников, что вызвано недостатком фактических данных, обусловленным бедностью погребального инвентаря северо-восточного участка некрополя (Рогов 1999: 124). Кроме того, в большинстве исследований наблюдается «перенесение» особенностей, характерных для одного участка, на весь городской некрополь, что приводит к существенному искажению картины (Зедгенидзе, Савеля 1981: 5). Повторная проверка данных о положении и ориентировке костяков северо-восточного участка показала, что реальное количество костяков, которые можно считать скорченными, почти вдвое меньше количества, указанного Г. Д. Беловым (Рогов 1998: 60). Вопросы, касающиеся ориентировки погребений и костяков, рассматривались различными исследователями, главным образом, в качестве аргументов при интерпретации этнической принадлежности погребённых – «греческой» или «варварской». Сопоставление данных о положении и ориентировке костяков северо-восточного участка показало, что ориентировка скорченных костяков является менее устойчивой, чем вытянутых (Рогов 1998: 60, 61). Данные других участков остаются до сегодняшнего дня не введёнными в научный оборот.

Эта работа посвящена анализу положения и ориентировки погребений V–I вв. до н. э. на всех участках некрополя, известных в настоящее время. В исследовании использовались только данные о погребениях, для которых описание ориентировки и положения костяков не вызывает сомнений или может быть реконструировано по чертежам отчётов.

Ориентировка погребений и костяков. Для большинства погребений херсонесского некрополя на протяжении классического и эллинистического периодов преобладающей является ориентировка восточного румба. Характерной чертой классического некрополя является абсолютное преобладание восточного направления с отклонениями к северу и югу (81% от общего количества погребений). Погребений, ориентированных на северо-восток, в два раза меньше, чем погребений, ориентированных на юго-восток, и в четыре раза меньше, чем погребений, в которых костяк лежал головой на восток (таблица I). Общепринятым среди исследователей является утверждение, что для греческих некрополей рассматриваемого периода наиболее характерно преобладание широтной ориентировки погребенных, с положением покойника головой на восток. Наличие погребений с ориентировкой не восточного румба традиционно объясняется погрешностью, возникающей в связи с тем, что захоронение производилось в период, когда направление сторон света нельзя было определить по солнцу. Такое объяснение впервые было выдвинуто Б. В. Фармаковским (Фармаковский 1903: 17). Хотя имеющиеся данные в целом не противоречат этой точке зрения, для городского некрополя Херсонеса она не может

[1] Украина. 254210. Киев. пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии Национальной Академии наук. Отдел античной археологии.

© Р. В. Стоянов, 2003

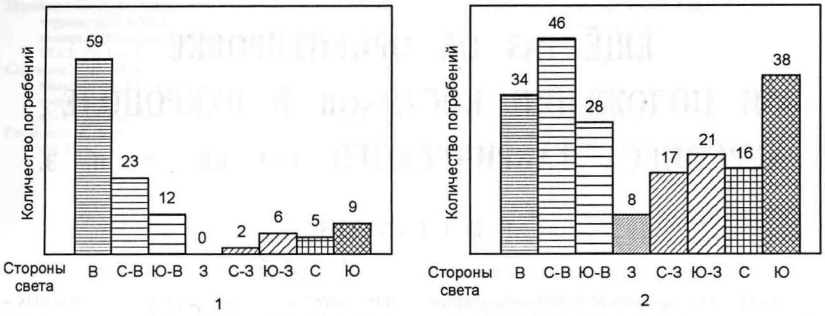


Рис. 1. 1 – ориентировка погребений V–IV вв. до н. э.; 2 – ориентировка погребений III–I вв. до н. э.

Fig. 1. 1 – orientation of graves of the 5th–4th cen. B. C.; 2 – orientation of graves of the 3rd–1st cen. B. C.

быть признана достаточной. Так как захоронения производились на компактных участках, специально отводившихся под некрополь, расстояние между соседними могилами обычно не превышало нескольких метров. Поэтому было не сложно ориентировать могильную яму по линии восток-запад даже при отсутствии солнца. Для этого достаточно было расположить её в одном направлении с соседними могилами. Этого зачастую не происходило. В тех местах некрополя, где ориентировка определялась характером рельефа (береговая линия, склон холма), расположение могильной ямы зависело от конкретных условий. Это свидетельствует о том, что ориентация трупоположения не была строго регламентирована и в классический период зависела, прежде всего, от локальных особенностей участка. Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что если рельеф местности позволял, предпочтительнее была ориентировка могилы по линии восток-запад с ориентировкой покойного головой на восток. Полное отсутствие могил, в которых костяк лежал головой на запад, свидетельствует о том, что в классический период для населения города эта ориентировка являлась неприемлемой. Ориентация погребенного головой на северо-запад и юго-запад составляет исключение (всего 8 случаев, 6,8%). Меридиональное положение также встречается очень редко – 12%. Участки с погребениями классического периода расположены в достаточно ровной местности без резких перепадов высот. Таким образом, доминирование восточной ориентировки погребённых в городском некрополе Херсонеса в классический период было обусловлено, прежде всего, рельефом местности, на которой он располагался.

В эллинистический период происходят изменения в количественном соотношении ориентировки погребений (таблица II). Прежде всего, резко возрастает количество погребений с меридиональной ориентацией. Могилы, расположенные по линии север-юг, составляют 56% от общего числа погребений в отличие от 14% в классический период. Среди могил с широтной ориентацией преобладает ориентировка погребённых головой на северо-восток, в целом костяки с ориентировкой восточного румба составляют 51% от общего количества погребённых. Костяки, ориентированные головой на запад с отклонениями к северу и югу, составляют 21% погребений. Необходимо отметить, что подобное разнообразие в ориентировке в эллинистический период характерно не только для херсонесского некрополя. Подобную картину дают синхронные некрополи практически всех греческих полисов, как в бассейне Чёрного моря, так и в других районах античного мира. Применительно к городскому некрополю Херсонеса разнообразие ориентировки может быть объяснено совокупностью причин. Участки с погребениями эллинистического периода располагались в районах, для которых характерны перепады высот. Большая часть могил в эллинистический период находилась на склонах холмов и берегах Карантинной бухты. Исследования греческих некрополей выявили характерную особенность. В случае, если погребение располагалось вдоль склона холма, то умершего помещали в могилу головой в сторону вершины этого холма. Этой особенностью может быть объяснено наличие большого числа погребений, ориентированных на северо-восток (склоны Карантинной балки) и на запад с отклонениями к северу и югу (склон Девичьей горы). При большой плотности расположения могил по берегу Карантинной бухты разнообразие ориентации погребенных было вызвано особенностями береговой линии.

Однако, необходимо учитывать не только разнообразие топографических особенностей эллинистического некрополя, но и разнообразие религиозных представлений, существовавшее

в эту эпоху. Возможно, требования каких-либо религиозных групп, существовавших в среде городского населения, в ритуале погребения строго регламентировали ориентацию покойного. О наличии таких групп свидетельствует погребальный инвентарь в ряде могил этого времени. Нельзя исключать также факт проживания в городе населения, для которого было характерно меридиональное направление погребенных. Возможно, что и в классический период наличие погребений, в которых костяки лежали головой на север или юг, можно объяснить наличием среди горожан групп, для которых была характерна меридиональная ориентировка покойников. Однако, в настоящее время данных явно недостаточно для подтверждения или опровержения этой точки зрения.

Положение костяков в могилах. *Погребения V–IV вв. до н. э.* Для рассмотрения положения костяков мной были использованы данные о 100 могилах V–IV вв. до н. э., выбранные из всей доступной мне документации о раскопках на всех участках некрополя классического периода. Датировка этих погребений в рамках указанного периода не вызывает сомнений, и сведения о положении костяков в них являются полными или поддающимися реконструкции. Как погребенных в скорченном положении я рассматривал только костяки, положенные на спину или на бок с согнутыми руками и ногами. Погребенными в вытянутом положении я считал умерших, лежавших на спине или на боку с вытянутыми ногами вне зависимости от положения рук. О том, что положение рук не является определяющим критерием для классификации, свидетельствует его разнообразие, как среди греческих, так и среди варварских погребений. Все данные выборки были разделены на две группы. В первую группу вошли могилы, в которых костяк лежал на спине. Вторую группу составили могилы, в которых погребенный лежал на боку. Внутри каждой группы погребенные были разделены на подгруппы в зависимости от положения ног и рук. Результаты работы отражены в Приложении I.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Позы костяков в могилах V–IV вв. до н. э.

Покойник лежал на спине: Ноги вытянуты (положение рук): 1. неустановлено – 15; 2. обе руки вдоль тела – 35; 3. кисть левой руки на тазу, правая вытянута вдоль тела – 1; 4. левая рука согнута в локте, правая вытянута и лежит на бедренных костях – 5; 5. кисть правой руки в области живота, левой в области грудной клетки – 2; 6. кисти обеих рук на животе – 2; 7. кисти обеих рук на груди – 1; 8. кисти обеих рук на тазу – 1.

Руки вытянуты вдоль тела (положение ног): 1. ступни обеих ног обращены вправо – 1; 2. ноги согнуты в коленях к тазу – 1; 3. правая нога согнута в колене к тазу, левая вытянута – 1; 4. обе ноги согнуты в коленях и наклонены влево – 1; 5. обе ноги согнуты в коленях и наклонены вправо – 1.

Одна или обе руки и ноги согнуты или перекрещены: 1. кисть левой руки в области живота, кисть правой в области таза, ноги вытянуты, правый надколенник лежит на левом – 1; 2. кисти рук в области таза, ноги вытянуты и сведены в щиколотках – 1; 3. левая рука от локтя поднята к голове, правая рука вытянута вдоль тела, правая нога согнута в колене и лежит на вытянутой левой – 1; 4. кисть левой руки на животе. Кисть правой руки на груди, ноги вытянуты, левая предплюсна на правой предплюсне – 1; 5. кисть левой руки на животе, кисть правой руки на плече, обе ноги согнуты и повёрнуты влево – 1; 6. кисть левой руки на животе, лучевая и локтевая кости правой руки лежат на бедренных костях, ноги согнуты и повёрнуты влево – 1; 7. кисть левой руки на груди, кисть правой руки на животе, ноги согнуты и повёрнуты влево – 1.

Покойник лежал на боку. Ноги и руки вытянуты: 2.1. на правом боку с вытянутыми ногами и руками, вытянутыми вдоль тела – 2.

Ноги и руки согнуты к телу (эмбриональная поза): 2.2. положение рук и ног не установлено – 1; 2.3. на левом боку, локтевые кости рук в районе груди, подколенники ног в районе живота – 10; 2.4. на правом боку, локтевые кости рук в районе груди, подколенники ног в районе живота – 12; 2.5. на левом боку, кисть левой руки на животе, кисть правой руки на груди – 1.

Считать вытянутыми можно положения, отмеченные в 1–9 пунктах. Их общее количество составляет 63 погребенных, то есть 63% от общего количества погребенных, представленных в выборке. Скорченными можно считать положения тел, отмеченные в пунктах 12, 18–20, 22–25. Их общее количество 29 (29%). В остальных случаях однозначно определить позу погребённого не возможно. Очевидно, что позы, отмеченные в пунктах 14–15, 17 свидетельствуют о том, что покойник был, выроятно, положен в вытянутом положении со связанными ногами. Поза, описанная в пунктах 10–11, скорее, свидетельствует о том, что покойник был положен в «позе всадника» со связанными и подогнутыми к животу ногами. Костяки, поза которых отмечена в пунктах 16, 21, очевидно, были просто брошены в могилу. В нескольких случаях вместе с покойником в могилу была поставлена урна с остатками кремации. Этот факт свидетельствует о наличии в некрополе семейных погребений.

Уникальным для городского некрополя является открытое в XXV квартале в 1965 г. семейное погребение в цистерне. Два взрослых

костяка находились в скорченных позах, а два детских были помещены в амфоры. По материалам из заполнения цистерны погребения могут датироваться первой половиной IV в. до н. э.

Погребения III–I вв. до н. э. Для некрополя эллинистического времени была сделана выборка из 138 погребений. Так же, как и для классического времени, учитывались только погребения, чья датировка в рамках обозначенного периода не вызывает возражений, и положение погребенных в которых описано, либо может быть восстановлено без сомнений. Позы костяков были распределены по такому же принципу, как и для погребений классической эпохи. Результаты отражены в Приложении II.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Позы костяков в могилах III–I в. до н. э.

Покойник лежал на спине. Ноги вытянуты (положение рук): 1. неопределено – 1; 2. обе руки вытянуты вдоль тела – 61; 3. кисть правой руки на груди, левая вытянута вдоль тела – 1; 4. кисть левой руки касается локтя правой, правая рука вытянута вдоль тела – 1; 5. кисти рук на тазу – 5; 6. руки скрещены на груди – 1; 7. кисть правой руки на тазу, левая рука вытянута вдоль тела – 1; 8. кисть левой руки на тазу, правая вытянута вдоль тела – 1; 9. кисть правой руки на тазу. Кисть левой руки под тазом – 1; 10. кисть левой руки в области груди, правая рука вытянута вдоль тела – 1; 11. кисть левой руки под головой, правая вытянута вдоль тела – 1; 12. кисть правой руки возле верхней челюсти, левая вытянута вдоль тела – 1; 13. правая рука согнута в локте, левая вдоль тела – 1; 14. кисть правой руки на животе, левая вдоль тела – 1; 15. кисть правой руки на тазу, кисть левой руки на груди – 1.

Обе руки вытянуты вдоль тела (положение ног): 1. обе ноги слегка согнуты в коленях – 1; 2. обе ноги вытянуты, предплюсны обеих ног сведены – 1.

Руки и ноги согнуты: обе руки согнуты в локтях и скрещены на груди, ноги согнуты в коленях и прижаты к животу – 1.

Покойник лежал на боку. 1. направление не определено – 4; 2. на левом боку, локтевые кости рук в районе груди, подколенники в районе живота – 3; 3. на правом боку, локтевые кости рук в районе груди, подколенники в районе живота – 3; 4. на правом боку, кисть левой руки у нижней челюсти, правая рука вытянута вдоль тела – 1.

Погребенными в вытянутом положении можно считать костяки, позы которых отмечены в пунктах 1–15. Их общее количество – 124 (89,8%). Позы, отмеченные в пунктах 18–22, можно отнести к скорченным. Общее количество погребенных в таком положении –12 (8,6%). В двух случаях можно говорить о том, что покойник был погребен в «позе всадника» (пункт 16). Очевидно только в этом случае могильная яма имела деревянное перекрытие. После разложения тканей связанные и прижатые к животу ноги могли распасться по обе стороны костяка. Поза, отмеченная в пункте 17, говорит о том, что умерший был положен в могилу со связанными ногами.

Выводы. Несмотря на наличие представительного числа погребений со скорчеными костяками в некрополе Херсонеса, преобладающим положением умерших является вытянутое. Большинство погребений в скорченном виде в некрополе V–IV вв. до н. э. (23 из 29 известных) были сосредоточены на северном участке. Погребальный инвентарь, ориентировка погребенного и стратиграфия могил, в которых были отмечены скорченные захоронения, не дают никаких сведений для этнической интерпретации погребенных. То, что костяки в скорченном положении были встречены на одних участках рядом с погребенными в вытянутом положении, свидетельствует о том, что и эти люди были некогда жителями города. Отличительной чертой погребений северного участка являлась бедность погребального инвентаря. Хотя этот признак характерен для всего городского некрополя классической эпохи, нельзя исключать, что в данном случае он мог свидетельствовать и о низком благосостоянии или социальном статусе его обладателей. Необходимо все же отметить, что имеющийся материал не позволяет сделать однозначный вывод о социальном положении погребенных в скорченной позе. Можно лишь утверждать, что они являлись жителями города и, вероятнее всего, принадлежали к наименее зажиточной части его населения.

Эллинистический некрополь демонстрирует гораздо меньший процент скорченных погребений, чем некрополь V–IV вв. до н. э. Для классического периода бóльшая их часть была зафиксирована только в границах северного участка. По погребальному инвентарю и обряду он является, скорее, исключением по сравнению с участками, синхронными ему по времени. Еще один участок со скорченными погребениями известен возле башни XVII (Зенона). Однако датировка выявленных здесь погребений проблематична из-за отсутствия погребального инвентаря. Одни исследователи относят их к раннеримскому времени (Зубарь 1982: 40, 41). Другие склонны датировать их раннеэллинистическим периодом (Рогов 1998: 58). Если последнее утверждение верно, процент скорченных погребений в эллинистическом некрополе может возрасти. В этом случае возникновение участка со скорченными погребениями возле башни Зенона и напротив 19 куртины в первой половине III в. до н. э. мож-

но будет связывать с прекращением функционирования северного участка некрополя. Для эллинистического времени вопрос об этнической интерпретации погребенных в скорченной позе может быть разрешен также, как и для погребений классического периода. Достоверных данных, чтобы отнести их к варварскому или греческому населению города, в настоящее время нет.

Различные негреческие элементы погребального обряда, реконструируемые при изучении херсонесского некрополя, более ярко фиксируются для группы погребений эллинистического времени, чем для захоронений классической эпохи. Такая ситуация характерна не только для херсонесского, но и для некрополей других греческих центров Северного Причерноморья.

По моему мнению, захоронения, в погребальном обряде которых встречаются негреческие черты, нельзя однозначно интерпретировать как «варварские». В погребении 1021/1900 в плитовую гробницу покойник в скорченном положении и урна с остатками кремации были помещены одновременно. Над могилой 3(4)/1956 со скорченным костяком было обнаружено антропоморфное надгробие, а над могилой 5(9)/1956, также содержавшей костяк в скорченной позе, находилась надгробная стела. Эти примеры свидетельствуют о том, что в одном погребении херсонесского некрополя эллинистического периода «греческие» и «варварские» черты погребального обряда часто сосуществовали. Наибольшее количество скорченных погребений в некрополе относится ко второй половине IV – первой половине III вв. до н. э. Однако отдельные погребения со скорченными костяками известны даже в некрополе римского времени, что, несомненно, говорит об устойчивости этой традиции среди части городского населения.

Белов, Г. Д. 1938. Отчёт о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг.: Севастополь: издание Херсонесского музея.
1948. Некрополь Херсонеса Таврического классической и эллинистической эпох // Вестник Древней истории 1: 155–163.
1950. Некрополь Херсонеса классической эпохи // Советская археология 13: 273–284.
1978. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 19: 45–67.
1981. Некрополь Херсонеса классической эпохи // Советская археология 3: 163–171.
Зубарь, В. М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка.
Зедгенидзе, А. А., О. Я. Савеля. 1981. Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н. э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 168: 3–8.
Капошина, С. И. 1941. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // Советская археология 7: 161–174.
Кадеев, В. И. 1973. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя // Вестник Древней истории 4: 108–117.
Козуб, Ю. І. 1974. Некрополь Ольвії VI–V ст. до н. э. Київ: Наукова думка.
Лапин, В. В. 1967. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
Пятышева, Н. В. 1949. Тавры и Херсонес Таврический // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 22: 122–124.
1957. Скифы и Херсонес // История и археология древнего Крыма: 249–263. Киев: Наукова думка.
Рогов, Е. Я. 1998. Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III в. до н. э. в Северном Причерноморье. Дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
1999. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus 3: 116–145.
Стржелецкий, С. Ф. 1948. Раскопки таврского некрополя в 1945 г. // Херсонесский сборник: 95. 69–97: Севастополь.
Фармаковский, Б. В. 1903. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // Известия Императорской Археологической Комиссии VIII. Санкт-Петербург: 1–70.

ONCE MORE ABOUT THE ORIENTATION AND POSITION OF SKELETONS AT THE NECROPOLIS OF THE TAURIC CHERSONESOS OF THE 5TH–1ST CENTURIES BC

R. V. STOYANOV

Up to the present the problems of interpretation of the orientation and positio.1 of skeletons found at the necropolis of Chersonesos of the Classic and Hellenistic periods are disputable in many aspects. The object of this article is to analyse the position and orientation of burials of the 5th–1st centuries BC in all areas of the necropolis now known. In this study, only those burials have been considered for which the orientation and position of skeletons is reliably described or may be reconstructed from drawings in the scientific reports.

Throughout the Classic and Hellenistic periods, in most of the burials at the Chersonesean necropolis predominant is the orientation of the eastern bearing. A characteristic feature of the Classic necropolis is the absolute prevalence of the eastern orientation with some deviations to the south or north (81% from the total number of burials). Furthermore, the number of the burials oriented north-eastward is two times lesser than that of the burials oriented to south-east and four times lesser than the quantity of the burials in which skeletons were lying head to east (Table I). In the Hellenistic period, changes in the quantitative relation of the orientations of graves (Table II) take place. First and foremost, increased is the number of burials with meridional orientation. The graves directed along the north—south line amount to 56% of the total number of burials unlike the 14% during the Classic period.

Notwithstanding a significant number of burials with flexed skeletons, the predominant position of the deceased at the necropolis of Chersonesos is the extended one. The majority of the flexed at the necropolis of the 5th–4th century B.C. (23 of the 29 known) were buried in the northern area. The grave goods, orientation of the buried and stratigraphy of the graves, in which flexed skeletons were found, give no information to help the ethnic interpretation of the dead. The fact that the crouched skeletons were encountered in the same areas as the extended ones suggests that the former were inhabitants of the city. Peculiar to burials in the northern area was the poverty of their grave inventory. Although such a feature is characteristic of the entire city's necropolis of the Classical period, one may not rule out that in the northern area it possibly indicates to a low prosperity or social status of the buried. The evidence available, however, does not allow us to make any certain conclusions as to the social position of the flexed. We may assert only that they were inhabitants of the city and most probably belonged to the least well-to-do part of its population. As for the ethnic interpretation of the buried in flexed position of the Hellenistic period, the problem remains at the same stage as for those of the Classic period, *i.e.* there are thus far no evidences for attributing them either to the Barbarian or Greek population of the city.

К ПРОБЛЕМЕ СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦ ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ЦАРСТВА

Х. Г. АХУНБАБАЕВ[1]

Около 250 г. до н. э. самые восточные сатрапии селевкидской империи – Бактриана и Согдиана становятся независимыми, управлявший ими сатрап присвоил себе царский титул и принял имя Диодот I. В течение двух веков 39 царей, принадлежавших нескольким родам, правили в греко-бактрийских и греко-индийских царствах. История их известна (в основном) по монетам, а также по нескольким западным, индийским и китайским источникам.

Одной из проблем истории Греко-Бактрийского царства является проблема его северных границ. Преобладает мнение, что, как и при Александре Македонском, в период господства Селевкидов и греко-бактрийцев Согд входил в состав этих государственных образований. Иной точки зрения придерживаются Р. Н. Фрай и Е. В. Зеймаль. В литературе уже отмечались слабые пункты их концепции (Сердитых, Кошеленко 1987: 239–240).

Одним из факторов, проливающих свет на данную проблему, является, на наш взгляд, наличие остатков линии оборонительных стен, маркирующих реальные границы Греко-Бактрийского царства в Согде. Впервые подобное предположение было высказано нами на основании результатов археологических разведок в Булунгурском районе Самаркандской области (Ахунбабаев 1983:157). Речь идет о сохранявшихся до недавнего времени материальных остатках древних оборонительных стен, известных среди местного населения под названием Кампир-девор (встречается вариант: Кампыр-дувал).

На территории Бухарского оазиса остатки Кампыр-дувала впервые обследовались Н. Ф. Ситняковским в 1896 г. В 1915 г. остатки стены были осмотрены и описаны Л. А. Зиминым. Фрагмент Кампыр-дувала у ст. Кую-Мазар был обнаружен в 1930 г. Е. К. Алексеенко и обследован в 1934 г. В. А. Шишкиным. В этом же году экспедицией Государственного Эрмитажа было проведено археологическое обследование Кампыр-дувала от ст. Кызылтепе (Якубовский 1940: 114–148). В 1952–1953 гг. О. В. Обельченко изучался участок стены к северу и югу от ст. Кую-Мазар (Обельченко 1960: 11–31). В 1958 г. Х. Мухамедовым в трех пунктах стены Каппирак в районе кызылкырско-сеталакской группы позднеантичных памятников были заложены поперечные разрезы. Стена, по его мнению, состояла из двух оборонительных сооружений, построенных в разное время (Мухамедов 1961: 48–50). Датировки, предложенные им, были позднее уточнены А. Р. Мухамеджановым (Мухамеджанов 1983: 21–24).

Остатки Кампыр-дувала на территории Самаркандского Согда и Уструшаны были детально обследованы в 1957–59 и в 1962–69 гг. Х. Мухамедовым (Мухамедов 1961а: 235–247; 1972: 131–136). На западе Ферганской долины остатки Кампыр-дувала были обследованы в 1927 г. В. А. Шишкиным (Умняков 1928: 268), несколько лет спустя в отчете о Ферганской экспедиции о ней упоминал Б. А. Латынин (Литвинский 1954: 19). В 1952 г. остатки этой стены были обследованы Б. А. Литвинским (Литвинский 1954а: 189), продолжение ее от правого берега Сыр-Дарьи было обнаружено Н. Н. Негматовым (Мандельштам, Негматов 1956: 47). В 1958 г. участки двух стен, следовавших параллельно в меридиональном направлении, на растоянии 20 км друг от друга, были осмотрены Х. Мухамедовым (Мухамедов 1961а: 240–241).

Первым аспектом данной проблемы является вопрос о взаимосвязанности сохранившихся участков этой стены, протянувшейся по территории трех древних исторических областей (Западного, Центрального Согда и Уструшаны). Опираясь на исследования Х. Мухамедова, можно утверждать, что стена, прослеженная от селения Чакар (на западе) до селения Сават (на востоке), составляет единую оборонительную систему (Мухамедов 1972: 131). Заметим, что еще в начале 50-х гг. М. Е. Массон полагал, что остатки оборонительной стены, прослеживаемые с некоторыми перерывами на протяжении около 120 км от ст. Милютинской (Галля-Арал) до селения Хазара, представляют собой единую линию (Массон 1950: 158). Не следует игнорировать и свидетельства местного населения о том, что на западе стена Кампыр-дувал соединялась со стеной Бухарского оазиса (Мухамедов 1972:

[1] Узбекистан. Самарканд. 703004. Университетский бульвар, 19. Международный Институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО.

© Х. Г. Ахунбабаев, 2003

136), а на востоке проходила недалеко от Ленинабада (Ходженд) в сторону степи Каракчикум (Мухамедов 1961а: 240).

Вторым, наиболее важным, является вопрос о времени возведения Кампыр-дувала. Если обратиться к немногочисленным легендарным и письменным свидетельствам, то известна древняя легенда о возведении эпическим царем Гиштаспом Кеянидским (в котором некоторые исследователи хотят видеть отображение исторической личности Дария Гистаспа) стены Согда между Мавераннахром и Туркестаном (Массон 1950: 158). Переводчик книги Наршахи на персидский язык Ахмед ибн-Мухамед ибн-Наср рассказывает, что подробные сведения о постройке стены Бухарского оазиса имеются у Абу-л-Хасана Нишабури в его книге «Хазаин-ал-улум»: Халиф Махди в 782/83 г. назначил наместником Хорасана Абу-л-Аббаса ал-Фазла ибн-Сулеймана Туси. Последний в целях защиты страны от набегов тюрков-кочевников, следуя совету правителя Согда Язида ибн-Гурека, распорядился окружить бухарские рустаки стеной и поручил это дело бухарскому эмиру Мухтади. Интересно в этом рассказе упоминание Язидом ибн-Гурек, в качестве примера, стены Согда, построенной при некоей древней царице (Якубовский 1940: 144). Видимо, к этой легенде восходит и само название стены – «Кампыр-дувал». Строительство стены было завершено в 830 г. Мас'уди со ссылкой на книгу некоего Сельмуи (или Сельмавейха) «О династии Аббасидов и о хорасанских эмирах» говорит, что при Фазле ибн-Сулеймане были только возобновлены пришедшие в упадок старые стены, построенные каким-то древним согдийским царем (Бартольд 1963: 163–164). Как показали разведки в районе Баштепинской группы памятников, средневековая стена не везде точно следовала направлению древней стены, отметив, таким образом, частичное сокращение ареала освоенных земель в раннесредневековое время (Мухамеджанов 1983: 23). Археологических раскопок, непосредственно связанных с Кампыр-дувалом, практически не проводилось, если не считать нескольких разрезов, сделанных Х. Мухамедовым, и небольших по объему разведочных работ О. В. Обельченко, которые позволили ему дать приблизительную дату возведения стены – последние века до нашей эры (Обельченко 1960: 26). На территории Уструшаны дата возведения стены была предположительно соотнесена с датой курганного могильника, расположенного за ее пределами, и отнесена к началу нашей эры (Салтовская 1960: 96).

Следует отметить, что для выяснения датировки сооружения такого масштаба, как Кампыр-дувал, бесперспективным (и могущим привести к весьма неожиданным выводам) (Грицина, Пардаев 1990: 167–168) является проведение археологического исследования самой стены, поскольку при ее постройке использовался грунт, бравшийся на месте и укладывавшийся различными способами (непосредственно или в виде глиняного раствора). Только на территории Уструшаны при ее возведении применялся сырцовый кирпич в сочетании с каменной кладкой. Там же был зафиксирован каменный фундамент, над которым шла стена из пахсы (Салтовская 1960: 89), а в Бухарском оазисе на внешней стороне вала в основании стены было обнаружено несколько рядов сырцовой кладки (Обельченко 1960: 12), возможно, связанной с ремонтом. Последняя – средневековая стена – как показали сделанные Х. Мухамедовым разрезы, была построена из пахсы и имела внутристенный коридор шириной 4–6 м, достигая в основании толщины 12 м (Мухамедов 1961: 47–48). На наш взгляд, в первую очередь необходимо обратить внимание на те участки стены, которые были привязаны к местным условиям рельефа и потому дополнительно укреплялись крепостными сооружениями, возводившимися одновременно с Кампыр-дувалом. К примеру, в месте, где стена упиралась в правый берег канала Булунгур, ее линию замыкают остатки крепости Ярттепа; а на левом берегу реки Санзар у подножия горы стена фланкирована мощной некогда крепостью Гумбазтепа.

Мы считаем, что столкнувшись в степях Северного Причерноморья и Средней Азии со стратегией номадов в ведении войн, эллины и там и здесь применили эффективный прием защиты от внезапного нападения (сходные социально-политические процессы привели к появлению и Великой китайской стены). В Северном Причерноморье (Керченский полуостров) сохранились два вала, служившие для защиты сельскохозяйственной территории от нападений кочевников. Страбон сообщает о стене боспорского царя Асандра (47–17 гг. до н.э.), длиной 360 стадий с 10 башнями на каждую стадию. В Средней Азии известна стена, построенная в первой половине III в. до н.э. по приказанию Антиоха I Сотера (280–261 гг. до н. э.) вокруг оазиса древней Маргианы (Strabo VII, 4, 6). Обследование стены (Вязигин 1949: 260–275) показало, что расположение вала находится в полном соответствии с описанием, данным Страбоном (XI, 10). Прецедентом же подобных сооружений следует считать «Длинные стены» в Греции, построенные после 461 г. до н.э. для защиты населения Аттики.

В вопросах датировки возникновения древней оборонительной линии Кампыр-дувала, как нам представляется, наиболее интересны археологические и нумизматические материалы, накопленные за последние годы археологических исследований Бухарского оазиса (Ртвеладзе, Ниязова 1984: 55–56). В свете этих данных направлением первоначальной линии, ограждавшей Согд с запада, видимо, следует считать отрезок стены, прослеженный от селения Хазара

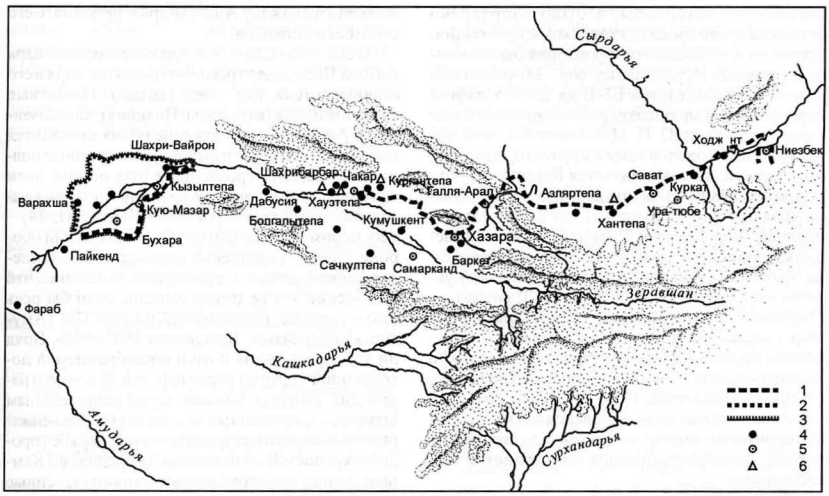


Рис. 1. Кампыр-дувал, схематическая карта.
Условные обозначения: 1 – античная стена; 2 – античная стена; 3 – средневековая стена; 4 – городища; 5 – населенные пункты; 6 – курганные могильники.

Fig. 1. Kampyr-duval, schematic map.
Notations: 1 – wall of the Classic period; 2 – wall of the Classic period; 3 – medieval wall; 4 – settlement-sites; 5 – modern settlements; 6 – mound cemeteries.

вдоль левого берега Зеравшана и далее на юго-запад (Обельченко 1960: 12). Стратегическим пунктом внутри оборонительной линии на крайнем юго-западе являлся древний Пайкенд (рис. 1). Нижние слои его первоначального поселения, а затем крепости предварительно датируются IV – концом III–II вв. до н.э. (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов 1988: 45). Процесс развития урбанизированных поселений и греческой колонизации центральной части Бухарского оазиса в III в. до н. э., видимо, отражает новая линия оборонительной стены («Кампирак»), в своей восточной части следовавшая параллельно первой стене, но вдоль правого берега Зеравшана. Охватив вновь освоенные пространства с севера, она как бы замкнула кольцо вокруг Бухарского оазиса. На наш взгляд, материалы нижних слоев Варахши, Бухары, Ромиша, Сеталака и баштепинской группы памятников не могут быть датированы ранее конца IV – начала III вв. до н. э. Бурный рост числа новых поселений в нижнем течении реки Зеравшан в это время следует связывать с переселением населения центральных районов Согда как следствие карательной экспедиции Александра Македонского вниз по Зеравшану. Однако, средневековая стена, возведенная, большей частью, по остаткам двух разновременных античных стен, окончательно оформила кольцо оборонительной линии вокруг Бухарского оазиса. В IX веке для охвата новой стеной освоенной в это время орошаемой территории явно не хватало средств и ресурсов. Вот почему из 22 рустаков Бухары 7 оказались за Кампыр-дувалом. И Пайкенд, первоначально возникший как крепость внутри линии оборонительных стен, теперь оказался за их пределами. Для защиты Пайкенда от набегов кочевников власти вынуждены были пойти на такую меру, как организация многочисленных военных лагерей (рабат), где собирались отряды газиев. Выше мы уже говорили, что строительство средневековой стены Бухарского оазиса (точнее ремонт античных стен) было завершено в 830 г., а по сведениям Наршахи (I, с. 24), к 854/55 г. у ворот Пайкенда было уже более тысячи рабатов.

В центральном Согде, к северу от Самарканда, при обследовании остатков Кампыр-дувала нами было зафиксировано, что ко времени возведения оборонительной линии часть земель древнего орошения находилась в запустении, и оросительная система постепенно приходила в упадок (Ахунбабаев 1983: 157). Эта картина характерна не для всех районов правобережья Зеравшана. Наиболее удобные для освоения, орошенные многочисленными горными саями земли находились к северу от Миankаля. Именно в этом направлении, как свидетельствуют архео-

логические материалы, и было направлено основное русло греко-бактрийской колонизации. Кроме того, с севера эта территория была защищена грядой Нуратинских гор. Значительное количество памятников III–II вв. до н. э. зафиксировано в Хатырчинском районе археологическими разведками Ю. П. Манылова. II в. до н. э. – время возникновения такого крупного укрепленного пункта, каковым является Кургантепа (Пугаченкова 1989: 77), за пределами Кампыр-дувала является датой post quem для строительства древней оборонительной линии. Интересно раскапывавшееся в начале 80-х гг. археологом Б. Ураковым (материалы не опубликованы) укрепленное греческое поселение III–II вв. до н. э. (Хаузтепа), также возникшее за пределами Кампыр-дувала. Этимологию дошедшего до нас названия другого античного города за пределами Кампыр-дувала – «Шахрибарбар»/«Варвария» (впервые обследован Г. В. Шишкиной) можно трактовать не как «город варваров», а как «город на территории варваров», то есть основанный за чертой эллинизированного пространства или государства.

Что касается самой северо-восточной части территории, охваченной Кампыр-дувалом, то она включает область древней Уструшаны, где происходили события, красочно описанные историками похода Александра Македонского, и где была основана Александрия Крайняя. Результаты археологических исследований на месте Александрии Крайней и других вполне обоснованно локализованных древних поселений, упоминаемых в источниках (Негматов 1987: 285–293), нашли достаточное отражение в публикациях. Нам остается только отметить, что ареал, очерченный линией древней оборонительной стены, не дает оснований для включения в состав Греко-Бактрийского царства территории древней Ферганы, вопреки распространенной интерпретации сообщения историка середины II в. до н. э. Аполлодора из Артемиты о расширении пределов Греко-Бактрийского царства до серов и финов. Хотя и не следует, видимо, отрицать греческого влияния и, возможно, участия греческих колонистов в развитии античных поселений Ферганской долины.

Подводя итоги всему сказанному выше, мы склонны утверждать, что остатки древней оборонительной стены являются зримой чертой, обозначившей северные границы Греко-Бактрийского царства. Возведена она была, видимо, вскоре после отложения Греко-Бактрии от Селевкидов и могла расцениваться, кроме всего прочего, как политический акт, засвидетельствовавший образование нового государства, унаследовавшего все завоевания Александра Македонского в Средней Азии. Если обратиться к карте (рис. 1) и сопоставить свидетельства источников, то можно смело утверждать, что линия стены Кампыр-дувал довольно точно очертила территорию, вошедшую в державу Александра в результате его согдийских походов.

В 208–206 гг. до н. э., когда селевкидский царь Антиох III осаждал греко-бактрийского царя в его столице, стена уже существовала. Известные слова Евтидема (в передаче Полибия), адресованные к Антиоху: «...положение обоих становится небезопасным. На границе стоят огромные полчища номадов, угрожающие нам обоим; если только варвары перейдут границу, то страна наверняка будет ими завоевана» (Polyb. XI, 34) – неоспоримое свидетельство наличия линии оборонительных укреплений вдоль северных пределов Греко-Бактрии. Справедливо замечание, что сообщение это не имело смысла, если бы речь шла о границе, проходившей по реке Окс (Амударья) (Сердитых, Кошеленко 1987: 240). Вряд ли здесь речь могла идти и о воображаемой пограничной черте на карте царства. О концентрации сил кочевых племен перед решительным штурмом пограничных укреплений Греко-Бактрийского царства, о драматической борьбе городов и крепостей, основанных за пределами Кампыр-дувала, свидетельствуют и многочисленные курганные могильники, расположенные в непосредственной близости от древней стены на всем ее протяжении.

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на один сюжет. Кампыр-дувал, по мнению, А. Н. Бернштама, не мог служить надежной преградой для отражения набегов кочевников (Бернштам 1952: 271). Однако он не мог служить эффективно и в качестве полицейской меры «для удержания населения в границах государства» (Бернштамм 1952: 271), если бы не другой, может быть, наиболее важный, фактор – целенаправленная градостроительная политика. Для удержания в повиновении населения Согда, страны, которая по эмоциональному высказыванию Клита, не покорена и не может быть покоренной (Curt. VIII, 1, 35), требовалось создание целой сети пунктов с административными, полицейскими и оборонными функциями. Именно с этой целью Александр Македонский создавал поселения греческих военных колонистов. О масштабах колонизации можно судить по тому, что в восстании греческих поселенцев в Бактрии и Согдиане после смерти Александра принимало участие до 20000 пехотинцев и 3000 всадников (Кошеленко 1972: 59–60).

Стены, возводившиеся вдоль административных границ и вокруг оазисов, являлись воплощением идеи военной организации эллинистических держав, образовавшихся после распада империи Александра Македонского. Действующие армии Селевкидского и Греко-Бактрийского царств не были предназначены для защиты бесконечных границ. Военная тактика эллинистических государств на Востоке в мирное время заключалась в организации небольших гарнизонов, рассредоточенных по стратегическим укреп-

лениям. Стены же служили защитой от неожиданного, внезапного нападения. В греко-бактрийскую эпоху, видимо, одновременно с возведением Кампыр-дувала, восстанавливались прежние и строились новые крепости, о чем свидетельствуют археологические материалы. Располагались поселения как по границам оазиса, так и внутри страны на расстоянии однодневного перехода (25–30 км), а это оптимальное расстояние с военной, административной и других точек зрения. Многие из этих поселений, пережив различные потрясения, продолжали функционировать и развиваться в последующие периоды истории.

Ахунбабаев, Х. Г. 1983. Археологическое изучение Булунгурского района в 1979–1980 гг. // История материальной культуры Узбекистана 18: 154–164.

Бартольд, В. В. 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения I. Москва: Наука.

Бернштам, А.Н. 1952. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР 26.

Вязигин, С. А. 1949. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции I: 260–275.

Грицина, А. А., М. Х. Пардаев. 1990. Археологическое изучение Кизилинского массива // Археологические работы на новостройках Узбекистана: 163–179. Ташкент: Фан.

Кошеленко, Г. А. 1972. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // Вестник древней истории 1: 59–78.

Литвинский, Б. А. 1954. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой // Труды АН Таджикской ССР XXVI.

1954а. Новые материалы по археологии Таджикистана // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 55: 139–146.

Мандельштам, А. М., Н. Н. Негматов. 1956. Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. // Труды АН Таджикской ССР XXXVII.

Массон, М. Е. 1950. К периодизации древней истории Самарканда // Вестник древней истории 4: 155–166.

Мухамеджанов, А. Р. 1983. Древнебухарская стена Кампирак и кызылкыргская оросительная система // Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н. э.: 21–26. Ташкент: Фан.

Мухамеджанов, А. Р., Ш. Т. Адылов, Д. К. Мирзаахмедов, Г. Л. Семенов. 1988. Городище Пайкенд. Ташкент: Фан.

Мухамедов, Х. 1961. Узбекистоннинг кадимги мудофаа иншоотлари тарихидан. Ташкент: Фан.

1961а. Из истории древних оборонительных сооружений в Узбекистане // Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН Узбекской ССР II: 235–247. Ташкент: Фан.

1972. Новые участки Кампир-девора древнего Согда // История материальной культуры Узбекистана 9: 131–136.

Наршахи. 1979. Абубакр Мухаммад бинни Чаъфар Наршах. Таърихи Бухоро. Душанбе: Дониш.

Негматов, Н. Н. 1987. Некоторые проблемы археологии Таджикистана и Северной Средней Азии // Археологические работы в Таджикистане 20: 281–301.

Обельченко, О. В. 1960. К вопросу о времени возведения стены Бухарского оазиса – Кампыр-дувал // Труды Ташкентского государственного университета 172/V: 11–31. Ташкент.

Пугаченкова, Г. А. 1989. Древности Миankаля. Ташкент.

Ртвеладзе, Э. В., М. Ниязова. 1984. Клад греко-бактрийских монет из Бухары // Тезисы докладов на Втором Всесоюзном симпозиуме по проблемам эллинистической культуры на Востоке: 55–56. Ереван.

Салтовская, Е. Д. 1960. Вал и могильник у кишлака Нияз-бек // Известия АН Таджикской ССР I (22): 89–94.

Сердитых, З. В., Г. А. Кошеленко. 1987. Проблемы истории и культуры Греко-Бактрии в литературе последних лет // Советская археология 3: 237–250.

Страбон. 1964. География. Пер. Г. А. Стратановского. Москва: Наука.

Умняков, И. И. 1928. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году // Известия Средазкомстариса 3. Ташкент.

Якубовский, А. Ю. 1940. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. // Труды Отдела Востока Эрмитажа II: 113–163. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

ON THE PROBLEM OF THE NORTHERN BOUNDARIES OF THE GRAECO-BACTRIAN KINGDOM

H. G. AKHUNBABAEV

One of the problems of history of the Graeco-Bactrian Kingdom is that of its northern boundaries. Prevailing is the point of view, that Sogdia made part of those state formations both during the time of Alexander of Macedon and during the period of the rule of Seleucids and Graeco-Bactrians. However, there is also a differing point of view. In the opinion of the author of this paper, among the facts that may throw light on this problem, one should consider remains of a line of defensive walls known by the local inhabitants under the name of Kampyr-Duval. These line possibly is marking the actual borders of the Graeco-Bactrian Kingdom in Sogdia. On the basis of the investigations of Kampyr-Duval conducted since the end of the last century we may assert that the preserved remains of this

wall which ranged through the territories of three historical areas (Western and Central Sogdia and Ustrushana) are related to each other and formed in antiquity a single defensive system (Fig. 1). Practically no archaeological excavations, directly connected with Kampyr-Duval, have been carried out, not counting a few sections excavated by H. Mukhamedov and small-scale exploratory works of O. V. Obel'chenko which enabled him to date approximately construction of the wall to the first centuries B.C. Of great importance for dating the construction of Kampyr-Duval are the evidences of historical topography of towns and fortresses of Classic period obtained recently from the Bukhara and Samarkand provinces. The materials from Bukhara Province, in addition, give us an idea about the dynamics of the development of the ancient fortifications which in the Medieval period were transformed into a ring of walls encircling the oasis.

Considering the information from written documents and results of archaeological investigations, the author of this article supposed that the remains of the ancient defensive wall are the visible line that designates the northern boundaries of the Graeco-Bactrian Kingdom. That wall was built probably shortly after the secession of Graeco-Bactria from Seleucids and, along with all its other purposes, it possibly was considered as a political act testifying the formation of a new state which inherited all the conquests of Alexander in Central Asia.

The wall was already existing in 208–206 B.C. when the Seleucid king Antiochus III was besieging the Graeco-Bactrian king in the latter's capital. The well-known words of Euthydemus (quoted by Polybius) addressed to Antiochus: «...the position of both is growing rather dangerous. On the border, enormous hordes of nomads are staying and threatening both of us; if only the Barbarians pass the border, the country undoubtedly will be conquered by them» [Polyb. XI. 34] — are an indisputable evidence on the existence of a line of fortifications ranged along the northern limits of Graeco-Bactria. This message would have been senseless if it involved the border which ran by the Oxus River (Amu Darya). Neither it is probable that some imaginary boundary line on the Kingdom's map was here implied.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИКОНОГРАФИИ И СИМВОЛИКА НЕКОТОРЫХ КОПТСКИХ СТЕЛ

Н. В. СЕМЕНОВ[1]

Среди коптских надгробных стел можно выделить огромный по количеству памятников пласт – это стелы с архитектурными мотивами, к ним относятся и две стелы из Эрмитажного собрания (рис. 1: 1, 2). Изображения на этих плитах достаточно своеобразны для рельефов VI–VII вв. Рассмотрев особенности изображений, можно выделить три традиции, повлиявших на их иконографию, – египетскую, иудейскую и эллинистическую. Учитывая сюжеты христианского искусства в целом, которые прямо или косвенно связаны с определенными событиями и образами Библии и Евангелий, и сравнивая данные изображения с другими памятниками, можно понять символический смысл этих двух рельефов.

Оба памятника были привезены В. Г. Боком из Египта в 1898 году. Один из них был опубликован Б. А. Тураевым (рис. 1: 1), им же был сделан перевод надписи: «Его чада монахи святые» (Тураев 1902: 18, рис. 40). Стела происходит из Луксора. Композиция имеет трехчастное деление (основание, средняя часть и навершие). Верхняя часть представляет собой полукруглый тимпан, в центре которого расположена хризма в виде равноконечного креста с завитком с правой стороны.[2] В четырех углах между перекладинами креста круглые пластинки, мотив часто встречающийся на разных стелах. По сторонам хризмы процарапаны греческие буквы «альфа» (А) и «омега» (Ω). Среднюю часть, прямоугольной формы, заполняет следующий рельеф: в центре изображен алтарь, напоминающий колонну со ступенчатой базой и пальмообразной капителью из трех «лепестков». Алтарь фланкируют два анха. Изображение представляет собой своеобразный врезной рельеф. Пользуясь простыми приемами, резчик сумел рельефно подчеркнуть особенности моделировки некоторых деталей. Хризма и анхи проработаны изнутри, тем самым подчеркнуто их значение в композиции. Буквы, каннелюры колонн, пространство внутри петель анхов трактованы процарапанными линиями. Нижняя часть, также прямоугольной формы, содержит надпись в четыре строки. Другая эрмитажная стела (инв. № 11081) несколько отличается от вышеописанной (рис. 1: 2). Стела была опубликована А. Я. Каковкиным в сборнике «Христиане на Востоке» (Каковкин 1998: 136–178, рис. 194). Надпись дешифровать не удалось. У этого памятника более вытянутая форма. Боковые стороны дугообразно сужаются кверху. Само навершие напоминает очертаниями трехчастный фронтон или фронтон с акротериями. В центре него расположен равноконечный крест, фланкированный буквами «альфа» и «омега». Надпись помещена под этим своеобразным фронтоном в специально вырезанной табличке, напоминающей эти-кетку для мумии. Такие таблички очень часто встречаются на коптских стелах, сами же этикетки сравнительно долго использовались уже в коптское время. Внизу два анха и алтарь, поддерживающий табличку. Вдоль края стелы и по контуру фронтона полоска с косыми насечками, имитирующими плетение. Буквы «альфа» и «омега» использованы дважды – во фронтоне и в правом и левом нижних углах стелы. Пластическое решение лаконично, как и на первой стеле. Рельеф здесь более объемный, благодаря тому, что пространство между изображением и полоской, обрамляющей стелу, выбрано на небольшую глубину. Буквы «альфа» и «омега» на этой стеле не процарапаны, а выполнены в технике рельефа. Алтарь более вытянутой формы, чем на первой стеле, с небольшой базой и напоминающей капитель верхней частью.

Подобный тип композиции представлен довольно большим числом памятников. Сюда же можно отнести изображение на еще одной эрмитажной стеле, происходящей из коллекции Н. П. Лихачева (Каталог… 1993: 43, рис. 20). Также можно назвать памятник из Музея Позднеантичного и Византийского искусства в Берлине, отличающийся прямоугольной формой, с более ярко выраженным фронтоном и акротериями (инв. № 1.4729) (Wulff 1909: 42, рис. 100). Другая стела (инв. № 1.4739) (рис. 1: 3) из этого собрания с двумя анхами (Wulff 1909: 42, рис. 99)

[1] Россия. 190000. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел обслуживания механизированной техники, залов и выставок.

[2] Подобный знак является очень распространенной формой хризмы в Египте. Хризма такой формы, согласно ряду исследований, есть абревиатура греческого слова стадо, паства, то есть связано с представлением о Христе как о Пастыре Добром (Keimer 1943: 93).

© Н. В. Семенов, 2003

не имеет между ними колонны, но сами анхи как бы заключены в прямоугольные рамы таким образом, что изображение напоминает две створки двери со знаками «анх».

В своей статье «Врата Гадеса или Врата Рая» Э. Дриотон (Drioton 1943: 59–78) сделал подробный анализ такого типа стел и пришел к выводу, что изображения представляют собой символические врата в потусторонний мир. Он также считает, что иконография стел с архитектурными мотивами восходит к погребениям восточноэллинистического типа. А. Бадави классифицировал стелы по наличию в рельефе тех или иных архитектурных деталей, разделив их на две большие группы – с простым и сложным архитектурным мотивом. Две вышеописанные стелы он относит к первой категории. Группу стел со сложным мотивом (рис. 1: 4, 6–8) он предлагает интерпретировать, вслед за Э. Дриотоном, как символическое изображение храма (Badawy 1947: 22). Данный аспект интерпретации А. Бадави требует особых дополнений, так как непосредственно затрагивает интересующую нас тему коптской иконографии, и именно подобные изображения являются общими для христианского искусства. Исследователи говорят о тенденции воспроизведения в средневековых памятниках реалий и символов Святой Земли (Айналов 1916: 74, Grabar 1958: 1–70). В западном искусстве архитектурный фон базилик IV века Санта Пуденциана и Санта Мария Маджиоре в Равенне связан с образом отстроенных в Иерусалиме храмов. На сирийском кубке есть изображение храма (рис. 1: 10), которое М. С. Росс сопоставляет с коптскими рельефами с простым архитектурным мотивом (рис. 1: 5) (Ross 1962: 71, 81). С другой стороны, их можно сравнить с изображениями на ампулах, происходящих из Святой Земли (рис. 1: 9), которые представляют киворий Церкви Воскресения в Иерусалиме (Grabar 1958: 1–70). В своем исследовании Б. Кюнель доказала на основе раннесредневековых изображений храма, что именно они легли в основу христианского образа Небесного Иерусалима как символа Рая; она пришла к выводу о символическом тождестве для христианского сознания Храма – Иерусалима – Врат Рая (Kuhnel 1986–87: 147–168). Источником этой иконографии является иудейская традиция – храм Соломона на палестинских монетах времени восстания Бар-Кохба 132–135 гг., представляющий четырехколонный портал с фронтоном и тремя входами. Эта иконография нашла отражение и в росписях большого здания некрополя Эль-Багават в Египте. Среди прочих рисунков здесь имеются три изображения зданий с фронтонами, колоннами, лестницей, они представлены только с фасада. Рядом с одним из зданий нарисован Добрый Пастырь и Адам с Евой (очевидно, что здание олицетворяет Рай), рядом с другим надпись по-гречески «Иерусалим» (Бок 1901: 20; Айналов 1902: 152–201). Здесь принята одна и та же форма и для образа Рая, и для образа «Иерусалима». Некоторые стелы Коптского музея в Каире (рис. 1: 6) близки подобному изображению Небесного Иерусалима, есть такая стела и в собрании Эрмитажа (рис. 1: 4) (Каковкин 1996: 66). Две рассматриваемые нами стелы, несомненно, отличаются от этого канонического образа, но возможные интерпретации рельефов (фасад храма, часовня, Иерусалим, врата в потусторонний мир) можно рассматривать именно с точки зрения символического тождества Храма –Иерусалима – Врат Рая. О храме в Иерусалиме Небесном сказано в Откровении: «Храма же я не видел в нем, ибо Господь бог Вседержитель – Храм его, и Агнец» (Отк. 21: 22). Как сказано у Д. В. Айналова «дело идет о новом повороте мышления средневекового человека. Разрушив представление античности о Греции как о центре земли, символом чего был Омфалос в Дельфах, средневековое человечество перенесло сосредоточие земли в Палестину, на то место, где находилась Кальвария (Голгофа)» (Айналов 1916: 77–86). Эта идея высказывалась также и раннехристианскими авторами, соотносящими Голгофу

Рис. 1. 1 – стела с алтарем и анхами (Луксор. VI–VII вв. Известняк. 0,57 х 0,38 м. Государственный Эрмитаж) (по: Тураев 1899: 18, № 40); 2 – стела с алтарем и анхами (Египет. VI–VII века. Известняк. 0,47 х 0,36 м. Государственный Эрмитаж, № 11081) (по: Каковкин 1998: № 194); 3 – стела с двумя анхами и хризмой (Эрмент. VI–VII вв. Песчаник. 1,11 х 0,30 м. Музей Позднеантичного и Византийского искусства в Берлине, № I.4729) (по: Wulff 1909: 42, № 100); 4 – стела с аркой и нишей (Египет. VI–VII вв. Известняк. 0,37 х 0,23 х, 08 м. Государственный Эрмитаж, № 11094) (по: Матье, Ляпунова 1939: 49, № 4; Каковкин 1996: 66); 5 – стела с крестом в венке (Луксор (возм. Эрмент). VI–VII вв. Песчаник. 0,45 х 0,35 м. Музей Позднеантичного и Византийского искусства в Берлине, № I.4787) (по: Wulff 1909: 41, № 95); 6 – стела с аркой и нишей (Луксор. VI–VII вв. Известняк. 0,36 х 0,29 х 0,1 м. Каир, Коптский музей) (по: Drioton 1943: 75–77, pl. II); 7 – стела с двойным портиком (Луксор (Эрмент). VI–VII вв. Известняк. 0,49 х 0,38 м. Каир, Коптский музей) (по: Drioton 1943: 75–77, pl. II); 8 – стела с арками (Тира-Эль Гариа. VIII вв. Известняк. 0,48 х 0,35 м. Каир, Коптский музей, № 8036) (по: L'Art copte … 2000: 133, № 117); 9 – свинцовая ампула (Палестина. VI–VII вв. Коллекция Думбартон Оукс. Вашингтон, № 112) (по: Dumbarton … 1962: 71); 10 – стеклянный кубок (Сирия. Начало VI в. Коллекция Думбартон Оукс. Вашингтон) (по: Dumbarton … 1962: 81); 11 – пекторали. Новое Царство (по: Lange, Hirmer 1973: XLIV); 12 – фронтон стелы (Египет. VI–VII вв. Известняк. 0,47 х 0,75 м. ГМИИ им. А. С. Пушкина, № I,1а 5232) (по: Банк 1977: 156, № 287); 13 – рельеф с ангелами (Бауит. VI–VII вв. Известняк. 0,24 х 0,48 м. Каир, Коптский музей, № 7100) (по: L'Art … 2000: 117, № 84).

Fig. 1. 1 – Stela with altar and ankhs (Luxor. 6th–7th cen. A.D. Limestone. 0.57 x 0.38 m. State Hermitage) (after Тураев 1899: 18, № 40); 2 – stela with altar and ankhs (Egypt. 6th–7th. Limestone. 0.47 x 0.36 m. The State Hermitage, № 11081) (after Каковкин 1998: № 194); 3 – Stela with two ankhs and chrisma (Hermonthis. 6th–7th cen. Sandstone. 1.11 x 0.30 m. The Museum of Late Classic and Byzantine Art in Berlin, № I.4729) (after Wulff 1909: 42, № 100); 4 – Stela with arch and niche (Egypt. 6th–7th cen. Limestone. 0.37 x 0.23 x 0.08 m. The State Hermitage, № 11094) (after Матье, Ляпунова 1939: 49, № 4; Каковкин 1996: 66); 5 – Stela with

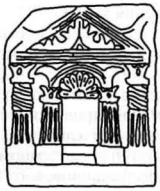
1

2

3

4

5



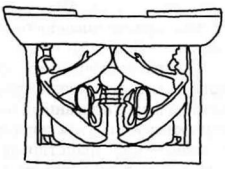
6

7

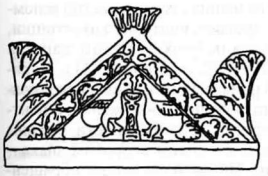
8

9

10



11



12

13

a cross in a garland (Luxor (possibly Hermonthis). 6th–7th cen. Sandstone. 0.45 x 0.35 m. The Museum of Late Classic and Byzantine Art in Berlin, № I.4787) (after Wulff 1909: 41, № 95); 6 – Stela with arch and niche (Luxor. 6th–7th cen. Limestone. 0.36 x 0.29 x 0.1 m. Cairo, The Coptic Museum) (after Drioton 1943: 75–77, pl. II); 7 – Stela with a double portico (Luxor (Hermonthis). 6th–7th cen. Limestone. 0.49 x 0.38 m. Cairo, The Coptic Museum) (after Drioton 1943: 75–77, pl. II); 8 – Stela with arches (Tira-El Garia. 8th cen. Limestone. 0.48 x 0.35 m. Cairo, The Coptic Museum, № 8036) (after L'Art copte … 2000: 133, № 117); 9 – Lead ampoule (Palestine. 6th–7th cen. Dumbarton Oaks Collection. Washington, D. C., № 112) (after Dumbarton … 1962: 71); 10 – Glass beaker (Syria. Early 6th cen. A. D. Dumbarton Oaks Collection. Washington, D. C.) (after Dumbarton … 1962: 81); 11 – Pectoral. New Kingdom (after Lange, Hirmer 1973: XLIV); 12 – Pediment of a stela (Egypt. 6th–7th cen. Limestone. 0.47 x 0.75 m. The Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow, № I, 1a5232) (after Банк 1977: 156, № 287); 13 – Relief with angels (Bawit. 6th–7th cen. Limestone. 0.24 x 0.48 m. Cairo, The Coptic Museum, № 7100) (after L'Art … 2000: 117, № 84).

с местом, где Авраам принес в жертву агнца. Так, Феодосий (530 г.) говорит: «На западной стороне ты входишь в церковь Воскресения, где гроб Господень, там то и есть Кальвария, где Авраам принес в жертву сына своего Исаака» (Айналов 1916: 84). Эти слова имеют особое значение. Во-первых, то, что церковь Воскресения располагается на западной стороне Голгофы, подчеркивает ее функцию – место хранения Святого Гроба (восток – жизнь, запад – смерть), и в этом случае образ церкви регламентирует определенным образом христианскую погребальную практику, то есть ее изображение на надгробиях становится желательным как своего рода апотропей. Во-вторых, Голгофа, соотносимая как с жертвоприношением Авраама, так и с жертвой Христа, тем самым является «Центром Мира», местом божественного откровения. Церковь, построенная Константином, адаптировала уже существующую иудейскую экзегезу, создав устойчивый символизм христианского Иерусалима как оси мира, места спасения. В иудейской традиции эта идея выражена следующим образом: священная скиния Иеговы, место пребывания Шехины, есть Святая Святых, которая в свой черед есть сердце Храма, а последний и сам есть центр Сиона (Иерусалима), как Святой Сион есть центр земли Израиля, и как земля Израиля есть центр мира (Каббала: цит по Генон 1998: 111; Kuhnel 1986–87: 149–151). Об отношении коптов к Иерусалиму как к символу мы можем судить со слов св. Шенуте, основателя Белого Монастыря, называющего свой монастырь Иерусалимом (Бок 1901: 40).

На рассматриваемой группе стел есть одна деталь, которую можно трактовать по-разному – алтарь, фланкированный анхами. А. Бадави интерпретирует его как колонну, которая делит центральное пространство на две части (Badawy 1947: 3) и, если рассматривать их как два проема или входа, то можно увеличить ряд аналогий, основанных на этом принципе. Это коптская плита VII–VIII вв. из берлинского музея (Wulff 1909: 75, рис.191) с двумя арками и хризмой в венке над ними, сюда же можно отнести целый типологический ряд стел с двойным портиком и фронтоном, архитектонически более разработанный, чем описываемые нами памятники (рис. 1: 7, 8). Э. Дриотон пишет о стелах с двойным портиком как об изображениях церкви (Drioton 1943: 75–77, pl. II). Здесь можно сказать несколько слов о символизме правой и левой арок. Рене Генон пишет, что правой и левой стороне соответствуют два божественных атрибута – правосудие и милосердие – их символизируют две боковые колонны древа Сефирот, центральной колонне соответствует «Тиферет» – «излучающий» центр (Генон 1998: 156–157). Эти атрибуты явно подобают Христу, в особенности, когда мы рассматриваем Его в роли Судии живых и мертвых. Иная трактовка этой детали (алтаря) вытекает из ряда изображений римского времени, представляющих жертвенники. Подтверждением подобного значения могут служить также несколько коптских памятников – навершие из ГМИИ им. А. С. Пушкина, где птицы пьют из чаши, стоящей на алтаре (инв. № I,1а5832) (рис. 1: 12) (Банк 1977: 156, рис.287), также схожим можно назвать рельеф, находящийся в Коптском музее в Каире, с ангелами, поддерживающими крест на алтаре (инв. № 7100) (рис. 1: 13) (L'Art copt… 2000: 117, tab. 84). Обе точки зрения не противоречат общей трактовке изображений на стелах как символического изображения храма.

Если вышеупомянутую деталь, алтарь-колонну, рассматривать как изображение сакрального символа, чье центральное положение в композиции говорит о его ключевом значении, то можно провести ряд аналогий не только с памятниками христианского искусства соседних областей средиземноморья, но также и с искусством фараоновского Египта. В статье М. Хаммада упоминаются некоторые древнеегипетские изображения, где одна центральная колонна или столб является характерной чертой (Hammad 1970: 144–145). Он сопоставляет схемы некоторых культовых египетских сооружений с формой египетских иероглифов. Один из них Sah – иероглиф, напоминающий по форме и обозначающий шатер с центральной колонной. Круглый шатер со священным столбом известен также по коптским росписям (Hammad 1970: pl. IIa). К «Вратам» потустороннего мира имеет отношение египетский «джед» – столб Осириса, он помещался в виде амулета на шею мумии, как гласит назначенная для амулета формула: «чтобы он входил через двери преисподней, как имеющий силу, и никто не мог ему препятствовать, никто, никто не мог спрашивать» (Тураев 1922: 110).[3] В связи с изображением на наших стелах уместно вспомнить некоторые древнеегипетские композиции, например, пектораль эпохи Нового царства (Lange, Hirmer 1973: XLIV) (рис. 1: 11): в красочной эмалевой раме, напоминающей некое прямоугольное архитектурное сооружение, в центре расположен «джед» – столб вечности, над ним – солнечный диск, по обеим сторонам знака – крылатые богини Исида и Нефтида, обращенные лицом к символу Осириса. Если рассматривать схему этой композиции, то обнаружится сходство с исследуемыми стелами.

На стелах есть еще одна интересная деталь – это крест или хризма с расположенными между перекладинами круглыми пластинами (рис. 1: 5). Знак этот вместе с буквами «альфа»

[3] Христос как страж сакральных дверей является в Откровении: «Так говорит Святый, Истиный, имеющий ключ Давидов, который отворяет и никто не затворит, затворяет – и никто не отворит» (Откр. 3: 7)

(А) и «омега» (Ω), столь часто встречающимися на стелах, характеризуют Христа как духовное единство Вселенной (Каковкин 1991: 12). Господь вечности сам не может быть подчинен времени, которое имеет в нем свое начало. Эта идея на христианских памятниках выражена изображением символов времен года рядом с Христом. Д. В. Айналов одну интересную деталь в росписи купола большого здания в Эль-Багават трактует как изображение циклических мер времени: «Четыре розетки расположены на равном расстоянии в поле венка и делят его на четыре части. Такое деление венка известно вообще в раннехристианском искусстве, причем розетки представляют злаки, цветы, фрукты четырех времен года» (Айналов 1902: 161, Бок 1901: 11, рис. 31). Возможно, что изображение четырех круглых пластин вокруг креста на Эрмитажных стелах символизирует времена года.

В завершение можно сказать несколько слов о происхождении такого рода стел. Большое число их происходит из Луксора, некоторые из Эрмента, то есть памятники являются узколокализованными и выполнены примерно в одно время – VI–VII вв. (Wulff 1909: 75). Вероятно, что они могут относиться к одной мастерской.

Изображения на стелах представляют единый синтез различных символов, призванных охранять души умерших и помочь им достичь «Небесного Царства». Сами архитектурные мотивы можно сопоставлять с аналогичными мотивами на надгробиях восточно-эллинистического типа; форма первых заметно отличается от эллинистического оригинала. Воплощенный на стелах образ храма соотносится с памятниками христианского искусства других стран того же времени (VI–VII вв.). Вполне естественно, что воспринятая христианством иудейская традиция претерпевает влияние местной культуры. Древняя культура Египта, конечно, в это время была практически утрачена, но ее дух и корни оставили свои следы в коптском искусстве, свидетельством чему является египетский знак жизни – Анх. Все символы, изображенные на стелах, так или иначе служат сакральному погребальному предназначению стел. Можно даже говорить о преемственности символики коптов у более древних культур, но осмысление символов упомянутых трех традиций осуществляется в христианском духе.

Айналов, А. Д. 1916. Искусство Палестины в средние века // Византийский Временник XXV: 77–86. Санкт-Петербург: издано при Императорской Академии Наук.

1902. Рецензия на книгу В. Г. Бок. Материалы по археологии христианского Египта // Византийский Временник IX: 152–201. Санкт-Петербург: издано при Императорской Академии Наук.

Банк, А. В. 1977. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки 1. Москва: Советский художник.

Бок, В .Г. 1901. Материалы по археологии христианского Египта. Санкт-Петербург.

Генон, Р. 1998. Символы священной науки. Москва: Беловодье.

Каковкин, А. Я. 1991. Коптские ткани. Опыт символических изображений. Москва: Издательство Московского государственного университета.

1996. Стела VI–VII вв. из Египта // Византия и византийские традиции: 33–40. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

1998. Христианский Египет // Христиане на Востоке. Каталог выставки: 136–178. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

Каталог... 1993. Из коллекций академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Седа-С.

Матье, М. Э., К. С. Ляпунова. 1939. Государственный Эрмитаж. Греко-римский и Византийский Египет: путеводитель по выставке. Ленинград: Изд-во Государственного Эрмитажа.

Пятницкий, Ю. А. 1998. Живопись сиро-палестинского региона // Христиане на Востоке: каталог выставки: 108–135 Санкт-Петербург Издательство Государственного Эрмитажа.

Тураев, Б. А. 1902. Коптские тексты, приобретенные экспедицией В. Г. Бока // Труды 11-го археологического съезда в Киеве в 1899 г. 2: 225–246. Москва: Типография Мамонтова.

1922. Древний Египет. Петроград: Огни.

L'Art... 2000. L'Art copte en Egypte. 2000 ans de christianisme. Paris: Gallimard.

Badawy, A. 1947. La stele funeraire copte a motif architectural // Bulletin de la Society d'archaeologie copte XI: 1–25. Le Caire.

*Drioton, Et.*1943. Portes de l'Hades et portes du Paradis // Bulletin de la Society d'archaeologie copte IX: 59–78. Le Caire.

1962. Dumbarton Oaks Catalogues. Byzantine and early mediaeval Antiquites in the D. O. Collection. Vol. 1 by M.C. Ross. Washington: J. J. Augustin.

Grabar, A. 1958. Les Ampules de Terra Sainte. Paris: Librairie C. Klincksieck.

Hammad, M. 1970. Style in the coptic art and significance of its decoration elements // Bulletin de la Society d'archaeologie copte XX: 146–158. Le Caire.

Keimer, L. 1943. Le Chrisme sur une statuettte de porc // Bulletin de la Society d'archaeologie copte IX: 93–101. Le Caire.

Kuhnel, B. 1986–87. Jewish symbolism of the Temple and the Tabernacle and Christian symbolism of the Holy Sepulchre and the Heavenly Tabernacle. A study of their relationship in late Antique and Early Mediaeval Art and Thought // Jewish Art 12–13: 147–168. Jerusalem.

Langer, K., M. Hirmer. 1973. Egipat. Arhitectura, plastica, slikarstvo tokom tri milenija. Beograd: Juogoslavija.

Wulff, O. 1909. Altchristliche und mittelalterliche buzantiniche und italieniche Bildwerke. Bd. III.Teil 1. Berlin: Drug und Verlag von G. Reimer.

THE ORIGIN OF THE ICONOGRAPHY OF SOME COPTIC STELAE AND THEIR SYMBOLISM

N. V. SEMENOV

Among Coptic tomb stelae, one may single out a group of monuments enormous in their quantity which involves stelae with architectural motives. Most of the Coptic stelae from the Hermitage collection belong to this group. Two of them stand out in their distinctive compositional structure and a simplified schematic treatment of the relief. Both of the monuments were brought by V. G. Bock from Egypt in 1898 (Fig. 1: 1, 2). Their common compositional principle is representation of a column-altar in the centre flanked with ankhs. Analysis of the reliefs and their comparison with other objects of the East-Christian art as well as ancient Egyptian and Hellenistic representations enables us to distinguish three traditions – Judaic/Christian, Hellenistic and ancient Egyptian – which probably have influenced the composition of the stelae and their symbolic meaning. A. Badawy considers the architectural motifs on the stelae as a symbolic representation of temple. Such an aspect of Badawy's interpretation requires a special commentary. On a Syrian goblet (fig. 1: 10) there is a depiction of a temple, which M. S. Ross compared with the Coptic reliefs with architectural motif (fig. 1: 5). These stelae may be compared with representations on ampoules of the Holly land (fig. 1: 9), which represent the ciborium of the Church of the Resurrection in Jerusalem. In her research B. Kühnel proved on the basis of early Medieval representations of temple that the Christian image of the Heavenly Jerusalem as symbol of Paradise was based on these representations. Rooted in Judaism, this iconography found its reflection also in paintings of the large building on the necropolis of El-Bagaouat in Egypt. There, along with other drawings, there are three similar representations of buildings. Near one of the drawings there is a Greek inscription meaning «Jerusalem». The iconography of stelae with architectural motifs leads to burials of the East-Hellenistic type where such depictions represent symbolic gates to the other world. Furthermore, the column-altar has the genetic tie with Hellenistic representations of altars and resembles them in its shape. Such a meaning is probably confirmed also by several Coptic objects, *e.g.* the crook-top from A. S. Pushkin Museum of Fine Arts (fig. 1: 12) with depiction of birds drinking from a bowl set on an altar. A number of parallels may be drawn not only with objects of Christian art from the neighbouring Mediterranean regions, but also with the arts of Pharaohs' Egypt. In M. Hammad's paper certain ancient Egyptian representations are mentioned the peculiarity of which is a central column or pillar. M. Hammad deduced the types of some Egyptian edifices from Egyptian hieroglyphs. One of the latter is Sah — a hieroglyph resembling and meaning a tabernacle with a central pillar. A round tabernacle with a sacred pillar is known also from Coptic paintings. Related with the «Gates» of the Other World is the Egyptian «djed» – the pillar of Osiris. It was put like an amulet on the neck of a mummy, and, as the formula designated for the amulet says: «in order that he would enter the door of the nether world like one who has power, and nobody would be able to hinder him, and nobody, nobody would dare ask». In connection with depictions on our stelae it is appropriate to remember some ancient Egyptian compositions (fig. 1: 11) with «djed» in the centre – the pillar of eternity, the solar disc above it, and winged goddesses Isis and Nephthys on both sides with their faces turned to the symbol of Osiris. Consideration of the scheme of this composition reveals the resemblance with the stelae described.

Our stelae bear one other interesting detail – a cross between the crossbeams of which there are round plates with letters alpha and omega. This sign designates the four seasons, *i.e.* the time that takes its beginning and end in Jesus Christ. In conclusion, some words may be told about the origin of the stelae of that kind. A great number of them come from Luxor, some are from Hermonthis, *i.e.* these objects are narrowly localised and manufactured approximately in the same period – the 6th – 7th centuries. It is possible, that they come from a single workshop.

The representations on the stelae are synthesised of different symbols intended to guard the souls of deceased and help them to reach the «Kingdom of Heaven». The iconography of Copts suggests its continuity from earlier cultures, however their conceptualisation was realised in the Christian spirit.

БОЛЬШОЙ КЛАД ДИРХЕМОВ РАННЕЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ, НАЙДЕННЫЙ В 2000 г. В г. КОЗЕЛЬСКЕ

Т. С. НУНАН (†), Р. К. КОВАЛЕВ[1]

Введение. Все исследователи, занимающиеся историей Восточной Европы в раннюю эпоху викингов (по принятой в скандинавской археологии хронологической периодизации), в том числе временем приблизительно от 750 по 830 гг., сталкиваются с полным отсутствием письменных источников, современных этому периоду. Вследствие чего, приходится полагаться почти исключительно на материальные свидетельства, то есть археологические и нумизматические данные. Что касается нумизматики, то наиболее важным источником информации являются клады серебряных монет исламского времени (дирхемов). Они позволяют нам судить, когда начинается торговля Руси с Ближним Востоком (Noonan 1980: 401–469; 1984: 151–282), о торговых путях, которыми пользовались купцы, путешествовавшие по Восточной Европе от Балтики до Багдада, какие народы и в какой степени были вовлечены в эту торговлю, и как менялись во времени объемы торговли (Noonan 1992: 237–259; 1994: 215–236). Кроме того, клады являются историческим фоном для археологических датировок. Они позволяют, например, объяснить, почему викинги впервые пришли в Восточную Европу (Noonan 1986: 321–348), и почему русы основали поселения в Старой Ладоге на Волхове и Сарское городище в бассейне Волги. Клады ясно показывают, что торговля в раннюю эпоху викингов была сосредоточена в руках древнерусских купцов из региона Волхова, которые использовали бассейн Оки, чтобы достичь бассейнов Дона – Северного Донца, а затем Хазарии, выступавшей основным посредником в торговле Руси с исламским миром.

Учитывая большую важность кладов дирхемов ранневикингского времени, не удивительно, что находка новых кладов этого периода значительно расширяет наши представления. Поскольку каждый клад представляет собой более или менее случайную выборку дирхемов, обращавшихся в Восточной Европе, то чем крупнее этот клад, тем более полное и надежное представление он дает о монетном обращении. Большинство кладов дирхемов, сокрытых в Восточной Европе между приблизительно 800 и 835 гг. н.э., имели относительно небольшие размеры. Например, 18 из 32 кладов этого периода содержали каждый менее 100 дирхемов, а 9 состояли менее чем из 50 монет (см. таблицу 1). Некоторые из более крупных кладов, такие как клад из Княщино Минской губ. и особенно Оршинский клад, сохранились не полностью и/или их происхождение не вполне ясно. Другие крупные клады до сих пор не опубликованы, хотя со времени их находки прошло немало времени, например клады из Нижних Новоселок, Кремлевского, Елмеда и Касаляк. Наконец, определены лишь несколько дирхемов из кладов, которые в основном разошлись по рукам, например найденные в Борках и Антоненберге. Таким образом, у нас остается лишь 4 больших клада, содержимое которых более или менее подробно опубликовано: из Нижней Сыроватки, Угодичей, Ярыловичей и Углича. Два из них содержат менее 150 монет, третий – не более 300 дирхемов. И среди них единственным действительно крупным изданным кладом является Углический, который датируется 832/33 гг. н.э., то есть концом ранней эпохи викингов. Именно поэтому находка нового клада дирхемов, содержащего почти 1000 монет и датируемого на 17 лет раньше, чем клад из Углича, значительно пополняет материалы по ранневикингскому периоду.

Весной 2000 г. в Калужской области близ г. Козельска, на р. Жиздре (рис. 1), был найден крупный монетный клад ранневикингского времени[2]. Он был обнаружен очевидно на раннесредневековом поселении, на глубине 0,5–0,6 м от поверхности земли. Кажется, первоначально клад находился в деревянном сундучке, который впоследствии сгнил, не оставив никаких следов. Сундук очевидно закрывался с помощью бронзового замка, от которого сохранились корпус и часть железного механизма. Монеты были, по-видимому, завернуты в ткань, от которой остались несколько фрагментов, окаймленные или

[1] University of Minnesota, Twin Cities Campus, Department of History, College of Liberal Art, 614 Social Sciences, 267–19th Ave., S. Minneapolis, MN 55455.

[2] Авторы благодарны В. А. Калинину за подробное описание монет этого клада.

© Т. С. Нунан, Р. К. Ковалев, 2003

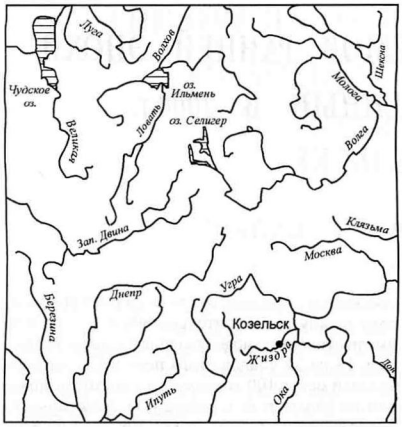


Рис. 1. Месторасположение Козельского клада.

Fig. 1. The location of the Kozel'sk hoard.

расшитые бисером из желтого стекла. Монеты лежали тремя стопками, вокруг которых были найдены их фрагменты. Кроме монет клад содержал серебряный прут квадратного сечения длиной ок. 1 см и небольшой фрагмент спирального серебряного браслета, круглого в сечении, длиной ок. 2 см.

Клад содержал 937 сасанидских драхм и исламских дирхемов. Наиболее ранней монетой была сасанидская драхма, чеканенная между 459 и 484 гг., в то время как самый поздний дирхем датируется 815/16 гг., хотя есть два дирхема отчеканенные между 815/16 и 833/34 гг. В соответствии с этим клад предположительно был сокрыт вскоре после 815/16 гг. н. э.

Нумизматический комментарий. Клады дирхемов из Восточной Европы подразделяются на несколько хронологических групп, каждая из которых имеет свои отличительные характеристики. Последние, в свою очередь, определяются анализом соответствующего клада. Поэтому, начнем с того, что рассмотрим династический, хронологический и региональный состав Козельского клада и сравним его с одновременными кладами дирхемов из Восточной Европы.

Как видно из таблицы 1, дирхемы Аббасидов явно представляли собой крупнейшую династическую составляющую в ранневикингских кладах из Восточной Европы, величина которой варьировалась от 48% до 100%. Среднее значение для 24 кладов, данные по которым известны, составляет 74,5%. Трудно выявить какую-либо явную тенденцию понижения или повышения содержания дирхемов Аббасидов: для клада 804/03 гг., точное местонахождение которого не известно, эта величина составляла 74%, в то время как для клада 832/33 гг. из Углича она равнялась 75%. Тем не менее, отчетливой династической чертой ранневикингских кладов было присутствие монет, чеканенных рядом «вторичных» династий, каждая из которых обычно насчитывала не более 10%. Некоторые из «вторичных» династий относились к пред-аббасидской эпохе, например Сасаниды, Омейяды до реформы и Омейяды, в то время как другие были современниками Аббасидов, например, аббасидские наместники, Идрисиды, Аглебиды и испанские Омейяды. Одна из таких династий, Тахириды, чеканила дирхемы только в 820-х гг. Средний клад содержит 4,25% монет «вторичных» династий. Из «вторичных» династий наиболее широко представлены Омейяды (24 из 28 кладов), Идрисиды (22 из 28 кладов), Сасаниды (15 из 28 кладов) и аббасидские наместники (11 из 28 кладов).

Козельский клад обладает всеми отличительными династическими чертами кладов ранневикингского времени из Восточной Европы. В его составе аббасидские дирхемы составляют 66%, и хотя это и меньше среднестатистических значений, тем не менее это две третьих клада. Еще более важно то, что в Козельском кладе представлены все «вторичные» династии, чеканившие драхмы или дирхемы до 820 г. Другими словами, случайная выборка, насчитывающая приблизительно 1000 дирхемов, обращавшихся в Восточной Европе около 815 г. н.э. должна была содержать монеты всех «вторичных» династий кроме Тахиридов. Более того, Козельский клад содержит монеты целого ряда правителей многих из «вторичных» династий. Большая часть сасанидских драхм, например, выпущена Хосровом II. Козельский же клад отличается тем, что содержит драхмы также Пероза, Хосрова I и Хормизда IV. Аналогично, в Козельском кладе представлены монеты 8 разных правителей из дореформенных Омейядов, что значительно больше, чем в любом другом кладе из Восточной Европы.

В таблице 2 представлен хронологический состав восточноевропейских кладов дирхемов. Поскольку многие клады были раздроблены или неопубликованы, наши данные основаны лишь на 17 кладах. Перед тем как рассмотреть эти материалы, мы должны, однако, напомнить, что поскольку аббасидские монеты преобладают в восточноевропейских кладах, то и хронологический состав этих кладов в значительной степени отражает монетное производство Аббасидов. Причем, как показал Т. С. Нунан, монетная чеканка Аббасидов между 750 и 850 гг. была довольно хаотичной (Noonan 1998: 113–175). Таким образом, хронологический состав кладов ранневикингского времени в Восточной Европе в значительной мере определялся чеканкой аббасидских монетных дворов.

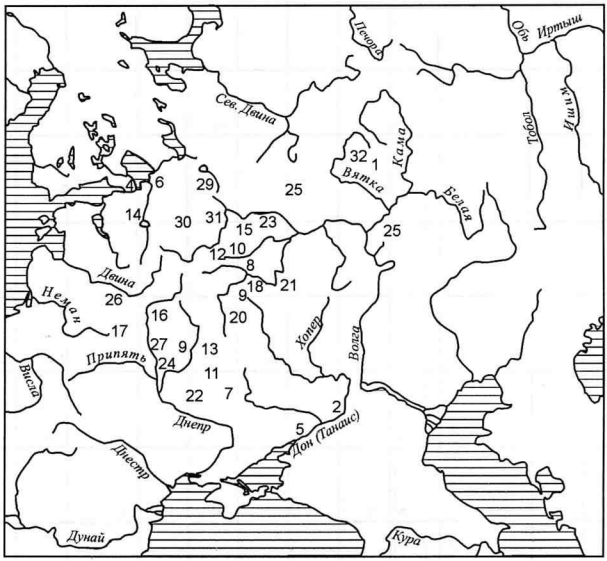


Рис. 2. Места находки кладов дирхемов 800–835 гг. в Европейской России: 1 – Городок, 800; 2 – Правобережное Цимлянское городище, 802; 3 – Россия?, 803/04; 4 – Петергоф, 803/04; 5 – Кривянская, 805/06; 6 – Княщино, 808/09; 7 – Завалишино, 809/10; 8 – Хитровка, 810/11; 9 – Нижние Новоселки, 811/12; 10 – Глухово, 811/12; 11 – Нижняя Сыроватка, 812/13; 12 – Угодичи, 812/13; 13 – Кремлевское, 812/13; 14 – Холопий Городок, 810–812; 15 – Сарское городище, 814/15; 16 – Орша?, 814/15; 17 – Минская губ., 815/16; 18 – Козельск, 815/16; 19 – Тульская об., 816/17; 20 – Лапотково, 816/17; 21 – Борки, 817; 22 – Новотроицкое, 819/20; 23 – Сарское городище, 820-е г.; 24 – Ярыловичи, 820/21; 25 – Елмед, 820/21; 26 – Богушевск, 822/23; 27 – Касаляки, 823/24; 28 – Антониненберг, 823/24?; 29 – Демянск, 824/25; 30 – Загородье, 831/32; 31 – Углич, 832/33; 32 – Вятка, 835

Fig. 2. Find spots of dirham hoards from European Russia of *ca.* 800 to *ca.* 835

Преобладающей хронологической составляющей несомненно являются монеты 770-х–780-х гг. Они доминируют в 15 из 17 кладов. Что касается остальных двух кладов, то в них такие дирхемы образовывали вторую по величине составляющую в Ярыловическом кладе (34% против 35% для 790-х гг.), а небольшой Новотроицкий клад 819/20 гг. не дает объективной картины. Хотя дирхемы 770-х–780-х преобладают, количество их неуклонно снижается. В двух наиболее ранних из рассматриваемых кладов они составляли свыше 60%. В кладах, сокрытых между 805/06 и 816/17 гг., их число варьировало между 59% и 40%. К 820/21 гг. их количество падает до 20–29%. Такую тенденцию и следовало ожидать – с течением времени количество «старых» дирхемов 770-х–780-х гг., завезенных в Восточную Европу, становилось все меньше и меньше. Как ни странно, характер распределения во времени дирхемов указанного периода не применим к другим хронологическим группам монет. Дирхемов, выпущенных до 750 г., в кладах, сокрытых после 812 г., насчитывается даже больше, чем в кладах более раннего времени. Фактически, такие монеты составляли около 20% крупных кладов – Козельского, Ярыловичского и Углического. Наибольший процент монет 750-х–760-х гг. содержится в кладах, сокрытых после 822 г. Большой процент дирхемов 790-х гг. обнаружен в Ярыловичском и Елмедском кладах, сокрытых в 820/21 гг. Если не принимать во внимание монеты 770-х–780-х гг., то многие старые монеты оставались в обращении как на Ближнем Востоке, так и в Восточной Европе. Падение монетного производства Аббасидов, начавшееся около 810 г., означало относительное понижение количества новых дирхемов в кладах, сокрытых позднее этой даты.

Козельский клад содержит гораздо больше датируемых дирхемов (687), чем любой другой клад дирхемов из Восточной Европы этого периода. Вторым по величине является клад из Рамсово в Польше (328 дирхемов) и третьим – клад из Ярыловичей (284 дирхема). Кроме того, что он предоставил в наше распоряжение крупнейшую случайную выборку, Козельский клад был

Место находки, дата последней монеты, число дирхемов	Сасаниды	Омейяды до реформы	Омейяды	Аббасидские партизаны	Аббасиды	Испахбады	Аббасидские наместники Табаристана	Идрисиды	Хараджидские	Аглебиды имамы	Испанские Омейяды	Тахириды	Подражание и подделки исламских монет	Византийские	Западноевропейские
Городок, 800-(15)	13		8		60			20							
Правобережное Цимлянское городище, 802-(48)	10	8	10		50		19	2							
Россия?, 803/04-(54)			4		74			11	9	2					
Петергоф, 803/04-(83)	2		1		86		4	5	2						
Кривянская, 805/06-(82)	2		2		84	1		10							
Княщино, 808/09-(90)	10	9	14		48	4	11	1			2				
Завалишино, 809/10-(52)	4		6		69		8	4	4				4	2	
Хитровка, 810/11-(12)					75	8		17							
Нижние Новоселки, 811/12-(118)	4	1	11		77			3	4						
Глухово, 811/12-(63)			3		86			3	3	3	2				
Нижняя Сыроватка, 812/13-(206)			5		70			10	10	1	1				
Угодичи, 812/13-(127)	4		7		79	2		5	4						

Кремлевское, 812/13-(77)	10	1	3		66	1	10	7		1					
Холопий Городок, 810-812-(24)	17		8		67			4			4				
Сарское городище, 814/15-(10)	10		20	10	50		10								
Орша?, 814/15-(1500?)	X	X	X		X	X	X?	X			X				
Минская губ., 815/16-(21/350)			X		X			X		X					
Козельск, 815/16-(937)	9	3	4	+	66	+	10	5	2	+	1				
Тульская об., 816/17-(32)			19		72			9							
Лапотково, 816/17-(62)			X		X	X	X	X							
Новотроицкое, 819/20-(10)			10		90										

Таблица 1. Династическое распределение монет из ранних кладов дирхемов с территории Европейской России (в процентах). X – входят в состав клада, + – менее 0,5%.

Table 1. The dynastic distribution of the coins in early dirham hoards from European Russia (in percentages). Key: X = Present in hoard; + = less than 0.5%

Место находки, дата последней монеты, число дирхемов	До 750-х гг.	750–760-е гг.	770–780-е гг.	790-е гг.	800-е гг.	810-е гг.	820-е гг.	830-е гг.
Россия?, 803/04–(50)	4		62	28	6			
Петергоф, 803/04–(83)	4		61	32	3			
Кривянская, 805/06–(82)	6	8	57	27	3			
Княщино, 808/09–(90)	30	6	47	8	8			
Завалишино, 809/10–(52)	11	4	57	9	20			
Глухово, 811/12–(63)	5	7	53	12	19	5		
Нижняя Сыроватка, 812/13–(206)	3	1	47	30	19	1		
Угодичи, 812/13–(127)	11	7	38	28	14	2		
Холопий Городок, 810–812–(24)	25	13	50	8	4			
Козельск, 815/16–(687)	22	3	48	17	9	1		
Тульская об., 816/17–(32)	19	3	47	6	22	3		
Новотроицкое, 819/20–(10)	10	20	20	10	20	20		
Ярыловичи, 820/21–(284)	18	3	34	35	7	4	+	
Елмед, 820/21–(150)	7	9	35	24	15	9	1	
Касаляки, 823/24–(41)		22	24	7	39	5	2	
Загородье, 831/32–(13)		15	23	8	38		8	8
Углич, 832/33–(205)	24	4	29	10	16	11	6	

Таблица 2. Хронологическое распределение монет из ранних кладов дирхемов с территории Европейской России (в процентах). ± менее 0,5 %.

Table 2. The chronological distribution of the coins in early dirham hoards from European Russia (in percentages). Key: ± less than 0.5%.

сокрыт примерно посередине ранневикингского времени и, таким образом, позволил с некоторой уверенностью судить как о более раннем, так и о более позднем периодах. Что же можно сказать о хронологическом составе ранневикингских кладов из Восточной Европы на основании Козельского клада? Прежде всего, он подтвердил многие выводы, сделанные на основании более мелких кладов. Дирхемы 770-х–780-х гг. преобладали в составе кладов, хотя их относительное количество продолжало уменьшаться. В обращении оставалось большое количество монет, отчеканенных до 750-х гг. Новые дирхемы, чеканенные позднее приблизительно 800 г., были относительно малочисленны (10%). В то же время, Козельский клад содержал относительно небольшое количество дирхемов 750-х–760-х гг. (3%) и 790-х гг. (17%). Небезынтересно также сравнить Козельский клад 815/16 гг. с гораздо более малочисленным и пока еще неопубликованным кладом 816/17 гг. из Тульской обл. Эти клады сильно различаются по количеству монет, но при этом сходны по содержанию в их составе монет до–750-х, 750-х–760-х и 770-х–780-х гг. Они слегка различаются для 790-х и 800-х гг., однако если эти два десятилетия сложить вместе, мы получим практически одинаковое общее содержание – 26% и 28% соответственно. В целом анализ монет Козельского клада подкрепляет большинство наших предыдущих выводов и повторяет данные, полученные из более малочисленных кладов того же периода.

Во-вторых, благодаря такому большому количеству датируемых аббасидских дирхемов (388 шт.) Козельский клад позволяет довольно достоверно оценить объем ранней аббасидской монетной чеканки. Они представлены на графике 1.

Из него мы видим, что монетное производство Аббасидов сохранялось на относительно низком уровне приблизительно до 775 г., с которого оно резко возрастает, достигая пика в 780/81 гг. Далее монетное производство сохраняется на высоком уровне, хотя и не без сильных флуктуаций, до приблизительно до 792/93 гг., когда оно начи-

Место находки, дата последней монеты, число дирхемов	Ирак	Северная Африка	Северный Иран	Южный Кавказ	Хорасан	Северный Ирак	Мавераннахра	Южный Иран	Испания	Аравия	Сирия
Россия?, 803/04–(54)	4	94			2						
Петергоф, 803/04–(83)	4	89	5		1						1
Кривянская, 805/06–(82)	19	60	14	5		1		1			
Княщино, 808/09–(90)	23	30	34	1	5			1	3		3
Завалишино, 809/10–(52)	24	44	22	2			4	2			
Глухово, 811/12–(63)	28	43	17	6			2		2	2	
Холопий Городок, 810–812–(24)	25	50	10		5				5		5
Нижняя Сыроватка, 812/13–(206)	27	60	8	1	3			1			
Угодичи, 25 812/13–(127)	52	13	4	2		2	1				
Сарское городище, 814/15–(6)		17	67				17				
Козельск, 815/16–(718)	20	47	23	3	2		1	2	2	+	+
Тульская об., 816/17–(32)	38	22	28					6		6	
Новотроицкое, 819/20–(10)	60	20	10				10				
Ярыловичи, 820/21–(255)	22	56	12	2	1		2	2	2	+	1
Елмед, 820/21–(147)	30	38	16	5	3		3	3			2
Загородье, 831/32–(13)	46		38				8	8			
Углич, 832/33–(180)	23	9	36	14	6		3	4	2	1	2
Вятка, 835–(6)	33		33				17				17

Таблица 3. Распределение дирхемов по месту чеканки из ранних кладов с территории Европейской России (в процентах). ± менее 0,5 %.

Table 3. The regional distribution of the coins in early dirham hoards from European Russia (in percentages). Key: ± less than 0.5%

нает медленно, но устойчиво снижаться. Монетное производство Аббасидов, отразившееся в Козельском кладе, в значительной степени проясняет хронологический состав кладов ранневикингского времени из Восточной Европы.

Перейдем к региональному составу рассматриваемых кладов. Не вызывает удивления, что Ирак и северный Иран с их крупными монетными дворами Аббасидов в Багдаде (Мадинат ас-Салам) и Мухаммадии/Рей являются двумя из трех регионов наиболее представленных в кладах ранневикингского времени. Каждый из этих двух регионов представлен в 17 из 18 изученных кладов (см. таблицу 3). Однако, особенностью региональной характеристики кладов этого периода является преобладающее содержание североафриканских дирхемов. Данные монеты образуют самую значительную составную часть для 11 из 18 кладов, по которым мы имеем материалы. Преобладание североафриканских дирхемов выражено еще отчетливее, если ограничиться периодом до 830-х гг.: в 11 из 15 кладов североафриканские дирхемы преобладают, а если исключить из рассмотрения Княщин-

Место находки, дата последней монеты, число дирхемов
Городок, 800–(30?)
Правобережное Цимлянское городище, 802–(48)
Россия?, 803/04–(54)
Петергоф, 803/04–(83)
Кривянская, 805/06–(82)
Княщино, 808/09–(350?)
Завалишино, 809/10–(51)
Хитровка, 810/11–(50?)
Нижние Новоселки, 811/12–(124)
Глухово, 811/12–(63)
Нижняя Сыроватка, 812/13–(206)
Угодичи, 812/13–(148)
Кремлевское, 812/13–(200?)
Холопий Городок, 810–812–(24)
Сарское городище, 814/15–(50?)
Орша?, 814/15–(1500?)
Минская губ., 815/16–(375?)
Козельск, 815/16–(937)
Тульская об., 816/17–(32)
Лапотково, 816/17–(62)
Борки, 817–(120)
Новотроицкое, 819/20–(10)
Сарское городище, 820-е г. – (60)
Ярыловичи, 820/21–(284)
Елмед, 820/21–(150)
Богушевск, 822/23–(5)
Касаляки, 823/24–(100)
Антониненберг, 823/24?–(500)
Демянск, 824/25–(35)
Загородье, 831/32–(13)
Углич, 832/33–(1114)
Вятка, 835–(6)

Таблица 4. Восточноевропейские клады периода от приблизительно 800 до приблизительно 835 гг. н. э.

Table 4. Hoards from Восточная Европа between ок. 800 and ок. 835

ский клад, происхождение которого не до конца ясно, а также мини-клады с Сарского городища и Новотроицкого, то мы получим 11 из 12 кладов. Иными словами, восточноевропейские клады дирхемов эпохи викингов, относящиеся к периоду приблизительно до 825 г., отличаются преобладанием североафриканских дирхемов, одновременно со значительным присутствием в них иракской и североиранской составляющих. Эти клады содержали также небольшое количество (обычно 10% или менее в каждом случае) монет из 8 других регионов. Здесь необходимо отметить, что в 9 из 11 кладов, сокрытых между 812/13 и 835 гг., были найдены дирхемы из Мавераннахры.

Региональный состав Козельского клада, как и следовало ожидать, типичен для его времени и места находки. Североафриканские дирхемы составляют почти половину клада, а монеты из Ирака и северного Ирана насчитывают 1/5 или более от всего состава клада, то есть эти три региона дают 90% от общего числа монет. Небольшое количество монет происходит из 7 от остальных 8 регионов. Используя terminus post quem (или самую раннюю дату для самой поздней монеты клада) Козельского клада как точку отсчета, мы можем рассматривать 815/816 гг. как время, когда североафриканские дирхемы еще составляли около половины всех монет обычного клада, иракские и североиранские дирхемы – еще 2/5 и оставшиеся 10% приходились на остальные 8 регионов. Крупный Углический клад 832/33 гг. показывает, какие изменения должны были происходить в последующие примерно 15 лет. Североафриканские дирхемы теперь составляли около 10% монет, в то время как 3/5 монет происходили из Ирака и северного Ирана. Из прочих 8 регионов теперь происходило свыше 30% монет. Как отмечалось выше, эти изменения вероятно произошли приблизительно после 820/21 гг. Таким образом Козельский клад подтверждает выводы, сделанные на основании других современных ему кладов, относительно регионального состава восточноевропейских кладов дирхемов ранней эпохи викингов.

Исторический комментарий. Клады дирхемов из Восточной Европы дают наиболее богатую и достоверную информацию об интенсивной торговле Руси с исламским миром в эпоху викингов. В частности, Козельский и другие современные ему клады являются лучшим свидетельством об истоках и развитии этой торговли в первую треть IX в. н. э. В табл. 4 перечислены клады из Восточной Европы, датируемые периодом между приблизительно 800 и 835 гг. и указано первоначальное количество монет в каждом кладе.

На рис. 2 отмечены места находок данных кладов. В некоторых случаях первоначальное количество монет в кладе является оценочным или предположительным. Зарождение торговли Руси

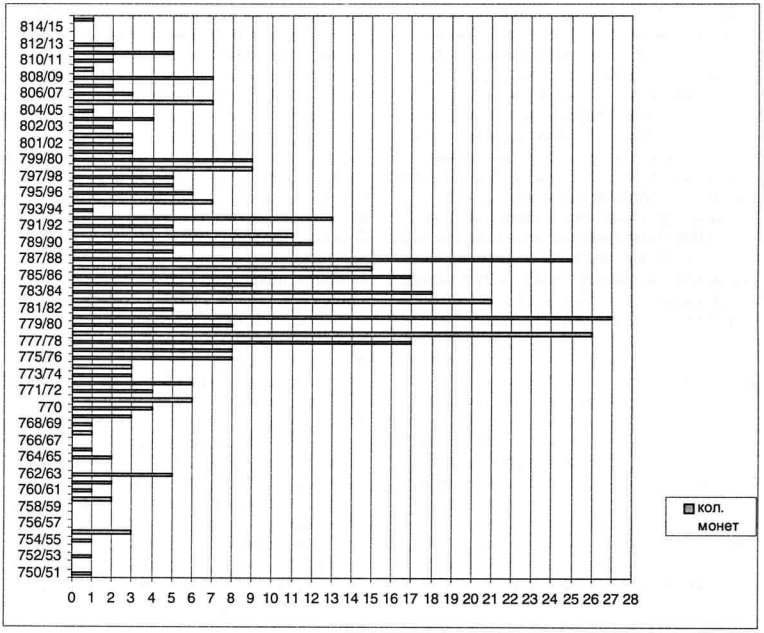


График 1. Монетное производство Аббасидов на основании Козельского клада.

Graph 1. Abbâsid Mint Productions Based on the Kozel'sk hoard

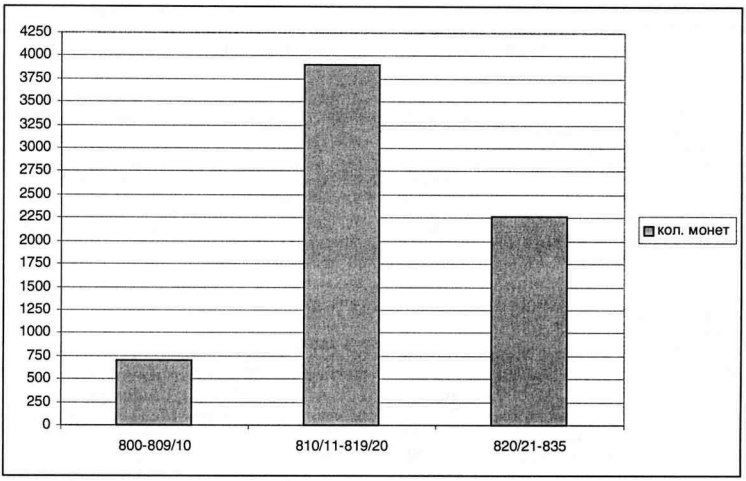


График 2. Количества дирхемов в восточноевропейских кладах прибл. 800–835 гг. н.э.

Graph 2. Quantities of Dirhams Found in Eastern Europe Hoards between ca. 800–835

с Ближним Востоком часто датируется концом VIII в. на основании находки клада 786/87 гг. из Старой Ладоги. Однако, как следует из таблицы 4, Староладожский клад можно рассматривать как нетипичный. Он не только состоял целиком из аббасидских дирхемов, что делает его уникальным для этого периода, но еще и являлся единственным кладом, сокрытым в Восточной Европе во второй половине VIII в. По этой причине его следует считать исключением.

Торговля Руси (периода ранних викингов) с Ближним Востоком в действительности началась около 800 г. и продолжалась на регулярной основе в течение последующих 35 лет. За этот период было спрятано не менее 32 кладов, содержавших в общей сложности не менее 6866 монет. Различные дирхемы, завезенные в Восточную Европу до 835 г., были сокрыты лишь после 835 г. Более того, открытие в последние годы четырех новых кладов ранневикингского времени дает основание ожидать появления новых кладов, как крупных, так и небольших, относящихся к этому периоду. Как бы там ни было, лишь начиная приблизительно с 800 г. в Восточную Европу ежегодно импортируется значительное число дирхемов и в среднем сокрывается не менее одного клада в год.

Многие из ранних кладов не велики по объему и содержат обычно не более 100 монет. Восемнадцать из 32 кладов содержали менее 100 монет каждый. Другими словами, развитие начальной инфраструктуры торговли Руси с Ближним Востоком потребовало одного или более десятилетия. Для основания баз вдоль рек Волхова – Верхней Волги – Оки, необходимых для обслуживания данной торговли, требовалось время. К 810-м гг. эти торгово-ремесленные базы уже оформились. Например, в течение 810-х гг. в Восточной Европе спрятано 8 кладов по 100 и более дирхемов в каждом. Растущий объем обращения дирхемов указывает на постоянный рост завоза монет в Восточную Европу, то есть – на возрастающий объем торговли. В течение 820-х и начала 830-х гг. тенденция к расширению торговли сохраняется. В это время спрятано 5 кладов, каждый из которых содержал свыше 100 дирхемов. Крупнейший из них был сокрыт в Угличе приблизительно в 832/33 гг. и содержал свыше 1100 монет. Хотя в период от 810-х по начало 830-х гг. продолжается сокрытие множества небольших кладов (менее 100 дирхемов), наиболее важным явлением исторического плана является появление большого числа крупных кладов (см. график 2). В Восточной Европе явно возрастала потребность в серебряных дирхемах, и мусульманские купцы с Ближнего Востока стремились удовлетворить эту потребность путем экспорта на Север больших количеств монет. Таким образом, для времени около 830 г. мы можем говорить о появлении сети ремесленно-торговых баз, использовавшихся Русью и соединявших Нижний Волхов с бассейнами Дона и Донца, то есть Балтику с Хазарией.

Хотя места находок кладов не всегда надежно указывают на прохождение торговых маршрутов, большие скопления мест находок, относящихся к хорошо датированным периодам, не могут не указывать на пути, использовавшиеся купцами. Так, древнейшие 34 клада из Восточной Европы в целом указывают на 4 основных региона: 1) бассейн Волхова, 2) бассейн Верхнего Днепра, 3) систему Верхняя Волга – Ока, и 4) бассейны Нижнего Дона – Донца. Единственные места находок, которые по-видимому явно противоречат этой северо-западной и юго-восточной системам торговых путей, являются клады Завалишино, Елмед и Вятка.

Noonan, Th. S. 1980. When and How Dirhams First Reached Russia: A Numismatic Critique of the Pirenne Theory // Cahiers du Monde Russe et Soviétique 21: 401–469.
1984. Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi 4: 151–282.
1986. Why the Vikings First Came to Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 34: 321–348.
1992. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies 16: 237–259.
1994. The Vikings in the East: Coins and Commerce // Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age, ed. B. Ambrosiani and H. Clarke [Birka Studies 3]: 215–236. Stockholm.
1998. Early ʿAbbâsid Mint Output // The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence: 113–175. Aldershot.

КАТАЛОГ МОНЕТ

САСАНИДЫ (83).

I. 83: 1 *Пероз*, Кирман, 459–484; 5 *Хосров I*, 1 Рей, 562, 1 обор. Арташир, 531–579, 1 Стахр, 531–579 (обрезан по кругу), 2 чек.?, 531–579 (2); 10 *Хормизд IV*, 1 Йезд, 586? (обрезан по кругу), 2 Нихавенд, 589, 590 (обл.), 1 Мешан, 579 (об.), 1 NYCH, 588 (обл.), 5 чек.?, 585 (обрезан по кругу), 579–590 (2 + 1 обрезан по кругу + 1 обл.); 1 *Хосров I или Хосров II* 1 NYCH, г.? (обл.); 34 *Хосров II*, 1 Иран Хварра Шапур, 590–628, 1 Арташир Хварра, 603, 2 Хамадан, 590–628 (2 подрезаны), 1 Вавилония [?], 590–628 (подрезан), 1 Нахр Тира, 591, 1 Дарабгерд, 608 (обл.), 1 Бишапур, 626 (обрезан по кругу), 2 Форат, 590–628 (1 + 1 обрезан по кругу), 1 Мешан, 590–628 (обрезан по кругу), 3 Рей, 590–628 (2 + 1 подрезан), 1 Йезд, 590–628, 1 Исфаган, 622, 2 Абаршехр, 599 (обрезан по кругу), 590–628, 1 Закавказье [?], 590–628 (обрезан по кругу), 1 AM, 594 (обл.), 2 NB, 619 (треснут), 590–

628, 1 NA, 626, 1 BN, 594 (обрезан по кругу), 10 чек.?, 593 (обрезан), 606 (обл.), 624, 590–628 (6 + 1 обрезан по кругу); 8 *Неопределимые Шах-тип Хосров II – Йездигерд III*, 1 Йезд, г.? (обл.), 1 Бишапур, г.?, 6 чек.?, г.? (6 обл.); 24 *Неопределимые Шахи*, 24 чек.?, г.? (24 обл.).

ИСЛАМСКИЕ (854).

II. 24 **Омейяды до реформы**: 3 *Убайдаллах б. Зийад*, 2 Рей, 681/82 (1 + 1 обрезан по кругу), 1 чек.?, г.? (обл.); 1 *Хаджаджж б. Йусуф*, 1 Бишапур, 699/700 (край обломан); 1 *[Хаджаджж б. Йусуф]*, 1 чек.?, 694–713 (обл.); 4 *Умар б. Убайдаллах*, 1 Бишапур, 689/90, 1 Ардашир Хурра, 689/90, 2 чек.?, 689/90 (обл.), 694–713 (обл.); 3 *Абдаллах б. Зубайр*, 1 Дарабджерд, 688/89, 1 Истахр, 682/83 (края обломаны), 1 чек.?, 680–692 (обл.); 3 *Зийад б. Аби Суфийан*, 1 Дарабджерд, 672–672/73, 1 Бишапур, 672/73 (обрезан по кругу), 1 чек.?, 665–674 (обл.); 1 *Атийа б. ал-Асвад*, 1 чек.?, 690– 696 (обл. и пробит); 1 *Ал-Катари б. ал-Фуджаа*, 1 чек.?, 694/95 (обл.); 1 *Анонимный тип с именем Хосрова*, 1 Бишапур, 667/68; 6 Губернатор неопр., 1 Мерв, г.? (обл.), 1 Систан, 668/69? (обл.), 1 Дарабджерд, г.? (обл.), 1 Ардашир Хурра, г.?, (обл.), 1 Бишапур, 670/71 ? (обрезан по кругу), 1 чек.?, 671/72 (обл.). III. 41 **Омейяды**: 15 Васит, 704/05 (дважды пробит), 706/07 (обрезан по кругу), 710/11 (обл.), 713/14 (2), 715/16 (1 + 1 пробит), 721/22 (дважды пробит + обрезан по кругу), 733/34 (дважды пробит), 738/39 (обрезан по кругу), 740/41, 745/46, 699–750 (3 обл.), 1 [Васит], 740/41 (обл.), 1 Дастува, 708/09, 1 Махи, 708/09, 1 Таймера, 710/11, 1 Кирман, 711/12, 1 Сабур, 713/14, 1 Истахр, 715/16 (обл.), 2 Димишк, 718/19, 723/24 (обл.), 1 Андалус, 728/29 (обл.), 16 чек.?, 699/700–707/08 (обл.), 711/12 (обл.), 710/11 или 713/14 или 716/17 (обл.), 708/09–717/18 (3 обл.), 726/27 (обрезан по кругу), 736/37 (обл.), 718/19–749/50 (обл.), 737/38–746/47 (обл.), 699–750 (6 обл.). IV. 1 **Аббасидские партизаны**: 1 Джей, 745/46 (срезан сектор). V. 617 **Аббасиды**: 2 *Ас-Саффах*, 1 Басра, 750/51, 1 Куфа, 752/53 (обл.); 3 *Ал-Саффах или ал-Мансур*, 1 К[уфа], 749/50–774/75 (обл.); 1 Басра, 749/50– 774/75 (обл.), 1 чек.?, 749/50–774/75 (обл.); 64 *Ал-Мансур*, 7 Басра, 754/55, 755/56 (2), 761/62, 762/63 (3); 1 Хашемия, 755/56, 2 Куфа, 759/60 (обл.), 761/62, 1 Арминия, 762/63, 1 [Арми]ния, 760/61 (обл.), 2 Рей, 764/65, 753/54–774/75 (обл., Махди, как наследник); 8 Мухаммадия, 765/66, 768/69, (77)0/(7)1, 771/72 (1 + 1 треснут + 1 приклепано ушко), 753/54–774/75 (2 обл.); 1 [Мухамма]дия, (7)69/70 (обл.); 21 Мадинат ас-Салам, 767/68, 769/70, (76)9/(7)0 (обл.), 770 (3), 770/71 (3), 772/73 (3 + 1 пробит), 773/74 (3), 774/75 (2), 767/68–774/75 (обрезан по кругу), 753/54–774/75 (2 обл.); 6 Аббасия, 770, 770/71 (1 + 1 обл.), 771/72, 772/73, 774/75 (обрезан по кругу), 1 Африканской чеканки, 772/73 (обл.), 1 Арран, 753/54–774/75 (обл.), 12 чек.?, 759/60 (обл.), 762/63 (обл.), (7)64/65 (обл., Махди, как наследник), 757/58–774/75 (обл.), 767/68–774/75 (2 обл.), 753/54–774/75 (6 обл., 3 Махди, как наследник); 174 *Ал-Махди*, 104 Аббасия, 775/76 (5), 776/77 (6 + 1 обрезан по кругу), 777/78 (6 + 1 обрезан по кругу + 2 обл.), 778/79 (4 + 4 обл.), 779/80 (1 + 1 обрезан по кругу + 3 обл.), 780/81 (20 + 1 обрезан по кругу + 1 обл.), 781/82 (4), 782/83 (14 + 3 обл.), 783/84 (13 + 2 обрезан по кругу + 2 обл.), 784/85 (4 + 1 обл.), 780/81 или 783/84 или 785/86 (обл.), 776/77–785/86 (3 + 1 обрезан по кругу), 1 Аббасия?, 778/79 (обрезан по кругу), 18 Мадинат ас-Салам, 775/76 (3), 776/77 (обл.), 777/78 (3 + 1 обл.), 778/79 (6 + 1 обл.), 779/80 (2), 780/81, 16 Африканской чеканки, 774/75–775/76 (обл.), 778/79 (1 обрезан по кругу + 1 обл.), 779/80 (обрезан по кругу и пробит), 780/81 (2 обл.), 782/83 (1 обрезан по кругу + 1 обл.), 780/81 или 783/84 или 785/86 (обл.), 776/77–785/86 (3 (1 с именем Гаруна) + 1 обл. + 1 обрезан по кругу), (7)76/77–(7)85/86 (2 обл.), 3 Мухаммадия, 777/78 (2 + 1 обл.), 2 Басра, 777/78, 778/79 (обл.), 5 Мадинат Джей, 778/79 (4 + 1 обл.), 1 [Мадинат] Джей, (7)78/79 (обл.), 1 [Мадинат Джей], 778/79 (обл.), 1 Арминия, 780/81?, 7 Ифрикия, 780/81, 782/83 (обл.), 783/84, 784/85 (обл.), 785/86 (1 + 1 обрезан по кругу), 774/75–785/86 (обл.), 1 Каср ас-Салам, 784/85, 1 [Йама]ма, 784/85 (обл. и пробит), 1 Кирман, 784/85 (обл.), 3 Харунабад, 785/86 (2 + 1 обл.), 9 чек.?, 781/82 (обл.), 782/83 (обрезан по кругу), 774/75–785/86 (5 обл.), 776/77–785/86 (обл.), (7)76/77–(7)85/86 (обл.); 9 *Ал-Махди или ал-Хади*, 6 Аббасия, 785/86 (4 + 1 обрезан по кругу + 1 обл.), 3 Ифрикия, 785/86 (3 обл.); 9 *ал-Хади*, 5 Ифрикия, 785/86 (1 + 1 обл.), 786/87 (2 + 1 обл.), 1 Ифрикия?, 785/86–786/87 (обл.), 2 Харуния, 786/87, (7)86/87, 1 чек.?, 785/86–786/87 (обл.); 8 *Ал-Хади или Гарун ар-Рашид*, 5 Аббасия, 786/87 (3 + 2 обрезан по кругу), 1 Ифрикия, 786/87? (обл.), 2 Харуния, 785/86 или 786/87 (2 обл.); 190 *Гарун ар-Рашид*, 30 Мухаммадия, 786/87, 789/90, 791/92 (обл.), [791/92] (обл.), 794/95 (обл.), 797/98, 798/99 (4 + 2 обл.), 799/800 (4 + 1 обл.), 800/01 (1 пробит + 1 обрезан по кругу), 802 (1 обл. + 1 обрезан по кругу), 802/03, 803/04, 805/06 (2), 807/08, 808/09, 786/87–808/09 (3 обл.), 2 Мухамм[адия], 786/87–808/09 (2 обл.), 2 Му[хаммадия], 786/87–808/09 (2 обл. (1 Амин, как наследник)), 1 Харуния, 786/87, 42 Аббасия, 786/87, 787/88 (12 + 1 треснут + 2 обрезан по кругу + 5 обл.), 788/89, 789/90 (5 + 1 треснут + 1 обл.), 790/91 (2 + 2 обл.), 791/92, 792/93 (4 + 1 пробит + 2 обл.), 786/87–795/96, 1 Аббасия?, 787/88 (обрезан по кругу), 16 Африканской чеканки, 787/88 (1 обрезан по кругу + 2 обл.), 788/89 (3 обл.), 789/90 (обл.),

792/93 (2 обл.), 786/87–795/96, 786/87–808/09 (3 + 3 обл.), 2 Санаа, 787/88, 788/89, 27 Ифрикия, 789/90 (1 + 1 обл.), 7(8)9/(9)0 (обл.), 790/91 (2 + 1 обл.), 791/92 (2 обл.), 792/93 (3 + 1 обл.), 794/95 (2 + 1 обл. + 1 обрезан по кругу), 794/95?, 795/96 (обл.), 786/87–795/96 (обл.), 786/87–808/09 (3 обл.), 796/97 (обл.), 797/98, 798/99, 799/800 (2), 1 Ифрикия?, 794/95 (обрезан по кругу), 1 [Ифрикия], (79)9/(80)0 (обл.), 5 Мубарека, 790/91 (2 + 1 обл.), 796/97 (1 + 1 обрезан по кругу), 1 [Мубарека], 796/97 (обл.), 1 [Мубарека]?, 793/94 (обл.), 1 Сиджистан, 790/91 (обл.), 12 Мадинат ас-Салам, 795/96 (3 + 1 пробит), 796/97, 797/98, 799/800 (обрезан по кругу), 801/02 (обл.), 802/03, 805/06, 807/08, (807/08) (обл.), 4 Мадинат Заранж, 797/98, 798/99, 793/94 или 802/03 (обл.), 786/87–808/09 (обл.), 1 [Мадинат Заранж], 800/01 (обл.), 2 Арран, 801/02, 805/06, 1 Мадиднат Мерв, (801/02) (обл.), 4 Мадинат Балх, 803/04 (3), 804/05 (обл.), 1 [Арминия], 796/97–804/05 (обл.), 5 Мадин Баджунайс, 805/06 (2 обл.), 806/07 (1 + 1 треснут), (80)6/(0)7 (обл.), 1 Мадинат Самарканд, 808/09, 2 Мадинат Бухара, 808/09 (1 + 1 обл.), 1 Мадинат?, 786/87–808/809 (обл., Амин, как наследник), 23 чек.?, (7)95/96 (обл.), 786/87–795/96 (обл.), 797/98 (обл.), 798/99 (обл.), 796/97–804/05 (2 обл. + 1 обрезан по кругу), 805/06 (обл.), 786/87–795/96 или 805/06–808/09 (обл.), 796/97–804/05 (обл.), 786/87–808/09 (13 обл., 5 Амин, как наследник и 1 Мамун, как 2-ой наследник); 4 *Гарун ар-Рашид или ал-Амин*, 1 Мадин Баджунайс, 786/87–813/14 (обл.), 3 чек.?, (8)08/09 (обл.), 786/87–813/14 (1 + 1 обл.); 5 *Ал-Амин*, 2 Мадинат ас-Салам, 808/09, 810/11, 2 Мадинат Балх, 809/10, 808/09–813/14 (обл., Мамун, как наследник), 1 [Мадин Баджунайс], [810/11] (обл.); 2 *Ал-Амин или ал-Мамун*, 2 чек.?, 808/08–833/34 (2 обл.); 10 *Ал-Мамун*, 1 Мадинат Герат, 811/12, 1 Мадинат Самарканд, 811/12 (пробит), 3 Мухаммадия, 811/12 (3), 1 Мадинат Испахан, 812/13, 1 Мадинат ас-Салам, 815/16 (обл.), 3 чек.?, 812/13 (обл.), 815/15–833/34 (2 обл.); 137 *Неопределимые халифы*, 57 Африканской чеканки, 802 (обрезан по кругу, возможно – Идрисиды), 750–833 (5 обрезан по кругу + 46 обл. + 4 обрезан по кругу и пробиты), xx3X, 3 Ифрикия, 750–833 (обл.), xx2X, xx4X (обл.), 20 Аббасия, xx2X (обл.), xx3X (обл.), xx4X (1 обрезан по кругу + 1 обл.), xx6X (обл.), xx7X (обл.), 750–833 (14 обл.), 1 [Мадинат ас-]Салам, 750–833 (обл.); 1 Арран, 750–833 (обл.), 55 чек.?, 774/75–785/86 или 786/87–808/09 (обл.), xx4X (обл.), 750–833 (1 обрезан по кругу + 5 обл. + 1 пробита и обл.), г.? (46 обл.). VI. 17 **Хараджидские имамы**: 17 *Халаф б. ал-Мода*, 13 Тудга, 791/92 (4), 792/93 (5 + 2 обл.), 791/92–792/93 (2 обл.), 4 чек.? (возможно – Тудга), 791/92–792/93 (4 обл.). VII.44 *Идрисиды*: 8 *Идрис б. Абдаллах I*, 1 Валила, 789/90, 7 Тудга, 790/91 (1 + 5 обл.), 791/92 (обл.); 6 *Идрис I или Идрис II*, 1 Валила, (79)0/(9)1 (обл.), 1 Тудга, 788/89–828/29 (обл.), 4 чек.?, 788/89–795/96 (обл.), 788/89–828/29 (3 обл.); 30 *Идрис б. Идрис II*, 20 Тудга, 792/93 (2 + 2 обл.), 794/95 (2), 791/92–795/96, 796/97–804/05 (обрезана по кругу), 791/92–828/29 (4 обл.), xx8X = 178X, 188X или 198X (обл.), 799/800 (1 + 1 обл.), 802 (4), 802/03, 1 [Тудга], 799/800 (обл.), 4 Валила, 792/93, 795/96 (1 + 1 треснут), 796/97–804/05, 1 Сабта?, 793/94, 1 Тилимсан, 796/97, 1 Вуджта, 802, 2 чек.?, 796/97–804/05 (обл.), 791/92–828/29. VIII. 3 **Аглабиды**: 3 *Ибрахим б. Аглаб I*, 3 Ифрикия, 800/01, 802 (обрезана по кругу), 803/04. IX. 4 **Испахбады**: 4 *Хуршид*, 4 Табаристан, 740–761 (4). X. 93 **Аббасидские наместники Табаристана**: *Халид б. Бармак*, 4 Табаристан, 769/70, 771/72, 767–771 (2 обл.); 1 *Йахья*, 1 Табаристан, 781/82; 32 *Умар б. ал-Ала*, 32 Табаристан, 771/72 (2), 772/73, 773/74 (2 + 1 обл.), 774/75 (2), 775/76 (2), 776/77 (2 обл.), 777/78, 778/79 (2), 779/80 (5 + 3 обл.), 780/81 (5 + 2 обл.), 771–780 (2 обл.); 11 *Саид б. Даладжс*, 11 Табаристан, 776/77 (2), 777/78 (4 + 1 обл.), 778/79, 776–779 (3 обл.); 15 *Анонимные выпуски*, 15 Табаристан, 781/82 (2), 782/83 (2), 783/84, 784/85 (6), 785/86, 786/87, 788/89, 780–793; 30 *Неопределимые губернаторы*, 30 Табаристан, 775/76 (обл.), 778/79 (обл.), 781/82 (обл.), 787/88 (2 обл. + 1 обл. и пробит), 767–793 (7 обл.), г.? (17 обл.). XI 10 **Испанские Омейяды**: 6 Андалус, 770/71 (обл.), 776/77, 783/84, 796/97 (1 + 1 обл.), г.?, 4 [Андалус], 779/80 (обл.), 787/88 (обл.), г.? (2 обл.).

A LARGE EARLY VIKING-AGE DIRHAM HOARD FOUND IN 2000 IN THE CITY OF KOZEL'SK

TH. S. NOONAN, R. K. KOVALEV

Those interested in the history of European Russia during the early Viking age, i.e., the period from ca. 750 to the 830s, are confronted with the complete absence of contemporary written sources. Consequently, they must rely almost entirely on the material evidence and especially that which derives from archaeology and numismatics. As concerns numismatics, the hoards of Islamic silver coins or dirhams constitutes our most important source of information. These hoards enable us to determine when Rus' trade with the Near East began (Noonan 1980: 401–469; 1984: 151–282), what routes were used by merchants traveling through European Russia from the Baltic to Baghdad, which peoples were involved in this commerce, and to what extent, and how the relative volume of this trade changed over time (Noonan 1992: 237–259; 1994: 215–236). In addition, these hoards suggest an historical context for the archaeological date. They help to explain, for example, why Vikings first came to European Russia (Noonan 1986: 321–348), and why the Rus' established bases along the Volkhov at Staraia Ladoga and Sarskoe gorodishche along the upper Volga. Furthermore, these hoards demonstrate very clearly that the trade of the early Viking age was in the hands of Rus' merchants from the Volkhov region who utilized the Oka basin to reach the Don-Northern Donets basin and Khazaria, which acted as chief intermediary in Rus' commerce with the Islamic world at this time. Our understanding of the early Viking age in European Russia is thus very dependent on the numismatic evidence.

Given the great importance of the early Viking-age dirham hoards, it in not surprising that each new hoard from this period constitutes a significant addition to our knowledge. And, the larger the hoard, the great its significance. Since each hoard represents a more or less random sample of the dirhams circulating in European Russia, the larger a hoard is, the more it provides a complete and trustworthy random sample of the dirhams in circulation. Most dirham hoards deposited in European Russia between ca. 800 and ca. 835 were rather modest in size, e.g., 18 of 32 hoards from this period contained less than 100 dirhams and 9 were composed of less than 50 coins (see Table 1).

Several larger hoards, such as those from Kniashchino, Minsk province, and especially Orsha, have not been fully preserved and/or have questionable backgrounds. Other large hoards of this period have not yet been published although they were discovered sometime ago, e.g., Nizhnie Novoselki, Kremlevskoe, Elmed, and Kasakiaki. Finally, only a few dirhams have been identified from several hoards whose contents have been in large part dispersed, e.g., Borki and Antoninenberg. We are thus left with only four large hoards whose contents have been published in some detail, e.g., Nizhniaia Syrovatka, Ugidichi, Iarylovichi, and Uglich. And, two of these hoards contain less than 150 coins while a third had less than 300 dirhams. To date, the only truly large hoard to be published was deposited in Uglich and dates to 832/33, i.e., the end of the early Viking age in Eastern Europe. Consequently, the discovery of a new dirham hoard containing almost 1000 coins and predating the Uglich by 17 years constitutes a most important addition to our evidence for the early Viking age.

In the summer of 2000, a very large early Viking-age coin hoard was found in Kaluga region in the area of the town of Kozel'sk on the Zhizdra river (Fig. 1). The hoard was apparently unearthed in an early medieval settlement at a depth of 0.5 m to 0.6 m from the surface in the ground. It is believed that the hoard was originally buried in a wooden box which subsequently perished without any trace. The box was evidently fastened with a bronze lock from which the body and part of the iron mechanism have been preserved. The coins were apparently wrapped in a decomposed cloth from which a few fragments, trimmed or embroidered, with small yellow glass beads, remained. The whole coins were found in three small stacks with the coin fragments placed around them. In addition to the coins, the hoard consisted of a piece of a silver rod (ingot?), square in cross-section, with a length of ca. 1 cm, and a small fragment of a spiral silver bracelet, round in cross-section, having a length of ca. 2 cm.

The hoard contained 937 Sasanian drachms and Islamic dirhams. The earliest coin was a Sasanian drachms struck between 459 and 484 while the most recent dirham dated to 815/16 although there were two dirhams that were struck between 815/16 and 833/34. Consequently, the hoard was presumably deposited sometime shortly after 815/16.

The Kozel'sk hoard contains all the distinctive dynastic characteristics of early Viking-age dirham hoards from European Russia (Table 1). Its single-largest component, 'Abbâsid dirhams, constituted 66% of the hoard. The remaining coins were of «secondary» dynasties dating to the pre-'Abbâsid era, e.g., Sasanian, Pre-Reform Umayyad, Umayyad, while others were contemporaneous with the 'Abbâsids, e.g., 'Abbâsid Governors, Idrîsids, Aghlabids, and Spanish Umayyads. Overall, the Kozel'sk hoard contains more categories of coins from more dynasties than any other known early Viking-age dirham hoard in European Russia.

Table 2 shows the chronological composition of our dirham hoards from European Russia. Since so many hoards have been dispersed or not published, our data derives from only 17 hoards. 'Abbâsid dirhams constituted the largest dynastic component in the hoards from European Russia, the chronological composition of these hoards reflects, to a great extent, 'Abbâsid mint production. And, as Th. S. Noonan had demonstrated, 'Abbâsid mint production between ca. 750 and ca. 850 was highly erratic (Noonan 1998: 113–175). The chronological composition of the early Viking-age dirham hoards from European Russia was thus determined, to a considerable degree, by the output of 'Abbâsid mints.

The dominant chronological composition was unquestionably that from the 770s–780s. It was the largest component in 15 of the 17 hoards. As for the other two hoards, it was the second largest component in the Iarylovichi hoard (34% vs. 35% for the 790s), while the small 819/20 Novotroitskoe hoard may not provide reliable data. While the dirhams from the 770s–780s were predominant, their percentages steadily declined. In our two earlier hoards, they constituted over 60%. In the hoards deposited between 805/06 and 816/17, they fluctuated between 59% and 40%. By 820/21, they dropped to 34–35% while in our last three hoards, they only accounted for 20–29% of all dirhams. But, this pattern is precisely what one would expect; as time went on, there were fewer and fewer «old» dirhams from the 770s–780s in circulation in the Near East and available for export to Eastern Europe. Strangely, the pattern of fewer dirhams from a given period as time went on does not apply to the other chronological components. On average, there were more pre-750 coins in hoards deposited after 812 than before. In fact, such coins composed around 20% of the large Kozel'sk, Iarylovich, and Uglich hoards. The largest percentages from the 750s–760s are found in hoards deposited after 822. Large percentages of dirhams from the 790s could be found in the large Iarylovich and Elmed hoards from 820/21. With the exception of the 770s–780s, while older coins were constantly being exported to Eastern Europe where they were buried, many older coins remained in circulation in both the Near East and Eastern Europe. Finally, the drop in 'Abbâsid mint production starting ca. 810 meant that there were relatively few new dirhams in the hoards deposited after that date.

The Kozel'sk hoard contains far more datable dirhams (687) than any other dirham hoard of the period in northern Europe. Ramsowo in Poland with 328 dirhams is the second largest while Iarylovichi with 284 dirhams in the third. In addition to providing our largest random sample, Kozel'sk was deposited near the middle of our era and thus enables us to look both backwards and forwards with some confidence. What then does the Kozel'sk hoard tell us about the chronological composition of the early Viking-age hoards from Eastern Europe? First of all, it confirms many of the conclusions from small hoards. Dirhams from the 770s–780s were the dominant chronological component although their relative numbers continued to decline. Large numbers of coins struck before 750s remained in circulation. There were relatively few new dirhams struck after ca. 800 (10%). At the same time, the Kozel'sk hoard contains a relatively small number of dirhams from the 750s–760s (3%) and 790s (17%). It is also interesting to compare the 815/16 Kozel'sk hoard with the much smaller, and as yet unpublished, 816/17 hoard from Tula oblast'. These two hoards, so different in size, have almost identical percentages for the pre-750s, 750s–760s, and 770s–780s components. They differ a little for the 790s and 800s but if we combine these two decades, then the totals are almost the same, 26% vs. 28%. In sum, Kozel'sk validates most of our conclusions and replicates the data in a much smaller hoard of the same time.

Second, because it has so many datable 'Abbâsid dirhams (388), the Kozel'sk hoard allows us to measure early 'Abbâsid mint production with some degree of confidence. This data is displayed in Graph 1. Here, we see that mint output remained at relatively low levels until ca. 775 when it grew rapidly but erratically until reaching a peak in 780/81. It continued at a relatively high level, but still with extreme fluctuations, until ca. 792/93, when it slowly but steadily declined. 'Abbâsid mint output, as reflected in the Kozel'sk hoard, helps to explain a great deal about the chronological composition of early Viking-age hoards from Eastern Europe.

Turning to the regional composition of our hoards, it is not surprising that Iraq and northern Iran, with their big 'Abbâsid mints of Baghdad (Madînat al-Salâm) and al-Muhammadîyyah/al-Rayy are two of the three principle regions represented in the early Viking-age hoards. Each of these two regions is present in 17 of the 18 hoards in our database (see Table 3). However, the key regional characteristic of our early Viking-age hoards is the predominant position of North African dirhams. These coins form the largest regional component in 11 of the 18 hoards for which we have data. The dominance of North African dirhams is even more pronounced if we limit ourselves to the period before 830s; in 11 of 15 hoards, North African dirhams form the largest component and, if we exclude the

Kniashchino hoard with its problematic history as well as the mini-hoards from Sarskoe gorodishche and Novotroitskoe, then the figures are 11 of 12 hoards. In other words, Viking-age dirham hoards of the period up to ca. 825 from Eastern Europe are distinguished by the dominance of North African dirhams along with substantial components from Iraq and northern Iran. A small percentage of coins, normally 10% or less in each case, from up to 8 other regions, was also present in these hoards. It should also be noted here that dirhams from Transoxiana are found in 9 of the 11 hoards deposited between 812/13 and 835.

The regional composition of the Kozel'sk hoard, as one would expect, is fairly typical of its time and place. North African dirhams constitute just under half of the hoard while the coins of Iraq and northern Iran each form 1/5 or more of the hoard, i.e., these three regions account for 90% of all the coins in the hoard. A small percentage of coins came from 7 of the other 8 regions. Using the *tpq* of Kozel'sk as our benchmark, ca. 815/16 can be considered the time when North African dirhams still constituted around half the coins in a typical hoard, when Iraqi and northern Iranian dirhams account for another 2/5 of the coins, and the remaining 10% came from 8 other regions. The large Uglich hoard of 832/33 illustrates the changes which were to take place in the next 15 years or so. North African dirhams now represented ca. 10% of the coins while 3/5 came from Iraq and northern Iran. Over 30% of the coins now originated from the other 8 regions. As noted above, these changes apparently took place after ca. 820/21. Kozel'sk thus strengthens the conclusions drawn from other contemporaneous hoards about the regional composition of early Viking-age dirham hoards from Eastern Europe.

The dirham hoards from Eastern Europe provide the most abundant and reliable data about the great trade of the Rus' with the Islamic world during the Viking Age. In particular, the Kozel'sk and other contemporaneous hoards furnish the best evidence about the origins and development of this commerce in the first third of the IX century. Table 4 lists the hoards from Eastern Europe between ca. 800 and ca. 835 and indicates how many coins were originally in each hoard. The find spots of these hoards are displayed graphically on Map 1. In some cases, the figure for the total number of coins is an estimate or guess. The beginnings of the Rus' trade with the Near East is often dated to the late VIII century based on the 786/87 hoard from Staraia Ladoga. However, as Table 4 suggests, the Ladoga hoard can be considered atypical. Not only was it composed entirely of 'Abbâsid dirhams which makes it unique for this period, but it was the only hoard deposited in Eastern Europe during the second half of the VIII â. It can thus be considered an aberration.

The real early Viking-age Rus' trade with the Near East began ca. 800 and continued on a regular basis for the next 35 years. During this period, a minimum of 32 hoards were buried containing around 6866 coins. And these are minimum figures. Various dirhams which had been imported into Eastern Europe before 835 were only buried after 835. Furthermore, the discovery of at least four new early Viking-age hoards during the past few years strongly suggests that more hoards, both large and small, remain to be unearthed from this period. In any event, it was only starting with ca. 800 that a sufficient number of dirhams were annually imported into Eastern Europe for at least one hoard to be deposited each year on average (fig. 2).

In addition, many of the early hoards were small in size, normally less than 100 coins. Eighteen of the 32 hoards were under 100 coins. And of the 11 hoards deposited before 812, only 2 contained over 100 coins. In other words, it took a decade or more to develop the initial infrastructure of the Rus' trade with the Near East. It requited time to establish bases along the Volkhov-upper Volga-Oka rivers, bases which were necessary to service this trade. By the 810s, these commercial-craft bases were already taking shape. During the decade of the 810s, for example, 8 hoards with 100 dirhams or more were deposited in Eastern Europe. The growing volume of dirhams in circulation indicates that more coins were constantly being imported into Eastern Europe, i.e., the volume of trade was growing. During the 820s and early 830s, the pattern of growing trade continues. Five hoards, each with over 100 dirhams were deposited at this time. The largest of these hoards was deposited in Uglich ca. 832/33 and contained over 1100 coins. While many small hoards of less than 100 dirhams continued to be deposited during the 810s to early 830s, the most important historical development was the appearance of many large hoards (see Graph 2). Demand for silver dirhams was clearly growing in Eastern Europe and Muslim merchants from the Near East tried to meet this demand through the export of large quantities of dirhams to the north. Thus, by ca. 830, we can talk about a network of craft-commercial bases, utilized by the Rus' and connecting the lower Volkhov river with the Don-Donets basins, i.e., the Baltic with Khazaria.

While find spots of hoards are not necessarily a reliable indicator of trade routes, large concentrations of find-spots from well defined periods do tend to point to routes used by merchants. Here, the earliest 34 hoards from Eastern Europe tend to point to 4 major regions: 1) Volkhov basin; 2) the upper Dnepr basin; 3) the upper Volga via the Oka system; and, 4) the lower Don-Donets basins. The only find-spots which appear to clearly challenge this North-West and South-East pattern of routes are Zavalishino, Elmed, and Viatka.

ИССЛЕДОВАНИЕ НИЖНИХ ЧАСТЕЙ НЕСОХРАНИВШЕЙСЯ УГЛОВОЙ БАШНИ XVI в. КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Е. М. ПАШКИН, В. О. ПОДБОРСКАЯ[1]

В целях поиска остатков укреплений XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря и объяснения причины образования одной из самых крупных трещин в стенах Нового города Кирилло-Белозерского монастыря летом 2000 г. сотрудниками экспедиции кафедры инженерной геологии Московской государственной геологоразведочной академии был заложен шурф непосредственно на участке разрыва стены трещиной. Последовательный съем грунта уже на глубине около 0,2 м позволил выявить в плане остатки разобранной кирпичной постройки, сохранившей часть цокольной части стены и валунный фундамент. Параметры и конфигурация вскрытой постройки вписывались в габариты и месторасположение неизвестной, но предполагаемой угловой башни XVI в. Ивановского монастыря, как известно составляющего часть Кирилло-Белозерского монастыря. Привязка выявленных элементов башни производилась на месте раскопа непосредственно к элементам стены Нового города. Следует отметить, что участок восточной стены и юго-западный угол башни уходят под фундаменты стен Нового города (XVII в.), служа частью их фундаментов, поэтому некоторые детали положения башни в плане выяснить не удалось.

Сохранилось несколько планов и аксонометрических изображений Кирилло-Белозерского монастыря (Кирпичников, Хлопин 1972), на которых неоднозначно изображено место сочленения северо-восточной и юго-восточной стен Ивановского монастыря – в одних случаях с изображением башни, в других без указания о возможном существовании угловой башни. При этом даже примыкание стены Ивановского монастыря к стене Нового города изображалось по-разному. Так, на плане 1786 г. северо-восточная стена Ивановского монастыря имеет всего два перегиба и примыкает к стене XVII в. с некоторым отклонением к востоку, образуя острый внутренний угол порядка 73°. Как удалось установить, существующее положение стены XVI в. образует с северной стеной башни почти прямой угол (рис. 1), между южной стеной башни и юго-восточной стеной Нового города отмечается угловое несогласие, составляющее 16°.

Вскрытая конструкция представляет собой фрагменты восточной и южной стен башни XVI в., уходящие в стену XVII в. Ширина вскрытой части восточной стены составляет 2,54 м, оставшаяся часть стены и фундамента «уходят» в конструкцию стены Нового города. Южная стена башни полностью, на всю глубину, не вскрывалась, а была прозондирована по верхнему ряду кирпичной кладки. Видимо ее длина составила 5,7 м (рис. 1).

В описи 1601 г. (Опись строений… 1998: 222) эта башня Ивановского монастыря описана без названия как «Башня четвероугольная, вверх до кровли 6 сажен, а в ней ширина 3 сажени с полусаженью. Верхних и средних и нижних 41 окно». Таким образом, по описи южная стена башни должна иметь ширину около 7,5 м. В этом случае юго-западный угол башни должен располагаться под стеной Нового города и, вероятнее всего, при устройстве его фундаментов был скрыт. Однако нижняя часть фундаментов башни могла сохраниться и может залегать под фундаментами стены Нового города. Выявление в последующем этих остатков позволит установить фактическую ширину стены башни и сравнить ее с величиной, приведенной в описи.

Известно, что юго-восточная стена Нового города возводилась в два этапа. Первый этап возведения был связан со строительством прясла стены в 1653–1655 гг. от Вологодской башни до обнаруженной нами угловой башни Ивановского монастыря. Второй этап строительства был осуществлен в 1675–1680 гг., когда стена была продлена до Кузнечной башни. Поскольку трещина в стене приурочена к внешней грани фундамента восточной стены угловой башни, можно высказать предположение, что первый участок стены Нового города мог быть пристроен к еще существовавшей башне Ивановского монастыря, а через 20 лет на втором этапе возведения стены Нового города башня за большей

[1] Пашкин Е. М., Подборская В. О. Россия. 117873. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23. Московская геологоразведочная академия, Кафедра инженерной геологии.

© Е. М. Пашкин, В. О. Подборская, 2003

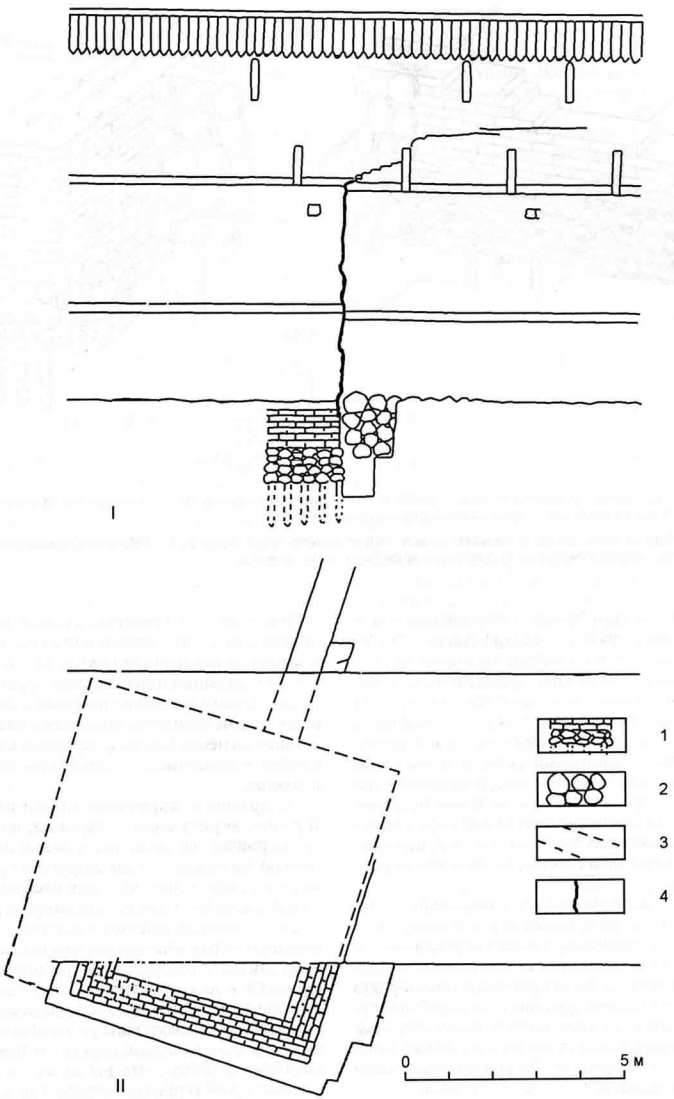


Рис. 1. Характер деформации стены Нового города: а) развитие трещины на юго-восточном фасаде стены; б) положение трещины в плане. 1 – конструкция и положение несущих конструкций угловой башни Ивановского монастыря; 2 – валунные фундаменты; 3 – положение фундаментов угловой башни под стеной Нового города; 4 – трещина в стене.

Fig. 1. Features of the deformation of the wall of the Novy Gorod: a) development of the crack on the south-eastern facade of the wall; b) position of the crack on plan. 1 – construction and positions of supporting structures of the corner tower of the Ivanovskiy Monastery; 2 – boulder foundations; 3 – positions of the bases of the corner tower under the wall of the Novy Gorod; 4 – fissure in the wall.

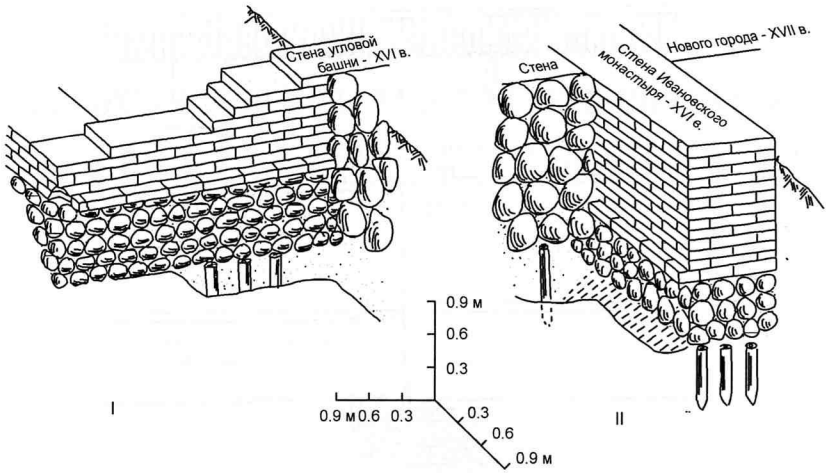


Рис. 2. I – соотношение фундаментов угловой башни и стен Нового города (шурф 1); II – соотношение фундаментов и стен Ивановского монастыря с фундаментами Нового города (шурф 2).

Fig. 2. I – Relation of foundations of the corner tower to walls of the Novy Gorod (trench 1); II – Relations of foundations and the wall of the Ivanovskiy Monastery to foundations of the Novy Gorod (trench 2).

частью была разобрана, а оставшаяся часть вошла в структуру новой фортификации. Об этом свидетельствует и геометрия трещины, идущая вертикально до валика под машикулями и составляющая часть высоты угловой башни (рис. 1: 1). Остаток восточной стены XVI в. мог оказаться в простенке между коморами 1 яруса и в промежутке между бойницами второго яруса стены Нового города. Следовательно, вошедшая в стену Нового города старая стена башни могла послужить ослабленным звеном при образовании трещины, а машикульная часть стены, не имеющая остатков старой стены, не подвергалась деформации.

Вскрытый фрагмент конструкции башни XVI в. специально не разрушался строителями, а был сохранен, по-видимому в качестве усиливающего элемента в основании стены Нового города. Во время раскопа была проведена нивелировка сохранившихся конструкций, по которой был построен чертеж раскопа. Отсчет высот при всех обмерах проводился от единого условного нулевого уровня, за который была выбрана отметка валунной марки № 6 вблизи от раскопа.

В раскопе были вскрыты 9 рядов кирпичной кладки стены из большемерного кирпича местами разрушенного и валунный фундамент насухо уложенный в фундаментный ров. Кирпичная кладка сохранилась неравномерно. У самого сочленения двух конструкций толщина кладки составляет 9 кирпичей и она «уходит» в стену XVII в. (рис. 2: 1). Кирпичный цоколь выступает от стены на 20 см – полностью на один кирпич. Кладочным материалом выявленной постройки служил большемерный кирпич ручной формовки. Кладка выложена на белом известковом растворе с незначительным добавлением мелкозернистого песка. Система перевязки кирпичной кладки – верстовая, с чередованием тычков и ложков.

Сохранность кирпичной кладки различная. В целом, внутри стены – хорошая, но верхний ряд кирпичей частично разрушен, в некоторых случаях до щебня, цоколь разрушен практически полностью, за исключением нескольких кирпичей. Также наблюдается характерное разрушение угловой части башни и цоколя вглубь на два кирпича с образованием проема в виде трехгранной призмы. Поскольку кирпичная кладка оказалась в зоне промерзания грунтов, то естественно ее коснулись процессы физического выветривания, и характерное разрушение угловой части произошло силами морозного пучения. Необходимо отметить, что наблюдается незначительный изгиб кирпичной кладки с выпуклостью посередине стены.

Вскрытый валунный фундамент XVI в. – 4-х рядный, выступает от вертикали стены на 20–25 см. Валуны некрупные, размером 10–20 см, редко до 30 см., пустоты заполнены грунтом. Высота фундамента составляет 0,8 м, верхний обрез фундамента находится от поверхности зем-

ли на глубине 0,8–0,9 м. В центральной части фундамента наблюдается выпячивание валунов к поверхности. В основании фундамента в глубине от внешнего края на 40 см вскрыт ряд свай (4 сваи). Глубина вскрытия свай – 30 см. Диаметр свай 17–20 см, ширина шага свай 25–30–45 см. Верхушки свай полностью деструктированы на глубину 20 см от поверхности фундамента, оставшаяся часть легко протыкается ножом.

Фундамент внешней части стены XVII в. прислонен к ныне засыпанной кирпичной стене башни XVI в. и лежит на кирпичном цоколе и на валунном фундаменте стены XVII в. Фундамент – валунный, 5-ти-рядный. Верхний валун (цокольный) размером 80 х 40 см выступает на поверхность земли на 20 см, вмурован в кирпичную стену и выступает из-под стены на 40 см. От подошвы верхнего валуна прослеживается 4 ряда валунов неправильной формы размером 20 х 30 см, забутованных грунтом. Мощность валунной кладки от подошвы верхнего валуна 1,2 м. Общая мощность фундамента от верха цокольного валуна 1,6 м. В основании фундамента залегает насыпной песчаный грунт. Сваи не обнаружены. При попытке пройти вглубь под стену произошло сдвижение валуна, что остановило проходку.

Примыкание стены XVI в. Ивановского монастыря к стене Нового города изучалось с северной стороны шурфом 2. Были вскрыты фундаменты двух разновозрастных конструкций (рис. 2: 2), залегающие на разных глубинах.

Стена XVI в. заглублена в грунт на глубину 1,25 м от современной дневной поверхности у места сочленения стен, у края шурфа до 1,0 м. Кирпич влажный, наблюдается развитие полосы зеленого мха на границе дневной поверхности. Состояние кладки удовлетворительное, в некоторых случаях отмечается разрушение кирпича на 1/4 часть. В нижней части стены вскрыты остатки кирпичного цоколя, выступающего из-под стены на 10 см, толщина цоколя 1 кирпич. Фундамент стены – валунный, внешняя стенка – вертикальная, заподлицо с кирпичной стеной. Высота фундамента 0,55–0,60 м. Валуны небольшие по размеру – 10–20 см, межвалунное пространство заполнено суглинистым грунтом.

Под фундаментом вскрыто свайное основание – ряд свай (3 сваи). Две сваи расположены вплотную друг к другу, третья на расстоянии 0,8 м. Сваи заглублены под фундамент от края на 35 см. Длина вскрытия свай – 40 см. Верхние концы свай в интервале до 10 см от подошвы фундамента рыхлые, ниже более плотные – нож входит на 4–5 см в тело сваи.

Фундамент стены Нового города вскрыт с поверхности на глубину 1,55 м. Он прислонен к стене XVI в. и залегает выше фундамента XVI в. на 1,25 м. Фундамент валунный, 6-тирядный, пустоты между валунами заполнены супесчаным грунтом. Валуны разномерные, от 10 до 40 см в диаметре. Вертикальная боковая поверхность фундамента выступает от кирпичной кладки стены на полвалуна (10–15 см). В подошве фундамента на расстоянии 40 см от примыкания вскрыта свая диаметром 20 см. Глубина вскрытия сваи – 20 см, верх сваи (5 см) деструктирован и полностью протыкается ножом, ниже, сохранность лучше (нож протыкает древесину на 5 см).

Таким образом, исследование шурфами показало следующее:

– Обнаружен ранее неизвестный фрагмент конструкции сооружения XVII в. – угловой башни Ивановского монастыря.

– Строители Нового города использовали более старые конструкции как усиливающий элемент – фундамент стены XVII в. частично опирается на фундамент XVI в., но это и привело в дальнейшем к структурной деформации стены.

– Установлены размеры и конструкция фундаментов сооружений. Установлено, что фундамент стены Нового города был заложен выше фундаментов конструкций XVII в., что, по-видимому, связано с повышением уровня дневной поверхности территории монастыря.

– Скрытые конструкции башни и крепостной стены Ивановского монастыря можно проследить в теле стены XVII в.

Прием использования старых конструкций при строительстве новых сооружений как усиливающего элемента мог быть применен и на других участках крепостных стен, и это дает возможность определить по характеру деформации наличие скрытых конструкций более ранних построек.

По результатам документации пройденных выработок выявлены данные, позволяющие судить об одинаковой технологии возведения валунных фундаментов «во рву», с предварительным уплотнением грунтов основания сваями-коротышами при возведении сооружений XVI–XVII вв. Удалось установить, что почти за вековой период перед началом возведения юго-восточного прясла Нового города (70–80-е годы XVII в.) уровень техногенных накоплений вырос на 1,25 м. Этому во многом, очевидно, способствовали работы под руководством фортификатора Грановского (50-е годы XVII в.) (Кирпичников, Хлопин 1972) по устройству рвов и валов с наружной стороны стен. В связи с этим фундаменты Нового города заложены выше.

Кирпичников А. Н., И. Н. Хлопин. 1972. Великая государева крепость. Москва: Художник РСФСР.

Опись строений… 1998. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. Санкт-Петербург.

INVESTIGATION OF THE LOWER STRUCTURES OF A NON-PRESERVED 16TH CENTURY CORNER TOWER OF THE KIRILLO-BELOZERSKIY MONASTERY

E. M. PASHKIN, V. O. PODBORSKAYA

In order to diagnose the causes of the largest structural deformation in the stack of bricks of the defensive wall of the Novy Gorod (*The New Town*) in the Kirillo-Belozerskiy Monastery, investigations of the structure of foundations and properties of soils at the base of the wall in that area were conducted. These investigations resulted in an interesting discovery. During excavation of an exploratory trench, remains of a destroyed structure (part of a brick wall and its base laid of boulders) which belonged to a non-preserved corner tower of the Ivanovskiy Monastery of the 16th century, were found. This article presents a detailed description of the excavated fragments of the tower and their relation as strengthening elements to the now existing structures.

The morphology of the crack in the wall of the Novy Gorod may serve as a distinctive indicator of the development of deformations in the places where the now existing structures of architectural sites include some fragments of non-preserved structures of historical interest. The results of the mentioned investigations showed the same technology of building foundations from large boulders with preliminary compression of the soils under the bases by means of short piles.

«МЕРЫ САПОЖНЫЕ» И ПРОБЛЕМАТИКА РЕМЕСЛЕННОГО УЧЕНИЧЕСТВА

А. В. КУРБАТОВ[1]

В отечественной историографии сложилось мнение об использовании в кожевенно-обувном ремесле средневековой Руси специальных приспособлений – лекал – для раскроя деталей верха и низа обуви (Оятева 1973: 199; Штыхов 1975: 76). Оно основано «на трех китах». Во-первых, это письменное упоминание «мер сапожных» в Кормчей книге 1282 г. : «Аще на потребу възметь кожю, или усние, и не съблюдая режеть, и не прилагаеть меры сапожныя. . . сухо да ясть» (СлРЯ XI–XVII вв. 1996, 23: 62). Эти «меры сапожные» можно сопоставлять с современными лекалами, «прикладываемыми» на различный материал для получения точной раскройки. Во-вторых, по наблюдениям специалистов, состав и качество кожаных изделий в русских средневековых городах свидетельствуют о значительной стандартизации кроя деталей различных форм обуви, что может указывать на вероятное использование в древности специальных раскроечных шаблонов. В-третьих, такое предположение как будто подтверждается археологическими находками деревянных «шаблонков кроя» в Новгороде, Пскове и Москве.

Анализ источников выявляет противоречия между их характером и интерпретацией. Неоднократно упоминаемый в работах термин «меры сапожные», связанный с Кормчей 1282 г., по Ф. Буслаеву, происходит из Устава Феодора Студийского (ум. 826) (Буслаев 1861: стлб. 389). Переведенный на древнерусский язык наиболее адекватными для русского человека словами, понятиями и терминами, Устав предполагал регулирование жизнедеятельности в создаваемых на Руси монастырях. Но практическое применение названных приспособлений остается под вопросом. В этой же статье есть и другое наставление: «А швец показуетъ ученику, како резалникъ держати, резати ученику усмъ и како коюгоу дрьжяще, шити сапогы» (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 400), где шаблоны не упомянуты.

Привлекает внимание редкость находок «шаблонов», встреченных только в трех древнерусских городах (Новгород, Псков, Москва), а также отсутствие таких предметов в других регионах Европы, а равно и упоминаний о них в западноевропейских письменных источниках. Новгородские «шаблоны» фигурируют только при подведении итогов многолетних раскопок в Новгороде (Колчин, Янин 1982: 76). Здесь указаны 6 «деревянных лекал для кроя верха и подметок», тогда как деревянных сапожных колодок правил более 185, а составных колодок – 7. Показательно общее число встреченных в Новгороде деталей обуви: верха – более 8 тыс., подошв и подметок – более 6 тыс. (Колчин, Янин 1982: 84). Более того, в публикации материалов Неревского раскопа, откуда «шаблоны» как будто происходят, они не названы (Изюмова 1959). Рисунки двух таких шаблонов имеются в обобщающей работе по археологии средневековых русских городов, где преобладают материалы Новгорода. «При специализированном массовом производстве сапожники применяли шаблонки кроя. В Новгороде в слоях XII в. и позже найдены деревянные шаблонки подметок. . . Они представляют собой тонкие дощечки толщиной 0,3–0,4 см, вырезанные в форме заданной заготовки» (Колчин 1985: 270, табл. 110: 11–12). В настоящее время в Фондах Новгородского музея имеется только один предмет (рис.1; Шифр: Н-57, 17/1363, N. 2774, КП 32435/ А 73/143). Длина деревянной пластины 32,1 см, ширина в пучках 6,8 см, в области свода стопы 3,4 см, в пятке 5,0 см; толщина детали – в носке 4 мм, в пятке – 7 мм; носок зауженный, скругленный, пятка округлая. Отличается плавным сужением в средней части. В носке на обеих сторонах имеются полосы выбранного слоя дерева шириной 22 мм на глубину 1 мм.

Пять «шаблонов» из Пскова найдены на месте раскопок построек XVII – первой половины XVIII вв. (Лабутина 1975: 16–17). Это железные пластины толщиной до 1–1,5 мм, несколько выгнутые в поперечном разрезе, по форме соответствующие некоторым видам подошв. В каждой пластине пробито по 6–8 отверстий, равномерно расположенных вдоль края. С внешней (выгнутой наружу) стороны отверстия расширяются, указывая на использование гвоздей со шляпками (рис. 2). Эти предметы использовали в кожевенно-обувном ремесле, но в качестве не

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно–финской археологии.

© А. В. Курбатов, 2003

«шаблонов», а как прочную основу, набитую на подошвенную сторону деревянной сапожной «лапы» (или колодки) как защиту от повреждения ее деревянными шпеньками и железными гвоздями, забиваемыми в подошву. Цельнометаллическая «лапа» была бы достаточно дорогим и неоправданно тяжелым (немобильным) приспособлением. Усиление подошвы обуви деревянными шпеньками повсеместно использовалось в Западной Европе в XVII–XVIII вв., откуда метод и был заимствован русскими мастерами обувного дела.

Два фрагмента берестяных шаблонов для раскроя головок и поднарядов выделены при недавних раскопках в Москве (Векслер, Осипов 1999: 147, рис.1 – положение находок на плане; рис.7: 2, 3).

Исследователи при описании археологических находок «шаблонов» не останавливаются на том факте, что во многих городах эти приспособления не встречены, а известные предметы единичны, несмотря на многообразие форм подошв в этих городах. Для принципиального решения вопроса об использовании «шаблонов» в раскрое подошв на материалах из раскопок Твери сделана попытка сравнения между собой всех целых и фрагментарных подошв. Цель работы – реконструкция полной длины фрагментарно сохранившихся подошв. Методика была разработана автором на всем объеме накопленных кожевенных материалов из средневековой Твери, включая коллекции из раскопок В. А. Лапшина 1993–97 гг., Л. А. Поповой 1985 г. и Н. В. Мясниковой (Жилиной) 1979–84 гг. Полная длина фрагментарных деталей определялась подбором наиболее близких для них по пропорциям деталей из каталога – определителя. Такое решение подсказывает опыт обработки большого числа деталей тверской коллекции. В результате создан каталог – определитель целых подошв для XIII–XV вв., включающий, на сегодня, более 250 целых подошв. Все детали разделены на 4 группы в зависимости от вида основного шва (соединения с деталями верха): с выворотным, тачным, сквозным вертикальным (сандальным) швами и со швом «в подтай».

Давно установлено, что все части стопы человека имеют определенные пропорции. Массовые обмеры стоп взрослого населения установили закономерности соотношений между длиной стопы, ее шириной и величиной обхвата в пучках и других сечениях (косой взъем и др.). В отечественном обувном производстве на стопе выделяют несколько основных опознавательных точек, являющихся опорными для длиннотной характеристики стопы: центр пятки, центр наружного мыщелка, точка сгиба стопы, точка сечения подъема стопы, точка плюсно-фалангового сочленения снаружи и изнутри, точка конца мизинца (Иванов и др. 1990: 149–153). По этим и другим точкам рассчитываются все пропорции стопы.

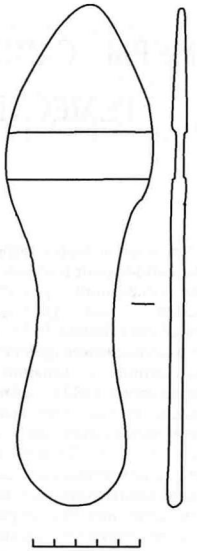


Рис. 1. Деревянный шаблон из раскопок в Новгороде.

Fig. 1. Wooden template from excavation in Novgorod.

Многообразие встреченных подошв в слоях последней четверти XIII – первой половины XV вв. показывает, что невозможно найти даже двух очень близких по форме подошв (если они не принадлежат одной паре обуви, что иногда подтверждается совместным нахождением). Видимо, средневековые мастера прекрасно ориентировались в особенностях антропометрии стопы человека и придерживались основных правил пропорционального раскроя, возможно, даже не пользуясь лекалами, а руководствуясь только опытом и постоянной практикой (рис. 3; 4).

Заслуживают внимания и сапожные колодки, которые не обязательно были высокими, со скругленным верхом, заполнявшими все внутреннее пространство обувной модели. Известны и плоские, низкие колодки. Например, в Берестье отмечены предметы высотой 1–3 см при длине 14,5–24,0 см (Лысенко 1985: 303, 317, рис. 221, табл. 60). Такие находки могут наводить на предположение об использовании некоторых «шаблонов» как составных частей колодок.

Интересна и сама практика упоминания слова «меры» в сочетании с областью применения, означающая предмет, которым измеряют что-либо. Они отражены в нравоучительной литературе: «В руце его [ангела] вервь и тростяна мера, и измери вышнюю стену» (Иосиф Волоцкий. Просветитель. Ок. 1511); и в хозяйственно-дело-

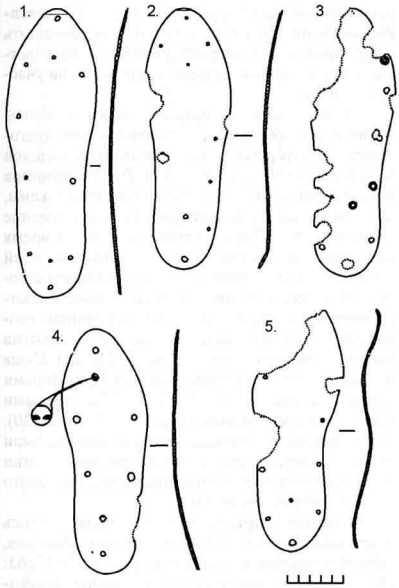


Рис. 2. Раскопки И. К. Лабутиной в Пскове. Железные «шаблоны».

Fig. 2. Excavations of I. K. Labutina in Pskov. Iron «templates».

вой переписке: «И целовалнику . . . отчитати рыба по головам в гсдрву печатную меру, а которая рыба в меру не придет и тое рыбы давати по две за рыбу», 1624 (СлРЯ XI–XVII вв. 1982, 9: 91). «Мерами», например, называли различную тару для измерения жидких и сыпучих тел. При этом часто конкретные «меры», применяемые в разных городах и местностях сильно различались, что вызывало необходимость различать сами «меры» – боровицкая, валдайская, костромская, московская и др. Все письменные источники показывают, что мера выступает единицей измерения (протяженности, веса или размера), но не лекалом для копирования по нему других (новых) предметов. «Меры» выступали и в других нюансах схожих значений – быть мерилом, образцом для сопоставления, достоинством, стоимостью, ценностью, границами измерения, границами допустимого (СлРЯ XI–XVII вв. 1982, 9: 92–94).

В письменных памятниках находят и другое свидетельство использования шаблонов. В договорах об отдаче детей в ученики к мастерам различных ремесленных специальностей по истечении срока обучения мастер должен был снабдить ученика не только одеждой, но и основными орудиями производства – «снастью». Сапожник должен дать «трои сапожные деревья (то есть три пары сапожных колодок), да наметы, да шилье, и всякая сапожная снасть, да платья шубу, да кафтан сермяжной, да шапку, да сапоги» (Тальман 1948: 70). Это единичное упоминание происходит из дела о побеге 1686 г. Здесь «намет» филологи рассматривают как «шаблон для кроя обуви» (СлРЯ XI–XVII вв. 1983, 10: 148).

В итоге рассмотрения источников по данному вопросу, видимо, следует присоединиться к мнению исследователей, скептически настроенных в отношении бытования деревянных раскроечных лекал в средневековом обувном производстве (Тарасов 1989: 168). На наш взгляд, возможно другое объяснение назначения «шаблонок». Письменные упоминания «мер сапожных» в Кормчей 1282 г. и «наметов» в договоре второй половины XVII в. об отдаче в ученики к сапожнику, связаны с обучением сапожному ремеслу. Эти предметы были нужны ученику для запоминания формы выкроек с целью их последующего воспроизведения. В этом случае ученику несомненно требовались различные формы шаблонов, отражающие разные варианты фасонов обуви. Поэтому приспособления упоминаются во множественном числе. Но опытные мастера, постоянно практикующие раскрой деталей уже не нуждались в таких шаблонах, которые и не встречаются в многочисленных кожевенно-обувных комплексах, исследованных археологами. Такое толкование объясняет известные противоречия археологических источников.

Ремесленные ученики по данным археологии. Этот вопрос археологами до настоящего времени не затрагивался по причине отсутствия выразительных материалов. В рамках изучения кожевенного ремесла актуальность постановки вопроса снижается спецификой самого производства. Обработка кожи и в первобытных обществах, и в рамках замкнутой сельскохозяйственной общины в феодальных государствах, всегда оставалась элементом жизнедеятельности каждой семьи. Однако на археологических материалах из русских средневековых городов специализация в этой области в рамках городского ремесла и, следовательно, необходимость длительного обучения кожевенной специальности, можно рассматривать на фоне ряда прямых и косвенных свидетельств. Это, во-первых, присутствие изделий «непрофессионального пошива», существенно отличающихся от продукции профессиональных обувщиков. Наиболее показательными являются поршни, где отчетливо выражены различия в способах раскроя и сборки, связанные с уровнем профессиональной подготовки мастера. Например, небрежность в оформлении прорезей для обор, показывает вероятную деятельность жителей по пошиву рабочей обуви для своих нужд. Здесь точность

раскроя и получение ровных прорезей для обор не имеет особого значения (Курбатов 1997: рис. 3).

Археологический комплекс. В коллекции из раскопок Тверского кремля в 1993–1997 гг. выделена группа кожаных обрезков (не менее 94), в той или иной степени использованных для обучения подмастерьев раскрою прямых или фигурных заготовок, а также правильному и точному нанесению прорезов и наколов под орнамент. «Учебные материалы» найдены в составе значительного числа производственных отходов, захороненных в ямах или брошенных на поверхность вблизи места работы мастера-кожевника (рис. 5; 6). Скопления большого числа обрезков позволяют локализовать несколько кожевенно-обувных мастерских, основной продукцией которых, видимо, были сапоги и другие виды обуви.

Согласно реконструкции застройки на участке раскопок 1993–97 гг. в Тверском кремле, предложенной В. А. Лапшиным, пласты 20–21 составляют нижний – 9 горизонт застройки, относящийся в 80–90-м гг. XIII в. Сооружения и находки из пласта 19 составляют следующий – 8 горизонт застройки, относимый к рубежу XIII–XIV вв. (крайние даты 1291–1302 гг.). Это время интенсивного строительства Твери и расширения политического влияния Тверского княжества при Михаиле Ярославиче в ранний период его правления.

Распределение «учебных материалов» в площади раскопа неравномерное. Наибольшее число таких обрезков найдено на участке № 1 в слоях, разобранных пластами 19–20 и в заполнении ям, видимо, относящихся к этим пластам. На участке 1а остатки «учебных материалов» отсутствуют полностью, что можно объяснить захоронением отходов, включающих эти предметы, на соседнем участке № 1. Тогда надо признать, что локализованные на этих смежных участках скопления отходов принадлежат или одной мастерской, или двум одновременно действовавшим. Минимальное число «учебных материалов» на участках №№ 3 и 5 связано с отсутствием в площади раскопа мест захоронения производственных отходов. Но это же позволяет предполагать и функционирование мастерских на этих участках в другое время, нежели мастерских на участках 1 и 1а.

Среди «учебных» находок имеются полосы узких и частых прорезей, имитирующих подготовку «продержки» для кожаных ремешков по носку туфли (рис. 5: 1–17). Длина прорезов и их направление не всегда точно выдержаны, что предполагает неуверенность или неумение выполнять подобную операцию. В то же время наличие в коллекции многочисленных моделей туфель с таким декором может свидетельствовать об их местном производстве. Также имеются обрезки с наколами, составляющими геометрические фигуры, наподобие элементов вышивки мягких туфель (рис. 5: 18, 25). Сюда же можно отнести серию обрезков с фигурными прорезами (рис. 5: 19, 20, 22, 23, 27), с частыми параллельными прорезами (рис. 5: 21, 24, 27–30). Эти обрезки, часто с краев шкуры, явно не были деталями каких-либо изделий, но как остатки после раскроя использовались в качестве своего рода «учебного пособия».

Возможно, при обучении использовались и кожаные подкладки из ненужных обрезков, подкладываемые под раскрой (рис. 6: 10–17; 63: 26), количество которых для настоящей повседневной работы (если их использовали мастера), должно бы оказаться значительно большим, чем это найдено в тверских материалах. Встречены обрезки с тиснением поверхности, также, возможно, бывшие «учебными» материалами (уч. 1: пл. 19–3 экз. и яма № 1–1).

Тверские находки отражают выборочный характер обучения в обувном ремесле – это исключительно тренировка правильности нанесения декора «продержки» и расшивки. Основной прием здесь – многократное повторение одних и тех же операций (прорези и проколы) с целью получения ровных разрезов и правильных по рисунку и расположению отверстий проколов для

	Пласт											
Участки	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	ямы
№ 1	–	–	–	–	–	4	–	1	38	20	4	19
№ 1а	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
№ 2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
№ 3	–	–	–	–	–	–	1	3	–	2	–	–
№ 4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
№ 5	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–

Всего 94

Таблица 1. Статистика «учебных материалов» (текстовая).

Table 1. Statistics of «Teaching aids».

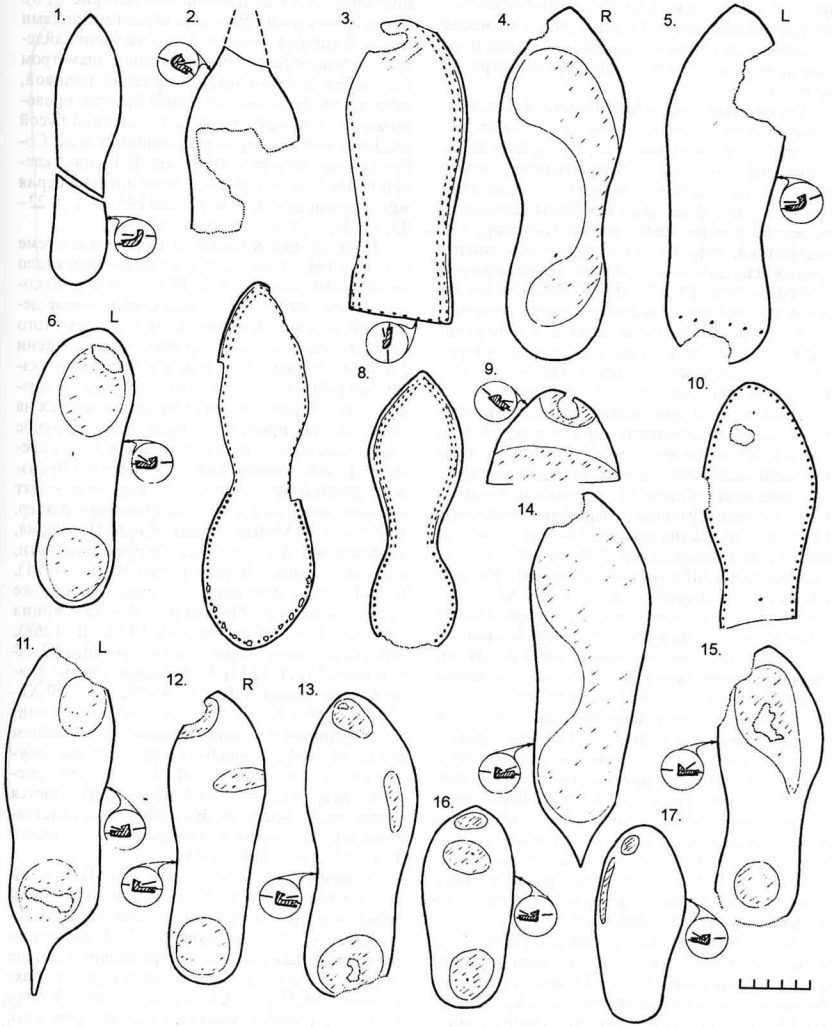


Рис. 3. Раскоп в Тверском кремле 1993–1997 гг. Виды подошв.

Fig. 3. Excavation in the Tver'Kremlin of 1993–1997. Types of soles.

нашивного декора. Ученик должен был «набить руку» не пользуясь какими-либо дополнительными приспособлениями. Однако, следов обучения основным операциям – раскрою деталей и их сшиванию – не встречено (по крайней мере, не выделено).

Косвенные археологические признаки. Ознакомление детей с профессиональным ремеслом могло проходить через стадию игры, отражением которой служат находки детских игрушек, прежде всего группы предметов-имитаций. В Новгороде сюда отнесены сделанные из дерева и коры мечи, кинжалы, топор, лук со стрелами, лодочки, тележка, то есть копии реальных изделий новгородских ремесленников (Хорошев 1998: 83–87, табл. I; рис.1). Изготовление этих предметов мастерами юные новгородцы могли многократно наблюдать, и возможно, часть их копировали в дереве. Большая выборка деревянных имитаций одного только оружия есть и в Ладоге (Рябинин 1999: 187–190, рис. 4).

Известные материальные свидетельства профессионального обучения в средневековой Руси очень немногочисленны и стали уже хрестоматийными. Особое положение занимают два предмета ювелирного дела, по оригинальной версии Б. А. Рыбакова бывшие «квалификационными» изделиями на звание мастера. Это два чеканных кратира из Новгородской Софийской ризницы, сработанные в XII в. (разные исследователи дают в целом более широкую дату – конец XI – начало XIII вв.) и подписанные мастерами Костой и Братилой (Рыбаков 1948: 299–300). В одной из последних работ, исследующих эти изделия, датировка значительно сужена – начало – первая половина XII в. (Медынцева 2000: 169).

Находки, отражающие обучение грамоте и письму, связаны с серией берестяных грамот, бывших «учебными тетрадями» со «школьными упражнениями» мальчика Онфима и других новгородских отроков. Найдены также берестяные и деревянные азбуки. Способ обучения состоял в воспроизведении на письме заученного алфавита, а затем слогов в алфавитном порядке (Янин 1975: 48–57). Это повторение сродни технике ремесленного обучения через многократный повтор отдельных действий с материалом.

Последние находки связаны с раскопками в Твери. В раскопе 1999 г. на Затьмацком посаде Твери, на пересечении улиц Троицкой и Ефимова, выявлен участок застройки XV–XVI вв. Здесь сохранились подвалы 3 жилых наземных построек и 1 производственной (?) постройки. От последней разобрана квадратная в плане яма со сторонами около 2,05 м, ориентированная по странам света. Вертикальные стенки и ровное, плоское дно были обшиты досками. В заполнении ее – слои гумусированного песка и глины разной интенсивности окраски, прослойки угля и золы.

В средней и нижней частях заполнения встречено несколько десятков целых и фрагментированных тиглей, мелкие глиняные поделки, миниатюрные сосудики или формочки (рис. 7; 8). Часть из них могла быть игровыми имитациями или изделиями учеников. Здесь же были найдены заготовка керамического пряслица диаметром 2,3 см, из стенки сосуда, с зеленой поливой, шлаки, глиняная обмазка, капля бронзы, проволочная S-образная серьга со стеклянной бусой каплевидной формы, перекаленной в огне. Собрано более 60 фрагментов тиглей. Из них склеено более 8 целых форм. Также найдена серия железных предметов (Курбатов 1999 – А, л. 22–23, 31, 34; Приложение).

Письменные источники. Обращение к теме ученичества по письменным памятникам стало возможным только для XVII в., от которого сохранилось значительное административное делопроизводство. Именно на материалах этого времени, касающихся в значительной степени Москвы, а также других городов, построены указанные работы. Детальное рассмотрение вопроса для более раннего времени наталкивается на объективную преграду – практически полное отсутствие источников для древнерусского времени. Редкие упоминания особенностей производственной деятельности кожевников носят нравоучительный или учебно-правовой характер. Например, из Миней Четьих (Житие Порфирия, 19 февраля): «Въдастъ же себе оуснися квасити, мыя язно и шия» (Срезневский 1912, I: 1201), или «Шевъ ли сапожныи делаеши, помяни иже уснее творят» из Поучения Ефрема Сирина по рук. 1288 г. (Срезневский 1912, III: 1268); или «Коже шиюще дщю прострети влдце» (Срезневский 1912, I: 1245). Приведенные выше фразы из Новгородской Кормчей 1282 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 400; 23: 62) можно считать наиболее ранним и единственным упоминанием субъекта профессионального ремесленного обучения (ученика) в Древней Руси. В древнерусской литературе это слово прочно связывается с нравственно-религиозным обучением (наставлением) или «учением книжным» (Срезневский 1912, III: стлб. 1334–1336).

К началу XV в. относят статью Псковской судной грамоты о регулировании отношений между мастером и учеником (Памятники русского права, ст. № 102), которую С. В. Бахрушин назвал ранним источником, отразившим наличие института ученичества в русских городах (Бахрушин 1954, II: 101). Статья 102 гласит: «А который мастер иметь сочить на ученики учебнаго, а ученик запрется, ино воля государева, хочет сам поцелует на своем учебном, или ученику верить» (Российское законодательство, I, 341, 380). Перевод Б. А. Рыбакова: «Если хозяин мастера предъявит иск к своему ученику о плате за обучение, а ученик станет отрицать свой долг, то дело решается по желанию хозяина: хочет – пусть сам примет присягу в том, что ученик ему действительно должен, или пусть предоставит при-

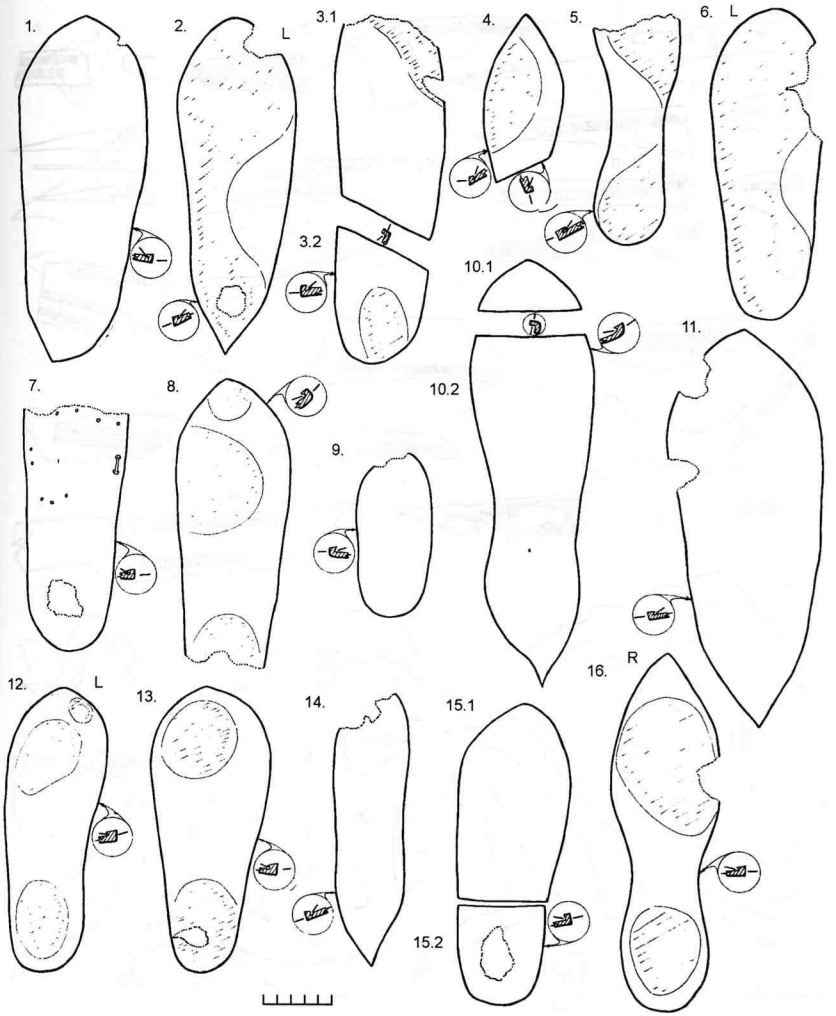


Рис. 4. Раскоп в Тверском кремле 1993–1997 гг. Виды подошв.

Fig. 4. Excavation in the Tver'Kremlin of 1993–1997. Types of soles.

сягнуть ученику». Здесь решение спора остается на усмотрении и выборе мастера. Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев сделали новый перевод и датировали статью 1406–1420 гг. (Рыбаков 1948: 704; Черепнин, Яковлев 1940: 252, 292). С поздним уточнением Л. В. Черепнина, что статья № 102 появилась во 2-й редакции грамоты – 1417 г., в целом, согласился В. Л. Янин (Российское законодательство 1984, I: 330–331).

Статью 102 Псковской Судной грамоты Б. А. Рыбаков считает отражением давно укоренившегося обычая ученичества в древнерусском

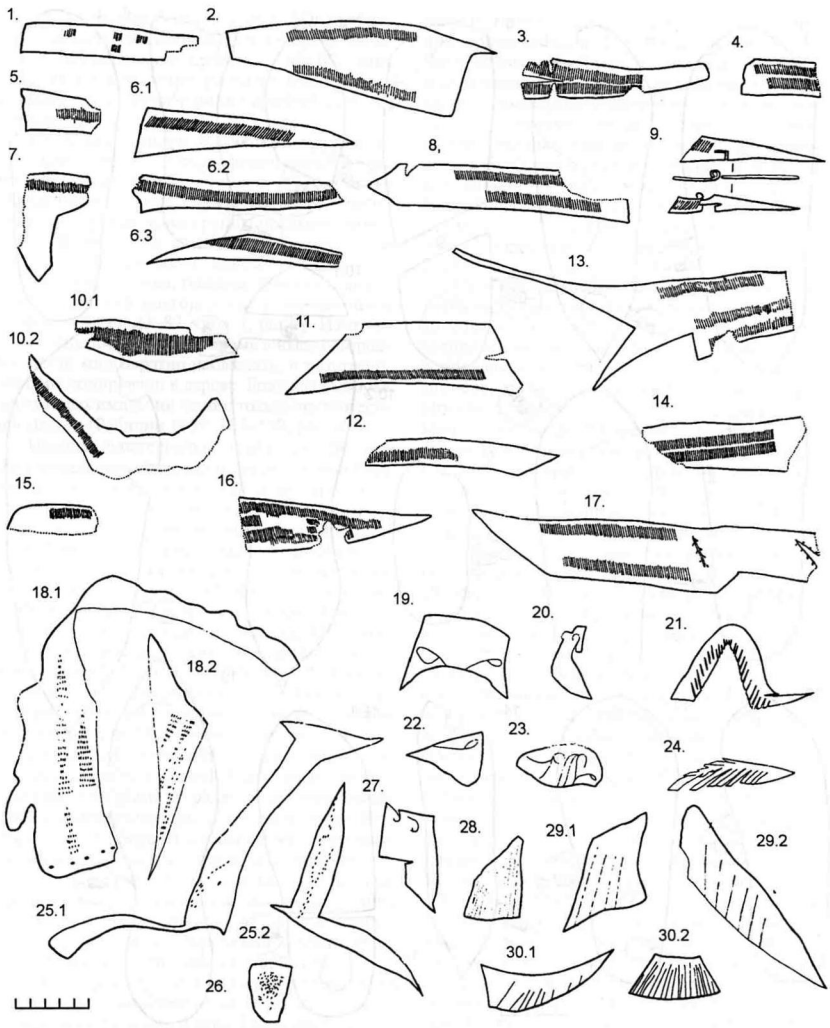


Рис. 5. «Учебные материалы» на кожаных обрезках от раскроя. Раскоп в Тверском кремле 1993–19997 гг.

Fig. 5. «Teaching aids» on leather scraps left from cutting. Excavation in the Tver'Kremlin of 1993–1997.

ремесле. Обучение было платным и приводило к конфликтам, учащение которых и вызвало необходимость создания законодательной статьи. Он приводит аналогии из истории западно-европейского ремесла (Рыбаков 1948: 704–705), но при этом поясняет, что статья 102 – единственное свидетельство о положении «русских ремесленных учеников XIV–XV вв.». Позднейшие характеристики и описания более подробны и красочны. Например, мальчик Анисим отдан в учение к мастеру-серебряннику на 8 лет : «А живучи-тому моему сыну Анисиму въ томъ учебномъ про-

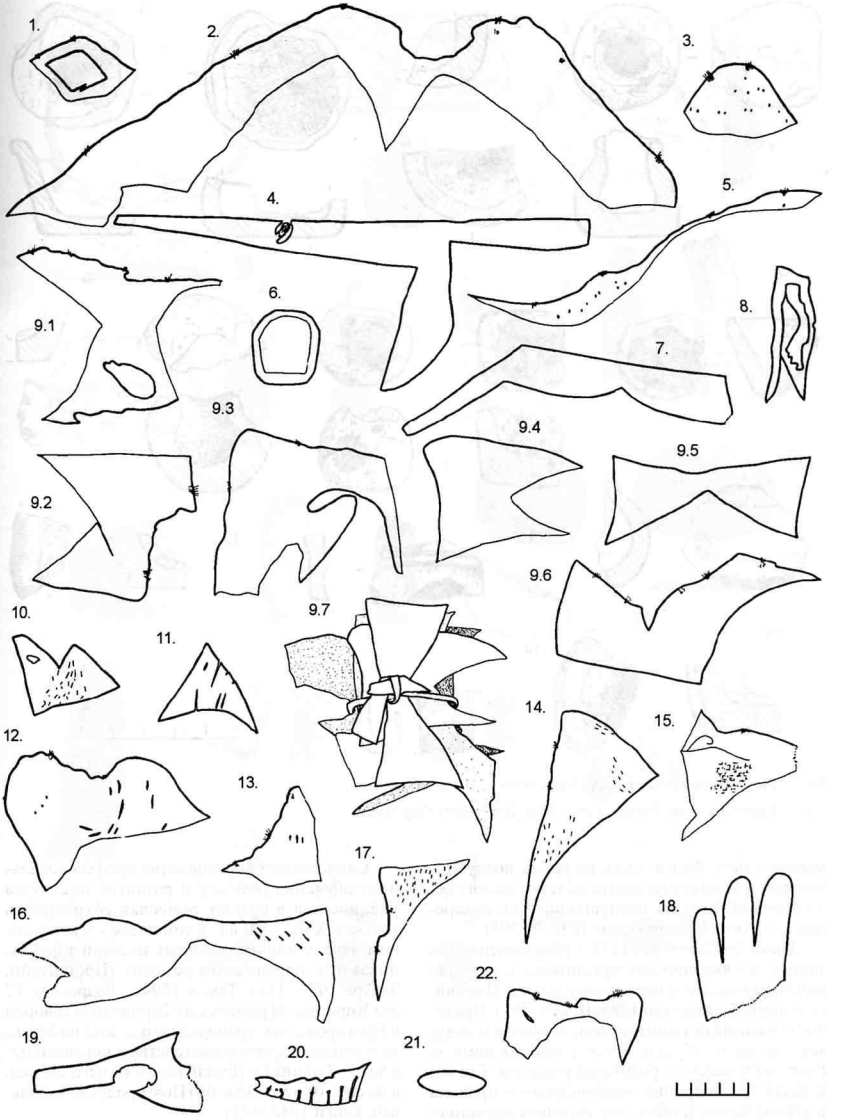


Рис. 6. Кожаные обрезки от раскроя. Раскоп в Тверском кремле 1993–1997 гг.

Fig. 6. Leather scraps left from cutting. Excavation in the Tver'Kremlin of 1993–1997.

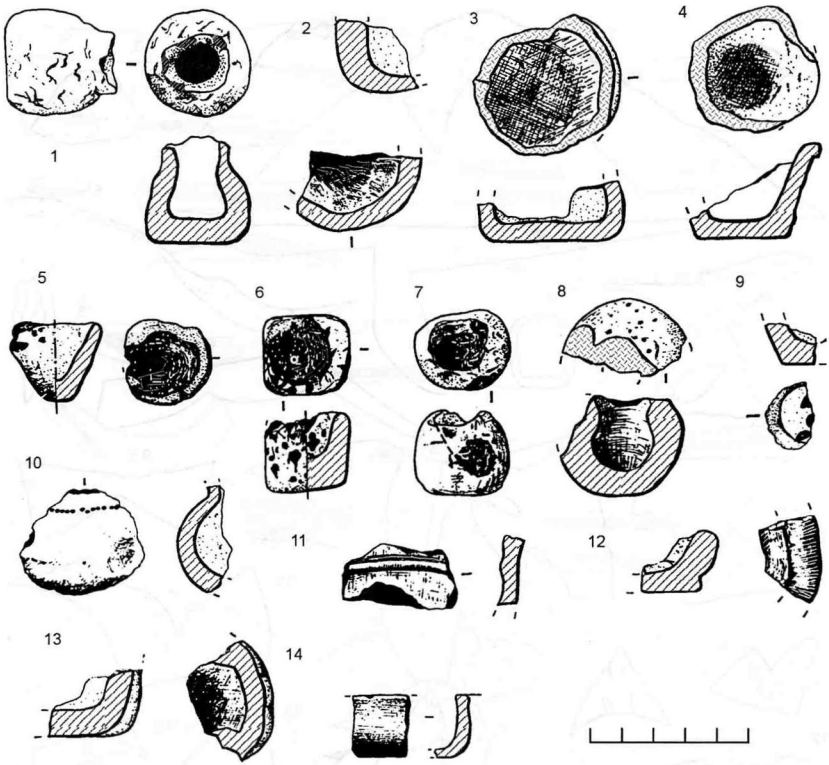


Рис. 7. Раскоп на ул. Троицкой, 1/25 в Твери (1999 г.). Предметы из глины.

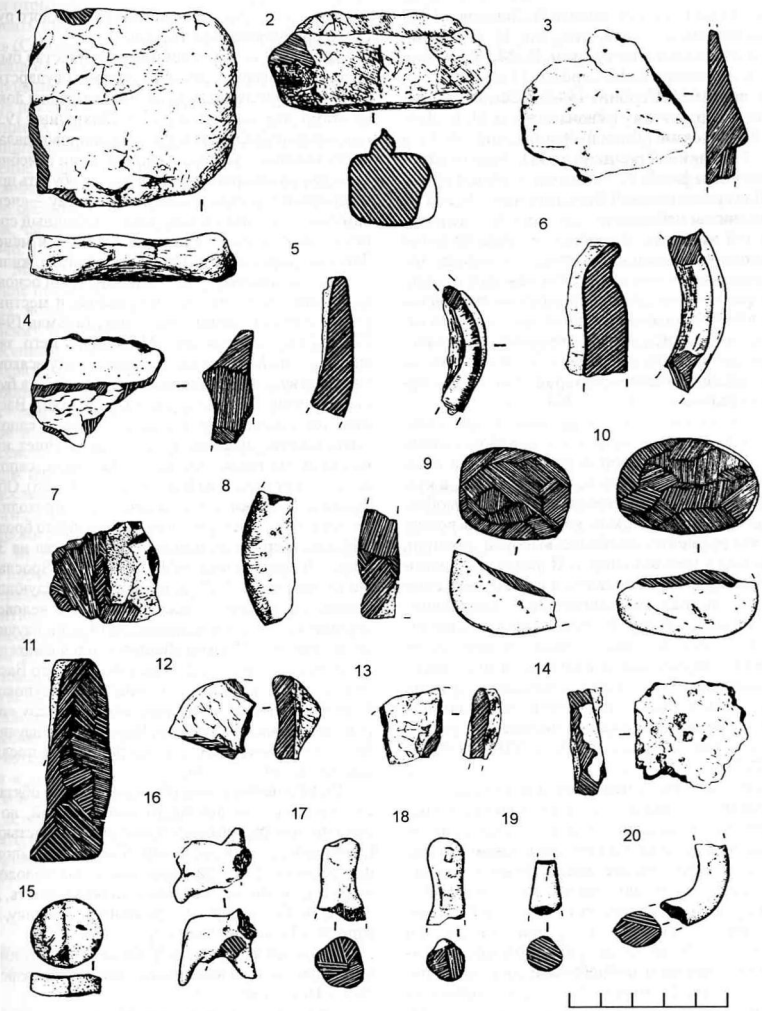
Fig. 7. Excavation in the Troitskaya str. 1/25 in Tver` (1999). Clay objects.

мыслу у него Фадея, быть во всемъ послушну, покорну и безответну; делати въ те восмь летъ безотступнои быть въ послушании и въ покорении…» (Акты Юридические 1838: № 205).

Глава 26 Стоглава (1551 г.) посвящена обязанности священников организовать «учение книжному письму и церковному пению» (Российское законодательство 1985, II: 290–291). Протопопы назначали священников, дьяконов и дьячков, должных обучать детей у себя на дому за плату, получаемую с родителей учеников. Там же, в главе 43, подробно перечисляются правила и нормы жизни и обучения учеников иконописцев (Российское законодательство 1985, II: 314–315). Надо учитывать, что иконопись это не просто ремесло, а особое «духовное художество», и требования, предъявляемые к мастерам и ученикам, были более строгими и всеобъемлющими, чем в других ремеслах.

Свидетельства организации профессионального обучения ремеслу и развития института ученичества в разных ремеслах сохранились только с XVI–XVII вв., в том числе – в кожевенном деле, в пошиве кожаных изделий торочечниками, и портняжном ремесле (Пронштейн, Задёра 1977: 136). Так, в 1594 г. подросток 12 лет Кирилко Офромеев сын Горончаров говорил в Новгороде, что «наперед сего… жил на Москве и учился портного мастерства у портного мастера у Филипка у Дементьева и от него збежал, а не снес от него ничего» (Новгородские кабальные книги 1938: 445).

Для получения звания мастера ученики проходили экзамены, что зафиксировано, например, у астраханских кузнецов в 1679 г.: «А у выписки Астраханскихъ записных кузнецовъ, староста Пашка Матвеевъ съ товарыщи сказалъ, по святей непорочной евангелской заповеди Гос-



.8. Раскоп на ул. Троицкой, 1/25 в Твери (1999 г.). Предметы из глины.

8. Excavation in the Troitskaya str. 1/25 in Tver' (1999). Clay objects.

ции, еже ей ей, въ правду: Астраханского за-ного кузнеца – сынъ Петрушка Ивановъ. . . кие кузнечные дела, опричь луженныхъ дел, отивъ своей братьи записныхъ кузнецовъ въ енстве делать умеетъ… « (*Дополнения …* 2, VIII: № 60).

Историографическая традиция. Вопрос производственного обучения в средневековых русских городах затрагивался в немногих специальных статьях, а также в виде разделов в более общих работах по ремеслу и обобщающих работах по русской культуре. Впервые об

учениках на Руси высказался В. Лешков в 1852 («Москвитянин», 1852, дек., кн. 1). С отдельными статьями выступили Е. М. Тальман, С. В. Бахрушин и К. Н. Сербина (Тальман 1948; Бахрушин 1926; Сербина 1946). Несколько страниц посвятили этому в своих статьях М. В. Довнар-Запольский (Довнар-Запольский 1910) и В. И. Троицкий (Троицкий 1941). Тема отражена в монографии Б. А. Рыбакова (Рыбаков 1948).

Для средневековой Руси типичным Б. А. Рыбаков считал небольшую мастерскую, где работали 1–3 человека. «Разделение труда не могло быть особенно сильным в русском городе, так как незначительные масштабы каждого отдельного ремесленного предприятия не позволяли расчленить производственный процесс». Он отмечает и малочисленность городских ремесленников, работавших по найму. «Для большинства ремесленников была характерна работа в мастерских» (Рыбаков 1948: 702–703, 712).

По мнению С. В. Бахрушина, в основном, московский ремесленник в XVI в. работал в одиночку, особенно в производствах, где это было возможно. В других ремеслах, например, в кузнечном, брали подмастерьев и ученика. «Особенно распространено было ученичество в ремеслах, требовавших наиболее высокой техники, например в иконописном… В ремеслах, в которых мастер не мог справиться один и даже с помощью ученика, ремесленники объединялись в небольшие артели». В документах упоминаются и наемные рабочие (казаки), в том числе, вероятно, обучавшиеся отдельным операциям в выделке кож или пошиве изделий (Бахрушин 1952: 166). Имеется например такая запись: «А ныне де он Зиновка въ кожевне для ученья дуб толчетъ», 1675 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 1980, 7: 220–221).

Надо заметить, что даже для ремесел, где возможен труд только одного человека (без помощника), представить себе отсутствие ученика или подмастерья достаточно сложно. Любое ремесло требует множества различных мелких операций – подготовка материала, инструментов и пр. Для этого мастеру также необходимо было передавать свой опыт, знания и навыки ученику, особенно если существование специальности отражает потребности жителей города или села. Именно эта преемственность позволяет видеть развитие форм изделий во времени, их изменения, инновации в технологии и технике производства, декоре и другое. Можно полагать, что такими учениками были, в первую очередь, сыновья мастеров. Отсюда становится понятным незначительное число упоминаний учеников для многих ремесел, что никоим образом не может быть связано, как представил С. В. Бахрушин, с «невысокой техникой» ремесла. При отсутствии учеников значительно труднее было бы объяснить несомненную преемственность в технике и стилистике изделий, прослеживаемые для каждого русского средневекового города.

Для XVII в. ремесленное ученичество было явлением повсеместным в Русском государстве. Ученики в различных ремеслах отмечены документами для многих городов (Бахрушин 1954, приложение I). Отдача в ученики сопровождалась составлением договора – «жилой» или «учебной записи», по которой мастер обязался обучать принимаемого ученика своему мастерству – «чему сам горазд», «чему я сам умею». Обычный срок обучения составлял 5 лет, но мог быть и менее. Зарегистрированные должным образом жилые записи, по мнению Е. М. Тальман, были основанием для взятия на учет в приказах и местных учреждениях будущих мастеров (Тальман 1948: 72). «И ему, сыну моему, Михайлу, у него, зятя моего, … на Москве жить и сапожному всякому мастерству у него, зятя моего, учиться…, а буде он, сын мой, Михайло, у него, зятя моего Василия, тех урочных трех годов… жить и сапожнить, всякому мастерству учиться не учнет, или выучася, на него, зятя моего Василия, сапоги делать не станет… « (Бахрушин 1954: 106). Обучение же без жилых записей часто проходило у нескольких мастеров, что «напоминало бродячий характер ремесленного ученичества на Западе». В делах сыска беглых людей по Ярославлю первой трети XVII в. приводятся следующие имена: Афонасий Моисеев, работный человек, «походя по посаду у кожевников 13 лет и научился промыслу»; Прохор Иванов учился сапожному ремеслу сначала 2,5 года у посадского Василия, а затем 1,5 года у сапожника Неупокоя; Тимофей Юрьев учился кожевенному делу «переходя» у посадских людей; Иван Иванов научился рукавичному ремеслу «переходя» в посаде (Тальман 1948: 75–76).

По истечении срока обучения мастер обязался снабдить ученика не только одеждой, но и основными орудиями производства – «снастью». Сапожник должен дать, например, «три сапожные деревье (т. е. три пары сапожных колодок) и наметы, и шильe, и всякая сапожная снасть, да платья шубу, да кафтан сермяжной, да шапку, да сапоги» (Тальман 1948: 70).

Большинство учеников были малолетними, хотя попадаются сведения и о достаточно взрослых – 16 и 20 лет.

По Тихвинскому посаду XVII в. («договорные грамоты» и др.) К. Н. Сербина рассматривает развитие отношений мастер – ученик на основе самых массовых документов, связанных с кузнечным делом, иконным промыслом, «медным, оловянным и серебрянным ремеслом». Она оговаривает, что в материалах фонда Тихвинского Успенского монастыря «сохранился ряд косвенных указаний на существование учеников почти во всех профессиях Тихвинского посада – у сапожников, «швецов», коновалов и др., но сохранившиеся сведения об учениках этих реме-

сел отрывочны и не дают возможности восстановить институт ученичества в этих профессиях» (Сербина 1946: 150). Общее положение учеников на Тихвинском посаде сходно с другими городами. К. Н. Сербина указывает на некоторые изменения, происходившие на посаде в течение XVII в. Основные изменения шли по линии улучшения условий для учеников (уменьшение срока обучения, неучастие в хоз. работах в личном хозяйстве мастера, более гарантированное обеспечение ученика одеждой, инструментом, частичная оплата его труда и др.) (Сербина 1946: 166–168).

Можно считать, что для XVII в. прием в обучение посторонних подростков или даже взрослых, возможно, сопровождавшийся обучением письму и грамоте (Тальман 1948: 92–95) был массовым явлением, распространенным для всех видов ремесла. Однако, наиболее престижными, видимо, были самые сложные и трудные ремесла – замочное, аптекарское, сафьянное, живописное и др. Обучение у разных мастеров и в различных городах, переезд людей на новое жительство и другие формы внутренней миграции населения, способствовали унификации технологических приемов для широкой территории Русского государства.

Выводы. Для древнерусского времени основу профессионального обучения следует видеть в традициях воспитания в семье, когда дети (юноши) наследовали дело своих отцов. Нормами взаимоотношений можно считать правила, изложенные в Домострое, приводимом здесь по Второй (сильвестровской) редакции и ее древнейшей рукописи (XVI в.), так называемом «Коншинском» списке. «А пошлет Бог у кого дети – сынове или дщери, ино имети попечение отцу и матери о чадах своих, снабдити их и воспитати в добре наказании, и учити страхе божию и вежству и всякому благочинию, и, по времени и детям смотря и по возрасту, учити рукоделию матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоин (*прим. ред.* – кто на что способен...)» (Домострой 1991: 35). Принципами Домостроя руководствовались и принимая учеников из других семей (Домострой 1991: 42–45). Там же говорится и о рациональном раскрое изделий, возможности повторного использования ношенных одежд, обуви, а также и разумного использования отходов от раскроя: «В домовитом обиходе коли лучится какое платья кроити себе, или жене, или детем, или людем: ... или кожи как не кроити... и сам государь или государыня смотри и смечает остатки, и обрезки живут, и те остатки и обрезки ко всему пригожаются в домовитом деле...» (Домострой 1991: 56). Также отмечается необходимость иметь и содержать в порядке материалы, инструменты и приспособления для разных нужд: «А всякому рукоделью и у мужа и у жены всякая бы порядня и снасть была подводвории: и плотницкая, и портного мастера, и железная, и сапожная...» (Домострой 1991: 57). В наставлении протопопа Сильвестра своему сыну Анфиму можно видеть и преимущественный порядок или обычай рассчетов за работу между ремесленником и покупателем: «А видел еси сам в рукодеях и во многих бо всяких вещех мастеров всяких... ; деньги им даваны на рукоделье напередь по рублю, и по два... и больше; а многи были чмуты (мошенники) и бражники... и со всеми теми мастеры... разлезенося без остуды (обошлись без клеветы), все то мирено хлебом да солью... А кому что продавывал, все в любовь, а не в обман; не полюбит кто моего товару, и аз назад возьму, а деньги отдам» (Домострой 1991: 103–104).

Тема ремесленного ученичества получает новое звучание в связи с выделением в археологическом материале предметов, бывших «образцами учебно-тренировочных работ» и иной интерпретацией т. н. шаблонов. Можно полагать, что взаимоотношение мастер – ученик в Древней Руси развивалось преимущественно в рамках семейной сферы (кроме монастырей). Появление многочисленных документов в XVII в. связано с коренными изменениями в обществе – с повышением социального динамизма и внутренней миграции населения, что нельзя распространять на более раннее время.

Акты Юридические. 1838. Акты Юридические. Санкт-Петербург.

Бахрушин, С. В. 1926. Ремесленные ученики в XVII в. // Труды Государственного Исторического музея III: 101–122. (перепечатана в: Бахрушин, 1954). Москва.

1952. Научные труды. Т. I. Москва: Издательство Академии наук СССР.

1954. Научные труды. Т. II. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Буслаев, Ф. 1861. Историческая христоматия церковно-славянского и древне-русского языков. Москва: Издательство Московского государственного университета.

Векслер, А. Г., Д. О. Осипов. 1999. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве // Российская археология 1: 142–151.

Дополнения ... 1862. Дополнения к актам историческим VIII. Санкт-Петербург.

Довнар-Запольский, М. В. 1910. Организация московских ремесленников в XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия XXIX, 9–10 (сент., окт.): 131–164. Санкт-Петербург.

Домострой. 1991. Домострой. Москва: Художественная литература.

Иванов, М. Н., И. Г. Шакланов, В. А. Панасенко. 1990. Товароведение обувных товаров. Москва: Экономика.

Изюмова, С. А. 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 192–222. Москва: Наука.

Колчин, Б. А. 1985. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР: 243–297. Москва: Наука.

Колчин Б. А., В. Л. Янин. 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода: 3–137. Москва: Наука.

Курбатов, А. В. 1997. Кожевенное производство Твери XIII – первая половина XV вв. по раскопкам Тверского кремля 1993–1996 гг. // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие: 127–147. Тверь.

1999. Отчет об охранных археологических исследованиях 1999 г. на участке строительства жилого дома по ул. Троицкой, 1а/25 на территории бывш. Затьмацкого посада и на ул. Чехова, 7а в пределах комплексной охранной зоны в г. Твери. Тверь // Архив ИА РАН; Архив ИИМК РАН, ф. 35, 1999, д. 7.

Лабутина, И. К. 1975. Раскопки в Пскове // Археологические открытия 1973: 16–17. Москва: Наука.

Лысенко, П. Ф. 1985. Берестье. Минск.

Медынцева, А. А. 2000. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. Москва: Наука.

Новгородские кабальные книги. 1938. Новгородские записные кабальные книги. Москва.

Оятева, Е. И. 1973. Белозерская кожаная обувь // Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII в.: 199–205. Москва: Наука.

Пронштейн, А. П., А. Г. Задёра. 1977. Ремесло // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1: 99–136. Москва: Издательство Московского государственного университета.

Российское законодательство X–XX вв. 1984. Российское законодательство X–XX вв. I. Москва: Юридическая литература.

1985. Российское законодательство X–XX вв. II. Москва: Юридическая литература.

Рыбаков, Б. А. 1948. Ремесло Древней Руси. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

Рябинин, Е. А. 1999 «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973–85 гг.) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей: 180–191. Санкт-Петербург.

Сербина, К. Н. 1946. К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII в. // Исторические записки 18: 150–170. Ленинград-Москва.

СлРЯ XI–XVII вв. 1980. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. Москва: Наука.

1982. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. Москва: Наука.

1983. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. Москва: Наука.

1986. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. Москва: Наука.

1996. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. Москва: Наука.

Срезневский, И. И. 1912. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I – III. Санкт-Петербург.

Тальман, Е. М. 1948. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки 27: 67–95. Ленинград-Москва: Издательство Академии наук СССР.

Тарасов, С. В. 1989. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI – XVIII вв.) // Памятники науки и техники. 1987–1988: 164–175. Москва: Наука.

Троицкий, В. И. 1941. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. // Исторические записки 12: 96–127. Ленинград-Москва.

Хорошев, А. С. 1998. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля. История и археология 12: 82–94. Новгород.

Черепнин Л. В., А. И. Яковлев. 1940. Псковская Судная грамота. Новый перевод // Исторические записки 6: 235–297. Ленинград-Москва.

Штыхов, Г. В. 1975 Древний Полоцк. Минск: Наука и техника.

Янин, В. Л. 1975. Я послал тебе бересту. Москва: Издательство Московского государственного университета.

THE «SHOEMAKING MEASURES» AND PROBLEMS OF THE HANDICRAFT APPRENTICESHIP

A. V. KURBATOV

This article presents an analysis of the so-called «templates» for cutting leather parts. Such templates were found during excavations in Novgorod, Pskov and Moscow. Attention is attracted to the fact that the single finds of the «templates» do not correspond to the mass character of the manufacture of leather articles, the large areas excavated in medieval Russian towns, and numerous leather-dressing workshops discovered in the latter. Taking into account peculiarities of the templates themselves (their material, shape and traces of fastening), the small number of their finds in towns, as well as on the basis of an analysis of records of «shoemaking measures», the author concluded that these objects probably served as a sort of «teaching and practising aids» for apprentices and journeymen, which helped them to remember the shape and proportions of the leather parts to be cut.

In the collection of leather from excavations of the Tver Kremlin, a group of at least 94 objects which may be regarded as «pupils' copy-books» from complexes of workshops specialised in leather-dressing and shoemaking has been segregated.

Consideration of archaeological finds, historical records and the historiographic tradition, related to the problem of the nature of apprenticeship in the medieval Russian society, lead the author to the conclusion that before the 16th and 17th centuries predominating were the family traditions of transferring the handicraft experience (from father to son). The wide propagation of the tradition of teaching persons from aside, it seems, occurred not earlier than that period. This supposition may explain the rather late appearance of numerous documents which regulated relations between master and apprentice.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

РОЛЬ ОРУДИЙ ТРУДА И СИМВОЛИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА

А. К. ФИЛИППОВ[1]

Сергей Аристархович Семенов, разработавший метод определения функций ископаемых орудий по следам износа, всегда стремился понять истоки человеческой деятельности, о чем свидетельствуют статьи, написанные им в 1960–1970 гг., – «О каменных орудиях австралопитека» (Семенов 1958), «Значение труда для развития интеллекта в антропогенезе» (Семенов 1959) и «Об олдувайских гоминидах» (Семенов 1975). В этих работах он, так или иначе, касался вопросов эволюции человека и как биологического вида, и как существа социального. Хорошо известно, что древнейшие формы труда находились в центре интересов Сергея Аристарховича. После выхода в свет этих публикаций прошло немало времени, но, как ни странно, эти проблемы в целом существуют по-прежнему.

Проблемы эволюции древнейших людей, по сей день имеют актуальность в антропологии и археологии, их можно свести к следующим составляющим: 1) древнейшие орудия и их производители; 2) орудийная деятельность современных антропоидов; 3) значение орудий в антропогенезе.

Сергей Аристархович Семенов неоднократно обращался к работам приматологов. Особенно его занимали вопросы орудийной деятельности человекообразных обезьян, их способность изготовлять простейшие орудия, а также так называемая грань между интеллектом обезьяны и человека. В настоящее время существуют многочисленно наблюдаемые свидетельства орудийной деятельности обезьян в естественной природной среде. Напомним, что шимпанзе очищают ветки от листьев для ловли термитов и муравьев, манипулируют палками при добыче меда, используют жеваный лист как губку для впитывания и добывания воды; они способны также при помощи камня колоть орехи на наковальне. Самцы нередко используют палки и камни для отпугивания других животных. В «культуре» обезьян так называемые орудия-посредники и различные «языковые элементы» проявляются, но не аккумулируются. Добавим, что у их «орудий» нет истории, а у самих антропоидов имеется только естественная история их биологического вида.

Антропогенез: взгляд со стороны. Большинство ученых в настоящее время склонно объединить в три вида австралопитеков на основании огромного количества фрагментарных (!) находок ранних гоминид. Это *Australopithecus africanus* (грацильный), *Australopithecus robustus* (более «примитивный») и наиболее древний *Australopithecus afarensis*. Последний существовал в Восточной и Южной Африке где-то в пределах 3–4 млн. лет тому назад. Впервые почти половину скелета этого древнейшего австралопитека обнаружили в Хадаре Д. Джохансон и Т. Грей в 1974 г. Ему было дано имя Люси. Находку подвергли тщательному анализу. Вскоре выявилось разительное несоответствие между массивным обезьяноподобным черепом и скелетом. Таз, ноги, кисти рук, зубная система как будто бы говорили о том, что их двуногий обладатель был существом всеядным и, определенно, вел особый наземный образ жизни. К архаичным чертам обоснованно отнесли примитив-

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

© А. К. Филиппов, 2003

ный с очень низким сводом череп, более длинные, чем у человека руки и несколько изогнутые пальцы. Выводы были подтверждены анализом других находок из Хадара и Летоли. В Хадаре, кроме того, были найдены каменные орудия, но обнаруженные поблизости остатки гоминид оказались на один миллион лет древнее. Бегло коснемся других хорошо известных открытий, оказавшихся в центре дискуссий о начале человеческой истории.

Выдающиеся открытия в Восточной Африке связаны с именами многих исследователей, но в первую очередь с Луисом и Мэри Лики. Они многие годы работали в ущелье Олдувай. Наибольшая высота его стен достигала 100 м. В самом низу разреза располагался слой I, выше – вулканические отложения, затем шли слои II, III и IV. На дне ущелья были обнаружены одни из самых древних каменных орудий: оббитые гальки или блоки, осколки лавы, кварцита и других пород. Некоторые из них, как установлено, принесены за 70–80 километров. В 1959 г. Мэри Лики, также на дне ущелья, в пункте FLK I обнаружила первого в Восточной Африке австралопитека. Это был *Australopithecus robustus* («зинджантроп», «бойсеи», «щелкунчик»). Вскоре слой I был датирован калий-аргоновым методом в 1.8 млн. лет. Большинство ученых в то время не решилось связать этого крайне примитивного австралопитека с орудиями и не сочло возможным считать его участником человеческой эволюции, хотя, по мнению Ле Гро Кларка, австралопитековые занимали промежуточное положение между человекообразными обезьянами и людьми. Серьезным возражением ему был неопровержимый факт сильной фрагментированности найденных черепов и других костей.

Новое поразительное открытие было сделано в 1962 году. Это существо впоследствии было отнесено к роду Homo, получив название *Homo habilis* (человек умелый), то есть человек способный изготавливать орудия труда. Объем его мозга, по реконструкции Ф. Тобайса, в среднем составил 642 куб. см. По утверждению большинства палеоантропологов, *H. habilis* являлся нашим первопредком. Однако, видимо, можно считать, что для такого заключения анализа черепных костей явно недостаточно из-за плохой сохранности палеоантропологического материала; к тому же костей рук, ног, таза, дающих надежную информацию о прямохождении и т. д., было найдено чрезвычайно мало. Отдельные антропологи, в том числе В. П. Алексеев, вопреки мнению Л. Лики и других исследователей, предложили дать этой находке наименование *Australopithecus habilis* (Алексеев 1984: 111).

Нужно обратить внимание еще на два замечательных открытия. В 1967 г. Ричард Лики, сын Л. Лики, с группой специалистов начал работы на восточном берегу оз. Туркана в Кооби Фора (Кения). В августе 1972 г. ниже слоев вулканического туфа (KBS) был обнаружен удививший вскоре весь мир череп гоминида. Хотя датирование туфа калий-аргоновым методом считается не совсем надежным, его возраст был определен в 1.8 млн. лет. Этот череп с более тонким высоким и округлым сводом, со слабо выступающими надбровными дугами, по заключению палеоантропологов, несомненно принадлежал человеку. За ним закрепилось название «1470». Объем мозга – 747 куб. см. С некоторыми колебаниями, это соответствует наибольшему объему черепа *H. habilis'a* и наименьшему *H. erectus'*а. Кстати, хорошо сохранившийся другой череп (KNM-ER 3733) *erectus'*о подобной формы был также обнаружен в Кооби Фора и датирован в 1.5 млн. лет.

Тем не менее, палеоантропологические находки, на основании которых можно было бы выстроить родословное древо человека, в подавляющем большинстве состоят из разрозненных фрагментов. Этот факт необходимо подчеркнуть. Так, А. А. Зубов, ссылаясь на Б. Камбела, пишет: «…к шестидесятым годам нашего века было зарегистрировано 105 «новых» видов, из числа которых 63 сразу же были признаны неправомерными в соответствии с законами зоосистематики и номенклатуры, а 38 поставлены под сомнение как «неоправданные» (Зубов 1998: 77). Именно в связи с этим в шестидесятые годы резко усилилась тенденция к упрощению таксономии человеческих предков.

Существует множество гипотез, предполагающих решение проблемы происхождения человека современного вида. Отметим следующие концепции: 1) *Homo sapiens* – непосредственный потомок неандертальца и далее – по нисходящим стадиям – человека прямоходящего *(Homo erectus'a)*, наследующего линию развития австралопитековых; классический неандерталец, родезийский человек, а иногда вместе с ними, часть или все австралопитековые рассматриваются в качестве тупиковых ветвей; 2) *Homo sapiens* развивается по особому пути, ведущему свое начало от прогрессивных неандертальцев: «пренеандертальца» и «пресапиенса» (обстоятельный критический обзор гипотез «пренеандертальца» и «пресапиенса» см.: Рогинский 1969: 104–114); 3) сапиенс, неандерталец, питекантроп – суть разные виды, развивающиеся параллельно с момента дивергенции единого предка.

В целом можно сказать, что в настоящее время в основании всех этих линий развития находятся австралопитековые *(afarensis или africanus)* с непременным присутствием *H. Habilis'*а. К этому виду отнесли и череп «1470», несмотря на то, что последний по ряду признаков, скорее всего, принадлежит *erectus'*о-подобной форме с некоторыми сапиентными чертами. Кстати, у некоторых специалистов реконструкция лицевой части черепа «1470» вызывает большое сомнение. Конечно, можно назвать и другие, не столь популярные гипотезы. Например, Г. П. Гри-

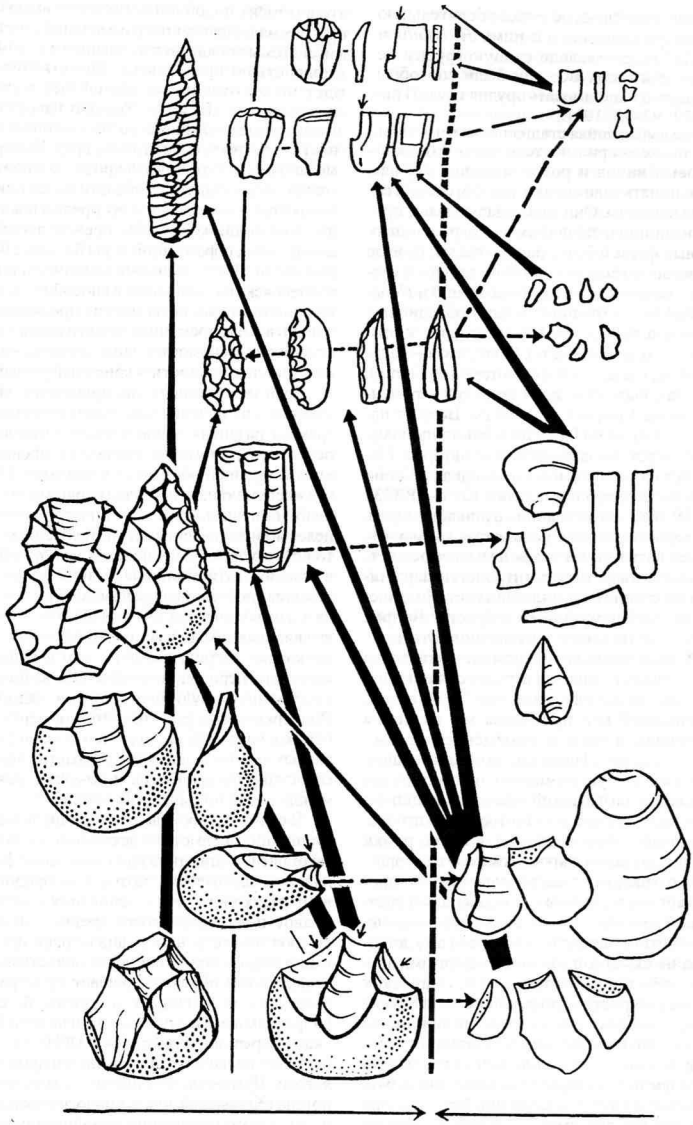


Рис. 1. Вероятная модель развития технологии расщепления камня.

Fig. 1. The possible model of stone-splitting technology.

горьев предлагает свою, не менее убедительную версию: австралопитеки, а с ними *H. habilis* и человек «1470», составляли единую группу, не исключено, один вид. Все они были способны изготавливать и использовать орудия труда (Григорьев 1977: 92–93, 191).

Внешне выраженная стадиальность изменчивости, а также теория постепенного возникновения новых видов и родов мешают, как нам думается, понять взаимосвязь морфогенеза и социогенеза человека. Они только запутывают проблему внезапного появления прогрессивных сапиентных форм в более раннее время. Сейчас большинство антропологов *Homo sapiens* 'а (ископаемого человека современного типа) и *Homo neanderthalensis* 'а (неандертальца) объединяют в один вид, а некоторые присоединяют к ним и *Homo erectus* 'а. Так, скелет *H. erectus* 'а – мальчика тринадцати лет из Нариокотоме III (Кения), по существу, был идентичен скелету современного человека. Его рост – 1 м 60 см. Возраст находки – 1.6 млн. лет. *H. erectus* в Восточной Африке появляется, по данным разных авторов, 1.5–1.8 млн. лет назад. Речь идет о находках в Кооби Фора *erectus* 'о-подобных черепов КНМ-ЕР 3733 и КНМ-ЕР 3883. Естественно возникает вопрос, если *H. sapiens* впервые появляется только 40–50 тыс. лет назад, то тогда так называемое «детство человечества», то есть антропогенез, растягивается по стадиям на миллионы лет. Но существовал ли «ребенок» такого возраста? Вопрос этот, вероятно, не имеет однозначного ответа.

В XX веке высказано огромное количество гипотез о космических масштабах существования и эволюции живого вещества. Этой, скорее всего, философской проблемы мы касаемся исключительно в связи с зарождением человеческого сознания. Известно, что образование внутривидового устойчивого многообразия в пределах так называемой микроэволюции зависит от воли случая и естественного отбора. Естественный отбор заключает в некие рамки случайность мутаций в хромосомах и генах организма. Если говорить о макроэволюции – от простого организма к сложному, с межвидовой скачкообразной изменчивостью, то, следует, видимо, предположить (в определенных пределах) детерминированность жизни космо-планетарными процессами. «Выдвигая гипотезу о космических масштабах распространения живого вещества во Вселенной, мы исходим из того, что принципы бесконечности, неисчерпаемости материи справедливы в отношении включенности жизни и даже разумной ее формы как возможных равноправных компонентов эволюции Вселенной во всеединстве универсума» (Казначеев, Спирин 1991: 27). Это очень важно! Что касается биологической эволюции человека, то, вероятно, на пороге его истории произошел некий информационный всплеск космической жизнеорганизующей активности. При этом (мы допускаем), что в момент подобной активности включилась программа направленного изменения генетической системы вполне подготовленного к этому взаимодействию прачеловека. Естественно, речь идет не об отдельных случайных мутациях наследственности вида. Хорошо известно, что подавляющее большинство этих мутаций причиняет своим носителям только вред. Конкретные механизмы раскрытия «макроэволюционной памяти» пока находятся в области более или менее вероятных гипотез. Можно предположить, что эти изменения коснулись, прежде всего, функциональных образований коры больших полушарий мозга. Потенциальные психические задатки прачеловека развернулись в способность концентрировать внимание на многих предметах, удерживать в долговременной памяти ассоциативные отношения (вспомогательные средства – актуальный вид деятельности – конечный результат).

Если не учитывать (не принимать) гипотезу внешнего включения уже существовавшей программы развития человеческого интеллекта, то остается непонятным внезапное превращение «прямоходящей обезьяны» в человека. Странно, что «недумающая» обезьяна вдруг стала «думающей» и занялась, ни с того, ни с сего, осознанно-целевым изготовлением и употреблением орудий, то есть трудом. Здесь необходимо отметить, что в условиях активизации внимания и памяти естественные посредники превращались в орудия труда с символической функцией. Это – природно выявленная символизация деятельности. Забегая несколько вперед, добавим, что в конце этого короткого периода антропогенеза возникает искусственная орудийная система «ядро-скол». Подчеркнем еще раз, что с этого момента первый человек удерживал в поле внимания, в своих образных представлениях и в памяти, некоторую совокупность предметов и объектов, связанных между собой по смыслу функций.

В связи с непроизвольной символизацией ситуационно-предметной деятельности, необходимо обратить внимание на становление функциональной асимметрии мозга. Как предполагают нейропсихологи, есть основания считать, что правое полушарие мозга древнее, чем левое. Правое ответственно за аналоговое преобразование информации с наглядно-целостными представлениями объектов, решает пространственные задачи, заведует интуицией, связано со зрительными и слуховыми сигналами (Грановская, Березная, Григорьева 1981: 81). Никто не знает насколько правое полушарие древнее левого. Думается, что именно в момент антропогенеза появилась чисто биологическая возможность левого полушария дополнительно преобразовывать информацию дискретно и концептуально, что, видимо, связано в начале с самой примитивной языковой формой общения и, в некоторой степени, наличием элементов логического анализа причин в виде последователь-

ности, сменяемости действий и событий. Хотя понятно, что полушария обрабатывают информацию совместно. Мозг – это целостный орган.

Особое обособление функций левого полушария у современного ребенка идет так или иначе под руководством взрослых людей, прежде всего, семьи, а затем и школы. Отметим, что в начале онтогенеза «...оба полушария близки правому полушарию взрослого человека» (Грановская, Березная, Григорьева 1981: 84). Конечно, здесь осталось много неясных вопросов. Если не побояться некоторой схематизации, то в первой популяции *H. erectus*'а (потенциально способного «ребенка») учителя, имевшие больший, чем у него опыт усвоения культуры, по существу отсутствовали. И «учителя», и «ученики» находились в состоянии «эокультуры». Соответственно, у него не было и особой потребности ни в сложном языке, ни в сложных формах присвоения, ни в производстве продуктов труда, ни в специализированных орудиях. Изначально в примитивном труде и столь же примитивном общении, символизации, создаваемых и изменяемых вещей человек начал осознавать только ограниченные цели. Не исключено и то, что на первых порах оба полушария его мозга имели слабо выраженную типично человеческую асимметрию. Вспомним историю так называемых «маугли», воспитанных в звериной семье. Они не знали никакого языка, у них не было речи и, будучи двуногими существами (*H. sapiens sapiens*), они ходили на четвереньках, как и их «учителя-звери». Они жили вне культурной формы деятельности. Функции левого полушария их мозга не были развиты и, в связи с этим, функции правого, вероятно, также оставались на стадии развития животных, хотя биологически, потенциально, в самом раннем детстве они были подготовлены к усвоению культуры XX столетия. Существует также ряд наблюдений над детьми, находившимися в изоляции по другим причинам. В качестве примера можно привести сведения о девочке, которую отец держал в запертом помещении с полуторагодовалого возраста до 13,5 лет. Развитие ее языково-речевых возможностей находилось на уровне двухлетнего ребенка. Здесь отсутствовала абсолютная изоляция. Такие дети впоследствии в специальных условиях обучения смогли в очень ограниченной степени адаптироваться в нормальной человеческой среде.

Хорошо известно, что животное, включая высокоразвитых антропоидов, не сделало ни одного орудия для изготовления другого и, тем более, орудия для своего партнера. Если же говорить об «орудиях» животных, то очевидно, что они берутся из окружающей природной среды в готовом виде, иногда подправляются. При этом животные для своих искусственно подрабатываемых «орудий» выбирают только тот материал, который поддается непосредственной обработке лапами, зубами или присущими животным химическими веществами. Камень как «орудие», как предмет обработки не находится в сфере их элементарной преобразующе-конструктивной деятельности с помощью других посредников.

Первые орудия труда. По замечанию исследователя каменного века Ф. Борда, наш древнейший предок в верхнем виллафранке в эпоху олдувай понимал, что острый край камня можно «добыть» ударом, как это делается при извлечении ядра ореха. Следуя далее, можно сделать очень важный вывод: достигается бесполезное непосредственно для биологической потребности качество остроты. Первые орудия в деятельности человека закономерно имели случайно-неслучайную остроту рабочей части и довольно неопределенное общее оформление. Такие индустрии встречаются и в более позднее время. Отмечаемые многими авторами грубость и неясность внешнего облика первых орудий несут на себе печать исходной формы материала. Одновременно древнейшие артефакты показывают, что вместо использования вспомогательного предмета, так называемого естественного орудия, в деятельности наших ближайших животных предков возникает внезапный переход к упомянутой выше принципиально новой универсальной орудийной системе с двумя подразделениями «ядра» и «скола», хотя выделенные подразделения морфологически различаются, они нередко функционально переходят друг в друга и часто имеют размытые границы по массе и размерам. Впрочем, с одной стороны, в подразделении «ядра» могут быть орудия грубые и относительно тяжелые, главным образом, с ударной функцией, с другой – в подразделении «скола» – большую часть составляют мелкие орудия с острой режущей кромкой. Это плохо оформленные «скребла», а также скребковидные и резцевидные изделия. С самого начала простейшие орудия: 1) чоппер, чоппинг, проторубило, сфероид, редкие нуклеусы (подразделение «ядра») и 2) потенциально режуще-скобляще-строгающий, а иногда протыкающий отщеп, непроизвольно полученный в результате изготовления чоппера или сознательно отколотый с нуклеуса (подразделение «скола») – образуют тот технический комплекс, с помощью которого можно было изготовить любой предмет из мягких и относительно твердых материалов. Но главное для того времени – открытие принципа расщепления камня с угла, образованного двумя плоскостями. И вот здесь, казалось бы, открывается неограниченный простор для производства любых форм из камня и иных материалов. Смотри нижний ряд орудий на рисунке. Подобное открытие маркирует конец антропогенеза и начальную ступень социогенеза!

Чоппер и острый отщеп, являясь важнейшими звеньями первой производственно-орудийной системы, одновременно оказались орудиями не-

произвольного анализа и синтеза. Следует обратить внимание, что в олдувае и раннем ашеле чопперы, чоппинги и проторубила чаще обрабатываются только с одного края. Особенно это касается галечных орудий. Такая локализация обработки видимо говорит о заранее существовавшем интуитивном образном представлении вещи (?). Некоторые из них, возможно, становятся более или менее постоянными, а типологическое, хотя и весьма ограниченное, разнообразие названных изделий косвенно указывает, что *H. erectus* не просто различал их, но и, различая, как-то называл. Эта система, продолжая естественно возникшую символизацию, стала основой самой примитивной человеческой символизации и аккумуляции предметов в воображении, отражающих, выражающих и порождающих деятельность первых людей. Учитывая палеопсихологические и палеолингвистические гипотезы, наверное, можно утверждать, что благодаря полученной в антропогенезе способности к четкой артикуляции звуков, были рождены ситуационные и предметные имена. При этом следует заметить, что каким бы примитивным не был язык первого человека, он должен был с его помощью различать чоппер, отщеп и другие актуально необходимые предметы, уметь напоминать о них, а также ставить воображаемую цель, планируя определенное разнообразие действий. Осознание назначения работающего края орудия, его активной функции стало необходимостью.

Что же представляли собой первые орудия труда? Известно, что следы износа на каменных орудиях не образуются случайно. Важным фактором является продолжительность рабочих операций. И то, что такие следы оставили наши далекие предки – факт почти фантастический. В материалах олдувайской индустрии Кооби Фора обнаружены каменные отщепы со следами, возникшими в результате срезания тростника, разделки мяса и обработки дерева (см. Keely, Toth 1981). Среди различных отщепов выделены грубые серпы, ножи, пилки, скребки и другие орудия. Орудия с конкретными специфическими функциями, выявленные в олдувае или раннем ашеле, могут быть определены только в условном смысле. Здесь нет пилок, серпов как специально изготовленных для этих целей орудий. Все специфические орудия являются отщепами, употреблявшимися в операциях срезания травы, злаков, или многократного срезания мяса с костей. Это тоже орудия, но не с постоянной функцией. В олдувае и раннем ашеле труд с помощью заранее и специально изготовленных серпов вообще сомнителен. Трасологический и технологический анализы древнейших каменных средств труда, экспериментальное моделирование трудовых процессов позволяют выявить операции, связанные с обработкой определенного материала, а совместно с планиграфическим анализом – организацию труда и содержательную структуру поселения (Filippov, Lubine 1993; Филиппов, Любин 1994). Повторяющиеся следы износа и обработки орудий олдувая и раннего ашеля свидетельствуют против случайности, но определенно высказаться в пользу сложившейся традиционно-устойчивой кооперации между людьми также нельзя, так как в подавляющем большинстве орудия не становились постоянными и часто, после непродолжительного употребления выбрасывались. Не поэтому ли трасологические определения объясняют многие орудия нижнего палеолита как монофункциональные?

Вернемся к вопросу возникновения потенциально неограниченных возможностей производства любых изделий из камня. Почему же тогда на протяжении миллионов лет каменные орудия труда – чопперы, бифасы, различные формы на отщепах, по которым мы как-то можем судить об уровне трудовых действий и интеллекта людей, не развиваются или развиваются не в направлении прогрессивного усложнения? Существует, например, гипотеза о развитии ашельских индустрий с рубилами из олдувайских. Но, в итоге, мы не наблюдаем по следам износа существенных различий между олдувайскими и раннеашельскими орудиями, индустриями. Мнение, что бифасы (проторубила и рубила) – орудия более поздние, чем чопперы и чоппинги, спорно. Эти индустрии (орудия) сосуществуют рядом. В 1994 г. в долине Центрального Аваша Д. Кларком был открыт типичный олдувайский комплекс, имеющий дату в 600 тыс. лет. В противоположность этому ашель (и не ранний) в Восточной Африке имеет нижнюю дату в 1.4 млн. лет. Конечно вопрос: не займет ли *H. erectus* в антропологической таксономии место первого человека остается открытым.

Специализация орудий и их формообразование. По различным причинам орудия труда имеют определенные формы естественной и намеренной искусственной специализации, тогда как сама специализация орудий имеет несколько уровней. Самый простой уровень возникает как бы сам по себе, в процессе износа, в тех или иных рабочих операциях. Существует и еще более узкая специализация: различного рода долота-пробойники, шилья, иглы, провертки, наконечники копий, хотя и здесь не все просто. К примеру, так называемые долота и провёртки иногда можно употреблять в качестве резцов и, наоборот, резцы – в роли долот и провёрток. Наряду с естественно специализированными формами существовали орудия относительно универсальные, точнее специализированные по комплексам функций, которые диктуются довольно сложным перекрещиванием, перекрыванием друг друга конкретных операций в изготовлении вещей, а иногда и сходной кинематикой. К таким орудиям относятся различного рода бифасы, то есть рубила, колуны, пики, а также так называемые ножи, сделанные на от-

щепах, особенно остроконечные, у которых сочетаются лезвие и острие или лезвие, острие и обушок (сюда же можно отнести «скребки» и «резцы» по типологической номенклатуре археологов).

У некоторых нижнепалеолитических изделий из камня: «скребел», «остроконечников», «ножей с обушком» и особенно у временных, ситуационных орудий, осознанно выбираемых из дериватов расщепления камня, выявляется, например, функция мясных ножей с естественной специализацией. Общие, достаточно случайные формы могут сильно различаться, тогда как износ кромок может быть одинаков. С. А. Семенов не раз подчеркивал несовпадение формы орудия и функции, особенно в ашело-мустьерское время. В наибольшей степени это касается начального этапа трудовой деятельности человека. По комплексу функций орудия в различных ситуациях оказываются «направленными». Например, в пункте забоя животных и их свежевания-разделки будут выявлены следы от разрубания, разрезания мягких тканей, работы угловым ножом и дробления костей. В ином месте такие же формы орудий, возможно, могли использоваться для других целей. Кроме того, надо учитывать, что орудия в конкретных рабочих ситуациях всегда имели, помимо основных, массу вспомогательных функций. При некоторых условиях может сохраниться износ только от некоей вспомогательной операции, а наблюдатель легко может принять эти следы в качестве основных. Большой процент определений функций орудий из древнейших памятников вообще маловероятен. Функциональному определению, как правило, кроме некоторых исключений, поддаются только единичные предметы, так как поверхность каменных орудий вместе со следами износа-затупления деформируется во времени под воздействием природных факторов.

Итак, почему орудия разнообразных форм специализируются в одной конкретной операции, и какой-нибудь остроконечник вдруг оказывается «полифункциональным» или, иначе говоря, универсальным? Существует функционально-морфологический закон, связанный с динамикой и стабильностью форм каменных орудий в процессах труда. Он утверждает, что вполне естественно в определенных пределах какая-либо техническая операция может осуществляться различными «орудийными» формами при наличии сходных рабочих участков, и в то же время одна «орудийная» форма позволяет осуществить несколько разных операций. По отношению к приемам обработки различных материалов закон можно перефразировать: в определенных пределах рабочая кромка заданной формы (остроконечной, с протяженным лезвием, с определенным углом заострения) может быть изготовлена различными приемами, в частности, без вторичной обработки или с помощью снятия большого скола, разным ретушированием и т. д.; одним приемом можно изготовить морфологически разные кромки. В олдувае и раннем ашеле функционально-морфологический закон, видимо, действует в ограниченных пределах. Благодаря этому закону проявляется свобода формирования и изменения вещей и, наоборот, не только изменения, но и устойчивости: форма, выработанная в определенной материальной среде, в каких-то пределах может сохраняться, несмотря на изменение этой среды. Изменение и дифференциация функционально-технологических процессов отражаются в функционально-кинематической структуре орудия. Внутри же функционально-кинематической структуры при постепенном износе-заострении орудия активный участок одновременно и изнашивается, и формируется соразмерно изготавливаемым предметам.

Происхождение технической («орудийной») формы можно проследить от изнашивания к предваряющей операцию обработке через подправку-приострение. Таким путем утилизация осознается как форма. Комфортное притупление имеет иные истоки. Камень для работы выбирается в соответствии с элементарным удобством его захвата в руке. Поэтому уже в самых примитивных индустриях существует потенциальная возможность выделения вслед за рабочей рукояточной части орудия в соответствии с удобством захвата, сначала номинально (символически), а затем путем искусственной подправки. Следствием этого закона является также вероятность возникновения разных приемов обработки технически эквивалентных форм. Кстати сказать, лабильность рабочих кромок каменных орудий наблюдается и в верхнем палеолите. Это положение подтверждается нашими опытными данными, которые получены в результате анализа эффективности кромок, изготовленных резцовым скалыванием. Резцевидный элемент мог использоваться в различных технологических операциях (Филиппов 1983). Только в верхнем палеолите отдельно изготовленная рукоятка из дерева или кости как особое приспособление к рабочей части и руке, увеличивая эффективность рабочих операций, в определенной степени сужает универсальные качества орудий. Постепенно возникают различные формы специализации, порождающие разнообразие составных конструкций. Это один из фактов прогрессивной эволюции первобытной техники и технологии. Уже для мустьерского времени выявлены технические способы утончения основания каменных остроконечников. Они превращаются в еще более специализированные ножи и узко специализированные наконечники копий. Не исключено, что в отдельных регионах такие технико-технологические «изобретения» возникли значительно раньше. На изготовлении целостных форм изделий из камня мы остановимся чуть ниже.

Совершенно ясно, что чем дальше мы движемся вглубь веков, исследуя износ каменных орудий, тем беднее наши наблюдения. Мы ограничены очень небольшим спектром материалов, из которых сделаны орудия: различные породы камня, раковины, обожженная глина-керамика, дерево, кость и т. п. Подчеркнем, что связь наших далеких предков с природой была более непосредственной, и, как нам думается, функции древнейших орудий проявлялись, прежде всего, в примитивном естественном универсализме. Таким образом, в основании истории техники находятся неспециализированные орудия труда: камни, сколы с них, палки и кости. Замена понятия «универсальность» «полифункциональностью» запутывает проблему развития первобытной техники и технологии. Здесь при анализе артефакта исходная форма орудия подменяется формой, вышедшей из трудового процесса. «Специализация» – понятие, можно сказать, относительное. Следует отметить и то, что вся орудийная система той или иной популяции палеолитических людей, определенная их образом жизни, была абсолютно универсальной.

Если суммировать наши знания об образе жизни древнейшего человека, то следует констатировать, что *H. erectus* владел огнем, жил в жилищах, обрабатывал шкуры и, видимо, использовал их в качестве одежды, обуви и для покрытия своих землянок и шалашей. Здесь уместно задать вопрос: разве это все не есть составные конструкции? Он также охотился на крупных и средних животных при помощи деревянных рогатин, возможно с костяными наконечниками. Значительное время, видимо, занимали поиск и сбор растительной пищи. Следует отметить, что при этом, несомненно, изготавливались и накапливались орудия из камня и дерева. Правда, они касались весьма узкой сферы практической деятельности. В круговороте простого воспроизводства не было движения времени. И, несмотря на открытие принципа расщепления камня, позволявшего делать самые разнообразные вещи, особенных изменений в каменной технологии вплоть до середины ашеля (0.4–0.25 млн. лет) мы, по-существу, не наблюдаем. Как предполагается, это время окончательного исчезновения подвида *Homo erectus*. Однако это не значит, что в отдельных сообществах людей раннего и среднего ашеля не могла возникать «верхнепалеолитическая каменная техника» и символическая деятельность.

Допускаем, и это общее мнение, что минуло более одного миллиона лет со времени появления популяции первых людей, когда в развитии каменной техники произошел существенный сдвиг. Возникают индустрии с миндалевидными и сердцевидными рубилами, с лимандами, скреблами, скребками, ножами с обушком, проколками и другими изделиями, часто сделанными с мастерством. В это время развивается сложная техника леваллуа. Мы толком не знаем, чем обусловлен этот прогрессивный технико-технологический шаг, хотя и говорим об усложнении социальной жизни. Мы также не знаем, связан ли он с появлением на арене человеческой истории неандертальца. В обработке разных предметов из камня и значительно реже из кости (?) в нижнем палеолите полностью господствовала ударная технология без промежуточного посредника и отжима. И в этом отношении, видимо, не случайна технология «пикетажа» на ранних изображениях в Селлье и Белькэр, которая органически вырастает из предыдущей эпохи. Впрочем, ударная технология обработки камня при помощи каменных, костяных и деревянных отбойников также очень разнообразна.

Что касается кости, то, к примеру, ашельский памятник Терра Амата дал некоторое количество обработанных и использованных костей: это проколка, скребло, а также острие, полученное при помощи оббивки из диафиза слона. Однако и здесь технология не так проста, как кажется на первый взгляд. Залощенный в процессе использования конец острия был предварительно закален на огне.

Древнейшее свидетельство расчленения рога более совершенными приемами представлено находками костей из Сент-Преста (Франция), отнесенных к гюнцу (?), то есть к раннему палеолиту; это более 500 тысяч лет тому назад. Есть и другие примеры: мустьерцы грота Киик-Коба, обрабатывая кость, пользовались приемами не только раскалывания, оббивки, рубки, но и строгания, скобления. Следы строгания обнаружены на изделии, изготовленном из челюсти лошади (или осла). Вдоль утолщенного края видны волнообразные следы, оставленные тонким острым лезвием (Семенов 1957: рис. 85). С. А. Семенов, анализируя характер линейных следов от круговращательного движения по вогнутой плоской части, определил этот предмет как чашеобразное приспособление для растирания краски или пищевых продуктов.

Среди тех фактов, которые мы имеем, сохранность ашельских деревянных изделий явление исключительно редкое. Нам известны несколько случаев: рогатины из Клектон-он-Си, Лорингена и др. Первая была изготовлена при помощи скобления, вторая с четкими гранями заострения – строганием. Это наталкивает на мысль, что изделия из дерева как более податливого для обработки материала в ашело-мустьерское время использовались достаточно широко, хотя остатки, как правило, не сохраняются. Обычные отщепы, скребла, чопперы и другие простейшие орудия из камня были вполне пригодны для обработки этого материала. Обработка кости – процесс более сложный. Воздействие огня на органические материалы человеку этого времени было хорошо известно. Обработанные кости и рога из Чжоу-Коу-Тяня (Китай) позволили

А. Брейлю говорить о достаточно сложной обработке костяного материала на заре человеческой деятельности. Он писал, что рога разбивались на куски ударом, часто предварительно прокаливались огнем на участках расчленения, которые надрубались до губчатой массы заостренным камнем. В Европе подобная технология применялась в Фонтешеваде и гроте Обсерватория в Монако.

Отметим специфическую особенность обработки разного костяного материала. Если трубчатые или плоские кости животных разбивались, как полагают, камнем и по происхождению связаны с дроблением костей при добывании костного мозга, то расчленение рогов, зубов, бивней, не говоря уже о таком материале, как древесина, связано только с техническими целями. Переламывание рога, когда ударяют им о другой, более массивный предмет, не выпуская из рук основного ствола рога, не является копией ударной технологии расщепления камня. Конечно, ударная технология, то есть оббивка костяных предметов каменным отбойником, довольно примитивна. Обработка же кости огнем свидетельствует уже о присутствии в это время специальной для кости и несомненно для дерева технологии. Отметим, что прогресс приемов обработки костяных изделий, так или иначе, связан с совершенствованием каменных орудий. В мустье на Ближнем Востоке совместно с остроконечниками леваллуа, с так называемыми скреблами и другими типично мустьерскими изделиями в большом количестве появляются предметы, изготовленные, можно так сказать, более сложными приемами. Таковы более совершенные резцевидные и скребковидные технические формы.

Резание твердого материала резцом зафиксировано С. А. Семеновым по следам износа в материалах мустьерского местонахождения Рожок I (Праслов, Семенов 1969). Однако резец не изготовлен с помощью резцового скалывания. Это указывает на функциональные возможности обычных отщепов камня. Резцовое скалывание характерно для резцевидных изделий Фонмора (Франция). Они обнаружены в горизонте мустье с ашельской традицией совместно с бифасами. Резцевидные изделия Фонмора изучались Л. Праделем. Он обнаружил на кромках этих орудий следы изнашивания (Pradel 1973: 26–31). В финальном мустье на границе с верхним палеолитом мы находим костяные долота, протонаконечники, полукруглые в сечении палочки, пуансоны. К примеру, костяной пуансон в навесе Шадурн (Франция) лежал на полировальнике, который, по всей вероятности, употреблялся для окончательной отделки острия. Видимо, здесь должна идти речь о первых специально изготавливаемых посредниках для расщепления камня или ретуширования (?). Но это уже финал эпохи и переход к технологии позднего палеолита. В эпоху мустье и несколько раньше, когда морфологический тип человека был представлен так называемыми неандертальцами, возникла техника леваллуа. Рубила (большие бифасы) изготавливаются из уплощенных кусков каменной породы, различных галек и массивных отщепов. И подчеркнем еще раз, появляются первые уверенно идентифицируемые признаки качественной специализации, закрепляется связь орудия с материалом обработки и рукой. Например, возникают рубила с концом в виде острия, долотовидной частью или широким, как у топора, лезвием. Но важно отметить другое, и это очень существенно: появляются целостные формы, в которых оказываются четко противопоставленными заостренные с помощью оббивки краев рабочие элементы разным специально изготовленным обушковым и рукояточным притуплениям. На этом основании мы можем утверждать, что форма, конструкция, технология изготовления вещи четко осознается как целостность, и это следует отметить особо. Впервые наиболее ясно это проявляется в середине ашеля.

В определенном смысле то же самое можно сказать о конструкциях очагов и некоторых особенностях структурного членения внутреннего и внешнего хозяйственно-бытового пространства. Это ограничивающие жилое место стенки из камней и костей, ямки от колышков, вымостки из плит и щебня, особые участки расщепления камня и изготовления орудий, места разделки охотничьей добычи, специально сделанные очаги. Анализ остатков искусственного ограждения и очагов показывает, что человек мог жить почти в любых экологических зонах. Самое раннее употребление огня связано с *H. erectus*. Это стоянка Чесованджа в Кении, датируемая приблизительно 1.5 млн. лет и относящаяся к виллафранку. Стоянка Эскаль во Франции, отнесенная А. Люмлеем к раннему минделю, имеет пять очагов в сопровождении с эпивиллафранкской фауной. Очаги встречены в ашеле Терра Амата – миндель III, в Вертешсолеш. К. Перлес отмечает, что в нижнем палеолите встречается большинство типов очагов: простых, в ямках, окруженных валиком из земли, обложенных камнями, на вымостках, – все они остаются до конца верхнего палеолита. По мнению некоторых авторов, например, К. Перлеса, уже *H. erectus* решил сущность проблемы, которая была связана с устройством очага, то есть с контролем и ограничением огня в зоне обитания, ограждением от ветра и воды, предохранением от влажности земли (Perles 1976). Если это так, то вроде бы исчезает граница между нижним и верхним палеолитом. Что касается каменных орудий, то, начиная со среднего ашеля, технология их изготовления становится удивительно разнообразной не только по количеству функций, но и в плане совершенства самих изделий. Более того, эти орудия, встречаясь с сопротивлением материалов и как бы непосредственно срастаясь с рукой, ока-

зались наиболее ранними концептуальными конструкциями. Именно ощущение пользы хорошо, удобно изготовленных орудий стало главным завоеванием человека ашело-мустьерского времени. Именно в целостности совершенно изготовленных предметов, целостности высокого уровня можно усмотреть как бы две общие абсолютно неразрывные функции изделий человека: одна обращена в сторону преобразования природы, другая – к руке человека, и, самое главное, к его представлениям, чувствам, к его поведению.

Регулярно действующая система ручного труда предполагает не только случайную, ситуационную потребность в орудиях труда и других изделиях, но и воспроизводит потребность в постоянных орудиях с соответствующим осознанием отдаленных конечных целей их применения. Производственная цепочка начинает связывать многие операции разных действий: ведь даже охотничья добыча – всего лишь сырье: мясо необходимо обработать огнем, шкуру превратить в одежду, срубленное дерево – в изделие. На этом уровне нет чистого присвоения природного продукта, если не считать сбора ягод и кореньев, употребляемых в сыром виде. У определенных орудий регулярно возникает функция изготовления орудий (!).

Язык. Чрезвычайно трудно обсуждать проблему стадиально первого языка человека, языка, несомненно выступившего в качестве новой деятельности репрезентации и общения. Без символизации невозможно было думать об отсутствующих в тот или иной момент вещах. К этому надо добавить, что язык как стадиальная система представления, мышления и общения возникает как цельность вместе с переходом деятельности на качественно иной уровень.

Еще в 1820 г. Вильгельм фон Гумбольдт высказал интересную идею о происхождении языка как целостной системы: «Никогда ни один язык не был застигнут в момент становления его форм. <...> Язык не может возникнуть иначе, чем сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно все, благодаря чему он становится единым целым» (Гумбольдт 1984: 308). Не исключено, что на самой ранней стадии развития языка речевые высказывания могли состоять из двух слов разноматериальной природы – звуковой и жестово-мимической. Жест и мимика, видимо, часто обозначали действие, состояние, свойство. И кстати, если обратить внимание на орудийную систему, то она как общая целостная технология и определенная форма репрезентации не могла возникнуть, постепенно и непрерывно эволюционируя от какого-нибудь эмбрионального состояния к своей многообразной сложности (!).

Последние исследования психолингвистов установили, что язык наших представлений и мыслей в качестве так называемой внутренней речи состоит из многоярусного и разнопланового универсального «предметно-схемного кода». Его нижний уровень заполнен следами конкретных образов, ситуаций, связей. На следующем уровне как бы хранится память о типизированных вещах и отношениях, еще выше появляются «понятийные схемы», а на самой вершине находятся абстрактные идеи, например об отвлеченном действии, абсолютном или относительном времени и пространстве. Убедительно доказывается, что вначале универсальный «предметно-схемный код» формируется непосредственно в практике действий до и вне вербального языка. И. Н. Горелов считает, что все намеренно воспроизводимые невербальные формы коммуникации образуют особую систему, занимающую место между первой и второй сигнальными системами. Это «функциональный базис речи» (Горелов 1987: 213). Здесь мы встречаем в элементарном состоянии самые различные невербальные «языковые» следы. Это простейшая означенность звуком, жестом, мимикой; здесь мы наблюдаем статику и динамику различных сигналов, конкретную имитацию и обобщение – все они, по И. Н. Горелову, «готовы к номинации», да и вообще к порождению достаточно развитой вербальной речи. Без «функционального базиса речи» вербальный язык не может существовать. Порождение же невербального языка связано не только с разнообразием практики действий, но также, вероятно, с неким информационным воздействием планетарно-космического характера и изменением чисто биологических потенций мозга.

Можно привести множество моделей возникновения языка и речи. Например, В. В. Бунак выделяет два этапа: первый характерен «изолированными несвязными речениями», второй – членораздельной речью (Бунак 1980: 127–129). В. П. Алексеев, ссылаясь на наблюдения Б. Малиновского над некоторыми языками «первобытных» народов, пишет, что «эти языки часто просты, инкорпорируют жестикуляцию, без которой сообщение непонятно и, следовательно, не передается в темноте, речевое высказывание тесно связано с ситуацией, к которой оно относится» (Алексеев 1984: 223–224). Становление первых форм членораздельной речи В. П. Алексеев относит к ашело-мустьерскому времени.

В последнее время семиотика успешно ставит и разрабатывает проблемы различных знаковых ситуаций в животном мире и человеческом обществе. А. А. Ветров в 1968 г. опубликовал свой взгляд на происхождение языка человека. Так, он утверждает, что первые высказывания нашего прапредка «... обозначали некоторую ситуацию в целом, а не отдельные ее элементы» (Ветров 1968: 226). Речь эволюционирует таким образом: словарный запас расширяется за счет повторения звуков и уже затем выделяется объект действия (происходит номи-

нация – революция в умственном развитии человека). Заканчивается формирование языка и речи выделением действия (Ветров 1968: 227–235).

Б. В. Якушин происхождение членораздельной звуковой речи выводит из факта параллельного существования в поведении наших палеолитических предков действия и связанного с ним озвучивания. Знаковой ведущей системой здесь было действие – пантомима, передающая впечатление о событиях. «По мере редукции пантомимы происходила все большая символизация звучания по отношению к образу объекта, поскольку мотивирующее и связующее звено между ними – действие – исчезало». Так пантомима в конечном итоге «... превратилась в лексическое значение звучащего слова» (Якушин 1985: 133).

Рассказ о событиях, повествование при помощи жестовых символов для ашело-мустьерцев, по нашему мнению, вряд ли был возможен в развитом виде в силу разных причин. Прежде всего, пантомима, как и современная жестовая речь глухонемых, является постфактумом достаточно высокого уровня вербализации языка и речи с расчлененными значениями и развитым синтаксисом. Вряд ли можно назвать пантомимой совокупность мимических выражений и жестов, отражающих элементарное эмоциональное отношение, а также различного рода призывы, просьбы или указания. К тому же мы забываем, что жестовый и вербальный языки абсолютно равны в качестве кодирующих универсальных знаковых систем и абсолютно не равны в естественном становлении человеческого интеллекта. Жестовый язык связывает руки, отвлекает зрение, сковывает или делает невозможными одновременно с общением определенные виды деятельности. Система «деятельность-общение» становится крайне неэффективной. Звуковой же язык, наоборот, раскрепощает деятельность человека, а это один из решающих факторов человеческой эволюции. Кроме того, пантомима не может являться исходной ячейкой в развитии системы «деятельность-общение». Имеются более простые структуры. К примеру, в ашеле человек видел в орудии не только конкретное, непосредственно данное орудие. Мы уже говорили, что существуют признаки типовой системы «ядро-скол», она постоянно повторяется в единой технологии. «Орудие-действие», то есть сам производственный процесс всегда по необходимости сопровождается указаниями, просьбами, и ничто здесь не может заменить звуковой символизации, ибо руки и тело, как правило, оказываются занятыми, непосредственно включенными в ту или иную операцию и не свободны. В этом отношении мы считаем, что звуковые элементы древнейшего языка занимали наиболее активную позицию в функции общения и обобщения.

Основываясь на структуре среднеашельских ископаемых изделий, видимо, можно более определенно говорить и о его языковой реальности. И чтобы понять уровень сложности интеллекта человека этого времени, необходимо кратко остановиться на возможностях его практической деятельности и характеристике его изделий, их форме и качествах, связанных с человеком.

Существует и другая сторона этой усложненной технологической системы, связанная с простейшей кооперацией и отношением внутри нее. Для нас в первую очередь важна гипотеза символизации ближайших целей во взаимном общении индивидуумов. Более конкретно вряд ли что-либо можно сказать. Конечно, «язык», доставшийся нам от наших животных предков (?), в человеческой деятельности приобрел качество сильного анализатора: ашело-мустьерец владел технологическими процессами, разорванными во времени; об этом говорят признаки добычи сырья и поиска отбойников для не совсем стандартной технологии. В определенных ситуациях ашело-мустьерец, несомненно, различал и протяженность ближайшего времени – «сейчас», «до» и ближайшее «после» в качественно более сложной форме, чем это было у наших первопредков. Впрочем, «сейчас», «до» и «после», видимо, было расширенной формой «настоящего». Если принять эту гипотезу, то проблема стадиальной примитивности языка этих людей будет заключаться не в том, что они «не изобрели» частей речи, а, по всей вероятности, в том, что крайне бедные образные представления были ограничены, с одной стороны, простотой человеческой деятельности, ориентированной, в конце концов, на органические потребности, и с другой – негибкой в коммуникации и репрезентации, очень своеобразной формой звуко-жестовой основой высказываний языка. Такой язык должен был характеризоваться большой эмоциональной силой и очень низкой степенью абстрагирования; его информационное поле в общении ограничено, он обобщал бы те типы отношений, которые связаны, как правило, только с целесообразностью операций ручного труда и обслуживания, с непосредственно планирующими, организующими, указательными и повелительными действиями.

И, тем не менее, в середине ашеля, не исключено и ранее, осуществляется прорыв в замкнутой сфере «деятельность – конкретная память». Предметы и ситуации внутри человеческих отношений начинают дифференцироваться по группам и типизироваться в уме, фиксироваться в памяти; «предметно-схемный код» уже состоит из первых двух ярусов: следов конкретных образов, ситуаций, связей и в более слабой степени типизированных и скомплексованных вещей и отношений. Код, несомненно, более прочно, чем прежде связан со второй сигналь-

ной системой, хотя и функционирует на исторически ограниченном уровне развития языковых средств. Об этом недвусмысленно говорит упомянутое выше типологическое разнообразие орудий в кооперативной деятельности и примитивном обмене. Первичные формы символизации, в том числе и язык, находятся в сфере всего разнообразия деятельности ашело-мустьерцев, и здесь, конечно, существует проблема осознанной коммуникации и подсознательно воздействующих семиотических комплексов.

Исходя из вышеприведенных мотивов и основываясь на различных классификациях, можно предположить некоторые из знаково-символических средств, существовавшие, по нашему мнению, в ашело-мустьерское время. Это, прежде всего, естественный язык; о его свойствах отражать и обобщать действительность мы уже говорили. В какой-то элементарной форме мог существовать специализированный жестовый язык охотников; он, собственно, являлся как бы частью естественной речи, временно выделяясь из нее в процессе охоты. В это же время могли выделяться в качестве самостоятельных условные системы обозначений, меток, указаний или напоминаний, когда непосредственный контакт с адресатом отсутствовал. Наряду с этим в знаковую ситуацию могли немотивированно вводиться натуральные предметы, например часть вместо целого или целый предмет, замещающий другой. Этот список можно уточнять, но он должен быть основан не только на здравом смысле, логике или каких-то умозрительных постулатах, но и на данных археологии.

Натуральный и условно-знаковый символизм. В настоящее время А. Д. Столяр, уделяющий огромное внимание так называемому натуральному символизму, представленному главным образом комплексами медвежьих костей в каменных ящиках или просто в укромных местах некоторых пещер, собрал наиболее полный по этому вопросу материал (Столяр 1985: 140–149).

Считается, что в древности выделение или захоронение головы и лап медведя входило в определенный магический ритуал. Все это подкрепляется ссылкой на большинство исследователей палеолита, которые придерживаются подобных же взглядов. И все же достоверность этих пещерных «хранилищ» оспаривается, причем очень авторитетными учеными, например П. П. Ефименко, Ф. Коби, А. Леруа-Гураном, частично А. Брейлем, Р. Лантье и др. Настораживает отсутствие хорошо выраженного археологического материала. Таких спорных вопросов в археологии много, однако, с течением времени накапливаются и подтверждаются все новые и новые факты использования медвежьих черепов в качестве символов. Сейчас, действительно, мало кто спорит об определенной части находок этих черепов и других частей медвежьих скелетов как имеющих отношение к человеческой деятельности. Если мы обратимся к верхнему палеолиту Европы, то справедливости ради надо сказать, что своеобразный «культ» медвежьих черепов (или медведя) определенно существовал. Так, в пещере Шовэ в одном из больших залов на крупном каменном блоке обнаружен череп медведя. Естественным образом на этом месте он оказаться не мог. Факт же их символического значения в проблеме происхождения фигуративной условности пока не доказан, требует еще обсуждения, дополнительных свидетельств и осторожного подхода.

Погребения мустьерского человека, несомненно, являлись частью «социально-практических знаковых систем» (Поляков 1983: 13). Стоит вспомнить захоронение в Тешик-Таш (Средняя Азия), где захоронение умершего ребенка было окружено рогами горного козла. Правда, Х. Мовиус высказал сомнение относительно связи погребения с находящимися рядом рогами козла (Movius 1953: 25). Тем не менее, Тешик-Таш не выпадает из комплекса других артефактов эпохи. В мустьерских слоях стоянки Ля Ферраси (Франция) в 1909 г. в нижней части слоя был обнаружен анатомически ненарушенный скелет мужчины 40–45 лет. Коричнево-красноватая земля вокруг погребения отличалась от желтого цвета слоя жилища. Три камня (стороны у них примерно 20 см) были помещены по одному на уровне рук и на черепе (функциональный аналог связыванию покойника?). В коричнево-красной земле оказалось некоторое число костяных отщепов. На одном были тонкие, преднамеренно сделанные зарубки. Впрочем, связь этих отщепов со скелетом не очевидная. Труп был помещен у стены прямо на поверхности, без специально вырытой ямы. В 1921 г. на этой же стоянке Д. Пейрони и Л. Капитан обнаружили захоронение трехлетнего ребенка. Его череп без нижней челюсти находился в стороне от скелета. Это бесспорное погребение было перекрыто известняковой плитой с маленькими ямками. В Италии в 1939 году А. С. Бланк в гроте Гаттари обнаружил на каменном блоке череп среди ряда окружавших его по овалу камней. Предполагается, что над скелетом производились какие-то действия, так как отверстие в основании черепа было преднамеренно расширено. «Погребение» черепа датировано между 130 и 70 тысячами лет.

Одной из самых интересных находок в Шанидар (Ираке) является захоронение одного из мужчин (50 тысяч лет тому назад): тело было положено в могилу на ложе из цветов, которые были собраны для обряда погребения между концом мая и началом июля. Из них определены восемь видов. Большинство их употребляется ныне с медицинскими целями. А что означает обнаруженная в некоторых погребениях этого времени красная охра? Ритуал окрашивания дна могилы и самого покойника оказывается очень распространенным в последующие эпохи.

Забота об умершем в настоящем с мыслью о будущем была присуща ашело-мустьерцам. Более того, внешнее сходство человека с каким-либо живым (речь идет о похожести фигур или сходстве поведения), видимо, в какой-то мере позволяло отождествлять их друг с другом. Этим было бы можно объяснить странное захоронение медведя в Регурду. Грот располагался на краю дороги в 300 м к востоку от Ляско на холме левого берега р. Везер. На данном местонахождении, состоящем из ям и каменных ящиков с медвежьими костями курганообразных структур, было обнаружено упомянутое погребение бурого медведя с полным скелетом; кости располагались не совсем в анатомическом порядке. Погребение перекрывала плита весом около 850 кг. Ф. Бонифей, проводивший исследование памятника Регурду, утверждает, что погребение медведя древнее находящегося в одном метре от него погребения человека. На местонахождении существуют и другие скопления костей медведя, в том числе и полные скелеты. Все эти остатки с культурным слоем не связаны (Bonifay 1965: 136–140). Однако, как пишет Ф. Мэй, раскопки произведены не специалистами, поэтому остается много вопросов (May 1986: 15). Видимо, надо также отметить явные трудности реконструкции медвежьих погребений в Регурду, если предположить, что они возникли без участия людей. Скелет человека без строгой анатомической связи, а также без черепа находился на ложе из плоских камней и был перекрыт другими блоками, валунами, гальками, песком и пеплом очагов. Среди блоков обнаружены нуклеусы, отщепы, скребла типа Ля Кина, кости медведя и рога благородного оленя. Погребения человека в эту эпоху представляют собой, прежде всего, ненамеренно возникающие социально-практические знаковые системы. Здесь захоронения одиночные, парные, скорченные, на том или другом боку или на животе, с сопровождающими предметами или без них; есть погребения в условном смысле, то есть умерший был оставлен на поверхности земли, но есть и в специально вырытых могилах, отдельно существуют погребения черепов (Смирнов 1985: 19–24; 1987: 66–69). Таким образом, от ашело-мустьерского времени остались следы натуральной символической деятельности.

Первые проявления условной символизации схематических образов, примитивных макетов вряд ли рождаются и трансформируются в «натуральном творчестве». Условность имеет основания в возникновении генерализации образов в умственной деятельности: видимый образ в представлении становится схемой. Вероятно уже давно переработка человеком информации, идущей от наблюдаемых объектов, связана как с «порогом» восприятия, так и памятью в использовании представлений, когда детали через некоторое время оказываются в значительной степени стертыми. Но нужен был новый уровень расчленения деятельности, чтобы возникла потребность в условных знаках и фигуративных символах. Это, как мы предполагаем, произошло не позже середины ашеля.

Способность ашело-мустьерцев к обобщению и оперированию примитивными знаково-символическими формами подтверждается археологическими находками. Примерно 250–300 тысяч лет назад ашельский человек уже обращал внимание своих сородичей на что-то с помощью прочерченных и расположенных по-особому линий. Такова гравировка на ребре быка из ашельского слоя Пеш-дель-Азе во Франции. На его плоской стороне намеренно нанесены линии с элементом в виде неправильного зигзага. Технологический анализ этих знаков, сделанный А. Маршаком, подтвердил их достоверность. Изображение было выполнено как серия последовательных гирляндообразных двойных дуг, расположенных в направлении от одного конца ребра к другому. На рисунке хорошо видно, что дуги проведены отдельными соединяющимися друг с другом более или менее прямыми отрезками, что в точности соответствует нашим опытам и технологии простейшего гравирования в верхнем палеолите. Они сделаны хотя и неумело, но технологическое сходство с верхнепалеолитическими начертаниями несомненно. А. Маршак интерпретирует этот зигзаг как символ воды – орудие шаманистского ритуала (Marshack 1976: 140).

В мустьерское время количество находок с упорядоченными начертаниями или в виде объемных неутилитарных предметов увеличивается. Особый интерес представляет овальная «чуринга» из пещеры Тата, обнаруженная в слое мустье (50 тысяч лет назад). Это обработанная человеком большая пластина из зуба мамонта. Тщательный осмотр предмета под микроскопом, осуществленный А. Маршаком показал, что края «чуринги» закруглены и следы скобления идут по периметру, поверхность сторон сильно заглажена (Marshack 1976). В Италии в мустьерских слоях Рипаро Таглиент близ города Вероны много костей с непроизвольными техническими царапинами. Но наряду с этим имеются два или три костяных фрагмента с намеренно сделанными нарезками. Один из них – костяной обломок, кажется, с бесспорными, достаточно глубокими прямыми надрезами. Он найден в мустьерском слое с зубчатой каменной индустрией в гроте Сан-Бернардино в горах Беричи. На обоих предметах прямые нарезки образуют четко организованные геометрические пересечения. Много более удивительно свидетельство Е. Борзатти, фон-Левенстерна и Д. Магальди. В мустьерском горизонте (слой «С» грота Дель Альто) обнаружена галька, на которой предполагается процарапанная фигура зооморфа, возможно слона. Любопытно сообщение П. Леонарди. Он пишет, что А. Пальма ди Чес-

нола передатировал мустьерский слой с упомянутой галькой на позднеашельское время (Leonardi 1988: 140). Если этот факт подтвердится, то средиземноморская провинция, возможно с ранним *Homo Sapiens Sapiens'ом,* займет исключительное место. Вообще, это не противоречит нашей концепции о довольно раннем искусстве фигуративных изображений.

Мустьерские знаки обнаружены и в других районах Европы. К ним относятся упоминавшиеся нами изделия из кости с большой серией параллельных или V-образных нарезок из гротов Ферраси и Эрмитаж (Франция), а также зигзаг из Бачо-Киро (Болгария) (Marshack 1976). Во всех этих изделиях бросается в глаза отсутствие утилитарности. Кажется, ясно, что собственная природа представленных условностей не имеет никакого отношения к обозначаемому предмету или явлению. Впрочем, может быть прав А. Маршак, интерпретирующий ашельскую гравюру из Пеш-дель-Азе как схематическое изображение воды. И, тем не менее, в подобных гравюрах-знаках, объемных предметах-знаках выступает абстракция – впервые условно зафиксированная абстракция человеческого ума. В дошедших до нас условных знаках мы, в первую очередь, видим «стимулы-средства» мыслительной деятельности, средства фиксации – укрепления общих представлений в процессе коммуникации людей. «Первоначально стимулы-средства, с помощью которых человек организует свое запоминание, – пишет А. Н. Леонтьев, – весьма несовершенны. Обычно это простейшие вещественные знаки или недифференцированные зарубки, примитивные бирки, или даже части собственного тела» (Леонтьев 1965: 430). Впрочем, это не только стимулы-средства интеллектуальных действий, но и знаки-имена социальной атрибуции.

Несомненным фактом является то, что большинство условных знаков, выполненных в твердом материале, кажется принадлежат в основном к концу эпохи мустье и по своей сущности смыкаются с началом верхнего палеолита; во Франции – с шательперроном и ориньяком, в Центральной Европе – первенство принадлежит селету и также ориньяку; в Восточной Европе – то же положение занимают местные «мустероидные» культуры и сосуществующие с ними ранние пластинчатые технические формации. Если принять во внимание случай из грота Дель Альто, то ашело-мустьерское время дает нам факт существования фигуративной символики, а это существенно уточняет наши представления об интеллекте ашело-мустьерского человека.

Символизация мастерства. Если говорить об эстетической деятельности как в какой-то степени осознанной у первочеловека, как об отношении, то мы ее в качестве намеренно сделанной материальной «записи» не знаем. Известно, что антропоидные обезьяны способны «украшать» себя различными предметами (Дембровский 1963: 113); правда, подобная деятельнос относится, скорее, к игровой, развлекательно И хотя в этой деятельности уже четко прису ствует «отношение» к реакции окружающи назвать ее эстетической мы пока затрудняемс ибо в ней нет заботы о целостности, совершен ство и, видимо, нет никакой символизаци Однако целостность в окружающем мире или на рушение ее животные ощущают. Это ощущени целостности у них врожденное, ибо это есть тр бование самой жизни.

Разумеется, наш предок в виллафранке бы человеком, но о его эстетических переживания мы можем только высказать более или мене правдоподобные гипотезы. Потенциальная спо собность человека воспринимать информаци о целостности высокого уровня того или иног явления дана творчески активной природой из начально. Конечно, у первого человека эстети ческая рефлексия очень примитивна, и тем н менее, она не только неосознаваемая реакция, н и отношение, переживание, эмоциональная оцен ка, которая всегда в какой-то форме осознан и социализирована. Сознательное восприятие оп ределенного совершенства формы всегда начи нает осуществляться в продуктивном «труде-об щении», в сравнении изделий неумело сделан ных, неудачных и изделий удобных, оптимальн эффективных. Повторим очень важный тезис. В отдельных сообществах людей раннего и средн него ашеля вполне возможны развитые техник и символика.

Различные изменения и дифференциация технологических процессов отражается в функционально-кинематической структуре орудия, в его форме. Например, у любого орудия при постепенном износе – заострении, когда активный участок одновременно изнашивается и формируется, происходит своеобразное выравнивание такого участка. Форма кромки, выемки или острия подвергается естественной специализации, но одновременно она становится симметричной и соразмерной изготавливаемым предметам. Указанные кромки, выемки, острия в процессе употребления достигают оптимальной формы, а затем притупляются, в связи с чем возникает потребность подправки. Однако оптимальная форма наиболее совершенна и не может не замечаться; как следствие работы орудием с подобной кромкой, несомненно, должно появиться чувство удовлетворения и, видимо, удовольствия. В этом смысле психологическая реакция человека первобытности и современности абсолютно сходятся. Такие кромки мы, видимо, можем выделить уже в виллафранке. Более высокий уровень целостности можно наблюдать в чопперах и проторубилах, у которых естественная рукояточная часть в виде округлой галечной поверхности (если орудие сделано из галек) выбирается в целях удобства. И в этом случае, как нам кажется, возможно предположение о существо-

вании эстетических реакций — оценок по отношению к своим изделиям, в которых проявлялись объективные функциональные, конструктивные и эргономические свойства оптимальные для своего времени. Следует еще раз подчеркнуть, что в данном случае информационная природа изделий проявляется в упомянутой нами системе «деятельность-общение» и имеет индивидуально-коллективный характер. Техника же в нашем анализе выступает как фактический материал, доступный через раскопки археологов.

Несколько проще обстоит дело со следами материализации эстетического отношения в ашело-мустьерское время. Это касается не только сознательно сделанных предметов, например каменных орудий труда, но и различных намеренно изготовленных условных знаков, материальных свидетелей наглядной символической деятельности. Примерно с середины ашеля мы наблюдаем в формообразовании изделий существенный прогресс. Изделия с двусторонней обработкой – так называемые рубила и остроконечники – очень часто бывают грубой общей формы с неровными краями и плохо выраженными рукояточными частями. В то же время наряду с этими грубыми орудиями существовали аналогичные универсальные по функциям орудия, качество обработки и форма которых разительно отличались своим совершенством. Они были «лучшими в своем роде» – симметричны по форме, с тонкими оретушированными ровными лезвиями. Их стороны имели предельное уплощение без грубых заломов-заусениц. Острие, лезвие, искусственно изготовленная рукояточная часть обладали не только конструктивной ясностью, но и соразмерностью между собой и по отношению к руке. Такая форма становилась говорящим «предметом-знаком», «предметом-образом», «предметом-понятием». Она отражала то, для чего орудие предназначено, как использовалось, и какое мастерство было нужно для его изготовления. Подобные орудия-идеализации, входящие в социально-практические системы знаков, становились не только средством обработки тех или иных материалов, но и, в основном на бессознательном уровне, своеобразным средством общения, в том числе и эмоционального. Ведь это были изделия лучшие в своем роде, то есть предметы-образы многочисленных конкретных орудий. Об элементах эстетического отношения в нижнем и среднем палеолите в свое время не раз упоминали А. Брейль, Л. Нужье, А. Люмлей и другие. Они имели в виду, прежде всего, прекрасные ашельские миндалевидные рубила, но наряду с этим отмечали и удивительно правильные сфероиды из Олдувая (Leonardi 1988: 140).

Действительно, в ашеле у бифасов (подразделение «ядра»), а затем и у ножевидных изделий (подразделение «сколов») появляются целеосознанно сделанные в первом случае рукояточные, во втором – обушковые притупления. В конце ашеля и в мустье с ашельской традицией эти формы, достигшие высокой степени совершенства, стали многочисленными. Достаточно четким примером такой формы орудия, сделанного из крупного отщепа, может служить односторонне обработанный симметричный остроконечник домустьерского времени из местонахождения Михайловское. Размеры его значительно меньше заготовки, которая не совпадала с осью изделия от так называемого отбивного бугорка к острию. Это указывает на определенный, достаточно большой объем работы по оформлению предмета. Обращает на себя внимание то, что размеры и форма отщепа никак не отвечали представлению о вещи в целом. Человеку пришлось изготавливать ее целиком в процессе интенсивной обработки. Он, как скульптор, воплощал в камне свою идею, убирая лишнее с особой тщательностью, и нужно было высокое по тому времени мастерство (это доказывается экспериментом), чтобы подчинить себе материал. Именно так появлялись четкие признаки возникновения целесообразной формы единого целостного назначения. Подчеркиваем, что эти признаки функционально обусловлены, однако и мастерство изготовления как бы само по себе имело здесь уже существенное значение (Филиппов 1969: 105). Высокое совершенство некоторых изделий выходит далеко за пределы технических требований к качеству их обработки для выполнения определенных функций.

Нижний предел качества обработки может быть установлен опытным путем. Он колеблется в зависимости от силы направленного движения орудия и сопротивления материала: чем меньше движущая сила орудия и чем больше сопротивление материала объекта воздействия, тем технически совершеннее должно быть это орудие. В данном случае функционально-техническая способность материала и формы выполнять ту или иную работу характеризует тот предел, ниже которого качество соответствующей обработки не может опуститься. Копье, которое бросают в цель, должно обладать не только аэродинамическими свойствами, но и другими, например, при проникновении в тело дичи. Чем дальше цель, тем слабее сила удара: наконечник копья должен быть прямым, гладким и острым. Сама функция ведет мастера к изготовлению качественных изделий. Кстати, в мустьерское время появляются очень совершенные остроконечники с утончением основания, которые, как считается, свидетельствуют о метательном оружии и его составной конструкции.

И, тем не менее, мы встречаемся с очень большим разбросом – от грубых форм до форм, изготовленных искусно, причем наблюдаются предметы однотипные с близкими или одинаковыми функциями. Мы не сомневаемся, что совершенная умелая обработка каменных изделий

очень ценилась. И когда С. Н. Замятнин пишет об одном из тщательно обработанных остроконечников Сталинградской стоянки (Сухая Мечетка), что наконечник при завершении был разбит, «причем два обломка упали тут же и остались в окружении осколков, полученных в процессе изготовления, нижний же конец орудия человек в досаде отбросил в сторону» (Замятнин 1961: 19), подобная эмоциональная ситуация нам представляется убедительной: археологи обнаружили нижнюю часть остроконечника в трех метрах от других фрагментов. На возникновение требований к мастерству обработки указывает появление костяных, а также, по предположению исследователей, деревянных отбойников. Об этом же свидетельствуют многочисленные костяные отжимники и ретушеры.

Что касается условных знаков, выполненных в твердом материале и как бы отторгнутых от человека, то эмоциональная оценка их совершенства проходила по тем же законам возникновения и сравнения эталонов, лучших в своем роде образцов, закодированных в мозгу человека. Включение условных знаков в сферу эстетического отношения – процесс естественный и в целом не зависящий от воли. В насеченных или врезанных линиях на фрагменте кости из пещеры Эрмитаж мы наблюдаем некий повторяющийся элемент. По-видимому, главным содержанием материализации в этих знаках была временная последовательность их некоторого количества (что конкретно стоит за этими повторяющимися нарезками, мы не знаем). Можно допустить, что воплощение этого содержания в соответствующей форме вовсе и не предполагало строгого порядка в размещении однородных знаков: одинаковости размеров и интервалов, точной графической согласованности в направлении линий и т. д. Возможностью последовательного прочтения могла исчерпываться их утилитарная функция. Однако эти признаки несут в себе более широкую и более глубокую информацию. В частности, они сигнализируют о существовании порядка и единства. В изделии из Ля Ферраси еще больше выявляется формальная сторона: как изобразить. Здесь также прослеживается интерес к целостности, мастерству, к несущему в себе эстетическое содержание, не касающееся семантики самих знаков. Этот своеобразный «формализм» как качество гармонизации не мог бы появиться без «осознания» в рабочих процессах, в деятельности всевозможных ритмов, расположения и чередования сколов на ядрищах и фасеток на орудиях, практического осознания оптимальных форм, симметрии, целесообразности более тщательной обработки. Мустьерские условные обозначения (знаки), таким образом, были включены человеком в сферу элементарного эстетического отношения к действительности.

Подчеркнутая организованность формы знаков со стороны ритма, симметрии, обработки поверхности выступает также в качестве эмоциональной оценки общественного веса означаемого. Мустьерские подвески, наверное, существовали в виде ожерелья: у них одинаковые отверстия (примерно 2 мм), и они обнаружены в значительном количестве, например, в Ля Кина. В свою очередь, наличие ожерелья предполагает визуальное членение человеческого тела по вертикали и композиционное выделение части, связанной, по всей вероятности, с содержательно-смысловой ролью самого ожерелья. В этом мы видим проявление внимания к самому человеку, который становится непосредственным объектом символизации. Но это уже переход к верхнему палеолиту с богатством его гармонично организованной символики.

Рождение мифологии, а также ограниченность интеллекта человека указанного времени относительны. Естественно, здесь существуют определенные универсалии. В той языковой реальности, которую мы охарактеризовали, искусственный мир вещей в некоторой степени уже мог представляться самодействующим в виде реальности анимативной. Во всяком случае, в конце мустье можно предполагать существование у человека неких догадок – образных «представлений порождения»: вещь порождает вещь. Думается, человек не считал вещи живыми, но он вообще не понимал живого как качественно отличного от неорганических предметов. Может быть это произошло значительно раньше (?). Общие признаки представлений «порождения» связаны с мыслительными комплексами, которые у нас совсем иные и которые в наших понятиях трудно определить. Не исключено, что эта смутная «идея порождения» была первым подобием общего представления, в котором возникала неясно осознаваемая бинарная оппозиция активно действующего и рождающего; отсюда – качество мужского и женского легко впоследствии переносится на предметный мир. Может быть, «представление порождения», если оно действительно существовало в это время, и было протоформой первого мифа.

В это же время, видимо, возникает комплекс таких же догадок – представлений некоего инобытия. Некоторые неандертальские достаточно хорошо раскопанные захоронения, кажется, свидетельствуют именно об этом. В структуре деятельности человека в конце эпохи происходят существенные изменения. Что касается эстетического отношения, то информация высокого уровня целостности поступала к человеку не только из природного окружения или от совершенных изделий, но и от естественного языка, который также подчинялся, как мы думаем, законам существования и развития целостных систем. С одной стороны, совершенство орудия теснейшим образом связано с функцией, с другой – человек, безусловно, ощущал совершенство и стремился к нему «сознательно». Формальная

сторона дела, с нашей точки зрения, ощущалась им, оценивалась, и, видимо, совершенство он мог уже бескорыстно созерцать. Он мог любоваться вещью как приятной, ласкающей взор «игрушкой», хотя она и была очень коротко привязана к непосредственной утилитарной практике. Ашело-мустьерец никогда специально и осознанно не создавал знаково-символических вещей. Он делал вещи для практических нужд, а символическая функция: речь, потребность представить и сообщить, а также иметь для этого средства – родилась благодаря биологическим потенциям интеллекта вполне естественно в утилитарной сфере деятельности.

Заключение. Сформулируем некоторые выводы. Начальные процессы символизации у прачеловека, а точнее появление потенциальных способностей к символизации, целиком зависели от возможности удерживать в поле внимания и долговременной памяти совокупность функционально разных, но связанных между собой предметов, и – от их языкового «расчленения». Природа языка (жестово-мимического, звукового, тактильного) в действительности нам, конечно, неизвестна. Но поиск каменного сырья, иногда за десятки километров, изготовление некоторых орудий «не на один день», использование их для производства других орудий, то есть некие отдаленные цели могли быть удержаны в памяти при языковом расчленении близкого человеку реального континуума, и определенное разнообразие олдувайских и ранне-ашельских орудий существовало. О довербальном мышлении мы ничего не знаем. Первый этап символизации, отражающийся, прежде всего, в несколько неумело сделанных чопперах, чоппингах, проторубилах, кливерах, продолжался до середины ашеля. На втором этапе, длившемся до верхнего палеолита, у человека проявилось достаточно сложное отношение к своим совершенным изделиям. Тем не менее, пожалуй, самым главным является наличие знаков-символов, дошедших до нас в камне. В мустье возникают погребения с различного рода символикой, появляются символы-украшения в виде ожерелий, проявляется внимание к значению собственно человека. Третий этап начинается с верхнего палеолита, а в некоторых регионах, по-видимому, значительно ранее ста тысяч лет тому назад.

Что касается эстетического отношения, то оно существует у человека изначально, как в информационном поле, так и в конкретной системе «деятельность-общение», существует как эмоционально-оценочные бескорыстные реакции на различного рода целостности высокого уровня. Заметим, что бескорыстие не означает отсутствие понимания пользы различного рода символов, знаков и изображений. Упомянутые целостности мы рассматриваем конкретно-исторически: ими могли быть орудия труда, средства организующей мыслительной деятельности, а также природные явления, вовлеченные прямо или косвенно в человеческую практику как целостности, отвечающие актуальным потребностям в ощущении гармонии. И мы, наверное, будем недалеки от истины, если предположим, что первые эстетические реакции человека часто совпадали с реакциями на неожиданно положительную информацию через целостную форму, обращенную к зрению и слуху. Наряду с этим видимо, возникала самостоятельная психологическая установка на эстетическое восприятие формы. Здесь следует отметить, что спонтанная простейшая реакция на природные целостности вообще присуща живой природе.

Разумеется, у нас нет желания преувеличивать имеющиеся факты. Простота и даже эмбриональность эстетического отношения в эпоху рождения первых человеческих коллективов заставляют нас предполагать существование особого этапа в развитии чувства меры в узкой ограниченной сфере примитивно-социализированных отношений. Впрочем, существует и иная точка зрения. Возникновение эстетического отношения переносится на значительно более позднее время.

На первый взгляд при переходе к верхнему палеолиту ничего не происходит: в мустье мы встречаемся с долговременными жилищами, и никого уже кроме некоторых скептиков не удивляют ни мустьерская технология обработки каменных предметов, достигающая на некоторых стоянках филигранного совершенства, ни вымостки, ни окраска слоя охрой, ни погребения. Да, в верхнем палеолите все это возрастает вроде бы только количественно. Эта точка зрения, отражающая бурное накопление неординарных фактов в олдувае, ашеле и мустье, рождена в археологии. У нее много сторонников, но она, как нам кажется, не отражает истины в целом. Впрочем, нетрудно заметить в переходе к верхнему палеолиту разительные качественные изменения и, прежде всего, мощное проявление наглядной условно-абстрактной и условно-фигуративной деятельности в твердом материале. Здесь много неясного. Изобразительная деятельность, в том числе и искусство, связывается и с жилищами, и с орудиями труда, и с человеком, и с так называемыми святилищами, однако, важнейшим условием развития фигуративной символики явился переход к полнокровному вербально-описательному языку и развитой мифологии.

Алексеев, В. П. 1984. Становление человечества. Москва. Политическая литература.
Бунак, В. В. 1980. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. Москва. Наука.
Ветров, А. А. 1968. Семиотика и ее основные проблемы. Москва.
Горелов, И. Н. 1987. Разговор с компьютером. Психолингвистический аспект проблемы. Москва. Наука.
Грановская, Р. М., И. Я. Березная, А. Н. Григорьева. 1981. Восприятие и признаки формы. Москва. Наука.
Григорьев, Г. П. 1977. Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки // Палеолит мира 1. Москва: Наука.
Гумбольдт, В. 1984. Избранные труды по языкознанию. Москва. Прогресс.
Дембровский, Я. 1953. Психология обезьян. Москва. Иностранная литература.
Замятнин, С. Н. 1961. Сталинградская палеолитическая стоянка // Краткие сообщения Института археологии 82: 5–36.
Зубов, А. А. 1998. Естественная история древнего человечества // Природа 1: 76–87.
Казначеев В. П., Е. А. Спирин. 1991. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск. Наука.
Леонтьев, А. Н. 1965. Проблемы развития психики. Москва: Мысль.
Поляков, И. В. 1983. Знаковые системы в социальном взаимодействии и познании. Новосибирск. Наука, Сибирское отделение.
Праслов, Н. Д., С. А. Семенов. 1969. О функциях мустьерских кремневых орудий из стоянок Приазовья // Краткие сообщения Института археологии 117: 13–21. Москва. Издательство Высшая школа.
Рогинский, Я. Я. 1969. Проблемы антропологии. 104–114.
*Семенов, С. А.*1957. Первобытная техника. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
1958. О каменных орудиях австралопитека // Советская археология 3: 244–246.
1959. Значение труда для развития интеллекта в антропогенезе // Советская антропология 3/2: 31–49.
1975. Об олдувайских гоминидах // Вопросы антропологии 49: 3–14.
Смирнов, Ю. А. 1985. Мустьерские погребения. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
1987. Культ черепа и нижней челюсти в раннем палеолите // Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов: 66–69. Москва.
Столяр, А. Д. 1985. Происхождение изобразительного искусства. Москва. Искусство.
Филиппов, А. К. 1969. О возникновении эстетического отношения и первых условных средств изображений в палеолите // Вопросы антропологии 31: 99–112.
1983. Проблемы технического формообразования орудий труда // Технология производства в эпоху палеолита: 9–71. Ленинград: Наука.
1997. Происхождение изобразительного искусства // Археологические изыскания 51. Санкт-Петербург.
Филиппов, А. К., В. П. Любин. 1994. Костяные ретушеры из мустьерского слоя и пространственное размещение культурных остатков // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе: 142–147. Майкоп: Меоты.
Якушин, Б. В. 1985. Гипотезы о происхождении языка. Москва.
Bonifay, F. 1965. Un ensemble retuel mousterien a la grotte Regourdou (Montignac, Dordogne) // Atti del VI congresso Internazionale delle scienze Preistoriche e Protoistoriche II/I–IV.
Filippov, A. K., V. P. Lubine. 1993. La grotte de Barakaevskaia (Caucase du nord): les retouchoirs osseux et la planigraphie des vestiges culturels // L'Anthropologie 97/1: 139–150. Paris.
Keeley, L. Y., N. Toth. 1981. Microwear polishes on early stone tools form.
Koobi-Fora. 1981. Kenya // Nature 293: 464–465.
Leonardi, P. 1988. Art paleolithique mobilier et parietal en Italie // L'Anthropologie 92/1. Paris.
Lumley, H. 1966. Les fouilles de Terra Amata a Nice // Bulletin de la Société Prehistorique Française 13.
Marshack, A. 1976. Implications of the Paleolitic Simbolic Evidence for the Origin of Language // Current Anthropology 17/2: 136–145.
May, F. 1986. Les sepultures prehistoriques. Paris.
Movius, H. L. 1953. The Mousterien cave of Teshik-Tash // American School of Prehistoric Research 17. Cambridge, Mass.
*Pradel, L.*1973. Stigmates d'accommodation et d'usages sur les burins mousteriens de Fontmaure // Bulletin de la Société Prehistorique Française 79/1.

ROLE OF TOOLS AND SYMBOLIC MEANS IN THE LOWER PALAEOLITHIC PERIOD

A. K. FILIPPOV

Palaeoanthropological evidences suggest that, from the very beginning of his history, man was most probably a single species, while *Homo sapiens erectus* (?), *Homo sapiens neanderthalensis* and *Homo sapiens sapiens* were subspecies. The origin of man (conscience) was not the consequence of labour activities, but resulted from the development of predetermined genetic potencies which expressed themselves in the ability to fix a certain aggregate of inter-connected objects in one's attention, figurative ideas and memory. This occurred owing to a cosmic and planetary rhythmic informational influence. Voluntarily or not, under the conditions of activation of the attention and memory, the so-called natural mediators – accidentally found unworked stones, sticks, and animal bones – in the hands of our pre-ancestors were transformed into tools and in addition acquired a symbolic function. That was the end of the short period of anthropogenesis, *i.e.* of the merely biological formation of man.

That process could appear everywhere where there was an appropriate biological material. Neither adaptation nor the natural selection were the major mechanisms of evolution in the origin of man.

With the appearance of *Homo erectus* and inside his activities, the first artificial tool-manufacturing system arises. This system included the subdivision into «core» and «flake» and purposeful knapping of stone from the angle formed by two planes to attain the quality of sharpness that is quite useless in terms of mere biological necessities. To the subdivision of «core», for the most, belong fairly heavy and massive objects belonged: choppers, some nuclei, hammerstones, choppings/proto-adzes. The subdivision of «flakes» comprised, usually, smaller artifacts with an accidental shape of their edges and points. Generally speaking, the subdivisions of «core» and «flake» were overlapping somewhere at their boundary. As experiments showed, by means of the above-mentioned manufacturing system, in principle, any artifact could be manufactured from materials softer than stone. This system arose in Olduvai and early Acheulian.

Chopper and flake, being the major links of the system «manufacture–tools», in addition proved to be tools of involuntary analysis and synthesis. Moreover, it should be noted that in the Olduvai and early Acheul, choppers, choppings and proto-adzes (especially, worked pebbles) are worked fairly often only on one side. Such a localisation of processing indicates quite clearly the existence of an originally intuitive notion of the object. The above-mentioned artifacts became more or less continual and their typological diversity indicates indirectly that *Homo erectus* not only distinguished them, but also had some appellations for them. The system «core»-«flake» and the integral forms of the tools with contraposition of the artificial working parts and natural haft ones, as if continuing the momentum of the naturally arisen symbolisation, indicates the inherently human linguistic meanings of objects and situations. On the basis of this fact, one may suppose that there existed long-lasting memory able of retaining fairly distant goals. For making *e.g.* a simple wooden forked spear, one had to search for the appropriate material and to manufacture chopping, scraping and planing tools, while the final goal was the collective hunting.

Hence, already at the earliest stage of his development, man was not close, intellectually, to apelike creatures. Tools symbolised an integrated technology and a certain way mode of life, being among the most important accumulators of knowledge, experience, and skills inherited from generation to generation. The tool was thus directed not only towards natural objects or human hand, but also toward thought, language and complexes of ideas including notions devoid of the direct biological utility. Nevertheless, throughout 1.5 million years until the middle Acheulian (0.3–0.25 million years), when the subspecies of *Homo erectus* finally disappeared, there had been no motion of time nor essential changes in the stone technique which would have disturbed the constant flow of simple reproduction.

About the middle of the Acheulian period, industries appear that comprise, on one hand, integral tools of significantly greater diversity, and on the other hand, the tools with intentionally made haft and butt parts, as well as straightened blades and points of the working elements. Some forms acquire geometrisation which is not based on any practical needs. We consider it as a supreme disinterested production of an integrity of objects with the quality of reminding of skill and free hold over the material, and in addition, we regard it as a reflection of the esthetical attitude of man toward his products. This fact possibly was connected with the rise of the status of skilful masters.

From that time on, one observes the use of various conventional signs (Peche-del-Aze), perhaps representations (grotto Del Alto), and bear skulls. Some of the conventional signs were made not merely with practical goals as symbols of certain reality, but observed a special form. The stressed organisation of the form of the signs rhythm, symmetry and the preparation of the surface appears also as emotional evaluation of the social weight of the symbolised object. Mousterian pendants were used, probably, as necklaces: they have identical holes (about 2 mm) and are found in series, *e.g.* in La Quina. The use of necklaces, in its turn, suggests certain visual vertical articulation of human body and compositional segregation of the part which was probably linked with the substantial and semantic role of the necklace itself. We regard this fact as concentration of attention on the human being proper, who becomes the direct object of symbolisation.

Well known are Mousterian burials with signs of performing some ritual. In 1921, at the site of La Ferrasie, one found the burial of a three-year-old child whose skull, without the lower jaw, was lying aside of the skeleton. The burial was covered with a limestone slab dotted with small pits. In 1939, in the grotto Gattari, a skull bordered around with a circle of stones was found. The hole in the base of the skull was intentionally widened. One of the most interesting finds at Shanidar (Iraq) is a burial of a male (50000 b.p.) whose body was placed on a bed of flowers made inside the grave. Eight species of flowers were evidently gathered specially between the end of May and beginning of July. Identified are ephedra, milfoil and other plants, most of which even now are used with medical purposes. In some Mousterian burials the ritual of dying the deceased and the bottom of the grave with red ochre is observed.

The limited nature of the human intellect at the period mentioned is rather relative. The artificial world of objects may have been regarded already as, to some degree, self-acting in form of animatic reality. In the end of the Mousterian, man possibly had some guesses – figurative «concepts of engendering»: an object gives birth to another object. We suppose that rather man did not regard things as alive, and that he did not understand the «living» at all as something differing qualitatively from inor-

ganic objects. Perhaps, this took place considerably earlier. The general features of the «concepts of engendering» are linked with complexes of thought which are quite different by us and which in our notions are difficult to define. It is possible that this vague idea of «engendering» was the first likeness of the general concept in which an unclearly realised binary opposition of the active and giving birth appeared; hence the quality of the male and female is easily transferred later onto the material world. Possibly, it was the «concept of engendering» if it really existed at the time, that actually was the proto-form of the first myth.

At first glance, no changes occurred during the transition to the upper Palaeolithic period: in the Mousterian period, we encounter long-lasting dwellings, and already nobody, except for certain sceptics, is surprised by the Mousterian technology of working stone objects, which at some sites reached a filigree perfection, nor by pavements and dying of layers with ochre, nor by burials. In the upper Palaeolithic all this seems to have been increased just in quantity. Such a point of view, which reflects the dramatic increase of non-ordinary facts in Olduvai, Acheulian and Mousterian periods, arose in archaeology. This view has many supporters, but it seems to us, it does not reflect the truth in general. It is not difficult though to notice certain qualitative changes during the transition to the upper Palaeolithic: first of all, a powerful manifestation of visual conditional-abstract and conditional-figurative activities in hard materials. The figurative activities, including arts, are being connected with dwellings, tools, man and the so-called sanctuaries, but one of the most important conditions of the development of figurative symbolism was the transition to a full-fledged descriptive language and developed mythology.

ФИНАЛЬНАЯ ПОРА ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Н. Ф. ЛИСИЦЫН (†)

Заключительный этап развития позднего палеолита юга Средней Сибири нами определяется во временных рамках, ориентировочно 15,5–9,5 тыс. лет назад (табл. 1). К этому времени относится большинство известных стоянок и местонахождений. С. Н. Астахов (Астахов 1966), анализируя палеолитические комплексы в черте г. Красноярска, отнес большинство стоянок к афонтовской археологической культуре, ареал распространения которой охватывал Минусинскую котловину и межгорные котловины северо-западной части Восточного Саяна. Характерной особенностью инвентаря этой культуры он считает слияние воедино леваллуазской традиции с широким распространением галечной техники изготовления орудий, применением чопперов и использованием техники изготовления микроинвентаря. З. А. Абрамова (Абрамова 1966, 1979а) выделяет в Чулымо-Енисейской котловине еще одну культуру, отличную от афонтовской – кокоревскую. Различия между культурами прослеживаются в технике первичного раскалывания, в приемах вторичной обработки и в типологическом составе инвентаря. Принципиальное различие между комплексами афонтовской и кокоревской культур заключается в использовании разных форм в качестве ведущей заготовки для изготовления орудий. Техника первичного расщепления на стоянках первой культуры направлена на получение крупных и мелких отщепов, в комплексах второй – пластин разных размеров. В связи с тем, что скалывание отщепов можно было производить с галек любой формы и размера без предварительной подготовки ударной площадки, в афонтовских комплексах очень много аморфных ядрищ, отсутствует стандартизация формы нуклеусов. На этом фоне изделия кокоревской культуры выглядят более однородными, так как для снятия пластин необходимы только удлиненные гальки, желательно и определенной формы. В инвентаре выделяется большая группа крупных торцовых галечных ядрищ, не имеющая аналогий в коллекциях афонтовской культуры, и стандартные формы односторонних одноплощадочных нуклеусов.

В орудийных наборах сравниваемых индустрий также прослеживаются количественные и качественные различия, которые нельзя объяснить разным хозяйственным укладом, функциональными особенностями разных участков поселений, сезонностью стоянок, выборочностью раскопок и т. д. Практически все известные в долине Енисея и его притоках палеолитические стоянки представляют собой небольшие сезонные поселения с полным циклом обработки камня и кости, причем подобные пункты встречены как на водоразделах, так и на низких террасах рек. Функциональная специфика выражается только в количественном распределении изделий на сибирских стоянках. Речь идет о том, что на одном раскопанном участке будет найдено на несколько однородных изделий больше, чем на другом. Например, если раскапывать стоянку афонтовской культуры в течение целого ряда лет по небольшим частям или вскрывать за один полевой сезон сразу всю площадь, пытаясь определить функциональные особенности различных участков поселения, то при разном процентном соотношении находок на них, везде будут собраны изделия, характерные только для этой культуры. Яркий пример тому – многолетняя работа на многослойной Майнинской стоянке, где на вскрытой площади более 400 кв. м встречены изделия, в основном, единого морфологического облика. В коллекции каменного инвентаря (более 70 тыс. единиц) нет таких выразительных орудий кокоревской культуры, как массивные остроконечники или крупные резцы на пластинах (Васильев 1996).

Кстати сказать, эти изделия являются не только достаточно многочисленными орудиями кокоревской культуры (только на Новоселовской группе стоянок найдено более 270 экз. резцов и более 150 экз. остроконечников), но и специфическими типами характерными для определенного периода, достаточно ограниченной территории и комплексов со своеобразным набором инвентаря. Это сочетание – с одной стороны, многочисленности, а с другой, – специфичности форм изделий – служит яркой иллюстрацией соединения качественных и количественных признаков, позволяющих определить границу между разнокультурными комплексами. Следует отметить, что в разработках З. А. Абрамовой основное внимание уделено качественным характеристикам, в том числе и тех типов изделий, которые встречаются в инвентаре и афонтовской и кокоревской культур: скребел, скребков, про-

© Н. Ф. Лисицын, 2003

колок, долотовидных и галечных орудий и др. Опыт статистического группирования комплексов показал, что различия между ними реальны, причем природа этих различий пока остается загадкой (Холюшкин 1994).

Кроме кокоревской культуры и различных вариантов афонтовской, на юге Средней Сибири в конце позднего палеолита формируется еще несколько своеобразных индустрий. В предгорной части Западного Саяна, в Абакано-Енисейском междуречье, среди большого числа памятников выделяется пластинчатый комплекс Улугбиля. Для инвентаря этой стоянки характерно сочетание крупных и очень крупных орудий, при полном отсутствии микроизделий. Особо обращают на себя внимание «мустероидные» скребла на массивных сколах, крупные остроконечники на массивных пластинах, двойные проколки, крупные концевые скребки (в том числе и высокой формы), комбинированные орудия на пластинах. Аналогий этой индустрии в бассейне Среднего Енисея нет (Лисицын, Худяков 1997).

Совершенно другой характер пластинчатой индустрии имеет коллекция стоянки Голубая 1 в северной части Саянского каньона Енисея. Орудия изготовлены на средних и мелких пластинках, число которых среди изделий с вторичной обработкой составляет 40% (Астахов 1986). Если брать только пластинчатые заготовки и отщепы, то доля первых составляет 67%. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие наиболее распространенных на позднем этапе палеолита Енисея таких изделий как скребла, скребловидные и долотовидные орудия, единичность острий, разнотипность группы резцов (преобладают аморфные). Среди ядрищ нет клиновидных. Наиболее многочисленная группа изделий – скребки на пластинках и пластинчатых отщепах или на фрагментах усеченных пластин, на втором месте – пластины с ретушью. Своеобразный каменный инвентарь, по мнению С. Н. Астахова, позволяет выделить здесь особый вариант палеолита Енисея, в целом близкий другим «европеоидным» индустриям Сибири (Мальта, Тарачиха, Афанасьева Гора и др.) (Абрамова и др. 1991). Возможная линия развития – от комплексов типа Тарачихи до материалов Голубой 1 включает промежуточное звено: набор изделий стоянки Означенное 1 (Астахов 1993). В целом с такой трактовкой генезиса пластинчатой индустрии в этом регионе можно согласиться. Развитие кокоревской линии обработки камня также шло по пути увеличения размеров пластинчатого инвентаря от мелких изделий к орудиям на средних, а затем и крупных заготовках. С материалами Тарачихи коллекцию стоянки Голубая 1 сближает наличие многофасеточных резцов, пластинок с ретушью, концевых скребков (в том числе с суженым основанием). Среди немногочисленной коллекции промежуточного звена – стоянки Означенное 1 – обращают на себя внимание небольшое ядрище со следами снятия мелких пластинок и концевой скребок с суженой пяткой.

Возможно, иной вариант развития палеолита юга Средней Сибири отражают находки на стоянке Березовый Ручей 1. Ранее считавшийся единым комплекс, судя по новым данным, следует разделить на два разновременных. Своеобразные каменные изделия из Березового Ручья 1 выделяются на фоне остальных стоянок Южной Сибири. По мнению Л. Б. Вишняцкого (Вишняцкий 1984) для набора орудий этой стоянки характерно смешение специфических черт как кокоревской, так и афонтовской культур. С материалами первой коллекцию Березового Ручья 1 сближает наличие группы концевых скребков на пластинах, серии ретушированных пластинок и малочисленность долотовидных орудий. Афонтовские черты: тип заготовок, атипичность резцов, остроконечников, большая группа скребел, скребловидных орудий и отщепов с ретушью, аморфность пластин. Следует отметить, что смешение признаков рассматривалось только в качестве гипотезы, так как для широких обобщений материал был довольно незначительным. Предполагалось, что только дальнейшие исследования Назаровской котловины могут дать ответ на вопрос о культурной принадлежности памятника: решать эту проблему в рамках известных культур Южной Сибири или выделять новую.

В связи с тем, что предполагаемый двойственный характер инвентаря стоянки послужил поводом для появления сомнений о правомерности выделения кокоревской и афонтовской культур в палеолите Енисея (Васильев 1992), рассмотрим этот вопрос более подробно.

Во-первых, эта гипотеза появилась на начальном этапе исследований, когда комплекс рассматривался как одновременный и однородный. Открытие стоянки Березовый Ручей 2 на мысу, расположенном на правом борту долины ручья, дало возможность более детально проанализировать каменный инвентарь стоянки Березовый Ручей 1, расположенной на противоположном борту (Поляков 1991).

В раскопе Березового ручья 2 на площади 100 кв. м в гумусе на глубине 0,1–0,4 м собрана большая серия фрагментов керамики эпохи бронзы, найдены наконечники стрел, микронуклеусы, микропластинки, скребки на отщепах. Среди ядрищ представлены торцовые, конические, микропризматические. Всего на разрушенной части стоянки и в культурном слое в гумусе найдено около 800 экз. расщепленного камня.

Интересно отметить, что подпочвенный горизонт светло-коричневого суглинка, к которому привязаны основные находки на стоянке Березовый Ручей 1, на втором памятнике является стерильным горизонтом, к тому же повышенной мощности (до 0,5 м). Нижний культурный слой

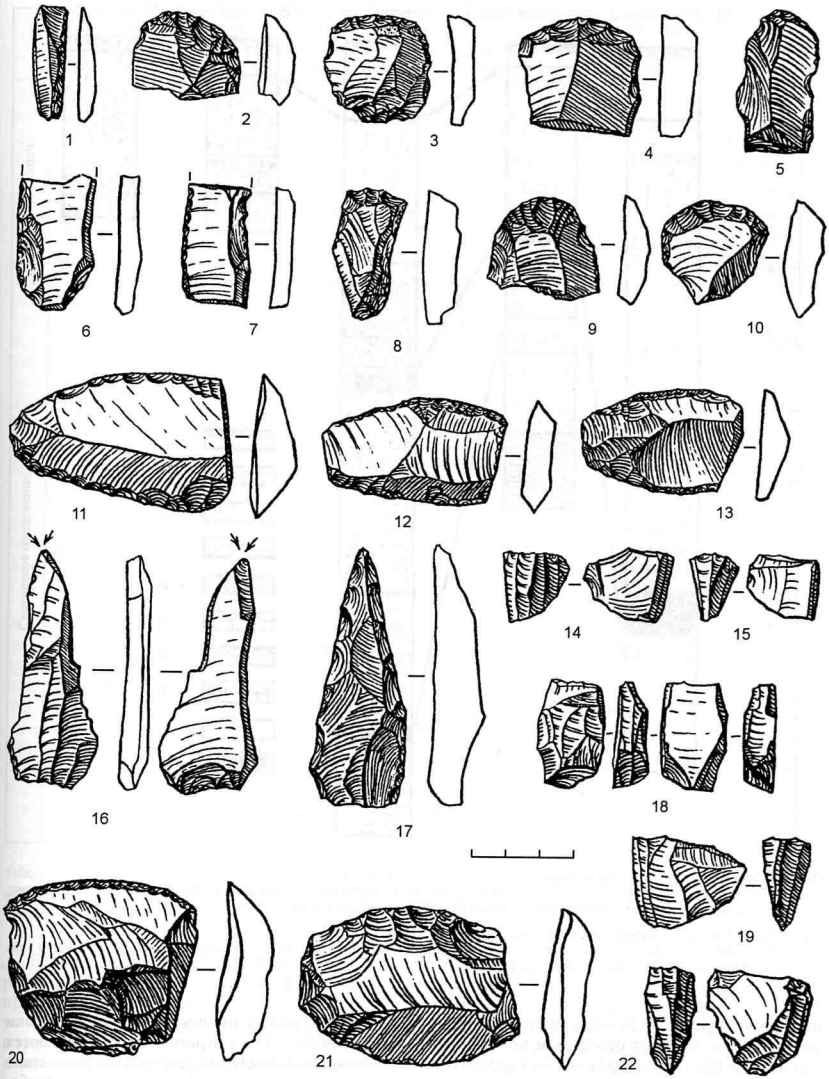


Рис. 1. Березовый Ручей 1. Каменный инвентарь: 1, 6–7 – пластинки с ретушью; 3–5, 8–10 – скребки; 11–13, 20–21 – скребла; 14–15, 18–19, 22 – нуклеусы; 16 – резец; 17 – остроконечник.

Fig. 1. Berezovy Ruchey 1. Lithics: 1, 6–7 – retouched blades; 3–5, 8–10 – endscrapers; 11–13, 20–21 – side-scrapers; 14–15, 18–19, 22 – cores; 16 – burin; 17 – point.

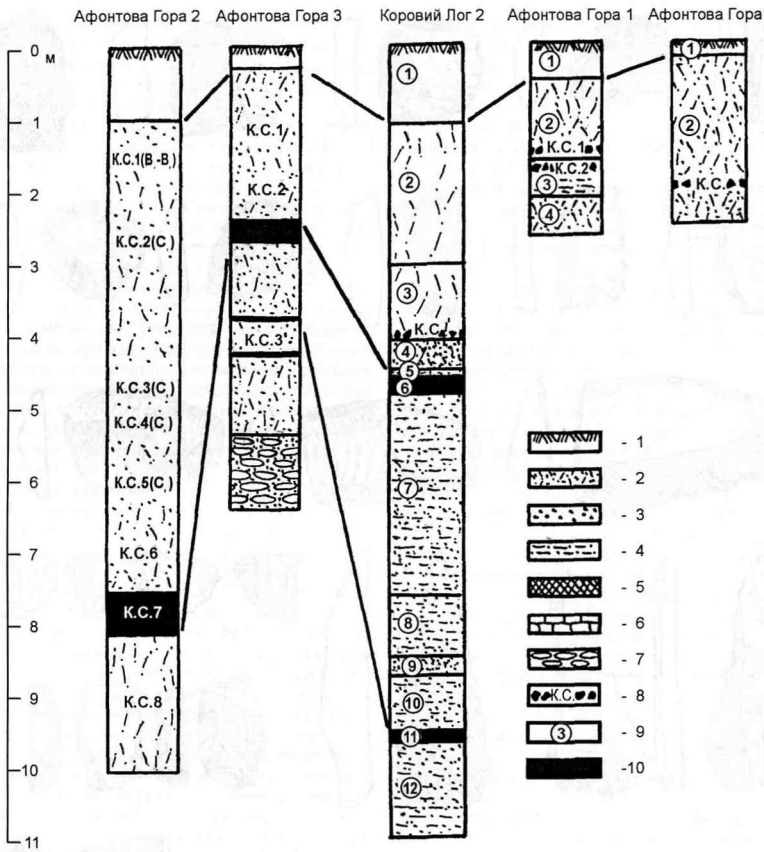


Рис. 2. Схема корреляции разрезов стоянок.
Условные обозначения: 1 – гумус; 2 – супесь; 3 – песок; 4 – суглинок; 5 – погребенная почва; 6 – скала; 7 – галечник; 8 – культурный слой; 9 – номер геологического слоя; 10 – маркирующие горизонты.

Fig. 2. Scheme of the correlation of sections of the sites.
Notations: 1 – humus; 2 – sandy loam; 3 – sand; 4 – loam; 5 – buried soil; 6 – rock; 7 – pebble layer; 8 – cultural layer; 9 – the number of geological layer; 10 – marking horizons.

поселения Березовый ручей 2 залегал на глубине до 1,5 м в «сцементированном песке»; подстилаемом песками с прослоями галечников. В этом литологическом горизонте выделяются включения белых, желтых и красных глин; речь, вероятно, идет о прослойках, аналогичных слоям 3–5 разрезов Березовый Ручей 1.

В нижнем слое пункта Березовый Ручей 2 собрано 126 предметов из камня: сколы и отщепы – 108 экз., микропластинки – 10 экз., пластинки средних размеров – 1 экз., галечные орудия или крупные нуклеусы – 3 экз., скребки на отщепах – 3 экз. Кроме того упоминаются клиновидные нуклеусы, которые по сравнению с находками в гумусе, обработаны более грубо.

Корреляция разрезов этих двух стоянок позволяет сделать вывод о том, что нижний культурный слой стоянки Березовый Ручей 2 геологически одновременен литологическим слоям 3 (низ) или 4 (кровля) стратиграфической колонки Березового Ручья 1. По климатостратиграфической шкале, это период до 15 тыс. лет назад.

	Стратиграфическая шкала (тыс. лет.)	Красноярская и Канская лесостепи	Восточный Саян Назаровская котловина	Чулымо-Енисейская котловина	Батеневский кряж Сыдо-Ербинская котловина	Южно-Минусинская котловина
Голоцен	Бореальный период 9,5–8,0		Еленева (с. 12–15)		Тепсей	Сартыков, Полтаков, Койбалы, Подсинее
	Пребореальный период 10,4–9,5	Няша, Большой Кемчуг, Нанжуль, Уртень (с. 1)	Большая Слизнева (с. 5)	Пашкин Ключ, Ешка–1		Хырхаза, Куйбышево, Утух-хая-кисте
Сартанское оледенение	Норильское похолодание 11,4–10,4	Переселенческий пункт Ладейки	Березов, Ручей–1 (с. 1), Еленева (с. 17)	Чегерак, Черемушки, Анаш, Кокорево–4а (с. 1)	Лепешкино–1, Батени, Большая Ирджа, Подсуханиха	Чаптыков, Шалгинов, Конгурэ, Изых, Малая Шартайка
	Таймырское потепление 11,8–11,4	Стрижова Гора (с. 5–13), Уртень (с. 2)	Большая Слизнева (с. 6–8)	Кокорево–6, Улазы, Ешка–2 (с. 1)	Лепешкино–2 Ильинка–4	Верх-Аскиз
	Похолодание 12,2–11,8	Афонтова гора–1, Афонтова гора–2–3 (с. 1)	Лиственка (с. 3), Большая Слизнева (с. 9)	Ешка–2 (с. 2), Ешка–3	Первомайское–2 ?	Сосновое озеро–1–4, Хызыл-Хая
	Кокоревское потепление 13,5–12,2	Стрижова Гора (с. 14–15), Кача–1, Афонтова гора–2 (с. 2–4)	Лиственка (с. 5), Бирюса (с. 1–2) ?	Кокорево–1 (с. 1–2), Кокорево–3	Таштык–1 (с. 1), Таштык–2 (с. 1), Крутогорское	
	Ньяпанское похолодание 15,5–13,5	Стрижова Гора (с. 18), Коровий Лог–1–2, Афонтова гора–2 (с. 5), Афонтова гора–3 (с. 2), Афонтова гора–2 (с. 6)	Березов Ручей–1 (с. 2), Бирюса (с. 3–4), Лиственка (с. 6–12)	Кокорево–4а (с. 2), Дивный–1, Кокорево–4б (с. 1), Куртак–3, Новоселово–6–7, Новоселово–11–12, Новоселово–13 (с. 1), Кокорево–1 (с. 3–6), Кокорево–4б (с. 2), Кокорево–4а (с. 3–5)	Таштык–1 (с. 2–3), Таштык–2 (с. 2), Таштык–4, Первомайское–1	Улуг-Биль

Табл. 1. Периодизация памятников финальной поры позднего палеолита на юге средней Сибири.

Table 1. Periodization of sites of the final stage of the Late Palaeolithic in the south of central Siberia.

Если на стоянке Березовый Ручей 2 культурные горизонты разделены мощной стерильной прослойкой светло-коричневого суглинка, то на нашем памятнике находки встречались в трех литологических горизонтах, и, вероятно, в коллекции каменного инвентаря имеются инородные включения голоценового возраста. Возможно, этим обстоятельством и объясняется своеобразный облик инвентаря стоянки Березовый Ручей 1.

Наиболее древние предметы из камня найдены Г. Н. Курочкиным в центральной части мыса на поверхности маркирующего красноцветного горизонта коричневой супеси (слой 4); ее частицы сохранились в мелких трещинах и углублениях на поверхности некоторой части изделий. Это, в основном, орудия и нуклеусы из черного мелкозернистого кварцита, имеющие тщательную обработку. Отдельные предметы собраны на этом участке в 1982 г. Интересно отметить, что наиболее ранние находки представлены, в основном, изделиями на пластинчатых заготовках. Упомянем срединный резец (рис. 1: 16), два обломка скребел или фрагментов плоских остроконечников (рис. 1: 12–13), нижнюю часть пластины с ретушью (рис. 1: 6), мелкое скреблышко с конвергентными лезвиями (Вишняцкий и др. 1986: рис. 2, 6). Остатки супеси со-

хранились на поверхности двух долотовидных изделий, на двух клиновидных ядрищах, скребле на нуклевидном сколе (рис. 1: 21), на сколах подправки торцовых ядрищ и нуклевидных осколках. В раскопе Г. Н. Курочкина найдены два концевых скребка на фрагментах широких пластин (рис. 1: 2, 3), а рядом, на разрушенной площади стоянки – обломок скребка высокой формы (Вишняцкий и др. 1986: рис. 2, 2), скребло на нуклевидном сколе (рис. 1: 20), скребло на треугольном отщепе черного кварцита (Вишняцкий и др. 1986: рис. 2, 2). Наконец, из сборов Г. Н. Курочкина упомянем обломок скребла или плоского остроконечника на пластинчатом отщепе (Вишняцкий и др. 1986: рис. 2, 7) и наиболее выразительный концевой скребок на пластинчатом отщепе (Вишняцкий и др. 1986: рис. 2, 10).

Если все эти находки привязываются к подошве светло-серой лессовидной супеси, то более поздний (?) комплекс фиксируется в верхней части этого горизонта. Речь идет о скоплении, найденном в углублении с углисто-костным заполнением. Среди находок выделяются вкладышевые изделия из рога, концевой скребок на фрагменте широкой пластины (рис. 1: 4) и резец на углу сломанной пластины (Вишняцкий и др. 1986: рис. 2, 4). По костным останкам северного оленя из этого углубления получена дата 15210 ± 560 (ЛЕ-4895).

Таким образом, пластинчатый инвентарь стоянки Березовый Ручей 1, залегавший в светло-серой лессовидной супеси, достаточно однороден. При сравнении изделий с находками из вышележащего слоя светло-коричневого подпочвенного суглинка прослеживаются определенные различия. Во-первых, наиболее выразительные изделия верхнего комплекса изготовлены не из черного мелкозернистого кварцита, а из мягкого серо-зеленого сланца, поверхность которого изменена химическими процессами и покрыта серой патиной. Это два остроконечника, скребки треугольной и квадратной формы (Вишняцкий и др. 1986: рис. 1, 5; рис. 2, 1, 11, 12), двойное скребло на пластинчатом отщепе (рис. 1: 11). Скребки в коллекции верхнего комплекса изготовлены, преимущественно из кремня разного цвета.

В целом для верхнего комплекса характерно изготовление орудий на отщепах и пластинчатых отщепах, для нижнего – на пластинах.

Следует отметить, что инвентарь стоянки Березовый Ручей 1 не имеет аналогий в материалах кокоревской или афонтовской культур Енисея, и вопрос о его культурной принадлежности пока остается открытым.

Таким образом, в настоящее время по имеющимся материалам прослеживается достаточно сложная картина развития палеолита Приенисейской Сибири в период второй половины сартанского оледенения. На наш взгляд, этот факт не должен вызывать особого удивления. Вполне закономерно, что по мере накопления новых данных и заполнения «белых пятен» как в хронологическом, так и в территориальном плане, единый прежде «сибирский палеолит» расчленяется на ряд вариантов (культур), имеющих свою специфику. Первым шагом в этом направлении стали разработки Г. П. Сосновского (Сосновский 1934), который не только выделил енисейский палеолит в виде локального варианта, но и разбил его на ряд хронологических стадий. Работы З. А. Абрамовой и С. Н. Астахова позволили говорить по меньшей мере, о трех направлениях генезиса позднего палеолита в этом регионе представленных материалами афонтовской и кокоревской культур, а также стоянки Голубая 1. Находка Ю. С. Худяковым в Койбальской степи своеобразного инвентаря типа Улугбил решила проблему наличия в этом районе пластинчатых комплексов, которые существовали раньше появления в этом районе комплексов с афонтовской традицией обработки камня. С. А. Васильев (Васильев 1996) рассматривает поздний этап верхнего палеолита Енисея как единую палеолитическую культуру, представленную рядом вариантов с наличием индустрий смешанного, переходного характера. При этом предполагается, что при более детальном анализе имеющихся материалов количество вариантов может возрасти.

По схеме относительной хронологии, подкрепленной данными радиоуглеродного анализа, наиболее ранним памятником кокоревской линии развития инвентаря является стоянка Новоселово 11. Возможно, материалы этого памятника отражают переход от этапа мелкой пластинчатой индустрии к кокоревской технике обработки камня. Среди находок нет еще типичных кокоревских остроконечников и крупных концевых скребков на отщепах, но обращает на себя внимание пластинчатый характер коллекции, наличие обычных и крупных торцовых галечных ядрищ, пластинок с ретушью, выемчатых орудий, изделий из использованных ядрищ, большой серии разнообразных резцов. Следует отметить, что среди находок нет типичных клиновидных ядрищ, а имеющиеся небольшие торцовые ядрища по морфологии могут быть отнесены и к многофасеточным резцам. Возраст находок по стратиграфическим наблюдениям определяется в рамках не древнее интерстадиала 16,5–15,5 тыс. лет.

К начальному этапу формирования кокоревской культуры, вероятно, следует отнести и немногочисленные находки из нижнего культурного слоя стоянки Кокорево 46, имеющего радиоуглеродную дату – 15460 ± 330 (ЛЕ-5407). В коллекции представлен несомненно пластинчатый инвентарь, больше половины орудий изготовлено на пластинчатых заготовках. В группе изделий с вторичной обработкой имеются фрагменты остроконечника и острия, уг

ловой резец, обломки ретушированных пластин. Нет характерных для афонтовской культуры микроскребков и долотовидных изделий.

На стоянке Кокорево 1 в нижних культурных горизонтах (5а-6-6а) представлен пластинчатый инвентарь, но отсутствуют такие культуроразличающие типы, как остроконечники и резцы, единичные экземпляры которых найдены только в горизонте 5. Резцы изготовлены на пластинчатых заготовках. Среди нуклеусов обращают на себя внимание крупные галечные торцовые формы и тщательно оформленные мелкие клиновидные изделия.

Расцвет кокоревской линии развития инвентаря в Минусинской котловине связан, в основном, с достаточно узкими хронологическими рамками в пределах ньяпанской стадии сартанского оледенения (15–13 тыс. лет назад). Наиболее выразительные комплексы изучены на стоянках, относящихся к первой половине или реже к середине и концу этого периода: Новоселово 6, Новоселово 7, Новоселово 12, Новоселово 13 (слой 1), Кокорево 1 (слои 2–3), Лиственка 1 (слои 5–13). Концом ньяпанской стадии или началом кокоревского потепления датируются стоянки Первомайское 1, Крутогорское, Подгорновская стоянка, Аешка 3 (табл. 1). Заключительный этап кокоревской культуры характеризуют комплексы у с. Аешка на низких террасах Енисея и стоянки Чегерак и Черемушки в покровных отложениях яруса высоких террас. В этот период сохраняется пластинчатый характер индустрии, но такие выразительные изделия, как остроконечники и резцы, единичны или практически уже не встречаются.

Вопрос о генезисе афонтовской культуры пока еще далек от своего решения. Истоки формирования подобных комплексов на территории Восточного Саяна и Красноярской лесостепи, несомненно, следует искать в материалах ранних памятников этого региона, но становится все более очевидным, что попытки удревнения афонтовской индустрии до времени 20 тыс. лет назад противоречат данным относительной и абсолютной хронологии палеолита юга Средней Сибири. К сожалению, основные раскопочные работы комплексов у Афонтовой горы и Военного городка на территории Красноярска проведены более полувека назад и по современным требованиям не дают ответов на многие вопросы палеолитоведения. Основная часть материалов не опубликована; нет сведений о соотношении подъемных сборов из разных мест и стратифицированных находок, о количестве инородных изделий в коллекциях, относимых к числу собранных при раскопках. Значительная часть инвентаря стоянок, хранящегося в Красноярском краеведческое музее, систематизирована Н. П. Макаровым только в последние годы и полностью не обработана.

Геологическая ситуация местоположения многих находок неясна. В связи с тем, что основная масса покровных отложений выбрана карьерами по добыче глины, возникают сложности по корреляции стратиграфических разрезов, описание которых к тому же проведено не по отдельным слоям, а в виде выделения крупных пачек отложений.

Очень удачное, на наш взгляд, обобщение всех доступных к тому времени археологических материалов сделано С. Н. Астаховым (Астахов 1966), к которому мы и отсылаем читателя. Выдержала испытание временем и предложенная С. Н. Астаховым в публикации схема относительной хронологии афонтовских комплексов, созданная на основе господствующих в 60–70 гг. нашего века геологических представлений о генезисе осадков в долине Енисея. До настоящего времени остается актуальной проблема абсолютного возраста стоянок, представленных в данной схеме, поэтому обратимся к вопросу стратиграфического изучения лессовых толщ Афонтовой Горы, используя опыт изучения покровных отложений в зоне Красноярского водохранилища.

Для понимания геологического положения культурных остатков стоянок необходимо напомнить, что в районе Афонтовой Горы мощность сероцветных сартанских лессов еще больше, чем в многометровых разрезах на стоянках Дивный 1, Куртак 3, Каштанка 1. Толща покровных отложений не только скрывает все неровности древнего рельефа 100-метровой возвышенности, на склонах которой расположены стоянки Афонтова Гора 1–4, но и погребла под собой третью надпойменную террасу.

По мнению В. И. Громова (Громов 1948), наиболее древние находки в этом районе (Афонтова Гора 3 и нижние горизонты Афонтовой Горы 2) располагались на 30–40 метровой террасе и были смещены вниз по склону к внутреннему краю второй надпойменной террасы. С. М. Цейтлин (Цейтлин 1979) также пришел к выводу о соответствии нижнего культурного горизонта стоянки Афонтова Гора 2 покровным образованиям третьей террасы.

Серия геологических шурфов и зачисток, заложенных в разное время и на разных участках склонов Афонтовой горы, выявили примерно одинаковую стратиграфию, представленную толщами сероцветных супесей и песков (Громов 1948; Сосновский 1935; Ауэрбах 1930; Ауэрбах, Сосновский 1932). Наиболее интересны наблюдения по характеру залегания красноцветных маркирующих горизонтов, позволяющие провести корреляцию разрезов Афонтовой Горы и стоянок Чулымо-Енисейской котловины.

По данным В. И. Громова (Громов 1948: 313), на стоянке Афонтова Гора 2 горизонт коричневой глины с пятнами ожелезнения и остатками древесины мощностью около 0,1 м залегал на глубине ниже основного культурного слоя примерно на 3,5 м. Напомним, что толща серых и желтых вышележащих лессов с культурными

остатками ярко выражена в вертикальной стратиграфии. Эти отложения по характеру образования близки аналогичным лессам на склонах горного обрамления долины Енисея в пределах Минусинской котловины, датируемых в рамках второй половины сартанского оледенения. Таким образом, красноцветный горизонт на стоянке Афонтова Гора 2, представляет, очевидно, остатки ископаемой почвы интерстадиала 16,5–15,5 тыс. лет.

Наиболее подробно красноцветные горизонты описаны в разрезах 7 и 8 стоянки Афонтова Гора 3 (Ауэрбах 1930). Следует напомнить, что поселение раскапывалось на площади карьеров, где были сняты толща светло-серой лессовидной супеси (разрез 7) или серо-желтого суглинка (разрез 8), и над красноцветными горизонтами сохранились остатки этих отложений мощностью около 1,0 м. В стратиграфической колонке первого разреза красные прослойки толщиной 0,1 и 0,2 м были разделены полуметровой пачкой супеси или глинистого (иловатого) песка. Культурные слои располагались выше первого маркирующего горизонта и ниже второго. В зачистке 8 верхний маркирующий горизонт представлял собой однородный слой красного суглинка, а нижний разделился на прослой мелкого гравия темно-красного цвета и прослой суглинка малиново-красного цвета (Громов 1948). Ниже, вплоть до галечника, прослеживались толщи серых глинистых песков и тяжелых суглинков.

Таким образом, наиболее древние находки на Афонтовой Горе 3 залегали в подошве второго красноцветного горизонта или в кровле нижележащего серого песка, что позволяет их датировать по аналогии с подобными осадками в Чулымо-Енисейской котловине в пределах 18–20 тыс. лет. Вышележащий культурный слой Афонтовой Горы 3 располагался над маркирующей прослойкой интерстадиала 15,5–16,5 тыс. лет назад. По геологическим условиям залегания он одновременен нижнему культурному слою стоянки Афонтова Гора 2 или близок по времени формирования. К этой точке зрения склоняется большинство исследователей (Абрамова и др. 1991).

Абсолютный возраст нижнего культурного слоя стоянки Афонтова Гора 2 (слой С3) определяется С. М. Цейтлиным (Цейтлин 1979) в пределах начального этапа сартанского оледенения по радиоуглеродной дате 20900 ± 300 (ГИН-117). Судя по разрезу 1962 г., уголь для датирования брался с глубины около 10 м от современной поверхности из подошвы нижнего геологического горизонта 11, в то время как культурные слои располагались в горизонте 10 на глубине 6,5–7,0 м. Вероятно, С. М. Цейтлин в своей зачистке вскрыл более древние культурные горизонты, чем широко известные по литературе слои С1, С2, С3. В связи с этим уместно привести данные о том, что В. И. Громов (Громов 1948) ниже слоя С3 зафиксировал мощные темные гумусированные прослои Д1 и Д2. С. Н. Астахов (Астахов 1966а) считает, что уголь для датирования брался из отложений ниже культурного слоя С3. Интересно отметить, что образцы угля, отобранные им из горизонта, соответствующего слою С3 между участками 1 и 2, дали дату – 11335 ± 270 (МО-343).

Напомним, что стоянка Афонтова Гора 2 вошла в литературу как многослойный памятник, имеющий шесть горизонтов залегания культурных остатков, из которых нижний встречался на глубинах от 2,1м (участок 3) до 5,5 м (основной разрез) от краев раскопов (Ауэрбах, Сосновский 1932).

Итоги работ 1992–1993 гг. на стоянке Афонтова Гора 2 опубликованы только в небольшой заметке (Томилова, Стасюк 1994), но автору данной статьи удалось побывать на месте раскопок и изучить разрез. Склон Афонтовой Горы 2 у дачи Юдина вскрыт на глубину около 9 м. Выявлено восемь культурных слоев, причем по мнению авторов раскопок, нижние три не исследовались в 20–30 годы. Шесть верхних культурных горизонтов, судя по разрезу раскопа, залегали в толще светло-серой лессовидной супеси. Возраст лессов определяется серией радиоуглеродных дат, к сожалению, пока не опубликованных, в пределах 13–14 тыс. лет.

Наиболее интересны 7 и 8 горизонты с культурными остатками, расположенные соответственно на глубинах 7,5–8,3 и 8,5 от современной поверхности. Первый из этих культурных горизонтов залегал в маркирующем горизонтальном слое коричневой супеси, в то время как вышележащая толща светло-серого лесса имела наклон в глубь склона. Нижний культурный горизонт зафиксирован в слое светло-серой супеси.

Таким образом, можно согласиться с выводами авторов раскопок, что по крайней мере два нижних культурных слоя стоянки Афонтова Гора 2 ранее не исследовались. Культурный горизонт 7, расположенный в красноцветных отложениях, соответствует, очевидно, слою коричневой глины, прослеженному В. И. Громовым (Громов 1948). Культурный горизонт 8 мог залегать в нижней гумусированной полосе литологического слоя 11 зачистки С. М. Цейтлина (Цейтлин 1979). Вероятно именно из этого горизонта брались образцы угля для радиоуглеродного анализа, по которым получена дата в 20 тыс. лет назад. По характеру расположения 7 и 8 культурные горизонты хронологически близки нижнему культурному слою стоянки Афонтова Гора 3, также приуроченному к красноцветному маркирующему горизонту (Ауэрбах 1930).

В разрезе раскопа четко прослеживается, что в толще светло-серого лесса, расположенного над горизонтальной красноцветной маркирующей

прослойкой, верхние культурные слои залегают тоже горизонтально, а нижние падают почти на метр вглубь склона в виде прослоек с включениями костей, расколотых камней и угольков. Интересно отметить, что языки этих культурных горизонтов в виде структурных нарушений леса вытягиваются почти до дневной поверхности склона. Подобное положение осадков зафиксировано и В. И. Громовым (Громов 1948: рис. 254).

Кроме раскопа, в 1995 г. на разных участках Афонтовой горы нами было осмотрено более десятка котлованов строящихся домов. Во всех случаях мощный слой светло-серой пылевидной супеси с характерной вертикальной столбчатостью покрывал склоны горы в виде плаща толщиной до 6–7 м. В наиболее глубоких котлованах ближе к даче Юдина встречался и маркирующий красноцветный горизонт (рис. 2). На склонах Афонтовой горы, обращенных непосредственно к берегу Енисея, сероцветные лессы лежат или на скальном цоколе или на щебнистых отложениях.

Таким образом, наиболее древние находки в этом микрорайоне зафиксированы в культурных горизонтах 7 и 8 стоянки Афонтова Гора 2 и нижнем слое стоянки Афонтова Гора 3. Геологические условия залегания слоя 7 близки отложениям верхнего культурного слоя стоянки Тарачиха, среднего культурного слоя стоянки Новоселово 13, находкам пункта 1 Приморской стоянки и датируются интерстадиалом 15,5–16,5 тыс. лет назад. Слой 8 Афонтовой Горы 2 и нижний слой Афонтовой Горы 3 формировались, вероятно, в промежуток 18–20 тыс. лет назад. Наиболее выразительные комплексы афонтовской культуры, встреченные при раскопках слоев С1, С2, С3 стоянки Афонтова Гора 2, учитывая последние исследования, должны датироваться в пределах 13–14 тыс. лет назад.

Вопрос о культурной принадлежности находок, собранных в маркирующем красноцветном горизонте и в нижележащем лессе, в связи с немногочисленностью коллекций пока остается открытым. Находки из слоев 7 и 8 авторы раскопок Афонтовой Горы 2 относят к афонтовской культуре, но отмечают, что комплекс изделий отличается наличием бифасиальной обработки и присутствием радиальных ядрищ (Томилова, Стасюк 1994). Найдено чуть более 200 предметов из камня, представленных, в основном, отходами производства. Среди орудий есть скребла, резцы, скребки, выемчатые формы, проколка, отщепы с ретушью, среди нуклеусов – обычные односторонние одноплощадочные и радиальные. Торцовых ядрищ нет, но имеются две заготовки.

В нижнем слое стоянки Афонтова Гора 3 найдены: скребок высокой формы, большой скребок или небольшое скребло на отщепе, своеобразное изделие – остроконечник-концевой скребок, пластинка с ретушью и два крупных торцовых ядрища (Ауэрбах, 1930; Астахов, 1984). Все аналогии прослеживаются в материалах типа Тарачиха.

Обработка неопубликованных коллекций из горизонта С3 стоянки Афонтова Гора 2 и верхнего слоя стоянки Афонтова Гора 3 (раскопки Н. К. Ауэрбаха) позволила сделать вывод об однокультурности этих комплексов при, видимо, несколько большей древности первого пункта (Акимова 1992). По нашему мнению, наиболее ранним памятником афонтовской культуры следует считать все же комплекс Афонтовой Горы 3, залегавший в толще серого лесса над маркирующим горизонтом (средний слой, если за верхний слой считать сборы И. Т. Савенкова). (Абрамова и др. 1991).

Таким образом, инвентарь афонтовской культуры в районе Красноярска имеет возраст не древнее 15 тыс. лет, а вероятнее всего, в пределах 13–14 тыс. лет. Культурную принадлежность находок, зафиксированных ниже слоя С3 поселения Афонтова Гора 2, следует еще уточнить.

Палеолитические стоянки Коровий Лог 2, Коровий Лог 3 в районе Военного городка г. Красноярска датировались по стратиграфии началом или первой половиной сартанского оледенения (Абрамова и др. 1991). По данным Е. В. Акимовой (Акимова 1992), в коллекции с этих пунктов включены как подъемные сборы с разных участков, включая керамику, так и предметы из зачисток. В фондах Красноярского музея из сборов в районе Военного городка сохранились фрагменты бивней мамонта со следами сколов, отростки рогов северного оленя со следами обработки, продольное скребло на отщепе кварцита, нуклевидный осколок, отщеп, неолитического облика концевой скребок с плечиками и торцовый нуклеус на массивном подчетырехугольном осколке гальки зеленого цвета. На последнем изделии подработка основания и тыльной стороны ядрища отсутствует.

По данным В. И. Громова (Громов 1948) культурные остатки залегали в лессах на склоне 50-метровой террасы, имеющей на краю перехода в долину Енисея высоту 30–40 м. Глубина залегания культурных слоев на стоянках Коровий Лог 2 и Коровий Лог 3 составляла 4,1 м от поверхности, по времени существования находки связывались с комплексом нижних горизонтов стоянки Афонтова Гора 2.

В 1995 г. нами был произведен осмотр береговых обрывов при устье Коровьих логов. В обнажении 35–40-метровой террасы на фоне серых лессов четко прослеживались два красноцветных горизонта, нижний из которых мощностью до 1,5–2,0 м залегал на глубине 20–25 м прямо на галечнике, а верхний – на глубине 6–12 м (рис. 2). Последний представлен гумусированной супесью в кровле и красноватой супесью в подошве. Этот почвенный горизонт перекрывался 6-метровой толщей пылевидной супеси

с характерной вертикальной столбчатостью. Таким образом, культурный слой стоянок залегал в отложениях второй половины сартанского времени и должен датироваться по аналогии с находками из слоя С3 стоянки Афонтова Гора 2 возрастом не древнее 14 тыс. лет.

Новые исследования лессовых разрезов этой террасы, проведенные А. Ф. Ямских (Ямских 1992), позволили расчленить толщу покровных отложений на более мелкие,чем представленные в разрезах В. И. Громова, пачки отложений (Громов 1948). Всего до галечника выделено 25 литологических горизонтов. Кровля нижнего красноцветного горизонта характеризуется радиоуглеродной датой по гумусу 22100 ± 80 (ГИН-2465), основание – 29800 ± 2000 (ГИН-2466). По челюсти мамонта из лессовых осадков, залегавших выше нижнего красноцветного горизонта, получено определение – 19500 ± 200 (ГИН-2859). Погребенная почва буро-каштанового цвета интерстадиала 15,5–16,5 тыс. лет назад зафиксирована в разрезе на глубине около 5,0 м.

Таким образом, культурные слои стоянок в этом микрорайоне, залегавшие в лессах татышевской террасы на глубине 4,1 м, не могут быть древнее, чем отложения погребенной почвы. Верхняя хронологическая граница существования стоянок определяется залеганием находок ниже слаборазвитой почвы кокоревского интерстадиала, прослеженной на глубине 3,0 м от поверхности и имеющей радиоуглеродную дату по углю 13400 ± 70 (ГИН-2970).

Характеризуя «классический» инвентарь из слоя С3 стоянки Афонтова Гора 2, следует отметить, что он выглядит уже достаточно развитым. Среди изделий обращает на себя внимание серия мелких ядрищ, где наряду с торцовыми имеются неправильно-призматические и грубо-конические. Кстати сказать, к группе немногочисленных резцов также отнесены торцовые нуклеусы (Ауэрбах, Сосновский 1932: табл. 4, 2, 9).

Различия, прослеженные С. Н. Астаховым (Астахов 1966) при сравнении коллекций Афонтовой Горы 2 и Афонтовой Горы 3, можно объяснить более древним возрастом находок последнего памятника, собранных в основном культурном слое. Кроме разницы в типах орудий из камня и кости, можно указать и на преобладание среди изделий Афонтовой Горы 3 более ранних форм ядрищ. Наряду с крупными галечными нуклеусами здесь имеются мелкие односторонние одноплощадочные формы, характерные для финала мелкой пластинчатой индустрии в долине Енисея (Ауэрбах 1930: табл. 8, 3, 7, 10–13). В целом, в инвентаре прослеживается сочетание признаков, характерных для мелкой пластинчатой индустрии и типично афонтовских способов обработки камня. Вероятно, находки из основного горизонта стоянки Афонтова Гора 3 геологически одновременны комплексу изделий из культурного слоя 6 стоянки Афонтова Гора 2 (раскопки 1991–1992 гг.).

Напомним, что ниже по разрезу на второй стоянке найдены культурные слои 7 (в красноцветной прослойке интерстадиала 16,5–15,5 тыс. лет) и 8. Материалы из этих горизонтов отражают заключительный этап существования какой-то каменной индустрии, характеризующейся наличием радиальных ядрищ, орудий с бифасиальной обработкой, единичных резцов, выемчатых форм. Традиции изготовления скребел с двусторонней обработкой прослеживаются и в материалах вышележащих культурных горизонтов стоянки Афонтова Гора 2, что позволяет говорить о преемственности в технике расщепления камня. Но комплексы афонтовской культуры (впрочем, как и кокоревской) отличаются от более ранних наличием принципиально нового способа получения заготовок, основанного на использовании, в первую очередь, большой серии мелких торцовых нуклеусов. Таким образом, хронологическая граница между самыми ранними комплексами афонтовского типа и памятниками с мелкой пластинчатой индустрией или стоянок с орудиями с бифасиальной обработкой может соответствовать времени формирования культурного слоя 7 стоянки Афонтова Гора 2.

В целом существование афонтовской культуры в этом районе по совокупности данных определяется от 15–14 тыс. лет назад до первой половины голоцена. Кокоревские комплексы на этой территории пока неизвестны.

Несколько более сложная картина развития позднепалеолитического инвентаря фиксируется по материалам стоянок Лиственка и Бирюса в южной части Восточного Саяна. В верхних культурных горизонтах (1–4) первого памятника представлен уже достаточно поздний инвентарь афонтовского типа, имеющий возраст в пределах 12,2–10,3 тыс. лет (Акимова 1993). Эти горизонты подстилались культурными отложениями с пластинчатыми изделиями кокоревской культуры. На стоянке Бирюса коллекция из самого нижнего слоя, к сожалению, в настоящее время утраченная, включала пластинчатые изделия кокоревского облика (Ауэрбах, Громов 1935). Самые ранние материалы афонтовской культуры на этом памятнике по данным радиоуглеродного анализа имеют возраст не древнее 14,5 тыс. лет назад (Кузьмина, Синицына 1995). Традиции афонтовской культуры в обработке камня прослеживаются в этом районе тоже вплоть до середины голоцена.

В Чулымо-Енисейской котловине, судя по имеющимся в настоящее время данным, афонтовская культура появляется несколько позже кокоревской. Из памятников на высоких террасах наиболее ранним является комплекс стоянки Куртак 3, на низких – материалы из нижних слоев стоянки Кокорево 4а. Возраст находок, судя по радиоуглеродным датам, не древнее 14,5 тыс.

лет. Инвентарь этих памятников объединяет несколько больший по сравнению с поздними афонтовскими комплексами индекс пластинчатости, наличие комбинированных орудий. «Двойник» Афонтовой Горы 2 – стоянка Кокорево 2 относится к концу ньяпанской стадии сартанского оледенения, а культурный слой стоянки Кокорево 3 формировался в условиях кокоревского потепления (13,5–12,2 тыс. лет назад). Развитие афонтовской культуры в этом районе прослеживается вплоть до конца плейстоцена (Кокорево 6, Кокорево 4а, слой 1).

В Приенисейской части Батеневского кряжа афонтовская культура, судя по материалам таштыкских стоянок, появляется, примерно, в то же время, что и в Чулымо-Енисейской котловине или несколько позже, и существует на этой территории также до конца плейстоцена (Большая Ирджа, Лепешкино 1, Батени). Интересно отметить, что памятники кокоревской культуры здесь не встречаются в период от кокоревского потепления до голоцена.

В Абакано-Енисейском междуречье пока найдены только поздние памятники афонтовской культуры, возраст которых определяется в рамках 12–11 тыс. лет назад. Стоянки кокоревской культуры на этой территории отсутствуют. Крупная пластинчатая индустрия представлена своеобразным инвентарем Улугбиля, истоки формирования которого пока неизвестны, а время ее появления в данном регионе фиксируется пока на уровне не древнее 15 тыс. лет назад.

Вопрос о взаимоотношениях между носителями традиций афонтовской культуры и комплексов типа Улугбиля остается открытым. По имеющимся материалам можно предположить развитие двух традиций обработки камня вплоть до голоцена. Пластинчатая техника прослеживается в комплексах разного времени – Улугбиль, Конгурэ, Хызыл-Хая, Хырхазы, техника скалывания отщепов – Сосновое озеро, Утух-хая-кисте.

В горах Западного Саяна господство афонтовской традиции расщепления камня прослеживается с самых ранних этапов вплоть до неолита. Истоки формирования подобных комплексов, как уже отмечалось, следует искать в материалах стоянки Уй 1 (Васильев 1996). На этом фоне несколько неожиданным кажется появление здесь пластинчатого инвентаря стоянки Голубая 1, возраст которого определяется в пределах 13 тыс. лет (Астахов 1993). Интересно отметить, что и в этом районе фиксируется сосуществование двух культурных комплексов, разделенных территориально только узким каньоном Енисея.

Таким образом, для позднего этапа верхнего палеолита юга Средней Сибири характерно появление разных направлений в технике расщепления камня, как в пределах пластинчатой индустрии, так и среди комплексов с господством техники отщепа. Последние, судя по имеющимся материалам, вытесняют пластинчатые комплексы к концу плейстоцена и занимают господствующее положение в первой половине голоцена, определяя «эпипалеолитический» облик инвентаря.

Большинством исследователей конец палеолита в Северной Азии в настоящее время не связывается с наступлением голоцена. Хронологические рамки мезолита как переходной эпохи от финала палеолита к неолиту сокращаются. В отдельных регионах мезолит не выделяется. В Приморье позднепалеолитическая техника раскалывания камня существовала вплоть до 8 тыс. лет назад, а затем появились неолитические комплексы (Кузнецов 1992). Финал палеолита в Северо-Восточной Азии связывается с раннеголоценовой сумнагинской культурой (10,5–6,0 тыс. лет назад), которая сменяется непосредственно неолитом. Столь длительное существование палеолитических традиций в данном регионе объясняется тем, что климатические колебания в голоцене не были столь значительными, чтобы существенно повлиять на жизнь людей (Мочанов 1977).

В горах Южной Сибири между концом плейстоцена и первой половиной голоцена не фиксируется каких-либо существенных изменений климата. Отмечается постепенное потепление и наступление степных палеоландшафтов на лесную зону (Ендрихинский 1982; Белова 1985). В Абакано-Енисейском междуречье существование палеолитической индустрии отмечается вплоть до рубежа первой и второй половины голоцена. Вопрос о выделении на этой территории комплекса позднего мезолита или раннего неолита остается открытым, так как эту проблему нельзя решить на материалах дюнных стоянок. В северной части Западного Саяна, судя по единственному мезолитическому памятнику – Сосновке Голованьской, – в раннем голоцене прослеживается продолжение традиций афонтовской позднепалеолитической культуры. Находки на Майнинской стоянке, залегающие в основании современной почвы, отнесены к «бескерамическому неолиту» (Васильев 1981, 1987).

На стоянке Бирюса, расположенной в отрогах Восточного Саяна, афонтовская традиция расщепления камня прослеживается во всех культурных горизонтах, вплоть до неолита. Интересно отметить возрастание роли скребел для мезолитического и неолитического комплексов стоянки (до 33% орудийного набора коллекции верхнего слоя).

На территории Красноярской лесостепи наиболее ранние неолитические находки датируются временем около 7 тыс. лет назад и представлены комплексами со шнуровой керамикой. К мезолиту отнесены немногочисленный комплекс каменных и костяных изделий из культуросодержащих горизонтов 17–12 пещеры Еленева, датированных по С-14 в пределах 10,5–7 тыс. лет

назад. Основная часть находок представлена отщепами и микропластинками без следов дополнительной обработки, в верхних горизонтах найдены тесло со следами шлифовки, нож с двусторонней обработкой, концевой скребок, обломок наконечника стрелы. Среди костяного инвентаря выделяется группа однопазовых и двухпазовых наконечников (Макаров, Орлова 1992).

Достаточно спорным является разделение финальноплейстоценовых и раннеголоценовых находок каменного инвентаря Забайкалья на финальнопалеолитический и мезолитический комплексы (Константинов 1994). По материалам многослойных стоянок Студеное 1, Усть-Менза 1 и других прослеживается медленное (эволюционное) развитие техники расщепления камня, основанное на получении большой серии микропластин с торцовых клиновидных нуклеусов. Вплоть до неолита в коллекциях стоянок, начиная с начала голоцена и до времени около 6,5 тыс. лет назад, фиксируется практически одинаковый набор орудий, представленных скреблами разных модификаций, скребками, долотовидными и галечными орудиями, остроконечниками на крупных пластинах с краевой ретушью, трансверсальными резцами на пластинках и угловыми резцами на микропластинках. По сравнению с материалами позднего этапа верхнего палеолита Енисея в Забайкалье коренные изменения не прослеживаются ни в составе инвентаря, ни в хозяйственном укладе, ни в объектах охоты.

В то же время в комплексах первой половины голоцена в Забайкалье, впрочем, как и в других регионах Сибири, техника расщепления камня становится постепенно все более совершенной, получают распространение такие формы орудий, как топорики и тесла, гарпуны из кости и рога, рыболовные крючки. Можно согласиться с мнением М. В. Константинова, что эволюционное развитие материальной культуры на этом отрезке времени не должно определяться как застойное явление.

Более сложное положение с определением финала позднего палеолита складывается при анализе материалов Верхнего Приангарья. Использование в этом регионе плитчатого кремня, позволяющего получать стандартизированные пластинчатые заготовки, определило своеобразный облик каменной индустрии, имеющей ряд сходных черт на протяжении второй половины сартанского времени – первой половины современной эпохи. Отсутствие стратифицированных памятников в диапазоне 17–12 тыс. лет, наличие немногочисленных местонахождений, инвентарь которых находится на начальной стадии изучения и предположительно датируется этим временем, препятствуют попыткам выяснить генезис мезолита в бассейне р. Ангары.

Возраст мезолитической индустрии в Приангарье определяется в рамках 12–9/8 тыс. лет назад (Стратиграфия, палеогеография... 1990).

Четкого представления о преемственности форм мезолитического инвентаря на раннем этапе его существования с палеолитическими комплексами на юге Восточной Сибири пока не существует. Предполагается, что в этот период шире, чем в последующее время, развита техника бифасиальной обработки изделий, больше ядрищ, близких по морфологии к различным вариантам параллельного расщепления, чаще фиксируется наличие простых форм скребел, чопперов. В среднемезолитическое время сколько-нибудь значительных изменений в ассортименте индустрий не произошло: уменьшается доля ядрищ с параллельным принципом расщепления, увеличивается количество торцовых микронуклеусов, появляются топорики, тесла, серии многофасеточных резцов на пластинах (Медведев и др. 1975).

Критерии выделения мезолита, предложенные группой иркутских археологов, не нашли должного понимания и признания у других исследователей, и этот этап археологической периодизации оказался выделенным в рамках конца плейстоцена только на ограниченной территории Восточной Сибири. По сути дела, наличие бифасиальных изделий, групп крупных и мелких ядрищ и основной набор изделий со вторичной обработкой в коллекциях раннемезолитических памятников Приангарья характерны в различных сочетаниях для многих верхнепалеолитических комплексов Северной Азии и по этим признакам относятся к заключительной фазе палеолита Сибири (Абрамова 1989).

Таким образом, судя по материалам наиболее изученных в археологическом отношении регионов Северной Азии, прослеживается плавное (эволюционное) перерастание позднего палеолита этой обширной территории в неолит, а техника торцового скалывания фиксируется вплоть до эпохи раннего металла.

Абрамова, З. А. 1966. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея // Советская археология 3: 9–16.
1979. Палеолит Енисея (афонтовская культура). Новосибирск.
1979а. Палеолит Енисея (кокоревская культура). Новосибирск.
1989. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии: 147–256. Ленинград.

Абрамова, З. А., С. Н. Астахов, С. А. Васильев, Н. М. Ермолова, Н. Ф. Лисицын. 1991. Палеолит Енисея. Ленинград.
Акимова, Е. В. 1992. Неопубликованные коллекции Афонтовой горы // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края 1: 59–64. Красноярск.
1993. Палеолит Красноярского археологического района. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
Астахов, С. Н. 1966. Поселения Афонтовой Горы и их место в палеолите Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград.

1966а. Позднепалеолитическая стоянка Кокорево 4 // Советская археология 2: 288–294.
1984. Позднепалеолитическая стоянка Афонтова Гора 3 // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск: 10–13.
1986. Палеолит Тувы. Новосибирск.
1993. Палеолит Тувы. Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Санкт-Петербург.
Ауэрбах, Н. К. 1930. Палеолитическая стоянка Афонтова Гора 3 // Труды Общества изучения Сибири и ее производительных сил 7: 1–48. Новосибирск.
Ауэрбах, Н. К., В. И. Громов. 1935. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок близ Красноярска // Известия Государственной Академии истории материальной культуры 118: 219–245. Ленинград.
Ауэрбах, Н. К., Г. П. Сосновский. 1932. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора // Труды комиссии по изучению четвертичного периода 1: 45–113.
Белова, В. А. 1985. Растительность и климат позднего кайнозоя юга Восточной Сибири. Новосибирск.
Васильев, С. А. 1981. Сосновка Голованьская – новый памятник каменного века в Западном Саяне // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 165: 123–125.
1987. Жилые и производственные структуры нижнего слоя позднепалеолитической стоянки Уй 1 на Енисее // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии: 38–39. Иркутск.
1992. Палеолит Енисея: итоги и проблемы // Российская археология 4: 5–17.
1996. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). Санкт-Петербург.
Вишняцкий, Л. Б. 1984. Позднепалеолитическая стоянка Березовый Ручей 1 // Проблемы исследования каменного века Евразии: 99–102. Красноярск.
Вишняцкий, Л. Б., Г. Н. Курочкин, А. Н. Мелентьев, Н. Ф. Лисицын. 1986. Палеолитическая стоянка в Красноярском крае // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 188: 100–105.
Громов, В. И. 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды ГИ (сер. геолог.) 64: 303–379.
Ендрихинский, А. С. 1982. Последовательность основных геологических событий на территории Южной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири: 6–35. Новосибирск
Константинов, М. В. 1994. Каменный век восточного региона Забайкальской Азии. Улан-Удэ – Чита.
Кузнецов, А. М. 1992. Поздний палеолит Приморья. Владивосток.
Кузьмина, И. Е., Г. В. Синицына. 1995. Значение фаунистических остатков для хронологии многослойной стоянки Бирюса на Среднем Енисее // Первое международное мамонтовое совещание: 620–621. Санкт-Петербург.
Лисицын, Н. Ф., Ю. С. Худяков. 1997. Дюнные стоянки Хакасии (Койбальская степь). Санкт-Петербург.
Макаров, Н. П., Л. А. Орлова. 1992. Мезолит пещеры Еленева // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке: 171–175. Красноярск.
Медведев, Г. И., Г. Н. Михнюк, П. Е. Шмыгун. 1975. Мезолит юга Восточной Сибири // Древняя история народов юга Восточной Сибири 3: 74–79. Иркутск.
Мочанов, Ю. А. 1997. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.
Поляков, А. С. 1991. Стоянки Березовый ручей-II в зоне строительства КАТЭКа // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири: 47–51. Иркутск.
Сосновский, Г. П. 1934. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной конференции АИЧПЕ 5: 247–290. Ленинград-Москва-Новосибирск.
1935. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины // Известия Государственной Академии истории материальной культуры 118: 152–218.
Стратиграфия, палеогеография... 1990. Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск.
Томилова, Е. А., И. В. Стасюк. 1994. Археологический материал нижних слоев Афонтовой Горы 2 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: 23–24. Барнаул.
Холюшкин, Ю. П. 1994. Палеолит Енисейской долины (предварительные результаты информационного анализа) // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая: 52–55. Новосибирск.
Цейтлин С. М. 1979. Геология палеолита Северной Азии. Москва.
Ямских, А. Ф. 1992. Лессовые породы в речных долинах Приенисейской Сибири. Красноярск.

THE FINAL STAGE OF THE UPPER PALEOLITHIC IN THE SOUTH OF MIDDLE SIBERIA

N. F. LISITSYN

The chronological frames of the Late Sartan glaciation and the early Holocene 15,5–9,5 kyr BP, define the final stage of the Upper Paleolithic in the south of Middle Siberia. The most well known are the assemblages attributed to Afontovo and Kokorevo cultures which differed in knapping techniques. The first was based on flake blanks and the second one – on blades.

The earliest site of Kokorevo culture is supposed to be Novoselovo 11. According to the stratigraphy observations the age of the finds is the interstadial 16,5–15,5 kyr BP. Also attributed to early Kokorevo culture is the lower cultural layer of Kokorevo 4b site dated by C14. The noontide of Kokorevo culture falling on Nyapan stadial 15–13 kyr BP comprises sites in the Minusinsk valley: Novoselovo 6, 7, 12, 13 (1), Kokorevo 1(2–3), Listvenka 1 (5–13). Dated by the end of this stadial or by the very beginning of the next Kokorevo interstadial are sites Pervomayskoye 1, Krutogorskoye, Podgornovskaya and Ayoshka 3.

The genesis of Afontovo culture is still under discussion. Attempts of dating this culture by the age

earlier than 20 kyr BP contradict the data based on the chronology of the South Siberian Paleolithic. Results of the new investigations on the eponymous site Afontova Gora 2 revealed 8 cultural layers three of which were not excavated in the 1920–1930th. Six upper cultural layers were deposited in the stratum of light grayish silt dated within 13–14 kyr BP.

The most complicated material culture development is marked by a number of sites in the south of Eastern Sayan mountains. In the cultural layers 1–4 of Listvenka 1 site the only late Afontovo cultural complex with dates 12,2–10,3 kyr BP was traced. These were underlain by Kokorevo culture layer. On the multilayer site Birusa the Afontovo knapping tradition was revealed in all cultural horizons as late as the Neolithic. The inventory of Beriozovyi Ruchei 1 site in the Nazarov valley has no analogies in the materials of either Kokorevo or Afontovo cultures though the upper layer is characterized by flake knapping and the lower one - by chiefly blade manufacturing.

In the Chulym-Yenisei watershed Afontovo culture arose some later than Kokorevo culture. The earliest is the site Kurtak 3 and the materials of the Kokorevo 4a lower cultural layers. The age of the finds according to the radiocarbon chronology is not earlier than 14,5 kyr BP. In the Batenevski Ridge area Afontovo culture appeared circa the same age or later and existed until the very end of the Pleistocene (Tashtyk 1,2, Bolshaya Irdzha, Lepeshkino, 1, Bateni).

Exclusively late sites of Afontovo culture dated by the age 12–11 kyr BP have been found in the Abakan-Yenisei watershed. The problem of Afontovo culture population coexistence with the bearers of the local Ulugbil-type assemblages characterized by combination of large and macro tools while lacking micro inventory is still unclear. Blade knapping is traced in asynchronous assemblages Ulugbil, Kongurae, Khyzyl-Khaya, Khyrkhazy, flake knapping – in Sosnovoye Ozero, Utukh-Khaya-Kiste.

In the West Sayan mountains the dominance of flake knapping has existed since the earliest stages up to the Neolithic. The sources of the local Afontovo culture formation are thought to derive from the Ui 2 site materials. An extraordinary phenomenon in this region seems to be the Golubaya 1 site industry based on regular blade knapping dating back to the 13 kyr BP.

Thus, during the latest phase of the Upper Paleolithic in the South of Middle Siberia various stone knapping styles were in progress both within blades-based and flakes-based cultural streamlines. According to the contemporary data flake knapping superseded blade knapping and became predominant in the first half of the Holocene turning into the Epi-Paleolithic stone knapping tradition.

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ: 250 000 ЛЕТ НАШЕЙ ИСТОРИИ[1]

ГЕРХАРД БОЗИНСКИ[2]

В среднем палеолите каменные орудия изготавливали обычно из качественных хорошо оформленных отщепов. Для получения таких отщепов соответствующим образом подготавливали ядрище, причем особенно важной для будущей формы отщепов была подготовка поверхности их расщепления (Boeda 1994). Такая техника, названная леваллуазской, развилась постепенно и ко времени около 300 000 лет тому назад распространилась повсеместно. Это и является археологическим признаком начала среднего палеолита. Конец среднего палеолита, соответственно являющийся началом верхнего палеолита, датируется около 40 000 лет тому назад. Таким образом, средний палеолит занимает на хронологической шкале четверть миллиона лет, что намного больше прошедшего с тех пор времени нашей истории.

В среднем палеолите был заселен весь Старый Свет, за исключением его высоких северных широт. Среднепалеолитические находки нам известны из Африки, Средиземноморья, Западной, Средней и Восточной Европы, Передней, Средней и Юго-Восточной Азии, а также из Южной Сибири. Соответственным разнообразием отличались и природные условия, в которых жил человек. Стоянки обнаружены в тропических саваннах, степях и лесостепях субтропиков, в умеренных широтах и континентальных степях Средней Азии. К ареалу обитания человека в ледниковые периоды относились лессовые степи («мамонтовые степи»), широкой полосой протянувшиеся через всю Евразию, от Китая до самой Атлантики. В любом случае, это были открытые ландшафты – степи или лесостепи, с большой животной биомассой. Густого, дремучего леса в этом ареале не могло быть, так как само существование крупных травоядных животных – слонов, носорогов, бегемотов вызывало образование множества полян и проплешин, так как они потребляли громадное количество растительной пищи.

Люди среднего палеолита были охотниками на крупных зверей. Если сравнить их охотничьи трофеи с добычей верхнепалеолитических людей, то складывается впечатление, что на действительно крупных зверей – слонов, носорогов, медведей, быков – охотились главным образом в среднем палеолите, в то время как в верхнем палеолите людям часто приходилось довольствоваться в основном лошадью и северным оленем.

Главным, а может быть, и единственным оружием в среднем палеолите было деревянное копье, или пика. Это оружие появилось еще в раннем палеолите, что подтверждается находками тисового копья из Клектона (Oakley, Andrews et al. 1977) и еловых копий – из Шенингена (Thieme 1996). Очень знаменита находка тисового копья длиной 2,5 м из Лерингена (Thieme, Veil 1985) в Северной Германии. Это копье, датирующееся последним межледниковьем, то есть около 125000 лет тому назад, залегало под костными остатками лесного слона на берегу древнего озера, причем оно осталось именно на месте охоты, так как было сломано и придавлено тяжелой тушей зверя. Как правило, копья и пики уносились с места охоты. Примером могут служить местонахождения со скелетами лесных слонов в Аридос (Испания) (Santonja, Querol 1980) и Греберне (Германия) (Erfurt, Mania 1990; Weber, Litt 1991). Это и понятно, так как изготовление копий требовало значительных усилий.

Иногда такие копья имели каменные наконечники. В шейном позвонке дикого осла, найденного в Умм Эль Тлель (Сирия) (Boeda, Geneste et al. 1999), был обнаружен осколок леваллуазского кремневого острия, служившего наконечником деревянного копья.

На использование леваллуазских острий в качестве наконечников еще ранее обратил внимание Джон Ши (Shea 1993, 1997).

В этом году в Ильской мы нашли часть скелета зубра и непосредственно рядом с костями залегало маленькое плоскоретушированное каменное острие. Кроме того, между костями был найден маленький осколок, вероятно, дистальная часть подобного же острия.

Можно хорошо себе представить, что деревянные копья и пики были не только оружием, но и неотъемлемым атрибутом жизни древнего

[1] Доклад в ИИМК РАН в Санкт-Петербурге 14 ноября 2001. За перевод немецкого текста я благодарю Марию Желтову.

[2] Gerhard Boisinski. Römiseh-Germanisches Zentralmuseum Forsehungsinstitut für Vor- und Frühgesechichte Forsehungsbereich Altsteinzeit Schoss Monrepos D-56567 Neuwied Deutsehland.

© Г. Бозински, 2003

человека, служа ему посохом, инструментом для выкапывания корней и для множества других целей.

Охота на различных зверей требовала различных охотничьих стратегий. Необходимым было точное знание образа жизни зверя и охотничьей территории, топография которой являлась важным фактором для охоты.

Охота на лесного слона по берегам рек и озер многократно подтверждается находками. Единичные особи были обнаружены в Лерингене, Грёберне и Аридос. В травертинах Эрингсдорфа и Таубаха близ Ваймара были найдены бивни и кости многочисленных лесных слонов, возрастная пирамида которых уже более 80 лет тому назад была проанализирована Вольфгангом Зоргелем (Soergel 1922). В Эрингсдорфе преобладают взрослые особи, 20–50 лет (40%), в то время как очень молодые и старые встречаются в значительно меньшем количестве. В Таубахе соотношение обратное: здесь преобладают молодые животные.

Охота на мамонта ледниковой эпохи известна нам, среди прочего, по материалам Ильской стоянки на Кубани (Ščelinskij 1998). У стоянки долина р. Иль, примерно в 100 м перед выходом на Кубанскую равнину, образует сужение, которое в свое время было почти полностью занято болотистой речной низиной. Для свободного прохода оставался лишь узкий перешеек твердой суши, который охотники, вероятно, тоже перекрывали. В этой топографической ситуации и убивали мамонтов, среди которых был взрослый самец с мощными бивнями длиной 2,9 м.

В Ла Котт де Сент Брелад (Callow, Cornford 1986) на современном острове Джерси, на плато, животных загоняли к краю пропасти, откуда они падали в трещину в скале и погибали. На дне этого ущелья лежат огромные скопления костей мамонта и каменные орудия, которыми разделывали туши.

В Ла Котт в такую ловушку кроме мамонтов попадали и носороги. Другие свидетельства охоты на носорогов предоставлены нам травертинами межледниковья из Таубаха и Эрингсдорфа (Soergel 1922; Bratlund 1999). Согласно заключению Зоргеля, в Таубахе обнаружены кости более 100 особей лесного носорога, среди которых абсолютно преобладали молодые животные (71,4%). В Эрингсдорфе, напротив, почти половину (40%) составляют взрослые носороги.

Охота на зубра и тура иллюстрируется находками из разных мест, причем часто отчетливо видно, какое важное место в охотничьей стратегии занимала топографическая ситуация. В Кудулуз (Brugal 1999; Geneste, Jaubert 1999) и Ла Борд (Jaubert, Lorblanchet et al. 1990) на р. Лот в южной Франции зубров и туров загоняли в карстовом районе к глубоким шахтам, куда они падали и разбивались насмерть. Аналогичным способом охотились, как мы знаем, на бизонов на Высоких Равнинах Северной Америки (Frison 1978). В Моран (Farizy, David et al. 1994; David, Fosse 1999) на Гаронне зубров загоняли в пропасть между скалой и рекой и там убивали. В Ильской охотники поджидали свои жертвы на узком месте долины р. Иль, ставшем роковым и для мамонтов.

Общий половозрастной анализ костных остатков убитых животных позволяет понять, какие группы среди них представлены. В Кудулуз преобладают самки и молодые особи; здесь охотились на «сосунков». В Валлертхайме (Райнгессен, Германия) (Gaudzinski 1992) и Ильской, напротив, в основном убивали животных в самом расцвете сил. Для Ильской уже Вера Громова (Gromova 1932) отмечала преобладание взрослых животных, а новыми данными уточнено, что речь идет главным образом о быках (Hoffecker, Baryshnikov et al. 1991).

Как и в местах охоты на бизонов на североамериканских Равнинах, возле мест древней охоты находятся «разделочные площадки». На них встречаются очаги и каменные плиты, служившие для разделки туш и в качестве сидений, каменные орудия и оставшиеся на месте разделки кости животных.

Медведь был важным объектом охоты в Эрд (Венгрия) (Gabori-Csánk 1968), Биаш (северная Франция) (Tuffreau, Somme 1988; Auguste 1992, 1995) и Таубахе. В Таубахе на медвежьих фалангах имеются группы линейных следов от режущих инструментов, получившиеся при снятии шкуры (Bratlund 1999).

Что касается исследований в пещерах, то здесь ситуация с костями пещерных медведей часто остается неясной. Большая часть столь многочисленных костей пещерных медведей принадлежала, несомненно, особям, умершим естественной смертью. Однако представляется возможным, что некоторые животные были все-таки убиты человеком.

Олени являлись важным объектом охоты во многих местах. На Ближнем Востоке в основном охотились на лань, кости которой в огромных количествах встречаются на многих стоянках Палестины. Во времена межледниковья на лань охотились и севернее Альп. Особенно выразительны свидетельства этой охоты из Ноймарк-Норд (Саксен-Ангальт, Германия) (Mania, M. Thomae et al. 1990).

Северный олень был очень важной дичью в Европе ледникового периода. Сабине Годзински смогла показать, что в Зальцгиттер-Лебенштедт за одну-единственную охоту было убито более 70 животных (Gaudzinski 1998).

Специальные места охоты на лошадь в среднем палеолите нам известны, например, в Зволлен (Польша) (Schild, Tomaszewski et al. 2000) и у подножия скал Солютре (восточная Франция) (Combier 1956). Здесь лошадей убивали, загнав в узкое место между долиной Соны и горным массивом Макон.

В определенное время и в определенных местах достаточно важным объектом охоты был и дикий осел. Средний палеолит Крыма буквально носит на себе отпечаток охоты на дикого осла и сайгу. Выше упоминалось уже о леваллуазском острие, застрявшем в шейном позвонке дикого осла из Умм Эль Тлель в Сирии.

В горах Средней Азии излюбленным объектом охоты были азиатский муфлон (Ovis orientalis) и сибирский козел (Capra sibirica). Материалы пещерных стоянок Тешик-Таш (Тешик-Таш 1949) и Аман Кутан (Бибикова 1958) показывают, что животных настигали на высоте более 1500 м над уровнем моря.

Таким образом, мы имеем множество примеров, подтверждающих, что охотники среднего палеолита были очень искусными и удачливыми. Едва ли необходимо еще раз подчеркнуть, что при столь простом вооружении – деревянных копьях и пиках – точное знание поведения животных, охотничьей территории и использование топографии местности в охотничьей стратегии играло гораздо более важную роль, чем в охоте более поздних времен.

Однако нельзя сказать, что охотились только на крупных животных. На материалах стоянки Булен (Гессен, Германия) Анне Истхэм (Eastham 1998) удалось показать, что люди среднего палеолита были очень искусными в ловле птиц. Здесь насчитывается 27 различных видов птиц, среди которых представлены крупные водоплавающие (лебедь, гусь, утка), куриные (глухарь, белая куропатка, бекас) и хищные птицы (орел, ястреб, пустельга).

Данные о рыболовстве до сих пор очень скудны. Это обстоятельство может объясняться плохой сохранностью костных остатков рыб. Однако материалы из пещеры Кударо I (Южная Осетия, Кавказ) (Цепкин 1980) демонстрируют нам яркий пример ловли лососевых рыб. Кроме того, в VIII слое грота Вофрей (Дордонь) (Rigaud 1988) была найдена 71 рыбья кость.

Очень часто и, без сомнения, совершенно справедливо, говорится о собирательстве как о другой важнейшей части жизнеобеспечения человека. К сожалению, мы практически не имеем данных о нем, так как остатки плодов собирательства почти не сохранились.

Разумеется, весной собирали птичьи яйца. В Булен (Eastham 1998) было найдено большое количество яичной скорлупы, часть которой может быть здесь потому, что на окружающих скалах птицы высиживали яйца.

Растительный компонент рациона был очень разным в разные периоды вегетации и в различных природных условиях. Нет сомнения, что все имевшиеся в наличии съедобные растения и плоды интенсивно использовались.

В травертине Эрингсдорфа были обнаружены отпечатки яблок, груш и лесных орехов (Behm-Blancke 1960), в Рабуце (Саксония, Германия) (Toepfer 1958) – скорлупа лесных орехов. Думается, что было бы противоестественно, если бы люди не употребляли их в пищу.

Многочисленные находки каменных плиток со следами растирания и шлифовки указывают на то, что их могли использовать при приготовлении растительной пищи. Наиболее впечатляющей является находка доломитовой плиты из Ильской (Ščelinskij 1998). Ее края тщательно обтесаны, а на обеих поверхностях имеются отчетливые следы сильной сработанности.

С самого начала исследований особое внимание уделялось пещерам и гротам, так что в определенный момент сложилось впечатление, что люди палеолита, в частности среднего палеолита, были «пещерными людьми». Это не так. Пещеры и скальные навесы представляли собой естественное убежище во все времена и как таковое не потеряли своего значения и сегодня. Стоянки на открытом пространстве гораздо многочисленнее. В Молодова на Днестре Александр Черныш открыл остатки округлого жилища, цоколь стен которого состоял из крупных костей мамонта (Черныш 1982). Несколько менее впечатляющими представляются мне остатки жилища, врезанного в склон, расчищенные мной в Ариендорфе на Рейне (Bosinski, Brunnacker et al. 1983). Это четкие очертания полукруга, прекрасно читающиеся в лессе. Правда, некоторые коллеги полагают, что здесь, скорее, речь может идти о выворотне от упавшего дерева (Turner 1997). До сих пор нет твердой уверенности, что остатками жилищ в действительности являются конструкция, найденная мной в Рейндален-Вестванд (Нижний Рейн) (Bosinski, Brunnacker et al. 1966) и контур, реконструированный Алленом Тюффро в Биаше (Северная Франция) (Tuffreau, Somme 1988) в горизонте D 1.

Тем не менее, несмотря на скудость имеющихся у нас данных, можно все же сказать, что люди жили в округлых жилищах.

В пещерах и на открытом пространстве мы часто находим очаги. Сохранившийся в них уголь указывает, что помимо дерева, топливом служили кости – Булен (Jöris 2001), грот Зессельфельз (Richter 1997).

На некоторых стоянках открытого типа имеются концентрации находок, представляющие собой остатки жилых мест. При этом здесь может идти речь об одном поселении со многими жилищами, или просто об одном удобном месте, многократно посещаемом одной и той же группой людей. Наблюдения больше свидетельствуют в пользу гипотезы многократных посещений одной группы. Так, в Рейндален на Нижнем Рейне, имеется ряд концентраций находок, удаленных друг от друга на расстояние до 200 м (Schmitz, Thissen 1998). Такое расположение находок указывает на то, что одно и то же место заселялось многократно. В пещере, где ареал обитания жестко ограничен, такие много-

кратные посещения приводят к образованию одного мощного культурного слоя. Исследования в гроте Вофрей (Geneste 1988, 1989) и других пещерах (Beck 1999) показали, что такие «богатые находками» слои являются результатами многократных посещений.

Сведения, которыми мы сейчас располагаем, позволяют заключить, что небольшие группы людей делали краткосрочные остановки на определенных местах и затем неоднократно стремились снова их отыскать. До сих пор для среднего палеолита нам неизвестны долгосрочные поселения больших групп людей. Складывается впечатление, что общество было очень мобильным, маленькие группы людей проходили через большие территории, делая лишь короткие остановки на определенных местах.

Напрашивается вывод, что эти конкретные места стоянок людей имели определенное значение. Возможно, с ними были связаны сезонные миграции животных, период созревания каких-либо плодов и ягод, собирание птичьих яиц. Требуется проделать еще очень много работы, чтобы ответить на этот вопрос.

Не менее сложная проблема заключается в том, как определить величину территории, используемой одной человеческой группой. Здесь нам помогает привычка людей среднего палеолита переносить с собой с места на место готовые каменные орудия, вставленные в рукояти (например, наконечники копий и ножи). Когда эти орудия становились по каким-то причинам непригодными, то их периодически заменяли или заостряли.

Поэтому на стоянках мы нередко находим отщепы приострения орудий или сами орудия, изготовленные из таких пород камня, которые абсолютно не встречаются в местах расположения этих стоянок. Хорошей иллюстрацией являются, например, стоянки Среднего Рейна в кратерах потухших вулканов. В Тёнхесберге (Conard 1992) была найдена чешуйка маасского кремня, полученная при приострении орудия. В Швайнскопфе (Schafer 1987, 1990), Ваннен (Justus, Urmersbach 1987) и Плайдтер Хуммерих (Kroger 1987) найдены целые орудия из такого кремня. Этот характерный тип кремня происходит из области Маас, что расположена в 100 км к северо-западу от вулканов (Floss 1994). Таким образом, можно заключить, что используемая группой людей территория имела как минимум 100 км в диаметре.

Очень часто на новом месте люди изготавливали новые каменные орудия, вставляли их в рукояти ножей, оснащали ими и древки копий и уносили с собой. Вследствие этого на стоянках вблизи выходов местного сырья мы находим лишь отщепы и ядрища, тогда как ретушированные орудия на них крайне редки.

До сих пор мы ничего не знаем о структуре этих маленьких групп среднепалеолитических людей. Предполагалось, что это были семьи. Есть очень важное наблюдение, что в этих группах были раненые и калеки, и о них заботились. Человек, погребенный в Неандерталь близ Дюссельдорфа, имел не только залеченные ранения черепа (Schaaffhausen 1888). Еще в юности его левый локтевой сустав был настолько сильно поврежден при ударе или укусом зверя, что впоследствии он не мог ни сгибать, ни поднимать руку. Тем не менее, он дожил почти до 60 лет. Человек, похороненный в Ля-Шапель-о-Сен (Boule 1911–13; Dastague, de Lumley 1976), тяжело страдал от врожденной дисплозии тазобедренного сустава и сильно хромал. Скелеты из погребений Шанидар в Ираке наводят на мысль о больничном кладбище (Trinkaus 1983). Один мужчина был частично парализован и слеп вследствие удара камнем или чего-то подобного. Несмотря на эти тяжелые увечья, он много лет прожил в своей группе. Другой костяк имеет следы тяжелого ранения, скорее всего копьем. Несмотря на то, что внутренние органы были серьезно повреждены, этот человек жил еще несколько недель.

Из этих фактов можно сделать вывод, что в группах была развита солидарность и взаимовыручка, дававшие жизненные гарантии раненым и увечным. То есть условия жизни были настолько стабильными, что делали возможной такую социальную организацию.

Каменные артефакты среднего палеолита, как правило, указывают на развитую технику. Они изготовлены из тонкозернистых стекловидных кремнесодержащих пород хорошего качества, пригодных для расщепления и обработки путем оббивки каменным, роговым или деревянным отбойником. Для отмечавшейся уже типичной для среднего палеолита техники леваллуа необходимы были гомогенные, хорошо расщепляемые горные породы. Кроме того, каменное сырье должно было быть доступным в больших количествах, так как эта техника очень материалоемкая. Поэтому с начала среднего палеолита встречаются камнеобрабатывающие мастерские на удобных выходах сырья. Притом это могли быть выходы обсидиана, как в Сатани Дар в Армении (Паничкина 1950), кремня, как в Марккллеберге близ Лейпцига (Grahmann 1955; Baumann, Mania 1983) или кварцита, как в Рейтерсру в Гессене (Luttropp, Bosinski 1971). На таких местах всегда находят тонны артефактов, которые не мог бы вместить ни один музей. И неизменно большинство находок составляют ядрища и отщепы, готовые же орудия в большинстве своем были унесены с места изготовления. Нигде так хорошо нельзя изучить технику расщепления, как в таких мастерских. Сотни ядрищ и тысячи отщепов одной и той же формы не оставляют сомнений в методе и сущности техники расщепления. Примеры классической техники леваллуа, при которой с одного подготовленно-

го ядрища получается лишь один леваллуазский отщеп, встречались нам лишь на таких мастерских. В других местах, в стороне от выходов сырья, никто не мог себе позволить такой расход материала. Люди посещали такие мастерские многократно, в течение среднего палеолита и часто вплоть до неолита. В большинстве случаев нет возможности разделить находки хронологически. В Марккллеберге находки залегали под моренами максимального оледенения и поэтому могут быть отнесены к ранней поре среднего палеолита. На выходах андезита в Королево близ Ужгорода (Гладилин, Ситливый 1990) различная степень патинизации андезитов позволяет разделить материал хронологически. В других случаях огромные массы каменных артефактов на таких мастерских нельзя отнести к какому-либо отрезку среднего палеолита и все, что мы можем, это изучать здесь технику расщепления.

Каменные орудия в среднем палеолите были представлены остриями, ножами и скреблами. Режущие орудия, составляющие функциональную категорию ножей, изготавливались весьма различными способами. Так, например, ножи «мустье ашельской традиции» (MtA) представляли собой отщепы или пластины с притупленным краем; лезвием у них являлся необработанный край заготовки. Ножи кайльмессергруппен («микокские»), напротив, имели двусторонне ретушированное лезвие и толстый обушок.

Острия частично были наконечниками составного оружия. Ими оснащались копья и дротики. Остальные острия, неподходящие для этого, были в действительности ножами или скреблами.

Разнообразные формы скребел имели, соответственно, различные функции; трасологический анализ позволил выделить среди них орудия для обработки дерева, шкур, а также ножи.

В коллекциях имеются еще орудия с частично ретушированным или зубчатым краем, изделия с ретушированными выемками или маленькими остриями. Кроме того, точно известно, что многие отщепы без вторичной обработки (ретуши) также использовались в качестве орудий.

Проделанный Вячеславом Щелинским (Щелинский 1994) трасологический анализ следов использования среднепалеолитических каменных орудий показал, что такие простые формы, как зубчато-выемчатые служили для самых разных видов деятельности. Это были быстро изготовленные полифункциональные орудия. Напротив, тщательно ретушированные формы, на изготовление которых тратилось много времени и труда, имели одну-единственную функцию. В этом случае форма и функция образовывали единство, поэтому даже без изучения следов использования можно определить функцию орудия.

На обширном пространстве, заселенном в среднем палеолите на протяжении этой долгой эпохи существовало множество разных форм орудий, и набор типов был также разнообразен. Эти пространственные и временные различия обязаны своим возникновением вовсе не разным функциям орудий. В хронологическом плане это результат традиций, а в пространственном – коммуникаций. Для решения этих вопросов имеют значение, разумеется, только тщательно ретушированные полностью обработанные формы орудий, в то время как простые, полифункциональные формы, такие как зубчато-выемчатые, возникали повсеместно. Таким образом, особенно в поздней поре среднего палеолита времени последнего оледенения, имеются различные группы форм – например, «мустье ашельской традиции», «кайльмессергруппен» («микок»), леваллуазско-мустьерские, пластинчатые типа «Рейндален» и т. д., занимающих различные ниши во времени и пространстве. Эти группы форм, возникшие благодаря традициям и коммуникациям, часто имеют еще внутреннюю структуру, позволяющую проследить их развитие и изменение во времени.

Такие группы форм иногда воспринимаются как культуры. Однако мы должны принять во внимание, что речь идет только о каменных орудиях, которые в среднем палеолите имели далеко не столь большое значение, которое мы поневоле придаем им в своих работах. Многие другие составляющие компоненты материальной культуры, как и мировоззрение древних людей нам неизвестны. Поэтому мне представляется более правильным говорить о группах форм каменных изделий, а не о культурах среднего палеолита.

Для изготовления каменных орудий, помимо тонкозернистого стекловидного кремня, использовалось множество других пород, в том числе сланцевые плитки и гальки. Частично эти орудия были нужны для грубых работ, таких как рубка деревьев и дробление костей животных.

Следы использования на каменных орудиях свидетельствуют о важной роли в среднем палеолите, как и в нижнем палеолите, обработки дерева. Мы должны исходить из того, что существовало много предметов и орудий из дерева. Предположительно, многие предметы обихода изготавливались из растительных волокон и кожи. Однако в качестве реального подтверждения мы имеем лишь тисовое копье из Леринген.

Ножи, острия и скребла часто имели рукояти из дерева (Beyries 1987; Friedman, Goren-Inbar 1995). В Кенигзауе (Mania, Toepfer 1973) было найдено 2 кусочка смолы. Больший из них, в форме буквы U, имеет снаружи отпечатки текстуры древесины, а внутри – отпечаток двусторонне ретушированного края каменного орудия. По результатам новейших анализов (Grünberg, Graetsch et al. 1999), это не что иное, как березовый деготь, смолистая субстанция, получаемая при перегонке бересты при температуре не ме-

нее 350° и последующем сгущении. Такой деготь можно получить лишь при долговременной «сухой перегонке» без доступа воздуха, и до сих пор непонятно, каким образом удавалось его изготавливать в среднем палеолите при отсутствии огнеупорной посуды. В материалах Умм Эль Тлель близ Эль Каум (Сирия) (Boeda, Connan et al. 1996) также описаны «битумы» для крепления в деревянных рукоятях среднепалеолитических каменных артефактов. Вероятно, для того же использовались и найденные в Бокштайн (Wetzel, Bosinski 1969) и пещере Кульна (Valoch 1988) кусочки смолы.

Если бы удалось раскопать памятники с сохранившимися деревянными предметами, это имело бы решающее значение для понимания материальной культуры среднего палеолита.

Кость и рог сохранились на многих стоянках. Однако лишь в редких случаях эти материалы имеют следы обработки. Довольно много фрагментов кости с сериями зарубок, служивших подставками при разного рода работах. Частыми являются находки тщательно обработанных костяных острий. В Зальцгиттер-Лебенштедт в северной Германии (Gaudzinski 1998) найдены заостренные ребра мамонта и малые берцовые кости, обработанный рог северного оленя и маленькое, тщательно отделанное костяное острие. Мамонт практически не играл никакой роли как объект охоты в Зальцгиттер-Лебенштедт, и Сабине Годзински полагает, что мамонтовые ребра и кости собирались просто в качестве сырья. Быть может, обработка кости в Зальцгиттер-Лебенштедт связана с северным географическим положением стоянки. В тундровом ландшафте, который реконструируется для окрестностей стоянки, практически не было дерева, поэтому здесь в большом объеме использовали кость и рог.

На многих среднепалеолитических стоянках были найдены кусочки красной, желтой или черной краски. В нижнем навесе Ле Мустье (Дордонь) Дени Пейрони (Peyrony 1921) нашел плитку известняка со следами краски. Особенно много красной и желтой охры (окислы железа) было найдено в Ла Ферраси (Lorblanchet 1999). Некоторые кусочки краски имеют следы затертости, получавшиеся вследствие соскабливания красящего порошка. Этот порошок размешивали с водой и получали яркие пастообразные краски. Уже в 1952 г. Франсуа Борд написал работу под названием «К вопросу о возможном использовании раскраски тела у некоторых мустьерских племен» (Bordes 1952). В Ильской Василием Городцовым также были найдены кусочки и пятна желтой и красной краски. Спичечный коробок с красной охрой, хранящийся в Кунсткамере, подтверждает данные Городцова.

Находки красной охры упоминаются и на других стоянках, например, в Молодова 1. В одном погребении в Кафзех в Палестине кусочек красной охры со следами употребления был положен как погребальный инвентарь (Vandermeersch 1969).

Черная краска (марганец) в наибольшем количестве была найдена в Пеш дель Азе (Bordes 1952). В свое время Франсуа Борд подарил мне целый мешочек кусочков черной краски с явными следами употребления для музея в Неандерталь. Кусочек марганца со следами использования известен и по материалам Камина-де-Эст (Дордонь) (de Sonneville-Bordes 1969). В Южной Африке, в пещере Бломбос, были найдены костяные артефакты, кусочек кости с гравировкой, а главное – два кусочка охры с царапинами, причем одна из процарапанных композиций представляет собой ромб в прямоугольной рамке (Henshilwood, Sealey 1997; Henshilwood, Sealey et al. 2001; d'Errico, Henshilwood, Nilssen 2001). Эти находки датируются около 80000 лет тому назад, то есть так же, как кусочки черной и красной краски в позднем среднем палеолите Европы, что позволяет нам предположить, что находка изображений и здесь является лишь вопросом времени.

Чаще в слоях поселений можно найти окаменевшие моллюски и другие ископаемые, собранные древними людьми (Oakley 1971). Уже в XIX веке в гравийном карьере близ Бедфорда на Темзе Ворсингтон Смит нашел множество ископаемых Coscinopora globularis Orb., залегавших вместе с артефактами среднего палеолита. Их естественные отверстия были искусственно расширены (Smith 1894), что позволило Смиту интерпретировать их как «бусы». В гроте Вофрей (Rigaud 1988) был обнаружен денталиум, в Ла-Ферраси – большая раковина кардиум (Lorblanchet 1999), в Комб-Греналь и Штуттгарт-Унтертюркхайм (Wenzel 1998) – теребрательн мелового периода и в Дарра-И-Кар в Афганистане – зуб ископаемой акулы (Lorblanchet 1999). Из материалов Тата (Венгрия) происходит нуммулит (Nummulitus perforatus) с выгравированным на нем крестообразным знаком (Vertés 1964). Помимо самих ископаемых, собирали их отпечатки и приносили на поселения. Например, известны находки ретушированного по периметру морского ежа из Сент-Жюст-де-Марэ (Уаза) (Oakley 1971; Demnard, Neraudeau 2001) и Ла Рош-о-Лу (Йонна) (Poplin 1988), отпечатка створки раковины (пектен) из Ла План (Дордонь) (Lorblanchet 1999) и отпечатка брахиопод на оббитом по контуру куске кварцита из кратера Швайнскопф на среднем Рейне (Schafer 1996).

Сюда же можно отнести и находку Городцовым каменного кольца из Ильской (Городцов 1941). Это кольцо из песчаника состоит из трех фрагментов. Его внутренняя поверхность имеет неправильную форму и, безусловно, не имеет следов обработки. Внешняя поверхность, напротив, имеет очень правильную форму и хорошо отшлифована.

Такие курьезные предметы, по-видимому, имели большое значение и, может быть, использовались в том числе и как украшения.

Просверленные подвески до сих пор практически неизвестны для среднего палеолита. Роберт Ветцель нашел в Бокштайн просверленный хвостовой позвонок волка (Wetzel, Bosinski 1969) и Анри Мартен описывает найденный им в Ла Кина лисий зуб с начатым сверлением (Martin 1908).

Самые древние из известных погребений относятся к среднему палеолиту. Как правило, они находятся в пещерах, причем зачастую – в одной пещере помещалось несколько могил, так что можно говорить о традиционном месте погребений.

Женщин, мужчин и детей хоронили по одному ритуалу, в основном в позе спящего (позе эмбриона) с подогнутыми руками и ногами.

Как пишет Авраам Ронен (Ronen 1990), рытье могилы было совершенно бессмысленным с практической точки зрения и весьма трудоемким делом. Таким образом, идея погребения в земляной могиле могла быть результатом только определенной системы мировоззрения. Погребальный инвентарь свидетельствует о том, что люди думали о жизни после смерти, в которой оставленные вещи еще понадобятся покойному. Расположение могил в погребальных пещерах и позднейшее изъятие черепов, о котором еще следует сказать, свидетельствует о связи живых с мертвыми.

В пещерах могильные ямы чаще всего врезались в не слишком твердую породу у подножия скал (Алёкшин 1993). В Киик-Кобе в Крыму (Бонч-Осмоловский 1940, 1941) могильная яма имела специальный уступ для головы. В Эс-Скул в Палестине (Keith, McCown 1939) некоторые могильные ямы получились маловатыми, так что покойники оказались несколько стиснутыми. Палинологический анализ Арлетт Леруа-Гуран для одного из погребений Шанидар (Ирак) показал, что могильная яма покрывалась цветами (Leroi-Gourhan 1975). Поскольку мы не имеем палинологических данных для других погребений, то мы не можем судить было ли это общее правило или частный случай.

Погребальный инвентарь состоял из мяса животных (Эс-Скул) и каменных орудий (Ла Ферраси). Я уже упоминал найденный в одной из могил в Кафзех кусочек охры. В другой могиле из Кафзех, где был похоронен ребенок примерно 10-летнего возраста, было много кусочков красной охры и скорлупа яйца страуса (Vandermeersch 1970). На голове ребенка лежал большой, вырубленный из черепа, рог лани. Это напоминает изображения антропоморфных существ с оленьими рогами в верхнепалеолитическом искусстве, а также мезолитические захоронения с рогами оленя и шаманские атрибуты в Сибири.

Совершенно особое значение имеет погребение, открытое в Кебара на горе Кармел (Bar-Yosef, Vandermeersch 1991). У хорошо сохранившегося скелета отсутствовал череп. Судя потому, что на месте осталась нижняя челюсть и коренной зуб из верхней челюсти, голова первоначально была на месте. Позже могила была открыта и череп был изъят.

Эта находка из Кебары позволяет понять и погребение из Регурду (Bonifay, Vandermeersch 1962; Bonifay 1964), расположенное в непосредственной близости к пещере Ляско. Здесь также отсутствует череп, в то время как нижняя челюсть осталась на месте. Следует восстановить честное имя Роже Константа, первооткрывателя этого погребения, так как в свое время подозревали, что череп был продан.

Неизменное тщательное изъятие черепов из уже несколько лет существовавших могил наводит на мысль, что местоположение могилы было точно известно и, вероятно, каким-то образом отмечено на поверхности земли.

Изъятие черепов является четким указанием на связь с мертвыми. Череп человека, умершего несколько лет назад, имел свое значение для живых. Скорее так можно объяснить находки отдельных черепов на среднепалеолитических поселениях. Версия о том, что это были черепа убитых врагов, взятые как трофеи, кажется более сомнительной. В Фонтешевад (Шаран) был найден череп (Vallois 1958), в Биаш (Северная Франция) – 2 отдельных черепа (Vandermeersch 1978). В вулканическом комплексе Ваннен на Среднем Рейне в углублении кратера находилось поселение, а в соседней, меньшей впадине кратера была найдена крышка человеческого черепа и три каменных орудия (Berg 1997). Возможно, эти находки были привязаны к поселению.

На некоторых стоянках, таких как Крапина в Хорватии (Gorjanovic-Kramberger 1906; Ullrich 1978), Эрингсдорф в Германии (Behm-Blancke 1960), Ла Шез (Debenath 1977) и Ортуз (Lumley et al. 1972) в Южной Франции, было найдено много человеческих костей от всех частей скелета. Кости были мужские, женские и детские и имели следы надрезов и скобления. Сначала эти находки интерпретировались как свидетельства каннибализма. Теперь, однако, появилось предположение о том, что это был особый способ погребения (Ullrich 1982).

Я постарался сделать краткий обзор 250 000 летнего периода нашей истории. Конечно, я не упомянул о многих деталях, относящихся прежде всего к каменным орудиям. Однако в основном это почти всё, что я знаю сейчас о среднем палеолите в результате моих многолетних исследований.

Дальнейшую информацию об этом интереснейшем периоде мы надеемся почерпнуть из современных раскопок на хорошо сохранившихся стоянках.

Алёкшин, В. А. 1993. Особенности погребального обряда эпохи мустье // Археологические вести 2: 157–168.

Бибикова, В. И. 1958. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан I // Советская археология 3: 229–233.

Бонч-Осмоловский, Г. А. 1940. Палеолит Крыма I. Грот Киик-Коба. Москва, Ленинград.

1941. Палеолит Крыма II. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. Москва, Ленинград.

Гладилин, В. Н., В. И. Ситливый. 1990. Ашель Центральной Европы. Киев.

Городцов, В. А. 1941. Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки (предварительные сообщения) // Материалы и исследования по археологии СССР 2: 7–25.

Любин, В. П. 1980. Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. Вопросы стратиграфии, экологии, хронологии. Москва.

Паничкина, М. З. 1950. Палеолит Армении. Ленинград.

Тешик-Таш. 1949. Палеолитический человек // Труды научно-исследовательского института антропологии. Москва.

Цепкин, Е. А. 1980. Остатки рыб из пещеры Кударо I // В. П. Любин 1980: 90–97.

Черныш, А. П. 1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре: 6-102.

Щелинский, В. Е. 1994. Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (По материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины) // Докт. дисс., Санкт Петербург.

Auguste, P. 1992. Étude archéozoologique des grands mammifères du site pleistocéne moyen de Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Calais, France): apports biostratigraphiques et palethnographiques // L'Anthropologie 96: 49–69.

1995. Chasse et charognage au Paleolitique moyen: l'apporte du gisement de Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Calais) // Bulletin de la Societé préhistorique française 92: 155–167.

Bar-Yosef, O., B. Vandermeersch. 1991. Le squelette moustérien de Kebara 2 // Cahiers de Paléoanthropologie. Paris.

Baumann, W., D. Mania. 1983. Die paläolithischen Neufunde von Markkleeberg bei Leipzig // Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Dresden 16. Berlin.

Beck, D. 1999. Das Mittelpaläolithikum des Hohlenstein – Stadel und Bärenhöhle – im Lonetal // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 56. Bonn

Behm-Blancke, G. 1960. Altsteinzeitliche Rastplatze im Travertingebiet von Taubach, Weimar, Ehringsdorf // Alt-Thüringen 4.

Berg, A. V. 1997. Ein Hominidenrest aus dem Wannenvulkan bei Ochtendung, Kreis Mayen-Koblenz. Ein Vorbericht // Archäologisches Korrespondenzblatt 27: 531–538.

Beyries, S. 1987. Quelques exemples de stigmates d'emmanchements obsérves sur des outils du Paléolithique moyen // In: D. Stordeur (Ed), La main et l'outil: manches et emmanchements préhistoriques. Collection des Travaux de la Maison de l'Orient 15: 55–61.

Boeda, E. 1994. Le concept Levallois: variabilité des methodes. Paris.

Boeda, E., J. Connan, D. Dessort, S. Muhesen, N. Mercier, H. Valladas, N. Tisnérat. 1996. Bitumen as a hafting material on Middle Paläeolithic artefacts // Nature 380: 336–338.

Boeda, E., J.-M. Geneste, C. Griggo, N. Mercier, S. Muhesen, J. L. Reyss, A. Taha, H. Valladas. 1999. A Levallois point embedded in a vertebra of a wild Ass (Equus africanus). Hafting, projectiles and Mousterian hunting weapons // Antiquity 73: 394–402.

Bonifay, E. 1964. La grotte du Regourdou (Montignac, Dordogne). Stratigraphie et industrie lithique mousterienne // L'Anthropologie 68: 49–64.

Bonifay, E. B. Vandermeersch. 1962. Dépôts rituels d'ossements d'ours dans le gisement mousterien du Regourdou (Montignac, Dordogne). C. R. Academie des Sciences 255: 1635–1636.

Bordes, F. 1952. Sur l'usage probable de la peinture corporelle dans certains tribus moustériennes // Bulletin Societe prehistorique francaise 49: 169–171.

Bosinski, G., K. Brunnackar, R. Schütrumpf, R. Rottländer. 1966. Der paläolithische Fundplatz Rheindahlen, Ziegelei Dreesen-Westwand // Bonner Jahrbuch 166: 318–360.

Bosinski, G., K. Brunnacker, E. Turner. 1983. Ein Siedlungsbefund des Frühen Mittelpaläolithikums von Ariendorf, Kr. Neuwied // Archäologisches Korrespondenzblatt 13: 157–169.

Boule, M. 1911–13. L'Homme fossile de La Chapelle-aux-Saints // Annales de Paleontologie 1911–1913. Paris

Bratlund, B. 1999. Taubach revisited // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 46: 61–174.

Brugal, J.-PH. 1999. Middle Paläeolithic Subsistence on Large Bovids: La Borde and Couloulous (Lot, France) // The Role of Early Humans in the Accumulation of European Lower and Middle Palaeolithic Bone Assemblages. Kolloquium Monrepos. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 42: 263–266.

Brugal, J.-PH,. F. David, J.-G. Enloe, J. Jaubert. 1999. Le Bison: Gibier et moyen de subsistence des hommes du Paléolithique aux Paléoindiens des Grands Plains // Actes du colloque international Toulouse. Antibes.

Callow, P., J.-M. Cornford (Ld.). 1986. La Cotte de St. Brelade 1961–1978. Excavations by C. B. M. McBurney. Norwich.

Combier, J. 1956. Soluträ. Les fouilles de 1907 à 1925. Macon.

Conard, N. J. 1992. Tönchesberg and its Position in the Paleolithic of Northern Europe // Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 20. Bonn.

Dastugue, J., M.-A. de Lumley. 1976. Les maladies des hommes préhistoriques du Paléolithique et du Mesolithique // La Préhistoire française I: 612–622.

David, F., P. Fosse. 1999. Le bison comme moyen de subsistence au Paléolithique: gisements de plein air et sites en grotte // In: J.-Ph. Brugal et al. (ed) 1999: 121–141.

Debenath, A. 1977. The Latest Finds of Antewürmian Human Remains in Charente (France) // Journal of Human Evolution 6: 297–302.

Demnard, F., D. Nérandeau. 2001. L'utilisation des oursins fossiles de la Préhistoire à l'epoque gallo-romaine // Bulletin Societé préhistorique française 98: 693–715.

D'Errico, F., Ch. Henshilwood, P. Nilssen. 2001. An engraved bone fragment from c. 70.000 year old Middle Stone Age levels at Blombos Cave, South Africa: implications for the origin of symbolism and language// Antiquity 75: 309–318.

Eastham, A. 1998. Buhlen Upper Cave: the Avifauna // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 45: 253–266.

Erfurt, J., D. Mania. 1990. Zur Paläontologie des jungpleistozänen Waldelefanten von Gröbern, Kreis Gräfenhainichen // In: D. Mania et al. (ed.) 1990: 215–224.

Farizy, C., F. David , J. Jaubert. 1994. Hommes et Bisons du Paléolithique moyen a Mauran (Haute-Garonne) // 30. Supplement a Gallia prehistoire.

Floss, H. 1994. Rohmaterialversorgung im Palaolthikum des Mittelrheingebietes // Monographien des Romisch-Germanischen Zentralmuseum 21, Bonn.

Friedman, E., N. Goren-Inbar, A. Rosenfeld, O. Marder, F. Burian. 1995. Hafting during Mousterian times-further indication // Journal of the Israel Prehistoric Society 26: 8–31.

Frison, G. C. 1978. Prehistoric Hunters of the High Plains. New York.

Gabori-Csánk, V. 1968. La station du Paléolithique moyen d'Erd, Hongrie // Monum. Histor. Budapestiensia 3.

Gaudzinski, S. 1992. Wisentjäger in Wallentheim. Zur Taphonomie einer mittelpaläolithischen Freilandfundstelle in Rheinhessen // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 39: 245–423.

1998. Knochen und Knochengeräte der mittelpaläolithischen Fundstelle Salzgitter-Lebenstedt (Deutschland) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 45: 163–220.

Geneste, J.-M. 1988. Les industries de la Grotte Vaufrey: technique du débitage, économie et circulation de la matière prémiere // J.-Ph. Rigaud (ed.), La Grotte Vaufrey: 441–517.

1989. Economie des resources lithiques dans le Moustérien du Sud-Ouest de la France // L'Homme du Neandertal 6: La Subsistence: 75–97.

Geneste, J.-M., J. Jaubert. 1999. Les sites paléolithiques à grandes bovidés et les assemblages lithiques: chronologie, téchnoéconomie et cultures // In: J.-Ph. Brugal et al. (ed.) 1999: 185–214.

Gorjanovic-Kramberger, D. 1906. Der diluviale Mensch von Krapina in Kroatien // Studien über die Entwicklungsgeschichte des Primatenskeletts mit besonderer Berücksichtigung der Anthropologie und Descendenzlehre: 59–277. Wiesbaden.

Grahmann, R. 1955. The lower palaeolithic site of Markkleeberg and other comparable localities near Leipzig // Transactions American Philosophical Society N. S. 45: 509–687.

Gromova, V. 1932. Die Säugetierfauna der mittelpaläolithischen Station bei Ilskaja im nördlichen Kaukasus // Труды Зоологического Института АН СССР 1: 305–346.

Grünberg, J. M., H. Graetsch, U. Baumer, J. Roller. 1999. Untersuchung der mittelpaläolithischen «Harzreste» von Königsaue, Ldkr. Aschersleben-Staßfurt // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte 81: 7–38.

Henshilwood, C., J. C. Sealey. 1997. Bone artefacts from the Middle Stone Age at Blombos Cave, Southern Cape, South Africa // Current Anthropology 38: 890–895.

Henshilwood, C. S., J. Sealey, R. Yates, K. Cruz-Uribe, P. Goldberg, F. E. Grine, R. G., Klein, C. Poggenpoel, K., van Niekerk, J. Watts. 2001. Blombos Cave, Southern Cape, South Africa: preliminary report on the 1992–1999 excavations of the Middle Stone Age levels // Journal of Archaeological Science 28: 421–448.

Hoffecker, J. F., G. Baryshnikov, O. Potapova. 1991. Vertebrate remains from the Mousterian site of Il'skaja I (Northern Caucasus, U.S.S.R): New analysis and interpretation // Journal of Archaeological Science 18: 113–147.

Jaubert, J., M. Lorblanchet, H. Laville, R. Slott-Moller, A. Turq, J.-Ph. Brugal. 1990. Les chasseurs d'Aurochs de La Borde. Un site du Paleolithique moyen (Livernon, Lot) // Doc. Archeol. Franc. 27.

Jöris, O. 2001. Der spätmittelpaläolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966–69) // Universitäts-Forschungen zur prähistorischen Archäologie 73. Bonn

Justus, A., K. H. Urmersbach, A. Urmersbach. 1987. Mittelpaläolithische Funde vom Vulkan «Wannen» bei Ochtendung, Kreis Mayen-Koblenz // Archaologisches Korrespondenzblatt 14: 409–417.

Keith, A., T. McCown. 1939. The Stone Age of Mount Carmel. Vol. 2. Oxford.

Kröger, K. 1987. Die Fortsetzung der Arbeiten auf dem Plaidter Hummerich // Archäologisches Korrespondenzblatt 17: 13–30.

Leroi-Goourhan, Arl. 1975. The Flowers found with Shanidar IV, a Neannderthal Burial in Iraq // Science 190: 562–564.

Lorblanchet, M. 1999. La naissance de l'art. Genèse de l'art préhistorique dans le monde. Paris.

Lumley, H. de. (ed.) 1972. La grotte de l'Hortus (Valflaunes, Herault). Les chasseurs neandertaliens et leur milieu de vie. Elaboration d'une chronologie du Würmien II dans le Midi méditerranéen // Etudes quaternaires. Mémoire 1.

Lutropp, A., G. Bosinski. 1971. Der altsteinzeitliche Fundplatz Reutersruh bei Ziegenhain (Hessen) // Fundamenta A6. Köln und Wien.

Mania, D., V. Toepfer. 1973. Königsaue. Gliederung, Ökologie und mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit. Berlin.

Mania, D., M. Thomae, T. Litt, T. Weber (ed.). 1990. Neumark-Gröbern. Beiträge zur Jagd des mittelpaläolithischen Menschen. Berlin.

Martin, H. 1908. Dent de renad perforée du Moustérien supérieur // Bulletin Societé préhistorique française 5: 173.

Oakley, K. P. 1971. Fossils collected by the earlier Palaeolithic men // Melanges de Prehistoire, d'Archeocivilisation et d'Ethnologie offerts a Andre Varagnac: 581–584.

Oakley, K. P., P. Andrew, L. H. Keeley, J. D. Clark. 1977. A reappraisal of the Clacton spear point // Proceedings of the Prehistoric Society 43: 13–30.

Peyrony, D. 1921. Une pierre coloriée d'epoque mousterienne // Association française pour l'Avancement des Sciences 44 (Strasbourg): 494-495.

Poplin, F. 1988. Aux origines néandertaliennes de l'art. Matière, forme, symétrie. Contribution d'une galène et d'un oursin fossile taillé de Merry-sur-Yonne // L'Homme de Neandertal, vol. 5, La Pensée: 109–116.

Richter, J. 1997. Der G-Schichten-Komplex der Sesselfelsgrotte. Zum Verständnis des Micoquien // Quartär-Bibliothek 7.

Rigaud, J.-Ph. (ed.). 1988. La Grotte Vaufrey à Cenac et Saint-Julien (Dordogne). Paléoenvironnements, chronologie et activités humaines// Memoire de la Societé Préhistorique française 19.

Ronen, A. 1990. Neandertaler und Früher Homo sapiens im Nahen Osten // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 37: 3–17.

Santonja, M., A. Querol. 1980. El sitio de occupation achelense de Aridos 2. Description general y estudio de la industria litica // M. Santonja et al., Occupaciones achelenses en el Valle de Jarama. Arqueologia y Paleocologia 1: 297–306.

Ščelinskij, V. E. 1998. Der mittelpaläolithische Fundplatz Il'skaja II im westlichen Kubangebiet. Zur Charakterisierung des Mittelpaläolithikums im Kaukasusvorland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 45: 131–161.

Schaaffnausen, H. 1888. Der Neanderthaler Fund. Bonn.

Schäfer, J. 1987. Der altsteinzeitliche Fundplatz Schweinskopf am Karmelenberg, Gem. Bassenheim, Kreis Mayen-Koblenz. Vorbericht // Archäologisches Korrespondenzblatt 17: 1–22.

1990. Conjoining artefacts and consideration of rawmaterial, their application at the Middle Palaeolithic site of the Schweinskopf-Karmelenberg // The Big Puzzle, Symposium Monrepos: 83–100.

1996. Die Wertschätzung außergewöhnlicher Gegenstande (non-utilitarian objects) im Alt- und Mittelpaläolithikum // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift 36: 173–190.

Schild, R., A. J. Tomaszewski, Z. Sulostowska, A. Gautier, A. Bluszcz, B. Bratlund, A. M. Burke, H. Juel, Jensen, H. Królik, A. Nadachowski, E. Stworzewich, J. Butrym, H. Maruszczak, J. E. Mojski. 2000. The Middle Palaeolithic Kill-Butchery Site of Zwolén, Poland // A. Ronen M. Weinstein (Ed.) Yabrudian and Micoquian. Towards Modern Humans 400–50 Kyears Ago: 189–207.

Schmitz, R. W., J. Thissen. 1998. Vorbericht uber die Grabungen 1995–1997 in der mittelpaläolithischen B1-Fundschicht der Ziegeleigrube Dreesen in Rheindahlen. Archäologisches Korrespondenzblatt 28: 483–498.

Shea, J. J. 1993. Lithic Use-Wear Evidence for Hunting by Neandertals and Early Modern Humans from the Levantine Mousterian // G. L. Peterkin, H. M. Bricker, P. Mellars (ed.), Hunting and Animal Exploitation in the Later Palaeolithic and Mesolithic of Eurasia // Archaeological Papers of the American Anthropological Association 4: 189-198.

1997. Middle Paleolithic spear point technology // In: H. Knecht (ed.), Projectile technology (New York): 79–106.

Smith, W. G. 1894. Man the primeval Savage. His Hunts and Relics from the Hill-Tops of Bedfordshire to Blackwall. London.

Soergel, W. 1922. Die Jagd der Vorzeit. Jena.

Sonneville-Bordes, D. de. 1969. Manganèse raclé dans le Moustérien type Ferrassie de Caminade-Est (Dordogne) // Quaternaria 11: 111–114.

Thieme, H. 1996. Altpaläolithische Wurfspeere aus Schöningen, Niedersachsen // Archäologisches Korrespondenzblatt 26: 377–393.

Thieme, H., St. Veil. 1985. Neue Untersuchungen zum eemzeitlichen Elefanten-Jagdplatz Lehringen, Lkrs. Verden // Die Kunde N. F. 36: 11–58.

Toepfer, V. 1958. Steingeräte und Palökologie der mittelpaläolithischen Fundstelle Rabutz bei Halle (Saale) // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte 41/42: 140–177.

Trinkaus, E. 1983. The Shanidar Neandertals. New York.

Tuffreau, A., J. Sommé (ed.). 1988. Le gisement Paléolithique moyen de Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Calais) Vol. I: Stratigraphie, environnement, études archeologiques // Memoire de la Société préhistorique française 21.

Turner, E. 1997. Ariendorf. Quaternary deposits and palaeolithic excavations in the Karl Schneider gravel pit. Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums 44: 3–191.

Ullrich, H. 1978. Kannibalismus und Leichenzerstuckelung beim Neandertaler von Krapina // J. Malez (ed.). Krapinski Pračovjek i Evolucija Hominida: 293–318. Zagreb.

1982. Artificial Injuries in Fossil Human Bones and the Problem of Cannibalism, Skull-cult and Burial Rites // Man and his Origin. Anthropos 21: 253–262.

Vallois, H. V. 1958. La grotte de Fontéchevade // Archiv Institut de Paléontologie humaine. Mém. 29.

Valoch, K. 1988. Die Erforschung der Kulna-Höhle 1961–1976 // Moravské muzeum-Anthropos Institut. Brno.

Vandermeersch, B. 1969. Découverte d'un objet en ocre avec traces d'utilisation dans le Moustérien de Qafzeh (Israel) // Bulletin Société préhistorique française 66: 157–158.

1970. Une sépulture moustérienne avec offrandes découverte dans la Grotte de Qafzeh // C. R. Academie des Sciences Paris 270: 298–301.

1971. Etude préliminaire du crâne humain du gisement paléolithique de Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Calais) // Bulletin Association francaise d'Etude du Quaternaire 15: 65–67.
Vertés, L. 1964. Tata, eine mittelpaläolithische Travertin-Siedlung in Ungarn // Archaeologia Hungaria S. N. 43. Budapest.
Weber, Th., Th. Litt. 1991. Der Waldelefantenfund von Gröbern, Kr. Gräfenhainichen. Jagdbefund oder Nekrophagie? Archäologisches Korrespondenzblatt 21: 17–32.
Wenzel, St. 1998. Die Funde aus dem Travertin von Stuttgart-Untertürkheim und die Archäologie der letzten Warmzeit in Mitteleuropa // Universitatsforschungen zur prahistorischen Archäologie 52. Bonn.
Wetzel, R., G. Bosinski. 1969. Die Bocksteinschmiede im Lonetal // Veröffentlichungen des Staatlichen Amtes für Denkmalpflege Stuttgart A 15.

THE MIDDLE PALAEOLITHIC 250,000 YEARS OF OUR HISTORY[3]

GERHARD BOSINSKI

The Middle Palaeolithic is defined by the calculated production of flakes using the Levallois technique and dates to the period between MIS 8 and MIS 3, some 300000 to 40000 years ago. At this time the entire Old World was populated, with the exception of the far North and the highest mountainous regions; environmental conditions were correspondingly very diversified. People were big game hunters; their most important weapons were wooden lances and spears, some of them tipped with a stone point. Exploiting the topographic situation formed an important element of hunting strategy.

Examples of hunting are described for straight-tusked elephant and mammoth, rhinoceros, bison and aurochs, red deer and reindeer, horse, wild ass, and ibex. Beyond this there are also indications for skilful hunting of birds and fishing. By contrast, evidence for the collection of birds' eggs, fruit and nuts is rare and known above all from interglacial sites.

Only few specimens of open-air dwellings are known. The existence of several find concentrations at the same locality suggest repeated visits by the same human group. Caves and rock shelters were also used repeatedly and the material from successive occupations can be distinguished only with difficulty at such sites.

On our present knowledge it appears that the small groups of humans stayed at each site only briefly; sites inhabited by a larger group over a long period of time are unknown.

Upon leaving a site stone tools were taken along and subsequently resharpened or discarded at the new site. Knowledge of the sources of the raw materials of the artefacts shows that groups occupied a territory more than 100 km in diameter.

Those raw materials that occur locally at the site are often mainly represented by flakes and cores, showing that those tools which were manufactured here were subsequently removed on departure from the site.

The small and mobile groups had an established social structure which gave protection to injured and disabled members. Burials show that even badly disabled individuals could survive for a long time.

Middle Palaeolithic stone working required good quality raw materials. Knapping workshops at outcrops of suitable rocks (obsidian, flint, quartzite) are a characteristic feature of the period. The classic Levallois technique of stone working in which a core served to produce a single preformed flake is found only at such sites with unlimited raw material.

Simple forms of tools such as denticulated and notched pieces were used for various activities. By contrast, trace wear analysis suggests that more carefully retouched tool types had only a single function.

The functional categories of knife, point or scraper were resolved in different ways. The basis of these different tool forms are, chronologically, the handed down traditions and, spatially, the communication between groups. During the Late Middle Palaeolithic of the last glaciation there developed in this way different typological traditions such as the MtA and the Keilmessergruppen, which can often themselves be subdivided into further groups.

Beside the artefacts of conchoidally fracturing fine-grained siliceous rocks there occur chopping tools and other forms of implement for coarser work.

Trace wear analysis of the stone tools often shows their use in woodworking; preserved is only the yew wood lance from Lehringen. Some stone tools were set in wooden handles, held in place by a resinous mass. At Königsaue this substance could be identified as birch pitch obtained by dry distillation at temperatures below 350°.

Carefully worked bone points have been identified on several occasions. At Salzgitter-Lebenstedt

[3] За перевод резюме на английский язык я благодарю Мартина Стрита.

are also found pointed mammoth ribs and fibulae, the material of which had been especially selected. The common working of bone and antler at this northern European site during a cold phase might be due to the absence of wood.

Red (iron oxide) and black (manganese) colourants, from which powdered pigments were obtained by scraping, are known from many sites. Furthermore, fossils (Dentalium, Cardium, Terebrates, shark teeth) or their impressions (Pecten, brachiopods, sea urchins) were also collected, although drilled pendants are very rare.

The graves known so far date to the Late Middle Palaeolithic and are found in caves. Women, men and children were buried in the same way and sometimes with grave goods. Of particular importance is the antler of a fallow deer with attached skull fragment found in the child's grave at Qafzeh, which finds parallels in depictions known from Upper Palaeolithic art, in Mesolithic burials and in Siberian shamanisn. In the Kebara cave and at Regourdou the skulls had been removed from the grave while the lower jaw remained in place. The careful removal of the skull from a grave dug many years before shows that the position of the grave must have still been kept visible at the surface and equally demonstrates that the living still had a relationship with the dead. This might also help to explain the presence of human skulls at sites such as Biache, Fontéchevade and Wannen.

At some sites (Krapina, Ehringsdorf, Hortus) are found large numbers of bones of men, women and children whose explanation (cannibalism, burial rite) is still unclear and disputed.

О ПУТЯХ ЗАСЕЛЕНИЯ НОВОГО СВЕТА: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ И СИБИРСКИХ МИФОЛОГИЙ[1]

Ю. Е. БЕРЕЗКИН[2]

Мы стремимся привлечь к решению проблемы заселения Америки новый круг источников. Речь идет о фольклорно–мифологических текстах, точнее о наборах мотивов, которые встречаются в них. Объектом анализа являются именно *тексты*, а не *мифы* в том смысле, который придавал этому термину Р. Барт (Барт 1994: 72–105). Для нас несущественно, как воспринимали свои традиции их носители, какова жанровая принадлежность текстов с точки зрения фольклористов. Важно другое – тексты по возможности точно воспроизводились рассказчиками и поэтому некоторые мотивы (но не «мифы», конечно) могли сохраняться неопределенно долго.

Тенденции, выявленные аналитическим путем на фольклорно–мифологическом материале, не имеют собственной хронологии – ни относительной, ни тем более абсолютной. *Тексты, в которых присутствуют рассматриваемые мотивы, датируются ровно тем временем, когда они были записаны*. Попытки реконструировать реальные события на основе *содержания* текстов вообще не выдерживают никакой критики. Без сопоставления с данными археологии использовать мифологию для реконструкции прошлого практически невозможно, хронологический каркас исследования должен быть получен извне. Вместе с тем, если подобный каркас существует, работа с текстами способна выявить аргументы в пользу определенных исторических сценариев. В перспективе она позволяет надеяться на реконструкцию таких аспектов культуры, о которых иначе сведений получить просто нельзя.

Ареальным распределением мифологических мотивов с использованием статистики автор этой статьи занимается около десяти лет. Хотя в нашем каталоге мотивов все значительные лакуны сейчас заполнены, не учтенные ранее публикации будут появляться и впредь. Опыт показывает, что по достижении некоторого порога в накоплении информации дополнительные сведения уже не влияют на главные выводы. Вместе с тем при включении материалов по новым территориям система взаимной корреляции мотивов в определенной мере перестраивается, делаются заметными неотмеченные прежде тенденции. Предлагаемый вариант – первый, в котором в равной мере полно использованы данные как по Америке, так и по Сибири. С этим связаны главные отличия нынешней версии от предыдущих (в частности Березкин 2001).

Данные археологии. Основные материалы для изучения процесса заселения Америки в древности предоставляет, как это заведомо ясно, археология. Накопленные ею данные огромны, а их обзор – дело соответствующих специалистов. Упомянем только важнейшие факты, прямо касающиеся темы.

В палеолите центральной Аляски представлены два культурных комплекса – денали и ненана (Васильев 1999; West 1996). Первый близок сибирской дюктайской традиции и относится ко времени 10,500–9,500 лет назад, хотя есть и стоянки, радиоуглеродный возраст которых достигает 10,700–11,700 лет назад (здесь и далее все датировки по C^{14} без калибровки). Для денали (рис. 2.1, 2) характерны конические и клиновидные микронуклеусы и микропластины, а также листовидные острия, бифасиальные ножи, резцы, скребла. Памятники комплекса ненана относятся в среднем к более раннему времени – примерно 11,700–10,500 лет назад. Орудия изготовлялись на пластинах и отщепах, снятых с плоских ядрищ. Ведущим типом являются

[1] Каталог мифологических мотивов, служащий базой данных работы, подготовлен при поддержке IREX (1992–1993), Smithsonian Institution (1992), РГНФ (грант 97–00–00085), Dumbarton Oaks Libraries & Collections (2000). Резюме более 25 тысяч текстов составлены на основе около 2500 публикаций на восьми европейских языках.

[2] Россия. 191186. Санкт–Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

© Ю. Е. Березкин, 2003

небольшие каплевидные наконечники чиндадн (рис. 2.3, 4). Микропластины отсутствуют. Изредка встречаются костяные изделия.

Для Северной Палеоиндейской традиции в арктической Аляске, датируемой на стоянке Мейза 11,700–9,700 лет назад, характерны удлиненные бифасиальные листовидные наконечники. Эти материалы сходны с традицией эгейт–бейзин (11,000–10,300 лет назад) на основной территории США (Васильев 1999: 49). Эгейт–бейзин и другим традициям финального плейстоцена к югу от границы распространения ледника предшествует кловис – древнейшая достоверно существующая археологическая культура Северной Америки вне Аляски. Кловис обычно датируется 11,200–10,900 лет назад, определенно не ранее 12,000 лет назад (Beck, Jones 1997: 187–188; Meltzer 1995: 24). Ведущий тип каменных орудий – бифасиальные наконечники с характерным продольным желобком в нижней части (рис. 2.6). Сравнение каменного инвентаря и хронологические оценки дают основание предполагать, что кловис восходит к ненане. Предки создателей кловиса, вероятно, продвинулись из центральной Аляски вдоль восточных склонов Скалистых гор по так называемому коридору Маккензи между Лаврентийским и Кордильерским ледниковыми щитами (рис. 1).

Кловисская желобчатая техника уникальна, и есть все основания полагать, что отдельные более поздние типы желобчатых наконечников в Америке не возникли самостоятельно, но восходят именно к кловису. Известны лишь редчайшие примеры желобчатых сколов в солютре (Smith 1963) и на позднем (8300 лет назад) наконечнике из района Магадана (Anonymous 1996; Wilford 1996), но внешнее сходство в обоих случаях не отражает подлинной близости технологии (С. А. Васильев, устное сообщение, 2001).

Одновременно с появлением кловиса или даже несколько раньше люди могли проникнуть в Новый Свет вдоль побережья южной Аляски. Однозначных подтверждений этому нет, но потенциально возможные памятники скорее всего затоплены в ходе морской трансгрессии (Ames, Maschner 1999: 63–64; Fedje, Christensen 1999). Самые ранние документированные стоянки на юге Аляски и на западе Британской Колумбии имеют возраст порядка 10,000–9000 лет назад. Для них характерны крупные двусторонне обработанные листовидные острия (рис. 2.9) и галечные орудия (Ames, Maschner 1999: 67–73; Fedji, Christensen 1999: 644–649). К сожалению, исследованные комплексы довольно бедны, целых орудий мало. На юге Северо-Западного побережья эта традиция относится к среднему голоцену, сохраняясь примерно до 5000 лет назад. Происхождение ее плохо понятно. Можно лишь отметить, что в Восточной Сибири листовидные бифасы в период после 15,000 лет назад были широко распространены (Васильевский 2001; Отт, Козловский 2001: 57).

На севере Северо–Западного побережья 8500–8000 лет назад появляется традиция микронуклеусов и микропластин, восходящая к денали (Ackerman 1996; Carlson 1998; Davis 1996; Moss 1998). Южнее Ванкувера и в прилегающих горных районах она не прослеживается. Еще дальше в пределах Плато и Большого Бассейна в раннем голоцене и, возможно, уже в конце плейстоцена распространяются черешковые наконечники типа уиндаст (рис. 2.10), линд-коули (рис. 2.11) и др. (Ames, Maschner 1999: 82; Beck, Jones 1997: 199–202; Carlson 1998: 30–31; Fagan 1995: 239–240). Эти типы моложе кловисских, но точное время их появления не установлено. Нет и полной уверенности в том, что кловисские наконечники послужили для них прототипом.

В Южной Америке – как в пределах тихоокеанского пояса, так и на востоке – древнейшие каменные индустрии датируются временем порядка 11,000±500 лет назад и, таким образом, одновременны кловису. К сожалению, датировки большинства памятников Бразилии не настолько точны, чтобы обеспечить надежную синхронизацию с североамериканскими материалами. Материалы со стоянок в восточной Амазонии, на Бразильском нагорье, в южной Бразилии (Rodriguez 1992), горной Колумбии (Correal 1981: 42; Correal, Hammen 1977: 32; Hurt 1977), на юге побережья Перу, в Пампе и Патагонии мало похожи друг на друга, и возвести их к одному–двум предковым комплексам затруднительно. К кловису почти наверняка восходят лишь индустрии Южного Конуса с «рыбкообразными» наконечниками типа фелл, рис. 2.5, 12–15 (Borrero, McEwan 1997; Flegenheimer 1987; Morrow, Morrow 1999; Ortiz–Troncoso 1981: 191). Подобные орудия обнаружены также в более северных районах тихоокеанского пояса от южной Мексики до границы Колумбии и Панамы и реже в Эквадоре и на северном побережье Перу, но отсутствуют на востоке Южной Америки. В горной, прикарибской и притихоокеанской Колумбии, северной Венесуэле, Гвиане и северной Амазонии встречаются крупные – до 20 см длиной – довольно грубо обработанные наконечники с коротким черешком, некоторые с сильно отставленными жальцами (Ardila Calderón, Politis 1989, lam.2; Evans, Meggers 1960: 21, pl. 8; López Castaño 1989, lám. 5; Olsen Bruhns a.o. 1976; Reichel–Dolmatoff 1986, figs. 3–10; Roosevelt 1996: 383, прим. 27; Rouse, Cruxent 1963: 29). Они найдены вплоть до Тринидада и, возможно, относятся ко времени до образования пролива между островом и материком около 10,000 лет назад (Hoffman, Lynch 1990: 166). Точно они все же нигде не датированы. Некоторые подобные орудия также имеют желобок, что указывает на какое-то родство с кловисом (рис. 2.17). Однако от «рыбкообразных» наконечников они отличают-

Рис. 1. Некоторые позднеплейстоценовые культуры и памятники Нового Света. 1 – покровное оледенение 18,000 лет назад; 2 – покровное оледенение 12,000 лет назад; 3 – области материкового шельфа, затопленные в голоцене; 4 – области распространения наконечников типа фелл.

Fig. 1. Some Late Pleistocene cultures and sites in New World. 1. Ice sheets 18,000 b.p. 2. Ice sheets 12,000 b.p. 3. Continental shelf submerged in the Holocene. 4. Areas of distribution of fish–tail projectile points.

ся очень сильно и скорее всего связаны с иным (и более поздним?) миграционным эпизодом.

В облике остальных позднеплейстоценовых южноамериканских индустрий мало или вовсе нет кловисских черт (Anderson, Gillam 2000: 60).

В частности на крайнем юге побережья Перу, где исследованы многослойные стоянки Кебрада Хагуай, Кебрада Такауай и Ринг-Сайт (Sandweiss a.o. 1989; 1998; 1999), представлена невыразительная индустрия отщепов (рис. 2.16). Предполагается, что обитатели этих стоянок часть года проводили в горах, где охотились, возможно, используя какие-то каменные наконечники. Реально, однако, синхронных прибрежным стоянкам материалов в удаленных от моря районах юга Перу пока не найдено.

В восточной Амазонии каменная индустрия грота Каверна-да-Педра-Пинтада (ее датировка

временем между 11,150–10,800 лет назад подтверждена большой серией согласующихся с микростратиграфией радиоуглеродных дат) включает обломки и заготовки обработанных с двух сторон оббивкой и отжимной ретушью треугольных наконечников с черешком (Roosevelt a.o. 1996). Подобные им, но целые экземпляры происходят из сборов на нижнем Тапажосе (рис. 2.18, 19).

Особенно значительные отличия от кловиса демонстрирует бразильская традиция итапарика (Fogaça 1995; Kipnis 1998; Sales Barbosa 1992; Schmitz 1987: 57–71). Для ее каменной индустрии характерны крупные, 10–15 см длиной, односторонне оббитые орудия из кварцита на прямоугольных и овальных отщепах и пластинах (рис. 2.20–22), преобладают скребла и скребки. Редко (и лишь на относительно более поздних памятниках?) встречаются двусторонне обработанные наконечники с закругленным снизу черешком (рис. 2.7, 8). Есть терочники, бола и камни для разбивания орехов. Предполагается, что наскальные росписи стиля нордэсте, для которых характерны сложные многофигурные сцены и изображения деревьев (рис. 3), созданы в период господства итапарика на северо-востоке Бразилии (Guidon 1983: 259–264; Prous 1986a: 263). Ранние наскальные росписи известны также в Патагонии и Перу, хотя их точный возраст определить трудно (это может быть поздний плейстоцен или, что все же скорее, ранний голоцен). В Северной Америке относящиеся к плейстоцену наскальные изображения не выявлены, а раннеголоценовые также сомнительны и в любом случае представлены исключительно петроглифами (Schobinger 1995: 101).

Что касается памятников, якобы имеющих возраст более 12,000–12,500 лет назад, то многие материалы такого рода уже давно подвергнуты критической переоценке (Lynch 1990). Чаще других продолжает упоминаться стоянка Монте-Верде на юге Чили, рядом авторитетных специалистов признанная в качестве бесспорного эталона (Adovacio, Peddler 1998; Dillehay 1994; Dillehay, Collins 1991). Помимо галек, использование которых в качестве орудий доказывается лишь трасологическим методом, в Монте-Верде найден по крайней мере один хорошо обработанный крупный бифас, а фаунистические остатки представлены скоплением костей мастодонтов. Но хотя для памятника получена хорошая серия радиоуглеродных дат возрастом 15,500–14,500 лет назад, их связь с артефактами находится под сомнением. Не исключено даже, что в Монте-Верде мы имеем дело с наносами селевого потока, в которые позже погрузились орудия (Fiedel 1999; Haynes 1999). В Северной Америке для скального навеса Медоукрофт в Пенсильвании получено восемь дат, укладывающихся в период между 18,000 и 13,000 лет назад в соответствии со стратиграфией. Обугленный кусочек корзины или циновки датирован 19,6000±2400 лет назад. Кости животных не сохранились. Анализ пыльцы указывает на растительность, близкую к современной. Для стоянки, которая должна была находиться в нескольких десятках километров от ледника (рис. 1), это неправдоподобно (Keeley 1987; Tankersley, Munson 1992). Скорее всего образцы для анализов были загрязнены ископаемым углеродом. Сам автор раскопок готов ручаться лишь за даты, начиная с 12,000 лет назад (Adovasio a.o. 1990: 352).

Гипотезу докловисского человека в Америке невозможно однозначно отвергнуть. Однако те факты, которые до сих пор приводились в ее обоснование, не соответствуют важности подобного предположения. Строить на этом хрупком фундаменте гипотезы более высокого уровня вряд ли корректно.

Особо необходимо сказать о заселении американской Арктики.

Данные археологии указывают на то, что протоэскимосские культуры складывались путем синтеза разных традиций – кремневого комплекса денби, приморских культур южной Аляски, но также, по-видимому, и сибирских компонентов (Dumond 1987; 2000). Начиная с 4000 лет назад, прослеживаются несколько миграций на восток из аляскинско-берингоморского региона. На каком именно языке говорили древнейшие популяции, мы, конечно, не знаем, но поскольку между всеми соответствующими археологическими культурами есть определенное сходство, принадлежность их носителей к эскоалеутской семье вероятна. Первыми были создатели Арктической традиции Малых Орудий, достигшие наиболее близких к полюсу участков суши на о. Элсмир, на северо-западе и северо-востоке Гренландии (Andreasen 2001: 82; Bielawski 1988; Gendron, Pinard 2001: 136–137; Mobjerg 1999). Свое название – индепенденс-I – этот комплекс получил по фьорду на Земле Пири. Самые западные проявления соответствующей культуры обнаружены севернее Баффиновой Земли на острове Дэвон в канадской Арктике. Вслед за ними в Восточной Арктике появились создатели культуры пре–дорсет, освоившие два основных ареала: территории к северу от Гудзонова залива и запад Гренландии (культура саркак). Возможно, что в саркак влились и остатки создателей комплекса индепенденс-I, либо индепенденс-I и предорсет были первоначально связаны не с отдельными потоками мигрантов, а с одним, позже разделившимся на северную и южную ветви (Fagan 1995: 184–187).

В середине I тыс. до н. э. пре-дорсет на востоке канадской Арктики и на западе Гренландии эволюционирует в дорсет. Хотя переход от более раннего комплекса к более позднему сопровождается не только появлением новых культурных черт (полуземлянки, прямоуголь-

ные жирники, резцы из нефрита, снеговые ножи, снегоступы и пр.), но и непонятным обеднением технологии – исчезновением сверл, а также лука и стрел (Tuck 1987), определенная преемственность в каменном инвентаре свидетельствует в пользу контактов между создателями этих культур (Nagy 2001: 145). Люди дорсет вновь освоили высокую Арктику вплоть до Земли Пири, однако ушли оттуда в начале нашей эры. В конце I тыс. н. э. начинается повторное продвижение дорсет на север. Поздний расцвет этой культуры обрывается в конце I тыс. н. э.

Около 1000 г. н. э. восточную Арктику заселяют новые мигранты – создатели культуры туле, явно связанные с эскимосскими культурами Берингоморья. Эскимосы инуит являются их языковыми потомками. Вопрос о контактах туле с дорсет остается открытым (Park 2001). Люди дорсет могли исчезнуть незадолго до появления инуит, быть ими полностью истреблены либо частично войти в их состав.

Итак, отметим еще раз главное.

1) Синхронное кловису или даже более раннее проникновение людей в Новый Свет вдоль тихоокеанского побережья возможно, хотя документально все же не подтверждено.

2) Кловис своим происхождением связан с индустрией ненана в центральной Аляске, а наконечники типа фелл развились из кловисских. В Южной Америке эти наконечники характерны для Южного Конуса, то есть Пампы, Патагонии, Огненной Земли, юго-западной Бразилии. Возможно, кстати, что они есть и в Чако, но там докерамические памятники не исследованны.

3) Аляскинская традиция микронуклеусов–микропластин распространяется на юг лишь в раннем голоцене и проникает не далее центральных районов северо-западного побережья Северной Америки. Ей, по-видимому, предшествует традиция листовидных бифасов.

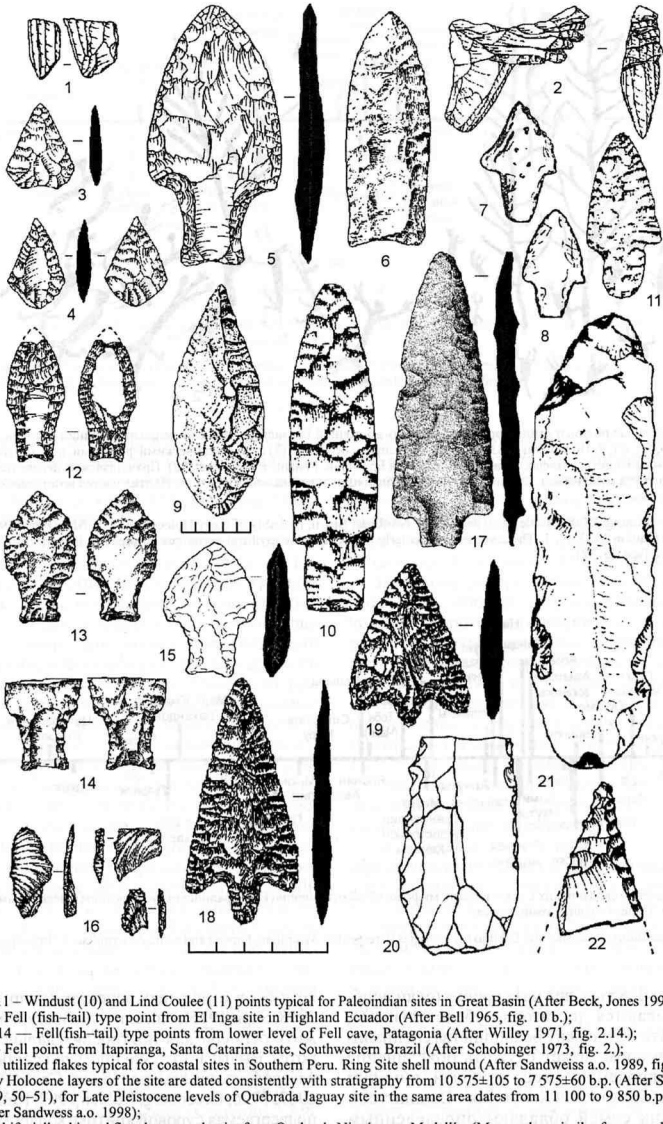
4) Происхождение многих ранних индустрий как Северной (та же традиция листовидных бифасов, черешковые наконечники регионов Плато и Большого Бассейна), так и особенно Южной Америки не ясно.

5) Сменявшие друг друга культуры Восточной Арктики имеют западное происхождение.

Данные лингвистики, популяционной генетики и физической антропологии. Среди материалов других дисциплин, занимающихся вопросами заселения Америки, лингвистические наиболее проблематичны. Реконструкции глуби-

Рис. 2. Образцы изделий, характерных для древних каменных индустрий Нового Света:
1,2 – комплекс денали на Аляске: микронуклеусы из верхнего слоя стоянки Драй-Крик (нуклеус 2 изображен вместе со сколотыми с него микропластинами) (по Hoffecker a.o. 1996, fig. 7.9b, d.);
3, 4 – комплекс ненана на Аляске: наконечники типа чиндадн со стоянки Хили-Лейк (по Cook 1996, fig.6.11a, c.);
5 – крупный экземпляр наконечника типа фелл с желобком с обеих сторон из Серро-Эль-Сомбреро, провинция Буэнос-Айрес (сходные материалы на стоянке Серро-Ла-Чина в том же районе датированы 10 700 л.н.) (по Flegenheimer, Zárate 1989. fig. Ib);
6 – типичный кловисский наконечник со стоянки Лерер в Аризоне (по Haury a.o. 1959, fig. 13 i);
7, 8 – кварцитовые наконечники из скального навеса 2 группы Серка Гранди, район Лагоа Сайта, штат Минас Жераис (в соседнем навесе 6 сходные материалы были датированы 9028±120, 9720±1238 л.н.) (по Hurt, Blasi 1969, pl. 22 b, c.);
9 – листовидный бифас из нижнего слоя стоянки Ричардсон Айленд, острова Королевы Шарлотты (слой датирован 9300-8900 л.н.) (по Fedje, Christensen 1999, fig. 5 a.);
10, 11 – наконечники типа уиндаст (10) и линд-коули (11), характерные для палеоиндейских памятников Большого Бассейна (по Beck, Jones 1997, fig. 3c, g.);
12 – наконечник типа фелл со стоянки Эль-Инга в Эквадоре (по Bell 1965, fig. 10b.);
13, 14 – наконечники типа фелл из нижнего слоя пещеры Фелл в Патагонии (лицевая и оборотная стороны целого экземпляра и нижней части сломанного) (по Willey 1971, fig. 2.14);
15 – наконечник типа фелл из Итапиранга, штат Санта-Катарина, юго-западная Бразилия (по Schobinger 1973, fig. 2);
16 – отщепы со следами использования, типичные для прибрежных стоянок юга Перу, раковинная куча Ринг-Сайт (по Sandweiss a.o. 1989, fig. 16 a, b, d.), раннеголоценовые слои памятника датированы от 10,575±105 до 7575±60 л.н. (Sandweiss a.o. 1989: 50–51) для позднеплейстоценовых слоев расположенной в том же районе стоянки Кебрада-Хагуай получены даты от 11 100 до 9 850 л.н. (Sandwess a.o. 1998);
17 – двусторонне обработанный желобчатый черешковый наконечник из Кебрада Никия около Медельина (подобные и близкие формы характерны для конца плейстоцена и/или начала голоцена в Северных Андах, Венесуэле, видимо, в северной Амазонии) (по Reichel-Dolmatoff 1986, fig. 7);
18, 19 – двусторонне обработанные крупные черешковые наконечники (подъемный материал) с нижнего Тапажоса, восточная Амазония (фрагменты сходных орудий в пещере Каверна-да-Педра-Пинтада датированы 11 000 л.н.) (по Roosevelt a.o. 1996, fig. 1);
20–22 – крупные односторонне обработанные орудия на пластинах, характерные для традиции итапарика, из нижнего слоя стоянки под скальным навесом Лапа-де-Бокете, север штата Минас-Жераис (20 – по Fogaça 1995, fig.lA; 21 — по Dillehay a.o. 1992, fig. 6 a; 22 – по Prous 1991, fig. 8 c.), конец плейстоцена или ранний голоцен.

Fig. 2. Stone tools typical for early industries of the New World:
1, 2 — Denali complex, Alaska, microcores from the upper level of Dry Creek site (core 2 is shown together with microblades) (After Hoffecker a.o. 1996, fig. 7.9b, d.);
3, 4 — Nenana complex, Alaska: Chindadn points from Heely Lake site (After Cook 1996, fig.6.11a, c.);
5 – a big specimen of Fell point with fluting on both sides. Cerro El Sombrero, Buenos Aires province (similar materials from Cerro La China site in the same areas have a date 10 700 b.p.) (After Flegenheimer, Zárate 1989, fig. 1b.);
6 - typical Clovis point from Lehrer site, Arizona (After Haury a.o. 1959, fig. 13 i.);
7, 8 – quarzite points from rock shelter 2 of Cerca Grande group, Lagoa Santa area, Minas Gerais state (for similar materials in the nearby rock shelter 6 dates 9028±120, 9720±1238 b.p. have been received) (After Hurt, Blasi 1969, pl. 22 b, c.);
9 — leaf–shaped biface, Richardson Island site, Haida Gwaii (Queen Charlotte) Islands, dated to 9300–8900 b.p. (After Fedje, Christensen 1999, fig. 5 a.);



10, 11 – Windust (10) and Lind Coulee (11) points typical for Paleoindian sites in Great Basin (After Beck, Jones 1997, fig. 3c, g.);
12 – Fell (fish–tail) type point from El Inga site in Highland Ecuador (After Bell 1965, fig. 10 b.);
13, 14 — Fell(fish–tail) type points from lower level of Fell cave, Patagonia (After Willey 1971, fig. 2.14.);
15 – Fell point from Itapiranga, Santa Catarina state, Southwestern Brazil (After Schobinger 1973, fig. 2.);
16 – utilized flakes typical for coastal sites in Southern Peru. Ring Site shell mound (After Sandweiss a.o. 1989, fig. 16 a, b, d.), early Holocene layers of the site are dated consistently with stratigraphy from 10 575±105 to 7 575±60 b.p. (After Sandweiss a.o. 1989, 50–51), for Late Pleistocene levels of Quebrada Jaguay site in the same area dates from 11 100 to 9 850 b.p. are received (After Sandwess a.o. 1998);
17 – bifacially chipped fluted stemmed point from Quebrada Niquía near Medellín (More or less similar forms are believed to be produced in Late Pleistocene and/or Early Holocene times in the Northern Andes, Venezuela, probably in Northern Amazonia. They are nowhere securely dated) (After Reichel–Dolmatoff 1986, fig. 7);
18, 19 – big bifacial stemmed points from Lower Tapajos, Eastern Amazonia (Surface material) (After Roosevelt a.o. 1996, fig. 1), A.C. Roosevelt claims fragments of similar points dated to 11 000 b.p. found in Caverna da Pedra Pintada rock shelter;
20–22 – big unifacial tools on blades typical for Itaparica tradition from lower level of Lapa de Boquete rock shelter, northern part of Minas Gerais (20 – after Fogaça 1995, fig.1A 21 – after Dillehay a.o. 1992, fig. 6 a; 22 – after Prous 1991, fig. 8c) (Late Pleistoce or Early Holocene).

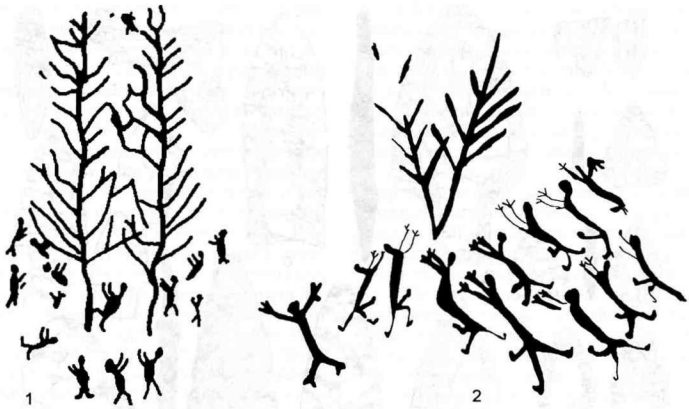


Рис. 3. Наскальные росписи стиля нордэсте из северо-восточной Бразилии, предположительно – ранний голоцен. 1. По: Prous 1996, fig. 6 f; 2. По Guidon 1983, pl. 1. Данные сцены, особенно (2) с итифаллическими фигурами, напоминают распространенный эпизод в мифах индейцев Восточной Бразилии, Гвианы и Чако (рис. 32). Прячущаяся на дереве первоженщина настигнута мужчинами. Они используют для копуляции отдельные части ее тела. Из этих частей возникают современные индеанки.

Fig. 3. Rock paintings of the Nordeste style from the Northeast Brazil, probably of Early Holocene age. 1. After Prous 1996, fig.6 f; 2. after Guidon 1983, pl. 1. These scenes, particularly (2), remind the mythical episode widespread in Eastern Brazil, Guiana and Chaco (see fig. 32).

Рис. 4. Положение евразийских и эскимосских мифологий по отношению к австралийским, папуасским и некоторым американдейским. Первая главная компонента.

Fig. 4. The position of Eurasian and Eskimo mythologies in respect to Australian, Papuan and some Amerindian. 1st Principal Component.

ной свыше 6–8 тыс. лет назад редко (если вообще) оказываются достаточно убедительными, чтобы найти поддержку большинства специалистов. Примером может служить объединение в одну макросемью «мос» сэлишей, чимакум и вакашей (Британская Колумбия – Вашингтон). Языки этих семей обладают определенным структурным сходством, но его значимость – не говоря о лексических соответствиях – ставится под сомнение (Campbell 1997: 288). Хотя предположения подобного рода бывают исторически правдоподобны и могут оказаться верными хотя бы в отдельных аспектах (напр. Fortescue 1998; Sapir 1915), они слишком шатки, чтобы служить основой для построения дальнейших гипотез. Вызывает изумление, что гринберговская классификация языков Нового Света (Greenberg 1987; 1996; Greenberg, Ruhlen 1992; Ruhlen 1991), подвергаемая суровой критике коллегами американского лингвиста и в некоторых важных деталях (в частности относительно языкового родства между *пано-такана* и *же*) не признанная ни одним из них (Campbell 1997; Curnow 1998; Kaufman 1990; Picard 1998; Poser 1995; Ramer

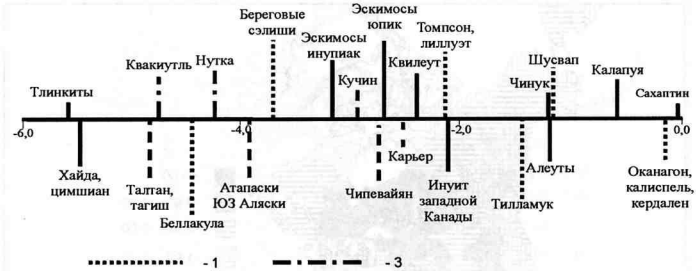


Рис. 5. Положение мифологий северо-запада Северной Америки. Третья главная компонента. Условные обозначения: 1— селиши, 2 – атапаски, 3 – вакаши, 4 – прочие языковые семьи.

Fig. 5. The position of mythologies of the North American Northwest. 3rd Principal Component. Salishan groups are shown with dots, Athabascan with hachure, Wakashan with dot and hachure, other families with solid line.

1996; Urban, Sherzer 1988, и др. работы), так и продолжает тиражироваться теми специалистами, которые сами языкознанием не занимаются (Cavalli-Sforza a.o. 1994: 325; Denamur 1994; Layrisse, Wilbert 1999).

У популяционной генетики свои сложности. Оценка времени, которое потребовалось для накопления соответствующих изменений в генном материале, здесь, может быть, и менее дискуссионна, чем оценка времени расхождения языков, но зато корреляция выявленных тенденций с процессами, известными по данным археологии, крайне предположительна. Кроме того, при сравнении регионов с различными природными условиями трудно вычленить возможные последствия естественного отбора, повлиявшие на изменения генофонда в течение тысячелетий (обо всем этом на африканском материале см. MacEachern 2000: 360–364). Из-за трудоемкости и высокой стоимости анализов, их делается намного меньше, чем необходимо, а поскольку генетическая картина американских популяций отличается сложностью и мозаичностью (Cavalli-Sforza a.o. 1994: 336), выводы разных исследователей плохо сопоставимы. Близость на–дене (тлинкитов и атапасков) к эскимосам и их существенное отличие от остальных индейских популяций (Cavalli–Sforza a.o. 1994: 325; Denamur 1994; Layrisse, Wilbert 1999; Szathmary 1994; Torroni a.o. 1993), оценка атапасков как отличающихся от американдов не более, чем другие индейские группы одна от другой (Szathmary 1993: 795), четыре отдельных миграции, предковых для всего населения Нового Света (Crawford 1998: 27), либо только для американдов (Horai a.o. 1996) – все эти гипотезы опираются на определенные факты, но ни одна не может считаться доказанной. Хотя некоторые предположения генетиков в целом соответствуют нашим собственным выводами, полученным на других материалах (напр., Деренко, Малярчук 2001), подобным совпадениям не следует пока придавать слишком большое значение. Несомненно, пожалуй, лишь то, что в заселении Нового Света участвовали генетически разные популяции, хотя определить хронологическое соотношение между ними крайне сложно. В частности об этом свидетельствует ареальное распределение так называемого гена Диего, отличающего классических монголоидов от протомонголоидов и от всех других рас. Не имеющие этого гена аборигенные популяции в Америке сосредоточены на Северо-Западном побережье и в Арктике, на территории от Никарагуа до Гвианы, в Чако и в центральном и южном Чили, при том, что данных по аргентинской Патагонии нет (Wilbert, Layrisse 1999: 150–151). Похоже, что перед нами остатки некоего раннего домонголоидного «горизонта», но невозможно сказать, почему они сохранились именно на данных территориях.

В последние годы произошла определенная переоценка взглядов на расовую принадлежность предков индейцев. Она связана с изучением как зубной системы, так и строения черепа.

Четверть века назад К. Тернер выделил в зубных системах монголоидов два типа – сундадонтный (южномонголоидный) и синодонтный (северомонголоидный) и классифицировал зубы американских индейцев – в том числе и зубы палеоиндейцев из пещеры Пальи-Айке в южной Патагонии – как близкие к синодонтным (Тернер 1983; Turner 1983; 1986; 1992; Turner, Bird 1981). Сундадонтная система, обнаруженная у айну и дземонцев, индонезийцев, австралийцев, была скорее всего той основой, на которой развились как синодонтия, так и современные системы европеоидов и африканцев (Turner 1992). Затем выяснилось, что зубные системы древних и современных индейцев разнообразны и во многих случаях не могут быть отнесены к синодон-

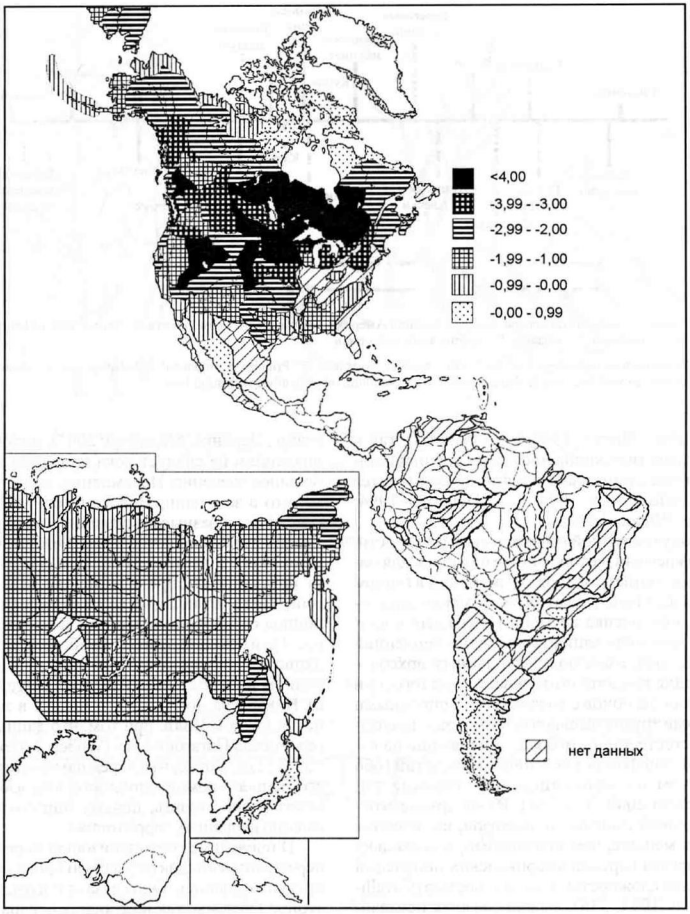


Рис. 6. Распространение мотивов по ареалам: первая главная компонента. Североамериканский комплекс.

Fig. 6. Areal distribution of motifs: 1st Principal Component. North American complex.

тным. Изучение материалов разных периодов на юге Перу – севере Чили показало, что здесь синодонтная зубная система вытесняет сундадонтную постепенно, причем процесс этот заканчивается лишь после рубежа эр (Sutter, MS). В Мексике I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. в зубных системах преобладали сундадонтные признаки, причем наиболее ранняя из исследованных популяций наиболее своеобразна (Haydenblit 1996). Тернер не заметил подобных фактов из-за того, что работал с нерасчлененными выборками (североамериканской и южноамериканской), в которых преобладали современные синодонтные образцы.

Что касается краниологии, то, по мнению А. А. Зубова, древнейший представленный в Новом Свете морфологический комплекс отличают «длинный, узкий и высокий череп (гипси–долихокрания), низкое лицо, низкие орбиты, узкое (или средней ширины) носовое отверстие, низкий, наклонный лоб, сильно выраженные надбровные дуги, более или менее выраженный

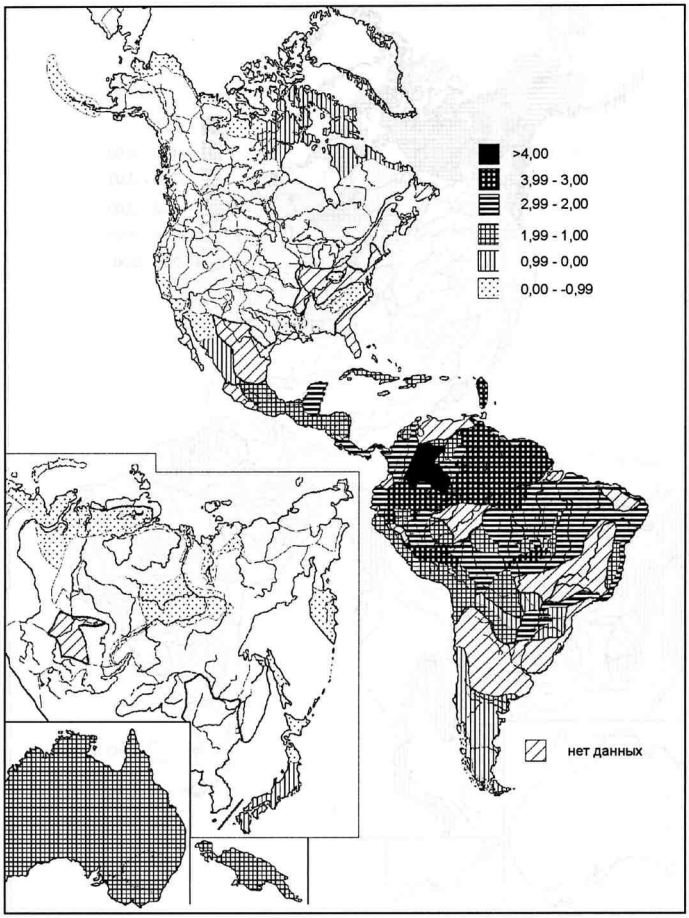


Рис. 7. Распространение мотивов по ареалам: первая главная компонента. Амазонский комплекс.

Fig. 7. Areal distribution of motifs: 1st Principal Component. Amazonian complex.

прогнатизм (особенно альвеолярный)» (Зубов 1999: 10). Данный комплекс признаков можно условно именовать австралоидным, хотя речь идет не столько о сходстве с австралийскими аборигенами, сколько о протоморфной краниологической структуре, отличающейся полиморфизмом.

М. Лар, В. Невеш и другие антропологи пришли к выводу, что большинство найденных в Америке черепов, относящихся к плейстоцену, не являются монголоидными и что череп 101 из верхней вещеры Чжоукоудянь в Китае тоже напоминает скорее австралоидные, африканские и даже европеоидные черепа, нежели монголоидные (Lahr 1995: 170; Neves, Pucciarelli 1998). Основное значение для исследований Невеша и его коллег имели данные по черепам из пещеры Лапа-Вермелья в бразильском штате Минас-Жераис (Neves, Powell, Ozolons 2000; Prous 1986: 176; Prous, Guimarães 1984: 24), из гротов Суэва и Текендама в горной Колумбии (Correal 1981: 11; 1986: 125, 127; Correal, Hammen 1977), а также по женскому черепу из Ворм-Минерал-

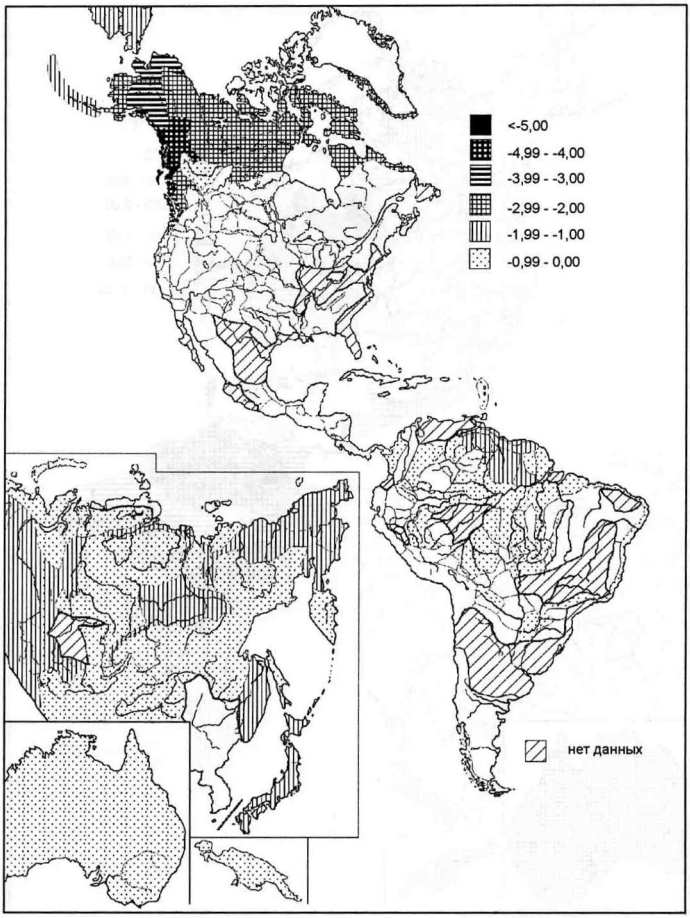


Рис. 8. Распространение мотивов по ареалам: третья главная компонента. Аляскинский комплекс.

Fig. 8. Areal distribution of motifs: 3rd Principal Component. Alascan complex.

Спринг во Флориде (Powell a.o., 1999). Все эти материалы датированы по радиоуглероду временем порядка 10,000 лет назад. Были переоценены как немонголоидные и материалы из Пальи-Айке на юге Патагонии (Neves, Blum, Kozameh, 2000; Neves, Powell, Ozolins 2000a). Так называемый человек из Кенневик, штат Вашингтон (8,410±60 лет назад), некоторыми рассматривавшийся как чуть ли не европеоид (Деренко, Малярчук 2001: 78; Boldrurian, Cotter 1999: 120), оказался близок айну и полинезийцам (Chatters a.o. 2000). В то же время женский череп из Бул (Айдахо, 10,675±95 лет назад) сходен с современными североамериканскими, то есть вполне монголоидный (Neves, Blum 2000). Общий вывод состоит в том, что 9000–8000 лет назад население Южной Америки стало более монголоидным, чем ранее, и что – учитывая особенности черепа из Бул – в Северную Америку монголоиды проникли почти столь же рано, как и протомонголоиды/меланезоиды. В то же время даже в позднем голоцене у насе-

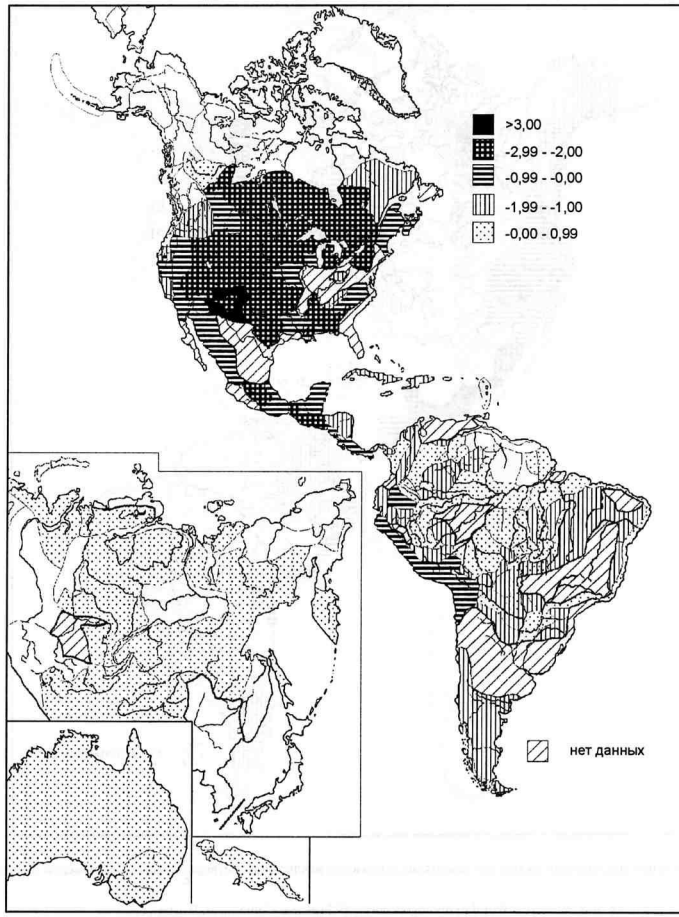


Рис. 9. Распространение мотивов по ареалам: третья главная компонента. Среднезападный комплекс.

Fig. 9. Areal distribution of motifs: 3rd Principal Component. Midwestern complex.

ления не только Южной, но и Северной Америки протомонголоидные признаки сохранялись, о чем свидетельствует череп из Небраски возрастом около 4,500 лет назад (Lovvorn a.o. 1999: 541).

Многие недавние выводы в области краниологии получены путем изучения не лицевого скелета, а пропорций черепа, что не вполне надежно для определения расовой принадлежности. Тот же череп из Бул первоначально был расценен как вполне монголоидный (Green a.o. 1998), затем – как архаический протомонголоидный, напоминающий айнский (Lovvorn a.o. 1999: 541), затем снова как монголоидный, точнее американоидный (Neves, Blum 2000). Вместе с тем на черепе из Лапа-Вермелья лицевой скелет сохранился хорошо, и эта находка, датированная также достаточно надежно, не оставляет сомнений в том, что американоидные популяции не были первыми, или по крайней мере единственными, кто проник в Новый Свет на начальных этапах его заселения.

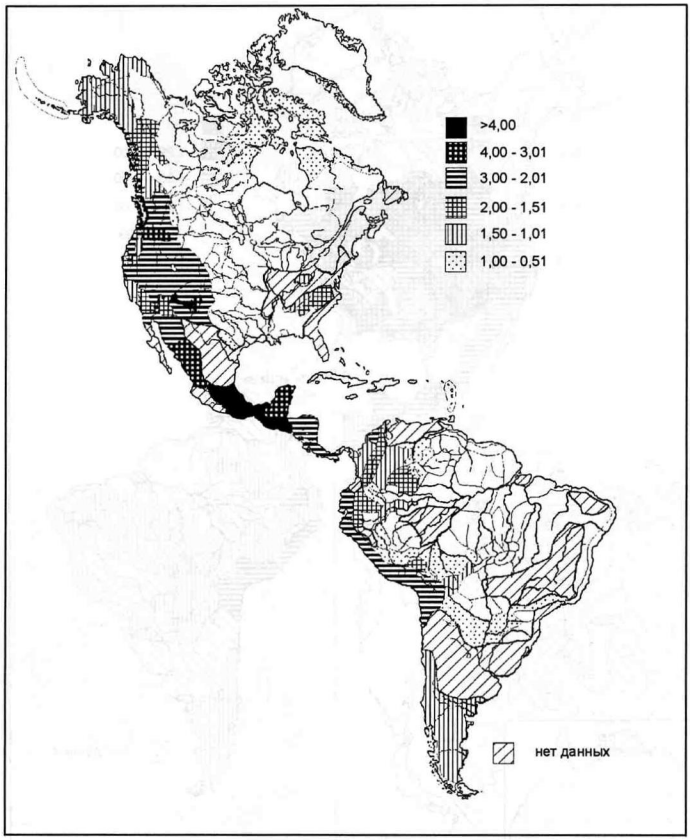


Рис. 10. Распространение мотивов по ареалам (азиатские мифологии исключены): четвертая главная компонента. Западный комплекс.

Fig. 10. Areal distribution of motifs (New World mythologies only): 4th Principal Component. Western complex.

К сожалению, все древнейшие останки людей в Северной Америке, позволяющие определить расовый тип, обнаружены вне четкой связи с каменной индустрией. Мы поэтому так и не знаем, обладали ли кловисцы протоморфным доамериканоидным комплексом признаков или же являлись более или менее прямыми предками тех групп индейцев, которые жили на основной территории США в голоцене.

Данные физической антропологии указывают на вероятное наличие вплоть до эпохи бронзы американоидного субстрата у населения Южной Сибири и Восточного Казахстана, но не Забайкалья (Козинцев и др. 1995; Kozintsev a.o. 1999). О физическом типе палеолитического населения большей части Сибири судить невозможно. Допустимо, что когда–то и здесь был представлен протоморфный домонголоидный расовый тип, но конкретные указания на это отсутствуют.

Фольклорно–мифологические мотивы как репликаторы. Мифологические мотивы способны к самокопированию. Встраиваясь в передаваемые людьми повествования, мотивы «воспроизводят себя» и подвержены частичным мутациям, не препятствующим воспроизводству новых, слегка измененных форм. Все вместе есть необходимые и достаточные условия

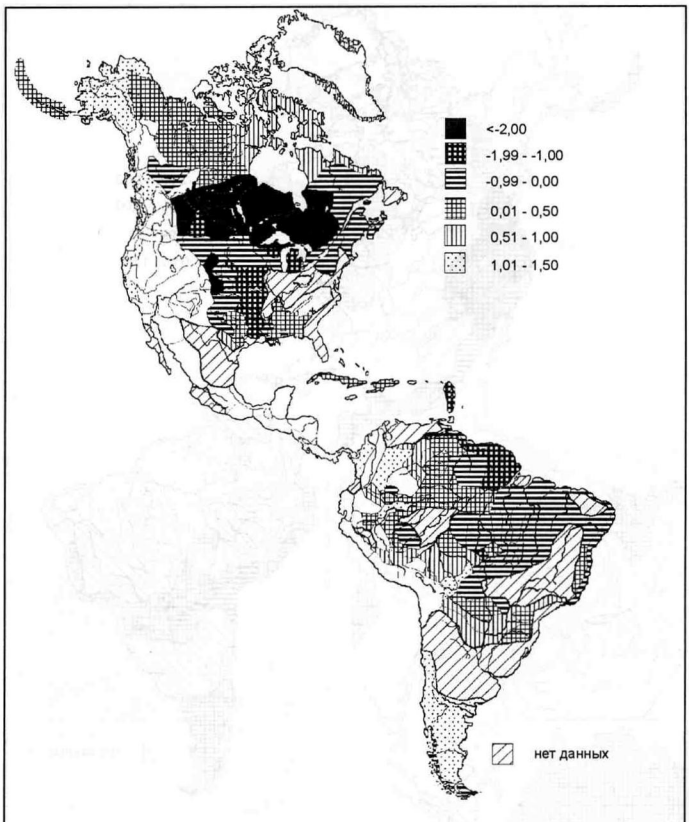


Рис. 11. Распространение мотивов по ареалам (азиатские мифологии исключены): четвертая главная компонента. Восточный комплекс.

Fig. 11. Areal distribution of motifs (New World mythologies only): 4th Principal Component. Eastern complex.

естественного отбора (Smith, Szathmary 1999: 8–9). В связи с определением мотива как репликатора возникает та же проблема, что и с поиском элементарных единиц копирования в археологии (Lyman, O'Brien 1998: 619): насколько простым, неделимым должен быть мотив?

В американской этнологии начала XX в. сложилось представление о мотивах как о «готовых единицах, которые рассказчик вставляет в повествование по мере необходимости» (Wissler 1929: 252). По умолчанию, подобные единицы могут быть любыми. Крупнейший американский фольклорист первой половины века С. Томпсон дает несколько иное определение мотива как «наименьшего элемента в повествовании, который способен сохраняться в традиции» (цит. по Романова 1997: 474; Dundes 1962: 97). Атомизация мотивов была необходима для создания подробных формализованных описаний тех текстов, в которых отсутствуют сюжеты, обычные для европейского сказочного фольклора.

В нашу задачу описание текстов не входит. Поэтому мы будем придерживаться следующего определения мотива: им является *любой эпизод или образ или комбинация эпизодов и образов, которые обнаруживаются в двух или более различных текстах*. Мотив может соответствовать и сложной структуре, если она ко-

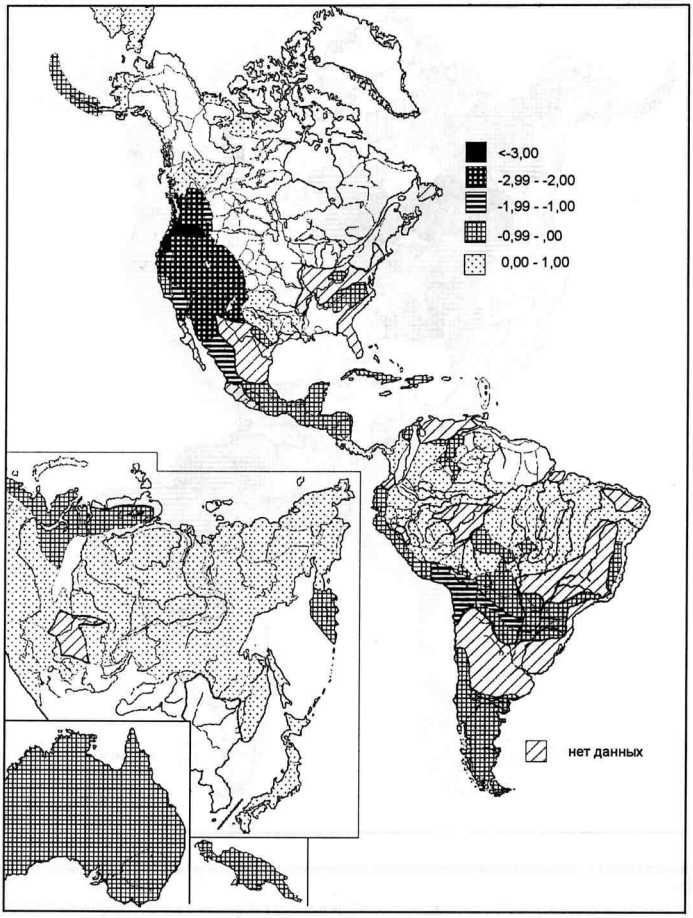


Рис. 12. Распространение мотивов по ареалам: пятая главная компонента. Комплекс Плато.

Fig. 12. Areal distribution of motifs: 5th Principal Component. Plateau complex.

пируется целиком. Чем сложнее мотив, тем уже он бывает распространен во времени и пространстве, а чем элементарнее – тем шире. Эта закономерность носит статистический характер и не позволяет однозначно предугадать реальную судьбу того или иного мотива. Имея перед собой один единственный текст, мотивы – в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие – в нем выделить невозможно. Чем обширнее и разнообразнее собрание текстов, тем больше мотивов удастся обнаружить. Список мотивов открыт и подвержен изменениям до тех пор, пока в кругозор его составителя продолжают попадать новые тексты.

Не только С. Томпсон, но и один из основоположников русской фольклористики А. Н. Веселовский настаивал на элементарности мотива (Веселовский 1989: 301–305). У него требование элементарности было обусловлено тем, что мотивы «могли зарождаться самостоятельно в разноплеменных средах; их однородность или их сходство» следует объяснять «однород-

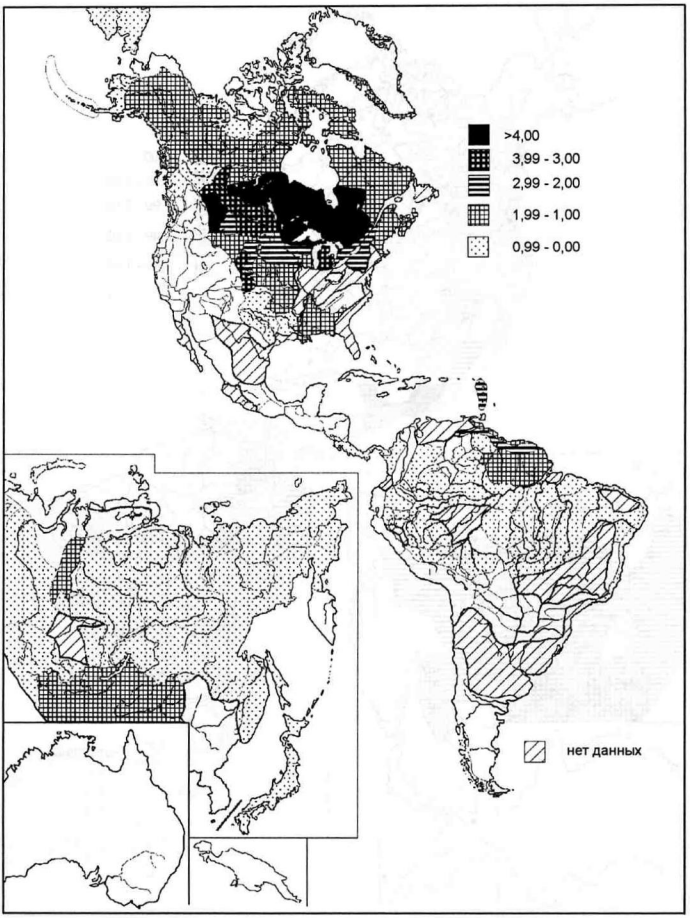


Рис. 13. Распространение мотивов по ареалам: пятая главная компонента. Канадский комплекс.

Fig. 13. Areal distribution of motifs: 5th Principal Component. Canadian complex.

ностью бытовых условий и отложившихся в них психических процессов». Примерно то же в начале XX в. предполагал и Боас (Boas 1940: 461–463). По Веселовскому, сходные сюжеты появляются по мере естественной эволюции сходных мотивов, однако чем длиннее одинаковая комбинация эпизодов, представленная в двух разных текстах, тем менее вероятно, что они возникли независимо друг от друга. Таким образом, мотив и сюжет соотносятся здесь как «универсально распространенный и спонтанно возникающий» и «обусловленный конкретными связями, исторически специфичный».

Однако возможность повторного самозарождения даже простых мотивов не очевидна. Поскольку подобные события исследователь в принципе не в состоянии наблюдать, всякое мнение относительно генетических или типологических причин повторяемости одних и тех же мотивов в разных традициях спекулятивно. Вопрос надо ставить по поводу не происхождения мотивов, а сходства традиций. Если выявленная статис-

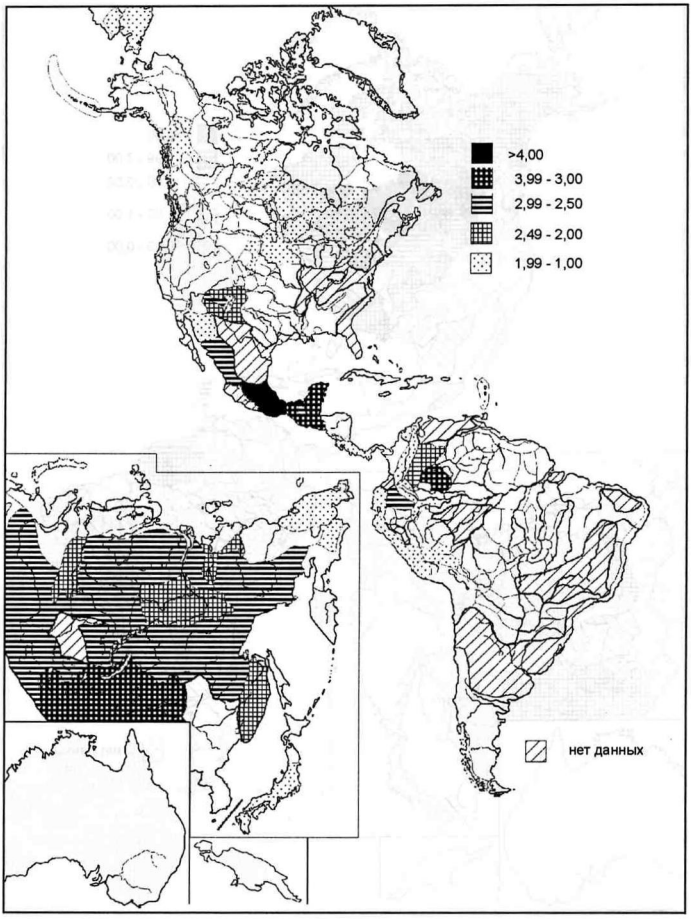


Рис.14. Распространение мотивов по ареалам: четвертая главная компонента. Мезоамериканский комплекс.

Fig. 14. Areal distribution of motifs: 4th Principal Component. Mesoamerican complex.

тикой близость традиций коррелирует с какими–то внешними обстоятельствами (социально–политическая организация, природное окружение, формы хозяйства), то возможны функционально–типологические объяснения. Но если такой корреляции нет, генетическая близость традиций, имеющих относительно больший процент одинаковых элементов, представляется правдоподобной. Соответствующие выкладки могут быть основаны на анализе картины распространения как сложных, так и простых текстовых элементов. Также не обязательно, чтобы степень сложности была одинаковой. Сложные мотивы будут свидетельствовать прежде всего о близких и недавних связях, элементарные – об отдаленных, что не мешает одно другому.

Отличия между ареальными мифологиями становятся заметными при сравнении условных статистических показателей, которые указывают на взаимную корреляцию одних мотивов и отсутствие таковой у других. Те мотивы, области

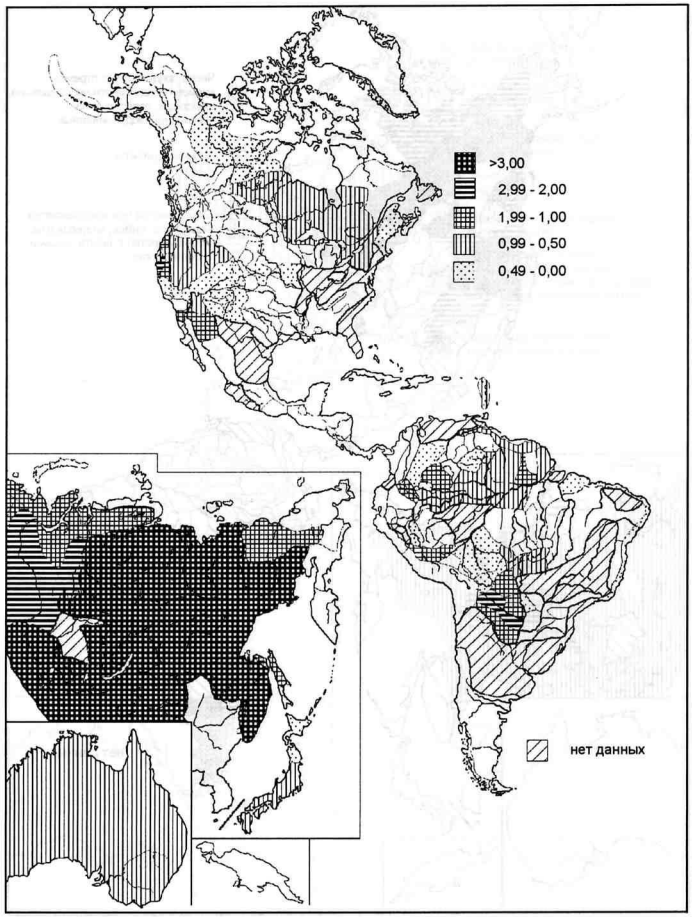


Рис.15. Распространение мотивов по ареалам: шестая главная компонента. Сибирский комплекс.

Fig. 15. Areal distribution of motifs: 6th Principal Component. Siberian complex.

распространения которых велики и вместе с тем четко ограничены, влияют на формирование соответствующих показателей больше других. Ниже мы опишем главные результаты статистической обработки распределения всей совокупности данных, проиллюстрировав намеченные тенденции картами ареального распространения некоторых конкретных мотивов. Источники текстов, к сожалению, не указываются, ибо объемом соответствующая библиография в несколько раз превысила бы саму статью.

О мифологии принято говорить в связи с той или иной этнической группой (мифология хеттов, хиваро, хопи и т.п.). Это верно постольку, поскольку речь идет об определенном наборе сюжетов и об их восприятии носителями традиции. Ситуация меняется, когда от интерпретации текстов мы переходим к их формальному содержанию. Последнее легко переводимо с одного языка на другой, поэтому мифологические мотивы сплошь и рядом заимствуются, а ареалы их распространения редко – если вооб-

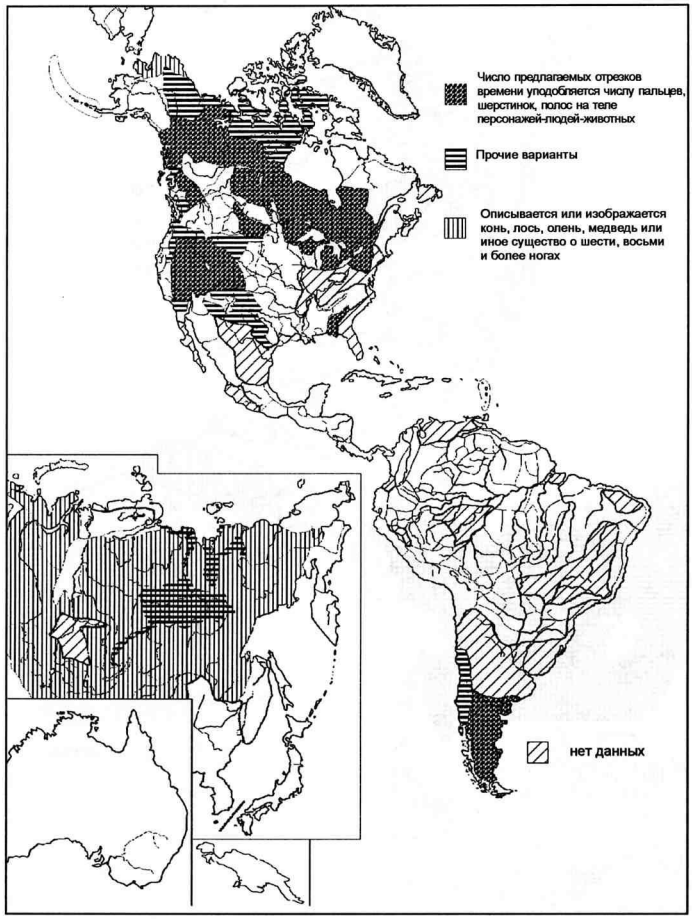


Рис. 16. Спор о времени. Первопредки собираются вместе, чтобы решить, сколь много должно быть единиц времени в определенном периоде времени, должны ли холод и тьма сменяться теплом и светом.

Fig. 16. Time periods discussed. Animal persons come together to decide how many units of time it should be in a certain period of time (year, winter, night, menstrual cycle, etc.) or should the warm and light part be at all.

ще когда–либо – совпадают с современными этническими границами (Boas 1891: 20; 1896: 9; 1916: 878; 1929: 149–150; Foster 1945: 225). Ни об одном конкретном мотиве нельзя с уверенностью сказать, что он «исконно» характерен для той или иной этнолингвистической общности, хотя было бы нелепо утверждать, что этно–языковая карта на распределение мотивов вообще не влияет. Наборы фольклорно–мифологических мотивов представляют собой такую же независимую категорию фактов, как и культура в ее материальных проявлениях, язык и физический тип. Данные всех этих четырех категорий могут коррелировать друг с другом в разной степени – все зависит от конкретных исторических обстоятельств. На Кадьяке переход на эскимосский язык около 1000 лет назад не привел к исчезновению древних культурных связей с алеутами и

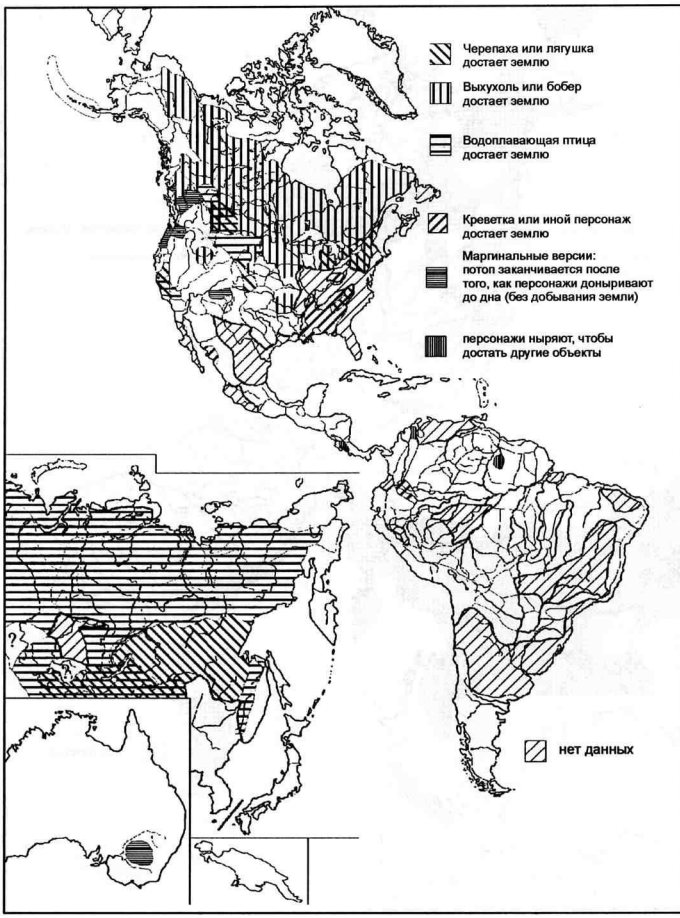


Рис.17. Ныряльщик. Суша возникает из кусочка земли, добытого со дна моря.

Fig. 17. Earth-diver. Small piece of solid subsistence is brought from the ocean bottom and turns into the dry earth.

индейцами северо-западного побережья (Dumond 1977, fig. 33, 34; 1987: 43–45). Атапаски навахо, всего лишь около 500 лет назад проникшие на американский Юго-Запад, как генетически (Cavalli-Sforza a.o. 1994: 323–324, figs. 6.9.2, 6.10.1, 6.10.2), так и в области мифологии сходны не со своими близкими языковыми родственниками в Канаде, а с местными аборигенами, говорящими на нескольких языках четырех семей (юто-ацтекской, зуньи, керес и таньо). Однако карибы карихона, пришедшие из Гвианы в северо-западную Амазонию 2000–1000 лет назад, и в XX в. все еще значительно отличались в области мифологии от всех окружающих этносов, сохраняя некоторое сходство с индейцами Гвианы, что видно по статистическим данным (рис. 11).

Картина распределения мотивов дает путаный материал для реконструкции деталей этнической истории. Усредненные данные о распро-

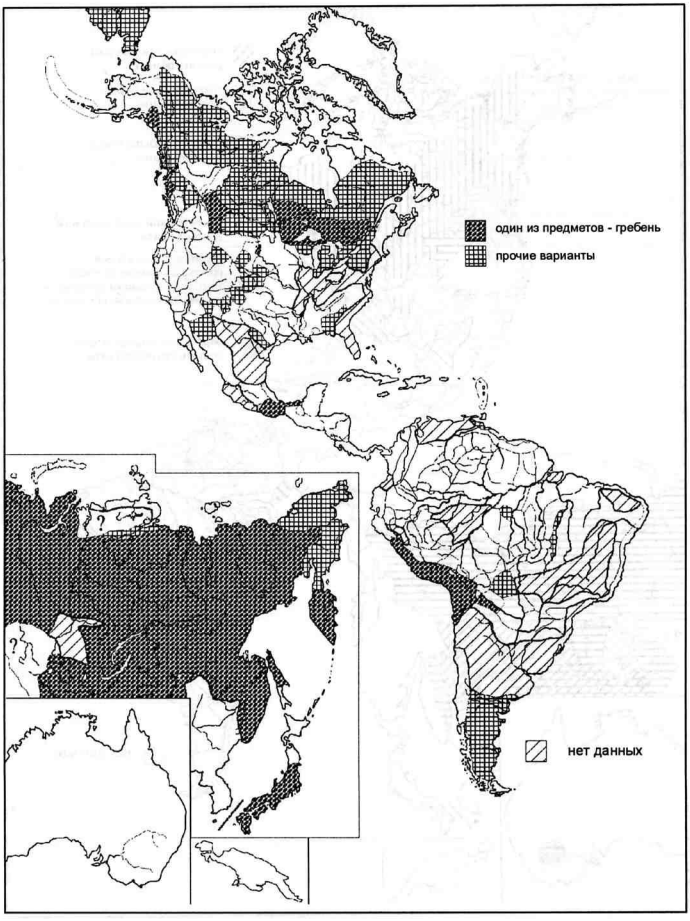


Рис.18. Магическое бегство. Спасаясь бегством, персонаж бросает предметы, которые превращаются в мощные препятствия на пути преследователя.

Fig. 18. Obstacle flight. Person escapes from a dangerous being, throws objects behind. They turn into mighty obstacles on the way of the pursuer.

странении сотен мотивов мало помогают при изучении миграций или взаимодействия этносов в пределах, например, Северной Европы или Мезоамерики, где отдельные культуры постоянно контактировали друг с другом. Внутрирегиональные различия прослеживаются и здесь, однако невозможно сказать, в какой мере они вызваны реликтами некоего древнего состояния, а в какой – недавними контактами. Ситуация выглядит по-другому там, где статистически значимое сходство или различие между наборами мотивов их недавней диффузией объяснить нельзя. Наличие значительного числа общих элементов на межрегиональном уровне логично отнести на счет тех же причин, что и на уровне внутрирегиональном – заимствование мотивов одной соседней группой от другой. Однако поскольку существует уверенность, что обитатели соответ-

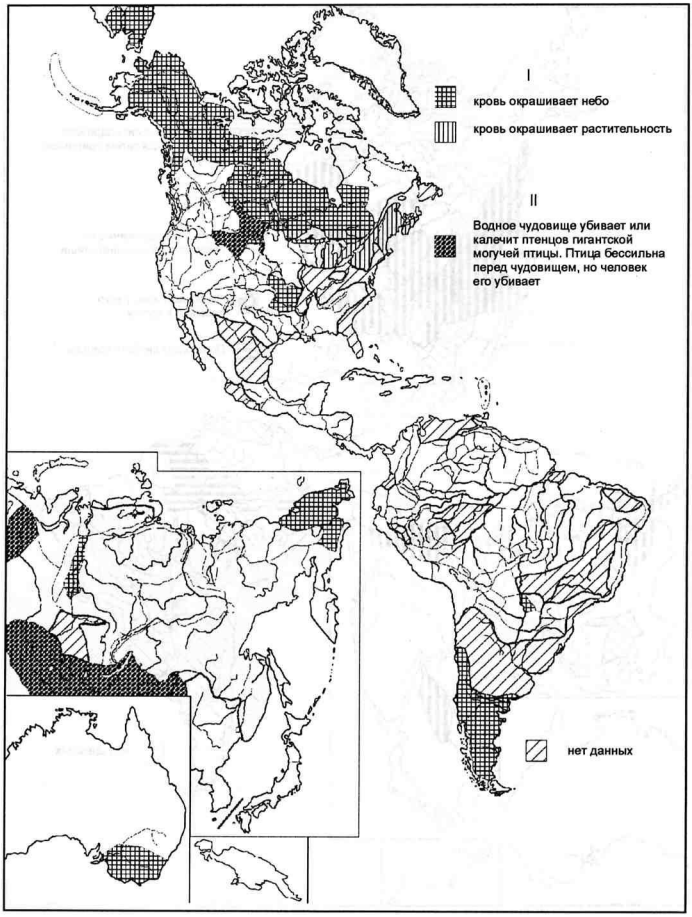


Рис. 19. I – Кровавый закат. Кровь, хлынувшая из убитого или раненого человека или животного, окрашивает небо или растительность. II – Змей угрожает птенцам.

Fig. 19. I – Blood paints the sky. When some person or animal is killed, blood paints the sky or vegetation. II – Snake threatens nestlings.

ствующих регионов в недавнюю эпоху никакой культурной общности не составляли, время предполагаемого единства должно быть отодвинуто в прошлое. Какое именно – это может подсказать только археология. Сходной логикой руководствуются лингвисты при исторической интерпретации языковых заимствований. Разница в том, что относительная давность словарных заимствований определима методами самого языкознания, а в мифологии никакого внутреннего хронометра, как уже говорилось, нет.

Большинство мотивов, чье распространение нами прослежено, нейтральны по отношению как к формам социальной организации и хозяйственной деятельности, так и к природному окружению. Поэтому межрегиональные североамерикано-патагонские, амазоно-меланезийские или мезоамерикано-южносибирские параллели ло-

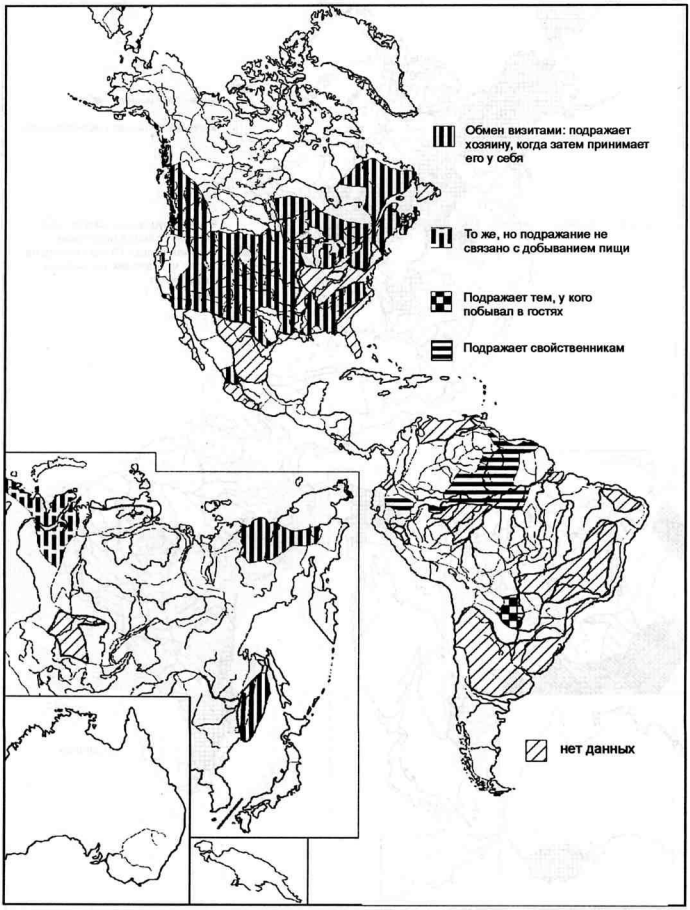


Рис.20. Неумелое подражание. Персонаж видит, как другие действуют (обычно добывают пищу) с помощью магии или согласно своей природе (например, Зимородок бросается в прорубь за рыбой); пытается подражать и терпит фиаско.

Fig. 20. Bungling host. Person is impressed with other people's peculiar or supernatural ways to produce food (e.g. King–fisher dives into ice–hole, brings fish). Tries to repeat the same tricks, gets into miserable situation.

гичнее всего объяснять общим древним наследием. Впрочем мы видим свою первоочередную задачу в самом выявлении подобных параллелей и готовы принять любую альтернативную интерпретацию, если она окажется убедительной.

Методика работы. Фольклористы используют два основных термина: сюжет (tale-type) и мотив (motif). Сюжет существует как набор вариантов и не может быть однозначно описан во всех деталях. Мотив может и должен соответствовать точному определению. Некоторые мотивы нашего каталога соответствуют мотивам каталога Томпсона (напр., A220.0 – солнце-женщина, A284.2 – громовая птица), но чаще всего они не элементарны и имеют пространное определение (примеры даны в подписях к картам-схемам, рис. 16–34). По степени сложности такие мотивы соответствуют сюжетам С. Томпсо-

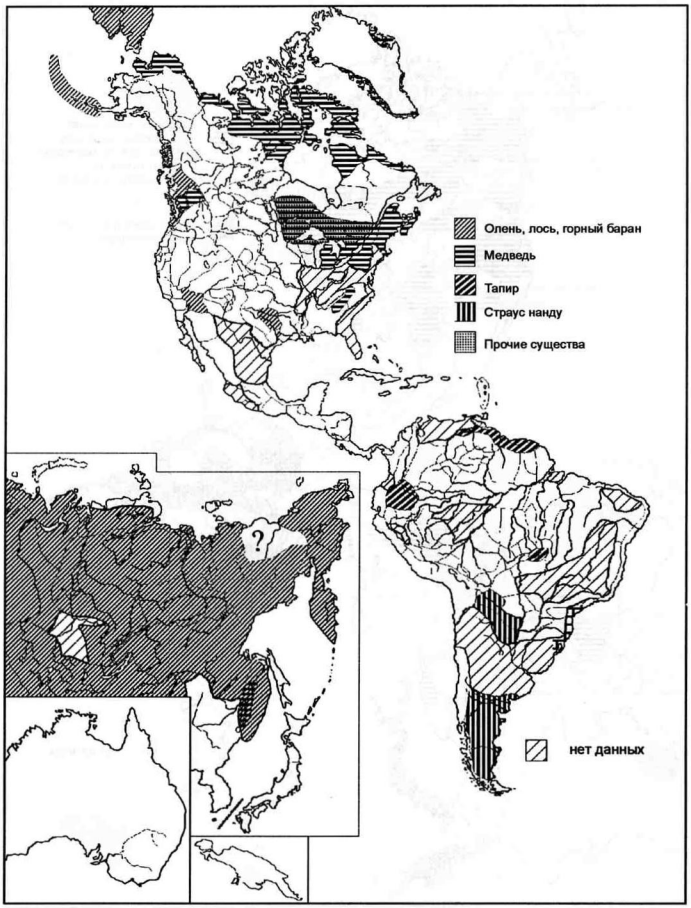


Рис.21. Космическая охота. Преследуя добычу, охотники и/или их собаки оказываются на небе. Объектами охоты являются разные существа.

Fig. 21. Cosmic hunt. Hunters and/or their dogs pursue game (and continue the hunt) on the sky. Now are seen as constellations. The objects of hunt are different animals.

на (Thompson 2000). Разница состоит в том, что последние не имеют четкого определения и порой отсылают читателя к текстам с сильно различающимися фабулами. Дабы исключить произвол в оценке того, имеем ли мы дело с одним и тем же мотивом или с разными, содержание текста должно в точности соответствовать принятому определению мотива. Если явно сходный образ или эпизод не полностью отвечает принятому определению, последнее приходится корректировать и соответственно перегруппировывать уже обработанный материал.

База данных нашей работы создается и обновляется в ходе следующей процедуры. После составления резюме еще не учтенного текста оно помещается в столько разделов каталога мотивов, сколько мотивов из составленного ранее списка в тексте опознано. В корреляционной таб-

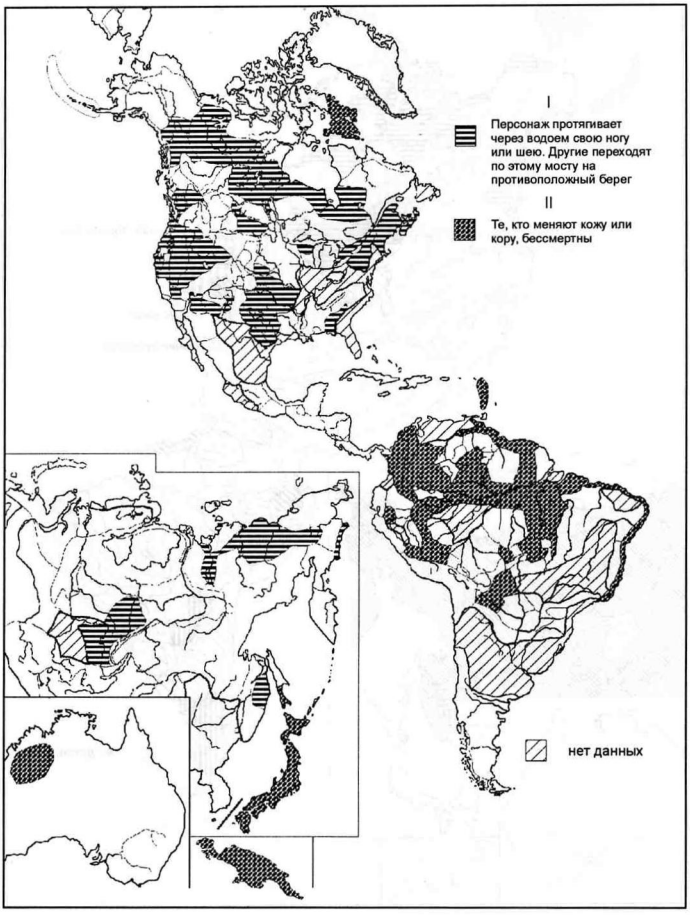


Рис.22. I – Ноги служат мостом. II – Смена кожи как условие бессмертия.

Fig. 22. I – Leg–bridge. II – Shed skin as condition of immortality.

лице на пересечении данной строки (мотив) с данным столбцом (ареал, откуда текст происходит) при наличии мотива ставится «1», при отсутствии – «0». Каждый мотив имеет тот номер, под которым он включен в корреляционную таблицу. Нумерация носит рабочий характер и может меняться.

На данный момент нами учтены сведения о распространении 1025 мотивов по 167 американским и евразийским ареалам. Для сравнения привлечены также материалы по мифологии австралийских аборигенов (в основном по указателю сюжетов Waterman 1987) и папуасов Новой Гвинеи (в основном арапеш и маринд-аним). Материалы иконографии использовались в той мере, в какой по изображениям можно надежно судить о наличии определенного образа, представленного в повествованиях и включенного в список мотивов (например, *кролик на луне*, *рогатый змей*). В общем массиве данных на долю изобразительного искусства приходится ничтожный процент информации. Лишь для северопе-

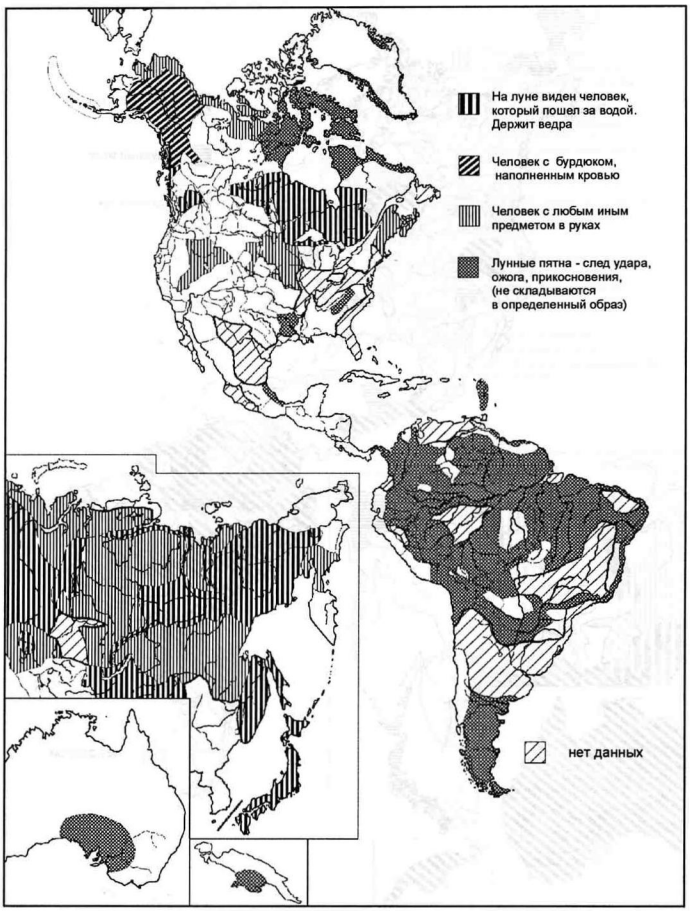


Рис.23. Пятна на лунном диске.

Fig. 23. Man in the Moon.

руанского ареала база данных включает около десятка мотивов, известных исключительно по древним изображениям. Перечень ареалов, выделенных в процессе работы, с указанием входящих в каждый из них этнических групп, по которым данные собраны, приводится в Приложении.

Для выявления степени близости ареальных традиций в работе использована программа Ястребова. Она определяет процент общей дисперсии элементов по отдельным осям (главным компонентам, ГК) и оценивает удаленность элементов (то есть локальных мифологических традиций) друг от друга. Каждая ось независима и выявляет одну из тенденций. Первая главная компонента (1 ГК) отражает основную, преобладающую тенденцию, а следующие за ней – все более частные. В нашем случае на 1 ГК приходится 7.2 % общей дисперсии. При том огромном количестве признаков, которые мы рассматриваем, это довольно много – 7.2 % общей дисперсии указывают на корреляцию 70–75 мо-

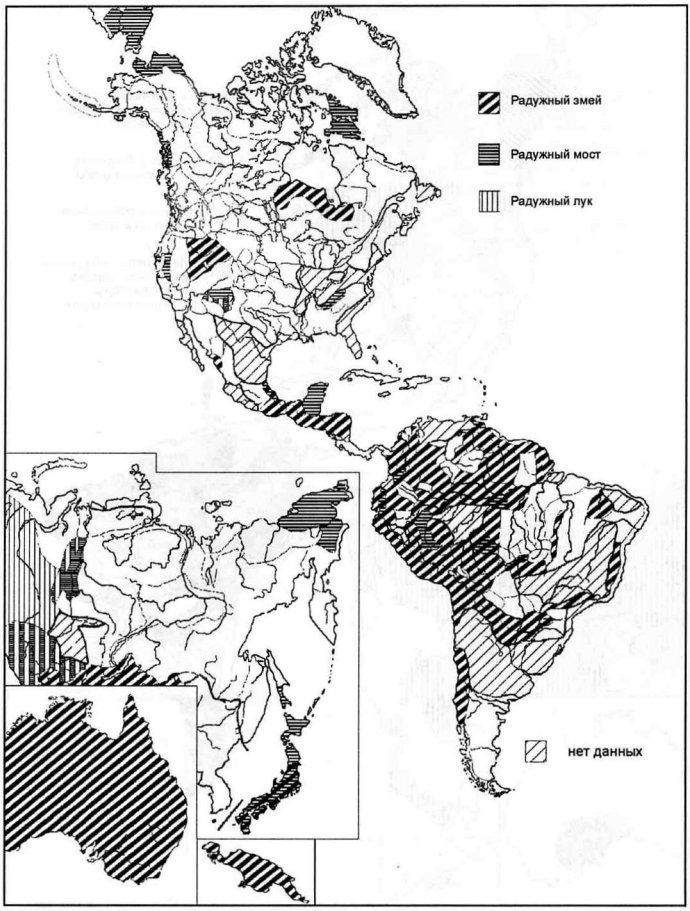


Рис.24. Представления о радуге.

Fig. 24. The Rainbow.

тивов. В действительности совпадают ареалы не 70, а большего числа мотивов, но совпадение это никогда не бывает полным. Все рассматриваемые в работе главные компоненты вместе отражают чуть больше пятой части совокупной информации. Остальное приходится на тенденции, свидетельствующие о связях не на трансконтинентальном, а на внутрирегиональном уровне, которые нас сейчас не интересуют. Чем ближе цифровые показатели друг другу, тем больше общих мотивов имеют соответствующие мифологии.

Результаты статистической обработки: первая главная компонента. Основная тенденция, которую демонстрирует первая главная компонента, – отличие мифологий Северной Америки от центрально– и южноамериканских. Показатели для первых получают максимальные негативные значения, для вторых – позитивные (знаки можно поменять на противоположные, важна лишь дистанция, разделяющая отдельные кластеры). Эти два комплекса допустимо назвать *североамериканским* и *амазонским*, хотя никакой

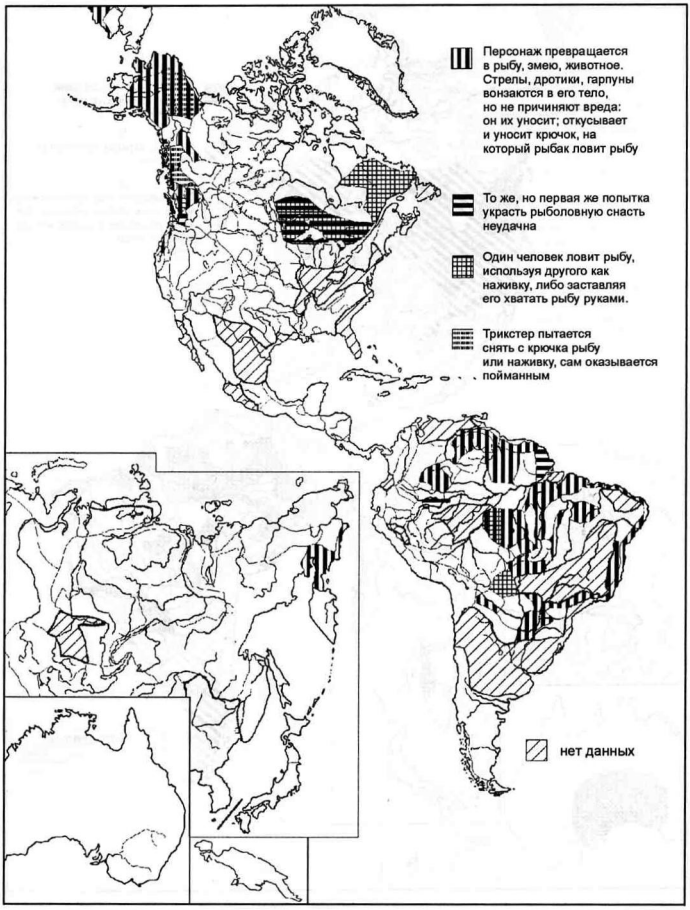


Рис.25. Крючок и наживка.

Fig. 25. Bait and hook.

изначальной привязки к территории у них нет – речь идет исключительно о тенденции определенных мотивов к взаимному сочетанию. То, что мифологии разных континентов отличаются друг от друга больше, чем мифологии отдельных регионов в пределах одного континента, следовало ожидать. Однако полученный результат менее тривиален, чем на первый взгляд кажется.

Изменения в сочетаниях мотивов в пределах Нового Света не постепенны: некоторые удаленные друг от друга ареалы относительно сходны, а смежные – различны (рис. 6, 7). Так мезоамериканские мифологии, территориально близкие к мифологиям Великих Равнин, набором мотивов, соответствующих 1 ГК, резко от них отличаются. В то же время наивысшую долю *североамериканских* мотивов к югу от Рио–Гранде содержат территориально наиболее удаленные от Северной Америки мифологии Южного Конуса – огнеземельские, патагонские с арауканской, некоторые мифологии Чако и южной Бразилии. Соответствующие мотивы порой настолько спе-

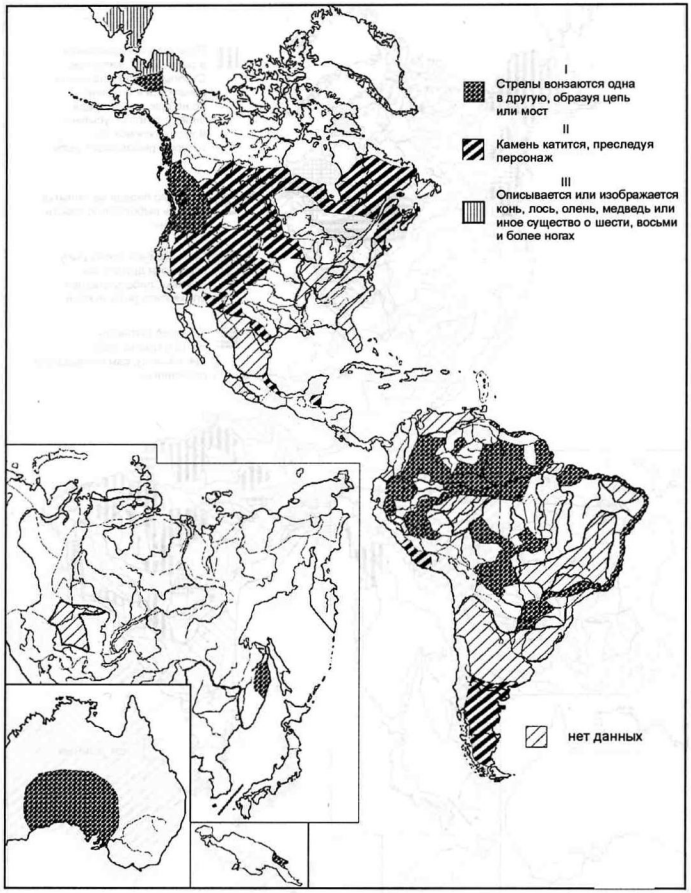


Рис. 26. I – Цепочка из стрел. II – Катящийся камень. III – Многоногий зверь.

Fig. 26. I – Arrow chain. II – Animal with many legs.

цифичны, что их независимое возникновение на разных территориях практически невероятно. Таков мотив *спора о времени*, когда первопредки собираются вместе, чтобы решить, сколь много должно быть единиц времени в определенном периоде времени (рис. 16). В наиболее характерных текстах – как североамериканских, так и патагонских – число отрезков времени, предлагаемых отдельными персонажами, уподобляется числу шерстинок, пальцев, полос на теле животных или птиц. Обычно речь идет о продолжительности зимы или ночи. Подобный мотив столь же специфичен для мифологических текстов обитателей именно Нового Света, сколь и желобчатые наконечники для их каменных индустрий. Сибирская аналогия есть на Алтае, но в алтайском тексте число единиц времени не приравнивается к числу частей тела.

Среди других преимущественно североамериканских (или же североамерикано–сибирских) мотивов, которые отсутствуют на востоке Южной Америки, но зато представлены на юге это-

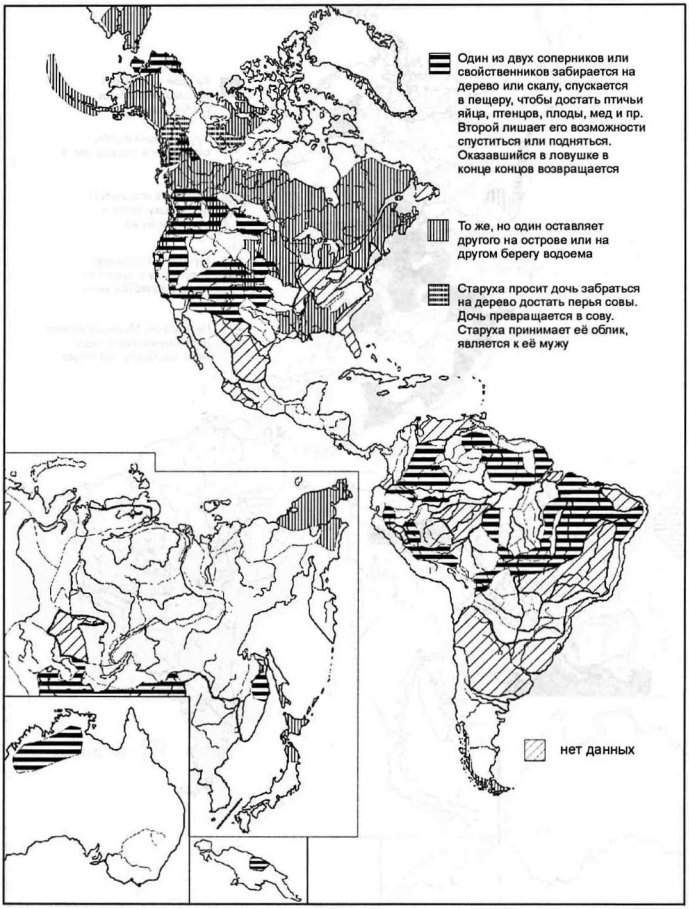


Рис.27. Разоритель гнезд.

Fig. 27. Bird nester.

го континента, можно отметить *кровавый закат* (рис. 19) и *катящийся камень* (рис. 26). Другие изредка встречаются в Амазонии и Гвиане, но основная зона их распространения – Сибирь, Северная Америка и Южный Конус. Это *ныряльщик* (рис. 17), *магическое бегство* (рис. 18), *неумелое подражание* (рис. 20), *космическая охота* (рис. 21), *лебединое озеро* (рис. 34). Сибирские мифологии в целом близки североамериканским и включают, например, такие общие с ними мотивы как *ноги служат мостом* (рис. 22) и *человек с ведрами на луне* (рис. 23). О некоторых других будет сказано ниже.

В *североамериканских* мифологиях развит образ трикстера – персонажа, который воплощает собой «ум без чувства ответственности» (Стеблин–Каменский 1963: 198), совмещает «полярные свойства обоих братьев–близнецов» (Абрамян 1983: 166), является одновременно сильным и слабым, своим и чужим. Трикстерские мотивы рассматриваются в отдельной статье (Березкин MS). Сейчас отметим лишь два обстоятельства.

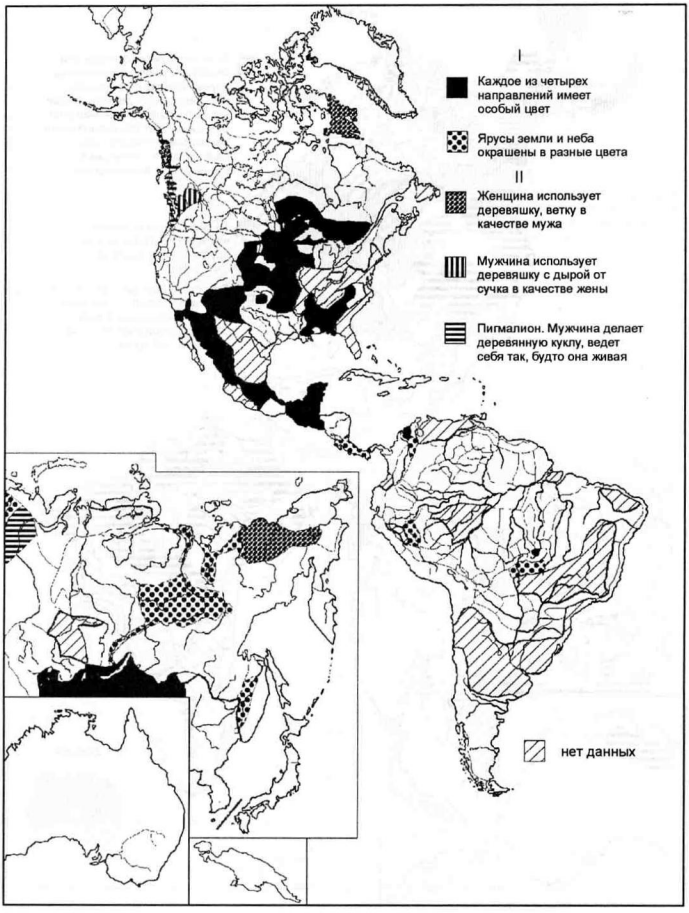


Рис.28. I – Цветные миры. II – Деревянный эрзац-супруг.

Fig. 28. I – Colored worlds. II – False spouse of wood.

Во–первых, большинство подобных мотивов сосредоточено в северо–западных, западных и центральных областях Северной Америки, а за пределами этого региона – на северо–востоке Азии, на севере Западной Сибири и на юге Южной Америки от центрального Перу до Патагонии. В мифологиях Мезоамерики и большей части Южной Америки трикстер слабо представлен, а некоторые аналогичные североамериканским эпизоды обыгрываются не в смеховом, а в героическом или трагическом ключе. Во–вторых, если трикстер выступает в зооморфном облике или ассоциируется с кем–либо из животных и птиц, то в Южной Америке (то есть в Чако, Андах и Патагонии) это почти всегда Лис. Как биологический вид лиса близка койоту, который в Южной Америке не водится. В Северной Америке ареал трикстера–Койота располагается на западе США. Если достигший Патагонии миграционный поток исходил из западных, а не из восточных районов Северной Америки (а иначе и не могло быть), то вполне естественно, что

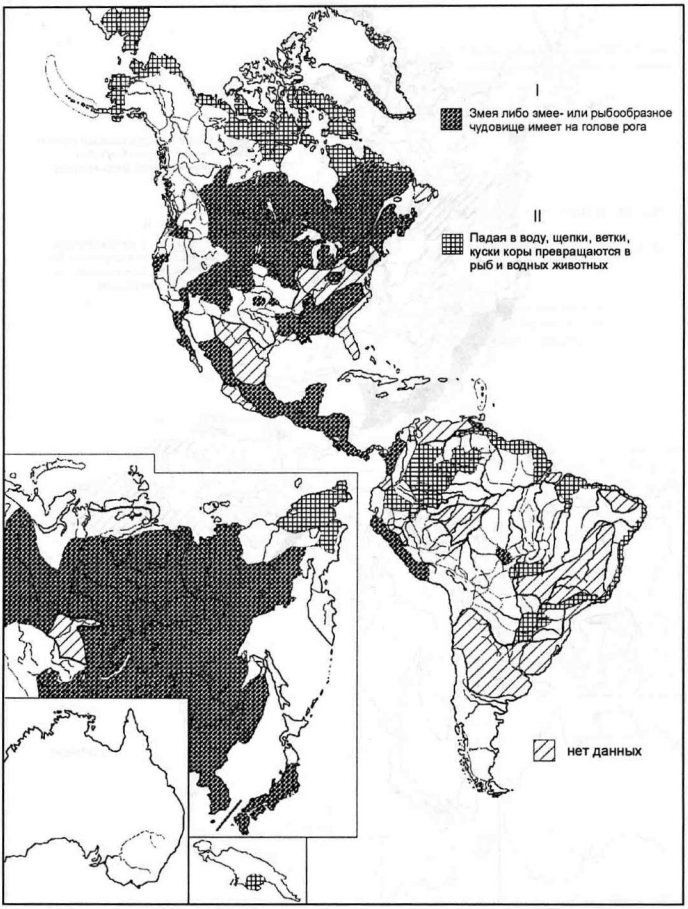


Рис.29. I – Рогатый змей. II – Щепки превращаются в рыб.

Fig. 29. I – Horned serpent. II – Chips turn to fish.

в принесенном туда наборе фольклорно–мифологических мотивов были и трикстерские эпизоды, причем связанные именно с Лисом.

Обратимся к *амазонскому* комплексу. Ярче всего он представлен в мифологиях Льяносов и северо–западной Амазонии. Весьма существенно, что за пределами Южной Америки мотивы *амазонского* комплекса встречаются в Австралии и особенно в Меланезии (рис. 4). Подобные параллели давно привлекали внимание историков культуры и касаются не только мифологии, но также и ритуала (Gregor, Tuzin 2001). Прежде всего они связаны с представлениями о человеческом теле, биологических особенностях мужчин и женщин, взаимоотношении полов. В этот комплекс входят 1) наделение крови, семени и молока фантастическими с точки зрения физиологии свойствами; 2) образ масок, гуделок и крупных духовых инструментов (в Меланезии также гонгов) как вместилищ опасных для женщин духов (все эти предметы используются в мужских ритуалах); 3) мифы о добывании свя-

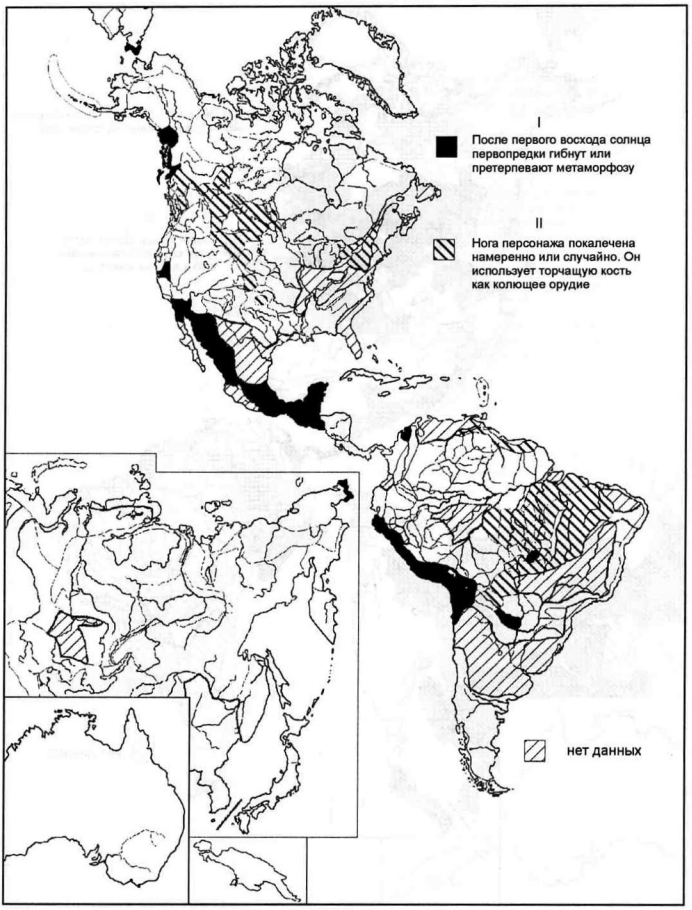


Рис.30. I – Первый восход. II – Острая нога.

Fig. 30. I – First sunrise. II – Sharp leg.

щенных предметов из–под воды либо о возникновении гуделок и флейт из праха убитого демона; 4) мифы о начальном или временном «матриархате», о переходе власти к мужчинам, разделении и вражде полов, амазонках; 5) мифы, в которых мужские и женские гениталии действуют как особые существа или наделены сверхъестественными особенностями.

Меланезийско-амазонские параллели не ограничиваются этим комплексом, но включают также и совершенно посторонние для него элементы. Это в частности 1) *смена кожи как условие бессмертия* (рис. 22) и противопоставление в связи с этим людей змеям, 2) *пятна на лунном диске* как след удара, ожога и т.п. (рис. 23), 3) спасение от потопа на дереве, когда персонаж бросает плоды, чтобы узнать, глубока ли вода (рис. 31), 4) истории о пойманной в луже принадлежащей демону рыбе (съевшие ее гибнут), 5) появление рыб из росших на дереве плодов или листьев, 6) распространение по миру (приемными) сыновьями женщины той пищи (рыбы, съедобных ра-

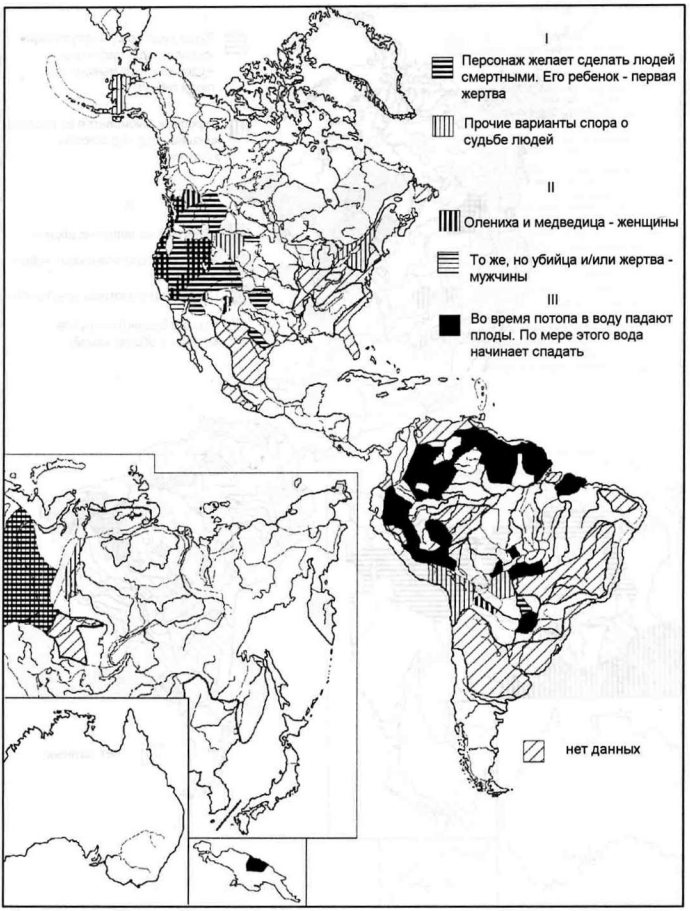


Рис.31. I – Спор о судьбе людей. II – Месть оленят.

Fig. 31. I – Destiny of man discussed. II – Revenge of the fawns.

стений), которой единолично владела она сама, 7) возникновение съедобных растений из тела или праха антропоморфного существа, 8) образ радуги как змеи (рис. 24), 8) цепочка из вонзившихся одна в другую стрел, по которой персонажи лезут на небо или переходят через водоем (рис. 26). Последняя из этих параллелей была замечена еще в 19 веке. Боас относился к ней осторожно, указывая на слишком большое расстояние от Аляски (вплоть до которой этот мотив зафиксирован в Новом Свете) до Австралии – Меланезии (Boas 1940: 461). Однако данные по орочам Приморья (Маргаритов 1888: 29), которые остались Боасу не известны, делают эту лакуну менее зияющей.

В связи с близостью мифологий Амазонии и Меланезии показательна тенденция, просматривающаяся в мифологиях Дальнего Востока. По мере движения от Чукотки вдоль Тихого океана на юг доля *североамериканских* мотивов сокращается, а *амазонских* растет. В соответствии с этой тенденцией образуют последовательность мифологии 1) чукчей, 2) коряков, 3) ительменов,

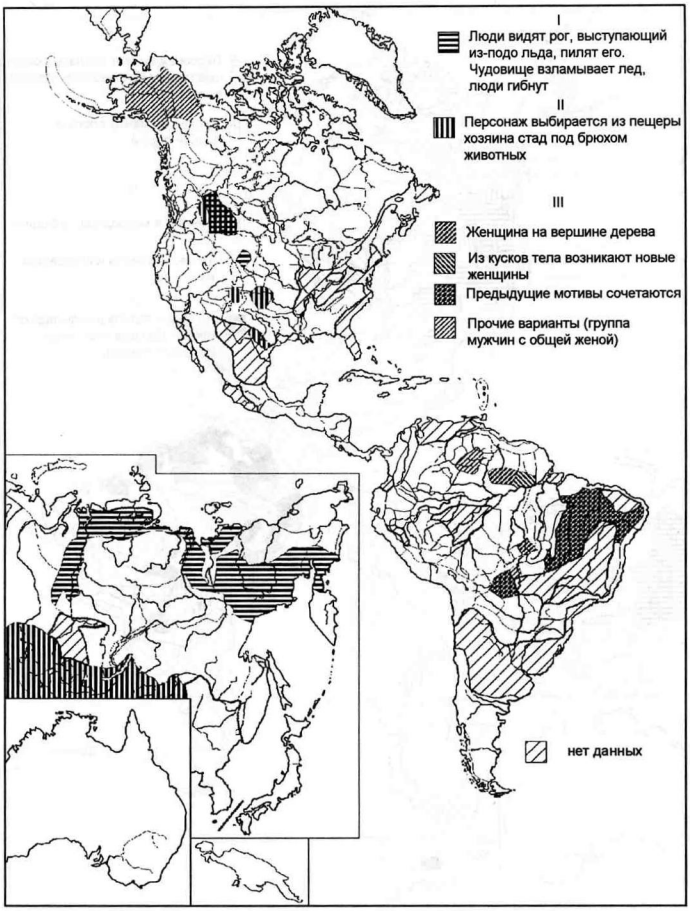


Рис.32. I – Чудовище подо льдом. II – Бегство из пещеры хозяина стад. III – Первая женщина (Для сексуальных потребностей первопредков).

Fig. 32. I – Horned monster under the ice. II – Escape from the Polyphemo's cave. III – The first woman. Primeval male ancestors share the only female.

4) айну, 5) японцев и жителей островов Рюкю (рис. 4). Пик данной тенденции приходится на Новую Гвинею.

При прочих равных условиях компьютерная программа дает более высокие (положительные или отрицательные) индексы для традиций, представленных большим числом тех широко распространенных мотивов, которые включены в составленный список. Традиции хуже известные или значительно отличающиеся от остальных занимают более нейтральное положение. Поэтому в соответствующих мифологиях Северной Америки (например, у атапасков бивер) может просматриваться реально несуществующий небольшой «южноамериканский сдвиг», а бразильские казаться «слегка североамериканскими». Установить, в какой мере данный сдвиг отражает также и подлинные особенности той или иной

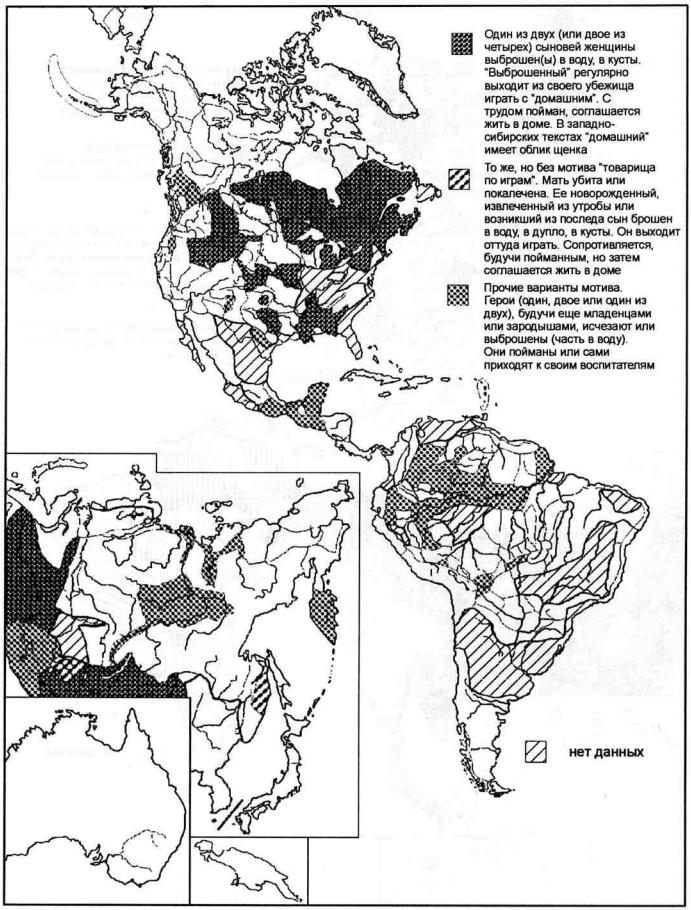


Рис.33. Младенцы прячутся и возвращаются.

Fig. 33. Babies escape and return.

мифологии, по результатам статистического анализа невозможно, для этого необходимо рассматривать конкретные мотивы. В любом случае наиболее надежно сопоставлять те традиции, которые примерно одинаковы по числу списочных мотивов. Соответствующие индексы предоставляет вторая главная компонента. Они уже приводились (Березкин 2001: табл. 1) и изменились мало (в частности повысился индекс японской мифологии). Принимая во внимание эти данные, можно отметить следующее.

1) В пределах тихоокеанского пояса от центральной Калифорнии и дальше на юг патагоно–чилийский и огнеземельский кластеры характеризуются не меньшим, а большим числом мотивов, чем почти все остальные традиции. Соответственно сдвиг мифологий Южного Конуса в сторону Северной Америки не является

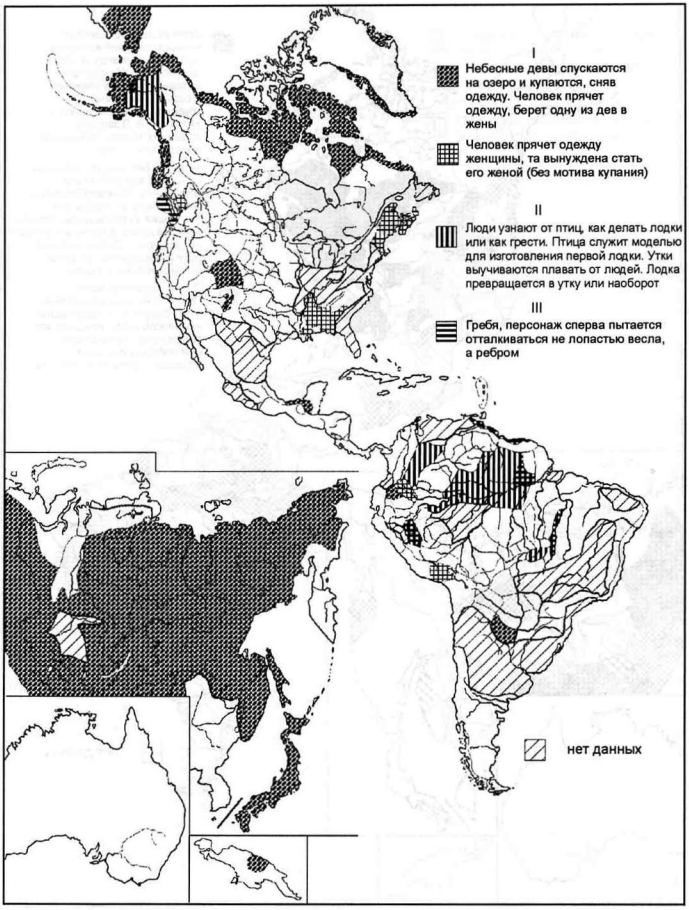


Рис.34. I – Лебединое озеро. II – Утки и лодки. III – Весла ребром.

Fig. 34. I – Swan lake. II – Ducks and canoes. III – Paddles edgewise.

следствием их плохой изученности или особой специфичности.

2) Все дальневосточные мифологии близки в отношении числа мотивов, хуже известна лишь ительменская. Соответственно *амазонский* (в данном случае скорее *меланезийский*) сдвиг для японской и айнской традиций реален.

3) В пределах Великих Равнин *североамериканский* комплекс проникает далеко на юг, но он менее выражен в мифологиях Юго-Востока США, южной Калифорнии и северо-западной Мексики (мифологии кэддо и липан равноценно представлены в базе данных, но только первая из них имеет *южноамериканский* сдвиг).

Особого внимания заслуживают эскимосы. В Северной Америке нами отдельно рассматривались данные по четырем эскимосским группам: юпик (алютик тихоокеанского побережья и центральные юпик юго-западной Аляски), инупиак западной и северной Аляски, инуит западной Канады (эскимосы устья Маккензи и медные) и инуит восточной Канады и Гренландии.

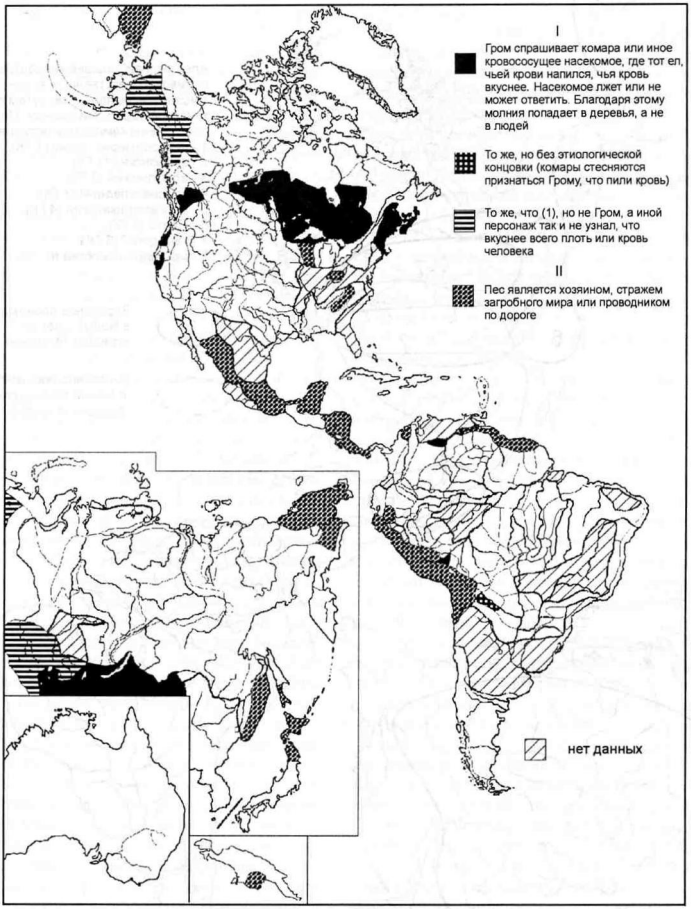


Рис.35. I – Комар и Гром. II – Пес в стране мертвых.

Fig. 35. I – Mosquito and Thunder. II – Chtonic canine.

Оказалось, что в этой последовательности, с запада на восток, доля *североамериканских* мотивов значительно сокращается, а *амазонских* соответственно возрастает. Соотношением тех и других восточные инуит не отличаются от патагонцев и являются самой *амазонской* группой в Северной Америке. При этом «южный» сдвиг у инуит хорошо заметен в сравнении не только с богатыми мифологиями оджибва и кри, но и с хуже представленными в нашей базе данных мифологиями монтанье-наскапи и чипевайян и даже с бивер, материал по которым заведомо неполон.

Объяснить данную тенденцию можно тем, что инуит – в отличие от экимосов Аляски – на протяжении последней тысячи лет избегали культурного влияния тлинкитов, атапасков и палеоазиатов. Возможно, они еще и заимствовали элементы мифологии у дорсет, которые находились вне такого влияния много дольше. Поэтому набор мифологических мотивов у инуит скорее всего соответствует состоянию,

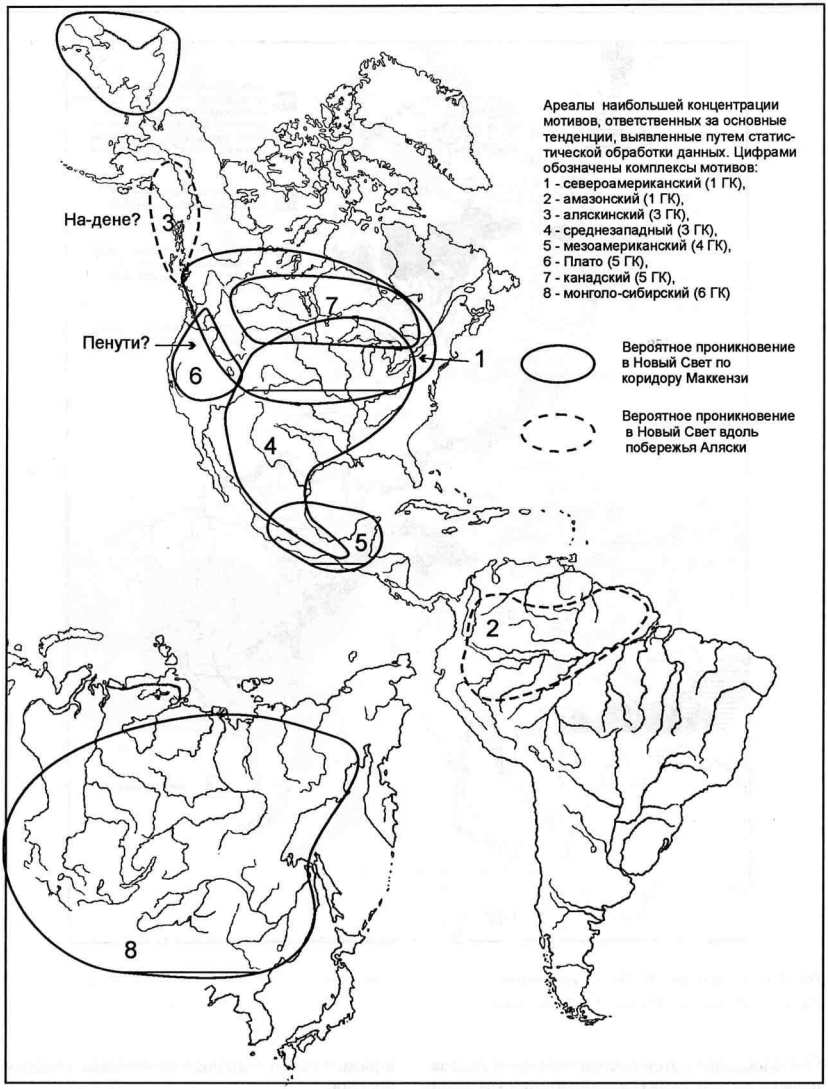


Рис.36. Ареалы наибольшей концентрации мотивов, ответственных за основные тенденции, выявленные путем статистической обработки данных. Цифрами обозначены комплексы мотивов: 1 – североамериканский (1 ГК), 2 – амазонский (1 ГК), 3 – аляскинский (3 ГК; связан с языками на–дене?), 4 – среднезападный (3 ГК), 5 – мезоамериканский (4 ГК), 6 – Плато (5 ГК; связан с языками пенути?) , 7 – канадский (5 ГК), 8 – сибирский (6 ГК). Сплошная линия – вероятное проникновение в Новый Свет по коридору Маккензи. Пунктир – вероятное проникновение в Новый Свет вдоль побережья Аляски.

Fig. 36. Core areas of the motif complexes revealed by the Principal Component (PC) Analysis. Numbers stand for particular complexes. 1 – North American (1st PC), 2 – Amazonian (1st PC), 3 – Alaskan (3rd PC; possibly connected with Na–Dene linguistic stock), 4 – Midwestern (3rd PC), 5 – Mesoamerican (4th PC), 6 – Plateau (5th PC; possibly connected with Penutian linguistic stock) , 7 – Canadian (5th PC), 8 – Siberian (6th PC). Solid line is for motif complexes probably connected with Mackenzie Corridor route, hachure line, with coastal route.

характерному для эскимосов Аляски в прошлом.

Отдельные южноамериканские параллели для эскимосов (равно как и для индейцев Северо–Западного побережья, см. ниже) не отменяют того несомненного факта, что по другим признакам эти группы более сходны с сибирскими кластерами, нежели с большинством американдейских. Примером может служить запрет указывать пальцем на небесный объект. У почти всех индейцев это радуга; у эскимосов, у цимшиан на Северо-западном побережье и у народов Сибири – луна. В Америке только у эскимосов Аляски зафиксирован типичный североевразийский мотив многоногого зверя (рис. 26). Встречающийся у манси мотив деревянного супруга-эрзаца в Америке опять-таки характерен для эскимосов и индейцев северо-запада (рис. 28).

Третья главная компонента. Процент общей дисперсии 3 ГК равен 3,6, то есть информационная ценность вдвое меньше, чем у 1 ГК. Условно говоря, в данном случае совпадают ареалы распространения примерно 35 мотивов.

3 ГК противопоставляет мифологии Мексики, Центральной Америки и большинства внутриконтинентальных областей Северной Америки мифологиям Северо–Западного побережья и американской Субарктики (северные атапаски и эскимосы). Первый комплекс можно назвать *аляскинским* (рис. 8), второй – *среднезападным* (рис. 9). Юг Северо–Западного побережья, Плато, Калифорния образуют промежуточную зону между двумя полюсами, причем северные и прибрежные ареалы в пределах этого региона тяготеют к основной зоне Северо-Западного побережья, а южные и удаленные от океана смещены в сторону Юго-Запада и Великих Равнин. Если придерживаться нашей исходной позиции и полагать, что трансконтинентальные тенденции в распространении мотивов есть следы древних миграций и культурных контактов, то в этих данных логично видеть отражение двух основных маршрутов движения людей из Берингии в более южные области Нового Света. Один – к востоку от Скалистых Гор с выходом на Великие Равнины. Другой – вдоль побережья Аляски и Британской Колумбии с выходом в Калифорнию, на Плато и в пределы Большого Бассейна.

Нет сомнения, что природные различия между областями к востоку и к западу от континентального водораздела способствовали межрегиональной дифференциации и внутрирегиональной интеграции двух комплексов мотивов. Но чтобы возникла нынешняя картина, исходные наборы мотивов должны были различаться. Подчеркнем также, что тенденции в ареальном распределении мотивов, отраженные в результатах статистического анализа, могли возникнуть под влиянием нескольких миграционных эпизодов. Речь идет именно о двух маршрутах, а не о культурном наследии двух популяций.

На Северо-Западном побережье последним и наиболее достоверно реконструируемым из таких эпизодов было распространение родственной денали (и в итоге сибирскому дюктаю) микропластинчатой индустрии. Именно эту традицию допустимо связывать с появлением в Новом Свете носителей языков на-дене, то есть якатапасских, тлинкитского и, возможно, хайда. Атапаски распространились по занимаемой ими к периоду европейских контактов территории недавно – 2500–1500 лет назад (Campbell 1997: 110–112; Dumond 1977: 52–53; Noble 1981: 102–106) и скорее всего частично заимствовали свою мифологию от более раннего субстрата (был ли он тоже родственен на-дене, судить трудно). Тлинкиты же и хайда, похоже, по крайней мере часть своих нынешних территорий занимали уже с раннего голоцена.

Правда если тлинкитский и хайда и имели общего предка, то за 10,000 лет эти языки разошлись столь далеко, что убедительно доказать их родство сейчас невозможно (Campbell 1997: 114–115). Однако тот факт, что мифологии именно севера Северо–западного побережья оказались у нас в крайней позиции (рис. 5), есть как минимум довод в пользу глубокого своеобразия местной культуры. Мифология носителей еще одного языка, локализованного в этом же ареале, цимшиан, объединена у нас в один кластер с хайда ввиду интенсивных поздних контактов между обеими группами.

Подобно тому, как следы раннеголоценовой микропластинчатой индустрии теряются где-то на широте Ванкувера, типичный для тлинкитов и хайда мифологический комплекс менее выражен у вакашей (нутка, квакиутль, беллабелла), еще менее – у береговых сэлишей и лишь слабо представлен у сахаптин на юге Плато (рис. 5). Интересно также, что некоторыми этнографическими особенностями, лишенными приспособительного значения (речь идет о типах корзин и рыболовных крючков), тлинкиты и хайда отличаются от жителей более южных районов Северо-западного побережья, говорящих на вакашских и сэлишских языках. Те археологические памятники, где в отложениях сохранилась органика, свидетельствуют об устойчивости соответствующих традиций. На севере подобные данные имеются для последних 6000 лет, на юге – 3000 лет. Что касается цимшиан, то носители этого языка пришли с юга и хотя в остальных отношениях и усвоили северные стандарты, сохранили отличные от тлинкитских способы плетения (Croes 1997: 601).

В случае с Северо-Западным побережьем данные археологии, этнографии, мифологии, лингвистики и популяционной генетики совпадают почти идеально (лингвистики и генетики – с оговорками касательно осторожной оценки специалистами соответствующих фактов). Это делает «гипотезу на-дене» едва ли не наиболее

обоснованным звеном в цепи исторических реконструкций, касающихся процесса заселения Америки.

Но 3 ГК указывает и на более трудные для истолкования факты. Она отражает наличие ряда мотивов, общих для северо-запада Северной Америки и востока Южной, прежде всего для Гвианы. Несмотря на слабую статистическую выраженность данной тенденции, ее реальность подтверждена наличием своеобразных мотивов, зарегистрированных именно в двух данных регионах. Таковы *крючок и наживка* (рис. 25), *цепочка из стрел* (рис. 26), *утки и лодки* (рис. 34), а также один из вариантов кластера мотивов, вошедшего в фольклористику под условным названием *разоритель гнезд* (рис. 27). Обращает на себя внимание, что если характерный для востока Северной Америки и неизвестный в Южной (кроме яганов) вариант *человек покинут на острове* (рис. 27) зафиксирован в северо-восточной Азии и у айну, то вариант *человек покинут на дереве или скале* представлен в Южной Сибири – Центральной Азии и в Австралии, то есть на более удаленных от Америки территориях. Неясно положение орочской версии, связанной либо с приморским, либо с внутриконтинентальным тунгусским компонентом в составе этого народа. Широкий – но притом не глобальный – территориальный разброс может указывать на раннее распространение мотива.

Объяснить наличие параллелей с Аляской на востоке Южной Америки проникновением туда создателей микропластинчатой индустрии нельзя. Возможно, речь должна идти о достигшей этих районов более древней миграции. Примечательно, что в случае с мотивами, зафиксированными как в Северной, так и в Южной Америке, североамериканские ареалы охватывают не столько Аляску, сколько более южные районы Северо-Западного побережья и Плато, то есть те территории, где долго сохранялась традиция листовидных бифасов и галечных орудий. Достигла ли именно она Бразилии и Гвианы или речь должна идти о еще более ранней индустрии, следы которой стерты морской трансгрессией, об этом говорить рано. Среди южноамериканских находок при желании можно наметить факты в пользу подобных предположений, но степень изученности здесь столь низка, что вряд ли в этом есть смысл.

Среднезападный комплекс лучше всего выражен на Юго–Западе США, в Мезоамерике и в центральных районах североамериканского континента. В Южной Америке он прослеживается на западе вплоть до горной Боливии, а в слабой форме до Огненной Земли и Восточной Бразилии. Среди мотивов отметим *кролик/заяц на луне*, *цветные миры* (рис. 28), *рогатый змей* (рис. 24), *пес в стране мертвых* (рис. 35). Первоначальное распространение подобных мотивов логично связать с проникновением людей в Новый Свет через центральную Аляску – Канаду. Фиксируемые археологами культурные контакты между Юго-Западом, Мезоамерикой и Центральными Андами, осуществлявшиеся на протяжении последних тысячелетий, в *среднезападном* комплексе скорее всего также нашли свое отражение.

Четвертая, пятая и шестая главные компоненты. Как уже было сказано, включение данных по новым территориям меняет конфигурацию системы. Это особенно касается тех главных компонент, которые фиксируют более частные тенденции, нежели отраженные в первой и третьей компонентах. Для 4 ГК и 5 ГК значение одних и тех же групп мотивов несколько различается в зависимости от того, рассматриваем ли мы только материалы по Новому Свету, либо также по Евразии и Австралии – Меланезии.

Если ограничиваться Америкой, то 4 ГК (процент общей дисперсии 3,1) противопоставляет *западный* и *восточный* комплексы мотивов (рис. 10–11). Первый объединяет мифологии Мезоамерики и Северо-Западного побережья Северной Америки (береговые сэлиши в крайней позиции). В Южной Америке соответствующий комплекс прослеживается вдоль Анд. Для него характерны мотивы выборов персонажа, который способен стать солнцем, и первого восхода, за которым следует гибель первопредков или их превращение в животных и птиц (рис. 30). *Восточный* комплекс лучше всего представлен на Великих Равнинах и в области Великих Озер, а в Южной Америке находит параллели в Гвиане и в центральной и восточной Бразилии. Наиболее яркий мотив – *острая нога* (рис. 30). Наличие параллелей на Аляске и в Британской Колумбии не позволяет свести *западный* комплекс к мезоамерикано–центральноандским контактам. Скорее соответствующие мотивы были принесены ранними группами переселенцев, следовавшими вдоль моря и достигшими Южной Америки. *Восточный* комплекс в Северной Америке можно расценивать как результат миграции по коридору Маккензи, а в Южной – как реликтовые мотивы, вытесненные из Нуклеарной Америки более поздними. Прямая миграция через Антилы объяснила бы соответствующие параллели, но она не имеет археологических подтверждений.

При включении в систему евразийских данных близкие, но не идентичные рассмотренным комплексы мотивов выявляет 5 ГК (процент общей дисперсии 2,8; рис. 12–13). Как и в предыдущем варианте, западные мифологии Северной Америки (комплекс *Плато*) оказываются противопоставлены восточным (*канадский* комплекс).

В пределах комплекса *Плато* крайнее положение занимают сахаптин и другие группы, достоверно или предположительно относящиеся к языковой семье пенути. За ними следуют сэлиши Плато, нума, то есть юто-ацтеки Большого

Бассейна, а также индейцы американского Юго-Запада. Как сэлиши, так и нума проникли в занимаемые ими в эпоху европейских контактов внутриконтинентальные районы поздно – сэлиши с побережья Вашингтона – Британской Колумбии 5500 лет назад (Березкин 2002; Pokotylo, Mitchell 1998: 83–85), нума – из Калифорнии не ранее 2000–1000 лет назад (Kelly 1997; Wright 1978). Вполне возможно, что до этого во внутриконтинентальных районах на западе США обитали пенути и что данный комплекс мотивов в значительной степени связан именно с этим языковым объединением. Время разделения прото-пенути не оценено, ибо дискуссионен сам состав этой семьи. Пенути Калифорнии проникли туда тремя отдельными волнами со стороны Невады, причем первая миграция началась примерно 4500 лет назад (Campbell 1997: 130; De Lancey, Golla 1997; Fagan 1995: 243–246; Lathrap, Troike 1988: 97–100). Соответственно разделение достоверно или возможно относящихся к пенути групп в пределах Плато – крайнего юга Северо-Западного побережья (Goddard 1999) относится к более раннему времени. Нельзя не заметить, что мотивы комплекса *Плато* представлены в пределах примерно той же территории, что и упоминавшиеся выше черешковые наконечники типа уиндаст и линд-коули.

Основной ареал распространения *канадского* комплекса близко совпадает с областью расселения алгонкинов, но эта корреляция мало о чем говорит. Хотя алгонкинские языки Великих Равнин проникли туда с востока (Goddard 2001: 77–78), прародина этой семьи могла находиться не в области Великих Озер, а далеко на западе, поскольку родственные прото-алгонкинскому языки юрок и вийот локализованы в северной Калифорнии. 1000 лет назад они располагались где-то в бассейне Колумбии (Cambell 1997: 153–154). Распад алгонкинской семьи произошел не ранее 4000 лет назад. О языках доалгонкинского населения центральной и восточной Канады и сопредельных районов США ничего не известно. Они могли быть родственны прото-ирокезскому, но это всего лишь догадка.

Мотивы, в наибольшей мере характеризующие два данных комплекса, в основном те же, что и типичные для *североамериканского* комплекса 1 ГК, то есть оба комплекса, *Плато* и *канадский*, есть частные варианты последнего. В качестве примеров, отражающих именно их специфику, можно привести характерные для *Плато* мотивы *спор о судьбе людей* и *месть оленят* (рис. 31) и характерные для *канадского* комплекса *младенцы прячутся и возвращаются* (рис. 33), *змей угрожает птенцам* (рис. 19) и *Комар и Гром* (рис. 35). В Южной Америке для комплекса *Плато* значительные параллели прослеживаются в пределах не только Центральных Анд, но и Южного Конуса, особенно в Чако, а в Евразии – на ее северной и восточной окраинах. Напротив, для *канадского* комплекса ближайшие аналогии зафиксированы в глубинах Азии у монголов и тюрков. Мотивы *младенцы прячутся и возвращаются* и *Комар и Гром* в самых близких к американским версиях отмечены у байкальских бурят. Последний из двух мотивов в Азии распространен вплоть до Поволжья и Северного Кавказа. Эти трансконтинентальные аналогии никем ранее не отмечались и заслуживают подробного рассмотрения. Сейчас мы их только упоминаем.

Центральноазиатские параллели зафиксированы в Мезоамерике, где о них свидетельствует 4 ГК (процент общей дисперсии 3,0; рис. 14). Среди них есть не только сравнительно широко распространенные (рис. 28, 35), но и более ограниченные ареально, в частности *ученик Грома* (попавший к Грому человек нарушает запрет касаться определенных предметов, чем вызывает небывалой силы грозу). В Азии подобные мотивы встречаются также в Китае и иногда в Японии. Необходимо убедиться в том, что соответствующие истории не попали в Мексику после Колумба.

6 ГК (процент общей дисперсии 2,0) противопоставляет азиатские мотивы американским, причем палеоазиатские мифологии оказываются в одной группе не с первыми, а со вторыми (рис. 15). Это означает, что ядро *сибирского* комплекса сформировалось поздно, так что северо-восточные территории Азии не успели подвергнуться его значительному влиянию. Сибирские мифологии насыщены индийскими, иранскими и ближневосточными мотивами, проникавшими сюда в частности через согдийских проповедников-манихейцев (Кызласов 2001), равно как и другими путями (Toporov 1989). В то же время некоторые мотивы распространены в Евразии настолько широко, что о более узком ареале и времени их первоначального бытования судить невозможно. Южная Сибирь – Монголия могла быть здесь как донором, так и реципиентом. Наличие американских параллелей для некоторых из подобных мотивов позволяет датировать их относительно ранним периодом, но вряд ли эпохой начального проникновения в Новый Свет, поскольку ни в Южной Америке, ни даже в Новой Англии и в Калифорнии они не встречаются. Таковы *бегство из пещеры хозяина стад*, *змей угрожает птенцам*, а для северосибирского региона – *чудовище подо льдом* (рис. 32).

Выводы. Если первые люди проникли в Америку вдоль побережья Аляски, то либо в этом процессе с самого начала участвовали представители разных языковых групп, либо он состоял из нескольких миграционных эпизодов, что привело к обособлению отдельных популяций и последующему расхождению языков. Потомками оставшихся на западе Северной Америки ранних переселенцев могут являться вакаши, чимакум и сэлиши. Данные 3 – 5 ГК по мифологиям

Северо-Западного побережья показывают, что здесь локализованы два центра концентрации мотивов, один из которых связан с тлинкитами и хайда (и, вероятно, с более поздней волной заселения, а археологически – с денали), а другой – с сэлишами (по-видимому, с более ранней волной – создателями индустрии листовидных бифасов и галечных орудий). Мифология вакашей подобной самостоятельностью не обладает, а чимакум вообще занимают слишком незначительную территорию, чтобы о носителях этих языков имело смысл говорить отдельно.

Вполне вероятно, что сэлишско-мезоамериканские мифологические параллели есть след дальнейшей миграции вдоль Тихого океана. Южной Америки, вероятно, достигали разные группы таких мигрантов, часть которых расселялась вдоль Анд (мотивы *западного* комплекса 4 ГК), а другая часть – по низменностям на востоке континента (мотивы *амазонского* комплекса 1 ГК и *аляскинского* комплекса 3 ГК). Следует учесть, что на рубеже плейстоцена и голоцена в южноамериканских тропиках выпадало значительно меньше осадков, чем ныне (Muslin, Burns 2000; Mayle a.o. 2000: 2294). Во многих районах на месте современного дождевого леса располагались открытые саванны, поэтому условия для быстрого расселения охотников-собирателей были благоприятны. Концентрацию мотивов *амазонского* комплекса именно на северо-западе южноамериканских низменностей пока трудно откомментировать ввиду слабой археологической изученности соответствующих территорий. Самые древние известные здесь материалы относятся к несколько более позднему времени, чем в других областях Южной Америки (9400–9000 лет назад; Gnecco, Mora 1997), но эти данные не окончательны.

На Аляске и Северо-Западном побережье Северной Америки к наиболее ранним мотивам, параллели которым зафиксированы в Южной Америке, позже добавились новые, связанные с появлением языков на-дене. Общности на-дене предположительно соответствует наш *аляскинский* комплекс 3 ГК, но следует не забывать, что в нем (как и во всех остальных комплексах – ведь они выделены на современных материалах!) смешаны разновременные элементы. С поздней составляющей *аляскинского* комплекса скорее всего связан «вороний цикл» (Мелетинский 1979). В отличие от Чукотки и Камчатки, где Ворон как трикстер соперничает с Лисой, на западе и юге Аляски он является единственным образом, вокруг которого циклизируются трикстерские эпизоды – да и не только они. «Вороний цикл» вполне мог появиться уже у создателей индустрии денали. Примечательна в этом смысле находка останков двух воронов – скорее всего намеренно захороненных – на палеоиндейской стоянке Чарли-Лейк в Британской Колумбии (Driver 1999). Одно из захоронений определенно относится ко времени господства микропластинчатой индустрии (9500 лет назад), другое, возможно, к несколько более раннему (10,290±100 лет назад).

Все выводы о заселении Южной Америки популяциями, проникшими в Новый Свет вдоль побережья Аляски, основываются только на результатах анализа распространения мотивов. Необходимых археологических подтверждений в нашем распоряжении нет и вряд ли они скоро появятся – слишком огромны лакуны, которые предстоит заполнить в ходе полевых изысканий. Зато существует хорошая корреляция между ареалами преимущественного распространения *североамериканских* мотивов в Южной Америке, с одной стороны, и зоной встречаемости восходящих к североамериканскому кловису палеоиндейских индустрий с желобчатыми, «рыбкообразными» каменными наконечниками, с другой. Последние также представлены преимущественно в пределах Южного Конуса и отсутствуют на востоке континента.

Какой именно набор мотивов принесли в Новый Свет кловисцы, сказать сложно. С наступлением голоцена контакты с Азией через Берингию уже вряд ли когда-либо прекращались, поэтому наследие кловиса в мифологии в сколько–нибудь чистом виде сохраниться не могло. В пределах *североамериканского* комплекса можно выделить две группы широко распространенных мотивов или точнее континуум типов распространения с двумя полюсами. Одни мотивы отсутствуют на северо–востоке Азии, а иногда вообще специфичны для Нового Света, но зато представлены не только в Северной, но и в Южной Америке. Южноамериканский ареал включает главным образом Патагонию и Чако (*Спор о времени, катящийся камень, месть сына за гибель отца, кровь окрашивает небо, трикстер–Лис*), но иногда и Бразилию (*брак со звездой; смертные люди уподоблены камню, что тонет, а не палке, что плавает; девушки ищут жениха-вождя, а попадают к обманщику*). Другие мотивы *североамериканского* комплекса, почти наверняка проникшие в Америку позже, имеют развернутые сибирские и центральноазиатские аналогии, но либо вовсе отсутствуют в Южной Америке (*ноги служат мостом, человек с ведрами на луне*), либо встречаются там редко и только на севере, относительно близко к Панамскому перешейку (*ныряльщик, лебединое озеро, жонглирование глазами*). Вполне естественно, что в Новом Свете сибирские и центральноазиатские параллели в наибольшей мере сосредоточены в пределах северо-западных, более близких к Азии, областей Северной Америки.

Среди ранних американских индустрий лишь связанный с дюктаем микропластинчатый комплекс денали имеет относительно надежные сибирские параллели. Следов распространения ранней индустрии микропластин далее Аляски и Британской Колумбии не прослеживается, в то

время как многие зафиксированные у индейцев Северной Америки мотивы находят параллели в Южной Сибири – Монголии. Логично надеяться, что там же в конце концов обнаружатся и азиатские корни других североамериканских каменных индустрий конца плейстоцена – начала голоцена.

Если оконтурить ареалы, для мифологий которых статистическая программа указывает наиболее значительные по абсолютной величине индексы в отношении рассмотренных главных компонент, то окажется, что почти все они расположены в Северной и лишь один – в Южной Америке (рис. 36). При этом все комплексы мотивов, выделенные на основе 3 – 5 ГК, можно рассматривать как локальные варианты внутри основного *североамериканского* комплекса. Мы объясняем это тем, что *амазонская* мифология вместе с меланезийской и австралийской представляет собой в некотором смысле реликт более раннего состояния, характерного для восточноазиатских популяций в палеолите, тогда как *североамериканская* является продуктом дальнейшего процесса диверсификации, формирования новых комплексов мотивов. Имело ли это развитие вектор, является ли *амазонская* мифология «стадиально» более архаичной – на этот вопрос вряд ли можно сейчас ответить, ибо нет критериев для качественной оценки мотивов по содержанию. То, что монголоидные популяции в бассейне Тихого океана пришли на смену протоморфным, сомнению не подлежит, но что именно определило именно такую тенденцию, в чем состояло эволюционное преимущество монголоидов, судить сложно.

Не только Южная Америка, но и северная Евразия уступает Северной Америке в отношении контрастности представленных комплексов мотивов. Одна лишь Калифорния демонстрирует большее разнообразие как мифологий, так и языков, нежели вся Сибирь вместе с северо-восточной Европой. Значительная часть евразийского мифологического тезауруса была скорее всего сравнительно недавно утрачена в ходе расселения носителей уральских и особенно алтайских языков. Некоторые уникальные для региона мотивы, имеющие параллели в Америке, зафиксированы единично у маленьких этносов – орочей, тофаларов, кетов. Унификация мифологии и культуры вообще происходила и в Новом Свете, где атапаски, алгонкины, сиу, мускоги, кечуа, чибча, карибы, тупи сравнительно недавно поглотили множество языков. При легкости заимствования мотивов и их слабой зависимости от других сфер культуры, приходится поражаться, что «культурная энтропия» не привела к большей унификации картины распространения мифологем в пределах континентов. Какие факторы препятствуют энтропии, не всегда понятно, но они, очевидно, есть, что и обусловило саму возможность проведенной работы.

Абрамян, Л. 1983. Первобытный праздник и мифология. Ереван: Изд–во Академии Наук Армянской ССР.

Барт, Р. 1994. Избранные работы. Семиотика, поэтика. Пер. с фр. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс.

Березкин, Ю. Е. 2000. Восточно–средиземноморская мифология в Америке // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева: 185–197. СПб: Алетейя; Государственный Эрмитаж.

2001. Ареальное распределение мотивов в мифологиях Америки и северо–восточной Азии (к вопросу о заселении Нового Света, краткие р езультаты текущих исследований) // Труды Факультета Этнологии 1: 116–159. СПб: Изд–во Европейского ун–та в Санкт–Петербурге.

2002. Археология и этнография индейцев Плато // Археологические Вести 9: 239–245.

2003. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета Этнологии 2: 97–164. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.

Васильев, С. А. 1999. Палеолит американской Берингии // Молодая Археология и Этнология Сибири (доклады XXXIX РАЭСК, часть 1): 47–49.

Васильевский, Р. С. 2001. Генезис и взаимодействие культур Северной Пацифики // Археология, этнография и антропология Евразии 3(7): 31–38.

Веселовский, А. И. 1989. Историческая поэтика. Москва: Высшая школа.

Деренко, М. В., Б. А. Малярчук. 2001. В поисках прародины американских аборигенов // Природа 1: 72–78.

Зубов, А. А. 1999. Происхождение и эволюционное значение «палеоамериканского» краниологического комплекса // Развитие цивилизации и Новый Свет: Первые Кнорозовские чтения. Материалы научной конференции: 9–11. Москва: Российский Государственный Гуманитарный университет.

Козинцев, А. Г., А. В. Громов, В. Г. Моисеев. 1995. Американоиды на Енисее? Антропологические параллели одной гипотезе // Проблемы изучения окуневской культуры. Тезисы докладов конференции: 74–77. СПб: Санкт–Петербургский Государственный Университет и др.

Кызласов, Л. Р. 2001. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение 5: 83–90.

*Маргаритов, В. П.*1888. Об орочах Императорской Гавани. СПб: Издание общества изучения Амурского края в г. Владивостоке.

Мелетинский, Е. М. 1979. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. Москва: Наука.

Отт, М., Я. К. Козловский. 2001. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии 3(7): 51–62.

Романова, О. И. 1997. Мифы, сказки и легенды индейцев. Северо–западное побережье Северной Америки. Сост., прим., типол. анализ мотивов, указатели и общая редакция О. И. Романовой. Москва: Восточная литература.

Стеблин–Каменский, М. И. 1963. Старшая Эдда // Старшая Эдда. Древнескандинавские песни о богах и героях: 181–213. Москва-Ленинград: Изд–во АН СССР.

Тернер, К. Г. 1983. Синодонтия и сундадонтия: происхождение, микроэволюция и расселение монголоидов в бассейне Тихого океана, Сибири и Америки с точки зрения одонтологии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки: 72–76. Новосибирск: Наука.

Ackerman, R. E. 1996. Ground Hog Bay, site 2 // American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia, F.H. West, ed.: 424–430. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Adovacio, J. M., J. Donahue, R. Stuckenrath. 1990. The Meadowcroft rockshelter radiocarbod chronology 1975–1990 // American Antiquity 52(2): 348–354.

Adovacio, J. M., D. R. Peddler. 1997. Monte Verde and the antiquity of humankind in the Americas // Antiquity 71(273): 573–580.

Ames, K. M., H. D. G. Maschnere. 1999. Peoples of the Northwest Coast. Their Archaeology and Prehistory. London: Thames & Hudson.

Anderson, D. G., J. C. Gillam. 2000. Paleoindian colonization of the Americas: implications from an examination of physiography, demography, and artefact distribution // American Antiquity 65(1): 43–66.

Andreasen, C. 2001. Palaeo–Eskimos in Northwest and Northeast Greenland // Identities and Cultural Contacts in the Arctic: 82–92. Copenhagen: Danish National Museum & Danish Polar Center.

Anonymous (A. L. S.). 1996. Siberian fluted point // Archaeology 49(6): 14–15.

Ardila Calderón, G., G. G. Politis. 1989. Investigaciones en torno del poblamiento de América del Sur // Boletín Museo del Oro 23: 13–45.

Beck, C, G. T. Jones. 1997. The Terminal Pleistocene/Early Holocene archaeology of the Great Basin // Journal of World Prehistory 11(2): 161–236.

Bell, R. E. 1965. Archaeological Investigations at the Site of El Inga, Ecuador. Quito: Casa de la Cultura Ecuatoriana.

Cavalli–Sforza, L., P. Menozzi, A. Piazza. 1994. The History and Geography of Human Genes. Princeton: Princeton University Press.

Bielawski, E. 1988. Paleoeskimo variability: the early Arctic Small–Tool Tradition in the Central Canadian Arctic // American Antiquity 53(1): 52–74.

Boas, F. 1891. Dissemination of tales among the natives of North America // Journal of American Folklore 4(12): 13–20 (repr. in Boas 1940: 437–445).

1896. The growth of Indian mythologies // Journal of American Folklore 9(32): 1–11 (repr. in Boas 1940: 425–436).

1916. Tsimshian mythology // 31th Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution, 1909–1910: 29–1037. Washington D.C.

1928. Anthropology and Modern Life. New York: Norton.

1940. Race, Language, and Culture. Chicago, London: the University of Chicago Press.

Boldrurian, A.T., J. L. Cotter. 1999. Clovis revisited. New Perspectives on Paleoindian Adaptations from Blackwater Draw, New Mexico. Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania (University Museum Monograph 103).

Borrero, A., C. McEvan. 1997. The peopling of Patagonia, first human occupation // Patagonia. Natural History, Prehistory, and Ethnography at the Uttermost End of the Earth. C. McEwan, L.A. Borrero, A. Prieto, eds.: 32–45. Princeton: Princeton University Press.

Campbell, L. 1997. American Indian Languages. The Historical Linguistics of Native America. New York, Oxford: Oxford University Press.

Carlson, R. L. 1998. Coastal British Columbia in the light of North Pacific maritime adaptations // Arctic Anthropology 35(1): 23–35.

Chatters, J. J., W. A. Neves, M. Blum. 2000. The Kennewick Man: a first multivariante analysis // Current Research in the Pleistocene 16: 87–9.

Cook, J. P. 1996. Healy Lake // American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia, F. H. West, ed.: 323–327. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Correal, G. U. 1981. Evidencias culturales y megafauna pleistocénica en Colombia. Bogotá: Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales.

1986. Apuntes sobre el medio ambiente pleistocénico y el hombre prehistórico en Colombia // New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas, A.L. Bryan, ed.: 115–131. Orono: Cen-ter for the Study of Early Man, University of Maine at Orono.

Correal, G. U., T. van der Hammen. 1977. Investigaciones arqueológicas en los abrigos rocosos del Tequendama: 12.000 años de Historia del hombre y su medio ambiente en la altiplanicie de Bogotá. Bogotá: Banco popular.

Crawford, M. H. 1998. The Origins of Native Americans. Evidence from Anthropological Genetics. Cambridge: Cambridge University Press.

Croes, D. R. 1997. The North–Central cultural dichotomy on the Northwest Coast of North America: its evolution as suggested by wet–site basketry and wooden fish–hooks // Antiquity 71(273): 594–615.

Curnow, T. J. 1998. Why Paez is not a Barbacoan language: the nonexistence of «Moguex» and the use of early sources // International Journal of American Linguistics 64(4): 338–351.

Davis, S. D. 1996. Hidden Falls // American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia, F.H. West, ed.: 413–424. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Denamur, E. 1994. Les généticiens sur la piste des premiers américains // Médicine/sciences 10: 1157–1160.

Dillehay, T. D. 1994. Une générale des éléments trouvés pendent la campagne de recherche et implications culturelles dans le site du pléistocène final de Monte Verde, Chile // L'Anthropologie 98(1): 128–148.

Dillehay, T. D., M. B. Collins. 1991. Monte Verde, Chile: a comment on Lynch // American Antiquity 56(2): 333–341.

Driver, J. 1999. Raven skeletons from Paleoindian contexts: Charlie Lake Cave, British Columbia // American Antiquity 64(2): 289–298.

Dumond, D. E. 1977. The Eskimos and Aleuts. London: Thames & Hudson.

1987. A reexamination of Eskimo–Aleut prehistory // American Anthropologist 89(1): 32–55.

2000. The Norton tradition // Arctic Anthropology 37(2): 1–22.

Dundes, A. 1962. From etic to emic units in the structural study of folktales // Journal of American Folklore 75(296): 95–105.

Evans C., B. J. Meggers. 1960. Archaeological investigations in British Guiana. Washington D. C. (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnography, Bull. 177).

Fagan, B. M. 1995. Ancient North America. The Archaeology of a Continent. New York: Thames and Hudson.

Fedje D. W., T. Christensen. 1999. Modeling paleoshorelines and locating Early Holocene coastal sites in Haida Gwaii // American Antiquity 64(4): 635–652.

Fiedel, S. 1999. Artifact provenience at Monte Verde: confusion and contradictions // Special Report: Monte Verde Revisited: 1–12 (Scientific American Discovering Archaeology 1, [1] 6).

Flegenheimer, N. 1987. Recent research at localities Cerro La China and Cerro El Sombrero, Argentina // Current Research in the Pleistocene 4: 148–149.

Flegenheimer, N., M. Zárate. 1989. Paleoindian occupation at Cerro El Sombrero locality, Buenos Aires province, Argentina // Current Research in the Pleistocene 6: 12–13.

Fogaça, E. A. 1995. A tradição Itaparica e as indústrias líticas pré–cerâmicas da Lapa do Boquete (MG – Brasil) // Revista do Museu de Arqueologia e Etnologia 5: 145–158.

Fortescue, M. 1998. Language Relations across Bering Strait. Reappraising the Archaeological and Linguistic Evidence. London, New York: Cassel.

Foster, G. M. 1945. Some characteristics of Mexican folklore // Journal of American Folklore 58(229): 225–235.

Geertz, C. 1973. Religion as a cultural system // The Interpretation of Cultures. Selected Essays by Clifford Geertz: 87–125. New York: Basic Books.

Gendron, D., C. Pinard. 2001. Early Palaeo–Eskimo occupations in Nunavik: a re–appraisal // Identities and Cultural Contacts in the Arctic. Copenhagen: Danish National Museum & Danish Polar Center. P. 129–142.

Goddard, I. 1999. Native languages and language families of North America: folded study map. Washington: Smithsonian Institution.

2001. The Algonkian languages of the Plains // Handbook of North American Indians 13: 71–79.

Gnecco, C., S. Mora. 1997. Late Pleistocene/Early Holocene tropical forest occupations at San Isidro and Peña Roja // Antiquity 71(273): 683–690.

Green, T. J., B. Cochran, T. W. Fenton, J. C. Woods, G. L. Titmus, L. Tieszen, M. A. Davis, S. J. Miller. 1998. The Buhl burial: a Paleoindian woman from Southern Idaho // American Antiquity 63: 437–456.

Greenberg, G. M. 1987. Languages in the Americas. Stanford: Stanfrod University Press.

1996. In defense of Amerind // International Journal of American Linguistics 64(2): 131–164.

Greenberg, J. H., M. Ruhlen. 1992. Linguistic origins of Native Americans // Scientific American 267(5): 94–99.

Gregor, T. A., D. Tuzin, eds. 2001. Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Guidon, N. 1983. Contribution a l'étude de l'art rupestre de l'Amérique du Sud // L'Anthropologie 87(2): 257–270.

Haury, E. W., E. B. Sayles, W. W. Wasley, E. Antevs, J. F. Lange. 1951. The Lehner Mammoth Site. University of Arizona, Program in Geochronology Contributions, nos. 11–13. Reprinted from American Antiquity 25(1).

Haydenblit, R. 1996. Dental variation among four Prehispanic Mexican populations // American Journal of Physical Anthropology 100: 225–246.

Heyes, C. M., H. C. Plotkin. 1989. Replicators and interactors in cultural evolution // What the Philosophy of Biology Is. Essays dedicated to David Hull, M. Ruse, ed.: 139–162. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers.

Haynes, C. V. 1999. Monte Verde and the pre–Clovis sites in America // Special Report: Monte Verde Revisited: 1–12 (Scientific American Discovering Archaeology 1, № 6).

Hoffman, C. A., T. F. Lynch. 1990. Current research: Caribbean // American Antiquity 55(1): 166–169.

Horai, S., R. Kondo, S. Sonoda, K. Tajima. 1996. The first Americans: different waves of migration to the New World inferred from mytochondrial DNA sequence polymorphismus // Prehistoric Mongoloid Dispersals, T. Akazawa, E.J.E. Szathmáry, eds.: 270–283. Oxford, New York, Tokyo: Oxford University Press.

Hurt, W. R. 1977. The edge–trimmed tool tradition of Northwest South America // University of Michigan, Museum of Anthropology, Anthropological Papers 61: 268–294.

Hurt, W. R., O. Blasi. 1969. O projeto arqueológico «Lagoa Santa» – Minas Gerais, Brasil // Arquivos do Museu Paranaense, N. S., Arqueologia 4: 1–63.

Kaufman, T. 1990. Language history in South America. What we know and how to know more // Amazonian Linguistics. Studies in Lowland South American Languages, D.L. Payne, ed.: 13–67. Austin: University of Texas Press.

Keeley, R. L. 1987. A comment on the Pre–Clovis deposits at Meadowcroft rockshelter // Quaternary Research 27: 32–34

Kipnis, R. 1998. Early hunter–gatherers in the Americas: perspectives from Central Brazil // Antiquity 72(277): 581–598.

Kozintsev, A. G., A. V. Gromov, and V. S. Moiseyev. 1999. Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age Populations of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology 108 (2): 193–204.

Lahr, M. M. 1995. Pattern of modern human diversification: implications for Amerindian origins // Yearbook of Physical Anthropology 38: 163–198.

Lathrap, D. W., R. C. Troike. 1988. Californian historical linguistics and archaeology // Journal of the Steward Anthropological Society 15 (1–2): 99–157.

Layrisse, M., J. Wilbert. 1999. The Diego Blood System and the Mongoloid Realm. Caracas: Fundación La Salle de Ciencias Naturales, Instituto Caribe de Antropología y Sociología.

López Castaño, C. E. 1989. Evidencias paleoindias en el Valle Medio del río Magdalena (municipios de PuertoBerrío, Yondo y Remedios, Antioquia) // Boletín de Arqueología 4 (2): 3–23.

Lovvorn, M. B., G. W. Gill, G. F. Carlson, J. R. Bozell, T. L. Steinacher. 1999. Microevolution and the skeletal traits of a Middle Archaic burial: metric and multivariate comparison to Paleoindians and modern Amerindians // American Antiquity 64 (3): 527–545.

Lyman, R. L., M. J. O'Brien. 1998. The goals of evolutionary archaeology // Current Anthropology 39 (5): 615–652.

Lynch, T. F. 1990. Glacial–age man in South America? A critical review // American Antiquity 55 (1): 12–36.

MacEachern, S. 2000. Genes, tribes, and African history // Current Anthropology 41 (3): 357–384.

Mayle, F. E., R. Burbridge, T. J. Kileen. 2000. Millennium–scale dynamics of southern Amazonian basin forests // Science 290 (5500): 2291–2294.

Meltzer, D. J. 1995. Clocking the first Americans // Annual Review of Anthropology 24: 21–45.

Mobjerg, T. 1999. New adaptations in the Saqqaq culture of Greenland, c. 1600–1600 B.C. // World Archaeology 30 (3): 452–465.

Morrow, J. E., T. A. Morrow. 1999. Geographic variation in fluted projectile points: a hemispherical perspective // American Antiquity 64(2): 215–231.

Moss, M. L. 1998. Northern Northwest Coast regional overview // Arctic Anthropology 35 (1): 88–111.

Muslin, M. A., S. J. Burns. 2000. Reconstruction of the Amazon Basin effective moisture availability over the past 14,000 years // Science 290 (5500): 2285–2287.

Nagy, M. 2001. From Pre–Dorset foragers to Dorset collectors: Palaeo–eskimo cultura; change in Ivujivik, eastern Canadian Arctic // Identities and Cultural Contacts in the Arctic: 143–148. Copenhagen: Danish National Museum & Danish Polar Center.

Neves, W. A., M. Blum, L. Kozameh. 2000. Were the Fuegians remainders of a Paleoindian non–specialized morphology in the Americas? // Current Research in the Pleistocene 16: 90–92.

Neves, W. A., D. Munford, M. do Carmo Zanini. 2000. Cranial morphological variation and the colonization of the New World: towards a four migration model // Ciencia e Cultura 51 (3–4): 151–165.

Neves, W. A., J. F. Powell, E. G. Ozolons. 1999. Modern human origins as seen from the peripheries // Journal of Human Evolution 34: 129–133.

2000. Extra–continental morphological affinities of Lapa Vermehla IV, Hominid 1: a multivariate analysis with progressive numbers of variable // Homo 50 (3): 263–282.

2000a. Extra–continental morphological affinities of Palli Aike, Southern Chile // Interciencia 24 (4): 258–263.

Neves, W. A., H. M. Pucciarelli. 1991. Morphological affinities of the first Americans: an exploratory analysis based on early South American human remains // Journal of Human Evolution 21: 261–273.

1998. The Zhoukoudian Upper Cave skull 101 as seen from the Americas // Journal of Human Evolution 34: 219–22.

Noble, W. C. 1981. Prehistory of the Great Slave Lake and Great Bear Lake region // Handbook of North American Indians 6: 97–106.

Olsen Bruhns, K., O. O. Gómez, O. Christiansen. 1976. A projectile point from the department of Quindio, Colombia // Nawpa Pacha 14: 69–71.

Ortiz–Troncoso, O. R. 1981. Inventory of radiocarbon dates from Southern Patagonia and Tierra del Fuego // Journal de la Société des Américanistes 67: 185–211.

Park, R. W. 2001. The Dorset–Thule succession revisited // Identities and Cultural Contacts in the Arctic. Copenhagen: 192–205. Danish National Museum & Danish Polar Center.

Picard, M. 1998. The case against global etymologies: evidence from Algonquian // International J. of American Linguistics 64 (2): 141–147.

Pokotylo, D. L., D. Mitchell. 1998. Prehistory of the Northern Plateau // Handbook of North American Indians 12: 81–102.

Poser, W. 1995. Binary comparison and the history of Hokan comparative studies // International J. of American Linguistics 61 (1): 135–143.

Powell, J., W. A. Neves, E. Ozolins, H. M. Pucciarelli. 1999. Affinidades biológicas extra–continentales de los dos esqueletos más antiguos de América: implicaciones para el poblamiento del Nuevo Mundo // Antropología Física Latinoamericana 2: 7–22.

Prous, A. 1986. Os mais antigos vestígios arqueológicos no Brasil Central (estados de Minas Gerais, Goiás e Bahia) // New Evidence for the Pleistocene Peopling of the Americas, A.L. Bryan, ed.: 173–182. Orono: Center for the Study of Early Man, University of Maine at Orono.

1986a. L'archéologie au Brésil. 300 siècles d'occupation humain // L'Anthropologie 90 (2): 257–306.

1996. Recent studies on rock art in Brazil // Rock Art Studies. News of the World I, P.G. Bahn, A. Fossati, eds.: 215–219. Oxford (Oxbow Monograph 72).

Prous, A., C. M. Guimarães. 1984. Recentes descobertas sobre os mais antigos caçadores de Minas Gerais e da Bahia // Archivos do Museu de Historia Natural 6–7: 23–32.

Ramer, A. M. 1996. Tonkawa and Zuni: two test cases for the Greenberg classification // International Journal of American Linguistics 62 (3): 264–288.

Reichel–Dolmatoff, G. 1986. Arqueología de Colombia. Bogotá: Fundbotanica.

Rodríguez, J. A. 1992. Arqueología del sudeste de Sudamérica // Prehistoria Sudamericana. Nuevas Perspectivas. B. J. Meggers, ed.: 177–209. Washington D.C.: Taraxacum.

Roosevelt, A. C., M. Lima da Costa, C. Lopes Machado, M. Michab, N. Mercier, H. Valladas, J. Feathers, W. Barnett, M. Imazio da Silveira, A. Henderson, J. Silva, B. Chernoff, D. S. Reese, J.A. Holman, N. Toth, K. Schick. 1996. Paleoindian cave dwellers in the Amazon: the peopling of the Americas // Science 272 (5260): 321–452.

Rouse, J., J. Cruxent. 1963. Venezuelan Archaeology. New Haven, London; Yale University Press.

Ruhlen, M. 1991. A Guide to the World Linguistics. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press.

Sales Barbosa, A. 1992. A tradição Itaparica: uma compreensão ecológica e cultural do povoamento inicial do planalto central brasileiro // B.J. Meggers, ed. Prehistoria sudamericana. Nuevas perspectivas: 145–155. Washington: Taraxacum.

Sandweiss, D. H., H. McInnis, R. L. Burger, A. Cano, B. Ojeda, R. Paredes, M. del Carmen Sandweiss, M. D. Glascock. 1998. Quebrada Jaguay. early South American maritime adaptations // Science 281: 1830–1832.

Sandweiss, D. H., J. B. Richardson III, E. J. Reitz, J. T. Hsu, Robert A. Feldman. 1989. Early maritime adaptations in the Andes: preliminary studies at the ring site, Peru // Ecology, Settlement and History in the Osmore Drenage, Peru, D. S. Rice, C. Stanish, R. Phillip, eds.: 35–88. Oxford (BAR International Series 545, part 1).

Sandweess, D., A. Cano, B. Ojeda, J. Roque. 1999. Pescadores paleoíndios del Perú // Investigación y Ciencia, octubre: 55–61.

Sapir, E. 1915. The Na–Dene languages, a preliminary report // American Anthropologist 17: 534–558.

Schmitz, P. I. 1987. Prehistoric hunters and gatherers of Brazil // Journal of World Prehistory 1 (1): 53–126.

Schobinger, J. 1973. Nuevos hallasgos de punta «cola de pescado», y consideraciones en torno al origen de la cultura de cazadores superiores toldense (Fell I) en Sudamerica // Atti del 40 Congreso Internacional degli Americanisti, vol. 1: 33–50. Roma.

1995. El arte rupestre mas antiguo de América del Sur – una ojeada sintética // Anais da VIII Reunião Científica da Sociedade de Arqueologia Brasileira. Coleção Arqueologia 1. Vol. 1, A. A. Kern, ed.: 97–106. Porto Alegre.

Smith, P. 1963. A fluted point from the Old World // American Antiquity 28 (3): 397–398.

Smith, J. M., E. Szathmáry. 1999. The Origins of Life. From the Birth of Life to the Origins of Language. Oxford University Press.

Sutter, R. The Prehistoric peopling of South America as inferred from genetically controlled dental traits // Andean Past (in press).

Szathmary, E. J. E. 1993. MtDNA and the peopling of the Americas // American Journal of Human Genetics 53: 793–799.

1994. Modelling ancient population relationships from modern population genetics // Method and Theory for Investigating the Peopling of the Americas, R. Bonnichsen, D.G. Steele, eds.: 117–130. Corvallis, OK: Center for the Study of the First Americans.

Tankersley, K. B., C. A. Munson. 1992. Comments on the Meadowcroft rockshelter radiocarbon chronology and the recognition of coal contaminants // American Antiquity 57: 321–326.

Thompson, S. 1955–1958. Motif–Index of Folk Literature. Vol. I–VI. Copenhagen, Bloomington: Indiana University Press.

Toporov, V. 1989. About a probable Ob–Ugrian reflection of the Iranian Mithra // Uralic Mythology and Folklore: 169–178. H. Hoppal, J. Pentikainen, eds. Budapest, Helsinki (Ethnologica Uralica 1).

Torroni, A., R. I. Sukernik, T. G. Scherr, Y. B. Starikovskaya, M. F. Cabell, M. H. Crawford, A. G. Comuzzi, D. S. Wallace. 1993. Mitochondrial DNA variation of aboriginal Siberians reveals distinct genetic affinities with Native Americans // American Journal of Human Genetics 53: 591–608.

Tuck, J. A. 1987. Review of «Prehistory of the Eastern Arctic» by M. S. Maxwell. New York: Academic Press, 1985 // American Antiquity 52 (2): 420–421.

Turner, C. G. 1983. Dental evidence for the peopling of the Americas // Early Man in the New World, R. Shutler, ed.: 147–157. Beverly Hills, London, New Dehli: Beverly Hills.

1986. The first Americans: the dental evidence // Natural Geographic Research 2 (2): 37–46.

1992. Microevolution of East Asian and European populations: a dental perspective // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia, T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimara, eds.: 415–438. Hokusen–sha Publishing Co.

Turner, C. G., J. Bird. 1981. Dentition of Chilean Paleo–Indians and peopling of the Americas // Science 212 (4498): 1053–1055.

Urban, G., J. Sherzer. 1988. The linguistic anthropology of Native South America // Annual Review of Anthropology 17: 283–307.

Waterman, P. P. 1987. A Tale–Type Index of Australian Aboriginal Oral Narratives. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia (FF Communications 238).

West, F. H. (ed.). 1996. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Wilford, J. N. 1996. «American» arrowhead found in Siberia // The New York Times International, August 2: A6.

Willey, G. R. 1971. An Introduction to American Archaeology, Vol. 2, South America. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice–Hall, Inc.

Wissler , C. 1929. An Introduction to Social Anthropology. New York: Henry Hoft.

Wright, G. A. 1978. The Shoshonian migration problem // Plains Anthropologist 23: 113–137.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Ареалы, выделенные для регистрации распространения мотивов.

Этнонимы в пределах кластера разделены запятой в случае значительной культурной и языковой близости между соответствующими группами и через точку с запятой, если различия существеннее.

Австралия – Меланезия

1. Аборигены Австралии.
2. Папуасы Новой Гвинеи.

Евразия

1. Коми, удмурты.
1. Ненцы.
2. Обские угры.
3. Кеты; селькупы.
4. Нганасаны, энцы.
5. Якуты, долганы.
6. Эвенки, эвены.
7. Тюрки: сибирские татары; тувинцы: тофалары; алтайцы, шорцы, хакасы.
8. Буряты, монголы; тангуты.

Северо–восточная Азия

1. Чукчи.
2. Коряки, алюторцы, кереки.
3. Ительмены.
4. Юкагиры.

Дальний Восток

1. Нижний Амур: нанайцы, удэгейцы, ульчи, орочи; негидальцы.
2. Нивхи; ороки Сахалина.
3. Айну.
4. Японцы, рюкюсцы.

Эскимосы и алеуты

1. Азиатские эскимосы.

2. Американские юпик: центральные юпик, алютик (коняг о.Кадьяк и чугач залива Аляска).

3. Инупиак северо–западной Аляски.

4. Инуит западной Канады: эскимосы устья Маккензи, медные.

5. Инуит центральной и восточной Канады, Гренландии: эскимосы карибу, нетсилик, иглулик, эскимосы Баффиновой Земли, Лабрадора, полярные (туле), эскимосы юго–западной и восточной Гренландии.

6. Алеуты.

Субарктика (северные атапаски)

1. Атапаски западной и южной Аляски: ингалик, верхние кускоквим, танайна, танана, коюкон, атна.

2. Кучин (лушо), хан.

3. Юкон – Британская Колумбия: верхние танана, тагиш, тутчоне, внутренние тлинкиты (ассимилированные атапаски, преимущественно тагиш), каска, талтан, цецот.

4. Бивер (включая секани, чья мифология плохо известна).

5. Чипевайян, хэа, догриб, йеллоунайф, слейви. В эту же группу скорее всего входят и так называемые горные индейцы, но данных по их мифологии нет.

Северо–Западное побережье

1. Ияк; тлинкиты.

2. Хайда, цимшиан.

3. Квакиутль, беллабелла (хейлцук).

4. Беллакула.

5. Нутка (включая маках, или мако, штата Вашингтон).

Побережье–Плато (северная Калифорния, Орегон, Вашингтон, юг Британской Колумбии)

1. Карьер, чилкотин.

2. Шусвап.

3. Лиллуэт, томпсон.

4. Южные внутренние селиши: санпуаль, флетхед, кёрдален, калиспель, оканагон, венатчи.

5. Сахаптин (кликитат, тенино, якима, валлавалла, нэ персэ); каюз.

6. Кутенаи.

7. Кламат, модок.

8. Береговые сэлиши: комокс, сечелт, халкомелем, лкунген (=стрейт; включая самиш, сонгиш, лумми, клаллам), Пьюджит–Саунд (сквамиш, снохомиш, скагит, снукуальми, пуяллуп, нискуальми, дувамиш, маклшут, а также недифференцированные данные по этим группам), твана, нижние чехалис, верхние чехалис, коулиц; чимакум.

9. Квинолт; квилеут.

10. Чинук: нижние, или собственно чинук, васко, вишрам, клакамас, катламет.

11. Тилламук.

12. Кус, алсеа; большинство атапасков Орегона (верхние ампква, тутутни); такельма; калапуя; молала.

Средний Запад

1. Виннебаго.

2. Меномини.

3. Оджибва, чиппева (оджибва Мичигана), миссисага, различные группы кри, солто, алгонкины собственно, оттава, канадские алгонкины без уточнения группы.

4. Саук, фокс, потауатоми, кикапу.

5. Майями, иллиной (данных для статистической обработки недостаточно).

Северо–восток

1. Монтанье, наскапи.

2. Ирокезы: гуроны (виандот); сенека, мохавки, онондага, тускарора; недифференцированные материалы по мохавкам, онейда, онондага, кайюга, сенека.

3. Микмак, малесит, пассамакводди, пенобскот, вавенок, абенаки.

4. Делавары; мохеган (данных для статистической обработки недостаточно).

Великие Равнины

1. Черноногие; сарси.

2. Гровантр.

3. Степные кри, степные оджибва. В ареал включена территория стоуни, близких ассинибойн по языку и степным кри по культуре. Данных по мифологии стоуни нет.

4. Ассинибойн.

5. Кроу, хидатса.

6. Дакота (санти, янктон–янктонаи, тетон); мандан.

7. Осэдж, омаха, понка; индейцы на Арканзасе, вероятно, квопо.

8. Ото, айова.

9. Арапахо; шейены.

10. Скири пауни; арикара.

11. Кайова; кайова–апачи; команчи.

12. Вичита; иконография Спиро–Маунд (XII–XV вв.); тонкава.

Юго–Восток США

1. Шони; ючи; тускеги.

2. Кэддо.

3. Низовья Миссисипи: туника; натчез; читимача; билокси; иконография миссисипской культуры (XIII–XVI вв., западные памятники).

4. Мускоги: крики, семинолы, алабама, коасати, хичити, чоктав.

5. Чироки; катавба; тутело.

Калифорния

1. Юрок; вийот; толова.

2. Хупа, чилула; карок; шаста.

3. Атапаски северо–западной Калифорнии (вайлаки, лассик, синкион, като); юки.

4. Северо–восточная Калифорния: яна, ачомави, ацугеви, чимарико.

5. Северо–западная Калифорния: помо; вапо; винту, патвин, номлаки.

6. Пенути восточно–центральной Калифорнии: майду, нисенан, конков, мивок; чукчанси йокуц.

7. Юго–центральная Калифорния: йокуц, салинан; костаньо.

8. Граница Большого Бассейна: моно (моначе), тюбатулабаль, китанемук, кавайису.

9. Чумаш.

10. Така южной Калифорнии: луизеньо, кауилья, купеньо, габриэлино, серрано, хуаненьо.

Большой Бассейн

1. Запад: северные пайют (Оуэнс–Вэли, Серпрайз–Вэли), павиоцо, баннук; вашо.

3. Шошони (западные, северные, восточные), госиют.

4. Юг и юго–восток: юте, южные пайют, чемеуэви.

Большой Юго–Запад

1. Западные пуэбло: хопи; зуньи; западные керес (Акома, Лагуна); изображения на сосудах мимбрес (XI в.).

2. Восточные пуэбло: восточные керес (Кочити, Сиа, Санто–Доминго, Санта–Ана, Сан–Фелипе, Пагуате, Сеама); тева (Сан–Хуан, Санта–Клара, Сан–Ильдефонсо, Тесукэ, Намбэ), тива (Таос, Пикурис; Сандиа, Ислета), това (Хемес).

3. Южные атапаски: навахо; апачи собственно (западные), хикарилья, мескалеро, чирикауа.

4. Апачи липан.

5. Юма (мохаве, юма, кокопа, ипаи, типаи, пайпай, килива); сери; пима, папаго.

6. Юмаязычные группы плато Колорадо (по культуре близки юто–ацтекам Большого Бассейна): валапай, хавасупай, явапай.

Северо–западная Мексика

1. Варихио, тараумара, яки, синалоа; южные тепеуан; уичоль, кора; тепекано; науатль Западной Мексики.

Мезоамерика

1. Ацтеки и другие науаязычные группы центральной Мексики; тараски; отоми; паме; пополока; тлапанеки.

2. Веракрус, Табаско: уастеки, тотонаки, тепеуа; науатль Веракруса; Саюла пополука, сьерра пополука; чонталь; соке Веракруса, михе Веракруса.

4. Оахака: чинантеки, сапотеки, миштеки, чатино, трики, текистлатеки, масатеки, куикатеки, михе Оахаки; уаве.

5. Цоциль, цельталь; чоль.

6. Майя Юкатана (включая мопан, ица); лакандоны; кекчи; иконография классических майя.

7. Гватемала, Сальвадор: соке Чиапаса; киче, какчикели; покомчи, мам, цутухиль, тохолабаль, ишиль, чух, канхобаль, чорти, покомам; ленка; каменная скульптура и рельефы Исапы (I тыс. до н. э.); пипиль.

Гондурас – Панама

1. Гондурас, Никарагуа: хикаке; печ, суму, мискито.

2. Юг Никарагуа, Коста–Рика, западная Панама: никарао, рама, гуатусо; брибри, кабекар; борука; гуайми, бокота, сообщения XVI в. по западной Панаме.

3. Куна; сообщения XVI в. по восточной Панаме.

Большие Антилы

1. Таино Гаити; метисы восточной и центральной Кубы.

Северные Анды

1. Чоко: эмбера, нонама; сообщения XVI в. о Дабайба; изображения культур сину (XIV–XV в.) и илама (V–I вв. до н. э.).

2. Сьерра–Невада: коги, ика, метисы района Аритама, изображения культуры тайрона (XI–XVI вв.); чимила.

3. Горная Колумбия с сопредельной Венесуэлой: юпа; бари; тунебо; муиски, мусо; паэс, гуамбиа, пихао; камса, ингано (инга); метисы северо–западной Венесуэлы.

4. Гуахиро.

Льяносы

1. Яруро.

2. Сикуани, гуаяберо, куива; салива, ачагуа.

Южная Венесуэла

1. Макиритаре.

2. Пиароа; ябарана; панаре.

3. Яноама: санема, яномам, яномами.

Гвиана

1. Варрау.

2. Пемон: камаракото, аракуна, таулипан; акаваи.

3. Араваки побережья Гвианы: локоно; паликур.

4. Карибы Малых Антил (в основном Доминики), карифуна; каринья Гвианы; каринья на Ориноко, ярури, таманак, калинья, галиби.

5. Вайвай; макуши; вапишана (включая атарои); мапидиан; тарума.

6. Трио, акурие; хишкарьяна, арикена, кашуяна.

7. Ояна, апараи.

8. Тупи Гвианы: оямпи, эмерильон.

Эквадор (горы и побережье)

1. Каяпа (чачи), колорадо (цачила); квайкер; каньяри XVI в.; современные кечуаязычные группы (Асуай, Каньяр, Отовало, Имбабура).

Западная Амазония

1. Западные тукано: майхуна, сиона, секоя, корегуахе.

2. Кофан; «лесные кечуа» (напо, канело); ваорани; кандоши (сапаро, мурато, майна).

3. Хиваро (шуар, ачуар, агуаруна, уамбиса).

Северо–западная Амазония

1. Карихона.

2. Ваупес: кубео, восточные тукано (бара, барасана, десана, сириано, летуама, макуна, татуйо, собственно тукано, уанана, яхуна), араваки бассейна Ваупес (кабияри, юкуна); маку.

3. Ориноко – Риу–Негру: пуинаве; майпуре; пиапоко, банива, тариана, баре.

4. Уитото, бора, окайна, андоке.

5. Тукуна, ягуа, метисы Летисии; икито, кокама.

Центральная Амазония

1. Омагуа; катавиши; манао; мура; мауэ; группы неизвестной языковой принадлежности на Риу–Жамунда и в других районах.

2. Суруи, зоро, гавиано, паринтинтин; материалы XIX в. из района города Вила–Бела.

3. Мундуруку.

Восточная Амазония

1. Шипая, журуна, куруайя; асурини; паракана; анамбэ; тапажо; материалы XIX в. с нижней Амазонки.

2. Приатлантические тупи: тенетехара, урубу; тупинамба.

Центральные Анды

1. Север Перу (побережье и горные районы от эквадорской границы до департаментов Анкаш и Ууануко включительно): современные кечуаязычные группы; сообщения источников XVI–XVII вв.; изображения культур чавин (середина I тыс. до н. э.) и мочика (I–VII вв. н. э.).

2. Центральное Перу (побережье и горные районы в департаментах Лима, Ика, Хунин, Уанкавелика, Аякучо): современные кечуаязычные группы; сообщения источников XVI–XVII вв.; изображения культур паракас (IV–I вв. до н. э.), наска (I–VI вв. н. э.), уари (VII–IX вв. н. э.).

3. Плоскогорье (департаменты Апуримак, Куско, Арекипа, Пуно на юге горного Перу; горная Боливия), северо–западная Аргентина, север Чили: современные кечуа– и аймараязычные группы; сообщения источников XVI–XVII вв.; уру; кальяуайя; атакаменьо; изображения культур инков (XV–XVI вв. и агуада (VI–X вв. н. э.); метисы северо–западной Аргентины.

Монтанья

1. Урарина; чаяуита.

2. Пано на Укаяли: кашибо, шипибо, конибо, сетебо.

3. Пано верховьев Пурус (амауака; марубо; кашинауа, шаранауа, яминауа, капанауа); майоруна.

4. Амуэша; ашанинка (кампа), мачигенга; пиро.

5. Арауа (кулина, арауа) и араваки (ипурина, куниба) верховьев Журуа и Пурус.

Боливия – Гуапоре (восточная Боливия и Рондония)

1. Такана; харакмбет (=машко).

2. Мосетен, чимане; юракаре.

3. Гуарани Боливии: чиригуано (включая ассимилированых гуарани араваков чане), паусерна, гуараю, тапьетэ.

4. Прочие восточноболивийские этносы: эсеэха; чакобо; сирионо; мохо, бауре; итонама, каничана; чикито, манаси.

5. Рондония: тупари, макурап, ябути, амниапя, аруа, ажуру, кумана, сакирап, уари, морэ.

Южная Амазония

1. Шингуано: камаюра, куикуру, мехинаку, ваура, калапало, трумаи; бакаири.

2. Каяби.

3. Рикбакца.

4. Иранше; намбиквара.

5. Пареси.

6. Бороро: собственно, умутина.

Восточная Бразилия

1. Каража, тапирапе.

2. Каяпо.

3. Суя, шукаррамаэ.

4. Прочие северные (крахо, кренье, апинайе, рамкокамекра, апаниекра) и центральные (шаванте, шеренте) *же*; карири; гамелла.

Чако

1. Айорео, чамакоко.

2. Ниваклэ, чороте.

3. Матако.

4. Тоба.

5. Центральное Чако: ангайтэ, мака, мбайя, санапана, ленгуа.

6. Южное Чако: мокови, вилела; кечуа провинции Сантьяго–дель–Эстеро с вероятным чакоидным субстратом; абипон.

7. Кадувео, терено.

Южная и приатлантическая Бразилия

1. Офайе.

2. Гуарани Бразилии и Парагвая (кайгуа, мбиа, апапокува, ньяндева, чирипа); аче.

3. Каинганг, шета.

4. «Палеобразильские» этносы приатлантического пояса: ботокудо, камакан; куташо.

Южный Конус

1. Пуэльче, северные теуэльче, южные теуэльче; мапуче.

2. Огнеземельцы: селькнам, ямана, алакалуф.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Некоторые позднеплейстоценовые культуры и памятники Нового Света.

1. Покровное оледенение 18,000 лет назад

2. Покровное оледенение 12,000 лет назад

3. Области материкового шельфа, затопленные в голоцене.

4. Области распространения наконечников типа фелл.

Рис. 2. Образцы изделий, характерных для древних каменных индустрий Нового Света.

1, 2. Комплекс денали на Аляске, микронуклеусы из верхниего слоя стоянки Драй–Крик. Нуклеус 2 изображен вместе со сколотыми с него микропластинами. По Hoffecker a.o. 1996, fig. 7.9b, d.

3, 4. Комплекс ненана на Аляске: наконечники типа чиндадн со стоянки Хили–Лейк. По Cook 1996, fig.6.11a, c.

5. Крупный экземпляр наконечника типа фелл желобком с обеих сторон из Серро-Эль-Сомбреро, провинция Буэнос-Айрес. Сходные материалы на стоянке Серро-Ла-Чина в том же районе датированы 10,700 лет назад. По Flegenheimer, Zárate 1989, fig. 1b.

6. Типичный кловисский наконечник со стоянки Лерер в Аризоне. По Haury a.o. 1959, fig. 13 i.

7, 8. Кварцитовые наконечники из скального навеса 2 группы Серка Гранди, район Лагоа Санта, штат Минас Жераис. В соседнем навесе 6 сходные материалы были датированы 9028±120, 9720±1238 лет назад. По Hurt, Blasi 1969, pl.22 b, c.

9. Листовидный бифас из нижнего слоя стоянки Ричардсон Айленд, острова Королевы Шарлотты. Слой датирован 9300–8900 лет назад. По Fedje, Christensen 1999, fig. 5 a.

10, 11. Наконечники типа уиндаст (9) и линдкоули (10), характерные для палеоиндейских памятников Большого Бассейна. По Beck, Jones 1997, fig. 3c, g.

12. Наконечник типа фелл со стоянки Эль-Инга в Эквадоре. По Bell 1965, fig. 10b.

13, 14. Наконечники типа фелл из нижнего слоя пещеры Фелл в Патагонии. Лицевая и оборотная стороны целого экземпляра и нижней части сломанного. По Willey 1971, fig.2.14.

15. Наконечник типа фелл из Итапиранга, штат Санта-Катарина, юго-западная Бразилия. По Schobinger 1973, fig. 2.

16. Отщепы со следами использования, типичные для прибрежных стоянок юга Перу. Раковинная куча Ринг-Сайт. По Sandweiss a.o. 1989, fig. 16 a, b, d. Раннеголоценовые слои памятника датированы от 10,575±105 до 7575±60 лет назад (Sandweiss a.o. 1989: 50–51). Для позднеплейстоценовых слоев расположенной в том же районе стоянки Кебрада-Хагуай получены даты от 11,100 до 9,850 лет назад (Sandwess a.o. 1998).

17. Двусторонне обработанный желобчатый черешковый наконечник из Кебрада Никия около Медельина. Подобные и близкие формы характерны для конца плейстоцена и/или начала голоцена в Северных Андах, Венесуэле, видимо, в северной Амазонии. По Reichel-Dolmatoff 1986, fig. 7.

18, 19. Двусторонне обработанные крупные черешковые наконечники с нижнего Тапажоса, восточная Амазония. Подъемный материал. По Roosevelt a.o. 1996, fig. 1. Фрагменты сходных орудий в пещере Каверна-да-Педра-Пинтада датированы 11,000 лет назад

20–22. Крупные односторонне обработанные орудия на пластинах, характерные для традиции итапарика (20, 22 – из нижнего слоя стоянки под скальным навесом Лапа-де-Бокете, север штата Минас-Жераис). 20 – по Fogaza 1995, fig.1A; 21 – по Dillehay a.o. 1992, fig. 6 a; 22 – по Prous 1991, fig. 8.c. Конец плейстоцена или ранний голоцен.

Рис. 3. Наскальные росписи стиля нордэсте из северо–восточной Бразилии, предположительно – ранний голоцен. 1. По Prous 1996, fig.6 f; 2. По Guidon 1983, pl. 1. Данные сцены, особенно (2) с итифаллическими фигурами, напоминают распространенный эпизод в мифах индейцев Восточной Бразилии, Гвианы и Чако (рис. 32). Прячущаяся на дереве первоженщина настигнута мужчинами. Они используют для копуляции отдельные части ее тела. Из этих частей возникают современные индеанки.

Рис. 4. Положение евразийских и эскимосских мифологий по отношению к австралийским, папуасским и некоторым американским. Первая главная компонента.

Рис. 5. Положение мифологий северо–запада Северной Америки. Третья главная компонента. Пунктиром обозначены селиши, штрихами – атапаски, штрих-пунктиром – вакаши, сплошной линией – прочие языковые семьи.

Рис. 6. Распространение мотивов по ареалам: первая главная компонента. Североамериканский комплекс.

Рис. 7. Распространение мотивов по ареалам: первая главная компонента. Амазонский комплекс.

Рис. 8. Распространение мотивов по ареалам: третья главная компонента. Аляскинский комплекс.

Рис. 9. Распространение мотивов по ареалам: третья главная компонента. Среднезападный комплекс.

Рис. 10. Распространение мотивов по ареалам (азиатские мифологии исключены): четвертая главная компонента. Западный комплекс.

Рис. 11. Распространение мотивов по ареалам (азиатские мифологии исключены): четвертая главная компонента. Восточный комплекс.

Рис. 12. Распространение мотивов по ареалам: пятая главная компонента. Комплекс Плато.

Рис. 13. Распространение мотивов по ареалам: пятая главная компонента. Канадский комплекс.

Рис. 14. Распространение мотивов по ареалам: четвертая главная компонента. Мезоамериканский комплекс.

Рис. 15. Распространение мотивов по ареалам: шестая главная компонента. Сибирский комплекс.

Рис. 16. *Спор о времени*. Первопредки собираются вместе, чтобы решить, сколь много должно быть единиц времени в определенном периоде времени, должны ли холод и тьма сменяться теплом и светом. 1) Спор идет о количестве теплых/холодных, темных/светлых единиц времени. Число предлагаемых временных отрезков уподобляется числу пальцев, шерстинок, перьев, полос на теле персонажей – людей-животных. 2) Как (1), но без уподобления отрезков времени частями тела. 3) Как в (2), но обсуждается продолжительность года, а не отдельных сезонов.

4) Периоды времени сравниваются с полосами на теле, но спор об их числе не идет. 5) Первопредки спорят о том, должны ли вообще холод и тьма сменяться теплом и светом, без упоминания временных единиц. 6) Первопредки спорят о продолжительности вегетационного цикла.

Рис. 17. *Ныряльщик*. Суша возникает из кусочка земли, добытого со дна моря. Землю достают 1) черепаха или лягушка, 2) выхухоль или бобр, 3) водоплавающая птица, креветка или иной персонаж. 5–6) Маргинальные версии. 5) Потоп заканчивается после того, как персонажи доныривают до дна (без добывания земли). 6) Персонажи ныряют, чтобы достать не землю, а другие объекты. Мотив *ныряльщика* известен также в Индии и у даяков Калимантана. Балканские и восточноевропейские версии могли быть принесены кочевниками из Южной Сибири в I тыс. н. э., после чего на севере произошла их контаминация с местными финно–угорскими вариантами.

Рис. 18. *Магическое бегство*. Спасаясь бегством, персонаж бросает предметы, которые превращаются в мощные препятствия на пути преследователя. 1) Один из предметов – гребень. В Латинской Америке эта деталь может быть результатом контаминации с европейскими версиями мотива. В явно аутентичных патагонских версиях ее нет. 2) Среди брошенных предметов гребень не упоминается.

Рис. 19. 1–2) *Кровавый закат*. Кровь, хлынувшая из убитого или раненого человека или животного, окрашивает небо или растительность. 1) Происхождение заката, зари, северного сияния. 2) Происхождение золотой осени. 3) *Змей угрожает птенцам*. Водное чудовище убивает или калечит птенцов гигантской могучей птицы. Птица бессильна перед чудовищем, но человек его убивает.

Рис. 20. *Неумелое подражание*. Персонаж видит, как другие действуют (обычно добывают пищу) с помощью магии или согласно своей природе (например, Зимородок бросается в прорубь за рыбой); пытается подражать и термит фиаско. 1) Персонаж ходит в гости, затем просит хозяина нанести ответный визит, а когда гость приходит, совершает нелепые действия (североамериканские и дальневосточные версии). 2) То же, но подражание не связано с добыванием пищи (ненецкая версия). 3) Прийдя в гости, персонаж видит, как хозяин добывает пищу. Вернувшись к себе, безуспешно пытается повторить тот же трюк (версии индейцев Чако). 4) Персонаж подражает свойственникам (амазоно–гвианские версии).

Рис. 21. *Космическая охота*. Преследуя добычу, охотники и/или их собаки оказываются на небе. Объектами охоты являются 1) лось (большинство сибирских версий), олень, горный баран; 2) медведь (большинство североамериканских версий), 3) тапир (амазонские версии), 4) страус нанду (в Чако и Патагонии). У ительменов, коряков и алеутов мотив охоты как таковой не зафиксирован, известны лишь обозначения Большой Медведицы в качестве лося или оленя. Поскольку все три мифологии, особенно ительменская и алеутская, зафиксированы не полностью, можно с известной вероятностью предполагать, что мотив небесной охоты здесь все же существовал, поскольку он есть у соседних чукчей и марковцев. Еще есть надежда обнаружить его у юкагиров. Важно отметить, что мотив не универсален для обществ, в которых охота играла важную роль. В Австралии зафиксирован единственный отдаленно похожий текст – убитый чудовищный эму виден теперь как темное пятно среди звезд (Waterman 1987, № 3860: 99).

Рис. 22. 1) *Ноги служат мостом*. Персонаж протягивает через водоем свою ногу или шею. Другие переходят по этому мосту на противоположный берег. Во всех сибирских версиях мостом служат ноги старухи, не имеющей зооморфных ассоциаций. У индейцев речь обычно идет о голенастой птице – журавле, выпи и т.п. 2) *Смена кожи как условие бессмертия*. Те, кто меняют кожу или кору, бессмертны или живут долго. Мотив широко распространен в Меланезии, Юго–Восточной Азии, Африке.

Рис. 23. *Пятна на лунном диске*. 1–3) На луне виден человек с предметом в руках. 1) Пошедший за водой, держащий ведра. 2) Держит бурдюк, наполненный кровью. 3) Имеющий в руках любой другой предмет. 4) Лунные пятна – след удара, ожога, прикосновения и не складываются в определенный образ.

Рис. 24. Представления о радуге. 1) *Радужный змей* (мотив характерен для Южной и Центральной Америки, Австралии, Меланезии). 2) *Радужный мост* (мотив распространен достаточно бессистемно). 3) *Радужный лук* (евразийский мотив, в Америке изредка встречающийся вплоть до северной Колумбии).

Рис. 25. *Крючок и наживка*. 1) Персонаж превращается в рыбу, змею, животное. Стрелы, дротики, гарпуны вонзаются в его тело, но не причиняют вреда, он их уносит. Откусывает и уносит крючок, на который рыбак ловит рыбу. 2) То же, но первая же попытка украсть рыболовную снасть неудачна. 3) Варианты: один человек ловит рыбу, используя другого как наживку либо привязав его на лесу и заставляя хватать рыбу руками. Трикстер пытается снять с крючка рыбу или наживку, но сразу же пойман.

Рис. 26. 1) *Цепочка из стрел*. Стрелы (дротики) вонзаются одна в хвост другой, образуя цепь или мост. 2) *Катящийся камень*. Камень (у майяица – тыква) катится, преследуя персонажа. Обычно трикстер сам провоцирует камень, который затем пытается его задавить. В Мезоамерике, а изредка также в Патагонии и в Северной Америке камень является преследующим героя

демоническим существом. 3) *Многоногий зверь*. Описывается или изображается конь, лось, олень, медведь о шести, восьми и более ногах.

Рис. 27. *Разоритель гнезд*. 1) Чтобы достать птичьи яйца, птенцов, плоды, мед и пр., один из двух соперников или свойственников (то есть мужчин, связанных между собой через женщину) забирается на дерево или скалу, спускается в пещеру. Второй лишает его возможности спуститься или подняться. Оказавшийся в ловушке в конце концов возвращается. 2) То же, но человек покинут на острове или на другом берегу водоема. 3) Старуха просит дочь забраться на дерево и достать перья совы. Дочь превращается в сову. Старуха принимает ее облик, является к ее мужу.

Рис. 28. 1–2) *Цветные миры*. 1) *Цвета сторон света*. Каждое из четырех направлений имеет особый цвет. 2) Ярусы земли или неба окрашены в разные цвета. 3–5) Деревянный супруг–эрзац. 3) Деревяшка, ветка служит женщине мужем. 4) Деревяшка с дырой от сучка служит мужчине женой. 5) *Пигмалион*. Мужчина делает деревянную куклу, ведет себе так, будто она живая.

Рис. 29. 1) *Рогатый змей*. Змея либо змее– или рыбообразное чудовище имеет на голове рога. 2) *Щепки превращаются в рыб*. Падая в воду, щепки, ветки, куски коры превращаются в рыб и водных животных. Это один из примеров эскимосско-южноамериканских параллелей. Мотив зафиксирован также у майя-цоциль и на Новой Гвинее.

Рис. 30. 1) *Первый восход*. После первого восхода солнца первопредки или часть из них гибнут или претерпевают метаморфозу. 2) *Острая нога*. Нога персонажа покалечена намеренно или случайно. Он использует торчащую кость как колющее орудие.

Рис. 31. 1–2) *Спор о судьбе людей*. 1) Один персонаж утверждает, что люди должны умирать, другой нехотя соглашается. Ребенок (в Южной Америке – мать) первого умирает. Теперь персонаж готов сделать людей бессмертными, но оппонент отказывается поменять принятое решение. 2) Прочие варианты: персонаж последовательно предлагает, каким должен быть мир, и в частности считает, что люди должны жить без страданий (не умирать); его собеседник отвергает эти предложения. 3–4) *Месть оленят*. 3) Две женщины живут вместе, обе имеют детей. Одна обычно ассоциируется с медведицей (реже с другим хищником), другая – с травоядным животным (часто с оленихой) или с более слабым хищником. Первая выходит с другой из дома, убивает, съедает ее. Дети жертвы мстят, убивая детей убийцы, и/или спасаются бегством. 4) Как в (3), но убийца и/или жертва – мужчины. Хищник (волк, медведь, ягуар) убивает оленя, оленихи или антилопу. Дети жертвы бегут и/или осуществляют месть. 5) *Падающие плоды*. Во время потопа в воду падают один за другим плоды, семена или другие предметы. По мере этого вода начинает спадать.

Рис. 32. 1) *Чудовище подо льдом*. Люди идут по льду, видят выступающий рог, пытаются отпилить. Чудовище, которому принадлежит рог, взламывает лед, многие люди гибнут. В Сибири мотив включен в былички, в Америке объясняет разделение родственных этносов (часть людей осталась по одну сторону водоема, часть по другую). 2) *Бегство из пещеры хозяина стад*. Оказавшись в пещере хозяина стад или владельца диких животных, персонаж опасается быть убитым. Чтобы спастись, цепляется снизу к одному из выходящих наружу животных. В Азии мотив связан с мифом об ослеплении циклопа, в Америке – с историей освобождения бизонов, спрятанных от людей их хозяином или похитителем. 3–6) *Первая женщина*. Для удовлетворения сексуальных потребностей первопредки используют одну единственную женщину. 3) Они обнаруживают ее на вершине дерева и совокупляются там с ней. 4) Тело первой женщины разрезано на куски, из них возникают новые женщины. 5) Мотивы (3) и (4) сочетаются. 6) Прочие варианты (группа мужчин с общей женой).

Рис. 33. *Младенцы прячутся и возвращаются*. 1) «Выброшенный» и «домашний». Один из двух (или двое из четырех) сыновей женщины выброшен(ы) в воду, в кусты. «Выброшенный» регулярно выходит играть с «домашним». С трудом пойман, соглашается жить в доме. В западносибирских текстах «домашний» имеет облик щенка. 2) То же, но без мотива «товарища по играм». Мать убита или покалечена. Ее новорожденный, извлеченный из утробы или возникший из последа сын брошен в воду, в дупло, в кусты. Он регулярно выходит на берег играть. Отчаянно сопротивляется, будучи пойманным, но затем соглашается жить в доме. Эти же детали характерны и для большинства версий первого варианта. 3) Прочие варианты мотива. Герои (один, двое или один из двух), будучи еще младенцами или зародышами, исчезают или выброшены (часто в воду). Затем пойманы или сами приходят к своим воспитателям.

Рис. 34. 1–2) *Лебединое озеро*. 1) Небесные девы спускаются на воду и купаются, сняв одежду. Человек прячет одежду, берет одну из дев в жены. 2) Человек прячет одежду женщины, та вынуждена стать его женой (без мотива купания). 3) *Утки и лодки*. Люди узнают от птиц, как делать лодки или как грести. При изготовлении первой лодки птица служит моделью. Утки выучиваются плавать от людей. Лодка превращается в утку и наоборот. 4) *Весла ребром*. Гребя, персонаж сперва пытается отталкиваться не лопастью весла, а ребром.

Рис. 35. 1–3) *Комар и Гром*. Опасное существо спрашивает Комара или иное кровососущее насекомое, где тот ел, чьей крови напился, чья

кровь вкуснее. Насекомое лжет или не может ответить. 1) Существо – Гром, теперь молния целит в деревья, а не в людей. 2) Без этиологической концовки: Комары стесняются сказать Грому, что пили кровь. 3) Иной опасный персонаж так и не узнал, как вкусны плоть или кровь человека. 4) *Пес в стране мертвых*. Пес является хозяином, стражем загробного мира или проводником по дороге туда.

Рис. 36. Ареалы наибольшей концентрации мотивов, ответственных за основные тенденции, выявленные путем статистической обработки данных. Цифрами обозначены комплексы мотивов: 1 – североамериканский (1 ГК), 2 – амазонский (1 ГК), 3 – аляскинский (3 ГК; связан с языками на–дене?), 4 – среднезападный (3 ГК), 5 – мезоамериканский (4 ГК), 6 – Плато (5 ГК; связан с языками пенути?), 7 – канадский (5 ГК), 8 – сибирский (6 ГК). Сплошная линия – вероятное проникновение в Новый Свет по коридору Маккензи. Пунктир – вероятное проникновение в Новый Свет вдоль побережья Аляски.

PEOPLING OF THE NEW WORLD: SOME RESULTS OF COMPARATIVE STUDY OF AMERICAN AND SIBERIAN MYTHOLOGIES[3]

YURI E. BEREZKIN

Our prime aim in this paper is to explain some important patterns in the areal distribution of sets of motifs selected from traditional mythological texts. We are concerned with distributions over very wide geographic areas. We claim that these patterns contain evidence on the distant past, and can be correlated with information provided by archaeology. We offer particular hypotheses concerning plausible causes of some of these patterns, but are ready to accept any hypotheses other than ours which would provide cogent explanations. The immediate topic of this research is the migrations of peoples within and to the New World.

Traditional narratives contain ready–made elements which we call motifs. This study is possible thanks to the fact that these elements are reproduced when people retell their texts. Motifs preserve their form during very long periods of time, while the mythological texts which are composed of them change their meanings more rapidly.

The database consists of more than 25,000 abstracts of texts (on disc), mostly American and Siberian. There remain no significant gaps in the database, but more and more publications do become available with time. With a such a volume of information already accumulated, additional data do not change major conclusions. But some new, previously unrecognized, minor patterns are revealed.

Archaeological Background, Comparative Linguistics, Population Genetics, and Physical Anthropology. Correlations with archaeological complexes will be shortly discussed after we have presented the cultural and geographic distributions of mythological motifs. Figure 1 shows for reference some principal archaeological distributions. Radiocarbon dates are «before present» and are not calibrated.

Linguistic reconstructions deeper than 8–600 b.p. are not reliable enough to secure consensus among major specialists. Population genetics has its own difficulties. Correlation of the discovered genetic patterns with the data of archaeology is uncertain. Expensive genetic analyses of DNA are still not numerous and detailed enough for such a complex and detailed situation as the New World. Analyses of teeth and of crania yield mixed results, and different scholars come to conclusions which cannot be easily integrated.

Folklore Motifs as Reproducing Cultural Elements. Mythological motifs are capable of replication. Being integrated into tales retold by people, motifs «reproduce themselves» in Dawkins' (1976: 203–215; 1996) sense. Definition of folklore motifs as replicators raises the same problem that emerges if we try to discover units of replication in archaeology (Lyman & O'Brien 1998: 619): how simple and indivisible should such units (in our case, motifs) be? For American anthropologists of the early 20th century, the motif was a «ready made unit which [the narrator] can insert in his composition when appropriate» (Wissler 1929: 252). Even a complex plot or a set of images could be considered as a

[3] I am grateful to prof. Lloyd Andersen for important corrections of English text. All the shortcomings are mine, however.

«motif» if such a unit is copied and repeated from text to text. S. Thompson defined the motif as «the smallest element in a tale having a power to persist in tradition» (cited in Dundes 1962: 97). This restriction («the smallest») was necessary to make of the motifs the appropriate units for the formalized description of texts. For our purposes, the description is not correct and the restriction is unnecessary. The preference for more or for less simple motifs as the units of the research depends on the scale of the research itself. The longer the chain of episodes encompassed by the same motif, the more significant it will be for reconstruction of historical links, but the narrower will be the localization of these links in space and time. With only one text in hand, we are unable to select any motif in our sense. The greater and more diverse the collection of texts, the greater the number of motifs which can be selected. The list of motifs is open and subject to change as long as new texts attract the attention of the researcher.

For simple motifs, it is not easy to determine whether similar ones have emerged independently of each other. It is impossible to observe the birth of a new motif, and any claim about typological vs. genetic reasons for the existence of identical motifs in different traditions would be speculative. We should study not the origins of individual motifs but the degree of similarity/dissimilarity between entire traditions. If mythology A contains 20% of its motifs in common with mythology B and only 2% in common with C, a hypothesis that A is closer to B than to C is at least based on facts subject to verification. If the parallels discovered in myths correlate with external factors social, economic, or environmental), then typological explanations should be considered. If there are no such correlations, then a common origin of A and B or diffusion and borrowing seem plausible. Differences between areal mythological complexes become visible thanks to comparison of statistical measures which signal a mutual correlation between some motifs and its lack between others. Motifs with areas of distribution which are the largest but sharply bounded influence the picture more than others. Here the statistical patterns discovered are illustrated with maps of the areal distribution of several characteristic motifs.

A hundred years ago F. Boas demonstrated that tales are relatively ephemeral and composed of elements which are subject to easy dissemination and are not culturally specific. The origins of particular patterns in their areal distribution and of particular sequences in which these elements are combined into tales are not known to us. When motifs show any correlation with territorial distribution of other cultural traits at all, it is more with big culture areas than with language families (Boas 1891: 20; 1896: 9; 1916: 878; 1928: 149–150; 1940: 290–294, 312–315, 331–343, 437–490). Being eager to attain a reasonable degree of certainty about non–multiple origin of every motif under his study, Boas rejected as doubtful any cases when a distribution of motifs was not continuous (Boas 1940: 461). This restriction does not seem sufficient to his purpose. After all, even in case of continuous distribution the possibility of multiple origin is not excluded completely. Complete certainty is not attainable in this way.

Boas's restriction is also not necessary. Boas first used (1895) and then rejected statistics as an appropriate instrument to analyse mythology (1940: 309). Certainly his application of statistical methods to mythology of the restricted area of the Northwest Coast was not very successful. The reason is obvious. Cultures in contact constantly exchange their elements and the resulting pattern of distribution is chance and chaotic. Statistics is more useful when we compare mythologies of distant areas whose inhabitants have been isolated from each other for a long period of time.

On the other hand, there are examples where the patterning of mythological complexes clearly reflect recent migrations which are independently known on linguistic or other grounds. Northeastern Asia offers some clear examples. For the North American trickster tales, parallels in Eurasia are found in Western Siberia and across Chukotka – Kamchatka, but are not found in Eastern Siberia, which was recently occupied by Tungus and Turkish–speaking Yakut who arrived from the south. To take history backwards, we must mentally undo that migration.

Many of the motifs that we have examined seem to be neutral with respect to any forms of economic activity, social organization or environment. Therefore it is not likely that they emerged recently as a result of such factors. Others may very well be favored by environment, warm or cold, wet or dry, and we attempt to discover any such correlations for what they are worth.

Technical Details. The following procedure is used to create and modify the database. The abstract of each text is copied into the Analytical Catalogue as many times as necessary, once for each motif which the text contains. The table of occurrences is constructed with rows for motifs and columns for areas. 1025 motifs have been selected so far and their distribution is examined across 169 areas. In the table, «1» stands for the presence of the particular motif and «0» for its absence.

Some motifs are elementary and the same as in Thompson's (1955–1958) catalogue (e.g. sun is a woman, thunderbird). Many others correspond to Thompson's (2000) tale–types. There is, however, a difference. Thompson's Tale types do not have fixed structure the same for all relevant texts. Some texts cited by Thompson in connection with certain tales have very few traits in common with the paradigm example text. To exclude arbitrariness and be sure that we are always dealing with one and the same set of elementary motifs, the content of every text should correspond precisely to the accepted definition of the given motif.

Areas selected for the analysis, as well as the territorial and linguistic groups included in each area, are enumerated in Appendix.

The Principal–Components Analysis is computed using A. Yastrebov's program. It reveals major patterns in the distribution of motifs across areas. Separate patterns correspond to each of the principal components (PC). The program assesses pairwise the degree of similarity or dissimilarity between sets of motifs recorded in each area and assigns a value for the contribution of each motif to the overall pattern.

The first PC corresponds to the strongest pattern, the following ones to successively less important patterns. The greater the number of elements (motifs, in our case), the more axes (PC) will be meaningful and the smaller the percent of information (general dispersion) which is accounted for by each PC. The combination of all principal components which have been analysed here together account for slightly more than one fifth of the total information. The remainder corresponds to distributions of motifs on a local and subregional level. The closer two such assigned values stand to each other, one value for each mythological complex, the greater number of motifs the two mythological complexes have in common. Every PC axis is independent from others and has two extremes which correspond to the most different complexes of motifs.

Areal Distribution of Motifs: First Principal Component. The major distinction represented in the first PC is the difference between North American mythologies on the one side, and Central and South American mythologies on the other. The first group is assigned the highest negative values, the second, the highest positive values (it would make no difference if «+» and «–» were interchanged). These two complexes are provisionally named North American (fig. 6) and Amazonian (fig. 7). The mathematical difference between the assigned values does not correlate with the geographical distance between the respective areas. The greatest number of North American motifs to the South of Rio Grande are contained in the mythologies of the South Cone, i.e. the Fuegian, Patagonian and Araucanian, some South Brazilian and Chacoan. Geographically, they are the ones farthest from North America. Some of the motifs characteristic of these two geographic extremes are very specific and their independent emergence in different hemispheres is not plausible. The motif *Time periods discussed* is representative (fig. 16). Animals come together to decide how many units of time it should be in a certain period of time (year, winter, night, menstrual cycle, etc.). Toes, nails, feathers, hairs, or colored stripes are counted to establish the number of units. Siberian parallel is in Altai folklore, where units of time are not equated, however, with parts of the body. In most of American tales animals discuss the duration of winter or night. Though the interest to the theme of darkness/light, cold/warmth alternation can be ecologically motivated, the particular way of its treatment is unique for the New World which makes North American – Patagonian parallels meaningful.

Among other predominantly North American (or Siberian –North American) motifs not known or rare in Eastern South America are *Blood paints the sky* (fig. 19), *Earth-diver* (fig. 17), *Obstacle flight* (fig. 18), *Bungling host* (fig. 20), *Cosmic hunt* (fig. 21), *Rolling stone* (fig. 26), *Swan lake* (fig. 34). Siberia has much in common with North America and shares with it such specific motifs as *Leg as a bridge* (fig. 22) and *Water–carrier in the Moon* (fig. 23).

The typical North American trickster is absent in mythologies of Mesoamerica and most of South America but is characteristic of the southern Central Andes, Patagonia and especially of Chaco. Parallels in Eurasia are found in Western Siberia and across Chukotka – Kamchatka but not in Eastern Siberia which was recently occupied by Tungus and Turkish–speaking Yakut who arrived from the south.

Some North American episodes where trickster participates are known in Amazonia and Guiana. However, they are connected there with typologically different personages and often treated as a heroic or tragic tale, not in a burlesque manner. The trickster is often associated with a particular animal species. The Chacoan, Central Andian and Patagonian trickster is predominantly Fox, i.e. associated with a species which is most similar to North American Coyote (coyotes do not live in South America). In North America, the area of Coyote as mythological trickster is the western United States, especially southern California, the Great Basin and the Southwest. We can consider whether Fox/Coyote as a trickster was brought to southern South America from western North America by the same people who produced fish-tailed fluted projectile points. At least the areal correlation of both features suggests such a hypothesis.

The Amazonian set of motifs is most developed in Llanos, Northwest Amazonia and some parts of Guiana. On the other side of the Pacific, such motifs are widespread in Australia and especially in Melanesia (fig. 4). Known since the late 19th century, parallels which involve mythology and ritual include a set of ideas about the human body and relations between men and women (Gregor & Tuzin 2001). In particular, 1) masks, bull–roarers and flutes used in male rituals are considered to be incarnations of spirits dangerous for women; 2) sacred objects are said to be obtained from under the water or from ashes of a killed demon; 3) stories about Amazons, matriarchy, separation and enmity of the sexes are typical; 4) in myths male and female genitals act as separate creatures or are endowed with supernatural properties.

Parallels between the two regions include also motifs such as Change of skin as condition of immortality (fig. 22), Spots on the Moon as a trace of a wound, stroke, or paint, i.e. not figurative (fig. 23),

Rainbow serpent (fig. 24), *Arrow ladder* (fig. 26), fruits falling into the water during the flood (fig. 31), etc.

In the Far East, as we move from the Chukchi Peninsula to Kamchatka and further to Japan, the percent of motifs shared with the North American pole decreases and the percent shared with the Amazonian pole increases. As part of this pattern, the mythologies of 1) Chukchi 2) Koryak, 3) Kamchadal, 4) Ainu, 5) Japanese and Ryukyuan form a gradient (fig. 4). We reach an opposite pole in New Guinea.

As we move from Southwestern Alaska to Greenland through a sequence of Eskimo mythological clusters, the relative weight of the North American component decreases significantly. For Eastern Inuit mythologies the proportions of these two components are balanced as in Patagonian mythology. Chips turn to fish (fig. 29) serves as an example of a motif common to Eskimo and Amazonia.

The shift in the Eskimo patterns away from the North American pole is remarkable in comparison not only with the rich mythologies of Ojibwa and Cree but also with the less well known Naskapi–Montagnais, Chipewyan and even Beaver, on which there are relatively poor collections of tales. The mythologies of Alaska Eskimos contain more North American motifs than the Inuit of Greenland, probably because they have been subject to longer and more intensive interaction with Indian mythologies.

Third Principal Components. The second PC selects areal clusters which have greater or smaller number of the analysed motifs, and it does not directly concerns us now. The third PC represents a contrast between mythologies of the Northwest Coast and Alaska and mythologies of most of inner North America. The first set of motifs is named Alaskan (fig. 8), the second, Midwestern fig. 9). The region of southern NW Coast, Plateau and California is intermediate between these two extremes. The patterns of areal distribution of motifs reflected in the third PC probably result from several separate migration episodes. On the NW Coast, the last and the most securely reconstructed one was the spread of the microblade-microcore industry related to the Denali. This archaeological tradition may be linked to the appearance of Na-Dene languages (Athabascan-Eyak and Tlingit). Whether Haida is genetically related to that family or whether similarities result from long contact and borrowing, Tlingit and Haida mythologies occupy one extreme position on the third PC, while the American Southwest represents the other extreme position.

Just as the traces of the Early Holocene microblade industry are no longer visible south of Vancouver, the set of motifs typical for Tlingit and Haida is less evident among the Wakashan (Nootka, Kwakiut, Heiltsuk), still less among the Coastal Salishan groups and only weakly perceptible in Sahaptin on the southern Plateau. Some non–adaptive ethnographic traits (types of baskets and fishing hooks) distinguish Tlingit and Haida from the more southern people of the NW Coast. Archaeological sites with preserved organics prove the long-term stability of these traits (Croes 1997). For the NW Coast, information from archaeology, ethnography, comparative mythology, linguistics and population genetics correlate in an almost ideal way. This makes the «Na-Dene migration episode» one of the most reliable reconstructions for the peopling of the New World.

One pole of the third PC represents motifs common to northwestern North America and eastern South America. Though this tendency is not strong, it is supported by the spread of some motifs unique for these regions, such as *Bait and hook* (fig. 25) or *Ducks and canoes* (fig. 34). Other examples are *Arrow ladder* (fig. 26) and some variants of the cluster of motifs named *The bird nester* (fig. 27). While these two areas are strongly water–based economies, and the first two motifs might therefore have arisen independently, such an explanation would be more difficult for the last two. If these parallels reflect a common origin in earlier cultures, it is impossible to explain Alaskan parallels in eastern South America by the spread of the microblade industry. Nor is there any other attractive hypothesis.

The Midwestern set of motifs is best represented in the American Southwest, in central areas of North America, with some reflections also in Mesoamerica. In South America it can be traced down along the Andes. Typical motifs include *Rabbit in the Moon*, *Colored worlds* (fig. 28), and *Horned serpent* (fig. 29). It is plausible that the initial spread of the Midwestern complex was connected with movements of people via Central Alaska and Canada, perhaps down the foothills of the mountain ridges. Later contacts between the US Southwest, Mesoamerica and the Central Andes might also have played a role.

Fourth, Fifth, and Sixth Principal Components. Taking into consideration only American data (without Eurasia), the fourth PC represents a contrast between Pacific–Rim and Eastern sets of motifs (figs. 10–11). The first unites mythologies of the NW Coast (Coastal Salish at the extreme) and Mesoamerica. In South America, this complex can be traced down to Northwest Amazonia (Columbia and Ecuador) and Central Peru. Several motifs which treat themes of the election of a person capable to become the Sun and of the first sunrise followed by the death or metamorphosis of the primeval ancestors are the most important (fig. 30). The Eastern complex is best represented by the Northern Plains and the Great Lakes areas. In South America it finds parallels in Central and Eastern Brazil, *Sharp leg* (fig. 30) being the typical motif. Was the Pacific Rim set of motifs brought by populations moving along the Pacific (Salish – Mesoamerica – the Andes), while Eastern set was brought across the Macken-

zie corridor? Displaced from Nuclear America by later migrants, the Eastern set could survive in more far away areas of Brazil and Guiana.

Incorporating Eurasian data into the system, we get similar though not identical sets of motifs revealed by the fifth PC (figs. 12–13). Here again the mythologies of western and eastern parts of North America are the most different. The mythologies of Sahaptin and other groups of certain or possible Penutian linguistic affiliation as well as the mythologies of Inner Salish, of Numic people of the Great Basin and of Southwestern Indians are grouped as a Plateau set of motifs. Both Inner Salish and Numic spread across their present areas relatively late (Kelly 1997; Pokotylo & Mitchell 1998: 83–85; Wright 1978). It is possible that before that most of the inner areas had been occupied by Penutians and that this family is specifically connected with a Plateau mythological complex. The time of the split of proto-Penutian is impossible to assess because there is no agreement even about the composition of this family. California Penutians migrated into this area from Nevada in three separate waves from about 4500 b.p. (Campbell 1997: 130; De Lancey & Golla 1997; Fagan 1995: 243–246; Lathrap & Troike 1988: 97–100). Accordingly, the original split between different more northern Penutian groups dates probably to the earlier time. If we seek a possible correlation with archaeological data, we can note that the Plateau motifs occupy territory where Windust and Lind Coulee stone points were widespread in the Early Holocene.

The core area of the Canadian mythological complex coincides with the territories occupied by the Algonkians, but this correlation is hardly significant. Though speakers of the western Algonkian languages entered the Plains from the east and northeast (Goddard 2001: 77–78), the original homeland of this family could be far to the west because Yurok and Wiyot, two languages distantly related to proto-Algonkian, are localized in northern California; around 1000 b.p. they were present somewhere in the Columbia basin (Cambell 1997: 153–154). The split of proto–Algonkian is relatively recent, about 4000 b.p.

The same motifs which define the North American mythological complex are also most significant for the Plateau and Canadian complexes, i.e. the latter are just local variants of the former. *Destiny of people discussed* and *Bear and deer* can be considered as typical particularly for the Plateau complex (fig. 31) and *Babies escape and return* (fig. 33), *Snake threatens nestlings* (fig. 19), *Mosquito and Thunder* (fig. 35), for the Canadian complex. For the Plateau complex, significant parallels are found in Chaco in South America as well as along the northern and eastern margins of Eurasia. Detailed and specific analogs for the Canadian set of motifs are present in Turkic and Mongolian folklore. Most such ranscontinental parallels have never been studied. They deserve special attention and are here only mentioned.

A set of Central and Eastern Asian parallels exist for the fourth PC in Mesoamerica (fig. 14). Some of them are so specific that possibility of late post–Columbian borrowing should be considered.

The sixth PC opposes Eurasia to America, but with the qualification that the Paleoasiatic mythologies (Chukchi and Kamchatkan) are clustered together with the New World (fig. 15). This means that the core of the Siberian complex has been formed recently and the motifs typical of it did not extensively influence the Northeastern corner of Asia. The Siberian complex thus does not include the Paleoasiatic cultures of the most eastern edges of Russia. Siberian mythologies share many motifs with South Asia and the Middle East(Кызласов 2001; Toporov 1989). The existence of North American parallels for some Siberian motifs allows us to date them to an early epoch, though not as early as the very first penetrations into the New World. These motifs are not recorded in South America, nor are they recorded in California or New England. *Escape from the Polyphemo's cave*, *Snake threatens nestlings* and, for the North Siberian region, *Monster under the ice* (fig. 32) are in this series.

Conclusions. If the earliest migration was along the South Alaskan coast, it might have consisted of separate episodes with groups of different linguistic affiliation engaged. Wakashan, Chimakum and Salishan people may be the linguistic descendants of the early migrants. The data of the third and the fourth PC on the Northwest Coast mythologies reveal here two centers of concentration of motifs (fig. 36). One is connected with the Tlingit and the Haida and probably with the movement of the microblades-microcores tradition. Another is connected with Salishan languages and possibly with the earlier leaf-shaped biface tradition. Wakashan mythology is intermediate between these two, and the Chimakum occupy areas too small to be considered separately.

Motifs shared between Salish and Mesoamerican sets may be a trace of further migration along the Pacific Belt. Different groups of these early migrants reached South America, some moving along the Andes (the Western set of motifs, fourth PC), others across the Lowlands in the eastern parts of the continent (the Amazonian complex of the first PC and the Alaskan complex of the third PC). At the time of the Pleistocene/Holocene transition, the precipitation in the Neotropics was much reduced in comparison with later epochs (Muslin, Burns 2000; Mayle a.o. 2000: 2294). Accordingly, open grasslands would have occupied territories later covered with rain forest, and the conditions for rapid spread of hunter-gatherers were favorable. It is still difficult to interpret the concentration of Amazonian motifs in the northwestern part of the South American Lowlands. The earliest known sites here are attributed to a somewhat later time than in other areas of South America (9400–9000 b.p.; Gnecco, Mora 1997), but these data are surely not final.

In Alaska and the Northwest Coast, those motifs which have South American parallels might be the earliest. The «Raven cycle», probably connected with the creators of the microcores–microblades industry, spread somewhat later. At Charly Lake site in British Columbia two burials of ravens were found (Driver 1999). One of the them dates to the time of microblades industry (9500 b.p.), while another is of somewhat earlier age (10,290±100 b.p.). A special attitude to biological species shown in rituals does not mean that the same species was necessarily a protagonist in narratives, but it is still an argument in favor of such an assumption.

All conclusions drawn in this paper concerning the peopling of South America by early migrants who moved along the Alaskan coast are based on the results of the data on distribution of mythological motifs. They are not supported by archaeological evidence, and considering the enormous gaps in data for several crucial areas, such evidence is not expected to appear soon. In any case, the movement of people across Central Alaska and the Rocky Mountains piedmont was probably the principal one and it brought to America most of the «North American» motifs. There is a good correlation between their predominant areal distribution in South America and the spread across South Cone of the fish–tail, Clovis-derived projectile points.

The precise set of motifs brought to New World by the Clovis people is difficult to select because once established, contacts across Beringia and then across the Bering Strait probably never ceased. Two types of distributional patterns with all possible intermediate variants in between can be distinguished within the North American complex. Some motifs are absent in the Northeast Asia or are known exclusively in the New World where they are recorded not only in North America but also in South America. The South American areas include Chaco and Patagonia (*Light and darkness discussed, The rolling stone, Son revenges on his father's death, Blood paints the sky, Fox/Coyote as trickster*), but sometimes also Brazil (*Star–spouse*; *Mortal people are like stone that sinks, not like a stick that floats; Girls come to marry the chief but get to the impostor*). Other North American motifs – of almost certainly later origin – demonstrate extensive Siberian parallels but are either completely unknown in South America (*The leg-bridge, Person with water pails in the moon*), or are recorded there rarely and mostly in areas not far from the Isthmus of Panama (*Earth-diver, Swan lake, False parent, Eye-juggler*).

The Altai or Mongolian mythological parallels for areas to the east of the Rockies allow us to suggest that the Dyuktai industry (i.e. the probable source of the Denali tradition) was not the only tradition whose movement to the New World had begun in inner Eurasia. Could Nenana have had similar origins?

If we select those areas for which the statistical program assigns the highest absolute values on the analysed principal components, it appears that most such areas are in North America and only one is in South America (fig. 36). All sets of motifs selected by the third, fourth, and fifth PC are local manifestations of the principal North American complex. The opposition between North American and Amazonian complexes is the basic one.

Appendix. Correlations with Archaeological Cultures. There are two principal Paleolithic cultural traditions in central Alaska (West 1996) (Fig.1). (All references for this section are in an appendix. Radiocarbon dates are «before present» and are not calibrated.)

The Denali tradition is dated to about 10,500 – 9,500 b.p. It looks like an Eastern Beringian extension of the Siberian Dyuktai tradition. Microcores and microblades (fig.2.1, 2) are typical. In the early Holocene, around 8500–8000 b.p. this tradition replaces the leaf-shaped bifaces of the southern Alaskan coast (see below) but does not penetrate to the south beyond Vancouver.

The Nenana tradition sites are usually older than the Denali, about 11,700 – 10,500 b.p. Drop-shaped Chindadn points are typical (fig. 2.3, 4). No microblades are found.

The Clovis tradition is dated to 11,200 – 10,900 b.p. It is the earliest generally accepted (Beck, Jones 1997: 187–188; Meltzer 1995: 24) archaeological culture of North America to the south of the ice sheet. Bifacially flaked, elongated stone points with characteristic fluting at the base are typical (fig. 2.6). Real fluting is unknown in the Old World, so all other types of fluted points in the Americas may ultimately be derived from Clovis. There is no fluting in Nenana but it is similar to Clovis in other ways, so it is plausible that Clovis originated from Nenana. Clovis ancestors may have entered the inner areas of North America along the Mackenzie corridor between Cordilleran and Laurentine ice sheets.

People may also have entered the New World along the South Alaskan Coast (Ames, Maschner 1999: 63–64; Fedje, Christensen 1999). The first known sites in southern Alaska and western British Columbia are dated to about 10,000–9000 b.p. Leaf–shaped bifaces (fig. 2.9) and cobble tools are typical for the earliest complexes. In the southern area of the Northwest Coast this tradition survives up to 5000 b.p. About 8500–8000 b.p. the microcore-microblade tradition derived from Denali replaces the leaf-shaped bifaces but does not penetrate to the south beyond Vancouver (Ackerman 1996; Carlson 1998; Davis 1996; Moss 1998).

Across the Plateau and Great Basin regions, Windust (fig. 2.10), Lind Coulee (fig. 2.11), and other stemmed points appear in the Early Holocene and possibly in the Final Pleistocene (Ames & Maschner 1999: 82; Beck, Jones 1997: 199–202; Carlson 1998: 30–31; Fagan 1995: 239–240).

In South America the earliest stone industries are dated to about 11,000±500 b.p. The dates for most

Brazilian sites are not reliable enough to ensure precise synchronization with North American data. The materials from many parts of South America are very diverse and cannot be reduced to one or two ancestral complexes (Borrero & McEwan 1997; Correal 1981: 42; Correal, Hammen 1977: 32; Flegenheimer 1987; Fogaça 1995; Hurt 1977; Kipnis 1998; Ortiz–Troncoso 1981: 191; Rodríguez 1992; Roosevelt a.o. 1996; Sales Barbosa 1992; Sandweiss a.o. 1989; 1998; 1999; Schmitz 1987: 57–71). However, it has been suggested that the fish–tail and usually fluted Fell points (fig. 2.5, 12–15), which are widespread across the South Cone (Pampa, Patagonia, Tierra del Fuego, Southwestern Brazil), are almost definitely connected to Clovis (Morrow & Morrow 1999). The dates for their first appearance concentrate between 11,000 and 10,000 b.p. A few sites with similar points are also found in the northern areas of the Pacific Belt from Southern Mexico to the Darien area of Colombia. They are even more rare in Ecuador and Peru and are absent in Eastern South America.

In Highland, Caribean and Pacific Columbia, northern Venezuela, Guiana and northern Amazonia, there are found big (up to 20 cm long) rather crudely chipped points with a short stem (Ardila Calderón, Politis 1989, lam.2; Evans, Meggers 1960: 21, pl.8; López Castaño 1989, lam. 5; Olsen Bruhns a.o. 1976; Reichel–Dolmatoff 1986, figs. 3–10; Roosevelt 1996: 383, endnote 27; Rouse, Cruxent 1963: 29). They are nowhere discovered in a reliable stratigraphic context. Some of these points are fluted (fig. 2.17) and probably somehow related to Clovis. Being quite different from the Fell type, they are probably connected with some other movement of people.

No cultural materials in America can be securely dated to a time earlier than 12,000–12,500 b.p. The hypothesis that people entered the New World several millennia before Clovis is certainly a possible one. All available facts in support of it are, however, under doubt in one or another way and cannot yet provide a basis for further hypotheses.

LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. Some Late Pleistocene cultures and sites in New World.

1. Ice sheets 18,000 b.p.
2. Ice sheets 12,000 b.p.
3. Continental shelf submerged in the Holocene.
4. Areas of distribution of fish–tail projectile points.

Fig. 2. Stone tools typical for early industries of the New World.

1, 2. Denali complex, Alaska, microcores from the upper level of Dry Creek site. Core 2 is shown together with microblades. After Hoffecker a.o. 1996, fig. 7.9b, d.

3, 4. Nenana complex, Alaska: Chindadn points from Heely Lake site. After Cook 1996, fig.6.11a, c.

5. A big specimen of Fell point with fluting on both sides. Cerro El Sombrero, Buenos Aires province. Similar materials from Cerro La China site in the same areas have a date 10,700 b.p. After Flegenheimer, Zárate 1989, fig. 1b.

6. Typical Clovis point from Lehrer site, Arizona. After Haury a.o. 1959, fig. 13 i.

7, 8. Quarzite points from rock shelter 2 of Cerca Grande group, Lagoa Santa area, Minas Gerais state. For similar materials in the nearby rock shelter 6 dates 9028±120, 9720±1238 b.p. have been received. After Hurt, Blasi 1969, pl. 22 b, c.

9, 14. Windust (9) and Lind Coulee (10) points typical for Paleoindian sites in Great Basin. After Beck, Jones 1997, fig. 3c, g.

10. Leaf–shaped biface, Richardson Island site, Haida Gwaii (Queen Charlotte) Islands, dated to 9300–8900 b.p. After Fedje, Christensen 1999, fig. 5 a.

11. Fell (fish–tail) type point from El Inga site in Highland Ecuador. After Bell 1965, fig. 10 b.

12, 13. Fell(fish-tail) type points from lower level of Fell cave, Patagonia. After Willey 1971, fig. 2.14.

15. Fell point from Itapiranga, Santa Catarina state, Southwestern Brazil. After Schobinger 1973, fig. 2.

16. Utilized flakes typical for coastal sites in Southern Peru. Ring Site shell mound. After Sandweiss a.o. 1989, fig. 16 a, b, d. Early Holocene layers of the site are dated consistently with stratigraphy from 10,575±105 to 7575±60 b.p. For Late Pleistocene levels of Quebrada Jaguay site in the same area dates from 11,100 до 9,850 b.p. are received (Sandwess a.o. 1998).

17. Bifacially chipped fluted stemmed point from Quebrada Niquía near Medellín. After Reichel–Dolmatoff 1986, fig. 7. More or less similar forms are believed to be produced in Late Pleistocene and/or Early Holocene times in the Northern Andes, Venezuela, probably in Northern Amazonia. They are nowhere securely dated.

18, 19. Big bifacial stemmed points from Lower Tapajos, Eastern Amazonia. Surface material. After Roosevelt a.o. 1996, fig. 1. A.C. Roosevelt claims fragments of similar points dated to 11,000 b.p. found in Caverna da Pedra Pintada rock shelter.

20–22. Big unifacial tools on blades typical for Itaparica tradition (20, 22 – from lower level of Lapa de Boquete rock shelter, northern part of Minas Gerais). 20 – after Fogaça 1995, fig.1A; 21 – after Dillehay a.o. 1992, fig. 6 a; 22 – after Prous 1991, fig. 8c. Late Pleistoce or Early Holocene.

Fig. 3. Rock paintings of the Nordeste style from the Northeast Brazil, probably of Early Holocene age. 1. After Prous 1996, fig.6 f; 2. after Guidon 1983, pl. 1. These scenes, particularly (2), reminds

the mythical episode widespread in Eastern Brazil, Guiana and Chaco (see fig. 32).

Fig. 4. The position of Eurasian and Eskimo mythologies in respect to Australian, Papuan and some Amerindian. 1st Principal Component.

Fig. 5. The position of mythologies of the North American Northwest. 3rd Principal Component. Salishan groups are shown with dots, Athabascan with hachure, Wakashan with dot and hachure, other families with solid line.

Fig. 6. Areal distribution of motifs: 1st Principal Component. North American complex.

Fig. 7. Areal distribution of motifs: 1st Principal Component. Amazonian complex.

Fig. 8. Areal distribution of motifs: 3st Principal Component. Alascan complex.

Fig. 9. Areal distribution of motifs: 3st Principal Component. Midwestern complex.

Fig. 10. Areal distribution of motifs (New World mythologies only): 4th Principal Component. Western complex.

Fig. 11. Areal distribution of motifs (New World mythologies only): 4th Principal Component. Eastern complex.

Fig. 12. Areal distribution of motifs: 5th Principal Component. Plateau complex.

Fig. 13. Areal distribution of motifs: 5th Principal Component. Canadian complex.

Fig. 14. Areal distribution of motifs: 4th Principal Component. Mesoamerican complex

Fig. 15. Areal distribution of motifs: 6th Principal Component. Siberian complex.

Fig. 16. *Time periods discussed.* Animal persons come together to decide how many units of time it should be in a certain period of time (year, winter, night, menstrual cycle, etc.) or should the warm and light part be at all. 1) The number of units of times is discussed. Toes, nails, feathers, hairs, or colored stripes are counted to establish the number of units. 2) As in (1) but periods of time are not compared with body parts. 3) As in (2) but the duration of a year, not separate seasons, is discussed. 4) Periods of time are compared with color stripes but their number is not discussed. 5) Animal persons discuss if light and warm periods should exist at all, no discrete units are mentioned. 6) The duration of vegetational period is discussed.

Fig. 17. *Earth–diver.* Small piece of solid subsistence is brought from the ocean bottom and turns into the dry earth. The earth is brought by 1) turtle, frog, or toad; 2) muskrat or beaver; 3) water fowl, crayfish, or other creature. 5–6) Marginal versions. 5) The flood is over after some creature has dived and reached the bottom (no earth brought to surface). 6) Creatures dive to get other objects, not earth.

Fig. 18. *Obstacle flight.* Person escapes from a dangerous being, throws objects behind. They turn into mighty obstacles on the way of the pursuer. 1) Comb is among the objects. 2) No comb mentioned.

Fig. 19. 1–2) *Blood paints the sky.* When some person or animal is killed, blood paints the sky or vegetation. 1) Origin of red sunrise, sunset, or aurora borealis. 2) Origin of the golden fall. 3) *Snake threatens nestlings.* Water monster attacks the nestlings of a powerful bird. The bird is helpless against the monster but the man kills it. Thankful bird helps him.

Fig. 20. *Bungling host.* Person is impressed with other people's peculiar or supernatural ways to produce food (e.g. King-fisher dives into ice-hole, brings fish). Tries to repeat the same tricks, gets into miserable situation. 1) Person goes visiting, then asks his host to pay back a visit, behaves in a stupid way (North American and Far Eastern versions). 2) Person tries to repeat the trick when he returns to his place (no invitation to pay back a visit; Chacoan versions). 3) Person imitates his in-laws (Amazonian and Guianan versions).

Fig. 21. *Cosmic hunt.* Hunters and/or their dogs pursue game (and continue the hunt) on the sky. Now are seen as constellations. The objects of hunt are 1) elk (most of Siberian versions), moose, deer, antelope, mountain sheep; 2) bear (most of North American versions), 3) tapir (Amazonian versions), 4) rhea (Chacoan and Patagonian versions). The motif is practically absent in Australia despite the importance of hunting in aboriginal societies. There is known one text where monstrous emu killed by the heroes is seen as a dark spot among stars (Waterman 1987, ą 3860: 99).

Fig. 22. 1) *Leg–bridge.* Person stretches his or her leg or neck as a bridge across a body of water, others step on it and get to the opposite side. 2) *Shed skin as condition of immortality.* Those who shed their skins are immortal or live long.

Fig. 23. *Man in the Moon.* 1–3) Human figure with object in hands is seen in the Moon. 1) It is a person who has gone to take water, has pails in hands. 2) Man in the Moon holds skin bag filled with blood. 3) Man in the Moon holds any other object. 4) Spots on the lunar disc are not interpreted as particular image, they are trace of a blow, scald, remains of dirt, paint, etc.

Fig. 24. The Rainbow. 1) *Rainbow serpent* (motif is typical for South and Central America, Australia, Melanesia). 2) *Rainbow bridge* (no significant areal correlation). 3) *Rainbow bow* (Eurasian motif occasionally found in America down to Northern Columbia).

Fig. 25. *Bait and hook.* 1) Person turns into fish, big snake, animal. Arrows, darts, a harpoon stick in his body without injuring him, he carries them away; he bites off and carries away fishing hook. 2) As in (1) but the very first attempt to steal fishing device fails. 3) Other variants: person ties another person to his fishing line as a bait or makes him to catch fish with his hands; trickster tries to take fish or bait off from the hook but is caught.

Fig. 26. 1) *Arrow chain.* Each arrow or dart sticks into the back of the previous one producing a chain or bridge. 2) *Rolling stone.* Rock (Maya Itza: pumpkin) rolls after person trying to crash him. In most cases trickster provokes the rock to pursue him. In

Mesoamerican and in some North American and Patagonia versions rock is a demonic being. 3) *Animal with many legs*. Horse, elk, moose, or bear with six, eigth or more legs is described.

Fig. 27. *Bird nester*. 1) To get eggs, nestlings, feathers, fruits, honey, etc. one of two rivals or in–laws (i.e. men connected to each other thanks to their relation to the same woman) climbs up a tree or rock, down a cave or a cliff. Another prevents him from coming back. After a long time the first man gets out of the trap. 2) As in (1), but one man abandons the other on an island or on the opposite side of a body of water. 3) Old woman asks her daughter to climb a tree to get owl feathers. The young woman turns into owl, her mother takes her appearance, comes to her husband.

Fig. 28. 1–2) *Colored worlds*. 1) Four cardinal directions and/or some objects associated with them have different colors. 2) Different layers of earth or different sky levels have particular colors. 3–5) False spouse of wood. 3) Woman's husband is a piece of wood, a bough. 4) Man's wife is a piece of wood with a hole. 5) *Pygmalion*. Man makes wooden image, makes believe it is his alive wife.

Fig. 29. 1) *Horned serpent*. Snake- or fish-like monster has antlers or horns on its head. 2) *Chips turn to fish*. Falling into water, chips, branches, pieces of bark turn tinto fish or water animals. It is one of the motifs common to both Eastern South America and the Eskimo. Known also to Maya Tzotzil.

Fig. 30. 1) *First sunrise*. After the first sunrise the primeval ancestors die or are transformed. 2) *Sharp leg*. Person's leg is injured intentionally or by chance. He uses the sharpened shinbone to stab people or animals.

Fig. 31. 1–2) *Destiny of man discussed*. 1) Two persons discuss people's fate. One insists that people should die. His child (in South America, mother) dies. He comes to his adversary ready to accept another suggestion. The latter refuses to change the decision. 2) Other versions of destiny of man being discussed: person has a series of suggestions to free people from work and from death; his companion or messenger successively rejects the suggestions. 3–4) *Revenge of the fawns*. 1) Two women live together, both have children. One is associated with predator (usually a bear), another with herbivorous animal (often a deer) or with a weaker predator. They go out to make their usual work, the predator kills and eats her companion. Victim's children kill murderer's children and/or escape. 4) As in (3), but the victim and/or the murderer are males. Predator (wolf, bear, jaguar) kills deer, doe or antelope. Victim's children escape and/or revenge on the murderer. 5) *Falling fruits*. Person survives the flood on top of a tree. Throws down objects (usually fruits) to know is it still water or dry ground under the tree. Earth becomes dry again.

Fig. 32. 1) *Horned monster under the ice*. People walk across frozen body of water, see a horn protruding from ice. Try to cut it off. Monster which horn it was breaks the ice, many people drown. 2) *Escape from the Polyphemo's cave*. Person gets into dwelling of master of animals or monstrous shepherd. The host plans to kill him. He escapes sticking to the belly of one of the animals which are going out. In Eurasia, the host is the cyclope, in North America he is the owner of the buffaloes. 3–6). *The first woman*. Primeval male ancestors share the only female. 3) They discover her in a tree, copulate with her there. 4) Her body is cut to pieces, every piece turns into a woman. 5) Motifs (3) and (4) combined. 6) Other versions (men share one wife).

Fig. 33. *Babies escape and return*. 1) *Lodge–boy and Thrown–away*. One of two small boys lives in a lodge with his father or mother. Another has been thrown away, grows up by himself, comes to play with his brother. Father or mother catches him and domesticates with much difficulty. 2) As in (1) but only one boy is protagonist. Woman is killed or mutilated. Her newborn, extracted from her womb or emerged from the afterbirth son is thrown into the water, tree hollow, bushes. Comes out from his abode to play. Tries to free himself being caught but after all agrees to live in a house. 3) Other versions. Baby heroes or their embryos disappear or are thrown away (often into the water). They are caught or come back to the people by their own will.

Fig. 34. 1–2) *Swan lake*. 1) Sky/bird women come to bathe, take their clothes off. Man steals the garment of one of them, marries her. 2) Man hides clothes of a woman, forcing her marry him (no *bathing*). 3) *Ducks and canoes*. People learn from birds how to make canoes or how to row. First canoe is made of bird bones. Ducks learn to swim from people. Canoe transforms into duck or vice versa. 4) *Paddles edgewise*. Using paddles, person first turns them edgewise.

Fig. 35. 1–3) *Mosquito and Thunder*. Dangerous person asks bloodsucking insect where it has taken his meal, whose blood it was, or whose blood tastes better. Insect lies or is unable to answer. 1) Person is Thunder, now lightning strikes trees, not people. 2) No etiology: Mosquitoes are ashamed to tell Thunder that they have sucked blood. 3) Other creature (not Thunder) remains ignorant concerning the properties of human blood and flesh. 4) *Chtonic canine*. Dog is the master, the guard of the Afterworld or guides souls on their way there.

Fig. 36. Core areas of the motif complexes revealed by the Principal Component (PC) Analysis. Numbers stand for particular complexes. 1 – North American (1st PC), 2 – Amazonian (1st PC), 3 – Alaskan (3rd PC; possibly connected with Na–Dene linguistic stock), 4 – Midwestern (3rd PC), 5 – Mesoamerican (4th PC), 6 – Plateau (5th PC; possibly connected with Penutian linguistic stock) , 7 – Canadian (5th PC), 8 – Siberian (6th PC). Solid line is for motif complexes probably connected with Mackenzie Corridor route, hachure line, with coastal route.

ЗАМЕТКИ О СПЕЦИФИКЕ РУКОПАШНОГО БОЯ У САРМАТОВ

В. А. КИСЕЛЬ[1]

...И встал Мадай с двумя мечами в руках... И метнулось пламя светильников от древнего боевого клича. Завертелось в руках Мадая блестящее колесо смерти. Не одна отчаянная голова, сунувшаяся остановить стальное это колесо, покатилась по дорогим коврам под ноги дерущимся.

В. Б. Ливанов
«Агния, дочь Агнии. Сказание о скифах»

В 1900 г. в Южном Зауралье близ дер. Сапогово (ныне с. Ново-Бурино Кунашакского р-на Челябинской обл.) были найдены 20 бронзовых фигурок людей (рис.1). Эта находка получила в научной литературе название «Сапоговского клада». Большинство фигурок изображают воинов, вооруженных длинными кавалерийскими мечами, короткими мечами или кинжалами и луками. Внешний вид ряда мечей и кинжалов, имеющих серповидное навершие и прямое перекрестие, указывает на то, что образцом послужило оружие развитой раннесарматской (прохоровской) культуры. Многие исследователи датируют подобные мечи III–I вв. до н. э. (Скрипкин 1990: 118–119, 138; Марченко 1996: 52–54; Абрамова 1999: 100, 103, 106). Другие считают IV столетие до н.э. периодом их формирования (Смирнов 1961: 27, 31; Смирнов 1984: 56; Смирнов 1989: 172; Мошкова 1963: 34; Шилов 1975: 116; Клепиков 2000: 118). В последние же годы высказано мнение о появлении этого типа клинкового оружия в Приуралье и Поволжье лишь во II в. до н. э. (Зуев 1998: 149; Зуев 1998а: 17–19; Зуев 2000: 96–98). По всей видимости, Сапоговский клад следует отнести к III – I вв. до н. э., а если говорить об узкой хронологии, то – приблизительно ко II в. до н. э.[2]

Среди фигурок особое внимание привлекают три изображения, представляющие воинов, вооруженных парными мечами/кинжалами, привязанными к бедрам (рис 1: 2–4). Несмотря на безусловно культовый характер Сапоговского клада, появление дублирующего предмета вооружения нельзя объяснить художественно-мифологической гиперболой абсолютной вооруженности. В этом случае мастер акцентировал бы внимание зрителей на самом оружии и представил бы клинки не в пассивном (походном) положении – в ножнах, а в состоянии потенциального действия – обнаженными в поднятых руках бойцов. Предположение о запасных мечах/кинжалах тоже маловероятно, так как их обычно располагали рядом с основным оружием, что позволяло после утраты одного клинка незамедлительно выхватить той же рукой второй.[3]

Очевидно, мастер, изготавливая фигуры, не отступил от реальности и запечатлел воинов, владевших приемами боя двумя мечами одновременно. Прикрепление же мечей/кинжалов ремешками к разным бедрам позволяло сапоговским «бойцам» мгновенно обнажить оба клинка.

Фигурки с парными мечами/кинжалами составляют меньшую часть сапоговского «войска». Согласно точке зрения В. Ю. Зуева, две из них

---

[1] Россия. 199034. Санкт-Петербург. Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. Отдел учета и хранения.

[2] Ко II в. до н. э. относит сапоговскую находку В. Ю. Зуев, посвятивший ей отдельное исследование (Зуев 1993). Выражаем благодарность В. Ю. Зуеву за ценную консультацию.

[3] Примеры такого расположения оружия хорошо известны. В Северо-Восточном Китае в Наньшаньгэни и Сяохэйшигоу были найдены сдвоенные ножны кинжалов IX – VIII вв. до н. э. (Горелик 1993: табл. VII: 96; Кан Ин Ук 2000: рис. 107: 9, 11, 112: Б 3, 4, 115: Б), а на Юго-Западе Китая в Муото, Хушани и районе Чэнду были обнаружены парные кинжалы ба-шу V – III вв. до н. э., помещавшиеся в одних ножнах (Комиссаров 1988: рис. 81: 3; Горелик 1993: табл. XIII: 35; Кан Ин Ук 2000: рис. 142: В, 157: 1, 4–8, 161: 3). Ими можно было сражаться двумя руками одновременно, но тогда бойцу следовало заранее подготовиться, обнажив клинки, а в момент внезапного нападения врага выхватывать только один. К тому же, по мнению некоторых археологов, кинжалы ба-шу использовались не только в рукопашной схватке, но и как метательное оружие (Комиссаров 1988: 96; Кан Ин Ук 2000: 332–334).

© В. А. Кисель, 2003

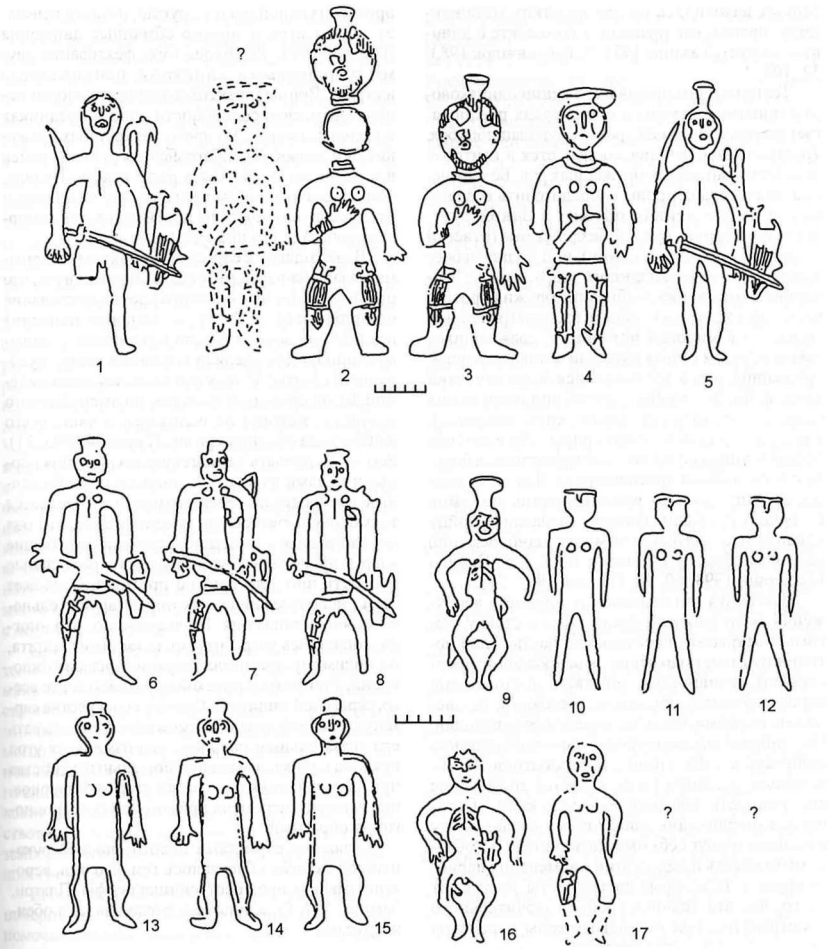


Рис. 1. Сапоговский клад. Бронза. III – I вв. до н. э. Южное Зауралье (по Зуев 1993: рис. 1, 2).

Fig. 1. The Sapogovo hoard. Bronze. 3rd – 1st cen. B.C. Southern Trans-Ural region (after Зуев 1993: fig. 1, 2).

олицетворяют «басилевсов», а одна – «верховного жреца», то есть представителей элиты кочевнического общества. В то время как остальные изображения символизируют другие «касты – профессиональных конных дружинников с женами и лично свободных общинников» (Зуев 1993: 99, 101).

Должно быть, Сапоговский клад указывает на существование в сарматской культуре очень ограниченного круга воинов, способных использовать парное клинковое оружие, то есть практиковавших парное фехтование.

Косвенным доказательством присутствия у сарматов таких бойцов служат свидетельства археологии. В курганных могильниках Бишунгарово и Старые Киишки на Южном Урале, а также Верхне-Погромном в Поволжье были раскопаны сарматские захоронения, где у погре-

бенных находилось по два коротких меча/кинжала (правда, как правило, в комплекте с длинным мечом) (Хазанов 1971: 9; Пшеничнюк 1983: 32, 108).[4]

Техника применения в сражении одинакового клинкового оружия в обеих руках предполагает довольно высокий уровень рукопашного боя. Трудность ее освоения заключается в контроле за действиями двух вооруженных рук. Без сомнения, значительно проще сосредоточить все внимание на движениях оружия в одной руке, оставляя вторую руку в бездействии (отвести в сторону, спрятать за спину), или подключая ее для нанесения неожиданного удара, а также блокировки, отражения, выбивания оружия противника, что и является наиболее распространенным способом в мировой истории. У сражавшихся таким образом вторая рука или оставалась невооруженной, или в ней находился более короткий клинок, часто – вообще другой вид вооружения (щит, топор, дубинка, палка, кнут, ножны…), а иногда – деталь костюма (плащ). Но подобная боевая техника недостаточно эффективна в борьбе с несколькими противниками. Для этого наиболее рационально использование приемов с парным оружием, которые позволяют бойцу удвоить наступательную мощь, одновременно усиливая оборону (Асмолов 1993: 174; Иитиро Масатоши 1993: 60, 90; Гвоздев 1997: 79).[5]

Используя два одинаковых предмета вооружения, воин занимает фронтальную стойку, тем самым открывая значительную часть тела противнику. Такое положение он вынужден компенсировать активностью действий, постоянными передвижениями, прыжками, отскоками, уклонениями, нырками, частыми изменениями позиций. На наиболее высоком уровне парное фехтование включает в себя элементы акробатики. Необходимым условием также является достижение синхронности действий обеими руками.[6] Отточенная координация движений позволяет бойцу создавать вокруг себя «мертвую зону».[7] Необходимо отметить и недостатки применения парного оружия. Некоторые специалисты указывают на то, что эта техника требует значительного пространства, при ней невозможны перехваты оружия из одной руки в другую, отчасти исчезает тонкая игра и многие обманные движения (Гвоздев 1997: 79). Более того, фехтование двумя одинаковыми клинками неприменимо в строю. Воины, практиковавшие его, могли использовать свои способности лишь в поединках и мелких стычках. Во время же крупных сражений они должны были отрываться от своих войск и в одиночку врубаться в ряды врагов. Правда, тем самым эти бойцы приковывали внимание и оттягивали на себя силы противника, чем дезорганизовывали его построения.

Возвращаясь к сарматским бойцам с парными мечами/кинжалами, следует подчеркнуть, что предполагать у них высокого уровня фехтования не приходится. К этому заключению приводит вся история военного дела кочевников. Воины-кочевники мало уделяли внимания пешей рукопашной схватке. И хотя она являлась неотъемлемой фазой сражений номадов, до высот боевого искусства никогда не поднялась и чаще всего напоминала обычную резню (Горелик 1993: 21). Реконструировать сарматскую технику боя парными мечами из-за отсутствия каких-либо данных не представляется возможным. Остается только очень осторожно предположить, что она могла включать колющие, режущие и рубящие удары, проводимые на разных уровнях с целью обогнуть щит или оружие противника. Может быть, использовались некоторые вращательно-обводящие движения. Не исключено, что иногда наносились удары ногами и локтями. Защита, по-видимому, достигалась путем отрывов, отклонений, а также блокировкой оружием (скорее всего, скрестной защитой). Прямое перекрестие сарматских мечей давало возможность захватывать его указательным пальцем, чем изменялся угол наклона клинка, давая дополнительные удобства при ряде колющих и рубящих ударов. Наверное, применялась перемена прямого хвата (основного) на обратный.

Освоение сарматами нового способа рукопашной схватки облегчалось тем, что они, вероятно, как и их предшественники скифы (Платон. Законы. VII, 5), одинаково умело владели обеими руками.

---

[4] Вполне резонно возражение, что погребальный инвентарь далеко не всегда соответствует набору вооружения, использовавшемуся похороненным воином в реальном бою. Например, в богатых скандинавских захоронениях VI–VIII вв. н. э. встречаются целые коллекции клинкового оружия (Славяне… 1986: 153), хотя, как известно, викинги обычно сражались только одним мечом, сочетая удары и уколы им с действиями щитом. Однако в сарматских погребениях чрезмерно больших собраний оружия не наблюдается. К тому же щитами сарматы пользовались редко (Хазанов 1971: 63), так что в пешей схватке одна рука у них, как правило, оставалась свободной.

[5] Великий японский мастер меча Миямото Мусаси (1584 – 1645 гг.) рекомендовал: «Когда вы сражаетесь с толпой, лучше использовать два меча, а не один…» (Миямото Мусаси 1997: 135). Правда, говорил он о длинном (катана) и коротком (вакидзаси) мечах.

[6] О необычайной сложности достижения такого уровня говорит следующий факт. Когда известный китайский мастер боевых искусств У Шу (1611–1695 гг.), в совершенстве овладев приемами боя длинным оружием (копье, алебарда …), начал осваивать фехтование на парных мечах дао (широкий изогнутый однолезвийный меч), то долгое время не мог согласовать движений рук, и клинки часто сталкивались, угрожая ранить его самого (Маслов 1995: 392).

[7] Китайский роман XIV в. описывает парное фехтование следующим образом. «Сверкание их (воинов – *В. К.*) мечей напоминало блеск множества изумрудных снежинок в порывах ветра. У Сун Цзяна, наблюдавшего за этим боем, даже зарябило в глазах.» (Ши Най-ань 1955 II: 246).

Несмотря на предположительно невысокий технический уровень сарматского парного фехтования, появление его в кочевнической среде явилось абсолютно новым словом в военном деле номадов.[8] Впрочем, это и не удивительно, поскольку именно при формировании сарматской культуры происходят кардинальные перемены в организации и ведении боя у кочевников. В то время начинает развиваться, а затем приобретает решающую роль конная рукопашная схватка, создается совершенно особый род войск – тяжеловооруженная кавалерия (катафрактарии) (Блаватский 1954: 114–115; Смирнов 1961: 74; Хазанов 1968: 184–188; Хазанов 1968а: 123; Хазанов 1970: 55–58; Хазанов 1971: 69–71; Мошкова 1989: 183). Корнелий Тацит свидетельствует, что сарматы в I в. н.э. даже отказываются от предварительного обстрела противника из луков – характернейшего приема кочевнического боя, полагаясь только на сокрушительную атаку конницы и рукопашную схватку (Тацит. Анналы. VI, 35). Со временем увлечение тяжеловооруженной кавалерией зашло так далеко, что в условиях пешего рукопашного боя сарматы оказывались совершенно беспомощными (Тацит. История. I, 79). Однако в III–II вв. до н.э., когда в сарматских дружинах, видимо, появляются бойцы с парными мечами, пешие столкновения у кочевников еще занимали заметное место и в междоусобных сражениях, и в битвах с оседлыми народами.

Представляется маловероятным самостоятельное изобретение номадами способа одновременного ведения боя одинаковым клинковым оружием даже в условиях ломки традиционных взглядов на военное дело. Парное фехтование могло возникнуть только на основе длительной и высокоразвитой традиции пешего рукопашного единоборства, в месте, где существовали условия для обучения и планомерного совершенствования боевых навыков, то есть в оседлом земледельческом мире, на территории древнейших государств.

Выяснению источника, из которого сарматы почерпнули новую боевую технику, могло бы помочь выявление импортного оружия, попавшего к ним тем же путем. Но предметы вооружения, точно характеризуемые как импорт, известны в сарматских погребениях Южного Урала и Поволжья только в единичных экземплярах (Хазанов 1971: 50; Скрипкин 1990: 133; Засецкая 1994: 27; Щукин 1994: 207; Зуев 1998а: 17). Восстановление же генезиса типов сарматских мечей до сих пор продолжает оставаться спорным. По-видимому, культурные импульсы, оказавшие влияние на военное дело сармат в III–II вв. до н.э., остались слабо выражены в археологических памятниках. Кроме того, не следует забывать, что сочетание заимствований видов вооружения и боевых техник происходит не часто. Обычно это фиксируется после продолжительного и тщательного ознакомления какимнибудь этносом со всем комплексом инокультурных военных достижений. А в эпоху нестабильности, постоянных конфликтов, передвижений многочисленных групп населения, основное внимание уделяется исключительно боевым навыкам и техническим приемам, зарекомендовавшим себя в битвах как наиболее эффективные. Поэтому-то сарматы, восприняв чужую технику боя, очевидно, не взяли на вооружение характерных мечей и кинжалов, использовавшихся «учителями».

Все же не следует отказываться от попыток предположительно очертить регион, откуда произошло заимствование. Для этого необходимо провести краткий обзор имеющихся сведений о рассматриваемом способе рукопашной схватки. Сразу укажем, что известные данные отрывочны и не позволяют наметить непрерывную линию развития.

В последнее время высказано интересное мнение о существовании боевого парного фехтования на бронзовых мечах еще в средний период минойской культуры (XX–XV вв. до н. э.) (Мишенев 1999: 13). Однако это предположение не подтверждается ни одним археологическим свидетельством.[9] Тем не менее именно ко II тыс. до н. э. относятся древнейшие изображения схватки бойцов с двумя одинаковыми орудиями в обеих руках. Египетские рисунки, представляющие единоборцев, вооруженных парой дубинок или деревянных мечей, датируются XIV в. до н. э. (Горелик 1993: табл. XXXII: 70; Панченко 1997: 10–11; История боевых искусств… 1997: 46, рис. 5; Мишенев 1999: 14–15) (рис. 2: 1). Запечатленные сцены нельзя отнести к моментам боя, скорее, это празднично-ритуальное или

[8] Явным недоразумением звучит утверждение А. В. Грунтовского о существовании парного фехтования у скифов (Грунтовский 1993: 117). Также к художественному вымыслу стоит отнести красочное описание такого боя, данное В. Б. Ливановым (Ливанов 1976: 39), которое использовано в данной работе в качестве эпиграфа. И хотя в Приаралье, Приднепровье, на Кавказе, в Анатолии в кочевнических погребальных памятниках скифского времени обнаружено как минимум 12 наборов парных бронзовых ножей (благодарим А. Ю. Алексеева за предоставленную информацию), их нельзя рассматривать как боевое оружие. Скорее всего, эти ножи являлись предметами культа (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: 40, 49, 51, рис. 17: 5–8, 22).

[9] Автор гипотезы упоминает фигуру богини с двумя лабрисами (двулезвийный топор) в руках (Мишенев 1999: 213, прим. 1). Но она не может служить доказательством наличия навыков владения парным оружием, так как, скорее всего, воплощает идею абсолютной вооруженности божества, его способности отразить любое нападение и защитить своих адептов. Тем более, что сам лабрис, по всей видимости, использовался исключительно в культовых целях (Антонова 1979: 29; Никулина 1999: 220).

спортивное выступление, что, впрочем, тогда не разделялось.

Как утверждают исследователи боевых искусств, различные системы рукопашного боя выросли из ритуальных поединков (Маслов 1995: 98–100, 120–123). Очевидно, по этому же пути шло парное фехтование, что и подтверждают египетские свидетельства.

Другим памятником, относящимся к данному вопросу, является петроглиф II тыс. до н.э. из Южной Сибири. В Хакасии в могильнике окуневской культуры Черновая VIII был найден обломок плиты с фронтальным изображением антропоморфного существа, держащего в обеих руках по предмету, отдаленно напоминающему копье с симметрично отходящими в разные стороны от наконечника несколькими изогнутыми отростками (Подольский 1997: рис.37) (рис. 2: 2).[10] Именно эта фигура была названа С. А. Яценко исходным образом, который повлиял на создание сапоговских «воинов» (Яценко 1999: 283–284). Несмотря на формальное сходство, основанное на парном вооружении, сапоговские фигуры и окуневский петроглиф несут различные смысловые нагрузки. Первые отражают более-менее объективную ситуацию в сарматском войске, вторая же, аналогично минойской скульптуре, представляет мифологему абсолютно вооруженного божества.[11]

Близким подобием окуневскому персонажу с «копьями» служит изображение на бронзовом клевце IV–III вв. до н. э. из провинции Сычуань в Китае (Итс 1976: рис. 9, 10) (рис. 2: 3). Завершают намеченный ряд железная фигурка из Обь-Енисейского междуречья (Иванов 1970: рис. 177; Плотников 1987: рис. 2: 5) и рисунок на юбке удэгейского шамана конца XIX – начала XX в. н. э. (Иванов 1954: рис. 203) (рис. 2: 4, 5).

Интересной параллелью является человек в рогатом головном уборе с двумя копьями в руках на бронзовой матрице VII в. н. э. из Торслунда в Швеции (Славяне… 1986: илл. 4) (рис. 2: 6).[12] Вероятно, здесь запечатлен момент какого-то ритуально-праздничного действа.[13]

В качестве отступления от прототипа можно рассматривать схематичный рисунок всадника, помещенного между тремя парами копьевидных фигур на бронзовом диске, видимо, первых веков н.э. из Прииртышья (Чернецов 1953: табл. XX: 2).

Вообще традиция обрамления какого-то особо значимого объекта копьями, стрелами или копье/стреловидными фигурами прослеживается во многих культурах. Как дополнительные примеры приведем драгоценный головной убор погребенного из кургана Иссык V–IV вв. до н. э. в Казахстане (Акишев 1978: илл. 5, 7, 62, 63, 69), а также терракотовые фризы полуколонн из

[10] До сих пор не существует единой точки зрения на эти предметы. Если Э. Б. Вадецкая и Л. Р. Кызласов не сомневаются в том, что в руках антропоморфа изображены копья (причем последний исследователь трактует «отростки» как завязки, крепившие наконечник к древку) (Вадецкая 1981: 18; Кызласов 1986: 228), то А. И. Мартынов и Д. А. Мачинский видят в предметах молодые растения – злаки (Мартынов, 1983: 30; Мачинский 1997: 278). Безусловно, требуется некоторое усилие, чтобы в плавно изгибающихся очертаниях рисунка представить мощные древки с насаженными крупными наконечниками, что ставит под сомнение первую гипотезу. Однако в древнем мире было широко распространено представление о растениях, выступающих в роли оружия (Балонов 1988: 176–185). А в погребальном обряде окуневской культуры зафиксирован случай обрамления центральной фигуры одноименным оружием – парой стрел (Подольский 1997: 192). Все это позволяет примирить «милитаристскую» и «флористскую» интерпретации.

[11] Уместно упомянуть другую окуневскую стелу, происходящую из улуса Онхакова, на которой антропоморф помещен между двумя волнистыми полосами (Подольский 1997: рис. 36). Она дает возможность связать персонажи, имеющие парное вооружение, с божествами и мифологическими героями, которые держат змей или обрамлены ими (в развитии сюжета – пары змей заменяют части тел фантастических существ), а в более широком смысле – с богами и героями, борющимися, восседающими и окруженными парами животных, растений, предметами невоенного назначения.

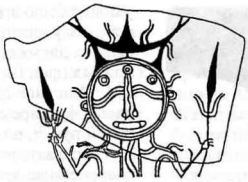
[12] Между прочим, на другой матрице из Торслунда представлен герой, сражающийся с медведями (?) двумя клинками, хотя оружие неодинаковое: длинный меч и нож (Славяне… 1986: илл. 4).

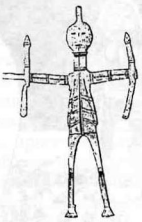
[13] Небоевой характер сцен, где показаны парные большие копья, очевиден, так как одновременное использование их практически невозможно. И хотя письменные источники свидетельствуют, что в Китае уже в IV в. н. э. существовала техника боя парными копьями (Маслов 1995: 94), оружие это, скорее всего, было небольших размеров, как, например, копья в современном ушу, не превышающие 1,5 м (Асмолов 1993: 119).

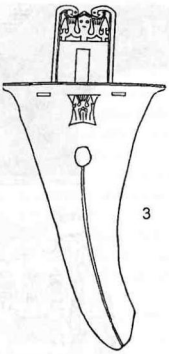
Рис. 2. 1 – Рисунок на черепке. XIV в. до н. э. Египет (по: Горелик 1993: табл. XXXII: 70); 2 – Петроглиф. II тыс. до н. э. Хакасия (по: Мачинский 1997: рис. 1); 3 – Клевец. Бронза. IV – III вв. до н. э. Китай (по Итс 1976: рис. 10); 4 – Фигура. Железо. XIX – первая половина XX в. н.э. Обь-Енисейское междуречье (по: Иванов 1970: рис. 177); 5 – Шаманская юбка. Ткань. XIX – начало XX в. н. э. Приамурье (по: Иванов 1954: рис. 203); 6 – Матрица. Бронза. VII в. н.э. Швеция (по: «Славяне и скандинавы…» 1986: илл. 4); 7 – Рисунок на сосуде «ху». Бронза. VI – V вв. до н. э. Китай (по: Горелик 1993: табл. XIII: 4); 8 – Пластина. Рог. I в. до н. э. (?) Приобье (по Троицкая 1979: табл. XXIX: 1); 9 – Пластина. Кость. I в. до н. э. (?) Приобье (по Гемуев… 1989: рис. на с. 94 с исправлениями автора); 10 – Бляха. Бронза. IX – X вв. н. э. (?) Приобье (по: Гемуев…1989: рис. на с. 86); 11 – Хазарский ковш. Серебро. IX в. н. э. Приобье (по: Гемуев…1989: рис. на с. 92); 12 – Византийское блюдо. Серебро. IX – X вв. н. э. Прикамье (по: Гемуев…1989: рис. на с. 96); 13 – Византийское блюдо. Серебро. IX – X вв. н. э. Прикамье (по: Гемуев…1989: рис. на с. 97).

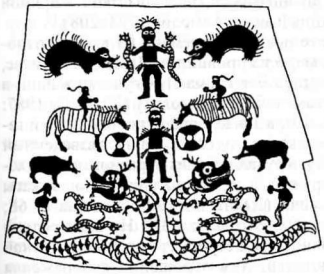
Fig. 2. 1 – Drawing on a sherd. 14th cen. B.C. Egypt. (after Gorelik 1993: Pl. XXXII: 70); 2 – Petroglyph. 2nd mil. B.C. Khakassia. (after Machinsky 1997: fig. 1); 3 – Battle axe (klevets). Bronze. 4th–3rd cen. B.C. China (after Its 1976: fig. 10); 4 – Figure. Iron. 19th

1


2

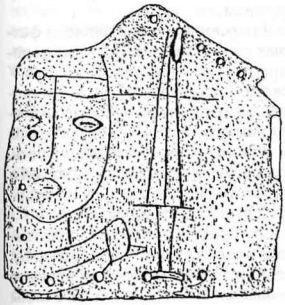

4

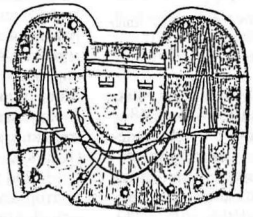

3


5

6

7


8


9

10

11

12

13

– first half of the 20th cen. A.D. Region between the rivers Ob and Yenisei. (after Ivanov 1970: fig. 177); 5 – Shaman's skirt. Cloth. 19th – first half of the 20th cen. A.D. Amur region (after Ivanov 1954: fig. 203); 6 – Bronze die. 7th cen. A.D. Sweden. (after: «Slavs and Scandinavian» 1986: ill. 4); 7 – Figure on vessel «hu». Bronze. 6th–5th cen. B.C. China. (after Gorelik 1993: Pl. XIII: 4); 8 – Plate. Horn. 1st cen. B.C.(?) Ob. (after Troitskaya 1979: Pl. XXIX: 1); 9 – Plate. Bone. 1st cen. B.C.(?) Ob. (after Gemuev… 1989: fig. on p. 94 corrected by the author); 10 – Belt-plate. Bronze. 9th–10th cen. A. D. (?) Ob region. (after Gemuev…1989: fig. on p. 86); 11 – Khazarian ladle. Silver. 9th cen. A.D. Ob region. (after Gemuev…1989: fig. on p. 92); 12 – Byzantine plate. Silver. 9th–10th cen A.D. Kam region. (after Gemuev…1989: fig. on p. 96); 13 – Byzantine plate. Silver. 9th–10th cen A.D. Kam region. (after Gemuev…1989: fig on p. 97).

Рис. 3. Шаманский костюм. Ткань, кожа. начало XX в. н.э. Приамурье (по: Иванов 1954: рис. 195).

Fig. 3. Shaman's dress. Cloth, leather. Early 20th cen. A. D. Amur region (after Ivanov 1954: fig. 195).

«Квадратного зала» конца I – II вв. н. э. из Михрдаткерта в Парфии (Ставиский 1966: рис. 48).

Устойчивость мифологических представлений демонстрирует этнография. Так, при камлании эвенкийскому шаману помогали победить духа болезни два символических копья, выструганные из дерева (Анисимов 1958: 206, 211), у манси «два копья железные» выступали объектами поклонения (Бахрушин 1955: 104), а специально изготовленные семь пар больших стрел устанавливались в священных лабазах вокруг антропоморфной фигуры мансийского божественного покровителя (Зенько 1997: 29).

Что касается боевого парного фехтования, то, пожалуй, впервые оно отражено в батальной сцене на китайском бронзовом сосуде «ху» конца VI – V вв. до н. э., или, скорее, V–IV вв. до н. э.[14], из провинции Сычуань (So 1980: Pl. 91, Fig. 107; Горелик 1993: табл. XIII: 4) (рис. 2: 7). У изображенного здесь воина в руках показаны два одинаковых меча или кинжала, но за поясом видны только одни ножны. Вероятно, оружие хранилось вместе. Тогда остается предположить, что или у бойца было время подготовиться перед схваткой, как у английских дуэлянтов XVI в., фехтовавших двумя шпагами и державших их в одних ножнах (фон Винклер 1992: 159; Асмолов 1993: 204; Мишенев 1999: 13), или два клинка находились в футляре сдвоенно, и воин выхватывал их одной рукой, но после нескольких взмахов один меч перехватывал в другую руку, как это делают современные мастера китайского ушу, сражающиеся с шуанцзянями (парный цзянь – прямой двулезвийный меч) (Асмолов 1993: 208).[15]

К более позднему времени (II в. н. э.) относятся рельефы из провинции Шаньдун в Китае, где запечатлен бог грома Лэй-гун, держащий в обеих руках по боевому молоту (Юань Кэ 1987: рис. на с. 40), а также зоо/антропоморфный герой Чи-ю, у которого голову венчает взведенный арбалет (?), в руках находится разноименное холодное оружие, а между пальцами ног зажаты прямые мечи (Юань Кэ 1987: рис. на с. 68; Мифы… 1992: рис. на с. 632). Но если рельеф с Чи-ю явно демонстрирует гиперболу полной вооруженности, то в отношении изображения Лэй-гуна можно предполагать намек на технику боя парным оружием.

Возможно, на древние истоки парного фехтования на мечах указывает китайская мифология. В легендарном повествовании о царстве У рассказывается про мастера Гань Цзяня, которому князь приказал изготовить меч. Однако железо никак не плавилось, и тогда жена мастера Мосе принесла себя в жертву, бросившись в печь. В результате было сделано два меча – мужской и женский, названные именами мастера и его жены (Юань Кэ 1987: 226–227, 345, прим. 63).[16]

В 264 г. до н. э. в Риме начинается эпоха гладиаторских боев, которая продлилась до 404 г. н.э. Для увеличения зрелищности поединков в гладиаторских школах создавались новые виды оружия, придумывались эффектные технические приемы, активно использовались экзотические способы варварского рукопашного боя. Среди различных категорий гладиаторов привлекает внимание группа бойцов димахеров, сражавшихся двумя короткими мечами или кинжалами (Панченко 1997: 75; История боевых искусств… 1997: 108; Мишенев 1999: 75, 84). Появление этой группы вполне могло быть самостоятельным изобретением гладиаторских школ, хотя нельзя совсем отвергать вероятность культурного импульса из сарматской среды.

Приблизительно одновременно с Сапоговским кладом (III–II вв. до н.э. – Чернецов 1953: 227) или, что более правдоподобно, несколько

[14] Благодарим М. Л. Меньшикову за помощь и полезные советы.

[15] Изредка в одни ножны сложенными вместе вкладывали парные камы – кавказские кинжалы (История боевых искусств… 1997а: 308). Правда, мы не имеем сведений о том, как ими действовали: одновременно или поочередно.

[16] Все же не исключено, что речь здесь идет не об одинаковых мечах, а о различных типах цзяня – гражданском (вэнь цзянь), или женском и военном (у цзянь), или мужском. Первый меч был легче второго, и конец его обычно затуплялся (Ян Юэминь 1993: 42).

позже (I в. до н.э. – Троицкая 1979: 30; Зыков 1993: 145) в Приобье были изготовлены две пластины из кости и рога (Мошинская 1953: 99–100, табл. XV: 1; Троицкая 1979: 27, табл. XXIX: 1) (рис. 2: 8, 9). На обеих предельно схематично нанесены личина и часть торса, помещенные между двумя мечами. Мечи по типу аналогичны сарматским.[17] Между мечами, пересекая шею антропоморфа, помещена серповидная фигура, которую исследователи трактуют как изображения рук (Троицкая 1979: 27; Яценко 1999: 283) или гривны (Гемуев…1989: 94).[18] Пластины, по единодушному мнению ученых, служили деталями наборного костяного панциря. Вывод делался на основании ряда отверстий, идущих по краю и предназначенных для крепления. Но размеры пластин (14,4 х 14,6; 15,6 х 20,4 см), а также своеобразная вычурная форма одной из них, заставляют в этом усомниться. Даже в случае использования пластин как панцирных деталей бросается в глаза то, что они переиспользованы: пластины еще до сверления отверстий были сломаны, после же сверления часть отверстий повредила рисунки. Трудно определить первоначальное назначение предметов, можно лишь предположить, что, судя по небольшому бортику на одной пластине, они служили своеобразными блюдами.

Сами изображения, несмотря на идентичность мечей с сапоговскими, наибольшее число параллелей обнаруживают с окуневской фигурой. Оба антропоморфа имеют сходные головные уборы с остроконечными выступами, их парное оружие расположено остриями вверх (Яценко 1999: 284), похожая серповидная или дуговидная фигура пересекает шею, а от висков личин одинаково отходят черточки.

Таким образом, приобские пластины демонстрируют живучесть окуневского персонажа и обогащение его новым элементом – сарматским мечом.

Продолжением и развитием образа служат многочисленные процарапанные рисунки мифологических героев на иранских, византийских и хазарских серебряных блюдах. Эти герои стоят на полусогнутых ногах и сжимают в ладонях «парные» сабли, их головы венчают трехрогие головные уборы, а на шеях часто показаны «гривны»[19] (Спицын 1906: рис. 4, 5, 7, 9, 14, 15; Даркевич 1976: табл. 54: 5; Лещенко 1976: рис. 19аб, 20а, 21аб, 22а, 26–28; Гемуев…1989: рис. на с. 86, 92, 96, 97; Сокровища…1996: кат. № 27) (рис. 2: 10–13). Все они были найдены в Приуралье. Изображения датируются IX–X вв. н. э. (Лещенко 1976: 180), хотя не исключено, что эта традиция просуществовала вплоть до XII в. (Федорова 1989: 69). Стилистически рисунки сопоставимы с некоторыми «чудскими образками» I–X вв. н.э. из Прикамья и Западной Сибири. Техника изготовления «образков» – это литье в двустворчатых глиняных формах в вертикальном положении, причем воспроизводящей являлась лицевая форма, а оборотная играла роль крышки. Характерными особенностями являются использование плоского резного шаблона из дерева (Минасян 1995: 120–125), отказ от обработки литейной поверхности и частое сохранение литников (Сокровища…1996: 50; Соловьев 1998: 346–348). Все перечисленные технические приемы и отличительные признаки предметов совпадают с техникой изготовления Сапоговского клада (Зуев 1993: 97). И хотя особенности литейного производства степных и таежных народов того времени существенно не отличались, все же следует подчеркнуть, что изображения людей не были характерны для древнекочевнического искусства, а поэтому не будет ошибкой приписать авторство сапоговских фигур представителю местного населения предтаежной зоны Южного Урала (Яценко 1999: 284; Минасян: устное сообщение[20]).

По мнению исследователей, рисунки на блюдах изображают древнеугорских мифических покровителей, реальных или легендарных «прародителей», вождей прошлого (Рыбаков 1981: 69; Гемуев…1989: 99–103), шаманов (Лещенко 1976: 184) или шаманских духов – помощников (Кызласов 1986: 229). Обычно сюжет картин связывается с угорскими ритуальными плясками с оружием, зафиксированными путешественниками и этнографами в XIX – первой половине XX в. (Чернецов 1957: 189–190; Лещенко 1976: 184; Косарев 1984: 151–152; Плотников 1987: 128; Соловьев 1987: 117–119; Гемуев…1989: 93). Эти «танцы» возглавлялись шаманом, или точнее жрецом, который держал в руках парные сабли (Чернецов 1947: 177–178; Лещенко 1976: 184; Косарев 1984: 151; Плотников 1987: 126–127; Соловьев 1987: 117). Некоторые ученые склонны приписывать пляскам «репетиционно-тренировочную» функцию (Соловьев 1987: 121), то есть наделять их боевым содержанием. Кроме того, бытует мнение о широком военном применении парного клинкового оружия многими наро-

[17] К сожалению, на одной пластине изображение парного меча не сохранилось, а на второй один меч показан крупнее другого.

[18] Точка зрения В. И. Мошинской со временем изменялась. В ранней работе фигура трактовалась как гривна (Мошинская 1953: 100), в более поздней – как руки (Мошинская 1965: 35).

[19] По-видимому, в один ряд с ними необходимо поставить изображение на бляшке IX–X вв. н. э. из Ишимбаевского могильника на Южном Урале (Плотников 1987: рис. 2: 4; Соловьев 1987: 119) и фигуру на костюме удэгейского шамана из Приамурья (Иванов 1954: рис. 195, 196) (рис. 3). Показательно, что на шаманском костюме только один персонаж имеет две сабли. Среди других фигур он выделяется также крупными размерами. Этот персонаж олицетворяет наиболее могущественного помощника шамана – его умершего отца (Иванов 1954: 340).

[20] Выражаем глубокую признательность Р. С. Минасяну за высказанные наблюдения и замечания.

дами Сибири (Панченко 1997а: 119–121). Однако в действительности до сих пор не выявлено никаких свидетельств о сибирском парном фехтовании. Даже в сказках и преданиях угорских народов богатыри, вынужденные сражаться с несколькими противниками, используют только один меч (Мифы, предания...1990: 158). Более того, согласно выводам археологов и этнографов, ведущую роль в системе вооружения коренного населения Западно-Сибирской равнины с первых столетий н. э. до начала XX в. играл лук. Мечи же, кинжалы и ножи использовались сравнительно редко и лишь в качестве вспомогательного оружия (Соловьев 1987: 134–135). Сами же пляски с парными саблями заключались в нескольких поворотах, раскачиваниях из стороны в сторону, периодических подниманиях и опусканиях оружия под сопроводительные односложные крики, приводивших участников в состояние транса. Это не имеет ничего общего с военной пантомимой, а следовательно, и с реалиями настоящего боя.

По-видимому, не сарматы позаимствовали технику владения двумя мечами у таежных племен Урала, а скорее сами послужили образцом для подражания. Но использование парного клинкового оружия в среде аборигенных народов Сибири так и осталось лишь в культовой практике, возможно, наложившись на более древнюю (с парными копьями), и никогда не практиковалось в военных столкновениях.

Рассматривая сведения о парном фехтовании у разных исторических народов, отметим, что в Европе оно как отчетливо выраженное явление не прослеживается. Безусловно, эпизодически могли встречаться отдельные случаи применения двух одинаковых клинков, но они остались на стадии эксперимента, подобно уже упоминавшимся римским гладиаторам и английским дуэлянтам, а также донским казакам (Медведев 1993: 71; Грунтовский 1993: 117) и осетинским воинам (Беджизати 1987: 22).[21] В целом же европейцы избегали использовать такую манеру ведения рукопашного боя.[22]

В Средней и Передней Азии также не выявляется широкого применения парного оружия. Отступлением от сложившихся обычаев представляется глухое свидетельство об одновременном владении двумя саблями на Ближнем Востоке в недавнем прошлом (Асмолов 1993: 212). Достаточно странно выглядит и изображение на серебряном блюде сасанидского стиля V в. н. э., где царь вонзает два кинжала в головы львам (Collon 1995: Fig. 193). Правда, блюдо, скорее всего, – поздняя имитация, выполненная в XIX в. (Collon 1995: 224).

Только Юго-Восточная Азия демонстрирует устойчивую традицию использования парных предметов в бою. Выше указывалось, что наиболее раннее применение в боевой ситуации двух клинков наблюдается в Центральном Китае в V в. до н.э. Позднее способность владения парным оружием прочно закрепилась в преданиях и изображениях за целым рядом китайских божеств (Юань Кэ 1987: рис. на с. 40; Мифы...1992: рис. на с. 87, 632; Асмолов 1993: 68, 98; Маслов 1995: 100, 407). К III–IV вв. н.э., согласно китайским письменным источникам, можно уже говорить о вполне сложившихся тренировочных комплексах, позволявших воину обучиться ведению боя с парными короткими копьями и мечами (Маслов 1995: 93–94, 123).

Постепенно со сложением различных стилей боевого искусства стал устойчивым обычай использования «в паре» практически всего короткого оружия, то есть не превышающего 150 см (Ян Юэминь 1992: 47; Ян Юэминь 1993: 41–42; Асмолов 1993: 180; Панченко 1997: 376). Особенно парное фехтование развилось среди женщин, так как оно позволяло им устоять в поединке с более физически сильным противником (Ян Юэминь 1992: 47). В качестве парного оружия выступали не только мечи, кинжалы, ножи, копья, но и молоты, чеканы, клевцы, топоры, шестоперы, стилеты, а также простые палки, цепы, костыли, серпы, крюки, грабли, хлысты... (Асмолов 1993: 27–30, 66–70, 85–86, 97–101, 119, 139–146, 149–153, 173–177, 180–181, 184–186; Маслов 1995: 118; Панченко 1997: 293–294, 376, 380).

Стоит отметить, что, если владение парными палками и их производными (костыли, дубинки и прочее) фиксируется почти по всему азиатскому Юго-Востоку, то использование всего богатейшего арсенала парного оружия наблюдается лишь в Китае. В других смежных регионах умение управляться с двумя одинаковыми предметами вооружения или вообще осталось на ступени ритуально-праздничных представлений, или, оказавшись невостребованным, перешло в танцевальные номера (Глухарева 1982: 187, 198, илл. 187, 200; Асмолов 1993: 175; Маслов 1995: 429–430).

По-видимому, именно из Китая распространялись приемы своеобразного ведения рукопашного боя в сопредельные страны (как, впрочем, и большинство восточных боевых искусств – Маслов 1995: 13). Насколько был высок удель-

[21] Благодарим Ю. М. Ботякова, поделившегося с нами наблюдениями по вооружению осетин.

[22] Упоминания о пеших и конных скандинавских и славянских «двоеруких бойцах», участвовавших в походах на Византию (Фомин, Линдер 1990: 60–61), следует воспринимать с большой долей скепсиса. Скорее нечто подобное можно было бы ожидать у их противников – византийцев (История боевых искусств... 1997: рис. 36).
Образцом писательской фантазии служит и характеристика хазарских воинов, данная Милорадом Павичем: «...они были прекрасные воины, копьем и саблей могли орудовать даже держа их ногой, рубить двумя саблями сразу, правая и левая рука у них действовали одинаково, потому что обе с детства были научены воевать» (Павич 1999: 229).

ный вес парного фехтования в битвах в средние века и новое время демонстрируют китайские и маньчжурские народные картины (Иванов 1954: рис. 113; Half the World…1973: 324–325, № 9; Редкие китайские … 1991: илл. 47, 67, 68, 70, 71, 75–78, 107–109, 131, 163, 168, 175, 183, 203), а также литературные произведения (Ши Найань 1955), запечатлевшие множество примеров подобного рода. Воины часто использовали свои навыки не только в пеших, но и в конных поединках. О высоком уровне владения парным оружием у всадников свидетельствуют корейские рисунки, отражающие комплексный набор тренировочных упражнений (Медведев 1993: рис. 224–233).

Таким образом, китайские территории представляются наиболее вероятным местом, откуда сарматские воины могли почерпнуть технические приемы парного фехтования.

Как раз к III в. до н.э. в Китае сложились все условия для всемерного развития военного искусства. Последняя четверть века ознаменовалась окончанием эпохи войн и вооруженных конфликтов, завершением периода Чжаньго («сражающихся царств»), когда все внимание китайского общества было занято войной. В Китае возникла новая социальная группа – полупрофессиональные воины, которые, помимо участия в боевых действиях, занимались регулярными тренировками и совершенствованием своих воинских качеств (Васильев 1998: 235–236).

Контакты китайского населения с северными и западными кочевниками, видимо, существовали издавна, но именно к III в. до н. э. относятся письменные свидетельства о торговле китайцев с западными варварами (Восточный Туркестан…1988: 353; Васильев 1998: 228). В середине I тыс. до н. э., согласно археологическим данным, происходит внедрение значительной группы кочевников в район верховьев р. Янцзы (Деопик 1979: 63–67). А вплоть до II в. до н. э (должно быть, с VII–VI вв. до н. э.) обширные области современной провинции Ганьсу занимал племенной союз юечжей (Крюков… 1983: 56–57, 113; Восточный Туркестан…1998: 236, 239; Кляшторный, Савинов 1998: 172). Юечжи, являвшиеся европеоидами и входившие в индоевропейскую языковую группу (Кляшторный, Савинов 1998: 173–175), по-видимому, оказали влияние на окончательное формирование сарматской культуры (Скрипкин 1990: 199–202; Таиров 2000: 23–24). Их продвижение с северных границ Китая на Запад подтверждает могильник II в. до н. э. – II в. н. э., расположенный в предгорьях Восточного Тянь-Шаня на северо-востоке Синьцзяна (Заднепровский 1995: 102–103), а также близкое сходство тамг III в. до н. э. – IV в. н. э., обнаруженных в Монголии, Средней Азии и Северном Причерноморье (Вайнберг, Новгородова 1976: 69–72).

Заимствование новых приемов рукопашного боя могло осуществляться через китайских инструкторов, обучавших кочевников военному делу. Присутствие таких инструкторов при ставке сюннуского шаньюя предполагал В. Эберхард (Крюков… 1983: 112).

Не исключено, что юечжи сыграли роль передаточного звена, которое донесло до южноуральских кочевников приемы одновременного владения двумя мечами/кинжалами. Восприняв нововведение, сарматы практиковали его в узком элитарном кругу. Оружие при этом носилось по сложившемуся обычаю (тоже заимствованному – Кисель 2000: 84, 92) в ножнах, привязанных к бедрам.[23] Однако новый способ рукопашного боя оказался слишком экзотическим и не привился на кочевнической почве, так и оставшись «пробным шаром» сарматской военной истории.

Абрамова, М. П. 1999. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи: 98–107. Москва: Институт археологии.

Акишев, К. А. 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. Москва: Искусство.

Анисимов, А. Ф. 1958. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

Антонова, Е. В. 1979. О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии (по материалам Чатал Хююка и Хаджилара) // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье: 12–35. Москва: Наука.

Асмолов, К. В. 1993. История холодного оружия I. Москва: Здоровье народа.

Балонов, Ф. Р. 1988. Семантика κεραυνοί и φάρμακον в греческой иконографии и мифологии // Жизнь мифа в античности. Материалы научной конференции: 173–199. Москва: Советский художник.

Бахрушин, С. В. 1955. Научные труды III, ч. II. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Беджизати, Ч. Д. 1987. Башни говорят. Повесть. Цхинвали: Ирыстон.

Блаватский, В. Д. 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Вадецкая, Э. Б. 1981. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии: 13–21. Новосибирск: Наука.

Вайнберг, Б. И., Э. А. Новгородова. 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века): 66–74. Москва: Наука.

[23] Значительно позднее подобное ношение оружия наблюдается в Северном Китае и Корее. Парные кинжалы саньцайцзянь («меч трех талантов») размещались воином на бедрах или голенях. Правда, бой ими сочетал как фехтовальные приемы, так и метание (Асмолов 1993: 181).

Васильев, К. В. 1998. Истоки китайской цивилизации. Москва: Восточная литература.

Винклер, фон П. 1992. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. Москва: Софт-Мастер.

Восточный Туркестан...1988. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Москва: Наука.

Гвоздев, С. А. 1997. Холодное оружие Востока и Запада. Техника самообороны. Минск: Современное Слово.

Гемуев, И.Н., А. М. Сагалаев, А. И. Соловьев. 1989. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука.

Глухарева, О. Н. 1982. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. Москва: Искусство.

Горелик, М. В. 1993. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). Москва: Наука.

Грунтовский, А. (В.) 1993. Русский кулачный бой. История, этнография, техника. Санкт-Петербург: Петербургское общество любителей кулачного боя.

Даркевич, В. П. 1976. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. Москва: Наука.

Деопик, Д. В. 1979. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье: 62–67. Москва: Наука.

Заднепровский, Ю. А. 1995. Могильник номадов Синьцзяна эпохи Хань // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания 24: 97–103. Санкт-Петербург.

Засецкая, И. П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). Санкт-Петербург: АО «Эллипс Лтд».

Зенько, А. П. 1997. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. Новосибирск: Наука.

Зуев, В. Ю. 1993. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad Polos. Археологические изыскания 10: 95–102. Санкт-Петербург.

1998. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции: 143–150. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

1998а. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

2000. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» I: 85–104. Самара: Самарский научный центр РАН.

Зыков, А. П. 1993. Железные кинжалы Северо-Западной Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье: 144–161. Екатеринбург.

Иванов, С. В. 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. // Труды Института этнографии 22. Москва: Издательство Академии наук СССР.

1970. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Ленинград: Наука.

Иитиро Масатоши. 1993. Техника нунчаку. Кэндо – путь меча. Калининград: Российский Запад – Драккар.

Ильинская, В. А., Б. Н. Мозолевский, А. И. Тереножкин. 1980. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Сборник научных трудов: 31–63. Киев: Наукова думка.

История боевых искусств... 1997. История боевых искусств. Кн.1. Колыбель цивилизаций. Москва: Олимп.

История боевых искусств... 1997а. История боевых искусств. Кн. 4. От Нового Света до Черного континента. Москва: Олимп.

Итс, Р. Ф. 1975. Золотые мечи и колодки невольников. Москва: Наука.

Кан Ин Ук. 2000. Бронзовые кинжалы Китая в I тыс. до н. э. (проблемы типологии и хронологии). Рукопись дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск.

Кисель, В. А. 2000. «… он привязал к бедру кинжал…» (об одном из способов ношения клинкового оружия) // Археологические вести 7: 82–95. Санкт-Петербург.

Клепиков, В. М. 2000. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» I: 116–124. Самара: Самарский научный центр.

Кляшторный, С. Г., Д. Г. Савинов. 1998. Пазырыкская узда. К предистории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф.: 169–177. Санкт-Петербург: Культ-информ-пресс.

Комиссаров, С. А. 1988. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука.

Косарев, М. Ф. 1984. Западная Сибирь в древности. Москва: Наука.

Крюков, М. В., Л. С. Переломов, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. 1983. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. Москва: Наука.

Кызласов, Л. Р. 1986. Древнейшая Хакасия. Москва: Издательство Московского университета.

Латышев, В. В. 1992. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе 1, 2. Санкт-Петербург: Фарн.

Лещенко, В. В. 1976. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. Приложение 2: 176–188. Москва: Наука.

Ливанов, В. Б. 1976. Агния, дочь Агнии. Сказание о скифах // Юность 8: 26–57. Москва: Молодая гвардия.

Мартынов, А. И. 1983. Растительная символика на изваяниях окуневской культуры // Археология Южной Сибири: 19–33. Кемерово: Кемеровский государственный университет.

Марченко, И. И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар: Кубанский государственный университет.

Маслов, А. А. 1995. Небесный путь боевых искусств: духовное искусство китайского ушу. Санкт-Петербург: ТЕКС.

Мачинский, Д. А. 1997. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско–Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология: 265–287. Санкт-Петербург: Петро-РИФ.

Медведев, А. Н. 1993. Казаки и рукопашный бой. Москва: Здоровье народа.

Минасян, Р. С. 1995. Техника литья «чудских образков» // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 32: 119–127. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

Мифы народов мира. I, II. 1992. Москва: Советская Энциклопедия.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. Москва: Наука.

Мишенев, С. В. 1999. История фехтования. На пути к вершине. Санкт-Петербург: АТОН.

Миямото Мусаси. 1997. Книга пяти колец. Санкт-Петербург: Евразия.

Мошинская, В. И. 1953. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. Материалы и исследования по археологии СССР 35: 72–106. Москва: Издательство Академии наук СССР.

1965. Археологические памятники Севера Западной Сибири // Свод археологических источников Д 3–8. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Мошкова, М. Г. 1963. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников Д 1–10. Москва: Издательство Академии наук СССР.

1989. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 177–191. Москва: Наука.

Никулина, Н. М. 1999. Ритуальные молоты-топоры из Троянского клада «L» (К вопросу о датировке данного археологического комплекса) // Вестник древней истории 2: 218–228. Москва: Наука.

Павич, Милорад. 1999. Хазарский словарь. Санкт-Петербург: Азбука.

Панченко, Г. К. 1997. Нетрадиционные боевые искусства: Европа и Азия. Харьков-Ростов н/Д: Фолио.

1997а. Нетрадиционные боевые искусства: От Америки до Руси. Харьков-Ростов н/Д: Фолио.

Плотников, Ю. А. 1987. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии: 120–135. Новосибирск: Наука.

Подольский, М. Л. 1997. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология: 168–201. Санкт-Петербург: Петро-РИФ

Пшеничнюк, А. Х. 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. Москва: Наука.

Редкие китайские ... 1991. Редкие китайские народные картины из советских собраний. Ленинград-Пекин: Аврора-Народное искусство.

Рудова, М. Л. 1958. Китайская театральная лубочная картина // Культура и искусство античного мира и Востока I. Труды Государственного Эрмитажа II: 239–251. Ленинград-Москва: Искусство.

Рыбаков, Б. А. 1981. Язычество древних славян. Москва: Наука.

Скрипкин, А. С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский университет.

Славяне и скандинавы. 1986. Москва: Прогресс.

Смирнов, К. Ф. 1961. Вооружение савроматов // Материалы и исследования по археологии СССР 101. Москва: Издательство Академии наук СССР.

1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. Москва: Наука.

1989. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 165–177. Москва: Наука.

Сокровища Приобья. Каталог выставки. 1996. Санкт-Петербург: Формика.

Соловьев, А. И. 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука.

1998. К вопросу о художественном содержании кулайского «плоского» литья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий IV: 344–350. Новосибирск.

Спицын, А.(А.) 1906. Шаманские изображения // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества VIII/1: 29–145. Санкт-Петербург.

Ставиский, Б. Я. 1966. Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности). Москва: Наука.

Тацит, Корнелий. 1969. Сочинения в двух томах. Ленинград: Наука.

Троицкая, Т. Н. 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука.

Федорова, Н. В. 1989. Среброделие в Зауралье (начало II тыс. н.э.) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале: 62–69. Свердловск.

Фомин, В. П., И. Б. Линдер. 1990. Диалог о боевых искусствах Востока. Москва: Молодая гвардия.

Хазанов, А. М. 1968. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // Вопросы древней истории 1: 180–191. Москва: Наука.

1968а. Из истории сарматского наступательного оружия // История, археология и этнография Средней Азии: 122–127. Москва: Наука.

1970. Характерные черты сарматского военного искусства // Советская археология 2: 52–63. Москва: Наука.

1971. Очерки военного дела сарматов. Москва: Наука.

Чернецов, В. Н. 1947. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография VI–VII: 159–183. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР.

1953. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. Материалы и исследования по археологии СССР 35: 121–178. Москва: Издательство Академии наук СССР.

1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР 58: 137–245. Москва: Издательство Академии наук СССР.

Шилов, В. П. 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Ленинград: Наука.

Ши Най-ань. 1955. Речные заводи I, II. Пер. А. П. Рогачева. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

Щукин, М. Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. Санкт-Петербург: Фарн.

Юань Кэ. 1987. Мифы древнего Китая. Москва: Наука.

Ян Юэминь. 1992, 1993. Оружие древнего Китая // Черная жемчужина. Журнал о культуре Востока I: 46–48; II: 41–43. Санкт-Петербург: Балтик Бридж Лтд.

Яценко, С. А. 1999. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V–IV вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). III Граковские чтения: 282–285. Запорожье.

Collon, D. 1995. Ancient Near Eastern Art. London.

Half the World... 1973. Half the World. The history and culture of China and Japan. London: Thames and Hudson.

So, J. F. 1980. The Inland Bronzes of the Warring States Period // The Great Bronze Age of China. An Exhibition from the People's Republic of China: 303–320. New York: Wen Fong.

NOTES ON PECULIARITIES OF CLOSE FIGHT OF SARMATIANS

V. A. KISEL'

In 1900, a hoard of 20 bronze human figurines (fig. 1) was found near the village of Sapogovo in the southern Trans-Ural region. Most of the figurines represented warriors armed with long cavalrymen's swords, short swords or daggers and bows.

The figurines were cast in bivalve clay moulds in vertical position. The facial mould was the shape-forming, the back one served as the lid. As models, flat templates cut of wood were used. The cast surface of the objects was not finished and pin-gates were not removed (Зуев 1993: 97).

According to the conclusion of archaeologist S. A. Yatsenko, the manufacturer of the objects from the Sapogovo hoard did not belong to the world of nomads, because representations of humans were not peculiar to the ancient nomadic art. Probably, the master was by birth from the local populations of that zone of the southern Urals that is bordering with taiga (Яценко 1999: 284).

This hoard may be dated on the basis of the types of the represented weapons. The swords and daggers are provided with crescens-shaped tops and

straight crossguards. Such appearance suggests that weapons of the developed early Sarmatian (Prokhorovo) culture had served as their pattern, although among Sarmatologists no common opinion on the period of the existence of similar swords still has formed. They are dated to the period from the late 4th to the 1st century B.C. (Смирнов 1961: 27, 31; Смирнов 1984: 56; Смирнов 1989: 172; Мошкова 1963: 34; Шилов 1975: 116; Скрипкин 1990: 118–119, 138; Марченко 1996: 52–54; Зуев 1998: 149; Зуев 1998а: 17–19; Зуев 2000: 96–98; Абрамова 1999: 100, 103, 106; Клепиков 2000: 118). It seems that the Sapogovo hoard must be dated to the 3rd–1st centuries B.C. (most probably the 2nd century B.C.).

Of the greatest interest among these figurines are three representations of warriors armed with pairs of short swords or daggers tied on the hips. In the opinion of V. Yu. Zuev, two of them represent *basileis*, and one is the supreme priest, *i.e.* they are representatives of the elite of the Sarmatian society (Зуев 1993: 99, 101). It is unlikely that the appearance of a duplicate units of armament on these figurines may be explained by some artistic and mythological hyperbole, notwithstanding the undoubtedly ritual character of the entire complex. If the master wished to exaggerate the war power of the mythical characters, he would have accentuated the attention of onlookers at the weapons proper, depicting the swords unsheathed in the hands of the warriors rather than hidden in sheaths. One may suppose, of course, that here the main and the spare blades are shown, but this is also unlikely, because such swords were usually put near each other in order that after the loss of the first weapon the second one could be snatched out promptly by the same hand. The arrangement of the weapons at different hips, as it is shown on these figurines, gave possibility to unsheathe momentarily both of the blades.

It seems that the author of the Sapogovo hoard did not deviate from the reality and rendered warriors who possessed the technique of wielding two swords simultaneously *i.e.* practiced two-handed swordsmanship. That such fighters existed at Sarmatians is indirectly evidenced by finds from the barrows of Bishungarovo and Starye Kiishki in the southern Urals and that of Verkhne-Pogromnoe in the Volga region where the buried had each two short swords (though mostly accompanied with a long one) (Хазанов 1971: 9; Пшеничнюк 1983: 32, 108).

The technique of wielding the blade weapons under discussion suggests itself a fairly high level of close fight (Асмолов 1993: 174; Иитиро Масатоши 1993: 60, 90; Гвоздев 1997: 79). However, it is doubtful that Sarmatian warriors ever achieved a high level of swordsmanship since nomads usually paid little attention to unmounted close fight. Although the latter was an essential phase of the nomads' combats, it never had reached the heights of swordsmanship and mostly resembled just common butchery (Горелик 1993: 21). Nevertheless, the appearance of two-handed swordsmanship was an absolutely new word in the military science of nomads.

It seems unlikely that nomads independently invented two-handed fighting with two identical blade weapons. Such a technique may have arisen only on the basis of a long and high-developed tradition of unmounted hand-to-hand single-combat in those places where conditions for training and systematic refining of war skills existed, *i.e.* in the settled agriculturists' world – on the territory of the earliest states.

In order to outline tentatively the region from which the two-handed swordsmanship was borrowed, the available information about such traditions should be briefly reviewed.

In the 14th century B.C., probably the earliest depictions of fighters with identical weapons in both hands were created – Egyptian drawings with representations of single-fighters armed with clubs or wooden swords (Горелик 1993: табл. XXXII: 70; Панченко 1997: 10–11; История боевых искусств… 1997: 46, рис. 5; Мишенев 1999: 14–15) (fig. 2: 1). These scenes cannot be attributed to real battle instants though, rather they reproduced a festive-ritual performance. Another source, that also is dated to the 2nd mil. B.C., is a petroglyph of the Okunevo culture from Khakassia. It is a fragment of a flagstone with a frontal representation of an anthropomorphic creature holding in each hand an object which remotely resembles a spear (Мачинский 1997: рис. 1) (fig. 2: 2). A close parallel to the Okunevo personage is a representation on a bronze battle axe with narrow edge of the 4th–3rd century B.C. from Sichuan Province in China (Итс 1976: рис. 9, 10).

The next known parallel is dated to the 7th century A.D. It is a human figure in a horned headdress with two spears in the hands on a bronze die from Thorslund in Sweden (Славянс… 1986: ill. 4) (fig. 2: 6). The figurative series described is completed by an iron object of the end of the 19th or beginning of the 20th century from the region between the rivers Ob and Yenisei (Иванов 1970: рис. 177; Плотников 1987: рис. 2: 5) (fig. 2: 4).

Without doubt, none of the parallels enumerated may be considered as reflection of a real battle scene because the anthropomorphic heroes shown on them are holding paired long spears which are practically impossible to use simultaneously.

The wide spread of the image formed and mythological ideas linked with it are demonstrated by ethnography. Thus during shaman rituals, the Evenk shaman in his struggle with the spirit of disease was helped by two symbolic spears planed from wood (Анисимов 1958: 206, 211); Khanty and Mansi worshipped a pair of iron spears and fairly often framed the figure of the anthropomorphic divine protector with seven couples of large arrows (Бахрушин 1955: 104; Зенько 1997: 29); in the mythology of Udeges,

some aggressive spirits were armed with a couple of spears (Иванов 1954: fig. 203) (fig. 2: 5).

Perhaps for the first time, two-handed combat is represented in the battle scene on a Chinese bronze vessel «hu» of the 5th or 4th century B.C. from Sichuan Province (So 1980: Pl. 91, Fig. 107; Горелик 1993: pl. XIII: 4). The warrior on that vessel is shown with two identical swords or daggers in his hands (fig. 2: 7).

In 264 B.C., in Rome an epoch of gladiator fights began which continued until 404 B.C. For increase of the staginess of the contests, new kinds of weapons were designed in gladiators' schools, spectacular technical movements invented and exotic techniques of Barbarian close fight were actively used. Of note among various categories of gladiators is the group of fighters *dimachaeri* who carried a short sword or a dagger in each hand (Панченко 1997: 75; История боевых искусств... 1997: 108; Мишенев 1999: 75, 84). The appearance of that group undoubtedly may have been an independent invention of schools of gladiators, although one may not rule out the probability of a cultural impulse from the Sarmatian medium.

Approximately at the same period as the Sapogovo hoard or slightly later, in the Ob region two plates were manufactured from bone and horn (Мошинская 1953: 99–100, pl. XV: 1; Троицкая 1979: 27, pl. XXIX: 1) (fig. 2: 8, 9). On these plates a face and part of the torso put between two swords are drawn. The swords are close to the Sarmatian ones in their type.

As the continuation and development of the tradition appear the numerous representations of mythological heroes carrying paired swords in each hand scratched on Iranian, Byzantine and Khazarian silver dishes. Such representations were found in regions close to the Urals (Спицын 1906: fig. 4, 5, 7, 9, 14, 15; Даркевич 1976: pl. 54: 5; Лещенко 1976: fig. 19аб, 20а, 21аб, 22а, 26–28; Гемуев...1989: fig. on p. 86, 92, 96, 97; Сокровища...1996: Catalogue no. 27) (fig. 2: 11, 12, 13). Most of them are dated to the 9th and 10th centuries A.D. (Лещенко 1976: 180). It seems that in the same rank with them, the figure on a platelet from the Ishimbaevskiy Cemetery in the southern Urals (Плотников 1987: fig. 2: 4; Соловьев 1987: 119) and a drawing on the costume of a Udege shaman (Иванов 1954: рис. 195, 196) (fig. 3) should be considered.

The subject of the depictions on dishes usually is considered as connected with Ugrian ritual dances with weapons under the leadership of a priest carrying two sabres. Such «dances» were described by travellers and ethnographers in the 19th and the first half of the 20th centuries (Чернецов 1947: 177–178; Чернецов 1957: 189–190; Лещенко 1976: 184; Косарев 1984: 151–152; Плотников 1987: 126–128; Соловьев 1987: 117–119; Гемуев...1989: 93). However, those dances had nothing in common with war pantomime and therefore with the features of a real combat. Evidently, it were not Sarmatians who borrowed the technique of swordsmanship with two swords from taiga tribes of Urals, but rather Sarmatians themselves had become examples for imitation. The use of paired blade weapons among the aboriginal peoples of Siberia remained just only a ritual practice, possibly having overlapped some earlier one (with paired spears), and has not found its place in war conflicts.

In Europe, two-handed swordsmanship has not been observed as any clearly expressed phenomenon. Undoubtedly, single sporadic cases of using two identical blades were encountered, but those have ended at the stage of experiments: Roman gladiators, English duellists of the 16th century (фон Винклер 1992: 159; Асмолов 1993: 204; Мишенев 1999: 13), Don Cossacks (Медведев 1993: 71; Грунтовский 1993: 117), and Ossetian warriors (Беджизати 1987: 22).

From central and western Asia no extensive use of paired weapons is reported.

Only south-eastern Asia demonstrates a stable tradition of using paired weapons in combat. According to Chinese written sources, training complexes which enabled a warrior to learn wielding paired short spears and swords had completely formed as early as the 3rd and 4th centuries A.D. (Маслов 1995: 93–94, 123). By that time such a technique of in-fighting must have undergone a long development and manifested itself efficient. Along with the formation of different styles of combat arts, a tradition gradually formed of using practically any short weapons (*i.e.* those that did not exceed 150 cm) in two-handed variant (Ян Юэминь 1992: 47; Ян Юэминь 1993: 41–42; Асмолов 1993: 180; Панченко 1997: 376). Not only swords, daggers, knives and spears appeared as duplicate arms, but also hammers, battle axes (pointed – chekans, and those with narrow edge and hammer-like head – klevetses), axes, six-ribbed maces, stilettos, as well as simple canes, flails, crutches, sickles, hooks, rakes, whips, *etc.* (Асмолов 1993: 27–30, 66–70, 85–86, 97–101, 119, 139–146, 149–153, 173–177, 180–181, 184–186; Маслов 1995: 118; Панченко 1997: 293–294, 376, 380).

It is notable, that while fencing with paired canes and their derivatives (crutches, clubs, *etc.*) is reported from throughout almost entire Asiatic South-East, the use of the complete richness of the arsenal of paired arms is observed only in China. In the regions adjoining it, the skill of coping with two identical units of armament, having proved unclaimed, either remained at the stage of ritual and festival shows or turned into dance performances.

Probably, the methods of peculiar close fight were spreading from China into the contiguous countries. It is from the latter, that Sarmatians may have borrowed these techniques. Propitious to this was the political situation established in that period. In the 3rd century B.C., all possible conditions for extensive development of military arts arose in China. The last quarter of that century was marked by the

end of the epoch of wars and military conflicts – the conclusion of the Zhanguo («Warring States») period during which the entire attention of the Chinese society was concentrated on war. In China, a new social group arose – half-professional soldiers who were occupied with regular training and refining their military qualities along with participating in war operations (Васильев 1998: 235–236)

According to archaeological evidence, in the middle of the 1st mil. B.C., intrusion of a considerable group of nomads into the region of the upper Yangtze River took place (Деопик 1979: 63–67). Until the 2nd century B.C. the regions of what is now Kansu Province were occupied by the tribal union of Yüeh-chih (Крюков… 1983: 56–57, 113; Восточный Туркестан…1998: 236, 239; Кляшторный, Савинов 199: 172). But Yüeh-chih, according to the opinion of a number of archaeologists, influenced the final formation of the Sarmatian culture (Скрипкин 1990: 199–202; Таиров 2000: 23–24).

Thus it is quite possible that it were Yüeh-chih who played the role of intermedium that brought the methods of two-handed swordsmanship to the South-Ural nomads. Having accepted that innovation, Sarmatians practised it in a narrow circle of their elite. The new method of close fight, however, proved to be too unusual to establish itself in the nomadic milieu and a little later it was altogether forgotten.

О СРЕДНЕВЕКОВОМ ПИСЬМЕННОМ ПАМЯТНИКЕ «ЗАПИСКА ГОТСКОГО ТОПАРХА» В СВЯЗИ С РЕЗУЛЬТАТАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭСКИ-КЕРМЕНА И ЕГО ОКРУГИ

С. В. ХАРИТОНОВ[1]

А. А. Куник, русский историк и филолог, во второй половине XIX в. писал: «Записку Готского Топарха, несмотря на ее краткость, следует отнести к числу первостепенных источников не только для истории Крыма, но и вообще для древней истории России» (Куник 1874: 61). По мнению некоторых историков и филологов, исследовавших текст этого памятника, «Записка готского топарха» является документом, могущим пролить свет на события в Крыму, которые непосредственно предшествовали походу русского князя Святослава I на хазар в 965 г. (Куник 1874; Вестберг 1909; 1910; Кулаковский 1914; Vasiliev 1936).

«Записка готского топарха» – загадочный средневековый письменный памятник, открытый в начале XIX в. французским византинистом К. Б. Газе в рукописном сборнике, составленном на греческом языке, содержащем послания св. Василия Великого, Фаларида и св. Григория Назианзина. К. Б. Газе снабдил «Записку» латинским переводом и издал ее в Париже в 1819 г., в комментариях к сочинению византийского хрониста второй половины X в. Льва Диакона (Leonis Diaconi… 1819).[2]

К. Б. Газе на основании палеографических данных датировал «Записку» концом X – началом XI веков. К. Б. Газе полагал, что родина «Записки» – Херсонес Таврический и что события, изложенные в «Записке», связаны с походом русского князя Владимира I в Крым, взятием русскими Херсона (Херсонеса Таврического) в 988 г., и что «Записка» составлена участником этих событий.

В России текст «Записки» на материале, изданном К. Б. Газе, был изучен Н. Ламбиным и А. А. Куником, пришедшими к убеждению в том, что место рождения исследуемого текста – не Херсонес, а область Готия, лежащая к востоку от Херсонеса Таврического (Ламбин 1874; Куник 1874). А. А. Куник на основании исторических данных датировал «Записку» серединой X в. (Куник 1874).

В дальнейшем текст «Записки» был исследован в России рядом ученых, в том числе Ф. Вестбергом, уточнившим с помощью астрономов В. Вислицениуса и Я. Зейбота дату одного из событий, изложенных в «Записке», по астрономическому указанию, содержащемуся в ней (Вестберг 1909; 1910),[3] и А. А. Васильевым, пришедшим к выводу о правильности определения К. Б. Газе и А. А. Куником последовательности событий, нашедших отражение в «Записке» (Vasiliev 1936).[4]

«Записка готского топарха» написана на греческом языке в виде путевых заметок. Повествование ведется от первого лица. Имя автора не известно. Автор называет себя правителем Климатов (τὰ Κλήματα) – области, возможно, расположенной близко от Херсонеса

[1] Россия. 199034. Санкт-Петербург. Университетская наб., 5. С.-Петербургский союз ученых. Научно-исследовательский центр «Синергетика».

[2] «История» Льва Диакона была издана К. Б. Газе в Париже в 1819 г. по поручению русского государственного деятеля, собирателя книг и рукописей графа Н. П. Румянцева. Вторично «История» Льва Диакона с комментариями К. Б. Газе, содержащими текст «Записки готского топарха» на греческом языке с параллельным латинским переводом, была издана в Бонне в 1828 г. (Leonis Diaconi… 1828).

[3] С астрономом В. Вислицениусом, жившим в Страсбурге, Ф. Вестберг вел интенсивную переписку. Другой астроном, Я. Зейбот, в Пулково произвел астрономические вычисления.

[4] «Записка готского топарха» была открыта К. Б. Газе в виде трех фрагментов рукописного текста с множеством поправок на нескольких первоначально незаполненных страницах упомянутого сборника. По мнению К. Б. Газе, А. А. Куника, А. А. Васильева, тот фрагмент рукописного текста, который в «Записке» помещен первым, должен быть последним.

© С. В. Харитонов, 2003

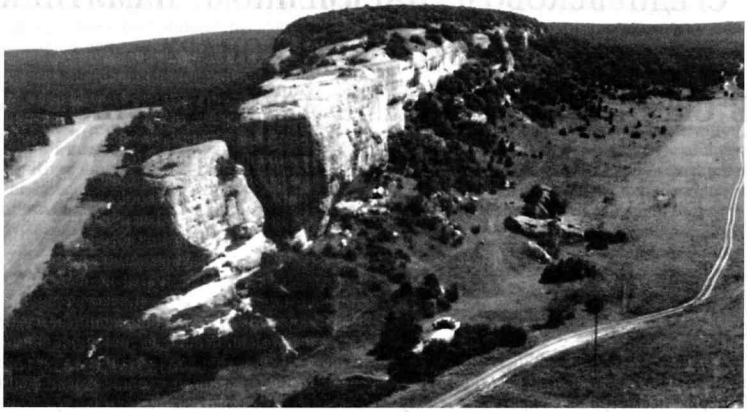


Рис. 1. Северная часть горы Эски-Кермена.

Fig. 1. The northern part of Mt. Eski-Kermen.

Таврического[5]. Н. И. Репников отождествил описанный в «Записке» город в области, именуемой «Климаты», с крымским «пещерным городом» Эски-Керменом (Репников 1932; 1932а)[6].

Существуют переводы «Записки» с греческого языка на русский язык, осуществленные Д. Поповым (История Льва Диакона… 1820), В. Г. Васильевским (Васильевский 1909), Ф. Вестбергом (Вестберг 1909; 1910), Г. Г. Литавриным (Литаврин 1957). Для цитирования и ссылок на русский перевод источника Н. И. Репниковым (Репников 1932; 1932а) был использован перевод Ф. Вестберга (Вестберг 1909; 1910).

Переводы «Записки» на русский язык, сделанные В. Г. Васильевским, Ф. Вестбергом, Г. Г. Литавриным, считаются удачными. К сожалению, судьба самого рукописного сборника с фрагментами «Записки готского топарха» в XIX в. сложилась драматично. По-видимому, этот сборник был привезен в Париж незадолго до 1815 года. Сборник мог быть вывезен из Италии в виде контрибуции во время наполеоновских войн, вместе с другими памятниками искусства и науки. В Париже он находился в Королевской библиотеке (о чем сообщил, уже в прошедшем времени, К. Б. Газе в комментариях

[5] Наименование области «Климаты» (τὰ κλίματα), как собственное географическое название, встречается в «Хронографии» Феофана и в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». В «Хронографии» Феофана это название встречается вместе с названием крымского города Херсона (Theophanis Chronographia 1883–1885, vol. 1: 351_{17-19}, 377_{24-26}, 450_{31}–451_{2}). В указанном сочинении Константина Багрянородного, написанном в 948–952 гг., название «Климаты» фигурирует наряду с названиями двух крымских городов – Херсона и Боспора (Константин Багрянородный 1991: 36–37, 52–53, 170–171, 174–175) (главы 1_{25-28}, 11_{8-13}, $42_{7-9, 72-73, 81-82}$). По мнению А. А. Васильева, написание *τὰ Κλήματα*, но не *τὰ Κλίματα*, смущать не должно, т. к. это обычное рукописное смешение греческих букв *η* и *ι* (Vasiliev 1936). Х.-Ф. Байер считает, что Климаты в Крыму тождественны тем областям, над которыми во времена Константина Багрянородного или еще ранее господствовали хазары. «Они [Климаты], – пишет Х.-Ф. Байер, – не раз меняли на протяжении веков своего властителя. Одной из них была Готия…» (Байер 2001; 106).

[6] Наряду с представлениями о «южно-крымской» локализации описанной в «Записке» области τὰ Κλήματα, сторонниками которых являются К. Б. Газе (Leonis Diaconi… 1828), Н. Ламбин (Ламбин 1874), А. А. Куник (Куник 1874), Ф. Вестберг (Вестберг 1909, 1910), С. П. Шестаков (Шестаков 1908), Ю. А. Кулаковский (Кулаковский 1914), А. Л. Бертье-Делагард (Бертье-Делагард 1919), Н. И. Репников (Репников 1932), В. А. Мошин (Мошин, 1933), А. А. Васильев (Vasiliev 1936), Д. Л. Талис (Талис 1958), О. И. Домбровский, О. А. Махнева (Домбровский, Махнева 1973), Т. М. Фадеева (Фадеева 1998), существуют другие гипотезы о месте расположения описанных в «Записке» Климатов: «восточно-крымская» гипотеза, связанная с представлениями о расположении Климатов на восточном берегу Крыма (Гедеонов, 1862), «северо-крымская» гипотеза, связанная с представлением о расположении Климатов в северной части Крыма (Сахаров 1991), «нижнедунайская» гипотеза, связанная с представлениями о расположении Климатов в области нижнего течения реки Дунай (Васильевский 1909; Милюков 1897; Левченко 1956; Артамонов 1970; Божилов 1979), «днепровская» гипотеза – близ порогов Днепра (Бурачков 1877), «донская» – на реке Дон (Успенский 1889), «бугская» – на реке Буг (Голубовский 1884).

в парижском издании «Истории» Льва Диакона). Однако после К. Б. Газе этот сборник никто больше не видел и следы его утеряны. Считалось, что он мог быть возвращен в Италию после Парижского мира 1814–1815 гг. и может находиться в одном из итальянских книгохранилищ (Куник 1874; Васильевский 1909; Vasiliev 1936; Левченко 1956).

До второй половины XX в. у ведущих византинистов, исследовавших текст «Записки готского топарха», сомнений в его подлинности не возникало. В начале 1970-х гг. американским византинистом И. Шевченко было высказано предположение о том, что рукописного сборника с текстом «Записки готского топарха» никогда не существовало и что текст «Записки готского топарха» является плодом фальсификации, осуществленной К. Б. Газе (Ševčenko 1971). Это предположение основано на обнаружении И. Шевченко нескольких незначительных различий, существующих между греческим текстом «Записки готского топарха» на корректурных листах издания 1819 г., хранящихся в Парижской Национальной библиотеке, и греческим текстом, опубликованным К. Б. Газе. Однако, как отмечает болгарский византинист И. Божилов, различия между двумя текстами вполне могут быть результатом исправлений, сделанных во время печати в соответствии с текстом оригинала, но не отраженных в корректуре (Божилов 1979) [7].

Сомнение в подлинности «Записки готского топарха» основано также на результатах исследования И. Шевченко в Парижской Национальной библиотеке самих корректурных листов с текстом фрагментов «Записки готского топарха» парижского издания 1819 г., содержащих многочисленные исправления, сделанные рукой К. Б. Газе так, как будто «…издатель обращался с публикуемым текстом как со своим собственным…» (Медведев 1994: 27). Однако опубликованные И. Шевченко фотокопии девяти корректурных листов с фрагментами «Записки готского топарха» на греческом языке с параллельным латинским переводом свидетельствуют, что большинство исправлений на этих листах касаются текста латинского перевода (Ševčenko 1971: plates 3–11, fol. 347r–351r). На опубликованных И. Шевченко фотокопиях девяти корректурных листов с фрагментами «Записки готского топарха» число исправлений в тексте на греческом языке равняется 19 и составляет 16,1 % от общего числа исправлений (118), связанных с зачеркиванием слов или частей слов в греческом и латинском текстах фрагментов «Записки готского топарха» на этих листах.

Частота исправлений в греческом тексте, сделанных рукой К. Б. Газе, на опубликованных И. Шевченко фотокопиях корректурных листов с фрагментами «Записки готского топарха» соответствует частоте обычных описок, которые могут возникать при переписывании трудного для чтения текста. К. Б. Газе в комментариях к десятой книге «Истории» Льва Диакона упоминает, что открытые им фрагменты рукописного текста «Записки готского топарха» были написаны мелким почерком и изначально содержали много помарок и правок (Leonis Diaconi… 1819).

Таким образом, приведенное выше объяснение происхождения различий в греческих текстах на этапе публикации 1819 г., а также оценка частоты исправлений в греческом тексте, сделанных рукой К. Б. Газе, на корректурных листах с фрагментами «Записки готского топарха» позволяет вернуться на традиционную точку зрения и рассматривать «Записку готского топарха» как подлинный документ.

Ниже приводится краткое содержание «Записки готского топарха», в связи с упомянутой гипотезой Н. И. Репникова, на основе переводов текста «Записки» с греческого языка на русский язык, сделанных В. Г. Васильевским, Ф. Вестбергом, Г. Г. Литавриным, и в соответствии с теми определениями последовательности событий, нашедших отражение в «Записке», которые были предложены К. Б. Газе, А. А. Куником, А. А. Васильевым. Эти определения соответствуют следующему порядку размещения фрагментов текста: Фрагмент 2, Фрагмент 3, Фрагмент 1. В русском переводе, осуществленном Ф. Вестбергом, текст фрагментов «Записки» дополнительно разделен переводчиком на главы и абзацы (параграфы). Это деление сохраняется в приводимом ниже кратком содержании источника.

Фрагмент 2

Глава первая

1. Принятие [топархом и его людьми] решения воевать с «варварами» [возможно, по мнению А. А. Куника, хазарами] из опасения, что «варвары» опередят [своими действиями] и истребят [топарха и его людей].

2. О том, что даже самых близких им [людей] «варвары» не щадили.

3–4. О том, что утратилась прежняя мягкость и справедливость «варваров», и что раньше «варвары» вызывали большое уважение [у окружающего населения], из-за чего города и народы добровольно к ним присоединялись. О проявлении «варварами» несправедливости и произвола в данное время.

5–6. О том, что многие люди, основательно доказывая начальникам свою невиновность, тем не менее, не могли избежать смерти.

7. О том, что более десяти городов лишилось жителей и не менее пяти сотен селений опустело, что близкая [к топарху] окрестность разгромлена.

Глава вторая

1. О том, что зло, уничтожившее многих и не обошедшее несчастных соседей [топарха] судьба привела, наконец, и к области автора «Записки».

[7] Обстоятельный критический анализ гипотезы И. Шевченко содержится в книге И. Божилова (Божилов, 1979).

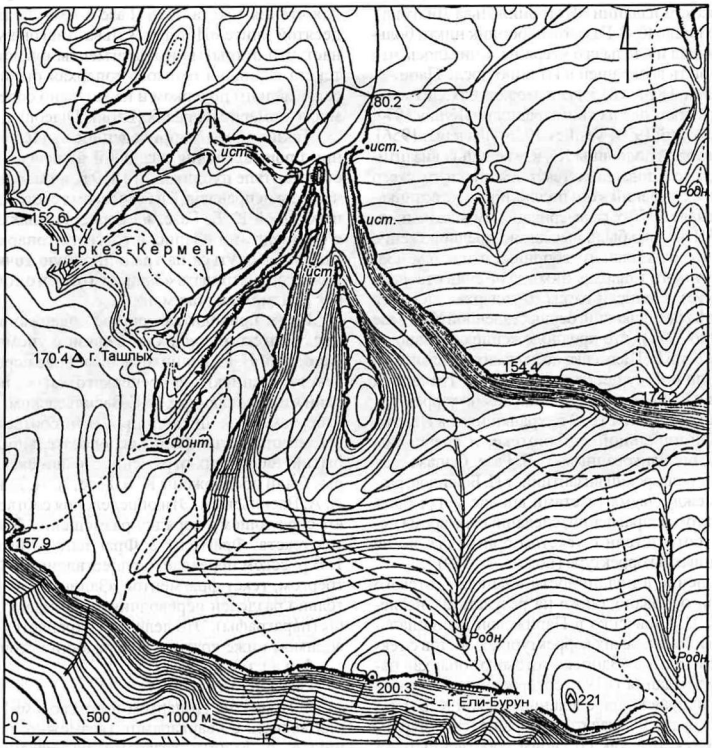


Рис. 2. План округи Эски-Кермена. По чертежу, опубликованному в статье Н. И. Репникова «Остатки укреплений Эски-Кермена» (Репников 1932а). Отметки высот на плане указаны в саженях.

Fig. 2. Plan of surroundings of Eski-Kermen. After the drawing published in N. I. Repnikov's article «Remains of fortifications of Eski-Kermen» (Репников 1932а). The marks of heights on the map are indicated in Russian linear measures (sazhen) equal 2.1336 m.

2. О том, что когда пришла беда, и все [окружающие топарха люди] ясно осознали, что жизнь в опасности, автор «Записки» отстранил тогдашнюю гибель самым умным способом, каким только мог, хотя сам едва не подвергся крайней опасности.

3. О возникновении необъявленной войны «варваров» [с топархом и его людьми]. О нежелании «варваров» вступать в переговоры, несмотря на то, что в ходе начавшихся стычек с «варварами» автор «Записки» «тысячу раз» предлагал им заключить договор.

4. О начале войны тогда, когда зима была близка к наступлению· «…зима же была близка к наступлению, ибо уже солнце немного отстояло от зимних (знаков)» (цит. по: Вестберг 1910: 284).

5. «Между тем варвары, – сообщает автор «Записки», – снаряженные значительным войском, вторглись в нашу землю с конницей и вместе с пехотою, полагая, что одновременно с (боевым) криком овладеют нами как вследствие непрочности стены, так и вследствие нашей оробелости.

6. И не без основания они это думали, так как мы имели свое местопребывание в разрушенном городе и делали вылазки скорее из селения, чем из города… Ибо земля была раньше разорена и значительно опустошена самими варварами, при чем они снесли стены до основания» (цит. по: Вестберг 1910: 284–285). [В этом месте текста автор «Записки» упоминает о нападении «варваров», их попытке овладеть городом и их отступлении]: «…но те, потеряв многих из своих и осрамившись, отступили к вечеру, ожидая рассвета. Ибо пехоте я тоже противопоставил стрелков, коннице же конницу, выстроив войско в два отряда» (цит. по: Вестберг 1910: 285).

7. «И только тогда я первый рассудил снова населить Климаты. Поэтому-то я сначала выстроил возле них крепостцу из имевшихся на лицо (материалов), так что отсюда легко было отстроить и весь остальной город» (цит. по: Вестберг 1910: 285).

Фрагмент 3

Глава первая

1. «И она была выстроена с большой поспешностью и ограждена рвом; и вместе с этими… (приготовлениями?) и война началась.

2. Распределена была крепостца между родами, и в ней сложили наиболее ценное; а все, что было излишне, лежало где-то вне в другой ограде города. Ибо уже и город весь населялся; крепостца же была приготовлена [сохранялась] чтобы спасти нас в великой опасности» (цит. по: Вестберг 1910: 285).

3. [Повторяется описание нападения «варваров»]: «Но варвары, потеряв тогда многих из своих и ограбившись, отступили к ночи, ожидая рассвета; я же вместе с зарею вывел войско с намерением воевать. У меня тогда было немного более ста конных, а пращников и лучников – свыше 300.

4. Так как варваров нигде не было, я выполнил целесообразное, воскрешая старую стену и поучая своих хорошо подготовиться к войне. К нашим же приверженцам я послал спешных вестников и пригласил их, желая обсудить общее положение» (цит. по: Вестберг 1910: 285). [Далее, в этом месте текста автор пишет]: «Но боясь, чтобы они снова с бóльшей силой не при… и с войском великим не пришли. Когда же собрание состоялось, что я сказал тогда» (цит. по: Вестберг 1910: 285).

Глава вторая

1. О прибытии лучших [людей] на совет. [Автор «Записки» ставит вопрос перед собравшимися людьми]: «…к каким властителям более надлежит стремиться и, к каким обратившись, какой выгоды стараться от них добиться и что сделать…» (цит. по: Вестберг 1910: 286).

2. «Они же, либо потому, что никогда-де не были причастны к царскому благорасположению, что пренебрегали более греческими порядками и больше всего домогались автономии; либо потому, что они соседи царствующему на севере Истра, могучему к тому многочисленным войском и силой боевой, и что от тамошних нравов не отличны в своем образе жизни, – постановили заключить с ними договор и передаться, и все сообща подали голос, чтобы я же совершил такое» (цит. по: Вестберг 1910: 286).

3. О спасительном посольстве [к северному царю], беседе автора «Записки» с [северным царем], о передаче [царем] автору «Записки» всей власти над Климатами, а также над другой областью, и дарование значительных ежегодных доходов в своей [царской] земле.

Фрагмент 1

Глава первая

1. О наблюдении автора «Записки» за опасной переправой людей на челнах среди плавающих льдин через свирепствующий Днепр (Δάναπρις).

2. О долгом ожидании момента замерзания Днепра.

3–4. Удивление автора «Записки» от вида замерзшей реки. Описание замерзшего Днепра.

Глава вторая

1. О переправе верхом [на лошадях] по «водной глади» и о прибытии в селение Ворион (Βοριών). Об отдыхе в селении и намерении отправиться к Маврокастрону (Μαυρόκαστρον).

2. О снежной буре, задержавшей всадников в селении Ворион.

3. О предсказании автором «Записки» наступления плохой погоды, на основе наблюдения за положением на западе «первой из звезд» – Кроноса (Сатурна): «А он как раз находился в начале своего прохождения через Водолея, в то время как солнце пробегало зимние (знаки)» (цит. по: Вестберг 1910: 282)[8].

4. О дальнейшем ухудшении погоды, продолжении снежной бури и ее окончании.

Глава третья

1. О прощании с жителями селения.

2–3. Описание дальнейшего трудного пути по глубокому снегу при сильном ветре.

Глава четвертая

1. О том, что ночью путникам постелями служили щиты.

2. Об усталости путников, их душевной подавленности, вызванной тяготами пути.

3. Об опасности пути по «неприятельской земле» [опасности, возможно, связанной с близким присутствием степных кочевников, печенегов]: «А хуже всего было то, что мы шли и по неприятельской земле и уже вследствие этого наше положение становилось не безопасным, но зло грозило нам одинаково как от зимы, так и от врагов» (цит. по: Вестберг 1910: 283).

Словами приведенной выше цитаты заканчивается первый (или, возможно, последний) фрагмент текста «Записки готского топарха».

Открытый К. Б. Газе письменный источник был сначала назван А. А. Куником «Anonymus Tauricus» («Аноним Таврический»). В процессе изучения памятника А. А. Куник пришел к убеждению, что автором «Записки» является готский топарх, и А. А. Куник дал новое название этому источнику – «Записка готского топарха».

А. А. Куник также пришел к убеждению, что «варварами», которые упоминаются в «Записке», были хазары и что созванное топархом собрание состояло из крымских готов, которые решили обратиться за помощью к великому князю киевскому – Святославу I (Куник 1874).

[8] По мнению Ф. Вестберга, под Водолеем в тексте следует понимать созвездие Водолея, но не знак Водолея (Вестберг 1910).

Однако почему автор «Записки» называет великого князя киевского царствующим на севере от Истра (Ἴστρος), то есть на севере от Дуная? По мнению А. А. Куника, в словах топарха – «царствующем на севере Истра», могло выразиться желание автора «Записки» поставить себя на точку зрения жителя византийской столицы: «Не хотел ли он этим перенести себя на географическую точку зрения Константинопольца, так как он для Константинопольца писал свою записку?» (Куник 1874: 73–74) [9].

По мнению А. А. Куника, описанное в «Записке» путешествие топарха к Святославу состоялось незадолго до похода Святослава на хазар в 965 году. А. А. Куник в результате исследования «Записки» пришел к выводу об открытии им исторического факта добровольного присоединения крымских готов к Киевской Руси в середине X в. (Куник 1874).

Возможно, время наблюдения топарха за положением «первой из звезд» достаточно точно определено. Согласно результатам астрономических вычислений, произведенных Я. Зейботом, указанное в «Записке» положение среди звезд планета Сатурн в зимнее время в предполагаемый исторический период занимала в начале января 963 г. (Вестберг 1910). Если придерживаться взглядов К. Б. Газе, А. А. Куника, А. А. Васильева на порядок размещения фрагментов текста, то, следовательно, начало военных действий, описанных во втором и третьем фрагментах, следует отнести к осени 962 г. (Vasiliev 1936) [10].

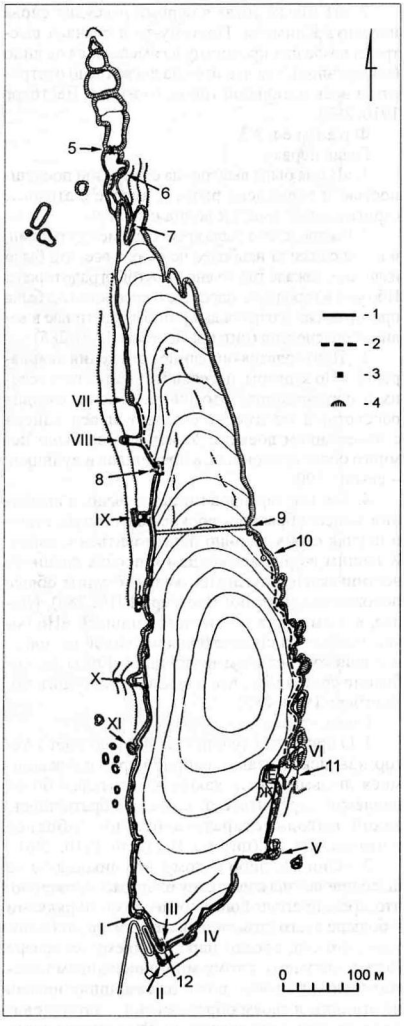


Рис. 3. Общий план (реконструкция) оборонительных сооружений Эски-Кермена. По чертежу, опубликованному в статье Е. В. Веймарна «Оборонительные сооружения Эски-Кермена. (Опыт реконструкции)» (Веймарн 1958).
1 – явные следы боевых стен; 2 – намечающиеся следы боевых стен; 3 – предполагаемые места башен; 4 – пещерные казематы; 5 – следы перекидного мостика; 6 – северный дозорный комплекс; 7 – северная калитка; 8 – западная калитка; 9 – поперечная стена; 10 – осадный колодец; 11 – восточная калитка; 12 – главные ворота. Римские цифры соответствуют номерам пещерных казематов и башен.

Fig. 3. The general plan (reconstruction) of defensive structures of Eski-Kermen. After the drawing published in E. V. Weimarn's article «Defensive structures of Eski-Kermen (Essay of reconstruction)» (Веймарн 1958).
1 – visible remains of defensive walls; 2 – traceable remains of defensive walls; 3 – supposed positions of towers; 4 – cave casemates; 5 – traces of a drawbridge; 6 – the northern watch complex; 7 – the northern gateway; 8 – the western gateway; 9 – transversal wall; 10 – siege well; 11 – the eastern gateway; 12 – the main gate. Roman numerals correspond to the numbers of cave casemates and towers.

[9] Ф. Вестберг, в связи с этим мнением А. А. Куника, отметил: «…византийцы называли Истром не все течение Дуная, но только низовья его» (Вестберг 1909: 104). Аналогичного мнения придерживается Г. Г. Литаврин: «Издревле греки считали все, лежащее за Истром (нижнее течение Дуная), находящимся по отношению к ним «на севере», независимо от того, прямо на север, на северо-восток или даже на восток лежат эти области «за Истром» (Литаврин 1957: 120-121).

[10] Не всеми исследователями разделяется мнение о точности вычислений, произведенных Я. Зейботом. Астроном К. К. Яхонтов пришел к выводу о том, что положение Сатурна, подобное описанному в «Записке», было возможно как наиболее вероятное в январе 992 г. (Литаврин 1957). М. А. Шангин считал, что точные астрономические вычисления вообще неприменимы в исследовании текста «Записки готского топарха», так как, по мнению М. А. Шангина, ее автор пользовался астрологическим

А. А. Васильев пришел к выводу о том, что Святослав мог пойти походом на хазар в 965 г. как в силу своих политических расчетов, так и в силу договора с топархом, и что топарх призвал на совет находившихся в Крыму, по соседству с областью топарха, русских людей, которые могли жить в Крыму с первой половины IX в. и, также как крымские готы, могли страдать от хазар, и что эти русские люди могли убедить топарха обратиться к Святославу за помощью (Vasiliev 1936).

А. А. Васильев свое мнение о том, что «сторонники» топарха, собравшиеся на совет, были русскими людьми, но не крымскими готами, обосновывает следующими словами автора «Записки»: «Они же, либо потому, что никогда-де не были причастны к царскому благорасположению, что пренебрегали более греческими порядками и больше всего домогались автономии; либо потому, что они соседи царствующему на севере Истра…, и что от тамошних нравов не отличны в своем образе жизни…» (цит. по: Вестберг 1910: 286).

По мнению Ф. Вестберга, «…область τὰ Κλήματα обязана своим именем одноименной крепости. Причина, по которой никто из писателей, за исключением готского топарха, не упоминает о городе τὰ Κλήματα, – продолжает Ф. Вестберг, – может быть та, что разрушенное варварами укрепление лежало в развалинах и потеряло свое значение. Впрочем, весьма возможно, что Климаты скрываются под каким либо другим наименованием; ибо тамошние города нередко меняли свои названия вследствие наплыва все новых пришельцев» (Вестберг 1910: 256). А. А. Куник и Ф. Вестберг, в связи с вопросом о локализации области или города Климаты, упоминают о крымском городе Дорос (Δόρος), сведения о котором содержатся в «Житии» готского епископа Иоанна (Куник 1874; Вестберг 1910).

Выше было отмечено, что Н. И. Репников отождествил описанный в «Записке» разрушенный город в области, именуемой «Климаты», с крымским «пещерным городом» Эски-Керменом.

Расположен Эски-Кермен в юго-западной части Горного Крыма (рис. 1), в 20 км к юго-западу от Бахчисарая, на плоской вершине отдельной горы с неприступными обрывами, вытянутой с севера на юг (рис. 2). Длина плато горы 1040 м, наибольшая ширина – около 200 м. Площадь города внутри контура оборонительных стен составляет приблизительно 81 600 кв. м (Репников 1932; Веймарн 1982).

Название «пещерный город» – условное, связано с наличием большого числа вырубленных в толще мягких известняковых пород различных по своему назначению помещений. Считается, что в древности многие пещерные сооружения Эски-Кермена находились в тесной связи с многочисленными наземными зданиями, от которых остались лишь развалины, камни из которых постепенно вывозились и использовались для строительства в других местах.

Эски-Кермен – один из самых малоизученных археологических памятников в Крыму. Название его в переводе с татарского языка значит «Старая Крепость». Каких-либо достоверных сведений об этом городе ни в преданиях, ни в письменных источниках не сохранилось.

В 1929 г. Н. И. Репниковым была высказана гипотеза, согласно которой Эски-Кермен есть изначальный Дорос (Δόρος), наиболее древний центр средневековой Крымской Готии и Готской епархии в Крыму, позднее перенесенный на гору Мангуп (Репников 1932).

Археологические раскопки в Эски-Кермене проводились в 1928–1937 гг. и в 1978–1982 гг. В Эски-Кермене исследовались в основном остатки оборонительных сооружений и частично храмово-погребальные комплексы. Однако центральная часть города почти не исследована и представляет собой множество холмиков, прикрывающих остатки различного рода построек.

В древности Эски-Кермен имел мощную систему оборонительных сооружений (рис. 3). В систему обороны Эски-Кермена входили хорошо защищенные ворота, отвесные скалы и крепостные стены с башнями, возведенные в тех местах, где в скалах были расщелины или небольшие понижения. Кроме этого, вдоль отвесных обрывов вырубались пещерные казематы с бойницами. Система обороны Эски-Кермена свидетельствует о хорошем знании ее строителями византийского фортификационного искусства (Веймарн 1958).

Все склоны горы Эски-Кермена изрезаны искусственными пещерами. Общее число не засыпанных землей и доступных учету пещерных сооружений в черте города и его ближайшей округе, достигает 408 (Веймарн 1992). Из шести пещерных церквей, находящихся на территории города и в его ближайшей округе, в двух имеются остатки фресковых росписей XII–XIII вв. [11].

По результатам археологических исследований, проведенных в Эски-Кермене в 1928–1937 гг. и в 1978–1982 гг., могут быть намечены основные этапы истории этого города.

Как населенный город Эски-Кермен существовал предположительно с VI в. н. э. до конца XIII в. В период VII–VIII вв. город находился в состоянии экономического и культурного подъема. В IX–X вв. жизнь в Эски-Кермене замирает. В какой-то момент в этот период город пережил катастрофу, при которой его крепостные стены были разобраны (Репников 1932; 1932а). Второй экономический и культурный подъем в Эски-Кермене происходит в XII–XIII вв.

[11] К западу от Эски-Кермена, в южной части ущелья Черкес-Кермен, находится еще одна пещерная церковь с остатками фресковой росписи XIII–XIV вв.

Рис. 4. Башня Кыз-Куле. Вид с юга.

Fig. 4. Tower Kyz-Kule. Southern view.

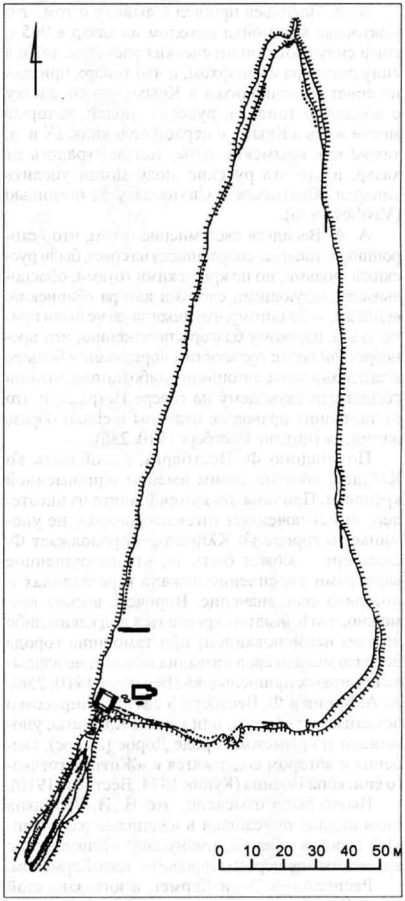


Рис. 5. План укрепления Кыз-Куле. По чертежу, опубликованному в статье У. А. Боданинского «Черкес-Керменское укрепление Кыз-Кулле по разведкам 1933 г.» (Боданинский 1935).

Fig. 5. Plan of fortifications of Kyz-Kule. After the drawing published in the article by U. A. Bodaninskiy «Cherkes-Kermen fortification of Kyz-Kule surveyed in 1933» (Боданинский 1935).

Начальный этап существования города в VI–VII вв. совпадает с периодом усиления влияния Византии в Крыму[12]. Запустение Эски-Кермена в IX–X вв. может быть связано с тем, что в это время Эски-Кермен, став зависимым от Хазарского каганата, утратил свое значение форпоста Византии на подступах к Херсонесу, а также с вторжением в Крым печенегов и оттоком части населения из Эски-Кермена в более безопасное место, возможно, – на плато более высокой и менее доступной со стороны долин горы Мангуп. Второй экономический и культурный подъем в Эски-Кермене осуществляется в условиях относительной стабильности политической обстановки в Юго-Западном Крыму. В этот период, в XII–XIII вв., на территории Эски-Кермена возникают новые жилые кварталы, реконструируются пещерные комплексы, перестраивается базилика (Репников 1932; 1932а; 1941; Веймарн 1982; Паршина 1988).

Археологические исследования, проведенные в 1928–1930 гг., показали, что крепостные стены в южной части Эски-Кермена были снесены до основания. По мнению Н. И. Репникова, ряд пещер-

[12] А. И. Айбабин, по составу находок в эски-керменском могильнике, начало существования могильника относит к концу VI в. В связи с этим А. И. Айбабин предполагает, что строительство крепостных стен в Эски-Кермене было начато в период правления византийского императора Маврикия (582-602 гг.), около 590 г. (Айбабин 1991).

ных храмов и храмовых усыпальниц, возникших после разрушения оборонительных сооружений города в крепостной зоне на ее местах, свидетельствует о том, что произошло разрушение крепостных стен в южной части города не ранее конца VIII в. и не позднее X в. Факты раскопок указывают на то, что после разрушения боевых стен жизнь города продолжалась (Репников 1932а)[13].

Согласно одному из предположений Н. И. Репникова, оборонительные сооружения Эски-Кермена могли быть разобраны в конце VIII в. хазарами, как следствие описанного в «Житии Иоанна Готского» неудачного восстания готов под начальством епископа Иоанна против хазарского владычества (Васильевский 1912; Репников 1932а). В связи с этим предположением Н. И. Репников обратил внимание на следующие слова автора «Записки»: «…мы имели свое местопребывание в разрушенном городе и делали вылазки скорее из селения, чем из города… Ибо земля была раньше разорена и значительно опустошена самими варварами, при чем они снесли стены до основания» (цит. по: Вестберг 1910: 285).

В непосредственной близости от горы Эски-Кермена, к северо-западу от ее северной части, на скалистом мысе Кыз-Куле, представляющем собой северную оконечность возвышенности Тапшан, расположены руины средневековой башни с воротами (рис. 4), носящей татарское название Кыз-Куле («Девичья башня»)[14].

Руины башни Кыз-Куле являются остатками крепости, существовавшей на плато мыса к северу от башни. В древности по плато возвышенности Тапшан, в направлении с юга на север, к башне вела ездовая дорога. Перед самой башней, в месте наибольшего сужения массива Тапшан, дорогу пересекал неглубокий ров, шириной 5 м, вырубленный в скале.

Башня прямоугольная в плане (6,3 х 6,5 м). Высота ее южной части более 7 м. Толщина стен составляет 1,2 м. Башня имеет две стрельчатые арки. Стены сложены из местного камня на известковом растворе с примесью кварцевого песка и толченой черепицы. В настоящее время башня не имеет перекрытия. Внутри башня была трехъярусной.

Мыс к северу от башни представлял собой сильно укрепленное место площадью около 11 000 кв. м. В плане мыс Кыз-Куле имеет форму наконечника стрелы, острие которого обращено на север (рис. 5). Плато мыса ограничивается со всех сторон обрывами скал. Башня и остатки других построек сосредоточены в южной, широкой части мыса, непосредственно у рва.

Около башни раскопана небольшая часовня и пять вырубленных в скале гробниц. Гробницы в комплексе часовни обычного для Эски-Кермена типа. Датированы они XIII–XIV вв. Часовня функционировала в период XI–XIII вв. Укрепление погибло в огне сильного пожара на рубеже XIII–XIV вв. (Боданинский 1935; Якушева, Нижура 1972).

Н. И. Репниковым, наряду с отождествлением описанного топархом разрушенного города Климаты с Эски-Керменом, было высказано предположение о том, что остатки укрепления Кыз-Куле, находящиеся на возвышенности Тапшан, вблизи Эски-Кермена, к западу от северной оконечности его плато, располагаются на месте той «крепостцы» (φρούριον), о сооружении которой повествует «Записка готского топарха» (Репников 1932). Для создания в этом месте надежного укрепления достаточно было перегородить плато Тапшан в месте его наибольшего сужения перед северным мысом. На этом самом узком месте плато Тапшан стоит сложенная из камня башня Кыз-Куле, перед которой с южной стороны вырублен в скале ров.

Если допустить, что предположение Н. И. Репникова о местоположении «крепостцы» топарха верно, то, учитывая топографию северной оконечности возвышенности Тапшан, можно объяснить, почему автор «Записки» принял решение строить «крепостцу» (цитадель) для спасения в случае «великой опасности» рядом с городом, но не в самом городе.

Для сооружения цитадели можно было выбрать, например, такой же по площади как плато мыса Кыз-Куле, достаточно большой и вместительный участок территории на плато Эски-Кермена. Однако в этом случае пришлось бы возводить или восстанавливать крепостную стену на значительно большем протяжении, исчисляемом многими десятками метров, чего могли не позволить условия военного времени. «Записка» сообщает: «И она [крепостца] была выстроена с большой поспешностью и ограждена рвом; и вместе с этими… (приготовлениями) и война началась» (цит. по: Вестберг 1910: 285). Как отмечалось выше, башня и ров находятся в месте наибольшего сужения массива Тапшан, в точке соединения основного массива с северным мысом. Плато мыса представляет собой территорию крепости и ограничивается со всех сторон обрывами скал.

В «Записке» упоминается о восстановлении старой стены, возможно, в самом городе. Однако, согласно тексту третьего фрагмента «Записки», эта работа производилась после спешного строительства «крепостцы», после нападения и отступления «варваров», во время подготовки к дальнейшим военным действиям, перед собранием, созванном автором «Записки». По мнению Т. М. Фадеевой, «Записка готского топарха» сообщает об одной из попыток восстановления крепостных стен Эски-Кермена, после того, как они были снесены до основания (Фадеева 1998).

[13] А. И. Айбабин приводит факты, опровергающие мнение о разрушении крепостных стен Эски-Кермена в VIII в. (Айбабин 1991).

[14] По мнению У. А. Боданинского, проводившего исследование этого памятника в 1933 г., название «Кыз-Куле» (или «Кыз-Кулле») может быть местным искажением названия «Кез-Куле» – «Дозорная башня» (Боданинский 1935).

В первом фрагменте «Записки готского топарха», в описании переправы через Днепр, содержатся названия «Ворион», или «Борион» (Βορι(ών), и «Маврокастрон» (Μαυρόκαστρον). По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, Борион находился на острове Тавань, на Днепре, в месте известной переправы через Днепр, у нынешних городов Берислав и Каховка. Маврокастрон, по мнению А. Л. Бертье-Делагарда, располагался в урочище Черная Долина, на сухопутном пути от днепровского острова Тавань в Крым, в 25 верстах к югу от места днепровской переправы, на реке Конка. По сообщению А. Л. Бертье-Делагарда, Черная Долина в течение длительного времени была местом отдыха на пути в Крым, и в ней было построено временное укрепление, острог (Бертье-Делагард 1919).

Таким образом, топографические особенности горы Эски-Кермена и ее ближайшей округи, наряду с археологическими данными, а также общие географические сведения, содержащиеся в «Записке готского топарха», могут служить надежным основанием гипотезы Н. К. Репникова, связывающей «Записку готского топарха» с крымским «пещерным городом» Эски-Керменом.

Айбабин, А. И. 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии 2: 43–51. Симферополь: Таврия.

Артамонов, М. И. 1970. О так называемой записке готского или греческого топарха // Вестник Ленинградского университета 20. История. Язык. Литература. 4: 75–81.

Байер Х.-Ф. 2001. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

Бертье-Делагард, А. Л. 1919. К вопросу о местонахождении Маврокастрона «Записки готского топарха» // Записки Одесского общества истории и древностей 33: 1–20.

Боданинский, У. А. 1935. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Кулле по разведкам 1933 г. // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг.: 81–87. Москва: Ленинград: ОГИЗ.

Божилов, И. 1979. «Анонимът на Хазе»: България и Византия на Долни Дунав в края на X век. София: Изд-во на Българската Акад. на науките.

Бурачков, П. 1877. О Записке Готского Топарха // Журнал Министерства народного просвещения 192: 199–252.

Васильевский, В. Г. 1909. Записка греческого топарха // Труды В. Г. Васильевского: [В 4 т.]. Т. 2. Русско-византийские отрывки 1: 136–212. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.

1912. Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского: [В 4 т.]. Т. 2. Русско-византийские отрывки 2: 351–427. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.

Веймарн, Е. В. 1958. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма 2. Москва: Изд-во АН СССР.

1982. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Античная древность и средние века 19. Византия и ее провинции: 69–88. Свердловск: Изд. Урал. ун-та.

1992. «Пещерные города» Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму: 163–169. Симферополь: Таврия.

Вестберг, Ф. 1909. Записка готского топарха // Византийский временник 15/1 (1908): 71–132.

1910. Записка готского топарха. (Окончание) // Византийский временник 15/2–3 (1908): 227–286.

Гедеонов, С. А. 1862. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Записки Императорской Академии наук 1/1–[2]. Прил. № 3: I–VI, 1–128.

Голубовский, П. 1884. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев: Тип. И. И. Завадского.

Домбровский, О. И., О. А. Махнева. 1973. Столица Феодоритов. Симферополь: Таврия. (Из содерж.: Записка топарха: 38–45).

История Льва Диакона… 1820. История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей… / Пер. с греч. Д. Попова. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук. (Из содерж.: Исторические примечания на Историю Льва Диакона / [К. Б. Газе]. С. 179–200. Вольный перевод [письмо грека]…: 193–197).

Константин Багрянородный. 1991. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. 2-е изд., испр. Москва: Наука.

Кулаковский, Ю. А. 1914. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк… 2-е изд., перераб. Киев: Тип. С. В. Кульженко.

Куник, А. А. 1874. О записке Готского Топарха. (По поводу новых открытий о таманской Руси и крымских Готах) // Записки Императорской Академии наук 24/1–[4]: 61–160.

Ламбин, Н. 1874. О Тмутараканской Руси. Отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи» // Журнал Министерства народного просвещения 171, [отд. 2]: 58–95.

Левченко, М. В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва: Изд-во АН СССР. (Из содерж.: Гл. 6. К вопросу о «Записке греческого топарха»: 291–339).

Литаврин, Г. Г. 1957. «Записка греческого топарха» (Документ о русско-византийских отношениях в конце X вска) // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.): 114–130. Москва: Изд-во Моск. ун-та.

Медведев, И. П. 1994. Неожиданный Бенешевич: заметки по материалам архива ученого // Византийский временник 55 (80), ч. 1: 27–42.

Милюков, П. Н. 1897. Время и место действия записки греческого топарха // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве 1890 г. Т. 3: 278–289. Москва: Тип. А. И. Мамонтова.

Мошин, В. А. 1933. Русь и Хазария при Святославе // Seminarium Kondakovianum. Vol. 6. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines: 187–208.

Паршина, Е. А. 1988. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму: 36–59. Киев: Наукова думка.

Репников, Н. И. 1932. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры 12 (1–8): 107–152.

1932а. Остатки укреплений Эски-Кермена // Известия Государственной Академии истории материальной культуры 12 (1–8): 181–212.

1941. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения: 277–282. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.

Сахаров, А. Н. 1991. Дипломатия Святослава. 2-е изд., доп. Москва: Междунар. отношения. (Из содерж.: Еще раз о «Записке греческого топарха»: 108–122).

Талис, Д. Л. 1958. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX–X вв. // Византийский временник 14: 103–115.

Успенский, Ф. И. 1889. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X вв. // Киевская старина 25: 253–294.

Фадеева, Т. М. 1998. Тайны горного Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ. (Из содерж.: [Гл.] 6. Эски-Кермен и Кыз-Куле: 174–185).

Шангин, М. А. 1941. «Записка греческого топарха» как источник о войне русских на Балканах 970 года и зимой 971 года // Исторический журнал 9: 121–123.

Шестаков, С. П. 1908. Очерки по истории Херсонеса в VI–X всках по Р. Хр. // [Серия]: Памятники христианского Херсонеса. Вып. 3. Москва: Тип. О-во распространения полезных кн. (Из содерж.: Гл. 6. Херсон в X веке (продолжение). Распространение на территорию южного Крыма русского протектората (Записка готского топарха). [и др.]: 78–93).

Якушева, Е. М., А. М. Нижупа. 1972. «Пещерные города» Крыма: Путеводитель / Под ред. Е. В. Веймарна. Симферополь: Таврия.

Leonis Diaconi… 1819. Leonis Diaconi Caloënsis Historia, scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes… / Ed. C. B. Hase. Parisiis: Typ. Regia. (Ex cont.: Notae philologicae et historicae in Leonis Diaconi Historiam / C. B. Hase: 183–264. Epistola Graeci cujusdam…: 254_C–259_B).

Leonis Diaconi... 1828. Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / Ed. C. B. Hase. [etc.]. Bonnae: E. Weber. (Ex cont.: Notae philologicae et historicae in Leonis Diaconi Historiam / C. B. Hase: 397–512. [Epistola]: *...δυσχερῶς κατήγετο, ...*: 496–504).

Ševčenko, I. 1971. The date and author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers 25: 115–188; [18] sh. of ill. (28 plates).

Theophanis Chronographia: [In 2 vol.] / Ed. C. de Boor. Lipsiae: B. G. Teubner. 1883–1885.

Vasiliev, A. A. 1936. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.): Medieval Acad. of America. (Ex cont.: The period of the Russian protectorate over Gothia in the tenth century and the restoration of Byzantine power in the Crimea: 117–135).

MEDIEVAL DOCUMENT «REPORT OF THE GOTHIC TOPARCH» AND RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF ESKI-KERMEN AND ITS SURROUNDINGS

S. V. KHARITONOV

«Report of the Gothic Toparch» is an enigmatic medieval document discovered in the beginning of the 19th century by French byzantinist Ch. B. Hase in a collection of manuscripts composed in Greek. That collection included epistles of St. Basil, Phalaris, and St. Gregory of Nazianzus. In 1819, Ch. B. Hase published in Paris the «Report», provided with a Latin translation, as part of commentaries to the «History» of Leo Diacon. Hase believed that the birth-place of the «Report» was the Tauric Chersonesos and that the events described in this document were connected with the Crimean campaign of Russian prince Vladimir I in 988.

In Russia, the text of the «Report», published by Ch. B. Hase, was studied by N. Lambin and A. A. Kunik in the second half of the 19th century. These researchers came to the conclusion that the text originated not from Chersonesos but from the district of Gothia which lay to the east from the Tauric Chersonesos. On the basis of historical documents, A. A. Kunik dated the «Report» to the middle of the 10th century. In the opinion of some historians and philologists, the «Report of the Gothic Toparch» is the document that may throw light on those events in the Crimea which had been preceding directly the raid of Russian prince Svyatoslav I against Khazars in 965 (Куник 1874; Вестберг 1909; 1910; Кулаковский 1914; Vasiliev 1936).

In the 19th century, the fate of the collection with the text of the «Report of the Gothic Toparch» turned out to be dramatic. That collection probably had been brought to Paris from Italy shortly before 1815. In Paris, it was kept in the Royal library. However, nobody saw the collection after Ch. B. Hase and its traces are lost. It was believed to have been returned to Italy after 1814 or 1815 and kept in one of Italian book depositories (Куник 1874; Васильевский 1909; Vasiliev 1936; Левченко 1956).

Before the second half of the 20th century, the leading byzantinists, who studied the text of the «Report of the Gothic Toparch», did not doubt its authenticity. In the early 1970-s, American byzantinist I. Ševčenko supposed that the «Report of the Gothic Toparch» was a falsification written by Ch. B. Hase.

The facts presented in this article enable us to return to the traditional views on the «Report of the Gothic Toparch» as an authentic document.

The «Report of the Gothic Toparch» is written in Greek in form of travel notes. Its author calls himself the ruler of Klimata (τὰ Κλήματα) – a district which probably was situated not far from the Tauric Chersonesos. In 1929, N. I. Repnikov identified the town described in the «Report» in the district called «Klimata» with the Crimean «cave-city» Eski-Kermen.

Eski-Kermen is situated in the south-western part of the Mountainous Crimea, 20 km south-west from Bakhchisaray, on the flat summit of an isolated mountain ranged from north to south and surrounded by abrupt precipices. The approximate area of the city is 81,600 sq. m. Owing to archaeological investigations carried out in Eski-Kermen in 1928–1937 and 1978–1982 one may suppose that Eski-Kermen as a populated city existed since the 6th to the end of the 13th century.

N. I. Repnikov supposed in addition that the remains of fortifications of Kyz-Kule, close to Mt. Eski-Kermen, north-west of its northern part, are situated on the place of the «small fortress» (φρούριον), about construction of which the «Report of the Gothic Toparch» narrates.

In this article, topographical peculiarities of Mt. Eski-Kermen and its surroundings are described. These peculiarities along with archaeological data and the general geographical information derived from the «Report of the Gothic Toparch» may be considered as reliable bases of Repnikov's hypothesis which connects the «Report of the Gothic Toparch» with the Crimean «cave-city» Eski-Kermen.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЕЩЕ РАЗ О СТИНКОВСКОМ ВАРИАНТЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРИДНЕСТРОВЬЯ

(ответ на критические статьи А. С. Сытника)

Ситник О. С. 1999.
Стінківська мустьэрська культура: аналіз та інтерпретація джерел //
Археологический альманах, № 8, Донецк. С. 171–191.
Сытник А. С. 2000.
Новые памятники стинковской индустрии на Днестре
и их культурно-историческая интерпретация //
Stratum plus, № 1, Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест. С. 332–350.

Стинковский вариант среднего палеолита («стинковская культура» в ранних работах) выделен в 1965 году и детально описан в 1971 на материалах стоянки Стинка 1 и местонахождений Осыпка, Стинка 2 и 4 (Анисюткин 1971), расположенных в Среднем Приднестровье (Анисюткин 1969; 1977). Стоянка Стинка 1 была основательно обследована геологической группой (руководитель И. К. Иванова) Комиссии по изучению четвертичного периода Академии наук СССР еще в 1967 году, а результаты опубликованы в специальной статье (Иванова 1969). Одновременно были проведены палинологические исследования, выполненные палинологом и археологом М. Н. Клапчуком, которые хорошо согласовывались с геологическими заключениями. Геологи установили, что часть нижнего культурного слоя, расположенного под гумусированной прослойкой, находится здесь на своем истинном стратиграфическом уровне (Иванова 1969). Остальные кремневые изделия нижнего слоя, включая происходящие с западных квадратов и квадратов, расположенных ниже по склону, были частично перемещены или переотложены, но связаны с определенным литологическим слоем или приурочены к основанию плейстоценовых отложений, что позволило отделить их от находок вышележащего слоя. Напротив, кремневые и кварцитовые изделия верхнего слоя, соответствующие возможно уже началу верхнего палеолита или переходному времени, связаны в основном с сильно нарушенным слоем. Этот специфический среднепалеолитический вариант сосуществовал в Приднестровье с молодовским вариантом типичного мустье. Эти выводы получили научное признание и были использованы крупным отечественным специалистом по палеолиту В. Н. Гладилиным (хорошо знакомым с материалами Стинки 1 и Осыпки) при написании соответствующего раздела обобщающего труда по древнейшей истории Украины (Археология Украинской ССР 1985: 52).

В дальнейшем памятники с аналогичным Стинке 1 набором каменных изделий были выявлены как непосредственно в регионе – Шипот 1 и 2, гроты Буздужаны 1 и Выхватинцы (нижний слой), местонахождения Бобулешты 5 и ранний комплекс Варваровки 7 (Кетрару 1973), так и за его пределами – стоянки Мамая (Valoch 1968, 1993) в румынской Добрудже и Бетово на реке Десне в Брянской области (Тарасов 1977). Кроме того в пойменных отложениях Шипота 2 найдены кости лошади, а в культурных слоях гротов Буздужаны и Выхватинцы обнаружена обильная фауна четвертичных млекопитющих. Эти фаунистические материалы наряду с результатами палинологических и геологических изысканий, проведенных на стоянках Стинка 1, Мамая и Выхватинцы, позволяют привязать эти памятники к тем или иным подразделениям единого позднеплейстоценового лессово-почвенного разреза II надпойменной террасы Днестра. Последний весьма детально охарактеризован

благодаря междисциплинарным исследованиям, проведенным на мустьерских стоянках Кетросы, Кормань 4, Молодова 1 и 5.

В этой связи вызывают удивление две тенденциозные статьи известного украинского археолога А. С. Сытника (Ситник 1999; Сытник 2000), специально посвященные стинковскому варианту, где в состав стинковской индустрии произвольно включаются подъемные материалы из Тернопольской области для создания на их основе так называемой единой «стинковско-пилипчанской традиции». Далее в работе, на основе привлеченного подъемного материала, утверждается, что «памятники стинковско-пилипчанской традиции не имеют геологических реперов, которые могли бы пролить свет хотя бы на их относительную хронологическую позицию», а их коллекции переотложены (Сытник 2000: 348). Нет сомнения, что нестратифицированные материалы с поверхности 180-метровой террасы из района села Пилипче действительно не имеют геологического репера, но причем здесь все остальные памятники стинковского типа, включая стоянки с хорошо сохранившимися культурными слоями, и особенно из пойменных отложений II надпойменной террасы реки Днестр? Последние уверенно датируются периодом раннего вюрма от первого (удайского) стадиала и до первого ранневюрмского интерстадиала амерсфорт включительно, в чем единодушны не только российские (Гричук 1969; Иванова 1982), но и украинские геологи (Веклич 1968:).

Считаю необходимым остановиться на некоторых важных аспектах, не подвергая детальному анализу всю статью, в которой имеются многочисленные неточности. Ограничусь лишь несколькими примерами: слой 4 стоянки Тринка 1 (но не Трынка как у А. С. Сытника) датируется вюрмом 2 французской схемы, а не вюрмом II/III: для подобного омолаживания данного слоя, то есть относить его к интерстадиалу хенгело, у меня нет никаких оснований. В мустьерском слое грота Тринка 2, вопреки утверждению моего «оппонента», вообще нет никаких листовидных острий-бифасов. Последние происходят из соседнего грота Тринка 3. Также неверно утверждение, что все мустьерские комплексы Рипичени-Извор характеризуются микокскими формами двусторонних орудий. Для нижних слоев (I–III), которые отнесены А. Паунеску к мустье типичному (Paunescu 1993), эти формы нехарактерны.

Выводы А.С. Сытника основаны, подчеркну еще раз, только на подъемном материале с нескольких плохо изученных местонахождений и пунктов находок, обнаруженных на левобережье Днестра в пределах Тернопольской области. В трех шурфах, заложенных на опорном местонахождении Пилипче XI, в одном из которых вообще отсутствовали четвертичные отложения, найдено всего несколько кремневых изделий, связанных с основанием финальноплейстоценового лесса. Остальные объекты дали малочисленные коллекции, которые непригодны для полноценного научного анализа. Показательно, что включенный в эту группу бедный комплекс стоянки Касперовцы 1, отнесен к стинковской индустрии лишь на основании ссылки на мое предварительное определение, сделанное еще в 1968 году. В этом случае А. С. Сытник не выражает сомнения в моей компетентности и целиком соглашается с данным весьма слабо обоснованным предположением (Анисюткин 1969). Соответственно и нет никаких доказательств единства пелипчанской «культуры», коллекции которой собраны на поверхности.

Кремневые изделия пилипчанской группы отнесены А. Е. Сытником к стинковской индустрии лишь на основе находок листовидных бифасов, некоторые из которых по форме действительно сходны со стинковскими. В первую очередь это относится к листовидному бифасу с местонахождения Пилипче VII (Сытник 2000: рис. 10–1). Однако, мне известно немало примеров появления «стинковских» острий-бифасов в заведомо несходных индустриях. Для примера, укажу на бифасиальные формы из Антоновки II в Донбассе (Гладилин 1976: Табл. XLVI–6), из слоя III стоянки Заскальная VI в Крыму (Колосов 1986: Табл. XLVII–1), из мустьерских слоев стоянки Рипичени-Извор в Румынии (Paunescu 1993), а также из микокского слоя 7С пещеры Кульна в Моравии (Valoch 1988: Abb. 34–7). Примеры подобного рода легко можно найти на памятниках и более отдаленных территорий. Поэтому опора только на бифасы несостоятельна. Прочие технико-типологические показатели, которые начисто игнорируются моим «оппонентом», абсолютно разные. Это, в частности, касается и размеров каменных изделий. Хорошо известно, что во всех стинковских комплексах, независимо от качества сырья, всегда преобладают орудия мелких размеров. Это позволило В. Н. Гладилину включить стинковский вариант в микромустье зубчато-двустороннее (Гладилин 1976). Кроме того, в пилипчанском комплексе выразительны и относительно многочисленны леваллуазские формы, в их числе нуклеусы и отщепы, которые отсутствуют в коллекции Осыпки и нехарактерны для Стинки 1. Что касается орудий, то здесь вообще нет никаких соответствий, исключая, может быть, скребок высокой формы из Пилипче XI. Если же учесть, что бифасы найдены только на двух местонахождениях, то на каком основании отнесены к «пилипчанской» группе прочие пункты, где нет этих форм, включая и упоминаемую Осыпку?

В целом, для стинковской индустрии характерен набор признаков, которые в той или иной мере постоянны для всех комплексов. К их чис-

лу относится преобладание орудий мелких размеров (предметы размерами менее 50 мм составляют обычно свыше 65%). Пластины как правило малочисленны, а среди сколов-заготовок практически нет стандартных форм: наряду с преимущественно массивными клектонскими отщепами нередко использовались обломки и осколки соответствующих размеров. Среди ядрищ обычны укороченные по оси скалывания одноплощадочные формы с гладкими и скошенными ударными площадками и уплощенным фронтом. Из орудий показательны скребки на площадках отщепов (butt-scrapers английских исследователей), клювовидные формы, в их числе массивные острия, резаки (bill-hooks), долотовидные, а также ладьевидные орудия, включая ориньякоидные скребки. Типичны ножи с массивными ретушированными обушками и плоские резцевидные формы dejetes (пararезцы). Выявлена подтеска типа костенки. Многочисленны комбинированные орудия, на которых часто сочетаются элементы названных выше форм, в том числе ядрищное усечение («тронкирование») концов отщепов и пластин. Выемчатые и зубчатые орудия обычно преобладают, но, на мой взгляд, они лишь в малой степени могут рассматриваться в качестве культурного показателя.

При оценке природы зубчатых орудий мой критик встал на сторону тех специалистов, которые видят в зубчатой обработке лишь естественные повреждения, связанные с воздействиями разных природных факторов. Например, Н. Д. Праслов, на выводах которого основывается А. С. Сытник, увидел в мустьерской коллекции Белокузьминовки абсурдные 98% изделий с зубчатой ретушью (Праслов 1984), что не было подтверждено специальными исследованиями украинских коллег (Цвейбель, Колесник 1992). Однако, если заняться этим вопросом серьезно, пытаясь разобраться в существе проблемы, а не торопиться занять то или иное место в толпе сторонников отмеченного выше направления, то очевиден ряд игнорируемых фактов, которые противоречат постулату о естественной природе формирования зубчатых орудий. Прежде всего, это отсутствие тесной связи количества зубчатых и выемчатых орудий с типами стоянок: нередко данные формы многочисленны на лессовых стоянках и редки в скальных убежищах, где обломочный материал должен быть серьезным источником повреждений каменных изделий. Например, в мустье Крыма, представленного пещерными памятниками, этих орудий мало (Колосов, Степанчук, Чабай 1993), но они иногда относительно многочисленны в лессово-почвенных отложениях, где отсутствуют видимые источники повреждений. Упомяну в этой связи стоянку Кетросы (Анисюткин 1981), где зубчатые и выемчатые орудия весьма многочисленны, а также, для контраста, коллекцию из грота Бутешты с редкими выемчатыми и зубчатыми формами (Кетрару 1973). Выявляются целые регионы с разнообразными памятниками, в которых этих орудий или очень много, или они относительно малочисленны. В частности, в Центральной Европе нет подлинного зубчатого мустье. Например, в многослойном гроте Кульна, среднепалеолитические культурные слои которого связаны с различными отложениями, включая и отложения с обильным щебнем, выемчатых и зубчатых орудий всегда немного (Valoch 1988). С другой стороны, палеолит Китая и знакомые мне позднеплейстоценовые стоянки Вьетнама характеризуются, независимо от типа отложений, с которыми связаны культурные слои, обилием зубчатых орудий (Абрамова 1994). Вдобавок, в настоящее время установлена тесная связь зубчатости с теми или иными видами работ (Коробкова, Скакун, Шаровская 1982). Специалисты по неолиту спокойно анализируют орудия с зубчатой ретушью, выявляют на них следы работы и не отягощают себя миражом естественных повреждений (Скакун 1994). К тому же, важно подчеркнуть, что под зубчатыми орудиями сейчас нередко понимаются весьма разнообразные формы, для которых характерен, чаще всего, лишь зубчатый контур рабочего края орудия.

Листовидные бифасы, количество которых вариабельно, сами по себе не являются культурообразующими формами. Они единичны (или случайны) в коллекциях более ранних этапов стинковской индустрии, но обычны и даже многочисленны позднее, включая раннюю пору верхнего палеолита. Подобная закономерность наблюдается и на стоянке Рипичени-Извор.

Что касается атрибуции пилипчанской индустрии, то она, напомню еще раз, затруднительна из-за недостатка материала и слабой изученности местонахождений. Впрочем, если же в дальнейшем (вдруг) удастся подтвердить реальность данного локального варианта, то в этом случае возможна постановка иной, не менее интересной и важной проблемы, нежели выделение «стинковско-пилипчанской традиции» изготовления бифасиальных орудий. Сегодня сложно объяснить только внутренней эволюцией, происходившей в пределах определенных культурных традиций, внезапное появление в регионе во второй половине среднего палеолита многочисленных листовидных бифасов, которое наблюдается как в стинковской стратиграфической колонке, так и в Рипичени-Извор. Нет оснований отказываться здесь от возможной аккультурационной модели, связанной с возможным влиянием на различные среднепалеолитические варианты Восточного Прикарпатья так называемого «восточного микока» (Keilmesser-grupe немецких исследователей), который был очень широко распространен на соседних территориях Восточной и Центральной Европы. Именно с «восточным микоком», который представлен в Подолии таким стратифи-

цированным памятником, как Великий Глыбочок (Ситник 2000) и должна сопоставляться пилипчанская индустрия, имеющая не только аналогичные формы бифасов, но и сходные формы заготовок.

В заключение отмечу, что рассмотренная выше публикация А. С. Сытника, изложенная в двух статьях на украинском и на русском языках, демонстрирует пример сочетания тенденциозности и произвольного толкования фактов. Поражает методика конструирования локального варианта, когда недатированный подъемный материал, представленный разнородными и преимущественно малочисленными коллекциями каменных изделий, бездоказательно приравнивается к монолитному пласту стинковской индустрии. К тому же, отсюда произвольно выбраны только два вольно интерпретируемых памятника. Так для стоянки Стинка 1 полностью игнорируются основательные геологические исследования, дополненные палинологическими данными. На мой взгляд, это делается для того, чтобы освободить невнимательного читателя от фактов, «мешающих» ему воспринимать памятник (в трактовке А. С. Сытника) как переотложенный. Затем исподволь навязывается мысль о том, что в стинковских коллекциях существуют только бифасы и зубчатые орудия, а совокупность различных технико-типологических признаков, которые и положены мною в основу выделения стинковского варианта среднего палеолита, бездоказательно отметается. И далее, не желая заниматься основательным технико-типологическим анализом индустрий, который обязателен при подлинно научных изысканиях подобного рода, и который несомненно покажет ошибочность выделения так называемого «пилипчано-стинковского новообразования», мой критик ограничивается исключительно бифасиальными формами. Он не утруждает себя мыслью о том, что некоторые из них, как минимум, могут быть инородной примесью. Так единственный бифас из леваллуазского комплекса Пилипче VII может рассматриваться как случайный, не связанный с остальной коллекцией, что нормально для подъемного материала. Хочу отметить, что для получения более объективной научной информации я исключил из анализа коллекции Стинки 1 все подъемные материалы, собранные в начале исследования стоянки и представленные несколькими сотнями кремневых изделий.

Какие цели преследовал А. С. Сытник, публикуя в таком виде рассмотренную выше работу, неясно. Трудно понять причину того, почему опытный исследователь, автор профессиональных работ по палеолиту, отказался от научного анализа и необходимых доказательств, подменив стратифицированный и проверенный дальнейшими исследованиями материал недостаточно изученным подъемным материалом. К большому сожалению, сегодня, в силу сложившейся политической ситуации, невозможно, как прежде, провести на конкретных спорных памятниках дополнительную квалифицированную проверку с демонстрацией коллективу специалистов стратиграфических разрезов и участков культурного слоя. На это, вероятно, и рассчитывал А. С. Сытник, исподволь обвиняя меня в некомпетентности и прочих не менее страшных научных преступлениях.

Абрамова, З. А. 1994. Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века: 63–135. Санкт-Петербург: Наука.

Анисюткин, Н. К. 1969. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 11: 5–17. Ленинград.

1971. Мустье Пруто-Днестровского междуречья. Автореф. дисс. … канд ист. наук. Ленинград.

1977. Об археологических культурах мустье // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 18: 5–9. Ленинград.

1981. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре: 7–53. Москва: Наука.

Археология Украинской ССР. 1985. Первобытная археология. Том 1. Киев: Наукова думка.

Веклич, М. Ф. 1968. Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. Киев: Наукова думка.

Гладилин, В. Н. 1976. Проблемы раннего палеолита Русской равнины. Киев: Наукова думка.

Гричук, В. П. 1969. Растительность на Русской равнине в эпоху мустье // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР: 58–67. Москва: Наука.

Иванова, И. К. 1969. Геологическое строение реки Днестр в районе мустьерского местонахождения Стинка // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода 36: 129–136. Москва: Наука.

Иванова, И. К. 1982. Геология и палеогеография мустьерского поселения Молодова 1 // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре: 188–236. Москва: Наука.

Кетрару, Н. А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР 1. Кишинев: Штиинца.

Колосов, Ю. Г. 1986. Аккайская мустьерская культура. Киев: Наукова думка.

Колосов, Ю. Г., В. Н. Степанчук, В. П. Чабай. 1993. Ранний палеолит Крыма. Киев: Наукова думка.

Коробкова, Г. Ф., Н. Н. Скакун, Т. А. Шаровская. 1982. Определение функций каменных орудий по макропризнакам. XI Конгресс ИНКВА. Тезисы докладов 3: 173–174. Москва.

Праслов, Н. Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР: 94–134. Москва: Наука.

Скакун, Н. Н. 1994. Результаты исследования производственного инвентаря неолитического поселения Усое 1 (Болгария) // Экспериментально-трасологические исследования в археологии: 85–118. Санкт-Петербург: Наука.

Ситник, О. С. 1999. Стінківська мустьєрська культура: аналіз та інтерпретація джерел // Археологический альманах 8: 171–191. Донецк.

2000. Середній палеоліт Поділля. Львів.

Сытник, А. С. 2000. Новые памятники стинковской индустрии на Днестре и их культурно-историческая интерпретация // Stratum plus 1: 332–350. Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест.

Тарасов, Л. М. 1977. Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение // Палеоэкология древнего человека: 18–31. Москва: Наука.

Цвейбель, Д. С., Колесник А. В. 1992. Вторичная обработка камня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе // Российская археология 4: 119–130. Москва.

Paunescu, A. 1993. Ripiceni-Izvor. Paleolitic si Mesolitic. Bucuresti.
Valoch, K. 1968. Gesiment du Pleistocene superieur à Mamaia sur la côte Mer Noire. Le Prehistoire // Problemes et tendances: 465–472.
1988. Die Erforschung der Kulna-Hohle 1961–1976 // Anthropos, Band 24: 1–200, Brno.
1993. Les Industries du Paléolithique moyen du Mamaia-Sat. Roumanie // L'Anthropologie 97 (2/3): 239–264. Paris.

Н. К. Анисюткин.
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии палеолита.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ВЕЛИКИХ РАВНИН

Handbook of North American Indians, Vol. 13, parts 1–2.
Raymond J. DeMallie, volume editor.
Washington: Smithsonian Institution, 2001. 1360 pp.

Посвященный культуре Великих Равнин том Справочника по Индейцам Северной Америки, разбитый из-за большого объема на два отдельных переплета, продолжает серию, предыдущий выпуск которой уже был нами охарактеризован (Березкин 2002). Это освобождает от необходимости снова рассказывать о многотомнике в целом. Подчеркнем лишь, что он адресован специалистам. Авторы избегают догадок и допущений и не пытаются сделать картину прошлого более ясной, чем то позволяют факты. Это касается прежде всего разделов по лингвистике и археологии. О современных процессах пишется сдержанно и беспристрастно. Огромное внимание уделено библиографии, занимающей почти шестую часть листажа. Работа над томом началась в 1971 г., но ввиду приоритета, отданного другим выпускам Справочника, продвигалась медленно. Интенсивная подготовка издания была возобновлена в 1998 г., и в нынешнем виде том отражает состояние науки на 1998–2000 гг.

Великие Равнины (в современном американском словоупотреблении чаще просто «Равнины») – самый обширный среди историко-культурных ареалов Северной Америки, протянувшийся от границ тайги в центральной Альберте и Саскачеване до техасских субтропиков и от Скалистых гор до Иллинойса. Расположение отдельных районов по линии север-юг (более, чем 3000 км) определеляет огромные различия в зимних температурах, а по линии восток-запад – в количестве осадков (от 1000 мм до 250 мм, предельные значения от 2000 до 180 мм). Объединяющими признаками являются преимущественно равнинный с отдельными гористыми участками и открытый ландшафт (редколесья, лесостепи, степи, полупустыни), а также особенности местной фауны. Хотя бизоны не были единственным объектом охоты, а численность их стад значительно колебалась по периодам и районам, именно изобилие этих животных неизменно определяло хозяйственную специфику Равнин.

В своих нынешних границах Равнины как особая природная зона сформировались в раннем голоцене, примерно 10,000 л.н. Наименее определенна восточная граница ареала, где области высокотравных прерий на водоразделах и смешанных лесов по долинам рек расположены чересполосно. На западе некоторые котловины и плато в пределах Скалистых Гор мало отличаются по природным условиям от предгорного пояса – Высоких Равнин, а зона вдоль Мексиканского залива обладает собственными особенностями. Восточная область Равнин выделяется в особый субареал – Прерии, более обильный ресурсами, чем Высокие Равнины. Культура некоторых этносов, например, восточных шошони (отнесенных к Большому Бассейну) или апачей липан (описываемых в данном томе) также не вполне отвечает тем стандартам, которые признаются типичными для центральных областей ареалов. Вечный вопрос, является ли культурный ареал описательной (как полагал Э. Сэпир) или аналитической категорией (как доказывали К. Уисслер и А. Кребер), вряд ли решаем. Практика лишь показывает, что это деление лучше подходит для организации материала, чем какое-либо еще.

Каждый знает хотя бы немного об этнографии Равнин, о конных охотниках, которые жили в типи и скальпировали врагов. Об археологии известно гораздо меньше – в ареале мало ярких памятников и красивых вещей, эпохальные тенденции развития слабо выражены, а за мозаикой непродолжительных и локальных явлений непросто увидеть целостную картину смены культур. На протяжении тысячелетий Равнины были одной из периферийных областей Северной Америки, удаленной от центров культурогенеза на востоке, юго-западе и северо-западе. В конце I тыс. н.э. с наступлением теплого и влажного времени (викинги воспользовались им для плаваний к Ньюфаундленду и Лабрадору) восток и юг Равнин оказались втянутыми в процесс становления производящей экономики и усложнения социальных структур, хотя прямые импульсы Миссисипской цивилизации сюда практически не доходили. В XV веке роль земледелия опять сократилась, началось почти повсеместное возвращение к охоте на бизонов как основному роду занятий. Появление в конце XVI века лошади, проникшей из Мексики при посредничестве шошони, повлекло за собой изменения во всех сферах культуры и обеспечило ее небывалый расцвет в XVII–XVIII веках.

В рецензируемый том не включены материалы по палеоиндейской эпохе. Их предполагается рассмотреть отдельно в масштабе всего континента. Граница между Палеоиндейским и Архаическим временем определяется началом альтитермаля. Принципиальной разницы между палеоиндейскими памятниками финального плейстоцена и раннего голоцена ни в Северной, ни в Южной Америке не просматривается. Хотя в большинстве регионов планеты альтитермаль принято называть климатическим оптимумом, на Равнинах он соответствовал аридизации. Произошло сокращение поголовья копытных и соответственно – населения. Археологическим маркером перехода к Архаике служит смена господствующих типов кремневых наконечников. Вместо ланцетовидных появляются подтреугольные, имеющие с обеих сторон по выемке в нижней части – с боков или по углам. Эта смена коснулась всех территорий от Атлантики до Калифорнии, но точная синхронизация отдельных локальных эпизодов подобного рода пока неосуществима. Также неясно, где именно начался данный процесс, куда новые формы проникли в результате диффузии, а где неизвестные ранее типы орудий свидетельствуют о появлении нового населения. Другая тенденция, характерная для Архаики – распространение терочных камней, связанных с обработкой растительных продуктов. Начало данных процессов относится к 7000–6500 г. до н. э., то есть около 7500 лет назад по радиоуглероду без поправки. Редакцией Справочника рекомендовано использовать калиброванные даты, что вызывает определенные трудности при обращении к ранним периодам, поскольку археологи, занимающиеся палеоиндейцами, продолжают употреблять условные даты «от наших дней».

Огромная меридиональная протяженность ареала заставила авторов археологических глав отказаться от рассмотрения синхронных процессов на всей его территории и описывать материал отдельно по трем-четырем областям. Обобщая приводимые данные, можно заключить, что между 6500 и 3000/2500 до н.э. в пределах Равнин обживались лишь небольшие территории, где по тем или иным причинам увлажненность не упала ниже критического уровня. На слабость трансареальных связей указывает разнообразие локальных типов каменных наконечников. Вместе с тем нет свидетельств того, что с наступлением альтитермаля или с его окончанием на Равнинах произошла кардинальная смена населения. Другое дело, что мы понятия не имеем, представители каких языковых семей могли здесь жить ранее I тыс. до н. э. Почти все известные народы (атапаски, юто-ацтеки, алгонкины, сиу и кэддо) проникли на Равнины гораздо позже, некоторые уже после Колумба. Исключение, вероятно, составляют тонкава в Техасе и, возможно, кайова. Язык кайова родственен языкам земледельцев пуэбло (конкретно тива, тева и других таньо) на Рио-Гранде, но непосредственные предки кайова недавно переселились на юг Равнин из северо-западного Вайоминга. Где находилась прародина кайова-таньо, не установлено. Каких-либо сведений о до-юто-ацтекских языках тех областей Большого Бассейна, которые прилегают к Великим Равнинам с Запада, также нет.

Юго-западный угол Равнин в Колорадо, Техасе и Оклахоме отличался от остальных территорий и являлся в определенном смысле периферией американского Юго-запада. Наряду с подвижными охотниками-собирателями здесь существовали относительно оседлые группы. С начала Архаики в Колорадо встречаются постройки из обмазанных глиной растительных материалов (wattle-and-daub), для других районов Равнин совершенно нехарактерные. В I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. местная культура близка предковой для пуэбло культуре корзинщиков, хотя следов земледелия не обнаружено. В конце этого периода здесь появляются круглоплановые дома, сложенные из камней без раствора. В пищу широко употреблялись желуди, что вообще типично для Северной Америки (для сравнения отметим, что в Леванте для докерамической эпохи следов употребления желудей в пищу не зафиксировано; McCorriston 1994). Комплекс энтилоуп крик на северо-западе Техаса (XIII–XV вв. н. э.) включает настоящие оседло-земледельческие поселки из примыкающих друг к другу прямоугольных домов, сложенных из каменных плит. Керамика связана с традициями востока США, но есть и импортная посуда пуэбло.

Ниже по реке Вашита (притока Ред-Ривер) встречаются подражания миссисипской керамике из Спиро-Маунд. Оставление подобных поселений во второй половине 15 века и вероятное превращение их обитателей в обычных для Равнин охотников на бизонов есть один из частных эпизодов произошедшего в это время общего коллапса Большого Юго-запада и вместе со всей периферией, что привело к исчезновению культур фремонт (в пределах Большого Бассейна) и могольон (в северной Мексике – на крайнем юге Аризоны) и редукции главной на Юго-западе традиции анасази до ее этнографически известных фрагментов – хопи, зуньи, западных керес и пуэбло на Рио-Гранде. В целом материалы Равнин ясно свидетельствуют о том, что в аридных зонах переход к производящей экономике и отказ от нее определялись не какими-то глобальными закономерностями развития, а климатическими колебаниями. То же касается и северной земледельческой границы с той разницей, что критическим фактором там являлись не осадки, а температура.

Мощным источником новых для Равнин культурных импульсов был вудленд – комплекс традиций востока США, для которого характерны появившаяся в III тыс. до н. э. керамика, самородная медь (с начала III тыс. до н. э.), употреблявшаяся не менее широко, чем в переднеазиатском энеолите, курганные захоронения и фигуративное искусство (с I тыс. до н. э.). В пределах Равнин первый ясно ощутимый импульс с востока связан с культурой безант на севере ареала, начало которой датируется VII–VI вв. до н. э. Вместе с безант появляются керамика с отпечатком веревки, большие наземные конические жилища с опорными столбами по центру и вторичные захоронения в курганных насыпях, имеющих поперечник от 16 до 30 м и высоту до 2 м.

Возможно, что создатели культуры безант были лучшими охотниками на бизонов в период до появления лошади. Сохранились следы корралей, в которые загоняли стада. На охоте, скорее всего, использовали собак, известных индейцам Равнин по крайней мере с конца палеоиндейской эпохи. В слоях под скальными навесами обнаружены и свидетельства собирательства – остатки съедобных луковиц, ягод, семян, а также терочники.

Наличие в безант курганных захоронений есть весьма заметное новшество. В ареале Равнин, особенно в северных районах, могильники почти не встречаются, а индивидуальные захоронения редки и скорее всего отражают не культурную норму, а аномальные исключения (например, погребение убитых врагов). Судя по этнографическим и фольклорным данным, покойника оставляли на открытом помосте (иногда подвергая кремации), и обнаружить подобные останки нет никаких шансов.

В том, что касается экономики, культура Равнин, особенно на северо-западе, во многом продолжала палеоиндейскую традицию. Сохранение прежних основ хозяйства могло способствовать и консервации других черт. Не исключено, что погребальный обряд обитатели Равнин унаследовали именно от палеоиндейцев. Несмотря на значительное число исследованных кловисских памятников, антропологический тип оставивших их людей определить так и не удалось за неимением сохранившихся черепов. Есть и другое «негативное» сходство палеоиндейцев с более поздними обитателями Равнин – отсутствие наскального искусства. Возраст датированных петроглифов на Равнинах не превышает одного-двух тысячелетий. Это обстоятельство контрастирует с обилием раннеголоценовых наскальных росписей в Южной Америке.

Примерно во II веке н. э. от северной границы Равнин до Вайоминга распространяется культура авонлеа. С большой вероятностью ее приписывают южным атапаскам (предкам навахо и апачей), двигавшимся из канадской тайги на юг. Во второй половине I тыс. н. э. авонлеа распространилась в верховьях Миссури. Исчезновение там этой культуры около 1300 н. э. немного предшествует предположительному времени прихода навахо и апачей на Юго-запад (об их дальнейшей судьбе там в конце рецензии).

Люди авонлеа первыми на Равнинах стали употреблять лук и стрелы, а не одну лишь копьеметалку. Возможно даже, что сама экспансия атапасков, начавшаяся во второй половине I тыс. до н.э. откуда-то из района на стыке юго-восточной Аляски, Юкона и Британской Колумбии, была связана с переходом к более эффективной охоте с помощью лука и стрел. Лук атапаски заимствовали от эскимосов. На востоке США (равно как и в Южной Америке) простейший лук мог быть изобретен независимо (Bittmann, Munizaga 1979; Nassaney, Pyle 1999), однако в ареале Равнин он появляется именно вместе с авонлеа.

Около 800 н.э. на севере Равнин возникает культура олд вимен, от которой прослеживается прямая преемственность к местным алгонкинам – черноногим и гровантр. Есть основания подозревать, что предковым для олд вимен комплексом являлся – в обход авонлеа – безант. По лингвистическим данным прародина алгонкинов находилась в регионе Великих Озер, а языки черноногих и затем гровантр первыми проникли на Равнины. Эта реконструкция – принимая в расчет датировку начала безант – достигает того максимума временной глубины, который достижим для рассматриваемого ареала. Невозможно, однако, сказать, каким образом и когда прото-алгонкины проникли к Великим Озерам откуда-то из ареала Плато, что должно было случиться, учитывая факт родства прото-алгонкинского с языками юрок и вийот на побережье северной

Калифорнии. Следов таежной лексики в языке черноногих не обнаружено.

Поздним Архаическим периодом (1000 до н. э. – 500 н. э.) на севере Равнин датируются древнейшие кольцевые каменные выкладки, которые характерны и для последующей эпохи. Принадлежность выкладок конкретным культурам определить, как правило, не удается. Размеры выкладок не позволяют видеть в них следы жилищ. Ранее появления лошади шесты для типи имели не более 2 м в длину, ибо волокуши, в которые впрягали собак, не годились для перевозки тяжелых и длинных шестов. Соответственно жилища были небольшего размера. Выкладки диаметром 7 и более метров вряд ли имели крышу. Скорее речь идет о сооружениях для проведения главного ежегодного ритуала, условно именуемого Пляской Солнца. На юг Равнин этот ритуал проник уже в период после Колумба, но на севере, по-видимому, являлся центральным событием календарного цикла с гораздо более раннего времени.

В VIII в. н. э. на востоке Великих Равнин, а именно на средней Миссури и на ее притоке Платте появляются оседло-земледельческие поселения. Земледельческая колонизация затрагивает и юг ареала. Этот процесс был скорее всего обусловлен демографическим взрывом на Юго-востоке США после проникновения туда (из Мексики и, может быть, из Южной Америки) высокоурожайных сортов кукурузы. Вместе с кукурузой обычно выращивали фасоль и тыквы, а на Равнинах также подсолнечник. Внедрившиеся с востока по долинам рек земледельцы говорили на кэддо (вичита, пауни, китцаи, арикара), а также на сиу, точнее на тех языках этой семьи – кроу-хидатса и мандан, – которые раньше других отделились от основного ствола (характерно, что у кроу память о далеких переселениях не сохранилась). Прародина сиу находилась в бассейне Огайо, о чем свидетельствуют как маршруты миграций отдельных племен, так и родство прото-сиу и языка катавба в Каролине. Кэддо распространялись с низовьев Миссисипи. Предковые археологические культуры некоторых групп (в частности относительно далеких по языку, но очень близких по культуре мандан и хидатса) выделяются с полной определенностью. В других случаях трудно определить, имеем ли мы дело с сиу или с кэддо.

Поселения земледельцев, начиная с XV века в ряде случае укрепленные, располагались в поймах главных рек. Половину года жители занимались охотой, и деревни стояли почти пустыми. Жилища представляли собой землянки поперечником от 10–15 до 20 м, чаще прямоугольные, реже круглые, крытая дерном крыша опиралась на столбы. Подобный тип дома заставляет вспомнить о северных атапасках и эскимосах, но в ареале Равнин свидетельствует вовсе не о северных, а о восточных связях. Наследием вудленда в культуре поселений на Миссури являются керамика с отпечатком веревки и фигурные каменные курительные трубки. Надо отметить, что в отсутствие столь распространенных у земледельцев Центральной и особенно Южной и Центральной Америки наркотиков и алкоголя, табак у североамериканских индейцев был единственным стимулянтом и играл огромную роль в ритуале. В отличие от пищевых культурных растений, табак выращивали мужчины. Местные виды табака разводили даже охотники-собиратели, не знакомые с другими формами земледелия.

В последние века до появления европейцев на Великие Равнины из районов к западу от озера Мичиган переселились три другие группировки сиу: дакота, или собственно сиу (ассинибойн-стоуни, лакота, они же тетон, янктон-янктонаи, санти), чивере (айова, ото, миссуриа) и дегиха (омаха-понка, канса, осэдж). Большинство из перечисленных групп к периоду европейских контактов устратили навыки земледелия (если имели их), остальные занимались им мало. Несколько позже из района к западу от озера Верхнего продвинулись шейены – охотники-собиратели, по языку алгонкины, которые, оказавшись на Великих Равнинах, перешли к специализированной охоте на бизонов и научились от индейцев средней Миссури некоторым навыкам огородничества. Вместе с кри и оджибва шейены оттеснили на юг и запад те алгонкинские группы (черноногих, гровантр и арапахо), которые проникли в ареал раньше.

Чивере (вместе с родственными им, но оставшимися на Среднем Западе виннебаго) считаются прямыми потомками создателей культуры онеота, сформировавшейся в X веке в центральном Висконсине близ условной восточной границы ареала Равнин. Ее создатели сеяли кукурузу, но присваивающие отрасли могли играть в их хозяйстве большую роль. В XII–XIII вв. онеота контактировала с Миссисипской цивилизацией, о чем свидетельствует появление в некоторых районах пирамидальных земляных платформ под особо значимые постройки, высококачественной парадной керамики, фигуративных изображений с характерными миссисипскими элементами. В это время сама миссисипская «столица» Кахокия уже переживала кризис и вскоре оказалась покинутой, на первый план выдвинулись более южные и восточные центры. Хотя кризис Кахокии был, как считается, вызван в конечном итоге изменением климата, предки чивере могли приложить здесь свою руку (Steadma 1998).

Что касается кэддо, то их самая северная группа, арикара, вышла на Миссури и образовала единую культурную общность с мандан и хидатса. К XIX веку арикара даже в неурожайные годы обеспечивали себя земледельческими продуктами, а обычно еще и выменивали кукурузу на мясо и шкуры бизонов. Вичита же и пауни

после появления лошади от земледелия почти отказались.

Бóльшая часть Справочника отведена характеристике тех культур, по которым существуют этнографические и этно-исторические данные. Говоря об экономике, нельзя не упомянуть факты, свидетельствующие о специализации охотников. Одиночные охотники приближались к бизонам, замаскировавшись волками, а зимой гнали животных в глубокий снег. Наилучшие результаты давало преследование бизонов, которых гнали к обрыву. Падая с него, десятки и сотни животных гибли одновременно. Достоверных фактов о существовании подобного метода ранее I тыс. до н. э. нет. На северо-западе Равнин, а до появления лошади у восточных шошони бизонов иногда блокировали в верховьях узких долин и убивали в то время, когда шкуры больше всего годились для изготовления зимней одежды. Можно отметить, что в Центральных Андах именно временное удерживание диких копытных в загонах скорее всего привело к их одомашниванию, причем и в Перу – если судить об эпохе Инков – индейцы в этом случае стремились получить не столько мясо, сколько шерсть, то есть опять-таки материал для изготовления одежды. Но если индейцы Равнин и сделали шаг в направлении становления скотоводства, ничто не свидетельствует о том, что бизон когда-либо мог бы быть одомашнен.

Земледелие на Равнинах имело характер огородничества, и лишь у мандан, хидатса и арикара отдельные обработанные участки в пойме в совокупности образовывали значительные по размеру поля. Растения сажали штучно на круглых грядках, имевших около полуметра в диаметре. Земледелием занимались женщины, используя мотыгу из бизоньей лопатки, деревянную копалку, роговые и деревянные тяпки. Использование мотыги типично для Северной Америки. В Перу и вообще в Южной Америке она была неизвестна.

Посвященный Равнинам том содержит особенно ценные сведения для исследователей социо- и политогенеза. Культуры народов, проникавших на Равнины с разных сторон, первоначально имели друг с другом мало общего, однако быстро восприняли новые и единые для всего ареалы стандарты. Прежде всего это календарно-хозяйственный ритм. Помимо семьи, выделяются социальные образования двух уровней: локальная группа (англ. band) численностью от нескольких десятков до нескольких сотен людей и племя. Подвижные племена Высоких Равнин зимой дробились на локальные группы, а летом собирались вместе, ставя типи по кругу. Расположение семейных типи в пределах круга не изменялось, а жилища вождей располагались в центре. Круг жилищ мог иметь космологические ассоциации (земля – небо у омаха). В летние лагеря иногда собирались вместе несколько племен. В 1876 г. в Литтл Бигхорн стояли, образуя каждое свой круг из типи, четыре племени сиу и одно арапахо и шейенов, вступивших к тому времени в союзнические отношения. Председателем племенного совета являлся наиболее уважаемый глава одной из локальных групп.

Арикара, мандан и хидатса на Средней Миссисипи следовали сходному, но усложненному ритму, собираясь в летний лагерь для главной бизоньей охоты, а в базовое поселение для проведения земледельческих работ.

Зимнее разделение племени было обусловлено отсутствием в это время крупных стад бизонов. Известно, что однажды шейены решили не расходиться и оказались перед угрозой голодной смерти. Летнее соединение в крупные лагеря диктовалось нуждами обороны, именно летом велись военные действия. Оптимальная численность племени составляла, вероятно, 2–3 тысячи человек (так у шейенов, арапахо, гровантр, омаха, канса). Имевшие численность менее 1 тысячи (сарси, степные апачи, айова, ото, миссуриа, понка) примыкали к иноязычным племенам и иногда оставались на одном месте круглый год. Численностью 4–10 тысяч вообще не действовали как единое целое. У черноногих было 3 племени, у пауни 4, у кроу и осэдж по 2, у лакота 7, у команчей 4 основных и несколько мелких. Подобные подразделения имели собственные территории и часто собственный диалект.

Годовой ритм у индейцев Равнин похож на тот, который характерен для индейцев языковой семьи *же* в Восточной Бразилии (Margolis, Carter 1979; Maybury-Lewis 1979; Werner 1983). В обоих случаях социальная организация была основана на системе родов и фратрий. У *же* сбор в базовое поселение определялся нуждами обороны, необходимостью проведения земледельческих работ и общеплеменных ритуалов. Численности групп, в составе которых люди рассредотачивались по территории для занятий охотой и собирательством, была меньшей, чем на Равнинах (порою просто нуклеарные семьи). Столь небольшие размеры групп объясняются отсутствием на Бразильском нагорье крупных стадных животных и общей бедностью фауны. Зато предельная численность обитателей сезонных поселений (2–3 тысячи человек), равно как и кольцевая планировка деревень с постоянным местом отдельных подразделений в пределах кольца одинаковы. Это заставляет предполагать наличие конкретного социального механизма, ответственного за подобную картину.

В военных походах индейцев Равнин участвовали неженатые молодые мужчины, стремившиеся повысить свой престиж и для этого добыть скальп или угнать лошадей. Но хотя отдельные стычки редко вели к значительным потерям, в целом в противостоянии участвова-

ли крупные группировки племен. Так ассинибойн сперва воевали со степными кри, затем помирились с ними, став врагами дакота – своих бывших союзников. Поразительной особенностью черноногих является участие в военных действиях множества девушек, с детства сменивших сексуальную ориентацию и ведших себя по-мужски. В 1844 г. один из торговцев встретил отряд из 1000 мужчин и 200 девушек во главе с подобной амазонкой. Эти факты позволяют по-новому взглянуть на известные исторические данные о сарматах и на соответствующие фольклорные мотивы в тюркской эпике (каракалпакский «Кырк кыз»). Речь может идти не о чистом мифе (и, естественно, не о «пережитках матриархата»), а о статистически редком, однако приемлемом для кочевого общества варианте организации.

Баланс власти между нижним и верхним уровнями руководства на Равнинах варьировал, но склонялся скорее в пользу низшего уровня. У шейенов было 10 групп, каждую в племенном совете представляли 4 вождя. Омаха делились на 10 родов по двум фратриям, вожди фратрий являлись верховными вождями племени. У ассинибойн и степных кри формальная организация выше локальной группы вообще отсутствовала. Социальную интеграцию обеспечивали системы родства. Какова бы она ни была в прошлом, с проникновением на Равнины и переходом к специализированной охоте на бизонов мужчины одного поколения должны были действовать сообща и быть классифицированы как «братья». Браки обычно заключались между членами разных локальных групп, обеспечивая поддержание связей на уровне племени. Пауни, у которых каждая деревня считалась эндогамной, являются исключением. В мужские союзы также входили представители разных локальных групп. У сиу вождь и совет старейшин назначали молодых мужчин в качестве акичита – полицейских. Те поддерживали повседневный порядок, наказывая сурово и быстро, но их действия можно было обжаловать, и тогда самих акичита наказывали вдвое суровее. Посредники из числа уважаемых глав семей улаживали конфликты между советом и акичита.

Наиболее значительная социальная стратификация заметна у кэддо, точнее у пауни и особенно арикара, у которых существовала аристократия, а вожди были наследственными, хотя их власть уравновешивалась властью религиозных лидеров. Общинники арикара могли достичь высокого статуса индивидуально, но их дети его не наследовали. В середине XIX века стратификация усилилась там, где она раньше была очень слабой. Примером служат черноногие, неожиданно разбогатевшие, благодаря спросу на шкуры бизонов со стороны евроамериканцев.

В большинстве случаев принятие решений у индейцев Равнин основывалось на консенсусе среди высших должностных лиц, а целостность общества обеспечивалась личными связями на основе родства и принадлежности к различным союзам. В мужские союзы кооптировали за заслуги. Ценились, как и во всех случаях, воинская доблесть и щедрость. Можно было принадлежать к разным союзам, в одном и в нескольких племенах. Члены союзов обсуждали вопросы обороны и нападения, организовывали праздники и церемонии.

Символом родовой и племенной солидарности служили свертки с предметами, считавшимися вместилищами мистической силы. Жрецы занимались общественными делами и являлись хранителями подобных святынь. Статус знахарей зависел лишь от того, насколько успешно они лечили. Наличие высшей и низшей категорий религиозных специалистов отмечено у многих индейцев Америки.

Может возникнуть вопрос, насколько данные по социальной организации индейцев Равнин допустимо учитывать при реконструкции типологически близких древних обществ Евразии. К сожалению, о возможном системном сходстве имеет смысл говорить лишь для времени, которое в евразийских степях предшествовало распространению скотоводства, а в Америке – лошади, а это значит сравнивать одно плохо известное с другим. Кроме того, нет никаких доказательств того, что свойственная всем индейцам (хоть и в разных формах) фратриально-родовая организация существовала у создателей днепродонецкой или ботайской культур. Без подобной организации функционирование летних охотничьих лагерей или сезонных деревень земледельцев трудно себе представить.

Изобразительному искусству как таковому в Справочнике уделяется мало внимания, но рассматриваются техника создания изображений и социальные аспекты их функционирования. Как и на Северо-западном побережье, по этнографии которого тоже есть достаточно данных, существовало искусство мужское и женское. Первое было фигуративным и ритуально значимым, второе – геометрическим и прикладным. Аналогичное разделение между мужским и женским искусством отмечено, например, у кадувео в Южной Америке (Ribeiro 1950: 34).

Владение предметом с изображением не означало права на воспроизводство самого образа. Это право могло быть унаследовано, подарено, куплено, захвачено как трофей, получено взаймы или во время инициации. Особенно ценились изображения на типи и на щитах, являвшиеся такой же частью определенных ритуальных комплексов, как и песни, молитвы, поведенческие предписания, раскраска лица и т.п. Шкуры для покрытия типи заменяли через год-два, но каждый раз на них вновь наносили прежние изображения. У сарси обычные типи принадлежали женщинам, но раскрашенные – мужчинам.

У черноногих изображениями покрывались только на типи вождей.

Изображения копировались и распространялись, но их толкование легко менялось. Это надо иметь в виду всем, кто пытается интерпретировать древние образы, обращаясь к письменным документам других эпох или к этнографии. Изобразительный элемент что-то значит лишь в контексте определенной культуры. Попытки его «дешифровки», исходя из другого контекста, совершенно неправомочны.

У индейцев Равнин женщины раскрашивали и расшивали иглами дикобраза (а позже полученным от европейцев бисером) одежду и бытовые предметы. Все «женские» стили не только Равнин, но и сопредельных ареалов использовали сходный набор геометрических элементов – разноцветных треугольников и удлиненных прямоугольников. Этот канон легко опознается как специфически североамериканский. А. Кребер еще сто лет назад показал, что его элементы не развились из натуралистических форм, хотя имеют животные наименования. В XVII веке алгонкинами восточной Канады был заимствован от французов цветочный орнамент, затем распространившийся до Аляски. Он затронул и северные районы Равнин, появившись у санти дакота в конце XVIII в., у более западных групп – в середине XIX в. В основе подобной диффузии – проникновение вглубь континента французских торговцев. Ранее растительные мотивы в искусстве индейцев отсутствовали.

В томе много сведений о религии индейцев Равнин, основанной на поиске личного контакта с мистической силой, но мало данных о мифологии (это не касается библиографии – она неизменно исчерпывающа). Добавим от себя, что наборы мотивов на севере Равнин мало отличаются от характерных для алгонкинов лесной зоны Канады и Среднего Запада, а тексты более южных племен содержат элементы, распространенные на Юго-западе. Есть также мотивы, специфичные именно для Равнин. Все это вполне согласуется с культурной историей ареала, начиная с Архаики. Более далекие аналогии с Южной Америкой и с Сибирью мы сейчас не рассматриваем.

Археологические материалы по юго-западу Равнин объясняют загадку мифологии южных атапасков. Последняя не имеет почти ничего общего с традициями атапасков Канады, от которых языковые предки апачей и навахо окончательно отделились около тысячи лет назад (см. выше об авонлеа и мнение лингвистов в Campbell 1997: 112; Foster 1996: 75–76). Зато мифология апачей и особенно навахо очень сходна с мифологией индейцев пуэбло и едва ли не демонстрирует более концентрированный набор «юго-западных» мотивов, чем зафиксированный у отдельных групп самих пуэбло. То же во многом касается и изобразительного искусства южных атапасков. По-видимому, навахо и апачи не столько заимствовали новые элементы культуры от обитателей Орайби, Лагуны или Ислеты, сколько смешались со вчерашними оседлоземледельческими – однако незадолго перед тем вернувшимися к охоте и собирательству – группами Техаса и Оклахомы. Вполне вероятно, что подобные группы были разноязычны, и в такой ситуации распространение среди них языка более мобильных пришельцев (т.е. атапаскского) закономерно. Отсюда как параллели в духовной культуре южных атапасков и пуэбло (несмотря на резкие отличия в образе жизни в исторический период), так и генетическая близость соответствующих популяций (Cavalli-Sforza a.o. 1994: 323–324, figs. 6.9.2, 6.10.1, 6.10.2), которую одними лишь контактами объяснить невозможно.

Значительная часть тома посвящена истории индейцев Равнин после организации резерваций, а также современной культуре, в частности религиозным движениям, общественной жизни, искусству.

55 авторов поставили свои подписи под отдельными главами посвященного Равнинам тома Справочника. Хорошо, если число тех, кто заглянет в него немедленно после выхода из печати, окажется хотя бы в 10 раз большим. Но именно такого рода издания, громоздкие и старомодные в своем педантизме, образуют золотой фонд науки, закрепляют достигнутые ею рубежи и, вне всяких сомнений, будут востребованы новыми поколениями исследователей.

Березкин, Ю. Е. 2002. Археология и этнография индейцев Плато // Археологические Вести 9: 239–245.

Bittman B., J.R. Munizaga. 1979. El arco en América: evidencia temprana y directa de la culura Chinchorro (Norte de Chile) // Indiana 5: 229–251.

Campbell, L. 1997. American Indian Languages. The Historical Linguistics of Native America. New York, Oxford: Oxford University Press.

Cavalli-Sforza, L., P. Menozzi, A. Piazza. 1994. The History and Geography of Human Genes. Princeton: Princeton University Press.

Foster, M. K. 1996. Languages and the culture history of North America // Handbook of North American Indians, vol. 17. Languages. Pp. 64–110. Washington: Smithsonian Institution.

Margolis, M. L., W. E. Carter, eds. 1979. Brazil. Anthropological Perspectives. Essays in Honor of Chetles Wagley. New York: Columbia University Press.

Maybury-Lewis, D., ed. 1979. Dialectical Societies. The Gê and Bororo of Central Brazil. Cambridge, London (Harvard Studies in Cultural Anthropology 1).

McCorriston, J. 1994. Acorn eating and agricultural origins: California ethnographies as analogies for the ancient Near East // Antiquity 68(258): 97–107.

Nassaney, M., K. Pyle. 1999. The adoption of the bow and arrow in Eastern North America // American Antiquity 64(2): 243–263.

Ribeiro, D. 1950. Religião e Mitologia Kadiuéu. Rio de Janeiro: Serviçio de Proteção aos Indios.

Steadman, D. W. 1998. The population shuffle in the Central Illinois valley: a diachronic model of Mississippian biocultural interactions // World Archaeology 30(2): 306–326.

Werner, D. 1983. Why do the Mekranoti trek? // Adaptive Responces of Native Amazonians: 225–238. New York a.o.: Academic Press.

Ю. Е. Березкин

Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ПАКИСТАНСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Farid Khan, J.R. Knox and K.D. Thomas.
Explorations and Excavations in Bannu District, North-West Frontier Province, Pakistan, 1985–1988. British Museum Occasional Paper № 80.
170 pages, 71 figures, 21 plates.
1991. London: Department of Oriental Antiquities.

Рецензируемая работа является предварительным полевым отчетом, посвященным археологическому обследованию одного из районов северо-западной пограничной провинции Пакистана – равнины Банну, расположенной к западу от Инда. На западе она граничит с Афганистаном, на северо-востоке – с Кашмиром, на юге ее подпирают уступы Соляного хребта, прорезаемые ущельем Куррама и седловиной Пезу. Работа состоит из введения, пяти глав и заключения.

Во введении (с.VII–VIII) изложена история изучения региона, начиная с разведок А. Стейна в 1904–1905 гг. В 1976–1978 гг. Кембриджская археологическая миссия в Пакистане (во главе с Ф. Р. и Б. Оллчин) вместе с Департаментом археологии Пешаварского университета (в лице Ф. А. Дуррани и Ф. Кхана) провела разведки по обследованию ряда областей Банну. Работы были возобновлены в 1985 г. археологами Пешаварского университета в кооперации с Британским музеем и университетом Лондонского института археологии под названием «Археологический проект Банну».

В главе I (с. 1–3) дается физико-географическая характеристика Банну. Окруженная со всех сторон горами, эта равнина во многом напоминает замкнутые долины Белуджистана. В нее стекаются многочисленные горные речки, пересыхающие в летнее время. Почвы – песчаные и щебнистые, кроме плодородных илов в ущелье Куррама. Незначительные осадки (320 мм) требуют искусственного орошения. Лишь Точи-Куррамское двуречье, как и соседняя Пешаварская долина, является подлинным оазисом в сухой, поросшей кустарником местности.

Авторы полагают, что большинство изменений в природной среде Банну, включая климат, произошло за последние шесть тысячелетий под воздействием антропогенного фактора. И те различия, которые отмечены сегодня для типов поселений и их экономической основы в западных и восточных областях, были, вероятно, уже заложены в прошлом.

Последующие четыре главы построены по единой схеме: вначале дается характеристика топографии и природной среды изучаемой области (их выделено четыре и их названия вынесены в оглавление), а затем следует публикация археологических материалов и их интерпретация.

В главе II «Область пикетов Дре Гхундхери» (с. 4–18) рассматривается авторами как зона потенциальных находок орудий палеолитического возраста. Она расположена в 10 км к западу от г. Банну, между р. Баран и Точи, примыкая на севере и западе к холмам Сиваликской серии. Подъемный материал (расколотые гальки и грубые отщепы) представлен в статистических таблицах (1–7) и иллюстрациях (рис. 5). Отсутствие таких артефактов в мезолитических и неолитических коллекциях Банну является основным аргументом для отнесения их к палеолиту. Столь же приблизительна и дата этих находок – около 30000 лет до наших дней (с. 7).

Вторая часть главы посвящена раскопкам холма Ислам Чоуки (120 х 120 м, высота 2,5 м), расположенного в 8 км к юго-западу от г. Банну. Стратиграфия траншеи (6 х 2 м) на западном склоне холма выявила единый слой (1,8 м) котдиджинской культуры с четырьмя прослойками глинобитных полов, дважды прерываемый слоями гравия – следами разрушительных наводнений. Стихии противостояла массивная платформа высотой 0,9 м, на которой покоились ранние строения, а позднее и обводная стена, возобновляемая трижды. Авторы видят здесь доказательство большой локальной катастрофы: большая часть деревни была уничтожена вместе с посевами зерновых. Но жители не оставили поселение, о чем свидетельствуют зольно-мусорные слои, перекрывающие гравий.

Глиняная посуда Ислам Чоуки представлена двумя группами. Первая – котдиджинской керамикой с характерными формами: округлые кувшины с коротким горлом, украшенные широкими расписными лентами или поясами шероховатой поверхности, кувшины с венчиками-бортиками, имеющие аналогии в Гумле III как по форме, так и по оформлению внешней поверхности. Вторая группа – прекрасной выделки чаши и высокогорлые кувшины – имеет сходство с расписными чашами Гумлы II, Рехман Дхери I и Лак Ларгаи. Терракота (фрагменты 20 браслетов и одного бычка) аналогична изделиям из котдиджинских слоев Левана и Тараказ Гхундаи.

Индустрия расщепленного кремня (400 артефактов) представлена в Ислам Чоуки подъемными сборами. Многие отщепы ретушированы или имеют следы использования; основное орудие – скребок; есть два острия и три сегмента. Сырье – яшма и кремень из отрогов Соляного хребта или из русел рек. Местное производство подтверждается наличием отщепов, пластин, дисковидных и призматических нуклеусов. Весь комплекс резко отличен от неолитической индустрии, например, Шери Кхан Тараказ, которая, кажется, имеет непосредственную связь с традициями позднего палеолита, как это представлено в Иране и Афганистане (с. 18).

В Ислам Чоуки найдены кости овцы, козы, крупного рогатого скота и, возможно, дикого осла, а также кости птицы размером с голубя. Обугленное зерно пшеницы и ячменя распознано в образцах при флотации.

Три ^{14}C калиброванные даты дали широкий диапазон – 2040–2500 гг. до н. э., вполне приемлемый для слоев, содержащих материалы котдиджинского круга (с. 9). Четвертая дата – 2870 г. до н. э. является довольно ранней и, возможно, связана с самым первым заселением поселения, которое, судя по керамике с поверхности, относится к ранним этапам Рехман Дхери I, Гумла II, Лак Ларгаи и Леван I.

В главе III «Точи-Баранское двуречье» (с.19–20) описываются поселения Тараказ Кила, Шир Дхераи, Леван. Тараказ Кила – большой холм (площадь 12 га, высота 20 м) – возвышается на правом берегу Точи, в 10 км к юго-западу от г. Банну, скрывая остатки 10 периодов котдиджинской культуры. Для нее характерны постройки из сырцового кирпича на фундаменте из валунов и из глинобитных блоков. На краю холма раскопана массивная стена из сырца, надстроенная несколько раз (как и в Ислам Чоуки), возможно, для защиты от наводнений.

Среди находок выделяются печати. Две из них – одна самая ранняя и другая в форме креста – украшены концентрическими кругами. Третья – трапециевидной формы – имеет рисунок в виде крестовидных насечек. Четвертая (верхние слои) – круглая с изображениями антилоп. На них нет символов, как на печати из Рехман Дхери. Но важно, что печати известны в этих двух поселениях уже в котдиджинской культуре. Калиброванные даты ^{14}C (2587, 2283, 2198/ 2151/ 2149, 2123/ 2080/ 2042, 2032 и 1880/ 1830/ 1829 до н. э.) свидетельствуют о более длительном периоде существования котдиджинской культуры в этом отдаленном северо-западном районе по сравнению с долиной Инда.

Шир Дхераи – холм (120 х 87 м, высота 4 м), расположен в 10 км к югу от г. Банну. Судя по котдиджинской керамике и 160 каменным изделиям (микролиты, орудия на отщепах, нуклеусы), поселение датируется 2-й половиной III тыс. до н. э. (с.19).

В 700 м к северо-западу от Шир Дхераи расположен Леван – очень низкий «холм», покрытый керамикой и каменными орудиями. Глиняные фигурки и котдиджинская керамика (чаша на поддоне, украшенная фризом из рыб, как в Рехман Дхери, и «рогатое божество» – аналог мотива Кот-Диджи) помещают Шир-Дхераи в широкие рамки: от Гумла II / Рехман Дхери I (конец IV тыс. до н. э.) до прехараппской эпохи Кот-Диджи (конец III тыс. до н. э.). Отмечу, что эта датировка требует дополнительных аргументов, поскольку: 1) мощность культурного слоя очень мала, 2) смешанный характер находок не вызывает сомнений и 3) нет сырцовой архитектуры, столь характерной для котдиджинской культуры.

Глава IV «Область Такхти-Кхел» (с. 21–23) посвящена мезолитическим комплексам, открытым в засушливой зоне активных песчаных дюн, в 25 км к юго-западу от г. Банну. Гул Шах Туп – одна из таких дюн на берегу Гамбилы. Она покрыта каменными артефактами, особенно много которых около современных могил, что предполагает их первоначальное нахождение в слое мезолитической эпохи. Рядом – дюна Туп Такхти Кхел, а с северо-востока к ней примыкают еще две. Материал этих стоянок весьма однообразен: микролиты и орудия из пластин и микропластин, мелкие отщепы и орудия из них. Большинство пластин обработаны и могли служить орудиями

(в Гул Шах Тупе их 238). На этой же стоянке есть микрорезцы, предполагающие существование «выемчатой техники», а также сегменты и малое транше; в Туп Такхти Кхеле геометрические микролиты отсутствуют.

Авторы датируют эти комплексы началом голоцена (10000 лет до наших дней) на том основании, что по своим параметрам они резко контрастируют с неолитическими индустриями этого района (с. 23). Однако не следует забывать, что в Индии мезолитические традиции обработки камня прослеживаются и в хараппское время. Яркий пример – поселение Багор в Раджастхане (Щетенко 1979: 74); а в джунглях Виндхья и на юге Декана они сохранились до наших дней.

Глава V – «Область Вали Рур» (с. 24–65) описывает памятники, расположенные в 14–17 км к юго-западу от г. Банну.

Лак Ларгаи – холм (270 х 300 м, высота 6 м) на берегу Барраи Кхуарра. Культурный слой (3 м) в двух траншеях отмечен промазками полов с ямами. По формам и стилю орнаментации керамика и терракота (торс быка зебу, фрагменты браслетов, рогов, «сидящие» женские статуэтки) имеют аналогии в ранних материалах Левана, Гумле II и Рехман Дхери I. Преобладание грубых красных браслетов вкупе с редкостью серых свидетельствуют о первоначальном заселении этого холма в докотдиджинскую эпоху, одновременную Левану I.

Шлифованные орудия (два полированных топора, молот, фрагмент навершия) редки, больше изделий из расщепленного кремня. На поверхности холма найдены орудия из пластин, скребки, малое транше, геометрические микролиты (резцы, сегменты, треугольники). Наличие нуклевидных сколов и призматических нуклеусов указывает на знакомство обитателей поселения с пластинчатой техникой. Эта техника, изучавшаяся в Индии С. Б. Суббарао, характеризуется особыми приемами обработки нуклеуса с целью получения большого количества пластин (Щетенко 1968: 50). Но орудия из отщепов (концевые и крупные скребки, проколки) так же встречаются в Лак Ларгаи, как и нуклеусы для их получения. Большинство элементов каменной индустрии, включая односторонние острия, напоминает орудия Шери Кхан Таракаи и ранних фаз Рехман Дхери.

На поселении найдены кости овцы и/или козы и крупного рогатого скота. Водный буйвол, возможно, также был известен. Определены кости индийского однорогого носорога. Флотацией получены два обугленных зерна пшеницы и ячменя.

Калиброванные ^{14}C даты по образцу угля из верхних слоев 2885–2860 / 2820–2660 / 2635–2625 до н.э. (с. 26) идентичны самой ранней дате Ислам Чоуки и перекрывают поздние даты Шери Кхан Таракаи. Однако нужны серии дат, чтобы понять взаимосвязь Лак Ларгаи и Шери Кхан Таракаи, на которых представлены различные культуры.

Таракаи Гхундаи – пара холмов (270 х 130 м, высота 10 м) на берегу Шакту Кхуарра, являются остатками поселения позднего котдиджинского периода. Об этом говорят формы (блюдо на ножке, кувшин с венчиком-бортиком, сосуд с каннелюрами) и роспись керамики, а также 10 терракотовых браслетов, аналогичных изделиям из Левана и Ислам Чоуки.

Каменная индустрия (625 артефактов) из кремня, яшмы и халцедона представлена скребками на отщепах, выемчатыми орудиями, пластинами, резцами, проколками, чопперовидными и призматическими нуклеусами. Наличие килевых и вогнутых концевых скребков предполагает обработку дерева и кости. Авторы называют это комплексом с негеометрическими микролитами, хотя здесь же упоминают сегменты (с. 34). По моему мнению, это начальная фаза перехода к геометрическим микролитам, так как есть сегменты, призматические нуклеусы, ножевидные пластины, но еще нет микроорудий, треугольников и трапеций.

Шери Кхан Таракаи расположен на аллювиальной террасе, на берегу Барраи Кхуарра. Поселение занимало площадь около 2 кв. км вдоль реки на протяжении 600 м. В кроющем слое выявлены конструкции из валунов: 30-ти метровый изгиб широкой стены и прямоугольный фундамент на вершине холма. Стена связана с артефактами комплекса Шери Кхан Таракаи, который впущен в более ранний культурный слой и к которому относится вся толща напластований (2,5 м), состоящая из фрагмента стены и нескольких уровней полов.

В предварительной типологии керамики авторы выделяют две категории (А и Б). Их технологические характеристики похожи: грубой ручной выделки красного цвета посуда с примесью песка в тесте. В результате некачественного обжига черепок в изломе часто имеет серую прослойку. Различие наблюдается в формах и оформлении.

Сосуды категории «А» снаружи часто покрыты толстым черным ангобом, а внутри – лощеным покрытием от розовато-темно-желтого (buff) до кремового цвета с росписью черным или коричневым. Среди орнаментальных мотивов выделяются козлы (одиночные или в группах), заштрихованные свисающие от венчика треугольники и прямые короткие линии. Основная форма – чаша: глубокая, с ребром, большая мелкая.

Внешней поверхности сосудов категории «Б» всегда придается шероховатость путем нанесения толстого слоя ангоба, содержащего мелкий гравий и шамот. Область ниже горла у таких сосудов сохраняет свой первоначальный облик и иногда украшается красным ангобом. Горло и плечики расписаны заштрихованными

или двойными треугольниками, вертикальными линиями. Формы сосудов – большие хумы, маленькие кувшины и глубокие чаши отличны от форм категории «А» и только чаши с ребром повторяются.

Другие типы посуды включают гладкостенную, грубую, лощеную, красную керамику; донца с оттисками плетенки; миниатюрные горшочки и сосуды с отверстиями в стенках, так называемые, «курильницы». Последняя форма, по моему мнению, напоминает «курильницы» Гиссара IIIA.

Все типы керамики имеют аналогии в других памятниках равнины Банну и соседних территорий. Так, керамика категории «А» имеет сходство с некоторыми черепками из Периано Гхундай в Белуджистане, а мотивы ее орнаментации встречаются на посуде ряда поселений: Сур Джангал, Могхул Гхундаи, Рана Гхундаи (нижний слой F) и Шахи Тумп. Свисающие треугольники, но в укороченной форме, есть на керамике в Кили Гхул Мохаммед II и в Мундигаке I. Посуда категории «Б» сравнивается по технологии обработки внешней поверхности и некоторым мотивам росписи с материалами Джалилпура I, с керамикой стиля «Хакра» в Холистане. Из дальних аналогий (лепная керамика, роспись с заштрихованными треугольниками и козлами) привлекаются материалы Кара-депе (Иран). Для орнамента в виде мальтийского креста приведены аналогии из сузианской расписной керамики Тепе Сабз (V тыс. до н. э.) в Хузистане, хотя более близкие параллели есть и в Периано Гхундай. Уникальными в Шери Кхан Таракаи являются вертикально прикрепленные к венчикам ручки сосудов. Они чрезвычайно редки в поселениях Южной Азии, и лишь в Сараи Кхоле II есть похожий экземпляр на чашке. Отдаленное сходство имеют длинные ручки так называемых «соусников» из Тепе Сабз.

Терракота – красного цвета с примесью песка в тесте, с разными ангобами и черной линейной росписью – представлена тремя группами: женские статуэтки, фигурки бычков и пряслица.

Женские статуэтки сильно стилизованы; поза фигур обычно сидячая или стоячая с расставленными ногами. Этим они отличаются от фигурок ближайших по времени котдиджинских поселений (Гумла II, Леван) конца IV тыс. до н.э. Головки статуэток имеют выступающие носы, а рот и глаза переданы в виде небольших круглых углублений. Иногда глаза изображались в виде черных точек, или они вообще отсутствовали. Ягодицы и животы намеренно выделяются размерами. В некоторых случаях можно предполагать, что это обозначение беременности. Как и керамика типа «А», они украшены теми же мотивами (заштрихованные свисающие треугольники и пр.) черной краской по полированному розово-желтоватому ангобу. Иногда роспись имитирует детали одежды (пояса с «бахромой» вокруг торса), украшения (ожерелья – линии с «подвесками» вокруг шеи) или подчеркивает пол (лоно – черный треугольник), либо сакральный характер предмета (рисунок дерева на спине). Встречен и резной орнамент, выполняющий те же функции: пояс вокруг торса, складка одежды типа dhoti, пропущенная между ног статуэтки, ожерелье на шее, выделены груди или волосы.

Три фигурки необычны. Первая имеет головной убор, увенчанный парой загнутых назад рогов, напоминая так называемое «рогатое божество» на керамике из Левана и Кот-Диджи. Вторая головка имеет черный расписной капюшон над лицом. Она, очевидно, представляет объединение человеческой головки и головки змеи с капюшоном; возможно, это синкретическое изображение божества – «богини змеи». Таким образом, авторы видят здесь возникновение традиции почитания змей, столь характерной для Южной Азии. Третий фрагмент – торс и части ног статуэтки с явно выделенными гениталиями. Это гермафродит – очень ранний пример, археологически зафиксированный на Азиатском континенте. Другой экземпляр и фигурки из Периано Гхундая дополняют эту коллекцию.

Фигурки быков с узкой головкой и выделенным подгрудком расписаны полосами или штриховкой. Роспись горизонтальными лентами имеют большие бусины-пряслица. К ним примыкают усеченные конусы, часть которых пробита сверху донизу. Назначение их не ясно, но они широко известны в комплексах ранних земледельцев Афганистана (Мундигак I–III), Ирана (Шахри-Сохта), Южной Туркмении (Геоксюр, Дашлыджи-депе, Кара-депе).

Три фрагмента моделей лодки предполагают наличие судов уже на рубеже V–IV тыс. до н. э. Поверхность одной покрыта слоем черного ангоба, как и керамика типа «А». Пластинка с приподнятыми концами трактуется как лощило: оно удобно помещается между указательным и большим пальцами гончара. На поселении найдены керамические диски (5–7 см) с отверстиями и без них, бусы из местных пород камня разных форм (бочонки, цилиндры, диски, ромбы), а также бусы из привозного лазурита (есть и необработанные куски его). Фрагментов браслетов (красного цвета с грубой шероховатой поверхностью) очень мало. Прекрасно обработаны лишь браслеты из раковин и кости. Из кости же изготовлены проколки, булавки, пластины, шпатели; они отполированы и хранят следы каменных орудий, которыми их изготовляли.

Каменные шлифованные топоры, навершия, молоты, наковальни, зернотерки, ступки известны, но преобладают артефакты из расщепленного кремня двух категорий. Первая – крупные отщепы с ретушью и без нее, но со следами использования (это – скребки и чопперы). Вторая категория – мелкие отщепы, пластины и орудия из них: скребки, выемчатые изделия, проколки,

резцы, микропластины (и пластины) с притупленной спинкой или ретушированные. Микролитов очень мало; одно- и двусторонние острия отсутствуют. Сырье – яшма, кремнистый сланец, кремень, халцедон, кварцит. Крупные отщепы не имеют аналогов в индустриях других комплексов Южной Азии (с. 62).

В состав стада входили овцы, козы, водный буйвол, крупный рогатый скот. Несколько обугленных зерен ячменя предполагают его культивацию. Водные ресурсы Банну в прошлом были достаточно обильны, чтобы поддерживать популяцию моллюсков, раковины которых найдены в слое. Обломки морских раковин указывают на их происхождение с побережья Индийского океана.

Относительная хронология Шери Кхан Тараккаи основывается на стратиграфии. Культурные напластования (2,5 м) принадлежат одной археологической культуре, продолжительность существования которой, согласно калиброванным датам ^{14}C (4500–3000 гг. до н. э.) из разных слоев, составляет более тысячи лет (табл. 13). Подкрепляют относительную хронологию археологические параллели: изображение козлов на керамике типа «А» и на гончарной посуде Мехргарха III (около 4300 г. до н. э.), где известны (а также и в Кили Гхул Мохаммед II) свисающие от венчика треугольники. Авторы датируют Шери Кхан Тараккаи V–IV тыс. до н. э. (с. 37).

В заключении главы V подчеркивается уникальность комплекса Шери Кхан Тараккаи и предлагается его реконструкция в виде небольшой деревни с населением в несколько сот человек, живущих в домах из сырца, типа мазанок. Жители разводили крупный рогатый скот, овец и коз, выращивали ячмень. Отходы каменной и костяной индустрий, бракованной терракоты и посуды говорят о местном производстве, хотя находки лазурита и морских раковин предполагают обмен с дальними странами. Характер терракоты проливает свет на идеологию этих людей: идея плодородия – женские статуэтки, «богиня змея», «рогатое божество», фигурки гермафродитов – часть сложного мировоззренческого комплекса, исследование которого – дело будущего.

В заключении работы (с. 66) отмечается результативность «Проекта Банну», заполнившего белые пятна на карте этого района, и необходимость дальнейших исследований для создания свода археологических источников разных эпох.

Опубликованный полевой отчет – значительный вклад в изучение истории древнейшего прошлого народов Индостана. Впервые на территории Пакистана открыты дюнные стоянки мезолитического облика, которые можно сопоставить с материалами Раджастана, где исследования ведутся уже более 50 лет (Sankalia 1965)[1]. Эти же открытия ставят перед учеными ряд проблем: взаимосвязь геометрических и негеометрических микролитов (в Индии первые сменяют вторые); датировка с опорой на стратифицированные комплексы; облик культуры – тип поселений, характер домостроительства, основы экономики; вопросы идеологии и культов – обряд погребения, связь с петроглифами, которыми до наших дней так богат этот район.

Второй круг проблем связан с открытием уникального комплекса Шери Кхан Тараккаи. Это новая археологическая культура неолитического облика, не имеющая пока строгой атрибуции, но указывающая на широкие контакты: от культур соседних регионов Индостана, включая, Декан, до отдаленных областей Ирана и Средней Азии. К сожалению, авторы не могли использовать материалы Южного Туркменистана (Массон 1982), где существует ряд интересных параллелей: в терракоте, формах и орнаментации керамики, включая мальтийский крест и изображения козлов.

Работа дает большой объем новой информации. Кроме развернутого описания, в тексте даны подробные каталоги всех категорий артефактов (керамика, терракота, камень, кость), дополненные статистическими таблицами (1–12), графическими рисунками (табл. 1–71) и фото (табл. 1–21). Исследованные памятники (рис. 4) привязаны к подробной геоморфологической карте района (рис. 3). Планы поселений и стратиграфические разрезы хорошо иллюстрируют тексты. Подробная библиография делает полевой отчет полноценной научной публикацией, освещающей один из наименее изученных регионов первобытного Индостана.

Массон, В. М. 1982. Энеолит Средней Азии // Археология СССР: 9–92. Москва: Наука.

Щетенко, А. Я. 1968. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Ленинград: Наука.

1979. Первобытный Индостан. Ленинград: Наука.

Sankalia, H. D. 1965. Excavations at Langhnaj: 1944–63. Part I. Archaeology. Poona: Deccan College Postgraduate and Research Institute.

Щетенко А. Я.

Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

[1] В свое время мною было учтено на территории Индии 1106 мезолитических нахождений, и всего лишь 9 в Пакистане (Щетенко 1979: 58). Ни одной дюнной стоянки не было известно, и район Банну представлял в этом отношении «terra incognita».

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ НОВГОРОДА В НОВОМ НЕМЕЦКОМ ИЗДАНИИ

Novgorod: Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands / Hrsg. von Michael Müller-Wille, Valentin L. Janin, Evgenij N. Nosov u. Elena A. Rybina. – Neumünster: Wachholtz, 2001. – 399 с.: ил., карт. – (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd. 1).

В 2001 г. в Ноймюнстере увидел свет том объемом в 400 страниц, посвященный археологии и истории Новгорода и его округи. Чем же объяснить столь, прямо скажем, редкое явление в западном научном мире, как публикация монографического исследования о русском городе? Ответ мы находим в предисловии редакторов тома (с. 9–11): идея книги зародилась в октябре 1987 г. в Киле на конференции Немецкого научного общества, посвященной теме «Ольденбург-Волин-Старая Ладога-Новгород-Киев: Торговля и торговые связи в южном и восточном балтийском регионе в раннем средневековье». Следующие встречи редакторов состоялись пять лет спустя в Йорке, а с 1993 г. работа над томом стала основой регулярных встреч в Новгороде и Киле. С 1997 г. в рамках научной программы Академии науки и литературы в Майнце были проведены исследования в первую очередь древней флоры Новгорода и его округи, а также осуществлен обмен визитами студентов Киля и Петербурга для участия в археологических раскопках. В результате этой программы стало возможным издать том, состоящий из 19 статей 14 авторов из России, Швеции, Великобритании и Германии, посвященных самым различным аспектам жизни и функционирования Новгорода и его округи. Кроме статей в книге есть вводное слово и предисловие, заключительное слово одного из редакторов, а также справочно-вспомогательный аппарат, включающий в себя хронологическую таблицу новгородской истории (с. 387–89), толковый словарик специфических русских археологических и исторических понятий (с. 391–94) и таблицу транскрипции русского алфавита (с. 395), а также список сведений об авторах тома (с. 397–99). Думается, что вооруженный этими вспомогательными средствами, любитель русской истории сможет наиболее плодотворно поработать над томом исследований.

Том открывает большая статья Е. Н. Носова (с. 13–74), посвященная древнейшему прошлому Северной Руси и Новгорода. Начав с истории славянского заселения лесной полосы Восточной Европы и округи Ильменского озера, автор касается географической ситуации, отражения миграции славян в лингвистических и топонимических данных. Археологические свидетельства этого процесса – культуры длинных курганов и сопок – рассмотрены в отдельном разделе. Длинные курганы псковско-новгородской группы появляются на рубеже VI–VII вв., может быть, уже в конце V в. Рассмотрены особенности погребального обряда населения, оставившего этот тип курганов, характер поселений. Материалы обследованных памятников показывают их определенную близость в третьей четверти I тыс. н. э. верхнеднепровским и двинским материалам. Можно предполагать, что мы имеем дело с перекрытием балтских культур славянскими элементами, так что носителей культуры длинных курганов стали называть славянами. Керамика псково-новгородских длинных курганов находит параллели на поселениях и в могильниках типа Тушемли-Акатова-Банцеровщины. Тем не менее, остается ряд проблем, на которые следует обратить особое внимание при дальнейших исследованиях культуры длинных курганов: анализ древнейшего пласта памятников этой культуры, специальное рассмотрение ее региональных особенностей, выявление элементов, обусловивших само формирование культуры.

Славяне Приильменья в VIII–XI вв. возводили сопки, из которых ныне известно около 600 групп, расположенных по берегам рек и озер. Как правило, неукрепленные поселения и могильники располагались в непосредственной близости. Материальная культура населения, сооружавшего сопки, выявляет широкие связи ее носителей: от бассейна реки Камы и салтовской культуры Нижнего Дона и Волги до Скандинавии.

Поозерье и район верхнего Волхова имеют особое значение для истории новгородских земель. Это был плотно заселенный регион, чрезвычайно удобный для начального земледельческого освоения. Археологические древности этого района стали известны с начала XIX века, но систематическое изучение началось только в последние два десятилетия. К настоящему дню открыты 26 поселений, датирующиеся концом первого тысячелетия н. э. Наиболее ранним поселением является Прость, находящееся у славянского языческого капища в Перыни. Перынское святилище привлекло внимание исследова-

телей впервые в 1948 г., когда А. В. Арциховским были начаты раскопки, продолженные В. В. Седовым. В верховьях Волхова среди поселений выделяются два городища – Рюриково и Холопий городок. Последнему посвящен отдельный раздел в статье Е. Н. Носова.

Причины возникновения и особенности функционирования пути «из Варяг в Греки» (рис. 21) рассмотрены в отдельном сюжете «Балтийско-Волжский путь и первые скандинавы на Руси». Распределение кладов куфических монет дает картину высокой концентрации кладов VIII–IX и X вв. в районе Новгорода и северного Прильменья, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что Поволховье имело особое значение среди территорий, по которым пролегали торговые пути: здесь располагались зоны контактов славянского и скандинавского мира. Именно волховские городские центры Ладога, Рюриково городище, Новгород сыграли существеннейшую роль в этом процессе.

Древнейшим городским торговым и ремесленным центром Северной Руси является Ладога. Полиэтничность населения Ладоги воплотилась в разнообразии погребальных сооружений вокруг нее. Благодаря длительным раскопкам был накоплен огромный материал, характеризующий возникновение, развитие и жизнь Ладоги на протяжении многих веков. Из слоев Ладоги 750-х годов происходят самые ранние скандинавские находки с территории Руси. В них же был обнаружен комплекс по обработке металлов и клад из 22 инструментов, иллюстрирующих широкий спектр возможностей мастера, их спрятавшего. По материалам антропологических и археологических исследований становится ясно, что в состав постоянного населения Ладоги входили и скандинавы, среди них были не только воины или купцы, но и женщины с детьми, целые семьи ремесленников. Значение Ладоги как торгового центра нельзя недооценить. Однако, несмотря на огромное экономическое значение, Ладога не стала центром процесса кристаллизации государственности Северной Руси из-за ее оторванности от основного района расселения славян, отсутствия сельскохозяйственной округи. Столица севера Руси возникла у истока Волхова, в естественном географическом центре славянского заселения.

Рюриково гродище является объектом многолетних исследований экспедиции ИИМК РАН, руководимой автором рассматриваемой статьи. Поэтому обзор волховских древностей логично подводит читателя к кульминационной точке истории Поволховья до-новгородского периода. Рюриково городище играет ведущую роль среди поселений Волхова и Поозерья уже в IX в. Впервые городище появляется в письменных источниках в 1103 г. как резиденция новгородских князей и центр политической жизни земли. Не последнюю роль в выделении Городища над округой сыграло его топографическое положение (см. рис. 32–36). Систематическое изучение Городища начинается в 1975 г. и продолжается до сих пор. В разделе статьи, посвященном Городищу, автор дает характеристику географического и ландшафтного положения памятника, анализирует сведения письменных источников о Городище и описывает результаты его многолетних археологических раскопок. По обилию скандинавских импортов Рюриково городище является одним из самых богатых поселений во всей Восточной Европе, превосходя даже Старую Ладогу. В результате тщательного изучения различных типов источников, о Городище можно с уверенностью говорить, что оно возникло как военный, административный, торговый и ремесленный центр сельскохозяйственного региона, расположившись на важнейшем участке торговых путей.

Статья Е. Н. Носова играет в сборнике очень важную роль введения в историко-археологические исследования Новгорода и, в первую очередь, его округи: она дает обзор предыстории Новгорода как центра Севера Руси, показывает генезис населения, которое станет со временем новгородцами, процесс формирования и специфику территорий, которые войдут в состав новгородских земель. То, что этот «начальный» период истории Новгорода и округи рассмотрен столь подробно, тем более важно, т. к. все остальные российские авторы будут рассуждать только о самом Новгороде и только о времени его существования. Следует отметить одну особенность иллюстративного материала, использованного Е. Н. Носовым, – уникальные фотографии, хранящиеся в фотоархиве ИИМК РАН.

Результатам многолетних раскопок в Новгороде и их интерпретации посвящена статья В. Л. Янина (с. 75–97). История раскопок в Новгороде насчитывает уже почти 70 лет, которые минули с первых работ А. В. Арциховского в 1932 г. Богатейшие материалы продолжительных раскопок и станут объектом рассмотрения последующих статей тома, а статья В. Л. Янина посвящена историческим реконструкциям, построенным на анализе письменных источников и данных археологических раскопок. Так, в частности, им продемонстрировано значение дендрохронологии для периодизации жизни города как социального организма, а также для датирования многочисленных находок из культурных слоев. Остается сожалеть, что приведенная на рис. 1 карта средневекового города с расположением раскопов и указанием мощности культурных напластований, никак не была прокомментирована с точки зрения связи мощности слоя и топографии с современной и древней геологией территории. Несмотря на то, что карта эта переходит из публикации в публикацию (см., например: Янин, Зализняк 2000: 6), она ни разу не стала предметом серьезного обсуждения, хотя,

как мне думается, является одним из ключей к пониманию и проблемы образования культурного слоя Новгорода, и мощным инструментом в историко-топографических исследованиях. Исключением, пожалуй, является статья Л. И. Петровой (Петрова 1999: 187–193), посвященная изучению связей микротопонимики города с древним рельефом, основанная на данных инженерно-геологического бурения (которые стали основой в том числе и для карты на рис. 1 в статье В. Л. Янина). С точки зрения общей стратегии тома как научно-популярного введения в археологию Новгорода, на указанном сюжете стоило бы остановиться подробнее.

Сюжет по топографии Новгорода начинается с проблемы происхождения топонима «Новгород», и тут автор называет возможные кандидатуры для роли предшественников Новгорода – Старая Ладога, Старая Русса, Рюриково городище, Ольденбург / Стариград. Как мне кажется, проблема эта уже давно была разрешена (Носов 1990: 170–206; см. также статью в рассматриваемом сборнике).В параграфе, посвященном коммунальному делению Новгорода, автор касается институтов концов и сотских, далее рассматривает церковное строительство как одну из сфер соперничества боярских кланов. Большое значение для реконструкции топографии города имеет система улиц, их ориентация и расположение, и этой проблеме также уделено внимание автора. Кроме реконструируемой по данным археологии и письменным источникам уличной системы (рис. 5), привлечены изобразительные материалы – икона Знамения (см. рис. 6) и более поздние источники – например, генеральный план Новгорода 1778 года (рис. 7).

Историческому фону развития Новгорода уделено отдельное внимание. Справедливо отмечено значение археологического изучения Новгорода для воссоздания картины русского средневекового города как единого организма. Если ранее историки опирались на весьма скупые сведения из летописей, то с 1930-х годов в их распоряжение поступили и постоянно пополняются источники, получаемые археологией. Значение раскопок средневекового Новгорода для исторической науки поэтому сложно недооценить. Археология проливает свет также и на специфически новгородские сюжеты – ремесло и торговля города, городская структура, бояре и их дворы – все они получают развитие в свете археологических источников. Становится ясным и начальная история города, развившегося из трех древнейших концов – Неревского (первые мостовые которого датируются 953 г.), Людина (950-ми гг.) и Славенского (серединой X в.). Импульсом, инициировавшим процесс объединения разрозненных поселений, стал, как считает В. Л. Янин, поход княгини Ольги на Лугу и Мсту в 947 г.

Статья О. А. Тарабардиной (с. 99–108) посвящена самому важному в новгородской археологии методу датирования – дендрохронологии. Раскопки в Новгороде ежегодно дают огромный материал для его изучения с точки зрения дендрохронологии – деревянные изделия и конструкции, мостовые и дома. Однако разработанная для них шкала дендродат не будет полезна, если для нее не будут обнаружены точные временные реперы. Для Новгорода недостатка в них не существует – большое число пожаров, разрушавших дома, улицы и целые районы, часто попадали в летописи и, соответственно, точно датировались летописцем. Например, не без помощи хронологии пожаров удалось составить шкалу дендродат для Неревского раскопа, охватывающего промежуток времени с 884 по 1462 год. Для других раскопов эти временные пределы следующие: Ильинский (957–1436 гг.), Лубяницкий (1027–1368 гг.), Михайловский (929–1447), Кировский (1036–1410 гг.), Нутный (1020–1465 гг.), Федоровский (944–1201 гг.), Троицкий (800–1473 гг.). Автор на примерах показывает историю разработки методики дендродатирования, историю создания дендрохронологии Новогорода и оценивает состояние вопроса на сегодняшний день. Если до 1994 г. археологическое дерево изучалось в ИА РАН в Москве, то в последующем — в Центре по организации археологических исследований при Новгородском музее была создана лаборатория дендрохронологического анализа, продолжающая изучение хронологии Новгорода по дереву. Кроме чисто хронологических проблем, этот метод исследования позволяет ответить и на ряд смежных вопросов: например, какие породы дерева были наиболее популярны у новгородцев в строительстве.

Следующая статья В. Л. Янина «Сообщения на необычной бумаге» (с. 109–120) посвящена новгородским берестяным грамотам. Первая берестяная грамота была найдена 50 лет тому назад, 26 июля 1951 г. при археологических раскопках слоев рубежа XIV–XV вв., а ныне корпус берестяных грамот насчитывает 915 текстов. Кроме Новгорода грамоты стали обнаруживаться при раскопках и в других городах – 36 в Старой Руссе, 16 в Торжке, 15 в Смоленске, 8 в Пскове, 5 в Твери, 3 в Звенигороде Галицком и по одной в Витебске, Мстиславле, Москве и Рязани. Текст или изображения наносились деревянным или металлическим стилом, чернила были использованы только дважды из 1002 текстов. В том, что берестяные грамоты являются не только уникальнейшим культурно-историческим явлением, но и бесценным историческим источником, ни у кого не может возникнуть сомнений (например, были обнаружены грамоты известного по летописям боярского семейства Мишиничей, написанные или сохраненные с начала XIV по середину XV в.). Для датировки грамот очень важно учитывать контекст, в котором они были открыты. Стратиграфические датировки грамот следующие: XI в. – 31 экземпляр, XII в. – 363,

XIII в. – 178, XIV в. – 263, XV в. – 80. Кроме этого, мощным инструментом при датировании грамот являются лингвистические и палеографические исследования, пример последнему мы находим в уникальном для российской науки труде, вошедшем в десятый том Новгородских грамот[1] (Янин, Зализняк 2000). Однако письменность на бересте не является исключительно новгородским явлением: имеются сведения об использовании бересты в качестве писчего материала в средневековой Скандинавии, известны написанные чернилами немецкие и шведские грамоты XV–XVI вв[2]. Так, в Новгороде, возле ганзейского двора, была найдена берестяная грамота, содержащая псалмы, написанные немцем на латыни чернилами.

Берестяные грамоты, содержащие деловую и частную переписку, характеризуют средневековый Новгород как культурный и образованный центр Руси. Значительное количество найденных грамот делает этот вид источников бесценным для реконструкции не только языковых особенностей древненовгородского диалекта, но и дает материал для исследования повседневной жизни новгородцев (см., например, трогательное письмо влюбленной новгородчанки, жившей на рубеже XI и XII вв. – рис. 5).

Небольшая заметка В. Л. Янина (с. 121–124) дает представление об уникальнейшей новейшей находке цер с псалмами, датирующейся рубежом X и XI вв., уже прозванной «Новгородской псалтырью». Церы представляли собой три липовые дощечки 15 x 19 см, скрепленные штифтами. Две внешние доски играли роль декорированной «обложки». Всего в этой деревянной книге было 4 страницы с текстом. В. Л. Янин приводит высококачественную фотографию только одной «страницы» (см. рис. 1) и воспроизводит славянский текст псалма по псалтыри XVII века, а немецкий перевод дается по псалтыри, изданной в Тюбингене[3]. Невозможно не отметить великолепное качество публикуемого изображения церы с 75 и началом 76 псалма (выдержан даже масштаб 1:1!). Если столь странные действия с текстом публикуемой псалтыри (отсутствие обязательной прориси, что делается автором в случае с грамотами, воспроизведение текста по позднейшему изданию и т. п.) могут быть объяснены желанием дать для немецких исследователей пищу для размышлений, то ряд других вопросов требуют все-таки объяснений автора. Почему, например, воспроизведена только одна створка псалтыри? Если все остальные пострадали настолько, что даже не подлежат фотографированию, рождается следующий вопрос: как могли настолько пострадать остальные створки цер (напомню, что их еще три (!)), если первая (то есть наружная) «страница» сохранилась, а блок из трех створок был найден скрепленным штифтами? Как церы могли так пострадать в культурном слое, и были ли они разрушены до попадания в слой или после? Не буду строить худших предположений относительно происшедшего с находкой (жаль, что об этом ничего не сказано автором), но хотелось бы узнать, в чем реальные сложности в связи с публикацией самой сенсационной находки за последние несколько десятилетий. Ощущение некоей недоговоренности остается[4].

Следующая статья также принадлежит В. Л. Янину, и посвящена она государственной организации Новгорода (с. 125–132). На основании уникальных находок сезона 1998–99 гг., позволивших по-новому интерпретировать известные прежде немногочисленные деревянные цилиндры-пломбы, автор убедительно реконструирует историю возникновения и функционирования новгородских судебных органов в середине XII в. Отмечу, что этот сюжет стал предметом последней по времени монографии В. Л. Янина (Янин 2001).

Статья В. Л. Янина «Знаки власти» (с. 133–141) посвящена сфрагистике древнего Новгорода. Как автор пишет во введении к статье, сфрагистический материал позволяет выявить политические отношения в системе государства, их развитие и изменения. Это утверждение имеет общий характер и тем более верно для Новгорода и его округи (точнее, Рюрикова городища), откуда происходит значительнейшая часть всего древнерусского сфрагистического материала (из почти 3500 печатей около 2500 происходят из Новгорода). Сфрагистический материал иллюстрирует расцвет княжеского делопроизводства в конце XI в., после 1136 г. наблюдается разграничение функций республиканских и княжеских властных структур, что отражается на изготовлении печатей, к началу XV в. количество печатей, находимых в слоях Новгорода, уменьшается, и этот процесс становится предпосыл-

[1] Издание «Новгородские грамоты на бересте» является, пожалуй, самым удачным академическим публикационным проектом в области археологии и лингвистики за все время существования советской Академии Наук, и не прекратившимся, к счастью, в связи с политическими и экономическими катаклизмами.

[2] От себя добавлю, что три грамоты с чернильными записями по-персидски представлены на экспозиции выставки «Сокровища Золотой Орды» (ГЭ), хотя и не вошли в соответствующий каталог.

[3] Следует сказать о том, что путаница с нумерацией псалмов объясняется следованием автора заметки немецкому переводу «Иерусалимской Библии» (издание P. Cassuto, Иерусалим, 1952), являющейся исправленной версией издания C. D. Ginsburg'a, который, в свою очередь, пытался восстановить первоначальный масоретский текст Бен-Ашера (определяющего в иудейской традиции), основываясь на своем детальнейшем знании Масоры (см. подробнее: Тов 2001: 71–74).

[4] В одной из самых новейших своих статей В. Л. Янин тремя словами оговаривается, что кодекс был поврежден в момент обнаружения (Янин 2001: 39).

кой к появлению печати Великого Новгорода. В XIV–XV вв. распространение получают печати тысяцких, архиепископские, купеческих старост, что отражает процесс уменьшения значения и влияния князя. Печати XV в. дают следующую картину: в Новгороде функционируют три делопроизводства – посадника, тысяцкого и архиепископа. Кроме политических реконструкций печати дают обширный материал для изучения прикладного искусства, так как 3500 печатей являются не только властными инсигниями, но и великолепными произведениями мелкой пластики.

Блок статей В. Л. Янина заканчивается обзором денежной системы средневекового Новгорода (с. 143–147)[5]. Автор выделяет ряд последовательных периодов, характеризующихся определенным монетным обращением. С IX по начало XII в. хождение по Руси имели зарубежные монеты: в первой трети IX в. аббасидские дирхемы из североафриканского серебра, проникавшие через кавказские и малоазийские торговые пути, в это же время начинают распространяться дирхемы азиатской чеканки; во второй половине X в. хождение получают саманидские дирхемы, и лишь во второй половине X в. формируются две системы: южнорусская, тяготеющая к византийским литрам, и северорусская (или новгородская), ориентированная на западноевропейскую марку. С XII до третьей четверти XIV в. монеты не использовались, их заменяли различного рода «вещными» деньгами. В последней четверти XIV и первой XV в. возникают многие центры самостоятельной чеканки монет.

Статья А. С. Хорошева «Дом и двор» (с. 149–166) рассматривает результаты многолетних работ на раскопах Новгорода (Неревский, Ильинский, Троицкий, Федоровский) с точки зрения домостроительства и планировки усадеб. Именно раскопы широкой площади позволяют выявить не только планировку улиц, их направление и т. п., но и углубить наше знание о тех дворах и домах, которые располагались по сторонам этих улиц. Материалы раскопов показывают, что городские дворы сильно разнились по площади (от больших дворов в 1500–2000 кв. м до дворов площадью 400–450 кв. м), более того, наблюдается определенная закономерность – величина дворов, обнаруженных на Неревском и Федоровском раскопах, приблизительно одинакова, причем с тенденцией увеличения площади дворов по Ильиной улице, и уменьшения дворов Троицкого раскопа. Ну, и конечно, дифференциация размеров связана с социальной стратификацией и статусом хозяина того или иного двора. Далее автор статьи обсуждает последнее утверждение с учетом двух систем дворового владения по В. Л. Янину – боярских кланов и сотенских. Кроме этого, рассмотрена терминология, относящаяся к конструкциям новгородских дворов.

Логичным продолжением этой статьи является статья А. Н. Сорокина (с. 167–195), посвященная изучению структуры, планировки и архитектурных форм дворов средневекового Новгорода[6]. Определяя объект исследования, автор относит к дворам княжеские административные или государственные дворы (Княжеский двор, Ярославово дворище, Большой государев двор и др.), торговые дворы (Готский и Немецкий), подворья монастырей или сами территории монастырей, производственные или купеческие служебные дворы. Число исследованных археологически дворов Новгорода не так велико (около 20, вскрытых на площадях Неревского, Ильинского и Троицкого раскопов) по сравнению с упоминавшимися в летописи по случаю пожара в 1211 г. (было уничтожено 4300 дворов). Изучаемая инфраструктура дворов включает в себя следующие позиции: пространственная организация двора, ограждения и заборы, устройство въезда и входа на двор, мощение двора и дорожек внутри него, санитарные сооружения, снабжение двора и построек водой, системы отвода воды, канализации. По всем этим позициям новгородские раскопы дают обширнейший археологический материал, обилие которого позволяет с очень высокой степенью достоверности реконструировать устройство и процесс функционирования дворов. Богатый иллюстративный материал публикации (реконструкции археологических находок, изобразительные источники, художественные реконструкции) создает точную картину организации жилого и хозяйственного двора. Опубликованные материалы показывают высокий уровень организации «коммунального» хозяйства древнего Новгорода и «качества жизни» новгородцев.

Статья Е. А. Рыбиной «Находки как зеркало жизни» (с. 197–224) касается проблем повседневной жизни новгородцев как она предстает на материалах многолетних археологических раскопок. В ходе исследований 1932–1996 гг. была собрана огромная коллекция индивидуальных находок, насчитывающая более 150000 предметов из металла, кости, дерева, камня, керамики, стекла, кожи и пр. Эти находки, при применении к ним современных методов изучения (о них автор пишет особо), дают представление не только, например, об организации политических институтов Новгорода, но и о работе людей, населявших город, их одежде и обуви, украшениях и оружии, средствах передвижения и снаряжении коня, их промыслах (охота, рыболовство)

[5] Этот сюжет стоит рассматривать с учетом статьи А. В. Назаренко, содержащей некоторые коррективы к построениям В. Л. Янина (см.: Назаренко 2001).

[6] На эту тему автором статьи ранее была опубликована монография (Сорокин 1995).

и развлечениях (детские игры, игры для взрослых – шахматы) и многих других аспектах повседневной жизни средневекового города. Судя по этим многочисленным находкам, Новгород предстает не только как город со строгой общественной и политической организацией, но и как организм, объединяющий живых людей с их разнообразными характерами и интересами.

В. И. Поветкин касается в своей работе (с. 225–244) проблемы музыкальной культуры средневекового Новгорода, материальных остатков этой культуры и отношения православной церкви к такого рода развлечениям новгородцев. Основную часть коллекции новгородских музыкальных инструментов образуют деревянные инструменты. Их удается классифицировать на следующие группы – ударные (этот тип самый многочисленный с точки зрения типов инструментов, известных как по письменным источникам, так и по археологическим материалам), мембранная группа представлена барабаном (правда, его присутствие среди музыкальных инструментов характеризуется только по сохранившимся палочкам), духовые (брунчалки, посвистели, свистульки, флейты и горны) и струнные (гусли различных типов, гудки). Неожиданным является разнообразие конструкций музыкальных инструментов от простейших до сложных, требовавших высокого искусства мастера, их изготовлявшего.

Статья Э. А. Гордиенко «От Софийского собора до архиепископского дворца» (с. 245–289) посвящена христианской стороне жизни средневекового Новгорода в XI–XV вв[7]. Церковная история Новгорода начинается со строительства деревянного собора Святой Софии в 898 году, место которой, как считает Гордиенко, в 1045–50 гг. занял каменный Софийский собор, и остатки деревянного здания следует искать под фундаментами каменной Софии. Однако, из книги М. К. Каргера (1980: 67–68), мы узнаем, что древнейший храм Новгорода «о тринадцати верхах» находился на том месте, на котором позднее была сооружена огромная церковь Св. Бориса и Глеба, и именно под ее фундаментами находятся остатки деревянной Софии. Э. А. Гордиенко, наверное, необходимо было бы упомянуть церковь Бориса и Глеба, даже несмотря на то, что до наших дней она не сохранилась[8]. Значение этой постройки в церковной жизни Новгорода XIV–XV вв. показано В. Л. Яниным (Янин 1977: 129–130). Внимание автора, уделенное церкви Св. Софии, совершенно справедливо: рассматривается история развития архитектурного комплекса церкви, особенности строительной истории, иллюстрированные прекрасными цветными фотографиями. Церковное строительство продолжалось в таких сооружениях, как ц. Благовещения на Городище, Никольский собор на Ярославовом дворище, Георгиевский собор Юрьева монастыря, Рождественский собор Антониева монастыря, а их фресковое и иконное убранство является целой эпохой в искусстве средневекового Новгорода. Вторая половина XII в. – время появления и роста популярности нового типа церковных зданий (ц. Благовещения на Мячине, ц. Воскресения на Мячине и ц. Петра и Павла на Синичьей горе), ряд которых завершает ц. Спаса на Нередице. Стилевая линия фресок, начатая мастерами в нередицкой церкви, продолжается, как полагает Э. А. Гордиенко (с. 260), в росписях Мирожского монастыря (около 1150 г.), Георгиевском соборе Старой Ладоги (около 1160 г.), однако расписана нередицкая церковь была в 1199 г., и никак не может являться начальным пунктом Fresken dieses Stils.

Начало XIII века характеризуется появлением в архитектуре иных, нежели новгородские, строительных черт: в 1207 г. смоленские мастера отстраивают в камне ц. Параскевы Пятницы на Торгу. Начало участию в строительстве пришлых мастеров можно усмотреть в факте завершения строительства ц. Петра и Павла на Синичьей горе мастерами из Полоцка, о чем свидетельствует использование кладки с утопленным рядом в верхних частях здания. В ряду таких построек стоят также ц. Арх. Михаила на Прусской улице, ц. Рождества Богородицы в Перыни и ц. Николая на Липне.

Архитектура второй половины XIV в. дает несколько типизированную картину: трехлопастные завершения, одноапсидность и одноглавость становятся характерными чертами новгородской архитектуры, изменяется язык декора здания (используются бегунки, бровки, полуциркульные ниши, полуколонки по апсидам). Наиболее ранним представителем этого направления является храм Федора Стратилата на Ручью, за ним следуют ц. Петра и Павла на Славне, ц. Преображения на Ильине улице и др. Финальная стадия такого развития представлена ц. Петра и Павла в Кожевниках. Росписи трех из них (Преображения на Ильине улице, Федора Стратилата и Успения на Волотове поле) представляют собой выдающееся направление в новгородской живописи. Вероятно, мастера с Балкан приняли участие в росписи церкви Рождества на кладбище. Эти росписи, вместе с иконами из Борисоглебской церкви, составляют основу классического новгородского живописного стиля. Архитектура XV в. представляется автору развитием типичных построек века XIV. Во время епископа Евфимия можно выделить три направления в новгородской архитектуре (с. 282), кото-

[7] Во многом автор статьи использовала материалы, вошедшие в ее недавно вышедшую русскоязычную монографию (Гордиенко 2001).

[8] Об археологических остатках церкви свв. Бориса и Глеба см. Строков 1945: 65–73; Раппопорт 1982: 66–67.

рые подробно рассматриваются автором. Еще одной важнейшей задачей искусства этого времени было создание иконостасов для новгородских церквей.

Хотелось бы, однако, сделать несколько замечаний по поводу статьи Э. А. Гордиенко. Так, например, карта местоположений церквей Новгорода и окрестностей, приведенная ею на с. 246 – неполна (см., например, блестящую сводку: Петрова, Анкудинов, Попов, Силаева 2000: 95–157). Требует расшифровки указание Гордиенко на сходство в ряде строительных особенностей ц. Николы Белого с «немецкой архитектурой XIII века» (с. 269).

Статья Е. А. Рыбиной (с. 291–308), называющаяся «Ранние 'совместные предприятия': Отношения Новгорода с регионом Балтийского моря», посвящена обзору торговых отношений Новгорода с Западом в том виде, как они реконструируются по материалам археологических раскопок. Заселение новгородских земель выходцами с запада, южных районов Балтики повлекло за собой и сохранение контактов этого населения с родиной, просматривающееся в отношениях новгородцев с западнославянскими землями в IX–XII вв. Об этих связях свидетельствуют как западноевропейские монеты в составе кладов, так и собственно клады монет (например, найденный в 1993 г.); находки украшений из цветных металлов, типичных для региона Балтики; Городище и Поозерье дают широкий спектр связей с западнославянскими землями (керамика, хлебные печи и др.). Подобные находки в самом Новгороде относятся к древнейшим слоям и датируются серединой и второй половиной X в. Обнаруживаются западнославянские параллели в конструкциях стен, домостроительстве, изготовлении музыкальных инструментов. Данные исследований коллег из Киля ясно показывают, что население новгородской округи в IX–XI вв. выращивало и питалось теми же зерновыми культурами, что и славянский Стариград / Ольденбург в Восточной Гольштинии.

Специальное внимание в статье уделено торговле Ганзы в Балтийском регионе, сменившей купцов с о. Готланд. В Новгороде были изучены дворы иностранных купцов – Готский и Немецкий, их положение поддается достаточно точной привязке к улицам и постройкам средневекового Новгорода (см. рис. 4–5). Готский двор располагался в непосредственной близости от территории Ярославова дворища. При его раскопках найдена западноевропейская керамика, деревянная посуда с владетельскими тамгами, костяные фигурки шахмат, корпус складного зеркала и др. Немецкий двор Св. Петра являлся конторой Ганзы в Новгороде. Располагался он также неподалеку от двора Ярослава, на нем находилась церковь Св. Петра и большое кладбище. Далее в статье рассмотрено функционирование ганзейской конторы и культурная роль Ганзы в жизни Новгорода.

Статья А. В. Плохова «В каждом доме быть должна… кухонная и столовая посуда: Лепная керамика поселений северного Приильменья» (с. 309–321) посвящена керамике Рюрикова городища, Прости, Холопьего городка, Георгия, Васильевского. Ее исследования показывают, что в керамическом наборе преобладали грубые горшки, а остальные формы не столь полноценно представлены, что, в принципе, соответствует ситуации на других славянских поселениях. Для раннего этапа заселения Приильменья и Поволховья характерен так называемый ладожский тип сосудов. Керамика дает основания для реконструкции контактов также и с народами Балтийского моря.

Продолжает керамическую тему статья В. М. Горюновой (с. 323–347), посвященная западнославянским влияниям на раннегончарную керамику Новгорода и его окрестностей. Благодаря дендрохронологическим исследованием Н. Б. Черных стало возможным увязать хронологию Рюрикова городища и Троицкого раскопа города. Эта связка хронологических шкал позволяет сопоставлять раннегончарную керамику Новгорода с керамикой округи. На Рюриковом городище впервые появляются сосуды, по всем признакам изготовленные с применением гончарного круга, что маркирует переход от лепной к раннегончарной керамике в 900–930 гг. (рис. 1–2). Развитие этого раннего типа гончарной керамики может быть прослежено на Городище на основании разработанной стратиграфии. Как показывают дендродаты Старой Ладоги, данный тип посуды не выходит за границы 30-х гг. X в. Между 930–950 гг. на Городище наблюдается появление западнославянской керамики группы Менкендорф (параллели в Польше), второй тип западной керамики – Фельдберг, и, наконец, к третьему типу Гросраден относятся фрагменты трех сосудов (рис. 3–5). Другая группа – биконические сосуды западнославянского облика – обнаружена также и на Городке на Ловати. И тем не менее, при всей стройности картины, наблюдаются некоторые проблемы, связанные, как считает автор статьи, с неразработанностью древнейших дендродатировок для Новгорода: эту проблему и выявляет соотношение западнославянской керамики на Городище и в Новгороде. Спектр форм, датирующихся около 1000 г. и представленных на Городище, гораздо менее широк, чем в Новгороде. И вряд ли данное обстоятельство можно объяснить простой удаленностью одного пункта от другого на 2 км. Решение этой и многих других проблем станет возможным в полной мере только после полного исследования развития керамики X–XI вв. в Северной Руси, западнославянских регионах и в Швеции.

В конце тома помещены статьи зарубежных коллег, основанные на палинологических и археоботанических исследованиях, проведенных

в Новгороде и его округе. Статья Л. -К. Конигссона (с. 349–57) посвящена развитию ландшафтов и землепользования в новгородских землях с эпохи неолита. Пыльцевые диаграммы на рис. 2–3 показывают образование важнейших ландшафтообразующих факторов по материалам, взятым при бурении у дер. Радбелик в Поозерье.

Статья А. Алслебен (с. 359–68) продолжает предыдущее исследование и посвящена раннесредневековому сельскому хозяйству новгородской округи. Пробы для палеоботанического анализа были собраны на поселениях Поозерья и Поволховья – Георгий, Прость, Рюриково городище. М. Малтби и Ш. Гамильтон-Дайер в своем исследовании (с. 369–379) касаются вопросов изучения костных остатков с Городища и Троицкого раскопа города и делают ряд выводов об интенсивности использования животных ресурсов жителями Новгорода и округи.

Заключительное слово одного из редакторов книги М. Мюллер-Вилле (с. 381–386) носит отнюдь не формальный характер. В нем дан обзор литературы, посвященной тематике тома и вышедшей на западноевропейских языках за последнее десятилетие. В списке помимо переводов русских авторов, львиную долю занимают труды иностранных коллег, что показывает неслабеющий интерес западноевропейской науки к древностям Северной Руси.

В заключение выскажем некоторые замечания, возникшие по ходу чтения книги. Так, на карте, изображающей средневековую Европу (с. 12), на месте Константинополя помечен странный топографический пункт – Byzanz. Поскольку по-немецки это слово означает «Византия», то довольно необычно локализовать государство в одной точке. Если считать это названием города (исходя из легенды карты), то следует заметить, что города под таким названием не существовало, а если авторы имели в виду античный предшественник Константинополя, то он именовался Byzantium. В статье В. М. Горюновой переводчик счел Н. Б. Черных мужчиной (S. 323). Повсюду в томе используются концевые сноски из текста, а в статье В. Л. Янина (с. 125–132) использованы подстрочные.

Однако, несмотря на все это, хочется выразить радость за немецкого читателя, получившего в пользование уникальный том, объединяющий под одной обложкой работы всех наиболее авторитетных исследователей новгородских древностей, дающие представление о нынешнем состоянии науки о Новгороде и степени археологической и исторической изученности проблемы. Вместе с тем, остается искренне сожалеть вместе с отечественными учеными, что ни одно подобное издание на русском языке за последние десятилетия света не увидело.

Гордиенко, Э. А. 2001. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. Санкт-Петербург: Дм. Буланин.

Каргер, М. К. 1980. Новгород: Художественные памятники XI–XVII веков. Комментарии Г. М. Штендера. Москва: Искусство.

Назаренко, В. А. 2001. Между арабами и варягами, Западом и Константинополем: Древнерусская денежно-весовая система как результат межэтнического культурного взаимодействия // Idem. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков: 113–218. Москва: Языки русской культуры.

Петрова, Л. И. 1999. «… Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, а ныне зовется на Опоках» (о связи микротопонимии Новгорода с древним рельефом) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина: 187–193. Москва: «Русские словари».

Петрова Л. И., И. Ю. Анкудинов, В. А. Попов, Т. В. Силаева. 2000. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник 8 (18): 800-летию Нередицы посвящается: 95–156. Санкт-Петербург: Дм. Буланин.

Сорокин, А. Н. 1995. Благоустройство древнего Новгорода. Москва: Архив архитектуры б; (Новгородские древности; Вып. 2).

Раппопорт, П. А. 1982. Древнерусская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников // Свод археологических источников Е1- 47. Ленинград: Наука.

Строков, А. А. 1945. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 11: 65–73.

Тов, Э. 2001. Текстология Ветхого Завета / Библейско-богословский ин-т Св. Апостола Андрея. Москва.

Янин, В. Л. 1977. Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского» // Очерки комплексного источниковедения. Москва.

2001. Три сезона открытий в Новгороде (1998–2000 г.) // Исторические записки 4 (122): 5–45. Москва: Наука.

Янин, В. Л. 2001. У истоков новгородской государственности / Мин-во образования РФ, НовГУ им. Я. Мудрого. – Великий Новгород.

Янин, В. Л., А. А. Зализняк. 2000. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.): Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Москва: «Русские словари».

Липатов А. А.

Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел славяно-финской археологии.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

XIV КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ДОИСТОРИЧЕСКИХ И ПРОТОИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

(Бельгия, Льеж, 2–9 сентября 2001 г.)

С 2 по 9 сентября 2001 г. в г. Льеже (Бельгия) под председательством проф. М. Отта состоялся очередной Конгресс Международного Союза доисторических и протоисторических наук. Впервые в работе этого представительного собрания принимала участие столь многочисленная делегация отечественных археологов, в том числе ряд сотрудников ИИМК РАН (В. П. Любин, Е. В. Беляева, А. А. Синицын, Г. В. Синицына, Н. Н. Скакун и автор).

Работа Конгресса была организована по 18 секциям. Проблематика их охватывала все разделы археологии от древнейших каменных индустрий до средневековья. В качестве отдельных тем рассматривались вопросы теории и методики, палеоэкологии, археометрии и представления археологических материалов в музейных экспозициях. В рамках деятельности каждой из секций проводились как обычные заседания, так тематические симпозиумы.

Один из дней Конгресса был отведен на экскурсии с посещением археологических памятников Валлонии, столь богатой пещерными палеолитическими стоянками и палеоантропологическими находками. Напомним, что само зарождение науки о древнейшем человеке во многом связано с именем льежского врача Ф.-Ш. Шмерлинга, проводившего раскопки костеносных пещер еще в 20-30-е гг. XIX в. Помимо тезисов докладов, участникам Конгресса были вручены путеводители по археологическим объектам Южной Бельгии и специальное издание, посвященное истории изучения палеоантропологии региона, сопровождаемое СД-диском с воспроизведением текстов трудов Ф.-Ш. Шмерлинга, Ж. Френона и М. Лоэ.

Не имея возможности осветить все стороны деятельности столь внушительного научного форума, кратко остановлюсь на тематике древнекаменного века.

Что касается вопросов изучения древнейших индустрий, то, помимо представления новых данных по олдувайским и ашельским комплексам, состоялся симпозиум по микроиндустриям Европы, Ближнего Востока, Средней Азии и Китая. Исследователи среднего палеолита преимущественно концентрировались на проблемах изучения характера поселений и структур обитания. Кроме того, был проведен семинар, посвященный реконструкции природной среды верхнего плейстоцена на лессовых равнинах Европы и хронологической привязке среднепалеолитических пластинчатых индустрий.

По верхнепалеолитической тематике основное внимание участники Конгресса уделили наиболее ранним комплексам, вопросам корреляции ориньякских и шательперронских памятников, технологии ориньякских пластинчатых индустрий. Особо рассматривались проблемы совершенствования методов радиоуглеродного датирования для установления детальной хронологии верхнего палеолита и непосредственного определения возраста наскальных росписей. Более узкой тематике были посвящены семинары по реконструкции хозяйственной деятельности мадленцев на основе фаунистических данных и мадленским комплексам Ля Гаренн.

Значительное место в работе Конгресса заняли вопросы изучения верхнепалеолитических жилищ и поселений. Было проведено два симпозиума, где обсуждались проблема критериев идентификации искусственных сооружений и вопросы освоения человеком ресурсов окружающей стоянку местности. К ним по тематике примыкали семинары, в центре внимания кото-

рых находились вопросы биотурбации культуросодержащих отложений и формирования значительных по площади памятников финального палеолита и мезолита севера Европы. Предметом оживленных дискуссий стала оценка роли ремонтажа для реконструкции характера палеолитических поселений.

Ряд симпозиумов был посвящен проблемам изучения палеолитических древностей различных эпох и территорий. Среди них назовем семинары по археозоологии, где анализировались вопросы реконструкции хозяйственной деятельности древних охотников-собирателей, оценки роли хищников и человека в формировании фаунистических комплексов в пещерах. Интересным дополнением к анализу современного состояния науки о палеолите явилась дискуссия, проведенная в рамках симпозиума, посвященного вопросам взаимодействия американской и европейской археологических школ.

Палеолитическая проблематика рассматривалась также на заседаниях секций, посвященных археологии внеевропейских территорий. Детально обсуждалось развитие древнейших культур севера Африканского континента и их корреляция с каменным веком европейского Средиземноморья. Темой другого семинара стала хронология палеолита Юго-Восточной Азии в связи с новыми палеоантропологическими находками.

На семинарах, посвященных вопросам изучения палеолитического искусства и погребений, обсуждались проблемы анализа пространственного расположения росписей в пещерах, западноевропейскому искусству малых форм, вопросам сохранения уникальных памятников древнейшего изобразительного творчества и анализу сопроводительного инвентаря верхнепалеолитических погребений.

Особо отметим симпозиумы по роли эксперимента в изучении функций древних орудий, технологическому анализу изделий из кости и этноархеологическим исследованиям каменных индустрий.

Помимо научной деятельности, Конгресс провел большую работу по реорганизации своих постоянных комиссий. Признанием выдающейся роли лаборатории ИИМК РАН стало выдвижение Н. Н. Скакун на пост председателя комиссии по трасологии. Состоялось представление нового периодического печатного органа Конгресса – журнала «Prehistoria 2000». Предусматривается полная публикация материалов Конгресса в серии «British Archaeological Reports». Очередной Конгресс будет проведен в 2006 г. в Португалии.

С. А. Васильев

Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии палеолита.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В АРХЕОЛОГИИ» (Санкт-Петербург, 30 января – 5 февраля 2000)

В 1998 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из крупнейших представителей отечественной археологической науки, основателя трасологического метода профессора С. А. Семенова. Идея проведения юбилейной конференции принадлежала Н. Н. Скакун и Ю. Плиссону. В ее организации приняли участие ИИМК РАН, Национальный Центр научных исследований Франции, Государственный Эрмитаж и Кунсткамера. Собрание, проходившее в пригородном пансионате «Знаменка» в феврале 2000 г., объединило большинство специалистов-трасологов

мира. О размахе его говорит число участников, прибывших из исследовательских центров России, Украины, Польши, Чехии, Болгарии, Франции, Швеции, Дании, Голландии, Германии, Австрии, Италии, Испании, Турции, США и даже Южной Африки, Филиппин, Австралии и Аргентины. В зале заседаний была развернута фотовыставка, посвященная деятельности С. А. Семенова и экспериментально-трасологическим работам в Энеолитической экспедиции ИИМК РАН.

Тематика совещания не была ограничена вопросами изучения следов сработанности на каменных орудиях; в выступлениях затрагивался широкий спектр проблем, связанных с реконструкцией характера древних производств и хозяйственной деятельности первобытного человека. Велик был как временной (от нижнего палеолита до средневековья), так и пространственный (от Австралии и Огненной Земли до Канады и Скандинавии) охват докладов.

Представленные сообщения можно объединить в ряд тематических блоков. Первый из них – общие вопросы истории становления трасологического метода и оценка нынешнего состояния его развития в различных странах. Открывая конференцию, Г. Ф. Коробкова отметила основные вехи разработки С. А. Семеновым трасологии и обрисовала влияние его трудов на мировую археологию. В. М. Массон подчеркнул значимость трасологических исследований для археологии как гуманитарно-технологической дисциплины. Воспоминаниями о встречах с С. А. Семеновым поделился А. Д. Столяр. О непростом пути восприятия новаторских идей российского ученого за океаном рассказал Р. Йеркс. М. Попелька информировал о современном состоянии трасологических исследований в Богемии.

Вторая серия сообщений была посвящена методическим вопросам микроскопического исследования артефактов. Сложные проблемы физико-химических процессов образования заполировок и патины на поверхности изделий из камня стали темой выступления Г. Н. Поплевко. Б. Уильямсон рассказала о предварительных результатах опытов по исследованию следов крови на палеолитических орудиях с использованием анализа ДНК. В настоящее время, наряду с обычными оптическими приборами, для изучения следов сработанности успешно применяется сканирующий электронный микроскоп (доклады А. Павлика, Л. Штейнгувайта и П. Хардон Хинеро). Вопросам квантификации и компьютерной обработки данных трасологического анализа были посвящены доклады Ж. Гонсалеса Уркихо, Х. Ибаньо Эстевеца, Ж. Пихоана с соавторами. Выступления Р. Сала и Л. Лонго, а также стендовый доклад М. Кристенсен с соавторами, демонстрировали сочетание применения химического и микроскопического изучения поверхности орудий.

Разумеется, значительная серия выступлений была посвящена результатам применения микроанализа к конкретным археологическим коллекциям. Д. Боске провел трасологическое исследование пластинчатой среднепалеолитической индустрии стоянки Ремикур в Бельгии. Мезолитические каменные орудия из стоянок Восточной Европы были проанализированы Н. Б. Васильевой и О. А. Лозовской. Л. Г. Чайкина сообщила о результатах изучения кремневого инвентаря стоянки Утиное Болото I, относящегося к цедмарской неолитической культуре. Богатейшие возможности для реконструкции открывают каменные орудия, встреченные в погребениях мезолита, неолита и бронзы Европы (доклады Х. Кнудсон, А. Ван Гин, К. Скрайвера, Х. Хибахи и И. Клементе).

В центре внимания конференции находились проблемы генезиса земледелия на Ближнем Востоке и Балканах в свете изучения серий пахотных и жатвенных орудий (доклады П. Андерсон, Х. Прокопиу, Ш. Ямады, Х. Гонсалеса Уркихо и Х. Ибаньеса Эстевеца, Н. Скакун, М. Гюровой). Оживленную дискуссию вызвал доклад Н. Н. Скакун о трасологических критериях отличия вкладышей молотильных досок, выделенных ею от серпов. Докладчица на обширном этнографическом и историческом материале показала распространение приспособлений этого типа. Отметим здесь же выступления, посвященные неолитическим орудиям из поселений Испании (доклад Х. Хибахи с соавторами), Чехии (И. Павлу) и Польши (И. Малецка-Кукавка).

В докладах были представлены результаты исследования деревообрабатывающего инструментария из памятников энеолита Поволжья (Т. А. Медведева) и токаревской культуры Дальнего Востока (И. В. Макаров). Разнообразными оказались функции изделий из камня с окуневского поселения Торгажак в Минусинской котловине (доклад Т. А. Шаровской). Трасологический анализ показал свою результативность при изучении каменного инвентаря первобытных стоянок Колумбии (Г. Ньювенхюйс) и Огненной Земли (М. Альварец).

К числу бурно развивающихся направлений в современной археологии относится технологический анализ. Особенно важную роль такие исследования играют при изучении нижнепалеолитических материалов, где имеется возможность проследить этапы эволюции техники и использования каменного сырья (доклады Сала по комплексу стоянок Атапуэрки в Испании и Л. Лонго по итальянским местонахождениям). Доклад Л. Меньян и Ю. Плиссона по материалам стоянки Куличивка на Украине вызвал дискуссию относительно функциональной роли леваллуазских острий в контексте общей оценки уровня развития техники обработки камня в среднем палеолите. Технологии верхнепалеолитического времени рассматривались П. Хар-

дон Хинеро (серии скребков из пещерных комплексов Испании), Е. Ю. Гирей (материалы Костенок I) и М. Ш. Галимовой (стоянки Поволжья). В более общем аспекте эволюция пластинчатой техники стала темой доклада Ф. Абб. Приемы изготовления наконечников охотничьего вооружения и следы поломок на них в позднем палеолите-мезолите и бронзовом веке были рассмотрены в выступлениях М. О'Фаррелл, Б. Маркеса Мора и стендовом докладе П. Хардон Хинеро с соавторами. Интересные результаты получены при анализе техники изготовления орудий из камня в озерном неолите Франции (В. Бенье), изучении способов выделки топоров в культуре воронковидных кубков Швеции (Л. Сандстрем) и в триполье (Т. А. Попова). Эволюцию техники обработки камня в мезолите-неолите Средней Азии рассмотрела Ф. Брюне.

Естественно, что участники встречи не обошли вниманием «вечную проблему» соотношения типологического, технологического и функционального подходов к изделиям из камня. В наиболее общем плане вопрос о форме и функции орудия затронул В. Г. Котов. Внимание участников привлекло развернутое выступление В. Е. Щелинского о форме и функциях орудий нижнего и среднего палеолита. К нему примыкали доклады А. Е. Матюхина о методике анализа материалов из палеолитических мастерских и Г. Осиповича о типологии и трасологии кремневых орудий культуры линейно-ленточной керамики.

Хотя экспериментальные данные широко привлекались практически всеми участниками конференции, собственно результатам экспериментирования было посвящено лишь несколько выступлений. Зависимость морфологии рабочего края от сырья была показана в докладе М. Дерндарски. М. Иовино рассказала о характере следов сработанности на экспериментальных орудиях из кремня и обсидиана, примененных для разделки рыбы.

Новые перспективы для реконструкций открывает этноархеология. Р. Фуллагар продемонстрировал на материалах из Новой Гвинеи и Австралии возможность увязки данных археологии и этнографии, касающихся использования растительных ресурсов. В докладе С. Бейри и С. А. Васильева на основании сопоставления археологических свидетельств, результатов микроанализа и этнографических данных предложена реконструкция процесса обработки шкур на палеолитической стоянке Уй I на Енисее. И. Клементе сравнил этнографические и археологические орудия Огненной Земли. Х. Гонсалес Уркихо и Х. Ибаньес Эстевец изучили традиционные способы выделки кож в Марокко, а Ф. Эртюг – орудия для приготовления пищи и обработки растительных материалов в горах Турции. Сочетание данных трасологии, технологии и анализа пространственного распределения артефактов для реконструкции облика древних поселений – тема докладов М. Виньярской-Кабачинской, К. Кнутсона и Г. Оделла.

Наконец, ряд докладов выходил за рамки изучения изделий из камня. А. В. Шаманаев рассказал о серии керамических скребков для обработки шкур, встреченных на памятниках бронзового века Зауралья. В выступлениях затрагивались вопросы реконструкции процессов изготовления сосудов (И. В. Палагута) и техники нанесения орнамента (И. В. Калинина). А. Н. Усачук говорил о технологии производства костяных псалиев бронзового века. В. В. Килейников проследил этапы процесса становления металлургического производства в поздней бронзе-раннем железном веке Подонья. Ю. Б. Сериков предложил реконструкцию способов использования на охоте наконечников стрел в мезолите Зауралья. Он пришел к выводу о том, что для производства биконических костяных наконечников в неолите использовался простейший токарный станок. Живой интерес участников конференции вызвала демонстрация изготовленной им совместно с Д. Б. Даниловым действующей модели станка. К. Перес Эрреро рассказала о технике изготовления костяных наконечников в мадленскую эпоху и в эпипалеолите Испании. Распространенные в древних культурах Карибского бассейна орудия труда из раковин были рассмотрены И. Ламмерс-Кайзерс.

Конференция наглядно продемонстрировала разнообразие современных подходов к исследованию древних производств, сформировавшихся во многом под влиянием идей С. А. Семенова. Материалы совещания будут опубликованы во Франции. Участники собрания высказали единодушное мнение, что I Семеновские чтения положат начало традиции проведения подобных международных встреч специалистов-трасологов.

С. А. Васильев

Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии палеолита.

ПЕРВЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С. А. СЕМЕНОВА

С 30 января по 5 февраля 2000 г. состоялась необычайно успешная конференция в гостинице «Знаменка», тихое, занесенное снегом место у ледяного Балтийского моря, к югу от Санкт-Петербурга, Россия. Конференция «Последние археологические подходы к трасологическому анализу и техническим процессам. Первые чтения памяти С. А. Семенова» была организована Институтом истории материальной культуры РАН и Национальным центром научных исследований Франции.

Организаторы программы Наталья Скакун и Юг Плиссон собрали около 70 докладов, представленных примерно 100 авторами из более чем 25 стран (Аргентина, Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Канада, Китай, Чешская республика, Дания, Франция, Германия, Греция, Италия, Япония, Нидерланды, Польша, Португалия, Россия, Южная Африка, Испания, Швеция, Турция, Украина, США, Узбекистан). Почти все из заявленных докладов были представлены; аннотации к каждому докладу были профессионально переведены на русский, французский или английский языки, кроме того в залах конференции были выставлены стендовые доклады и воспоминания о С. А. Семенове.

Центральной темой конференции являлась ключевая роль С. А. Семенова не только в развитии трасологического анализа, но и в российской археологии. Г. Ф. Коробкова, возглавляющая данные исследования в петербургском ИИМК, рассказала о творческом пути С. А. Семенова начиная с 1930-х гг. Наряду со многими западными исследователями, которые считают себя обязанными С. А. Семенову, крайне интересно было услышать рассказ Российских ученых о ряде направлений, основанных впервые в Институте истории материальной культуры (С.-Петербург). С 1966 г. около 30 дипломированных специалистов (не считая посетивших институт иностранных ученых) прошли стажировку в экспериментальной трасологической лаборатории Института. Многие из них присутствовали на конференции, и некоторые сосредоточили свое внимание на экспериментальных методиках, другие – на ряде приложений к палеолиту и неолиту, а некоторые – на ряде более широких идей и теорий по доисторической эпохе, которые возникли благодаря трасологическому анализу. Ряд выступавших подчеркнули, что функциональный анализ должен составлять единое целое с пониманием технологии и связанных с ней археологических процессов. Эти вступительные доклады создали приподнятую и деловую атмосферу для исследований по конкретным тематикам, представленных по 8 достаточно широко определенным направлениям: общие вопросы и методология, новые методы, новые археологические приложения, экспериментальные методики, метательный износ, трасология и типология, этноархеология, проблемы технологии. Хотя формально и сгруппированные по данным темам (рефераты докладов опубликованы), большинство выступлений коснулись множества вопросов, некоторые из которых мы здесь осветим.

Общее состояние функционального анализа (включающего следы износа, исследование остатков, трасологию, крепления и т. д.) заметно усовершенствовалось за десятилетие споров в пользу микроскопии с высоким и низким разрешением. Характер заполировки при использовании по-прежнему актуален, и между учеными из Испании, России и Германии развернулась напряженная дискуссия.

Ричард Йеркс (США) заявил, что трасологический анализ и эксперименты стали общепринятыми компонентами археологического исследования в Северной Америке. Он посетовал лишь на то, что в США не хватает специалистов для проведения этих анализов. Фактически, их не хватает и в других странах, за исключением России (вероятно, благодаря С. А. Семенову), Франции (благодаря усилиям Национального центра научных исследований) и Испании (родины крупнейшей, не считая российскую, группы участников конференции). Диапазон исследований следов износа на камне, проводящихся в различных частях мира, весьма разнообразен, отчасти из-за различия в материале и доисторических ресурсов. Например, остатки зернового крахмала дают крайне важную информацию для интерпретации артефактов из Южной Африки, Австралии и Папуа-Новая Гвинея. В Европе типология заполировки открывает удивительные подробности процесса уборки урожая и раннеземледельче-ских технологий (например, доклады Натальи Скакун, Патриции Андерсон).

Ряд российских докладчиков (например, В. М. Массон, В. Г. Котов) рассмотрели роль трасологии как в построении, так и проверке палеоэкономических гипотез. Шо Ямада (США) на основании исследования природы социальных сдвигов в Южном Леванте доказывает, что функциональный анализ каменного инвентаря

позволяет проследить процессы развития у охотников-собирателей и первых современных земледельцев, а также выявлять производительные силы и общественные отношения. Роль трасологического анализа в социальной картине показана также яркими исследованиями в Дании (Кари Скривер), Нидерландах (Аннелу ван Гейн) и Швеции, где использование (или неиспользование) определенного инвентаря, его распределение и технологии обработки камня связываются с коммуникацией и социальной принадлежностью (Хелена и Кьел Кнуттсон, Ларс Сундструм).

Основой трасологического анализа являются микроскопические детали. В Санкт-Петербурге были подробно освещены новые методы (например лазерная сканирующая микроскопия, электронно-микроскопический анализ, анализ изображений), новаторский пересмотр концепций (например, по обсидиановым орудиям, скребкам для шкур, метательным наконечникам, историческим памятникам) и новый анализ раскопанных комплексов по всему миру.

Конференция завершилась посещением культурных святынь Санкт-Петербурга, включая сам Институт, где участники прослушали несколько заключительных докладов, в том числе увлекательнейшее сообщение Евгения Гири о Семеновском анализе Костенок. Хочется поздравить организаторов и хозяев конференции.

Ричард Фуллагар

Австралия. Сидней. Музей антропологии.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРИПОЛЬСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ»

Збараж, 20–23 августа 2001 года

20–23 августа 2001 года в г. Збараж Тернопольской области работала международная конференция «Трипольский мир и его соседи». Ее организация стала возможной благодаря совместным усилиям сотрудников Государственного историко-архитектурного заповедника в г. Збараже, Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Лаборатории Праисторическая Европа UMR 7041, Дом Археологии им. г. Жинувес (Франция). В конференции приняли участие археологи из семи европейских стран – Болгарии, Молдовы, Польши, России, Украины, Франции, ФРГ.

Всего за два дня заседаний было сделано 24 научных доклада на темы трипольской археологии и археологии других культур неолита и энеолита Европы. Доклады были посвящены широкому кругу вопросов – от информации об отдельных исследованных памятниках или группы памятников и отдельных категорий находок, до проблематики этнокультурных процессов в отдельных регионах трипольской культуры, а также за ее границами. Поскольку не все из археологов, заявивших свое участие, присутствовали на конференции была прочитана только часть докладов, представленных в изданных тезисах. Остановимся на их основных положениях и моментах дискуссии, прозвучавших во время конференции. Особо следует отметить предоставившуюся возможность для обсуждения вопросов, которые вызвали определенный интерес как во время заседаний, так и в частном общении.

Н. Скакун (Санкт-Петербург) информировала об итогах археологических исследований на поселении Бодаки, где открыты комплексы, связанные с переработкой кремня и изготовлением длинных пластин. Данные раскопок свидетельствуют, что начиная со среднего Триполья существовали пункты, население которых, используя местные природные ресурсы, специализировалось на производстве кремневых орудий и полуфабрикатов как продукта межплеменного обмена. Другие участники экспедиции в Бодаках остановились на различных аспектах исследований. Так, А. Самзун (Франция) сделала доклад о раскопках жилищ и других объектов, часть которых интерпретирована как кремнеобрабатывающие мастерские. Дискуссия на эту тему продолжилась во время посещений места раскопок 23 августа.

С докладом, посвященным новым данным по проблеме происхождения культуры Прекукуте-

ни-Триполья, выступила Н. Бурдо (Киев). Она на материалах уже известных поселений показала, что значительное место в процессе формирования раннетрипольской культуры занимало неолитическое население из-за Карпат и Трансильвании с одной стороны, а значение традиции культуры Боян было меньшим, чем считалось до сих пор. Изменения в абсолютном датировании Прекукутени-Триполья А, по ее мнению, заставляют опять задуматься над происхождением определенных категорий раннетрипольських материалов.

М. Видейко (Киев) остановился на факторах, которые повлекли за собой проникновение в трипольский комплекс на этапах BI-II-CII ряда элементов центрально-европейских культур. По его мнению, на начальных этапах важную роль играли обменные контакты, а со временем усиливается аграрная колонизация областей, слабо заселенных трипольцами, вследствие чего образовались поликультурные комплексы.

С этим докладом тематически связаны сообщения польских коллег. Был зачитан доклад М. Шмит (Познань) о контактах между культурой шаровидных амфор и Трипольем, основанный как на непосредственном знакомстве с материалами обеих культур, так и на больших сериях дат ^{14}C. Польская коллега пришла к выводу о том, что период контактов охватывал несколько веков между 3000–2650 BC и практически все локальные группы Триполья CII. Следует заметить, что для некоторых присутствующих трипольеведов уже само название темы оказалось в известной степени провокационным, ведь длительное время считалось, что изучаемые культуры не синхронны и таких контактов или не было, или не могло быть.

С. Кадров (Краков) и А. Закосцельна (Люблин) в совместном докладе показали пространственное и хронологическое соотношение культур Малицкой, Любеленско-Волынской расписной керамики и Триполья. Они отметили несовпадение терминологии при названии культур археологами Польши и Украины. Последние продолжают не совсем верную, с точки зрения докладчиков, традицию использования понятий «Лендельско-Полгарский круг культур» или название Любеленско-Волынской культуры «Лендельской культурой», а также попытки синхронизации Ленделя и Триполья CII, встречающиеся в трудах отдельных украинских авторов. В докладе были изложены и обоснованы современные научные взгляды на генезис, развитие и хронологию энеолитических культур – соседей Триполья на Волыни и Подолии. По мнению докладчиков, плодотворное сотрудничество археологог разних стран в пределах проекта Baltic-Pontic Studies, в результате которого прочитаны доклады М. Шмит и М. Видейко, следует продолжить. Ведь именно это позволило снять определенные противоречия, исправить старые ошибки и прийти к новым интересным выводам.

Б. Жураковский (Винница) в своем сообщении в русле традиций постпроцессуальной археологии предположил существование определенных связей трипольских племен Восточной Подолии – производственных, культурных, религиозных и других, которые происходили в пределах Лесостепной полосы и которым содействовали, по его мнению, направления русел Днестра, Южного Буга и других рек. На присутствующих произвела впечатление иллюстрация к докладу, демонстрирующая процесс транспортировки соли трипольцами в котомках.

Отличное впечатление произвел проиллюстрированный видеосъемкой трипольской керамики доклад О. Цвек (Киев), посвященный связям населения восточнотрипольской культуры с населением Поднестровья. Они, по мнению докладчика, нашли проявление не только в керамике, но и в традиции домостроительства – сооружении домов с подвальными помещениями.

Темой доклада Ю. Рассамакина (Киев) стали проблемы первых контактов между энеолитическим населением степной полосы и Трипольско-Кукутенской общностью и культурной принадлежности характерной посуды с примесью раковины в массе. Изучение этого вопроса привело автора к выводам, с одной стороны, об искусственности существующего в части исследований разделения степных комплексов на две культуры – Среднестоговскую и Новоданиловскую и, с другой стороны, обоснованность их объединения в одну культуру – Скелянскую с локальными вариантами в пределах последней.

Тематически близким ему был доклад Т. Мовши (Киев) о культурных традициях энеолитического населения западного Предкавказья и Триполья Поднестровья. В носителях Новоданиловской группы докладчик видит посредников широких контактов и обменных операций между Трипольем с одной стороны и Кавказом и культурой Гумельница – с другой, что привело, по мнению Т. Мовши, как и на других территориях, к интеграционным процессам в этнических связях.

Совместный с Т. Мовшей доклад о монументальной каменной трипольской архитектуре прочитал А. Корвин-Пиотровский. В докладе были приведены примеры использования камня при сооружении трипольцами укреплений и жилищных сооружений в Поднестровье, а также высказано предположение о заимствовании навыков каменного домостроительства населением среднестоговской культуры у жванецких общин Среднего Поднестровья. Активному расселению и миграциям трипольцев, как отмечено в докладе, содействовал колесный транспорт, зафиксированный по моделям колес со спицами, обнаруженными в Большой Слободке (ур. Хрещате) и других поселениях.

Целая серия докладов была построена на новых материалах региона Поднестровья. М. Сохацкий (г. Борщев) рассказал о находках костяных изделий в пещере Вертеба около с. Бильча-Золотого. Коллекция происходит из раскопок автора в 1996–2000 гг. участка ненарушенных культурных наслоений трех этапов трипольской культуры. Среди уникальных находок – крупная роговая пластина в виде головы быка, аналогичная известной находке В. Деметрикевича 1898 года, хранящейся в Кракове, но без антропоморфного изображения.

В. Шумова (Киев) посвятила свой доклад проблеме этноисторических процессов Триполья BI Среднего Поднестровья. У докладчика не вызывает сомнения, что в формировании солонченской локальной группы Триполья BI-II кроме носителей памятников типа Журы принимали участие потомки населения памятников типа Васильевки.

Исследование слоя кошиловецкого типа на поселении Бильшивцы и место кошиловецкого типа трипольской культуры в энеолите Верхнего Поднестровья стали темой доклада Т. Ткачука (г. Каменец-Подольский), который познакомил коллег с результатами своих раскопок последних лет. В выразительном керамическом комплексе кошиловецкого типа автор выделил изделия, характерные для культуры воронковидных сосудов, а также следы традиции культуры любеленско-волынской расписной керамики. К кошиловецкому этапу относятся также уникальные погребения, обнаруженные рядом с жилищами.

Общий интерес вызвали материалы доклада И. Кочкина (г. Каменец-Подольский) о находках трипольских медных топоров в Поднестровье, представленных рядом уникальных образцов.

Е. Якубенко (Киев) познакомила присутствующих с архивными материалами о разведках трипольских поселений на левобережных притоках Среднего Днестра.

Участники конференции с интересом заслушали доклад об археологических памятниках, исследованных на территории других стран Европы. Б. Матева (Болгария) сделала сообщение о результатах изучения поселения эпохи среднего энеолита, обитатели которого занимались добычей и обработкой кремня. При обсуждении доклада произошел интересный обмен рассуждениями относительно конструкций жилищ, остатки которых в некоторых чертах напоминали остатки трипольских сооружений.

Культура линейно-ленточной керамики во Франции стала темой доклада К. Менье (Франция). Знакомство с региональным вариантом этой неолитической культуры вызвало интерес среди участников конференции.

Ряд докладов касался методических аспектов исследований. Э. Кайзер (ФРГ) в докладе остановилась на методических основах использования радиоуглеродных дат для разработки, хронологии и периодизации культур на примере ямной и катакомбной культур. Н. Рындюк (Санкт-Петербург) проанализировала основные принципы систематизации антропоморфной пластики раннего Триполья. Поскольку существующие разработки не соответствуют, по мнению автора доклада, требованиям современных исследований, была предложена собственная классификация с делением на пять основных групп изображений женских и три группы бесполых.

Проблемы реставрации керамики энеолитического периода на примере трипольской посуды были подняты А. Шияновой (Киев), предложившей ряд проверенных многолетней практикой рецептов очистки и реставрации находок.

Высоким уровнем аргументации отличался доклад И. Манзуры (Кишинев) о генезисе культуры Чернавода на основании сравнительного анализа керамических изделий. Эта тема чрезвычайно важна для разработки вопросов о западных соседях и взаимных контактах позднетрипольских племен, а также решения проблем, связанных с комплексами усатовского типа.

Несколько докладов были посвящены трипольской культуре поздних этапов в междуречье Южного Буга и Днепра. С. Рыжов (Киев) обобщил результаты изучения самых поздних памятников, обосновано отнесенных им к этапу Триполья CII, поскольку все они имеют характерные черты так называемого «общего позднетрипольского горизонта», отмеченные В. Дергачевым. В таком объеме эти материалы были представлены впервые. Другие доклады касались раскопок конкретных памятников.

Э. Овчинников и Д. Чорновол (Киев) показали интересные материалы поселений этапов BII и CII на востоке Буго-Днепровского междуречья, которые относятся к особому варианту Триполья в этом регионе.

В. Круц и А. Корвин-Пиотровский продемонстрировали результаты текущего полевого сезона в Тальянках, где продолжалось исследование четырех раскрытых жилищ. Тема исследования трипольских поселений на левобережье Днепра была поднята Г. Бузян (Николаев), которая познакомила присутствующих с новой группой памятников этапа CII, возникшей, по ее мнению, вследствие расселения населения с правого берега Днепра. В керамическом комплексе были отмечены черты достаточно выразительных влияний центральноевропейских культур, а также нескольких локальных вариантов Триполья.

Во время работы конференции была открыта археологическая выставка, полностью подготовленная силами сотрудников энеолитической экспедиции, и проведена экскурсия на место раскопок. И выставка, и экскурсия были посвящены чрезвычайно интересному комплексу – поселению времени BII с кремнеобрабатывающей мастерской около с. Бодаки на речке Горынь. В экспозиции были представлены основные

находки, сделанные во время многолетних археологических исследований в Бодаках под руководством Н. Н. Скакун. Среди них был весь спектр сырья, полуфабрикатов и готовых изделий, связанных с обработкой кремня. Эта часть экспозиции стала убедительной иллюстрацией к докладам об исследованиях в Бодаках. Во время открытия и осмотра экспозиции произошли оживленные дискуссии и обсуждения по поводу выставленных материалов. В частности, некоторые кермические находки четко продемонстрировали проникновение в трипольскую среду элементов позднемалицкой и любеленско-волынской культур, что было отмечено участниками конференции из Польши А. Закосцельной и С. Кадровым.

Во время посещения Бодаков участники экскурсии имели возможность осмотреть место расположения поселения, выходы кремня в виде конкреций на дне глубокого оврага рядом с местом раскопок. Н. Н. Скакун продемонстрировала участникам конференции раскопанные на поселении объекты, интерпретированные как углубленные жилища и мастерские, а также исследованный участок рва, окружавшего полукругом территорию поселения с напольной стороны. Произошла предметная дискуссия по поводу осмотренных комплексов. В частности, использование углублений в качестве полуземлянок вызвало сомнение, а в профиле рва зафиксировано присутствие разновременных перекопов. Высказанные мнения позволили сделать определенные уточнения в интерпретации исследованных на поселении конструкций.

В тот же день участники конференции посетили г. Кременец, г. Вишневец и Почаевскую Лавру. Следует особенно отметить организационные усилия работников Збаражского заповедника, в частности Н. Макарчук, которые сумели договориться о посещении святынь Почаевской Лавры участниками конференции. Собор, галереи и пещеры, колокольня Лавры и окружающие пейзажи произвели на всех незабываемое впечатление.

Второй день конференции проходил в Тернопольском краеведческом музее, где все присутствующие ознакомились с фундаментальной экспозицией, украшением которой является археологический отдел. Участников конференции приветствовал директор музея В. Лавренюк.

На протяжении конференции и по ее окончании неоднократно поднимались вопросы о необходимости дальнейших научных исследований кремнеобрабатывающих мастерских в регионе, а также желательности проведения подобных специализированных международных научных форумов. К сожалению, срочный отъезд коллег, спешивших закончить полевой сезон в Тальянках, не позволил полноценно подвести итоги конференции и принять соответствующую резолюцию.

В заключении хотим еще раз отметить научно-организационную работу, проведенную Н. Н. Скакун и сотрудниками Энеолитической экспедиции ИИМК РАН, а также помощь, оказанную директором Збражского государственного историко-архитектурного заповедника А. В. Маципурой и ученым секретарем Н. О. Макарчук.

М. Ю. Видейко

Украина. Киев. Институт археологии НАНУ.

ИСТОРИЯ НАУКИ

ПЕРВЫЕ ЗАВЕДУЮЩИЕ ФОТОАРХИВОМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ[1]

Фотоархив Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург) как самостоятельное подразделение в структуре учреждения, неоднократно менявшего свое наименование, был организован в декабре 1918 года и является наследником фонда Императорской Археологической комиссии, существовавшей в 1859–1917 гг. Фотосъемка в ИАК производилась членами комиссии с 1870-ых годов, однако уже с середины XIX века в библиотеке собирались фотографии, как по археологии, так и по другим областям истории и культуры. Снимки 1891–1895 гг. выполнены фотографом М. Романовичем, художником С. М. Дудиным и членом Археологической комиссии В. Г. Дружининым. Большая часть фотографий 1896–1918 гг. сделана И. Ф. Чистяковым в специально организованной фотолаборатории.

На первом же послереволюционном заседании Археологической комиссии, состоявшемся 26 апреля 1918 г., в присутствии десяти членов Комиссии, в том числе А. А. Бобринского, В. В. Латышева, П. П. Покрышкина, К. К. Романова, было постановлено, что «...новые условия жизни русского государства» побуждают «не медлить с решением вопросов о новых путях деятельности Российской Археологической Комиссии» (РА ИИМК РАН. Ф. I, 1918, д. 20, л. 75).

Через полгода, в октябре 1918 г. проект Устава комиссии был подписан народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским и утвержден Малым Совнаркомом. В Уставе РГАК было специально отмечено, что при Комиссии имеются библиотека, состоящая из ряда отделов, в том числе отдела фотографических отпечатков и негативов, и особая фотографическая техническая часть (РА ИИМК РАН. Ф. I, 1918, д. 1).

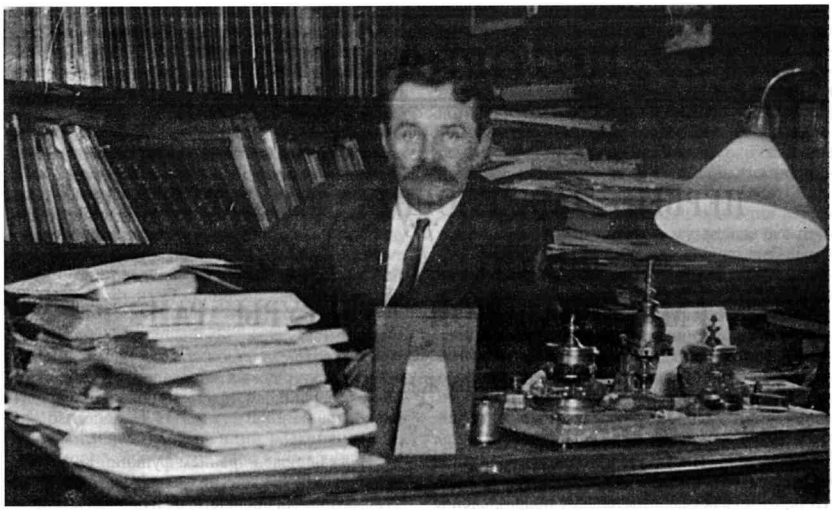
В связи с расширением функций Комиссии, включавших отныне не только учет и надзор за памятниками прошлого, но и проведение практических мероприятий по их реставрации и ремонту, было предложено учредить новые должности помощника архитектора, техников, архивариуса для заведования архитектурным отделом Комиссии, а также ассигновать ежегодно средства на приобретение фотографических снимков, рисунков и чертежей – 3 тыс. рублей и на фотографические работы – 10 тыс. рублей (РА ИИМК РАН. Ф. I, 1918, д. 20, л. 75–75 об.). На Заседании РГАК от 13 ноября 1918 г. помощником библиотекаря по архиву был назначен А.С. Раевский, а помощником фотографа – И. Ф. Чистяков.

Именно Иван Федорович Чистяков передал 11 декабря 1918 г. в Российскую Археологическую комиссию 20315 негативов, о чем свидетельствует запись в инвентарной книге фотоархива № 1, приступив, таким образом, к организации специализированного хранилища.

26 декабря 1918 г. Совет РГАК одобрил постановление Правления от 6-го декабря о приобретении для библиотеки Комиссии за 15561 руб. большой коллекции негативов диапозитивов (Журнал правления № 7, ст. XII). А. А. Спицын «указал на желательность приобретения коллекции фотографа Машечкина», и Совет просил К. К. Романова навести справки об этой коллекции.

В феврале-марте Совет и чрезвычайное собрание РГАК обсудили проекты «Положения о Российской академии археологических знаний...» и «Декрета о преобразовании Российской государственной археологической комиссии в Российскую государственную академию архе-

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Фотоархив.



Н. П. Сычев в своем домашнем кабинете. Фото 1930–1932 гг.

ологических знаний и учреждений ее объединения» (Пряхин 1986: 13). Декрет о создании Российской Академии истории материальной культуры был подписан В.И. Лениным и утвержден на заседании Малого Совета Совнаркома 18 апреля 1919 г. (Устав Государственной академии истории материальной культуры 1926: 3).

В начале августа 1919 года состоялась Первая Всероссийская конференция археологов. Председателем Российской Академии истории материальной культуры был избран академик Н. Я. Марр. 13 октября 1919 г. на XIV заседании на должность заведующего архивом Академии единогласно избрали академика С. А. Жебелева. Ученый секретарь И. А. Орбели доложил о необходимости включить в число вспомогательных учреждений фотографическую лабораторию. Собрание постановило внести соответствующие статьи в Устав Академии и возложить заведование лабораторией на члена Академии Н. П. Сычева.

2 ноября того же года И. А. Орбели (XVII заседание) доложил постановление Правления от 24 октября о поручении Н. П. Сычеву организации Особого фотографического архива и выработки положения о таковом. Было решено организовать фотографический архив как самостоятельное учреждение при фотографической части, и внести соответственные дополнения в Устав Академии (РА ИИМК РАН. Ф. 2, 1919, д. 17, л. 45). Первоначально к архиву были причислены только два человека – Н. П. Сычев и И. Ф. Чистяков, в 1921 г. к ним присоединилась Татьяна Модестовна Девель, руководившая работой фотоархива с 1 ноября 1932 по октябрь 1956 г.

Итак, первым заведующим фотоархивом был **Николай Петрович Сычев** (27.04.1883–1964), историк искусства, специалист в области древнерусской живописи, реставратор; профессор ряда учреждений, хранитель Отделения древнерусского искусства и Художественного отдела Русского музея, директор Русского музея в 1921–1926 гг., председатель Комитета изучения древнерусской живописи.

Из «Личного листка по учету кадров», заполненного Н. П. Сычевым 26.IX.1943 г. (РА ИИМК РАН, Ф. 35, оп. 5, д. 301, л. 4–5) с некоторыми дополнениями из «Curriculum vitae» (РА ИИМК РАН, Ф. 35, оп. 5, д. 301, л. 8–9) и «Личного листка по учету кадров», датированного 1931 г., из второго Личного дела (РА ИИМК РАН, Ф. 2, оп. 3, д. 638, л. 3–4):

Николай Петрович Сычев родился 27 апреля 1883 г. в Санкт-Петербурге. Дворянин. Родители: служащие. Отец Петр Никифорович Сычев, мать Мария Иоакимовна Сычева. До революции отец служил в Министерстве финансов помощником бухгалтера. Н. П. Сычев окончил 11-ю Петербургскую гимназию. В 1904–1910 гг. учился на историко-филологическом факультете Санкт-

Петербургского университета, закончил его с дипломом 1-й степени и был оставлен со стипендией на два года для подготовки к профессорской и преподавательской деятельности при кафедре истории и теории искусств.

В 1910–1911 гг. Н. П. Сычев был командирован университетом для научно-исследовательских работ в Новгород, Псков, Старую Ладогу и другие города северной области; в 1912 г. – Академией Наук в Армению, где под руководством академика Н. Я. Марра участвовал в археологических раскопках г. Ани и провел самостоятельные исследования архитектуры и живописи памятников в районе Эчмиадзина.

В 1913 г. Н. П. Сычев был командирован Академией Наук для научных занятий по византийскому и итальянскому искусству под руководством академика Н. П. Кондакова в Австрию (Вена) и Италию (Венеция, Милан, Равенна, Верона, Болонья Падуя, Флоренция, Рим, Неаполь, Помпеи и др.). В 1915 г. он побывал в Грузии с целью изучения памятников искусства XIV в.

Называя места работы и должности в «Листке по учету кадров» в 1942 г., Н. П. Сычев пишет:

1910–1930 – Профессор Санкт-Петербургского–Ленинградского государственного университета;

1916–1918 – Профессор Института истории искусств в Петрограде;

1915–1933 – Секретарь Совета, затем хранитель и директор (1921–1926) Государственного Русского музея;

1918–1928 – Профессор Археологического института в Петрограде-Ленинграде;

1918–1933 – Профессор Академии Художеств в Петрограде-Ленинграде;

1917–1918 – Член Российской Археологической комиссии;

1919–1933 – Действительный член ГАИМК; заведовал Разрядом древнерусского искусства, Разрядом русской живописи, был Председателем III художественно-исторического отделения. В декабре 1919 г. был назначен заведовать фотографическим отделом. Кроме того, являлся Председателем совещаний по организации при Академии Института археологической технологии и Комиссии по выработке плана археологических и художественных изысканий в Новгороде, был первым председателем Института археологической технологии в 1919–1920 гг.

Как сотрудник РАИМК-ГАИМК Н. П. Сычев совершил ряд поездок по изучению, реставрации и охране памятников архитектуры и искусства: в 1920 г. он занимался обмерами и изучением церкви Спаса на Ковалеве и других новгородских памятников; в 1921 г. К. К. Романов, Н. П. Сычев, О. М. Равицкая и др. проводили обмеры и исследование памятников архитектуры и искусства в Новгороде и Пскове; в 1925 г. Н. П. Сычев и художник Л. А. Дурново изучали фресковые росписи в Киеве и Чернигове; в 1926 г. Н. П. Сычев и Л. А. Дурново занимались работами по укреплению фресок церкви Спаса-Нередицы в Новгороде; вместе с академиком архитектуры Г. И. Котовым Н. П. Сычев наблюдал за ремонтными работами в церкви Георгия в Старой Ладоге (Археологические экспедиции 1962: 11, 16, 36, 45).

В те же годы Н.П. Сычев:

1919–1930 – Уполномоченный НКП Лен. Отд. Главнауки НКП;

1921–1925 – Член Совета Государственного Эрмитажа;

1924–1933 – Член Всеукраинского Археологического комитета в Киеве;

1931–1933 – Член Комитета по делам искусств и охране памятников Революции при Президиуме ЦИК в Москве.

Первый раз Н. П. Сычева арестовали 14 сентября 1930 года, но 5 октября того же года освободили без предъявления обвинения. Второй раз – в ноябре 1933 года. Коллегией ОГПУ он был осужден по ст. 58, 10-11 на 8 лет в исправительно-трудовом лагере. В «Личном деле» имеется копия Распоряжения № 629 по ГАИМК от 27 ноября 1933 г., подписанная Врид. Предс. Акад. Ф. Кипарисовым, согласно которому: Член Академии Н. П. Сычев исключается из числа работников Академии как находящийся под арестом более двух месяцев, с 25.XI.1933 г. Н. П. Сычев был арестован и осужден по тому же «Делу славистов», что и Н. В. Малицкий, речь о котором пойдет чуть ниже.

Далее, уже в заключении:

1934 – Преподаватель Учебного комбината НКВД в г. Кемь;

1934–1935 – по назначению Беломорско-Балтийского Комбината НКВД построил в г. Повенец Музей строительства Беломорско-Балтийского канала им. тов. Сталина и был назначен директором музея;

1935 – Прораб по строительству социалистического города в Медвежьегорске, одновременно пришлось заведовать всеми художественно-проектными и оформительскими работами на строительстве Большой гостиницы, поликлиники и других сооружений;

1936 – Начальник Архитектурно-Художественного сектора Туломстроя НКВД – Туломской ГЭС;

1937–1939 – Художественный руководитель Центральных Мастерских Беломорско-Балтийского Комбината НКВД в г. Повенец по подготовке Всесоюзной сельскохозяйственной выставки;

1939–1940 – Зав. Метеорологической станцией в том же Повенце;

В 1941 г. он эвакуирован в Усольлаг и назначен статистиком при центральной больнице Усольлага.

18 июля 1942 г. Н. П. Сычев был освобожден и направлен в г. Чистополь, где назначен сверх-

штатным научным сотрудником Чистопольского краеведческого музея Татарской АССР. В Чистополе Сычев жил при Чистопольском краеведческом музее, по ул. К. Маркса, 8.

5-го августа 1943 г. Н. П. Сычев написал письмо С. Н. Бибикову в Елабугу, где во время войны работала Елабугская группа ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР – с просьбой помочь в получении документов на дополнительный паек, выдававшийся академическим и университетским работникам. Напоминая о своей работе в ГАИМК он пишет, что «…был членом Академии с момента ее организации до 1933 включительно. В 1-ый год работы был Зам. Председателя Археологической комиссии академика Н. Я. Марра, долгое время был членом правления Академии и все время заведовал Разрядом русской материальной культуры. Все это Вам могут подтвердить многие из ученых сотрудников руководимого Вами института (например, проф. П. П. Ефименко и др.) и разумеется Архив института. Об этом известно и Михаилу Илларионовичу (Артамонову – *Г. Д.*), который был моим слушателем в Университете, а затем работал со мной в ряде научных учреждений». Ответом на письмо было зачисление его «в должности старшего научного сотрудника ИИМК с окладом 1700 руб. с 15/VIII-43». Приказ № 27 от 25/VIII-1943 г. подписал М. И. Артамонов (РА ИИМК. Ф. 35, оп. 5, д. 301, л. 3 об.). После июня 1945 г. Н.П. Сычев был переведен на работу в ИИМК АН СССР, в Москву (Справка от 1/II-1952 г. РА ИИМК. Ф. 35, оп. 5, д. 301, л. 13).

На военной службе Н. П. Сычев никогда не служил. Владел греческим, латинским, французским, итальянским языками. Кроме всего вышеназванного, он был членом Русского археологического общества, Общества любителей древней письменности, Палестинского общества, ряда художественных и архивных комиссий. За время научной деятельности написал около двух десятков научных исследований. Ряд его художественных произведений был приобретен Правительственной комиссией для Государственных музеев и Государственной Третьяковской галереи (РА ИИМК. Ф. 35, оп. 5, д. 301, л. 9 об.).

На вопрос «Подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции» Н. П. Сычев постоянно отвечал: «Да. В 1905 г. был неоднократно избиваем царской полицией и жандармами на митингах и в процессиях».

«Личное дело» было начато 20/VIII–1919 г. (при зачислении в РАИМК и окончено 1/II–1952 г., архивной справкой с места работы).

В фотоархиве имеется серия портретов Н. П. Сычева: 1) с Н. Я. Марром, Вруером, Н. Л. Окуневым и др. в Ани в 1911 г. (Q 827/50); 2) в группе у Спаса на Ковалеве в Новгороде в 1909 г. (О.674/51); 3) два портрета до 1933 г.

Н. В. Малицкий в Русском музее. Фото 1926 г.

(О.3333/1, 2); 4) три портрета, сделанные на юбилейном заседании в ГИМ (Москва) в 1960 г. (Q 831/201–203).

В 1960 г. был образован личный фонд № 37 (766 негативов, 2141 отпечаток, датируемые 1892–1960 гг.). Документы личного фонда включают материалы по реставрации фресок церквей Новгорода, Владимира, Софийского собора в Киеве, Покровского собора (Василия Блаженного) в Москве, церквей Армении и Грузии; виды памятников архитектуры, главным образом, церковной, России, Украины, Армении, Грузии, Греции, Сербии, Италии, Малой Азии. Последние в оригинальных фотографиях зарубежных мастеров фотоискусства.

В архиве фотоархива (АФ–13) сохранился Акт от 6 декабря 1950 г. по рассмотрению и оценке архива Н. П. Сычева, подписанный Т. М. Девель, П. А. Раппопортом, М. К. Каргером и Н. А. Винберг. В акте указано, что «желательно приобрести у вдовы (? – *Г. Д.*) Е. О. Сычевой архив Н. П. Сычева с общей оценкой (рукописи и фото) в 5000 рублей». Материалы были приобретены 21 июля 1950 г. Т. М. Девель и Елена Осиповна Сычева составили акт о передаче в архив 7 ящиков негативов и диапозитивов, 15 связок фотографий, рукописного и печатного материала, 2 коробок картотек.

В другом деле архива фотоархива имеются «Заметки к биографии Н. П. Сычева» (АФ-49. Кол. 1475):

1909 г. – в группе участников работ у церкви Преображенья в Ковалеве.

1911 г. – участвовал в раскопках Н. Я. Марра в Ани.

1913 г. – По-видимому, был в командировке в Италии (на некоторых заграничных фотографиях надпись: «Фот. Н. П. Сычева 1913 г.»).

1916 г. – Записная книжка о поездке в Зарзму.

1919 г. – в группе основателей ГАИМК.

1920 г. – руководил экспедицией ГАИМК в Новгород по исследованию монументальной росписи церкви на Ковалеве.

1924 г. – Председатель художественно-исторического отделения ГАИМК. Заведующий разрядом русской живописи.

1927 г. – Командирован от ГАИМК в Старую Ладогу для производства реставрационных работ (Сообщения ГАИМК, II)

1931 г. – работал вместе с Н. П. Тихоновым в Смоленске в комиссии от Центр. Госуд. Реставр. Мастерских (Барановский П. Д., Олсуфьев, Дамбровский, Кириков).

Не все даты совпадают с теми, которые указаны самим Н. П. Сычевым в его «Личном деле». Может быть и нет необходимости в их особом уточнении. В любом случае ясно, что первый заведующий был крупнейшим ученым, которого обязали возглавить фотоархив. За всеми делами и заботами двадцатых годов, преподавательской деятельностью, директорством в Русском музее, «борьбой» с продажами произведений искусства Н. П. Сычеву некогда было особенно заниматься фотоархивом. Неизвестно почему, а мне кажется и, скорее всего, он сам ушел с этого поста ввиду огромной занятости.

Незаслуженно забытым оказался заведовавший фотоотделом до Т. М. Девель **Николай Владимирович Малицкий** (19. V. 1881–15. I.1938).

Николай Владимирович Малицкий, украинец по национальности, родился в с. Белка Волынской губернии. Учился в Кременецком Духовном училище, затем в Волынской Духовной семинарии. В 1905 году окончил Петроградскую Духовную Академию, а в 1909 г. – историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета по специальности «христианская археология» и был оставлен преподавать на кафедре истории средних веков. С 1911 года преподавал христианскую археологию в Духовной академии, а с 1916 – в Петроградском Археологическом институте. В 1920–1924 гг. в том же институте профессор Н. В. Малицкий возглавлял кафедру византийского искусства. С 1925 года он являлся доцентом ЛГУ.

Преподавательскую деятельность Н. В. Малицкий совмещал с работой в научных учреждениях: с 1919 года – научный сотрудник РАИМК (с 17 декабря – научный сотрудник Комиссии по изучению миниатюры). В «Личном деле» Н. В. Малицкого имеется его послужной список: Ученый секретарь (1924 г.), зав. Разрядом русской живописи, Секретарь III отделения, с апреля 1929 – научный сотрудник I разряда ГАИМК. 15 декабря 1930 г. – уволен из ГАИМК, 3 февраля 1932 г. – зачислен Секретарем Института исторической технологии, 23 марта 1933 г. – переведен во внештатные сотрудники.

Т. М. Девель. Фото 1930-х гг.

Сам он отмечает, что являлся сотрудником ГАИМК с 1922 по 1932 г. С 1924 г. – ученый секретарь АК. В документе от 15 ноября 1927 г. указано, что с 1924 г. он был заведующим фотоотделом.

С 1922 года Н. В. Малицкий, крупнейший специалист в области византийского и русского искусства, работал также научным сотрудником Русского музея (РА ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 3, д. 400). Давая оценку деятельности Н. В. Малицкого, уже в 1950-е гг., М. И. Артамонов дополнительно подчеркивает, что он был «исключительным знатоком греческого языка» (Ашнин, Алпатов 1994: 38).

Как и Н. П. Сычев, Николай Владимирович Малицкий принял участие в ряде поездок по изучению, реставрации и охране памятников архитектуры и искусства по заданию Академии истории материальной культуры: в 1922 г. во Владимир с целью изучения рельефов Дмитриевского собора; в 1923 г. в том же Владимире он занимался исследованием памятников архитектуры; в 1928 г. вместе с Е.О. Костецкой он исследовал южные врата Суздальского собора (Археологические экспедиции 1962: 18, 24–25, 59).

Старший научный сотрудник Русского музея Н. В. Малицкий был арестован 29 ноября 1933 г. Осужден 2 апреля 1934 г.

29 марта и 2 апреля 1934 г. соответственно Коллегией и Особым Совещанием при коллегии ОГПУ вынесено постановление по ленинградской части дела «Российской национальной партии». Из 35 осужденных: Д. А. Золотарев, А. А. Миллер, И. Г. Спасский, Ф. И. Шмит получили по 5 лет лагерей, Г. А. Бонч-Осмоловский и др. – 3 года лагерей. По три года ссылки получили Н. В. Малицкий, Л. А. Дурново, М. П. Грязнов, В. В. Сегеркранц и еще несколько человек. Одиннадцать осужденных, в том числе М. П. Грязнов и И. Г. Спасский не признали себя виновными. Два дела было прекращено «за смертью подследственных»: С. А. Теплоухов покончил с собой (повесился) около 10 марта 1934 г. в доме предварительного заключения; Ф. А. Фильструп умер там же 7 декабря 1933 г. мучительной смертью (выпив крутого кипятку, он «обжег готовую полость и гортань» и в шоковом состоянии задохнулся). В деле имеется акт о вскрытии (Ашнин, Алпатов 1994: 86).

Из Выписки из протокола Особого Совещания при коллегии ОГПУ от 2 апреля 1934 г.: 10. Малицкого Николая Владимировича заключить в исправтрудлагерь сроком на три года, считая срок с 29.XI.33 г. – с заменой высылкой через Полномочное Представительство ОГПУ в Севкрай на тот же срок. Направить этапом (Ашнин, Алпатов 1994: 231).

Секретным определением от 28 ноября 1956 г. Военный Трибунал Ленинградского Военного Округа Постановления от 29 марта и 2 апреля 1934 г. и Тройки УНКВД по Архангельской области от 4 января 1938 г. отменил и дело производством прекратил за отсутствием состава преступления. Все подвергнутые наказанию по делу обвинялись как участники контрреволюционной фашистской организации русских и украинских националистов («Российская национальная партия») и в том, что все они, работая в Ленинградских научно-исследовательских институтах, а также в учреждениях Академии Наук СССР, проводили широкую вредительскую деятельность по срыву научно-исследовательских работ общегосударственного и оборонного значения. Н. В. Малицкий был сослан на 3 года в Петрозаводск и вторично арестован 19 сентября 1937 г. (Ашнин, Алпатов 1994: 241-243). Умер он 15 января 1938 г. в Каргопольском лагере (Ашнин, Алпатов 1994: 138). Полностью Н. В. Малицкий реабилитирован 31.03.1989 г. прокуратурой Вологодской области.

Такова трагическая судьба второго заведующего фотоотделом Николая Владимировича Малицкого. В фотоархиве ИИМК РАН имеются два групповых портрета этого удивительно интеллигентного человека, крупнейшего ученого. На одном мы видим его в группе с академиком Н. П. Кондаковым, академиком архитектуры Г. И. Котовым, архитектором К. К. Романовым и другими неизвестными нам лицами на ступенях храма. Снимок был сделан во время коллективной поездки ученых в октябре 1916 г. На втором снимке К. К. Романов и Н. В. Малицкий сфотографированы в помещении Разряда русского зодчества в Мраморном дворце. Он датирован 1926 годом, а автором его, почти без сомнения, является фотограф ГАИМК И. Ф. Чистяков. Этот снимок, как и небольшая биографическая справка о Н. В. Малицком, опубликованы в связи с рассказом о реставрационных работах К. К. Романова в Пушкинском заповеднике в 1934–1936 гг. (Длужневская 2000: 54–55).

Среди статей Н. В. Малицкого в период его работы в ГАИМК и Русском музее: Обзор деятельности Института исторической технологии (СГАИМК. 1932. № 3–4: 75–76; № 7–8: 73–74), о краеведении во Владимирской губернии (Труды 2-й конференции по изучению производительных сил Владимирской губернии, № 2. Владимир, 1926. 8 с.). После смерти профессора Н. В. Покровского – о его ученых трудах и их значении для науки христианской археологии (ВАИ, 1918. Вып. 23: VII–XIX). Работы о рельефах Дмитриевского собора во Владимире, о створке панагиара из Русского музея с изображением Троицы, заметки по эпиграфике Мангупа, о дате мозаики в церкви в Константинополе и другие. Совершенно в духе времени статья «Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства» (Л., 1932. 30 с.]. И, к сожалению, ни одной заметки о работе фотоотдела под его началом.

Татьяна Модестовна Девель (16/29 января 1888–1981) – заведующая фотоархивом с 1932 по 1956 г. («Личное дело» в РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87).

Т. М. Девель родилась 16/29 января 1888 г. в Петербурге. Русская, дворянка, из служащих. Отец Девель Модест Федорович, 1845 г. рожд., из Тифлиса. Дворянин, русский. Недвижимым имуществом не владел. Служил воспитателем в Петербургском Инженерном училище. Умер в 1892 г. (Т. М. Девель было всего четыре года. – *Г. Д.*). Мать Арнштейн Мария Мартыновна, 1859 г. рожд., из московского купечества. Русская. Недвижимым имуществом не владела, но имела капитал в банке – 80 тыс. рублей, не работала. Умерла в 1909 г.

Первоначальное образование Т. М. Девель получила в Литейной женской гимназии в Петербурге, которую окончила в 1906 году. В 1907–1908 гг. она окончила Петербургский педагогический класс Оболенской гимназии. В 1909–1910 гг. Татьяна Модестовна работала воспитательницей в Константиновской женской гимназии: «21 года я поступила классной воспитательницей в Константиновскую женскую гимназию при Педагогическом Институте в Ле-

нинграде (В эти годы еще Петербург, но автобиография написана позже, когда город стал называться Ленинградом. – *Г. Д.).* Оставила эту работу, потому что она меня не удовлетворяла».

В 1912 г. Т. М. Девель поступила на Высшие Женские Бестужевские курсы, где занималась на историко-филологическом отделении по истории западного средневековья у И. М. Гревса, О. А. Добиаш и М. И. Ростовцева. Она числилась на курсах до 1917 г., но не смогла сдать государственные экзамены из-за болезни. В 1908 г. была два с половиной месяца во Франции и Англии, в 1911 – два месяца в Германии на лечении. В 1913 г. летний семестр училась во Фрейбургском университете в Германии в семинаре проф. Белова по истории средневекового города, а летом 1914 г. в течение трех месяцев во Флоренции (Италия) занималась историей города. Полученное образование дало ей историческую специальность.

В 1915 г. Т. М. Девель, не закончив учебы, пошла сестрой на фронт, работала сестрой милосердия в Рижском (Минск, Винница) и Кауфманском (Тула) госпиталях, но оставила и эту работу, также как «не удовлетворяющую».

Тяжело заболев в мае 1917 г., она была направлена на лечение сначала в Анапу, а затем в Пятигорск. В Пятигорске в 1918 г. работала в Вечернем Народном Университете, занималась стенографированием для пособий лекций, составлением и подготовкой к печати учебных пособий и оставила эту работу за ее ликвидацией с захватом города «белыми». С весны 1919 по март 1920 г. служила в должности журналистки, машинистки, делопроизводителя у «белых» в Гражданском Управлении Терским краем в Пятигорске, осталась после бегства «белых». С весны 1920 г. вплоть до переезда в Ленинград в 1921 г. она работала делопроизводителем в Земельном Отделе пятигорского Исполкома.

Весной 1921 г. Т. М. вернулась в Петроград и в апреле того же года поступила на работу в фотоархив ГАИМК. Ее приняли на должность научно-технического сотрудника. В «Личной карточке» от 22 сентября 1921 г. указана должность – регистратор фотографического отдела.

Здесь требуется некоторое отступление, поводом для которого является название того научно-вспомогательного подразделения, в которое пришла работать Т. М. Девель и которое существует поныне как «фотоархив». В 1921 г. Т. М. пишет *фотографический отдел*, в 1934 г., что с 1932 г. работает в *фотоархиве*. Рядом в «Рабочем списке» общее название подразделения «*фотоотдел*». В «Распоряжениях» от 21 ноября 1932 г. и от 9 января1934 г. – *фототека*, а через три недели, 1-го февраля того же года в «Распоряжении № 111» *фотоархив*, в июле 1934 г. – *фотоархив*. В «Curriculum vitae» от 3 февраля 1934 г. – *фототека*, в конце 1935 г. – *фотоархив*, но в многочисленных документах «Личного дела» Т. М. Девель, накопившихся за долгие годы ее работы в РАИМК-ГАИМК-ИИМК АН СССР, в одно и то же время проскальзывает и название *фототека*. Дальше аналогичная ситуация: «Выписка из приказа № 34 по ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР» от 15 октября 1937 г. – *фотоархив*, в «Выписке из приказа № 29 по ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР» от 7 марта 1940 г. – *фототека*. И, наконец, после 1940 г. всегда встречается только *фотоархив*, даже в более поздних автобиографиях Т. М. Девель пишет, что пришла работать в 1921 г. в *фотоархив*. Судя по всему, название *фотоархив* более-менее устойчиво утверждается в 1934 г. И вторая ремарка: названию, по-видимому, не придавалось большого значения, так как все прекрасно понимали о каком отделе идет речь, и что это отдел, в котором концентрируются, научно и технически обрабатываются именно фотодокументы. Отметим также, что в документе от 15 ноября 1927 г. из личного дела Н. В. Малицкого указано, что с 1924 г. (и, вероятно, до 1932 г. – *Г. Д.*) Н. В. Малицкий заведовал *фотоотделом*.

Вернемся к Татьяне Модестовне Девель, пришедшей работать в РАИМК. Историк по образованию, специалист в области западноевропейского средневековья, знала французский, немецкий, английский, итальянский языки, читала и переводила со словарем с греческого и латыни. Умела печатать на машинке и стенографировать. Семейное положение: холостая. Близких родных не имела. «В СССР имею двоюродную сестру, проживающую в Ташкенте, которая не лишена и не лишалась избирательных прав, не подвергалась репрессиям, не служила ни в войсках, ни в учреждениях белогвардейцев. Заграницей двоюродная сестра, выехавшая в Париж в 1924 г., с которой не переписываюсь». В революционном движении не участвовала и ни в какой партии или группировке не состояла. Жила одна по адресу СПб, Озерный переулок, 9 (Лиговская ул., д. 3/9), кв. 26 (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 99–100).

Думается, что это был человек высочайшей организованности и честности, по-видимому, довольно резкий, абсолютно целеустремленный и преданный своему делу. Вспомним, как Т. М. оставила педагогическую работу («классной дамы») и медицинскую («медсестра»): и то, и другое направление деятельности ее не удовлетворяли.

Полученное образование дало ей историческую специальность, однако, последующая практическая деятельность, после Октября, сделала ее фотоархивистом. Указывая специальность, она пишет «фотоархивное дело», которое стало делом ее жизни, довольно долгой и весьма плодотворной.

По возвращении в Петроград-Ленинград Т. М. Девель была научно-техническим сотрудником РАИМК-ГАИМК (1921–1927 гг.), научным

сотрудником II разряда (1928 г.); назначена заведующей фототекой с окладом научного сотрудника I разряда с 1 ноября 1932 г. (Распоряжение № 456 от 21.11.1932 г., подписанное зам. Пред. Ком. Ф. Кипарисовым), позже – хранителем фотоархива; старший научный сотрудник с 1-го февраля 1934 г. (Распоряжение № 111 от 22 февраля 1934 г., подписанное И. О. Председателя АК Ф. Кипарисовым), хотя имеется Распоряжение № 28 от 9.I.1934 г., согласно которому Т.М. числилась зав. фототекой.

Немного подробнее о том, чем занималась Татьяна Модестовна в 1921–1924 гг. («Отчет о произведенной работе за время с октября 1921 г. по 26 марта 1924 г.». (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 4–5). Т. М. составляла описательный карточный каталог коллекции негативов с предметов древностей. Ею было определено свыше 10 тысяч негативов и составлено 4000 номеров карточек. В марте 1923 г. ей было предложено устроить кабинет Монферрана, для чего требовались: разбор документов и систематизация их по 3 главным группам: личный архив Монферрана, архив тех.-худ. Совещания и архив хозяйственного управления Исаакиевского собора. К концу 1923 г. опись инвентаря Кабинета была закончена: 1151 дело и 970 чертежей. Кроме того, с мая 1923 г. Т. М. исполняла обязанности секретаря Комитета по искусствознанию.

«Представление на конкурс на научного сотрудника III разряда Т. М. Девель заслушано Советом РАИМК 7 апреля 1924 г. Постановлено: передать на рассмотрение Комиссии в составе А. А. Васильева, К. К. Романова, Б. В. Фармаковского, Б. Л. Богаевского, Н. В. Малицкого. Представление подписано всеми членами Комиссии» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 7). 12 мая 1924 года ее утвердили в должности научного сотрудника III категории («Выписка из заседания РАИМК № 91» от 12 мая 1924 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 10).

Летом 1926 г. Т. М. Девель работала в Ольвийской экспедиции («Выписка от 7/VI-1926 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 11).

Из «Автобиографии», написанной в 1942 г. в Ташкенте: «С 1/X-1921 г. по 31/VII-1941 г. работала в Ленинграде в ГАИМК, переорганизованной в 1937 г. в ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР, в котором, состоя ст. н. с., работала над составлением тематических указателей иллюстративного материала и подбором иллюстраций к изданиям ИИМК, заведовала фотоархивом» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 62). С 1923 по 1929 г., кроме того, состояла секретарем Комиссии по Социологии искусства и Искусствознания при ГАИМК и секретарем Ольвийской экспедиции ГАИМК 1926, 1928–1930 гг. (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 24).

26 декабря 1929 г. на объединенном заседании Разряда Средневековых культур Европы и Передней Азии и Разряда Средней Азии ГАИМК

Н. Б. Бакланов и Т. М. Девель. Съемка тахеометром. Ольвия, 1926 г.

Т. М. Девель сделала доклад «Гончары Ташкента (Материалы и наблюдения)». В результате обсуждения было принято постановление: направить сообщение Т. М. Девель в Правление Академии для напечатания. Считать желательным проведение в Академии работ по собиранию наблюдений по этнографической керамике и организацию совместных заседаний разрядов, занятых изучением этих вопросов». Председателем на заседании была М. А. Тиханова-Клименко (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 12).

В ежемесячных Сообщениях ГАИМК в 1931 г. опубликованы две заметки: «Поступления в *фотоотдел*» и «Поступления в *фототеку*» (СГАИМК, 1931, июль, № 7: 40). Они не подписаны, но, скорее всего, принадлежат Т. М. Девель. В июле дан обзор поступлений за время с 1 октября 1929 по 1 декабря 1930 г.: *Фототека* ГАИМК пополнилась рядом поступлений, явившихся результатом экспедиционных работ Академии, отдельных командировок ее сотрудников, а также путем приобретения, обмена и поступлений

из фотолаборатории по заказам сотрудников. Сдали фотографические материалы по работам 1929 года Ольвийская (190 нег.), Юго-Восточная (117 нег.), Карельская (153 нег.), Судакская (303 нег.), в Дагестан и Армению (369 нег.), Северо-Кавказская (176 нег.), Хорезмская (120 нег.) и Архитектурная (29 нег.) экспедиции. Волго-Донская (121 нег.) и Уральская археологическая (90 фотографий) экспедиции – сдали материалы работ 1928 года, а Ольвийская 1930 г. передала в фототеку 190 негативов. Всего 1858 негативов.

Состоялись командировки: 1) Н. С. Розова (материалы антропологического обследования вепсов Лодейнопольского округа Лен. области); 2) П. Н. Шульца (материалы из музеев УССР и Крымской АССР); 3) В. И. Громова (геологическое обследование бассейна рек Оби, Черной, Югани 1929 г.); 4) А. Г. Данилина (алтайцы и телеуты Ойратской автономной обл. 1927–1929 гг.) и 5) Л. И. Песселепа (постройки и промыслы южных русских Центральной черноземной области 1925 г.). Всего поступил 261 негатив.

Приобретения: 1) Коллекция диапозитивов Б. В. Фармаковского (3279 диапозитивов); 2) коллекция В. И. Равдоникаса по Белозерскому краю (117 нег.); 3) Ак-Мечетская экспедиция Евпаторийского музея 1929 г. (25 нег.); 4) раскопки Евпаторийского музея в Евпатории (26 нег.); 5) раскопки в Эски-Кермене (231 нег.); 6) коллекция Ф. М. Морозова по памятникам архитектуры Карелии (54 фотографии); 7) коллекция Л. А. Мацулевича (памятники Пскова и Новгорода, преимущественно фресковая живопись – 690 нег.). Всего, таким образом, 4422 единицы поступлений.

Еще более интересны «Прочие поступления»: 1) Коллекция фотографий б. Библиотеки Зимнего дворца (памятники церковного зодчества), переданная из библиотеки ГАИМК (370 фотографий); 2) коллекция фотографий б. Библиотеки Мраморного дворца (архитектура и живопись), переданная из библиотеки ГАИМК (175 фотографий); 3) фотографии из собрания Фаберже, принесенные в дар Минералогическим музеем Академии наук (памятники архитектуры Индии) – 88 фотографий; 4) диапозитивы П. П. Покрышкина с памятников церковного зодчества и живописи Буковины (50 ед.); 5) диапозитивы из поездки А. П. Удаленкова в Среднюю Азию (Самарканд, Бухара) – 65; 6) диапозитивы, принесенные в дар фотографом И. Ф. Чистяковым (25 ед.); 7) коллекция фотографий росписи Успенского московского собора (315 фотографий); 8) Троицкая церковь в Лаках (21 фотография); 9) коллекция «Туркестанского Альбома» 1870–1871 гг. – 637 негативов; 10) коллекция Ленинградской реставрационной мастерской (архитектурные памятники Ленинградской области – 2800 негативов); 11) коллекция Комитета популяризации художественных изданий (виды русских городов, дворцы Павловска и Детского Села, живопись западноевропейская и русская) – свыше 2000 негативов. Всего 6546 поступлений. Прочие мелкие поступления, а также исполнения лаборатории Фотоотдела по заказам сотрудников – 1955. Итоговая цифра поступлений на 1 декабря 1930 г. – 15042 (СГАИМК, 1931, февраль, № 2: 39).

Почти все эти материалы сохранились в фотоархиве ИИМК РАН. Исключение составляют диапозитивы: все диапозитивы были списаны и изъяты из хранилища в 1970-х гг. Списания 1970-х годов, выполненные по распоряжению Архивного управления, тогда называвшегося СКИДМ, – особая боль. Списания 1930-х гг., проведенные Т. М. Девель, оправдываемы в силу обстоятельств истории страны (зачеркнуть все или большую часть того, что каким-либо образом было связано с императорской фамилией). Списания 1970-х годов также проводились по распоряжению свыше, но они менее понятны.

Во второй заметке «Поступления в фототеку», очень короткой, дается отчет о поступлениях в архив за время с 1 декабря 1930 по 1 января 1931 г. – 738 единиц, хотя и здесь есть интереснейшие материалы: поступили материалы от А. А. Невского – «Кусты Кокшенгского района, деревянные церкви и другие памятники культа в границах б. Тотемского у.» и от А. Г. Данилина – «Колхозное строительство в Дновском районе Ленинградской области», а также была приобретена коллекция Гос. Русск. Музея – материалы по постройкам чувашей и сопредельных народностей» (СГАИМК, 1931, июль, № 7: 40).

Распоряжением по ГАИМК за № 456 от 21 ноября 1932 г., подписанным зам. Пред. Комиссии Ф. Кипарисовым, Т. М. Девель назначается Заведующей фототекой с окладом научного сотрудника I разряда с 1 ноября 1932 г. (Личное дело: 15).

В Сообщениях ГАИМК за 1932 год, № 3–4, в разделе «Хроника» публикуется заметка «Фототека», подписанная Т. Девель. «Среди новейших поступлений в фототеку ГАИМК обращает на себя внимание ценный материал, переданный в фототеку Н. Я. Марром. Собрание содержит негативы из поездки Н. Л. Окунева на Кавказ летом 1917 г. для регистрации восточных памятников архитектуры и дает богатый материал по крепостным сооружениям, культовым памятникам, резьбе на камне; негативы из поездки С. В. Тер-Аветисяна в Ванский район в 1915–16 гг. Имеются материалы по крепостному и культовому зодчеству указанного района; материалы раскопок Н. Я. Марра в Ване 1916 г. и в Ани 1909–1910 гг. Наряду с этим, в порядке концентрации фотоматериалов в основном хранилище, из б. Кабинета А. А. Спицына была передана ценная коллекция негативов В. Толмачева по древностям Урала, в том числе, ряд видов местности и снимки, иллюстрирующие разрез торфяника и могущие, может быть, привлечь внимание и наших

геолого-разведочных партий». В этом же выпуске и в том же разделе «Хроника» заметка «Институт исторической технологии», подписанная «Н. Малицкий». По-видимому, Н. В. Малицкий в это время уже работает в Институте исторической технологии, а не заведует фотоотделом (СГАИМК, 1932, № 3-4: 75-76).

Далее следуют два «Распоряжения по ГАИМК», оба подписанные И.О. Председателя Академии Ф. Кипарисовым: № 28 от 9 января 1934 г., в котором Т. М. Девель числится еще зав. фототекой (Личное дело: 18) и № 111 от 22 февраля того же года, в котором сказано, что «с 1-го февраля 1934 г. Т. М. Девель – хранитель фотоархива, ст. н. с.» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 19).

В июле 1934 г. Т. М. Девель уходит в очередной отпуск и, собираясь поехать в Ташкент, получает Удостоверение следующего содержания: «Дано ст. хранителю фотоархива ГАИМК Т. М. Девель в том, что ей поручено Академией во время ее отпуска организация обмена интересующими Академию фотоматериалами с местными музеями и другими научными учреждениями и ведение переговоров с ними о приобретении от них указанных материалов» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 22).

В очередном «жизнеописании» от 3 февраля 1934 г. Т. М. указывает свои работы. Нет упоминания о цитированных выше заметках, но указаны переводы статьи С. Замятнина «Гагарино» на французский язык и доклада Б. Богаевского «Гончарные божества на Крите» для съезда историков в Осло на немецкий язык. Еще в 1929 г. в «Сообщениях ГАИМК» вышла статья «Выставка результатов работ Академии за 1919–1927 гг.», посвященная отчетной выставке, проходившей в помещениях ГАИМК, в Мраморном дворце (СГАИМК, т. II: 217–239). И самое, пожалуй, главное: рукопись «Материалы к инструкции по ведению фотоархива». Разработками методики работы фотоархива Т. М. Девель занималась задолго до того, как «Инструкция» (Материалы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях. М.; Л., 1954) была опубликована, едва ли не с самого начала своей работы в *фотоотделе, фототеке, фотоархиве*, как бы ни называли это подразделение.

В ноябре 1935 г., видимо, готовя к публикации работу «О гончарном производстве Ташкента» Т. М. Девель получает отзыв действительного члена ГАИМК, профессора Б. Л. Богаевского, в котором он отмечает, что работа, представляющая описание производства, ряд зарисовок (план мастерских, горнов, гончарных кругов и отдельно орудий), является результатом двух поездок в Ташкент и, несомненно, должна быть опубликована (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 31).

На основании представления ГАИМК от 7 декабря 1935 г. зав. фотоархивом Т. М. Девель утверждена в звании старшего научного сотрудника. Заседание Квалификационной комиссии управления университетов и научно-исследовательских учреждений состоялось в Москве 27 декабря 1935 г. Выписка из протокола о присвоении звания датирована 2 января 1936 г. (Личное дело: 36–37). К представлению была приложена «Характеристика»: «с 1928–1929 гг. Т. М. Девель назначена научным сотрудником II разряда и с 1930 г. – зав. фототекой. За все эти годы ею (Т. М. Девель) проведена огромная научно-организационная работа, в результате которой фототека Академии сделалась одним из образцовых научно-вспомогательных учреждений не только города Ленинграда.

Фото-архив Академии является одним из крупнейшим фотохранилищ в Европе и вызывает к себе большой интерес иностранных специалистов, бывающих в СССР и знакомящихся с работой Академии.

В текущей работе Т. М. Девель, как зав. фотоархивом должна проявлять большие знания в области истории докапиталистических обществ, посколько в фотоархив поступают часто материалы неопределенные, разрозненные, требующие большой научной обработки» (Личное дело: 39). Деятельность Т. М. Девель была оценена на высшем уровне, высокую оценку получило и подразделение, которым она руководила. Необходимо отметить и то, что сказанное в 1934 г. по отношению к фотоархиву остается справедливым и в 2001 году. Фотоархив продолжает оставаться одним из крупнейших и хорошо организованных хранилищ в Европе, по-прежнему вызывая интерес у иностранных исследователей.

В 1937 г. ГАИМК обретает новый статус и становится Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. В связи с этим Постановлением от 15 октября 1937 г. Президиум Академии наук утверждает Т. М. Девель в должности зав. фотоархивом, точнее было бы сказать «подтверждает» уже имевшуюся должность. Это было чисто формальным актом, правда, потребовавшим заполнения новых Листка по учету кадров и списка работ. К названным выше к этому времени добавился «Указатель материалам по архитектуре Средней Азии в собраниях фотоархива ГАИМК», сданный в печать, но так и оставшийся неопубликованным. «Инструкция по ведению фотоархивного дела» оставалась «в рукописи», но применялась в работе фотоархива ГАИМК. В выпуске 88 Известий ГАИМК был опубликован перевод статьи С. Н. Замятнина «Гагарино».

В последнем предвоенном 1940 году в связи с Международным женским днем зав. фототекой, ст. н. с. Т. М. Девель объявлена благодарность – «за отличную работу фототеки ИИМК в деле обслуживания коллективных тем и организацию текущей работы». В том же приказе научно-техническому сотруднику М. Г. Агаронян (фотограф ИИМК АН СССР–ЛОИА АН СССР) объявлена

благодарность «за высококачественное исполнение заданий по иллюстрациям коллективных тем». Приказ подписан директором ИИМК М. И. Артамоновым (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 56).

В июне 1941 г. Т. М. Девель уходит в очередной отпуск, зав. фотоархивом на время ее отпуска назначена м. н. с. К. М. Назарова (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 58–59).

«Располагая отпуском с 6/VI по 31/VII 1941 г., выехала в Ташкент, где была раньше в научной командировке от Академии и где нахожусь с 17/VI-1941 г. По обстоятельствам военного времени вернуться в Ленинград не смогла. Вынужденная задержка в Ташкенте была в свое время согласована с Руководством Института». (С 1 августа 1941 г. Т. М. Девель откомандирована, без сохранения содержания в ИИМК, в распоряжение Ташкентского Музея Искусств – *Г. Д.*). «С 4/XII-1941 г. по 6/I-1942 г. работала в Институте языка, литературы и истории УзФАН по составлению сводного каталога, имеющейся в Ташкентских библиотеках литературы на иностранных языках по истории Средней Азии и сопредельных стран. С 7/I-1942 г. освобождена от работы в УзФАН за сокращением штата.

Звание ст.н.с. получила в 1936 г. Постановление Квалификационной Комиссии Наркомпроса, список работ прилагаю.

Ст. н. с. Т. М. Девель. 1/VI-42 г. Ташкент, Ульяновская, 13» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 62).

Из «Автобиографии»: В эвакуации находилась в составе Ташкентской группы ИИМК, где, оторванная от фотоархивных фондов, вела работу библиографического характера по среднеазиатской тематике. С августа 1944 г. по 17 мая 1945 г. Вр.и.о. Ученого секретаря Ташкентской группы. 6/X-45 г.» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 75–76).

Список научных работ, прилагаемый к этому варианту «Автобиографии»:

Указатель снимков по архитектуре Средней Азии в собрании фотоархива ИИМК. Рукопись (1936 г.) – 2 п. л.

Материалы по организации и ведению фотоархива. Рукопись (1940 г.) – 3 п. л.

Обзор фондов фотоархива ГАИМК. Рукопись (1933 г.) – 17 п. л.

Западно-европейские путешественники в Среднюю Азию в XIX в. Рукопись (1944 г.) – 64 п. л.

Только 18 мая 1945 г. Т. М. Девель «вернулась из очередного отпуска», который так надолго оторвал ее от любимого дела и «детища» – фотоархива.

«Считать возвратившимися из эвакуации и приступившими к исполнению своих обязанностей сотрудников Ташкентской группы ИИМК (в том числе):

Девель Т. М. – ст. н. с., зав. фотоархивом». Приказ № 24 по ЛОИИМК им. Н. Я. Марра от 18 мая 1945 г. был подписан Зам. Директора В. И. Равдоникасом» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 67).

В послевоенное время новые характеристики, анкеты, приказы. В августе 1951 г. по штатному расписанию ЛО ИИМК АН СССР в составе фотоархива числились: заведующая фототекой, ст. н. с. Т. М. Девель и научно-технический сотрудник Т. Б. Томес (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 94).

Снова, как в самом начале деятельности фотоархива, в подразделении работают только два человека; хранение в это время насчитывает свыше 235000 единиц хранения (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 88, 94).

Т. М. Девель продолжает плодотворно трудиться, публикует в 1950 г. «Обозрение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР» (Девель 1950: 289–336), в 1954-м – «Материалы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях» (Девель 1954). В соавторстве с Т. Б. Томес в 1971 г. выходит работа «Собрание Н. Я. Марра в фотоархиве ЛОИА АН СССР» (Девель, Томес 1971: 289–295).

Татьяна Модестовна читает «в порядке товарищеской помощи» лекции, пропагандируя разработанную ею систему учета и хранения негативов и фотографических материалов (Личное дело: 105).

«Приказ № 95 по ЛОИИМК АН СССР. 8 октября 1956 года. Из приказа № 117 по ИИМК АН СССР от 1.X. с. г.:

§ 1. Ст. н. с. ИИМК Девель Т. М., в связи с исполнившимся сегодня тридцатипятилетием ее безупречной работы в б. ГАИМК-ИИМК АН СССР (с 1.X.1921 г.) в качестве, в начале сотрудника, а с 1930 г. зав. фототекой, создавшей образцовое хранилище ценнейших фотонегативов, выработавшей совершенную систему хранения фотоисточников и на протяжении лет показавшей высокую культуру труда, любви и преданности делу – выразить глубокую благодарность. Директор Б. А. Рыбаков. Зав. ЛО ИИМК АН СССР Б. Б. Пиотровский» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 108).

Вскоре Т. М. Девель ушла на заслуженный отдых и прожила на пенсии еще четверть века.

Один из вариантов «Автобиографии», хотя, фрагментарно, текст процитирован выше, хочется привести полностью. Текст был написан Т. М. Девель 10 октября 1937 года.

«Автобиография.

Мой отец был воспитателем в Инженерном Уч-ще в Ленинграде, другими средствами, кроме зарплаты, не располагал. Мать моя не служила и имела собственные средства (80 тыс.). Отец умер в 1892 г., мать в 1909 г. Близких родных не имею. В СССР имею двоюродную сестру, проживающую в Ташкенте, которая не лишена и не лишалась избирательных прав, не подвергалась

репрессиям, не служила ни в войсках, ни в учреждениях белогвардейцев. Заграницей двоюродная сестра, выехавшая в Париж в 1924 г., с которой не переписываюсь.

Первоначальное образование получила в Литейной женской гимназии в Ленинграде, которую окончила в 1906 г., в 1908 г. окончила педагогический класс Оболенской гимназии, в 1916 г. Бестужевские высшие женские курсы (без государственных экзаменов, из-за болезни). Полученное образование дало мне историческую специальность, однако, последующая практическая деятельность после Октября, сделала меня фотоархивистом.

В революционном движении не участвовала и ни в какой партии или группировке не состояла.

21 года я поступила классной воспитательницей в Константиновскую женскую гимназию при Педагогическом Ин-те в Ленинграде. Оставила эту работу, потому что она меня не удовлетворяла. Затем работала сестрой милосердия в Рижском (Минск–Винница) и Кауфманском (Тула) госпиталях, оставила и эту работу по той же причине. Я стенографировала лекции в вечернем Народном Ун-те в Пятигорске для учебных пособий студентам и оставила эту работу за ее ликвидацией с захватом Пятигорска белыми. Я служила с весны 1919 по март 1920 г. машинисткой и делопроизводителем у белых в Гражданском Управлении Терским краем в Пятигорске, осталась после бегства белых. Я работала делопроизводителем в Земельном Отделе пятигорского Исполкома с весны 1920 г. вплоть до переезда в Ленинград в 1921 г., с какого года беспрерывно работаю в фотоархиве ГАИМК (ныне ИИМК Ак. Наук СССР) сначала регистратором, затем младшим и последнее время старшим научным сотрудником. Взысканий не получала. Бывала неоднократно премирована в ГАИМК за работу. На конференции и съезды не избиралась. Под судом и следствием не была ни до, ни после революции. В Красной Гвардии и Красной Армии не была.

Я не замужем и семьи не имею. Живу одна. Работая в течение 16-ти лет над памятниками материальной культуры в фотоархиве, считаю это дело своей специальностью и хотела бы продолжать эту работу, полагая, что могу в этом новом деле принести пользу и передать молодым кадрам свой опыт.

10/X37 Т. Девель» (РА ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 5, д. 87. С. 49–49 об.).

Такими были первые заведующие фотоархива ИИМК РАН: Николай Петрович Сычев, Николай Владимирович Малицкий, Татьяна Модестовна Девель.

Н. П. Сычев являлся заведующим с 1919 по 1924 год, хотя точно в его Личном деле это не указано, да и вообще о том, что он заведовал фотографическим отделом он упоминает только один раз. Возможно, в течение трех лет он совмещал руководство фотоотделом и пост директора Русского музея.

Н. В. Малицкий заведовал фотоотделом с 1924 до середины 1932 года, хотя и эти даты вычисляются опосредованно: в СГАИМК, 1932, № 3-4: 75–76 в разделе «Хроника» опубликована заметка «Институт исторической технологии», подписанная «Н. Малицкий». По-видимому, Н. В. Малицкий в это время уже работает в Институте исторической технологии, а не заведует фотоотделом.

Т. М. Девель являлась заведующей фотоархивом с 1 ноября 1932 г. по октябрь 1956 г.

Археологические экспедиции… 1962. Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель. Москва.

Ашнин, Ф. Д., В. М. Алпатов. 1994. Дело славистов. 30-е годы. Москва.

Девель, Т. М. 1950. Обозрение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР // Советская археология XII: 289–336.

Девель, Т. М. 1954. Материалы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях. Москва–Ленинград.

Девель, Т. М., Т. Б. Томес. 1971. Собрание Н. Я. Марра в фотоархиве ЛОИА АН СССР // Историко-филологический журнал 3: 289–295. Ереван.

Лазарев, В. Н. 1965. Николай Петрович Сычев. [1883–1964. Некролог] // ВВ 26: 191–192 с портр.

Пряхин, А. Д. 1986. История советской археологии. Воронеж.

Устав… 1926. Устав Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград.

Ямщиков, С. В. 1965. Памяти Н. П. Сычева // Советская археология 4: 134–136 с портр. «Список основных трудов Н. П. Сычева». 16 назв.

ПАМЯТИ ФЕДОРА КОНДРАТЬЕВИЧА ВОЛКОВА
(к пятидесятилетию со дня смерти)

С. И. РУДЕНКО[1]

29 июня 1968 года исполнилось пятьдесят лет со дня смерти Федора Кондратьевича Волкова. Происходя «из обер-офицерских детей»[2], Федор Кондратьевич родился 5 марта 1847 года в с. Крячковке Полтавской губернии. Окончив Нежинскую гимназию в 1865, он поступил *в Новороссийский, позднее* в Киевский, университет[3]. Еще будучи студентом и занимаясь, главным образом, ботаникой и химией, он выполнил работы о действии света и темноты на хлорофилл водорослей Spirogyra и об исследовании смолы Pinus Sylvestris (Волков 1868: 1–10; 1870: 282–286). В 1869 году *Федор Кондратьевич* окончил физико-математический факультет Киевского университета *(естественное отделение)* и около двух лет служил в Контрольной Палате, посвящая себя работам в области этнографии. С начала 1873 г. *он* принимает активное участие в работе Юго-Западного отделения Императорского Русского Географического общества[4]. В 1875 и 1876 годах участвует в раскопках проф. В. Б. Антоновича в Киевской и Волынской губерниях[5]. В 1879 году уезжает за границу[6].

Живя за границей, Федор Кондратьевич занимался изучением населения Добруджи и Болгарии, а затем долгое время работал в этнографических и археологических музеях Вены, Рима, Неаполя, Флоренции, Берна, Женевы, Цюриха и Парижа. Поселившись в Париже, *он* занимался, главным образом, в области анатомической антропологии, сравнительной этнографии и доисторической археологии, поддерживая научные связи с Габриэлем и Адрианом де Мортилье, Е. Гами и Л. Мануврие. С 1879 по 1903 год состоял одним из редакторов журнала L'Anthropologie. В 1903–1904 годах по поручению Наукового товарищества им. Шевченко во Львове занимался изучением украинцев в Галиции, Буковине и Угорщине[7]. В 1904 году был избран членом-корреспондентом Русского Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. В 1905 году Парижским университетом ему присуждена научная степень доктора *естественных* наук (docteur es sciences). В феврале 1907 года он *был* допущен к чтению лекций в Санкт-Петербургском университете и зачислен в состав приват-доцентов *по кафедре географии и этнографии физико-математического факультета*. В августе того же года назначен хранителем Этнографического отдела Русского музея. С 1910 по 1913 год *в летнее время* командировался за границу для изучения заграничных этнографических музеев. С 1911 по 1913 год *он* был председателем Русского Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. В декабре 1917 года, по представ-

---

[1] Публикация, комментарий и сопроводительная статья Н. И. Платоновой. Печатается по автографу С. И. Руденко (рукопись, машинопись с правкой и подготовительные материалы), хранящемуся в ПФА РАН (Ф.1001. Оп.1. Ед. хр. 132). Цитаты из писем Ф. К. Волкова к С. И. Руденко, приведенные в авторском тексте, сверены с подлинниками, хранящимися в ПФА РАН, и в отдельных случаях расширены. Библиография автора уточнена и дополнена публикатором. В текст введен ряд эпизодов, первоначально оставшихся в черновиках. Редакторские дополнения выделены курсивом. Отдельные небольшие сокращения стилистического характера отмечены значком: [...].

[2] Отцом Ф. К. Волкова был козак Киндрат Вовк, дослужившийся на войне до офицерского звания. С этого момента его фамилия в документах стала писаться уже иначе – Волков (Вовк Г. 1929: 5).

[3] В изложении краткой биографии Ф. К. Волкова С. И. Руденко опирался на данные его личного дела, хранящегося в архиве Государственного Русского музея (Личное дело...). Основные вехи творческой биографии Ф. К. Волкова см. также: Грушевський 1918: 5–10; Золотарев 1918: 353–357; Анучин 1923: 78–79; Франко и др. 1990: 86–95.

[4] Ф. К. Волков был действительным членом Юго-Западного отдела ИРГО, автором опубликованной в 1873 г. «Программы для собирания сведений по этнографии» и одним из организаторов однодневной переписи, проведенной 2 марта 1874 г. (Франко и др. 1990: 86–87).

[5] В составе экспедиции В. Б. Антоновича Ф. К. Волков занимался также сбором этнографического и фольклорного материала.

[6] На раннем этапе деятельности Ф. К. Волкова революционер явно доминировал в нем над ученым. Как писала Г. Ф. Вовк, «...интереси його скеровані були на справи політичні. Політичні погляди дали напрям і науковим його студіям» (Вовк Г. 1929: 5). В 1870-х годах Ф. К. являлся одним из членов совета киевской «Громады», «способствовавшего сохранению языка, обычаев и нравов украинского народа...» (Черунова 1997: 8). В Вене и Женеве он организовал типографии, где печаталась литература, запрещенная в России, и сам же тайно переправлял ее через границу (Франко и др. 1990: 87). В 1879 г. ему грозили немедленный арест и высылка. Отъезд за границу был полным приключений бегством от полиции. В первые годы за границей Ф. К. продолжал свою политическую деятельность (Вовк Г. 1929: 5). Только уже в 1890-х годах в Париже он на практике отошел от социалистического движения, всецело занявшись наукой.

[7] Полевые работы среди украинцев Галиции, Буковины и Угорщины продолжались Ф. К. Волковым до 1906 г.

лению физико-математического факультета, Совет Петроградского университета удостоил Федора Кондратьевича ученой степени доктора географии и антропологии honoris causa. В 1918 году *он* состоял в группе ученых – учредителей Украинской Академии наук, и в том же году, «принимая во внимание список его глубоко научных работ», Украинская Академия наук избирает Федора Кондратьевича своим членом. В июне 1918 года по совету врача Федор Кондратьевич выезжает на юг[8], но по дороге умирает в *местечке* Жлобин.

Федор Кондратьевич, как и М. М. Ковалевский, состоял членом Общества взаимного вскрытия (Société autopsie mutualle). По смерти Ковалевского Федор Кондратьевич принимал участие во вскрытии его трупа, и мозг М. М. Ковалевского хранится в анатомическом кабинете Военно-медицинской академии в Ленинграде. По смерти Федора Кондратьевича в Жлобине его мозг, к сожалению, не был законсервирован.

В дореволюционное время Федор Кондратьевич был награжден орденом Станислава 2 степени и Анны 2 степени, но я никогда не видел, чтобы он их надевал. Однако, получив в мае 1909 года[9] французский орден Почетного легиона, он к петличке сюртука приикрепил красную ленточку (ruban rouge), как это было принято во Франции.

В речи, произнесенной Федором Кондратьевичем в январе 1911 года по поводу избрания его председателем Русского Антропологического Общества, *он* обращает внимание на главнейшие отрасли антропологии: анатомическая антропология, палеоэтнология и этнография. Характеризуя состояние этих дисциплин за рубежом, касаясь задач этнографии в России, Федор Кондратьевич говорил:

«... В этнографии, кроме возможно более широкого накопления фактов и наблюдений, мы должны, держась научного метода, направлять свои исследования больше всего в сторону сравнительного изучения и эволюции.

Идя в своих работах путем, указанным нам общим ходом науки, не отступая ни от научных методов исследования, ни от строгого критического отношения к выводам, мы будем в состоянии с честью исполнить те задачи, которые налагаются на нас нашим положением между европейским Западом и азиатским Востоком» (Волков 1913: 8).

Всего Федор Кондратьевич оставил нам свыше 90 самостоятельных научных трудов как по анатомической антропологии, так и по доисторической археологии и этнографии[10]. Остановлюсь только на нескольких, как наиболее значительных.

Его докторская диссертация «Variations squelettiques du pied chez les Primates et dans les races humaines» (*Скелетные видоизменения ступни у приматов и в человеческих расах*) (Volkov 1903; 1904; 1905) удостоена, кстати сказать, нашей Академией наук премии Бэра[11]. В этой работе были исследованы и формы ступни различных пород млекопитающих, полуобезьян, обезьян, антропоидов и различных человеческих рас. Среди полученных выводов особого внимания заслуживают следующие. [...]. Скелет ступни полуобезьян несет много следов примитивного типа древних млекопитающих. *В нем представлено* много форм, промежуточных между типом этих последних и обезьян. Скелет ступни низших приматов представляет *собой* результат приспособления к жизни *их* древесных предков, скелет ступни которых напоминает таковую у современных грызунов. Скелет ступни антропоидов представляет *собой* результат крайнего такого же ее приспособления, но, в то же время – у гиббонов и частично у гориллы – начало приспособления к вертикальному положению и хождению на двух ногах. Скелет ступни у низших человеческих рас представляет в своей совокупности и в каждой кости, в частности, очевидные и многочисленные следы приспособления лазающих, имеющих предшественников в отношении передвижения на двух

[8] В личном деле Ф. К. Волкова содержится медицинское свидетельство, выданное ему врачом Русского музея 7 июня 1918 г.: «Выдано мною сие в том, что хранитель Русского музея Федор Кондратьевич Волков, 71 года, по своему преклонному возрасту и вследствие крайнего ослабления организма на почве недоедания и плохого питания за последнее время стал страдать припадками слабости деятельности сердечной мышцы в виде головокружения, обмороков и т. п., а потому настоятельно нуждается в продолжительном отдыхе не менее 2 месяцев, при условии улучшения питания и пребывания в деревне на юге России. По моему врачебному совету, Ф. К. Волков должен без промедления выехать из Петрограда». На основании этого свидетельства, Федору Кондратьевичу был предоставлен «отпуск с 15 июня по 15 августа 1918 года в Киевскую и Черниговскую губернию» (Личное дело... Л. 110–111).

[9] Ошибка автора: Ф. К. Волков был награжден французским орденом Почетного легиона 29 ноября 1916 г. за укрепление научных связей между Россией и Францией.

[10] В действительности, список публикаций Ф. К. Волкова на разных языках насчитывает более 500 названий. Из них более 400 являются научными и научно-популярными работами (Вовк Г. 1929; Франко и др. 1990: 93). Большая часть их опубликована во Франции и подписана: *Th. Volkov.* Работы, опубликованные на Украине, а также в западно- и южно-славянских странах, подписаны *Хв. Вовк, Вовк и Влк.* Использовались им и другие псевдонимы и криптонимы. Приводя цифру 90, С. И. Руденко опирался на данные списка, опубликованного Д. А. Золотаревым. Здесь было учтено «всего... более 200 работ, из них около 90 оригинальных» (Золотарев 1918а: 358–365).

[11] Во Франции за свою научную деятельность Ф. К. Волков был награжден Большой Почетной медалью П. Брока и стал лауреатом премии Кана. В России в 1916 г. ИРГО присудило ему Большую Золотую медаль за работы «Антропологические особенности украинского народа» (Волков 1916) и «Этнографические особенности украинского народа» (Волков 1916а).

ногах. Этнические особенности вообще скелета ступни представляют формы промежуточные между стопой косой и плоской и ступней прямой и сводчатой. Свод стопы, следовательно, представляет *собой* признак, особенно важный с точки зрения антропологической. Указатель выгиба, иначе говоря, отношения между высотой и длиной ступни, должны рассматриваться, как данные, антропологически очень важные. Скелет ступни новорожденного, воспроизводящий формы примитивные и переходные в развитии человеческой ступни вообще, представляет в своем исследовании весьма большое значение для антропологии.

Второй крупной работой по антропологии следует считать его труд «Антропологические особенности украинского народа» (Волков 1916: 427–454). В этом труде использованы многочисленные антропологические измерения украинцев, выполненные как самим Федором Кондратьевичем, так и многочисленными его учениками на территории *современной* Советской Украины и за рубежом. Помимо многочисленных таблиц, в этом труде даны карты географического распространения различных антропологических признаков[12].

По доисторической археологии следует отметить перевод Федором Кондратьевичем с чешского капитального труда Л. Нидерле «Человечество в доисторические времена» (Нидерле 1898), [...] и *издание* в 1914 году трех томиков работы М. Гернеса «Первобытная культура» – под редакцией и с прибавлениями Федора Кондратьевича[13]. Чрезвычайно интересна незаконченная работа «По поводу наших неолитических находок с керамикой домикенского типа»[14], то есть с той керамикой, которая у нас получила название трипольской (Волков 1900). Особое значение представляет открытая Федором Кондратьевичем Мезинская палеолитическая стоянка – первая в России детально изученная.

Мезинская стоянка была открыта случайно, благодаря находке костей мамонта при земляных работах в с. Мезине бывшего Кролевецкого уезда Черниговской губернии (ныне Коропский район Черниговской области). В 1906 году представитель Предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда побывал в с. Мезине, собрал обнаруженные кости мамонта и произвел небольшие зачистки в местах их нахождения. Кости ископаемых животных из Мезина в 1908 году были экспонированы на выставке XIV Археологического съезда. Осматривая их, Федор Кондратьевич обнаружил в приставшем к ним лессе небольшое число мелких кремней с признаками искусственного расщепления. Оценив научную значимость находок из Мезина, Федор Кондратьевич вместе с С. И. Руденко по поручению Предварительного комитета XIV Археологического съезда летом 1908 года посетил Мезин и произвел небольшие раскопки с целью «возможно точного определения геологического положения стоянки» (Волков 1911: 263–270).

Научная общественность высоко оценила открытие и первые исследования Мезинской стоянки представлявшей собой «драгоценность в научном отношении, как сама по себе, так и по той тщательности и умелости, с которой она была исследована» (Протоколы ОРСА 1913: 305; Шовкопляс 1965: 12). Начатые в 1908 году раскопки в Мезине продолжались под руководством Федора Кондратьевича его учениками, в частности, в 1909 году П. П. Ефименко и В. В. Сахаровым, когда было найдено особенно много кремневых изделий и выдающиеся произведения искусства из бивня мамонта[15]. Произведения искусства были опубликованы Федором Кондратьевичем в Трудах Международного конгресса антропологии и доисторической археологии в Женеве (Volkov 1913: 414–428), а кремневый инвентарь *из раскопок 1908–1909 гг. обработан и опубликован* П. П. Ефименко (Ефименко 1913: 67–102).

В 1909–1910 годах я был командирован Русским музеем в низовья Оби для собирания

[12] Ф. К. Волков начал систематическое обследование украинцев в антропологическом отношении в 1904 г. К 1916 г. обмерам подверглось 3700 человек. Были обследованы восточная Галиция, северная часть Венгрии, значительная часть Полтавской, Черниговской, Киевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Волынской, Воронежской и Курской губ., а также Области Войска Донского.

[13] В своем предисловии к первому тому книги М. Гернеса Ф. К. особо отметил незнание западными авторами археологии Восточной Европы: «Главную роль в этом играет, очевидно, незнание русского языка, знакомству с которым, в конце концов, придется все-таки сделаться обязательным для западно-европейских ученых» (Гернес 1914: 7).

[14] В автографе С. И. Руденко стоит ошибочное название: «По поводу находок новой неолитической керамики до-микенского типа». У Ф. К. Волкова нет публикации с таким названием. Названная нами статья вполне может рассматриваться, как вводный раздел большой незаконченной работы Волкова о неолитических памятниках Украины. В ней подробно обсуждаются методические приемы раскопок памятников каменного века. Расширенный вариант этой статьи был опубликован на украинском языке (Вовк Хв. 1905: 1–27). Второй раздел указанной работы вышел из печати уже после смерти Ф. К. (Вовк Ф. 1928: 1–28). Отметим попутно, что на Международном конгрессе доисторической археологии в Париже в 1900 г. Ф. К. Волков выступал с рефератом о неолитической индустрии (Volkov 1902: 57–60).

[15] В 1909 г. исследования в Мезине производились П. П. Ефименко и В. В. Сахаровым. В 1910–1911 гг. раскопки не велись, за отсутствием средств. Они были возобновлены учениками Ф. К. Волкова в 1912 г. и продолжались в 1913–1914 и 1916 гг. (Шовкопляс 1965: 13). В раскопках участвовали Л. Е.Чикаленко, Б. Г. Крыжановский, П. А. Смелов. Всего оказалось вскрыто около 200 кв. м культурного слоя. Отчеты, составленные Ф. К. Волковым и Л. Е.Чикаленко, хранятся в РА ИИМК РАН (Волков Ф. К. и др. Отчеты). Подготовительные материалы к отчетам и полевая документация находится в НА ИА УАН (Сергин 1987: 5–13).

этнографических коллекций и антропологических исследований и не мог принимать участия в раскопках в Мезине. В октябре 1909 года в Обдорске я получил письмо от Федора Кондратьевича, помеченное 19 октября, в котором он подробно описал сделанные в этом году находки [...]: «*...Об этом я боюсь даже и писать Вам, надежда разве на то, что Вы человек худощавый, и апоплексического удара с Вами не случится* [...] Раскопки дали такие результаты, какие нам и не снились [...], и что досаднее всего, все это съел за здорово живешь Петр Петрович. *Мне, разумеется, не удалось вырваться из Петербурга вовремя, а потому я послал в Мезин Петра Петровича и Сахарова одних, а они к моему приезду уже все и кончили. Не говоря уже о массе всевозможного палеонтологического материала, они почти сразу наткнулись на богатейшие залежи, где оказались обработанные кости и поделки из слоновой кости. Эти последние заключают в себе иглы, куски мамонтовых бивней с надрезами и т. п. и, наконец, такие вещи, которых никто до сих пор не находил и которые вызвали всеобщее изумление даже в Париже, где я показал их на Конгрессе по поводу 50-летнего юбилея Парижского Антропологического общества* [...]. *Мы их приняли за phallus'ы, на которые они по-нашему всего больше походят. В Париже с этим согласились четко в S.-Germain'ском музее. Знатоки же вроде A. de Mortillet, Carthaillac'a и пр. с этим не согласны, и каждый предлагает свое объяснение, одно другого нелепее* [...] *Спеша копать, Петр Петрович наскоро напихал в 13 ящиков массу костей, кремней и просто магмы, и теперь ведет раскопки у нас на 16-й линии, и находит целую массу кремневых орудий, поделок из кости, и даже кончик еще одного phallus'a. Само собой разумеется, что Петр Петрович совсем и голову потерял над всем этим...*» (Письма Волкова Ф. К. Л. 1–2).

Этнографией Федор Кондратьевич начал заниматься вскоре после окончания университета. Из его ранних работ мне известна статья «О сельских ярмарках и о значении их для изучения ремесленных и культурных промыслов» (Волков 1874: 265–289). Из многочисленных работ, посвященных исследованиям быта украинцев, остановлюсь только на двух: «Rites et usages nuptiaux en Ukraine» («*Брачный ритуал и обряды на Украине*») (Volkov 1891; Volkov 1892)[16] и «Этнографические особенности украинского народа» (Волков 1916а). В первой работе даются исчерпывающие сведения об украинских свадебных обрядах и обычаях с их анализом, а во второй все элементы как материальной, так и духовной культуры украинцев, проживающих в России и за рубежом. Это и в настоящее время является лучшим сочинением по бытовой украинской этнографии. В нем приводятся данные не только изученной литературы, но и, в значительной степени, и собственные наблюденные данные над бытом украинцев, являющиеся ценным вкладом в этнографическую литературу.

Одно еще маленькое замечание по поводу статьи Федора Кондратьевича «Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений» (то есть предметы, поступившие в Русский Музей из Царскосельского арсенала) (Волков и др. 1910: 155–200). В примечании указано, какое, предположительно, происхождение этой коллекции, но не отмечено, что значительную их часть составляет коллекция, собранная Джемсом Куком и оставленная им вместе с вещами, собранными в Океании, на хранении в г. Петропавловске на Камчатке. После смерти Кука на Сандвичевых островах эти вещи поступили в Царскосельский арсенал[17].

Педагогическая деятельность Федора Кондратьевича началась в Париже, когда он в 1901–1905 годах, по предложению И. И. Мечникова и М. М. Ковалевского читал лекции по этнографии и антропологии в Русской высшей школе *общественных наук*. Начиная с 1907 года, как мы знаем, он читал лекции по анатомической антропологии, доисторической археологии и этнографии в Санкт-Петербургском университете[18].

В статье «Антропология и ее университетское преподавание», опубликованной в 1915 *году*, Федор Кондратьевич писал, что антропология, являясь одной из общественных наук, цель которой состоит в изучении человека, имеет своим предметом:

а) положение человека в ряду прочих млекопитающих (антропология зоологическая)

б) анатомические особенности человека различных возрастов, полов, рас, занятий и пр. (антропология анатомическая)

в) физиологические особенности в тех же условиях (антропология физиологическая)

г) учение о происхождении и развитии человечества в физическом и бытовом отношении во времена, предшествовавшие появлению исторических сведений (антропология доисторическая или палеоэтнология)

[16] Позднее эта большая статья была включена (в переводе на украинский язык) в пражский сборник трудов Ф. К. Волкова (Вовк Хв. 1927). В настоящее время указанный сборник переиздан на Украине (Вовк Хв. 1995). Стоит отметить еще одну работу Ф. К., включенную в него – «Сані в похоронному ритуалі на Україні». Первоначально она тоже была издана на французском языке (Volkov 1896: 209–228).

[17] Это частное замечание обусловлено тем, что С. И. Руденко являлся соавтором указанной статьи и, вероятно, в 1968 г. воспользовался случаем внести в нее уточнение.

[18] Помимо преподавания в С-Петербургском университете, Ф. К. Волков некоторое время читал лекции на Высших курсах П. Ф. Лесгафта и на Высших женских (Бестужевских) курсах.

д) учение о народах, их этническом составе и происхождении *и* их быте материальном и психическом (антропология этнологическая или этнология)

е) учение о формах быта и их развитии (антропология этнографическая или сравнительная этнография)

ж) история и законы возникновения и развития человеческих общественных групп и отношений (антропология социологическая) (Волков 1915: 99–107).

В университете Федор Кондратьевич читал курсы: анатомической антропологии, доисторической антропологии и сравнительной этнографии по 2 часа в неделю каждый курс. Лекции Федора Кондратьевича отличались, помимо насыщенности содержания, удивительной систематичностью и выдержанной классификацией, благодаря чему они легко усваивались[19].

В своих беседах со мной и в письмах Федор Кондратьевич неоднократно подчеркивал, что он любил чтение лекций и *как бы* отдыхал при подготовке к ним. Его тяготила служба в музее: «Если бы была какая-нибудь возможность, – писал он мне в 1909 году, – найти другой заработок, я с удовольствием ушел бы из Музея, до такой степени все это принимает какой-то чиновничий и канцелярский характер с явным и уже почти нескрываемым пренебрежением к какимнибудь научным задачам, если они не могут демонстрировать перед начальством распорядительность, быстроту и натиск! Обо всем этом противно и писать...»[20]. Лекции, читаемые Федором Кондратьевичем в университете, сопровождались и практическими занатиями. Особое внимание уделялось антропометрии. *В связи* с этой последней не могу не сообщить об одном происшествии.

Дело в том, что при измерении пропорций тела у мужчин обычно нет особых трудностей. Измерительные точки на теле прощупываются без труда вследствие хорошего развития бугорков для прикрепления мышц на костях. Иное дело, когда производятся такие измерения на женщинах. Вследствие обычно хорошо развитой подкожной клетчатки и слабо выраженных бугорков на костях женщин, в Антропологической лаборатории Парижа было принято антропометрическую практику заканчивать на измерении натурщиц. Федор Кондратьевич, принадлежа к французской школе антропологов, подобную практику ввел и у нас в университете. Все шло своим порядком, но вот в апреле 1910 года одним из хранителей кабинета географии и антропологии В. В. Передольским в «Биржевых Ведомостях» была напечатана заметка о том, что студенты-географы затащили в кабинет студентку и на ней, обнаженной, производили, «с позволения сказать, антропологические измерения». В результате небезызвестный Пуришкевич предложил в Государственной Думе запрос правительству о подобных безобразиях, которые практикуются в университете. Запрос не последовал после выступления по этому вопросу депутата П. Н. Милюкова. Однако попечитель Санкт-Петербургского учебного округа граф Мусин-Пушкин направил соответствующее отношение ректору университета, который приказом от 16 апреля 1910 года поставил на вид приват-доценту Федору Кондратьевичу Волкову, что им была приглашена натурщица в кабинет географии и антропологии без согласия заведующего кабинетом. Естественно, что, при таком положении, занятия по антропометрии по женским моделям продолжать было невозможно, и измерения натурщиц закончились в помещении, предоставленном Музеем антропологии и этнографии Академии наук[21].

Внимание к практическим занятиям в университете было вторично привлечено в феврале 1916 года, когда 19 числа в университет поступило с театра военных действий обращение от начальника химической команды. В нем он сообщал, что им получен от Генерального штаба приказ определить размеры необходимых для армии противогазовых масок, для чего необходимо произвести краниологические исследования 1000 нижних чинов вверенной ему команды с целью получения необходимого материала для вывода крайних и средних величин, характери-

[19] Значительная часть курса палеоэтнологии, читавшегося Ф. К. Волковым в университете, была посвящена эпохе палеолита. Далее в нем достаточно подробно освещались неолитические древности (включая памятники Восточной Европы) и их общая проблематика. В лекциях, посвященных эпохе бронзы, «рассматривались вопросы добычи и первичной обработки меди, происхождения и типологии бронзовых орудий и их распространения в Азии и Европе, особенности бронзовой индустрии различных регионов. Завершался курс обзором древностей железного века, преимущественно скифо-сарматских и древнерусских курганных.» В курсе общей или сравнительной этнографии «рассматривались орудия и приемы народной техники, орудия и способы передвижения, добывания и приготовления пищи, эволюция построек, разные формы одежды. Затем рассматривались обычаи, обряды и ритуалы религиозных культов.» (Тихонов 1995: 109–113, 1997: 12–13; Платонова 1997: 52–55).

[20] Приведенные слова Ф. К. Волкова вряд ли могут быть отнесены на счет его коллег – хранителей Этнографического музея, коими состояли в тот момент Н. М. Могилянский и А. А. Миллер (оба – ученики Волкова по Парижу). Из дальнейшего текста письма следует, что Ф. К. был раздражен административными хлопотами с изданием «злосчастного ежегодника» – 1 тома «Материалов по этнографии России»: «...говорю – злосчастного – ибо меня с ним довели до того, что я из Харькова вместо Волыни приехал прямо в Петербург с намерением завести речь об отставке. [...]. На Волыни пришлось быть недолго, всего 6 недель, достаточно удачно для этнографии и не особенно удачно для меня, ибо я в конце концов простудился, измучался, устал и вернулся в Петербург ни к чорту не годным...» (Письма Волкова Ф. К. Л. 2–2 об.).

[21] Подробнее об этом эпизоде см. в сопроводительной статье Н. И. Платоновой в настоящем сборнике.

зующих возможные колебания размеров человеческого лица и черепа. Подчеркивая важность и срочность этой работы, командир просил ее выполнить. Под руководством Федора Кондратьевича эта работа кабинетом была выполнена в войсковых частях, антропометрический материал обработан и даны цифры для нескольких размеров типовых масок.

У Федора Кондратьевича была большая и великолепно подобранная по дисциплинам, которыми он занимался, библиотечка, перед смертью переданная им Украинской Академии наук[22]. Своим ученикам Федор Кондратьевич не только никогда не отказывал в советах, но всегда предоставлял из своей библиотечки необходимые им для работы руководства и книги по отдельным вопросам.

Припоминается мне один случай, который произошел в конце 1910 года. К Федору Кондратьевичу пришел врач Л. Я. Якобзон, который написал книгу «Половое бессилие» и решил снабдить ее двумя приложениями – о половом бессилии у домашних животных и в этнографии. Приложение о половом бессилии у домашних животных ему дали врачи-ветеринары. О половом бессилии в этнографии он просил написать Федора Кондратьевича. Федор Кондратьевич, за недостатком времени, отказался написать такую статью и указал на меня, присутствовавшего при этой беседе, который, по его мнению, сможет ее написать.

Использовав кое-какую доступную мне в то время литературу, я передал написанную мною статью на просмотр Федору Кондратьевичу. Через некоторое время прихожу за статьей. Сидим и беседуем по различным вопросам, но ни слова о статье. Наконец, я не выдерживаю и спрашиваю мнение Федора Кондратьевича о моей статье. Получаю ответ: «Черт знает, что там написал!» Я, естественно, обижаюсь и прошу возвратить мне статью. Получаю ответ на свою просьбу: «Вон там, на этажерке, ваше писательство и несколько книг, в которых сделаны закладки и отчеркнуто, что вам прочесть.» Просматриваю книги и обнаруживаю, что одна из них на английском языке, и заявляю, что я не читаю по-английски. В ответ: «А мне какое дело? Возьмите словарь и читайте!» Так я начал заниматься английским языком. Через несколько дней приношу переработанную мною статью и возвращаю книги. В следующее мое посещение Федора Кондратьевича повторяется все то же. Беседуем о чем угодно, но только не о моей статье. Наконец, я робко спрашиваю: «А как статья?» – «Ну, теперь хоть можно читать, а то написал черт знает что! Возьмите статью и передайте ее Л. Я. Якобзону, пусть печатает!» Так появилась моя статья в книге Л. Я. Якобзона (Руденко 1915: 415–426)[23].

Я был уже оставленным при университете, когда при посещении Федора Кондратьевича застал у него почтенную даму-украинку – организатора народного университета для рабочих. Она просила его прочитать лекцию о происхождении человека. Федор Кондратьевич отказался и указал на меня, который сможет ее прочитать. Посмотрев на меня с подозрением, дама поинтересовалась, смогу ли я прочитать такую лекцию? Последовал ответ: «Конечно, сможет! Что знает, то скажет, а, что не знает, то сбрешет!» Я отправился готовиться к этой двухчасовой лекции, и дама-патронесса присутствовала на ней, по-видимому, интересуясь, что лектор «сбрешет»? Все окончилось благополучно, и я был польщен, когда дама поблагодарила меня за интересную прочитанную мной лекцию[24].

В день отъезда Федора Кондратьевича из Петрограда в июне 1918 года, прощаясь *со мной в своей* опустевшей квартире, он с грустью сказал, что нам уже не придется увидеться – видимо, предчувствовал свою близкую кончину.

[22] Все научные материалы Ф. К. Волкова, завещанные им Украинской АН, были вывезены из Петрограда в Киев его учеником А. Г. Алешо в конце 1920 г. Уже 29 марта 1921 г. на основе этих материалов при УАН был открыт Музей (позднее – Кабинет) антропологии и этнологии им. Ф. Волкова (Карпова 1997: 35). В начале 1930-х гг. он был разгромлен в связи с кампанией по обвинению покойного Федора Кондратьевича и хранителей его Кабинета (А. З. Носова и М. Я. Рудинского) – в украинском национализме. В дальнейшем библиотека Ф. К. Волкова послужила основой книжного собрания библиотеки ИА АН УССР (ныне ИА УАН). Рукописные материалы составляют фонд Ф. К. Волкова в НА ИА УАН (обозрение фонда см.: Линка и др. 1969: 70–75).

[23] Ошибка автора: первое приложение к указанной книге касалось не домашних животных, а гражданского (семейного) права.

[24] Данный абзац отсутствует в машинописном автографе С. И. Руденко: он содержится в его рукописных набросках к публикуемому нами очерку (Памяти Федора Кондратьевича Волкова. Л.39).

ФЕДОР КОНДРАТЬЕВИЧ ВОЛКОВ ГЛАЗАМИ УЧЕНИКА

(к публикации очерка С. И. Руденко)

Н. И. ПЛАТОНОВА[1]

Очерк «Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти)», принадлежит перу известного русского археолога, антрополога и этнографа С. И. Руденко. Судя по характеру правки на сохранившемся экземпляре, работа над ним не была доведена до конца. Сергей Иванович начал писать свои воспоминания об учителе только в 1968 г., незадолго до собственной кончины.

К тому времени имя Ф. К. Волкова в СССР было уже основательно забыто. О заслугах человека, стоявшего у истоков научного палеолитоведения в нашей стране, долго упоминалось в печати лишь с оговоркой, что его деятельность в целом оказала «вредное влияние на науку о палеолите» (Борисковский 1953: 18–20). Только в середине 1960-х гг. в советской археологической литературе начались робкие попытки говорить о Ф. К. без дежурной ругани в его адрес. Но в этом ключе разрешалось упоминать его лишь в связи с узким кругом конкретных проблем – таких, к примеру, как исследование Мезинской палеолитической стоянки (Шовкопляс 1965: 13). Замалчивание общего вклада Ф. К. Волкова в славистику и в развитие отечественной науки о человеке прекратилось лишь в конце 1980-х гг.

С. И. Руденко взялся за написание своего очерка, явно надеясь на его опубликование. Об этом свидетельствует сама структура его статьи. По-видимому, Сергей Иванович считал это долгом, который необходимо отдать при жизни. Для него Ф. К. Волков был не просто научным руководителем. Это был старший и любимый друг, наставник, сформировавший, в конечном счете, и его самого, и научную школу, принципам которой С. И. Руденко остался верен до конца своих дней.

В конце 1960-х гг. рядом с ним уже не оставалось сверстников, хранивших живую память и о Волкове, и о С.-Петербургском университете начала века. Попробуем представить себе теперь, как все это было...

Федору Кондратьевичу стукнуло шестьдесят, когда в 1907 г. он впервые начал читать курс антропологии, палеоэтнологии и этнографии в Петербурге. Здоровье уже крепко подводило его. Однако пожилой и больной человек без долгих раздумий взваливает на себя огромное бремя. Из года в год он снаряжает новые экспедиции на Украину для пополнения фондов Этнографического отдела Русского музея Александра III. Параллельно сам ведет обработку многих коллекций, продолжает антропологическое обследование украинцев, начатое еще в эмиграции, готовит к печати материалы по деревянному зодчеству Волыни и американские этнографические сборы Дж. Кука. Его неуемная энергия оживляет в этот период работу Русского Антропологического общества при С.-Петербургском университете. Он успешно «пробивает» и сам же редактирует превосходное издание «Материалов по этнографии России», стоившее ему немало труда и нервов.

Чтение лекций для Волкова – «отдых». Его заветная мечта – перестроить всю систему преподавания антропологии и археологии в Петербургском университете. С этой целью он подает в комиссию Государственной думы по вопросам образования докладную записку. На физико-математическом факультете Федор Кондратьевич предлагает создать самостоятельную кафедру антропологии (в ее широком смысле, включающем анатомическую антропологию, палеоэтнологию и этнографию). На историко-филологическом факультете нужны, по его мнению, две новых кафедры – общей археологии (древностей классических, русских, восточных) и исторической географии. При этом, считает Волков, необходимо предусмотреть преподавание палеоэтнологии и этнографии для студентов-историков (Тихонов Развитие археологии... Л.186). Но все это пока лишь мечта, а реальность заключается в том, что на кафедре географии и этнографии физмата его стараниями (и порою – на его собственные средства!) оборудуется Кабинет антропологии, собираются антропологические коллекции, из Парижа выписываются инструменты, слепки, модели, налаживаются практические занятия по антропологии и археологии. Среди его учеников – П. П. Ефименко, С. И. Руденко, Д. А. Золотарев, Б. Г. Кры-

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

© Н. И. Платонова, 2003

жановский, Л. Е. Чикаленко, А. З. Носов, С. А. Теплоухов, Г. А. Бонч-Осмоловский и др. Курсы лекций, которые читает Ф. К. Волков на кафедре географии и этнографии физмата, не имеют аналогий на других факультетах. Специалистов его уровня в области доисторической антропологии и археологии в России нет. Пожалуй, лишь один из коллег не уступает ему ни в широте взгляда, ни в эрудиции – великий мэтр отечественной науки о Человеке Д. Н. Анучин.

А эрудиция Волкова практически безгранична. То, что содержится в его публикациях – всего лишь ничтожная часть того, что он знает. Один маленький штрих – еще в 1890-х гг. в Париже вышла из печати его обширная, почти монографического плана работа «Брачный ритуал и обряды на Украине» (Volkov 1891; 1892). Она немедленно получила всеобщее признание. Но мало кто знал, что помимо материалов по славянским странам, использованных в статье, Ф. К. просто так, для сравнения, собирал данные о свадебных обрядах народов Франции, Ирландии, Испании, Италии, Сицилии, Турции, Германии, Индии, Японии, Америки!.. Конечно, сейчас можно только догадываться, какое впечатление производили его знания на студентов!

У него хронически нет денег. У него их не было никогда. В Париже, в Русской Высшей школе общественных наук он читал лекции даром, а сам зарабатывал на жизнь переводами да уроками французского в русских семьях.. Теперь он так же бесплатно преподает на Бестужевских курсах, работает в Русском Антропологическом обществе и различных комиссиях Академии наук. В университете ему платят гроши. В шестьдесят лет он всего лишь приват-доцент, читающий необязательный курс. Даже зимой он не может позволить себе брать извозчика, но он великий аккуратист и принципиально никуда не опаздывает... «Стоит лишь вспомнить фигуру усталого, сгорбленного старичка, с закрытым рукою ртом, возвращающегося [...] с 16-й линии Васильевского острова или ожидающего трамвая, чтобы оценить, какая большая внутренняя сила была у Федора Кондратьевича, – вспоминал позднее Д. А. Золотарев. – [...] Он умел быть не только ученым и преподавателем, он жил и нашими интересами, побуждая нас жить интересами своего Кабинета и науки. Его Кабинет на 16-й линии был для нас самым приятным местом обсуждения планов работ и различных начинаний...» (Золотарев 1918: 356–357).

Желание как можно лучше, на современном уровне обеспечить учебный процесс, порой доводило Ф. К. Волкова до крупных неприятностей. К числу их можно отнести упомянутое в публикуемом очерке С. И. Руденко административное разбирательство в университете, возникшее в связи с «введением в аудиторию голой натурщицы». Этот любопытный эпизод можно изложить и точнее, и подробнее по материалам петербургской периодической печати.

Первоначально в газете «Биржевые ведомости» появилась заметка А. Потемкина, озаглавленная «Новая клевета деп. Пуришкевича на Санкт-Петербургский университет». Буквально в ней говорилось следующее:

«Вчера редакции С-Петербургских газет получили от г. Пуришкевича следующую телеграмму с пометкой на адресе «Копия ректору университета»: «Не откажите сообщить мне, г. ректор, какое наказание наложено вами на студентов, раздевших на днях догола курсистку в антропометрическом кабинете асс. Передольского и производивших над нею, голою, антропометрические, с позволения сказать, измерения? Почему проф. Шимкевич не принял протеста на это асс. Передольского, обратившегося с жалобой к министру Шварцу, и что вы намерены сделать к прекращению бойкота, объявленного Передольскому за его протест студентами, обращающими университет в публичный дом? Пуришкевич».

Наш сотрудник обратился за разъяснениями к хранителю антропологического кабинета В. В. Передольскому, который, с большим удивлением узнав о телеграмме г. Пуришкевича, заявил, что она чрезвычайно далека от истины: «В телеграмме г. Пуришкевича осталась очень небольшая доля истины. Прежде всего, событие произошло вовсе не на днях, а весною 1909 г.; во-вторых, на практических занятиях антропометрии измерения производились не над раздетой курсисткой, а над приглашенной для этой цели натурщицей. Действительно, узнав о том, что натурщица приглашена, по просьбе студентов, приват-доцентом Волковым, я заявил последнему протест. До тех пор антропометрические измерения женщин производились у нас над трупами, а для измерения мужчин приглашались натурщики. Насколько я знаю, ни в России, ни за границей молодых натурщиц для этой цели не приглашают, и только в Париже частным образом и на частных квартирах, а не в учебном заведении практикуют над натурщицами.

Студенты, которые, как я искренно убежден, ничего ни дурного, ни грязного в мыслях не имели, остались недовольны моим протестом и объявили мне бойкот. Однако же, вопреки утверждению г. Пуришкевича, я вовсе не обращался ни с каким протестом к министру народного просвещения. Дело было возбуждено попечителем С-Петербургского учебного округа, и в каком оно находится положении, мне неизвестно. Вот все, что я вам могу сказать по поводу этой удивившей меня телеграммы. С г. Пуришкевичем я не разговаривал и к числу союзников русского народа или Михаила Архангела не принадлежу.» (Биржевые ведомости. № 11650 за 6 (19) апреля 1910 г. С. 3).

Через день та же газета напечатала короткое сообщение, что «из достоверных источников»

известно: министр просвещения А. Н. Шварц обратился к ректору университета с просьбой «дать фактический ответ на речь, произнесенную в Думе деп. Пуришкевичем по поводу положения в С-Петербургском университете» (Биржевые ведомости. № 11654 за 8 (21) апреля 1910 г. С.1).

Вскоре на страницах тех же «Биржевых ведомостей» появилось возмущенное обращение «студентов-антропологов», в котором утверждалось, что В. В. Передольский, скорее всего, напрасно «старался отклонить от себя честь» быть связанным с г. Пуришкевичем. Что же касается измерений живых людей, то включение их в программу не являлось прихотью студентов, а «вытекало из определенной программы профессора» (Биржевые ведомости. № 11656 за 9 (22) апреля 1910 г. С. 6). Из черновиков писем, сохранившихся в архиве С. И. Руденко, видно, что авторами этого обращения был он сам вместе с П. Ефименко и Н. Лебедевым. В другом их письме редактору «Биржевых ведомостей», в частности, говорилось следующее: «Возмущенные поведением Передольского, студенты прекратили с ним всякие личные отношения. По-видимому, это было принято им за бойкот. Мы же утверждаем, что об академическом бойкоте не может быть и речи, так как [...] хранителем антропологического кабинета он состоит лишь номинально и никакими практическими работами не руководит (Заявление студентов... Л. 3–4). В ответ В. В. Передольский пригрозил в печати «выяснить юридическим путем [...] целый ряд обстоятельств, связанных с этим печальным делом.» (Биржевые ведомости. № 11660 от 12 (25) апреля 1910 г. С.8).

В результате 16 апреля 1910 г. последовал приказ ректора С.-Петербургского университета «поставить на вид» приват-доценту Ф. К. Волкову его необдуманные действия. В свете всего изложенного, этот приказ, действительно, представляется соломоновым решением.

Читая очерк С. И. Руденко, писавшийся спустя 50 лет после смерти Ф. К. Волкова, не следует забывать, что это были за годы! Переписка Сергея Ивановича с родными, сохранившаяся в ПФА РАН, его собственные воспоминания о жизни и работе в лагерях и «шарашках» (1930–1942), материалы его следственного дела и, наконец, отрывочные рассказы современников о Руденко позволяют составить некоторое впечатление о том, что это был за человек?.. Сергея Ивановича арестовали 5 августа 1930 г. – одним из первых среди коллег-археологов. На следствии он оказался крепким орешком. Виновным себя не признал, никого не оговорил и никаких «деклараций», сочиненных сотрудниками НКВД, так и не подписал (Следственное дело. Л. 331–360). Зато уж и не простил никому из бывших друзей и учеников их вынужденного отступничества – вырванных у них отречений, замалчивания его имени, публичных покаяний в «руденковщине» (Материалы о С. И. Руденко. Л. 2–8). В письме к жене, написанном из Шуньгинского лагеря в сентябре 1932 г., С. И. Руденко словно мимоходом роняет фразу: «Не плохо все-таки время от времени менять среду и людей... « (Письма Руденко С. И. Л. 92). Если вдуматься, здесь заключена квинтэссенция разочарования во всем роде человеческом.

Сам проживший суровую жизнь, Сергей Иванович и под конец ее отнюдь не был склонен к сентиментальности. В отношениях с людьми он не признавал середины. Требовательность его граничила порою с жестокостью. Однако в публикуемом нами очерке словно проглядывает совсем иной человек.

Тут нет ни ожесточенности, ни презрения к людям – звучат только любовь и неподдельная нежность. Мягким юмором полны рассказы Сергея Ивановича об учителе – эпизоды с его заметкой о «половом бессилии в этнографии» или с лекцией в народном университете для рабочих, где Волков напутствовал его «сбрехать» (см. выше). Но характерно, что эти живые воспоминания занимают в очерке сравнительно небольшое место. Целый ряд эпизодов так и остался в черновиках. С. И. Руденко словно стесняется сказать о себе самом слишком много. Статья эта – не мемуары. Ее задачей было другое – элементарно объяснить советскому читателю послесталинской эпохи, кто же такой был Ф. К. Волков и над чем он работал?

Автор ограничивается очень краткими биографическими данными, почерпнутыми из личного дела Ф. К., и начисто отметает все, связанное с его политической деятельностью. Его мысли занимает Волков как ученый и педагог. Краткими штрихами намечает Руденко основные направления деятельности своего учителя. Ведь статья должна была выйти достаточно сжатой – иначе не стоило и надеяться на ее опубликование. Из печатных работ Ф. К. здесь упомянуты лишь немногие, да и те охарактеризованы бегло – одной-двумя фразами. В таких условиях отбор названных в статье публикаций вряд ли мог быть случайным. Стоит последовать указаниям С. И. Руденко и посмотреть, на какие же работы Волкова он счел необходимым обратить наше внимание?

Вот публикация 1900 года «По поводу наших неолитических находок с керамикой до-микенского типа». Она упомянута явно не случайно. Именно здесь Ф. К. Волков предельно четко сформулировал свое credo в деле полевых археологических исследований.

«...Задача доисторической археологии заключается... – писал он, – в возможно более полном восстановлении типа, происхождения, миграций, бытовой обстановки, общественных отношений, верований культа и всей вообще соматической и психической деятельности [...] древних обитателей земли. Производя раскопки,

мы, с одной стороны, спасаем древние памятники, но, с другой стороны, безвозвратно и навсегда уничтожаем то, чего не сумели или не захотели спасти по небрежности. [...] Всякая научно-производимая раскопка должна иметь задачей не только извлечение из земли древних предметов, но и возможно полное восстановление всей той культуры, остатками которой они являются перед нами. В виду этого первой заботой археолога должно быть, прежде всего, определение самой структуры находки и затем ее характера.» (Волков 1900: 235–240).

Практическими рекомендациями Ф. К. Волкова по раскопкам трипольских памятников было обязательное вычерчивание вертикальных и горизонтальных разрезов «культурного пласта», горизонтальная расчистка площадок обожженной глины с изготовлением затем нескольких вертикальных разрезов, а также «очень тщательная статистика всех керамических предметов» и, наконец, необходимость брать при раскопках «все без исключения – из черепков могут быть составлены сосуды, кости должны быть определены, равно, как уголь и куски дерева, на комках глины могут оказаться отпечатки, в пепле – остатки сожженных трупов... « (Волков 1900: 242–243).

С. И. Руденко ни словом не оговаривает в своем очерке, что его учителя много лет обвиняли именно в отсутствии исторического подхода и в отказе видеть в археологических материалах «остатки общественной жизни людей». Он просто указывает опубликованную работу. Имеющий глаза – да прочтет.

Далее в очерке говорится о высокой оценке, данной «научной общественностью» полевым работам Ф. К. Волкова на Мезинской стоянке. Это беглое упоминание стоит внимания. Откуда оно? – Слова, процитированные здесь С. И. Руденко, принадлежат А. А. Спицыну. Обратимся к протоколу заседания Русского Археологического общества от 17 марта 1909 г.

Доклад Ф. К. Волкова «Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезине Черниговской губернии», на котором присутствовал и А. А. Спицын, представлял собой обобщение всех имевшихся на то время данных о палеолитических местонахождениях на указанной территории и очерчивал перспективу дальнейших исследований. Резкие оценки методического уровня прежних раскопок, данные Ф. К. Волковым, вызвали у членов ОРСА возражения. В ответ докладчик заявил, что в его намерения совершенно не входили какие-либо обличения, и он вовсе не имел в виду преуменьшить заслуги гр. А. С. Уварова. Но вот о чем он никак не мог умолчать – так это «о том продолжении и усугублении недосмотров и увлечений гр. Уварова, которые мы доселе замечаем в археологических трудах – да притом еще в учебниках – его менее прилежных и менее осведомленных преемников по изложению археологии России» (Протоколы ОРСА 1913: 299–306).

Несомненно, в той аудитории, которая собралась послушать его доклад в ОРСА РАО, Ф. К. Волков старался еще, по возможности, сдержать свои эмоции. О том, какими едкими, при всей своей интеллигентности, могли быть его «методические замечания», дает представление пассаж из другой работы, касающийся Кирилловской палеолитической стоянки. Вот как это звучит:

«...В тех чрезвычайно редких и требующих совершенно исключительного внимания случаях, когда нам приходится иметь дело с палеолитической стоянкой, мы довольствуемся общим геологическим разрезом местности, не заботясь ни о горизонтальном, ни о вертикальном разрезах самого археологического пласта, определяем его древность по глубине залегания и оставляем спорным вопрос о его до-, между- или после-ледниковом возрасте, оставляем найденные кости мамонта «на попах» по нескольку дней, не зная, как их предохранить от разрушения, не ведем этим костям никакого подсчета, почти ничего не знаем о костях других животных – и в конце концов должны только сердечно благодарить неутомимого В. В. Хвойку за то, что, благодаря его чешской любознательности и энергии, *все* содержимое этой, одной из редчайших не только в России, но и по всей Европе, находки не ушло на планировку какого-нибудь Афанасьевского яра или на постройку Днепровской дамбы.» (Волков Ф. К. 1900: 237).

Говоря о Волкове-антропологе, С. И. Руденко кратко пересказывает суть его диссертации, опубликованной во Франции (Volkov 1905), а также упоминает большую статью «Антропологические особенности украинского народа» (Волков 1916: 427–454). Эта последняя работа подверглась резкой критике со стороны Д. Н. Анучина. Замечания рецензента касались, в первую очередь, интерпретации материала и предположения автора, что именно адриатическую расу, к которой принадлежат украинцы, следует считать «славянской». В основе такой попытки лежали представления Волкова об этносе, как о «психическом» и «соматическом» единстве, приводившие его, в ряде случаев, к смешению понятий народности и расы. Соматические различия объяснялись в той же плоскости, что и лингвистические (позднейшие наслоения, контакты и т. д.). В том же ключе трактовались им отличия украинцев от их ближайших соседей – поляков, белорусов и великоруссов.

Конечные выводы, сделанные Ф. К. Волковым на этом материале, сводились к тому, что украинцы достаточно однородны в антропологическом отношении, и «отпадает предположение о сложном составе украинского племени в его первоначальном и древнем виде» (Волков 1916: 452–453). Эти заключения вызвали острую критику. Смешение понятий народности и расы, нередкое в европейской (и, в частности,

французской) науке XIX – нач. XX в., в России не прививалось никак. «...Народность, племя и раса – понятия весьма различные. – писал в ответ Ф. К. Волкову Д. Н. Анучин. – Во всей Европе мы видим, что эти категории не совпадают; нет ни романской, ни германской, ни финской рас, и каждая из [...] племенных групп заключает в себе представителей различных антропологических типов...» (Анучин 1918: 51–52, 59). Однако замечание рецензента, что опровергнуть основной вывод автора можно, «основываясь на цифрах, приведенных самим Волковым», является косвенным указанием на ценность работы, выполненной Ф. К., и объективный характер приведенных в ней данных.

Вся эта полемика, конечно, была хорошо известна С. И. Руденко. Он обходит ее стороной, возможно справедливо полагая, что с такой проблемой в двух словах не разберешься. Об украинском национализме Волкова и без того слишком много говорилось в предыдущие годы. Руденко лишь подчеркивает огромные заслуги своего учителя в деле полевого систематического обследования украинского населения, а также его стремление применять географический подход при анализе антропологического материала.

Чем привлекла внимание автора юношеская публикация Ф. К. Волкова о сельских ярмарках (Волков 1874: 265–289), что он называет ее в одном ряду с классической работой о брачных ритуалах украинцев? По-видимому, определенный резон есть и тут. Статья эта выглядела новаторской в отечественной этнографической литературе 1870-х гг. В ней Ф. К. впервые предпринял попытку очертить «производительные районы» кустарного ремесла и выявить «промышленную зависимость» различных местностей друг от друга. Он свел в таблицу все полученные двнные и поставил вопрос о «районах потребления» продукции кустарей, свозимых на ярмарки (Волков 1874: 282–283). Конечно, это было лишь первой пробой сил молодого ученого. Ф. К. Волков не раз выступал против «одностороннего понимания задач и содержания этнографии» и увлечения фольклором «в ущерб изучению так называемого материального быта». Сам он был превосходным собирателем фольклора, но с первых же шагов в науке внимание его привлекало изучение народных ремесел, хозяйственного инвентаря, средств передвижения, домостроительства... Каждый из этих сюжетов Ф. К. старался раскрыть в дальнейшем в исторической перспективе, свободно переходя от проблем материальной культуры этнографических общностей – к проблемам «быта» носителей археологических культур.

В дальнейшем Ф. К. Волков реализовал свой исторический подход к этнографическому материалу в последней большой работе «Этнографические особенности украинского народа», также упомянутой С. И. Руденко (Волков 1916а: 455–647). Здесь нашли отражение подлинно энциклопедические знания Ф. К. Волкова в данной области. Этот обширный историко-этнографический очерк является, по сути, краткой монографией. Теперь он незаслуженно забыт многими специалистами по истории культуры средневековой Руси. Между тем указанная работа представляет огромный и непреходящий интерес для славистов.

С. И. Руденко, в зрелые годы формулировавший главную задачу антропологии как изучение «динамики бытовых форм» на материалах живой этнографической культуры и приложение выявленных закономерностей к археологическому материалу, конечно, сознавал преемственность своих взглядов с воззрениями Ф. К. Волкова (Платонова 1997а: 147–151). И совсем не случайно он так дотошно излагает в своем очерке его классификацию антропологических дисциплин (Волков 1915: 99–107). Трактовка археологии и этнографии как разделов науки о Человеке, рассмотрение археологического и этнографического материала в едином аспекте истории культуры – все это и через 50 лет после смерти учителя было для него животрепещущей проблемой.

«...Без изучения истории культуры не может быть дана подлинная история ни одного народа... – писал С. И. Руденко в одной из своих докладных записок в начале 1960-х гг. – Между тем, за исключением случайных работ в этом плане, такие исследования у нас не производятся. [...] Оторванность вещественных документов, добытых при раскопках, от объектов, отражающих живой быт народов, и рассредоточение их в разных музеях не дает возможности проследить [...] историю сложения материальной культуры современных наций...» (Руденко С. И. О серьезном пробеле... Л. 1–2). По-видимому, Ф. К. Волков, как ученый, и тогда оставался для своего ученика и последователя живее многих живых.

Сейчас трудно сказать точно, что помешало С. И. Руденко довести работу над очерком до конца? Возможно, причиной были болезнь и смерть, но не исключено, что автор просто убедился в невозможности напечатать статью об учителе в том виде, как он хотел. Публикуя ее теперь, мы воздаем дань памяти двух замечательных ученых – учителя и ученика – в надежде, что проблемы, затронутые тут, представляют и в наши дни не один историографический интерес. Совершенно немыслимо в рамках краткой заметки осветить все вопросы, связанные с творческим наследием Ф. К. Волкова. По свидетельству современных биографов, «его громадный, еще мало изученный научный архив – целая сокровищница прогнозов, мыслей, научных гипотез» (Франко и др. 1990: 93). Однако в настоящий момент мы, вслед за С. И. Руденко, хотели бы обратить всеобщее внимание на ту опубликованную часть его наследия, которая относительно легко доступна и остается мало использованной лишь в силу дурной традиции.

Анучин, Д. Н. 1923. Ф. К. Волков (1847–1918) // Русский антропологический журнал 12 (3/4): 78–79.

Борисковский, П. И. 1953. Палеолит Украины // Материалы и исследования по археологии СССР 40. Москва-Ленинград.

Вовк, Г. 1929. Передмова // Вовк Г. Бібліографія праць Хведора Вовка. 1847–1918. Київ.

Вовк, Федір. 1928. Вироби переднемикеньского типу у неолітичних становищах на Україні // Антропологія. Річнік Кабінету антропології им. Ф. Вовка 1927 р. (публикация М. Я. Рудинского) Київ: 1–28.

Вовк, Хв. 1905. Вироби переднемикеньского типу у неолітичних становищах на Україні // Материали до українсько-русьскої етнольогії 6: 1–27. Львів.

1927. Студії з української етнографії та антропології. Переклад Миколи Славиньского. Прага: Український Громадський Видавничий Фонд.

1995. Студії з української етнографії та антропології. Київ. (переиздание одноименного сборника 1927 г.).

Волков, Ф. К. 1868. Действие света и темноты на хлорофилл водоросли Spirogyra sp. // Университетские известия. 2. Отд. II. IV. Киев: 1–27.

1870. Исследование смолы Pinus Sylestris (предварительное сообщение) // Записки Киевского Общества естествоиспытателей. 1: 282–286.

1874. О сельских ярмарках и о значении их для изучения ремесленных и культурных промыслов // Записки Юго-Западного отдела Императорского Русского Географического общества 1: 265–289. Киев

1900. По поводу наших неолитических находок с керамикой до-микенского типа // Киевская старина LXX (Июль–август): 235–245.

1911. Палеолитическая стоянка в с. Мезине Черниговской губернии // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 3: 263–270. Москва.

1913. Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России // Ежегодник Русского Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете 4: 1–8. С.-Петербург.

1915. Антропология и ее университетское преподавание // Ежегодник Русского Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете 5: 99–107. Санкт-Петербург.

1916. Антропологические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. 2: 427–454. Петроград.

1916а. Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. 2: 455–647. Петроград.

Волков, Ф. К., С. И. Руденко. 1910. Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений // Материалы по этнографии России. 1: 155–200. Изд. Русского музея императора Александра III. С.-Петербург.

Гернес, М. 1914. Первобытная культура. Ч.1–3. Под редакцией и с дополнениями относительно археологии России Ф. К. Волкова. Рига.

Грушевський, М. 1918. Памяти Федора Вовка // Украина 1(2): 5–10.

Ефименко, П. П. 1913. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губернии // Ежегодник Русского Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете 4: 67–102. С.-Петербург.

Золотарев, Д. А. 1918. Ф. К. Волков (некролог) // Русский исторический журнал 5: 353–357.

1918а. Список оригинальных работ, статей, библиографических заметок и рецензий, напечатанных в разное время Ф. К. Волковым // Русский исторический журнал 5: 358–365.

Карпова, О. В. 1997. Ф. К. Волков и его ученики на Украине // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Федора Кондратьевича Волкова (Вовка): 35–37. Санкт-Петербург.

Линка, Н., С. Кузнецова. 1969. Архів Ф. К. Вовка // Архіви України 6: 70–75.

Нидерле, Л. 1898. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и, в частности, славянских земель. Санкт-Петербург.

Платонова, Н. И. 1997. Палеоэтнологическая школа в русской археологии 1920-х годов // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Федора Кондратьевича Волкова (Вовка): 52–55. Санкт-Петербург.

1997а. Об одной попытке уточнения методов в русской археологии (по материалам журнала «Человек» за 1928 год) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии 2: 147–151. Санкт-Петербург – Псков.

Протоколы 1913: Протоколы Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества за 1909 год (Протокол от 17 марта 1909 г.) // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества 9: 299–306.

Руденко, С. И. 1915. Половое бессилие в этнографии // Якобзон Л. Я. Половое бессилие: 415–426. Петроград.

Сергин, В. Я. 1987. Структура Мезинского палеолитического поселения. Москва.

Тихонов, И. Л. 1995. Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования) // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: 109–113. Санкт-Петербург.

1997. Деятельность Ф. К. Волкова в Санкт-Петербургском университете // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Федора Кондратьевича Волкова (Вовка): 11–16. Санкт-Петербург.

Франко, А. Д., О. Е. Франко. 1990. Федор Кондратьевич Вовк (Волков). Биографический очерк // Советская этнография 1: 86–95.

Черунова, Н. К. 1997. Ф. К. Волков и его вклад в развитие отечественной науки конца XIX – начала XX в. // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Федора Кондратьевича Волкова (Вовка): 7–10. Санкт-Петербург.

Шовкопляс, И. Т. 1965. Мезинская стоянка. Киев.

Volkov, Th. 1891. Rites et usages nuptiaux en Ukraine // L'Anthropologie 2: 160–184, 408–437, 537–587.

1892. Rites et usages nuptiaux en Ukraine // L'Anthropologie 3: 541–588.

1896. Le traineau dans les rites funéraires de l'Ukraine // Revue des Traditions Populaires XI: 209–228. Paris.

1902. L'Industrie prémycénienne dans les stations néolithiques de l'Ukraine // Resume de la communication, faite on Congrès International d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique. XII Session. Paris. 1900. L'Anthropologie 13/1: 57–60.

1903. Variations squelettiques du pied chez les Primates et dans les races humaines // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris 4: 632–707.

1904. Variations squelettiques du pied chez les Primates et dans les races humaines // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris 5. Fasc. 1: 1–50, 720–725; Fasc. 3: 201–331; Fasc. 6: 720–725.

1905. Variations squelettiques du pied chez les Primates et dans les races humaines. Paris.

1913. Nouvelles découvertes dans la station paléolithique de Mézine // Congrès International d'Anthropologie et d'Archéologie prehistoriques. Compte Rendu de la XIV Session (Genève, 1912) 1: 414–428. Genève.

Волков, Ф. К. и др. Отчеты. Рукописный архив ИИМК РАН.
О раскопках Ф. К. Волкова и Л. Е.Чикаленко в Черниговской губ. Ф. 1. 1913. Ед. хр. 366.
О раскопках Л. Е. Чикаленко в Черниговской губ. Ф. 1. 1916. Ед. хр.154.

Заявление студентов С.-Петербургского университета С. Руденко, П. Ефименко и Н. Лебедева редактору газеты «Биржевые ведомости». Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 193.

Личное дело Волкова Ф. К. Архив Государственного Русского музея. Ф. «Ведомственный архив». Ед. хр. 177.

Материалы о С. И. Руденко и его влиянии на экспедиционную деятельность музея. 1931–1932. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 362.

Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти). Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 132.

Письма Волкова Ф. К. к Руденко С. И. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Ед. хр. 315.

Письма Руденко С. И. к Руденко Н. М. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 1004. Оп.1. Ед. хр. 417.

Руденко С. И. О серьезном пробеле в советской науке и образовании (докладная). 1960-е гг. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф.1004. Оп. 1. Ед. хр. 604.

Следственное дело Руденко С. И. и др. Архив УФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской области. П-32333. Дело 9. Т. 5.

Тихонов, И. Л. Развитие археологии в С.-Петербургском-Ленинградском университете (1724–1936 гг.). Диссертация ... канд. ист. наук. 1993. С.-Петербург. Хранится в архиве Музея истории С.-Петербургского университета.

ПЕРСОНАЛИИ

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ГРЯЗНОВ (1902–1984 гг.)

(К 100 летию со дня рождения)

Михаил Петрович Грязнов один из выдающихся российских ученых, посвятивший всю свою жизнь археологии. Лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, член-корреспондент Германского археологического института – он всегда оставался скромным и никогда не стремился получать различные звания.

Михаил Петрович родился 13 марта 1902 года в городе Березове, бывшей Тобольской Губернии (ныне Тюменской области) в семье инспектора городского училища. После окончания второго Томского Реального училища, в 1919 г. в 17 лет он поступил в Томский Государственный университет на математическое отделение физико-математического факультета. Весной 1920 года Михаил Петрович перевелся на естественное отделение того же факультета. Важным событием, определившим жизненный путь Михаила Петровича, явилось его участие летом того же 1920 года в составе лимнологического отряда географической экспедиции Томского Государственного университета (начальник С. И. Руденко), работавшей по берегам Енисея. Здесь он встретился с доцентом Томского Государственного университета Сергеем Александровичем Теплоуховым, с которым судьба его связала в дальнейшем на долгие годы. Вот как сам Михаил Петрович пишет в своих воспоминаниях, об этом событии спустя 40 с лишним лет: «В свои юные годы я увлекался математикой и любил науки о природе. Никогда не думал об истории, а тем более об археологии как о своих возможных профессиональных занятиях. Но судьба решила иначе. В 1920 году, студентом первого курса, естественником, я попал в географическую экспедицию в предгорья Саян, и отряд, в котором я работал, однажды встретился на реке Енисей с археологическим отрядом, только что приступившем к раскопкам. Наш отряд задержался здесь на 2 недели, и я принял участие в раскопках. Так я неожиданно познакомился с археологией, полюбил ее раз и навсегда» (личный архив М. П. Грязнова, фонд 91, ИИМК РАН).

В мае 1922 г. С. А. Теплоухов и С. И. Руденко переезжают в Петроград, где занимают ведущие должности в Государственном университете, этнографическом отделе Государственного Русского музея и Российской Академии Истории Материальной Культуры. При поддержке С. А. Теплоухова в том же 1922 году Михаил Петрович перевелся в Петроградский Государственный университет на естественное отделение физико-математического факультета. На факультете Михаил Петрович в течение 3 лет (1922–1925 года) проходил курс по циклу антропологии и палеоэтнологии. Одновременно с учебными занятиями на факультете, Михаил Петрович поступил работать научным регистратором в РАИМК (1922–1925 гг.). По окончании 3 курса университета он перешел на постоянную работу в качестве научного сотрудника в этнографический отдел Государственного Русского музея. Здесь Михаил Петрович проработал с 1925 по 1933 гг., совмещая службу в музее с работой в ГАИМКе в должности старшего научного сотрудника.

В 1924 году он проводит самостоятельные раскопки «Тоянова городка» близ Томска, в 1925 г. – раскопки могил андроновской культуры на реке Урале в пределах Казахской ССР, и проводит обследование берегов реки Оби от Бийска до Барнаула. В эти же годы он опубликовал свои первые научные работы. В 1925 г. вышла в свет его «Инструкция для измерения черепа и костей человека» совместно с С. И. Руденко, служившая в течение многих десятилетий руководством для исследователей. Согласно отзыву Г. Ф. Дебеца, эта инструкция являлась наиболее подробным изданием такого рода на русском языке. В конце 20-х годов вполне определенно очерчивается круг научных интересов Михаила Петровича. В этот период он концентрирует свое внимание на изучении памятников эпохи бронзы и раннего железа в обширном регионе, охватывающем юг Сибири, Алтайский край, Казахстан и Киргизию. Исследования Михаила Петровича приобретают прочную опору в чрезвычайно плодотворных открытиях, как, напри-

Михаил Петрович Грязнов

мер, раскопки двух княжеских курганов на Алтае – Шибе (1927 г.) и Первого Пазырыкского (1929 г.). Эти памятники, ставшие классическими в евразийской археологии, тогда произвели огромное впечатление на археологов, так как наглядно показали сколько много прекрасных вещей, сделанных из органических материалов не сохраняются до наших дней. Только благодаря условиям высокогорья, где расположены памятники, в условиях вечной мерзлоты сохраняются уникальные предметы из органики. М. П. Грязнов разрабатывает новую методику раскопок столь сложных памятников, прослеживает в деталях особенности погребального обряда, что нашло отражение в ряде его работ («Первый Пазырыкский курган» и др.). Позже, В. И. Равдоникас предлагал ему продолжить и возглавить раскопки пазырыкских курганов, но предложенные средства были настолько малы, что Михаил Петрович, понимая сложность этих работ, отказался от руководства, хотя и участвовал в полевых и камеральных работах С. И. Руденко.

В те же годы в ГАИМКе образовалась группа исследователей, работавшая над проблемой «Возникновение кочевого скотоводства» (ВКС). Михаил Петрович принял в ее разработке самое активное участие. Это направление стало одним из ведущих в его научной деятельности на многие годы. Позже, в 1939 г. им впервые было сформулировано определение эпохи ранних кочевников как особого периода в истории Евразии. Он прекрасно понимал и пытался донести до остальных археологов, что построение хронологии по принципу смены материала основных орудий труда (каменный век – бронзовый – железный) не совсем отражает реально процессы развития общества на той или иной территории. По его мнению, необходимо строить периодизации, основанные на социально-экономических изменениях в культурах и поэтому-то он вводит в археологию понятие – ранние кочевники, которое характеризует новую эпоху, отличную от эпохи бронзы.

Увлечение искусством привело Михаила Петровича к написанию работы «Древние изваяния минусинских степей» (1929 г.), в которой на основании детального анализа изображений выделена группа памятников бронзового века. Эта статья, так же как и публикация в журнале «Природа» (1926 №11–12) написана Михаилом Петровичем совместно с Евгением Робертовичем Шнейдером, его товарищем по первым экспедициям с С. А. Теплоуховым. Жизнь Е. Р. Шнейдера трагически оборвалась в 1938 г.: он был арестован и расстрелян (Формозов 1998: 202).

Из имеющихся публикаций о жизни и трудах Михаила Петровича наиболее важен обстоятельный очерк Н. А. Аванесовой и Л. Р. Кызласова (Аванесова, Кызласов 1985: 277–283). В нем однако ничего не говорится о 1934–1936 гг. И лишь материалы из личного архива ученого (фонд 91), а так же опубликованное в 1994 году Ф. Д. Ашниным и В. М. Алпатовым «Дело славистов» (30-е годы) позволяют заполнить эту лакуну. Хотя в тот период Михаил Петрович вынужден был прервать свою работу в столь успешно начатой им области исследований, однако именно эти годы более чем важны для характеристики его как личности. Дело в том, что в конце ноября 1933 г. группу известных ученых: А. А. Миллера, Д. А. Золотарева, Ф. А. Фиельструпа, С. А. Теплоухова, Г. А. Бонч-Осмоловского, а так же и М. П. Грязнова (арестован 29. 11. 1933), по сфабрикованному делу «Российской национальной партии» (или «Делом славистов») обвинили в активном участии в фашистской контрреволюционной организации украинских и русских националистов, якобы созданной при этнографическом отделе Государственного Русского музея, где все они в это время работали. Вопреки действительности некоторые из арестованных подписали протокол следствия, признав свою «несуществующую» вину, что стало причиной последующих трагических событий. С. А. Теплоухов повесился во время следствия (не позднее 15. 03. 1934 г.), Ф. А. Фиельструп погиб при невыясненных обстоятельствах в Доме предварительного заключения 7. 12. 1933 г. Оба были впоследствии посмертно реабилитированы

в 1958 г. Проявив незаурядную стойкость и силу воли, Михаил Петрович решительно отказался признать себя виновным в несовершенном преступлении, выдержав 12 допросов. «Значительная часть допросов не сопровождалась составлением протоколов (из 12 допросов только 6 зафиксировано в протоколах), а в тех случаях, когда протокол и был составлен, то в нем фиксировалась только небольшая часть моих ответов на вопросы следователя. Это давало возможность следователям делать безответственные заявления и применять угрозы. Мне грозили 10 годами заключения, расстрелом, ссылкой в Колывань и т. д.» (личный архив, фонд 91; из заявления административно-высланного Грязнова Михаила Петровича, проживающего в городе Вятке по Хлыновской улице д. 42; от 16. 10. 1935 г.). В личных бумагах Михаила Петровича были обнаружены записанные по памяти его рукой все 12 допросов. Приводим, как «образец» ведения следствия в те годы, запись одного из допросов.

Допрос 8. от 12. 03. 1934 г.

«Следователь IV опять говорил о необходимости признания, повторяя аргументацию предыдущего допроса. Затем он спросил меня, давно ли я знаком с С. А. Теплоуховым и какие у меня были с ним отношения, часто ли мы бывали друг у друга. Я ответил, что знаком с Теплоуховым с 1920 года. Он был моим учителем по археологии. Я с ним несколько раз ездил в экспедиции (1920–23 гг.) в качестве ближайшего помощника. Отношения у меня с ним до 1931 года были дружеские, мы часто бывали друг у друга. С зимы 1930–31 гг. отношения наши резко изменились и я с ним встречался только по работе. Причиной этому были постоянные конфликты на почве авторства (и он, и я работали в области археологии Сибири). После 1930–31 гг. он был у меня один раз, а именно, в октябре или ноябре 1933 года, когда он, ссылаясь на свое одиночество, напросился ко мне в гости. На вопрос следователя, о чем мы с ним говорили во время его посещения, я ответил, что точно не помню, что основной темой разговоров как будто были его одинокая холостяцкая жизнь и преимущества семейной жизни. На это следователь заявил, что именно в этот самый вечер Теплоухов и вовлек меня в организацию. «Конечно, это не было формальным вступлением вашим в организацию, но с этого момента и начинается ваша причастность к ней». Это я категорически отверг и просил сделать очную ставку с Теплоуховым. Устроить очную ставку следователь отказался под тем предлогом, что он не позволит мне компрометировать показания Теплоухова. (Таким образом, из слов следователя можно заключить, что Теплоухов вел агитацию и стал якобы меня вовлекать в организацию в октябре или ноябре 1933 г., то есть тогда, когда организация эта в основном была уже разгромлена, когда второй или третий месяц велось следствие по делу этой организации, но еще не было закончено, а вовлек меня, стало быть, накануне своего и моего арестов). Убедившись, что от меня не добиться признания якобы моей вины, следователь заявил мне, что меня на допрос вызывать не будут и, что меня ждет наиболее суровый приговор. Протокол допроса составлен не был».

Нельзя в этой ситуации не вспомнить известные слова, приписываемые Вольтеру, что «мудрость в сочетании с сильной волей сильнее самой судьбы».

При отсутствии фактических свидетельств и при отказе от признания своей вины (после 1934 года на это уже не обращали внимание), органы, решавшие судьбу арестованных, ограничились высылкой Михаила Петровича по этапу в г. Киров (ныне Вятка) Горьковской области сроком на 3 года. 25 декабря 1936 г. он был освобожден, а позднее и снято само обвинение из-за отсутствия состава преступления (Справка Военного Трибунала Ленинградского Военного округа за №1179-Н-56/819 от 8. 12. 1956).

Продолжать свои исследования в прежнем направлении в Кирове было невозможно, но Михаил Петрович нашел применение своим силам, работая в местном краеведческом музее в должности научного сотрудника-археолога. Своей плодотворной работой в музее он внес существенный вклад в изучение древнейшего прошлого Вятской земли и истории города Хлынова-Вятки-Кирова (XIV–XVI вв. – 1937 г.) (Зайцев 1992: 9–10; Макаров 2002: 52–54).

Вернувшись в 1937 году из ссылки в Ленинград, Михаил Петрович какое-то время находился без работы и, только при поддержке М. И. Артамонова, устраивается в Государственный Эрмитаж, с которым был связан практически до конца своей жизни. Что касается ГАИМКа, позже реорганизованного в ИИМК – ЛОИА – ИИМК, то здесь Михаил Петрович в 1939 г. был восстановлен в должности старшего научного сотрудника.

В годы Великой Отечественной войны с августа 1941 до осени 1945 г. он находился в эвакуации в г. Свердловске, сопровождая археологические коллекции Эрмитажа. Находясь в эвакуации, он много писал, а в 1942 году даже сумел провести раскопки памятников эпохи палеолита и ранней бронзы на р. Чусовой. По возвращении в Ленинград Михаил Петрович продолжает работу в ИИМКе (сначала по совместительству), а с 1948 года – в должности старшего научного сотрудника. В январе 1945 года он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане», а в июне того же года ему присудили степень доктора исторических наук за рукопись монографии «Пазырык – погребение племенного вождя на Алтае». С 1951 по1953 гг. Михаил Петрович руководил лабораторией археологической технологии, а с 1951 по 1968 гг. (в течение

15 лет) заведовал сектором Средней Азии и Кавказа. С 70-х годов он также возглавлял Ленинградскую секцию Отдела полевых исследований при Президиуме Академии наук СССР.

На 50–60-е года падают главные достижения в разнообразной деятельности Михаила Петровича и в области полевых археологических исследований и как руководителя по подготовке научных кадров, создавшего целую школу археологов, успешно ныне работающих в научных учреждениях России, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и за рубежом.

Особо надо сказать о Михаиле Петровиче как руководителе и организаторе научной работы. Сектор Средней Азии и Кавказа известен разнообразием научных интересов своих сотрудников. В такой обстановке руководителю не мудрено дать крен в сторону преимущественного интереса к своей собственной специальности. Однако можно с полной ответственностью утверждать, что за время его заведования сектором не существовало даже намека на какой-либо фаворитизм.

Более четверти века Михаил Петрович руководил крупнейшими в Сибири новостроечными экспедициями. В процессе этих работ им была отработана едва ли не самая совершенная в нашей стране методика изучения различных погребальных памятников.

Первые послевоенные полевые работы Михаила Петровича в районе Верхней Оби завершились выходом в свет его монографии «История древних племен Верхней Оби» (1956). Работа построена на материалах раскопок Северо-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа и ИИМК АН СССР (1946, 1947 и 1949 гг.), в результате которых М. П. Грязнову удалось создать хронологию культур для лесостепной полосы Западной Сибири, начиная с эпохи бронзы и до XIII века нашей эры. Иначе обстоят дела с публикацией результатов раскопок Новосибирской новостроечной экспедиции ИИМКа (1952–1954 гг.), работавшей в зоне затопления Новосибирской и Каменской ГЭС в долине р. Оби, где было открыто около 100 памятников. На 30 из них проведены раскопки, позволяющие детально проследить историю населения этого района от неолита до XVII века. На сегодняшний день в кратком изложении опубликованы лишь материалы многослойного поселения Ирмень I в статье М. П. Грязнова «К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири», стоянки Ирмень II и других поселений с хорошо выраженным неолитическим культурным слоем в статье М. Н. Комаровой «Неолит Верхнего Приобья» и «Ордынские курганы V–IV вв. до н. э.» в статье М. П. Завитухиной. Часть неопубликованных материалов экспедиции была включена в монографию В. И. Молодина «Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья» (1977). Перечень всех зафиксированных экспедицией памятников опубликован в «Археологической карте побережья Новосибирского водохранилища» (1973).

В 1959 г. Михаил Петрович возглавил Иркутскую экспедицию ЛОИА АН СССР, организованную в связи со строительством Иркутской ГЭС, в работах которой приняли участие большое количество сотрудников ЛОИА, ИА, Государственного Эрмитажа и Иркутского Университета. В результате было исследовано за один полевой сезон более 30 стоянок и могильников, давших большой и разнообразный материал, который позволил наметить основные линии истории заселения Байкала и развития культуры его древних обитателей, начиная с мезолита и до этнографической современности. В 1992 году ИИМК РАН совместно Иркутским государственным университетом выпустили в свет сборник научных трудов «Древности Байкала», который ввел в научный оборот все ранее не опубликованные материалы этой знаменитой экспедиции 1959 года.

Около 20 лет Михаил Петрович руководил одной из крупнейших в Сибири новостроечных экспедиций – Красноярской, организованной в связи со строительством Красноярской ГЭС на Енисее. За эти годы было спасено для науки и изучено свыше 3500 памятников разных исторических эпох от палеолита до позднего средневековья. Успехи работ экспедиции во многом определила новая методика изучения погребальных комплексов этого региона, разработанная М. П. Грязновым. В раскопках экспедиции принимали участие многие студенты, аспиранты и научные сотрудники, которые впоследствии стали видными учеными – докторами наук, академиками, стали возглавлять многие научные направления и центры. На основе широких раскопок развита и дополнена периодизация памятников Среднего Енисея, созданная С. А. Теплоуховым. Многие материалы вошли в многочисленные статьи Михаила Петровича, а также в прекрасную монографию «Южная Сибирь», изданную на трех языках в Женеве (1969, 1970). Книга получила мировую известность и не только в научной среде. Определенный интерес в этом отношении представляет эпизод, рассказанный самим Михаилом Петровичем. Однажды, в самолете он оказался соседом, некой неизвестной ему иностранки, усиленно читавшей на французском языке его «Южную Сибирь». В пути разговорились, дама рассыпалась в восхвалении этой, по ее словам, интереснейшей книги и была крайне счастлива, узнав, что она оказалась соседкой автора книги, что и высказала весьма экспансивно.

В 1979 году вышла коллективная монография под общей редакцией М. П. Грязнова, посвященная публикации материалов одного из археологических микрорайонов у горы Тепсей на Енисее.

И, наконец, в 1999 году удалось издать рукопись Михаила Петровича «Афанасьевская культура на Енисее», представляющую собой не только публикацию эталонных афанасьевских комплексов, но и образец обобщения, и ввод их в исторический контекст, с выходом на социальные реконструкции.

Ярким событием в научной биографии Михаила Петровича были раскопки «царского» кургана Аржан в Туве (1971–1974 гг.). Хотя он был уже в достаточно преклонном возрасте и центральноазиатское солнце безжалостно жалило в раскаленной степи, раскопки проводились методично и с большим упорством. Памятник надо было спасать, так как через него была проложена дорога. Совместная экспедиция ЛОИА АН СССР, ТНИИЯЛИ и ВООПИК объединила прекрасный коллектив во главе Михаилом Петровичем и М. Х. Маннай-оолом, который сумел на протяжении четырех лет исследовать этот огромный курган. Постоянная забота и помощь верной спутницы Михаила Петровича – Марии Николаевны Комаровой и сына Орика – великолепного фотографа, мастерство художника-архитектора Л. Н. Баранова и археолога-рестовратора О. Л. Пламеневской, труд многих других сотрудников, студентов и школьников – все это является важной частью аржанской эпопеи. Михаил Петрович постоянно экспериментировал, применял все новые приемы фиксации и анализа этого сложного комплекса, пытаясь в деталях реконструировать весь погребальный обряд. Работы было много и все, конечно, уставали, но даже в выходные дни, по его инициативе постоянно совершались экскурсии по окрестностям, в результате чего были обнаружены новые памятники и «оленные» камни. Аржан сразу явился темой постоянных дискуссий среди археологов благодаря своей многоплановости и сложности. У Михаила Петровича по мере раскопок Аржана менялись представления об этом уникальном комплексе, но, в конце концов, они сложились в единую концепцию. Памятник был опубликован в России (1980 г.) и более полно (с цветными фотографиями тканей) переиздан в Германии (1984 г.). Михаил Петрович практически сразу понял его значение для археологии не только Центральной Азии, но и для памятников скифской эпохи всей степной зоны Евразии. Это действительно пока самый ранний элитный комплекс вполне скифского облика (конец IX в. до н. э.), в сложении которого принимали участие, по мнению Михаила Петровича, представители нескольких культурных объединений. Именно по его инициативе началось комплексное изучение материалов кургана: датирование бревен методами естественных наук (дендрохронологией и радиоуглеродным методом), изучение тканей, состава металла бронзовых вещей, типологические исследования различных категорий вещей и т. п. Эти исследования еще раз подтвердили выводы Михаила Петровича о ранней дате этого памятника. В настоящий момент все больше археологических данных, свидетельствующих о раннем этапе (IX–VIII вв. до н. э.) формирования культур кочевников в Центральной Азии.

Предметом особого внимания Михаила Петровича являлись также памятники изобразительного искусства. Тонкий анализ их при широком научном кругозоре позволял ему выяснить многие стороны мировоззренческого порядка, в первую очередь характер сложных верований номадов. Произведения искусства в его исследованиях начинали говорить об их создателе, времени в котором они жили и их дальнейшей судьбе. Нельзя не отметить и его прекрасные работы, посвященные героическому эпосу центральноазиатских народов. Именно Михаил Петрович первый проследил в них архаичные детали, позволяющие удревнить их сложение до скифской эпохи. Касаясь проблемы происхождения звериного стиля северных кочевников, крупнейший германский ученый Карл Йеттмар справедливо назвал М. П. Грязнова гением, который вдохновил и стимулировал большое сообщество ученых (Jettmar 1994: 3).

К. Йеттмар писал, что был счастлив, когда ценные результаты научных наблюдений, которые Грязнов высказывал «при их встрече в 1977 году, были в 1984 году опубликованы», подчеркивает М. А. Дэвлет в одной из своих последних работ (Дэвлет 2001: 412).

Стиль научных публикаций Михаила Петровича отличался лаконичностью и отсутствием повторов. При том обилии фактических материалов, которым он владел, и тематики, которую он разрабатывал на протяжении шести десятилетий неутомимой научной работы, он вполне был в состоянии «выдать на-гора» значительно большее количество «объемных опусов», чем значащихся в списке его печатных работ. И, тем не менее, общий объем печатных работ, увидевших свет, оставляет большое впечатление. Всеобщее признание чрезвычайно высокой научной ценности работ по Южной Сибири было закреплено не только высокими званиями, но и просто любовью многих археологов.

Аванесова Н. А., Л. Р. Кызласов. 1985. Памяти Михаила Петровича Грязнова // Советская археология 4: 277–283.

Ашнин, Ф. Д., В. М. Алпатов. 1994. «Дело славистов» 30-е годы. Москва: Наследие.

Дэвлет, М. А. 2001 Петроглифы Куйлуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии. Сборник статей: 370–438. Москва: ИА РАН.

Формозов, А. А. 1998 Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология 3: 191–208.

Зайцев, Н. А. 1992. О пребывании М. П. Грязнова в г. Кирове в 1934–1937 гг. // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова: 9–10. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Макаров, Л. Д. 2002. М. П. Грязнов – исследователь древней Вятки // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова 1: 52–54. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

М. Н. Пшеницына
Н. А. Боковенко

ПАМЯТИ Н. А. ВИНБЕРГ
(К 100-летию со дня рождения)

Нина Анатольевна Винберг проработала 35 лет (1931–1966 гг.) в библиотеке ГАИМК (позднее ИИМК, ЛОИА, ныне ИИМК РАН) и 21 год (1945–1966 гг.) возглавляла ее.

Н. А. Винберг родилась 17 апреля (ст. ст.) 1900 г. и в 2000 г. ей исполнилось бы 100 лет.

Она ровесница двадцатого века, причем, ровесница не формальная, ибо «не календарный, настоящий двадцатый век» (А. Ахматова) начинался заранее, исподволь и незаметно. И именно в апреле 1900 г. ее родственник (муж сестры ее отца) князь В. А. Оболенский, работавший тогда земским статистиком в Пскове, предоставил свой дом для собраний группы социал-демократов, лидером коих был В. И. Ульянов (Ленин), только что вернувшийся из ссылки. На этих-то собраниях и было решено издавать газету «Искра», от которой впоследствии и разгорелся весь «пожар». Издание газеты (первый номер вышел в январе 1901 г.) во многом и предопределило все дальнейшие трагические события в истории России XX в., в результате одного из которых чуть не погибла в 1921 г. молодая Нина Винберг. Но при этом спасло ее от гибели именно участие ее дяди в начальном событии трагической цепочки.

Ушла из жизни Н. А. Винберг 10. VI. 1984 г., то есть в том году, когда для внимательного наблюдателя стало ясно, что советское государство, созданое Лениным, полностью исчерпало свои возможности. В 1984 г. страну возглавил смертельно больной Черненко, а в декабре этого года в Англию на переговоры с М. Тэтчер был направлен М. Горбачев, тогда всего лишь один из членов ЦК коммунистической партии, после чего умная и чуткая «железная леди» немедленно отправилась в Штаты к президенту Рейгану, дабы сообщить ему, что в СССР идет к власти способный к диалогу человек с новыми взглядами. Думается, что этот год можно считать началом конца «настоящего» двадцатого века в России и, таким образом, Н. А. Винберг является полной его ровесницей, а ее биография представляет интерес еще и по этой причине.

Предки Н. А. Винберг принадлежали к российскому служилому дворянству, а позднее – к дворянской интеллигенции и прослеживаются с петровских и екатерининских времен.

По линии отца предком Н. А. Винберг был швед Винберг, взятый в плен при Полтаве и после Ништадтского мира пожелавший остаться в России. Потомки его получили российское дворянство, и один из них, В. К. Винберг, известный крымский общественный деятель и депутат Четвертой Думы и является дедом Н. А. Винберг (за седину и редкие душевные качества он именовался в своем роду «белым дедушкой»). Его сын, присяжный поверенный А. В. Винберг женился на Е. Н. Карабчевской, матери Н. А.

По линии матери, род Н. А. восходит к греку с острова Крит, по фамилии Кумани, контрабандисту, который убил на Крите турка, отмстив за запытанного этим турком отца, затем бежал на своем корабле и около 1770–72 гг. примкнул к русской эскадре, крейсировавшей в Средиземном море. Он принимал участие в военных действиях против Турции, а потом уехал в Россию, где дослужился при Екатерине II до контр-адмирала. Дочь его сына, адмирала Николая Кумани, С. Н. Кумани вышла замуж за морского офицера А. И. Никонова. Последний, прирожденный моряк и убежденный монархист, участвовал в военных действиях по присоединению Абхазии к России, а затем был одним из известных героев обороны Севастополя, где одна из батарей была названа его именем. В 1876 г. накануне русско-турецкой войны 1877–78 гг. А. И. Никонов был сначала назначен градоначальником, командиром порта и комендантом Севастополя, а затем еще и начальником приморской обороны, с подчинением ему береговых батарей, минных заграждений, судов и войск. Умер он в 1891 г. в звании адмирала и в должности председателя главного морского суда. Его могила на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга включена в число особо охраняемых объектов.

Дочь адмирала Никонова (бабушка Н. А.) вышла замуж за Н. П. Карабчевского, впоследствии знаменитого адвоката; одним из его предков был турок, еще мальчиком взятый в плен во время одной из русско-турецких войн, ставший «сыном полка» и отданный для обучения в одно из военных учебных заведений. Исследователь истории русской адвокатуры Н. А. Троицкий пишет, что Н. П. Карабчевский в «последние 10 лет существования буржуазной адвокатуры (после того, как в 1907 г. устранился от ее дел Ф. Н. Плевако) был самым авторитетным и популярным адвокатом России».

Среди процессов, на которых он выступал, отметим три с «этническим подтекстом». Это, во-первых, «дело мултанских вотяков» (1896 г.) – необоснованные обвинения удмуртов (вотяков) в жертвоприношении человека языческому богу Кереметю; здесь сподвижником его выступил писатель В. Г. Короленко. Вотяки были оправданы. Во-вторых, это дело армянина Гульгульяна (1899 г.), который преднамеренно убил турка, вырезавшего его семью во время армянского погрома в Турции в 1895 г. Наполненная огромным фактическим материалом об уничтожении славян, греков и армян в Блистательной Порте и особенно об армянских погромах 1894–96 гг. защитительная речь Н. П. Карабчевского отличалась особой страстностью; видимо, помня о своей «турецкой крови», он как бы пытался хотя бы отчасти искупить историческую вину родственного ему народа. Гульгульян был оправдан судом присяжных.

И, наконец, знаменитое «дело Бейлиса» (1913 г.), когда киевский еврей Бейлис безосновательно обвинялся в ритуальном убийстве подростка. Это «дело» было настолько провокационным и дутым, что в защиту Бейлиса выступил даже монархист и антисемит В. В. Шульгин. Бейлис был оправдан, что избавило Россию от позора, а русских евреев от вероятных кровавых расправ в случае обвинительного приговора.

В семье Н. П. Карабчевского именовали «черным дедушкой» – и по масти, и ввиду страстности его талантливой натуры.

Е. Н. Карабчевская, дочь О. А. и Н. П. Карабчевских, вышла замуж за присяжного поверенного А. В. Винберга; от этого союза и родилась Н. А., соединившая в себе все вышеозначенные линии.

Ее отец на процессе лейтенанта П. П. Шмидта был адвокатом одного из матросов, сподвижников лейтенанта. Именно А. В. Винберг привез 4 марта 1906 г. находившемуся в заключении Шмидту сообщение, что командующий Черноморским флотом Г. П. Чухнин не принял кассацию, направленную адвокатами, и что казнь состоится не позже 6 марта. А. В. Винберг с разрешения начальства провел с П. П. Шмидтом последнюю ночь перед казнью, и в семье передавались его рассказы о спокойствии и уверенности в своей правоте и победе своего дела этого революционера-непротивленца, лишь волею судьбы вынужденного возглавить вооруженное восстание.

Нина Анатольевна Винберг.

О. А. Карабчевская и Е. Н. Винберг, бабушка и мать Н. А., принимали деятельное участие в судьбе близких им деятелей демократического движения и революции, помогая им, чем возможно и облегчая их участь в ссылке и во время следствия и суда.

Семья Н. А. зимы проводила в Петербурге, а лето, как правило, в Крыму, в имении Саяни, принадлежавшем «белому дедушке», где особо дружившие семьи его дочери и сына, Оболенские и Винберги, построили свои дома. Для многочисленных внуков В. К. Винберга пребывание в Саяни было лучезарным счастьем, отблески которого они сохраняли всю жизнь, а дружба Н. А. с младшими Оболенскими продолжалась до самой ее смерти.

В 1908–1909 гг. семья Н. А. проводила лето в Финляндии, в Мустамяках (ныне ст. Горьковс-

кое по Финляндской ж. д.), где тогда постоянно жила семья В. А. Оболенского, выбравшего Мустамяки местом своей ссылки. Сослали его за то, что в Саяни в 1906 г. короткое время тайно проживала скрывавшаяся от полиции эсерка, которую приютила Е. Н. Винберг, мать Н. А., по просьбе своего двоюродного брата Б. Н. Никитенко, члена боевой организации эсеров, впоследствии выданного Азефом и казненного. В. А. Оболенский ничего не знал об этом эпизоде, но полиция сочла виновным именно его как наиболее общественнозначимую фигуру из всех обитателей Саяни (депутат Первой Думы, член партии кадетов, позднее в 1917 г. – секретарь ее ЦК).

В 1917 г. Н. А. закончила гимназию в Петербурге и летом вместе со своей семьей переехала в Крым, где и оставалась до конца 1921 г. С 1918 г. она студентка историко-филологического факультета Таврического Университета в Симферополе и одновременно библиотекарь в библиотеке Университета; Н. А. слушает лекции многих выдающихся профессоров, общается с поэтом М. А. Волошиным, давним приятелем ее отца.

После Октябрьской революции и кратковременного захвата власти в Крыму большевиками зимой 1918 г. обитатели Саяни организовали на базе имения свое «трудовое хозяйство» и жили за счет работы на его сельскохозяйственных угодьях, а по вечерам старшие занимались обучением младших.

Власть в Крыму переходила от красных к белым и обратно. Наконец, в конце октября 1920 г. Крым был занят Красной армией, и В. А. Оболенский вынужден был эмигрировать вопреки своему желанию, поскольку только он мог обеспечить посадку на отходившие корабли двум своим сыновьям, служившим в Белой армии.

Остальная часть семьи В. А. Оболенского вместе с семьей А. В. Винберга жили в Саяни. В Крыму с приходом большевиков начался жесточайший террор, когда без суда и следствия уничтожались целые семьи просто «за происхождение». И в этих условиях жених Ирины, дочери В. А. Оболенского, приехал за ней на парусной фелюге, чтобы увезти ее за границу. На этом же паруснике приехал по своим делам известный монархист В. В. Шульгин. Молодежь отмечала предполагавшийся отъезд Ирины в доме В. К. Винберга; дом был окружен, все были арестованы и заключены в тюрьму, в том числе и Н. А. Винберг. И это в 1921г., в разгар «красного террора» в Крыму, который по массовости и жестокости далеко превзошел ужасы «белого террора»! Это было логическим следствием той революции, главным «человекоорудием» которой был Ленин.

Избежал ареста, укрывшись в лесной балке, а затем у дружественных татар, лишь А. В. Винберг, которого бы прикончили сразу, так как он одно время был «товарищем министра юстиции» в правительстве Крыма при белых. Он сумел добраться до почты и дать телеграмму в Москву Ленину о том, что по несуществующему поводу арестованы члены семьи В. А. Оболенского и им грозит смертная казнь. Из Москвы неожиданно быстро пришла подписанная Лениным телеграмма с приказом перевезти всех родственников Оболенского в Москву и объективно разобраться в обстоятельствах дела. Существенную роль в такой реакции Ленина сыграла его сестра М. И. Ульянова. Таким образом Ленин отплатил за когда-то оказанную услугу и спас от смерти Н. А. Винберг и всех ее родственников.

Освобожденная в Москве Н. А. переехала с матерью и сестрой в Петроград и в 1923 г. поступила на общественно-педагогическое отделение ФОН Петроградского университета, а в 1927 г. окончила исторический цикл факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ по уклону материальной культуры Восточного Средневековья. Ее дипломная работа была посвящена строгановской иконописи.

К студенческим годам относится начало прошедшей через всю ее жизнь дружбы с А. В. Банк, впоследствии известной византинисткой, сотрудницей и заведующей аспирантурой Гос. Эрмитажа. Тогда же началась дружба Н. А. с А. П. Смирновым, также известным византинистом, хранителем художественного отдела Русского музея. Дружба эта скоро перешла в любовь. А. П. Смирнов был женат. 29 апреля 1929 г. он был арестован по так называемому «делу А. А. Мейера», поскольку участвовал в собиравшемся на дому кружке, занимавшемся вопросами религии и философии. При обыске в его кармане была обнаружена написанная почти за год до обыска записка, которую он всегда носил с собой. Вот ее текст: «8-го июня 1928 г. Дорогой Алексей Петрович! Хочу сказать Вам вдогонку только вот что: я чувствую себя сегодня счастливейшей из смертных! Будьте здоровы. Н. Винберг.»

А. П. Смирнов был арестован и осужден в «год великого перелома» (термин Сталина), когда репрессивная машина, осуществлявшая политику государственного террора, окончательно переламывала и перемалывала не только крестьянство России, но и все, что еще оставалось от свободы личности, свободы совести, собраний и организаций.

Собственно, должна была подвергнуться преследованиям и Н. А. В репрессивных органах готовилось дело по поводу собиравшегося по субботам кружка молодых историков под руководством выдающихся ученых И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской. Этот кружок наряду с Н. А. в разные годы посещали М. А. Тиханова, Е. И. Скржинская, историк и философ Г. П. Федотов, Н. В. Пигулевская, А. Д. Люблин-

ская, М. А. Гуковский и др. Некоторые из них были подвергнуты допросам.

Спасло Н. А., быть может, то, что она поехала вслед за А. П. Смирновым в места его заключения, виделась с ним и помогала ему. А. П. Смирнов умер 10 марта 1930 г. от сыпного тифа в Кемском пересыльном пункте.

В июне 1931 г. неожиданно умирает от брюшного тифа Е. А. Винберг, горячо любимая сестра Н. А.

Несколько раз в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Н. А. проводит летний отпуск в доме М. А. Волошина, также глубоко переживавшего весь ужас 1929–32 гг. В августе 1932 г. она проживала в комнатке, расположенной прямо над той, в которой умирал Волошин, слышала все его стоны и сохранила уникальные воспоминания о трагических днях до и после его смерти.

В связи со всем пережитым произошли глубокие изменения во внутренней жизни Н. А. Она навсегда рассталась с религиозностью церковной и, вообще, со всеми формами общественно организованной религиозности, хотя и сохранила личные драматические отношения с тем, кто и что обычно именуется Богом.

На фоне всех этих событий и начинается в 1931 г. работа Н. А. в библиотеке ГАИМК, которой заведовал А. Ф. Добрынин.

В 1936 г. Н. А. Винберг возглавила работу по созданию систематического каталога всей хранящейся в библиотеке научной литературы на русском и иных языках (за исключением венгерского и восточных) и привлекла к участию в этой работе сотрудников ГАИМК-ИИМК А. А. Иессена и И. И. Ляпушкина. Схема каталога, разработанная в библиотеке ИИМК в конце 1930-х гг., в основных чертах сохраняется и поныне, а сам каталог является важнейшим и уникальным по своему объему источником информации.

Увлечение работой над каталогом однажды обернулось для Н. А. серьезной опасностью. С началом войны в июне 1941 г. в стране и особенно в Ленинграде развилась шпиономания, исподволь поддерживавшаяся властью, заинтересованной в том, чтобы списать на шпионов катастрофу первых месяцев войны. На открытом окне первого этажа дома в Лесном, где жила Н. А. с матерью и сыном, стояли картотеки с карточками, на которых были расписаны работы иностранных, в том числе немецких авторов. Порыв ветра вынес несколько карточек на улицу, их подхватили мальчишки и с криком «шпионка, шпионка!» побежали в милицию. В те времена суд по такому обвинению был коротким, а наказание суровым, особенно, если учесть «немецкую» фамилию Винберг. Н. А. мгновенно позвонила директору ИИМК М. И. Артамонову, и он сумел остановить развитие ситуации и спас Н. А.

Так же в 1931 г. после окончания ЛГУ в ГАИМК начинает работать в должности младшего научного сотрудника Алексей Владимирович Мачинский (1910–1942 гг). Спустя несколько лет он делает предложение Н. А., на которое она отвечает отказом. Он повторяет предложение, настаивает, умоляет и, в конце концов, она соглашается. Немалую роль в ее согласии сыграло желание иметь ребенка. В результате этого брака 6 октября 1937 г. рождается сын – Д. А. Мачинский.

А. В. Мачинский, по воспоминаниям его товарищей, был талантливым ученым и незаурядной личностью. Круг его научных интересов был широк – египтология, археология Америки, археология Северного Кавказа, древне-эскимосская культура на Чукотском п-ове, археология Приамурья. Вот что дословно написал о нем М. И. Артамонов в отзыве на курсовую работу его сына: «Фамилия Мачинского вызывает у меня воспоминания о погибшем в прошлую войну друге, очень талантливом молодом ученом, который еще не успел проявить свое дарование во всей полноте заложенных в нем возможностей». А И. И. Ляпушкин сказал его сыну: «Ваш отец был очень умный человек. Я только сейчас осознал, что он уже тогда понимал глубже всех нас, что происходит в стране».

В декабре 1939 г. А. В. был вырван из научной жизни, призван на военную службу и отправлен в Хабаровский край. Даже там он сумел заниматься археологией, в частности, раскопал у с. Черемхово поселение мохэской культуры V–VI вв. н. э., непосредственно предшествовавшей возникновению первого манчжуро-тунгусского государства – Бохайского царства.

Летом 1941 г. Мачинский должен был демобилизоваться, но, как он и предполагал еще весной в одном из своих писем, ему пришлось ехать прямо на фронт, где он в звании младшего лейтенанта и погиб в марте 1942 г. Его письма из армии и с фронта были полны постоянными вопросами о здоровье, характере и развитии сына.

Когда началась Отечественная война, Н. А. Винберг отправила сына 6 июля в эвакуацию с детским садом (интернатом) Эрмитажа, затем сама поехала вслед за ним в деревню Искробол Ярославской области и в дальнейшем всю войну проработала в интернате сначала помощницей кухарки, потом воспитательницей. Из Искробола интернат Эрмитажа был эвакуирован 30 октября 1941 г. на пароходе «Короленко» по замерзающей Волге на Восток в Горький. Пароход получил пробоину, река стала окончательно замерзать. Горький бомбили – пришлось высадиться в Городце. Оттуда уже в декабре в промерзающих товарных вагонах с одной железной печкой («теплушках») добрались до Молотова (ныне Пермь), а затем до станции Ляды на реке Сылве, где интернат и провел оставшиеся два с лишним года. Н. А. подрабатывала преподаванием истории и немецкого языка в местной школе.

Когда Н. А. по окончании войны в июне 1945 г. вернулась в Ленинград, здесь ее ждали разрушенный до основания дом и погибающая библиотека ИИМК, располагавшаяся тогда на Менделеевской линии. Акты многочисленных проверок фиксируют ужасающее состояние фондов библиотеки – во время блокады имели место неоднократные затопления из-за лопнувшей канализации с последующим замерзанием и оттаиванием, много изданий было повреждено или погибло полностью.

В 1945 г. Н. А. стала заведующей библиотекой и возглавила деятельность по спасению ее фондов.

В это время на совещаниях дирекций БАН и ИИМК ставился вопрос о катастрофическом положении библиотеки ИИМК и о необходимости ликвидировать библиотеку, передав весь ее фонд в БАН. Наконец, было решено, что библиотека остается в ИИМК при условии просушки, дезинфекции и реставрации всех книг собственными силами. Под руководством и при непосредственном участии Н. А. эта тяжелейшая работа была проделана. Весной 1949 г. Институт и библиотека переехали в Ново-Михайловский дворец на Дворцовую набережную 18.

Для младших коллег и учеников Н. А. она была и остается образцом полной отдачи своему делу жизни, преданности библиотеке и ИИМК'у, требовательности к себе и своим сотрудникам. Ее деятельность на посту заведующей имела две стороны: административно-организационная работа и руководство созданием справочного аппарата библиотеки (каталоги и картотеки) и научно-библиографическая работа. В обеих этих сферах деятельности благодаря ее незаурядной энергии, собранности, организационным способностям, умению подбирать кадры, образованности и пониманию запросов времени библиотека ЛОИА-ИИМК превратилась в главную археологическую библиотеку страны, снабженную системой каталогов и картотек. Н. А. как администратор чутко улавливала те требования, которые развитие науки предъявляло или только собиралось предъявить библиотеке, заранее ставила перед вышестоящим начальством конкретные задачи и умела добиться поддержки своих начинаний.

Н. А. делилась своими планами с коллегами, предоставляла им определенную свободу в работе – мелкая опека была исключена. С ней можно было спорить, она умела выслушивать чужие мнения. Вместе с тем она бывала вспыльчива, несправедлива и порой сурова, но все это в интересах дела – так, как она его понимала. Она требовала, чтобы сотрудники ставили интересы работы превыше всего. В целом, оценивая обстановку в библиотеке в те очень напряжённые годы (1945–66 гг.), можно резюмировать, что она была деловая и творческая, в коллективе царила такая дисциплина, которую сегодня многим трудно себе представить. В те годы был заложен тот фундамент и создалась та атмосфера, которая позволяет коллективу библиотеки и по сей день продолжать все виды работ, начатые Н. А. Винберг.

В 1953–56 гг. была проведена полная инвентаризация всего фонда библиотеки. Не удовлетворясь этим, Н. А. добилась выделения средств для проведения полной рекаталогизации. Заново были созданы каталоги отечественных и иностранных монографий и периодики. К этой работе были привлечены высококвалифицированные специалисты, по окончании ее вошедшие в число постоянных сотрудников библиотеки. Среди них была известная исследовательница Ветхого Завета и Кумранских рукописей К. Б. Старкова, тогда не имевшая возможности работать по основной специальности; она стала одним из ближайших друзей Н. А.

Продолжалась работа над систематическим каталогом, первичная схема которого, разработанная ещё до войны, совершенствовалась в соответствии с развитием археологической науки. Создавались картотеки, включающие всю литературу, просмотренную библиографами: картотеки сотрудников ИИМК-ЛОИА, рецензий, Rossica, картотеки периодических и продолжающихся изданий и т.д.

По инициативе Н. А. Винберг был создан библиографический указатель «Советская археологическая литература»; первоначально погодные сводки литературы за 1950–53 гг. публиковались в 1953–59 гг. в «Советской археологии». Позднее под руководством и при личном участии Н. А. были изданы в 1959 г. и в 1965 г. два тома библиографии за 1941–57 гг. и за 1918–40 гг. Третий том библиографии за 1958–62 гг. вышел уже после ухода Н. А. на пенсию и экземпляр его был подарен ей с надписью: «Дорогой Нине Анатольевне – основателю этого издания от ее учеников-соавторов. 31. X. 69 г. А. Любимова, Р. Левина, Л. Всевиов, Т. Заднепровская». Издание томов библиографии продолжается и по сей день – в 2000 г. вышел 10-й.

Н. А. Винберг обучила и воспитала ряд высококвалифицированных библиографов и библиотекарей. Одна из них, так же без остатка отдававшая себя работе в библиотеке и недавно покинувшая нас Т. Н. Заднепровская вспоминает: «Хочу рассказать еще об одной библиографической инициативе Н. А., мало кому известной. В конце XIX в. в фундаментальных трудах В. И. Межова и братьев Ламбиных была учтена русская историческая (в том числе и археологическая) литература с 1800 г. по 1876 г. Продолжателем дела В. И. Межова в советское время стала Государственная публичная историческая библиотека в Москве. Будучи в командировке, Н. А. ознакомилась с работой исторической библиотеки в этом направлении. Под влиянием увиденного Н. А. увлеклась идеей создания карто-

теки археологических статей за 1877–1917 гг. К 1952 г. были расписаны все имеющиеся в библиотеке ЛОИА периодические археологические издания за эти годы – библиотека располагает почти полным их репертуаром. Карточки были расставлены в систематическом порядке, но дальнейшая работа была законсервирована, так как все силы были сосредоточены на работе с текущей литературой, объем которой возрастал от года к году.

Только в 1970-е гг. мне удалось вернуться к этой работе. К концу 1980-х гг. был подготовлен к печати указатель за 1900–1917 гг., который должен выйти в 2001 г. Эту работу я посвятила памяти Н. А. Винберг».

По инициативе Н. А., для комплектования библиотеки иностранной литературы был создан библиотечный совет ЛОИА, возглавлявшийся М. А. Тихановой.

Когда Н. А. Винберг в июне 1966 г. уходила на пенсию, в прощальном адресе от коллег и дирекции Библиотеки АН говорилось: «В послевоенные годы Вы возглавили эту библиотеку и сделали всё, чтобы превратить ее в гордость Института археологии и Библиотеки АН СССР». А в приветствии от друзей из Института археологии, под которым стоит 57 подписей, имеются такие слова:

«Прекрасная организация библиотеки, создание библиографических указателей, систематического каталога, вдумчивое комплектование библиотеки новыми изданиями – все это создало нам такие благоприятные условия работы с литературой, которых не имеют сотрудники ни одного гуманитарного учреждения в Советском Союзе».

Кроме «служения делу», течение жизни Н. А. определяли следующие постоянно воздействующие факторы:

Во-первых – воспитание единственного сына (который, как и его отец, стал историком-археологом), постоянная помощь ему, поддержка его во всех обстоятельствах. Позднее к этому прибавилось воспитание внучек. По независящим от Н. А. обстоятельствам, в воспитании старшей, Марины, она принимала участие лишь в первые годы жизни внучки. Зато младшая, Анна, которой Н. А. отдала много сил, времени и внимания, стала последней ее большой любовью.

Во-вторых – постоянный страх за сына в связи с грядущей войной, казавшейся Н. А. неизбежной. Кроме того – постоянный страх перед «органами», особенно в период вторичных репрессий в конце 40-х гг., страх, связанный с ее происхождением, биографией, контактами с заграницей, страх за то, что ее сын и мать останутся без единственного кормильца.

В-третьих – это очень тонизировавший ее дар дружбы-любви, дар страстного отношения к старым и новым друзьям, умение и потребность открывать душу немногим избранным и принимать их в свою душу со всеми их бедами и радостями.

В-четвертых – это музыка, постоянное посещение филармонии, собирание пластинок, чтение книг о музыке, постоянное размышление о ней. Ее отношение к классической музыке было сродни религиозному чувству, это был тот уровень бытия, где душа ее очищалась и воспаряла.

После выхода на пенсию Н. А. прочитала сыну стихи Э. Верхарна о заброшенном челноке у берега реки, в которой отражается небо:

«... Свободен стал челнок, он никому не нужен,
И всей земле чужой, он небом окружен».

Свершив дело своей жизни, передав его в надежные руки своих коллег-учеников, Н. А. попыталась жить, «окружив себя небом», то есть пребывая в мире музыки, философии и поэзии. Сохранились ее бесчисленные подробные конспекты разнообразных книг по философии и музыковедению, которые только можно было тогда достать, и записи собственных мировоззренческих размышлений.

Но быт со всеми его раздражителями, мелочами и обязанностями вторгался в ее бытие и не позволял долго пребывать на его высотах и в его глубинах. Впрочем, были и радостные изменения в течении жизни. Появилась возможность ездить к родственникам за границу, и дважды, в 1973 и 1979 гг. Н. А. побывала во Франции, восстановив родственные связи со всем кланом Оболенских, со своими друзьями детства и юности. А в 1976 г. у нее гостила двоюродная сестра Н. В. Оболенская, младшая дочь того самого князя, который невольно способствовал возникновению той самой «Искры»...

10 июня 1984 года в Троицу Нина Анатольева Винберг покинула наш уровень бытия, свершив всё, что могла, и провожаемая сыном, внучками, друзьями, коллегами.

Список печатных трудов Н. А. Винберг.

1. Вопросы советской отраслевой библиографии по археологии (Из опыта работы библиотеки ЛОИА АН СССР) // 200 лет Библиотеке Акад. наук СССР: сб. докладов юбил. научн. конф. Ноябрь 1964. М-Л: «Наука», 1965.С. 217–232.

2. Бібліографія по палеоліту УРСР // Палеоліт і Неоліт України. Київ, 1947. Т. 1. С. 409–429.

3. Указатель литературы по истории и археологии Парфии // Материалы ЮТАКЭ, Ашхабад, 1949. Вып. 1. С. 192–200.

4. То же. Дополнение 1. 1947–1952 // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1955. Т. 5. С. 192–196.

5. Список трудов В. В. Латышева. Материалы по биографии В. В. Латышева // Советская археология 1958. Т. 28. С. 36–53.

6. Советская археологическая литература за 1950 г. // Советская археология 1953. Т. 17. С. 329–375. Соавт.: В. Б. Ечеистова.

7. То же. За 1951 г. // Советская археология 1954. Т. 19. С. 351–390. Соавт.: Т. Н. Заднепровская.

8. То же. За 1952 г. // Советская археология 1955. Т. 22. С. 275–321. Соавт. Т. Н. Заднепровская.

9. То же. За 1953 г. // Советская археология 1957. Т. 27. С. 335–383. Соавт. Т. Н. Заднепровская.

10. То же. За 1954 г. // Советская археология т. 29/30. С. 297–345. Соавт. Т. Н. Заднепровская.

11. То же. За 1955 г. // Советская археология 1957. № 4. С. 234–273. Соавт. Т. Н. Заднепровская.

12. То же. За 1956 г. // Советская археология 1958. № 4. С. 258–306. Соавт. Т. Н. Заднепровская.

13. То же. За 1957 г. // Советская археология 1959. № 4. С.282–327. Соавт. Т. Н. Заднепровская.

14. Советская археологическая литература: Библиогр. указатель [т. 1]. 1918–1940. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Соавт. Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина, А. А. Любимова.

15. Советская археологическая литература: Библиогр. указатель [т. 2]. 1941–1957. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Соавт. Т. Н. Заднепровская, А. А. Любимова.

Т. Н. Заднепровская (†),
Р. Ш. Левина,
Д. А. Мачинский

ПАМЯТИ ДРУГА

15 июля 2001 года после тяжелой, внезапной и недолгой болезни ушел из жизни научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН Евгений Яковлевич Рогов.

Его смерть была неожиданной и глубоко потрясла всех, кто хотя бы отдаленно был с ним знаком.

Евгений Яковлевич был удивительно светлым и обаятельным человеком. В его характере гармонично сочетались такие обычно трудносоединимые черты, как доброта и снисходительность к людям и неизменная строгость к себе, доброжелательность и мягкость в общении и умение занимать и отстаивать принципиальные позиции, способность идти на разумные компромиссы, учитывать мнение окружающих и всегда иметь свое собственное, быть «несгибаемым» при решении важных вопросов. Как многие внешне открытые, неизменно ровные в общении люди, он обладал очень сильным характером и огромным запасом природного мужества – мы не можем вспомнить, чтобы, попав в сложную, порой в прямом смысле слова опасную ситуацию, он хоть раз не то чтобы впал в панику, но даже повысил голос. Многие, кому довелось с ним работать, прекрасно помнят, как быстро, решительно и смело он умел действовать, не боясь принимать на себя всю полноту ответственности. Все это давалось огромным напряжением внутренних сил – Евгений Яковлевич был человеком тонким, чутким, наблюдательным, наделенным богатым воображением.

Однако, знавшие его люди лучше всего, наверное, будут помнить его улыбку и то, как хорошо и искренне он умел смеяться. Подобно многим людям, которым довелось многое пережить, он прекрасно умел различать и ценить светлые стороны и светлые мгновения жизни и радоваться им всей душой.

Чувство юмора у Жени было феноменальным, реакция – стремительной, он всегда был душой компании, порой казалось, что его искрометная веселость бьет через край, заражая всех. Он прекрасно рассказывал смешные истории, в особенности те, которые произошли с ним самим. Дни археолога в экспедициях обычно не обходятся без выступления «художественной самодеятельности». В Тарханкутской экспедиции, где он проработал много лет, на день археолога часто готовились не просто юмористические представления, но даже оперы и балеты. Лучшим чтецом, певцом и танцором, конечно, был Женя.

Многие археологи любят петь, любил это и Евгений Яковлевич. Отдавая должное специфическому археологическому репертуару, он знал и прекрасно исполнял бардовские и русские народные песни. Среди последних предпочитал не самые веселые – «Окрасился месяц багрянцем», «По Муромской дороженьке стояли три сосны», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина». На это были свои причины.

Жизнь Евгения Яковлевича на всем ее протяжении – с момента рождения и до последнего дня – складывалась непросто, а порой и драматично. Есть такие «трудные» судьбы, когда каждый шаг, каждое движение вперед даются с незаслуженно большими издержками. То общее выражение, с которым Евгений Рогов следовал выпавшему ему жизненному пути, лучше всего можно определить как присущее ему одному веселое достоинство.

Евгений Яковлевич Рогов родился 28 мая 1951 года в г. Чудово Новгородской обл. Здесь, на железнодорожной станции Чудово Октябрьс-

Евгений Яковлевич Рогов.

кой железной дороги, работала старшим стрелочником его мать, Мария Ивановна Рогова, воспитавшая его. Из-за тяжелого материального положения семьи Женя рано пошел работать, первым его рабочим местом был тарный цех на фабрике «Пролетарское знамя» в родном городе, куда он устроился сколотчиком тары. Забегая вперед, скажем, что с этого времени началась его трудовая биография: в дальнейшем, уже в годы его обучения в Ленинградском Университете, в его трудовой книжке значатся такие профессии, как кровельщик, плотник 3 разряда, кочегар, дворник, уборщик…

В 1969 г. Е. Я. Рогов, окончив вечернюю школу, поступил на вечернее отделение исторического факультета ЛГУ, на кафедру археологии. Его обучение было на время прервано службой в рядах Вооруженных сил. Он служил на Черноморском флоте, матросом на одном из судов. Вскоре после демобилизации и возвращения в Ленинград он женился на своей сокурснице Любе, родился старший сын Иван… В эти же годы произошло и еще одно знаменательное событие, во многом определившее его творческую судьбу.

В 1971 г. Е. Я. Рогов впервые был включен в состав Тарханкутской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) под руководством А. Н. Щеглова, работавшей в северо-западном Крыму, на хоре Херсонеса Таврического. Эта экспедиция, проводившая раскопки поселения и некрополя Панское, многие годы была настоящей «школой кадров» для археологов-античников благодаря высокому научному и методическому уровню проводимых раскопок и царившей здесь особой атмосфере. Там можно было и многому научиться, и применить на деле уже имевшиеся навыки и знания. Работа и общение в Тарханкутской экспедиции были в равной степени интересны, увлекательны и полезны. За годы ее работы здесь трудились такие теперь уже сложившиеся исследователи, как О. Ю. Соколова, Л. Б. Кирчо, Е. В. Бобровская, С. Ю. Монахов, А. Ю. Алексеев, В. Ф. Столба, О. В. Шаров, С. В. Кашаев и многие, многие другие.

В течение целого ряда лет Е. Я. Рогов возглавлял курганный отряд Тарханкутской экспедиции. А. Н. Щеглов стал его научным руководителем, а херсонесская проблематика стала ведущей составляющей в сфере его профессиональных интересов. К материалам, полученным в результате многолетних исследований некрополя Панское, он обращался постоянно на протяжении всей дальнейшей жизни – они рассматривались в его курсовых и дипломной работах, а позже были положены в основу его кандидатской диссертации. Первая научная публикация Е. Я. Рогова относится к 1974 г., когда он, в то время еще студент, стал одним из авторов информации о раскопках на Панском в ежегоднике «Археологические открытия».

Авторы этих строк не без гордости могут вспомнить, что первые попытки самостоятельного осмысления древней истории Северного Причерноморья они предпринимали вместе с Женей. Началось это на студенческом семинаре под руководством А. Н. Щеглова, потом продолжалось в беседах за чашкой кофе и т. п. Разговоры вылились в написание совместных статей, одну из которых – «Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов» – написанную вскоре после окончания ЛГУ, Евгений Яковлевич всегда считал нашей удачей.

После окончания Университета в 1976 г. Е. Я. Рогов несколько месяцев проработал лаборантом в Азовском музее, затем стал лаборантом ЛОИА, работая по договорам. В 1978 г. он был переведен в постоянный штат Института на должность старшего лаборанта. В этой скромной должности, по странной иронии судьбы, ему довелось проработать много лет. Между тем, объем выполняемых им работ рос с каждым годом. Ширился круг экспедиций, в которых он принимал активное участие. Кроме Тарханкутской, в которой Е. Я. Рогов продолжал регулярно работать до 1987 г., к их числу относятся Каах-

кинская (1979–1984), где несколько лет он был заместителем начальника экспедиции, и Южно-Донская (1981–1985).

Евгений Яковлевич был блестящим полевиком. О его работе в поле, в экспедициях, ходят легенды. Ему «неформально» (помимо тех случаев, когда его авторство официально зафиксировано) принадлежит целый ряд ярких археологических открытий. Одно из самых интересных – боспорская колония на скифском Елизаветовском поселении в дельте Дона. Он первый выявил на этом памятнике фрагмент греческой застройки, «отстоял» его в жестком споре с К. К. Марченко, убедил последнего начать изучение этих загадочных тогда строительных остатков…

В 1987 г. старший лаборант Е. Я. Рогов становится начальником Нижне-Бугской экспедиции ЛОИА, «держателем» собственного Открытого листа. По этому поводу специально обращались в Полевой комитет киевского Института археологии, выдававшего в те годы разрешения на археологические раскопки на территории Украины. Зная о высокой квалификации Е. Я. Рогова, киевские коллеги в виде исключения выдали Открытый лист на имя лаборанта. Нижне-Бугская экспедиция в течение нескольких сезонов проводила исследования сельскохозяйственных поселений Ольвийской хоры; под руководством Е. Я. Рогова изучался целый ряд памятников, в том числе было полностью раскопано поселение Козырка XII.

Сложившаяся ситуация, парадоксальная даже для нашего Института, вызывала справедливое беспокойство его непосредственных начальников, сначала А. Я. Щетенко, возглавлявшего существовавшую в то время Лабораторию камеральной обработки материалов, позже – Ю. В. Андреева. Вот отрывок из характеристики, написанной А. Я. Щетенко к переаттестации сотрудников Института в 1989 г. : «Должность, которую занимает Е. Я. Рогов, не соответствует научному потенциалу, который им накоплен; первый долг администрации – ликвидировать это несоответствие». А вот выдержка из докладной записки А. Я. Щетенко, датированной 1991 г.: «Е. Я. Рогов… выполняет объем работ, значительно превосходящей все лаборантские нормы».

Еще на переаттестации 1986 г. поднимался вопрос о переводе Е. Я. Рогова на должность младшего научного сотрудника. Полагаю, что это следует сделать на этой аттестации, а также увеличить надбавку к его должностному окладу». Однако, все по-прежнему оставалось без изменений.

Младшим научным сотрудником Е. Я. Рогов стал лишь в 1992 г., когда после расформирования Лаборатории камеральной обработки он был переведен в Отдел истории античной культуры. Теперь о его дальнейшем продвижении по служебной лестнице стал беспокоиться Ю. В. Андреев, возглавлявший в те годы Отдел. Вот что он писал в «представлении» для аттестации сотрудников, проходившей в 1993 г.: « Е. Я. Рогов является автором более 30 печатных работ, за последние пять лет им опубликовано 14 статей и заметок. Он участвует в работе конференций и совещаний по античной тематике…. Им подготовлено к защите диссертационное исследование по теме: «Некрополь Панское и его место среди некрополей Северного Причерноморья». На основании вышеизложенного, прошу аттестовать Е. Я. Рогова и перевести его на должность научного сотрудника, так как он не соответствует занимаемой должности».

Однако, лишь в конце 1997 г. Е. Я. Рогов был переведен на должность научного сотрудника 11 разряда.

В 1998 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию, давно им подготовленную, защита которой многократно откладывалась по формальной причине – провала на экзамене по истории марксистско-ленинской философии.

Последние годы своей жизни Е. Я. Рогов прожил удивительно активно, интересно и плодотворно. Складывается впечатление, что в своем ярком творческом развитии он «вышел на новый виток», что настала пора максимальной реализации огромного потенциала его личности. Сфера приложения его творческих сил была необычайно широка, включая в себя научную и экспедиционную деятельность, самые разнообразные организационные задачи… Он удивительно много писал; по рассказам его родных и близких, каждую свободную минуту стремился провести за компьютером. Им была подготовлена к публикации монография, посвященная некрополю поселения Панское 1, начата книга о знаменитом херсонесском склепе 1012, постоянно готовились и сдавались в печать статьи, которые будут продолжать выходить уже после его смерти…

Всю свою жизнь Евгений Яковлевич посвятил бескорыстному служению науке и, прежде всего, изучению античных древностей Северного Причерноморья – Херсонеса, Ольвии и Боспора Киммерийского. Он всегда уделял большое внимание варварским влияниям на античную культуру региона, прекрасно их ощущая, «вычленяя» и интерпретируя все их проявления. Вместе с тем Женя сохранял в душе почти детский восторг перед «светлым храмом» классической древности. Он мог подолгу любоваться, по его словам, «дивными» росписями краснофигурных ваз или, казалось бы, обыкновенными терракотовыми статуэтками. При осмотре музейных экспозиций он с трудом отрывался от лицезрения архаических куросов и кор. Во время посещения Афинского Акрополя в 1996 г., по его признанию, у него дрожали колени, «хотелось пасть ниц перед творениями человеческого гения».

В последние годы он много выступал с докладами на самые разные темы – складывалось впечатление, что ему постоянно хочется делиться с коллегами результатами своей работы. Даже на празднование своего 50-летия в Отделе истории античной культуры ИИМК, проходившем 1 июня 2001 г., он попросил слова для научного выступления и сделал прекрасный доклад об интерпретации водоема, открытого при исследовании Херсонеса.

В числе экспедиций, в которых он принимал участие в последние годы, нельзя не упомянуть работы на Тамани, где он руководил исследованиями античных поселений Артющенко-2 и Вышестеблиевская-11 на хоре древней Гермонассы. Именно он осознал назревшую необходимость для питерских археологов начать полевые работы на территории Краснодарского края, его организаторским способностям мы обязаны тем, что эти работы были начаты и имеют хорошие перспективы для дальнейшего развития.

Его действия в поле, на раскопках, всегда были вдохновенны и артистичны. Было захватывающе интересно следить за тем, как он «читает» памятник. Его археологическая квалификация в последние годы высоко ценилась и нашими иностранными коллегами. Несколько сезонов Е. Я. Рогов проработал на хоре своего любимого Херсонеса, в качестве полевого директора экспедиции в рамках проекта «Археологический парк на Гераклейском полуострове», организованной Техасским Университетом (США), успешно сотрудничал на Тамани с немецкими учеными из Археологического центра Вестфальского Университета в Мюнстере. Он задумал написать книгу о методах полевых исследований в современной классической археологии, где собирался показать, как успешно можно сочетать метод исследования «археологическими контекстами», распространенный сейчас на Западе, с достижениями отечественной науки, прежде всего, с методом работы «большими площадями». Жаль, что и это будет сделано уже не им, одним из лучших российских полевиков.

Он был очень деятельным, открытым и контактным человеком, сознававшим, что настало время работать не только для себя, но и для других, понимал, насколько важна сейчас деятельность, направленная на объединение творческих усилий – и в масштабах нашего Отдела, и в рамках античной археологии в целом. У него всегда было чутье на «живые», нужные дела. Говоря о делах такого плана, невозможно не вспомнить, например, конференцию «Боспорский феномен», организации которой он уделял много внимания и участвовал в заседаниях, оживляя их докладами, выступлениями, блеском глаз и улыбки, во-время сказанными меткими и веселыми словами.

К сожалению, словами невозможно передать ни бесконечное обаяние личности Евгения Яковлевича Рогова, ни боль постигшей нас утраты. Вскоре после его ухода из жизни, когда спонтанно в разговоре возник вопрос, можно ли назвать его счастливым человеком, один из хорошо знавших его людей сказал: «Я думаю, что да – у него были прекрасная семья, любимое дело и хорошие друзья».

Хочется верить, что это так. Нам радостно, что нам выпало счастье знать этого человека, многие годы проработать с ним рядом. Нам бесконечно горько, что его больше нет с нами. Написанные строки дались нам с большим трудом, многие из них рождались со слезами на глазах.

М. Ю. Вахтина,
Ю. А. Виноградов

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА КОЗЛОВА (21.01.1952–21.09.2001)

Ушел из жизни Владимир Иванович Козлов. Ушел слишком рано и совершенно неожиданно, всего лишь четыре месяца не дожив до своего 50-летия. Российская археологическая наука потеряла фанатично преданного ей человека, настоящего энтузиаста, для которого профессиональная деятельность была самым главным делом жизни.

В. И. Козлов родился 21 января 1952 г. В 1978 г. он окончил Исторический факультет Воронежского государственного университета, и с 1979 по 1986 гг. работал младшим научным сотрудником в Одесском археологическом музее АН Украинской ССР. С 1986 г. и до последних дней жизни он являлся младшим научным сотрудником Отдела Центральной Азии и Кавказа

Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

Сферой основных научных интересов Владимира Ивановича была археология и история раннесредневековых обществ Степного Причерноморья и Балканского полуострова, южных и восточных славян, восточных романцев и номадов. Его перу принадлежит целый ряд серьезных научных статей, опубликованных в том числе и за границей (в Венгрии и Германии). 15 января 1992 г. на заседании Ученого совета ИИМК РАН он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала IX веков н. э. (Балкано-Дунайская культура)».

В. И. Козлов принимал участие в работе археологических экспедиций Одесского археологического музея и Днестровско-Дунайской экспедиции Института археологии Национальной Академии наук Украины, а также активно трудился во многих экспедициях ИИМК РАН – Каракумской, Бактрийской, Кубанской, Староладожской и др. Репутацией высококвалифицированного археолога-практика пользовался он и среди коллег из дальнего зарубежья. Так, в 1997 и 1998 гг. по приглашению югославской стороны он участвовал в раскопках остатков базилики св. Архангела Михаила (X–XII вв.) на о. Превалка в Которском заливе (Черногория), исследовал некрополь V в. н. э. и слои IV–XX вв. в монастыре Твордош возле г. Требинье (Сербия), а также средневековый культовый комплекс в с. Милевино (Сербия). Владимир Иванович с очень большим уважением и теплотой относился к свободолюбивому сербскому народу и его истории и мечтал о продолжении своих работ в Югославии, прерванных обострением военно-политической обстановки на Балканах. Как оказалось, не судьба… Важно упомянуть, что уже после смерти В. И. Козлова на его имя в ИИМК РАН из Германии пришло приглашение принять участие в 2002 г. в полевых исследованиях в Болгарии.

Все те, кто когда-либо работали рядом с Владимиром Ивановичем Козловым, могли воочию убедиться, как самозабвенно любил он археологию и с какими тщательностью и мастерством проводил раскопки возглавляемых им объектов, независимо от места их расположения – будь они на юге Украины, в Ленинградской области, на юге Туркменистана и Узбекистана или же в Югославии. Необходимо также отметить и такие его человеческие качества, как доброта, трудолюбие, чуткость и отзывчивость по отношению к товарищам и коллегам. Пусть таким он и останется в нашей памяти.

Д. Абдуллоев,
В. П. Никоноров

БИБЛИОГРАФИЯ

РАБОТЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЗАРУБЕЖОМ (1941–1991 гг.)[1]

Кабо В. Р.

884. – Nature and knowledge of primitive man // Khao co hoc. 1982. № 2: 71–72. Вьет.

885. – The origins of the food-producing economy // CAnt. 1985. Vol. 26, № 5: 601–609, 613–616. Библиогр.: 614–616.

886. – Die Struktur des urwüchsigen gesellschaftlichen Bewusstseins // EAZ. 1982. Bd. 23, H. 3: 385–408. Библиогр.: 406–408.

Кадырбаев М. К.

887. – Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Altertum. 1981. Bd. 27, H. 1: 29–37: ил.

Каждан А. П.

888. – Byzanz und siene Kultur. – Berlin: Akad.-Verl., 1973. – 201 с.: ил. – Библиогр.: 187–189.

889. – Um die Grenze zwischen Altertum und Mittelalter in Europa // Das Altertum. 1967. Bd. 13, H. 2: 108–113.

890. – Vor den Mauern zon Zargrad // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 4: 224.

См. также №: 1257.

Казаков Е. П.

891. – Взаимодействие уральских племен с населением Волжской Болгарии // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 36.

892. – О болгаро-салтовском компоненте в погребальных инвентарях ранней Волжской Болгарии // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2: 127–132: ил.

893. – О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии (VIII–X вв.) по новым археологическим данным // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София: Бълг. Акад. на науките, 1984: 125–128: ил.

894. – О типологии и периодизации древностей Волжской Болгарии VIII–X вв. // Междунар. конгр. по българистика; 1. Симпоз. Славени и прабългари. София: Бълг. Акад. на науките, 1982: 388–391.

895. – La cimetière de Tankeevka // StA. 1977. T. 6: 21–221: ил.

Соавт.: Халикова Е. А.

896. – Die Keramik vom Saltovo-Typ aus dem mittleren Wolgagebiet // VAH. 1990. T. 3: 137–169: ил. Библиогр.: 169.

Соавт.: Халиков А. Х., Хузин Ф. С.

Казакявичюс В. К.

897. – Motifs of animal decorative pattern on bindings of the 5th – 6th century drinking horns from Plinkaigalis burial ground (Lithuania) // FM. 1987. Årg. 94: 45–63: ил. Библиогр.: 62–63.

898. – A rare animal-headed cross-bow brooch from Plinkaigalis in Lithuania // Fornvännen. 1983. Årg. 78: 189–196: ил. Библиогр.: 196.

Казарян Г. П.

899. – An ethnical interpretation of Mousterian tool functions // Aun. 1990. № 14: 103–112: ил. Библиогр.: 111–112.

Каландадзе А. Н.

900. – Palaeolithic finds in Georgia // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ. 1966. Vol. 3, № 1: 155–165: ил. Библиогр.: 163–165.

См. также №: 227.

Калинина И. В.

901. – Néolithique: les chasseurs-pêcheurs du Nord et de la Sibérie // Avant les Scythes: Préhistoire de l'art en URSS. Paris: Rénunion des Musées Nationaux, 1979: 53–56, 67–74: ил.

Соавт.: Микляев А. М.

[1] Продолжение. Начало см.: Археологические Вести. 2002. № 9.

Каменецкий И. С.

902. – Helltonige Amphoren vom Siedlungsplatz bei Nishne-Gnilowskoj // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 2: 109.

903. – К teorii kulturni vrstvy // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 27–47: ил.

Канивец В. И.

904. – *The Northenmost Palaeolithic sites in the USSR // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 364.

Соавт.: Тимофеев Е. М.

Каниметов А. К.

См. №: 580.

Капанадзе Д. Г.

905. – О находках европейских монет XV–XVIII вв. на территории Грузии // MKAS; 1. Wrocław: Ossolineum, 1968. T. 6: 178–184.

Капошина С. И.

906. – A Sarmatian royal burial at Novocherkask // Antiquity. 1963. Vol. 37, № 148: 256–258.

Кароматов Ф. М.

См. №: 501.

Карсаевская Т. В.

907. – Some historic aspects of the changes in human deseases // Anthropologie (Brno). 1975. T. 13, № 3: 197–205. Библиогр.: 205.

Соавт.: Шаталов А. Т.

Карышковский П. О.

908. – The gold coinage of King Pharnaces of the Bosporus // NumChron. 1972. Vol. 12: 25–43: ил.

Соавт.: Голенко К. В.

Каспарова К. В.

909. – Памятники рубежа нашей эры в Белорусском Полесье. Новые исследования могильников Велемичи II и Отвержичи // MKAS; 1. Wrocław, 1969. T. 2: 258–267: ил.

910. – Славяните от Левия бряг на Украйна от VIII до X в. // Съкровище на хан Кубрат. София, 1989: 54–61: ил.

911. – Славянски паметници от поречието на Буг и Днепр от VI до VII в. // Съкровище на хан Кубрат. София, 1989: 23–26: ил.

Соавт.: Щукин М. Б.

912. – Хазаро-славянската крепост Саркел-Белая Вежа // Съкровище на хан Кубрат. София, 1989: 71–88: ил.

Соавт.: Львова З. А.

Кастанаян Е. Г.

913. – Порфмий // Travaux du Centre d'archéologie méditerranéen de l'Acad. Polonaise des sciences. 1983. T. 26; Études et travaux; 13: 162–168: ил.

914. – Wspomnienie o Wiktorze F. Gajdukiewiczu (1904–1966) // Archeologia (Wrocław). 1967. Vol. 18: 255–257.

Касымов М. Р.

915. – Древнейшие шахты по добыче кремня в Узбекистане // CISPP; 7. Prague, 1970. T. 1: 143–145.

Рец.: Gurba J. // KHKM. 1971. R. 19, № 3: 513.

Каухчишвили Т. С.

916. – Die Berichte des Hippokrates über Georgien // BiblClOr. 1967. Jg. 12, H. 2: 72–73.

917. – Strabon und das alte Georgien // Philologus, 1978. Bd. 122, H. 1: 68–87.

Кафадарян К. Г.

918. – Architecture de la ville d'Arghištinili // Simpos. intern. di arte Armena; 1. Venezia, 1978: 197–206, 3 л. ил. Библиогр.: 206.

Кац В. И.

919. – The Amastrian stamped pottery // Archeologia (Wrocław). 1989. T. 40: 15–28: ил.

Соавт.: Павленко В. И., Щеглов А. Н.

Кацнельсон И. С.

920. – Аркамон (Эргамен) и ритуальное убийство царя в Куше // Klio. 1968. Bd. 50: 29–38.

Качалова Н. К.

См. № 578.

Качарава Д. Д.

921. – Очамчире и его окружение в 8–5 вв. до н. э. // La mer Noire et le monde méditerranéen: Symp. intern; 1. Sozopol, 1979: 19–20. (Thracia Pontica; 1).

Соавт.: Квирквелия Г. Т.

922. – Archaeological investigations on the Eastern Black Sea littoral, 1970–80 // ARep. 1983/1984 (1984): 98–101: ил.

923. – Archaeology in Georgia 1980–1990: Postprehistoric to Pre-Medieval // ARep. 1990/1991 (1991): 79–86: ил.

924. – L'importation de céramique peinte noire lustrée à Vani: VI–IV siècles // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 275–278: ил.

Кашкай С. М.

925. – General outlines of the material culture of the Nakhichevan zone and of Iranian Azerbaidjan: End of the second – beginnings of the first millennium B. C. // ActaAntHung. 1974. T. 22, F. 1/4: 349–351.

926. – Zu einigen ähnlichen Erscheinungen in der materiellen Kultur des Bezirks Nachitschewan (Aserb. SSR) und des iranischen Aserbaidschan am Anfang des I. Jahrtausends v. u. Z. // Intern. Tagung der Keilschriftforscher der socialis-tischen Länder. Budapest, 1974: 42–43.

Квирквелия Г. Т.

927. – La région de Vani aux VIII–V siècles // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 253–256.

См. также №: 921.

Кебуладзе Р. В.

928. – Europäische Münzen im Geldumlauf Georgiens vom 15. bis 18. Jahrhundert // HambBeitrNum. 1970/1972. H. 24/26 (1977): 151–162.

Кеменов В. С.

См. №: 582.

Кигурадзе Т. В.

929. – Neolithische Siedlung von Kvemo-Kartli, Georgien - München: Beck, 1986. – 118 с., 2 л. ил.: ил. – (AVA-Materialien; 29). – Библиогр.: с. 114–116.

См. также №: 698.

Ким А. П.

930. – Anthropological composition of the Barabinsk Tatars: On the question of Ugro-Samodian links: craniological research // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 166.

Кинд Н. В.

931. – *Les variations climatique et les glaciations en Sibérie au quaternaire supérieur: Chronologie absolute par le C^{14} // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 94.

Кипиани Г. Г.

932. – L'architecture des V–IV siècles à Vani // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 267–268: ил.

См. также №: 60.

Кирпичников А. Н.

933. – *Вооружение Руси IX–XIII вв. // Ex oriente lux ofers en hommage au prof. J. Blankoff. Bruxelles, 1991. Vol. 1: 161–189.

934. – Защитное вооружение. – Graz: Akad. Druck.- u. Verlagsanstalt, 1981. – 81 с., 7 л. ил. – (Glossarium armorum. Arma defensiva; [2]).

Соавт.: Хлопин И. Н.

935. – Каменное оборонительное строительство на границах раннефеодальной Руси // CIAS; 3. Bratislava, 1979. T. 1: 427–435: ил.

936. – Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. // MKAS; 1. Wrocław, 1970. T. 5: 336–351: ил. Библиогр.: 351.

937. – О времени появления шпоры со звездочкой на территории Древней Руси // КНКМ. 1973. R. 21, № 2: 299–304: ил.

938. – О единообразии в изготовлении русских средневековых артиллерийских орудий и их классификации // FascAHist. 1988. F. 2: 29–48: ил.

939. – *Финно-угорские племена в составе Древней Руси: Некоторые проблемы археол. исследований // CIFU; 5.Turku, 1981: 328.

Соавт.: Рябинин Е. А.

940. – Финно-угорские племена и Древняя Русь: В свете новых исследований // FascAHist. 1990. F. 4: 7–25.

Соавт.: Рябинин Е. А.

941. – Рез.: Les armes de la Russe Médiévale (en russe). – M.; L., 1966. Vol. 1–2. // Gladius. 1967. Vol. 6: 95–101: ил.

942. – Connections between Russia and Scandinavia in the 9th and 10th centuries, as illustrated by weapon finds // Varangian problems. Copenhagen: Munksgaard, 1970: 50–76: ил.

943. – Рез.: Drevnerusskoe oruzie.- Leningrad, 1971. – (Archeologia SSSR. SAI; EI–36, Vol. 3) // Gladius, 1972. T. 10 (1973): 114–117.

944. – Die Feldschlacht in Altrussland (IX–XIII Jh.) // Gladius. 1970. T. 9: 31–51: ил.

945. – Finnougrische Volkstämme und Nordrussland: Vom Standpunkt neuer Forschungen // FScandA. 1987. Vol. 4: 49–72. Библиогр.: 69–72.

Соавт.: Рябинин Е. А.

946. – Das frühmittelalterliche Ladoga im Lichte der neuesten Forschungen // Das Altertum. 1987. Bd. 33, H. 1: 54–61: ил.

Соавт.: Петренко В. П., Рябинин Е.А.

947. – Det gamle Ladoga: Kronik af A. N. Kirpitjnikov // Skalk. 1988. № 3: 18–24: ил.

948. – *Neue bauarchäologische Forschungen zu den Stadtfestungen Nordwestrusland // Stadtbau Kunst im Mittelalter. Berlin, 1990: 104–111.

949. – Old Ladoga dirhems // Iskos. 1990. Vol. 9: 63–67.

950. – Oreszek. Rezultaty badac historyczno-archeologicznych miasta i twierdzy na jez. Jadoga // KHKM. 1971. R. 19, № 4: 679–688: ил.

951. – Pleskau nach dem Zeugnis ausländischer Berichte und Abbildungen des 16. Jahrhunderts // Visby – Colloquium des Hansischen Geschichtsvereins. Köln; Wien, 1987: 129–139.

952. – Reports of foreign writers and travellers on the 16th century Pskov and Russia // Iskos. 1984. № 4: 179–182. Библиогр.: 182.

953. – Russische Helme aus dem frühen Mittelalter // WK. 1973. Bd. 15, H. 2: 89–98: ил.

954. – Russische Körper-Schutzwaffen des 9. – 16. Jahrhunderts // WK. 1976. Bd. 18, H. 1: 22–37: ил.

955. – Russische Waffen des 9. – 15. Jahrhunderts // WK. 1986. Bd. 28, H. 1/2: 1–22, 85–130: ил.

956. – Die Russischen Waffen des 9. – 13. Jahrhunderts und orientalische und westeuropäische Einflüsse auf ihre Entwicklung // Gladius. 1968. T. 7: 45–74: ил.

957. – Russisk-skandinaviske forbindelser i IX–XI århundrede, illustreted ved vebenfund // Kuml. 1969 (1970): 165–189: ил.

958. – [Рез.]: Snaraženie vsadnika i verschogo konja na Rusi IX–XIII vv. – Leningrad, 1973. – 140 с. – (Archeologia SSSR. SAI; E I– 36) // Gladius, 1972. T. 10 (1973): 100–103.

959. – Der sogenannte Säbel Karls des Grossen // Gladius. 1972. T. 10 (1973): ил.

960. – Stadt und Gebiet Ladoga zur Zeit des frühen Mittelalters // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 141–156. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22).

961. – Staraja Ladoga / Alt Ladoga und seine überregionalen Beziehungen im 8. – 10. Jahrhundert: Anmerkungen zur Verbreitung und Verwendung von Dirhems im eurasischen Handel // BergRGK.1988. Bd. 69: 307–337: ил.

962. – Steinfestungen Nordrusslands aus der Sicht der neueren bautechnisch-archäologischen Forschungen // Burgen u. Schlösser. 1983. Jg. 24, H. 2: 66–78: ил.

См. также №: 701.

Кирчо Л. Б.

963. – The beginning of the Early Bronze Age in Southern Turkmenia on the basis of Altyn-depe materials // East a. West. 1988. Vol. 38: 33–64: ил. Библиогр.: 63–64.

964. – *Cultural development in formative period of early urban civilization: By dates excavation of Altyn-depe // Man a. environment (Poona). 1985. Vol. 9: 113–122: ил.

965. – The problem of the origin of the Early Bronze Age culture of Southern Turkmenia // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York, 1981: 96–106: ил. Библиогр.: 105–106.

966. – Seals and their imprints in the early agriculture assemblages: New materials from Southern Turkmenia // VAH. 1989. Vol. 2: 123–129: ил.

967. – Die weibliche Gottheit bei der frühen Bodenbauern Südturkmeniens // Das Altertum. 1986. Bd. 32, H. 1: 49–52: ил.

Кияткина Т. П.

968. – Paläoanthropologische Forschung in Tadshikistan // Das Altertum. 1978. Bd. 24, H. 4: 246–250.

См. также № 1467, 1482.

Клейн Л. С.

969. – Глиняные модели колес эпохи бронзы в Северном Причерноморье // AErt. 1963. K. 90, Sz. 1: 61–63.

970. – Рец.: Häusler A. Die Gräber der älteren Okergrabkultur zwischen Ural und Dnepr. Halle, 1974 // EAZ. 1978. H. 2: 227–242: ил. Библиогр.: 240–242.

971. – Рец.: Sulimirski T. Prehistoric Russia: An outline. London, 1970 // PPS. 1974. Vol. 40: 211–214. Библиогр.: 214.

972. – Archaeological tipology. – Oxford, 1982. – 321 с.: ил. – (BAR. Intern. ser.; 153). – Библиогр.: 292–321.

Рец.: 1. Cleuziou S. // Nouvelles de l'archéologie. 1983. № 11: 100.

2. Eggert Manfred K. H. // BJb. 1985: 541–544.

973. – Archaeology in Britain: A Marxist view // Antiquity. 1970. Vol. 44, № 176: 297–303. Библиогр.: 303.

974. – Archaeology of the 1980s through the objectives of the 1970s // NAR. 1980. Vol. 13, № 1: 9–13. Библиогр.: 13.

975. – Archeologická teorie // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 221–232. Библиогр.: 230–232.

976. – Arheološka tipologija. – Ljubljana, 1988. – 577 с.: ил. – (Studia humanitatis). – Библиогр.: 534–562.

Рец.: Pleterski A. // PZ. 1992. Bd. 67, H. 2: 243–244.

977. – Arheološki viri. – Ljubljana, 1987. – 172 с. – (Studia humanitatis).

978. – Die Ausbildung von Archäologen in der UdSSR // EAZ. 1972. Jg. 13, H. 3: 443–456. Библиогр.: 456.

979. – A brief validation of the migration hypothesis with the respect to the origin of the Catacomb culture // Soviet Anthropology a. Archaeology. New York, 1963. Vol. 1, № 4: 27–36.

980. – The coming of Aryans: Who and whence? // Bull. of the Deccan College a. Research Inst. Puna, 1984. Vol. 43: 57–69, 3 л. ил. Библиогр.: 67–69.

981. – Comments: Baity E. C. Archaeoastronomy and ethnoastronomy so far // CAnt. 1973. Vol. 14, № 4: 433–434.

981a. – Comments: Berreman G. D. Is anthropology alive? Social responsibility in social anthropology; Gjessing G. The social responsibility of social scientist // CAnt. 1968. Vol. 9, № 5: 415–417.

982. – Comments: Ross J.-K. Social borders: Definitions of diversity // CAnt. 1975. Vol. 16. № 1: 66–67.

983. – Comments: Stoltman J. B. Temporal models in Prehistory: An example from Eastern North America // CAnt 1978. Vol. 19, № 4: 732–734.

984. – Comments: Velde P.,van de . The social anthropology of a Neolithic cemetery in the Netherlands // CAnt. 1979. Vol. 20, № 1: 53–55.

985. – Die Donez-Katakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur // Veröff. des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle. 1969. Bd. 24: 275–285: ил. Библиогр.: 284–285.

986. – Die Ethnogenese als Kulturgeschichte, archäologisch betrachtet: Neue Grundlagen // Beitr. zur Ur- u. Frühgeschichte. Berlin, 1981. Bd. 1: 13–25. (Arb.- u. Forschungsber. zur sachsischen Bodendenkmalpflege; 16).

987. – Ethnos und Kultur auf dem Symposium Erevan 1978 // EAZ. 1981. Bd. 22, H. 1:85–101. Библиогр.: 98–101.

988. – Die Konzeption des «Neolithikums», «Äneolithikums» und der «Bronzezeit» in der archäologischen Wissenschaft der Gegenwart // WissBeitrHalle. Reihe L. 1972. Bd. 7: 7–29.

989. – Kossinna im Abstand von 40 Jahren // JSchrVgHalle. 1974. Bd. 58: 7–55. Библиогр.: 50–55.

990. – Marxism, the systematic approach and archaeology // The explanation of culture change: Models in Prehistory.[London]: Duckworth, 1973: 691–710. Библиогр.: 707–710.

991. – Das Neolithikum Europas als ein Ganzes // JSchrVgHalle. 1976. Bd. 60: 9–22. Библиогр.: 20–22.

992. – On the building of a theoretical archaeololgy // CAnt. 1980. Vol. 21, № 4: 521–526. Библиогр.: 525–526.

993. – On major aspects of the interrelationship of archaeology and ethnology // CAnt. 1973. Vol.14, № 3: 311–320. Библиогр.: 319–320.

994. – On theory in archaeology: A response // CAnt. 1978. Vol. 19. № 1: 162–164. Библиогр.: 164.

Рец.: Brüggemann J. K. Further comment on Klejn's «Theoretical archaeology» // CAnt. 1978. Vol. 19, № 1: 164–166. Библиогр.: 166.

995. – On trade and cultural process in Prehistory // CAnt. 1970. Vol. 11, № 2: 169–171. Библиогр.: 174–175.

996. – A panorama of theoretical archaeology // CAnt. 1977. Vol. 18, № 1: 1–42. Библиогр.: 31–42.

Рец.: 1. Gjessing G. More on Klejn's archaeological panorama // CAnt. 1978. Vol. 19, № 3: 632–633. Библиогр.: 633.

2. Trigger B. No longer from another planet // Antiquity. 1978. Vol. 52, № 206: 193–198. Библиогр.: 198.

997. – Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung. Polemische Bemerkungen zur Integration der Archäologie mit der schriftlichen Geschichte und Sprachwissenschaft bei der ethnischen Deutung des Fundgutes // EAZ. 1974. Jg. 15, H. 2: 223–254. Библиогр.: 253–254.

998. – Reiche Katakombengräber // EAZ. 1968. Jg. 8, H. 3: 210–234. Библиогр.: 232–234.

999. – A Russian lesson for theoretical archaeology: A reply // FScandA. 1991. Vol. 8: 67–71. Библиогр.: 71.

1000. – Soviet archaeology and the role of the Vikings in the early history of the Slavs // NAR. 1973. Vol. 6, № 1: 1–4. Библиогр.: 4.

1001. – Theoretical archaeology in the making: A survey of books published in the West in 1974–1979 // FScandA. 1990. Vol. 7: 3–15. Библиогр.: 13–15.

1002. – Über typische Verfahren der gegenwärtigen Kritik am Marxismus in der Archäologie // EAZ. 1970. Jg. 11, H. 3: 333–350. Библиогр.: 348–350.

1003. – Was ist eine archäologische Kultur? Zu einigen grundlegenden Begriffen der Archäologien in Lichte der Leninschen Wiederspiegelungstheorie // EAZ. 1971. Jg. 12, H. 3: 321–346.

Berichtigungszusatz // EAZ. 1972. Jg. 13, H. 3: 367–368.

1004. – Zagadka grobow katakumbowych rozwiazana? // Z otchłani wieków. 1967. R. 33, Z. 4: 212–222: ил.

1005. – Zum Problem der Aussonderung und Gliederung des Streitaxtkulturkreises // Veröff. des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle. 1969. Bd. 24: 209–214. Библиогр.: 214.

1006. – Zur historischen Auswertung der Ockergräber. Kritische Bemerkungen zu: A. Häusler. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr // EAZ. 1978. Jg. 19, H. 2: 227–242: ил. Библиогр.: 240–242.

См. также №: 401.

Клочко В. И.

1007. – Bożejewice, Gm. Strzelno, woj. Bydgoszcz, stanowisko 8: Kurhan z późnego okresu epoki neolitu // FolPraehistPosn. 1991. T. 4: 119–143: ил. Библиогр.: 137–140.

Клочко Л. С.

1008. – Скіфський костюм // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 105–111: ил. Библиогр.: 111.

Клюева Г. Н.

1009. – Social-demographische Bevölkerungscharakteristik der Čeganda-Kultur: Metoden demographischen Rekonstruktionen // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 168.

Кляшторный С. Г.

1010. – Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в памет СтанчоВаклинов. София: Бълг. Акад. на науките, 1984: 18–22.

1011. – Эпиграфические работы в Монголии // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 1980. Т. 9: 17–33.

1012. – ΙΑΞΑΡΤΗΣ – Sir-darja // Central Asiatic Journal. 1961. Vol. 6, № 1: 24–26.

1013. – The Sogdian inscription of Bugut revised // ActaOrHung. 1972. T. 26, F. 1: 69–102: ил.

Соавт.: Лившиц В. А.

1014. – The Terkhin inscription // ActaOrHung. 1982. T. 36, F. 1/3: 335–366: ил.

1015. – The Tes inscription of the Uighur Bögü Qaghan // ActaOrHung. 1985. T. 39, F. 1: 137–156, 1л. ил.: ил.

Книпович Т. Н.

1016. – Zu einer von G. Klaffenbach publizierten Inschrift auf einem Bleitäfelchen // BiblClOr. 1967. Jg. 12, H. 3: 145.

Кобылина М. М.

1017. – Керамический комплекс из Фанагории // ЗборМузБеоград. 1975. Т. 8: 229–234, 1 л. ил.

1018. – *Divinités orientales sur le littoral nord de la mer Noire. Avec un appendice de O. Ja. Neverov. – Leiden: Brill, 1976. – 70 с., 52 л. ил.

Рец.: 1. Castiglione L. // ActaArchHung. 1977. T. 26, F. 3/4: 454–455.

2. Hošek R. // Sb. praci filos. fac. Brněnska Univ. 1979. Č. 24: 163.

1019. – L'influence de l'art grec sur l'art scythe d'époque tardive // Le rayonnement des civilisations Greque et Romaine sur les cultures périphériques: CIAC; 8. Paris: Boccard, 1965: 423–426.

1020. – Milet // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 5: 292–293.

Ковалевская В. Б.

1021. – Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска-Преслав. София. 1981. Т. 2: 43–52: ил.

1022. – Ornamentika nákonči opasku ze 6. až 9. stole¹i jako znakový systém // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. Т. 2: 83–90: ил. Библиогр.: 89–90.

1023. – Recherches sur les systèmes sémiologiques en archéologie par les méthodes de la théorie de l'information // Archéologie et calculateurs: Problèmes sémilogiques et mathématiques: Colloques intern. Paris: CNRS, 1970: 187–191.

Коваленко В. П.

1024. – Памятники древнерусской архитектуры в Чернигово-Северской земле // Зограф. Београд. 1987. Т. 18: 5–11: ил.

Соавт.: Раппопорт П. А.

1025. – Этапы развития древнерусской архитектуры Чернигово-Северской земли // Russia Mediaevalis. [1993]. Т. 7, 1: 39–59: ил.

Коваленко С. А.

См.: № 481.

Ковнурко Г. М.

1026. – Кремьчните скали в България и тяхната експлоатация // ИИ. 1981. Т. 7/8: 41–58: ил.

1027. – Петроархеологические исследования кремня Русской платформы // Folia fac. sci. naturalium Univ. Purkynianae Brunensis. 1975. Т. 16: 43–47. (Geologia; 27).

Ковпаненко Г. Т.

1028. – Сарматська жриця із Соколової Могили // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 221–225: ил.

Козак Д. Н.

1029. – Вельбарская культура на Волыни // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim: Materiały z konf. Lublin, 1988. Т. 1: 117–136, 3 л. ил.: ил. Библиогр.: с. 135–136.

1030. – Культурный процесс на Западной Волыни в первой половине I тыс. н. э. // Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskiej. Lublin, 1986: 45–69: ил.

1031. – Поселение у с. Пасеки-Зубрецкие и некоторые вопросы культурного развития племен Поднестровья на рубеже и в первые вв. н. э. // ActaACarp. 1987. Т. 26: 175–208: ил. Библиогр.: 204–206.

1032. – Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnestr // Germania. 1982. Jg. 60. Hbd. 2: 533–545: ил.

Козенкова В. И.

1033. – К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого Кабардино-Пятигорского типа // StThr. 1975. Т. 1: 91–103: ил.

Козлов В. И.

1034. – Die Keramik der Siedlungen der Balkan-Donau-Kultur im 8.-10. Jh. an den Meeresküste des Flussinnenlandes Dnestr-Donau // VAH. 1990. Т. 3: 171–191: ил. Библиогр.: 191.

Козловская В. И.

1035. – Les problèmes de la colonisation greque de la Méditerranée Occidentale: L'activité eubéoionienne en Sicile (VIII–VI siècles) // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 37–50.

Козуб Ю. И.

1036. – Die Bestattungsanlagen der olbischen Nekropole des 5./4. Jahrhunderts v. u. Z. // BiblClOr. 1967. Jg. 12, H. 3: 176–178.

1037. – Der Bestattungsritus in der olbischen Nekropole des 5./4. Jahrhunderts v. u. Z. // BiblClOr. 1967. Jg. 12, H. 3: 178–180.

Козырева Н. В.

1038. – Economics and administration in the Old Babylonian Period: Reflections on N. Yoffee «The Economic role of the crown in the Old Babylonian Period» // JCunSt. 1984. Vol. 36, № 1: 81–88.

Колосов Ю. Г.

1039. – Листовидные наконечники в мустье Крыма: Классификация, хронология, происхождение // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique sipérieur européen: Colloque intern. Crakovie, 1989: 11–12.

1040. – Les débuts du Paléolithique en Crimée // L'Anthropologie. 1988. Т. 92, № 3: 809–838: ил. Библиогр.: 838.

1041. – The Mousterian leaf points in Crimea: Classification, chronology, origins // ERAUL. 1990. № 42: 53–61: ил. Библиогр.: 55.

Колосовская Ю. К.

1042. – *Позднеримский город на Дунае и варвары // From Late Antiquity to Early Byzantium: Proc. of the Byzant. symp. in the 16th intern. Eirene conf. Praha: Academia, 1986: 117–121.

1043. – Die Thraker im römischen Pannonien // Intern. Thrakologischer Kongr.; 3. Wien, 1980: 112.

Колпаков Е. М.

См. №: 475, 476.

Колчин Б. А.

1044. – [Археология и геофизика. Выступление в прениях] // MKAS; 1. Wrocław, 1972. Т. 7: 204–205.

1045. – Механизация земляных работ при раскопках средневековых городов // ABalt. 1978. Vol. 3: 51–62: ил.

1046. – Ремесло и ремесленники древнего Новгорода // La formation et dévelopment des métiers au Moyen Age (V– XIV siècles): Colloque intern. Budapest: Acad. Kiadó, 1977: 41–46.

1047. – Ролята на естествените науки в изучаването на историята на древното производство // МПК. 1982. Т. 1: 16–20.

1048. – Integration of science and archaeology in the USSR // Archaeometry. 1970. Vol. 12, P. 2: 111–114. Библиогр.: 114.

1049. – Kunst staroruskich kowali // Postepy archeologii. 1955. № 1: 81–117.

1050. – Rola nauk przyrodniczych w badaniach nad historia wytwòrczości starozytnej. – Lublin, 1986. – 6 с. – (Archeolo-giczne listy; 5).

1051. – Wooden artefacts from Medieval Novgorod. P. 1–2. – Oxford, 1989. – (BAR. Intern. ser.; 495). P. 1. – 236 с. – Библиогр.: 225–236 с.; P. 2. – С. 237–486: ил.

Рец.: Morris C. // Antiquity. 1990. Vol. 64, № 243: 421–422.

Кольцов Л. В.

1052. – Некоторые проблемы мезолита Волго-Окского междуречья // The Mesolithic in Europe: Intern. Mesolithic symp. Warsaw, 1973: 275–298: ил.

1053. – *The main types of Mesolithic flint arrow-heads and microliths in the Northwest USSR // Les changements, leurs mécanismes, leurs causes dans la culture de 7 au 6 millénaire av J. – C. en Europe. Kraków, 1983: 271–276: ил.

Кольчатов В. А.

1054. – Horseshoe-shaped broches from the burial mountains of Vodskaya Land // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 237–242: ил. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology: 22).

Команцева А. С.

1055. – Les sépultures nomades tardives du cimetière de Novonikolskoe // StA. 1977. Т. 6: 309–358: ил.

Коляда М. И.

См. № 1558.

Комеч А. И.

1056. – Особенности композиции и художественной выразительности Софийского собора в Киеве // WissBeitrHalle. Reihe C. 1981. Bd. 21: 212–220: ил.

1057. – Особенности художественного стиля новгородской архитектуры конца XII в. // Студеница и визант. уметност око 1200: Међунар. науч. скуп. Београд, 1988: 295–299; 4 л. ил. – (Српска Акад. наука и уметности. Науч. скупови; 41).

1058. – Спасо-Преображенский собор в Чернигове и его отношение к столичной школе византийской архитектуры // JbÖByz. 1982. Bd. 32, H. 4: 523–530.

Конаков Н. Д.

1059. – Календарная символика уральского язычества // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 44.

Кондратьева О. А.

1060. – Шедевры средневекового костерезного ремесла из археологических находок в древнем Пскове // CIAS; 3. Bratislava, 1980. Т. 2: 205–210: ил. Библиогр.: 209–210.

Кондукторова Т. С.

1061. – The ancient population of the Ukraine: From the Mesolithic Age to the first centuries of our era [Pt. 1] // Anthropologie (Brno). 1974. Т. 12, №. 1/2: 5–153. Библиогр.: 153; Pt. 2 // Anthropologie (Brno). 1974. Т. 12, №. 3: 211–226: ил.; Pt. 3 // Anthropologie (Brno). 1975. Т. 13, №. 1/2: 3–33. Библиогр.: 18–33; Pt. 4 // Anthropologie (Brno). 1983. Т. 13, № 3: 193–242.

1062. – Palaeoanthropology of the Soviet Ukraina // Anthropologie (Brno). 1975. Т. 13, № 1/2: 3–33. Библиогр.: 18–33.

1063. – Scythian descendants of the Lower Dnieper River according to the anthropological materials from Nikolaevka-Kazatskoe cemetery [Pt. 1] // Anthropologie (Brno). 1977. Т. 15, № 2/3: 185–232: ил.; Pt. 2 // Anthropologie (Brno). 1978. Т. 16, № 2: 157–189: ил.; Pt. 3 // Anthropologie (Brno). 1980. Т. 18, № 1: 41–80: ил. Библиогр.: 76, 80.

Конопацкий А. К.

1064. – *Hunters for seal on the Baikal Lake in the Stone and Bronze Ages // Folk (København). 1974/1975. Vol. 16/17: 299–308: ил.

Соавт. Окладников А. П.

Копейкина Л. В.

1065. – Родосско-ионийская керамика «ориентализирующей» группы из раскопок на острове Березань // WissZRostock. 1970. Jg. 19, H. 8: 559–566.

1066. – Die Besonderheiten der Entwicklung der Siedlung auf Berezan in der archaischen Epoche // Greece and Italy in the Classical World: Intern. Conf. of Classical Archaeology; 11. London, 1979: 198.

Копылов А. Н.

См. № 1726.

Копытин В. Ф.

1067. – Новые данные по мезолиту Юго-Восточной Белоруссии // The Mesolithic in Europe:

Intern. Mesolithic Symp. Warsaw, 1973: 299–314: ил. Библиогр.: 307–308.

Кореневский С. Н.

См. №: 488.

Корепанов К. И.

1068. – On the influence of the Scytho-Sarmatian culture on the Ananian cultural-historical community // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 170.

Корнилович К. В.

1069. – *Arts de Russie. 1. Des origines à la fin du XVI siècle. – Paris: Nagel, 1967. – 190 с., 192 л. ил.

Коробков И. И.

1070. – К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий // CISPP; 7. Prague, 1970. Т. 1: 235–241.

Коробкова Г. Ф.

1071. – Истоки неолитизации – к проблеме культурно-хозяйственного развития Северо-Западного Причерноморья в эпоху мезолита // Роль Черного моря в праистории Сред. и Юго-Вост. Европы: Междунар. симп.; 15. Толбухин, 1988: 12–13.

1072. – Марксистское учение об орудиях труда и экспериментально-трасологический метод в археологии // ŠZ AÙSAV. 1988. Т. 25: 119–128. Библиогр.: 128–130.

1073. – El análisis experimentas y las huellas de uso en el estudio de la economia de las sociedades antiguas // Cuadernos Prehist. Univ. de Granada. 1984. Т. 9: 305–325: ил. Библиогр.: 324–325.

1074. – Ancient reaping tools and their productivity in the light of experimental tracewear analysis // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York: Sharpe Inc., 1981: 325–349: ил.

1075. – Development of the productive forces and of working tools as a prerequiste of the evolution of new types of economy // JCentrAs. 1983. Vol. 6, № 1: 73–80.

1076. – Eneolithic stone sculpture in South Turkmenia // Antiquity. 1989. Vol. 63, № 238: 62–70: ил. Библиогр.: 69–70.

Соавт.: Массон В. М.

1077. – Sculptures lithiques et outils de fabrication // L'Anthropologie. 1990. Т. 94, № 1: 111–113: ил.

Соавт.: Массон В. М.

Коровина А. К.

1078. – *Раскопки Гермонассы за последние годы // Concilium Eirene; 16: Intern. conf. Praha, 1983. Vol. 2: 115–120.

1079. – Раскопки городища и некрополя Тирамбы за последнее десятилетие // Acta conventus XI «Eirene». Wrocław: Ossolineum, 1971: 467–475: ил.

1080. – Das antike Tyrambe // BiblClOr. 1967. Jg. 12, H. 3: 175–176.

Косвен М. О.

1081. – *Abriss der Geschichte und Kultur der Urgesellschaft. – Berlin:. Verlag der Wiss. [1958]. – 223 с.

1082. – *Matriarchat. – Praha, 1952.

Косинцев П. А.

1083. – Sacrificial animals of the Ob Ugrians: On the basis of the archaeological data // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 171.

Котигорошко В. Г.

1084. – Городища рубежа нашей эры в Верхнем Потисье // SlovA. 1989. R. 37, Č. 1: 21–67: ил. Библиогр.: 54–55.

1085. – Новые данные к изучению древней истории славян Закарпатья // SlovA. 1977. R. 25, Č. 1: 81–102: ил.

1086. – Les antiquités daces de la zone de Tisa supérieure // Thraco-Dacica. Bucureşti, 1991. Т. 12, № 1/2: 115–132: ил.

1087. – Grab eines Krieger aus dem 3. Jhr. in der Gemarkund von Bratovo (Karpaten Ukraine) // JAMÉ. 1988. Bd. 21/23: 5–18: ил.

Котляр Н. Ф.

1088. – Obrot arabskich dirhemów na terytorium Ukrainy // WiadNum. 1970. R. 14, Z. 1: 19–30.

1089. – Znaleziska monet z XIV–XVII w. na obszarze Ukraińskiej SRR: Materiały. – Wrocław: Ossolineum, 1975. – 320 с. – Библиогр.: 16–22.

Рец.: 1. Mikoiajczyk A. // WiadNum. 1976. R. 20, Z. 2: 123–127.

2. Suchodolski S. // HambBeitrNum. 1973/1975. H. 27/29 (1982): 246.

1090. – Znaleziska monet z XVIII w. na obszarze Ukrainskiej SRR // WiadNum. 1977. R. 21, Z. 4: 193–256.

Котович В. М.

1091. – Антропоморфные образы в древних наскальных рисунках Горного Дагестана // StPraehist. 1986. Т. 8: 63–90: ил. Библиогр.: 87–90.

Кочеткова В. И.

1092. – Мозг палеолитического человека Павлов I // Anthropos. 1967. Č. 19: 150–152: ил.

1093. – *The influence of some peculiarities in the brain development of Palaeolithic people on the process of the creation of culture // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 369.

1094. – *Paleoneurology, with an introd. a. ed. contributions by Harry J. Jerison. – Washington, 1978. – 340 с.: ил.

Рец.: S[aban] R. // L'Anthropologie. 1979. Т. 83, № 3: 496–497.

Кочкуркина С. И.

1095. – Карельская и вепская народности эпохи средневековья: Историко-культурные контакты со славянским и финно-угорским миром // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 169.

1096. – Laatokan luoteispuolen ja Kaakkois-Suomen asuttamisesta keskiajalla (400–luvulta 1400–luvulle) // Turun historiallinen arkisto. Tummsaari, 1986. № 41: 41–55. Библиогр.: 53–54.

1097. – Old Karelian settlement in Northwest Priladozhje // FScandA. 1990. Vol. 7: 69–80: ил. Библиогр.: 80.

Кошеленко Г. А.

1098. – За някои аспекти на културните връзки на гръцките градове по Северното Черноморие с траките през първите векове от н. е. // Поселищен живот в Тракия: Нац. симп.; 1. Ямбол, 1982: 24–36.

1099. – The beginning of Buddhism in Margiana // ActaAntHung. 1966. T. 14, F. 1/2: 175–183: ил.

1100. – Les cavaliers parthes: Aspects de la structure sociale de la Parthie // DialHistAnc. 1980. № 6: 177–199.

1101. – La colonisation greque du Bosphore Cimmérien // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 67–84.

Соавт.: Кузнецов В. Д.

1102. – Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la mer Noire. Leiden: Brill, 1966. – 36 с.: ил. (EPRO; 8).

Соавт.: Блаватский В. Д.

1103. – La fortification de l'Orient héllénistique: Remarques préliminaires // La fortification dans l'histoire du monde grec. Paris: CNRS, 1986: 143–148.

1104. – Quelques traits de la religion des scythes // EPRO. 1978. T. 68, Vol. 1: 60–66.

Соавт.: Блаватский В. Д.

Кошурников С. Г.

1105. – On some new works in the Social History of the Old Babylonian Period // AltorF. 1989. Bd. 16, H. 1: 51–60.

Соавт.: Боброва Л. В.

Крамаровский М. Г.

См. №: 579.

Красильников К. И.

1106. – Die Keramik der Saltovo-MajakI-Kultur am nördlichen Mittelauf des Donec // VAH. 1990. Bd. 3: 193–244: ил. Библиогр.: 218.

1107. – *Regional unified and correlative stratigraphic scheme for the Quaternary of European USSR // International studies on the Quaternary: INQUA congr.; 7. New York: Geol. Soc. of America, 1965: 247–271.

Краснов Ю. А.

1108. – Экономические и социальные предпосылки становления крестьянства в свете теоретического наследия Ф. Энгельса // Grundprobleme vorkapitalistischer Gesellschaftsentwicklung: Intern. Tagung. Dresden, 1984: 84–88.

1109. – Die Erfahrungen in der Organisation archäologischer Untersuchungen bei den grossen Bauvorhaben in der UdSSR // Veröff. des Zentr. Inst. für Alte Geschichte u. Archäologie der Akad. der Wiss. 1978. Bd. 2: 77–81.

Крачковская В. А.

1110. – О куфической надписи на башне внешней стены города Ани // FolOr. 1970. T. 12: 103–111: ил.

Крашенинникова Н. И.

1111. – Ein Rundtemple in parthischen Nisa // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 5: 293–294.

Соавт.: Пугаченкова Г. А.

Крижевская Л. Я.

1112. – *Развитие и изменение связей культур эпохи раннего металла в Зауралье: по отношению к эпохам каменного века // CIFU; 5. Turku, 1981: 330.

1113. – Южные связи уральских культур в эпохах позднего каменного века // CIFU; 4. Budapest, 1975. P. 1: 161–179: ил.

1114. – *The development and change in the Southurals cultural contact in the Early Bronze time (Relative to the Stone Age) // CIFU; 5. Turku, 1981. P. 8: 376–382.

1115. – The Final Mesolithic of the North Black Sea steppe zone and the formation of the Neolithic // MesMisc. 1991. Vol. 12, № 2: 11–17: ил.

1116. – Formation du Neolithique dans les steppes Nord-Pontiques // L'Anthropologie. 1990. T. 94, № 4: 793–807: ил. Библиогр.: 807.

1117. – The Neolithic of the Southern Urals // CISPP; 7. Prague, 1970. T. 1: 479–482.

1118. – The new Mesolithic site Tashkovo IV in the forest-steppe Ural // MesMisc. 1989. Vol. 10, № 1: 31–32.

1119. – Der Übergang vom Mesolithikum zum Neolithikum in den Steppen der nordöstlichen Schwarzmeergebietes // Mesolithikum in Europa: Intern. Mesolithikum Symp.; 2. Berlin, 1981: 121–128: ил. Библиогр.: 128.

Кропоткин В. В.

1120. – Античные воздействия на эволюцию культур в бассейне Среднего Днепра в I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. // Przemiany ludnościowe i kulturove I tysiąclecia p. n. e. na ziemiah między Odra a Dnieprem: Symp. Wrocław: Ossolineum, 1983: 35–36.

1121. – Богатое погребение у д. Пилипки (Уезд Бельск Подляски, воев. Белосток, Польша) // APol. 1973. T. 14: 331–336: ил.

1122. – Варварские подражания римским золотым монетам в Восточной Европе // SlovNum. 1976. T. 4: 11–35.

1123. – Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник // MKAS; 1. Wrocław, 1968. Т. 6: 124–128.

1124. – Клад серебряных вещей VII века из с. Крылос в Поднестровье // ActaACarp. 1971. Т. 12, F. 1/2: 65–71: ил.

1125. – Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской области: К вопросу о происхождении черняховской культуры // SlAnt. 1971. Т. 18: 197–205: ил.

1126. – Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР) // ActaACarp. 1970. Т. 9, F. 2: 227–230.

1127. – Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // ActaOrHung. 1991. Т 45, F. 2/3: 403–423: ил.

Соавт.: Гусев С. В.

1128. – Новый клад римских денариев из Закарпатской области Украинской СССР (Предвар. сообщ.) // ActaACarp. 1970. Т. 11, F. 2: 217–225: ил.

1129. – Проблемы происхождения и этнической принадлежности черняховской культуры в свете новых антропологических исследований: По поводу книги Т. С. Кондукторовой «Антропология древнего населения Украины I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.» М., 1972 // SlAnt. 1976. Т. 23: 165–173.

1130. – Черняховская культура и Римская империя // MKAS; 1. Wrocław, 1969. Т. 2: 283–285.

1131. – Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica-und Cernjachov-Kultur // Ausklang der Latène-Zivilisation u. Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet: Symp. Bratislava: Veda, 1977: 173–200: ил.

1132. – Skarb denarów rzymskich (I–II w. n. e.) z Jarnic (woj. Warszawskie) // WiadNum. 1971. R. 15, Z. 1: 31–38.

1133. – Skarb rzymskich denarów ze wsi Turia w okregu Czerkaskim // WiadNum. 1969. R. 13, Z. 3: 149–152.

1134. – Skarb srebrnych monet i przedmiotów z IV w. n. e. z Zamościa // WiadNum. 1970. R. 14, Z. 1: 15–18.

Кругликова И. Т.

1135. – Исследования сельских поселений античных государств юга СССР // ActaArchHung. 1962. Т. 14, F. 3/4: 215–230: ил.

1136. – Поселение Европейского Боспора в III в. н. э. // Griechische Städte u. einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961: 24–34. (Dt. Akad. der Wiss. zu Berlin. Schriften der Section für Altertumswiss.; 28).

1137. – Храм и святилище Дильбержина // WissBeitrHalle. Reihe I. 1983. Bd. 21: 26–35.

1138. – La Bactriane ancienne dans l'optique de nouvelles recherches archéologiques // Kushan culture and history. 1972. № 2: 9–42, 13 л. ил.

Соавт.: Сарианиди В. И.

1139. – Das Bosporanische Reich in der Spätantike: Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte // BiblClOr. 1967. Jg. 12, H. 3: 157–159.

1140. – Les fouilles de la Mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjin en Bactriane (Afghanistan) // Acad. des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. 1977. Avril-juin: 407–427: ил.

1141. – L'influence barbare sur l'art bosphorien de l'époque tardive // CIAC; 8. Paris, 1965: 433–437.

1142. – Resultats préliminaires des travaux de l'expedition archéologique afghano-soviétique en 1969 // Afghanistan. 1970. Vol. 23, № 1: 84–97: ил.

Крупник И. А.

См. № 2573.

Крупнов Е. И.

1143. – Kaukasische «Pintaderas» // MAnthrWien. 1962. Bd. 92: 197–205.

1144. – Über die Aufgaben der archäologischen Forschung auf dem Gebiet der alten Geschichte Kaukasiens // BiblClOr. 1956. Jg. 1, H.1: 30–32.

Круц С. И.

1145. – Население Северного Причерноморья в энеолите – раннем бронзовом веке: По антропологическим данным // Роль Черного моря в праистории Сред. и Юго-Вост. Европы: Междунар. симп.; 15. Толбухин, 1988: 9.

См. также № 1732.

Крушельницкая Л. И.

1146. – Могильник конца бронзового века в Сопоте // SlovA. 1979. R. 27, Č. 2: 291–316: ил. Библиогр.: 308.

1147. – Osiedle kultury wielbarskiej w Pomorzu nad Bugiem (USRR) // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981: 209–215: ил.

1148. – Studien zur Besiedlung der ukrainischen Karpaten und des Karpatenvorlandes zu Beginn der Eisenzeit // ActaACarp. 1979. Т. 19: 73–96: ил.

1149. – Zur Frage der Entstehung der Vysocko-Kultur // Die Urnenfelderkulturen Mitteleuropas: Symp. Praha, 1987: 369–380: ил. Библиогр.: 380.

Крушкол Ю. С.

1150. – Античное здание на периферии древней Синдики // Klio. 1969. Bd. 51: 337–347: ил.

1151. – Клейменные амфоры и их изучение в СССР // Klio. 1963. Bd. 41: 267–281: ил.

Крыжицкий С. Д.

1152. – Античні держави Північного Причорномор'я // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 186–200: ил.

1153. – Архитектура эллинистических жилых домов Ольвии // Dacia. N. S. 1969. Т. 13: 110–125: ил.

1154. – Les plus anciennes habitations d'Olbia / / DialHistAnc. 1980. Bd. 6: 73–88.
Соавт.: Русяева А. С.

Крыкин С. М.

1155. – Траките в Боспор: Факти и хипотезы // Thracia antiqua. 1978. Т. 4: 48–63. Библиогр.: 59–63.

1156. – Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья // Thracia. Sofia, 1988. Т. 8: 58–83.

Кубланов М. М.

1157. – Agone und agonistische Festveranstaltungen in den antiken Städten der nördlichen Schwarzmeerkünste // Das Altertum. 1960. Bd. 6: 131–148.

Кубышев А. И.

1158. – Скіфські та сарматські памя'тки Таврії // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 75–78: ил.
Соавт.: Симоненко О. В.

1159. – Der Bratoljubovka-Kurgan: Die Grabanlage eines skythischen Nomarchen? // Hamb BeitrA. 1991. Bd. 18 (1996): 131–140, 2 л. ил.: ил.
См. также № 1732.

Куза А. В.

1160. – Русские раннесредневековые города // CIAS; 3. Bratislava, 1980. Т. 2: 255–258.

Кузеев Р. Г.

1161. – *«Магна хунгарна» и древняя Башкирия // CIFU; 4. Budapest, 1975. P. 2.
Соавт.: Гарипов Т. М.

1162. – *Основные этапы формирования волго-уральской историко-этнографической области: Культурные и языковые границы // CIFU; 5. Turku, 1981. P. 8: 59–63.
Соавт.: Гарипов Т. М.

Кузнецов В. А.

1163. – Nordkaukasische Tonkessel //VAH. 1990. Т. 3: 255–274: ил. Библиогр.: 267–268.
См. также №: 1101.

Кузнецова Е. Ф.

1164. – Études physico-chimiques des matières premières et production métallurgiques a l'âge du Bronze au Kazahstan Central // Palèorient. 1988. Vol. 14, № 1: 49–55: ил. Библиогр.: 55.
Соавт.: Пшеничная Н. Ф., Сулейменов Е. Н.

Кузьменко Ю. К.

См. № 1772.

Кузьмина Е. Е.

1165. – Новое в изучении культур бронзового века евразийских степей // StPraehist. 1981. Т. 5/6: 73–102.
Соавт.: Мерперт Н. Я., Шилов В. П.

1166. – *Ancient Iranien and Near Eastern elements in Scythian art // Percica. Leiden,1984. T.11: 37–71.

1167. – *The «Bactrian Mirage» and the archaeological reality. On the problem of the formation of the North Bactrian Culture // East a. West. 1976. Vol. 26, № 1/2: 111–131.

1168. – Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen- und Oasenkulturen in Mittelasien // AVA-Beitr. 1983. Bd. 5 (1984): 35–55: ил.
Соавт.: Виноградова Н. М.

1169. – *The earliest evidence of horse domestication and spread of wheeled vehicles in connection with problem of time and place of formation the Indo-European unity // CISPP; 8. Belgrade, 1971: 18.

1170. – Éléments de l'Iran et du Proche-Orient anciens dans l'art scythe // ArtAs. 1983. Т. 38, F. 1: 5–19: ил.

1171. – *The Jaganatha chariot and the new finds of the Soviet archaeologists // Soviet Land. New Dehli, 1977. № 2.

1172. – The motif of the lion-bull combat in the art of Iran, Scythia and Central Asia and its semantics // Orientalia Josephi Tucci memoriae dicata. Ser. Orientale. Roma, 1987. Т. 56, № 2: 729–744.

1173. – Les relations entre la Bactriane et l'Iran du VIII au IV siècle av. J. Ch. // Le plateau Iranien et L'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Paris, 1977: 201–214: ил.

1174. – *The semantics of the Chertomlyk Vase // Soviet studies in Anthropology a. Archaeology. New York, 1982. Vol. 21, № 1,2.

1175. – *Stages in the development of wheeled transport in Central Asia during the Eneolithic and Bronze Ages: On the problem of the migration of Indo-Iranien tribes // Soviet Studies in History. New York, 1983. Vol. 22, № 1/2: 96–142.

1176. – Two crowns found at Tillya-tepe in Afghanistan and their significance // Cultura antiqua. Kyoto. 1984. Vol. 36, № 8: 27–34: ил. Яп.
Соавт.: Сарианиди В. И.

1177. – Die urgeschichtliche Metallurgie der Andronovo-Kultur: Bergbau, Metallurgie und Metallbearbeitung // ZfA. 1991. Jg. 25, H. 1: 29–48: ил. Библиогр.: 45–48.

1178. – *Where did Indoaryans come from? // Soviet Land. New Delhi, 1970. № 20.

Кузьминова Н. Н.

1179. – Crops and weeds in the Tripolye culture sites in Moldavia // Acta interdisciplinaria archaeologica. Nitra, 1991. Т. 7: 199–201.
См. также № 1647.

Кулаков В. И.

1180. – Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клинцовки в 1977 г. // Acta Baltico-Slavica. 1980. Т. 13: 213–244: ил. Библиогр.: 242–243.

1181. – Kultsymbole und Kriegerembleme aus dem Baltikum, aus Skandinavien und Osteuropa im 10. und 11. Jh. // ZAM. 1985. Jg. 13: 53–64: ил.

См. также №: 655.

Кулаковская Л. В.

1182. – Листовидные орудия в «восточном микоке» Европейской части СССР // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supériur européen: Colloque intern. Cracovie, 1989: 9–10.

1183. – Korolevo I: The Musterian complexes I and II // Anthropologie (Brno). 1089. Т. 27, № 2/3: 105–118: ил. Библиогр.: 118.

1184. – Leaf-shaped implements in «Eastern Micoquian» of the European Part of the USSR // ERAUL. 1990. № 42: 43–47: ил. Библиогр.: 47.

Куликаускас П. З.

1185. – Исследование городищ Занеманья в Литве // Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław: Ossolineum, 1968: 297–313: ил.

1186. – Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955–1961 // Acta Baltico-Slavica. 1965. Т. 2: 203–259: ил.

См. также № 1738.

Куприй Н. М.

См. №: 790.

Куратов А. А.

1187. – Stenlabyrinter i Solovetskij arkipelagen i Vita havet (USSR) // FM. 1972: 59–63: ил.

Куренкова Е. И.

1188. – Stages in the early man immigration into the USSR territory during the last Ice Age // Interaction of the Prehistoric Man a. his environment: Symp. of the Comiss. on Environmental Problems; 5. Mexico, 1981: 139–146.

Курочкин Г. Н.

1189. – Хасанлу и скифы // IranAnt. 1982. Vol. 17: 43–47: ил.

Курылев В. П.

1190. – Harness and weaponry // Nomads of Eurasia. Los Angeles, 1989: 137–151: ил.

Кутайсов В. А.

См. №: 764.

Куфтин Б. А.

1191. – Prehistoric cultiure sequence in Transcaucasia // Southwestern Journal of Anthropology. 1946. Vol. 2, № 3: 340–360.

Кухаренко Ю. В.

1192. – Древнейшие курганы волынян // Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław: Ossolineum, 1968: 326–329: ил.

1193. – О памятниках поянештской культуры на Украине // PraceMatŁodz. 1979. № 25: 215–219.

1194. – Памятники пражского типа на территории Приднепровья // SlAnt. 1960. Т. 7: 111–124: ил.

1195. – Полесье в древности // Munera archaeologica Iosepho Kostrzewski quinquagesimum annum optimarum artium studiis deditum peragenti ab amicis collegis discipulis oblata. Posnan, 1963: 57–62.

1196. – Полесье и его место в процессе этногенеза славян // MKAS; 1. Wrocław, 1968: 241–254.

1197. – Le problème de la civilisation «gothogépide» en Polésie et en Volhynie // Acta Baltico-Slavica. 1967. Т. 5: 19–40: ил.

1198. – Über slawisch-skythische und slawisch-sarmatische Beziehungen // Sowjetwissenschaft. 1955. H. 6: 853–863.

Кучера М. П.

1199. – Töpferstempel von den Ausgrabungen im alten Plesnesk // BiblClOr. 1966. Jg. 11: 362–363.

Кучеренко А.

1200. – Was verbarg sich unter dem goldenen Hügel // Antike Welt. 1975. H. 3: 53–54: ил.

Кучеренко Э. И.

1201. – Связь систем мер и весов, использованных в чеканке монет VI–I вв. до н. э. с линейными размерами Земли // ИИ. 1988. Т. 15: 52–53. Библиогр.: 53.

Кушнарева К. Х.

1202. – Важнейшие аспекты становления и развития производящего хозяйства на Южном и Северном Кавказе (VI–III тыс. до н. э.) // StPraehist. 1986. Т. 8: 7–31: ил.

Соавт.: Лисицына Г. Н.

1203. – The historical significance of the Southern Caucasus in the 3 millenium B. C. // Soviet Anthropology a. Archaeology. New York. 1963/1964. Vol. 2, № 3: 3–16: ил.

Кызласов Л. Р.

1204. – Die ältersten Heiligtürmer im mittleren JenisseI–Tal // AVA-Beitr. 1990. Bd. 9/10: 13 л. ил.

1205. – *Das Grabmal am Jenissej // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 354–381: ил.

Лазарев В. Н.

1206. – *L'arte bizantina e particolarmente la pittura in Italia nell'alto medioevo // Atti del Convegno intern. dei Lincei sul tema: L'Oriente cristiano nella storia della civilta. Roma 1964: 661–669.

1207. – Byzanz und die altrussische Kunst // JbÖByz. 1972. Bd. 21: 179–188: ил.

1208. – *Old Russian murals and mosaics from the 11th to the 16th century. – London: Phaidon, 1966. – 291 с.: ил.

Рец.: 1. Demus O. // JÖBG. 1967. Bd. 16: 355–359.

2. Lafontaine-Dosogne J. L'art mediaval russe // Byzantion. 1966. T. 36, F. 1: 322–333.

3. Радојчић, С. // Зограф (Београд). 1966. T. 1: 45–46.

1209. – *Storia della pittura bizantina. – Torino, 1967.

Рец.: Demus O. // JbÖByz. 1969. Bd. 18: 288–289.

См. также №: 582.

Ланг В. Й.

1210. – On the forming of early Tarand-graves on the eastern coast of the Baltic Sea // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 176.

Ларина О. В.

См. №: 691.

Ларичев В. И.

1211. – Discovery of hand-axes in China and the problem of local cultures of Lower Paleolithic of East Asia // Union intern. des sci. préhist. et protohist. Congr.; 9. Nice, 1976. Colloque 7: 154–178: ил. Библиогр.: 173–175.

1212. – The discovery of the Palaeolithic in Korea (The Coulpo Culture) // ArcAnthr. 1969. Vol. 6, № 1: 128–133: ил. Библиогр.: 133.

Соавт.: Григоренко Б. Г.

1213. – Lower and Middle Palaeolithic of Northern Asia: Achievements, problems and perspectives // JWP. 1987. Vol. 1, № 4: 415–464: ил. Библиогр.: 459–464.

Соавт.: Ларичева И. П., Холюшкин Ю. П.

1214. – The mammoth tusk blade from Malta – a calendrical-astronomical calculating table of the old Stone Age of Siberia // The Archaeological «objectivity» in interpretation. World Archaeol. Congr. Southampton, 1986. Vol. 1: 18 с.

1215. – Neolithic settlements in Cis-Baikal (1957–59 excavations) // ArcAnthr. 1962. Vol. 1, № 1: 93–95.

1216. – Neolithic settlements on the lower reaches of the Ussuri River // ArcAnthr. 1965. Vol. 3, №1: 98–106.

1217. – A. P. Okladnikow. Der Erforscher der urgeschichtlichen Kulturen Asiens zu seinem 50. Geburtstage. – [Berlin], 1958. – 104 с. Библиогр.: 51–100.

1218. – The Upper Palaeolithic of Northern Asia: Achievements, problems, and perspectives. 1. Western Siberia // JWP. 1988. Vol. 2, № 4: 359–396: ил. Библиогр.: 392–396.

Соавт.: Ларичева И. П., Холюшкин Ю. П.

1219. – *W poszukiwaniu przodków człowieka. – Warszawa, 1986. – 291 с.: ил.

Рец.: Skrok Z. // Z otchłani wieków. 1986. R. 52, № 2: 120–122: ил.

Ларичева И. П.

См. №: 1213, 1218.

Лаукарт Л. И.

1220. – Скарбниця України // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 249–250.

Лаул С. К.

1221. – Прибалтийские финны и их соседи: по данным сопоставления древних погребальных памятников // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 177.

1222. – Die Entwicklungsetappen und Chronologie der Steingräber in Estland // Studia Baltica Stokholmiensis. 1985. № 1: 67–82: ил. Библиогр.: 81–82.

1223. – Forschungsprobleme der ethnischen Zugehörigkeit der Träger der Tarangräberkultur // Suomen Museo. 1982. T. 89: 13–22.

1224. – *Die östliche Gruppe der ostseefinnischen Stämme und die Gestaltung der Bevölkerung Ostestlands // CIFU; 5. Turku, 1981. P. 8: 382–388.

1225. – Zur Frage über die Hügelgräber in Südostestland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1973. T. 75: 95–102: ил. Библиогр.: 101–102.

Лаухин С. А.

См. №: 768.

Лебедев Г. С.

1226. – Archeologický typ jako systém vlastnosti // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 69–82: ил. Библиогр.: 81–82.

1227. – The connections between Russians and Scandinavians in the 9th – 11th centuries // NAR. 1973. Vol. 6, № 1: 5–9. Библиогр.: 9.

Соавт.: -Назаренко В. А.

1228. – Nidaros, Petersburg, Aldeigjuborg – felles og ulike trekk i byenes historiske skjebne // Gunneria. 1991. T. 64, Vol. 2: 347–358.

1229. – On the early date of the way «From the Varangians to the Greeks» // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 90–101. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22). Библиогр.: 100–101.

1230. – Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga: Zum Problem der westund ostslawischen Beziehungen // Arbeits u. Forschungsberichte zur sächsische Bodendenkmalpflege. Berlin, 1982: 225–238: ил.

См. также №: 401.

Лебединская Г. В.

См. №: 42.

Левин А.

1231. – «Chevaux de pierre» et «Femmes de pierre» // Archeologia (Paris). 1985. № 200: 6–7: ил.

Левин М. Г.

1232. – Ethnographic and anthropological materials as historical sources // ArcAnthr. 1962. Vol. 1, № 1: 51–57. Библиогр.: 56–57.

1233. – On the ethnogenesis of the Tungus // ArcAnthr. 1963. Vol. 1, № 2: 70–74. Библиогр.: 73–74.

1234. – Wirtschaftlich-kulturelle Typen und historisch-ethnographische Gebiete // Ethnographisch-archäologische Forschungen. 1958. Bd. 4: 131–151.

См. также №: 112.

Левковская Г. М.

1235. – The beginnings of agriculture in the Eastern Baltic // Acta interdisciplinaria archaeologica. 1991. T. 7: 223–225. Библиогр.: 225.

См. также №: 563, 1355.

Леквинадзе В. А.

См. №: 827.

Лелеков Л. А.

1236. – Новият опит в реставрацията изисква внимание // МПК. 1985. № 4: 35.

Лелекова О. В.

1237. – Рецепта от древните векове // МПК. 1986. № 2: 60–61.

Ленцман Я. А.

1238. – *Die Sklaverei im mykenischen und homerischen Griechenland. – Wiesbaden, 1966. – 332 с.

Леонова Н. Б.

1239. – The Late Pleistocene hunters in the Don River delta // The Pleistocene perspective. World Archaeol. Congr. Sout-hampton, 1986. T. 2: 5 с. Библиогр.: 5.

1240. – Recherches sur les monuments de la culture Kamennobalkovskaia (Kamennaia Balka 1, 2, 3 Le Cap) en 1986–1990 // ERAUL. 1991. № 52: 17–19.

1241. – Spatial analysis of faunal remains from Kamennaya Balka II // JAnthrA. 1988. Vol. 7, № 3: 203–230: ил. Библиогр.: 229–230.

Соавт.: Миньков Е. В.

Лесков А. М.

1242. – *Grabschätze der Adygeer. – München: Hirmer, 1990. – 216 с.: ил.

1243. – Jungund spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet. 1: Depots mit einheimischen Formen. – München: Beck, 1981. – 113 с., 9 л. ил. – (Praehistorische Bronzefunde; Abt. 20, Bd. 5).

Рец.: 1. Kemenczei T. // AÉrt.1984. T. 111, S. 1: 123–124.

2. Petrescu-Dîmboviţa M. // Germania. 1984. Jg. 62. Hbd. 2: 479–483.

3. Pittioni R. // AAustr. 1982. Bd. 66: 161–162.

4. Veliačik L. // SlovA. 1987. R. 35, C. 1: 220–222.

5. Wagner K. // JSchrVgHalle. 1985. Bd. 68: 415–416.

1244. – Neue Funde skythisher Schätze //Antike Welt. 1973. Jg. 4, H. 1: 35–48: ил.

1245. – *Die skythischen Kurgane: Die Erforschung der Hügelgräber Südrusslands. – Feldmeilen: Raggi Verl, 1974. – 100 с.: ил. – (Antike Welt. 1974. Jg. 5. S.-Nr.).

1246. – Die Taurer // Antike Welt. 1980. Jg. 11, H. 4: 39–53: ил.

См. также №: 359.

Лесман Ю. М.

1247. – L. S. Klein and the development of theoretical archaeology //FScandA. 1991. T. 8: 65–66.

Лещинская Н. А.

1248. – Special features and ethnical interpretation of the Middle Ages memorials of Vjatka's Basin // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 178.

Лившиц В. А.

1249. – New Parthian documents from South Turkmenistan // ActaAntHung. 1977. T. 25, F. 1/4: 157–185: ил.

См. также №: 1013.

Лийва А. А.

См. №: 751.

Лисицына Г. Н.

1250. – Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // StPraehist. 1980. Т. 4: 5–90: ил. Библиогр.: 85–88.

Соавт.: Филипович Л. А.

1251. – Die ältesten paläoethnobotanischen Funde in Nordmesopotamien // ZfA. 1983. Bd. 17, H. 1: 31–37: ил.

1252. – The earliest irrigation in Turkmenia // Antiquity. 1969. Vol. 43, № 172: 279–288: ил. Библиогр.: 287–288.

1253. – The history of irrigation agriculture in Southern Turkmenia // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York: Sharp Inc., 1981: 350–358. Библиогр.: 358.

1254. – Kulturpflanzenfunde des 7. – 2. Jahrtausends v. u. Z. auf dem Balkan // ZfA. 1981. Bd. 15, H. 1: 77–86: ил. Библиогр.: 86.

Соавт.: Филипович Л. А.

См. также №: 1202.

Лисовой И. А.

1255. – Zagadnienie obronności i organizacji sił zbrojnych w Chersonezie Taurydzkim // Meander. 1970. R. 25, № 1: 8–14.

Литаврин Г. Г.

1256. – Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастаса // Studia in honorem V. Beševliev. Sofia, 1978: 262–265: ил.

Соавт.: Пятышева Н. В.

1257. – Отношения Древней Руси и Византии в XI – первой половине XIII в. // Proc. of the XIIIth Intern. Congr. of Byzantine studies. London: Oxford Univ. Press, 1967: 69–90.

Соавт.: Каждан А. П., Удальцова З.В.

Литвинский Б. А.

1258. – Из области идеологии кушанской Бактрии: Зороастрийские наусы на берегах Окса – Аму-Дарьи // ActaAntHung. 1977. Т. 25, F. 1/4: 197–209: ил.

1259. – Antike und frühmittelalterliche Grabhügel im westlichen Fergana-Becken, Tadžikistan. München: Beck, 1986. 172 с.: ил. (AVA-Materialien; 16). – Библиогр.: 162–170.

1260. – Archaeology in Tadzikistan under Soviet rule // East a.West. 1968. Vol. 18, № 1/2: 125–146: ил.

1261. – The architecture and art of Kafur Kala (Early Medieval Tokharistan) // Bull. of the Asian Inst. N. s. 1990. Vol. 4: 61–75: ил.

Соавт.: Соловьев В. С.

1262. – L'art du Toxaristan à l'époque du Haut Moyen Âge: Monuments non bouddhique // ArtAs. 1985. Т. 40: 5–17: ил.

Соавт.: Соловьев В. С.

1263. – Découvertes dans un Sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // RA. 1981. F. 2: 195–216: ил.

Соавт.: Пичикян И. П.

1264. – Eisenzeitliche Kurgane zwischen Pamir und Aral-See. – München: Beck, 1984. – 152 с.: ил. (AVA-Materialien; 22). Библиогр.: 142–151.

1265. – India and Soviet Central Asia // India's contribution to world thought and culture. Madras, 1970: 263–274: ил. Библиогр.: 272–274.

1266. – Jungbronze- und ältereisenzeitliche Nekropolen im Fergana-Becken // AVA-Beitr. 1983. Bd. 5 (1984): 57–87: ил. Библиогр.: 86–87.

1267. – Kafyrkala: Frühmittelalterliche Stadt im Vachš - Tal, Süd-Tadžikistan. – München: Beck, 1985. – 106 с.: ил. (AVA-Materialien; 28). Библиогр.: 97–106.

Соавт.: Соловьев В. С.

1268. – Kalai-Kafirnigan: Problems in the religion and art of the Early Mediaeval Tokharistan // East a. West. 1981. Vol. 31, № 1/4: 35–66, 12 л. ил.

1269. – Das K'ang-chu-Sarmatische Farnah: Zu den historisch-kulturellen Beziehungen der Stämme Südrusslands und Mittelasiens // Central Asiatic Journal. 1972. Vol. 16, № 4: 241–289. Библиогр.: 282–288.

1270. – The Leninabad Krater and the Louvre Sosibios Vase: Neo-Attic art and Central Asia // East and West. N. S. 1974. Vol. 24. № 1/2: 89–110, 6 л. ил.

Соавт.: Турсунов Н. О.

1271. – Monuments of art from the sanctuary of Oxus (North Bactria) // ActaAntHung. 1980. Т. 28, F. 1/4: 25–83, 13 л. ил.

Соавт.: Пичикян И. Р.

1272. – Neuere Forschungen zur Archäologie und alten Geschichte Mittelasiens // AVA-Beitr. 1982. Bd. 4 (1983): 27–64: ил.

1273. – The problems of the ethnic history of Central Asia in the 2nd millennium B. C. // JCentrAs. 1981. Vol. 4, № 1: 131–141.

1274. – The Temple of the Oxus // Journal of the Roy. Asiatic Soc. of Great Britain a. Ireland. 1981. № 2: 133–167: ил.

Соавт.: Пичикян И. П.

См. также №: 839.

Лихачева В. Д.

1275. – Два листа с сирийскими миниатюрами // Byzantinoslavica. 1965. Т. 26, № 2: 365–374: 2 л. ил.

1276. – Иконоборческие темы в миниатюрах Киевской Псалтыри // Congr. intern. des études byzantines; 14. Bucureşti, 1975. Т. 2: 475–479.

1277. – Соотношение миниатюр «Лондонского» и «Елизаветградского» Евангелий // Междунар. конгр. по българистика; 1. Българската култура и взаимодействието й със световната култура. Т. 1. Културата на средновековна България. София, 1983: 116–126. Библиогр.: 125–126.

1278. – Рец.: Шмерлинг Р. О. Художественное оформление грузинской рукописной книги. – Тбилиси, 1967. – 226 с. // Byzantinoslavica. 1968. Т. 29, № 2: 416–421.

1279. – La décoration d'un rouleau liturgique byzantin de la Bibliothèque Publique d'État de Leningrad // CArch. 1974. Vol. 23: 121–128: ил.

1280. – The illumination of the Greek manuscript of the Akathistos hymn. (Moscow, State Historical Museum, synodal gr. 429) // DOP. 1972. Vol. 26: 253–262: ил.

1281. – The miniatures of a Russian manuscript of the 1073 and their Byzantine models // JbÖByz. 1982. Bd. 32, H. 5: 231–236.

1282. – Рец.: Galavaris G. The illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels. – Wien, 1979. – 170 с. // Byzantinoslavica. 1980. Т. 41, № 1: 78–81.

Логвин Г. Н.

1283. – Новые открытия и исследования Киевской живописи // Congr. intern. d'études byzantines; 14. Bucureşti, 1971: 259–260.

Ложкин А. В.

См. №: 710.

Лозе И. А.

1284. – Mesolithic art of Eastern Baltic region // The Mesolithic in Europe: Intern. Mesolithic Symp. Warsaw, 1973: 381–397: ил.

1285. – Neolithic amber ornaments in the Eastern part of Latvia // PrzA.1975. Т. 23: 49–82: ил.

Рец.: Mazurowski R. F. // PrzA. 1978. Т. 26: 191–197.

1286. – Spätmesolithikum und Frühneolithikum in Lettland // Mesolithikum in Europa: Intern.

Mesolithikum Symp; 2. Berlin, 1981: 183–190: ил. Библиогр.: 190.

1287. – Stone age wooden tools and devices from the multilayer habitation site of Zvidze (Latvia) // ARozhl. 1988. R. 50, C. 4: 361–377, 473–476: ил. Библиогр.: 376–377.

1288. – *Zur Chronologie der Schnurkeramikkultur Lettlands // Die kontinentaleuropäischen Gruppen mit Schnurkeramik. Freiburg, 1991.

Ломоури Н. Д.

1289. – *Die neuen Ausgrabungen in der Stadt Archäopolis in Westgeorgien // From Late Antiquity to Early Byzantium: Byzant. Sympos. in the 16th intern. Eirene conf. Praha: Acad., 1986: 137–142: ил.

См. также №: 827.

Лордкипанидзе Г. А.

1290. – Hellenistic coins from the site of Vani, in Colhis (Western Georgia) // NumChron. 1979. Vol. 19: 1–5.

Соавт.: Дундуа Г. Ф.

Лордкипанидзе И. Г.

1291. – Le style des Paléologues et la peinture murale aux XIV–XV siècles en Géorgie // Congr. intern. des études byzantines; 2. Bucureşti, 1975: 189–191.

Лордкипанидзе М. Н.

1292. – *Les bagues-cachets des V–III siècles de la Colchide: La question des rapports avec les ateliers grecs) // Živa antika (Skoplje). 1975. G. 25, S. 1/2: 306–316: ил. Библиогр.: 315–316.

1293. – Chefs-d'oeuvre de la glyptique // DossAParis. 1984. №. 88: 80–84: ил.

1294. – Die Gemmen des Staatlichen Museums zon Grusien // BiblClOr. 1967. Jg. 12, H. 2: 93–95.

1295. – La glyptiqye de la Géorgie ancienne: oeuvres locales, XIV s. av. notre ère – IV s. de notres ère // Eirene. 1971. T. 9: 103–108: ил.

Лордкипанидзе О. Д.

1296. – Демографическая ситуация в Восточном Причерноморье во второй половине 2 и первой половине 1 тысячелетия до н. э.: в связи с проблемой «Великой греческой колонизации») // La mer Noire et le monde méditerranéen: Symp. intern; 1. Sozopol, 1979: 26–28. (Thracia Pontica; 1).

Соавт.: Микеладзе Т. К.

1297. – Древна Колхида: Мит и археология. – София: Наука и изкуство, 1985. – 286 с.: ил.

1298. – Златокузнечество древней Колхиды // Simp. intern. sull'arte georgiana; 1. Milano, 1977: 165–173, 399–408: ил.

1299. – Към проблема за грецката колонизация по Източното Черноморие (Колхида) // Археология (София). 1980. Год. 22, Кн. 1: 1–6.

1300. – Новейшие археологические открытия в Колхиде // Pulpudeva (Sofia). 1980. T. 3: 73–80.

1301. – Das alte Kolhis und seine Beziehungen zur griechischen Welt vom 6. zum 4. Jh. v. Chr. – Konstanz: Universitätsverl., 1985.- 65 c.: ил. – (Xenia; 14).

1302. – L'archéologie géorgien // DossAParis. 1984. № 88: 14–17: ил.

1303. – *Archäologie in Georgien: Von der Altsteinzeit zum Mittelalter. – Weinheim, 1991. – 347 c.: ил. – (Acta Humaniora; 5).

Рец.: 1. Bouzek J. // PamA. 1992. T. 83, № 2: 387.

2. Edens C. // AJA. 1995. Vol. 99, № 3: 539–540.

3. Metzner-Nebelsick C. // PZ. 1994. Bd. 69, H. 2: 252–256.

4. Motzenbäcker I. // Germania. 1995. Jg. 73, H. 1: 276–279.

5. Plontke-Lüning A. // BJb. 1992. Bd. 192: 593–598.

1304. – Aryballe attique en argent provenant de Vani (Colchide) // APol. 1973. T. 14: 89–93: ил.

1305. – Auf dem Boden des antiken Grusien gefundene italische Bronzeerzeugnisse // BiblClOr. 1967, Jg. 12, H. 2: 96–97.

1306. – La civilisation de l'ancienne Colchide aux V–IV siècles: A la lumière des plus récentes découvertes archéologiques // RA. 1971. F. 2: 259–288: ил.

1307. – La Colchide aux VII–V siècles: Sources écrites antiques et archéologie // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris. 1990. Vol. 100: 166–187.

Соавт.: Микеладзе Т. К.

1308. – Colchis in the early antique period and her relations with the Greek World // Archaeologia (Wrocław). 1968. T. 19: 15–44: ил.

1309. – Forschungrn zu den frühen Kulturen in der Georgischen SSR // Das Altertum. 1978. Bd. 24, H. 1: 19–29: ил.

1310. – The fortification of ancient Colchis (Eastern Black Sea littoral) // La fortification dans l'histoire du monde grec: Colloque intern. Paris: CNRS, 1986: 179–184: ил.

1311. – La Géorgie a l'époque hellénistique // DialHistAnc. 1983. № 9: 197–216: ил.

1312. – La Géorgie et le mond grec // BCH. 1974. T. 98, F. 2: 897–948: ил.

1313. – The Greco-Roman world and Ancient Georgia (Colchis and Iberia) // Collection de l'Ecole française de Rome. 1983. T. 67: 125–144.

1314. – The Greeks in Colchis // Koromila M. The Greeks in the Black Sea from the Bronze Age to the early 20th century. Athens, 1991: 190–197: ил.

1315. – Greeks in Colchis: myth and archaeology // Greece and Italy in the Classical World: Intern. Congr. of Classical Archaeology. London, 1979: 250.

1316. – *Das Handwerk der Alt-Kolchis (VI–IV Jh. v. n. Z.) // Études et travaux (Warszawa). 1983. T. 13: 239–247.

1317. – L'Ibérie Caucasienne // DossAParis. 1984. № 88: 70–79: ил.

1318. – Le littoral oriental de la mer Noire (Colchide) durant la colonisation grecque // DialHistAnc. 1980. № 6: 41–46: ил.

Соавт.: Микеладзе Т. К.

1319. – Monuments of Graeco-Roman culture on the territory of Ancient Georgia // Archeologia (Wrocław). 1966. Т. 17: 49–79: ил.

1320. – New archaeological finds at Vani (Ancient Colchis) // AAS. 1971. Vol. 21, Т. 1/2: 177–183.

1321. – *On the cult of Heracles in Colchis // Mélanges Pierre Lévèque. Paris, 1990: 277–288.

1322. – L'or de la Colchide: Myth ou réalité? // DossAParis. 1984. № 88: 60–69: ил.

1323. – Pour le quarantième anniversaire de l'expédition archéologique de Vani // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 239–241: ил.

1324. – Les problèmes fondamentaux aux littoral de la mer Noire dans l'antiquité // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 327–345.

1325. – Strabo über das erste Genos der iberischen Bevölkerung // BiblClOr. 1962. Jg. 7, H. 4: 199–201.

1326. – Trade, economic and cultural relations between the ancient world and Colchis in the Hellenistic epoch // Studien zur Geschichte und Philosiphie des Altertums. Budapest, 1968: 281–282.

1327. – Über zwei Funde aus Vani // AA. 1995. H. 1: 41–52: ил.

1328. – Vani: An ancient city of Colchis // Greek, Roman and Byzantine studies. 1991. Vol. 32, № 2: 150–195: ил.

1329. – Vani dans la structure du royaume Colchidien // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 289–294: ил.

1330. – Zur historischen Entwicklung der Stadte im alten Thrakien und in der Kolchis (Anlichkeiten und Unterschiede) // Intern. Thrakologischer Kongr.; 3. Wien, 1980: 126.

Лубо-Лесниченко Е. И.

1331. – Chinese silk embrodery from Noin-Ula // ArtAs. 1963. Vol. 26, № 3/4: 181–190: ил.

1332. – The Huns, third century B. C. to sixth century A. D. // Nomads of Eurasia. Los Angeles, 1989: 41–53: ил.

1333. – Imported mirrors in the Minusinsk basin // ArtAs. 1973. Vol. 35, № 1/2: 25–61: ил.

1334. – Nouvelles découvertes soviétiques à Oglakty et leur analogie avec les soies façonnées polychromes de Leou-Lan-Dynastie Han // ArtAs. 1973. Т. 28: 139–164: ил. Библиогр.: 149–152.

1335. – Silk bearing the design of two dragons diametrically opposed with the medallions // Bull. of Ancient Orient Museum. Tokyo. 1987. Vol. 9: 93–117: ил. Библиогр.: 115–117.

Луконин В. Г.

1336. – *Iran II. Des Séleucides aux Sassanides. Paris: Nagel, 1967. – 220 с.: ил. – (Archeologia mundi).

1337. – Monnaire d'Ardachir I et l'art officiel sassanide // IranAnt. 1968. Т. 8: 106, 117: ил.

1338. – *Persien II. Von Alexander d. Gr. bis zu den Sasaniden. – München: Nagel, 1967. – 243 с.: ил. (Archaeologia mundi). Библиогр.: 217–221.

Рец.: Kühn H. // Ipek. 1966/1969. Bd. 22: 179.

См. также №: 666.

Лурье С. Я.

1339. – Burgfrieden in Sillyon // Klio. 1959. Bd. 37: 7–20.

1340. – Methodische Bemerkungen zur Entzifferung und Deutung der griechischen Inschriften mykenischer Zeit // Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag von J. Sundwall. Berlin, 1958: 209–225.

1341. – Die mykenischen Inschriften und der alte Orient // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 4: 207–208.

1342. – Die Sprache der mykenischen Inschften // Klio. 1964. Bd. 42: 5–60.

Лыугас В. А.

1343. – The archaeology of terror: Archaeological excavations of mass-murder sites in the Soviet Union // FScandA. 1991. № 8: 77–84: ил.

1344. – Das mitteleisenzeitliche Steingrab von Lehmja Loo in der Nähe von Tallinn // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskija. 1973. № 75: 117–131: ил.

1345. – Über die Beziehungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum in der Bronze- und frühen Eisenzeit // Studia Baltica Stockholmiensis. 1985. № 1: 51–60: ил. Библиогр.: 60.

1346. – Über die Typologie und Chronologie der ältesten Hirtenstabnadeln des Ostbaltikums // Suomen museo. 1971. Т. 78: 20–37: ил.

Львова З. А.

1347. – К вопросу о происхождении стеклянных бус Старой Ладоги // SlAnt. 1970. Т. 17: 17–186: ил.

Соавт.: Наумов Д. В.

1348. – Културата на номадите от края на VIII и IV в. Салтова-Маяцка култура // Съкровище на хан Кубрат. София, 1989: 62–69: ил.

1349. – Стеклянные бусы Старой Ладоги // MKAS; 1. Wrocław, 1970. Т. 5: 230–246.

См. также №: 912.

Любин В. П.

1350. – Археологические исследования пещер Кавказа: История исследования // Европейская спелеол. конф.; 5. София, 1984. Т. 1: 200–203. Библиогр.: 202–203.

1351. – Краткий очерк древнего и среднего палеолита Кавказа // Congr. intern. de spéléologie en Yougoslavie; 4. Ljubliana, 1969: 363–368.

1352. – L'acheuléen de la partie européenne de l'URSS et du Caucase: Matériaux et quelques problèmes // Anthropologie (Brno). 1981. Т. 19, № 1: 33–46: ил. Библиогр.: 46.

1353. – L'activité de chasse des plus anciens habitants du Caucase (Acheuléen, moustérien) // L' Anthropologie. 1984. Т. 88, № 2: 221–229. Библиогр.: 228–229.

Соавт.: Барышников Г. Ф.

1354. – Early Stone Age industries of Eastern Europe and Caucasus // The World Archaeol. Congr. Southampton, 1986. Vol. 1. 5 с.

1355. – La grotte de Koudaro I // L'Anthropologie. 1985. Т. 89, № 2: 159–180: ил. Библиогр.: 179–180.

Соавт.: Барышников Г. Ф., Левковская Г. М., Селиванова Н. Б., Черняховский А. Г.

1356. – *Les hommes les plus anciens en Europe // Sciences sociales. 1982. № 4: 134–146.

Мавлеев Е. В.

1357. – *Миф, идеология и политика: деятельность мастерской граверов в Вольсиниях // Concilium Eirene XVI. Praha, 1983. Vol. 2: 35–39.

1358. – Antike Mythologie, Sankt Petersburg und Staatliche Ermitage // Mélangrs de l'École française de Rome. Antiquité. 1991. Т. 103, F. 1: 213–222: ил.

Магомедов М. Г.

1359. – Население приморского Дагестана в VII–VIII вв. // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2: 109–126: ил.

1360. – Die Töpferproduction im alten Chasarien // VAH. 1990. Т. 3: 275–290: ил. Библиогр.: 290.

Мазинг У.

1361. – Akkadisches *miksu* in Osteuropa // Wirtschaft und Gesellschaft im Alten Vorderasien. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976: 521–526.

Мазуркевич А. Н.

См. №: 755.

Макаров Л. Д.

1362. – Wechselwirkung der slawischen und finnisch-ugrischen Kultur im Kama-Wjatka-Zwischenflussland // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 180.

Макаров Н. А.

1363. – The earliest burials in Volok Slavensky and the initial stages of the water route from the Beloe Lake to the Dvina Basin // Iskos. 1990, Vol. 9: 161–169: ил.

1364. – «Eastern» ornaments of the 11th -13th centuries in Sami Areas: origines and routes // Acta Borealia. 1991, № 2: 57–80: ил. Библиогр.: 78–80.

1365. – On the Christianization of the rural areas of Russia in the 11th-13th centuries. Burials with crosses and small icons in Beloserie cemeteries // SM. 1989. Т. 96: 49–59: ил. Библиогр.: 59.

Макарова Т. И.

1366. – Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1984: 212–223: ил.

Соавт.: Плетнева С. А.

1367. – Ausgrabungen in Bajot und Csolnok // MAInstUngAk. 1976. Т. 6 (1977): 123–124.

Соавт.: Титов В. С., Ширинский С. С.

Максименко В. Е.

1368. – The graves with Roman imports at the Sladkovski barrow-cemetery // Raev B. A. Roman imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986: 81–82: ил. (BAR. Intern. Ser.; 287).

Максимов Е. В.

1369. – Раннеславянские культуры Среднего Приднепровья на рубеже и в первых веках нашей эры // CIAS; 3. Bratislava, 1980. Т. 2: 265–268.

1370. – Łazar Mojsiewicz Sławin (1905–1971) // Archeologia (Wrocław). 1972. Т. 23: 129–130: ил.

Максимова М. И.

1371. – Die geschnittenen Steine // BiblClOr. 1956. H. 2: 109–111.

1372. – Der Kurze Seeweg über das Schwarze Meer im Altertum // Klio. 1959. Bd. 37: 101–118.

1373. – Das Rhyton aus Kelermes // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961: 60–74.

1374. – Le rhyton de Kélermès // Bull. van de Vereeniging tot bevordering der kennis van de antieke beschoving te 's-Gravenhage. 1966. Jg. 41: 7–13: ил.

1375. – Der Silberspiegel aus Kelermes // Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961: 35–39.

1376. – Die Skulptur // BiblClOr. 1956. Jg. 1, H. 2: 111–113.

Соавт.: Наливкина М. А.

Маланова Н. С.

См.: № 754.

Малеваный А. М.

1377. – Греческая цивилизация и иллирийцы // Klio. 1968. Bd. 50: 71–91.

Малеев Ю. Н.

1378. – Trackie grodziska okresu halsztackiego na północno-wschodnim Podkarpaciu // ActaACarp. 1988. Т. 27: 95–116: ил.

Малевская М. В.

1379. – Декоративные керамические плитки древнего Галича // SlovA. 1978. R. 26, Č. 1: 87–98: ил.

Соавт.: Раппопорт П. А.

1380. – Церковь Михаила в Переяславле // Зограф. 1979. № 10: 30–39: ил.

Соавт.: Раппопорт П. А.

См. также № 1975.

Мамадназаров М.

1381. – Die Architektur der Wohnstätten Westpamirs als Quelle der antiken Formen der Wohnbaukunst // WissBeitrHalle. 1983. Reihe I. Bd. 21: 36–52.

Маммаев М. М.

1382. – Художественная обработка металла в средневековом Дагестане. Некоторые вопросы формирования и развития // La formation et dévelopment des métiers au Moyen Age (V–XIV siècles): Colloque intern. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977: 81–83.

Мандельштам А. М.

1383. – Ранние кочевники в древней истории Средней Азии // Le plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique: Leurs relations à la lumièr des documents archéol.: Colloque untern. Paris, 1977: 215–223.

1384. – Archäologische Bemerkungen zum Kuschana Problem // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Berlin, 1969. Bd. 1: 525–534.

Манзура И. В.

1385. – *Культуры энеолита – ранней бронзы восточно-европейских степей в хронологической системе Юго-Восточной Европы // Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace; 7. Plovdiv, 1990: 7–8.

Манукян А.

См. также № 32.

Манцевич А. П.

1386. – Бронзовые пластины из Прикубанья // Изследования в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнината му. София, 1958: 459–468: ил.

1387. – Древнейшее ожерелье в собрании Государственного Эрмитажа // APol. 1973. T. 14: 59–77: ил.

1388. – Золотая чаша из Келермесского кургана // Omagiu lui George Oprescu cu prilejul împliririi a 80 de ani. Bucureşti, 1961: 331–339: ил.

1389. – Золотой венец из кургана на р. Калитве (К вопросу об агафирсах) // Изв. на Археол. ин-т. 1959. Кн. 22: 57–79: ил.

1390. – Золотой нагрудник из Толстой Могилы // Тракия (София). 1980. T. 5: 97–120: ил.

1391. – Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // Archeologia (Wrocław). 1976. T. 26: 1–45: ил.

1392. – К вопросу об изображениях варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья // StThr. 1975. T. 1: 112–126: ил.

1393. – Канфар из кургана Солоха: К вопросу о фракийских центрах торевтики // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et la culture thrace. Sofia. 1980. T. 3: 61–72: ил.

1394. – Об уздечках фракийского типа из кургана Оруз // Congr. intern. de thracologie; 2. Bucureşti, 1980: 267–293: ил.

1395. – Серебряный сосуд Мастюгинского кургана // ActaArchHung. 1958. T. 9: 315–333: ил.

1396. – Чертомлыкская ваза и пекторали из Толстой Могилы // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et la culture thrace. Sofia. 1974. T. 1: 83–98: ил.

1397. – Finds in the Zaporozhe Barrow: New light on the Siberian Collection of Peter the Great // AJA. 1982. Vol. 86, № 4: 469–474: ил.

1398. – A Kalitva folyó mellettikurgín // AErt. 1961. Köt. 88, Sz. 1: 77–81: ил.

1399. – Sur l'origine des objets de l'époque scythe d'aprés les matériaux de l'Ermitage // Ipek. 1974/1977. Bd. 24 (1977): 69–78: ил.

1400. – Sur l'origine des objects de toreutique retrouvés dans les tumuli de l'époque scythe // Reflets d'humanisme (Bruxelles). 1968. № 39: 3–19: ил.

Рец.: Berciu J. Hallstatt. Obiectele de orfevrerie scitice URSS // Revista de referate si recenzii du documentation scientifique de l'Acad. R. S .R. Alba Julia, 1970: 773–783.

1400a. – Sur l'origine des objects de toreutique retrouvés dans les tumuli de l'époque scythe // Studies in Ancient Jewellery. Louvain, 1980: 80–105: ил. (Publ. d'histoire d'art et d'archéologie de l' Univ. catholique de Louvain; 14).

1401. – Sur quelques objects du tumulus de Maikop // Apulum. 1971. T. 9: 103–127: ил.

1402. – Zu den skythisch-thrakischen kulturellen Beziehungen in der Antike (Unter besonderer Berucksichtigung der Toreutik) // Intern. Thrakologischer Kongr.; 3. Res. Wien, 1980: 130–135.

Маньковская Л. Ю.

1403. – Towards the study of forms in Central Asian architecture at the end of the fourteenth century: The Mausoleum of Khvaja Ahmad Yasavi // Iran. 1985. Vol. 23: 109–127: ил.

Марк К. Ю.

1404. – *Die Herkunft und gegenseitige Beziehungen der Lappen und Nordfinnen nach Angaben der Anthropologie // CIFU; 5. Turku, 1981. P. 8: 389–394. Библиогр.: 394.

1405. – Zur Entstehung der gegenwärtigen Rossentypen im Ostbaltikum. –Helsinki, 1958. – 54 c.: ил. – (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; 59,4).

Маркин С. В.

1406. – Mousterian industries of the Altai // Early man news. 1990. № 15: 19.

Марков Г. Е.

1407. – Dam-Dam-češme 2. Eine urgeschichtliche Hohle in Westturkmenien (Ost-Kaspi-Gebiet) // EAZ. 1966. Jg. 7, H. 1: 1–18: ил. Библиогр.: 17–18.

1408. – Einige Probleme aus der Geschichte von Wirtschaft und materieller Kultur in der Urgesellschaft // EAZ. 1981. Jg. 22, H. 3: 433–442. Библиогр.: 441–441.

См. также № 610.

Марков К. К.

1409. – L'Eurasie septentrionale pendant la période de refroidissement pléistocéne //L'Anthropologie. 1968. T. 72, № 1/2: 97–106. Библиогр.: 106.

Маркова А. К.

1410. – Late Pleistocene mammal fauna of the Russian Plain // Late Quaternary environments of the Soviet Union. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1984: 209–218. Библиогр.: 217–218.

Маркова Г. А.

1411. – Christian IV's royal plate: An exhibition of treasures from the Armoury in Moscow // Bencard Mogens. Christian IV's royal plate and his relations with Russia. Copenhagen, 1988: 73–91, 98–99: ил.

Марковин В. И.

1412. – Дольмены Западного Кавказа и морские миграции в древности // La mer Noire et le monde méditerranéen: Symp. intern; 1. Sozopol, 1979: 21–23. (Thracia Pontica; 1).

1413. – Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения // Thracia Pontica: Intern. symp.; 2. Jambol, 1985. T. 2: 164–178: ил. Библиогр.: 174–177.

1414. – Dolmens des monts du Pré-Kouban (Caucase occidental). Bassin de la rivière Kizinka // Archéocivilisation (Paris). 1972/1973. № 11/13: 8–31: ил. Библиогр.: 31.

1415. – Kunst und Kultur in Nord-Kaukasus. – Leipzig: Seeman, 1988. – 176 с.: ил. – Библиогр.: 164–166.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1416. – Quelques resultats des études sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental // Antiquites nationales et internationales. 1963. № 14/16: 42–51. Библиогр.: 48–51.

Мартиросян А. А.

1417. – Notes concerning the economic activities of the Babylonian temple in the I Millenium B. C. // Iraq. 1983. Vol. 45. P. 1: 128–130.

Мартынов А. И.

1418. – Древнейшие памятники финно-угорского изобразительного искусства в Сибири // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 55.

1419. – * The ancient art of the Northern Asia. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1990. – 304 с.: ил.

Рец.: Davis-Kimbal J. // AJA. 1991. Vol. 95, № 3: 544–546.

1420. – *The ancient art of the Northern Asia. – Champaign (Il.): Univ. of Illinois press, 1991. – 300 с.: ил.

1421. – La civilisation pastorale des steppes du 1 millénaire avant notre ère // Nomades et sédentaires en Asie Centrale: Colloque franco-sov. Paris: CNRS, 1990: 187–191.

1422. – Siberia before the Mongols: New finds and problems // Journal of the Steward Anthropol. Soc. 1981. Vol. 12, № 2: 441–506. Библиогр.: 499–506.

1423. – The solar cult and the tree of life // ArcAnthr. 1988. Vol. 25, № 2: 12–28: ил. Библиогр.: 28–29.

Мартынова Г. С.

1424. – The beginning of the Hunnic epoch in South Siberia // ArcAnthr. 1988. Vol. 25, № 2: 61–80: ил. Библиогр.: 80–83.

Марченко К. К.

1425. – О восточной границе расселения фракийцев в Северном Причерноморье архаического времени: археологический аспект вопроса // Thracia Pontica: Simp. intern.; 4. Sofia, 1991. T. 4: 209–212. Библиогр.: 212.

1426. – Elisavetovskoje: Skythische Stadt im Don-Delta. – München: Beck, 1984. – 82 с.: ил. – (AVA-Materialen; 27). – Библиогр.: 80–81.

Соавт.: Брашинский И. Б.

1427. – Die Siedlung von Elizavetovka – ein griechisch – barbarisches Emporion im Dondelta // Klio. 1986. Bd. 68, H. 2: 377–398: ил.

См. также № 455, 463.

Маршак Б. И.

1428. – Восточные аналогии зданиям типа вписанного креста: Пенджикент и Бамиана, V–VIII вв. // WissBeitrHalle. 1983. Reihe I. Bd. 21: 53–64: ил.

1429. – Cultes communautaires et cultes privés en Sogdiane // Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Paris: CNRS, 1991: 187–195: ил.

Соавт.: Распопова В. И.

1430. – A hunting scene from Pandjikent // BasInst. 1990. N.S. Vol. 4: 77–94: ил.

Соавт.: Распопова В. И.

1431. – Une image sogdienne du dieu-patriarche de l'agriculture //Studia Iranica. 1987. T. 16, F. 2: 193–199: ил.

Соавт.: Распопова В. И.

1432. – Les nomades et la Sogdiane // Nomades et sédentaires en Asie Centrale: Colloque franco-sov. Paris: CNRS, 1990: 179–185. Библиогр.: 183–185.

Соавт.: Распопова В. И.

1433. – The paintings of Sogdiana // Azarpay G. Sogdian painting. Berkeley, 1981: 13–77: ил.

Соавт. Беленицкий А. М.

1434. – Silberschätze des Orients: Metallkunst des 3. – 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: Seeman, 1986. – 438 с.: ил. Библиогр.: 411–424.

Рец.: Profantová N. // PamA. 1988. R. 79, Č. 2: 477–480. Библиогр.: 480.

1435. – La Sogdiana nel'VII–VIII secolo d. C. // Tesori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo. Milano: Mondadori, 1987: 157–167: ил.

1436. – Some notes on the tomb of LI–Xian and his wife under the Northern Zhou dynasty at Guyuan, Ningxia and its gold-gilt silver ewer with Greek mythological scenes unearthed there // Cultura antiqua (Kyoto). 1989. Vol. 41, № 4: 49–57: ил. Яп. Библиогр.: 57.

1437. – Vladimir Lukonin (1932–1984) // Studia Iranica. 1985. T. 14, F. 1: 5–13: портр. Библиогр.: 10–13.

Соавт.: Шкода В. Г.

1438. – Wall paintings from a House with a Granary, Panjikent, 1st quarter of the eighth century A. D. // Journal of the Inst. of Silk Road Studies (Kamakura). 1990. № 1: 123–176: ил.

Соавт.: Распопова В. И.

См. также № 216.

Масанов Н. Е.

1439. – La dispersion comme loi générale de l'activité de la société nomade // Nomades et sédentaires en Asie Centrale: Colloque franco-sov. Paris: CNRS, 1990: 193–203.

Масимов И. С.

1440. – The study of Bronze Age sites in the Lower Murghab // The Bronze Age civilization of Central Asia: Recent Soviet discoveries. New York: Sharpe Inc., 1981: 194–220: ил.

Массон В. М.

1441. – Археологические культуры периода энеолита и бронзы в Средней Азии // Каогу. 1960. № 3: 55–64. Кит.

Соавт.: Массон М. Е.

1442. – Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи // Problemi attuali di scienza e di cultura: Atti del Convegno sul tema: La Persia e il mondo greco-romano. Roma, 1966: 335–380.

1443. – Диалектика прогрессивного и регрессивного в историческом процессе: По материалам раннеземледельческих комплексов трипольского типа // Роль Черного моря в праистории Сред. и Юго-Вост. Европы: Междунар. симп. Толбухин, 1988: 5–6.

1444. – Среднеазиатская археология – достижения и тенденции развития // WissBeitrHalle. 1985. Reihe I. Bd. 30: 20–34: ил. Библиогр.: 30.

1445. – Страна тысячи городов. – Токио, 1971. – 212 с.: ил. Яп.

1446. – A l'origine des villes en Turkmenie méridionale // DossAParis. 1993. № 185: 22–27: ил.

1447. – Afghanistan in the Ancient East // Afghanistan. 1969. Vol. 22, № 2: 7–19.

Соавт.: Сарианиди В. И.

1448. – Altyn-Depe. – Philadelphia, 1988. – 150 с., 22 л. ил.: ил. (Univ. museum monograph / Univ. of Pennsylvania; 55). Библиогр.: 138–150.

1449. – Altyn-depe and the bull cult // Antiquity. 1976. Vol. 50, № 197: 14–19: ил. Библиогр.: 19.

1450. – Altyn-Depe – die Stadt des heiligen Stiers // Das Altertum. 1978. Bd. 24, H. 2: 69–78: ил.

1451. – Altyn-depe during the Aeneolithic period // The Bronze Age civilization of Central Asia: Recent Soviet discoveries. New York: Sharpe Inc., 1981: 63–95: ил.

1452. – *Archaeological cultures of Central Asia of the Aeneolithic and Bronze Age //Cahiers d'histoire mondiale. 1959. Vol. 5, № 1: 15–40: ил.

Соавт.: Массон М. Е.

1453. – *Archaeological heritage management in the USSR // Archaeological heritage management in Modern World. London, 1989.

1454. – Archaeology of Central Asia prior to the Arabian invasion // Khao Co' Hoc. 1986. №. 4: 65–70: ил. Вьет.

1455. – Archaeology: Pre-Islamic Central Asia // Encyclopedia Iranica. Boston; London, 1986: 308–317.

1456. – The art of the Altyn-depe: The artistic traditions of the urbanized cultures between Sumer and India // To illustrate the monuments: Essays on archaeology presented to S. Piggot. London, 1975: 254–262.

1457. – Une Babilone nordique // Archeologia (Paris). 1971. № 43: 87.

1458. – *A Bronze Age city in Central Asia // Illustrated London News. 1970. May, 30.

1459. – Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids. – London: Thames and Hudson, 1972. – 219 с.: ил. (Ancient peoples and places; 79). – Библиогр.: 213–214.

Соавт.: Сарианиди В. И.

Рец.: 1. Brentjes B. // WissZHalle. 1973. Bd. 22, H. 6: 153.

2. *Colb Ch. C. // American Anthropologist. 1973. № 75: 1945–1948.

3. *Dales G. F. // The Art Bulletin. 1975. Vol. 57, № 4: 571–573.

4. Lamberg-Karlovsky C. C. Prehistoric Central Asia // Antiquity. 1973. Vol. 47, № 185: 43–46.

1460. – *Les cultures anciens d'Asie moyenne // L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilizations orientales. Paris, 1988.

1461. – Egy kökori település Közép-Azsiában Dzsejtun. – Budapest, Gondolat, 1978. – 198 с.: ил. Библиогр.: 183–193.

1462. – The first farmers in Turkmenia // Antiquity. 1961. Vol. 35, № 139: 203–213: ил. Библиогр.: 213.

1463. – The forgotten Kushan empire: New discoveries at Zar-tepe // Archaeology (New York). 1984. Vol. 37, № 1: 31–37: ил.

1464. – Die Geldwirtschaft Mittelasiens im Altertum nach dem numismatischen Tatsachenmarerial // BiblClOr. 1956. Jg. 1, H. 2: 86–87.

1465. – *Iranica, Arte. 1. Periodo prehistorico ed elamita // Enciclopedia dell'arte antica: Classica e orientale. Roma, 1962: 189–196: ил.

Соавт.: Тревер К. В.

1466. – Das Land der tausend Städte: Die Wiederentdeckung der ältesten Kulturgebiete in Mittelasien. – München: Pfriemer, 1982. – 239 с.: ил.

Рец.: 1. Fellmann R. // Antike Welt. 1983. Jg. 14, H. 1: 63.

1467. – Man at the dawn of civilization // The Bronze Age civilization of Central Asia: Recent Soviet discoveries. New York: Sharpe Inc., 1981: 107–134: ил.

Соавт.: Кияткина Т. П.

1468. – Merv, the «Soul of Kings», in world history // Iran. 1991. Vol. 29: 181–183: ил.

1469. – Modern Soviet archaeology: Organisation, methodology, politics of the past // ActaA. 1987. Vol. 58 (1988): 201–206: ил.

1470. – The Neolithic farmers of Central Asia // CISPP; 6. Firenze, 1965. T. 2: 205–215.

1471. – A new type of culture formation leading to food production economy and social progress // JCentrAs. 1983. Vol. 6, № 1: 65–72.

1472. – Nomades et civilisations anciennes: dynamique et typologie des interactions // Nomades et sédentaires en Asie Centrale: Colloque franco-sov. Paris: CNRS, 1990: 205–210. Библиогр.: 209–210.

1473. – Nouvelles découvertes des archéoloques de Leningrad // Paléorient. 1986. Vol. 12, F. 1: 101–102.

1474. – Politics toward the past in the USSR // The World Archaeol. Congr. Final Papers. Southampton; London, 1986. Vol. 12.

1475. – Prehistoric settlement patterns in Soviet Central Asia // Man, settlement and urbanism: Proc. of a Meet. of the Research Seminar in archaeology and related subjects. London: Duckworth, 1972: 263–277: ил. Библиогр.: 276–277.

1476. – The Proto-Bactrian group of civilizations in the Ancient East: Рец.: Amiet P. L'âge des échanges interiraniens. – Paris, 1986 // Antiquity. 1988. Vol. 62, № 236: 536–541. Библиогр.: 540–541.

1477. – *The rise of civilization: General traits and local variations // Bull. of the Inst. of Archaeology. Univ. of London. 1988. Vol. 25 (1989): 1–7.

1478. – Seals of a Proto-Indian type from Altyndepe // The Bronze Age civilization of Central Asia: Recent Soviet discoveries. New York: Sharpe Inc., 1981: 149–162: ил.

1479. – Soviet archaeology in the steppe zone // Antiquity. 1989. Vol. 63, № 241: 779–783: ил. Библиогр.: 783.

1480. – Studies of prehistoric cultural processes in the Soviet archaeology // The World Archaeol. Congr. Final Papers. Southampton; London, 1986. Vol. 4. 11c.

1481. – *Świt urbanizacji // Problemy. 1976. № 10: 48, 57–59: ил.

Соавт.: Кияткина Т. П.

1482. – Systemovy pristup a vyzkum paleoekonomickych struktur // Malina J. Archeologia včera a dnes. Brno, 1981: 111–122: ил.

1483. – Urban centers of early class society // The Bronze Age civilization of Central Asia: Recent Soviet discoveries. New York: Sharpe Inc., 1981: 135–148: ил.

1484. – The urban revolution in South Turkmenia // Antiquity. 1968. Vol. 42, № 167: 178–187: ил. Библиогр.: 187.

1485. – Рец.: Cassal J. M. Foulles de Mundigak. – Paris, 1961. – Vol. 1–2. – (MDAFA; 17) // Journal of the Near Eastern Studies. 1966. Vol. 25, № 1: 65–68.

1486. – Рец.: Renfrew C. Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins. – London, 1987. – 346 с. // SlovA. 1991. R. 39, Č. 1/2: 375–377. Библиогр.: 377.

1487. – Zar-depe, eine Stadt der Kuschana in Südusbekistan // Das Altertum. 1987. Bd. 33, H. 1: 49–53: ил.

См. также № 1076, 1077.

Массон М. Е.

1488. – Neuentdeckung einer alten Kultur: Ausgrabungen von Nisibis // Sowietunion. 1954. № 12: 28–29.

1489. – The Palmyrene stelae from the Merv Oasis // East and West. 1967. Vol. 17, № 3/4: 239–247: ил. Библиогр.: 247.

1490. – The Parthian rhytons of Nisa. – Fierenze: Sansoni, 1982. – 150 с.: ил. – (Monografie di Mesopotamia; 1).

Соавт.: Пугаченкова Г. А.

Рец.: Taddei M. // East and West. 1984. N. S. Vol. 34, № 1/3: 361–364.

1491. – Shahr-i Sabz from Timur to Ulugh Beg. P. 1. // Iran. 1978. Vol. 16: 103–126: ил.; P. 2 // Iran. 1980. Vol. 18: 121–143: ил.

Соавт.: Пугаченкова Г. А.

См. также № 1441, 1452.

Матвеева Н. П.

1492. – К этнокультурной истории Западной Сибири в раннем железном веке // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 183.

Матиашвили Н. Н.

1493. – Contribution à l'étude des croyances religieuses des Colches à l'époque pré-héllenistique // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 269–272.

Матюхин А. Е.

1494. – Гносеологические аспекты исследования многообразия и взаимосвязи методов ар-

хеологического познания // ŠZ AÚSAV. 1988. Т. 25: 131–137. Библиогр.: 137–138.

1495. – Les formes bifaciales d'ateliers et de stations-ateliers // ERAUL. 1990. № 42: 141–162: ил. Библиогр.: 152–153.

1496. – More on the clactonian problem // CAnt. 1980. Vol. 21, № 5: 705–708. Библиогр.: 708.

Матюшин Г. Н.

1497. – Мезолит Урала // CISPP; 7. Praque, 1970. Т. 1: 330–333.

1498. – The Mesolithic and Neolithic in the Southern Urals and Central Asia // Hunters in transition: Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986: 133–150: ил. (New directions in archaeology). Библиогр.: 149–150.

Матющенко В. И.

1499. – Отношение памятников неолита и бронзы Западной Сибири к финно-угорской этнической общности // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 182.

Махортых С. В.

1500. – Кіммерійці на Північному Кавказі // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 72–74: ил. Библиогр.: 74.

1501. – Zu den kaukasischen «Pectoralen» des 8.–7. Jahrhunderts v. Chr.: Ein Beitrag zur Kimmerischer Pferde // HambBeitrA. 1991. Bd. 18 (1996): 31–45: ил.

Мацкевой Л. Г.

1502. – Вулканические стекла в мезолите УССР // Seminar on Petroarchaeology. Plovdiv, 1984: 168–175. Библиогр.: 173–175.

Соавт.: Рыбачек Е. П.

Мацулевич Ж. А.

См. № 661.

Мацулевич Л. А.

1503. – Byzantinische Antike: Studien auf Grund der Silbergefässe der Eremitage. – Berlin: De Gruyter, 1974, 150 с.: ил.

Мачинский Д. А.

1504. – О местах обитания и направлениях движений славян I–VII вв. н. э.: по письменным и археологическим источникам // ActaACarp. 1976. Т. 16: 59–94.

Соавт.: Тиханова М. А.

1505. – О соотношении пшеворской и зарубинецкой культур: К вопросу о славянах на рубеже н. э. // MKAS; 1. Wrocław, 1969. Т. 2: 277–282.

1506. – Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen und der Versuch, sie mit den archäologischen Daten zu vergleichen // Ethnologia Slavica (Bratislava). 1974. Т. 6: 51–70.

Машбиц Я. Г.

1507. – Problems of interaction of the indigenous population and nature in Latin America in the works by Russian and Soviet scientists // Interaction of the prehistoric man and his environment. Mexico, 1981: 99–108.

Соавт.: Шевченко Л. М.

Медведев А. М.

1508. – О хронологии памятников штрихованной керамики в I–V вв. н. э.: По материалам Понеманья // Barbaricum. 1994. Т. 3: 21–32: ил. Библиогр.: 27–28.

Медведев А. П.

1509. – A Sarmatian barrow with Roman and Chinese imports in the Middle Don Region // Raev B. A. Roman imports in the Lower Don Basin. London, 1986: 83–84: ил. (BAR. Intern. Ser.; 278).

Соавт.: Ефимов К. Ю.

Медведев Г. И.

1510. – Archaeological investigations of the stratified Palaeolithic site of Krasnyi Iar on the Angara in 1964–1965 // ArcAnthr. 1969. Vol. 6, № 1: 30–44: ил. Библиогр.: 38–39.

1511. – New data on the pre-Neolithic period of the Angara Region // ArcAnthr. 1968. Vol. 5. № 1: 213–223: ил. Библиогр.: 222–223.

Соавт.: Аксенов М. П.

Медведская И. Н.

1512. – Конский убор из могильника Сиалк В // IranAnt. 1983. Vol. 18: 59–79: ил.

1513. – The end of Urartian presence in the region of Lake Urmia // Archaeologia Iranica et Orientalis: Misc. in honorem Louis Vanden Berghe. Gent, 1989. Vol. 1: 439–454: ил. Библиогр.: 451–452.

1514. – Iran: Iron Age I. – Oxford, 1982. – 130 с.: ил. – (BAR. Intern ser.; 126). – Библиогр.: 118–130.

Рец.: Moorey P. R. S. // JRAS. 1983. № 1: 112.

1515. – Once more on the destruction of Hasanlu IV: Problems of dating // IranAnt. 1991. Vol. 26: 149–161.

1516. – A study on the chronological parallels between the Greek geometric style and Sialk B painted pottery // IranAnt. 1986. Vol. 21: 89–120: ил.

1517. – Who destroyed Hasanlu IV? // Iran. 1988. Vol. 26: 1–15: ил.

Медынцева А. А.

1518. – Надписи из Круглой церкви в Преславе. – София: Изд-во Болг. Акад. наук, 1984. – 131 с.: ил. – Библиогр.: 118–121.

Мезенцева Г. Г.

1519. – Гончарное производство Белгорода Киевского // Slovane 6.-10. stoleti. Brno, 1980: 185–190.

Меликишвили Г. А.

1520. – D'ou viennent les Géorgiens? // DossAParis. 1984. № 88: 18–19: ил.

1521. – Quelques aspects du régime socio-économique des societes anciennes du Proche-Orient // ActaAntHung. 1974. T. 22, F. 1/4: 79–90.

1522. – Some aspects of the problem of the socio-economic system of ancient Near Eastern socities // Intern. Tagung der Keilschriftforscher der socialistischen Länder. Budapest, 1974: 68–72.

Мельникова Е. А.

1523. – New finds of Scandinavian runic inscriptions from the USSR // Runor och runinskrifter. Kungl. Vitterhets Hist. och Antikvitets Akad. Stokholm, 1987: 163–173: ил. (Konf.; 15).

1524. – The origin and evolution of the name Rus': The Scandinavians in Eastern-European ethno-political processes before the 11th century // Tor. 1990/91. Vol. 23: 203–234. Библиогр.: 231–234.

Соавт.: Петрухин В. Я.

1525. – Scandinavian runic inscriptions as a source for the history of Eastern Europe // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavia et Byzance): Colloque nordique et intern. de byzantonologie. Uppsala: Almqvist and Zeitler, 1981: 169–173. (Acta Univ. Upsaliensis; 19).

Мелюкова А. И.

1526. – Итоги и задачи изучения киммерийских и скифских племен с фракийцами в советской науке // StThr. 1975. Т. 1: 54–68.

Меписашвили Р. В.

1527. – *The art of Ancient Georgia. – New York: Thames and Hudson, 1979. – 310 с.: ил.

Соавт.: Цинцадзе В. Г.

Рец.: Barrett D. // JRAS. 1980. № 2: 189–191.

1528. – *Georgien: Kirchen und Wehrbauten. – Weinheim, 1987. – 390 с.: ил. (Acta humaniora).

Соавт.: Цинцадзе В. Г.

1529. – *Die Kunst des alten Georgien. – Zürich, 1976. – 310 с.: ил.

Соавт.: Цинцадзе В. Г.

Меркене Р.

1530. – The evolution of the housing for livestock in Lithuania in the 16th-20th centuries // FM. 1977. Т. 84 (1981): 32–47: ил.

Мерперт Н. Я.

1531. – Езеро. Раннобронзовото селище. София: Бълг. Акад. на науките, 1979. – 547 с.: ил.

1532. – К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке // SborNMPraha. 1966. S. 20, № 1/2: 109–115: ил.

1533. – Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций // StPraehist. 1980. Т. 3: 65–90.

1534. – Поселение Эзеро и его место среди памятников раннего бронзового века Восточной Европы // Symp. über die Entstehung und Chronologhie der Badener Kultur. Bratislava, 1973: 215–257: ил.

1535. – Ранний бронзовый век Южной Болгарии: По материалам последних раскопок // Congr. intern. des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. Т. 2: 235–254.

1536. – Энеолит степной полосы европейской части СССР // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre: Symp. consacré aux problèmes du néolithique européen. Praha, 1961: 161–192.

1537. – An den Anfängen der Geschichte Mesopotamiens // Das Altertum. 1982. Bd. 28, H. 2: 69–80: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1538. – The archaeological research in the Sinjar Valley: 1971 // Sumer. 1971. Vol. 27, № 1/2: 23–32: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1539. – The earliest levels at Yarim Tepe I and Yarim Tepe II in Northern Iraq // Iraq. 1987. Vol. 49: 1–36: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1540. – *Early agricultural settlements in Northern Mesopotamia. – Coconut Grove, Miami, 1972. – 23 с.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1541. – Early agricultural settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq // Iraq. 1973. Vol. 35, P. 2: 93–113: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1542. – The Eneolithic and Bronze Ages of the Volga Area // Intern. Kongr. für Vor- und Frühgeschichte; 5. Berlin, 1961: 535–539.

1543. – *Ethnocultural change in the Balkans on the border between the Neolithic and the Early Bronze Age // Proto-Indo-European. Washington: 122–135.

1543a. – Excavations at Tell Hazna I Syria, 1991 // Cahiers de l'Euphrate. 1993. Т. 7: 161–189: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М., Бадер Н. О.

1544. – Excavations at Yarim Tepe 1970: 2nd prelim. rep. // Sumer. 1971. Vol. 27, № 1/2: 9–22: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1545. – Excavations at Yarim Tepe 1972: 4th prelim. rep. // Sumer. 1973. Vol. 29, № 1/2: 3–16: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1546. – The Ezero Mound in South-East Bulgaria // Antiquity. 1966. Vol. 40, № 157: 33–37: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1547. – Ezero und die Troas // Troja und Thrakien. Berlin, 1981: 53–55.

1548. – The investigation of the Soviet archaeological expedition in Iraq in the spring 1969. Excavations at Yarim Tepe: First prelim. rep. // Sumer. 1969. Vol. 25, № 1/2: 125–131: ил.

Соавт.: Мунчаев Р. М.

1549. – Die neolithisch-äneolithischen Denkmäler der Pontisch-Kaspischen Steppen und der Formierungsprozess der frühen Grabengrabkultur // Die Kupferzeit als historische Epoche. Bonn: Habelt, 1991: 35–46: ил. (Saarbrucker Beitr. zur Altertumkunde; 55). Библиогр.: 44–46

См. также № 139, 1165, 2609.

Мешкерис В. А.

1550. – Indian traditions in ancient musical culture of Middle Asia: Archaeol. Material // Pluidisciplinarité en archéologie musicale: Colloque intern d'archéologie musicale; 4. Paris, 1990: 3–4.

См. также № 501, 812.

Микеладзе Т. К.

1551. – La civilisation colchidinne // DossAParis. 1984. № 88: 54–59: ил.

1552. – Namčeduri, ein bronze – bis eisenzeitlicher Siedlugshügel am Schwarzen Meer // AVA-Beit. 1984. Bd. 6 (1985): 199–226: ил.

Соавт.: Хахутайшвили Д. А.

См. также № 1296, 1307, 1318.

Микляев А. М.

1553. – The Hermitage Museum under water // Museum. 1983. Vol. 35, № 1: 67–69: ил.

1554. – Prehistoric lacustrine pile dwellings in the North-Western part of the USSR // FScandA. 1986. Т. 3: 81–89: ил. Библиогр.: 89.

Соавт.: Долуханов П. М.

См. также № 734, 755, 901.

Мильчик М. И.

1555. – Источниковедческие аспекты изучения архитектурного пейзажа древнерусской живописи // Russia mediaevalis. 1984. Т. 5, Н. 1: 52–68.

1556. – Строительная биография Ивангорода и русско-ливонские отношения конца XV–XVI вв. // Russia mediaevalis. 1987. Т. 6, F. 1: 184–220.

1557. – Die Gründung der Iwangoroder Festung und die Proportionsanalyse ihres Plans // Burgen und Schlösser. 1987. Jg. 28, H. 1: 1–14: ил.

Соавт.: Гусева О.

1558. – Die Ladoga-Festung: Forschungsergebnisse der letzen Jare // Burgen und Schlösser. 1990. J. 31, H. 2: 85–91: ил.

Соавт.: Коляда М. И.

1559. – Zwie Holzfestungen aus dem 17. Jahrhundert im Norden Russlands // Burgen und Schlösser. 1980. Jg. 21, H. 2: 129–141: ил.

Минжулин А. И.

1560. – Реконструкція захисного озброєння скіфського вопна з поховання У ст. до н. э. біля с. Гладківщина // Золсто степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 137–142: ил. Библиогр.: 142.

Миньков Е. Б.

См. № 1241.

Миняев С. С.

1561. – Neues zur Archäologie der Xiongnu // Das Altertum. 1989. Bd. 35, H. 2: 118–125: ил. Библиогр.: 125.

Мирбабаев А. К.

1562. – Genesis und Typologie der Medrese in Mittelasien // WissBeitrHalle. 1983. Reihe I. Bd. 21: 65–77.

Мириманов В. Б.

1563. – On art for art sake in the Palaeolithic // CAnt. 1987. Vol. 28, № 2: 204.

Мирсаатов Т. М.

1564. – Archäologische Forschungen in der Uzbekischen SSR // Veroff. Zentralinst. für Alte Geschichte u. Archäologie der Akad. der Wiss. Berlin, 1978. Bd. 9: 83–88.

1565. – Des puits d'extraction du silex en Ouzbékistan // Paléorient. 1988. Vol. 114, № 1: 169–175: ил. Библиогр.: 175.

Мирцхулава Г. И.

1566. – Die Funde von Samšvilde und ihre Bedeutung für die Genese der Kura-Arax–Kultur // ActaACarp. 1975. Т. : 215–216.

Мнацаканян А. О.

1567. – *Treasure from an Armenian Lake // The Illustrated London News. 1967. April.

Мнацаканян С. Х.

1568. – Il complesso monastico di Hakhpat (X–XIII sec.): Profilo storico-illustrativo // Hakhpat. – Milano, 1968: 3–5: ил. (Documenti di architettura armena; 1).

1569. – Kunst des Mittelalters in Armenien: Kulturgeschichte, Architectur, Plastic, Wandmalerei, Buchmalerei, angewandte Kunst. – Berlin: Union Verl., 1981. – 351 с.: ил. Библиогр.: 338–342.

Соавт.: Степанян Н. С.

1570. – Sevan. – Milano, 1987. – 87 с.: ил. (Documenti di architettura armena; 18).

Соавт.: Варамян Х.

Мовша Т. Г.

1571. – Проблемы связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала // StPraehist 1981. Т. 5/6: 61–72: ил.

1572. – Томашевская локальная группа Трипольско-кукутенской общности // StPraehist. 1988. Т. 9: 84–110: ил.

Мозолевский Б. Н.

1573. – Фракийская узда из Хоминой Могилы // StThr. 1975. Т. 1: 166–179: ил.

Молвыгин А. С.

1574. – Die auswärtigen Verbindungen Estlands in der zweiten Hälfte des 12. Jh. und im ersten Viertel des 13. Jh. im Lichte der Numismatik // ZfA. 1978. Bd. 12, H. 2: 205–210: ил. Библиогр.: 210.

1575. – Einige Probleme der Münzzirkulation in Estland in der zweiten Hälfte des 12. und im ersten Viertel des 13. Jh. // StBStock. 1985. № 1: 123–133. Библиогр.: 131–133.

1576. – Einige Probleme und Aufgaben der Forshung Westeuropäischer Münzfunde des 10–12. Jahrhunderts im Ostbalticum // CISPP; 2. Praque, 1971: 1374–1375.

1577. – *An Estonian hoard of English coins from the 12th century // The Numismatic circular. 1980. Vol. 88: 307–308.

1578. – *Grundzüge der Zirkulation des Münzsilbers im östlichen Bereich der Ostsee am Ende des 11. Jahrhunderts und im ersten Viertal des 13. Jahrhunderts // Quellen und Darstellungen zur Hansischen Geschichte. Köln; Wien, 1987: 83–98.

1579. – *Über die Münz- und Geldgeschichte Estlands vom Beginn der einheimischen Münzprägung bis zum II Viertal des 15. Jahrhunderts // Nortdisk Numismatisk Årsskrift (Stockholm). 1969 (1970): 37–65: ил.

1580. – *Viron raha-aartet = Estnische Münzschatzfunde. – Helsinki, 1988.

Молодин В. И.

1581. – Neue bronzezeitliche Funde aus der Barabasteppe (UdSSR) // Das Altertum. 1983. Bd. 29, H. 3: 124–125: ил.

Монгайт А. Л.

1582. – Методологический и технологический прогресс исследований по археологии в XX в. // MKAS; 7. Wrocław, 1972: 120–128.

1583. – Успехите на советската археология // Исторически преглед. 1952. Год. 8, Кн. 4/5: 545–547.

1584. – Archäologie und Gegenwart. – Dresden: Verl. der Kunst, 1985. – 163 с.: ил. – (Fundus-Bücher; 93).

1585. – Archäologische Forschungen in Staraja Rjasan im Jahre 1948 // Sowjetwissenschaft. 1950. H. 1: 51–65.

1586. – *Archaeology in the USSR. – London: Penguin Books, 1961. – 320: ил.

Рец.: Chard C. S. // Archaeology (New York). 1962. Vol. 15, № 3: 216.

1587. – Krytyka książki P. N. Tretiakava «Plemiona wschodnio-slowiańskie» // Światowit. 1949. T. 20: 391–401.

См. также № 2351.

Моора Т. Х.

1588. – Thermolumenescent dating of the remains of ancient Estonian settlements by means of feldspar inclusion method // Iskos. 1985. № 5: 599–603: ил. Библиогр.: 603.

Соавт.: Хютт Г. И.

Моора Х. А.

1589. – *Клад V в., найденный в Реоле близ г. Тарту // Raksts nodots publicešanai V. Antoneviča jubilejas izdevuma. Varšava, 1958.

1590. – Einige Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbaltikum // SM. 1967: 64–96: ил.

1591. – Eine steinzeitliche Schlanenfigur aus der Gegend von Narva // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1957. T. 58: 225–232: ил.

1592. – Über den ostbaltischen Handel im 12. – 13. Jahrhundert // // Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław: Ossolineum, 1968: 517–525.

1593. – Die wichtigsten Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbaltikum // Intern. Kongr. für Vor- und Frühgeschichte; 5. Berlin, 1961: 554–556.

1594. – Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren Nachbarvölkern // CIFU;2. Hensilnki, 1965. P. 2: 239–257: ил.

1595. – Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. – Helsinki, 1958. – 39 с. (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; 59,3).

Москвитин А. И.

1596. – Comparative stratigraphic review of the Pleistocene sections containing traces of Palaeolithic man in the European part of USSR and Central Europe // Intern congr. on Quarternary; 6. Łódź, 1964: 339–362: ил.

Мочанов Ю. А.

1597. – Ou se le berceau de l'humanité? // Archeologia (Paris). 1988. № 239: 6–7: ил.

1598. – Paléolithique de l'Aldan et le problème du peuplement de l'Amerique // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 373.

1599. – The Palaeolithic of Northeast Asia and the problem of the first peopling of America // Early man in America from a Circum-Pacific perspective. Edmonton: Univ. of Albertona, 1978: 67.

1600. – Stratigraphy and absolute chronology of the Palaeolithic of Northeast Asia // Early man in America from a Circum-Pacific perspective. Edmonton: Univ. of Albertona, 1978: 54–66.

1601. – The Ymyiaktakh Late Neolithic culture // ArcAnthr. 1969. Vol. 6, № 1: 115–118. Библиогр.: 118.

Мошинская В. И.

1602. – *Prehistory of Western Siberia. – Montreal, 1974. – 377 с: ил.

Соавт.: Чернецов В. Н.

Мошкова М. Г.

1603. – Ensemble de trouvailles de l'époque des Sauromates provenant de la région d'Uralsic // ArtAs. 1982. T. 37: 5–13: ил.

1604. – Gravhögar från yngre sarmatisk tid i södra Ural // Skyter och Sarmater från Don till Ural. Örebro, 1990: 43–48: ил.

1605. – Skyter och Sarmater - en orientering // Skyter och Sarmater från Don till Ural. Örebro, 1990: 7–12: ил.

Соавт.: Пузикова А. И.

Мугуревич Э. С.

1606. – *Взаимосвязи ливской и куршской культур в отображении материалов поселений в Северной Курземе (X–XVI вв.) // CIFU; 5. Turku, 1981. P. 2: 334.

1607. – Исследование поселений городищ и замков на территории Латвийской ССР // Acta Baltico-Slavica. 1967. Bd. 5: 159–201: ил.

1608. – The culture of inhabitants of Medieval settlements in Latvia in Livonian Period: The end of the 12th - half of the 16th century // FascAHist. 1988. F. 2: 57–70.

1609. – Interactions between indigenous and western culture in Livonia in the 13th to 16th centuries // From the Baltic to the Black Sea: Studies in Medieval Archaeology. London: Unwin Hyman, 1990: 168–178: ил. (One world archaeology; 18). Библиогр.: 177–178.

1610. – Mittelalterliche Siedlungen und Veränderungen der Siedlungsstruktur am Unterlauf der Daugava vom 12. zum 13. Jahrhundert // Lübeker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. 1983. Bd. 7: 171–178: ил. Библиогр.: 177–178.

1611. – Probleme der Herausbildung der lettischen Völkerschaften im Mittelalter: Nach archäol. Befunden // Journal of Baltic Studies. 1983. Vol. 14, № 2: 99–108.

1612. – *Wechselbeziehungen der livischen und kurischen Kultur im Licht des Siedlungsmaterial Nordkurlands (10. – 16. Jh.) // CIFU;5. Turku, 1981. P. 8: 395–400.

Мункуев Н. Т.

1613. – A new Mongolian P'ai–tzu from Simferopol // ActaOrHung. 1977. T. 31, F. 2: 185–215: ил.

Мунчаев Р. М.

1614. – Nordkaukasien in Neolithikum, Chalkolithikum und Frühbronzezeit // Die Kupferzeit als historische Epoche. Bonn, 1991: 47–54. (Saarbrüker Beitr. zur Altertumskunde; 55, 1). Библиогр.: 53–54.

См. также № 139, 1415, 1537–1541, 1543а–1546, 1548.

Мурзин В. Ю.

1615. – Кіммерійці та скіфи // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 57–71: ил. Библиогр.: 71.

1616. – «Піраміди» степів – пасовиська потойбічного світу (Курган Чортомлик) // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 170–177: ил. Библиогр.: 177.

1617. – Archäologie über die Grenzen hinweg // Entwicklungen Deutsche Forschung gemeinschaft. Bonn, 1990: 57–68.

Соавт.: Толочко П. П.

1618. – Das Burgwallsystem von Bel'sk (Ukraine): Eine frühe stadtartige Anlage im skythischen Landesinnern // HambBeitrA. 1991. Bd. 18 (1996): 57–84: ил.

Соавт.: Шрамко Б. А.

1619. – Erste Ergebnisse der modernen Untersuchungen am Skythischen Kurgan Čertomlyk // Antike Welt. 1988. Jg. 19, H. 4: 3–14: ил.

Мурьянов М. Ф.

1620. – Über eine Darstellung der Kiever Malerei des XI. Jahrhunderts // Studi gregoriani per la storia della «Libertas ecclesiale». 1972. Vol. 9: 369–373: ил.

Мухамедьяров Ш. Ф.

1621. – Древнейшие этнические связи народов Поволжья с Западной Сибирью // SchrOr. 1974. Bd. 5: 427–438.

Надирадзе Д. Ш.

1622. – Le site archéologique de Saïrkhè // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 213–222: ил.

Назаренко В. А.

1623. – Об уровне социально-экономического развития населения Юго-Восточного Приладожья IX–X вв. // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 261–276: ил. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22).

1624. – The «homes of the dead» in the South-Eastern Ladoga region // Iskos. 1990. Vol. 9: 137–140.

См. также № 1227.

Наливкина М. А.

1625. – Die Ausgrabungen im Eupatoria // BiblClOr. 1957. Jg. 2, H. 3: 174–177.

См. также № 1376.

Нариманов И. Г.

1626. – Раннеземледельческая культура Южного Кавказа // CISPP; 7. Prague, 1970. T. 1: 136–139.

Насидзе Г. М.

1627. – L'Aire de diffision de la culture colhidienne // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 201–205: ил.

Соавт.: Личели В. Т.

Наумов Д. В.

См. № 1347.

Нахапетян В. Е.

1628. – Митологичен сюжет върху раннобългарско изделие от Подонието // Археология (София). 1990. Год. 32, Кн. 2: 41–45: ил.

Соавт.: Шамрай А. В.

Неверов О. Я.

1629. – Гностические геммы с Юга СССР // Thracia. Sofia, 1985. Т. 7: 143–146.

1630. – Магический амулет с изображением богов-покровителей планет // Terra antiqua Balcanica. Sofia, 1985. Т. 2: 306–309: ил. (Год. на Софийския Унив.; 77).

1631. – Памятники глиптики древней Фракии, Мезии и Македонии в собрании Эрмитажа // Intern. Thrakologischer Kongr.; 3. Wien, 1980: 158–160.

1632. – Портреты принцев Юлиев-Клавдиев // WissZBerl. 1982. Bd. 31, H. 2/3: 247–248: ил.

1633. – Antike Kameen. – Leipzig: Insel-Verl., 1985. – 55 с.: ил. – (Insel-Büherei; 1045).

1634. – Concordia Augustorum. Династическая тема в римской глиптике // WissZRostock. 1970. Jg. 19, H. 8: 605–614.

1635. – Gemes, baques et amulettes magiques du sud de l'URSS // EPRO. 1978. Т. 68, Vol. 2: 833–845: ил.

1636. – Die Sammlung etruskischer Glyptik in der Ermitage // StEtr. 1981. Vol. 49: 13–29.

Негматов Н. Н.

1637. – Archaic Khojent-Alexandria Eschata : To the problem of the Syr-Darya basin urbanization // JCentrAs. 1986. Vol. 9, № 2: 41–54: ил. Библиогр.: 47–48.

1638. – On the discovery of the Bronze and Early Iron at Nurtepa ancient town in Tajikistan // JCentrAs. 1986. Vol. 9,№ 2: 75–95: ил. Библиогр.: 85–87.

Соавт.: Беляева Т. В.

1639. – La synthèse saco-sogdienne sur le Syr Daria moyen // Nomades et sèdentaires en Asie Centrale: Colloque franco-sov. Paris: CNRS, 1990: 211–214.

1640. – The Ustrushana's component of Central Asian culture in Early Middle Ages // JCentrAs. 1986. Vol. 9, № 1: 91–105: ил. Библиогр.: 94–95.

Некрасов И. А.

См. № 1708.

Немцева Н. Б.

1641. – Etappen der Herausbildung der Ensembles Schah-i Sinda in Samarkand // ZfA. 1978. Bd. 12, H 1: 51–68: ил. Библиогр.: 68.

1642. – The origins and architectural development of the Shah-i Zinde // Iran. 1977. Vol. 15: 51–73: ил.

Неразик Е. Е.

1643. – Die Festung Toprak-Kala in Choresmien // Das Altertum. 1978. Bd. 24, H. 2: 79–88: ил.

Соавт.: Рапопорт Ю. А.

Нечаева Т. Б.

См. № 406.

Никитинъ Г. Ф.

1644. – Об опыте конкретно-исторической интерпретации при сравнительном анализе культур по материалам погребального обряда // Przemiany ludnościowe i kulturove I tysiąclecia p. n. e. na ziemiah między Odrą a Dnieprem: Symp. Wrocław: Ossolineum, 1983: 263–264.

Никитинский И. Ф.

1645. – Языческое святилище у д. Тиуновской: [Вологод. обл.] // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 59.

Николаенко Г. М.

1646. – Fossil remains of cultivated plants in the ancient Tauric Chersonesos // Archaeo-Physica. 1978. Vol. 8: 117–134. Библиогр.: 133–134.

Соавт.: Янушевич З. В.

1647. – La viticulture à Chersonèse de Taurique aux IV–II siècles av. n. e. d'apres les recherches archéologiques et paléoetnobotaniques // RA. 1985. F. 1: 115–122: ил.

Соавт.: Кузьминова Н. Н., Янушевич З. В.

Никулина Н. М.

1648. – La glyptique «grecque orientale» et «gréco-perse» // Antike Kunst. 1971. Jg. 14, H. 2: 90–106.

Никулицэ И. Т.

1649. – Геты и эллинские полисы в VI–III вв. до н. э. // / Thracia Pontica: Simpos. intern.; 4. Sofia, 1991: 197–204.

Новгородова Э. А.

1650. – *Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig, 1980.

1651. – Gravures rupestres en Mongolie // Archeologia (Paris). 1982. № 165: 14–25: ил.

1652. – Mythologische Motive in den Felsbilden von Čuluut (Mongolische VR) // Das Altertum. 1982. Bd. 28, H. 2: 81–90: ил.

См. также № 488.

Новиков В. П.

1653. – Quartz anisotopy in Stone Age artifacts of the Hissar // Cahiers du Quaternaire. 1990. № 17, Т. 2: 593–598: ил. Библиогр.: 596.

Соавт.: Радилиловский В. В.

1654. – Sources of lithic raw materials in the Neolithic of the South Hissar region (Tien-Shan) // Intern. Konf. über Silexgewinnung u. Steinwerkzeug-Rohstoff Charakterisierung im Karpathenbecken. Budapest, 1986: 223–227: ил. Библиогр.: 227.

Соавт.: Радилиловский В. В.

1655. – Stone Age siliceous rocks from Hissar (South Tien-Shan) // Cahiers du quaternaire. 1990. № 17, Т. 2: 495–499: ил. Библиогр.: 497

Соавт.: Радилиловский В. В.

Новицкая М. А.

1656. – Золотая вышивка Киевской Руси // Byzantinoslavica. 1972. Т. 33, № 1: 42–50: ил.

1657. – *Орнаментальная резьба так называемых шиферных изделий великокняжеской эпохи в Киеве // Acta historiae artium Academiae scientiarum hungaricae. 1979. Т. 25, F. 1/2: 3–12: ил.

Новиченков В.

См. № 1658.

Новиченкова Н. Г.

1658. – Святилище біля перевалу Гурзуфське сідло // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 165–169: ил. Библиогр.: 169.

Соавт.: Новиченков В.

Носов Е. Н.

1659. – Старая Ладога и поселения Приильменья конца 1 тыс. н. э. // CIAS; 3. Bratislava, 1980. Т. 2: 325–328. Библиогр.: 327–328.

1660. – Historical ties between the population of the Novgorod Land Centre and the Baltic countries in the IX–X centuries // Iskos. 1984. № 4: 145–150: ил. Библиогр.: 150.

1661. – International trade routes and early urban centuries in the North of Ancient Russia // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 49–62. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22). Библиогр.: 61–62.

1662. – Neue Forschungen über das Rjurikovo Gorodišče bei Novgorod // Das Altertum. 1988. Bd. 34, H. 3: 160–163: ил.

1663. – New data on the Ryurik gorodische near Novgorod // FScandA. 1987. Vol. 4: 73–84: ил. Библиогр.: 84.

1664. – Traces of Finno-Ugrian culture in Novgorod // Iskos. 1990. Vol. 9: 81–86: ил.

Нужный Д. Ю.

1665. – Development of microlithic projectile weapons in the Stone Age // La chasse dans la préhistoire: Colloque intern.: Pre-actes. Treignes, 1990: 14–15.

1666. – Projectile damage on Upper Palaeolithic microliths and the use of bow and arrow among Pleistocene hunters in the Ukraine // Aun. 1990. № 14: 113–124: ил. Библиогр.: 123–124.

1667. – L'utilisation des microlithes géomètriques et non géomètriques comme armatures de projectiles // BSPF. 1989. Т. 86, № 3: 88–95: ил. Библиогр.: 95–96.

Овечкин Ф.

1668. – Les foulles de Kampyr-Tépé // Archeologia (Paris). 1983. № 178: 13.

Овсянников О. В.

1669. – First-discovered burialfield of «Zavolochye Tshud» // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 228–236. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22). Библиогр.: 235–236.

1670. – The Gorodetz sanctuary of the 12th-13th centuries on the Nizhnia Pechora River // Iskos. 1990. Vol. 9: 99–105: ил.

1671. – On the old Russian skies // FScandA. 1989. Vol. 6: 29–50: ил.

1672. – On the trade routes to Zavolochye in the XI–XIV centuries // Iskos. 1984. № 4: 98–106: ил. Библиогр.: 106.

1673. – Russernes arkeologiske aktivitet fra 1978–1980 // Svalbardboka 1985/1986. Tròmsø. 1986: 121–133: ил.

Соавт.: Старков В. Ф.

1674. – Рец.: Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в 13–15 вв. – Л., 1976 // Russia Mediaevalis. 1984 . Т. 5, Н. 1: 227–232.

Овчинникова Б. Б.

1675. – О зауральском варианте сылвенской культуры // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 184.

Окладников А. П.

1676. – Археологи ба маоизм: Синантроп ба палеолитын жишэгээр // Археологийн судлал. Улаанбаатар, 1980. Т. 9: 3–12.

1677. – *Палеолит и мезолит Сибири // Археология Японии. Токио, 1965: 351–373: ил. Яп.

1678. – *Die alten Kulturen der russischen Seeprovinz im Lichte neuer Forschungen // Minzokugaku Kenkyu, 1960. Vol. 24, № 1/2: 15–32.

1679. – Der alten Kulturen des Sowjetischen Fernen Ostens // Mitt. der österr. Arbeitsgemeinschaft für Ur- und Frühgeschichte. 1970. Bd. 21: 32–33.

1680. – *Ancient cultures and cultural and ethnic relations with Pacific Coast of North Asia // Intern. Congr. of Americanists; 32. Kopengagen, 1957: 545–556.

1681. – Ancient cultures in the continental part of North-East Asia // Intern. Congr. de americanistas; 33. San José de Costa Rica, 1958: 72–80.

1682. – *Ancient petroglyphs and modern decorative art in the Aure Region // Studies in the Siberian Ethnogenesis. Toronto, 1962: 54–61. (Arctic Inst. of North America Anthropology of the North; translation from Russian sources; 2).

1683. – *Ancient population of Siberia and its cultures // Cambridge, 1959. – 96 с. (Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; Vol. 1, № 1).

Рец. : 1. Chard Ch. S. // Science. 1959. № 130: 1467–1468.

2. Chard Ch. S. // Archaeology. 1960. Vol. 13, № 3: 228.

3. Michael H. N. // American Anthropologist. 1960. Vol. 62, № 4: 721–722.

1684. – An ancient settlement in Pkhusun Bay // ArcAnthr. 1965. Vol. 3, № 1: 69–76: ил.

1685. – Ancient settlements in the Main River Valley, Chukchi Peninsula // American Antiquity. 1962. Vol. 27, № 4: 546–556: ил. Библиогр.: 556.

1686. – An ancient settlement on the Tadusha River at Ustinovka and the problem of the Far Eastern Mesolithic: In light of the 1964 excavations // ArcAnthr. 1969. Vol. 4, № 1: 134–149: ил. Библиогр.: 143–144.

1687. – *Archäologische Ausgrabungen an der Angara // Kultur und Leben. 1959. Jg. 3, № 10: 31–34.

1688. – Archaeology of the Soviet Arctic // Acta Arctica (Copenhagen). 1960. F. 12: 35–45.

1689. – *Ausgrabungen im Norden // Lebende Vergangenheit. Berlin, 1954: 13–47.

1690. – Découverte du Paléolithique Inférieur en Sibérie et en Mongolie // Inter-Nord. Rev. intern. d'études arctiques et nordiques. 1972. № 12: 191–206: ил.

1691. – Despre epoca şi condiţiile formării societăţii omeneşti // Probleme de istorie. 1956. № 11: 106–109.

Соавт.: Борисковский П. И.

1692. – Elche, Adoranten und Nashörner: Felsbilder an der Angara, der Langen Stromschnelle von Dolgoi // Ipek 1974/1977. Bd. 24 (1977): 136–147: ил.

1693. – Le enigmatiche statue-stele dello Ienisei e un nuovo idolo della cultura di Okunev scoperto presso Novosibirsk // Boll. Del Centro Camuno di studi preistorici. 1972. Vol. 8: 225–235: ил.

Соавт.: Тимофеева Н. К.

1694. – Ethnic and cultural connections of Middle Yenisey tribes during the Neolithic: The origins of the Samoyedic peoples // The Archaeology and geomorphology of Northen Asia: selected works. Toronto, 1964: 80–111. (Arctic Inst. of North America Anthropology of the North; translation from Russian sources; 5).

1695. – *Ethno-cultural contacts in Siberia: Ugro-Finns in the Neolithic and Bronze Age // CIFU; 5.Turku, 1981: 335.

1696. – Die Felsbilder am Amur und am Ussuri // Ipek. 1973. Bd. 23: 95–105: ил.

1697. – Die Felsbilder am Angara Fluss bei Irkutsk, Sibirien // Ipek. 1969. Bd. 22: 18–19: ил. Библиогр.: 29.

1698. – *From the sphere of spiritual culture of Neolithic tribes in the Valley of Kerulen River - Mongolia: Ritual burials of animal remains // CISPP; 10, Comission 9, Cultura y medio ambiente del Hombre fosil in Asia. Mexico, 1981: 165–171.

1699. – *Ein Fund in der Höhle Teschik-Tasch (Moustérien-Kultur) // Der junge Naturforscher. Berlin, 1955: 251–254.

1700. – Der Hirch mit dem goldenen Geweich: Vorgeschichtliche Felsbilder Sibiriens. – Wiesbaden: Brockhaus, 1972. – 183 с.: ил.

Рец.: 1. Jettmar K. // PZ. 1976. Bd. 51, H. 1: 112–113.

2. Kühn H. // Ipek. 1973. Bd. 23: 219–220.

1701. – The history of fishery in North-Asia. Neolithic spoon-bait on the Amur River // Folk (København). 1963. Vol. 5: 256–258: ил.

1702. – Hunters for seal on the Baikal Lake in the Stone and Bronze Ages // Folk (København). 1974/1975. Vol. 16/17: 299–308: ил.

1703. – The introduction of Iron in the Sovjet Arctic and Far East // Folk (København). 1963. Vol. 5: 249–256.

1704. – *Die Kunst des Steinzeitmenschen // Bild der Wissenschaft. 1973: 1306–1314: ил.

Соавт.: Фролов Б. А.

1705. – *Der Mensch kam aus Sibirien. Russische Archäologen auf den Spuren fernöstlicher Frühkulturen. – Wien, 1974. – 272 с.: ил.

Рец.: Kühn H. // Ipek. 1974/1977. Bd. 24 (1977): 211–212.

1706. – *Le Néolithique les territoires de la Sibérie // Cahiers d'histoire mondiale. Paris. 1960. Vol. 3.

1707. – Neue Ergebnisse über alte Kulturen auf der Tschuktschen-Halbinsel // Sowjetwissenschaft. 1956. H. 2: 244–251.

Соавт.: Нарышкин В. В.

1708. – New traces of an Inland Neolithic culture in the Chukotsk (Chukchi) Peninsula // // American Antiquity. 1959. Vol. 25, № 2: 247–256: ил. Библиогр.: 256.

1709. – A note on the Lake El'gytkhyn finds // American Antiquity. 1960. Vol. 26, № 1: 97–98.

1710. – Notes on the beliefs and religion of the ancient Mongols. The golden-winged eagle in Mongolian history. Monk Magakya and the eagles found in the picture writings beyond Lake Baikal // Acta ethnografica Academiae scientuarum hungaricae. 1964. T. 13, F. 1/4: 411–414.

1711. – Az ösmongolok világnézetéhez és vallástörténetéhez // Ethnographia (Budapest). 1963. S. 3: 466–473: ил.

1712. – Palaeoloithic finds in the region of Lake Orok-Nor // ArcAnthr. 1965. Vol. 3, № 1: 142–145: ил.

1713. – The Palaeolithic of Mongolia // Early Palaeolithic in South and East Asia. Paris, 1978: 317–325: ил. Библиогр.: 324–325.

1714. – The Palaeolithic of Trans-Baikal // American Antiquity. 1961. Vol. 26, № 4: 486–497: ил.

1715. – Palaeolithic sites in Trans-Baikal // Asian Perspectives. 1960. Vol. 4, № 1/2: 157–182.

1716. – Die Petroglyphen Sibiriens und des Fernen Ostens.// Jahrbuch des Kunsthistorisch. Inst. der Univ. Graz. Bd. 5:1–20: ил. Библиогр.: 16–19.

1717. – The petroglyphs of Siberia. These rock drawings along Siberian rivers span a period of perhaps 20000 years. They indicate connections among ancient peoples living as far apart as France and Japan // Scientific American. 1969. Vol. 221, № 2: 75–82: ил.

1718. – *Restes paléolithiques de la vallée de la Léna // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 198–236: ил.

1719. – The role of ancient Baikal region in the cultural relations between East and West // Intern. symp. on history of Eastern and Western cultural contacts. Tokyo, 1959: 141–143.

1720. – Die sibirische Steinzeit // Ideen des exacten Wissens. 1969. № 11: 673–684.

1721. – The Soviet Far East in antiquity. An archaeological and historical study of the Maritime region of the USSR. – Toronto: Univ. of Toronto press, 1965. – 280 c.: ил. (Arctic Inst. of North America Anthropology of the North; translation from Russian sources; 6).

Рец.: 1. Chard Ch. S. // Archaeology (New York). 1967. Vol. 20, № 3: 23.

2. Klein R. G. // American Anthropologist. 1966. Vol. 68, № 5: 1303.

1722. – *Statuette paléolithique de Burety // Études archéologiques Sovietiques. – Budapest, 1951: 7–16.

1723. – *The temperate zone of Continental Asia // Viking fund publ. in anthropology. 1962. № 32: 267–287. Библиогр.: 286–287.

1724. – Two journeys of A. Hrdlička to Siberia // Anthropol. Congr. of Aleš Hrdlička; 2. Praha: Univ. Carolina Pragensis, 1982: 15–18.

1725. – Ulalinka, the oldest Palaeolithic site in Siberia // CAnt. 1982. Vol 23, № 6: 710–713: ил. Библиогр.: 712.

Соавт.: Поспелова Г. А.

1726. – Eine zusammenfassende Gemeinschaftsarbeit sibirischer Historiker: Zum Erscheinen der Fünfbändigen «Istorija Sibiri» // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1971. Bd. 15, H. 2: 169–186.

Соавт.: Копылов А. Н., Соскин В.

1727. – Der Zwillingskult in Neolithikum und in der frühen Bronzezeit des Baikalgebietes // Das Altertum. 1976. Bd. 22, H. 2: 92–98: ил.

1728. – *Yakutia before its incorporation into Russian state. – Montreal, 1970. – 499 c.: ил. – (Arctic Inst. of North America Anthropology of the North; translation from Russian sources; 8)

Рец.: Clark G. // PPS. 1971. Vol. 37, P. 1: 235–236.

См. также № 1064.

Окладникова Е. А.

1729. – Felszeichnungen Sibiriens und der Pazifikküste Nordamerikas als Quellen zur Erforschung der Sozialstruktur von Jäger- und Fischer-Bevölkerungen in der Zerfallsperiode der Urgesellschaft // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. 1985. Bd. 36: 151–157.

Онайко Н. А.

1730. – Die Lokalisierung von Bata bei Strabon // Klio. 1977. Bd. 59, H. 2: 415–421: ил.

Отрощенко В. В.

1731. – К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // StPraehist. 1988. Т. 9: 147–178: ил.

Соавт.: Формозов А. А.

1732. – Обличчя людини доби бронзи // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 51–53: ил.

Соавт.: Круц С. И., Кубишев А. И.

1733. – Половецький хан з Чингульского кургану // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 269–271: ил. Библиогр.: 271.

Соавт.: Рассамакин Ю. Я.

1734. – Степи Причорномор'я в епоху енеоліту та бронзи // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 43–50: ил. Библиогр.: 50.

1735. – Zu den Bedingungen des Übergangs von der Sesshaftigkeit zum Viehzüchternomadismus in den Nordschwarzmeersteppen // HambBeitrA. 1991. Bd. 18 (1996): 21–30.

Ошибкина С. В.

1736. – Деревянные изделия стоянки Нижнее Веретье // ARozhl. 1982. R. 34, C. 4: 414–429: ил. Библиогр.: 427–428.

1737. – The material culture of the Veretyetype sites in the region to the East of Lake Onega // The Mesolithic in Europe: Intern. Mesolithic Symp.; 3. Edinburg, 1985: 402–413: ил. Библиогр.: 413.

Составители
Р. Ш. Левина, О. Н. Сажина.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AA – Archäologischer Anzeiger.
AAS – Les Annales archéologiques arabes syriennes. Revue d'archéologie et d'histoire.
AAustr – Archaeologia austriaca.
ABalt – Archaeologia Baltica.
ActaA – Acta archaeologica. København.
ActaACarp – Acta archaeologica carpathica.
ActaAntHung – Acta antiqua Academiae scientiarum hungaricae.
ActaArchHung – Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae.
ActaOrHung – Acta orientalia Academiae scientuarum hungaricae.
AErt – Archaeologiai értesitö.
AJA – American Journal of Archaeology.
AKorrBl – Archäologisches Korrespondenzblatt.
AltorF – Altorientalische Forschungen.
AMI – Archäologische Mitteilungen aus Iran.
AntJ – The Antiquaries Journal.
APol – Archaeologia polona.
ŔPolski – Archeologia Polski.
ArcAnthr – Arctic Anthropology.
ARep – Archaeological Reports. London.
ARozhl – Archeologické rozhledy.
ArtAs – Arts Asiatiques.
AVA-Beitr. – Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie.
AVA-Materialien – Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie.
AVest – Arheološki vestnik.
BAR – British Archaeological Reports.
BAsInst – Bulletin of the Asia Institute.
BayVgBl – Bayerische Vorgeschichtsblatter.
BCH – Bulletin de correspondance hellénique.
BerRGK – Bericht der Romisch-Germanischen Komission.
BEtOr – Bulletin d'études orientalis.
BiblAIass – Bibliotheca archaeologica iassiensis.
BiblClOr – Bibliotheca classica orientalis.
BJb – Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn.
BMusHongr – Bulletin du Musée hongrois des beaux–arts.
BSPF – Bulletin de la Société préhistorique française.
CAnt – Current Anthropology.
CArch – Cahiers archéologiques.
CIAC – Congrès international d'archéologie classique.
CIAS – Congrès :nternational d'archéologie Slave.
CIFU – Congressus internationalis fenno-ugristarum.
CISPP – Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques.
DialHistAnc – Dialogues d'histoire ancienne.
DOP – Dumbarton Oaks Papers.
DossAParis – Les dossiers de l'archéologie.
EAZ – Ethnographisch-Archäiologische Zeitschrift.
EPRO – Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire Romain.
ERAUL – Études et recherches archéologiques de l'"Université de Liegè.
FascAHist – Fasciculi archaeologiae historicae.
FM – Finkst Museum.
FolA – Folia archaeologica.
FolOr – Folia orientalia.
FolPraehistPosn – Folia praehistorica posnaniensia.
FScandA – Fennoscandia archaeologica.
HambBeitrA – Hamburger Beiträge zur Archäologie.
HambBeitrNum – Hamburger Beiträge zur Numismatik.
INQUA – International Union for Quaternary Research.
Ipek – Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst.
IranAnt – Iranica antiqua.
JAMÉ – A nyiregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve.
JAnthrA – Journal of Anthropological Archaeology.
JAS – Journal of Archaeological Sciences.
JbÖByz – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik.
JbSchwUrgesch – Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte.
JCentrAs – Journal of Central Asia.
JCunSt – Journal of Cuneform Studies.
JGS – Journal of Glass Studies.
JÖBG – Jahrbuch der Österreichischen byzantinischen Gesellschaft.
JRAS – Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.
JRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.
JSchrVgHalle – Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte.
JWP – Journal of World Prehistory.
KHKM – Kwartalnik historii kultury materiałnej.
KwH – Kwartalnik Historyczny.
MAInstUngAk – Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften.
MAnthrWien – Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.

MatA – Materiały Archeologiczne.
MatZP – Materiały Zachodnio-Pomorskie.
MesMisc – Mesolithic Miscellany.
MIO – Mitteilungen des Instituts für Orientforschung.
MKAS – Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej.
NAR – Norwegian Archaeological Review.
NumChron – The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society.
OchrZab – Ochrona zabytków.
OJA – Oxford Journal of Archaeology.
OrLovPer – Orientalia lovaniensia periodica.
PACT – Revue du Groupe européen d'études pour les techn., phys., chim. et math. appliquées à l'archéologie.
PamA – Pamatky archeologicke.
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society.
PraceMatLodz – Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi.
PrzA – Przegląd archeologiczny.
PrzH – Przegląd historyczny.
PZ – Praehistorische Zeitschrift.
RA – Revue archéologique.
RScPreist – Rivista di scienze preistoriche.
SborBrno – Sbornik praci Filosofické fakulty Brnenské university. Rada archeologickoklasická (E).
SborNMPraha – Sbornik Narodniho musea v Praze.
SchrOr – Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients.
SlAnt – Slavia Antiqua.
SlovA – Slovenská archeologia.
SM – Suomen Museo.
SMEA – Studi micenei ed egeo-anatolici.
StA – Studia archaeologica.
StAWrocław – Studia archeologiczne. Wrocław.
StBStock – Studia Baltica Stockholmiensis.
StCercIstor – Studii şi cercetări de istorie veche şi archeologie.
StEtr – Studi etruschi.
StPraehist – Studia praehistorica.
StThr – Studia Thracica.
SUFG – Schriften zur Ur -und Frühgeschichte.
ŠZ AÚSAV – Študijné zvesti archeologického ústavu Slovenskej Akadémie Vied.
VAH – Varia archaeologica Hungarica.
VjesDal – Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku.
WiadNum – Wiadomości Numizmatyczne.
WissBeitrHalle – Wissenschafliche Beiträge. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.
WissZBerl – Wissenschafliche Zeitschrift der Humbolt Universität zu Berlin.
WissZHalle –Wissenschaftliche Zeitschrift. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.
WissZRostock – Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock.
WK – Waffen-und Kostumkunde.
WorldA – World Archaeology.
ZAM – Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters.
ZAS – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde.
ZborMuzBeograd– Zbornik Narodnog muzeja Beograd.
ZfA – Zeitschrift für Archäologie.
ЗборМузБеоград– Зборник Народног Музеја. Београд.
ИИ – Интердисциплинарни изследования. София.
МПК – Музеи и паметници на културата. София.